

ДЭН СИММОНС

ТЕМНАЯ ИГРА СМЕРТИ

Роман

18+

АЗБУКА

thebigbook

КНИГИ

ДЭНА СИММОНСА,

ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ
«АЗБУКА-АТТИКУС»

ТЕРРОР

•

ДРУД

•

ПЯТОЕ СЕРДЦЕ

•

ТЕМНАЯ ИГРА СМЕРТИ

ДЭН
СИММОНС

ТЕМНАЯ ИГРА СМЕРТИ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
С 37

Dan Simmons
CARRION COMFORT
Copyright © 1989 by Dan Simmons
All rights reserved

Перевод с английского А. Кириченко

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки И. Кучмы

Симмонс Д.

С 37 Темная игра смерти : роман / Дэн Симмонс; пер. с англ. А. Кириченко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 928 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-09279-2

Они входят в ваше сознание, и вы уже не принадлежите себе. Вы фигура в чужой шахматной партии, завершающейся смертельным исходом. Вы, как зомби, берете в руки винтовку и наводите оптический прицел на американского президента. Или стреляете из толпы в Джона Леннона. Внешне те, кто водит вашей рукой, такие же, как и вы, но это не люди, они не знают жалости и пощады, не отличают добра от зла. Чтобы их победить нужно переступить грань...

«Темная игра смерти» — от Дэна Симмонса, прославленного автора «Террора», «Друда», «Пятого сердца» и знаменитой эпопеи «Гиперион» / «Эндимион».

Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© А. И. Кириченко, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-09279-2

Посвящается Эду Брайанту

Благодарности

К любой книге, благополучно преодолевшей Мировой Океан между замыслом и публикацией, приложил руку далеко не только сам автор, а уж с романом такого размаха и величины долг благодарности накапливается и вовсе огромный. Хотелось бы отметить тех, без кого «Темная игра смерти» пошла бы на дно в первый же шторм и никогда бы не достигла спасительной гавани:

Дина Кунца — за моральную поддержку, сколь щедрую, столь и своевременную;

Ричарда Кёртиса — за стойкость и профессионализм;

Пола Микола — за безупречный вкус и крепкую дружбу;

Брайана Томсена — за любовь к шахматам и уважение к истории;

Саймона Хоука, оружейника в духе Джеффри Бутройда[1];

Арлин Теннис, машинистку от бога, — за жаркие летние дни, потраченные на борьбу с предпоследними вариантами поправок к поправкам;

Клодию Логерквист, терпеливо напоминавшую о том, что умляуты и диакритические знаки негоже рассыпать где попало, как соль;

Вольфа Блитцера из «Джерусалем пост» — за помощь в отыскании лучшего фалафельного киоска в Хайфе;

Эллен Датлоу, которая утверждала, что у повести не может быть продолжения.

И отдельной благодарности заслуживают:

Кейти Шерман, радостно пошедшая на творческое сотрудничество по первому свистку и за смешные деньги;

моя дочь Джейн, две трети своей жизни терпеливо дожидавшаяся, когда же папочка «допишет страшную книгу»;

Карен, которой не терпелось узнать, что же будет дальше.

И наконец, моя самая искренняя признательность Эдварду Брайанту, настоящему джентльмену и отличному писателю, которому эта книга и посвящена.

---

[1] *Джеффри Бутройд* (1925–2001) — английский писатель и эксперт по оружию; однажды помог советом Яну Флемингу, за что последний дал его имя оружейнику в бондиане, известному как *Q*.

О нет, утеха падали, не буду
отчаиваться или упиваться
тобой — не буду
распускать на пряди
последние, хоть слабенькие, жилы,
на чем держусь я — человек,
не крикну
в последней устали:
«Я больше не могу...»

Джерард Мэнли Хопкинс

Пролог

Хелмно, 1942 г.

Сол Ласки лежал среди обреченных на скорую гибель в лагере смерти и думал о жизни. Во тьме и в холоде его пробрала дрожь, и он заставил себя вспомнить в подробностях весеннее утро — золотистый свет на тяжелых ветвях ивы у ручья, белые маргаритки в поле за каменными строениями дядиной фермы.

В бараке было тихо, только иногда кто-нибудь с натугой кашлял да тихонько копошились в холодной соломе живые трупы, тщетно пытаясь согреться. Где-то заперхал старик, забился в конвульсиях, и стало ясно, что вот еще один проиграл долгую и безнадежную схватку. К утру старик будет мертв, а если и переживет ночь, то не сможет выйти на утреннюю перекличку на снегу, а это значит, что все равно ему конец, и очень скорый.

Сол отодвинулся подальше от слепящего света прожектора, который бил сквозь разрисованное морозом стекло, и прижался спиной к деревянной стойке нар. Сквозь жалкую одежду он ощутил, как в спину и в кожу на ребрах впились занозы; от холода и усталости задрожали ноги, и он ничего не мог с этим поделать. Сол обхватил свои костлявые колени, сжал их и так держал, пока дрожь не прекратилась.

«Я выживу». Эта мысль была приказом, и он вбил его так глубоко в сознание, что даже изможденное, покрытое язвами тело не могло одолеть его волю.

Несколько лет назад, целую вечность назад, когда Сол был мальчишкой, а дядя Моше обещал взять его на рыбалку на ферму под Краковом, Сол выучился одному приему: прямо перед тем, как заснуть, он представлял себе гладкий овальный камень, на котором записывал тот час и ту минуту, когда ему надо было встать. Потом он мысленно бросал камень в прозрачную воду пруда и смотрел,

как тот опускается на дно. И всякий раз на следующее утро он просыпался точно в назначенный час, бодрый и полный жизни; он дышал прохладным воздухом и наслаждался предрассветной тишиной все то короткое и хрупкое время, пока не проснутся брат и сестры и не нарушат почти совершенное блаженство.

«Я буду жить». Сол крепко зажмурился и пристально смотрел, как камень падает в прозрачной воде. Его снова затрясло, и он еще крепче вжался в угол нар. В тысячный раз он попытался зарыться поглубже в эту соломенную яму. Когда рядом сидели старый пан Шиструк и этот парень, Ибрагим, было лучше, но Ибрагима застрелили на шахте, а пан Шиструк два дня назад упал в каменоломне и отказался встать, даже когда Глюкс, командир эсэсовцев, спустил на него собаку. Старик почти весело, хоть и слабо, взмахнул тонкой рукой, прощаясь с оцепеневшими заключенными, и тут немецкая овчарка вцепилась ему в горло.

«Я буду жить». В этой мысли ритм был сильнее самих слов, сильнее любого языка. Эта мысль шла контрапунктом всему, что Сол видел и испытал за пять месяцев в лагере. «Я буду жить». От этой мысли шли свет и тепло, пересиливавшие страх перед холодной головокружительной пропастью, которая все грозила разверзнуться внутри и поглотить его. Пропасть вроде того рва. Сол видел его. Он и другие рядом с ним забрасывали комьями холодной земли еще теплые тела; некоторые из них продолжали шевелиться: ребенок слабо двигал рукой, как будто махал кому-то на перроне или метался во сне, — а они кидали лопатами комья и разбрасывали известь из неподъемно тяжелых мешков. Охранник-эсэсовец сидел на краю рва и болтал ногами, его белые мягкие руки лежали на черном стволе автомата, на шершавой щеке белел кусочек пластыря — видно, порезался, когда брился. Белые обнаженные тела слабо шевелились, а Сол засыпал ров комьями грязи, и глаза его были красными от облака извести, висевшего в зимнем воздухе, как меловой туман.

«Я буду жить». Сол сосредоточился на мощи этого ритма и перестал обращать внимание на свои дрожащие руки и ноги. Двумя ярусами выше кто-то зарыдал в ночи. Сол чувствовал, как вши ползут по его рукам, по ногам, разыскивая место, где его холодеющее тело было теплее всего. Он еще плотнее сжался в комок, хотя понимал, что́ заставляет этих паразитов двигаться, — они подчинялись непреодолимому инстинкту, без мысли и логики: выжить.

Камень опустился еще ниже в лазурную глубину. Балансируя на грани сна, Сол рассматривал грубо нацарапанные буквы. «Я буду жить».

Вдруг глаза Сола распахнулись, в голове мелькнула мысль, от которой стало холоднее, чем от ветра, свистевшего сквозь неплотно прилегающую раму. *Третий четверг месяца.* Он был почти уверен, что сегодня третий четверг месяца. *Они* приходили по четвергам, в третий четверг. Но не всегда. Может быть, в этот раз их не будет. Сол закрыл лицо согнутыми в локтях руками и свернулся в еще более плотный клубок, как зародыш.

Он уже почти заснул, когда дверь барака распахнулась. Их было пятеро: два охранника-эсэсовца с автоматами, армейский унтерофицер, лейтенант Шаффнер и молодой оберст, которого Сол никогда прежде не видел. У оберста было бледное арийское лицо, на лоб падала прядь светлых волос. Лучи фонариков побежали по рядам похожих на полки нар. Никто не пошевелился. Сол чувствовал, что это за тишина: восемьдесят пять скелетов затаили дыхание в ночи. Он тоже затаил дыхание.

Немцы сделали шагов пять вперед, холодный воздух облаком двигался перед ними, их массивные фигуры вырисовывались на фоне открытой двери, а вокруг ледяными клубами вился пар от дыхания. Сол еще глубже забился в хрупкую солому.

— *Du!*[1] — раздался голос.

Луч фонарика упал на человека в шапке и полосатой лагерной робе, сидевшего в углу нижних нар за шесть рядов от Сола.

— *Komm! Schnell!*[2]

Мужчина не шевелился, и тогда один из эсэсовцев рывком вытащил его в проход. Сол слышал, как по полу царапают голые ноги.

— *Du, raus!*[3]

Еще раз:

— *Du!*

Вот уже трое «мусульман» стоят невесомыми пугалами перед массивными фигурами немцев. Процессия остановилась за четыре ряда от нар Сола. Эсэсовцы обшарили фонариками средний ряд. В их свете блеснули красные глаза, как будто из полуоткрытых гробов уставились перепуганные крысы.

---

[1] Ты! *(нем.)*

[2] Иди! Быстро! *(нем.)*

[3] Ты, выходи! *(нем.)*

«Я буду жить». Впервые это звучало как молитва, а не как приказ. Они никогда еще не забирали больше четырех человек из одного барака.

— *Du.* — Эсэсовец повернулся и направил луч фонарика прямо ему в лицо.

Сол не пошевелился. Он перестал дышать. Во всей вселенной не было ничего, кроме его собственных пальцев в нескольких сантиметрах от лица. Кожа руки была белой, как у личинки, и местами шелушилась, волоски на тыльной стороне ладони казались очень черными. Сол смотрел на эти волоски с чувством глубокого, благоговейного страха. Его рука почти просвечивала в луче фонарика. Он различал слои мышц, изящный рисунок сухожилий и голубых вен, мягко пульсировавших в одном ритме с бешено колотящимся сердцем.

— *Du, raus.*

Время замедлилось и повернуло вспять. Вся жизнь Сола, каждая секунда его жизни, все минуты упоения и банальные, забытые вечера — все вело к этому мигу, к этому пересечению осей. Губы его дернулись в мрачной полуулыбке. Он уже давно решил, что его-то они никогда не заставят выйти в ночь. Им придется убить его здесь, перед всеми остальными. Он заставит их сделать это, когда сам того захочет: ничего другого диктовать им он не мог. Сол совершенно успокоился.

— *Schnell!* — Один из эсэсовцев заорал на него, а потом оба шагнули вперед.

Ослепленный светом фонаря, Сол почувствовал запах мокрого сукна и сладковатый запах шнапса, ощутил, как его лица коснулся холодный воздух. Тело его сжалось: вот-вот грубые, безжалостные руки схватят его.

— *Nein!*[1] — резко бросил оберст.

Сол видел только его силуэт в снопе яркого света. Оберст шагнул вперед, а эсэсовцы торопливо отступили. Казалось, время замерло. Сол широко раскрытыми глазами смотрел на темную фигуру. Никто не произнес ни слова. Клубы пара от их дыхания висели в воздухе.

— *Komm!* — тихо сказал оберст.

Это прозвучало совсем не как команда — спокойно, почти нежно, словно кто-то звал любимую собаку или уговаривал младенца сделать первые неуверенные шаги.

---

[1] Нет! *(нем.)*

Сол стиснул зубы и закрыл глаза. Если они его тронут, он будет кусаться. Он вопьется им в глотку. Он будет грызть и рвать их вены и хрящи, и им придется стрелять, им придется стрелять, он заставит их...

— *Komm!* — Оберст слегка коснулся его колена.

Сол оскалил зубы.

«Ну, давай, гад, посмотришь, как я разорву твой рот и вытащу твои кишки...»

— *Komm!*

И тут Сол почувствовал *это*. Что-то ударило его, хотя никто из немцев не пошевелился и не сдвинулся ни на дюйм. Он взвизгнул от дикой боли. Что-то ударило, а потом *вошло* в него.

Сол чувствовал это так же отчетливо, как если бы кто-то загнал ему стальной штырь в тело. Но никто до него не дотронулся. Никто даже не приблизился к нему. Он снова издал звук, и тут его челюсти сомкнулись, будто их сжала невидимая сила.

— *Komm her, du, Jude!*[1]

Сол *чувствовал это*. Что-то вошло в него, рывком выпрямило спину, отчего его руки и ноги беспорядочно задергались. *Это* было в нем. Его мозг стиснули, словно щипцами, и сжимали, сжимали... Сол попытался крикнуть, но *это* не позволило ему. Он дико заметался на соломе, мысли заработали вразнобой, моча потекла по штанине. Потом тело его неестественно выгнулось, и он шлепнулся на пол. Охранники сделали шаг назад.

— *Steh auf!*[2]

Тело Сола снова выгнулось, его подкинуло, он поднялся на колени. Руки тряслись и метались сами по себе. Он чувствовал чье-то холодное присутствие в своем мозгу, нечто завернутое в сверкающий кокон боли. Какие-то образы плясали перед его взором.

Сол встал.

— *Geh!*[3]

Он услышал, как один из охранников хрипло рассмеялся, ощутил запах сукна и стали, уколы холодных заноз под ногами. Он метнулся в сторону открытой двери — прямоугольника белого слепящего света. Оберст спокойно пошел за ним, похлопывая себя перчаткой по ноге. Сол споткнулся на скользких ступеньках

---

[1] Иди сюда, ты, еврей! *(нем.)*

[2] Вставай! *(нем.)*

[3] Пошел! *(нем.)*

и чуть не упал, но невидимая рука, сжавшая его мозг и огненными иглами прожегшая тело, заставила его выпрямиться. Не чувствуя холода, он пошел босиком по снегу и смерзшейся грязи впереди остальных к ожидавшему грузовику.

«Я буду жить», — подумал Соломон Ласки, но магический этот ритм распался на куски и улетел, сметенный ураганом беззвучного ледяного смеха и воли, стократ сильнее, чем его собственная.

КНИГА ПЕРВАЯ
ГАМБИТЫ

Глава 1

Чарлстон
Пятница, 12 декабря 1980 г.

Я знала, что Нина припишет смерть этого битла Джона себе. Экое дурновкусие. Она аккуратно разложила свой альбом с вырезками из газет на моем журнальном столике красного дерева. Эти прозаические констатации смертей на самом деле представляли собой хронологию всех ее Подпиток. Улыбка Нины Дрейтон сияла, как обычно, но в ее бледно-голубых глазах не было и намека на теплоту.

— Надо подождать Вилли, — сказала я.

— Ну конечно, Мелани, ты, как всегда, права. Какая я глупая. Я ведь знаю наши правила. — Нина встала и начала расхаживать по комнате, иногда бесцельно касаясь чего-то или сдержанно восторгаясь керамическими статуэтками и кружевами.

Когда-то эта часть дома была оранжереей, но теперь я использую ее как комнату для шитья. Растениям здесь по-прежнему доставалось немного солнечного света по утрам. Днем помещение выглядело теплым и уютным благодаря солнцу, но с приходом зимы ночью здесь было слишком прохладно. И потом, мне очень не нравилось впечатление темноты, подступающей к этим бесчисленным стеклам.

— Обожаю этот дом. — Нина повернулась ко мне и улыбнулась. — Просто не могу передать, как я всегда жду возвращения в Чарлстон. Нам нужно проводить здесь все наши встречи.

Но я-то знала, как Нина ненавидит и этот город, и этот дом.

— Вилли может обидеться, — сказала я. — Ты же знаешь, как он любит похвастаться своим домом в Голливуде. И своими новыми девочками.

— И мальчиками. — Нина засмеялась.

Она здорово изменилась и потускнела, но ее смех остался прежним. Это был все тот же хрипловатый детский смех, который я услышала впервые много лет назад. Именно из-за этого смеха меня то-

гда потянуло к ней; тепло одной девчушки притягивает другую одинокую девочку-подростка, как пламя — мотылька. Теперь же смех этот лишь обжег меня холодом и заставил еще больше насторожиться. За прошедшие десятилетия слишком много мотыльков слеталось на пламя Нины.

— Давай выпьем чаю, — предложила я.

Мистер Торн принес чай в моих самых лучших фарфоровых чашках. Мы с Ниной сидели в медленно передвигающихся квадратах солнечного света и тихо разговаривали о всяких пустяках: об экономике, в которой мы обе ничего не понимали; о совершенно вульгарной публике, с которой приходится теперь сталкиваться, летая самолетами. Если бы кто-нибудь заглянул из сада в окно, то подумал бы, что видит стареющую, но все еще привлекательную племянницу, навещающую любимую тетушку. (Никто не принял бы нас за мать и дочь: тут я не уступлю.) Обычно меня считают хорошо одетой, если не совсем стильной женщиной. Господь свидетель, я довольно дорого плачу за шерстяные юбки и шелковые блузки, которые мне присылают из Шотландии и Франции. Но рядом с Ниной мой гардероб всегда выглядит безвкусным. В тот день на ней было элегантное светло-голубое платье, которое обошлось ей в несколько тысяч долларов, если я правильно угадала модельера. Этот цвет так оттенял ее лицо, что оно казалось еще более совершенным, чем обычно, и подчеркивал голубизну ее глаз. Волосы Нины поседели, как и мои, но она по-прежнему носила их длинными, закрепив бареткой, и это ее не портило; напротив, Нина выглядела шикарно и моложаво, а у меня было ощущение, что мои короткие искусственные локоны блестят от синьки.

Вряд ли кто мог бы подумать, что я на четыре года моложе Нины. Время обошлось с ней не слишком сурово. К тому же она чаще искала и получала Подпитку.

Она поставила чашку с блюдцем на столик и вновь беспокойно заходила по комнате. Это было совсем на нее не похоже — проявлять такую нервозность. Остановившись перед застекленным шкафчиком, она обвела взглядом вещицы из серебра и олова и замерла в изумлении:

— Господи, Мелани... Пистолет! Разве можно в таком месте хранить старый пистолет?

— Это антикварная вещь, — пояснила я. — И очень дорогая. Вообще ты права, глупо держать его тут. Но во всем доме нет больше ни одного шкафчика с замком, а миссис Ходжес часто берет с собой внуков, когда навещает меня...

— Так он что, заряжен?!

— Нет конечно, — солгала я. — Но детям вообще нельзя играть с такими вещами... — Я неловко замолчала.

Нина кивнула, но в ее улыбке была изрядная доля снисходительности, которую она даже не пыталась скрыть. Она подошла к южному окну и выглянула в сад.

Будь она проклята! Нина Дрейтон даже не узнала этого пистолета, и этим о ней все сказано.

В тот день, когда его убили, Чарльз Эдгар Ларчмонт считался моим кавалером уже ровно пять месяцев и два дня. Об этом не было официально объявлено, но мы должны были пожениться. Эти пять месяцев представили, как в микрокосмосе, всю ту эпоху — наивную, игривую, подчиненную строгим правилам настолько, что она казалась манерной. И еще романтичной. Романтичной в первую очередь и в самом худшем смысле этого слова — подчиненной слащавым либо глупым идеалам, к которым могли стремиться только подростки. Мы были как дети, играющие с заряженным оружием.

У Нины — тогда она была Ниной Хокинс — тоже имелся кавалер, высокий неуклюжий англичанин, исполненный самых благих намерений. Звали его Роджер Харрисон. Мистер Харрисон познакомился с Ниной в Лондоне годом раньше, в самом начале поездки Хокинсов по Европе. Этот долговязый англичанин объявил всем, что он сражен, — еще одна нелепость той ребяческой эпохи — и стал ездить за Ниной из одной европейской столицы в другую, пока ее отец, скромный торговец галантереей, вечно готовый дать отпор всему свету из-за своего сомнительного положения в обществе, довольно сурово не отчитал его. Тогда Харрисон вернулся в Лондон — чтобы привести в порядок дела, как он сказал, — а через несколько месяцев объявился в Нью-Йорке, как раз в тот момент, когда Нину собрались отправить к тетушке в Чарлстон, чтобы положить конец другому ее любовному приключению. Но это не могло остановить неуклюжего англичанина, и он отправился за ней на юг, строго соблюдая при этом все правила протокола и этикета тех дней.

У нас была превеселая компания. На следующий день после того, как я познакомилась с Ниной на июньском балу у кузины Целии, мы наняли лодку и отправились вчетвером вверх по реке Купер к острову Дэниел на пикник. Роджер Харрисон обо всем судил серьезно и даже немного напыщенно и потому был отличной мишенью для Чарльза с его совершенно непочтительным чувством

юмора. Роджер, похоже, совсем не обижался на добродушное подтрунивание, — во всяком случае, он всегда присоединялся к общему смеху со своим непривычным британским хохотом.

Нина была без ума от всего этого. Оба джентльмена осыпáли ее знаками внимания, хотя Чарльз всегда подчеркивал, что его сердце отдано мне, но все понимали: Нина Хокинс — одна из тех девушек, которые неизменно становятся центром притяжения мужской галантности и внимания в любой компании. Общество Чарлстона тоже вполне оценило шарм нашей четверки. В течение двух месяцев того, теперь уже такого далекого, лета ни одна вечеринка, ни один пикник не мог считаться удавшимся, если не приглашали нас, четверых шалунов, и если мы не соглашались участвовать в этом. Наше первенство в светской жизни было столь заметным и мы получали от него столько удовольствия, что кузина Целия и кузина Лорейн уговорили своих родителей отправиться в ежегодную августовскую поездку в штат Мэн на две недели раньше.

Не могу припомнить, когда у меня с Ниной возникла эта идея насчет дуэли. Возможно, в одну из тех долгих жарких ночей, когда одна из нас забиралась в постель к другой и мы шептались и хихикали, задыхаясь от приглушенного смеха, едва послышится шорох накрахмаленного передника, выдававший присутствие какой-нибудь горничной-негритянки, копошащейся в темных коридорах. Во всяком случае, идея эта, естественно, возникла из романтических притязаний того времени. Эта картинка — Чарльз и Роджер дерутся на дуэли из-за какого-то абстрактного пункта в кодексе чести, касающегося *нас,* наполняла меня и Нину прямо-таки физическим возбуждением.

Все это выглядело бы совершенно безобидным, если бы не наша Способность. Мы так успешно манипулировали поведением мужчин (а общество того времени ожидало от нас такого поведения и одобряло его), что ни я, ни Нина не подозревали в нашей способности переводить свои капризы в действия других чего-либо необычного. Парапсихологии тогда не существовало, или, точнее говоря, она сводилась к стукам и столоверчению во время игр в гостиных. Как бы то ни было, мы несколько недель забавлялись, предаваясь фантазиям и шепотом их обсуждая, а потом кто-то из нас, или мы обе, воспользовался нашей Способностью, чтобы перевести фантазию в реальность.

В некотором смысле то была наша первая Подпитка.

Я уже не помню, что послужило предлогом для дуэли, — возможно, преднамеренное недоразумение, связанное с какой-то шут-

кой Чарльза. Не помню, кого Чарльз и Роджер уговорили стать секундантами во время той противозаконной вылазки. Я помню только обиженное и удивленное выражение на лице Роджера Харрисона. Оно было просто карикатурой на тяжеловесную ограниченность и недоумение человека, попавшего в безвыходную ситуацию, созданную вовсе не им самим. Помню, как поминутно менялось настроение Чарльза: веселье и шутки внезапно переходили в депрессию и мрачный гнев; помню слезы и поцелуи в ночь накануне дуэли.

То утро было прекрасным. С реки поднимался туман, смягчивший жаркие лучи восходящего солнца. Мы направлялись к месту дуэли. Помню, как Нина порывисто потянулась ко мне и пожала мою руку, — это движение отдалось во мне электрическим током.

Бóльшая же часть происшедшего в то утро — провал, белое пятно. Возможно, из-за напряжения того первого, неосознанного случая Подпитки я буквально потеряла сознание, меня захлестнули волны страха, возбуждения, гордости... Я поняла, что *все это происходит наяву,* и в то же время ощущала, как сапоги шуршат по траве. Кто-то громко считал шаги. Смутно помню, как тяжел был пистолет в чьей-то руке... Наверное, то была рука Чарльза, но теперь я этого уже никогда не узнаю в точности... Помню миг холодной ярости, затем выстрел прервал нашу внутреннюю связь, а острый запах пороха привел меня в чувство.

Убит был Чарльз. Никогда не изгладится из моей памяти вид невероятного количества крови, вылившейся из маленькой круглой дырочки в его груди. Когда я подбежала к нему, его белая рубашка уже была алой. В наших фантазиях не было никакой крови. Там не было и этой картины: голова Чарльза запрокинута, на окровавленную грудь изо рта стекает слюна, а глаза закатились так, что видны только белки, как два яйца в черепе. Когда Роджер Харрисон рыдал на этом поле погибшей невинности, Чарльз сделал последний судорожный вздох.

Что случилось потом, я не помню. Только на следующее утро я открыла свою матерчатую сумку и нашла там среди своих вещей пистолет Чарльза. Зачем мне понадобилось его сохранить? Если я хотела взять что-то на память о своем погибшем возлюбленном, зачем было брать этот кусок металла? Зачем было вынимать из его мертвой руки символ нашего безрассудного греха?

Нина даже не узнала этого пистолета. И этим о ней все сказано.

Прибыл Вилли.

О приезде нашего друга объявил не мистер Торн, а компаньонка Нины, эта омерзительная мисс Баррет Крамер. По виду она была унисексуальна: коротко подстриженные черные волосы, мощные плечи и пустой агрессивный взгляд, который ассоциируется у меня с лесбиянками и уголовницами. По моему мнению, ей было лет тридцать пять.

— Спасибо, милочка, — сказала Нина.

Я вышла поприветствовать Вилли, но мистер Торн уже впустил его, и мы встретились в холле.

— Мелани! Ты выглядишь просто великолепно! С каждой нашей встречей ты кажешься все моложе. Нина! — Когда он повернулся к Нине, голос его заметно изменился.

Мужчины по-прежнему испытывали легкое потрясение, видя Нину после долгой разлуки. Далее пошли объятия и поцелуи. Сам же Вилли выглядел даже ужаснее прежнего. Спортивный пиджак на нем был от прекрасного портного, а ворот свитера успешно скрывал морщинистую кожу шеи с безобразными пятнами, но, когда он сдернул с головы веселенькую кепку, длинные пряди седых волос, зачесанные вперед, чтобы скрыть разрастающуюся плешь, рассыпались, и картина стала неприглядной. Лицо Вилли раскраснелось от возбуждения, на носу и щеках предательски проступали красные капилляры, выдавая чрезмерное пристрастие к алкоголю и наркотикам.

— Милые дамы, вы, кажется, уже знакомы с моими спутниками — Томом Рейнольдсом и Дженсеном Лугаром?

Двое мужчин подошли ближе, и теперь в моем узком холле собралась, казалось, целая толпа. Мистер Рейнольдс оказался худым блондином; он улыбался, обнажая зубы с прекрасными коронками. Мистер Лугар — огромного роста негр с массивными плечами, на его грубом лице застыло угрюмое, обиженное выражение. Я была абсолютно уверена, что ни я, ни Нина никогда прежде не видели этих приспешников Вилли.

— Что ж, пройдемте в гостиную? — предложила я.

Толкаясь и суетясь, мы поднялись на этаж и в конце концов уселись втроем в тяжелые мягкие кресла вокруг чайного столика георгианской эпохи, доставшегося мне от дедушки.

— Принесите нам еще чаю, мистер Торн.

Мисс Крамер поняла намек и удалилась, но пешки Вилли по-прежнему неуверенно топтались у двери, переминаясь с ноги на

ногу и поглядывая на выставленный хрусталь, как будто от одного их присутствия что-нибудь могло разбиться. Я бы не удивилась, если бы это действительно произошло.

— Дженсен! — Вилли щелкнул пальцами.

Негр на миг замер в нерешительности, но все же подал дорогой кожаный кейс. Вилли положил его на столик и отщелкнул застежки своими короткими, толстыми пальцами.

— Ступайте отсюда. Слуга мисс Фуллер даст вам чего-нибудь выпить.

Когда они вышли, он покачал головой и улыбнулся Нине:

— Извини меня, дорогая.

Нина тронула Вилли за рукав и наклонилась с таким видом, словно предвкушала что-то:

— Мелани не позволила мне начать Игру без тебя. Это так ужасно с моей стороны, что я даже пыталась, правда, Вилли, дорогой?

Тот нахмурился. Пятьдесят лет прошло, а он все еще дергался, когда его называли Вилли. В Лос-Анджелесе он был Большой Билл Борден. А когда возвращался в свою родную Германию — не очень часто, из-за связанных с этим опасностей, — то снова становился Вильгельмом фон Борхертом, владельцем мрачного замка, леса и охотничьего выезда. Нина назвала его Вилли в их самую первую встречу в Вене в 1925 году, и он так и остался для нее Вилли.

— Начинай, Вилли, — сказала Нина. — Ты первый.

Я еще хорошо помню, как раньше, встречаясь после долгой разлуки, мы по нескольку дней проводили за разговорами, обсуждая все, что случилось с нами. Теперь у нас не было времени даже на такие салонные беседы.

Обнажив в улыбке зубы, Вилли вытащил из кейса газетные вырезки, записные книжки и стопку кассет. Он едва успел разложить свои материалы на столике, как вошел мистер Торн и принес чай, а также альбом Нины из оранжереи. Вилли резкими движениями расчистил на столе немного места.

На первый взгляд Вильгельм фон Борхерт и мистер Торн были чем-то похожи, но только на первый, ошибочный взгляд. Оба — краснолицы, но если цвет лица Вилли свидетельствовал об излишествах и разгуле эмоций, то мистер Торн не знал ни того ни другого уже много лет. Вилли стыдливо прятал свою лысину, проступающую тут и там, как у ласки, заболевшей лишаем, а обнаженная голова мистера Торна была гладкой как колено, даже трудно представить, что у него когда-то были волосы. У обоих — серые глаза (романист назвал бы их холодными), но у мистера Торна глаза бы-

ли холодны от безразличия, во взгляде светилась ясность, порожденная абсолютным отсутствием беспокойных эмоций и мыслей. В глазах же Вилли таился холод порывистого зимнего ветра с Северного моря, их часто заволакивало переменчивым туманом обуревавших его чувств — гордости, ненависти, удовольствия причинять боль, страсти от разрушения. Вилли никогда не называл использование Способности Подпиткой, — похоже, только я мысленно применяла это слово; но он иногда говорил об Охоте. Возможно, он вспоминал о темных лесах своей родины, когда выслеживал жертв на стерильных улицах Лос-Анджелеса. Я подумала: интересно, а снится ли Вилли этот лес? Вспоминает ли он охотничьи куртки зеленого сукна, приветственные крики егерей, кровь, хлещущую из туши умирающего кабана? Или он вспоминает топот сапог по мостовым и стук кулаков в двери — кулаков его помощников? Возможно, у Вилли Охота все еще связана с тьмой европейской ночи, с горящими печами, за которыми присматривал и он сам.

Я называла *это* Подпиткой, Вилли — Охотой. Однако я никогда не слышала, как *это* называла Нина. Пожалуй, что никак.

— Где у тебя видео? — спросил он. — Я все записал на пленку.

— Ах, Вилли, — раздраженно сказала Нина, — ты же знаешь Мелани. Она такая старомодная. У нее нет видеомагнитофона.

— У меня нет даже телевизора, — призналась я.

Нина рассмеялась.

— Черт побери, — пробормотал Вилли. — Ладно. У меня тут есть и другие материалы. — Он раскрыл небольшие черные записные книжки. — Просто на пленке было бы гораздо лучше. Телекомпании Лос-Анджелеса сделали много сюжетов о «голливудском душителе», а я еще кое-что добавил... Ну, не важно. — Он бросил кассеты в кейс и с треском захлопнул крышку. — Двадцать три, — продолжил он. — Двадцать три, с нашей последней встречи год назад. Как время пролетело, а?

— Покажи. — Нина снова наклонилась вперед. Ее голубые глаза блестели. — Я иногда думала, что ты имеешь к нему отношение, после того как увидела этого «душителя» в «Шестидесяти минутах». Значит, он был твой, да, Вилли? Он имел такой вид...

— *Ja, ja*[1], он был мой. Вообще-то, он никто. Так, пугливый человечек, садовник одного моего соседа. Я оставил его в живых, чтобы полиция могла допросить его, снять любые сомнения. Он повесился в камере через месяц после того, как пресса потеряла к нему

[1] Да-да *(нем.)*.

интерес. Но тут есть кое-что более любопытное. Смотрите. — Вилли бросил на стол несколько глянцевых черно-белых фотографий. — Исполнительный директор Эн-би-си убил пятерых членов своей семьи и утопил в плавательном бассейне пришедшую в гости актрису из «мыльной оперы». Потом он несколько раз ударил себя ножом в грудь и кровью написал «И еще пятьдесят» на стене строения, где был бассейн.

— Вспоминаешь старые подвиги, да, Вилли? — спросила Нина. — «Смерть свиньям» и все такое прочее?[1]

— Да нет же, черт возьми. Я считаю, мне положены лишние очки за иронию. Девица все равно должна была утонуть в своем сериале. Так написано в сценарии.

— Трудно было его Использовать? — Этот вопрос задала я, поневоле испытывая какой-то интерес.

Вилли поднял бровь:

— Не очень. Он был алкоголиком, да к тому же прочно сидел на коксе. От него мало что осталось. Семью свою он ненавидел, как и большинство людей.

— Возможно, большинство людей в Калифорнии, но не везде. — Нина поджала губы. Довольно странная реплика в ее устах. Отец Нины совершил самоубийство — бросился под трамвай.

— Где ты установил контакт? — спросила я.

— На какой-то вечеринке. Обычное дело. Он покупал кокаин у режиссера, который испохабил один из моих проектов...

— Тебе пришлось повторить контакт?

Вилли нахмурился, глядя на меня. Он пока сдерживал злость, но лицо его покраснело.

— *Ja, ja.* Я видел его еще пару раз. Однажды я просто смотрел из окна автомобиля, как он играет в теннис.

— Очки за иронию дать можно, — сказала Нина. — Но за повторный контакт очки надо снять. Если он — пустышка, как ты сам говоришь, ты должен был Использовать его после первого же контакта. Что еще?

Дальше шел обычный набор: жалкие убийства в трущобах, пара бытовых убийств в семье, столкновение на шоссе, закончившееся стрельбой и смертью.

---

[1] *«Смерть свиньям»* — надпись кровью, оставленная членами «семьи» Мэнсона на месте убийства супругов Ла Бианка (на следующий день после убийства актрисы Шерон Тейт, жены режиссера Романа Поланского, и ее гостей).

— Я был в толпе, — сказал Вилли. — Я сразу установил контакт. У него в бардачке был пистолет.

— Два очка, — улыбнулась Нина.

Один добротный случай Вилли оставил напоследок. Нечто странное приключилось с человеком, когда-то в детстве бывшим знаменитостью, кинозвездой. Он вышел из своей квартиры в Бел-Эйр, а пока его не было дома, она заполнилась газом, потом он вернулся и зажег спичку. Взрыв, пожар, кроме него, погибли еще два человека.

— Очки только за него, — сказала Нина.

— *Ja, ja.*

— А ты уверен, что все так и произошло? Это мог быть обычный несчастный случай...

— Не смеши, — оборвал ее Вилли и повернулся ко мне. — Его было довольно трудно Использовать. Очень сильная личность. Я стер в его памяти информацию о том, что он включил газ. Надо было заблокировать ее на целых два часа, а потом заставить его войти в комнату. Он бешено сопротивлялся, не хотел зажигать спичку.

— Надо было заставить его чиркнуть зажигалкой.

— Он не курил, — проворчал Вилли. — Бросил в прошлом году.

— Да, — улыбнулась Нина. — Кажется, я помню; он говорил об этом Джонни Карсону.

Я не могла понять, шутит она или говорит серьезно.

Потом мы втроем подсчитали очки, как бы исполняя ритуал. Больше всех говорила Нина. Вилли сначала хмурился, потом разошелся, потом снова стал угрюмым. Был момент, когда он потянулся ко мне и со смехом похлопал меня по колену, прося помощи. Я никак не отреагировала. В конце концов он сдался, подошел к бару и налил себе бурбона из графина моего отца. Сквозь цветные стекла эркера пробивались последние, почти горизонтальные лучи вечернего солнца и падали красным пятном на Вилли, стоявшего рядом с буфетом мореного дуба. Глаза его казались крохотными красными угольками, вставленными в кровавую маску.

— Сорок одно очко, — подвела итог Нина. Она посмотрела на нас блестящими глазами и подняла калькулятор, как будто он мог подтвердить какой-то объективный факт. — Я насчитала сорок одно очко. А ты, Мелани?

— *Ja*, — перебил ее Вилли. — Прекрасно. Теперь глянем на твою заявку, милая Нина. — Он говорил тусклым, бесцветным голосом. Даже Вилли начинал терять интерес к Игре.

Не успела Нина начать, как вошел мистер Торн и объявил, что обед подан. Прежде чем мы перешли в столовую, Вилли налил себе еще из графина, а Нина взмахнула руками, изображая отчаяние из-за того, что пришлось прервать Игру. Когда мы сели за длинный стол красного дерева, я постаралась вести себя как подобает настоящей хозяйке дома. По традиции, в течение уже нескольких десятков лет, разговоры об Игре за обеденным столом были запрещены. За супом мы обсудили последний фильм Вилли и Нинину покупку очередного магазина для ее сети бутиков. Ежемесячную колонку Нины в «Вог», похоже, закроют, но ею заинтересовался газетный синдикат, готовый продолжить.

Запеченный окорок был встречен восторженными похвалами, но мне показалось, что мистер Торн пересластил соус. Когда мы перешли к шоколадному муссу, за окнами стало совсем темно. Отблески отраженного света люстры танцевали на локонах Нины, мои же волосы больше обычного отдавали синевой — во всяком случае, так мне казалось.

Внезапно со стороны кухни послышался какой-то шум. В дверях появился негр-гигант. На его плече лежали чьи-то белые руки, от которых он пытался освободиться, а на лице застыло выражение обиженного ребенка.

— ...Какого черта мы тут сидим, как... — Но руки тут же уволокли его.

— Прошу прощения, дорогие дамы. — Вилли прижал салфетку к губам и встал. Несмотря на возраст, он все еще сохранял грацию движений.

Нина ковыряла ложкой в шоколадном муссе. Мы услышали, как из кухни донеслась резкая, короткая команда, потом звук удара. Вероятно, бил мужчина: звук был жесткий и хлесткий, как выстрел из малокалиберной винтовки. Я подняла глаза. Мистер Торн убирал тарелки из-под десерта.

— Пожалуйста, кофе, мистер Торн. Всем кофе.

Он кивнул, мягко улыбаясь.

Франц Антон Месмер знал об *этом,* хотя и не понимал, что *это* такое. Я подозреваю, Месмер сам имел зачатки Способности. Современная псевдонаука изучала *это,* нашла для *этого* новые названия, уничтожила бóльшую часть *этой* мощи, перепутала ее источники и способы использования, но *это* остается лишь тенью того, что открыл Месмер. У них нет никакого представления о том, что значит ощущать Подпитку.

Я в отчаянии от разгула насилия в нынешние времена. Иногда я целиком отдаюсь этому чувству, падаю в глубокую пропасть без какого-либо будущего — пропасть отчаяния, названного Хопкинсом *утехой падали*. Я разглядываю эту всеамериканскую скотобойню, все эти покушения на президентов, римских пап и бесчисленное количество других людей и иногда задумываюсь: может быть, в мире есть много таких, как мы, обладающих нашей Способностью? Или такая вот бойня стала теперь просто образом жизни?

Все человеческие существа питаются насилием, они питаются властью над другими, но лишь немногие испытали то, что испытываем мы, — абсолютную власть. Без этой Способности очень немногим знакомо несравненное наслаждение в момент лишения человека жизни. Без этой Способности даже те, кто питается жизнью, не могут смаковать поток эмоций в охотнике и его жертве, абсолютный восторг нападающего, который ушел далеко за грань всех правил и наказаний, и то странное, почти сексуальное чувство покорности, охватывающее жертву в последний миг истины, когда уже нет никакого выбора, когда всякое будущее уничтожено, все возможности стерты в акте подчинения другого своей абсолютной власти.

Меня приводит в отчаяние нынешний разгул насилия, его безличность и случайность и то, что насилие стало доступным столь многим. У меня был телевизор, но потом я его продала, в самый разгар войны во Вьетнаме. Эти стерильные кусочки смерти, отнесенные вдаль объективом камеры, совершенно ничего мне не говорили. Но наверное, они что-то значили для того сброда, который нас окружает. Когда закончилась война, а вместе с ней ежевечерние подсчеты трупов по телевидению, этот сброд потребовал: «Еще! Еще!» И тогда с экранов на улицы городов этой милой умирающей нации была выброшена масса заурядных убийств на потребу толпе. Я-то хорошо знаю эту наркотическую тягу. Все они упускают главное. Насильственная смерть, если ее просто наблюдать, всего лишь грязная печальная картинка смятения и хаоса. Но для тех из нас, кто испытал Подпитку, смерть является таинством.

— Теперь моя очередь! Моя! — Голос Нины все еще напоминал интонации красавицы, приехавшей в гости и только что заполнившей танцевальную карточку именами кавалеров на июньском балу кузины Целии.

Мы вернулись в гостиную. Вилли допил свой кофе и попросил у мистера Торна коньяку. Мне стало стыдно за Вилли. Когда допускаешь даже намек на небрежность поведения в присутствии самых

близких людей, это верный признак ослабевающей Способности. Нина, казалось, ничего не замечала.

— Тут у меня все разложено по порядку. — Она раскрыла свой альбом с вырезками на чайном столике, который был уже прибран.

Вилли аккуратно просмотрел все. Иногда он задавал вопросы, но чаще неразборчиво ворчал, выражая согласие. Время от времени я тоже давала понять, что согласна, хотя ни о чем из перечисленного не слышала. Разумеется, за исключением этого битла. Нина приберегла его под конец.

— Боже мой, Нина, так это ты?

Вилли был чуть ли не в ярости. Нина кормилась в основном самоубийствами на Парк-авеню и ссорами между мужем и женой, заканчивавшимися выстрелами из дорогих дамских пистолетов малого калибра. А случай с этим битлом был больше похож на топорный стиль Вилли. Возможно, он счел, что кто-то вторгается на его территорию.

— Я хочу сказать... ты же сильно рисковала, ведь так? — продолжал он. — Черт побери... Такая огласка!..

Нина засмеялась и положила калькулятор:

— Вилли, дорогой, но ведь в этом весь смысл Игры, не так ли?

Он подошел к буфету и снова налил себе коньяку. Ветер трепал голые сучья перед окнами синеватого стекла эркера. Я не люблю зиму. Даже на юге она угнетает дух.

— Разве этот... как его... разве он не купил пистолет на Гавайях или где-то там еще? — спросил Вилли, все еще стоя в противоположном углу. — По-моему, он сам проявил инициативу. Я хочу сказать, если он уже подбирался к этому...

— Вилли, дорогой. — Голос Нины стал таким же холодным, как ветер, что трепал голые сучья за окном. — Никто не говорит, что он был уравновешенным человеком. А разве кто-нибудь из твоих был уравновешенным? И все же именно я заставила его сделать это. Я выбрала место, выбрала время. Неужели не ясно, насколько удачен выбор места? После той милой шалости с режиссером фильма про ведьм несколько лет назад?[1] Все прямо по сценарию...

— Не знаю. — Вилли тяжело опустился на диван, пролив коньяк на свой дорогой пиджак. Он ничего не заметил. Его лысеющий череп бликовал в свете лампы. Возрастные пятна вечером просту-

[1] Отсылка к убийству Шерон Тейт (см. с. 25) и к тому факту, что фильм Р. Поланского «Ребенок Розмари» (1968) снимался в нью-йоркском доме «Дакота», где впоследствии поселился Джон Леннон и около которого был убит.

пали отчетливее, а шея — там, где ее не прикрывал ворот свитера, — казалось, вся состоит из жил и веревок. — Не знаю. — Он поднял на меня глаза и вдруг заговорщицки улыбнулся. — Тут все как с тем писателем, правда, Мелани? Возможно, именно так.

Нина опустила глаза и теперь смотрела на свои руки, сложенные на коленях. Кончики ее ухоженных пальцев побелели.

«Вампиры сознания». Так этот писатель собирался назвать свою книгу. Иногда я думаю: а мог ли он вообще что-нибудь написать? Как же его звали?.. Вроде бы русская фамилия.

Однажды мы оба, Вилли и я, получили телеграммы от Нины: «Приезжайте как можно скорее. Вы нужны мне». Этого было достаточно. На следующее утро я полетела в Нью-Йорк первым же рейсом. Самолет был очень шумный, винтовой — «Констеллейшн», — и я бóльшую часть времени пыталась убедить сверхзаботливую стюардессу, что мне ничего не нужно и я вообще чувствую себя прекрасно. Она явно решила, что я чья-то бабушка, никогда прежде не летавшая.

Вилли ухитрился прибыть на двадцать минут раньше меня. Нина совершенно потеряла голову: я никогда не видела, чтобы она была так близка к истерическому припадку. Оказалось, что двумя днями раньше она гостила у кого-то в Нижнем Манхэттене (она, конечно, потеряла голову, но не настолько, чтобы отказать себе в удовольствии упомянуть, какие важные лица присутствовали) и там, в укромном уголке гостиной, обменялась заветными мыслями с молодым писателем. Точнее, это писатель поделился с нею кое-какими заветными мыслями. По словам Нины, это был довольно замызганный тип: жиденькая бороденка, очки с толстыми линзами, вельветовый пиджак, старая фланелевая рубашка в клетку — в общем, один из тех, кто непременно попадается на удавшихся вечеринках, как утверждает Нина. Слово «битник» уже вышло из моды, и Нина это знала, поэтому она его и не называла так, а слово «хиппи» еще никто не употреблял, да оно и не подходило к нему. Он был из тех писателей, что едва-едва зарабатывают себе на хлеб, по крайней мере в наше время: сочинял вздор с трупами и кровью и писал романы по телесериалам. Александр... фамилию не помню.

У него была идея — сюжет для новой книги, над которой он уже начал работать, и она заключалась в том, что многие из совершавшихся тогда убийств на самом деле задумывались небольшой группой душегубов-экстрасенсов (он называл их «вампирами со-

знания»), которые использовали других людей для реализации своих кошмарных планов. Он сказал, что одно издательство, специализирующееся на массовых карманных книжках, уже проявило интерес к его заявке и готово заключить с ним контракт хоть сейчас, если он заменит название и добавит немного секса.

— Ну и что? — спросил Вилли почти с отвращением. — И из-за этого ты заставила меня лететь через весь материк? Я бы и сам купил такую идею и сделал бы по ней фильм.

Мы воспользовались этим предлогом, чтобы хорошенько допросить Александра, когда Нина на следующий день устроила экспромтом небольшую вечеринку. Меня там не было. Вечер прошел не очень удачно, по словам Нины, но он дал Вилли шанс как следует побеседовать с этим молодым многообещающим романистом. Писателишка выказал прямо-таки суетливую готовность угодить Биллу Бордену, продюсеру «Парижских воспоминаний», «Троих на качелях» и еще пары фильмов, которые память отказывалась удерживать, но которые тоже шли во всех открытых кинотеатрах тем летом. Оказалось, что «книга» представляет собой довольно потертую тетрадку с изложением идеи и десятком страниц заметок. Однако он был уверен, что за пять недель сможет сделать развернутый конспект сценария — может быть, даже за три недели, если отправить его в Голливуд, к источнику «истинного творческого вдохновения».

Поздно вечером мы обсудили и такую возможность. Но у Вилли как раз было туго с наличностью, а Нина настаивала на решительных мерах. В конце концов молодой писатель вскрыл лезвием «жилетт» бедренную артерию и выбежал с истошным воплем в узкий переулок Гринвич-Виллидж, где и умер. Я уверена, что никто не потрудился разобрать оставшиеся после него заметки и прочий хлам.

— Может быть, все будет как с тем писателем, *ja*, Мелани? — Вилли потрепал меня по колену. — Он был мой, а Нина пыталась приписать его себе. Помнишь?

Я кивнула. На самом же деле ни Нина, ни Вилли не имели к этому никакого отношения. Я не пошла тогда к Нине, чтобы позднее установить контакт с молодым человеком, который и не заметил, что за ним кто-то идет. Все оказалось проще простого. Помню, как я сидела в слишком жарко натопленной маленькой кондитерской напротив жилого дома. Все закончилось так быстро, что я почти не ощутила Подпитки. Потом я вновь услышала звук ши-

пящих радиаторов и почувствовала запах ванили, а люди бросились к дверям посмотреть, кто кричит. Я помню, как медленно допила свой чай, чтобы не пришлось выходить раньше, чем уедет «скорая».

— Вздор, — сказала Нина, снова занявшись своим крохотным калькулятором. — Сколько очков? — Она посмотрела на меня, потом на Вилли.

— Шесть. — Он пожал плечами.

Нина сделала вид, что складывает все очки:

— Тридцать восемь. — Она артистично вздохнула. — Ты опять выиграл, Вилли. Точнее, обыграл меня. Мы еще послушаем Мелани. Ты сегодня что-то очень уж тихая, моя дорогая. У тебя, наверное, какой-то сюрприз для нас?

— Да, — кивнул Вилли. — Твоя очередь выигрывать, Мелани. Ты ждала этого несколько лет.

— У меня — ничего.

Я ожидала взрывного эффекта, потока вопросов, но тишину нарушало лишь тиканье часов на каминной полке. Нина смотрела в угол, словно пыталась увидеть что-то прячущееся в темноте.

— Ничего? — переспросил Вилли.

— Ну, был... один, — призналась я наконец. — Хотя это просто случай. Я увидела их, когда они грабили старика за... Просто случай.

Вилли разволновался. Он встал, подошел к окну, повернул старый стул спинкой к нам и сел на него верхом, сложив руки.

— Что это значит?

— Ты отказываешься играть в Игру? — Нина в упор посмотрела на меня.

Я промолчала — ответ был ясен.

— Но почему? — резко спросил Вилли. От волнения у него снова прорезался немецкий акцент.

Если бы я воспитывалась в эпоху, когда молодым леди было позволено пожимать плечами, я бы сейчас пожала плечами. А так — просто провела пальцами по воображаемому шву на юбке. Вопрос задал Вилли, но, когда я в конце концов ответила, мои глаза смотрели прямо на Нину.

— Я устала. Все это тянется так долго. Наверное, я старею.

— Если не будешь Охотиться, еще не так постареешь, — констатировал Вилли. Его поза, голос, красная маска лица — все говорило о том, как он зол, он еле сдерживался. — Боже мой, Мелани, ты уже выглядишь старухой. Ты ужасно выглядишь, ужасно! Мы

ведь ради этого и охотимся, разве не ясно? Посмотри на себя в зеркало! Ты что, хочешь умереть старухой, и все только потому, что устала их Использовать? — Вилли встал и повернулся к нам спиной.

— Вздор! — Голос Нины был твердым и уверенным. Она снова четко владела ситуацией. — Мелани устала, Вилли. Будь с ней поласковее. У всех бывают такие моменты. Я помню, как ты сам выглядел после войны. Как побитый щенок. Ты ведь даже не мог выйти из своей жалкой квартиры в Бадене. Даже когда мы помогли тебе перебраться в Нью-Джерси, ты просто сидел, хандрил и жалел себя. Мелани придумала Игру, лишь бы поднять твое настроение. Так что не шуми. И никогда не говори леди, если она устала и немного подавлена, что она ужасно выглядит. Ну, правда, Вилли, ты иногда такой *Schwächsinniger*[1]. И к тому же страшный хам.

Я предвидела разные реакции на свое заявление, но вот этой боялась больше всего. Это означало, что Нине тоже наскучила Игра и она готова перейти на новый уровень поединка. Другого объяснения не было.

— Спасибо, Нина, милая, — сказала я. — Я знала, что ты поймешь меня.

Она коснулась моего колена, словно желая подбодрить. Даже сквозь шерсть юбки я почувствовала, как холодны ее пальцы.

Мои гости ни за что не хотели оставаться ночевать у меня. Я умоляла их, упрекала, сказала, что их комнаты готовы, что мистер Торн уже разобрал постели.

— В следующий раз, — сказал Вилли. — В следующий раз, Мелани, моя радость. Мы останемся на весь уик-энд, как когда-то. Или на целую неделю!

Настроение Вилли заметно улучшилось после того, как он получил по тысяче долларов от меня и от Нины в качестве приза. Сначала он отказывался, но я настаивала. А когда мистер Торн принес чек, оформленный на Уильяма Д. Бордена, видно было, что ему это пришлось по душе.

Я снова попросила его остаться, но он сообщил, что у него уже заказан билет на самолет до Чикаго. Нужно было встретиться с автором, который только что получил какую-то премию, и договориться насчет сценария. И вот он уже обнимал меня на прощанье, мы стояли в тесном коридоре, его компаньоны — у меня за спиной, и я на мгновение ощутила ужас.

---

[1] Недоумок *(нем.)*.

Но они ушли. Светловолосый молодой человек продемонстрировал свою белозубую улыбку, негр на мгновение втянул голову — это, наверное, была его манера прощаться. И вот мы остались одни. Мы с Ниной.

Но не совсем одни. Мисс Крамер стояла рядом с Ниной в конце коридора. Мистер Торн находился за дверью, ведущей в кухню. Его не было видно, и я оставила его там.

Мисс Крамер сделала три шага вперед. На мгновение я перестала дышать. Мистер Торн поднял руку и коснулся двери. Но эта крепкая брюнетка подошла к шкафу, сняла с вешалки пальто Нины и помогла ей одеться.

— Может, все же останешься?

— Нет, Мелани. Я обещала Баррет, что мы поедем в отель.

— Но уже поздно...

— Мы заранее заказали номер. Спасибо. Я непременно свяжусь с тобой.

— Да...

— Правда, правда, милая Мелани. Нам обязательно нужно поговорить. Я тебя понимаю, но ты должна помнить, что для Вилли Игра все еще очень важна. Нужно будет найти способ положить этому конец так, чтобы не обидеть его. Может, заглянем к нему весной в Каринхалле, или как там называется этот его старый мрачный замок в Баварии? Поездка на континент очень помогла бы тебе, дорогая Мелани. Очень.

— Да.

— Я обязательно свяжусь с тобой, как только закончу дела с покупкой магазина. Нам нужно побыть немного вместе, Мелани... Ты и я, никого больше... как в старые добрые времена. — Она поцеловала воздух рядом с моей щекой и на несколько секунд крепко сжала мои локти. — До свидания, дорогая.

— До свидания, Нина.

Я отнесла коньячный бокал на кухню. Мистер Торн молча взял его.

— Посмотрите, все ли в порядке, — велела я.

Он кивнул и пошел проверять замки и сигнализацию. Было всего лишь без четверти десять, но я чувствовала себя очень уставшей.

«Возраст», — подумала я, поднимаясь по широкой лестнице — пожалуй, самому замечательному месту в этом доме.

Я переоделась ко сну. За окном разразилась буря, в ударах ливневых струй по стеклу слышался нарастающий печальный ритм.

Я расчесывала волосы, жалея, что они такие короткие, когда в спальню заглянул мистер Торн. Я повернулась к нему. Он опустил руку в карман своего темного жилета. Когда он вытащил руку, сверкнуло тонкое лезвие. Я кивнула. Он сложил нож и закрыл за собой дверь. Было слышно, как его шаги удалялись вниз по лестнице, к стулу в передней, где ему предстояло провести ночь.

Кажется, в ту ночь мне снились вампиры. А может, я просто думала о них перед тем, как заснуть, и обрывок этих мыслей застрял в голове до утра. Из всех ужасов, которыми человечество пугает себя, из всех этих жалких крохотных чудовищ только в мифе о вампирах есть какой-то намек на внутреннее достоинство. Как и человеческими существами, которыми он питается, вампиром движут его собственные темные влечения. Но, в отличие от своих жалких человеческих жертв, вампир ставит себе единственную цель, которая может оправдать грязные средства, — бессмертие, в буквальном смысле. Тут есть некое благородство. И некая печаль.

Вилли прав — я действительно постарела. Этот последний год отнял у меня больше, чем предыдущее десятилетие. И все же я не прибегала к Подпитке. Несмотря на голод, несмотря на свое стареющее отражение в зеркале, несмотря на темное влечение, правившее нашей жизнью вот уже столько лет, *я ни разу за год не прибегала к Подпитке.*

Я заснула, пытаясь вспомнить черты лица Чарльза.

Я заснула голодной.

Глава 2

Беверли-Хиллз
Суббота, 13 декабря 1980 г.

На лужайке перед домом Тони Хэрода имелся большой круглый фонтан в виде сатира, который мочился в бассейн, глядя на Голливуд, что лежал внизу, в каньоне, с выражением то ли болезненного отвращения, то ли издевательского презрения. У знавших Тони Хэрода не возникало сомнений насчет того, какое именно выражение подходило больше.

Особняк когда-то принадлежал актеру немого кино. Находясь на пике своей карьеры, после нечеловеческих усилий актер преодолел этот барьер, перешел в звуковое кино, и все лишь затем,

чтобы умереть от рака горла через три месяца после выхода на экраны своего первого звукового фильма. Его вдова отказалась покинуть огромный дом и прожила там еще тридцать пять лет, по сути как смотрительница мавзолея, частенько заимствуя (без отдачи) деньги у старых голливудских знакомых либо родственников, которых раньше не замечала, и все только для того, чтобы заплатить налоги. В 1959 году она умерла, и дом купил сценарист, написавший три из пяти романтических комедий с Дорис Дэй, вышедших к тому времени. Сценарист очень сетовал, что сад заброшен, а в кабинете на втором этаже держится дурной запах. В конце концов он влез в долги и пустил себе пулю в лоб в сарае. На следующий день его нашел садовник, но никому ничего не сказал, опасаясь, что его арестуют как незаконного иммигранта. Труп был обнаружен во второй раз юристом Гильдии сценаристов, который как раз явился обсудить с писателем план защиты на предстоящем судебном разбирательстве по поводу плагиата.

Далее домом поочередно владели: знаменитая актриса, жившая там месяца три в промежутке между своим пятым и шестым браком; мастер специальных эффектов, который погиб в 1976 году во время пожара на складе; нефтяной шейх, выкрасивший сатира в розовый цвет и давший ему еврейское имя. В 1979-м шейха пристрелил его собственный зять, когда шейх, отправившись на хадж в Мекку, проезжал через Риад. Тони Хэрод купил особняк четыре года спустя.

— Обалдеть, до чего красиво, — сказал Хэрод, стоя с агентом по недвижимости на мощенной плитами дорожке и глядя на сатира. — Покупаю. — Час спустя он передал задаток — чек на шестьсот тысяч долларов, даже не побывав внутри особняка.

Шейла Баррингтон слышала множество историй о разных импульсивных поступках Тони Хэрода. О том, как Хэрод оскорбил Трумена Капоте перед двумястами приглашенными гостями, и о скандале в 1978 году, когда Тони и одного из самых близких помощников президента Джимми Картера арестовали за хранение наркотиков. Никто не попал в тюрьму, ничего не было доказано, но ходили слухи, что Хэрод подставил несчастного парня из Джорджии ради хохмы. Шейла наклонилась, чтобы взглянуть на сатира, когда ее «мерседес» с шофером проскользнул по извилистой дорожке к главному зданию. С ней не было ее матери, и она это очень остро чувствовала. Не было с ней и Лорен — ее агента, и Ричарда — агента ее матери, и Каулза — шофера и телохранителя, и Эста-

бана — ее парикмахера. Шейле было семнадцать лет, и девять из них она подвизалась как весьма удачливая фотомодель, а два последних — как киноактриса, но, когда «мерседес» остановился перед украшенной резьбой парадной дверью особняка Хэрода, она ощущала себя скорее принцессой из сказки, вынужденной навестить злого людоеда.

«Нет, он не людоед, — подумала Шейла. — Как там Норман Мейлер назвал Тони после какого-то приема прошлой весной? Злой маленький тролль. Я должна пройти через пещеру злого маленького тролля, прежде чем найти сокровище».

Шейла надавила кнопку звонка и почувствовала, как напряглись мышцы ее спины. Она утешала себя тем, что там будет и мистер Борден. Ей нравился этот старый продюсер с его старосветской любезностью и легким приятным акцентом. Она вновь ощутила некое внутреннее напряжение, представив, что скажет ее мать, если обнаружит, что Шейла втайне решилась на такую встречу. Она уже собралась повернуться и уйти, когда дверь широко распахнулась.

— А-а, мисс Баррингтон, я полагаю. — На пороге стоял Тони Хэрод, в бархатном халате.

Испуганно глядя на него, Шейла гадала, есть ли на нем что-нибудь под этим халатом? В плотной растительности, покрывавшей грудь, виднелось несколько седых волосков.

— Здравствуйте, — сказала девушка и прошла за своим будущим продюсером в холл.

На первый взгляд ничего троллеподобного в Тони Хэроде не наблюдалось: мужчина ниже среднего роста — в Шейле было 178 сантиметров, многовато даже для модели, а рост Хэрода вряд ли превышал 162; длинные руки и несоразмерно большие кисти болтались по бокам щуплого, почти мальчишеского торса. Очень темные, коротко стриженные волосы свисали волнистой челкой на высокий белый лоб. Шейла подумала, что первым намеком на тролля, который, возможно, скрывался в этой фигуре, мог быть тусклый цвет кожи, более естественный для жителя какого-нибудь прокопченного северо-восточного города, а не для человека, прожившего двенадцать лет в Лос-Анджелесе. Скулы были резко очерчены, даже слишком, и это впечатление вовсе не смягчали сардонический разрез рта, множество мелких острых зубов во рту (казалось, их было больше положенного) и быстро мелькавший розовый язык, которым он постоянно облизывал нижнюю губу.

Глубоко посаженные глаза окружала синева, словно от недавно сошедших синяков, но не это заставило Шейлу резко вдохнуть и остановиться у выложенного плиткой входа. Она была очень восприимчива к выражению глаз (ее собственные глаза в значительной мере сделали ее тем, кем она была), и ей еще никогда не доводилось видеть такого взгляда, как у Тони Хэрода. Ленивый томный взгляд маленьких карих глаз с тяжелыми веками, слегка рассеянный, насмешливо безразличный, казалось, излучал власть и вызов, резко контрастирующие со всем его видом.

— Проходи, детка. Черт, а где же твое сопровождение и толпы поклонников? Я думал, ты никогда не появляешься без своей армии.

— Простите?.. — недоуменно сказала Шейла и тут же умолкла. От этой встречи зависело слишком многое, чтобы вот так терять очки.

— Ладно, забудь. — Хэрод отступил на шаг и принялся ее разглядывать.

Прежде чем он засунул руки в карманы халата, Шейла успела заметить его необычайно длинные бледные пальцы. Как у Голлума в «Хоббите».

— Дьявол, ну ты прямо красотка, — выдал коротышка. — Я слыхал, что ты эдакая секс-бомба, но в жизни ты впечатляешь покруче, чем на экране. Пляжные мальчики, наверное, выпрыгивают из штанов, когда ты появляешься.

Шейла резко выпрямилась. Она готова была вынести немного хамства, но похабщина приводила ее в ужас — так ее воспитали.

— Мистер Борден уже пришел? — холодно спросила она.

Хэрод улыбнулся и покачал головой:

— Боюсь, что нет. Вилли поехал навестить старых друзей где-то на юге... то ли в Болотвилле, то ли еще где.

Шейла остановилась. Она приготовилась обсуждать важный для себя контракт с мистером Борденом и вторым продюсером, но мысль о том, что ей придется иметь дело только с Тони Хэродом, заставила ее содрогнуться. Она уже собралась уйти под каким-нибудь предлогом, но в этот момент в дверях появилась женщина необыкновенной красоты.

— Мисс Баррингтон, позвольте представить вам мою помощницу Марию Чэнь, — сказал Хэрод. — Мария, это Шейла Баррингтон, очень талантливая молодая актриса и, возможно, звезда нашего нового фильма.

— Здравствуйте, мисс Чэнь.

Шейла окинула женщину оценивающим взглядом. Ей было лет тридцать с небольшим, восточное происхождение выдавали лишь высокие скулы, черные волосы и разрез глаз. Она сама могла бы стать моделью, стоит ей только захотеть.

Возникло некоторое напряжение, неизбежное, когда знакомятся две красивые женщины, но оно быстро рассеялось от теплой улыбки старшей из них.

— Мисс Баррингтон, очень рада с вами познакомиться. — Рукопожатие Чэнь оказалось крепким и приятным. — Я уже давно восхищаюсь вашей работой в рекламе. У вас есть довольно редкое качество. Мне кажется, разворот в «Вог», который сделал Аведон[1], просто великолепен.

— Спасибо, мисс Чэнь.

— Пожалуйста, зовите меня Мария. — Она улыбнулась и повернулась к Хэроду. — Вода в бассейне как раз нужной температуры. Я задержу все звонки на следующие сорок пять минут.

Хэрод кивнул:

— Прошлой весной я попал в аварию, и теперь мне каждый день приходится проводить некоторое время в джакузи. Это немного помогает. — Он слегка улыбнулся, заметив, что гостья стоит в нерешительности. — По правилам моего бассейна купальный костюм обязателен. — Хэрод развязал пояс халата; под ним оказались красные плавки с золотой монограммой — его инициалами. — Ну, так как? Мария может провести вас сейчас в раздевалку — или вы хотите обсудить фильм позже, когда вернется Вилли?

Шейла быстро прикинула. Она сомневалась, что сможет долго держать такую сделку в тайне от Лорен и своей матери. Вполне возможно, это единственный шанс заключить контракт на ее собственных условиях.

— У меня с собой нет купальника, — улыбнулась она.

— С этим никаких проблем, — тут же заверила Мария Чэнь. — У Тони есть купальные костюмы для гостей всех размеров и на любую фигуру. Даже имеется парочка для пожилой тетушки, на случай, если она приедет его навестить.

Шейла рассмеялась и пошла за Марией по длинному коридору, через гостиную, обставленную дорогой мебелью, среди которой заметно выделялся огромный телевизионный экран, мимо полок с электронной видеоаппаратурой, а потом еще вдоль одного коридо-

---

[1] *Ричард Аведон* (1923–2004) — знаменитый американский фотограф, мастер документальной и модной фотографии.

ра в отделанную кедром раздевалку. Здесь в широких выдвижных ящиках лежали мужские и женские купальные костюмы разных стилей и расцветок.

— Я оставлю вас. Переодевайтесь, — сказала Мария Чэнь.

— А вы составите нам компанию?

— Может быть, позже. Мне нужно закончить печатать кое-какие письма Тони. Вам понравится вода... И еще, мисс Баррингтон... Не обращайте внимания на манеры Тони. Он иногда грубоват, но всегда справедлив.

Шейла кивнула и, как только Мария Чэнь закрыла дверь, принялась рассматривать купальные костюмы. Здесь имелись крохотные французские бикини, купальники без лямок, строгие закрытые модели любых расцветок. Фирменные ярлыки впечатляли — «Готтекс», «Кристиан Диор», «Кеннет Коул». Шейла выбрала оранжевый купальник — не слишком вызывающего покроя, но с достаточно высоким вырезом, чтобы ее бедра и длинные ноги выглядели наилучшим образом. Она по опыту знала, что ее маленькая крепкая грудь будет смотреться чудесно, особенно там, где сосок слегка проступает сквозь тонкую материю. А оранжевый цвет оттенит зеленоватый отблеск ее карих глаз.

Через другую дверь Шейла вышла в помещение, похожее на оранжерею, закрытое с трех сторон закругленными стеклянными стенами, сквозь которые на буйную тропическую зелень падали потоки солнечного света. В четвертую стену рядом с дверью был вмонтирован еще один огромный телеэкран. Из невидимых динамиков лилась приглушенная классическая музыка. Воздух был необычайно влажен. За стеной Шейла увидела еще один бассейн, гораздо больше внутреннего; лучи утреннего солнца отражались от голубой поверхности.

Тони Хэрод возлежал в воде с мелкой стороны бассейна и прихлебывал из высокого бокала. Шейла почувствовала, как горячий влажный воздух давит на нее, словно одеяло.

— Где ты застряла, детка? Мне пришлось залезть в воду без тебя.

Шейла улыбнулась и села на край небольшого бассейна, метрах в полутора от Хэрода: не так далеко, чтобы это можно было принять за оскорбление, но и не в интимной близости. Она лениво болтала ногами в пенящейся воде, оттягивая носок, чтобы показать, какие у нее красивые икры и мышцы бедра.

— Ну что ж, поговорим? — Хэрод облизнул кончиком языка нижнюю губу.

— Вообще-то, мне не следовало быть здесь, — тихо сказала Шейла. — Такими делами занимается мой агент. И потом, я всегда советуюсь с мамой перед тем, как принять решение насчет нового контракта... даже если это работа моделью всего лишь на уикэнд. Сегодня я пришла только потому, что меня попросил об этом мистер Борден. Он к нам очень мило относится с того...

— Знаю, знаю, он от тебя тоже без ума, — перебил Хэрод и поставил бокал на край, облицованный плиткой. — Значит, дело обстоит так. Вилли купил права на бестселлер, который называется «Торговец рабынями». Это — кусок дерьма, написанный для неграмотных юнцов лет четырнадцати и безмозглых домохозяек, что каждый месяц давятся в очереди за последним любовным романом. Чтиво, под которое дебилам хорошо заниматься онанизмом. Естественно, эта чушь разошлась в трех миллионах экземпляров. Мы заполучили права до публикации. У Вилли кто-то есть в издательстве «Баллантайн» — тот, кто предупреждает его, когда вот такое дерьмо имеет шанс прорваться в бестселлеры.

— Все это, конечно, заманчиво... — тихо сказала Шейла.

— Куда уж, к черту, заманчивее. В кино, естественно, от книги останутся только основная сюжетная линия да дешевый секс. Но у нас над этим поработают хорошие специалисты. Майкл Мей-Дрейнен уже приступил к сценарию, а Шуберт Уильямс согласился быть режиссером.

— Шу Уильямс? — Шейла несколько опешила. Уильямс только что закончил нашумевший фильм для Эм-джи-эм. Она опустила взгляд на пузырящуюся поверхность бассейна. — Боюсь, материал такого рода вряд ли нас заинтересует. — Затем продолжила: — Моя мама... я хочу сказать, мы очень осторожно подходим к материалу, с которого должна начаться моя карьера в кино.

— Ну да! — воскликнул Хэрод и допил то, что у него оставалось в бокале. — Два года назад ты снялась в «Надежде Шенерли». Умирающая девушка встречается с умирающим аферистом в мексиканской клинике, они отказываются от погони за очередной панацеей и находят настоящее счастье в последние недели своей жизни. С ума сойти! Как писала критика: «От одних роликов этой сахарной клюквы у диабетиков начинается приступ...»

— Там была очень плохая реклама...

— Этому надо радоваться, крошка. Затем, в прошлом году, твоя мамочка засунула тебя к Уайзу в эту его лабуду «К востоку от счастья». Из тебя хотели сделать новую Джули Эндрюс в этой дешев-

ке, в дрянном плагиате «Звуков пузика»[1]. Хотели, да не сумели. И еще. Шестидесятые годы, хиппи, всякие там дети-цветы уже в прошлом, теперь пришли злые восьмидесятые, и, хотя я вам не агент и вообще никто, мисс Баррингтон, я вам вот что скажу: стараниями вашей мамочки и всей этой тусовки ваша карьера в кино сидит глубоко в жопе. Они пытаются сделать из вас нечто типа Мари Осмонд... Знаю, знаю, вы принадлежите к церкви Святых Последних Дней, ну и что? На обложке «Вог» и «Семнадцать» ты выглядела роскошно, а теперь готова спустить все это в унитаз. Они пытаются продать тебя как невинную двенадцатилетнюю девочку, но теперь такое уже не проходит.

Шейла сидела не шевелясь. Мысли ее метались, она никак не могла придумать, что сказать. Ей ужасно хотелось послать этого коротышку-тролля к черту, но она не знала, как это сделать потактичней. Все ее будущее зависело от следующих нескольких минут, а в голове была полная путаница.

Хэрод вылез из воды и пошлепал босыми ногами к бару, устроенному среди папоротников. Он налил себе высокий бокал грейпфрутового сока и оглянулся на Шейлу:

— Хочешь чего-нибудь, детка? Тут у меня есть все. Даже гавайский пунш, если ты сегодня настроена на особо мормонский лад.

Она покачала головой.

Продюсер снова опустился в бассейн и поставил бокал себе на грудь. Взглянув на зеркало в стене, он почти незаметно кивнул:

— Ладно. Поговорим про «Торговца рабынями», или как там он будет называться в конце концов.

— Я не думаю, что нас заинтересует...

— Ты получишь четыреста тысяч сразу, — сказал Хэрод, — плюс процент дохода от картины, но от него ты вряд ли что увидишь, если учесть привычки нашей бухгалтерии. Самое главное, что ты на этом заработаешь, — это имя. С этим именем тебя возьмет любая студия в Голливуде. Фильм будет потрясным, поверь мне, детка. Я нюхом чую кассовый фильм уже после первого черновика развернутого плана. Тут пахнет большими деньгами.

— Боюсь, мне это не подойдет, мистер Хэрод. Мистер Борден сказал, что, если меня не заинтересует первое предложение, мы могли бы...

---

[1] Джули Эндрюс (р. 1935) исполнила главную роль в мюзикле Роберта Уайза «Звуки музыки» (1965).

— Съемки начинаются в марте, — перебил Хэрод. Он сделал большой глоток и закрыл глаза. — Шуберт утверждает, что они займут недель двенадцать, так что рассчитывай на двадцать. Натурные съемки будут в Алжире, Испании, несколько дней в Египте, потом еще недели три в студии «Пайнвуд» — дворцовые сцены и прочее.

Шейла встала. Капельки воды блестели на ее икрах. Она уперла руки в боки и сердито взглянула на безобразного коротышку в бассейне. Хэрод лежал, не открывая глаз.

— Вы меня не слушаете, мистер Хэрод, — резко бросила она. — Я сказала — нет. Я не стану играть в вашем фильме. Ведь я даже не видела сценария. Так что можете взять своего «Торговца рабынями», или как там его, и... и...

— Засунуть себе в жопу? — Хэрод открыл глаза. Это было похоже на то, как если бы проснулась ящерица. Вода бурлила на его покрытой шерстью груди.

— До свидания, мистер Хэрод.

Девушка резко повернулась и направилась к выходу. Она успела сделать три шага, когда он окликнул ее:

— Боишься постельных сцен, детка?

Она замедлила было шаг, потом пошла дальше.

— Боишься постельных сцен, — повторил Хэрод, на сей раз без вопросительной интонации.

Шейла дошла уже до двери, но остановилась и, крепко сжав кулаки, повернулась к нему:

— Я еще не видела сценария! — Голос ее прервался, и, к собственному изумлению, она чуть не расплакалась.

— Конечно, там есть постельные сцены, — продолжал Хэрод, как будто она не сказала ни слова. — Там есть эпизод, от которого все сопляки в зале кончат. Можно, конечно, использовать дублершу... Можно, но не нужно. Ты сама с этим справишься.

Шейла мотнула головой. В ней закипела ярость, которую невозможно было выразить словами. Она повернулась и, как слепая, потянулась к ручке двери.

— Стой! — Тони Хэрод сказал это тихим, еле слышным голосом, но он подействовал на нее сильнее, чем крик.

Она остановилась как вкопанная. Казалось, ее шею стискивают холодные пальцы.

— Подойди сюда.

Девушка молча повиновалась. Хэрод лежал в воде, скрестив на груди руки с длинными пальцами-щупальцами. Глаза его, влаж-

ные, с тяжелыми веками, были почти закрыты — ленивый взгляд крокодила. Какая-то часть сознания Шейлы в панике дико сопротивлялась, а другая просто наблюдала за всем происходящим с возрастающим интересом.

— Сядь.

Она села на край бассейна в метре от него, опустив свои длинные ноги в воду. Белая пена покрыла ее загорелые бедра. Казалось, ее собственное тело было очень далеко от нее и она смотрела на себя как бы со стороны.

— Так вот, я и говорю, ты сама справишься, детка. Все мы немного эксгибиционисты, а тут тебе еще заплатят целое состояние за то, что тебе и так хотелось бы делать.

Словно преодолевая некий жуткий ступор, Шейла подняла голову и взглянула в упор на Тони Хэрода. В пятнистом свете оранжереи зрачки его глаз открылись так широко, что казались черными дырками на бледном лице.

— Вот как сейчас, — очень тихо сказал он. Возможно, он вообще ничего не говорил. Слова будто сами проскользнули в мозг Шейлы, как холодные монеты, опускающиеся в темную воду. — Здесь ведь тепло. Зачем тебе этот купальник?

Шейла смотрела на него широко раскрытыми глазами. Где-то далеко-далеко, в конце тоннеля, она видела себя маленькой девочкой, готовой расплакаться. В изумлении она наблюдала, как рука ее поднялась и потянула материю книзу, край купальника врезался в выпуклость груди. На коже осталась тонкая красная полоска от резинки.

Хэрод почти незаметно улыбнулся и кивнул.

Словно получив разрешение, Шейла резко дернула купальник. Грудь ее мягко колыхнулась, когда с нее соскользнула оранжевая ткань. Нежная кожа была изумительно белой, только кое-где виднелись мелкие веснушки. Соски быстро набухли и выпрямились от прохладного воздуха. Их окружали большие ярко-коричневые ореолы с несколькими черными волосками по краям; Шейла считала, что это очень красиво, и никогда их не выдергивала. Об этом никто не знал. Она не разрешала фотографировать свою грудь даже Аведону.

Лицо Хэрода теперь виделось ей просто бледным пятном. Комната, казалось, накренилась и стала вращаться. Гул машины, вспенивающей воду бассейна, усилился и звоном отдавался в ее ушах. И тут Шейла почувствовала, как в ней что-то шевельнулось, ее стала наполнять какая-то приятная теплота. Появилось ощуще-

ние, будто чья-то рука нежно ласкает ее между ног. Девушка резко вздохнула, почти вскрикнула; спина ее невольно выгнулась.

— Здесь правда очень тепло, — сказал Тони Хэрод.

Шейла провела руками по лицу, коснулась век с чувством, похожим на изумление, потом погладила ладонями шею, ключицы и остановилась, когда пальцы прижались к груди, где начиналась белая полоска. Она чувствовала, как в артерии на шее бьется пульс, словно испуганная птица в клетке. Потом ее руки скользнули еще ниже, спина снова выгнулась, когда ладони коснулись сосков, ставших болезненно чувствительными. Она приподняла грудь, как учил ее доктор Кеммерер, когда ей было четырнадцать, но сейчас она не осматривала ее, а только сжала, еще сильнее, и ей захотелось взвизгнуть от наслаждения.

— Купальник вообще не нужен, — снова прошептал Хэрод.

Шептал он или нет? Шейла была как в тумане. Она смотрела прямо на него, но губы его не шевелились. Они были растянуты в полуулыбке, обнажая маленькие зубы, похожие на острые белые камешки.

Но это было не важно. Гораздо важнее было освободиться от липнущего к телу купальника. Шейла еще ниже опустила ткань, ниже легкой выпуклости живота, потом приподняла ягодицы и протащила под ними резинку. Теперь купальник был всего лишь куском материи, болтавшейся на одной ноге, и она рывком скинула его. Она глянула вниз на свое тело, на внутренний изгиб бедра, на лобок с узким треугольником волос. У нее снова закружилась голова, на этот раз от невероятности происходящего, но тут она почувствовала мягкое касание внутри и откинулась назад, опершись на локти.

Бурлящая вода покрывала ее бедра. Шейла подняла руку и медленно провела пальцами по голубой вене, пульсирующей на белой коже груди. Малейшее касание обжигало ее тело, как огонь. Вода в бассейне плескалась в такт резким ударам ее сердца. Она согнула правую ногу и погладила промежность, затем ладонь ее двинулась выше, стирая капельки воды, блестевшие на тонких золотистых волосках. Теплота наполнила ее всю до краев. Налившаяся кровью вульва пульсировала сладостно, как в те интимные минуты перед сном, только сейчас не было стыда, а лишь горячее желание испытать *это* прямо здесь, и она со стоном раздвинула ноги.

— Мне тоже не нужен купальник. Слишком жарко. — Хэрод допил сок, выбрался из бассейна и поставил стакан подальше от края.

Шейла повернулась, чувствуя, как прохладные плиты касаются ее обнаженных бедер. Длинные волосы почти скрывали ее лицо, она поползла вперед на локтях, слегка приоткрыв рот. Хэрод откинулся назад, лениво болтая ногами в воде. Шейла остановилась и подняла на него глаза. Ласковое поглаживание там, в глубине мозга, усилилось, невидимые пальцы нашли самую чувствительную эрогенную точку и стали медленно, как бы дразня, скользить вокруг нее. Шейла со стоном выдохнула и невольно стиснула бедра — внутри горячими волнами, одна за другой, прошел первый оргазм. Шепот в голове усилился — это был дразнящий шелест, казавшийся частью наслаждения.

Грудь ее коснулась пола, она потянулась и стащила плавки Тони одним быстрым и в то же время грациозным движением. Скомканная ткань скользнула по коленям тролля и упала в воду. Низ его живота тоже был покрыт черной шерстью. Бледный вялый пенис медленно зашевелился в своем темном гнезде.

Шейла подняла глаза и увидела, что улыбка исчезла с лица продюсера. Глаза его были всего лишь отверстиями в бледной маске. Никакого возбуждения, только сосредоточенность хищника, пригвоздившего взглядом свою жертву. Но ей было уже все равно. Она не понимала, что происходит. Чувствовала только, как поглаживание где-то в глубине мозга усилилось и перешло за грань экстаза и боли. Чистое наслаждение, как от наркотика, потекло по всем ее жилам.

Шейла прильнула щекой к бедру Хэрода и потянулась правой рукой к его пенису. Он лениво отбросил ее руку. Она закусила губу и застонала. В ней бушевал смерч ощущений, ее подстегивали только страсть и боль. Ноги ее беспорядочно дергались, как при спазмах, она корчилась на краю бассейна, губы жадно скользили по солоноватой поверхности бедра Хэрода. Она почувствовала привкус собственной крови во рту, и рука ее невольно потянулась к мошонке Хэрода. Согнув правую ногу в колене, он мягко столкнул девушку в бассейн. Но тело ее продолжало прижиматься к его ногам; постанывая, она судорожно искала руками его плоть.

Вошла Мария Чэнь, подключила телефон к розетке в стене и поставила его на пол рядом с Хэродом.

— Вашингтон на проводе. — Она мимоходом взглянула на Шейлу и вышла.

Тепло и возбуждение покинули мозг и тело Шейлы с такой внезапностью, что она вскрикнула от боли. Она тупо смотрела перед собой несколько секунд, потом попятилась назад в глубину

бассейна. Ее тут же начало сильно трясти, и она прикрыла грудь руками.

— Хэрод у телефона. — Продюсер встал, подошел к плетеному креслу и набросил на себя бархатный халат.

Не веря своим глазам, Шейла смотрела, как под тканью исчезли его бледные чресла. Ее затрясло еще сильнее, по телу побежали мурашки. Она впилась ногтями в свои волосы и опустила лицо к воде.

— Да? — сказал Хэрод. — А-а, проклятье! Когда? Ты уверен, что он был на борту? Вот черт! Оба? А эта, как ее?.. Сука... Нет-нет, я сам разберусь. Нет. Я сказал — сам разберусь! Да. Дня через два приеду. — Он с грохотом бросил трубку и рухнул в кресло.

Шейла схватила купальник, лежавший на краю бассейна. Все еще дрожа и плохо соображая, она присела на корточки в пенящейся воде и натянула купальник. Она плакала навзрыд, сама того не замечая. «Этого не могло быть!» — беспомощно крутилась у нее в голове единственная мысль.

Хэрод взял пульт от огромного телеэкрана, вмонтированного в стену, и нажал кнопку. Экран сразу ожил, и Шейла увидела себя сидящей на краю небольшого бассейна. Вот она посмотрела в сторону бессмысленным взглядом, улыбнулась, как будто ей привиделось что-то приятное, и потянула свой купальник вниз. Показалась белая грудь, торчащие соски, большие ареолы, отчетливо коричневые даже в плохом освещении...

— Нет! — вскрикнула она и стала молотить кулаками по воде.

Хэрод повернул голову и посмотрел на нее, — казалось, он увидел ее в первый раз. Тонкие губы сложились в подобие улыбки.

— Боюсь, наши планы немного изменились, — тихо сказал он. — Мистер Борден не сможет заняться этим фильмом. Я буду твоим единственным продюсером.

Шейла перестала молотить по воде как безумная. Ее мокрые волосы свисали на лицо, рот раскрылся, с подбородка капали слезы. Слышны были только ее безудержные рыдания да гудение джакузи.

— Будем придерживаться первоначального расписания съемок, — бросил Хэрод почти безучастно.

Он взглянул на экран, где Шейла Баррингтон, извиваясь, ползла по темным плиткам. Показалось обнаженное тело мужчины. Камера выхватила лицо девушки крупным планом: она терлась щекой о бледное волосатое бедро. Глаза ее горели от страсти, красный рот пульсировал, смыкаясь и размыкаясь, как у рыбы.

— Я думаю, мистер Борден больше не будет делать с нами фильмов, — продолжил Хэрод. Он повернул к ней голову, глаза его медленно мигнули, как черные маяки. — С этого момента в деле остаемся только мы с тобой, детка.

Губы Хэрода дрогнули, и Шейла снова увидела маленькие острые зубы.

— Боюсь, мистер Борден вообще ни с кем больше не будет делать никаких фильмов. — Он опять повернулся к экрану и тихо добавил: — Вилли погиб.

Глава 3

Чарлстон
Суббота, 13 декабря 1980 г.

Когда я проснулась, сквозь ветви пробивались яркие лучи солнца. Был один из тех хрустальных зимних дней, из-за которых стоит жить на юге: совсем не то, что на севере, где эти янки просто с тоской пережидают зиму. Над крышами виднелись зеленые верхушки пальм. Когда мистер Торн принес мне завтрак на подносе, я велела ему слегка приоткрыть окно. Я пила кофе и слушала, как во дворе играют дети. Несколько лет назад мистер Торн принес бы вместе с подносом утреннюю газету, но я уже давно поняла, что читать о глупостях и мировых скандалах — лишь осквернять утро. По правде сказать, жизнь общества все меньше занимала меня. Уже двенадцать лет я обходилась без газет, телефона и телевизора и никак от этого не страдала, если только не назвать страданием растущее чувство самоудовлетворения. Я улыбнулась, вспомнив разочарование Вилли, когда он не смог показать нам свои видеокассеты. Вилли такой ребенок!

— Сегодня суббота, не так ли, мистер Торн? — Когда он кивнул, я приказала ему жестом убрать поднос. — Сегодня мы выйдем из дому. На прогулку. Возможно, сплаваем к форту. Потом пообедаем «У Генри» — и домой. Мне надо сделать кое-какие приготовления.

Мистер Торн слегка задержался и чуть не споткнулся, выходя из комнаты. Я как раз завязывала пояс халата, но тут остановилась — прежде мистер Торн не позволял себе неловких движений. До меня как-то сразу дошло, что он тоже стареет. Он поправил тарелки на подносе, кивнул и вышел.

В такое прекрасное утро я не собиралась огорчать себя мыслями о старости. Меня наполняли новая энергия и решимость. Вчерашняя встреча прошла не слишком удачно, но и не так плохо, как могло быть. Я честно сказала Вилли и Нине о том, что намерена выйти из Игры. В следующие несколько недель или месяцев они — или, по крайней мере, Нина — начнут задумываться над возможными последствиями этого решения, но к тому моменту, когда они соберутся действовать, вместе или поодиночке, я уже исчезну. Новые, да и старые документы уже ожидали меня во Флориде, в Мичигане, Лондоне, южной Франции и даже в Нью-Дели. Хотя Мичиган был пока исключен — я отвыкла от сурового климата. А Нью-Дели стал теперь не так гостеприимен к иностранцам, как перед войной, когда я недолго жила там.

В одном Нина была права: возвращение в Европу пойдет мне на пользу. Я чувствовала, что уже тоскую по яркому солнечному свету в моем загородном доме близ Тулона, по сердечности местных крестьян и их умению жить.

Воздух был потрясающе свежим. На мне было простое ситцевое платье и легкое пальто. Когда я спускалась по лестнице, артрит в правой ноге немного мешал мне, но я опиралась на старую трость, принадлежавшую когда-то моему отцу. Молодой слуга-негр вырезал ее для отца в то лето, когда мы переехали из Гринвилла в Чарлстон.

Во дворе нас обдало теплым ветром, и я невольно улыбнулась.

Из своего подъезда вышла миссис Ходжес. Это ее внучки играли с подружками вокруг высохшего фонтана. Уже два столетия двор этот был общим для трех кирпичных зданий. Из них только мой дом не разделен на дорогие городские квартиры.

— Доброе утро, миз Фуллер.

— Доброе утро, миссис Ходжес. Прекрасный день сегодня.

— Замечательный. Собираетесь пройтись по магазинам?

— Нет, всего лишь на прогулку, миссис Ходжес. Странно, что мистера Ходжеса не видно. Мне казалось, по субботам он всегда работает во дворе.

Миссис Ходжес нахмурилась. Мимо пробежала одна из ее маленьких внучек, а за ней с визгом промчалась ее подружка.

— Джордж сегодня на причале.

— Днем?

Мне всегда было забавно лицезреть мистера Ходжеса, отправляющегося по вечерам на работу: форма охранника аккуратно выглажена, из-под фуражки торчат седые волосы, сверток с едой креп-

ко зажат под мышкой. Мистер Ходжес был похож на пожилого ковбоя, с его дубленой кожей и кривыми ногами. Он был из тех людей, которые вечно собираются уйти на пенсию, но понимают, что образ жизни пенсионера — это нечто вроде смертного приговора.

— Да. Один из этих цветных из дневной смены бросил работу в хранилище, и они попросили Джорджа заменить его. Я сказала ему, что он уже не мальчик — выходить четыре ночи в неделю, а потом еще и в субботу, но вы же знаете, что это за человек...

— Ну что ж, передайте ему привет от меня. — Мне уже становилось не по себе от этой детской беготни вокруг фонтана.

Миссис Ходжес проводила меня до наших железных кованых ворот.

— Вы куда-нибудь едете отдыхать, миз Фуллер?

— Вероятно, миссис Ходжес. Вполне вероятно.

И вот уже мы с мистером Торном идем не торопясь по тротуару к Батарее. По узкой улочке медленно проехали несколько автомобилей с туристами, которые глазели на дома в нашем старом квартале, но в общем день обещал быть спокойным и безмятежным. Мы свернули на Брод-стрит, откуда уже виднелись мачты яхт и парусных лодок, хотя до воды было еще далеко.

— Пожалуйста, купите билеты, мистер Торн, — попросила я. — Мне бы хотелось посмотреть форт.

Как и большинство людей, живущих по соседству с известной достопримечательностью, я уже много лет просто не замечала ее. Сегодняшнее посещение форта для меня сентиментальный поступок. Я все больше примирялась с мыслью, что мне придется навсегда покинуть эти места. Одно дело планировать какой-то шаг, и совсем другое — столкнуться с его неизбежной реальностью.

Туристов было мало. Паром отошел от причала и двинулся в путь по спокойной воде гавани. Солнечное тепло и мерный стук дизеля навевали сон, и я слегка задремала. Проснулась я, когда паром уже причаливал к острову у темной громадины форта.

Некоторое время я двигалась вместе с группой туристов, наслаждаясь катакомбной тишиной нижних уровней и даже получая удовольствие от бессмысленно-певучего голоса девушки-экскурсовода. Но когда мы вернулись в музей с его пыльными диорамами и мишурными наборами слайдов, я снова поднялась по лестнице на внешние стены. Жестом велев мистеру Торну оставаться у лестницы, я вышла на бастион. У стены стояла только одна пара — молодые люди с ребенком в ужасно неудобном на вид рюкзачке и с дешевым фотоаппаратом.

Момент был очень приятный. С запада надвигался полуденный шторм, он служил темным фоном для все еще освещенных солнцем шпилей церквей, кирпичных башен и голых ветвей города. Даже на расстоянии двух миль можно было видеть, как по тротуару Батареи прогуливаются люди. Опережая темные тучи, налетел ветер и стал швырять белые комья пены в борта покачивающегося парома и на деревянную пристань. В воздухе пахло рекой и предзакатной сыростью.

Нетрудно было представить себе, как все происходило в тот давний день. Снаряды падали на форт, пока не превратили его верхние этажи в кучи щебня, которые все же давали какую-то защиту. С крыш за Батареей люди вопили «ура» при каждом выстреле. Яркие цвета разодетой толпы и солнцезащитных зонтиков, наверное, приводили в ярость артиллеристов-северян, и в конце концов один из них выстрелил из орудия поверх крыш, усеянных людьми. Отсюда, должно быть, забавно было наблюдать за последовавшей затем паникой.

Мое внимание привлекло какое-то движение в воде. Что-то темное скользило по серой поверхности, темное и молчаливое, как акула. Мысли о прошлом улетучились: я узнала силуэт подлодки «Поларис», старой, но все еще действующей. Она беззвучно разрезала темные волны, которые пенились о корпус, зализанный, как тело дельфина. На крыше рубки стояли несколько человек, закутанных в тяжелую одежду и в низко надвинутых фуражках. На шее одного из них висел огромных размеров бинокль, — наверное, это был капитан. Он указывал пальцем куда-то за остров Салливана. Я пристально смотрела на него. Периферийное зрение понемногу исчезло, когда я вошла в контакт с ним через все это водное пространство. Звуки и ощущения доносились до меня, словно с большого расстояния.

Напряжение. Удовольствие от соленых брызг, бриз с норд-норд-веста. Беспокойство по поводу запечатанного конверта с инструкциями внизу в каюте. Песчаные отмели по левому борту.

Внезапно я вздрогнула: кто-то подошел ко мне сзади. Я повернулась, и контакт с лодкой тут же пропал. Рядом стоял мистер Торн, хотя я его не звала. Я уже открыла было рот, чтобы отослать его назад к лестнице, когда поняла, отчего он приблизился. Молодой человек, до того фотографировавший свою бледную жену, шел ко мне. Мистер Торн сделал движение, чтобы остановить его.

— Извините, мисс, можно вас попросить об одолжении? Вы не могли бы снять нас? Вы или ваш муж.

Я кивнула, и мистер Торн взял протянутый фотоаппарат, который выглядел очень маленьким в его длинных пальцах. Два щелчка, и эта пара могла чувствовать себя удовлетворенной: их присутствие здесь останется увековеченным для потомства. Молодой человек заулыбался как идиот, кивая. Младенец заплакал: подул холодный ветер. Я оглянулась на подводную лодку, но та ушла уже далеко; ее серая рубка виднелась как тонкая полоска, соединяющая море и небо.

Так получилось, что, когда мы плыли обратно и паром уже поворачивал к причалу, совершенно незнакомый человек рассказал мне о смерти Вилли.

— Ужасно, правда?

Какая-то болтливая старуха увязалась за мной, когда я пошла на палубу. Хотя ветер был довольно холодный и я дважды меняла место, чтобы оградить себя от ее глупой болтовни, эта дура явно выбрала меня в качестве мишени своего словоизвержения на все оставшееся время поездки. Ее не останавливали ни моя сдержанность, ни хмурый вид мистера Торна.

— Просто ужасно, — продолжала она. — И все ведь случилось в темноте, ночью.

— О чем вы? — спросила я, движимая нехорошим предчувствием.

— Ну как же, я про авиакатастрофу. Вы что, не слышали? Это, наверное, было так страшно, когда они упали в болото, и все остальное. Я сказала своей дочери утром...

— Какая катастрофа? Где?

Старуха немного опешила от резкости моего тона, но дурацкая улыбка так и осталась у нее на лице, как приклеенная.

— Прошлой ночью. Или сегодня рано утром. Я сказала дочери...

— Где? Что за самолет? — Уловив тон моего голоса, мистер Торн придвинулся ближе.

— Самолет из Чарлстона, — продребезжала она. — Там в кают-компании есть газета, в ней все сказано. Ужасно, правда? Восемьдесят пять человек. Я сказала дочери...

Я повернулась и пошла вниз, оставив ее у поручня. Около стойки буфета лежала скомканная газета, и в ней под огромным заголовком из четырех слов были напечатаны немногочисленные подробности смерти Вилли. Рейс сто семнадцать до Чикаго вылетел из международного аэропорта Чарлстона в 12:18. Через двадцать

минут самолет взорвался в воздухе недалеко от города Колумбия. Обломки фюзеляжа и тела пассажиров упали в болото Конгари, где и были обнаружены рыбаками. Спасти никого не удалось. ФБР и другие ведомства начали расследование.

В ушах у меня громко зашумело, и мне пришлось сесть, чтобы не упасть в обморок. Влажными руками я ухватилась за виниловую обивку. Мимо меня к выходу потянулись люди.

Вилли мертв. Убит. Нина уничтожила его. Голова моя шла кругом. В первые несколько секунд я подумала, что, возможно, это заговор, хитрая ловушка, в которую Вилли и Нина хотят заманить меня, внушив, будто опасность угрожает мне теперь только с одной стороны. Хотя нет, не похоже. Если Нина вовлекла Вилли в свои планы, для таких нелепых махинаций просто не было резона.

Вилли мертв. Его останки разбросаны по вонючему захолустному болоту. Очень легко вообразить себе его последние минуты. Он наверняка сидел в роскошном кресле салона первого класса, со стаканом в руке, возможно, переговаривался с кем-нибудь из своих спутников. Потом — взрыв, крики, внезапная тьма, жуткий крен и падение в небытие. Я вздрогнула и стиснула металлическую ручку кресла.

Как Нине удалось это сделать? Вряд ли она прибегла к помощи кого-то из свиты Вилли. Нине было вполне по силам Использовать одного из его подручных, особенно если учесть ослабевшую Способность Вилли, но у нее не было причины делать это. Она могла Использовать любого человека, летевшего тем рейсом. Конечно, это непросто. Требуются сложные приготовления: заставить человека изготовить бомбу, потом стереть всякую память об этом, что совсем непросто; наконец, она должна была совершить невозможное: Использовать кого-то как раз тогда, когда мы сидели у меня и пили кофе с коньяком. Но Нина сделала это. Да, сделала. И потом, ведь выбор именно этого времени мог означать только одно.

Последний турист поднялся на палубу. Я почувствовала легкий толчок и поняла, что мы причалили. Мистер Торн стоял у двери.

Выбор момента означал, что Нина пыталась справиться с нами обоими сразу. Очевидно, она спланировала все это задолго до нашей встречи и моего робкого заявления о выходе из Игры. Как оно, должно быть, позабавило Нину! Неудивительно, что она отреагировала так великодушно. Но она все же сделала одну большую ошибку. Нина сначала принялась за Вилли, полагая, что я ничего не узнаю об этом, а она тем временем займется мною. Она

знала, что я не слежу за ежедневными новостями и даже не имею такой возможности, к тому же теперь редко выхожу из дому. И все же это было не похоже на Нину — оставлять хоть что-то на волю случая. А может, она решила, что я совершенно потеряла Способность и Вилли представляет бóльшую угрозу?

Из пассажирского салона мы вышли на серый послеполуденный свет. Я тряхнула волосами. Ветер продувал мое тонкое пальто насквозь. Трап я видела сквозь пелену и только тут поняла, что глаза мои застилают слезы. По кому я плакала? По Вилли? Вилли был напыщенный, слабый, старый дурак. Или из-за предательства Нины? Не знаю, может быть, просто от резкого ветра.

На улицах Старого города почти не было пешеходов. Под окнами роскошных домов голые ветви постукивали друг о друга. Мистер Торн держался рядом со мной. От холодного воздуха правую ногу до самого бедра пронизывала артритная боль. Я все тяжелее опиралась на трость.

Каким будет следующий ход Нины? Я остановилась. Кусок газеты, подброшенный ветром, обернулся вокруг моей щиколотки, потом полетел дальше.

Как она попытается добраться до меня? Вряд ли с большого расстояния. Она где-то здесь, в городе. Я была в этом уверена. Вообще-то, можно Использовать человека и на большом расстоянии, но это требует тесного контакта, почти интимного знакомства с этим человеком, и если потерять этот контакт, то восстановить его на расстоянии очень трудно, почти невозможно. Никто из нас не знал, почему так происходит, но теперь это было не важно. При мысли о том, что Нина все еще где-то поблизости, сердце мое учащенно заколотилось.

Нет, большое расстояние исключено. Человек, которого она будет Использовать, нападет на меня, и я увижу нападающего. Я была в этом уверена, иначе и быть не могло, иначе это была бы не Нина. Конечно, гибель Вилли — это вовсе не Подпитка, а лишь простая техническая операция. Нина решила свести со мной старые счеты, и Вилли являл для нее препятствие, небольшую, но вполне отчетливую угрозу, которую следовало устранить, прежде чем приступить к выполнению главного плана. Мне было нетрудно представить, что сама Нина считала свой способ убрать Вилли чуть ли не актом сострадания. Со мной — другое дело. Я знала, Нина постарается дать мне понять, хотя бы на мгновение, что именно она стоит за нападающим. В каком-то смысле ее тщеславие само подаст мне сигнал тревоги. Во всяком случае, я на это надеялась.

Огромным соблазном было уехать сейчас же, немедленно. Мистер Торн мог завести «ауди», и через час мы были бы уже вне пределов ее досягаемости, а еще через несколько часов я могла бы начать новую жизнь. В доме, конечно, останутся ценные вещи, но при тех средствах, что я запасла в разных местах, их легко можно будет заменить, по крайней мере бóльшую их часть. Возможно, стоило оставить все здесь вместе с отброшенной личиной, с которой эти вещи были связаны.

Нет, я не могу уехать. Не сейчас.

Стоя на противоположной стороне улицы, я смотрела на свой дом: он казался темным и зловещим. Я не могла вспомнить, сама ли я задернула шторы на втором этаже. Во дворе мелькнула тень — это внучка миссис Ходжес и ее подружка перебегали от двери к двери. Я в нерешительности стояла на краю тротуара и постукивала отцовской тростью по темной коре дерева. Конечно, медлить было глупо, но мне уже давно не приходилось принимать решения в напряженной обстановке.

— Мистер Торн, идите и проверьте дом. Осмотрите все комнаты. Возвращайтесь быстрее.

Я наблюдала, как темное пальто мистера Торна сливается с мраком двора. Вновь подул холодный ветер. Оставшись в одиночестве, я чувствовала себя весьма уязвимой и поймала себя на том, что посматриваю по сторонам: не мелькнут ли где-нибудь в конце улицы темные волосы мисс Крамер? Но никаких признаков движения не наблюдалось, только молодая женщина далеко от меня катила по тротуару детскую коляску.

Штора на втором этаже взлетела вверх, и с минуту там маячило бледное лицо мистера Торна, выглядывавшего наружу. Потом он отвернулся, а я продолжала напряженно смотреть на темный прямоугольник окна. Крик во дворе заставил меня вздрогнуть, но то была всего лишь маленькая девочка — забыла ее имя, — она звала свою подружку. Кэтлин, вот как ее зовут. Дети уселись на край фонтана и занялись пакетиком с печеньем. Я наблюдала за ними некоторое время, потом расслабилась и даже слегка улыбнулась: все-таки у меня определенно мания преследования. На секунду я подумала: не Использовать ли мистера Торна напрямую? Но мне вовсе не хотелось стоять здесь на улице совершенно беспомощной, и я отказалась от этой идеи. Когда находишься в полном контакте, органы чувств работают, но как бы на большом расстоянии.

«Быстрее». Я послала эту мысль почти без волевого усилия. Двое бородатых мужчин шли по тротуару с моей стороны ули-

цы. Я перешла проезжую часть и остановилась перед калиткой своего дома. Мужчины смеялись и, разговаривая, жестикулировали. «Быстрее».

Мистер Торн вышел из дома, запер за собой дверь и пересек двор, направляясь ко мне. Одна из девочек что-то сказала ему и протянула печенье, но он не обратил на нее внимания. Затем он отдал мне большой ключ от парадной двери, я опустила его в карман пальто и испытующе глянула на мистера Торна. Он кивнул. Его безмятежная улыбка была невольной насмешкой над овладевшим мною ужасом.

— Вы уверены? — спросила я; он снова кивнул. — Вы проверили все комнаты? Всю сигнализацию? — (Кивок.) — Вы посмотрели подвал? Есть какие-нибудь признаки посторонних?

Мистер Торн помотал головой.

Прикоснувшись рукой к металлической ограде, я остановилась. Беспокойство наполняло меня, как разлившаяся желчь. «Глупая уставшая старуха, дрожащая от холода!» Но я не могла заставить себя открыть ворота.

— Пойдемте. — Я пересекла улицу и быстро зашагала прочь от дома. — Мы пообедаем «У Генри», потом вернемся.

Однако я шла вовсе не к старому ресторану, а уходила подальше от дома, охваченная слепой, безрассудной паникой. Я стала понемногу успокаиваться, только когда мы добрались до гавани и пошли вдоль стены Батареи. По улице ехало несколько автомобилей, но тому, кто захочет приблизиться к нам, придется сначала пересечь широкое открытое пространство. Серые тучи опустились совсем низко, сливаясь с серыми вздымающимися волнами бухты.

Свежий воздух и сгущающиеся сумерки придали мне бодрости, теперь я могла отчетливее соображать. Каковы бы ни были планы Нины, мое отсутствие в течение всего дня почти наверняка расстроило их. Вряд ли Нина осталась бы здесь, если бы ей угрожала хоть малейшая опасность. Нет, она, скорее всего, уже возвращается самолетом в Нью-Йорк — именно сейчас, когда я стою здесь у Батареи, дрожа от холода. Утром я получу телеграмму. Я могла даже в точности представить себе, что она там напишет: «Мелани. Как ужасно то, что случилось с Вилли. Скорблю. Могла бы ты полететь со мной на похороны? Целую. Нина».

Я начала понимать, что, кроме всего прочего, причиной моей нерешительности было желание вернуться в тепло и комфорт собственного дома. Я просто боялась сбросить с себя этот старый кокон.

Но теперь я могла это сделать. Подожду в каком-нибудь безопасном месте, а мистер Торн вернется в дом и возьмет там единственную вещь, которую я не вправе оставить. Потом он пригонит машину, и к тому времени, когда придет телеграмма Нины, я буду уже далеко. Тогда уже Нина должна будет шарахаться при виде каждой тени в последующие месяцы и годы. Я улыбнулась и стала продумывать необходимые команды.

— Мелани.

Я резко повернула голову. Мистер Торн молчал двадцать восемь лет. И вот он заговорил.

— Мелани.

Лицо его было искажено улыбкой, похожей на гримасу трупа, видны были даже коренные зубы. В правой руке он держал нож. Как раз в тот момент, когда я повернулась, из рукоятки выскочило лезвие. Я глянула в его глаза и поняла все.

— Мелани.

Длинное лезвие описало мощную дугу, и я ничего не могла сделать, чтобы остановить его. Оно прорезало тонкую ткань рукава пальто и ткнулось мне в бок, но, когда я поворачивалась, моя сумочка качнулась вместе со мной. Нож прорвал кожу, прошел сквозь содержимое сумочки, распорол ткань пальто и царапнул слева вдоль нижнего ребра. В общем, сумочка спасла мне жизнь.

Я подняла тяжелую отцовскую трость и ударила мистера Торна прямо в левый глаз. Он пошатнулся, но не издал ни звука. Затем снова взмахнул ножом, рассекая перед собой воздух по широкой дуге, но я сделала два шага назад, а он теперь плохо видел. Ухватив трость обеими руками, я опять подняла ее, потом опустила неловким рубящим движением. Это было невероятно, но палка снова попала ему в глаз. Я сделала еще три шага назад.

Кровь заливала левую сторону лица мистера Торна, его поврежденный глаз свисал на щеку. Он по-прежнему улыбался этой улыбкой мертвеца. Подняв голову, потянулся левой рукой к щеке, вырвал глаз — при этом какая-то серая жилка лопнула со щелчком — и выбросил его в бухту. Потом он двинулся ко мне. Я развернулась и побежала.

Точнее сказать, я попыталась бежать. Через двадцать шагов боль в правой ноге заставила меня перейти на шаг. Еще через пятнадцать торопливых шагов легкие мои задохнулись без воздуха, а сердце готово было выскочить из груди. Я чувствовала, как что-то мокрое течет по моему левому бедру; там, где лезвие ножа коснулось тела, было немного щекотно, словно к коже прижали кубик

льда. Один взгляд назад, и я увидела, что мистер Торн шагает за мной быстрее, чем я ухожу от него. При обычных обстоятельствах он нагнал бы меня в два счета. Когда Используешь кого-то, трудно заставить его бежать, особенно если тело человека в это время реагирует на шок и травму. Я снова оглянулась, едва не поскользнувшись на гладком тротуаре. Мистер Торн криво ухмыльнулся. Кровь хлестала из его пустой глазницы, окрашивая зубы. Вокруг никого не было видно.

Я побежала вниз по лестнице, цепляясь за поручни, чтобы не упасть, и вышла на улицу. Фонари на столбах мерцали и вспыхивали, когда я проходила мимо. За моей спиной мистер Торн перескочил через ступени в два прыжка. Торопливо поднимаясь по дорожке, я благодарила Бога, что надела туфли на низком каблуке, когда собиралась на прогулку в форт. Интересно, что бы мог подумать случайный свидетель этой нелепой гонки двух старых людей, словно в замедленной съемке? Но свидетелей не было.

Я свернула на боковую улицу. Закрытые магазины, пустые склады. Если пойти налево, я попаду на Брод-стрит. Но тут справа, где-то посередине квартала, из темного подъезда магазина появилась одинокая фигура, и я направилась в ту сторону, совсем уже медленно, почти теряя сознание. Артритные судороги в ноге причиняли мне страшную боль, я чувствовала, что вот-вот просто рухну на тротуар. Мистер Торн шел сзади, шагах в двадцати, и расстояние между нами быстро сокращалось.

Человек, к которому я приближалась, оказался высоким худым негром в коричневой нейлоновой куртке. В руках у него была коробка с фотографиями в рамках. Когда я подошла ближе, он взглянул на меня, потом посмотрел через мое плечо на привидение шагах в десяти от нас.

— Эй! — успел только выкрикнуть негр, и тут я стремительно установила с ним контакт и резко толкнула его.

Он дернулся, как марионетка в неловких руках. Челюсть его отвисла, глаза подернулись пеленой, и, пошатываясь, он шагнул навстречу мистеру Торну, как раз когда тот уже протянул руку, чтобы схватить меня за воротник пальто.

Коробка взлетела в воздух, стеклянные рамки разбились на мелкие осколки от удара о кирпичный тротуар. Длинные коричневые пальцы негра потянулись к белому горлу мистера Торна, вцепились в него, и оба закрутились, как неловкие партнеры в танце. У поворота в переулок я прижалась щекой к холодному кирпичу, чтобы прийти в себя. Я не могла позволить себе отдохнуть хотя

бы секунду: нужно было огромное усилие, чтобы сосредоточиться на управлении этим незнакомцем. Глядя, как двое высоких мужчин неуклюже топчутся на тротуаре, я попыталась сдержать совершенно нелепое желание рассмеяться.

Мистер Торн взмахнул ножом и дважды вонзил его в живот негра. Своими длинными пальцами негр старался выцарапать единственный глаз мистера Торна, а его крепкие зубы щелкали вблизи сонной артерии соперника. Я четко ощутила, как холодная сталь вонзилась в плоть в третий раз, но сердце незнакомца все еще билось, и его все еще можно было использовать. Негр подскочил, зажав тело мистера Торна между ног, а его зубы вонзились в мускулистое горло. Ногти рвали белую кожу, оставляя кровавые полосы. Оба рухнули на асфальт беспорядочной массой.

Убей его. Пальцы негра почти нащупали здоровый глаз мистера Торна, но тот вытянул левую руку и переломил худое запястье. Безжизненные пальцы продолжали дергаться. Огромным усилием мистер Торн уперся локтем в грудь негра и поднял его тело над собой — так отец мог бы подбросить своего ребенка. Зубы вырвали кусок плоти, но серьезных повреждений не было. Мистер Торн поднял нож вверх, влево, потом резко вправо. Вторым движением он почти надвое перерезал горло негра, и их обоих залило кровью. Ноги незнакомца дважды дернулись, мистер Торн отбросил его тело в сторону, а я повернулась и быстро пошла по переулку.

Я снова вышла на свет и поняла, что загнала себя в ловушку. Здесь вплотную к воде подступали задние стены складов и металлический корпус причала без единого окна. Налево уходила извилистая улица, но она была слишком темной, слишком пустынной и длинной, чтобы пытаться уйти по ней. Я оглянулась и увидела, что в конце переулка уже появился темный силуэт.

Я попыталась установить контакт, но там ничего не было. Ничего. Мистер Торн был просто дырой в пространстве. Позже мне долго будет не давать покоя мысль: как Нина добилась этого?

Боковая дверь эллинга была заперта. До главного входа было метров сто, но я не сомневалась, что и она заперта. Мистер Торн стоял, поворачивая голову то влево, то вправо, разыскивая меня. В тусклом свете его лицо, залитое кровью, казалось почти черным. Шатаясь, он заковылял ко мне.

Я подняла отцовскую трость, ударила по нижней части застекленной двери и просунула руку внутрь, стараясь не пораниться об острые торчащие осколки. Если там задвижки сверху и снизу, я погибла. Оказалось, на двери всего лишь простой засов рядом с двер-

ной ручкой. Мои пальцы сначала только скользили по холодному металлу, но потом засов поддался, и дверь открылась, как раз когда мистер Торн шагнул на тротуар за моей спиной. В следующее мгновение я влетела в помещение и задвинула засов.

Внутри было очень темно, от бетонного пола тянуло холодом. Было слышно, как множество небольших суденышек у причала потихоньку колышутся на волнах. Метрах в пятидесяти из окон конторы лился свет. Я надеялась, что здесь есть охранная сигнализация, но здание, видно, было слишком старым, а суда — слишком дешевыми, чтобы устанавливать ее.

Рука мистера Торна вышибла оставшееся в двери стекло, и я зашаркала к свету. Рука исчезла. От страшного удара ногой филенка около засова проломилась, дверь сорвалась с верхней петли. Я глянула в направлении конторы, но оттуда доносился только слабый звук радио. Последовал еще один удар в дверь.

Я повернула направо, прыжком преодолела расстояние около метра и оказалась на носу небольшого катера. Еще пять шагов, и я спряталась в маленьком закутке, который хозяева, наверное, называли носовой кабиной. Закрыв за собой хлипкую дверцу, я глядела наружу сквозь мутный пластик.

Третьим ударом мистер Торн вышиб дверь, которая повисла на длинных полосах расщепленного дерева. Его темная фигура заполнила собой весь проем. В свете далекого фонаря поблескивало лезвие.

Если в конторе кто-то есть, они должны были услышать шум, но оттуда по-прежнему доносился лишь звук радио. Мистер Торн сделал несколько шагов, остановился, потом прыгнул на первую из стоявших в ряд лодок. Это была открытая моторка, и через несколько секунд он снова стоял на бетонном полу. На второй лодке имелась небольшая кабина. Послышался треск дерева — это мистер Торн ударом ноги проломил крохотный люк и тут же вернулся назад. Мой катер стоял в ряду восьмым. Я не понимала, почему он сразу не может найти меня по бешеному стуку сердца.

Переместившись к левому борту, я снова выглянула. Свет просачивался сквозь пластик какими-то полосами и узорами. В освещенном окне конторы мелькнули седые волосы, слышно было, как радио переключили на другую станцию, и громкая музыка разнеслась гулким эхом по длинному помещению. Я метнулась назад, к правому иллюминатору. Мистер Торн выходил из четвертой лодки.

Закрыв глаза и задержав дыхание, я попыталась припомнить те бессчетные вечера, когда я наблюдала, как фигура этого криво-

ногого старика удаляется по улице. Мистер Торн закончил осмотр пятой лодки — это был длинный катер с кабиной и множеством укромных мест — и вернулся на причал.

Шестая лодка оказалась небольшой. Он глянул на нее, но спускаться не стал. Седьмым стоял парусник с опущенной мачтой, накрытой парусиной. Нож мистера Торна рассек толстую ткань. Перепачканные кровью руки отбросили парусину, словно саван, срываемый с тела. Мистер Торн прыжком выскочил назад.

Когда он ступил на нос моего катера, я почувствовала, как тот качнулся под его весом. Спрятаться было решительно негде, тут стоял только крохотный сундучок под сиденьем для хранения всякого добра, но он был чересчур мал. Я развязала парусиновые тесемки, крепившие подушку к скамье. Мое свистящее дыхание, казалось, отдавалось эхом в этом малом пространстве. Я свернулась в углу, загородившись подушкой, и в этот момент ноги мистера Торна мелькнули в иллюминаторе правого борта. Через секунду его лицо, отделенное тонкой перегородкой, оказалось не далее чем в тридцати сантиметрах от моего лица. Улыбка мертвеца, и так неправдоподобно широкая, стала еще шире.

Мистер Торн пригнулся над дверью кабины. Я попыталась упереться в крошечную створку ногами, но правая нога не слушалась. Кулак мистера Торна пробил тонкую перегородку, рука его схватила меня за щиколотку.

— Эй! — Это был дрожащий голос мистера Ходжеса. Он направил луч своего фонарика на наш катер.

Мистер Торн налег на дверь. Я согнула ногу и ощутила резкую боль. Левой рукой, просунутой сквозь сломанную перегородку, он крепко держал мою лодыжку, а его правая рука с ножом появилась в открывшемся люке.

— Эй! — снова крикнул мистер Ходжес, и в это мгновение я направила на него всю силу своей Способности. Старик остановился, бросил фонарь и расстегнул кобуру револьвера.

Мистер Торн размеренно взмахивал ножом. Он чуть было не выбил подушку из моих рук; обрывки поролона разлетелись по всей кабине. Лезвие слегка задело кончик моего мизинца.

Стреляй! Сейчас же!

Мистер Ходжес вскинул револьвер обеими руками и выстрелил. В темноте он промахнулся; звук выстрела эхом разнесся по всему помещению.

Ближе, болван. Подойди ближе!

Мистер Торн снова налег на дверь и попытался протиснуться в образовавшееся отверстие. Когда он на секунду отпустил мою щиколотку, я потянулась к выключателю на потолке и зажгла свет. Изувеченное лицо с пустой глазницей смотрело на меня сквозь сломанную перегородку. Я метнулась в сторону, но он ухватил меня за пальто. Он опустился на колени, намереваясь нанести удар.

Вторым выстрелом мистер Ходжес попал мистеру Торну в бедро. Тот немного осел, издав нечто среднее между стоном и рычанием. Пальто мое порвалось, на палубу со стуком посыпались пуговицы. Нож вонзился в переборку рядом с моим ухом, и рука тут же поднялась для нового замаха.

Мистер Ходжес нетвердо ступил на нос катера, чуть было не потерял равновесие, но потом начал медленно продвигаться вдоль правого борта. Я ударила по руке мистера Торна крышкой люка, однако он не отпускал пальто и продолжал тянуть меня к себе. Я упала на колени. Последовал очередной удар ножом. Лезвие прошло сквозь поролон и рассекло ткань пальто. То, что осталось от подушки, вывалилось у меня из рук. Я остановила мистера Ходжеса в полутора метрах от нас и заставила опереть руки с револьвером о крышу кабины.

Мистер Торн приготовился к удару, держа нож, как матадор держит шпагу. Всем своим существом я ощущала немые вопли триумфа, доносившиеся до меня, словно зловонный дух из этого рта с испачканными кровью зубами. В единственном выпученном глазу горел огонь безумства Нины.

Мистер Ходжес выстрелил. Пуля пробила позвоночник мистера Торна и ударилась в правый борт. Тело его выгнулось, и, раскинув руки, он рухнул на палубу, как огромная рыба, только что выброшенная на берег. Нож упал на пол кабины; белые закостеневшие пальцы судорожно шарили по палубе. Я заставила мистера Ходжеса шагнуть вперед, приставить ствол к виску Торна над оставшимся глазом и нажать на курок. Выстрел прозвучал приглушенно, как в пустоту.

В туалете конторы нашлась аптечка. Я приказала старику сторожить у двери, пока перевязывала мизинец. Еще я выпила три таблетки аспирина.

Пальто мое было изодрано, ситцевое платье перепачкано кровью. Я сполоснула лицо и, как могла, привела в порядок волосы. Невероятно, но моя сумочка все еще была при мне, хотя половина

ее содержимого высыпалась. Переложив ключи, бумажник и очки в большой карман пальто, я бросила сумочку за унитаз. Отцовской трости со мной уже не было, и я не могла вспомнить, где потеряла ее.

Когда я осторожно высвободила тяжелый револьвер из руки мистера Ходжеса, его пальцы так и остались согнутыми. Провозившись несколько минут, я ухитрилась открыть барабан. В нем оставались два патрона. Этот старый дурак ходил с полностью заряженным барабаном! «Всегда оставляй патронник под бойком незаряженным». Так учил меня Чарльз в то далекое беззаботное лето, когда оружие было всего лишь предлогом поехать на остров, чтобы пострелять по мишени. Мы с Ниной много и нервно смеялись, а наши кавалеры направляли и поддерживали нам руки при мощной отдаче от выстрелов, когда мы чуть не падали в крепкие объятия своим чрезвычайно серьезным учителям. «Всегда надо считать патроны», — поучал меня Чарльз, а я в полуобморочном состоянии прислонялась к нему, вдыхая сладкий мужской запах крема для бритья и табака, исходивший от него в тот теплый яркий день.

Мистер Ходжес слегка пошевелился, как только мое внимание ослабло. Рот его широко раскрылся, вставная челюсть нелепо отвисла. Я взглянула на поношенный кожаный поясник, но запасных патронов там не увидела и понятия не имела, где он их хранит. В мозгу у старика мало что осталось, кроме путаницы мыслей, в которой бесконечной лентой прокручивалась одна и та же картинка: ствол, приставленный к виску мистера Торна, вспышка выстрела и...

— Пошли. — Я поправила очки на его безучастном лице, вложила револьвер в кобуру и вышла вслед за ним из здания.

Снаружи было очень темно. Мы двигались от фонаря к фонарю и прошли уже шесть кварталов, когда я заметила, как он дрожит, и вспомнила, что забыла приказать ему надеть пальто. Я крепче сжала мысленные тиски, и он перестал дрожать.

Дом выглядел точно так же, как сорок пять минут назад, света в окнах не было. Я открыла ворота и прошла через двор, пытаясь отыскать в набитом всякой всячиной кармане ключ. Пальто мое было распахнуто, холод ночи пробирал тело до костей. Из освещенных окон с другой стороны двора послышался детский смех, и я поспешила, чтобы Кэтлин, не дай бог, не увидела, как ее дедушка заходит в мой дом. Мистер Ходжес вошел первым, с револьвером

в вытянутой руке. Прежде чем переступить порог, я заставила его включить свет.

Гостиная была пуста, все стояло на своих местах. Свет люстры отражался на полированных поверхностях. Я присела на минутку в старинное кресло в холле, чтобы сердце немного успокоилось. Мистер Ходжес по-прежнему держал револьвер в вытянутой руке, и я даже не позволила ему отпустить взведенный курок. Рука его начала дрожать от напряжения. Наконец я встала, и мы пошли по коридору к оранжерее.

Мисс Крамер вихрем вылетела из двери кухни, тяжелая железная кочерга в ее руке уже описывала дугу. Револьвер выстрелил, пуля застряла в деревянном полу, не причинив никому вреда, а кисть старика повисла, перебитая страшным ударом. Револьвер выпал из безжизненных пальцев, мисс Крамер замахнулась для нового удара.

Я развернулась и побежала назад по коридору. За спиной я услышала звук, словно раскололся арбуз, — это кочерга опустилась на череп мистера Ходжеса. Вместо того чтобы выбежать во двор, я стала подниматься по лестнице. Это было ошибкой. Мисс Крамер нагнала меня у двери спальни уже через несколько секунд. Мельком увидев ее широко распахнутые сумасшедшие глаза и вскинутую кочергу, я захлопнула тяжелую дверь прямо перед ее носом и заперлась. Брюнетка обрушилась на дверь с другой стороны, но она даже не дрогнула. Удары сыпались один за другим.

Проклиная свою глупость, я оглядела знакомую комнату, но здесь не было ничего, что могло бы мне помочь: ни телефона, ни какой-нибудь укромной кладовки. Имелся только старинный гардероб. Я быстро подошла к окну и подняла верхнюю створку. Если я закричу, кто-нибудь может услышать, но это чудовище доберется до меня прежде, чем подоспеет помощь. Она уже пыталась поддеть край двери кочергой. Я выглянула наружу, увидела тени в окне через двор и сделала то, что должна была сделать.

Две минуты спустя дерево вокруг замка начало просить о пощаде, но я едва отдавала себе в этом отчет. Будто во сне, я слышала скрежет кочерги, которой эта женщина пыталась выломать металлическую пластину. Затем дверь в спальню распахнулась.

Искаженное лицо мисс Крамер было покрыто потом, нижняя челюсть отвисла, с подбородка капала слюна. В глазах ее не было ничего человеческого. Ни она, ни я не слышали, как за ее спиной раздались тихие шаги.

Иди, иди. Подними его. Оттяни курок назад. До конца. Обеими руками. Целься.

Но что-то предупредило мисс Крамер об опасности. Не мисс Крамер, конечно, — такого человека больше не существовало, — что-то предупредило Нину. Брюнетка повернулась. Перед ней на верхней ступеньке лестницы стояла маленькая Кэтлин, с тяжелым дедушкиным револьвером в руках. Курок его был взведен, а ствол направлен прямо в грудь мисс Крамер. Вторая девчушка осталась во дворе, она что-то кричала своей подруге.

На этот раз Нина знала, что ей надо убрать эту угрозу. Мисс Крамер замахнулась кочергой, и в это мгновение револьвер выстрелил. Отдача отбросила Кэтлин назад, и она покатилась по лестнице, а над левой грудью мисс Крамер расплылось красное пятно. Хватаясь за перила, чтобы не упасть, она кинулась вниз по лестнице за ребенком. Я оставила девочку в тот момент, когда кочерга опустилась на ее голову, затем поднялась и вновь опустилась. Я подошла к верхней ступеньке лестницы. Мне надо было *видеть*.

Мисс Крамер оторвалась от своего жуткого занятия и подняла на меня глаза. На ее забрызганном кровью лице виднелись только белки глаз. Мужская рубашка была залита ее собственной кровью, но брюнетка все еще двигалась, все еще могла действовать. Левой рукой она подняла револьвер. Рот ее широко раскрылся, оттуда раздался звук, похожий на шипение пара, вырывающегося из старого радиатора.

— Мелани... Мелани...

Это существо принялось карабкаться по лестнице. Я закрыла глаза.

Подружка Кэтлин влетела в открытую дверь, ее маленькие ноги так и мелькали. В несколько прыжков она одолела лестницу и плотно стиснула шею мисс Крамер своими тонкими белыми ручками. Они обе покатились по ступенькам, через тело Кэтлин, к самому основанию широкой лестницы.

Девочка, похоже, отделалась синяками. Я спустилась к ним и оттащила ее в сторону. На скуле у нее расплывалось синее пятно, на руках и лбу краснели царапины и порезы. Она бессмысленно моргала голубыми глазами.

У мисс Крамер была сломана шея, голова ее запрокинулась под совершенно неестественным углом, но она еще была жива. Тело явно парализовано, по полу растеклась лужа мочи, хотя глаза все еще мигали, а зубы омерзительно пощелкивали. Я подняла револь-

вер и ногой отбросила кочергу в сторону. Надо было торопиться. Из дома Ходжесов послышались голоса взрослых. Я повернулась к девочке:

— Вставай.

Она еще раз моргнула и, преодолевая боль, поднялась на ноги.

Я закрыла дверь и сняла с вешалки коричневый плащ. Мне понадобилось не больше минуты, чтобы переложить содержимое карманов и сбросить безнадежно испорченное весеннее пальто. Голоса раздавались уже во дворе.

Встав на колени рядом с мисс Крамер, я схватила ее голову и крепко стиснула руками, чтобы прекратить этот жуткий звук щелкающих зубов. Глаза ее снова закатились, но я резко встряхнула ее, пока не появились зрачки. Потом наклонилась так низко, что наши лица почти соприкоснулись, и прошептала:

— Я доберусь до тебя, Нина. — И этот шепот был громче вопля.

Отпустив голову мисс Крамер так, что та стукнулась об пол, я быстро прошла в оранжерею — мою комнату для шитья. Времени на то, чтобы сходить наверх и взять ключ, не оставалось, поэтому я разбила стулом стеклянную дверцу шкафчика. То, что я оттуда взяла, еле поместилось в кармане плаща.

Девочка осталась стоять в холле. Я отдала ей пистолет мистера Ходжеса. Ее левая рука висела плетью, — скорее всего, она была сломана. В дверь постучали, кто-то пробовал повернуть ручку.

— Сюда, — прошептала я и провела девочку в столовую.

По дороге мы переступили через тело мисс Крамер, прошли через темную кухню; стук стал громче, но мы уже выходили из дома в переулок, в ночь.

В этой части Старого города было три отеля. Один из них — дорогой, современный, кварталах в десяти, который я сразу же отвергла. Второй — маленький, уютный, всего в квартале от моего дома, приятное, но слишком общедоступное местечко, в точности такое, какое я сама выбрала бы, если бы приехала в другой город. Его я тоже отвергла. Третий находился в двух с половиной кварталах — старый особняк на Брод-стрит, небольшой, с дорогой антикварной мебелью в номерах и несусветными ценами. Туда я и поспешила.

Девочка быстро шагала рядом. Револьвер она по-прежнему держала в руке, но я заставила ее снять свитер и накрыть им оружие. Нога у меня болела, и я часто опиралась на ее плечо, пока мы вот так торопливо шли вдоль улицы.

Администратор «Мансарды» узнал меня. Брови его поползли вверх, когда он заметил мой непрезентабельный вид. Девочка осталась в фойе, метрах в трех-четырех, почти неразличимая в тени.

— Я ищу свою подругу, — оживленно сказала я. — Мисс Дрейтон.

Администратор открыл было рот, затем невольно нахмурился:

— Извините. У нас нет никого с такой фамилией.

— Возможно, она зарегистрировалась под девичьей фамилией, — сказала я. — Нина Хокинс. Это пожилая женщина, но очень привлекательная. На несколько лет моложе меня, с длинными седыми волосами. Возможно, ее зарегистрировала подруга... Симпатичная молодая темноволосая леди по имени Баррет Крамер...

— Извините, — снова проговорил администратор каким-то вялым, сонным голосом. — Никто под такой фамилией здесь не значится. Что передать, если ваша знакомая появится позже?

— Ничего. Ничего не надо передавать.

Я провела девочку через холл, и мы свернули в коридор, ведший к туалетам и боковым лестницам.

— Простите, — обратилась я к проходившему мимо коридорному. — Возможно, вы сможете мне помочь.

— Да, мэм. — Он остановился, явно недовольный, и откинул назад свои длинные волосы.

Задача у меня была непростая. Если я хотела удержать девочку, действовать надо было быстро.

— Я ищу знакомую, — пояснила я. — Пожилая дама, но очень привлекательная. Голубые глаза, длинные седые волосы. С ней должна быть молодая женщина с темными вьющимися волосами.

— Нет, мэм. Я такой не видел.

Я вытянула руку и взяла его повыше локтя. Затем отпустила девочку и сосредоточилась на коридорном:

— Ты уверен?

— Мисс Харрисон, — сказал он. Глаза его смотрели мимо меня. — Номер двести семь. Северная сторона с фасада.

Я улыбнулась. *Мисс Харрисон*. Бог мой, до чего же она глупа, эта Нина! Девочка вдруг заскулила и привалилась к стене. Я быстро приняла решение. Мне нравится думать, что тут сыграло роль сострадание, но иногда я вспоминаю, что ее левая рука никуда не годилась.

— Как тебя зовут? — спросила я, нежно поглаживая ребенка по волосам; глаза ее скользнули влево, потом вправо; она явно была в замешательстве. — Как твое имя? — снова задала я вопрос.

— Алисия, — прошептала она наконец еле слышно.

— Хорошо, Алисия. Теперь ты пойдешь домой. Иди быстро, но бежать не нужно.

— У меня болит рука. — Она всхлипнула, губы задрожали.

Я снова коснулась ее волос и *толкнула:*

— Ты идешь домой. Рука у тебя не болит. Ты ничего не будешь помнить. Все это сон, который ты забудешь. Иди домой. Торопись, но не беги. — Я взяла у нее револьвер, завернутый в свитер. — До свидания, Алисия.

Она моргнула и пошла через холл по направлению к двери. Оглянувшись по сторонам, я отдала револьвер мальчишке-коридорному.

— Засунь его под жилет, — велела я.

— Кто там? — послышался из номера беззаботный голос Нины.

— Альберт, мэм. Коридорный. Ваш автомобиль у подъезда. Я мог бы сейчас отнести ваши чемоданы.

Щелкнул замок, дверь приоткрылась, но цепочка осталась на месте. Альберт прищурился от хлынувшего света и застенчиво улыбнулся, откидывая волосы назад. Я вжалась в стену.

— Хорошо. — Нина сняла цепочку и отступила в сторону. Она уже отвернулась и закрывала замок чемодана, когда я вошла в комнату.

— Привет, Нина, — тихо сказала я.

Спина ее выпрямилась, но даже это движение было грациозным. На покрывале осталась вмятина — там, где она только что лежала. Она медленно повернулась. На ней было розовое платье, которого я никогда прежде не видела.

— Привет, Мелани. — Она улыбнулась, глядя на меня своими небесно-голубыми глазами.

Я мысленно отдала приказ мальчишке-коридорному вытащить револьвер и прицелиться. Рука его была тверда, он со щелчком взвел курок. Нина неотрывно следила за мной.

— Почему? — спросила я.

Она слегка пожала плечами. В какой-то момент я решила, что Нина рассмеется. Я бы не вынесла этого ее чуть хрипловатого детского смеха, который так часто трогал меня в прошлом. Вместо этого она закрыла глаза, по-прежнему улыбаясь.

— Почему «мисс Харрисон»?

— Ну, как же, дорогая. У меня такое чувство, что я ему чем-то обязана. Я имею в виду бедного Роджера. Разве ты не знаешь, как

он умер? Конечно нет. Но ведь ты никогда и не спрашивала. — Глаза ее открылись.

Я посмотрела на коридорного, но он все так же, не шелохнувшись, целился в нее. Оставалось только спустить курок.

— Он утонул, моя дорогая, — продолжала Нина. — Бедный Роджер бросился в океан с того самого парохода, на котором плыл назад в Англию. Так странно. А ведь перед этим он написал мне письмо с предложением выйти за него замуж. Ужасно печальная история, правда, Мелани? И почему он так поступил, как ты думаешь? Наверное, мы никогда не узнаем правды.

— Наверное. — Я кивнула и мысленно отдала приказ коридорному нажать на спусковой крючок.

Но... ничего не произошло.

Я быстро глянула вправо. Молодой человек поворачивал голову ко мне. *Я ему этого не велела!* Его вытянутая рука с револьвером двигалась в мою сторону равномерно, как кончик флюгера, подгоняемый ветром.

Нет! Я напряглась так, что у меня на шее вздулись жилы. Движение замедлилось, но не остановилось, пока ствол не оказался направленным мне в лицо. Нина рассмеялась. Этот звук показался очень громким в маленькой комнате.

— Прощай, Мелани, дорогая моя. — Она снова рассмеялась и кивнула молодому человеку.

Я не отрываясь смотрела в черное отверстие. Курок щелкнул по пустому патроннику. Еще раз. И еще.

— Прощай, Нина. — Я улыбнулась и вытащила из кармана плаща длинноствольный пистолет Чарльза.

Отдача от выстрела ударила меня в грудь, комната заполнилась синим дымом. Точно посередине лба Нины появилась маленькая дырка, меньше десятицентовой монеты, но такая же аккуратная, круглая. Какую-то долю секунды Нина продолжала стоять, словно ничего не произошло, затем покачнулась, рухнула на высокую кровать и, подброшенная матрасом, упала ничком на пол.

Я повернулась к коридорному и заменила его бесполезное оружие своим древним, но ухоженным револьвером. Я только сейчас заметила, что мальчишка немного моложе, чем был когда-то Чарльз. И волосы у него были почти такого же цвета. Я наклонилась и слегка коснулась губами его губ.

— Альберт, — прошептала я, — в револьвере еще четыре патрона. Патроны всегда надо считать, понял? Иди в холл. Убей администратора. Потом застрели еще кого-нибудь — ближайшего, кто

к тебе окажется. А после этого вложи ствол себе в рот и нажми на спуск. Если будет осечка, нажми еще раз. Револьвер спрячь, никому не показывай, пока не окажешься в холле.

Мы вышли в коридор. Там царила паника.

— Вызовите «скорую»! — крикнула я. — Произошел несчастный случай. Вызовите «скорую», кто-нибудь!

Несколько человек кинулись выполнять мою просьбу. Я покачнулась и прислонилась к какому-то седовласому джентльмену. Люди толпились вокруг, некоторые заглядывали в номер и что-то кричали. Вдруг в холле раздался выстрел, потом другой, третий. Паника и суматоха усилились, а я тем временем проскользнула к черной лестнице и через пожарный выход выбежала на улицу.

Глава 4

Чарлстон
Вторник, 16 декабря 1980 г.

Шериф Бобби Джо Джентри откинулся на спинку кресла и сделал еще глоток кока-колы. Ноги он водрузил на заваленный бумагами стол; кожаный пояс с кобурой заскрипел, когда он шевельнулся, устраивая поудобнее свое грузное тело. Кабинет был маленьким, стены — тонкими, ибо это были вовсе не стены, а деревянные перегородки, отделяющие его от шума и суеты в других частях здания, что вмещало официальные учреждения округа. Краска этих деревянных перегородок давно облупилась и уже не имела того оттенка официального зеленого цвета. Кабинет был забит под завязку: массивный письменный стол, три высоких шкафа с бумагами, еще один длинный стол, уставленный стопками книг и папок. Были тут и классная доска, и беспорядочно заваленные полки на кронштейнах. На двух черных деревянных стульях лежали папки и бумаги, как и на рабочих столах.

— Пожалуй, мне тут больше нечего делать, — сказал агент Ричард Хейнс. Он расчистил себе небольшое пространство и уселся на краешек стола. Стрелки на его брюках были острыми как бритва.

— Да, — согласился шериф. Он негромко икнул и поставил банку на колено. — Пожалуй, у вас действительно нет причин болтаться здесь. Вполне можете отправляться домой.

У этих двух служителей правопорядка, казалось, не было ничего общего. Шерифу Джентри едва перевалило за тридцать пять, но его высокая фигура уже начала заплывать жиром. Серая форменная рубашка туго обтягивала живот, который карикатурно переваливался через ремень. Румяный, веснушчатый, с залысинами и двойным подбородком, он производил впечатление человека открытого, дружелюбного и слегка лукавого: сквозь черты взрослого мужчины все еще проглядывало лицо озорного мальчишки.

Говорил он тихо, слегка растягивая слова в манере «старого южанина», которая сделалась недавно популярной в Америке благодаря появлению тысяч коммерческих радиостанций, бесчисленных кантри-песен и бесконечному числу фильмов с Бертом Рейнольдсом. Расстегнутый ворот, выпирающий живот и ленивая манера говорить как нельзя лучше гармонировали с общей атмосферой добродушной неряшливости, царившей в кабинете шерифа, но с этим образом как-то не вязались быстрота, легкость и почти грациозность движений его крупного тела.

И внешний вид, и темперамент специального агента Ричарда Хейнса из Федерального бюро расследований больше подходили друг другу. Хейнс был на целых десять лет старше Джентри, но выглядел моложе. На нем был светло-серый летний костюм-тройка и бежевая рубашка из «Джос А. Банк». Его шелковый галстук цвета бургундского числился за номером 280 235 из каталога того же магазина. Пострижен он был умеренно коротко, хорошо причесан, и только на висках слегка серебрилась седина. Почти квадратное, с правильными чертами лицо как-то не очень гармонировало с поджарым телом. Четыре раза в неделю он ходил в тренажерный зал. Голос у него был низкий, но слабо модулированный; складывалось такое впечатление, будто покойный Эдгар Гувер сконструировал Хейнса как модель для всех своих агентов.

Разница между этими двумя людьми не сводилась только к внешним различиям. До того как попасть в ФБР, Ричард Хейнс довольно посредственно проучился три года в Джорджтаунском университете. В ФБР он прошел спецподготовку, тем и завершив свое образование.

Шериф Джентри окончил университет Дьюка по двум специальностям — искусству и истории, а затем получил степень магистра в Северо-Западном университете. Полицейской работой он занялся благодаря своему дяде Ли, шерифу Спартансберга, который устроил его помощником на полставке летом шестьдесят седьмого. Год спустя Бобби Джо защитил диссертацию. Однажды он сидел

в чикагском парке и наблюдал, как полицейские, потеряв контроль, принялись дубинками и кулаками избивать демонстрантов, которые мирно расходились после митинга, устроенного в знак протеста против войны во Вьетнаме.

Джентри вернулся домой на юг, два года преподавал в Морхаус-колледже в Атланте, а потом пошел работать охранником. В свободное время он трудился над книгой о Бюро Фридмана и его роли в период Реконструкции. Книгу он так и не закончил; ему все больше нравилась рутинная работа охранника, хотя из-за нее у него возникала вечная проблема с весом. В семьдесят шестом он переехал в Чарлстон и поступил на службу простым патрульным полицейским. Год спустя Джентри отказался от предложения поработать доцентом на кафедре истории в Дьюке. Ему нравилась обычная полицейская работа, ежедневные стычки с пьяницами и чокнутыми и еще то, что ни один рабочий день не похож на другой. Еще через год он, к собственному удивлению, выдвинул свою кандидатуру на пост шерифа Чарлстона. После этого Джентри удивил довольно многих, добившись избрания. Местный журналист по этому поводу написал, что Чарлстон вообще странный город — город, влюбленный в свою историю, и что публике понравилась идея иметь историка в должности шерифа. Джентри не считал себя историком. Он считал себя полицейским.

— Если я тут не нужен... — говорил Хейнс.

— Что? — переспросил Джентри. Мысли его несколько отвлеклись.

Он скомкал пустую банку и кинул ее в переполненную мусорную корзину, где она стукнулась о кучу других таких же банок, отскочила и упала на пол.

— Я говорю, что доложу Галлахеру, а потом вылечу назад в Вашингтон, если я вам больше не нужен. Мы будем держать связь через Терри.

— Конечно, конечно, — согласился Джентри. — Ну что ж, спасибо за помощь, Дик. Вы с Терри об этих делах знаете больше, чем все мы тут, вместе взятые.

Хейнс встал и собрался было уходить, когда секретарша шерифа просунула голову в дверь. У нее была прическа, вышедшая из моды лет двадцать назад, на шее сверкали бусы из искусственного изумруда.

— Сэр, тут пришел этот психиатр из Нью-Йорка.

— Черт, совсем забыл. — Джентри с усилием поднялся. — Спасибо, Линда Мэй. Попроси его, пожалуйста.

Хейнс направился к двери:

— Ну что ж, шериф, у вас есть мой номер на случай, если...

— Дик, вы не могли бы сделать мне одолжение и поприсутствовать при нашей беседе? Я забыл, что этот парень обещал прийти, он может нам кое-что сообщить по делу Фуллер. Вчера по телефону он сказал, что был психиатром мисс Дрейтон, а в город приехал по делам. Вы можете задержаться еще на несколько минут? Тони отвезет вас в отель на патрульной машине, если будете опаздывать на самолет.

Хейнс улыбнулся и развел руками:

— Да нет никакой спешки, шериф. С удовольствием послушаю, что там у этого психиатра. — Агент сбросил с одного из стульев пакет из «Макдональдса» и сел.

— Спасибо, Дик. — Джентри вытер лицо и подошел к двери, как раз когда в нее постучали.

В кабинет вошел невысокий бородатый мужчина в вельветовом, спортивного покроя пиджаке.

— Шериф Гентри? — Психиатр произнес его фамилию на немецкий лад.

— Да, я — Бобби Джо Джентри. — Рука, протянутая психиатром, исчезла в огромных ладонях шерифа. — А вы — доктор Ласки, не так ли?

— Соломон Ласки.

Обычного роста психиатр выглядел карликом рядом с грузной фигурой Джентри. Это был худой мужчина с высоким бледным лбом, спутанной бородой цвета «перец с солью» и печальными карими глазами, казавшимися старше, чем все остальное. Одна дужка очков еле держалась на полоске скотча.

Джентри махнул рукой в сторону Хейнса:

— Это специальный агент Ричард Хейнс из ФБР. Надеюсь, вы не будете возражать — я попросил Дика присутствовать при нашем разговоре. Раз уж он здесь, то я подумал, что он сможет задать более внятные вопросы.

Психиатр кивнул Хейнсу и иронично заметил:

— А я и не знал, что ФБР занимается местными убийствами.

Голос у него был тихий, с легким акцентом. За грамматикой и произношением Ласки явно следил очень тщательно.

— Обычно мы и не занимаемся, — сказал Хейнс. — Но в этой... э-э-э... ситуации есть кое-какие факторы, подпадающие под юрисдикцию ФБР.

— Да? И какие же? — удивился Ласки.

Хейнс скрестил на груди руки и слегка откашлялся.

— Во-первых, похищение некоего лица, доктор Ласки. Во-вторых, нарушение кое-каких гражданских прав жертв. К тому же местным органам правопорядка мы предлагаем помощь наших криминальных экспертов.

— Вообще-то, Дик здесь из-за того самолета, который разнесло на куски, — пояснил шериф. — Садитесь, доктор, садитесь. Дайте-ка я уберу этот хлам. — Он переложил кипу журналов, папок и несколько пластиковых кофейных чашек на стол, затем с трудом пробрался в свое кресло. — Значит, вы вчера сказали по телефону, что можете помочь с этим делом об убийстве нескольких человек?

— Нью-йоркские газеты называют его делом об убийствах в «Мансарде», — сообщил Ласки и рассеянно поправил очки.

— Вот как? — удивился Джентри. — Ну что ж, это получше, чем «бойня в Чарлстоне», хотя и не совсем точно. Большинство жертв даже не приближались к «Мансарде». И все же я думаю, что из убийства девяти человек делают слишком много шума. В особо «тихие» ночи в Нью-Йорке убивают гораздо больше.

— Возможно, — согласился Ласки, — но круг жертв и подозреваемых там не так... мм... поражает воображение, как в данном случае.

— Тут вы правы, — кивнул Джентри. — Мы были бы вам признательны, доктор, если бы вы могли пролить хоть какой-то свет на все это.

— Я бы рад, но, к сожалению, могу предложить очень немногое.

— Вы были психиатром мисс Дрейтон? — спросил Хейнс.

— Да, в некотором роде. — Сол Ласки помолчал и подергал себя за бороду. Глаза у него были очень большие, а веки тяжелые, как будто он давно как следует не высыпался. — Я видел мисс Дрейтон всего трижды, последний раз это было в сентябре. Впервые она подошла ко мне после лекции в Колумбийском университете. Это случилось в августе. Затем у нас были еще две... мм... встречи.

— Но она была-таки вашей пациенткой? — Голос Хейнса теперь звучал монотонно-настойчиво, как у прокурора, ведущего допрос.

— В принципе, да, — сказал Ласки. — Но вообще-то, я не практикую. Видите ли, я преподаю в Колумбийском университете и иногда консультирую в клинике при университете... В основном студентов, которым, по мнению Эллен Хайтауэр, университетского врача, стоит обратиться к психиатру... Иногда случается, что и преподавателей...

— Так что, мисс Дрейтон была студенткой?

— Нет, не думаю. Она иногда посещала курсы для аспирантов и вечерние семинары вроде моего. Она... проявляла интерес к одной книге, которую я написал...

— «Патология насилия», — подсказал шериф Джентри.

Ласки моргнул и поправил очки:

— По-моему, я не упоминал названия своей книги во время нашего вчерашнего разговора, шериф.

Джентри сложил руки на животе и ухмыльнулся:

— Нет, не упоминали, профессор. Я прочел ее прошлой весной. По правде говоря, дважды. Я только сейчас вспомнил ваше имя и считаю, что это великолепная книга. Вам бы тоже стоило почитать ее, Дик, — обратился он к Хейнсу.

— Просто удивительно, как вам удалось найти экземпляр. — Ласки пожал плечами и повернулся к агенту, поясняя: — Там довольно подробно рассмотрено несколько случаев из психиатрической практики. Всего-то и были отпечатаны две тысячи экземпляров в академической типографии. Бóльшая часть тиража продана студентам в Нью-Йорке и в Калифорнии.

— Доктор Ласки полагает, что некоторые люди восприимчивы к... как вы это назвали, сэр? К климату насилия... Так? — спросил Джентри.

— Да.

— И что другие индивиды, или место проживания, или время — все это может как бы программировать таких восприимчивых людей и заставлять их вести себя иначе, чем они бы вели себя в других условиях. Конечно, это всего лишь мое примитивное изложение концепции вашего труда, доктор.

Ласки снова моргнул, глядя на шерифа:

— Должен признаться, это весьма внятное изложение.

Хейнс встал, подошел к шкафу с картотекой и облокотился на него. Скрестив руки, он слегка нахмурился:

— Погодите, я все же кое-чего не понимаю. Значит, мисс Дрейтон пришла именно к вам? Она заинтересовалась вашей книгой, а потом стала вашей пациенткой. Так?

— Да. Я согласился проконсультировать ее как профессионал.

— А не было у вас с ней личных отношений?

— Нет, — ответил Ласки. — Мы встречались всего три раза. Один раз это была короткая беседа на несколько минут после моей лекции о насилии в Третьем рейхе и еще дважды — по часу, во время приема в клинике.

— Понятно, — кивнул Хейнс, хотя, судя по всему, ему мало что было понятно. — И вы полагаете, во время этих приемов выяснилось нечто такое, что поможет нам разобраться в нынешней ситуации?

— Боюсь, что нет. Не нарушая врачебной тайны, могу сказать, что мисс Дрейтон не давали покоя ее отношения с отцом, который умер много лет назад. Признаться, я не нахожу в наших беседах ничего такого, что могло бы пролить свет на обстоятельства ее убийства.

— Ну да. — Раздосадованный, Хейнс вернулся на свое место и взглянул на часы.

Джентри улыбнулся и открыл дверь:

— Линда, дорогая, ты не могла бы принести нам кофе?

— Доктор Ласки, возможно, вы знаете, у нас есть данные о том, кто убил вашу пациентку, — сказал Хейнс. — Чего у нас нет, так это мотива убийства.

— Да-да. — Сол погладил бороду. — Это молодой человек из местных, не так ли?

— Альберт Лафоллет, — подсказал Джентри. — Девятнадцатилетний коридорный, работающий в том отеле.

— И у вас нет никаких сомнений в его виновности?

— Какие, к черту, сомнения! — воскликнул Джентри. — У нас пять свидетелей, которые показывают, что Альберт вышел из лифта, подошел к конторке и пальнул в сердце своему боссу, Кайлу Андерсону, администратору «Мансарды». Просто приставил ствол к груди и выстрелил. Мы обнаружили остатки сгоревшего пороха у него на форме. У парня был кольт сорок пятого калибра, не автоматический. И не дешевая подделка, уважаемый доктор, а самый настоящий кольт с завода мистера Кольта с серийным номером. Антикварная вещь. Так вот, этот парень, не говоря ни слова, если верить свидетелям, сует пушку мистеру Кайлу в грудь и нажимает на спуск, потом поворачивается и стреляет в лицо Леонарду Уитни.

— А кто этот мистер Уитни? — спросил Ласки.

Хейнс снова откашлялся и сам ответил на вопрос:

— Леонард Уитни был бизнесменом из Атланты, приехавшим сюда по делам. Он только что вышел из ресторана отеля и тут же получил пулю в голову. Насколько мы можем судить, он никак не был связан ни с одной из жертв.

— Точно, — подтвердил Джентри. — Потом этот юный Альберт засовывает револьвер себе в рот и спускает курок. Ни один из пяти

свидетелей ни черта не сделал, чтобы помешать ему. Конечно, все произошло в течение нескольких секунд.

— И этим же оружием была убита мисс Дрейтон?

— Да.

— А при ее убийстве свидетели были?

— Нет, — сказал Джентри. — Но двое из тех, кто там находился, видели, как Альберт входил в лифт. Они запомнили его, потому что он шел от номера, где случился весь этот шум. Странно, но никто из свидетелей не помнит, был ли у парня в руках револьвер. Хотя что тут странного? Наверное, в толпе можно появиться и со свиной ногой, и никто ничего не заметит.

— Кто первым увидел тело мисс Дрейтон?

— Нельзя сказать с уверенностью, — проговорил Джентри. — Там наверху была страшная суматоха, а потом в холле началось это представление...

— Доктор Ласки, — перебил шерифа Хейнс, — если у вас нет информации насчет мисс Дрейтон, я не уверен, что вы сможете нам помочь.

Агент явно намеревался прекратить разговор, но ему помешала секретарша, принесшая кофе. Хейнс поставил свою пластиковую чашку на шкаф с папками. Доктор благодарно улыбнулся и сделал глоток. Для Джентри кофе был подан в большой белой кружке с надписью по бокам: «Босс».

— Спасибо, Линда.

Ласки слегка пожал плечами:

— Я просто хотел поделиться тем, что мне известно. Понимаю, у вас много дел, джентльмены. Не буду больше отнимать у вас время. — Он поставил чашку на стол и встал.

— Погодите! — воскликнул Джентри. — Раз уж вы здесь, я хотел бы узнать, что вы думаете по поводу некоторых вещей. — Он повернулся к Хейнсу. — Уважаемый профессор был консультантом нью-йоркской полиции пару лет назад, когда случился весь этот шум с «сыном Сэма».

— Ну, я был всего лишь одним из многих консультантов, — уточнил Ласки. — Мы помогли составить словесный портрет убийцы. Правда, это им не пригодилось. Убийцу поймали в результате обычной полицейской операции.

— Верно, — кивнул Джентри. — Но вы написали книгу о таких вот множественных убийствах. Мы, Дик и я, хотели бы знать ваше мнение обо всем этом безобразии. — Он встал и подошел к длинной классной доске, прикрытой оберточной бумагой, склеенной скот-

чем. Джентри откинул бумагу; на доске мелом были начерчены диаграммы с именами действующих лиц и временем событий. — Вы, наверное, читали об остальных героях нашей милой пьесы?

— О некоторых, — ответил Ласки. — В нью-йоркских газетах особое внимание уделялось Нине Дрейтон, погибшей маленькой девочке и ее дедушке.

— Да, Кэтлин. — Джентри ткнул пальцем в доску рядом с именем девочки. — Возраст — десять лет. Вчера я видел ее фотографию, она закончила четвертый класс. Очень милая девочка. Там она гораздо приятнее, чем на снимках с места преступления. — Джентри потер ладонями щеки и помолчал.

Сол глотнул еще кофе, ожидая продолжения.

— В общем, у нас тут четыре главных места преступления. — Шериф принялся водить пальцем по доске, где был начерчен план района. — Одного гражданина убили вот здесь, средь бела дня, на Кольхаун-стрит. Еще один труп в квартале от того места, на эллинге у Батареи. Три трупа в особняке Фуллер, вот здесь... — Он указал на аккуратный небольшой квадратик, возле которого значились три крестика. — А после — финальная сцена в «Мансарде», тут четыре убийства.

— Между ними есть какая-нибудь связь? — спросил Ласки.

— В том-то и вся беда, — вздохнул Джентри. — И есть, и нет, если вы меня понимаете. — Он махнул рукой в сторону списка имен. — Скажем, мистер Престон, темнокожий джентльмен, которого нашли зарезанным на Кольхаун-стрит, двадцать шесть лет работал местным фотографом и продавцом в Старом городе. Мы склоняемся к предположению, что он — случайный прохожий, убитый следующим трупом, которого мы нашли вот здесь...

— Карл Торн, — прочел Ласки следующее имя в списке.

— Слуга исчезнувшей женщины, — пояснил Хейнс.

— Да, — кивнул Джентри, — только фамилия его вовсе не Торн, хотя она значится в его водительских правах. И зовут его не Карл. Мы сегодня получили данные из Интерпола: судя по отпечаткам пальцев, он был известен в Швейцарии как Оскар Феликс Хаупт, мелкий гостиничный вор. Он исчез из Берна в пятьдесят третьем году.

— Боже мой, — пробормотал психиатр, — неужели они столько лет хранят отпечатки пальцев бывших гостиничных воров?

— Хаупт был не только воришкой, — вставил Хейнс. — Он фигурировал в качестве главного подозреваемого в довольно громком

деле об убийстве в том же пятьдесят третьем году. Тогда погиб французский барон, приехавший на курорт. Хаупт вскоре после этого исчез. В швейцарской полиции полагали, что Хаупта убили люди из европейского синдиката.

— Как видим, они ошиблись, — усмехнулся шериф Джентри.

— Почему вы решили запросить Интерпол? — спросил Ласки.

— Да так, внутренний голос подсказал. — Джентри снова глянул на доску. — Ладно. Что мы имеем? Мы имеем труп Карла Оскара Феликса Торна-Хаупта вот здесь, на эллинге, и, если бы сумасшествие на этом и закончилось, мы могли бы сочинить что-то похожее на мотив преступления... Ну, скажем, попытка украсть лодку... Хаупт получил пулю от ночного сторожа из револьвера тридцать восьмого калибра. Проблема, однако, в том, что в Хаупта не только дважды стреляли, он еще порядком изуродован. На его одежде оказались пятна крови двух видов — не считая, разумеется, его собственной; под ногтями у него нашли фрагменты кожи и материи, откуда следует, что именно он убил мистера Престона.

— Все это очень запутанно, — сказал Сол Ласки.

— Ах, профессор, это только цветочки. — Джентри постучал костяшками пальцев по доске рядом еще с тремя именами: Джордж Ходжес, Кэтлин Мари Элиот и Баррет Крамер. — Знаете эту леди?

— Баррет Крамер? — спросил Ласки. — Нет. Я видел ее имя в газете, а так не припоминаю.

— Она состояла при мисс Дрейтон. Компаньонка или «помощница по делам» — так, кажется, ее назвали эти люди из Нью-Йорка, которые забрали тело мисс Дрейтон. Женщина лет тридцати пяти, брюнетка, сложена немного по-мужски. Не припоминаете?

— Нет, — ответил Ласки. — Она не сопровождала мисс Дрейтон, когда та приходила на прием. Возможно, она была у меня на лекции в тот вечер, когда я познакомился с мисс Дрейтон, но я ее не заметил.

— Ладно. Значит, теперь мы имеем мисс Крамер, в которую выстрелили из «смит-вессона» мистера Ходжеса тридцать восьмого калибра. Только вот криминалист практически уверен, что она погибла не от пули. По-видимому, она сломала шею, когда упала с лестницы в доме Фуллер. По приезде «скорой» она еще дышала, но в больнице констатировали смерть. Мозг практически был лишен активности, или что-то в этом роде. Так вот, тут обнаруживается такая чертовщина: по мнению криминалистов, бедняга мистер Ходжес вовсе не стрелял в эту даму. Его нашли вот здесь, —

Джентри ткнул пальцем еще в одну диаграмму, — в коридоре дома Фуллер, а его револьвер подобрали на полу номера мисс Дрейтон в «Мансарде». И что же мы имеем? Восемь жертв, даже девять, если считать Альберта Лафоллета, и пять орудий убийства...

— Пять?.. — переспросил Ласки. — Простите, шериф, я вовсе не хотел перебивать вас.

— Все в порядке, профессор. Пока пять, по крайней мере, насколько нам известно. Тот старинный кольт сорок пятого калибра, которым орудовал Альберт, тридцать восьмой калибр мистера Ходжеса, нож, найденный рядом с телом Хаупта, и эта проклятая кочерга, которой мисс Крамер убила девочку.

— Так это сделала Крамер?

— Да. Во всяком случае, на кочерге ее отпечатки пальцев, а одежда испачкана кровью ребенка.

— И все равно я насчитал лишь четыре орудия убийства.

— Ах да, у задней двери эллинга мы нашли деревянную палку. Или трость. На ней тоже кровь.

Сол Ласки покачал головой и глянул на Ричарда Хейнса. Сложив руки на груди, агент неподвижно уставился на классную доску. Он выглядел уставшим, на лице было отчетливо написано отвращение.

— Просто ведро с помоями, правда, профессор? — закончил Джентри. Он прошел к своему креслу и рухнул в него с тяжелым вздохом. Потом откинулся назад и глотнул холодного кофе из большой кружки. — Есть у вас какие-нибудь версии?

Ласки печально улыбнулся и пожал плечами. Некоторое время он смотрел на доску, как бы стараясь запомнить всю изложенную там информацию, потом потеребил бороду и тихо сказал:

— Нет, шериф, боюсь, никаких версий у меня нет. Но мне хотелось бы задать вопрос, который напрашивается сам собой.

— Какой именно?

— Где сейчас мисс Фуллер? Дама, в чьем доме произошло все это побоище?

— *Миз* Фуллер, — поправил его Джентри. — Судя по тому, что нам рассказали соседи, она была одной из самых именитых старых дев в Чарлстоне. Здесь, на юге, им положен титул «миз»; так уж тут лет двести повелось, профессор. А в ответ на ваш вопрос скажу: миз Мелани Фуллер исчезла бесследно. В одном из донесений говорится, что некая дама весьма пожилого возраста была замечена в коридоре отеля наверху сразу после убийства мисс Дрейтон, но

никто не подтвердил, что это была именно она. Мы объявили розыск в трех штатах, однако пока никаких данных нет.

— Похоже, она-то и является ключом ко всей этой истории, — предположил Ласки почти застенчиво.

— Очень может быть. Тут есть еще такой факт: ее изрезанная сумочка обнаружена за унитазом на эллинге. На ней пятна крови, и они совпадают с пятнами на ноже Карла — Оскара Хаупта. Нож сделан в Париже.

— Бог мой! — вздохнул психиатр. — Сплошная бессмыслица.

Наступило минутное молчание, потом Хейнс встал, поправляя манжеты:

— Возможно, все проще, чем кажется. Нина Дрейтон навещала мисс Фуллер... прошу прощения, миз Фуллер, как раз за день до убийств. Отпечатки пальцев подтверждают, что она была там, да и соседка видела, как она входила в дом в пятницу вечером. Вероятно, мисс Дрейтон плохо разбиралась в людях, если наняла эту Баррет Крамер в качестве компаньонки. Крамер разыскивают в Филадельфии и Балтиморе в связи с обвинениями, часть которых тянется за ней еще с шестьдесят восьмого года.

— Какого сорта эти обвинения? — спросил Ласки.

— Проституция и наркотики, — ответил агент. — Значит, мисс Крамер и помощник миз Фуллер, этот самый Торн, каким-то образом сговорились ограбить своих престарелых хозяек. В конце концов, после мисс Дрейтон осталось почти два миллиона долларов, а у миз Фуллер весьма солидный счет в банке здесь, в Чарлстоне.

— Но как они могли... — начал было психиатр.

— Одну минуту. Итак, Крамер и Торн, или Хаупт, убивают миз Фуллер и избавляются от ее тела... Полиция гавани как раз сейчас тралит бухту. Но ее сосед, старик-охранник, расстраивает их планы. Он приканчивает Хаупта, возвращается в дом Фуллер и там сталкивается с Крамер. Внучка старика замечает, как он идет к дому, бросается к нему и становится еще одной жертвой. Тем временем Альберт Лафоллет, тоже один из заговорщиков, впадает в панику, когда Крамер и Хаупт не появляются вовремя, убивает мисс Дрейтон и сходит с ума.

Джентри слегка улыбнулся, покачиваясь в кресле:

— А как насчет Джозефа Престона, фотографа?

— Случайный прохожий, как вы сами сказали, — ответил Хейнс. — Возможно, он видел, как Хаупт бросил в бухту тело старой дамы. Нет сомнения в том, что этот фриц убил его. Фрагменты

кожи из-под ногтей Престона идеально совпадают с царапинами на лице Хаупта. Или с тем, что оставалось от лица Хаупта.

— Хорошо, а как насчет глаза? — спросил Джентри.

— Глаза? Чьего глаза? — Ласки переводил взгляд с шерифа на агента.

— Хаупта, — ответил Джентри. — Его нет. Кто-то обработал левую сторону лица дубинкой.

Хейнс пожал плечами:

— Все равно это единственная версия, в которой есть хоть какой-то смысл. Итак, что мы имеем? Двое «помощников», оба бывшие преступники, и оба работают на старых богатых дам. Они задумывают похищение, или убийство, или еще что-то, но дело срывается и заканчивается цепью убийств.

— Да, — кивнул Джентри. — Возможно.

В наступившей паузе Сол Ласки услышал чей-то смех в другой части здания. Где-то снаружи взвыла сирена, потом смолкла.

— А вы что думаете, профессор? Есть у вас какие-нибудь другие идеи? — спросил Джентри.

Сол потряс головой:

— Все это ставит меня в тупик.

— У вас в книге описывается «резонанс насилия». Здесь есть что-то похожее?

— Видите ли, это не совсем та ситуация, которую я имел в виду, — сказал Ласки. — Конечно, тут имеется цепь насилия, но я не вижу катализатора.

— Катализатора? — переспросил Хейнс. — Это еще что за чертовщина? О чем мы тут говорим?

Джентри пристроил ноги на своем рабочем столе и вытер шею большим красным платком.

— В книге доктора Ласки говорится о ситуациях, которые программируют людей на убийство.

— Мне непонятно, — заявил Хейнс. — Что значит «программируют»? Опять эта старая либеральная песня насчет того, что бедность и социальные условия — главная причина преступности? — По тону его голоса было ясно, что́ он думает обо всем этом.

— Не совсем, — сказал Ласки. — Согласно моей гипотезе, существуют ситуации, условия и отдельные индивиды, вызывающие стрессовую реакцию у других людей. Реакция может вылиться в насилие, даже в убийство, при отсутствии видимых непосредственных причинных связей.

Агент нахмурился:

— И все же я не понимаю.

— Ну как же! — не выдержал шериф Джентри. — Вы видели нашу КПЗ, Дик? Нет? Обязательно взгляните перед отъездом. В прошлом году в августе мы выкрасили стены камеры в розовый цвет. Мы зовем ее «Хилтон для бедных людей», но эта чертова штука работает. Случаи насилия снизились на шестьдесят процентов после того, как мы намазали стены этой краской, хотя клиентура у нас все та же, ничуть не лучше. Понятное дело, это нечто обратное тому, о чем вы говорите, ведь так, профессор?

Ласки поправил очки. Когда он поднял руку, Джентри успел заметить выцветшую голубую татуировку на запястье, чуть повыше кисти, — несколько цифр.

— Да, но некоторые аспекты этой теории приемлемы и в данном случае, — сказал Ласки. — Исследование цветового окружения показало, что испытуемые проявляют некоторые сдвиги в жизненной позиции и поведении, которые можно объективно измерить. Причины уменьшения случаев насилия в таком окружении при самых благоприятных условиях весьма туманны, хотя эмпирические данные неопровержимы... Как вы сами могли убедиться, шериф, они, по-видимому, указывают на перемену психофизиологической реакции в связи с изменением цветовой гаммы. В своей работе я показываю, каким образом некоторые малопонятные случаи насильственных преступлений становятся результатом более сложных цепочек стимулирующих факторов.

— Ну-ну, — поморщился Хейнс. Он глянул на часы, потом на Джентри, который удобно устроился в кресле, водрузив ноги на стол. Агент с раздражением смахнул невидимую пылинку со своих безукоризненно отглаженных брюк. — Боюсь, я не совсем понимаю, как это все может нам помочь, доктор Ласки. Шериф Джентри имеет дело с серией нелепых убийств, а не с подопытными крысами, которых надо заставлять бегать по лабиринту.

Сол кивнул и слегка пожал плечами:

— Я тут проездом... Просто решил сказать шерифу о своем знакомстве с мисс Дрейтон и предложить помощь, если смогу. Извините, что отнимаю у вас драгоценное время. Спасибо за кофе, шериф. — Он встал и направился к двери.

— Вам спасибо, профессор. — Джентри снова вытащил платок и потер им лицо, как будто оно чесалось. — Да, у меня к вам еще один вопрос, доктор Ласки. Как вы полагаете, могли ли эти убий-

ства стать результатом ссоры между двумя старыми леди — Ниной Дрейтон и Мелани Фуллер?

Печальное лицо Ласки ничего не выражало, он несколько раз моргнул.

— Да, возможно. Но это никак не объясняет убийств в «Мансарде», не так ли?

— Вы правы, — согласился Джентри и в последний раз потер платком нос. — Спасибо, профессор. Очень признателен за то, что вы с нами связались. Если вспомните что-нибудь о мисс Дрейтон... если у вас появится хоть какой-то намек на причины и следствия всего этого свинства, пожалуйста, позвоните нам. Мы оплатим звонок. Договорились?

— Разумеется, — кивнул Сол. — Всего хорошего, джентльмены.

Хейнс подождал, пока не закроется дверь.

— Этого Ласки неплохо бы проверить, — тут же заявил он.

— Конечно, — согласился Джентри, медленно вертя в руке пустую чашку. — Уже проверил. С ним все в порядке, он именно тот, за кого себя выдает.

Хейнс моргнул:

— Вы проверили его до того, как он пришел к вам?

Джентри ухмыльнулся и поставил чашку:

— Сразу после его вчерашнего звонка. У нас не так уж много подозреваемых, чтобы экономить на телефонном звонке в Нью-Йорк.

— Я попрошу ФБР выяснить, где он был начиная с...

— Читал лекцию в Колумбийском университете, — опередил его Джентри. — В субботу вечером. Потом участвовал в дебатах по поводу насилия на улицах. После этого был на приеме, закончившемся где-то после одиннадцати. Я беседовал с деканом.

— И все же я проверю его досье, — упрямо повторил Хейнс. — В том, что он тут наговорил о знакомстве с Ниной Дрейтон, есть нечто странное.

— Да, — кивнул Джентри. — Буду очень обязан, если вы это сделаете, Дик.

Агент Хейнс взял свой плащ и кейс, потом остановился и посмотрел на шерифа. Тот так крепко стиснул руки, что побелели костяшки пальцев. В его обычно добродушно-веселых глазах застыл гнев, почти ярость.

— Дик, я очень рассчитываю на вашу помощь в этом деле. По всем пунктам.

— Разумеется.

— Я серьезно. — Джентри взял в руки карандаш. — Какая-то сволочь убила девять человек в моем округе. Это им даром не пройдет. Я собираюсь выяснить все до конца.

— Конечно, — согласился Хейнс.

— И обязательно выясню это, — продолжил Джентри. Взгляд его стал холодным и безжалостным, карандаш хрустнул в пальцах, но он этого не заметил. — А потом я до них доберусь, Дик. Клянусь.

Хейнс кивнул, попрощался и вышел. Шериф долго смотрел на закрытую дверь, затем перевел взгляд на треснувший карандаш в руках. Медленно и аккуратно он принялся ломать его на куски.

Хейнс взял такси, уложил вещи, заплатил по счету и на том же такси поехал в международный аэропорт Чарлстона. До рейса еще оставалось время. Сдав вещи, он походил по залу, купил «Ньюсуик» и, миновав несколько телефонных будок, остановился у ряда таксофонов в боковом коридоре. Здесь он набрал номер с вашингтонским кодом.

— Номер, который вы набрали, временно не обслуживается, — четко произнес автоматический женский голос. — Пожалуйста, попробуйте еще раз или свяжитесь с представителем компании «Белл» в данном районе.

— Хейнс, Ричард, — сказал агент. Он оглянулся через плечо: женщина с ребенком прошли к туалетам. — Ковентри. Кабель. Я пытаюсь связаться с номером семьдесят семь девяносто четыре девяносто один.

Послышался щелчок, тихое гудение, затем шорох еще одного записывающего устройства и механический голос:

— Абонент временно недоступен. Если вы хотите оставить сообщение, дождитесь сигнала. Время записи не ограничено. — Полминуты молчания, затем мягкий аккорд.

— Говорит агент Хейнс, — тихо сообщил он. — Через несколько минут вылетаю из Чарлстона. Сегодня появился психиатр по имени Соломон Ласки. Беседовал с Джентри. Ласки говорит, что работает в Колумбийском университете. Написал книгу под названием «Психология насилия», издательство «Академия-пресс». Утверждает, будто трижды встречался с Ниной Дрейтон в Нью-Йорке. Отрицает свое знакомство с Баррет Крамер, что, возможно, ложь. На руке у него татуировка концентрационного лагеря. Серийный номер сорок четыре девяносто сто восемьдесят два. Далее: Джентри сделал запрос насчет Карла Торна; ему известно, что тот в действи-

тельности был швейцарским вором по имени Оскар Феликс Хаупт. Шериф неряха, но не глуп. Похоже, у него в заднице сера горит из-за этого дела. И наконец, письменный рапорт я сдам завтра. Тем временем рекомендую начать слежку за Ласки и Джентри. В качестве меры предосторожности можно временно отменить страховку обоих. Буду дома около восьми вечера, жду дальнейших инструкций. Хейнс. Кабель. Ковентри.

Он повесил трубку, взял в руку кейс и быстрым шагом направился к толпе пассажиров, ожидающих вылета.

Сол Ласки вышел из здания муниципалитета и свернул на боковую улицу, где стояла взятая напрокат «тойота». Накрапывал мелкий дождь; несмотря на туман, было на удивление тепло — Сол к такому не привык. Температура около двадцати, не меньше. Позавчера, когда он уезжал из Нью-Йорка, шел снег, а температура уже несколько дней не поднималась выше нуля.

Психиатр сидел в машине и смотрел, как капли дождя стекают по ветровому стеклу. В машине пахло новой кожаной обивкой и дымом чьей-то сигары. Несмотря на теплый воздух, его колотила дрожь, все сильнее и сильнее. Он крепко сжал руками руль и сидел так до тех пор, пока дрожь не унялась, осталось лишь неприятное покалывание в мышцах. Сол заставил себя думать о чем-нибудь постороннем: о предстоящей весне, о тихом озере, которое он нашел в Адирондакских горах прошлым летом, о покинутой Синайской долине, где иссеченные песком римские колонны высились на фоне сланцевых утесов.

Через несколько минут он завел машину и двинулся без цели по вымытым дождем улицам. Транспорта было мало. Он подумал, не поехать ли ему по пятьдесят второй дороге к своему мотелю, но вместо этого развернулся на юг и направился по Ист-Бей к Старому городу.

Длинный навес перед отелем «Мансарда» доходил до самого края тротуара. Сол быстро оглядел неосвещенный вход и поехал дальше. Через три квартала он свернул направо, на узкую улицу, вдоль которой теснились жилые дома. Внутренние дворики были огорожены витыми металлическими решетками. Сол сбавил скорость и стал считать про себя дома, стараясь рассмотреть их номера.

Дом Мелани Фуллер был погружен в темноту. Еще один дом, граничащий с особняком Фуллер с севера, похоже, был заперт

и тоже пуст: окна закрыты тяжелыми жалюзи, на воротах, ведущих во двор, — цепь и большой замок, по виду недавно купленный.

На следующем перекрестке Сол повернул налево, затем еще раз налево; он почти вернулся на Брод-стрит, прежде чем нашел место впритык к грузовику, где мог бы припарковаться. Дождь пошел сильнее. Сол взял с заднего сиденья белую кепку, натянул ее на глаза и поднял воротник куртки.

Переулок обозначал середину квартала, по бокам его стояли крохотные гаражи, деревья с густой листвой и бесчисленные ящики для мусора. Он снова начал считать дома, как тогда, когда ехал, но ему все равно пришлось разыскать две низкие высохшие пальмы у южного углового окна, дабы убедиться, что не ошибся. Он двигался медленно, засунув руки в карманы, зная, что очень бросается в глаза в этом узком переулке, но сделать ничего не мог. Дождь все не прекращался, серый день потихоньку переходил во тьму зимних сумерек. Дневному свету оставалось не более получаса.

Сол судорожно вздохнул и прошел три-четыре метра дорожки, отделяющей тротуар от небольшого строения — в прошлом, очевидно, каретного сарая. Окна его были закрашены черной краской, но помещение явно никогда не использовалось как гараж. Сарай был огорожен стальной сеткой, увитой виноградной лозой; сквозь сетку торчали острые шипы живой изгороди. Низкая калитка, когда-то являвшаяся частью железной ограды, тоже была заперта на цепь и висячий замок. На желтой полицейской ленте, протянутой вдоль сетки, виднелась надпись: «Вход воспрещен. Распоряжение шерифа Чарлстона».

Сол медлил. Было тихо. Слышались лишь барабанная дробь дождя по крыше сарая да шум капель, падающих с кустарника на землю. Он ухватился руками за высокую ограду, поставил левую ногу на перекладину, с секунду неуверенно балансировал над ржавыми острыми штырями и спрыгнул во двор.

На секунду Сол замер, опершись руками о мокрые плиты, чувствуя, как судорогой сводит правую ногу. Сердце его лихорадочно билось в груди; во дворе неподалеку вдруг залаяла собака, потом лай прекратился. Он осторожно прокрался мимо цветочной клумбы и перевернутой ванночки для птиц к деревянному крыльцу, которое явно было пристроено к дому гораздо позднее. Дождь, сумерки и мерный стук капель, падающих с живой изгороди, казалось, приглушали отдаленные звуки и усиливали шум шагов и шорох, производимые Солом. Слева за большими стеклами он различил растения: там с садом сливалось помещение оранжереи.

Ласки толкнул затянутую сеткой дверь, ведущую к веранде, дверь открылась с ржавым скрипом, и Сол ступил в темноту.

Веранда оказалась длинной и узкой, пахло плесенью и землей. Он различил темные силуэты пустых глиняных горшков вдоль стеллажей у кирпичной стены дома. Внутренняя дверь, массивная, с окном из тонированного стекла и красивыми резными панелями, была надежно заперта. Сол не сомневался, что у старухи в доме установлена сигнализация, но наверняка чисто внутренняя, не связанная с полицейским участком.

А что, если полиция все-таки подсоединила эту систему к участку? Сол тряхнул головой и подошел к узким окнам между стеллажами. Ему удалось разглядеть белую громадину холодильника. Вдруг послышался отдаленный раскат грома; дождь с удвоенной силой застучал по крышам и живым изгородям. Сол принялся переставлять горшки, выстраивая их в пустых промежутках на полках, потом отряхнул с рук чернозем и снял с подставки опустевший метровый стеллаж. Окна над грубо сделанной подставкой были закрыты на задвижку изнутри. Он на секунду замер и, выбрав самый большой и тяжелый из глиняных горшков, ударил им по стеклу.

Звон разбитого стекла показался Солу ужасно громким, громче, чем раскаты грома, последовавшие сразу за мелькающими отражениями молний, которые превратили остатки стекла в зеркала. Он замахнулся вновь и разнес бородатый силуэт собственного отражения, а заодно и вертикальную перегородку окна, затем осторожно вытащил торчащие осколки и попытался в темноте нащупать задвижку. От внезапной детской мысли, что его могут схватить за руку, у него похолодела спина. Он нащупал цепочку и потянул. Окно раскрылось наружу. Протиснувшись в него, Сол ступил на подоконник и тяжело спрыгнул на пол кухни.

В старом доме все время раздавались какие-то звуки. Снаружи по водостоку струилась дождевая вода. В холодильнике тоже что-то гудело, причем так громко, что Сол чуть не повернул обратно. Он отметил про себя, что электричество не отключено. Откуда-то донесся слабый скрежещущий звук, словно по стеклу провели ногтем.

Из кухни в другие помещения вели три двери. Сол выбрал ту, что оказалась прямо перед ним, и вышел в длинный коридор. Даже в тусклом свете он различил в нескольких шагах от двери место, где темный, натертый до блеска паркет был разбит в щепки.

У основания широкой лестницы он остановился, почти уверенный, что найдет там обведенные мелом силуэты тел на полу, как в американских детективах, которые он так любил смотреть. Но ничего подобного не было — только большое пятно на паркете возле нижней ступеньки. Сол заглянул в другой, более короткий коридор, ведущий в прихожую, затем перешел в большую, заставленную старинной мебелью комнату. Похоже, это была гостиная. Свет пробивался сюда сквозь панели цветного стекла в верхней части широкого эркера. Стрелки часов на каминной полке застыли на цифрах 3:26. Тяжелая мебель в чехлах и высокие шкафы, забитые хрусталем и фарфором, казалось, вобрали в себя весь кислород. Дышать было совершенно нечем. Сол расстегнул ворот рубашки и быстро осмотрел гостиную. В помещении стоял затхлый запах мастики, талька, и еще тут попросту воняло гнилью. Он содрогнулся, вспомнив свою древнюю тетушку Дануту и ее маленькую квартирку в Кракове. Дануте стукнуло сто три, когда она умерла.

Рядом с гостиной находилась пустая столовая. Замысловатой формы подвески на люстре слегка позвякивали в такт шагам. Сол вышел в прихожую, оглядел пустую вешалку для шляп и две трости, прислоненные к стене. Мимо медленно проехал грузовик, и дом задрожал.

Оранжерея, расположенная сразу за столовой, была светлее, чем все другие помещения. Здесь Сол почувствовал себя совершенно беззащитным. Дождь на улице прекратился, и среди мокрой зелени сада он мог различить кусты роз. Через несколько минут будет совсем темно.

Его внимание привлек антикварный застекленный шкаф. Полированные створки из красного дерева были разломаны, на полу валялись осколки битого стекла. Сол осторожно подошел к шкафу и присел на корточки. На средней полке лежали перевернутые статуэтки и оловянные тарелки.

Он выпрямился и оглянулся. Без какой-либо видимой причины им вдруг овладел страх, даже паника. Запах мертвечины, казалось, преследовал его. Сол заметил, что его левая рука судорожно сжимается и разжимается. Он может сейчас же уйти: стоит выйти в кухню, и через две минуты он будет уже за воротами...

Медленно повернувшись, Сол направился по темному коридору к лестнице. Перила были гладкие и прохладные на ощупь. Хотя в стене напротив имелось маленькое круглое окошко, темнота, казалось, поднималась, словно холодный воздух, и оседала на лест-

ничной площадке. Наверху он остановился. Дверь справа была почти сорвана с петель, сверху свисали белые щепки, словно порванные жилы. Сол заставил себя войти в спальню. Вонь тут стояла такая, как бывает в холодильнике, забитом мясом, через несколько дней после отключения электричества. В одном углу высился шкаф, похожий на гроб, поставленный на попа. Окна, выходящие во двор, были занавешены тяжелыми шторами. На старом трюмо в самом центре лежали дорогая антикварная щетка для волос и гребень слоновой кости. Зеркало, потускневшее от времени, было покрыто пятнами. Высокая кровать аккуратно застелена.

Сол уже повернулся, собираясь уходить, когда услышал шаги. Он замер, руки непроизвольно сжались в кулаки. Прошло несколько минут, но все было спокойно, только запах гнилого мяса по-прежнему мешал дышать. Сол уже хотел было идти дальше, решив, что звук шел из забитого водостока снаружи, когда вновь услышал шаги. Тихо, осторожно, но целенаправленно кто-то поднимался по лестнице.

Он резко развернулся и кинулся к шкафу. Дверцы бесшумно открылись, и он скользнул внутрь, зарывшись в ворох старушечьей одежды. В ушах у него со страшной силой отдавались удары сердца. Дверцы от древности несколько перекосились и закрывались неплотно, поэтому сквозь щель он мог видеть тонкую вертикальную полоску серого цвета, пересеченную темной горизонталью кровати.

Шаги раздались на верхней площадке лестницы, затем последовала длинная пауза, и кто-то тихо вошел в спальню.

Сол затаил дыхание. Запахи шерсти и нафталина смешались с вонью гнилого мяса и грозили удушить его. Тяжелые платья и шарфы липли к телу, тянулись к плечам и горлу.

Он никак не мог понять, удаляются шаги или приближаются, — так у него шумело в ушах. Охватившая его паника мешала сосредоточиться на тонкой полоске света. Сол вспомнил, как земля падала на еще живые лица людей, как шевелилась белая рука в черной грязи, вспомнил серое сукно, казавшееся темным в зимнем свете, и белый пластырь на заросшей щетиной щеке; руки и ноги копошились в земле, как медлительные черви...

Он резко выдохнул и, раздвинув липкую одежду, потянулся к дверцам.

Но он так и не успел дотронуться до них — они рывком распахнулась снаружи.

Глава 5

Вашингтон, округ Колумбия
Вторник, 16 декабря 1980 г.

Тони Хэрод и Мария Чэнь прилетели в Вашингтонский национальный аэропорт, взяли напрокат машину и сразу поехали в Джорджтаун. Уже миновал полдень, когда они пересекли мемориальный мост Мейсона. Река Потомак показалась им серой и медлительной, обнаженные деревья отбрасывали тонкие тени на набережную. Висконсин-авеню сегодня была свободнее обычного.

— Сюда, — показал Хэрод.

Мария свернула на Эм-стрит. Дорогие дома здесь, казалось, жались друг к другу в слабом зимнем свете. Тот, который они искали, ничем не отличался от многих других домов на этой улице. Перед бледно-желтой дверью гаража висел знак «стоянка запрещена». Мимо прошла пара, одетая в тяжелые меха; дрожащий пудель тянул их за поводок.

— Я подожду, — сказала Мария Чэнь.

— Нет. Покатайся пока. Каждые десять минут возвращайся сюда.

Когда Хэрод вылез из машины, она немного помедлила, затем не спеша двинулась вниз по улице.

Хэрод пошел не к парадной двери дома, а направился сразу к гаражу. В стене открылась небольшая металлическая панель, за которой обнаружились тонкая щель и четыре пластиковые кнопки без каких-либо надписей. Вытащив из бумажника кредитную карточку, он вставил ее в щель. Раздался щелчок. Он придвинулся ближе к стене и нажал третью кнопку, потом три другие. Дверь гаража с лязгом поднялась, Хэрод вытащил свою карточку из щели и вошел.

Дверь за ним закрылась. В пустынном помещении было очень темно, не чувствовалось даже намека на запах масла или бензина, пахло лишь холодным цементом и смолистым ароматом сосновых брусков. Хэрод сделал несколько шагов к середине гаража и замер, не делая попыток найти дверь или выключатель. Послышался тихий гул, и он понял, что установленная в стене видеокамера уже передала его изображение, а теперь прощупывает помещение — не вошел ли кто за ним. Вероятно, камера была снабжена инфракрасными или светочувствительными линзами. А вообще-то, ему наплевать, чем она там снабжена.

Раздался щелчок, дверь открылась, и Хэрод пошел на свет. Он ступил в пустую комнату; судя по электрическим панелям и трубам, первоначально ее планировали использовать как прачечную. Другая камера, установленная над следующей дверью, повернулась и взяла его на прицел, едва он вошел. Хэрод расстегнул молнию своей кожаной куртки.

— Пожалуйста, снимите темные очки, мистер Хэрод. — Голос доносился из стандартного переговорного устройства на стене.

— Да пошел ты в задницу, — приятным голосом сказал Хэрод и снял солнцезащитные очки, похожие на авиационные.

Он уже успел надеть их, когда дверь отворилась и вошли двое в темных костюмах. Один из них был лысым и весьма массивным — типичный вышибала или телохранитель. Второй, повыше, — сухощавый, темноволосый и гораздо более опасный, хотя трудно было сказать почему.

— Вы не могли бы поднять руки, сэр? — буркнул тот, что потяжелее.

— А вы не могли бы дать в задницу за четвертак? — Хэрод терпеть не мог, когда до него дотрагивались мужчины. Ему так же ненавистна была мысль, чтобы дотронуться до них.

Те двое терпеливо ждали. Он поднял руки. Вышибала ощупал его с профессиональным безразличием и кивнул темноволосому.

— Сюда, мистер Хэрод. — Сухощавый повел его через дверь, потом через пустую кухню, которой не пользовались, по ярко освещенному коридору мимо голых комнат без мебели и остановился у лестницы. — Первая дверь налево, мистер Хэрод. — Он махнул рукой вверх. — Вас ждут.

Ничего не сказав, Хэрод направился к ступенькам. Паркет из светлого дуба был отполирован до блеска. Его шаги на лестнице эхом отдавались по всему дому. Здание пахло свежей краской и пустотой.

— Мистер Хэрод, мы очень рады, что вам удалось приехать.

На складных стульях сидели пять человек, образуя почти замкнутый круг. Комната предназначалась, очевидно, под главную спальню либо большой кабинет. Полы были голыми, жалюзи — белыми, а камин — без признаков огня. Хэрод знал этих людей или, по крайней мере, их имена. Слева направо расположились Траск, Колбен, Саттер, Барент и Кеплер. Все были в дорогих, солидного покроя костюмах и сидели почти в одинаковых позах — спина прямая, нога на ногу, руки скрещены на груди. У троих рядом со стульями стояли кейсы. Трое были в очках. Все пятеро — белые. Возраст — от пятидесяти и выше; самый старший из них Барент.

У Колбена почти не осталось волос, но у остальных, похоже, был один и тот же парикмахер.

— Вы опоздали, мистер Хэрод, — продолжил Траск.

— Ага.

Тони подошел поближе. Стул ему не поставили. Он снял свою кожаную куртку и теперь держал ее через плечо на одном пальце. На нем была ярко-красная шелковая рубашка, расстегнутая так, чтобы был виден медальон из акульего зуба на золотой цепочке. С брюками из темного вельвета контрастировала большая золотая пряжка на ремне, подаренном Джорджем Лукасом, и тяжелые сапоги для игры в поло, с массивными каблуками.

— Самолет опоздал, — сказал Тони.

Траск кивнул. Колбен откашлялся, словно собирался заговорить, но довольствовался тем, что поправил очки в роговой оправе.

— Известно что-нибудь новое? — спросил Хэрод. Не дожидаясь ответа, он подошел к окну, взял металлический складной стул и поставил его задом наперед в том месте, где сходились два полукруга. Затем сел верхом и повесил куртку на спинку. — Или я проделал этот путь за хрен собачий?

— Тот же самый вопрос мы хотели задать вам, — спокойно сказал Барент.

У него были манеры образованного человека. Во всяком случае, почти британские гласные напоминали о Новой Англии. Баренту, как и сейчас, никогда не приходилось повышать голос, чтобы его расслышали.

Хэрод пожал плечами.

— Я произнес хвалебную речь, одну из нескольких во время поминальной службы, — сообщил он. — Все это было очень печально. Сотни две голливудских знаменитостей явились выразить свою скорбь. Из них человек десять-пятнадцать были даже знакомы с ним.

— Расскажите о доме, — терпеливо попросил Барент. — Вы обыскали его, как мы вас просили?

— Да.

— И?

— И ничего. — Губы Хэрода вытянулись в тонкую линию, углы рта, который так часто кривился в саркастической ухмылке и жесткой иронии, напряглись. — В моем распоряжении была всего пара часов, из них час я потратил на то, чтобы выставить старых любовников Вилли; у них есть ключи от дома, и они слетелись, как стервятники на падаль, ухватить свой кусок наследства...

— Их Использовали? — спросил Колбен обеспокоенным голосом.

— Нет, не думаю. Вы должны помнить, что Вилли терял силу. Возможно, он слегка их программировал, немного поглаживал центры удовольствия. Но я даже в этом сомневаюсь. С его деньгами и влиянием в киностудиях ему не требовалось ничего этого делать.

— Так что насчет обыска? — напомнил Барент.

— Да-да. Значит, у меня было около часа. Том Макгайр, поверенный Вилли и мой старый друг, позволил мне покопаться в сейфе Вилли и на его рабочем столе. Ничего особенного. Права на некоторые фильмы, сценарии, немного акций, но не скажешь, что это контрольные пакеты. Вилли, в основном, вкладывал деньги в кино. Масса деловых писем, однако почти ничего личного. Вы знаете, завещание было прочитано вчера. Мне достался дом — если я смогу заплатить эти долбаные налоги. Остаток со своего банковского счета он завещал Обществу защиты животных.

— Защиты животных? — переспросил Траск.

— Клянусь задницей. Старина Вилли помешался на правах животных. Вечно жаловался, что с ними плохо обращаются во время съемок, добивался принятия новых законов и прочая херня.

— Продолжайте, — сказал Барент. — Там не было бумаг, которые пролили бы свет на прошлое Вилли?

— Нет.

— И ничего не указывало на его Способность?

— Ничего.

— Ни одного упоминания о ком-нибудь из нас? — спросил Саттер.

Хэрод выпрямился:

— Разумеется, нет. Вы же знаете, Вилли ничего не было известно о Клубе.

Барент кивнул и сложил пальцы домиком:

— Тут не может быть случайной ошибки?

— Исключено.

— А между тем он знал о вашей Способности?

— Конечно. Но вы же сами много лет назад решили, что можно позволить ему. Вы мне это сказали, когда велели познакомиться с ним.

— Да.

— Кроме того, Вилли всегда считал, что моя Способность слабее и не так надежна, как у него. Из-за того, что у меня не было

необходимости Использовать кого бы то ни было на полную мощь, и из-за... моих склонностей.

— Не использовать мужчин, — подсказал Траск.

— Из-за моих склонностей, — повторил Хэрод. — Да какого хрена Вилли вообще знал? Он смотрел на меня сверху вниз, даже когда он потерял все, кроме способности держать в узде Рейнольдса и Лугара, а они оба страх как любили, когда их возбуждают. Хотя и тут у него по большей части ни черта не получалось.

Барент снова кивнул:

— Значит, вы считаете, что он больше не мог Использовать кого-то для ликвидации других людей?

Хэрод усмехнулся:

— Куда ему. Он мог бы Использовать этих своих недоумков или одного из любовников, но он был не такой дурак, чтобы делать это.

— И вы позволили ему лететь в Чарлстон на встречу с теми двумя женщинами? — спросил Кеплер.

Хэрод стиснул спинку стула:

— Что вы хотите этим сказать? Черт, конечно, я позволил ему! В мою задачу входило наблюдать за Вилли, а не держать его на привязи. Он летал по всему свету.

— И что, по-вашему, он делал на этих встречах? — спросил Барент.

Хэрод пожал плечами:

— Тосковал по старым временам, трепался с этими двумя призраками из прошлого. Откуда я знаю, может, он продолжал трахать этих старых ведьм? Да и потом, он и отсутствовал-то всего дня два-три, как правило. Никаких проблем никогда не возникало.

Барент повернулся к Колбену и кивнул. Тот открыл кейс, вытащил коричневую книжку, похожую на небольшой фотоальбом, и протянул ее Хэроду.

— Это что за чертовщина?

— Посмотрите, — велел Барент.

Хэрод перелистал альбом, сначала быстро, потом помедленнее. Некоторые из газетных вырезок он прочитал от начала до конца. Закончив читать, он снял свои темные очки. Никто не произнес ни слова. Где-то на Эм-стрит прогудела машина.

— Эта штука не принадлежала Вилли, — заговорил наконец Хэрод.

— Верно, — подтвердил Барент. — Она принадлежала Нине Дрейтон.

— Невероятно, — пробормотал Хэрод. — Этого не может быть. Старая кляча просто выжила из ума, у нее какая-то мания величия. Она мечтала, чтобы все было как в старые добрые времена.

— Нет, — отрезал Барент. — По нашим данным, она присутствовала при всех событиях. Весьма вероятно, что это — ее рук дело.

— Ну и дерьмо! — воскликнул Хэрод. Он снова надел очки и потер щеки. — Как это к вам попало? Нашли в ее нью-йоркской квартире?

— Нет, — ответил Колбен. — Наш человек был в Чарлстоне в связи с авиакатастрофой, в которой погиб Вилли. Ему удалось взять эту книжку во время осмотра вещей Нины Дрейтон до того, как ее обнаружили местные власти.

— Вы уверены? — спросил Хэрод.

— Да.

— Вопрос заключается в том, — сказал Барент, — продолжали ли эти трое играть в какой-то вариант своей старой венской Игры? И если так, были ли у вашего друга Вилли какие-либо записи, похожие на эти?

Хэрод молча покачал головой.

Колбен вытащил из кейса досье:

— Среди обломков самолета ничего определенного найти не удалось. Конечно, надо принять во внимание, что там вообще мало что осталось. Еще не найдены тела половины пассажиров, а те, что извлечены из болота, изуродованы до неузнаваемости. Взрыв был сильным, местность болотистая, и это затрудняет поиски. Весьма сложная ситуация для расследования.

— Которая же из этих старых сук сделала это? — спросил Хэрод.

— Мы пока не уверены, — сказал Колбен, — однако похоже, что подруга Вилли мисс Фуллер дожила до понедельника. Так что она возможный кандидат в диверсанты.

— Какая дурацкая смерть выпала Вилли, — пробормотал Хэрод, ни к кому не обращаясь.

— Если только он действительно погиб, — заметил Барент.

— Что? — Хэрод откинулся назад, ноги его выпрямились, каблуки прочертили черные полосы на дубовом паркете. — Вы думаете, он не погиб? Его не было на борту?

— Сотрудник авиакомпании помнит, что Вилли и его друзья поднимались по трапу, — сказал Колбен. — Они о чем-то спорили — Вилли и его черный коллега.

— Дженсен Лугар, — кивнул Хэрод. — Эта безмозглая черножопая скотина.

— Но нет никаких гарантий, что они вошли в самолет, — продолжил Барент. — Сотрудника кто-то окликнул, и он на несколько минут отвлекся, прежде чем отъехал трап.

— Но ведь нет данных и о том, что Вилли не было на борту самолета, — настаивал Хэрод.

Колбен убрал досье:

— Верно. Однако до тех пор, пока его тело не будет обнаружено, мы не можем с уверенностью полагать, что он... э-э-э... нейтрализован.

— Нейтрализован... — эхом откликнулся Хэрод.

Барент встал, подошел к окну и раздвинул тяжелые шторы. В дневном свете кожа его казалась фарфорово-гладкой.

— Мистер Хэрод, существует ли вероятность, что Вилли фон Борхерт знал о Клубе Островитян?

Голова Тони резко запрокинулась, словно кто-то дал ему пощечину.

— Нет. Абсолютно исключено.

— Вы уверены?

— Конечно.

— Вы никогда не упоминали о нем, хотя бы косвенно?

— Да зачем мне это нужно? Нет, нет, черт возьми! Вилли ничего не знал об этом.

— Вы уверены? — Барент уперся взглядом в бледное лицо Хэрода.

— Вилли был стариком, древним стариком. Он уже помешался оттого, что не мог больше Использовать людей, в особенности для убийства. Я говорю «убивать», Колбен, а вовсе не «нейтрализовать», или «аннулировать страховку», или «прикончить с крайним предубеждением», или еще какой-нибудь дурацкий эвфемизм вашей конторы. Вилли убивал, чтобы оставаться молодым, а потом он уже не мог этого делать, и бедный старый пердун просто высох, как слива на солнце. Если бы он что-то знал про ваш чертов Клуб Островитян, он бы давно ползал тут на коленях, умоляя впустить его.

— Но это ведь и ваш клуб, Тони, — холодно бросил Барент.

— Слышал, слышал. Только я еще не был на острове, откуда же мне знать, мой он или нет?

— Этим летом вас пригласят на вторую неделю, — сообщил Барент. — Первая неделя не совсем... необходима, не так ли?

— Может, и нет. Но мне, в общем, хотелось бы поболтаться среди богатых и могущественных людей. Не говоря уже о том, что я не прочь и приласкать кого-нибудь.

Барент рассмеялся, его смех поддержал еще кое-кто.

— Бог ты мой, Тони, — сказал Саттер, — вам что, не хватает этого добра в Голливуде?

— Да и потом, — вмешался Траск, — не думаете ли вы, что вам придется тяжело? Имея в виду список гостей, приглашенных на первую неделю... Я хочу сказать, в свете ваших склонностей...

Хэрод повернулся и смерил говорившего убийственным взглядом. Глаза его превратились в узкие щелочки на бледной маске. Медленно, словно досылая с каждым словом патрон в патронник, он процедил:

— Вы знаете, что я имел в виду. Не надо пудрить мне мозги.

— Да. — Голос Барента прозвучал успокаивающе, британский акцент слышался явственнее. — Мы знаем, что вы имели в виду, мистер Хэрод. И в этом году вы, возможно, получите желаемое. Вы в курсе, кто будет на острове в июне?

Хэрод пожал плечами и отвернулся:

— Обычная толпа мальчишек, дорвавшихся до летних лагерей, я так думаю. Наверняка опять Генри Кисс. Возможно, еще какой-нибудь экс-президент.

— Два экс-президента, — улыбнулся Барент. — Плюс канцлер Западной Германии. Но все это не важно. Там будет и наш следующий президент.

— Следующий?.. Черт возьми, вы же только что засунули в это кресло своего человека!

— Да, но он ведь такой старый, — протянул Траск, и все расхохотались, как будто это была любимая шутка, понятная только им.

— Серьезно, — продолжил Барент, — этот год — ваш год, мистер Хэрод. Как только вы поможете нам разобраться с безобразием в Чарлстоне, со всеми его деталями, не останется никаких препятствий на вашем пути к полноправному членству в Клубе.

— Какие детали вы имеете в виду?

— Во-первых, помогите нам убедиться, что Уильям Д. Борден, он же герр Вильгельм фон Борхерт, мертв. Мы же тем временем продолжим свое собственное расследование. Возможно, скоро будет найдено его тело. Ваша информация позволит хотя бы исключить другие варианты, если они возникнут.

— О'кей. Что еще?

— Во-вторых, проведите тщательное обследование всего, что осталось от имущества мистера Бордена, пока до него не добрались другие... мм... стервятники. Удостоверьтесь, что он не оставил ничего, что могло бы поставить кого-нибудь в неловкое положение.

— Я вылетаю в Голливуд сегодня вечером, — сообщил Хэрод. — Утром буду в особняке Вилли.

— Отлично. В-третьих, мы ожидаем, что вы поможете нам относительно самой последней детали в Чарлстоне.

— Какой детали?

— Особа, убившая Нину Дрейтон и почти наверняка ответственная за смерть вашего друга Вилли, — Мелани Фуллер.

— Вы думаете, она все еще жива?

— Да.

— И вы хотите, чтобы я помог вам найти ее?

— Нет, — сказал Колбен. — Мы сами найдем ее.

— А что, если она покинула страну? Я бы на ее месте так и поступил.

— Мы найдем ее, — повторил Колбен.

— Тогда что должен делать я?

— Мы хотим, чтобы вы аннулировали ее страховку, — пояснил Колбен.

— Нейтрализовали ее, — вставил Траск с сухой улыбкой.

— Прикончили ее с крайним предубеждением, — добавил Кеплер.

Хэрод моргнул и посмотрел на Барента, все еще стоявшего у окна. Тот повернулся к нему и улыбнулся:

— Пора платить вступительный взнос, мистер Хэрод. Мы найдем эту даму. А вы должны будете убить эту настырную суку.

Хэроду и Марии Чэнь пришлось вылететь из международного аэропорта Далласа, чтобы попасть на прямой самолет до Лос-Анджелеса. По техническим причинам рейс задержали на двадцать минут. Хэроду страшно хотелось выпить. Он теперь не мог летать. Прежде всего, он не любил оказываться в чьей-то власти, а летать самолетом означало для него именно это. Он знал все статистические данные о безопасности полетов, но как раз это для него ничего не значило. В его воображении постоянно возникала картина останков самолета, разбросанных на несколько десятков километров, искореженные куски металла, все еще раскаленные добела, розовые и красные части тел, валявшиеся в траве, словно ломти семги, сохнувшие на солнце

«Бедный Вилли», — подумал он про себя.

— И почему они не разносят эти чертовы напитки перед взлетом, как раз когда надо выпить? — возмутился он вслух.

Мария Чэнь улыбнулась.

Самолет наконец вырулил на старт, уже горели огни взлетной полосы, и едва они поднялись над толстым слоем облаков, как попали в последние лучи заходящего солнца — правда, всего на несколько минут. Хэрод открыл портфель и вытащил тяжелую стопку сценариев, из которых можно было что-то сделать. Два из них оказались слишком длинными, больше ста пятидесяти страниц, и он, не читая, бросил их назад в портфель. Первую страницу следующего творения было невозможно читать, и он тоже отложил его. Он уже пробежал восемь страниц четвертой рукописи, когда к ним подошла стюардесса узнать, что они будут пить.

— Виски со льдом, — сказал Хэрод.

Мария Чэнь от напитков отказалась.

Хэрод поднял глаза на молоденькую стюардессу, которая принесла заказ. Он считал, что, когда авиакомпании отступили перед обвинениями в дискриминации по половому признаку и стали разбавлять стюардесс стюардами, произошло одно из самых идиотских событий в корпоративной истории. Даже стюардессы в нынешние времена казались Хэроду старше и неказистее, чем раньше. Но эта девушка явно была исключением: молоденькая, чистенькая, а вовсе не типичный сегодняшний манекен, и на вид приятно сексуальная — эдакая девочка-крестьянка. Похоже, скандинавка. Блондинка с голубыми глазами и слегка раскрасневшимися щеками, усыпанными веснушками. Полные груди, возможно, слишком полные для ее роста; приятно было смотреть, как они выпирают из синего с золотом жакета.

— Спасибо, дорогая, — сказал Хэрод, когда она поставила стакан на небольшой столик перед ним. Она выпрямилась, и в этот момент он коснулся ее руки. — Как тебя зовут?

— Кристен. — Девушка улыбнулась, но впечатление от улыбки было испорчено торопливостью, с какой она отдернула руку. — Друзья зовут меня Крис.

— Ну что ж, Крис, присядь на минутку. — Хэрод похлопал по широкому подлокотнику. — Поболтаем немного.

Она снова улыбнулась, но улыбка вышла беглой, почти механической.

— Прошу прощения, сэр. Мы уже опаздываем, а мне еще надо приготовить к раздаче обед.

— Я вот читаю киносценарий, — сказал он. — Скорее всего, я и буду его продюсером. Тут есть одна роль, она словно специально написана для красотки вроде тебя.

— Благодарю, сэр, но мне действительно нужно помочь Лори и Курту приготовить все к обеду.

Стюардесса собралась идти, но Хэрод схватил ее за руку:

— Тебя не затруднит принести мне еще виски со льдом? А после можешь заняться своими играми с Лори и Куртом.

Девушка медленно отняла руку, явно подавляя желание потереть то место, где он ее стиснул. Она уже не улыбалась.

Обед — бифштекс и омара — ему принесла Лори, но второй порции виски Хэрод так и не дождался. К обеду он не притронулся. За окном было темно, на конце крыла помигивали красные бортовые огни. Хэрод включил лампочку для чтения у себя над головой, но затем отложил сценарий. Он наблюдал за Кристен, деловито расхаживающей по салону. Нетронутый обед Хэрода убрал Курт.

— Хотите еще кофе, сэр?

Он не ответил, глядя, как стюардесса-блондинка зубоскалит с бизнесменом. Потом она принесла подушку сонному ребенку лет пяти, что сидел с матерью на два ряда впереди него.

— Тони... — начала было Мария Чэнь.

— Заткнись, — бросил Хэрод.

Он дождался момента, когда Курт и Лори занялись чем-то в другой части салона, а Кристен осталась одна возле переднего туалета, и встал. Девушка повернулась боком, чтобы пропустить Хэрода, но в остальном, казалось, не замечала его. Туалет был свободен. Он вошел, потом снова открыл дверь и выглянул:

— Прошу прощения, мисс...

— Да?

— Похоже, тут не работает кран.

— Нет напора?

— Вообще вода не идет. — Хэрод шагнул в сторону, пропуская стюардессу, потом оглянулся: пассажиры первого класса слушали музыку через наушники, читали либо дремали; только Мария Чэнь смотрела в их сторону.

— Да нет, вроде все нормально, — сказала Кристен.

Хэрод вошел следом и запер за собой дверь. Девушка выпрямилась и удивленно повернулась. Прежде чем она успела что-то сказать, он схватил ее за руку, чуть повыше локтя.

Тихо. Он почти вплотную приблизился к ней. Помещение было крохотным, вибрация двигателей отдавалась в переборках и металлической стойке.

Глаза девушки широко раскрылись, она пошевелила губами, пытаясь что-то сказать, но Хэрод мысленно дал команду, и она так ничего и не успела вымолвить. Он сверлил ее взглядом, и сила этого взгляда была мощнее, чем рука, стиснувшая ее плоть. Хэрод почувствовал сопротивление и еще одним толчком подавил его. Он поймал поток ее мыслей и толкал все сильнее, преодолевая сопротивление, как человек, идущий по реке против течения. Он чувствовал, как она мечется, сначала физически, а потом уже только мысленно, и придавил ее мечущееся сознание так же крепко, как давным-давно, в детстве, придавил к земле свою кузину Элизабет, когда они боролись. Хэрод тогда случайно оказался сверху и держал Элизабет за кисти рук, прижимая их к земле, а нижняя часть его тела попала между ее бедер. Он помнил свое смятение и возбуждение, вызванные внезапной эрекцией и тщетными, отчаянными попытками беспомощной пленницы высвободиться.

Прекрати. Сопротивление Кристен ослабло. Хэрод почувствовал при этом что-то вроде резкого, пронизывающего все тело тепла, охватывающего его всякий раз, когда он физически проникал в женщину. Наступила внезапная тишина, его воля заполнила ее сознание, оно слабело, как гаснущий свет. Хэрод не препятствовал. Он не пытался проскользнуть в извилины ее мозга, к теплому центру удовольствия там, внутри ее существа. Он вовсе не хотел тратить время на то, чтобы приласкать, погладить этот центр. Ему не было дела до ее наслаждения, он хотел от нее лишь одного — повиновения.

Не двигаться. Хэрод приблизил свое лицо к лицу девушки. На раскрасневшихся щеках Кристен золотился едва заметный пушок. Глаза ее раскрылись широко-широко, голубизна их стала ярче, зрачки неестественно расширились. Влажные губы тоже раскрылись. Хэрод коснулся ее щеки, слегка укусил полную нижнюю губу и просунул язык ей в рот.

Кристен не шелохнулась, лишь слабо выдохнула. Во рту у нее сохранился вкус мятной конфеты. Хэрод еще раз укусил ее губу, на этот раз сильнее, потом отодвинулся и улыбнулся. С губы скатилась крохотная капелька крови и повисла на подбородке. Взгляд девушки был устремлен куда-то сквозь Хэрода — неподвижный и бесстрастный, но где-то в глубине зрачков притаился огонек страха, как у животного, запертого в клетке.

Хэрод отпустил ее руку и провел ладонью по щеке. Он наслаждался беспомощными метаниями ее воли и своей уверенной, твер-

дой властью над ней. Ее паническое состояние действовало на него как сильный аромат духов. Не обращая внимания на потоки мольбы в ее корчащемся сознании, он прошел хорошо отработанным путем к двигательному центру. Он лепил ее сознание так же уверенно, как сильные руки месят тесто. Кристен снова вздохнула.

Стой тихо. Хэрод стянул с нее жакет и, скомкав, бросил на стойку умывальника. Крошечная кабинка, резонирующая от рокота двигателей, наполнилась шумом его дыхания. Самолет слегка накренился, и Хэрода качнуло к девушке; их бедра соприкоснулись. Возбуждение только усиливало его власть над ней.

Молчи. На стюардессе был шелковый шарф цветов авиалинии — красный с синим, концы его были спрятаны в бежевую блузку. Хэрод оставил шарф на месте и уверенными движениями расстегнул блузку. Девушка задрожала, но он крепче сжал тиски ее сознания, и дрожь прекратилась.

Она носила простой белый бюстгальтер. Груди ее, тяжелые и бледные, округло выпирали там, где кончалась ткань. Хэрод почувствовал, как в нем поднялась неизбежная волна нежности, любви и ощущения потери — всего того, что он всегда чувствовал в таких случаях. Но это никак не уменьшало его власти над женщиной.

Ее рот слегка скривился, пальцы задергались.

Не двигаться. Он расстегнул лифчик и сдвинул его вверх, потом распахнул полы своей куртки и расстегнул рубашку. Грудь у нее оказалась еще больше, чем он думал, он ощущал ее тяжесть при прикосновении. Кожа была такой гладкой и белой, соски такими нежными и розовыми, что Хэрод почувствовал, как его горло сжимается от невыносимой любви к ней.

Заткнись, заткнись. Стой смирно, сука. Самолет еще круче накренился влево. Хэрод налег на девушку всем весом, потерся о мягкую округлость ее живота.

В коридоре послышался шум, кто-то подергал ручку туалета. Хэрод задрал юбку стюардессы, потом грубо рванул вниз колготки и коленом раздвинул ее ноги. Колготки порвались, под ними оказались белые трусики бикини. Широкие бедра и невероятно гладкие упругие ноги тоже покрывал нежный золотистый пушок. Хэрод благодарно закрыл глаза.

— Кристен? Ты там? — Ручку снова подергали. — Кристен! Это я, Курт.

Хэрод стянул белые трусики и расстегнул свои брюки. Эрекция была почти болезненной. Он коснулся членом ее живота, чуть

выше линии лобковых волос, и задрожал от наслаждения. Самолет попал в какие-то воздушные потоки, его бросало то вверх, то вниз. Где-то раздался мягкий, но тревожный звон. Хэрод сжал ее ягодицы, раздвинул ноги шире и вошел в нее как раз в тот момент, когда самолет сильно затрясло. Его пальцы прижались к краю раковины, когда она перенесла вес тела назад, на его руки. Он почувствовал на секунду слабое сопротивление, но сразу вслед за этим невыносимо острое ощущение отдающегося ему тепла.

— Кристен? Что за чертовщина? Что происходит? У нас началась болтанка. Кристен!

Самолет качнуло вправо. Раковина и крышка унитаза завибрировали.

— Вы ищете стюардессу? — Сквозь тонкую дверь послышался голос Марии Чэнь. — Она только что помогала старой леди, той было очень плохо. — Разговор перешел в невнятное бормотание.

На груди Кристен поблескивали капельки пота. Хэрод еще плотнее прижал девушку к себе, с нарастающей силой стискивая ее там, внутри, клещами своей воли, чувствуя самого себя сквозь грубое отражение ее мыслей — как он скользит в ней, потом уходит, ощущая соленость ее плоти и такой же острый, соленый запах ее страха и паники. Двигая ее в своем ритме, словно большую мягкую куклу, он чувствовал, как в ней нарастает оргазм... Нет, это было в нем, два потока каскадом слились в одну темную, бурлящую воронку страсти.

— Конечно, я скажу ей, — проговорила Мария Чэнь.

В нескольких сантиметрах от лица Хэрода раздался тихий стук. Он судорожно вздохнул и зарылся подбородком в ямочку у шеи девушки. Голова ее была запрокинута, рот застыл в немом крике, невидящие глаза устремлены в низкий потолок.

Самолет тряхнуло, повело в сторону. Хэрод слизнул капельки пота на горле Кристен, наклонился и поднял белые трусики. Трясущимися руками он застегнул ее блузку, сунул порванные колготки в карман своей куртки и расправил складки на юбке девушки. Ноги у нее хорошо загорели, и отсутствие колготок будет не так заметно.

Хэрод постепенно ослабил давление. Мысли Кристен путались, воспоминания мешались со сновидениями. Он позволил ей прислониться к раковине, а сам отодвинул защелку.

— Сигнал «пристегнуть ремни» уже горит, Тони. — Тоненькая фигурка Марии Чэнь загораживала дверь в туалет.

— Иду.

— Что? — спросила стюардесса, бессмысленно глядя перед собой невидящим взглядом. Потом она наклонилась над раковиной, и ее стошнило.

Мария вошла в туалет и придержала девушку за плечи. Когда рвота кончилась, она вытерла ей лицо мокрым полотенцем. Хэрод стоял в коридоре, прислонившись к стене; самолет бросало, как маленький кораблик в бурном море.

— Что? — снова спросила Кристен и уставилась пустым взором на Марию Чэнь. — Я не... помню... почему...

Поглаживая лоб девушки, Мария глянула на Хэрода:

— Тебе лучше сесть, Тони. Могут быть неприятности, если ты не пристегнешься.

Он кивнул, вернулся на свое место и вытащил рукопись, которую читал. Через минуту пришла Мария Чэнь. Самолет немного выровнялся. Сквозь гул моторов было слышно, как впереди Курт о чем-то с тревогой спрашивает стюардессу.

— Не знаю, — бесцветным голосом отвечала Кристен. — Я не знаю.

Хэрод, уже не обращая на них внимания, принялся делать пометки на полях рукописи. Через некоторое время он поднял глаза и увидел, что Мария Чэнь смотрит на него. Он улыбнулся:

— Терпеть не могу, когда заказываешь выпивку, а ее не приносят.

Мария Чэнь отвернулась и стала глядеть в темноту, на мигающие красные огни на крыле самолета.

На следующий день рано утром Хэрод поехал к особняку Вилли. Охранник у ворот издали узнал его машину, и, когда красный «феррари» остановился, он уже открыл ворота.

— Привет, Чак.

— Доброе утро, мистер Хэрод. Не привык видеть вас здесь так рано.

— Да я сам к такому не привык. Но надо просмотреть кое-какие деловые бумаги. Приходится разбираться с финансовыми проблемами нескольких новых проектов, в которые нас втянул Вилли. Особенно с этим чертовым «Торговцем рабынями».

— Да, сэр, я читал. В газетах про это пишут.

— Охрана пока на месте?

— Да. По крайней мере до аукциона в следующем месяце.

— Макгайр вам платит?

— Да, сэр. Из того, что оставлено по завещанию.
— Ну ладно, увидимся, Чак. Держи ухо востро.
— Вы тоже, мистер Хэрод.

Мотор приятно взревел, «феррари» тронулся с места и помчался по длинной дорожке, ведущей к дому. Аллея была обсажена тополями, и при движении лучи утреннего солнца, казалось, вращались, пробиваясь сквозь ветви. Хэрод объехал высохший фонтан перед главным входом и остановился возле западного крыла, где находился кабинет Вилли.

Особняк в Бел-Эйр походил на дворец, перенесенный сюда, на север, из какой-нибудь банановой республики. Солнечный свет падал на бесчисленную лепнину, красную плитку и окна со множеством переплетов. Несколько дверей выходили во внутренний двор, через который по мощенным плиткой коридорам можно было попасть в другие дворы. Казалось, поколение за поколением понемногу строили этот дом, тогда как на самом деле его воздвигли жарким летом 1938 года для не слишком известного киномагната, умершего три года спустя во время просмотра отснятого за день материала.

Своим ключом Хэрод открыл дверь в западном крыле. Сквозь жалюзи на ковер комнаты, где обычно сновали секретарши, падали желтые полосы. Помещение было аккуратно прибрано, пишущие машинки закрыты чехлами, на столах — ничего лишнего. Хэрода неожиданно больно кольнуло воспоминание о том, какой здесь обычно царил хаос с непрерывными телефонными звонками и постоянным канцелярским шумом. Кабинет Вилли был через две двери, за конференц-залом.

Хэрод вошел в кабинет, вытащил из кармана листок бумаги и открыл сейф. Потом разложил на большом белом столе разноцветные папки с документами — для каждого типа бумаг свой цвет, окинул их взглядом и вздохнул. День предстоял длинный и тоскливый.

Три часа спустя он потянулся, зевнул и отодвинул кресло от заваленного бумагами стола. Их содержание вряд ли смутило бы кого-либо, кроме нескольких любителей халявы в Голливуде да поклонников качественного кино. Хэрод встал и немного побоксировал с тенью, наслаждаясь своей быстротой и ловкостью в новых адидасовских кроссовках. На нем был голубой спортивный костюм для бега, молнии на запястьях и щиколотках расстегнуты. Он вдруг понял, что хочет есть.

Легко, почти бесшумно двигаясь по выложенному плиткой полу, Хэрод прошел через западное крыло, вышел во двор с фонта-

ном, пересек крытую террасу, на которой вполне могла бы разместиться конференция Гильдии киноактеров, и вошел через южную дверь в кухню. В холодильнике все еще было полно еды. Он открыл большую бутылку шампанского и начал намазывать майонез на кусок багета, когда услышал какой-то шум. С бутылкой шампанского в руке, он пересек огромную столовую и вошел в гостиную.

— Эй, какого хрена ты тут делаешь? — заорал Хэрод.

Метрах в десяти от него кто-то ковырялся в видеокассетах на полке Вилли. Человек быстро выпрямился, тень его упала на четырехметровый экран в углу.

— А-а, это ты, — успокоился Хэрод.

Молодой человек был одним из любовников Вилли, которого Хэрод и Том Макгайр прогнали отсюда несколько дней назад. Он был очень молод, белокур и мог похвастать таким загаром, какой лишь немногие в мире люди имеют возможность поддерживать. Ростом под метр девяносто, парень был одет только в тесные шорты из коротко обрезанных джинсов и легкие сандалии. На обнаженном торсе волнами перекатывались мускулы. Грудные и дельтавидные мышцы свидетельствовали о долгих часах упорных тренировок. Глядя на его живот, можно было подумать, что кто-то ежедневно крошит на нем камни.

— Да, я. Тебе что-то не нравится?

Хэрод отметил, что голос у парня как у морского пехотинца, а не педика с пляжа Малибу. Он устало вздохнул, сделал глоток из бутылки и вытер рот.

— Иди-ка домой, малыш. Сюда вход воспрещен. Тебе, во всяком случае.

Загорелый купидон надулся:

— Почему это? Билл был моим лучшим другом. Я имею право тут находиться. Нас связывало глубокое чувство.

— Ну да, и у вас была одна баночка вазелина на двоих. А теперь катись отсюда к черту, пока тебя не вышвырнули.

— И кто же это сделает?

— Я, — сказал Хэрод.

— Ты? А еще кто? — Парень выпрямился во весь рост и поиграл мускулатурой.

Хэрод даже не мог сказать, что это было — бицепсы или трицепсы, они как-то переходили друг в друга, вроде тушканчиков, трахающихся под туго натянутым брезентом.

— Я и полиция. — Он подошел к телефону, стоявшему на столике у дивана.

— Ах, так? — Сопляк вышиб трубку из руки Хэрода и выдернул шнур из розетки. Не удовлетворясь этим, он крякнул и выдрал пятиметровый шнур из стены.

Хэрод пожал плечами и поставил бутылку с шампанским:

— Успокойся, Брюсик. Есть ведь и другие телефоны. У Вилли было очень много телефонов.

Мальчишка быстро шагнул вперед и встал перед Хэродом, загораживая дорогу:

— Не так быстро, пидорванец.

— Ой-ой-ой, я ведь такого не слышал с тех самых пор, как окончил школу. У тебя за пазухой нет еще чего-нибудь эдакого, а, Брюсик?

— Не смей называть меня Брюсиком, засранец.

— Ну, это я слышал. — Хэрод попытался обойти парня, но тот уперся пальцами ему в грудь и толкнул. Хэрод ударился о боковую стенку дивана, а его соперник отскочил назад и принял боевую стойку, расставив руки под странным углом. — Каратэ, да? Слушай, не стоит показывать тут свою силу. — В его голосе появились неуверенные нотки.

— Пидорванец, — повторил парень.

— Ай-ай-ай, повторяешься. Признак надвигающейся старости, — сказал Хэрод и повернулся, будто собираясь бежать, но парень прыгнул вперед. Хэрод же, завершив оборот, ударил бутылкой шампанского в левый висок мальчишки.

Бутылка не разбилась, звук был таким, словно дохлой кошкой треснули по большому колоколу, и парень рухнул на одно колено, опустив голову. Хэрод шагнул вперед и представил себе, что бьет одиннадцатиметровый, причем мяч установлен ровно под выступом тяжелой челюсти соперника.

— А-а-а! — заорал Тони и, схватившись за свою адидасовскую кроссовку, заскакал на левой ноге.

Парнишка отлетел назад, врезался в толстые подушки дивана, затем качнулся вперед и упал на колени перед Хэродом, как кающийся грешник. Тот схватил великолепную мексиканскую лампу с тумбочки рядом и шарахнул ею по красивому лицу. Не в пример бутылке, лампа разлетелась на куски, причем весьма эффектно. Нос парня и другие не столь выдающиеся части его физиономии теперь тоже надо было собирать по кусочкам. Он свалился набок на толстый ковер, как ныряльщик с аквалангом, погружающийся с резиновой лодки.

Хэрод перешагнул через него и прошел к телефону на кухне.

— Чак? Говорит Тони Хэрод. Оставь Леонарда на воротах и подъезжай на своей машине к дому, ладно? Вилли тут оставил кое-какой мусор. Надо вывезти его на свалку.

Вдвоем они доставили любовника Вилли в травмопункт. Вернувшись, Хэрод выпил еще шампанского, закусил бутербродом с паштетом и направился к видеотеке хозяина дома. На полках стояло сотни три кассет. Некоторые из них были копиями ранних триумфально-успешных фильмов Вилли, таких шедевров кино, как «Трое на качелях», «Пляжные утехи», «Воспоминания о Париже». Рядом стояли восемь фильмов, продюсерами которых они с Вилли были совместно, включая «Резню на выпускном», «Погибли дети» и два фильма из сериала «Вальпургиева ночь». Здесь были также старые любимые ленты из ночного кино, экранные пробы, отрывки из разных эпизодов и неудачная попытка Вилли поставить ситком («Его и Ее» — пилотный выпуск и первые три серии). Дальше шло полное собрание порнухи, отснятой Джерри Дамиано[1], новые ролики, сделанные на студии, и стопки разрозненных кассет. Любовник Вилли успел снять с полки несколько пленок; Хэрод опустился на корточки и принялся их рассматривать. На первой было написано: «А и Б». Он включил проектор и зарядил пленку. В титрах, набранных на компьютере, стояло: «Александр и Байрон 4/23».

Первые кадры показали большой плавательный бассейн Вилли. Камера пошла вправо, мимо водопада, к открытой двери в спальню. Худенький молодой человек в красных трусиках бикини выскочил на свет. Он помахал в камеру — жест в точности в духе домашнего кино — и неловко остановился у края бассейна. Хэрод подумал, что вид у него как у анемичной безгрудой Венеры, выходящей из раковины. Вдруг из тени появился этот мускулистый любовник, Брюсик. Плавки на нем были еще короче, и он сразу же принялся демонстрировать мускулы, принимая разные атлетические позы. Тоненький юноша — Александр? — пантомимой изображал восхищение. Хэрод знал, что у Вилли есть отличная система для озвучивания домашних видеосъемок, но этот образчик «синема веритэ» был немым, как ранние работы Чаплина.

Любовник-культурист закончил свое представление каким-то особым изгибом торса. К этому моменту Александр уже стоял на коленях — поклонник у ног Адониса. Адонис все еще держал свою

[1] *Джерард Дамиано* (1928–2008) — постановщик фильмов «Глубокая глотка» (1972), «Дьявол в мисс Джонс» (1973) и др.

позу, когда почитатель потянулся и стащил узкие плавки со своего божества. Загар у божества был действительно идеальный. Хэрод выключил аппарат.

— Байрон? — пробормотал Хэрод. — Ни хрена себе.

Он вернулся к полкам. Ему пришлось потратить минут пятнадцать, но в конце концов он нашел то, что искал. На наклейке стояла надпись: «В случае моей смерти»; кассета была задвинута между «В крови по локти» и «Во тьме горячей ночи». Хэрод опустился на диван и некоторое время сидел так, поигрывая кассетой. В животе появилась какая-то сосущая пустота, ему очень захотелось выйти и уехать отсюда подальше. Все же он вставил кассету в магнитофон и нажал нужную кнопку.

— Здравствуй, Тони, — сказал Вилли с экрана. — Привет из могилы.

Изображение было более чем в натуральную величину. Вилли сидел в плетеном кресле на краю своего бассейна. Ветерок шевелил листья пальм за его спиной, но в кадре никого больше не было, даже слуг. В седых волосах старика, зачесанных вперед, виднелись загорелые залысины. На нем была свободная гавайская рубашка в цветочек и мешковатые зеленые шорты. Сердце Хэрода вдруг начало бешено колотиться о ребра.

— Если ты нашел эту пленку, — сказало изображение Вилли, — значит, надо полагать, случилось несчастье и меня уже нет с вами. Надеюсь, что ты, Тони, первым нашел мое... мм... последнее послание и смотришь его один.

Хэрод сжал кулак. Трудно сказать, когда была сделана запись, но, по всей видимости, недавно.

— Надеюсь, ты уладил все остальные дела, — сказал Вилли. — Уверен, что компания будет в хороших руках. Успокойся, дорогой, если мое завещание уже прочитано, то на этой пленке нет каких-либо сюрпризов или дополнений. Дом принадлежит тебе. Это всего лишь дружеская встреча двух старых приятелей, *ja*?

— Ч-черт, — прошипел Хэрод. По спине у него побежали мурашки.

— Распоряжайся домом, как тебе хочется. Я знаю, что он тебе никогда особо не нравился, но его легко превратить в капитал и вложить куда-нибудь, если понадобится. Возможно, ты решишь воплотить в жизнь наш маленький проект, «Торговца рабынями», а?

Да, запись была совсем свежая. Хэрода пробрала дрожь, хотя было очень тепло.

— Тони, мне не так уж много нужно сказать тебе. Ты ведь согласен, что я относился к тебе как к сыну, *nicht wahr?*[1] Ну, если не как к сыну, то как к любимому племяннику. И это несмотря на то, что ты не всегда был со мной до конца откровенен. У тебя есть друзья, о которых ты мне не говорил... разве не так? Ну что ж, идеальной дружбы не бывает, Тони. Возможно, и я тебе не все рассказывал. Каждый живет своей жизнью, верно?

Хэрод сидел выпрямившись, почти не дыша.

— Впрочем, теперь это не важно. — Вилли отвернулся от камеры и, прищурившись, уставился на солнечных зайчиков, плясавших на поверхности воды. — Если ты смотришь эту пленку, значит меня уже нет. Никто из нас не вечен, Тони. Ты это поймешь, когда доживешь до моего возраста. — Он снова глянул в объектив. — Это *если* ты доживешь. — Вилли улыбнулся. Вставные челюсти у него были идеальные. — Я хочу тебе сказать еще три вещи, Тони. Во-первых, я сожалею, что ты так и не научился играть в шахматы. Ты знаешь, как много для меня значили шахматы. Это больше чем игра, мой дорогой друг. *Ja*, гораздо больше. Ты однажды сказал, что у тебя нет на это времени, ведь тебе надо жить и получать от жизни удовольствие. Ну что ж, никогда не поздно учиться, Тони. Даже мертвец может научить тебя кое-чему. Во-вторых, я должен сказать тебе, что всегда терпеть не мог имя Вилли. Если мы встретимся в следующей жизни, я попрошу тебя обращаться ко мне иначе. Например, герр фон Борхерт... или Гроссмейстер, тоже приемлемо. А ты веришь в загробную жизнь, Тони? Я верю. Интересно, как ты представляешь себе это место? Я всегда видел рай как прекрасный остров, где исполняются все твои желания, где много интересных людей, с которыми стоит разговаривать, и где можно охотиться в свое удовольствие. Приятная картинка, правда?

Хэрод моргнул. Ему часто приходилось читать выражение «облиться холодным потом», но никогда не доводилось этого испытывать. А вот сейчас довелось.

— И наконец, Тони, у меня к тебе вопрос. Что это за фамилия, Хэрод? Ты утверждаешь, будто происходишь из христианской семьи Среднего Запада, и ты уж точно частенько поминаешь Божью Матерь, но у меня такое впечатление, что имя Хэрод идет из какого-то другого источника. Скажем, Ирод, а? Очень может быть, что мой дорогой племянничек — еврей. Ну ладно, теперь это тоже не имеет значения. Поговорим об этом, если встретимся в раю. Я за-

[1] Не так ли? *(нем.)*

канчиваю, Тони. Еще я тут добавил кое-какие отрывки из «новостей». Возможно, они покажутся тебе любопытными, хотя у тебя, как правило, нет времени, чтобы заниматься подобного рода вещами. Прощай, Тони. Или, точнее, *Auf Wiedersehn*[1].

Вилли помахал камере рукой. На несколько секунд изображение на пленке исчезло, потом появилась запись «новостей» пятимесячной давности о поимке голливудского душителя. За ними последовали еще несколько похожих отрывков — все о бессмысленных убийствах за тот год. Через двадцать пять минут пленка кончилась, и Хэрод выключил магнитофон. Он долго сидел неподвижно, сжав голову руками. Наконец встал, вытащил кассету, сунул ее в карман куртки и вышел.

На обратном пути он гнал машину по шоссе со скоростью больше восьмидесяти миль в час. Никто его не остановил. Когда он свернул к своему дому и затормозил под желчным взглядом сатира, его спортивный костюм был мокрым от пота.

Хэрод прошел к бару возле джакузи и налил себе большой стакан виски. Осушив его в четыре глотка, он вытащил кассету из кармана, выдернул пленку из пластикового корпуса и распотрошил ее. На то, чтобы сжечь пленку в старом мангале на террасе за бассейном, ушло несколько минут. Среди золы остался расплавленный сгусток. Хэрод несколько раз ударил пустой коробкой от кассеты о каменный дымоход над мангалом, пока пластик не разлетелся на куски. Бросив разломанную коробку в мусорный ящик рядом с хижиной в саду, он вернулся в дом и налил себе еще стакан виски, на сей раз с лимонным соком, затем разделся и залез в джакузи.

Хэрод уже почти задремал, когда вошла Мария Чэнь с дневной почтой и диктофоном.

— Оставь все здесь, — приказал он и снова закрыл глаза.

Через пятнадцать минут он уже сортировал пачку свежих писем, иногда диктуя заметки либо краткие ответы на свой магнитофон «Сони». Пришли еще четыре сценария. Том Макгайр прислал массу бумаг, связанных с приобретением дома Вилли, подготовкой аукциона и уплатой налогов. Из трех приглашений в гости Хэрод взял на заметку только одно. Майкл Мей-Дрейнен, самоуверенный молодой писатель, прислал наспех нацарапанную записку с жалобой на Шуберта Уильямса. Режиссер уже начал переписывать сценарий Дрейнена, а ведь тот еще даже не закончил! Он просит

[1] До свидания *(нем.)*.

Тони вмешаться, иначе ему, Дрейнену, придется отказаться от проекта. Хэрод отбросил записку в сторону, оставив ее без ответа.

Последнее письмо было в небольшом розовом конверте со штампом «Пасифик-Плэйсиз». Хэрод вскрыл его. Бумага цветная, с мягким ароматом духов, почерк детский, плотный, с сильным наклоном.

Уважаемый мистер Хэрод!

Я не знаю, что нашло на меня тогда, в субботу. Я вряд ли смогу это понять. Но я не виню Вас и прощаю, хотя никогда не смогу простить себя.

Сегодня Лорен Сейлз, мой агент, получила пакет бумаг, связанных с договором по Вашему предложению относительно фильма. Я сказала Лорен и своей матери, что тут какая-то ошибка. Я сообщила им, что беседовала с мистером Борденом о фильме незадолго до его смерти, но не давала никаких твердых обещаний.

Мистер Хэрод, на данном этапе своей карьеры я не могу связывать мою судьбу с таким проектом. Уверена, Вы понимаете, в какой ситуации я нахожусь. Это вовсе не означает, что в дальнейшем мы не сможем работать вместе над каким-нибудь фильмом. Надеюсь, Вы примете мое решение и устраните все препятствия или сомнительного свойства детали, которые могли бы повредить такому сотрудничеству в будущем.

Я уверена, что могу положиться на Вас в данной ситуации, мистер Хэрод. В прошлую субботу Вы упомянули, что знаете: я принадлежу к церкви Святых Последних Дней. Вы должны понять, что вера моя очень крепка и моя преданность Богу и Его законам для меня превыше всяких других соображений.

Я молю Бога, чтобы Он помог Вам увидеть правильный путь, и в глубине души уверена, что так и будет.

Искренне Ваша,

Шейла Баррингтон

Хэрод вложил письмо обратно в конверт. *Шейла Баррингтон.* Он совсем забыл про нее. Взяв в руку крохотный микрофон, он начал диктовать:

— Мария, письмо Тому Макгайру. Дорогой Том, я разберусь с этими бумагами в первую очередь, как только смогу. По поводу аукциона действуйте как договорились. Абзац. Счастлив слышать, что вам понравились эротические ролики, которые я послал на день рождения Кела. Я не сомневался, что они придутся вам по вкусу. Высылаю еще одну кассету, она тоже должна вам понравиться. Не задавайте вопросов, а просто наслаждайтесь. Можете

сделать столько копий, сколько захотите. Марв Сэндборн и парни из «Четырех звездочек», возможно, тоже захотят повеселиться. Абзац. Перешлю вам бумаги в самое ближайшее время. Моя бухгалтерия с вами свяжется. Абзац. Привет Саре и ребятам. Всего наилучшего! Да, Мария, не забудь дать мне это сегодня на подпись, ладно? Вложи видеокассету номер сто шестьдесят пять и отправь все с доставкой.

Глава 6

Чарлстон
Вторник, 16 декабря 1980 г.

Молодая женщина стояла неподвижно, крепко сжимая в руках пистолет, направленный в грудь Сола Ласки. Сол знал, что, если он попытается выйти из гардероба, она может выстрелить, но никакая сила на свете не могла удержать его в этом темном углу, воняющем *рвом*. На подгибающихся ногах он выбрался из шкафа и стоял теперь в сумеречном свете спальни.

Женщина шагнула назад, но пистолет не опустила и не выстрелила. Сол сделал один глубокий вдох, второй. Он разглядел, что женщина была молодой и чернокожей, на ее белом плаще и коротких вьющихся волосах поблескивали капли влаги. Возможно, она была даже привлекательной, но Сол не мог сосредоточиться ни на чем, кроме оружия, которое она направляла на него. Это был небольшой автоматический пистолет, скорее всего 32-го калибра, однако, несмотря на его маленькие размеры, темная дыра в стволе прочно приковала внимание Сола.

— Поднимите руки, — приказала она. Голос звучал ровно, с чувственной ноткой и южным акцентом.

Он подчинился и сомкнул пальцы за головой.

— Кто вы? — спросила девушка. Она по-прежнему держала пистолет обеими руками, хотя вряд ли умела хорошо обращаться с оружием.

Расстояние между ними было немногим больше метра, и Сол знал, что у него есть неплохие шансы выбить ствол, прежде чем она успеет нажать на курок, однако он не стал этого делать.

— Кто вы? — повторила она.

— Меня зовут Сол Ласки.

— Что вы здесь делаете?

— Я мог бы задать вам тот же вопрос.

— Говорите! — Девушка подняла пистолет, как будто это могло подсказать ему ответ.

Сол понял, что имеет дело с любительницей детективных фильмов, где оружие действовало как волшебная палочка. Он приглядел ся к девушке повнимательнее. Она была еще моложе, чем ему показалось вначале, может, чуть больше двадцати. Привлекательное овальное лицо с тонкими чертами, полными губами и огромными глазами казалось гораздо темнее в тусклом свете. Кожа напоминала по цвету кофе со сливками.

— Я просто осматриваю помещение, — сказал Ласки.

Его голос звучал ровно, но он с интересом отметил, что его тело реагирует на направленное оружие точно так же, как и всегда: ему захотелось сжаться в комок и спрятаться за кем угодно, хоть за самим собой.

— Полиция закрыла сюда доступ, — сказала девушка. Сол заметил, что она произносит слово «полиция» совсем не так, как многие черные американцы в Нью-Йорке. — Дом опечатан.

— Да, я знаю.

— Так что же вы здесь делаете?

Он медлил, глядя ей в глаза. Они выражали беспокойство, напряжение и четкую решимость. Эти чувства, такие человеческие, ободрили его и заставили сказать правду.

— Я доктор, психиатр. Меня интересуют убийства, которые произошли тут на прошлой неделе.

— Психиатр? — В голосе молодой женщины послышалось сомнение, однако пистолет не шелохнулся. В доме теперь стало совершенно темно, свет доходил сюда лишь от газового рожка во дворе. — А почему вы забрались, как вор?

Ласки пожал плечами. У него затекли руки.

— Можно мне опустить руки?

— Нет.

Он кивнул:

— Я боялся, что власти не позволят мне осмотреть дом. Хотел найти здесь что-нибудь, что может пролить свет на эти события. Но, похоже, ничего такого нет.

— Я должна вызвать полицию, — сказала девушка.

— Конечно, — согласился Сол. — Внизу телефона я не заметил, но где-то он должен быть. Давайте позвоним шерифу Гентри.

Мне будет предъявлено обвинение в незаконном проникновении в помещение, а вас, я думаю, обвинят в том же плюс то, что вы мне угрожали, и в незаконном владении оружием. Полагаю, оно не зарегистрировано?

Когда он упомянул фамилию шерифа, девушка подняла голову, не обратив внимания на его последний вопрос.

— Что вам известно об убийствах... в субботу? — Ее голос едва не прервался на слове «убийствах».

Сол прогнул спину, чтобы хоть как-то облегчить боль в шее и руках.

— Я знаю только то, о чем прочел в газетах, — ответил он. — Хотя и был знаком с одной из женщин, замешанных в этом деле, с Ниной Дрейтон. Мне кажется, здесь все гораздо сложнее, чем представляют себе полицейские, шериф Гентри и этот фэбээровец, Хейнс.

— Что вы хотите сказать?

— Только то, что в субботу в городе погибли девять человек и никто ничего не может объяснить, — ответил Сол. — И тем не менее я полагаю, что здесь есть общий связующий элемент, который власти совершенно упустили из виду. У меня болят руки, мисс. Я их сейчас опущу, но больше никаких движений делать не буду. — Он опустил руки, прежде чем она успела что-либо возразить.

Девушка отступила на полшага. Атмосфера старого дома сгустилась вокруг них. Где-то на улице заиграло радио в машине, но его сразу выключили.

— Я думаю, вы лжете, — медленно проговорила незнакомка. — Скорее всего, вы обычный вор или чокнутый охотник за сувенирами. А может, вы сами как-то связаны с этими убийствами?

Сол ничего не ответил, сосредоточенно глядя на нее в темноте. Маленький пистолет в ее руках был уже еле различим. Он чувствовал, что она колеблется. Через несколько мгновений он заговорил:

— Престон, Джозеф Престон, фотограф. Вы его жена? Нет, вряд ли. Шериф Гентри сказал, что мистер Престон жил здесь в течение... двадцати шести лет, кажется. Так что, скорее всего, вы его дочь. Да, дочь.

Девушка отступила еще на шаг назад.

— Вашего отца убили на улице, — продолжил Сол. — Убили зверски и бессмысленно. Власти не могут сказать вам ничего определенного, а то, что они говорят, вас совершенно не удовлетворяет, поэтому вы решили действовать сами. Возможно, вы наблюдаете

за этим домом уже несколько дней в надежде что-то выяснить. И тут появляется какой-то еврей из Нью-Йорка, в белой кепке, и лезет через забор. Конечно, вы понимаете, что такой шанс упускать нельзя. Так?

Молодая женщина по-прежнему молчала, но пистолет опустила. Солу показалось, что плечи ее дрогнули. Уж не плачет ли она?

— Ну что ж. — Он слегка коснулся ее руки. — Возможно, я смогу вам чем-то помочь. Вдвоем нам проще будет найти объяснение этому безумию. Пойдемте отсюда, в этом доме пахнет смертью.

Дождь прекратился. В саду пахло мокрыми листьями и землей. Девушка провела Сола к дальней стене каретного сарая, к дыре, проделанной между старой чугунной решеткой и новой стальной сеткой. Он протиснулся в дыру вслед за ней, заметив, что она сунула пистолет в карман своего плаща. Они пошли по переулку, гравий тихо скрипел у них под ногами.

— Откуда вы узнали? — спросила она.

— Догадался.

Дойдя до перекрестка, они остановились и некоторое время стояли молча.

— Моя машина там, у парадного входа.

— Да? А как же вы меня увидели?

— Я заметила вас, когда вы проезжали мимо. Вы очень пристально вглядывались в окна и почти остановились перед домом. После того как ваша машина свернула за угол, я пошла сюда, чтобы проверить.

— Гм... Из меня получился бы плохой шпион.

— Вы действительно психиатр?

— Да.

— Но вы не из здешних мест.

— Нет, из Нью-Йорка. Я иногда работаю в клинике Колумбийского университета.

— Вы американец?

— Да.

— А ваш акцент... немецкий?

— Нет. Я родился в Польше. Как вас зовут?

— Натали. Натали Престон. Мой отец был... Ну, вы все знаете.

— Я очень мало знаю. А в данный момент с уверенностью могу сказать только одно.

— И что же? — Лицо молодой женщины казалось очень напряженным.

— Что я умираю с голоду. Ничего не ел с самого утра, не считая чашки жуткого кофе, выпитого в кабинете шерифа. Если вы согласитесь поужинать со мной где-нибудь, мы могли бы продолжить беседу.

— Да. Но только при двух условиях, — кивнула Натали Престон.

— Каких?

— Во-первых, вы мне расскажете все, что знаете по поводу гибели моего отца. Все, что может ее как-то объяснить.

— А во-вторых?

— Вы снимете свою промокшую кепку, когда мы будем есть.

— Согласен.

Ресторан назывался «У Генри» и располагался совсем недалеко, возле старого рынка. Снаружи он выглядел не очень-то респектабельно: побеленные стены без окон и каких-либо украшений, с единственной светящейся вывеской над узкой дверью. Внутри помещение было старым, темным и напоминало Солу гостиницу около Лодзи, где его семья иногда обедала, когда он был еще ребенком. Между столами бесшумно сновали высокие чернокожие официанты в чистых белых куртках. В воздухе стоял терпкий возбуждающий запах вина, пива и даров моря.

— Чудно, — обрадовался Сол. — Если тут еда такая же вкусная, как запахи, это будет что-то незабываемое.

Его надежды полностью оправдались. Натали заказала салат с креветками, а Сол съел несколько кусков меч-рыбы, поджаренных на вертеле, с овощами и картофелем. Оба пили холодное белое вино и разговаривали обо всем на свете, кроме того, зачем пришли сюда. Натали узнала, что Сол Ласки живет один, хотя и обременен экономкой, оказавшейся наполовину ведьмой, наполовину терапевтом. Он объяснил Натали, что ему никогда не придется обращаться за профессиональной помощью к своим коллегам, пока рядом есть Тима, поскольку она не переставая растолковывает ему его же неврозы и сама ищет способы их лечения.

— Значит, у вас нет семьи? — спросила Натали.

— Здесь только племянник. — Сол кивнул официанту, убравшему тарелки с их стола. — В Израиле у меня кузина и множество более дальних родственников.

Сол в свою очередь узнал, что мать Натали умерла несколько лет назад, а сама девушка сейчас учится в аспирантуре в Сент-Луисе.

— А почему так далеко от дома? В Чарлстоне ведь тоже есть университет. И в Южной Каролине... Там преподавал один мой коллега.

— Правильно, — кивнула Натали. — Есть еще и университет Боба Джонса в Гринвилле, но отец хотел, чтобы я уехала подальше от «зоны бедных белых хулиганов», как он ее называл. В Сент-Луисе прекрасная аспирантура по педагогике. Пожалуй, это одно из лучших заведений для человека с дипломом по искусству. Во всяком случае, там мне даже удалось стать стипендиатом.

— Вы художница?

— Фотограф. Немного занималась кино, рисовала и писала маслом. Вторая специальность у меня английский язык. Я училась в Оберлине, Огайо. Приходилось слышать?

— Да.

— В общем, одна моя подруга, Диана Гольд, — она пишет акварелью, и очень, кстати, хорошо, — в прошлом году убедила меня заняться преподаванием. И почему я вам все это рассказываю?

Сол улыбнулся. Официант принес счет, и Ласки настоял, что оплатит его сам.

— Вы мне так ничего и не скажете? — спросила Натали. В голосе ее прозвучала боль.

— Напротив, — заверил он. — Я, возможно, расскажу вам больше, чем когда-либо кому-то рассказывал. Вопрос только — почему?

— Что — почему?

— Почему мы доверяем друг другу? Вы видите, как незнакомый человек вламывается в чужой дом, а два часа спустя мы уже мирно ужинаем вместе. Я же встречаюсь с молодой женщиной, которая наставляет на меня пистолет, но готов поделиться с ней чем-то таким, что оставалось невысказанным много лет. Почему так, мисс Престон?

— Зовите меня Натали. Я могу объяснить только то, что чувствую сама.

— Объясните, пожалуйста.

— У вас честное лицо, доктор Ласки. Нет, «честное» — не то слово, скорее неравнодушное. В вашей жизни было много печали... — Натали смолкла.

— У всех в жизни много печали, — тихо заметил Сол.

Темнокожая девушка кивнула:

— Но некоторых людей это ничему не учит. Вас, мне кажется, жизнь многому научила. Это... это видно по вашим глазам. Я не знаю, как выразиться яснее.

— Значит, на этом мы основываем свои суждения и само наше будущее? — спросил Сол. — Судим по глазам человека?

Натали взглянула на него:

— А почему нет? У вас есть лучший способ? — Это прозвучало не как вызов, а как вопрос.

Ласки медленно покачал головой:

— Нет. Пожалуй, лучшего способа нет. По крайней мере, для начала.

Они двинулись из исторической части города на юго-запад. Сол ехал в своей взятой напрокат «тойоте» следом за зеленой «новой» девушки. После моста через реку Эшли они свернули на семнадцатое шоссе и вскоре добрались до Сент-Эндрюса. Дома здесь были белые, в основном щитовые, — типичный район среднего класса. Сол остановился на подъездной дороге к дому, сразу за машиной Натали Престон.

Внутри было чисто и уютно, бóльшую часть места в небольшой гостиной занимали тяжелое старинное кресло и такая же тяжелая софа. На белой каминной полке стояли горшки со шведским плющом и многочисленные семейные фотографии в металлических рамках. На стенах тоже висели фотографии, но скорее профессиональные. Сол с интересом принялся рассматривать их, пока Натали включала везде свет и убирала верхнюю одежду.

— Ансельм Адамс, — сказал он, пристально глядя на великолепный черно-белый снимок небольшой деревни в пустыне и кладбища, освещенного бледной луной. — Я про него слышал.

На другом фото тяжелые волны тумана обволакивали город на холме.

— Майнор Уайт, — подсказала Натали. — Отец был знаком с ним где-то в начале пятидесятых.

Там же висели фотографии Имоджен Каннингем, Себастьяна Милито, Джорджа Тайса, Андре Кертеса и Роберта Франка. Снимок Франка заставил Сола остановиться. Человек в темном костюме и с тростью стоял на крыльце старинного дома или отеля. Лестничный пролет, ведущий на второй этаж, скрывал его лицо. Солу захотелось сделать два шага влево и взглянуть в это лицо.

— Жаль, что я не знаю имен, — сказал он. — Они, наверное, известные фотографы?

— Некоторые из них, — ответила Натали. — Эти работы теперь, вероятно, стоят в сто раз дороже, чем тогда, когда отец покупал их, но он их ни за что не продаст. — Она замолкла.

Сол подошел к камину и взял в руки одну из семейных фотографий. Со снимка ему тепло улыбалась женщина с короткими черными волосами, завитыми в стиле начала шестидесятых.

— Ваша мать?

— Да, — кивнула Натали. — Она погибла в глупой катастрофе в июне шестьдесят восьмого. Два дня спустя убили Роберта Кеннеди. Мне тогда было девять лет.

На следующей фотографии маленькая девочка стояла на складном столике и улыбалась, глядя на отца. Рядом Сол заметил портрет отца Натали, когда тот был постарше, — серьезный и довольно красивый мужчина. Тонкие усы и светящиеся глаза делали его похожим на Мартина Лютера Кинга, только без этих свисающих щек.

— Прекрасный портрет, — сказал он.

— Спасибо. Я сделала его прошлым летом.

Сол огляделся:

— А где же работы вашего отца?

— Это здесь. — Натали провела его в столовую. — Папа не хотел, чтобы они висели рядом с другими.

На длинной стене, над пианино, размещались четыре черно-белые фотографии. Две из них были этюдами — игра света и тени на стенах старых кирпичных домов. Одна изображала очень широкую перспективу: необычно освещенный пляж и море, уходящее в бесконечность. На последней была дорожка в лесу, все в целом представляло собой сложное решение соотношения плоскостей, тени и композиции.

— Потрясающе! — воскликнул Сол. — Только здесь нет людей.

Натали тихо рассмеялась:

— Верно. Папа делал портреты ради заработка, поэтому он говорил, что ни за что не согласится заниматься этим еще и как своим хобби. И потом, он был очень скромным человеком. Не любил снимать откровенные фотографии, на которых были люди, и всегда настаивал, чтобы я заручалась письменным разрешением, когда делала такие снимки. Он терпеть не мог вторгаться в чью-то личную жизнь. И вообще папа был... ну как вам сказать... слишком стеснительным. Если надо было заказать пиццу с доставкой, он всегда просил позвонить меня... — Голос ее дрогнул, и она на секунду отвернулась. — Хотите кофе?

— С удовольствием.

Рядом с кухней находилась фотолаборатория. Первоначально это, вероятно, была кладовка для продуктов либо вторая ванная комната.

— Здесь вы с отцом проявляли фотографии? — спросил Сол.

Натали кивнула и включила красную лампочку. В маленькой комнате царил образцовый порядок: увеличитель, флаконы и банки с химикатами — все стояло на своих местах, и на всем были надписи. Над раковиной на леске висели восемь или десять свежих фотографий. Сол стал их рассматривать. Это все были снимки дома Фуллер, сделанные при разном освещении, в разное время суток и с разных точек.

— Ваши?

— Да. Я знаю, это глупо, но все же лучше, чем просто сидеть в машине целый день и ждать, когда что-нибудь случится. — Она пожала плечами. — Я наведываюсь в полицию и в контору шерифа каждый день, но от них никакой помощи. Вам со сливками и сахаром?

Он отрицательно качнул головой. Они перешли в гостиную и сели у камина — Натали в кресло, Сол на софу. Чашки для кофе были из такого тонкого фарфора, что казались прозрачными. Натали поправила поленья в камине и зажгла огонь. Поленья загорелись сразу и горели хорошо и ровно. Некоторое время они сидели молча, глядя на пламя.

— В субботу я с друзьями покупала в Клейтоне подарки к Рождеству, — сказала она наконец. — Это пригород Сент-Луиса. Потом мы пошли в кино на «Попая» с Робином Уильямсом. В тот вечер я вернулась в свою квартиру в университетском городке около одиннадцати тридцати и, как только зазвонил телефон, сразу поняла: что-то случилось. Не знаю почему. Мне часто звонят друзья, и довольно поздно. Фредерик, например, обычно заканчивает работу в своем компьютерном центре после одиннадцати, и ему иногда приходит в голову пойти куда-нибудь перекусить или еще что-то. Но на этот раз звонок был междугородный, и меня охватило дурное предчувствие. Звонила мисс Калвер, наша соседка и бывшая мамина подруга. В общем, она все твердила, что произошел несчастный случай, повторяя это по нескольку раз. Только через минуту-две я поняла, что папа мертв, что его убили. Я вылетела в Чарлстон в воскресенье, первым же рейсом, но здесь все было закрыто. Еще из Сент-Луиса я позвонила в морг, а когда добралась до него, двери оказались заперты, и мне пришлось бегать вокруг здания и искать кого-нибудь, кто впустил бы меня. Они не были готовы к моему приходу. Хотя мисс Калвер встретила меня в аэропорту, она не переставая плакала и поэтому осталась в машине...

То, что я увидела, не было похоже на папу. Еще меньше это было похоже на него во вторник, во время похорон, со всей этой косметикой. Я не могла понять, как все случилось, а в полиции тоже ничего не могли объяснить. Они пообещали, что вечером мне позвонит детектив Холман, но он позвонил только в понедельник после обеда. Я очень благодарна шерифу мистеру Джентри, он пришел в морг еще в воскресенье, а после подвез меня домой и попытался ответить на вопросы; все остальные задавали вопросы мне. В общем, в понедельник приехали тетя Лия и мои кузины, и мне некогда было выяснять подробности до самой среды. На похороны пришло много народу. Я как-то забыла, что отца в городе очень любили. Пришел и шериф Джентри. Тетя Лия хотела остаться у меня на неделю-другую, но ее сыну Флойду нужно было возвращаться в Монтгомери, и я пообещала ей, что со мной все будет в порядке. Она должна приехать на Рождество... — Натали замолчала.

Сол сидел, наклонившись вперед и сцепив руки. После паузы девушка глубоко вздохнула и махнула рукой куда-то в сторону окна, выходящего на улицу:

— Мы с отцом всегда наряжали елку в это воскресенье. Получается довольно поздно, но папа говорил, что это доставляет больше удовольствия, чем когда елка торчит в комнате неделями. Мы обычно покупаем ее на улице Саванна. Знаете, в субботу я купила ему красную рубашку в клетку. Не могу объяснить почему, но я привезла ее с собой. Теперь мне придется отвезти ее назад. — Она замолчала и опустила голову. — Извините меня, я сейчас... — Натали быстро встала и вышла из гостиной.

Сол какое-то время сидел неподвижно, глядя на огонь, потом поднялся и пошел к двери. Натали стояла, прислонившись к кухонному столу, комкая в руке бумажную салфетку. Он молча остановился рядом.

— От всего этого можно сойти с ума. — Она все еще не смотрела на него.

— Да.

— Как будто он был никем, просто какой-то незаметной вещью. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Да.

— В детстве я часто смотрела ковбойские фильмы по телевизору, — продолжила Натали. — И когда там кого-нибудь убивали, даже не главного героя и не злодея, так, случайного прохожего по сюжету, то получалось, что его вроде никогда и не было. Вот это мне не давало покоя. Я всегда думала о том человеке, что у него, навер-

ное, были родители, которые его любили, он имел свои привычки, желания, мечты, а потом раз — и его больше нет, просто потому, что режиссер хотел показать, как ловко его герой-супермен обращается с оружием или еще что-нибудь... Ах, извините, я никак не могу научиться доступно выражать свои мысли. — Натали с досадой ударила ладонью по столу.

Сол шагнул вперед и коснулся ее руки:

— Да нет, вы все очень хорошо выразили.

— Я просто в отчаянии и не знаю, что делать. — Она всхлипнула. — Мой отец *был,* он на самом деле существовал. И он никогда никому не причинял боли. Вообще никогда. Он был самым добрым человеком, которого я когда-либо знала, и вот теперь его убили, и никто не может сказать почему. Они просто не знают!.. О, простите, что я вам все это говорю...

Сол обнял ее и так держал, пока она не успокоилась.

Чуть позже Натали сварила кофе, отнесла его в гостиную и села в кресло. Сол устроился у камина, рассеянно проводя рукой по листьям шведского плюща.

— Их было трое, — тихо сказал он. — Мелани Фуллер, Нина Дрейтон и человек из Калифорнии по фамилии Борден. И все трое убийцы.

— Убийцы? Но в полиции сказали, что миз Фуллер была довольно старой леди... очень старой, а мисс Дрейтон сама оказалась жертвой в тот вечер.

— Да, — кивнул Сол. — И все же они трое убийцы.

— При мне никто не упоминал имени Бордена, — заметила Натали.

— Он был там, — сказал Ласки. — И он был на борту самолета, который взорвался в пятницу ночью или, точнее, рано утром в субботу. Скажем так: предполагалось, что он летел тем самолетом.

— Я ничего не понимаю. Катастрофа произошла за несколько часов до того, как убили отца. Как мог этот Борден... или хотя бы эти пожилые леди... Как они могли быть связаны с убийством отца?

— Они использовали людей, — сказал Сол. — Они... как бы это выразить... контролировали других людей. У них, у каждого, были свои помощники. Все это очень трудно объяснить.

— Вы хотите сказать, они были связаны с мафией или что-то в этом роде?

Сол улыбнулся:

— Хорошо, если бы все было так просто.

Натали покачала головой:

— Я все равно не понимаю.

Он вздохнул:

— Это очень долгая история, отчасти она совершенно фантастичная, можно сказать, невероятная. Лучше бы вам никогда не пришлось ее выслушивать. Вы либо сочтете меня сумасшедшим, либо окажетесь вовлеченной в нечто с ужасными последствиями.

— Но я уже вовлечена, — твердо заявила Натали.

— Да. — Сол помедлил. — Но нет необходимости впутываться в это еще глубже.

— Нет, я буду, по крайней мере до тех пор, пока не найдут убийцу моего отца. Я этого добьюсь, с вами или без вас, доктор Ласки. Клянусь вам.

Он долго смотрел на свою собеседницу, потом снова тяжело вздохнул:

— Да, похоже, вы сдержите клятву. Хотя, возможно, измените свое намерение, когда я расскажу вам то, что хочу рассказать. Боюсь, для того, чтобы объяснить что-либо об этих троих пожилых людях, убийцах, чьей жертвой пал ваш отец, мне придется поведать вам мою собственную историю.

— Ну что ж. — Натали поудобнее устроилась в кресле. — Времени у меня сколько угодно.

— Я родился в тысяча девятьсот двадцать пятом году в Польше, — начал Сол. — В городе Лодзи. Родители мои были довольно обеспеченными людьми. Отец — врач. Семья еврейская, но не ортодоксально еврейская. В молодости моя мать подумывала о том, чтобы перейти в католичество. Отец считал себя врачом — во-первых, поляком — во-вторых, гражданином Европы — в-третьих и лишь в-четвертых — евреем.

Когда я был мальчиком, евреям неплохо жилось в Лодзи, лучше, чем во многих других местах. Из шестисот тысяч населения примерно треть составляли евреи. Многие горожане — бизнесмены, ремесленники были евреями. Несколько друзей и подруг моей матери являлись деятелями искусства, ее дядя много лет играл в городском симфоническом оркестре. К тому времени, когда мне минуло десять, многое в этом отношении изменилось. Вновь избранные в местное управление представители партий обещали убрать евреев из города. Страна, казалось, заразилась антисемитизмом, бушевавшим в соседней стране, Германии, и становилась все более враждебной к нам. Отец говорил, что во всем виноваты тяжелые

времена, через которые мы только что прошли. Он неустанно повторял, что европейские евреи привыкли к волнам насилия, за которыми следовали поколения прогресса. «Мы все — человеческие существа, — говорил он, — несмотря на различия, разделяющие нас». Я уверен, что отец встретил смерть, все еще веря в это.

Сол замолчал, походил по комнате, потом остановился, положив руки на спинку софы.

— Видите ли, Натали, я не привык рассказывать об этом. Я не знаю, что тут необходимо для понимания ситуации, а что нет. Возможно, нам следует подождать до следующего раза.

— Нет, — твердо заявила Натали. — Сейчас. Не торопитесь. Вы сказали, что это поможет объяснить, почему был убит мой отец.

— Да.

— Тогда продолжайте. Расскажите все.

Сол кивнул, обошел софу и сел, положив руки на колени. Руки у него были большие, и он иногда жестикулировал ими во время рассказа.

— Когда немцы вошли в наш город, мне исполнилось четырнадцать. Это было в сентябре тридцать девятого. Поначалу все шло не так уж плохо. Было решено назначить Еврейский совет для консультаций по управлению этим новым форпостом рейха. Отец объяснил мне, что с любыми людьми всегда можно договориться в цивилизованной форме. Он не верил в дьяволов. Несмотря на возражение матери, отец предложил свои услуги в качестве члена совета, но из этого ничего не вышло. Уже был назначен тридцать один человек из видных горожан-евреев. Спустя месяц, в начале ноября, немцы выслали всех членов совета в концлагерь и сожгли синагогу.

В семье стали поговаривать о том, что надо бы перебираться на ферму нашего дяди Моше около Кракова. В Лодзи в это время уже было очень трудно с продуктами. Обычно мы проводили на ферме лето и думали, как будет здорово побывать там вместе со всей семьей. Через дядю Моше мы получили весточку от его дочери Ребекки, которая вышла замуж за американского еврея и собиралась выехать в Палестину, чтобы заняться там фермерством. Уже несколько лет она пыталась уговорить молодое поколение нашей семьи присоединиться к ней. Сам я с удовольствием отправился бы на ферму. Вместе с другими евреями меня исключили из школы в Лодзи, а дядя Моше когда-то преподавал в Варшавском университете, и я знал, что он с удовольствием займется моим воспитани-

ем. По новым законам отец имел право лечить теперь только евреев, а большинство их жили в отдаленных и самых бедных кварталах города. В общем, причин оставаться было не много — гораздо больше было причин уехать.

Но мы остались. Решили, что поедем к дяде Моше в июне, как всегда, а потом подумаем, возвращаться в город или нет. Какими мы были наивными!

В марте сорокового гестапо выгнало нас из собственных домов и организовало в городе еврейское гетто. К моему дню рождения, к пятому апреля, гетто было полностью изолировано, евреям строго запретили ездить куда бы то ни было.

Немцы снова создали совет — его называли юденрат, и на этот раз отца в него включили. Один из членов совета, Хаим Румковский, часто приходил в нашу квартиру, состоявшую из единственной комнаты, в который мы спали ввосьмером, и они с отцом сидели всю ночь, обсуждая разные вопросы управления гетто. Это невероятно, но порядок сохранялся, несмотря на скученность и голод. Я снова пошел в школу. Когда отец не заседал в совете, он работал по шестнадцать часов в день в одной из больниц, которую они с Румковским создали буквально из ничего.

Так мы жили, точнее, выживали целый год. Я был для своего возраста очень мал ростом, но скоро научился искусству выживания в гетто, хотя для этого приходилось воровать, прятать продукты в укромные уголки и торговаться с немецкими солдатами, меняя вещи и сигареты на еду. Осенью сорок первого немцы стали свозить тысячи западных евреев в наше гетто, некоторых привозили даже из Люксембурга. Многие из них были немецкими евреями, они смотрели на нас свысока. Я помню, как подрался с мальчишкой старше меня, евреем из Франкфурта. К тому времени мне исполнилось шестнадцать, но я легко мог сойти за тринадцатилетнего. Я сшиб его с ног, а когда он попытался встать, ударил его доской и разбил ему лоб. Он прибыл к нам неделю назад, в одном из этих пломбированных вагонов, и был все еще очень слаб. Я уже не помню, из-за чего мы подрались.

В ту зиму моя сестра Стефа умерла от тифа, а с ней и тысячи других людей. Мы все очень радовались, когда наступила весна, несмотря на известие о возобновлении немецкого наступления на Восточном фронте. Отец считал скорое падение России хорошим признаком. Он думал, что война закончится к августу и многие евреи будут переселены в русские города. «Возможно, нам придется

стать фермерами и кормить их новый рейх, — говорил он. — Но быть фермером не так плохо».

В мае большинство немецких и иностранных евреев были вывезены на юг, в Освенцим, в Аушвиц. У нас мало кто слышал об Освенциме, пока туда не покатили поезда из нашего гетто. До той весны наше гетто использовалось как большой загон для скота, теперь же четыре раза в день отсюда отправлялись поезда. В качестве члена юденрата отец был вынужден участвовать в сборе и отправке тысяч людей. Все делалось по порядку. Отцу это было ненавистно. Потом он целыми сутками не выходил из больницы, работал, будто искупал свою вину.

Наш черед настал в конце июня, примерно в то время, когда мы обычно отправлялись на ферму дяди Моше. Всем семерым было приказано явиться на станцию. Мама и мой младший брат Йозеф плакали. Но мы пошли, и мне кажется, что отец даже почувствовал облегчение.

Нас не послали в Аушвиц. Нас отправили на север, в Хелмно — деревню километрах в семидесяти от Лодзи. У меня когда-то был приятель, маленький провинциал по имени Мордухай, семья которого была родом из Хелмно. Позже я узнал, что именно в Хелмно немцы проводили свои первые эксперименты с газовыми камерами. Как раз в ту зиму, когда Стефа умирала от тифа.

Мы много слышали о перевозке людей в пломбированных вагонах, но наша поездка была совсем не похожа на это и даже, можно сказать, приятна. До места мы добрались за несколько часов. Вагоны были набиты битком, но это были обычные пассажирские вагоны, а не товарные. День — двадцать четвертое июня — выдался великолепный. Когда мы прибыли на станцию, ощущение было такое, будто мы снова едем на ферму к дяде Моше. Станция Хелмно оказалась крохотной, просто небольшой сельский разъезд, окруженный густым зеленым лесом. Немецкие солдаты повели нас к ожидавшим грузовикам, но они вели себя спокойно и даже, казалось, были шутливо настроены. Никто нас не толкал и не кричал на нас, как в Лодзи, — там мы к этому уже привыкли. Нас отвезли в большую усадьбу за несколько километров, где был устроен лагерь. Каждого зарегистрировали — я отчетливо помню ряды столов, за которыми сидели чиновники. Они были расставлены на гравийных дорожках, ярко светило солнце, пели птицы... А потом нас разделили на мужскую и женскую группу для помывки и дезинфекции. Мне хотелось побыстрее догнать остальных мужчин, поэтому я так и не увидел, как маму и четырех моих сестер увели.

Они исчезли — уже навсегда — за забором, окружавшим лагерь для женщин.

Нам велели раздеться и встать в очередь. Я очень стеснялся, потому что только прошлой зимой начал взрослеть. Не помню, боялся я чего-нибудь или нет. День был жаркий, после бани нас пообещали накормить, а звуки леса и лагеря поблизости делали атмосферу дня праздничной, почти карнавальной. Впереди на поляне я увидел большой фургон с яркими нарисованными картинками животных и деревьев. Очередь уже двинулась в направлении поляны, когда появился эсэсовец, молодой лейтенант в очках с толстыми стеклами, с застенчивым лицом, и пошел вдоль очереди, отделяя больных, самых младших и стариков от тех, кто покрепче. Подойдя ко мне, лейтенант замешкался. Я был все еще невысок для своего возраста, но в ту зиму я ел довольно сносно, а весной стал быстро расти. Он улыбнулся, махнул рукой, и меня отправили в короткую шеренгу здоровых мужчин. Отца тоже послали туда. Йозефу, которому минуло всего восемь, было велено оставаться с детьми и стариками. Он заплакал, и отец отказался оставить его. Я тоже вернулся в ту шеренгу и встал рядом с отцом и Йозефом. Увидев, как молодой эсэсовец махнул охраннику, отец приказал мне вернуться к остальным, но я отказался.

И тогда, единственный раз в жизни, отец толкнул меня, крикнув: «Иди!» Я упрямо замотал головой, продолжая стоять на месте. Охранник, толстый сержант, пыхтя, приближался к нам. «Иди!» — повторил отец и ударил меня по щеке. Потрясенный, обиженный, я прошел, спотыкаясь, несколько шагов к той короткой шеренге, прежде чем подоспел охранник. Я злился на отца и не мог понять, почему нам нельзя войти в эту баню вместе. Он унизил меня перед другими мужчинами. Сквозь слезы я смотрел, как он удалялся с Йозефом на руках, на его согнутую обнаженную спину. Брат перестал плакать и все оглядывался назад. Отец тоже обернулся, взглянул на меня всего один раз, прежде чем исчезнуть из виду вместе с остальной шеренгой детей и стариков.

Примерно пятую часть мужчин, прибывших в тот день, не дезинфицировали. Нас повели строем прямо в барак и выдали нам грубую тюремную одежду.

Отец не появился ни после обеда, ни вечером. Я помню, как плакал от одиночества в ту ночь, прежде чем заснуть в вонючем бараке. Я был уверен, что в тот момент, когда отец прогнал меня из шеренги, он лишил меня возможности находиться в той части лагеря, где жили семьи.

Утром нас накормили холодным картофельным супом и сформировали бригады. Мою бригаду повели в лес. Там был вырыт ров, примерно семьдесят метров в длину, больше десяти в ширину и по крайней мере пять в глубину. Судя по свежевскопанной земле, поблизости были еще рвы, уже заполненные. Я должен был сразу все понять по запаху, догадаться, но я до последнего отказывался это делать, пока не прибыл первый из фургонов того дня. Это были те же самые фургоны, которые я видел вчера.

Видите ли, лагерь в Хелмно служил чем-то вроде испытательного полигона. Как выяснилось позже, Гиммлер приказал установить там газовые камеры, работающие на синильной кислоте, но в то лето они все еще пользовались углекислым газом, находившимся в тех ярко раскрашенных фургонах.

В наши обязанности входило отделять тела друг от друга, можно сказать — отрывать их друг от друга, потом сбрасывать в ров и засыпать землей и известью, пока не прибудет следующий груз. Душегубки оказались неэффективным орудием убийства. Зачастую почти половина жертв выживала, и их, полуотравленных выхлопными газами, пристреливали на краю рва солдаты из дивизии «Мертвая голова». Поджидая прибытия фургонов, они покуривали и обменивались шутками друг с другом. Но даже после душегубок и расстрела некоторые люди были живы, и их засыпали землей, когда они еще шевелились.

В тот вечер я вернулся в барак, покрытый кровью и экскрементами. Я подумал, не лучше ли мне умереть, но все же решил, что буду жить. Жить, несмотря ни на что, жить только для того, чтобы жить!

Я соврал им, сказав, что я сын зубного врача и сам учился зубоврачебному делу. Капо смеялись, — по их мнению, я был слишком молод для этого, но на следующей неделе меня включили в бригаду выдергивателей зубов. Вместе с тремя другими евреями я обшаривал обнаженные тела в поисках колец, золота и прочих ценностей. Стальными крюками мы тыкали мертвецам в задний проход и во влагалище, потом я плоскогубцами вырывал у них золотые зубы и пломбы. Часто меня посылали работать в ров. Сержант-эсэсовец по фамилии Бауэр иногда, смеясь, швырял в меня куски земли, стараясь попасть в голову. У него у самого было два золотых зуба.

Через неделю-другую евреев из похоронной команды расстреливали, а их место занимали вновь прибывшие. Я провел во рву

девять недель, каждое утро просыпаясь с уверенностью, что сегодня настанет мой черед. Ночью, когда мужчины постарше читали в бараке кадиш и с темных нар доносились крики «Эли, Эли!», я в отчаянии заключал сделку с Богом, в которого больше не верил. «Еще один день, — повторял я. — Всего один день». Но больше всего я верил в свою волю выжить. Возможно, я страдал солипсизмом отрочества, но мне казалось, что, если я буду достаточно сильно верить в свое собственное существование и в то, что оно будет длиться, все так и будет.

В августе лагерь разросся, и меня по какой-то причине перевели в лесную бригаду. Мы валили лес, выкорчевывали пни и добывали камень для строительства дорог. Каждые несколько дней колонна рабочих, возвращавшихся после смены, всем составом отправлялась в фургоны или прямо в ров. Таким образом происходил «естественный отбор». В ноябре выпал первый снег. К тому времени я был в лесной бригаде дольше, чем кто бы то ни было, за исключением старого капо Карского.

— Что такое «капо»? — спросила Натали.

— Капо — это надсмотрщик с плеткой.

— Они помогали немцам?

— Написаны целые ученые трактаты про капо и про то, как они отождествляли себя со своими хозяевами-нацистами, — пояснил Сол. — Стэнли Элкинс и другие авторы исследовали этот эффект повиновения, характерный для концлагерей. Они сравнивают его с покорностью черных рабов в Америке. Недавно, в сентябре, я участвовал в обсуждении так называемого стокгольмского синдрома, когда заложники не только отождествляют себя со своими тюремщиками, но и активно помогают им.

— Вроде этой... Патти Херст?[1]

— Да. И вот это... господство, держащееся на силе воли, уже много лет не дает мне покоя. Но мы поговорим о нем после. Пока же я могу сказать только одно, если это хоть как-то оправдывает меня, — за все время, проведенное в лагерях, я не сделался капо.

В ноябре сорок второго, когда работы по совершенствованию лагеря были закончены, меня перевели из временного барака назад, в основной лагерь, и включили в бригаду, работающую во рву. К тому времени печи уже построили, но немцы не рассчитали коли-

[1] *Патрисия Херст* (р. 1954) — внучка газетного магната У. Р. Херста, в 1974 г. похищенная калифорнийской леворадикальной группировкой «Симбионисткая армия освобождения» и примкнувшая к ней.

чество евреев, прибывающих по железной дороге, поэтому и фургоны-душегубки, и ров все еще работали. Мои услуги зубного врача для мертвых больше не требовались, и я засыпал могилы гашеной известью, дрожал от зимнего холода и ждал. Я знал, что в любой момент могу стать одним из тех, кого хоронил каждый день.

Девятнадцатого ноября тысяча девятьсот сорок второго года, в ночь на четверг, произошло одно событие. — Сол замолчал. Через несколько секунд он встал и подошел к камину. Огонь почти погас. — Натали, у вас есть что-нибудь выпить покрепче кофе? Немного хересу, скажем?

— Конечно. Бренди подойдет?

— Отлично.

Она вскоре вернулась в гостиную с большим бокалом, наполненным почти до краев. Сол за это время помешал угли, добавил дров, и огонь снова ожил.

— Спасибо. — Он повертел бокал в пальцах, глубоко вдохнул аромат бренди и сделал глоток. — В четверг — я практически уверен, что это случилось девятнадцатого ноября сорок второго года, — поздно ночью пятеро немцев вошли в наш барак. Они и раньше приходили. Каждый раз они уводили четырех человек, и потом их никто уже никогда не видел. Заключенные из остальных семи бараков нашего лагеря рассказывали, что у них происходило то же самое. Мы не могли понять, зачем немцы это делают, когда они ежедневно открыто отправляли в ров тысячи людей, но мы тогда многого не понимали. Заключенные шепотом говорили о медицинских экспериментах.

В ту ночь с охранниками был молодой оберст, то есть полковник. И в ту ночь они выбрали меня.

Я решил сопротивляться, если они придут за мной. Понимаю, что это противоречит моему решению жить, несмотря ни на что, но мысль, что меня уведут во тьму, почему-то внушала мне панический ужас, отнимала всякую надежду. Я готов был драться. Когда эсэсовцы приказали мне встать с нар, я понял, что жить осталось всего несколько секунд, и решил попытаться убить хотя бы одного из этих скотов, прежде чем они убьют меня.

Но ничего не случилось. Оберст велел мне встать, и я *подчинился*. Вернее, мое тело действовало против моей воли. Это не было трусостью или покорностью — оберст проник в мое сознание. Я не знаю, как это еще выразить. Я это чувствовал точно так же, как готов был спиною ощутить выстрел, который так и не прозвучал. Я осознавал, что он движет моими мышцами, переставляет мои

ноги по полу и выносит мое тело из барака. А эсэсовцы-охранники все это время хохотали.

То, что я тогда ощутил, описать невозможно. Это как бы изнасилование сознания, но до конца все равно нельзя передать то, что ты в этот момент чувствуешь. Ни тогда, ни сейчас у меня нет и не было веры в какие-либо сверхъестественные явления. То, что там случилось, было результатом вполне реальной психической либо психофизиологической способности контролировать сознание других человеческих индивидуумов.

Нас посадили в грузовик, что само по себе было невероятно. Кроме той короткой поездки со станции Хелмно, евреям никогда не позволяли ездить на машинах. В ту зиму рабы в Польше были намного дешевле бензина.

Нас отвезли в лес — шестнадцать человек, включая молодую еврейку из женского барака. То, что я назвал «изнасилованием сознания», временно прекратилось, но от него осталось в голове нечто гораздо более грязное и постыдное, чем экскременты, которыми я пачкался каждый день, работая во рву. Наблюдая, как себя вели и о чем шептались другие пленники, я понял, что они не испытали ничего подобного. Честно говоря, в тот момент я усомнился в твердости своего разума.

Мы ехали почти час. В кузове грузовика с нами сидел один охранник с автоматом. Лагерные охранники почти никогда не носили автоматического оружия, опасаясь, что его могут захватить. Я еще не оправился от ужаса, испытанного в бараке, иначе попытался бы напасть на немца или, по крайней мере, спрыгнуть с машины. Но само невидимое присутствие полковника в кабине грузовика наполняло меня чувством неизбывного страха, который был глубже и сильнее всего мною пережитого за последние месяцы.

Было уже за полночь, когда мы приехали в усадьбу, гораздо большую, чем тот особняк, вокруг которого построен лагерь в Хелмно. Она находилась в глухом лесу. Американцы назвали бы это сооружение замком, но оно было и больше, и меньше, чем замок. Это бывшее поместье феодалов — такие поместья иногда еще встречаются в самых отдаленных лесных угодьях моей страны — представляло собой огромное скопление каменных стен, которые строились, перестраивались и расширялись бесчисленными поколениями семей отшельников, чья родословная восходила еще к дохристианским временам. Грузовики остановились, и нас загнали в подвал неподалеку от главного зала. Судя по количеству военных автомобилей среди остатков английского парка и разгульному шуму, до-

носившемуся из дворца, было похоже, что немцы реквизировали усадьбу под дом отдыха для своих привилегированных частей. В самом деле, когда нас заперли в подвале без окон и без света, я услышал, как литовский еврей из другого грузовика прошептал, что он узнал полковые эмблемы на машинах. То были эмблемы айнзацгруппы номер три — отряда специального назначения, который истребил целые еврейские деревни в окрестностях его родного Двинска. Даже эсэсовцы из дивизии «Мертвая голова», уничтожавшие людей в лагерях, относились к этим отрядам со страхом, граничившим с ужасом.

Через некоторое время охранники вернулись с факелами. В подвале находилось тридцать два человека. Разделив людей на две равные группы, эсэсовцы повели нас наверх, в разные комнаты. Группу, в которой был я, одели в грубые рубахи, выкрашенные в красный цвет, с белыми символами на груди. Мой символ — нечто вроде башни или фонарного столба в стиле барокко — ничего мне не говорил. У мужчины рядом на груди был силуэт слона с поднятой правой ногой.

Затем нас привели в главный зал, где мы застали картину времен Средневековья, написанную Иеронимом Босхом. Сотни эсэсовцев и убийц-спецотрядовцев отдыхали, играли в азартные игры и насиловали женщин где придется. Им прислуживали польские девушки-крестьянки, некоторые из них были еще совсем юными. В кронштейнах на стенах висели факелы, освещая зал мерцающим светом, как в картине Страшного суда. Остатки еды валялись где попало, столетней давности гобелены были перепачканы и покрыты сажей, поднимавшейся из открытых каминов. Банкетный стол, некогда великолепное произведение искусства, был изуродован кинжалами — немцы вырезали на нем свои имена. На полу валялись и храпели те, кто напился до невменяемого состояния. Я видел, как двое солдат мочились на ковер, который хозяин замка, должно быть, привез когда-то из Крестового похода.

В центре огромного зала на полу был расчищен квадрат примерно одиннадцать на одиннадцать метров, выложенный черными и белыми плитами. По обеим сторонам этого квадрата, там, где начинались галереи, на каменных плитах друг против друга были установлены два тяжелых кресла. В одном из них восседал молодой оберст — бледный светловолосый ариец с худыми белыми руками. В другом кресле сидел старик, такой же древний, как и каменные стены вокруг. На нем тоже была форма эсэсовского генера-

ла, но он больше походил на сморщенную восковую куклу, одетую в мешковатый наряд злыми детьми.

Из боковой двери вывели группу евреев, привезенных на другом грузовике. На них были светло-синие рубахи с черными символами, такими же как у нас. Увидев на женщине светло-синее одеяние с короной на груди, я понял, что будет происходить. В том состоянии истощения и постоянного страха, в котором я пребывал, можно было поверить любому безумию.

Каждому из нас приказали занять свой квадрат. Я исполнял роль слоновой пешки белого короля и стоял в трех метрах от кресла оберста, чуть впереди и справа от него, лицом к лицу с перепуганным литовцем. Он был пешкой черного слона.

Крики и пение смолкли. Немецкие солдаты собрались вокруг нас, стремясь занять места поближе к краю квадрата. Некоторые из них забрались на лестницы и столпились на галереях, чтобы лучше видеть. С полминуты ничего не было слышно, кроме потрескивания факелов и тяжелого дыхания толпы. Мы стояли на указанных квадратах — тридцать два умирающих от голода еврея, с застывшими лицами, неподвижными глазами, ожидая, что же с нами будет.

Старик слегка наклонился вперед и подал знак оберсту. Тот улыбнулся и кивнул. Началась игра в живые шахматы...

Оберст сделал первый ход, и пешка слева от меня — худой еврей с серой щетиной на щеках — передвинулась на два квадрата вперед. Старик ответил тем, что вывел свою королевскую пешку. Глядя, как двигаются эти несчастные заключенные, не понимающие, что с ними происходит, я был уверен, что они не в состоянии контролировать собственные тела.

Я немного играл в шахматы со своим отцом и дядей и знал стандартные гамбиты. Оберст глянул вправо, и крупный поляк с эмблемой коня на тунике вышел на поле и встал передо мной. Старик двинул вперед коня со стороны королевы. Оберст вывел нашего слона, небольшого роста мужчину с перевязанной левой рукой, и поставил его в пятом ряду на вертикали коня. Старик передвинул ферзевую пешку на одну клетку вперед.

В тот момент я отдал бы все, чтобы иметь любую другую эмблему, кроме пешки. Фигура низкорослого крестьянина передо мной, изображавшего коня, не давала практически никакой защиты. Справа от меня другая пешка обернулась и тут же сморщилась от боли: оберст заставил ее смотреть вперед. Я поворачиваться не стал, у меня начали дрожать ноги.

Оберст передвинул нашу ферзевую пешку на два хода вперед и поставил ее рядом со старой пешкой на королевской вертикали. Ферзевой пешкой был мальчик-подросток, он украдкой косился по сторонам, не поворачивая головы. Только крестьянин-конь передо мной прикрывал мальчика от вражеской пешки.

Старик слегка двинул левой рукой, и его слон встал перед женщиной-голландкой, изображавшей королеву. Лицо «слона» было очень бледным. На пятом ходу оберст вывел вперед нашего второго коня. Я не мог видеть лица этого человека. Эсэсовцы, столпившиеся вокруг, начали орать и хлопать в ладоши после каждого хода, словно зрители на футбольном матче. До меня доносились обрывки разговоров. Противника оберста называли Стариком (Der Alte), а оберста болельщики подбадривали криками «Der Meister!»[1].

Старик подался вперед, словно паук, и его королевский конь встал перед ферзевой пешкой. В роли коня выступал молодой и сильный парень, — вероятно, он пробыл в лагере всего несколько дней. На лице его застыла идиотская улыбка, будто ему нравилась эта жуткая игра. Как бы в ответ на улыбку парня оберст передвинул своего хрупкого слона на тот же квадрат. Теперь я узнал «слона» — это был плотник из нашего барака, который поранился два дня назад, когда резал доски для постройки сауны охранников. Низкорослый плотник поднял здоровую руку и хлопнул черного «коня» по плечу, как он хлопнул бы своего друга, пришедшего сменить его на посту.

Я не видел, откуда стреляли, наверное с галереи позади меня, но звук был таким громким, что я вздрогнул и начал поворачивать голову, и в это мгновение оберст, как клещами, стиснул мою шею. Улыбка юноши, изображавшего коня, исчезла вместе с половиной его черепа. Пешки, стоявшие сзади, съежились от ужаса, но боль заставила их сразу же выпрямиться. Тело «коня» отлетело почти на то же место, откуда он сделал ход, а на квадрат белой пешки уже натекла лужа крови. Два эсэсовца выскочили вперед и оттащили труп, запачкав несколько стоявших рядом черных фигур. По залу прокатились крики одобрения болельщиков.

Старик снова наклонился вперед, его слон шагнул по диагонали туда, где находился наш, и слегка дотронулся до перевязанной руки плотника. На этот раз перед выстрелом была небольшая заминка, затем пуля ударила нашего слона в левую лопатку. Коротышка споткнулся, сделав два шага вперед, с секунду постоял,

[1] «Мастер!» *(нем.)*

подняв руку, словно хотел почесаться, и мешком рухнул на плиты. Вперед вышел сержант, приставил к голове плотника «люгер» и выстрелил один раз, потом оттащил все еще дергающийся труп с поля. Игра возобновилась.

Оберст передвинул нашу королеву на две клетки вперед, и теперь ее отделял от меня лишь один пустой квадрат. Я заметил, что ногти ее обгрызены почти до мяса, и это напоминало мне мою сестру Стефу. Я с изумлением обнаружил, что в первый раз заплакал, вспомнив о ней.

Под рев пьяной толпы Старик сделал свой следующий ход. Его королевская пешка быстро шагнула вперед и «съела» нашу ферзевую пешку. Этой пешкой был бородатый поляк, явно правоверный еврей. Винтовка щелкнула дважды, почти без паузы. Черная королевская пешка оказалась залита кровью, когда она заняла место нашей ферзевой пешки.

Теперь передо мной не было никого, только три пустые клетки, а дальше — черный конь. Свет факелов отбрасывал длинные тени; пьяные эсэсовцы, стоявшие по краям «доски», что-то вопили, давая советы игрокам. Я не смел повернуться, но увидел, как Старик заерзал в своем кресле — видно, осознал, что теряет контроль над центром поля. Затем он повернул голову, и его пешка, стоявшая перед конем со стороны короля, передвинулась на одну клетку. Оберст вывел нашего уцелевшего слона, блокируя вражескую пешку и угрожая слону Старика. Толпа зашлась в восторженном крике.

Игроки закончили гамбит и перешли к миттельшпилю. Обе стороны провели рокировку, обе ввели в игру ладьи. Оберст передвинул ферзя на поле передо мной. Я смотрел на лопатки «королевы», резко выпирающие под ее одеянием, на завитки волос, рассыпанных по спине. Кулаки мои невольно то сжимались, то разжимались. С самого начала игры я не пошевелился, от страшной головной боли в глазах плясали огненные точки, я мог потерять сознание, и мысль об этом внушала мне ужас. Что тогда случится? Позволит ли мне оберст упасть на пол или будет удерживать мое бесчувственное тело на клетках, как ему надо? Судорожно вздохнув, я попробовал сосредоточиться на гобелене, висевшем на дальней стене.

На четырнадцатом ходу Старик послал слона на ту клетку в центре доски, где стоял наш конь, которого изображал крестьянин. На этот раз выстрела не было. Рослый, тучный сержант-эсэсовец ступил на «доску» и вручил свой парадный кортик черному слону.

В зале все смолкли, свет факелов плясал на отточенной стали. Приземистый крестьянин извивался, метался, мышцы его тела дергались. Я видел, что он тщетно пытается вырваться из-под власти оберста, но ничего из этого не выходит. Одним ударом лезвия он перерезал себе горло. Сержант-эсэсовец поднял свой кортик и жестом велел двоим солдатам убрать труп. Игра возобновилась.

Одна из наших ладей побила вырвавшегося вперед слона. В ход снова пошел кортик. Стоя за молодой «королевой», я крепко закрыл глаза. Открыл я их через несколько ходов, после того как оберст передвинул мою королеву на одну клетку вперед. Когда она покинула меня, мне захотелось заорать. Старик немедленно перевел свою королеву, молодую девушку-голландку, на пятую клетку ладейной вертикали. Ферзь противника теперь находился от меня всего через одну пустую клетку по диагонали. Между нами никого не было. Я почувствовал, как у меня внутри все похолодело от страха.

Оберст перешел в наступление. Первым делом он послал вперед пешку коня с левой стороны. Чтобы заблокировать ее, Старик выдвинул ладейную пешку — мужчину с красным лицом, которого я помнил по лесной бригаде. Оберст ответил на этот ход своей ладейной пешкой. Я с трудом разбирался, что происходит. Остальные пленники были в основном выше меня, я видел лишь спины, плечи, лысые головы потных, дрожащих от ужаса людей, а не шахматные фигуры. Я попытался представить себе шахматную доску и понял, что сзади остались только король да ладья. На одной горизонтали со мной стояла всего одна пешка перед королем. Впереди и слегка влево от меня сгрудились королева, пешка, ладья и слон. Еще дальше влево в одиночестве стоял наш уцелевший конь, слева от него блокировали друг друга две ладейные пешки. Черный ферзь по-прежнему угрожал мне справа.

Наш «король» — высокий, худой еврей лет шестидесяти — передвинулся по диагонали на шаг вправо. Старик сосредоточил свои ладьи на королевской вертикали. Внезапно мой ферзь отошел назад на вторую клетку ладейной вертикали, и я остался один. Прямо передо мной, через четыре пустые клетки, стоял литовский еврей и смотрел на меня широко раскрытыми глазами, полными животного ужаса.

Внезапно я шагнул вперед, волоча ноги по мраморному полу. В моем мозгу творилось что-то невообразимое, чему невозможно было сопротивляться, и оно толкало меня, стискивало мои челюсти и подавляло крик, рвавшийся откуда-то изнутри, из самой глу-

бины моего существа. Я остановился там, где раньше стоял наш ферзь, по обе стороны от меня расположились белые пешки. Старик вывел вперед своего черного коня, и теперь он стоял напротив, через одну клетку. Толпа кричала еще громче, скандируя: «Meister! Meister!»

Я снова шагнул и теперь оказался единственной белой фигурой, ушедшей за середину «доски». Где-то позади, справа от меня, находилась черная королева. Я ощущал ее присутствие так же отчетливо, как и присутствие того невидимого стрелка за спиной, а в полуметре от себя видел потное лицо и запавшие глаза черного коня — литовского еврея.

Черная ладья прошла слева от меня. Когда мужчина, изображавший ее, ступил на клетку белой пешки, завязалась драка. Сначала я подумал, что оберст или Старик потерял контроль над фигурами, но потом понял, что все это входит в правила игры. Болельщики завопили, они жаждали крови. Черная ладья была сильнее, а возможно, ее не удерживали, и белая пешка стала отступать под ее натиском. Ладья, добравшись до горла пешки, мощно сжала его. Послышался долгий сухой хрип, и пешка рухнула на пол.

Не успели ее тело оттащить с поля, как оберст двинул нашего уцелевшего коня на тот же квадрат, и драка возобновилась. На этот раз утащили черную ладью; босые ноги человека царапали плиты, вылезшие из орбит глаза неподвижно уставились в пустоту.

Черный конь, шаркая ногами, прошел мимо меня, и снова началась схватка. Эти двое сцепились, пытаясь выцарапать друг другу глаза, нанося удары коленями, пока белого коня не вытолкали в пустую клетку за моей спиной. Винтовка снова выстрелила, я услышал, как пуля просвистела мимо уха. Человек, бывший «конем», падая, ударился об меня. На мгновение его рука схватила меня за щиколотку, как бы ища помощи. Я не шелохнулся.

Мой ферзь снова был за моей спиной. Черная пешка справа двинулась вперед, угрожая ему. Я бы схватился с ней, если бы мне было позволено, но этого не случилось. Ферзь отступил на три клетки. Старик передвинул на шаг ферзевую пешку. Оберст послал вперед вторую ладейную пешку. Толпа скандировала: «Meister! Meister!»

Старик переместил своего ферзя на две клетки назад. Меня снова подвинули. Теперь я стоял лицом к лицу с литовским евреем. Он замер, парализованный страхом. Неужели он не знал, что я не мог причинить ему вреда, пока мы стоим на одной вертикали? Возможно, и не знал, но я кожей чувствовал, что темноволосая королева в любую секунду может убрать меня. Только невидимое

присутствие собственного ферзя в пяти клетках позади давало мне какое-то ощущение защищенности. Но что, если Старик решится пойти на ферзевый обмен? Однако вместо этого он передвинул свою ладью назад, на королевскую клетку.

Слева от меня началась свалка — вторая пешка слона убрала черную пешку, а ее в свою очередь побил уцелевший черный слон. На какое-то время я оказался один на территории противника, но тут оберст передвинул белого ферзя на клетку позади меня. Что бы ни случилось теперь, я был не один. Затаив дыхание, я стал ждать.

Но ничего не случилось. Точнее, Старик сошел со своего трона, махнул рукой и удалился. Он сдался. Пьяная свора солдат из отрядов специального назначения завопила от восторга. Несколько человек с эмблемой «Мертвой головы» кинулись к оберсту и, подняв его на руки, понесли по кругу почета. Я остался где стоял, напротив литовца, мы оба глупо моргали. Игра закончилась. Я знал, что каким-то образом помог оберсту выиграть, но был слишком оглушен всем случившимся, чтобы разобраться, как именно. Я видел всего лишь сбившихся в кучку уставших евреев, ничего не понимавших, но чувствовавших облегчение, пока зал гудел от криков и пения. Шестеро из нас, тех, что были белыми фигурами, погибли, как и шестеро черных. Уцелевшие могли теперь двигаться, и мы так и толпились там, в центре поля. Я обернулся и обнял женщину, стоявшую сзади меня. Она плакала. «Шалом», — сказал я и поцеловал ее руки. Литовский еврей на своей белой клетке упал на колени. Я помог ему подняться.

Несколько рядовых с автоматами в руках провели нас через толпу в пустую прихожую. Здесь они заставили нас раздеться и побросали наши шахматные рубахи в кучу. Потом нас вывели в ночь, чтобы расстрелять.

Нам приказали вырыть себе могилы. Метрах в сорока за домом на поляне лежало полдюжины лопат, и этими лопатами мы принялись копать широкий и неглубокий ров. Солдаты тем временем, покуривая, светили нам факелами. Покрытая снегом земля была твердой как камень, и мы смогли прокопать вглубь лишь на полметра. Между тупыми ударами лопат слышались взрывы хохота, доносившиеся из замка. В его высоких окнах горели огни, отбрасывая желтые прямоугольники на шиферные крыши. Мы не замерзли лишь потому, что двигались, — и еще от страха. Пальцев посиневших ног я уже не чувствовал. Мы почти закончили копать, и я понимал: надо на что-то решаться. В такой темноте можно по-

пытаться добежать до леса. Было бы лучше, если бы мы все одновременно кинулись врассыпную, но евреи постарше явно не могли двигаться, они слишком замерзли и были измотаны, к тому же нам не позволяли разговаривать друг с другом. Две женщины стояли в нескольких метрах от рва, тщетно пытаясь прикрыть наготу руками, а охранники отпускали по этому поводу грубые шутки, поднося факелы поближе к ним и освещая их обнаженные тела.

Я не мог решить, бежать мне или все же попробовать проломить солдату голову своей лопатой с длинной ручкой и захватить его автомат. Конечно, это были солдаты из отрядов спецназначения, но сейчас они напились и не ожидали нападения. Надо действовать скорее.

Решив бить лопатой, я выбрал низкорослого молодого охранника — он стоял в нескольких шагах от меня и, казалось, дремал. Я с силой сжал черенок.

— *Halt! Wo ist denn mein Bauer?*[1]

Молодой оберст, хрустя снегом, приближался к нам, в распахнутой черной шинели и офицерской фуражке с высокой тульей. Войдя в круг света, отбрасываемого факелами, он оглянулся и спросил, где его пешка. Но которая?

— *Du! Komm her!* — позвал он меня жестом.

Я сжался, ожидая, что вот-вот повторится насилие над моим сознанием, но ничего такого не произошло. Выбравшись из неглубокого рва, я отдал лопату охраннику и, трясясь от страха, подошел к оберсту — к тому, кого они называли *Der Meister*.

— Кончайте скорее, — приказал он по-немецки сержанту, командовавшему отделением. — *Schnell!*

Сержант кивнул и велел евреям встать около рва. Женщины у дальнего края обняли друг друга. Последовал приказ всем лечь в холодную землю. Трое мужчин отказались подчиниться, и их застрелили там же, где они стояли. Тот, что был черным королем, корчась, упал всего метрах в двух от меня. Я опустил глаза, глядя на свои посиневшие ноги, и старался не шевелиться, но дрожь только усилилась. Другим евреям приказали скинуть тела расстрелянных в ров. Было тихо и жутко, в свете факелов белели худые спины и ягодицы моих товарищей по несчастью. Сержант отдал команду, и загремели выстрелы.

Все закончилось меньше чем за минуту. Звук автоматных очередей казался приглушенным, ничего не значащим треском — и вот

[1] Стой! Где же, черт возьми, моя пешка? *(нем.)*

еще одна нагая фигура дергается в яме, корчится и замирает навсегда. Обе женщины так и погибли, обнимая друг друга. Литовский еврей выкрикнул что-то на иврите и упал на колени, протянув руки то ли к конвоирам, то ли к небу — я до сих пор этого не знаю, — и рухнул, сраженный автоматной очередью.

Все это время я стоял, уставившись на свои дрожащие ноги, моля Бога, чтобы Он сделал меня невидимым. Но стрельба еще не кончилась, когда сержант повернулся ко мне и спросил:

— А с этим что делать, *mein Oberst*?

— *Mein zuverlässiger Bauer?*[1] — улыбнулся тот. — Сегодня будет охота.

— *Eine Jagd?* — спросил сержант. — *Heute nacht?*[2]

— *Wenn es Dämmert*[3].

— *Auch Der Alte?*[4]

— *Ja.*

— *Jawohl, mein Oberst*[5].

Я видел, что сержанту это особой радости не доставило, поскольку спать ему сегодня явно не придется.

Конвоиры принялись забрасывать трупы комьями смерзшейся земли, а меня повели назад к замку и посадили на цепь в том же подвале, где нас держали несколько часов назад. Мои ступни кололо как иголками, а потом они начали гореть. Хотя это было очень больно, я все же задремал, когда вернулся сержант, снял с меня цепи и приказал одеться. Мне выдали нижнее белье, синие шерстяные штаны, рубаху, толстый свитер, теплые носки и крепкие ботинки, которые были мне немного малы. После нескольких месяцев в тюремном тряпье добротная одежда казалась просто чудом.

Сержант вывел меня наружу, там стояли четверо эсэсовцев с фонариками и карабинами. Один из них держал на поводке немецкую овчарку; он позволил собаке обнюхать меня. Замок уже погрузился в темноту, крики смолкли. Приближавшийся рассвет сделал небо на востоке прозрачным.

Конвоиры погасили свои фонарики, когда из замка вышли оберст и старый генерал. Вместо формы на них были толстые зеленые куртки, в руках они держали охотничьи карабины крупного калиб-

---

[1] С моей верной пешкой? *(нем.)*

[2] Охота? Сегодня ночью? *(нем.)*

[3] Как только начнет смеркаться *(нем.)*.

[4] Опять со Стариком? *(нем.)*

[5] Слушаюсь, мой полковник *(нем.)*.

ра с оптическим прицелом. И тут я все понял. Я точно знал, что сейчас произойдет, но был до того измучен, что мне было все равно.

Оберст махнул рукой, конвоиры отошли от меня и встали рядом с офицерами. Некоторое время я нерешительно топтался на месте, отказываясь делать то, что они требовали, будто ничего не понимал. Тогда сержант на ломаном польском заорал: «Бежать! Бежать, еврейская скотина!» Но я все не двигался. Собака тянула поводок, рычала и бросалась в мою сторону. Сержант поднял карабин и выстрелил, снег взвился фонтаном под моими ногами, но я продолжал стоять, пока не ощутил осторожное проникновение чужой воли в свой мозг.

— Вперед, *kleiner Bauer*[1], вперед! — От этого мягкого шепота меня затошнило, я зашатался, потом повернулся и побежал в лес.

Я был слишком слаб, чтобы бежать долго. Через несколько минут я уже задыхался и начал спотыкаться. На снегу оставались четкие следы моих ботинок, но тут я ничего не мог поделать. Небо светлело, а я все бежал, стараясь держаться южного направления. Когда я услышал позади яростный лай, то понял, что охотники с собаками двинулись по моему следу.

Пробежав немногим более километра, я увидел впереди открытое пространство. Просека шириной в сотню метров была расчищена — ни деревьев, ни пней. Посередине этой ничейной земли протянулась колючая проволока, но не это заставило меня остановиться. В центре просеки торчал белый знак с надписью на немецком и польском: «Стой! Заминировано!»

Лай приближался. Я свернул влево и, задыхаясь от боли в боку, побежал трусцой. Я знал, что выхода нет, что это минное поле наверняка тянется по периметру всей усадьбы, обозначая границы их собственного охотничьего заказника. Единственной моей надеждой было найти дорогу, по которой мы приехали вчера ночью, а казалось — целую вечность назад. Там обязательно должны быть ворота, конечно с охраной, но все равно надо попытаться выйти на дорогу. Пусть уж лучше меня убьют охранники, чем эти животные, гнавшиеся за мной. Я решил, что кинусь на минное поле, лишь бы не стать мишенью для этих охотников на человека.

Добежав до мелкого ручья, я снова почувствовал это подлое проникновение в свое сознание. Стоя неподвижно и глядя на полузамерзший ручей, я ощущал, как оберст входит в мое сердце, в тело, будто вода, заливающая рот, ноздри и легкие тонущего че-

[1] Маленькая пешка *(нем.)*.

ловека. Только это было еще хуже. Казалось, огромный ленточный червь ввинчивается в мой череп и обволакивает мозг. Я закричал, но из горла не вырвалось ни звука, ноги были как ватные.

— *Komm her, mein kleiner Bauer!*[1] — Голос оберста беззвучно шептал эти слова.

Мысли его смешались с моими и вытеснили мою волю в какую-то темную яму. Перед моими глазами мелькали обрывки, как в рвущейся киноленте: чьи-то лица, мундиры, какие-то пейзажи, комнаты... Меня несли чужие волны ненависти и высокомерия. Чужая извращенная страсть к насилию наполнила мой рот медным привкусом крови. Этот шепот в мозгу был соблазнителен и тошнотворен, словно зов гомосексуалиста.

Я будто со стороны наблюдал за своим поведением: вот я кинулся в ручей и повернул назад, на запад, навстречу охотникам, теперь я бежал быстро, резко вдыхая и выдыхая холодный сырой воздух. Ледяная вода забрызгала ноги, шерстяные штаны намокли и липли к икрам. У меня носом пошла кровь, потекла по подбородку к шее.

— *Komm her!*

Я выбрался из ручья и, спотыкаясь, побежал по лесу к куче валунов. Тело мое дергалось и извивалось, словно марионетка. Я вскарабкался на камни, забился между ними и так лежал, прижав щеку к валуну, а кровь из носа капала на замерзший мох. Послышались голоса охотников, они были не далее чем в пятидесяти шагах, за полосой деревьев. Я решил, что они окружат кучу камней, а затем оберст заставит меня встать, чтобы удобнее было стрелять. Я напрягся, пытаясь пошевелить ногами, двинуть рукой, но казалось, будто кто-то перерезал мои нервы, соединяющие мозг с телом. Я был пригвожден к земле надежно, как если бы все эти валуны разом навалились на меня.

Послышались обрывки разговоров, затем голоса вдруг стали удаляться в том же направлении, откуда я прибежал десять минут назад. В это невозможно было поверить, но это так. Почему оберст играл со мной? Напрягшись, я попытался прочесть его мысли, но мои слабые потуги были отброшены, словно кто-то щелчком сбил назойливое насекомое.

Вдруг я выбрался из укрытия и снова побежал, пригнувшись, между деревьями, а потом пополз по снегу. Я еще никого не видел, но уже чувствовал запах табачного дыма. На поляне на повален-

[1] Иди сюда, моя маленькая пешка! *(нем.)*

ном дереве сидел Старик, положив охотничий карабин на колени, а рядом с ним, спиной ко мне, стоял сержант, рассеянно постукивая пальцами по прикладу. Оба курили, наслаждаясь отдыхом.

И тогда я поднялся во весь рост и помчался прямо на них. Сержант резко обернулся, и в эту секунду я в прыжке ударил его плечом. Он был выше и намного тяжелее меня, но за счет невероятной скорости я сбил его с ног. Мы покатились по снегу, и мне хотелось только одного — снова стать хозяином своего тела и убежать в лес.

Вместо этого я схватил карабин Старика и стал колотить сержанта прикладом по шее и по лицу, как дубиной. Он попытался встать, но я снова сбил его с ног и, увидев, что он тянется к своему оружию, прижал его руку ботинком, а потом принялся молотить тяжелым прикладом по лицу, пока не переломал ему все кости, пока и лица-то, собственно, не осталось. Тогда я бросил карабин и повернулся к Старику.

Он сидел все так же на поваленном дереве, в руке у него был «люгер», который он успел выхватить из кобуры, во рту по-прежнему дымилась сигарета. Казалось, ему уже тысяча лет, но к морщинистому лицу — скорее, к высохшей маске — была приклеена улыбка.

— *Sie!*[1] — сказал он, и я понял, что Старик обращается не ко мне.

— *Ja, Alte.* — Я сам изумился тому, что произносит мой язык. — *Das Spiel ist beendet*[2].

— Посмотрим. — Старик поднял пистолет, собираясь выстрелить.

Я метнулся вперед, пуля пробила мой свитер и обожгла ребра, но я успел схватить его за кисть, прежде чем он выстрелил во второй раз. Старик вскочил, и мы, шатаясь, принялись исполнять на снегу какой-то безумный танец — изможденный юноша-еврей, у которого носом шла кровь, и древний ариец, охотник и убийца. Его «люгер» снова выстрелил, на этот раз в воздух, но я вырвал пистолет из его руки и отскочил назад, наставив на него ствол.

— *Nein!* — закричал Старик, и тут я почувствовал уже *его* присутствие в своем мозгу.

Это было как удар молотком по основанию черепа. На какую-то секунду меня не стало вовсе; два этих мерзких существа дрались между собой за обладание моим телом. В следующее мгновение я

---

[1] Вы! *(нем.)*

[2] Да, Старик. Игра окончена *(нем.)*.

уже смотрел на эту картину откуда-то сверху, словно выскочил из собственной оболочки. Старик застыл на месте, а мое тело металось вокруг него в жутком припадке. Глаза мои закатились, рот раскрылся, как у идиота, штаны были мокрыми от мочи, от них шел пар.

Затем я вернулся в свое тело, и Старика в мозгу больше не было. Я видел, как он сделал несколько шагов назад и тяжело опустился на поваленное дерево.

— Вилли, — прошептал он. — *Mein Freund...*[1]

Я дважды выстрелил ему в лицо, потом один раз в сердце. Он опрокинулся назад, а я стоял и смотрел на подбитые гвоздями подошвы его сапог.

— Мы сейчас придем, пешка, — послышался у меня в ушах шепот оберста. — Жди нас.

Через какое-то время поблизости раздались лай овчарки и крики охотников. Пистолет был все еще у меня в руке. Я попытался расслабить мышцы, сосредоточив всю свою волю и энергию в одном-единственном пальце правой руки, даже не думая о том, что собираюсь сделать. Группа охотников была уже почти в пределах видимости, когда власть оберста над моим телом слегка ослабла — достаточно для того, чтобы попытаться сделать то, что я хотел. Это была самая решительная и самая трудная схватка в моей жизни. Мне и надо-то было лишь на несколько миллиметров подвинуть палец, но для этого понадобились вся моя энергия и вся решимость, что еще оставались в моем теле и душе.

Мне это удалось. «Люгер» выстрелил, пуля прошла по касательной вдоль бедра и угодила в мизинец правой ноги. Боль пронзила мое тело, как очистительный огонь. Оберст был как бы застигнут врасплох, и я тут же почувствовал это на себе.

Я повернулся и побежал, оставляя на снегу кровавые следы. Сзади раздались крики, затрещал автомат, мимо жужжали пули в свинцовой оболочке, словно пчелы.

Но оберст уже не властвовал надо мной. Я добежал до минного поля и кинулся туда, не останавливаясь ни на миг. Голыми руками я растянул колючую проволоку, ударами ног отбросил эти цепкие щупальца и побежал дальше. Это было невероятно, необъяснимо, но я пересек заминированную просеку и остался жив. И в этот момент оберст вновь впился в мой мозг.

— *Стой!* — приказал он. Я остановился, потом обернулся и увидел четырех охранников и оберста, застывших на краю смертель-

[1] Мой друг... *(нем.)*

ной полосы. — *Возвращайся, моя маленькая пешка,* — прошептал голос этой твари. — *Игра окончена.*

Я попытался поднять «люгер», чтобы приставить его к своему виску, но не смог. Тело мое двинулось назад, на минное поле, к поднятым стволам автоматов. И в эту секунду овчарка вырвалась из рук державшего ее охранника и бросилась ко мне. Ей не удалось достичь края просеки, она наскочила на мину и подорвалась метрах в семи от немцев. Мина была очень мощная, противотанковая, в воздух взметнулись земля, куски металла и собачьего тела. Я видел, как они все пятеро упали на землю, а потом что-то мягкое ударило меня в грудь и сшибло с ног.

С трудом я поднялся; рядом лежала оторванная голова овчарки. Оглушенные взрывом, оберст и двое эсэсовцев стояли на четвереньках, мотая головами, двое других не шевелились. Оберста в моем мозгу не было! Я вскинул «люгер» и выпустил по нему всю обойму, но расстояние было слишком большим, к тому же меня всего трясло. Ни одна пуля не задела никого из немцев. Постояв с секунду, я повернулся и снова побежал.

Я до сих пор не знаю, почему оберст позволил мне убежать. Возможно, его контузило взрывом, или, может, он опасался в полную силу демонстрировать свою власть надо мной, ведь это могло навести на мысль о его причастности к смерти Старика. Но все же я подозреваю, что убежал тогда лишь потому, что это было на руку оберсту...

Сол умолк. Огонь в камине погас, и они сидели почти в полной темноте. В последние полчаса исповеди голос его охрип, он говорил уже шепотом.

— Вы очень устали, — сказала Натали.

Сол не стал этого отрицать. Он не спал две ночи — с того самого момента, когда в воскресенье утром увидел в газетах фотографию Уильяма Бордена.

— Но ведь это еще не конец? — спросила Натали. — Это как-то связано с людьми, которые убили моего отца, так?

Он кивнул.

Натали вышла из комнаты, затем вернулась через минуту с одеялом, простынями и большой подушкой.

— Уже поздно. Ночуйте здесь, — предложила она. — Мы закончим утром. Я приготовлю завтрак.

— У меня есть комната в мотеле, — хрипло произнес Сол. При мысли о том, что сейчас придется ехать куда-то, ему захотелось закрыть глаза и уснуть прямо там, где он сидел.

— Я прошу вас остаться, — серьезно сказала Натали. — Мне очень хочется... Нет, я просто должна услышать конец вашего рассказа. — Она помолчала и добавила: — И потом, я не хочу сегодня ночевать одна в доме.

Сол кивнул.

— Вот и хорошо, — обрадовалась девушка. — В шкафчике в ванной есть новая зубная щетка. Если хотите, я могу достать чистую пижамную пару отца...

— Спасибо. Я обойдусь.

— Тогда до завтра. — Натали направилась к двери, но на пороге остановилась. — Сол... — Она помолчала, потирая руки выше локтя. — Все это... все, что вы мне рассказали, правда?

— Да.

— И ваш оберст был здесь, в Чарлстоне, на прошлой неделе? Он один из тех, кто виноват в смерти моего отца?

— Думаю, да.

Натали кивнула, хотела еще что-то сказать, потом слегка закусила губу.

— Спокойной ночи, Сол.

— Спокойной ночи, Натали.

Несмотря на страшную усталость, Сол Ласки некоторое время лежал без сна, глядя, как прямоугольники света от автомобильных фар блуждают по фотографиям на стене. Он старался думать о приятных вещах — о золотистом свете, играющем на ветвях ив у ручья, или о белых маргаритках в поле на ферме дяди, где он бегал еще мальчиком. Но когда он наконец заснул, ему приснился жаркий июньский день, братишка Йозеф, который идет за ним к шапито по чудной лужайке, откуда ярко раскрашенные цирковые фургоны увозят толпы смеющихся детей к ожидающему их рву.

Глава 7

Чарлстон
Среда, 17 декабря 1980 г.

Поначалу шерифа Джентри забавляло то, что за ним следят. Насколько он мог помнить, за ним никто никогда не следил. Сам же он достаточно много времени проводил за этим занятием. Только вчера он ездил за психиатром Ласки и наблюдал, как тот за-

брался в дом Фуллер, потом терпеливо ждал в «додже» Линды Мэй, пока Ласки и эта девушка, мисс Престон, пообедают, а после провел бóльшую часть ночи в районе Сент-Эндрюс, попивая кофе и наблюдая за домом Натали. Ночь была чертовски холодной и прошла совершенно впустую. Рано утром он снова проехал мимо ее дома в собственной машине; взятая напрокат «тойота» психиатра все еще стояла у крыльца. Какая между ними связь? Джентри догадывался, что Ласки в этом деле очень важная фигура. Эта догадка родилась у него еще во время их первого телефонного разговора, а теперь она быстро перерастала в уверенность и не давала ему покоя, зудела между лопатками, там, где невозможно почесать спину. Джентри уже знал по опыту, что эта штука — одна из важнейших составляющих в репертуаре хорошего полицейского. Вот вчера он отправился следить за Ласки, а теперь, оказывается, следят за ним самим — за Бобби Джо Джентри, шерифом округа Чарлстон.

Поначалу он не мог в это поверить. Утром он встал, как всегда, в шесть часов, чувствуя усталость от недосыпа и слишком больших доз кофеина в предыдущий день, и поехал к дому Престон в Сент-Эндрюс, проверить, там ли провел Сол Ласки остаток ночи. Потом он остановился у закусочной Сары Диксон на Риверс-авеню, съел гамбургер и отправился на Хэмптон-парк беседовать с миссис Луэллин. Муж этой женщины уехал из города четыре дня назад, в ту ночь, когда произошли убийства в «Мансарде», и погиб в автокатастрофе в Атланте рано утром в воскресенье. Когда полицейский штата Джорджия по телефону сообщил ей, что она вдова, так как ее муж врезался в опору путепровода на скорости свыше восьмидесяти пяти миль в час недалеко от Атланты, миссис Луэллин не нашла ничего лучшего, как спросить: «А что Артур делал там, в Атланте, скажите на милость? Ведь он только поехал купить сигару и воскресную газету».

Джентри считал, что вопрос задан по делу, но он так и не получил на него ответа, проведя полчаса с вдовой в ее кирпичном доме. И вот тогда Джентри заметил зеленый «плимут», стоявший за полквартала от его машины в тени высоких деревьев, нависающих над улицей.

Первый раз он засек его, когда отъезжал от закусочной, обратив внимание на номерные знаки штата Мэриленд. Из своей многолетней практики Джентри уже усвоил, что полицейские становятся буквально одержимыми, обязательно замечая мелкие детали, бóльшая часть которых оказывается абсолютно бесполезной.

Шериф сел за руль своей патрульной машины, стоявшей перед домом Луэллинов, поправил зеркальце заднего вида и внимательно посмотрел на «плимут», припаркованный чуть дальше. Машина, без сомнения, была той же самой, но он не мог разглядеть, есть ли кто-нибудь в салоне, из-за бликов на ветровом стекле. Джентри пожал плечами, включил мотор и поехал прямо, потом свернул налево у первого же знака «стоп». «Плимут» начал двигаться за мгновение до того, как машина Джентри исчезла из виду. Шериф еще раз свернул налево и покатил на юг, пытаясь решить, вернуться ли ему в контору и заняться кое-какими бумагами либо снова поехать в Сент-Эндрюс. Зеленый «плимут» по-прежнему держался сзади, пропустив вперед две машины.

Джентри ехал медленно, постукивая по баранке своими большими красными пальцами и потихоньку насвистывая мелодию кантри-песенки. Слушая вполуха хрипение полицейского радио, он перебирал в уме причины, по каким кто-то мог его преследовать. За исключением нескольких воинственных типов, которых он засадил в тюрьму за последние два года, ни у кого, насколько он мог помнить, не было повода сводить счеты с Бобби Джо Джентри и уж тем более никакого резона тратить время, мотаясь за ним по улицам. Джентри подумал, уж не шарахается ли он от призраков? В Чарлстоне наверняка не один зеленый «плимут». «С мэриленскими номерами?» — иронично усмехнулось его второе «я» — умудренный опытом полицейский. Джентри решил вернуться в контору окружным путем.

Он повернул налево, на Кэннон-стрит, где было оживленное движение. Хвост не отставал. Если бы Джентри не знал, что «плимут» там, он бы ни за что его сейчас не засек. Преследователь выдал себя лишь потому, что маленькая боковая улочка близ Хэмптон-парка была абсолютно пуста. Джентри въехал на шоссе номер двадцать шесть, ведущее в соседний штат, проехал больше мили на север, потом покатил по узким улочкам на восток, в сторону Митинг-стрит. «Плимут» по-прежнему маячил сзади, прячась за другими машинами там, где это было возможно, и сильно отставая, когда шоссе пустело.

— Ну и ну, — пробормотал Джентри.

Он приблизился к району Чарлстон-Хайтс, оставив справа военно-морскую базу. Сквозь паутину подъемных кранов видны были серые громады кораблей. Джентри повернул налево, на Дорчестер-роуд, а потом снова выехал на двадцать шестое шоссе, на сей раз направляясь на юг. Хвост вроде бы исчез. Он уже собрался

съехать с шоссе у центра города и списать всю историю на счет детективов, которых он насмотрелся по кабельному телевидению, когда позади, в полумиле от него, огромный трейлер перестроился в другой ряд и Джентри вновь на мгновение увидел капот зеленого цвета.

С шоссе он вернулся к узеньким улочкам вблизи здания муниципалитета. Потихоньку начал накрапывать дождь. Водитель «плимута» включил дворники одновременно с шерифом. Джентри прикинул, какие же законы здесь нарушены, но вот так, сразу, не смог ничего придумать. «Ну ладно, — решил он. — Самое главное теперь избавиться от хвоста». Ему живо представились все эти погони с визжащими тормозами на бешеной скорости, которые он видел в кино. Нет уж, спасибо. Затем он попытался вспомнить детали шпионского искусства из бесчисленных детективов, которыми он когда-то увлекался, но в голову опять не приходило ничего стоящего. Дело еще осложнялось тем, что Джентри ехал в своей коричневой патрульной машине, на которой по бокам крупными буквами было написано: «Шериф округа Чарлстон».

Он понимал, что ему достаточно сказать несколько слов по рации, объехать пару раз квартал, и восемь полицейских машин плюс половина патрульных с шоссе встретят этого красавчика на следующем же перекрестке. Ну а дальше что? Джентри представил себе, как его вызывают к судье Трэтору по обвинению в незаконном задержании приезжего из другого штата, — мужчина, мол, пытался найти паром к форту Самтер и решил просто следовать за местным констеблем.

Самое разумное в данной ситуации — и Джентри это хорошо знал — было переждать. Пусть этот олух ездит за ним сколько угодно — дни, недели, месяцы, пока Джентри не сообразит, в какую игру тот играет. Этот парень в «плимуте» — если это был парень — мог оказаться судебным исполнителем, репортером, закоренелым «свидетелем Иеговы» или членом новой губернаторской команды по борьбе с коррупцией. Джентри был абсолютно уверен, что разумнее всего сейчас вернуться в контору и заняться своими делами. Пусть все образуется само собой.

Однако он никогда не отличался особым терпением. Круто развернув машину на мокром асфальте и одновременно включив мигалку и сирену, Джентри рванул назад по узкой улице с односторонним движением прямо в лоб приближающемуся «плимуту». Правой рукой он расстегнул кобуру его собственного, не казенного пистолета, затем оглянулся назад, убедиться, что резиновая ду-

бинка лежит на сиденье, там, где он ее обычно держал. Он еще поддал газу и посигналил, чтобы было совсем уж весело.

Даже радиатор приближающегося «плимута», казалось, изумился такому повороту событий. Джентри различил теперь, что в машине всего один человек. Преследователь метнулся вправо, но Джентри попытался отсечь ему путь. Тогда «плимут» притворился, что хочет протиснуться по дальней стороне улицы слева, а сам вырулил на тротуар и попробовал проскочить мимо машины шерифа. Джентри крутанул руль влево и перескочил через бордюр; он был готов к столкновению лоб в лоб.

«Плимут» пошел юзом, сшиб правым крылом несколько мусорных ящиков и врезался боком в телеграфный столб. Шериф резко затормозил перед радиатором «плимута», из которого поднимался пар, и удостоверился, что стоит правильно: в таком положении «плимуту» отсюда не выбраться. Затем он вылез из машины, быстрым движением открыл кобуру под мышкой и сжал в левой руке резиновую дубинку.

— Позвольте взглянуть на ваши водительские права, сэр, — обратился он к мужчине с бледным и худым лицом.

«Плимут» ударился о телефонный столб довольно сильно, правую дверцу заклинило, водителя тоже тряхнуло как следует. Он опустил на руль голову с залысинами. На вид ему было лет сорок пять, темный костюм, белая рубашка и узкий галстук времен Кеннеди — так, во всяком случае, показалось Джентри.

Шериф внимательно следил, как водитель «плимута» вытаскивает бумажник. Он явно не торопился выполнять просьбу.

Тогда Джентри быстро шагнул вперед и левой рукой открыл дверцу. Дубинка теперь висела у него на кисти, а правую руку он снова положил на рукоять своего «ругера»:

— Сэр, пожалуйста, выйдите из... А-а-а, ч-черт!

Водитель резко повернулся к нему, в руке у него был пистолет. Джентри без промедления обрушил в открытую дверцу все свои сто двадцать килограммов, пытаясь в броске дотянуться до кисти противника. Раздались два выстрела: первая пуля пролетела мимо уха шерифа и пробила крышу «плимута», вторая попала в ветровое стекло, превратив его в припудренную паутину. Джентри наконец удалось ухватить стрелка за кисть обеими руками, и некоторое время они барахтались на переднем сиденье, как сопливая парочка, тискающаяся в укромном месте. Резиновая дубинка застряла в рулевом колесе, и «плимут» взревел, как животное, раненное в брюхо. Водитель потянулся к лицу шерифа, пытаясь выцарапать

ему глаза, но Джентри набычился и ударил его своей массивной головой раз, два... На третьем ударе он почувствовал, что противник обмяк. Пистолет выпал из его руки, стукнулся о руль, потом о ногу Джентри и скатился на тротуар. У Джентри, с его врожденной реакцией охотника, мелькнуло опасение, что от удара пистолет выстрелит и разрядит пол-обоймы ему в спину, но ничего такого не случилось.

Подавшись вперед, он вытащил водителя следом за собой из салона. Схватив его за шиворот, быстро глянул, где пистолет, — тот лежал поблизости, под машиной, — и отшвырнул водителя метра на три, шмякнув его об асфальт. Когда тот поднялся, Джентри уже крепко держал в руке тяжелый «ругер», который подарил ему дядя перед выходом на пенсию.

— А ну, не двигаться! Не двигаться, тебе сказано! — приказал он.

Из магазинчиков и кафе выскочила дюжина зевак. Джентри удостоверился, что никто из них не находится на линии огня, — за спиной водителя была лишь кирпичная стена. С какой-то тошнотворной ясностью до него внезапно дошло, что он готовится застрелить этого бедного сукина сына. Ему никогда еще не приходилось стрелять в человека. Вместо того чтобы взять пистолет в обе руки и широко расставить ноги, как его учили, он стоял выпрямившись, согнув руку в локте и подняв ствол вверх. Капли дождя мягко падали на его раскрасневшееся лицо.

— Ладно, парень, — тяжело дыша, проговорил он. — Расслабься. Давай-ка обсудим это дело.

Но тут водитель выхватил из кармана нож. Щелкнув, лезвие выскочило из рукоятки. Слегка пригнувшись, он распределил вес тела на обе ноги и широко растопырил пальцы левой руки. Джентри с сожалением отметил, что противник держит нож как профессионал, очень опасно: большой палец упирался в рукоятку над лезвием. Нож в его руке короткими плавными движениями заходил из стороны в сторону. Джентри ногой отбросил пистолет еще дальше под «плимут» и сделал шага три назад.

— Кончай, парень, — спокойно предложил он. — Убери нож.

Джентри понимал, что пять метров, разделяющие их, можно преодолеть очень и очень быстро. Он также отдавал себе отчет в том, что, если метнуть нож с такого расстояния, он может быть не менее опасен, чем пуля. Но ему также хорошо запомнилось, какие дыры оставляет «ругер» в мишени на расстоянии сорока метров. Он даже думать не хотел, что может сделать пуля калибра 0,357 с пяти метров.

— Убери, — повторил Джентри монотонным голосом, в котором не было угрозы, но который не допускал каких-либо возражений. — Давай расслабимся на минутку и обсудим все.

Водитель не сказал ни слова и не издал ни одного звука с того момента, как Джентри подошел к «плимуту», если не считать стонов и кряхтения. Но теперь сквозь его стиснутые челюсти прорвался какой-то странный свист, словно пар из чайника. Он снова стал поднимать нож.

— Не двигаться!

Шериф вскинул пистолет, по-прежнему одной рукой целясь в середину узкого галстука. Если этот тип замахнется, чтобы метнуть нож, Джентри придется стрелять.

И тут он увидел нечто такое, отчего его колотящееся от напряжения сердце замерло, будто парализованное. Лицо водителя «плимута» мелко задрожало — даже не задрожало, а поплыло, как неплотно прилегающая резиновая маска, зрачки расширились, словно от удивления или страха, и заметались в панике. На какое-то мгновение Джентри показалось, что сквозь это худое лицо проступил образ другого человека, в загнанных глазах мелькнуло выражение абсолютного ужаса и смятения, но затем мускулы лица и шеи застыли, словно маску натянули плотнее. Лезвие все поднималось, дойдя до подбородка, — достаточно высоко, чтобы точно метнуть нож.

— Эй! — крикнул Джентри и взвел курок.

И тут водитель «плимута» погрузил лезвие в собственное горло. Он не вонзил, не ткнул, не полоснул себя по горлу, он именно *погрузил* пятнадцать сантиметров стали в собственную плоть, как хирург, который делает на операции первый надрез. Затем он провел лезвием слева направо во всю ширину шеи, медленно, уверенно и с большой силой.

— Бог ты мой! — прошептал Джентри.

Кто-то в толпе завизжал.

Кровь заструилась по белой рубашке мужчины, будто лопнул шар, наполненный красной краской. Самоубийца успел вытащить окровавленное лезвие и, что было просто невероятно, продолжал стоять еще несколько мгновений, расставив ноги, без всякого выражения на лице, пока кровь заливала его торс, а потом с отчетливо слышным звуком начала капать на мокрый асфальт. Затем он рухнул навзничь, ноги его конвульсивно дернулись и замерли.

— Не подходить! — рявкнул Джентри зевакам и кинулся вперед.

Тяжелым ботинком он придавил правую кисть водителя, а дубинкой откинул нож. Голова мужчины запрокинулась, края красного разреза на горле разошлись, и это походило на непотребную ухмылку акулы. Джентри увидел разорванные хрящи и иззубренные концы серых нитей, но потом кровь хлынула снова.

Он подбежал к своей машине и вызвал «скорую». Потом снова крикнул толпе, чтобы никто не подходил, и, пошарив дубинкой под «плимутом», достал пистолет. Это был девятимиллиметровый браунинг с каким-то особым магазином в два ряда, отчего он казался чертовски тяжелым. Джентри нашел предохранитель, щелкнул им, сунул пистолет себе за пояс и, подойдя к мужчине, опустился рядом с ним на колени.

Водитель перекатился на правый бок, руки его были плотно прижаты к телу, кулаки сжаты. Кровь уже образовала на асфальте лужу больше метра шириной, и с каждым медленным ударом сердца ее выливалось все больше. Джентри стоял на коленях в луже крови и пытался закрыть рану голыми руками, но разрез был слишком велик, а края рваные. Через несколько секунд рубашка мужчины пропиталась кровью, а глаза приняли тот остекленевший, неподвижный вид, который Джентри слишком часто видел у трупов. Дыхание его остановилось в тот момент, когда вдалеке послышался вой сирены «скорой помощи».

Джентри отошел назад и вытер руки о штаны. Во время стычки бумажник водителя каким-то образом оказался на тротуаре, шериф наклонился и поднял его. Послав к чертям правила обращения с вещественными доказательствами, он открыл бумажник и быстро обшарил все отделения. Там было девятьсот долларов наличными, небольшая фотография шерифа Бобби Джо Джентри и ничего больше: ни водительских прав, ни кредиток, ни семейных фотографий, ни карточки социального обеспечения, ни визиток, ни даже старых квитанций.

— Кто-нибудь, скажите, что здесь происходит? — прошептал Джентри.

Дождь прекратился, тело водителя неподвижно лежало на тротуаре. Худое лицо его стало таким белым, словно из воска. Джентри потряс головой и обвел невидящим взглядом толпу зевак, вытягивающих шеи, и направляющихся к нему полицейских и санитаров.

— Кто-нибудь мне скажет, что здесь происходит? — закричал он.

Ему никто не ответил.

Глава 8

Байриш-Айзенштейн
Четверг, 18 декабря 1980 г.

Тони Хэрод и Мария Чэнь выехали из Мюнхена и направились на северо-восток, мимо Дингольфинга и Рагена, вглубь холмистых лесов поблизости от западногерманско-чешской границы. Хэрод гнал взятый напрокат «БМВ», проходя на высоких оборотах скользкие от дождя повороты; машина шла юзом, но он ее контролировал, быстро увеличивая скорость на прямых отрезках дороги. Даже эта полная сосредоточенность не могла пересилить напряжения, не покидавшего его тело после долгого перелета. Во время этого бесконечного полета он много раз пытался заснуть, но ни на секунду не мог забыть, что запечатан в хрупкой герметичной трубе, висящей высоко, в тысячах метров, над холодной Атлантикой. Хэрод вздрогнул, включил радиатор и обогнал еще два автомобиля. Они ехали теперь по гористой местности, где на полях белым ковром лежал снег, а по обочинам дороги высились сугробы.

Двумя часами раньше, когда они только выбрались из Мюнхена и помчались по забитой транспортом автостраде, Мария, рассматривая дорожную карту, сказала:

— А тут недалеко Дахау. Всего в нескольких милях.

— Ну и что? — буркнул Хэрод.

— Это место, где располагался один из лагерей, куда ссылали евреев во время войны, — ответила она.

— Все это древняя история, ну ее к черту.

— Не такая уж древняя, — заметила Мария.

На повороте, помеченном номером 92, Хэрод съехал с автострады и попал на другую, такую же загруженную. Маневрируя, он пробился в левый ряд и поехал так быстро, насколько позволяла обстановка.

— Ты когда родилась? — спросил он.

— В сорок восьмом.

— Если что-то происходило до твоего рождения, не стоит об этом переживать, — сказал Хэрод.

Мария Чэнь умолкла, глядя в окно на холодную ленту реки Изар. Предвечерний свет потихоньку гас в сером небе.

Хэрод бросил взгляд на свою секретаршу и вспомнил, как они познакомились. Это случилось четыре года назад, летом 1976-го. Хэрод прилетел тогда в Гонконг на встречу с братьями Фой по

просьбе Вилли — поговорить насчет финансирования очередной бредятины про кун-фу. Он рад был выбраться из Штатов в момент, когда истерия по поводу двухсотлетия независимости достигла пика. Младший из братьев Фой решил сопровождать Тони во время ночных развлечений.

Хэрод не сразу сообразил, что дорогой бар в ночном клубе на восьмом этаже высотного здания в Коулуне на самом деле был борделем, а прекрасные, даже шикарные женщины, чье общество доставляло им такое удовольствие, — просто проститутками. Как только он понял это, то сразу же потерял интерес и ушел бы, если бы его внимание не привлекла необыкновенно красивая девушка, смешанной европейской и азиатской наружности, одиноко сидевшая за стойкой. Глаза ее выражали такое безразличие, какое трудно подделать. Когда он спросил Фоя, кто она такая, толстяк-азиат расплылся в улыбке:

— О, это очень интересная и печальная история. Ее мать была американской миссионеркой, отец — учителем в Китае. Мать умереть вскоре после того, как они приехали в Гонконг. Отец тоже умирает. Мария Чэнь остаться здесь, очень знаменитая модель, очень дорогая модель.

— Модель? А что она тогда тут делает?

Фой пожал плечами и ухмыльнулся, блеснув золотым зубом:

— Она делает многие деньги, но ей надо больше, еще больше. Очень дорогие вкусы. Она хочет ехать в Америку — она американский гражданин, но не может вернуться из-за дорогих вкусов.

Хэрод кивнул:

— Кокаин?

— Героин, — улыбнулся азиат. — Хотите знакомиться?

Хэрод хотел знакомиться. После того как их представили друг другу и они сидели уже вдвоем у стойки бара, Мария Чэнь сказала:

— Я слышала о вас. Вы сделали себе карьеру на плохих фильмах и еще более дурных манерах.

Соглашаясь, Тони кивнул:

— А я слышал про вас. Вы наркоманка и гонконгская проститутка.

Он видел, как она размахнулась, чтобы залепить ему пощечину, и потянулся щупальцами мозга, пытаясь остановить ее, но у него ничего не вышло. Удар прозвучал громко, публика в баре замолкла на полуслове и уставилась на них. Когда бар снова загудел как обычно, Хэрод вытащил платок и приложил ко рту. Кольцо на руке девушки рассекло ему губу.

Хэроду и раньше приходилось сталкиваться с нейтралами — людьми, на которых его Способность совершенно не действовала. Но это случалось редко, крайне редко. И никогда не случалось так, что он не знал об этом заранее. У него всегда было время подготовиться и избежать болезненных последствий.

— Ну ладно, — сказал он. — Будем считать, что мы познакомились. А теперь у меня к вам деловое предложение.

— Что бы вы мне ни предложили, мне это неинтересно. — Говорила Мария Чэнь вполне искренне, в этом не было сомнения, и все же она осталась сидеть у стойки.

Хэрод кивнул, быстро обмозговав ситуацию. Уже несколько месяцев он испытывал некоторое беспокойство, работая с Вилли. Старик редко пользовался своей Способностью, но, когда он это делал, становилось ясно, что он гораздо сильнее Хэрода. Тони мог потратить месяцы и даже годы, тщательно программируя помощника, однако он не сомневался, что Вилли сделает это за несколько секунд. Хэрод испытывал постоянную и все возрастающую тревогу с тех пор, как этот чертов Клуб Островитян заставил его сблизиться с кровожадным стариком. Если Вилли что-нибудь узнает, Хэроду придется несладко.

— Я предлагаю вам работу в Штатах, — сказал Тони. — Вы будете моим личным секретарем и исполнительным секретарем кинокомпании, которую я представляю.

Мария Чэнь холодно посмотрела на него. В прекрасных карих глазах не было никакого интереса.

— Пятьдесят тысяч долларов в год, — продолжил Хэрод, — плюс разные льготы.

Она и глазом не моргнула:

— Я зарабатываю в Гонконге гораздо больше. Зачем мне менять карьеру модели на секретарскую работу с меньшей оплатой? — Слово «секретарскую» она произнесла с ударением, и было ясно, что это предложение не вызывает у нее ничего, кроме презрения.

— Я упомянул льготы, — сказал Хэрод, но девушка ничего не ответила, и он тихо добавил: — Постоянный источник того... что вам нужно. И вам никогда больше не придется самой заниматься покупкой.

В этот момент Мария Чэнь все же моргнула. Самоуверенность слетела с нее, как сорванное покрывало. Она опустила глаза и смотрела теперь на свои руки.

— Подумайте, — бросил на ходу Хэрод. — Я буду в отеле «Виктория и Альберт» до утра вторника.

Она так и не подняла глаза, когда Хэрод вышел из ночного клуба.

Во вторник утром он готовился к отлету, служащий отеля уже отнес в холл его чемоданы. Тони стоял перед зеркалом, застегивая куртку, когда в дверях появилась Мария Чэнь.

— Каковы будут мои обязанности помимо секретарских? — спросила она.

Хэрод медленно повернулся, подавил желание улыбнуться и пожал плечами:

— Все, что я прикажу. — Потом все же улыбнулся. — Но не то, о чем вы думаете. Я не нуждаюсь в проститутках.

— У меня есть одно условие.

Он молча смотрел на нее.

— В будущем году я намерена... избавиться от этого. — На гладкой коже лба выступили капельки пота. — Я хочу... как это говорится?.. завязать. Когда я назначу время, вам придется устроить все, что нужно.

Хэрод подумал несколько секунд. Он не был уверен, что ему будет выгодно, если Мария Чэнь избавится от своей зависимости, но он также сомневался, что она действительно когда-нибудь попросит об этом. Ну а если попросит, тогда он и разберется. А пока у него будет красивая и умная помощница, которую Вилли, вдобавок, не сможет Использовать.

— Согласен, — кивнул он. — Пойдемте решим вопрос с вашей визой.

— В этом нет необходимости. Я уже уладила все формальности. — Мария Чэнь шагнула в сторону, пропуская его, и они пошли к лифту.

Проехав после Дингольфинга километров тридцать, они направились к Рагену, средневековому городку в тени скалистых утесов. Когда они спускались по серпантину горной дороги к его окраине, Мария Чэнь указала рукой в сторону деревьев у обочины. Фары выхватили из темноты овальную доску, установленную вертикально.

— Ты заметил эти доски? — спросила она.

— Да, — ответил Хэрод, переключая скорость перед крутым поворотом.

— В путеводителе сказано, что на них местных селян носили на кладбище. На каждой доске написано имя умершего и просьба помолиться за него.

— Мило, — откликнулся Хэрод.

Они въехали в город с тускло мелькающими по сторонам фонарями и мокрой брусчаткой на мостовых. Высоко на покрытом лесом холме показалась темная громада какого-то строения, нависающего над Рагеном.

— «Этот замок когда-то принадлежал графу Хунду, — прочитала Мария. — Он велел закопать свою жену живьем за то, что она утопила их ребенка в реке Раген».

Тони промолчал.

— Интересная история, правда? — спросила она.

Хэрод свернул влево, на одиннадцатое шоссе, ведущее к горам. В свете фар поблескивал снег. Протянув руку, он взял у Марии Чэнь путеводитель и выключил свет.

— Сделай милость, — устало бросил он. — Заткнись.

Хотя они добрались до маленького отеля Байриш-Айзенштейна в десятом часу вечера, их ждали, а в ресторане, где едва помещались пять столиков, все еще подавали ужин. Помещение согревал огромный камин, он же, собственно, его и освещал. Они молча поужинали.

Хэроду город показался маленьким и заброшенным, насколько он смог его разглядеть, пока они разыскивали отель. Единственная дорога да дюжина старых фахверковых домиков в узкой долине между темными горами. Это место напоминало ему какую-то затерянную колонию в горах Катскилл. Знак на окраине городка предупреждал, что чешская граница всего в нескольких километрах.

Когда они поднялись в свои смежные номера на третьем этаже, Хэрод сказал:

— Пойду вниз, посмотрю, что у них тут за сауна. Приготовь все на завтра.

Отель состоял всего из двадцати номеров, большинство из которых занимали лыжники, приехавшие побродить в окрестностях Большого Арбера — горы высотой тысяча четыреста метров в нескольких милях к северу. Пары три-четыре сидели в небольшом холле на первом этаже, потягивая пиво или горячий шоколад и хохоча на добродушный немецкий манер. Этот смех почему-то всегда казался Хэроду натянутым.

Сауна находилась в подвале и оказалась всего лишь небольшим чуланом из белого кедра с полками. Хэрод установил нужную температуру, снял одежду в крохотной раздевалке и вошел в раскален-

ное нутро. Он улыбнулся, увидев небольшое объявление на двери на немецком и английском: «Вниманию гостей: одежда в сауне необязательна». Очевидно, тут бывали американские туристы, которых шокировало безразличие немцев к наготе в таких ситуациях.

Он почти заснул, когда в сауне появились две девушки, молодые немки не старше девятнадцати лет. Войдя, они захихикали и продолжали хихикать, пока не увидели Хэрода.

— *Guten Abend*[1], — сказала та, что повыше.

Обе девушки были блондинками, тела их прикрывали повязанные вокруг торса полотенца. На Хэроде тоже было полотенце. Не говоря ни слова, он посматривал на них из-под тяжелых полуприкрытых век.

Хэрод вспомнил, как почти три года назад Мария Чэнь объявила, что пришло время помочь ей завязать с героином.

— Почему я должен помогать тебе? — спросил он тогда.

— Потому что ты обещал.

Хэрод молча посмотрел на нее, вспомнив все предыдущие месяцы своего сексуального напряжения, холодность, с которой она встречала любые его попытки сближения, и ту ночь, когда он не выдержал, тихо подошел к ее комнате и открыл дверь. Был уже третий час, но Мария все еще сидела в постели и читала. Увидев его, она спокойно отложила книгу, вытащила револьвер тридцать восьмого калибра из ящика ночного столика и, удобно устроив его у себя на коленях, спросила:

— Тебе что-то нужно, Тони?

Он покачал головой и вышел.

— Ну, раз обещал, — сказал Хэрод. — Чего ты от меня хочешь?

Три последующие недели Мария не выходила из запертой комнаты в подвале. Поначалу она царапала длинными ногтями обивку, которой с его помощью были покрыты стены и дверь. Она визжала, стучала руками и ногами, рвала зубами матрас и подушки, составлявшие единственное убранство комнаты, потом снова кричала. Никто не слышал ее воплей, кроме Хэрода, находившегося в соседнем помещении.

Она не ела ничего из того, что он просовывал ей в небольшое отверстие, прорезанное в двери. Через два дня она уже не вставала с матраса, лежала, свернувшись, и попеременно то дрожала, то покрывалась холодным потом, то слабо постанывала, то выла нечеловеческим голосом. Он пробыл с ней три дня и три ночи, помогая

[1] Добрый вечер *(нем.)*.

ей добраться до туалета, когда она могла подняться, а когда у нее не было сил, убирал за ней.

Спустя две недели Мария Чэнь проспала сутки. После этого Хэрод вымыл ее и обработал царапины, которые она нанесла себе. Проводя губкой по ее бледным плечам, груди и идеальной формы бедрам, он вспомнил, как смотрел в своем кабинете на ее тело, обтянутое шелком, и жалел, что она нейтрал.

Он вытер ее, одел в мягкую пижаму, заменил чистым бельем перепачканные тряпки и оставил одну — отсыпаться.

На третьей неделе Мария Чэнь вышла из подвала. Ее поза и несколько холодноватая манера держаться были все те же — такое же совершенство, как ее прическа, одежда и косметика. Ни он, ни она никогда не упоминали о тех трех неделях.

Молоденькая немочка хихикнула и подняла руки над головой, что-то говоря подружке. Хэрод поглядывал в их сторону сквозь облака пара, глаза его превратились в темные щелочки под тяжелыми веками.

Та, что постарше, несколько раз моргнула и развязала полотенце. Ее грудь была тяжелой и упругой. Вторая удивленно замерла, руки ее все еще были подняты над головой. Хэрод увидел пушистые волоски под мышками — интересно, почему немки не бреют эти места? Вторая девушка тоже сбросила свое полотенце. Пальцы ее двигались с трудом, словно она засыпала либо никогда раньше этого не делала. Девушка постарше подняла руки и положила их на грудь подруги.

«Сестры, — догадался Хэрод, прищурясь, чтобы отчетливее смаковать их ощущения. — Кристен и Габи». Работать с двумя было непросто. Надо было быстро переходить от одной к другой, не теряя контакта с первой. Это походило на игру в теннис с самим собой — долго так не поиграешь. Но долго забавляться было и незачем. Хэрод закрыл глаза и улыбнулся.

Когда он вернулся из сауны, с мокрыми волосами, в золотистом халате и шелковой пижаме, Мария Чэнь стояла у окна и смотрела на небольшую толпу, распевающую рождественский гимн вокруг запряженных лошадьми саней. В холодном воздухе эхом разносились смех и мелодия «Рождественской елки». Мария отвернулась от окна.

— Где? — быстро спросил Хэрод.

Она открыла свой чемодан, вытащила пистолет сорок пятого калибра и положила его на журнальный столик. Тони взял оружие, щелкнул курком и кивнул:

— Я так и думал, что тебя не будут трясти на таможне. Где обойма?

Мария снова полезла в чемодан, достала три магазина и положила рядом на стеклянную поверхность стола.

— Хорошо, — одобрил Хэрод. — Давай теперь посмотрим, где это долбаное место. — Он разложил бело-зеленую топографическую карту на столе, прижав один конец пистолетом, а другой — обоймой. Коротким пальцем он ткнул в скопление точек по обеим сторонам красной линии. — Тут Байриш-Айзенштейн, а тут мы. — Палец передвинулся на два-три сантиметра к северо-западу. — Поместье Вилли вот за этой горой...

— Большой Арбер, — подсказала Мария Чэнь.

— Пусть большой. Прямо посреди вот этого леса...

— Баварского леса, — уточнила она.

Хэрод несколько мгновений тупо смотрел на нее, потом снова перевел взгляд на карту:

— Поместье — часть национального парка или вроде того... Но все равно это частная собственность. Вот и поди разберись в этом говне.

— В американских национальных парках тоже есть частные владения, — пояснила Мария Чэнь. — И потом, предполагается, что в доме никто не живет.

— Ну да. — Хэрод свернул карту и вышел в свой номер через смежную дверь. Через минуту он вернулся со стаканом виски, купленного беспошлинно в аэропорту Хитроу. — Ладно. Ты все поняла насчет завтрашнего дня?

— Да, — кивнула Мария.

— Если его там нет, все в порядке. А если он там один и захочет разговаривать со мной, тоже никаких проблем.

— А если проблемы возникнут?

Хэрод сел, поставил виски на стол и с треском вогнал обойму в рукоять пистолета. Потом протянул оружие Марии:

— А если проблемы возникнут, ты его застрелишь. Его или любого, кто там будет с ним. Стреляй в голову. Дважды, если позволит время. — Он направился к двери, затем остановился. — Есть еще вопросы?

— Нет. — Она помотала головой.

Хэрод вошел в свою комнату и закрыл дверь. Мария Чэнь услышала, как щелкнул замок. Некоторое время она сидела, держа пистолет в руке, прислушиваясь к доносившимся с улицы звукам рождественского праздника и глядя на тонкую полоску желтого света под дверью комнаты Тони Хэрода.

Глава 9

Вашингтон, округ Колумбия
Четверг, 18 декабря 1980 г.

Арнольд Барент попрощался с только что избранным президентом, вышел из отеля «Мейфлауэр» и, заехав в отдел ФБР, отправился в национальный аэропорт. Перед его лимузином двигался серый «мерседес», позади — синий, обе машины принадлежали одной из его компаний. Люди, сидевшие в них, были вышколены не хуже, чем агенты секретной службы, которыми был набит «Мейфлауэр».

— Мне показалось, что все сложилось удачно, — сказал Чарльз Колбен, второй пассажир лимузина; кроме их двоих и шофера, в машине больше никого не было.

Барент кивнул.

— Президент с пониманием отнесся к вашим предложениям, — продолжил Колбен. — Возможно, он даже посетит собрание Клуба Островитян в июне. Это будет очень интересно. К нам никогда еще не приезжал правящий президент.

— Избранный президент, — поправил Барент и добавил: — Вы сказали, что он с пониманием отнесся к моим предложениям. Вы имели в виду избранного президента? До января нашим президентом является мистер Картер.

Колбен презрительно фыркнул.

— Что говорят ваши службы насчет заложников? — тихо спросил Барент.

— О чем вы?

— Когда их отпустят? В последние часы пребывания Картера у власти? Или уже при следующей администрации?

Колбен пожал плечами:

— Мы же ФБР, а не ЦРУ. Нам положено работать внутри страны, а не за рубежом.

Барент кивнул и едва заметно улыбнулся:

— И одна из ваших задач внутри страны — шпионить за ЦРУ. Так что я повторяю свой вопрос: когда заложники вернутся домой?

Колбен нахмурился и, посмотрев в окно на голые деревья у дороги, сказал:

— За сутки до или в течение суток после церемонии инаугурации. Точнее узнать не удалось. Но аятолла целых полтора года имел Джимми в задницу. Непонятно, с какой стати он кинет ему эту кость.

— Я с ним однажды встречался, — заметил Барент. — Интересная личность.

— Что? Кто интересная личность?

Колбен слегка смешался. Картер с женой несколько раз за последние четыре года гостил у Барента в его поместье в Палм-Спрингс и в замке «Тысяча островов».

— Аятолла Хомейни, — терпеливо объяснил Барент. — Когда он находился в ссылке во Франции, я ездил к нему из Парижа. Один друг подсказал, что имам может показаться мне забавным.

— Забавным? Этот фанатичный ублюдок — забавный?

Барент слегка нахмурился, он не любил грубых выражений. Во время встречи с Тони Хэродом он употребил слово «сука» лишь потому, что считал это слово вульгарным, — так проще втолковать суть вульгарному человеку.

— Да, это было забавно. — Барент уже сожалел, что затеял этот разговор. — Мы пообщались с ним минут пятнадцать через переводчика, хотя мне сообщили, что он понимает по-французски. Вам никогда не догадаться, что этот фанатик попытался сделать во время беседы.

— Попросил вас субсидировать его революцию? — спросил Колбен таким тоном, что было ясно — ему это совершенно не интересно.

— Он попытался меня Использовать. — Барент снова улыбнулся, вспомнив тот эпизод. — Я чувствовал, как он слепо, инстинктивно пытался пролезть в мой мозг. У меня создалось такое впечатление, что он уверен, будто является единственным человеком, обладающим Способностью. И еще мне показалось, что он считает себя Богом, Аллахом во плоти.

Колбен снова пожал плечами:

— Если бы у Картера хватило соплей послать несколько В — пятьдесят два сразу же после того, как ублюдки захватили наших, от Хомейни осталось бы мало божеского.

Барент решил сменить тему.

— А где сегодня наш друг мистер Хэрод? — поинтересовался он.

Колбен вытащил ингалятор, приложил его поочередно к обеим ноздрям и поморщился.

— Он со своей секретаршей, или кем она там ему приходится, прошлой ночью вылетел в Западную Германию.

— Я полагаю, чтобы проверить информацию о своем друге? Возможно, Вилли жив-здоров и вернулся на родину, — сказал Барент.

— Ну да.

— А вы послали кого-нибудь с ними?

Колбен мотнул головой:

— Незачем. Траск наблюдает за замком через своих людей во Франкфурте и в Мюнхене. Он знает их еще с тех времен, когда работал на ЦРУ. Хэрод в любом случае направится туда. Мы просто будем следить за переговорами.

— И как вы думаете, найдет он что-нибудь?

Чарльз Колбен пожал плечами.

— Не верите, что наш мистер Борден жив, не так ли?

— Да. Мне он почему-то не кажется таким уж чертовски умным и ловким, — сказал Колбен. — Это ведь была наша идея поговорить с той женщиной, мисс Дрейтон, чтобы убрала его... Мы все единодушно решили, что его действия становятся слишком заметными, ведь так?

— Да, — кивнул Барент. — А потом мы вдруг узнаём, что Нина Дрейтон позволила себе кое-какие неосмотрительные шаги. Жаль, конечно.

— Чего жаль?

Барент взглянул на лысого чиновника:

— Жаль, что они не входили в Клуб Островитян. Они были очень заметными личностями.

— Херня все это, — выругался Колбен. — Психи они были долбаные, вот и все.

Лимузин остановился, и замки на дверце рядом с Колбеном щелкнули. Барент глянул в окно на уродливый боковой вход нового здания ФБР.

— Вам выходить, — сказал он, а потом, когда Колбен уже стоял на тротуаре и шофер готовился захлопнуть дверцу, добавил: — Чарльз, что-то надо делать с вашей манерой выражаться.

Колбен так и остался стоять с раскрытым от удивления ртом, глядя вслед удаляющемуся лимузину.

Поездка к национальному аэропорту заняла всего несколько минут. Специальный «Боинг-747» ждал Барента у его собственного ангара. Двигатели гудели, кондиционеры работали, а рядом с любимым креслом Барента стоял стакан охлажденной минеральной воды. Дон Митчелл, пилот, вошел в пассажирский салон.

— Все готово, мистер Барент, — доложил он. — Мне надо сообщить диспетчеру наш маршрут. Куда мы направляемся, сэр?

— Я бы хотел полететь на свой остров. — Барент отхлебнул из стакана.

Митчелл сдержанно улыбнулся старой шутке. К. Арнольд Барент был владельцем почти четырехсот островов по всему свету, и на двадцати из них у него имелись особняки и дворцы.

— Да, сэр, — козырнул пилот, продолжая ждать.

— Передайте диспетчеру, что мы выбираем план полета «Е». — Он встал, держа в руке стакан, и направился к двери спальни. — Я дам знать, когда буду готов.

— Да, сэр. — Митчелл снова козырнул. — У нас разрешение взлетать в любое время в течение ближайших пятнадцати минут.

Барент кивнул и подождал, пока пилот не уйдет.

Спецагент Ричард Хейнс сидел на огромной, королевских размеров кровати. Когда Барент вошел в спальню, тот поднялся, но Барент махнул рукой, и Хейнс снова сел. Допив воду, Барент снял пиджак, галстук и рубашку, затем бросил скомканную рубашку в корзину для белья и вытащил свежую из ящика, встроенного в кормовую переборку.

— Ну, что нового, Ричард? — спросил он, застегивая пуговицы.

Хейнс моргнул и заговорил:

— Куратор Колбен и мистер Траск опять встречались сегодня утром, перед вашей беседой с избранным президентом. Траск — член переходной команды...

— Да, да, — кивнул Барент. — А что там насчет ситуации в Чарлстоне?

— ФБР контролирует работу по этому делу, — сообщил Хейнс. — Бригада, расследующая авиакатастрофу, пришла к заключению, что самолет был уничтожен бомбой замедленного действия. Один из пассажиров — в списке он фигурирует как Джордж Хаммел — воспользовался кредитной карточкой, украденной, как показала проверка, в Бар-Харборе, штат Мэн.

— Мэн, — повторил Барент; Ниман Траск был помощником сенатора от штата Мэн. — Небрежная работа.

— Да, сэр, — согласился Хейнс. — Во всяком случае, мистер Колбен был очень обеспокоен вашим распоряжением не мешать шерифу Джентри вести расследование. Вчера он встречался с мистером Траском и мистером Кеплером в отеле «Мейфлауэр». Я уверен, что тем же вечером они послали людей в Чарлстон.

— Кого-нибудь из «чистильщиков» Траска?

— Да, сэр.

— Ладно. Продолжайте, Ричард.

— Сегодня примерно в девять двадцать утра по восточному времени шериф Джентри перехватил человека, который следил за ним из «плимута» семьдесят шестого года выпуска. Шериф предпринял попытку арестовать его, но водитель «плимута» оказал сопротивление, а затем перерезал себе горло ножом с выкидным лезвием, изготовленным во Франции. В картотеке Чарлстона он не значится, анализ отпечатков пальцев и регистрационных данных автомобиля ничего не дал. Сейчас делаются попытки идентифицировать труп по состоянию зубов, но на это потребуется несколько дней.

— Если это один из «чистильщиков» Траска, они ничего не найдут, — задумчиво проговорил Барент. — Шериф не пострадал?

— Нет, сэр, судя по сообщению нашего наружного наблюдения.

Барент кивнул, снял с вешалки шелковый галстук и принялся его завязывать. Щупальца его мозга потянулись к сознанию спецагента Ричарда Хейнса. Он наткнулся на щит, делавший Хейнса нейтралом, — щит из крепкой скорлупы, ограждавший волнующееся море мыслей, амбиций и темных желаний — всего того, что составляло личность агента Хейнса. Как и многие другие, обладавшие Способностью, Колбен выбрал себе в ближайшие помощники нейтрала. Хейнса нельзя было запрограммировать, но, с другой стороны, его не мог перевербовать кто-то с более мощной Способностью. Так, во всяком случае, полагал Колбен.

Барент скользил по поверхности щита сознания, пока не нашел в нем трещину — а ее всегда можно найти. Он проник глубже, сломал жалкую защиту Хейнса и внедрил свою волю в саму основу сознания агента. Когда Барент коснулся центра удовольствия Хейнса, тот расслабился и закрыл глаза.

— Где эта женщина, Мелани Фуллер? — спросил Барент.

Хейнс открыл глаза:

— После той шумихи в аэропорту Атланты в понедельник вечером никаких известий нет.

— Удалось засечь, откуда был телефонный звонок?

— Нет, сэр. Оператор в аэропорту полагает, что это был местный звонок.

— Как вы думаете, есть ли у Колбена, Кеплера или Траска какая-либо другая информация о том, где находится Фуллер? Или Вилли?

Хейнс секунду помедлил и покачал головой:

— Нет, сэр. Когда найдут его или ее, информация поступит через ФБР по обычным каналам. Я буду знать об этом одновременно с мистером Колбеном.

— Лучше, если раньше, — улыбнулся Барент. — Благодарю вас, Ричард. Как всегда, ваше общество меня приободрило. Вы сможете найти Лестера на его обычном месте, если захотите связаться со мной. Как только у вас будет какая-то информация о местонахождении Мелани Фуллер либо нашего друга из Германии, немедленно сообщите мне.

— Да, сэр. — Хейнс повернулся к выходу.

— Ричард... — Барент натянул синий кашемировый свитер. — Вы все еще считаете, что шериф Джентри и этот психиатр...

— Ласки, — подсказал агент.

— Да. — Барент улыбнулся. — Вы считаете, что контракты с этими двумя джентльменами следует официально разорвать?

— Считаю. — Хейнс нахмурился и продолжил, осторожно выбирая слова: — Джентри слишком сообразительный малый. Поначалу я решил, что его столь сильное волнение из-за убийств в «Мансарде» связано с подрывом его репутации, но потом убедился, что он воспринял их как нечто задевающее его лично. Простой толстый деревенский полисмен, вот и все.

— Но сообразительный.

— Да. — Хейнс снова нахмурился. — Я не уверен насчет Ласки, но, по-моему, он слишком... слишком глубоко в это вовлечен. Он знал мисс Дрейтон и...

— Хорошо, — кивнул Барент. — Насчет Ласки у нас могут быть и другие планы. — Он посмотрел на агента долгим взглядом. — Ричард...

— Да, сэр?

Барент соединил кончики пальцев.

— Я давно хочу вас спросить. До того как мистер Колбен вступил в Клуб, вы уже несколько лет работали на него, ведь так?

— Да, сэр.

Барент коснулся нижней губы сложенными домиком пальцами.

— Вопрос, который я хочу задать, Ричард... Почему?

Агент нахмурился, он не понял, о чем идет речь.

— Я имею в виду, — продолжил Барент, — зачем делать все эти вещи, о которых Чарльз вас просил?.. И теперь еще просит... Ведь у вас есть выбор.

Лицо Хейнса прояснилось. Он улыбнулся, демонстрируя идеальные зубы:

— Ну, наверное, мне нравится моя работа... Это все на сегодня, мистер Барент?

Тот с секунду внимательно смотрел на него, потом кивнул.

Через пять минут после того, как Хейнс ушел, Барент вызвал пилота по внутренней связи:

— Дональд, взлетайте. Я бы хотел отправиться к себе на остров.

Глава 10

Чарлстон
Среда, 17 декабря 1980 г.

Сола разбудили голоса детей, игравших на улице, и сначала он никак не мог сообразить, где находится. Не в своей квартире, это точно. Он лежал на складной кровати под окном с желтыми занавесками. На секунду эти желтые занавески напомнили ему их дом в Лодзи, крики детей вызвали в памяти образы Стефы и Йозефа...

Нет, дети кричали слишком громко по-английски. Чарлстон. Натали Престон. Он вспомнил, как рассказывал ей вчера свою историю, и почувствовал смущение, словно эта молодая черная женщина видела его нагим. И зачем только он рассказал ей обо всем? После стольких лет... Почему?

— Доброе утро. — Натали заглянула в дверь. На ней был красный шерстяной свитер и узкие джинсы.

Сол сел в постели и потер глаза. Его рубашка и брюки, аккуратно сложенные, висели на спинке софы.

— Доброе утро.

— На завтрак яичница с беконом и тосты. Сойдет?

В комнате запахло свежемолотым кофе.

— Отлично, — сказал Сол, — только бекон — это не для меня.

Натали с досадой хлопнула себя ладонью по лбу.

— Ну конечно! — воскликнула она. — По религиозным мотивам?

— Нет, из-за холестерина.

За завтраком они говорили о жизни в Нью-Йорке, об учебе в Сент-Луисе, о том, что это такое — вырасти на юге.

— Это трудно объяснить, — сказала Натали, — но почему-то жить здесь проще, чем на севере. Расизм, конечно, еще жив, но... он меняется. Возможно, люди на юге так давно играют каждый свою роль, и в то же время им теперь приходится приспосабливаться. Наверное, поэтому они ведут себя более честно. На севере все принимает гораздо более грубые и злобные формы.

— Я не думал, что Сент-Луис северный город, — улыбнулся Сол. Он доел тосты и теперь попивал кофе.

Натали рассмеялась:

— Нет, конечно, но он и не южный. Скорее это нечто среднее. Я больше имела в виду Чикаго.

— Вы жили в Чикаго?

— Я провела там часть лета. Папа устроил меня на работу через своего старого друга из «Чикаго трибюн». — Она замолчала, неподвижно глядя в чашку.

— Я понимаю, вам трудно, — тихо сказал Сол. — На время забываешься, потом случайно упоминаешь имя, и все возвращается снова...

Натали кивнула.

Сол посмотрел в окно на длинные листья низкорослой пальмы. Окно было приоткрыто, и сквозь сетку проникал теплый ветерок. Трудно было поверить, что сейчас середина декабря.

— Вы собираетесь стать учителем, но ваша первая привязанность, похоже, фотография.

Натали опять кивнула, встала и еще раз наполнила кофейные чашки.

— Мы заключили с папой нечто вроде соглашения, — сказала она, на сей раз заставив себя улыбнуться. — Он обещал помочь мне научиться фотографировать, если я соглашусь получить образование по какой-нибудь «настоящей профессии», как он это называл.

— Вы собираетесь преподавать?

— Возможно.

Она вновь улыбнулась, уже через силу, и Сол отметил про себя, что у нее прекрасные зубы, а улыбка делает лицо милым и застенчивым.

Он помог ей вымыть посуду, а потом они налили себе еще кофе и вышли на небольшое крыльцо. Машин на улице было мало, детские голоса смолкли. Сол вспомнил, что сегодня среда; детишки, наверное, ушли в школу. Они уселись в белые плетеные кресла, друг напротив друга. Натали накинула на плечи легкий плед, а Сол свою удобную, хотя и немного помятую куртку.

— Вы обещали рассказать вторую часть вашей истории, — сказала Натали.

Он кивнул:

— А вам не показалась первая часть чересчур фантастичной, чем-то напоминающей бред сумасшедшего?

— Вы же психиатр. Вы не можете быть сумасшедшим.

Сол громко рассмеялся:

— О-о-о, я мог бы тут такого порассказать...

Натали улыбнулась:

— Ладно, об этом позже. Сначала вторую часть.

Он помолчал, помешивая ложечкой в чашке кофе.

— Итак, вам удалось убежать от этого негодяя-оберста, — подсказала Натали.

На минуту Сол закрыл глаза, затем вздохнул и слегка откашлялся. Когда он заговорил, в голосе его почти не было никаких эмоций, лишь слабый намек на грусть.

Через некоторое время Натали тоже закрыла глаза, чтобы лучше представить себе ту картину, которую воспроизводил ее гость своим тихим, проникновенным и чуточку печальным голосом.

— В ту зиму сорок второго еврею в Польше действительно некуда было податься. Я неделями бродил по лесам к северу и западу от Лодзи. В конце концов кровь из раны перестала сочиться, но заражение казалось неизбежным. Я обернул ногу мхом, обмотал ее тряпками и продолжал идти. След, оставленный пулей на боку и правом бедре, болел и кровоточил много дней, пока не затянулся. Я воровал еду на фермах, держался подальше от дорог и старался не попадаться на глаза группам польских партизан, действовавшим в этих лесах. Партизаны пристрелили бы еврея так же охотно, как и немцы.

Не знаю, как я выжил той зимой. Помню, две крестьянские семьи, христиане, позволяли мне прятаться в кучах соломы у них в сараях и давали еду, хотя у самих ее почти не осталось.

Весной я отправился на юг в надежде найти ферму дяди Моше возле Кракова. Документов у меня не было, но мне удалось при-

стать к группе рабочих, возвращавшихся со строительства немецких оборонительных сооружений на востоке. К весне сорок третьего уже не подлежало сомнению, что Красная армия скоро будет на польской земле.

До фермы дяди Моше оставалось восемь километров, когда один из рабочих выдал меня. Меня арестовала польская «синяя полиция» и допрашивала три дня, хотя ответы мои их, по-моему, не интересовали, им был нужен лишь предлог для избиений. Затем они передали меня немцам.

Гестапо тоже не проявило особого интереса к моей особе, полагая, очевидно, что я — один из многих евреев, покинувших город либо сбежавших во время перевозки по железной дороге. В немецкой сети для евреев было множество дыр. Как и в других оккупированных странах, готовность поляков сотрудничать с немцами сделала почти невозможной любую попытку евреев избежать лагерей смерти.

Неизвестно, по какой причине меня отправили на восток, хотя Аушвиц, Хелмно, Бельзен и Треблинка были гораздо ближе. Нас везли через всю Польшу четыре дня в пломбированном вагоне, за это время погибла треть из находившихся там людей. Потом двери с грохотом распахнулись, и мы, шатаясь, выбрались наружу, вытирая слезившиеся от непривычного света глаза. Оказалось, нас привезли в Собибор.

И там я снова увидел оберста.

Собибор был лагерем смерти. Там не было заводов, как в Аушвице либо Бельзене, никаких попыток ввести в заблуждение, как в Терезиенштадте или Хелмно, не было издевательского лозунга «Arbeit Macht Frei»[1] над воротами, украшавшего многие нацистские двери в ад. В сорок втором и сорок третьем у немцев работали шестнадцать огромных концентрационных лагерей, таких как Аушвиц, более пятидесяти лагерей поменьше, сотни трудовых лагерей и лишь три *Vernichtungslager* — лагеря смерти, предназначенные чисто для уничтожения: Бельзен, Треблинка и Собибор. Они просуществовали всего двадцать месяцев, но там умерло больше двух миллионов евреев.

Собибор был небольшим лагерем, меньше Хелмно, и располагался на реке Буг. Эта река до войны служила восточной границей Польши. Летом сорок третьего Красная армия теснила вермахт на-

[1] «Труд освобождает» *(нем.)*.

зад, к этой границе. К западу от Собибора простирался девственный Парчев лес, лес Сов.

Весь лагерный комплекс занимал площадь не больше трех-четырех полей для игры в американский футбол, но он очень эффективно выполнял свою функцию «скорейшего достижения окончательного решения еврейского вопроса», на чем настаивал Гиммлер.

Я не сомневался, что скоро погибну. Нас высадили из вагонов и загнали за высокую живую изгородь по коридору из колючей проволоки. Проволока была покрыта пучками соломы, так что мы ничего не видели, кроме высокой караульной вышки, верхушек деревьев и двух кирпичных труб впереди. К лагерю вели три указателя: «столовая», «душевая», «дорога в небо». Кто-то в Собиборе продемонстрировал, очевидно, эсэсовское чувство юмора. Нас отправили в душевые.

Евреи, привезенные из Франции и Голландии, шли довольно покорно, но я помню, как польских евреев немцам приходилось с проклятьями подталкивать прикладами. Рядом со мной старик выкрикивал ругательства и грозил кулаком эсэсовцам, которые заставили нас раздеться.

Не могу точно описать, что я чувствовал, когда вошел в душевую. Во мне не было ненависти, лишь немного страха. Возможно, из всех чувств преобладало облегчение. Почти четыре года мною владело одно могучее желание — выжить. Подчиняясь этому желанию, я просто наблюдал, как евреев, таких же как я, заталкивали в адскую пасть немецкой машины уничтожения. И не только наблюдал, иногда я сам помогал этой машине. Теперь же я мог отдохнуть. Я сделал все, чтобы выжить, но этому пришел конец. Единственное, о чем я сожалел, — это то, что мне пришлось убить Старика, а не проклятого оберста. В тот момент оберст олицетворял для меня все зло мира, и, когда за нами захлопнулись тяжелые двери душевой, перед глазами у меня стояло именно его лицо.

Помещение было набито битком, все толкали друг друга, кричали, стонали. Сначала ничего не происходило, потом трубы задрожали и заурчали, и, когда вместо газа сверху хлынули потоки воды, люди просто шарахнулись от них. Я стоял как раз под душем и, подняв лицо, подставил его под струи, вспоминая о своей семье и сожалея, что не попрощался с матерью и сестрами. И тут на меня вместе с водой накатила волна ненависти, я готов был найти этого арийца и сразиться с ним, чем бы это для меня ни кончилось. А люди вокруг кричали, трубы тряслись и гудели, выплевывая на нас потоки воды.

Господи, те самые душевые, в которых каждый день погибали тысячи людей, использовались и по своему прямому назначению! Какое это было наслаждение — просто смыть с себя грязь и остаться в живых. Наконец нас вывели наружу и подвергли дезинфекции, затем обрили нам головы. Мне выдали тюремный комбинезон и вытатуировали на руке номер. Боли я, пожалуй, и не испытывал.

В Собиборе, где так эффективно «обрабатывали» столько тысяч людей в день, каждый месяц отбирали заключенных для работы по лагерю и прочих дел. В тот раз выбрали наш эшелон.

Все еще оглушенный, я отказывался верить, что меня снова выпустили на свет, резавший глаза, и избрали для какой-то миссии. Я по-прежнему отказывался верить в Бога — любой бог, предавший свой народ, не заслуживал моей веры... Но с того момента я поверил, что есть какая-то причина, ради которой я должен жить. Причину эту можно было представить себе в виде оберста, явившегося мне, когда я готов был умереть. Никто — и меньше всего семнадцатилетний паренек — не мог осознать всей безмерности того зла, которое поглотило мой народ. Но я вполне мог понять недозволенность существования таких, как оберст. Я сказал себе: я буду жить. Жить несмотря на то, что внутри меня уже не осталось этого страстного желания, жить для того, чтобы свершилось то, что уготовано мне. Я вынесу все, лишь бы настал день, когда придет конец этому непотребству.

В течение следующих трех месяцев я находился в лагере-один в Собиборе. Лагерь-два был промежуточной инстанцией, из лагеря-три никто никогда не возвращался. Я ел, что давали, спал, когда позволяли спать, испражнялся, когда мне приказывали, и исполнял свои обязанности в качестве *Bahnhofkommando*[1]. На мне была синяя фуражка и синий комбинезон с нашитыми на них желтыми буквами «ВК». Несколько раз в день мы выходили встречать прибывающие эшелоны. И до сих пор, когда я не могу заснуть ночью, я вижу надписи мелом на этих запечатанных вагонах — места, откуда они прибыли: Туробин, Горзков, Влодава, Седльце, Избица, Маргузов, Комары, Замосць. Мы собирали багаж евреев, ошеломленных тем, что случилось с ними, и раздавали им багажные бирки. Из-за сопротивления польских евреев, сильно замедляющего обработку, немцы снова взяли за правило сообщать людям, выжившим в эшелонах, что Собибор — это всего лишь перевалочный

[1] Вокзальная команда *(нем.)*.

пункт, место отдыха на пути к центрам переселения. Одно время на станции даже висели указатели с обозначением расстояний в километрах до этих мифических центров. Польские евреи не очень верили этим указателям, но в конце концов они тоже шли в душевые вместе со всеми. А эшелоны все прибывали: Баранов, Рыки, Дубенка, Бяла-Польска, Ухане, Демблин, Рейовец. По крайней мере раз в день мы раздавали евреям из гетто открытки, на которых был текст: «Мы прибыли в центры переселения. Работа на ферме тяжелая, но много солнца, а также много отличной еды. Ждем вашего скорого приезда». Они надписывали адреса на этих открытках и ставили свои подписи, а потом их уводили и травили газом.

К концу лета, когда гетто опустели, эта уловка уже была не нужна. Конскowола, Йозефов, Мехув, Грабовиц, Люблин, Лодзь. В некоторых эшелонах живых не было. Тогда мы из *Bahnhofkommando* откладывали свои багажные квитанции в сторону и вытаскивали обнаженные трупы из вонючих вагонов. Здесь все было как в душегубках в Хелмно, только тела эти лежали в тисках смерти дни и недели, пока вагоны стояли где-нибудь на запасном пути, на полустанке в сельской местности под палящим летним солнцем. Однажды я потащил труп молодой женщины, обнявшей ребенка и женщину постарше, и рука ее оторвалась.

Я проклинал Бога, и при этом мне мерещилась издевательская улыбка оберста. Но я знал, что буду жить.

В июле Собибор посетил Генрих Гиммлер. На этот день было назначено прибытие специальных эшелонов западноевропейских евреев, и он хотел лично понаблюдать за их «обработкой». Вся процедура от прибытия эшелона до последней струйки дыма, поднимавшейся из шести печей, занимала менее двух часов. За это время все пожитки евреев были конфискованы, рассортированы, пронумерованы, сложены в контейнеры и занесены в гроссбухи. Даже волосы женщин в лагере-два обрезали и потом использовали для изготовления войлока или подкладки сапог, которые носили подводники. У немцев-педантов никогда ничего не пропадало зря.

Я как раз сортировал багаж в зоне прибытия, когда мимо, в сопровождении коменданта и многочисленной свиты, прошел шеф гестапо. Я почти не запомнил Гиммлера — невзрачный коротышка в очках, с усиками бюрократа, — но за ним следовал молодой светловолосый офицер. Я сразу узнал оберста. Он как раз наклонился и что-то сказал на ухо Гиммлеру, рейхсфюрер СС запрокинул голову и рассмеялся странным, почти женским смехом.

Они прошли метрах в пяти от меня. Я постарался нагнуться пониже, но когда все же поднял глаза, то увидел, что оберст смотрит в мою сторону. Не думаю, что он меня узнал. Прошло всего восемь месяцев после событий в Хелмно и в замке, но для оберста я, скорее всего, был лишь одним из многих евреев-заключенных, сортирующих багаж мертвых. Я раздумывал всего несколько секунд. Это был мой шанс, но я промедлил, и шанс был упущен. Возможно, в тот момент я смог бы добраться до оберста, схватить его за горло до того, как раздадутся выстрелы. Может, мне даже удалось бы выхватить пистолет у одного из офицеров, окружавших Гиммлера, и выстрелить прежде, чем оберст поймет, что ему грозит опасность.

С тех пор я много раз думал, не было ли там чего-то еще, кроме неожиданности и нерешительности, что остановило меня. Страх мой умер вместе со всем, что оставалось от моего духа, за несколько недель до этой встречи, в той герметически закупоренной душевой. Как бы то ни было, я колебался несколько секунд, а может, и минуту, и время было потеряно навсегда. Гиммлер со свитой двинулись дальше и прошли через ворота в штаб комендатуры — место, известное под названием «Веселая блоха». Я все стоял и смотрел на ворота, за которыми они скрылись, пока сержант Вагнер не заорал на меня: я должен был либо работать, либо отправляться в «больницу». Никто никогда не возвращался из той «больницы». Опустив голову, я снова принялся за работу.

Я был наготове весь день, не спал ночь и весь следующий день ждал, не появится ли оберст, но он не появился. Гиммлер со свитой исчезли ночью.

Четырнадцатого октября евреи Собибора подняли восстание. Я слышал разговоры о его подготовке, но они казались мне до того неправдоподобными, что я не обращал на них внимания. В конце концов весь тщательно продуманный план привел к уничтожению нескольких охранников и безумному рывку примерно тысячи евреев к главным воротам. В первую же минуту большинство их скосил пулеметный огонь. Некоторые в наступившей суматохе прорвались сквозь проволочную ограду позади лагеря. Бригада, в которой был я, как раз возвращалась со станции, когда вспыхнуло это восстание. Конвоировавшего нас капрала забила насмерть хлынувшая в ту сторону толпа, и у меня не было другого выбора, как бежать со всеми остальными. Я был уверен, что украинцы на вышке будут стрелять прежде всего по людям в синих комбинезонах вроде меня. Но я добежал до первых деревьев как раз в тот момент, когда двух женщин, бежавших рядом, скосило огнем с вышек.

В лесу я переоделся в серую тюремную робу старика, который добрался сюда, под защиту деревьев, и уже здесь его достала шальная пуля.

По моей прикидке, в тот день из лагеря убежало сотни две заключенных, поодиночке или небольшими группами, большинство из которых не имели руководителей. Та группа людей, что спланировала побег, не предусмотрела, как действовать, чтобы выжить на свободе. Многие беглые евреи и русские военнопленные впоследствии были пойманы немцами либо выловлены и перебиты польскими партизанами. Другие пытались укрыться на ближайших фермах, но там их быстро выдали немцам. Лишь единицы выжили в лесу, да еще некоторые перебрались через Буг, навстречу наступающей Красной армии.

Мне повезло. На третий день блуждания по лесу меня обнаружили члены еврейской партизанской группы, называвшейся «Хиль». Командиром у них был храбрый, совершенно не знавший страха человек по имени Йехиэль Гриншпан. Он принял меня в отряд и приказал врачу подлечить и подкормить меня. Наконец-то мою рану правильно обработали. В течение пяти месяцев я скитался с этим отрядом по лесу Сов, помогал хирургу, доктору Ячику, и спасал жизни людей, когда мог, даже если это были немцы.

Вскоре после того побега нацисты закрыли лагерь в Собиборе. Они снесли бараки, разобрали печи и засадили картофелем поля, где во рвах лежали тысячи трупов, не сгоревшие в крематории. К тому времени, когда наши партизаны отпраздновали еврейскую Хануку, бóльшая часть Польши уже находилась в состоянии хаоса — вермахт отступал на запад и на юг. В марте ту местность, где мы действовали, освободили войска Красной армии, и война для меня закончилась.

В течение нескольких месяцев советские военные власти держали меня в заключении и допрашивали. Некоторые бойцы «Хиля» попали в советские лагеря «для перемещенных лиц», но меня в мае отпустили, и я вернулся в Лодзь. Еврейское гетто было не просто опустошено — его уничтожили. Во время наступления был разрушен и наш старый дом в западном районе города.

В августе сорок пятого я перебрался в Краков, а оттуда поехал на велосипеде на ферму дяди Моше. Там уже жила другая — христианская — семья, купившая во время войны ферму у гражданских властей. Они сказали, что ничего не знают о местонахождении прошлых владельцев.

В эту же поездку я посетил Хелмно. Советские власти объявили эту территорию запретной зоной, и меня даже не подпустили к лагерю. Я прожил неподалеку от него пять дней и каждый день ездил на велосипеде по всем проселкам и тропинкам. В конце концов я нашел тот замок, вернее, его руины. Он был сожжен то ли артиллерийским огнем, то ли отступавшими немцами, и там не осталось практически ничего, кроме разбросанных камней, обгоревших бревен да обожженного дымохода. Шахматный пол главного зала тоже не сохранился.

На поляне, где когда-то смертниками была вырыта неглубокая могила, я обнаружил следы недавних раскопок. Вокруг валялось множество окурков русских папирос. Я пробовал расспрашивать в местной гостинице, но крестьяне утверждали, что о раскопках братских могил ничего не знают. Они также настаивали, причем довольно агрессивно, будто никто вокруг и не подозревал, чем на самом деле являлся лагерь в Хелмно. Я уже притомился спать, как бродяга, на открытом воздухе и хотел было переночевать в гостинице, перед тем как отправиться на велосипеде на юг, но сделать это мне не удалось. Евреев в гостиницу не пускали. На следующий день я отправился в Краков на поезде, искать работу.

Зима сорок пятого — сорок шестого года была почти такой же трудной, как зима сорок первого — сорок второго. Формировалось новое правительство, но в действительности население беспокоили много более серьезные вещи: отсутствие продовольствия, горючего, черный рынок, беженцы, тысячами возвращавшиеся домой, чтобы начать жизнь сначала, и в особенности советская оккупация. В течение сотен лет мы сражались с русскими, покоряли их, в свою очередь сопротивлялись вторжению, жили под угрозой с их стороны, а затем приветствовали как освободителей. Мы только очнулись от кошмара немецкой оккупации, как наступило холодное утро русского освобождения. Как и все поляки, я был истощен, пребывал в состоянии оцепенения и несколько удивлялся тому, что все еще жив. Единственным сильным желанием было пережить хотя бы еще одну зиму.

Весной сорок шестого пришло письмо от моей кузины Ребекки. Она со своим мужем-американцем жила в Тель-Авиве. Ей пришлось потратить несколько месяцев, отправляя письма, устанавливая контакты с чиновниками, рассылая телеграммы агентствам и разным учреждениям в надежде разыскать хотя бы следы кого-нибудь из семьи. Она нашла меня через своих друзей из Международного Красного Креста.

Я написал ей, и вскоре пришла телеграмма, в которой она настойчиво приглашала меня приехать к ней в Палестину. Они с Давидом предлагали прислать мне деньги на билеты.

Я вовсе не был сионистом, более того, наша семья никогда не признавала существования Палестины как возможного еврейского государства, но, когда я сошел с битком набитого турецкого сухогруза в июне сорок шестого на землю, которой суждено было стать нашей «землей обетованной», с плеч моих, казалось, свалилось тяжелое ярмо, и я впервые вздохнул свободно с того рокового восьмого сентября тридцать девятого года. Признаюсь, в тот день я упал на колени и глаза мои наполнились слезами.

Возможно, моя радость по поводу обретения свободы оказалась преждевременной. Через несколько дней после моего приезда в Палестину в отеле «Царь Давид» в Иерусалиме, где располагалось британское командование, произошел взрыв. Оказалось, что и Ребекка, и ее муж Давид участвуют в движении «Хагана».

Полтора года спустя я вместе с ними включился в борьбу за независимость, однако, несмотря на свою партизанскую подготовку и опыт, принимал участие в военных действиях только в качестве санитара. Я чувствовал ненависть, но вовсе не по отношению к арабам.

Ребекка настояла, чтобы я продолжил учебу. В то время Давид был уже представителем очень приличной американской компании в Израиле, поэтому с деньгами проблем не было. Так и случилось, что довольно посредственный школьник из Лодзи, чье образование было прервано на пять лет, вернулся за парту уже мужчиной, покрытым шрамами и в двадцать три года чувствовавшим себя стариком.

Совершенно неожиданно вышло так, что на этом поприще я сделал успехи. Поступил в университет в пятидесятом году, а три года спустя уже учился на медицинском факультете. Два года я проучился в Тель-Авиве, год и три месяца в Лондоне, год в Риме и одну очень дождливую весну в Цюрихе. Когда мог, я возвращался в Израиль, работал в кибуце около фермы, на которой проводили каждое лето Давид и Ребекка, и общался со своими старыми друзьями. Мой долг по отношению к кузине и ее мужу был так велик, что я уже ничем не мог расплатиться с ними, но Ребекка постоянно твердила, что единственный оставшийся в живых член семьи Ласки, из племени Эшколей, должен добиться чего-то в жизни.

Я выбрал психиатрию. Занимаясь медициной, я уже знал, что все это — не более чем подготовительный этап: необходимо изучить

тело, прежде чем проникнуть в сознание человека. Вскоре я был уже одержим всякими теориями насилия и случаями вампиризма в человеческих отношениях. Я с изумлением обнаружил, что в этой области практически еще нет сколько-нибудь надежных исследований. Было множество данных, в точности объясняющих механизмы господства в стаде львов, проводились обширные исследования в иерархических отношениях среди всех видов птиц, много информации поступало от приматологов — относительно роли господства и агрессивности в социальных группах наших дальних родственников, обезьян. Но как же мало было известно о механизме насилия над личностью, о господстве людей над людьми и о зомбировании. Скоро я сам стал развивать собственные теории и предложения.

Во время учебы я не переставал разыскивать оберста. Я знал, что он был полковником в айнзацгруппе номер три, я видел его с Гиммлером и хорошо помнил последние слова Старика: «Вилли, мой друг...» Я запрашивал союзнические комиссии по делам военных преступников в различных оккупационных зонах, обращался в Красный Крест, советский трибунал по военным преступлениям фашистов, Еврейский комитет, и бесчисленные министерства, и прочие бюрократические учреждения. Результата никакого. Пять лет спустя я обратился в Моссад — разведывательное агентство Израиля. Эти, по крайней мере, заинтересовались моим рассказом, но в те годы Моссад вовсе не был такой эффективной организацией, какой он, по слухам, является теперь. К тому же у них были иные приоритеты — они охотились за такими знаменитостями, как Эйхман, Мурер и Менгеле, и их мало волновал какой-то неведомый оберст, о котором заявил один-единственный человек, переживший холокост. В пятьдесят пятом году я поехал в Австрию, чтобы посоветоваться с охотником за нацистами Симоном Визенталем.

«Центр документации» Визенталя находился в ветхом здании, в бедном квартале на окраине Вены. По виду дома можно было предположить, что его построили во время войны как временное прибежище. Центр занимал три комнаты, две из которых под завязку были заполнены шкафами с папками, а третья — с голым цементным полом — служила кабинетом. Сам Визенталь оказался очень нервным и взвинченным человеком, от него исходило напряжение, внушавшее беспокойство тем, кто с ним общался, но в его взгляде было что-то очень знакомое. Поначалу я подумал, что у Симона Визенталя вид фанатика, но потом понял: этот напряженный взгляд я сам наблюдал в зеркале по утрам, когда брился.

Я рассказал ему сокращенный вариант своей биографии, сообщив лишь, что оберст совершал зверства по отношению к заключенным Хелмно ради развлечения солдат. Визенталь заинтересовался, когда я упомянул, что встречал этого негодяя в Собиборе в компании Генриха Гиммлера. «Вы уверены?» — переспросил он. «Абсолютно уверен», — ответил я.

Хотя Визенталь был очень занят, он потратил два дня на то, чтобы помочь мне разыскать след оберста. В своем Центре, больше похожем на могилу, он хранил сотни досье, десятки указателей и перекрестных указателей, а также фамилии более двадцати двух тысяч эсэсовцев. Мы изучали фотографии личного состава отрядов специального назначения и выпускников военных академий, вырезки из газет и фото из официального журнала СС «Черный корпус». К концу первого дня я так устал, что уже не мог сосредоточиться, глаза покраснели и опухли. В ту ночь мне снились лица офицеров-нацистов, которым ухмыляющиеся главари Третьего рейха вручали ордена. Следов оберста нигде не было.

Лишь на следующий день вечером мне удалось отыскать фото в газете за двадцать третье ноября сорок второго года. Подпись под снимком гласила, что прусский аристократ барон фон Бюлер, герой Первой мировой войны, вернувшийся в строй в чине генерала, погиб в бою, когда повел свои войска в героическую контратаку против русской танковой дивизии на Восточном фронте. Я долго смотрел на морщинистое лицо Старика с крупными чертами, запечатленное на пожелтевшей бумаге: *Der Alte*. Убрав газетную вырезку назад в папку, я продолжил поиски.

— Если бы у нас была его фамилия, мы смогли бы его разыскать, — сказал Визенталь в тот вечер, когда мы ужинали в небольшом ресторанчике близ собора Святого Стефана. — СС и гестапо имели точные списки своих офицеров.

Я пожал плечами и сообщил, что утром намерен вернуться в Тель-Авив. Мы перебрали почти все материалы по отрядам специального назначения и Восточному фронту, а мои занятия вскоре могли потребовать от меня все время целиком.

— Но как можно?! — воскликнул Визенталь. — Вы уцелели в гетто Лодзи, в Хелмно и Собиборе, у вас должна быть масса информации о немецких офицерах и других военных преступниках. Вам нужно провести здесь по крайней мере еще неделю. Мы с вами побеседуем, а потом запись этого интервью будет внесена в мои архивы. Вы не представляете даже, какие бесценные факты хранятся в вашей памяти!

— Нет, — отрезал я. — Меня не интересуют другие. Меня интересует только оберст.

Визенталь долго смотрел в свою чашку. Когда он поднял глаза, в них блеснул странный огонек.

— Значит, вас интересует только месть?

— Да. Так же как и вас.

Он печально покачал головой:

— Возможно, мы оба одержимы, мой друг. Но я добиваюсь справедливости, а не отмщения.

— А разве в данном случае это не одно и то же?

Визенталь снова покачал головой:

— Справедливый суд необходим. Его требуют миллионы голосов из безымянных могил, из ржавеющих печей, из пустых домов в тысячах городов. Чувство же мести недостойно, оно мелко...

— Недостойно чего? — спросил я резче, чем хотел.

— Нас. Их. Их смерти. Нашей дальнейшей жизни.

Я тогда ничего не ответил ему, но с тех пор часто думал об этой беседе.

Хотя Визенталь был разочарован, он согласился продолжить поиски любой информации, связанной с оберстом. Через год и три месяца, спустя несколько дней после того, как я получил степень, от Симона Визенталя пришло письмо. В конверте были фотокопии платежных ведомостей четвертого отдела зондеркоманды подотдела четыре-Б айнзацгрупп, графа «специальные советники». Визенталь обвел имя оберста Вильгельма фон Борхерта, офицера из штаба Рейнхарда Гейдриха, прикомандированного к айнзацгруппам. К этим фотокопиям был приколот газетный снимок, извлеченный Визенталем из своих архивов. Семь молодых улыбающихся офицеров позировали перед фотографом на концерте Берлинского филармонического оркестра в пользу вермахта. Газетная вырезка была датирована двадцать третьим июня сорок первого года... Исполнялся Вагнер. Ниже перечислялись имена улыбающихся офицеров. Пятым слева, едва заметный за спинами своих товарищей, стоял оберст, низко надвинув фуражку на бледный лоб. В подписи под снимком фамилия старшего лейтенанта Вильгельма фон Борхерта тоже была обведена кружочком.

Через два дня я уже был в Вене. Визенталь распорядился, чтобы его корреспонденты разузнали все, что можно, о фон Борхерте, но результаты обескуражили. Борхерты были хорошо известной аристократической семьей, имевшей поместья в Пруссии и Баварии. Источником богатства семьи служили земли, интересы в гор-

норудной промышленности и экспорт предметов искусства. Агенты Визенталя не смогли найти никаких записей о рождении или крещении Вильгельма фон Борхерта в архивах, просмотренных до тысяча восемьсот восьмидесятого года, но они обнаружили извещение о смерти. Согласно объявлению в «Раген цайтунг» за девятнадцатое июня сорок пятого года, оберст Вильгельм фон Борхерт, единственный наследник графа Клауса фон Борхерта, погиб в бою, героически защищая Берлин от советских захватчиков. Это известие дошло до престарелого графа и его жены во время их пребывания в летней резиденции в Вальдхайме, в Баварском Лесу близ Байриш-Айзенштейна. Члены семьи спрашивали разрешения союзных властей закрыть поместье и вернуться в свой особняк около Бремена, где должны были состояться похороны. В заметке далее говорилось, что Вильгельм фон Борхерт получил столь желанный «Железный крест за доблесть», а перед смертью был рекомендован к повышению в чине до обергруппенфюрера СС.

Визенталь дал своим людям задание искать какие-либо другие следы, но ничего нового так и не обнаружилось. В пятьдесят шестом году семья фон Борхерта состояла всего лишь из престарелой тетушки в Бремене и двух племянников, пустивших по ветру бóльшую часть семейного состояния из-за неразумного вложения капитала после войны. Огромное поместье в Восточной Баварии пустовало уже много лет, охотничий заказник был продан для уплаты налогов. Из весьма ограниченных источников стран Восточного блока выяснилось, что ни Советы, ни восточные немцы не владели никакой информацией о жизни и смерти Вильгельма фон Борхерта.

Я вылетел в Бремен, чтобы побеседовать с тетушкой оберста, но она была уже в одной из последних стадий старческого маразма и не могла припомнить никого из членов семьи по имени Вилли. Она решила, что меня послал ее брат — пригласить на летний праздник в Вальдхайме. Один из племянников отказался встретиться со мной. Другой, молодой франт, которого я настиг в Брюсселе, откуда он направлялся на курорт во Франции, заявил, что видел дядю Вильгельма всего один раз, в тридцать седьмом году. Ему тогда было девять лет, и он ничего не помнит, кроме великолепного шелкового костюма и канотье, которое дядя носил лихо, немного набекрень. И еще он считал своего родственника героем, погибшим в сражениях с коммунистами. Я вернулся в Тель-Авив ни с чем.

Несколько лет я практиковал как психиатр в Израиле. За это время я узнал, как и все психиатры, что ученая степень в этой области всего лишь готовит профессионала к тому, чтобы начать серьезно изучать человеческую личность со всеми ее сложностями, достоинствами и недостатками. В шестидесятом году умерла от рака моя кузина Ребекка. Давид настоял на том, чтобы я поехал в Америку и продолжил там свои исследования. Когда я возражал, что у меня достаточно материала и в Тель-Авиве, Давид шутил, что нигде в мире спектр насилия не является таким разнообразным, как в Соединенных Штатах.

В Нью-Йорк я прибыл в январе шестьдесят четвертого года. Американская нация в это время едва опомнилась после убийства тридцать пятого президента и готовилась утопить свою печаль в подростковой истерии по поводу приезда британской рок-группы «Битлз». Колумбийский университет предложил мне должность профессора-консультанта сроком на один год, но потом получилось так, что я продолжил работать там, пока не закончил свою книгу о патологии насилия.

В ноябре шестьдесят четвертого я принял решение остаться в Штатах. Я тогда гостил у своих друзей в Принстоне, в Нью-Джерси. После обеда они, извинившись, спросили, не хочу ли я немного посмотреть телевизор вместе с ними. У меня своего телевизора не было, и я заверил их, что это меня развлечет. Как оказалось, они хотели смотреть документальный фильм, посвященный первой годовщине со дня гибели Джона Кеннеди. Это было мне интересно. Даже в Израиле, несмотря на нашу одержимость своими собственными проблемами, смерть американского президента потрясла всех. Я видел фотографии президентского кортежа в Далласе; меня очень тронул снимок, столь часто перепечатываемый, где младший сын Кеннеди отдает честь гробу своего отца. Читал я и том, как некий Джек Руби «убрал» предполагаемого убийцу президента, но мне ни разу еще не приходилось видеть видеозаписи этого момента. В том документальном фильме я наблюдал воочию самодовольно ухмыляющегося худого парня в наручниках, окруженного далласскими полицейскими в штатском, с их типичными американскими физиономиями. Откуда-то сбоку из толпы журналистов вынырнул грузный мужчина, вмиг приставил дуло пистолета к животу Ли Харви Освальда и выстрелил. Этот сухой резкий звук заставил меня вздрогнуть, я вспомнил белые обнаженные тела, падающие в ров... Крупным планом показали прижатые к жи-

воту руки Освальда, его перекошенное лицо. Полицейские тут же схватили Руби, в наступившей неразберихе телекамеру кто-то толкнул, и она оказалась направленной на толпу.

— Матка Боска! — почему-то заорал я по-польски и вскочил со стула. В толпе я увидел оберста.

Так и не объяснив своего волнения друзьям, я в тот же вечер покинул Принстон и вылетел в Нью-Йорк. Рано утром следующего дня я уже был в манхэттенском офисе той телекомпании, которая транслировала документальный фильм памяти Кеннеди. Я использовал все свои связи в университете и в издательском мире, чтобы получить доступ к фильмам, видеозаписям и роликам компании. Лицо в толпе, которое я видел по телевизору, появилось всего на несколько секунд и только на той пленке. Один мой аспирант любезно согласился сфотографировать эти кадры в монтажной и увеличить их, насколько это было возможно.

В таком виде узнать лицо оберста было еще труднее, чем в те две с половиной секунды, когда оно появилось на экране. Это было всего лишь белое пятно между широкими полями шляпы, как у техасских ковбоев, смутное впечатление легкой улыбки и глазницы — темные, будто дыры в черепе. Как вещественное доказательство такой снимок не годился, его не принял бы во внимание ни один суд в мире, но я знал, что это оберст.

Я полетел в Даллас. Власти Далласа все еще относились ко всем настороженно из-за критики, которой они подверглись в прессе и во всем мире. Мало кто соглашался разговаривать со мной, еще меньшее число людей было готово обсуждать то, что случилось год назад в подземном гараже. Никто не узнал человека ни на снимке, сделанном с видеозаписи, ни на старом фото из берлинской газеты. Я беседовал со свидетелями, пытался добиться свидания с Джеком Руби, находившимся в «камере смертников», но так и не получил разрешения. След оберста за год остыл — он был так же холоден, как труп Ли Харви Освальда.

Вернувшись в Нью-Йорк, я связался кое с кем из знакомых в израильском посольстве. Они, правда, заявили, что израильские разведывательные службы не имеют права действовать на территории США, но все же согласились навести кое-какие справки. В Далласе я нанял частного детектива. Его услуги обошлись мне в семь тысяч долларов, но результат можно было свести к одному слову: ни-че-го. В посольстве Израиля точно такой же результат мне выдали бесплатно. Вероятно, мои знакомые сочли меня

сумасшедшим: только безумец мог искать след нацистского военного преступника в деле убийства президента и всех, кто был причастен к этой трагедии. Ведь бывшие эсэсовцы стремились лишь к одному — к анонимности.

Я сам стал сомневаться, не сошел ли я с ума. Лицо «белокурой бестии», которое уже столько лет не давало мне покоя во сне, явно сделалось главной целью моей жизни. Как психиатр, я мог понять всю двусмысленность этой одержимости: запечатленное в моем мозгу в камере смерти в Собиборе стремление разыскать оберста стало для меня смыслом жизни. Исчезни это стремление — исчезнет смысл. Признать, что оберст мертв, значило для меня признать и свою собственную смерть.

Как психиатр, я все это понимал. Понимал, но не верил. И если бы даже поверил, то не стал бы работать над тем, чтобы «излечиться». Оберст существует на самом деле! Он не тот человек, который умрет где-нибудь в наскоро построенных оборонительных сооружениях под Берлином. Он монстр. А монстры не умирают сами. Их следует убивать.

Летом шестьдесят пятого я наконец добился встречи с Джеком Руби, но из разговора с ним ничего не вышло. К тому времени он превратился в тень с печальным лицом, отсутствующим взглядом и хриплым рассеянным голосом. Я пытался расспросить подробнее о его психическом состоянии в тот ноябрьский день, но он только пожимал плечами и повторял то, что уже много раз говорил на допросах. Нет, он не собирался стрелять в убийцу, это решение возникло у него спонтанно, и он даже не сразу осознал, что совершил. Пустили его тогда в гараж случайно. Что-то нашло на него, когда он увидел Освальда, какой-то порыв, который он не смог сдержать, — ведь этот человек убил его любимого президента.

Я показал ему фотографии оберста, но он устало покачал головой. Он знал нескольких далласских детективов и многих репортеров, которые были там, в гараже, но этого немца он никогда прежде не видел. «Не ощутили ли вы чего-то странного непосредственно перед тем, как выстрелить в Освальда?» Когда я задал этот вопрос, Руби на секунду поднял свое уставшее лицо, похожее на морду таксы, и я увидел в его взгляде смятение, но затем оно погасло, и он отвечал тем же монотонным голосом, что и прежде. Нет, ничего странного, только ярость по поводу того, что Освальд все еще жив, а президент Кеннеди мертв и бедная миссис Кеннеди с детишками осталась совсем одна.

Я не удивился, когда год спустя, в декабре шестьдесят шестого, Руби поместили в больницу с диагнозом рак. Он показался мне смертельно больным человеком уже во время нашей беседы. Умер он в январе следующего года, и горевали о нем немногие. Нация уже пережила свою трагедию, и Джек Руби был всего лишь напоминанием о тех временах, которые лучше забыть.

В конце шестидесятых я все больше погружался в исследовательскую и преподавательскую работу. Я пытался убедить себя, что мои теоретические разработки — всего лишь попытки найти средство изгнания демона, символом которого служило лицо оберста, но в душе я был уверен в обратном.

В те годы, когда процветало насилие, я изучал его. Почему некоторые люди с такой легкостью добиваются господства над другими? В своей экспериментальной работе я сводил вместе небольшие группы незнакомых друг с другом людей для выполнения какой-либо посторонней задачи, и уже минут через тридцать после начала неизменно возникала какая-то иерархия. Порой участники группы даже не осознавали этого, но, когда их спрашивали, они почти всегда могли указать, кто из них был «самым главным» или «самым динамичным». Вместе с аспирантами мы проводили беседы, анализировали их письменные записи и долгими часами просматривали видеопленки. Мы моделировали ситуации конфликтов между испытуемыми и лицами, обладающими властью: деканами университета, полицейскими, преподавателями, чиновниками налоговой службы, тюремными надзирателями и священниками. И во всех случаях проблема иерархии и господства оказывалась более сложной, чем можно было предположить, зная только социальное положение вовлеченных в эксперимент лиц.

В это время я начал сотрудничать с нью-йоркской полицией — составлял личностные характеристики субъектов, склонных к убийству. Фактические данные были невероятно интересны, беседы с убийцами — весьма тягостны, результаты же — неопределенны.

Где находится источник человеческой агрессивности? Какую роль играют насилие и угроза насилия в наших ежедневных взаимоотношениях друг с другом? Получив ответы на эти вопросы, я наивно надеялся когда-нибудь объяснить, как случилось, что очень способный, но маниакальный психопат, вроде Адольфа Гитлера, смог превратить одну из величайших культур мира в тупую и аморальную машину убийства. Я начал с того факта, что половина видов сложных животных на земле обладает каким-то механизмом

для установления господства и социальной иерархии. Обычно эта иерархия возникает без нанесения серьезного ущерба. Даже такие свирепые хищники, как волки и тигры, используют вполне определенные сигналы подчинения для того, чтобы прекратить самые яростные схватки, пока дело не дошло до смерти или серьезного увечья. Ну а человек? Неужели правы те — и их довольно много, — кто утверждает, что у нас отсутствует инстинктивный, четко распознаваемый сигнал покорности и потому мы обречены на вечную войну, на некоего рода внутривидовое сумасшествие, предопределенное нашими генами? Я в этом сомневался.

Год за годом я собирал данные и развивал различные положения и все это время втайне выстраивал теорию, которая была настолько странной и ненаучной, что она подорвала бы мою профессиональную репутацию, намекни я хоть шепотом о ней своим коллегам. Что, если человечество в своем развитии установило некий психический тип отношений господства и подчинения — то, что некоторые из моих нереалистично настроенных коллег называют парапсихологическими явлениями? Ведь ясно, что привлекательность некоторых политиков, называемая средствами массовой информации харизмой за неимением лучшего термина, не может быть объяснена с помощью размеров индивида, его способности к размножению или к угрожающему поведению. По моей версии, у определенных людей в некоей доле мозга может существовать зона, ответственная исключительно за проецирование этого чувства личного лидерства. Я был хорошо знаком с нейрологическими исследованиями, указывающими, что мы унаследовали наши инстинкты господства и подчинения от так называемого рептильного мозга — самой примитивной мозговой области. Ну а что, если были прорывы в эволюции, связанные с мутацией, придавшие некоторым человеческим существам способность, родственную эмпатии либо телепатии, но несравненно более мощную и более полезную с точки зрения выживания? И что, если эта способность, подпитываемая собственной жаждой господства, находит свое высшее выражение в насилии? Являются ли человеческие существа, обладающие такой способностью, воистину человеческими?

В конечном счете я мог всего лишь без конца теоретизировать по поводу того, что я чувствовал, когда воля оберста проникла в мой мозг, сознание, тело, полностью завладела мной. Прошли десятилетия, отдельные детали тех ужасных дней стерлись, но боль насилия над моим сознанием и связанные с этим отвращение и ужас

все еще заставляли меня просыпаться по ночам в холодном поту. Я продолжал преподавать, занимался исследовательской работой, улаживал мелкие проблемы своего бесцветного быта. Прошлой весной я однажды проснулся и понял, что старею. Минуло почти шестнадцать лет с того дня, когда я увидел лицо оберста в видеозаписи. Если он действительно существовал и все еще живет где-то на этой земле, то сейчас он глубокий старик. Я вспомнил тех беззубых, дрожащих стариков, которых все еще разоблачали как военных преступников. Нет, скорее всего, оберст мертв.

Но я позабыл, что монстры, как и вампиры, не умирают. Что их надо убивать.

И вот четыре с лишним месяца назад я столкнулся с оберстом на нью-йоркской улице. Был душный июльский вечер, я шел куда-то мимо Центрального парка, кажется сочиняя статью о тюремной реформе, когда мой вожделенный объект вдруг вышел из ресторана метрах в двадцати от меня и позвал такси. С ним была дама, немолодая, но все еще очень красивая, в шелковом вечернем платье и с длинными седыми волосами, падавшими на плечи. Сам оберст был в темном костюме. Загорелое лицо, выправка — все говорило о том, что он находится в отличной форме. Правда, он облысел, поседел, но его лицо, отяжелевшее с возрастом, каждой своей чертой по-прежнему выражало властность и жестокость.

На мгновение я задохнулся и застыл как столб, глядя на него во все глаза, потом ринулся догонять такси, которое сразу же влилось в поток автомобилей. Я как одержимый заметался между машинами, но пассажиры на заднем сиденье даже не оглянулись. Такси прибавило скорость, и я, пошатываясь, отошел к тротуару, едва не потеряв сознание.

Метрдотель ресторана ничем не смог мне помочь. Да, действительно в тот вечер у него обедала очень респектабельная пожилая пара, но имен их он не знал. Столик они заранее не заказывали.

Несколько недель я бродил близ Центрального парка, прочесывая весь район, разглядывая все проезжавшие такси в надежде вновь увидеть лицо оберста. Я нанял молодого нью-йоркского детектива и снова заплатил за нулевой результат. Именно в это время я заболел. Как я теперь понимаю, это был тяжелый случай нервного истощения. Я не спал, не мог работать, мои лекции в университете либо отменялись, либо проводились страшно волновавшимися ассистентами. По нескольку дней я не переодевался и возвращался к себе в квартиру, только чтобы перекусить и нервно расхаживать

по комнатам. По ночам я тоже бродил по улицам, несколько раз меня останавливали полицейские. Меня не отправили в психиатрическую лечебницу на освидетельствование только благодаря моему положению в Колумбийском университете и магическому титулу «доктор». И вот однажды ночью, лежа на полу своей квартиры, я вдруг сообразил, что все это время не обращал внимания на одну деталь: лицо седовласой женщины было мне знакомо.

Почти всю ночь и весь следующий день я мучительно пытался вспомнить, где я ее видел. Я точно знал, что это было не в жизни, а на каком-то снимке. Ее лицо почему-то вызывало у меня ассоциации со скукой, беспокойством и успокаивающей музыкой.

В пятнадцать минут шестого я поймал такси и ринулся к центру города, к своему зубному врачу. Он только что ушел, кабинет закрывался, но я придумал какую-то историю и попросил его помощницу позволить мне просмотреть кипы старых журналов в приемной. Там были экземпляры «Севентин», «Мадемуазель», «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт», «Тайм», «Ньюсуик», «Вог», «Консьюмер рипортс» и «Теннис уорлд». Когда я с маниакальной настойчивостью принялся листать страницы во второй раз, помощница запаниковала. Только моя одержимость и уверенность, что ни один зубной врач не меняет свой запас журналов чаще чем четыре раза в год, давали мне силы продолжать поиск, хотя эта женщина уже пронзительно кричала, что вызовет полицию.

И все же я нашел. Фотография оказалась маленькой черно-белой вырезкой где-то в начале «Вог», этой толстенной кипы глянцевых рекламных фото и восторженных эпитетов. Снимок седовласой дамы помещался над статьей о модных аксессуарах. Автором статьи была Нина Дрейтон.

После этого мне понадобилось всего несколько часов, чтобы найти ее. Мой нью-йоркский частный детектив был очень рад работать с чем-то более доступным, чем этот неуловимый призрак. Через сутки Харрингтон уже принес мне приличных размеров досье на эту женщину. Информация была почерпнута по большей части из общедоступных источников.

Миссис Дрейтон, сообщали эти источники, вдова, богатая и довольно известная в мире так называемой высокой моды, владелица целой сети бутиков. В августе сорокового года она вышла замуж за Паркера Алана Дрейтона, одного из основателей компании «Американские авиалинии». Спустя десять месяцев после свадьбы он скоропостижно скончался, и его вдова продолжила дело,

с умом вкладывая капиталы и проникая в такие советы директоров, куда до нее не удавалось попасть ни одной женщине. Позднее миссис Дрейтон перестала заниматься бизнесом так активно, оставив за собой лишь магазины модной одежды и обуви. Она являлась членом попечительских советов нескольких престижных благотворительных организаций, близко знала множество политиков, людей искусства, писателей, содержала большую квартиру на шестнадцатом этаже престижного дома на Парк-авеню, а также имела несколько летних домов и загородных вилл.

Познакомиться с ней оказалось не так уж трудно. Поразмыслив, я просмотрел списки своих пациентов и вскоре нашел имя одной богатой дамы, страдавшей маниакально-депрессивным психозом, которая жила в том же доме, что и миссис Дрейтон, и общалась с людьми примерно того же круга.

Я познакомился с Ниной Дрейтон во второй уик-энд августа на садовом приеме, который устраивала моя бывшая пациентка. Гостей было немного. Большинство людей благоразумно уехали из города в свои коттеджи на мысе Кейп-Код либо в летние шале в Скалистых горах. Но миссис Дрейтон почему-то осталась в городе.

Еще до того, как я пожал ее руку, до того, как посмотрел в ее ясные голубые глаза, я уже знал совершенно твердо, что она — одна из *тех*. Она была такой же, как оберст. Ее присутствие наполняло собой весь сад, благодаря ей даже японские фонарики горели ярче. Эта моя уверенность в том, что я не ошибся, прямо-таки взяла меня холодной рукой за горло. Возможно, Нина Дрейтон уловила мою реакцию или ей просто доставляло удовольствие издеваться над психиатром, но в тот вечер она как бы играла со мной, проявляя некую смесь самодовольного презрения и злонамеренного вызова, столь же тонкую, как, скажем, опасные когти кошки в их бархатных ножнах.

Я пригласил миссис Дрейтон посетить публичную лекцию, которую я собирался читать на той неделе в университете. К моему удивлению, она приехала в сопровождении злобного вида женщины небольшого роста по имени Баррет Крамер. Темой своей лекции я как раз избрал политику преднамеренного насилия в Третьем рейхе и ее связь с некоторыми режимами в странах третьего мира в наши дни. Я несколько изменил план своей лекции с тем, чтобы сформулировать тезис, противоречащий нынешнему общепринятому мнению, а именно: необъяснимая жестокость миллионов немцев

была вызвана, по крайней мере частично, действиями небольшой тайной группы властных личностей. В течение всей лекции я видел, как улыбается миссис Дрейтон, сидя в пятом ряду. Улыбка ее была примерно такой же хищной, какую, вероятно, видит мышь на морде кошки перед тем, как быть съеденной.

После лекции миссис Дрейтон изъявила желание поговорить со мной наедине. Она спросила, по-прежнему ли я принимаю пациентов, и попросила проконсультировать ее в профессиональном плане. Некоторое время я колебался, но мы оба знали, каким будет мой ответ.

Еще дважды я видел ее, оба раза в сентябре. Мы делали вид, что всерьез начинаем курс психоанализа. Нина Дрейтон была уверена, что ее бессонница напрямую связана со смертью отца, случившейся несколько десятков лет назад. Она сообщила мне, что часто видит один и тот же кошмарный сон: будто она толкает своего отца под троллейбус в Бостоне, хотя на самом деле находилась за несколько миль от того места, где он погиб. «Правда ли, доктор Ласки, — спросила она во время нашей второй встречи, — что мы всегда убиваем тех, кого любим?» Я сказал, что, по моему мнению, верно как раз обратное: мы убиваем, по крайней мере в своем воображении, тех, кого любим притворно, а на самом деле презираем. Нина Дрейтон только улыбнулась. Я предложил ей попробовать гипноз в нашу следующую встречу, чтобы попытаться облегчить ее воспоминание о смерти отца. Она согласилась, но я вовсе не удивился, когда в начале октября мне позвонила ее секретарша и отменила все намеченные посещения. К тому времени я уже поручил частному детективу круглосуточно следить за миссис Дрейтон.

Фрэнсиса Ксавье Харрингтона я нанял по совету друзей. Ему было двадцать четыре года, он оставил учебу в Принстонском университете и в свободное время писал стихи. Уже два года он занимался частным сыском. Ему пришлось купить новый костюм, чтобы посещать те рестораны, в которых проводила время миссис Дрейтон. Когда я распорядился следить за ней двадцать четыре часа в сутки, Харрингтону понадобилось нанять еще двух своих университетских друзей для пополнения агентства. Парень был явно не дурак, он работал быстро и толково, каждый понедельник и пятницу у меня на столе лежал письменный отчет. Некоторые его действия были не совсем легальными, включая снятие копий с телефонных счетов Нины Дрейтон. Она звонила очень много и раз-

ным людям. По этим счетам Харрингтон составил список телефонных номеров, а затем установил фамилии и адреса тех, кому она звонила. Некоторые из этих имен были довольно известными, другие могли заинтриговать кого угодно, но ни одно из них не указывало на моего оберста.

Шли недели. Я уже потратил бóльшую часть своих сбережений на то, чтобы иметь представление о ежедневных заботах миссис Дрейтон, о ее привычных блюдах, деловых встречах и телефонных звонках. Юный Харрингтон понимал, что мои ресурсы ограниченны, и любезно предложил перехватывать ее письма и прослушивать телефонные разговоры, но я отказался. Мне не хотелось делать ничего такого, что могло бы выдать нас.

И вот две недели назад миссис Дрейтон сама позвонила мне и пригласила на большой рождественский прием, который она устраивала семнадцатого декабря в своих апартаментах на Парк-авеню. Она сказала, что звонит лично, чтобы у меня не было предлога уклониться от приглашения. Ей хотелось познакомить меня со своим очень дорогим другом из Голливуда, продюсером, который тоже желает этой встречи. Она только что послала ему экземпляр моей книги «Патология насилия», и он от нее просто в восторге. Я поинтересовался, как его зовут. «Это не важно, — ответила она. — Возможно, вы узнаете его при встрече».

Мои руки так дрожали, когда я положил трубку, что мне пришлось прождать целую минуту, прежде чем я смог набрать номер Харрингтона. В тот вечер мы решили собраться, чтобы обсудить дальнейшую стратегию. Снова перебрали телефонные счета и на сей раз обзвонили все номера в Лос-Анджелесе, не включенные в городской телефонный справочник. На шестом звонке голос молодого человека ответил: «Особняк мистера Бордена». — «Это домашний телефон Томаса Бордена?» — спросил Фрэнсис. «Вы не туда звоните, — сообщил голос. — Это особняк мистера Уильяма Бордена».

Я написал имена на доске в своем кабинете. Вильгельм фон Борхерт. Уильям Борден. Человеческая природа, ничего не поделаешь! Мужчина приезжает с любовницей в отель и вписывает в регистрационную книгу имя, похожее на его собственное. Или разыскиваемый преступник скрывается под шестью чужими фамилиями и в пяти случаях из шести использует свое собственное имя. Что-то такое есть в наших именах, из-за чего нам трудно отказаться от них совсем, как бы необходимо это ни было.

В тот понедельник, за четыре дня до событий здесь, в Чарлстоне, Харрингтон вылетел в Лос-Анджелес. Первоначально я планировал лететь сам, но Фрэнсис убедил меня, что лучше будет, если сначала он проверит этого Бордена, сфотографирует его и выяснит, действительно ли это тот человек, которого мы ищем. Я вынужден был согласиться с его доводами — у меня не было плана действий. Даже после стольких лет я все еще не обдумал, как буду действовать, когда найду оберста.

В понедельник вечером Харрингтон позвонил мне и стал рассказывать, что фильм, который показывали во время полета, оказался посредственным, что отель, в котором он остановился, явно уступает «Беверли-Уилширу» и что полицейские в Бел-Эйр имеют манеру останавливать и допрашивать людей, если тем случится дважды появиться в одном районе или если они имеют наглость парковаться где-нибудь на этих извилистых улицах, чтобы поглазеть на дом какой-нибудь кинозвезды. Во вторник он попросил узнать, нет ли чего-либо нового относительно миссис Дрейтон. Я сказал, что двое его друзей, Деннис и Селби, спят немного похуже, чем он, а миссис Дрейтон живет помаленьку и у нее все без изменений. Затем Фрэнсис сообщил мне, что он посетил студию, с которой мистер Борден имел наиболее тесные связи, — экскурсия, кстати, оказалась весьма посредственной, — и хотя у него в студии есть свой кабинет, никто не знает, когда он бывает там. Последний раз его видели за работой в семьдесят девятом году, и Фрэнсис надеялся раздобыть фото продюсера, но это оказалось невозможным. Он уже хотел показать секретарше студии берлинскую фотографию Борхерта, но потом решил, выражаясь его собственными словами, что «это было бы не совсем в тон». На следующий день он собирался взять свой фотоаппарат с длиннофокусным объективом и отправиться к усадьбе Бордена в Бел-Эйр.

В среду Харрингтон не позвонил в назначенное время. Тогда я сам связался с отелем, и мне сказали, что он еще не выписался, хотя и ключ вечером не забирал. В четверг утром я позвонил в полицию Лос-Анджелеса. Они пообещали заняться этим делом, но я дал им не так уж много информации, и они решили, что нет причин подозревать какое-то преступление. «У нас в городе народ занятный, — сказал сержант, с которым я разговаривал. — Молодой парень вполне мог увлечься чем-то и забыть позвонить».

Весь день я пытался связаться с Деннисом или Селби, но не смог. Даже записывающее устройство в агентстве Фрэнсиса было

отключено. Тогда я пошел на Парк-авеню, где находились апартаменты Нины Дрейтон. Охранник внизу сообщил, что миссис Дрейтон уехала отдыхать. Выше первого этажа меня не пустили.

Весь день я сидел, запершись в своей квартире, и ждал. В одиннадцать тридцать позвонили из лос-анджелесской полиции. Они открыли номер мистера Харрингтона в отеле «Беверли-Хиллз». Там не было ни его одежды, ни багажа, но не было и никаких намеков на преступление. «Вы не могли бы сказать, кто заплатит за номер в отеле? — спросили меня. — По счету надо уплатить триста двадцать девять долларов сорок восемь центов».

В тот вечер я заставил себя пойти к друзьям, пригласившим меня на обед несколько дней назад. От автобусной остановки до их дома в Гринвич-Виллидж было всего два квартала, но расстояние это показалось мне бесконечным. В субботу, когда вашего отца убили, я участвовал в обсуждении проблемы насилия в городе вместе с группой ученых в университете. Там присутствовало несколько политиков и сотни две народу. На протяжении всей дискуссии я часто посматривал в аудиторию, ожидая увидеть улыбку Нины Дрейтон, так похожую на улыбку хищной кошки, или холодные глаза оберста. Я снова почувствовал себя пешкой — только в чьей игре?

В воскресенье в утренней газете я в первый раз прочитал об убийствах в Чарлстоне. В той же газете была короткая заметка о том, что голливудский продюсер Уильям Д. Борден находился на борту того злосчастного самолета, который потерпел катастрофу рано утром в субботу над Южной Каролиной. И рядом с заметкой — одна из редких фотографий этого неуловимого отшельника-продюсера. Снимок был сделан в шестидесятые годы, на нем улыбался оберст.

Сол замолчал. На перилах крыльца стояли чашки с остывшим кофе, про который они совсем забыли. Пока он говорил, тень от крыльца постепенно переползла к его ногам. В наступившей тишине стали слышны доносившиеся с улицы звуки.

— Кто же из них убил моего отца? — спросила Натали. Она поплотнее завернулась в плед и обхватила руками плечи, словно ей было холодно.

— Не знаю, — ответил Сол.

— А эта Мелани Фуллер... Она тоже была одной из них?

— Наверняка.

— И это могла сделать она?

— Да.

— А вы уверены, что Нины Дрейтон нет в живых?

— Я был в морге, видел фотографии с места убийства, читал отчет о вскрытии.

— Но она могла убить отца до того, как погибла сама.

Сол с минуту подумал и кивнул:

— Вполне возможно.

— А этот Борден... или оберст... Предполагается, что он погиб в авиакатастрофе в прошлую пятницу.

Сол снова кивнул.

— Вы уверены, что он погиб? — спросила Натали.

— Нет, — твердо ответил он.

Девушка встала и принялась ходить взад-вперед по маленькому крыльцу:

— У вас есть доказательства, что он жив?

— Нет, — вздохнул Сол.

— Но вы полагаете, что он жив и что либо он, либо Фуллер могли убить моего отца?

— Да.

— Боже мой...

Натали прошла в дом и через минуту вернулась с двумя стаканами бренди. Один она протянула Солу, другой выпила сама. Затем она вытащила из кармана пачку сигарет, зажигалку и дрожащими руками прикурила.

— Вам вредно курить, — тихо заметил Сол.

Девушка лишь хмыкнула в ответ.

— Эти люди — вампиры, ведь так? — спросила она.

— Вампиры? — Он тряхнул головой, не совсем понимая, что она имеет в виду.

— Они используют людей, а потом выбрасывают их, словно пластиковую упаковку. Нечто подобное происходит в тех дурацких сериалах, которые показывают по ночному каналу, только эти вампиры существуют на самом деле.

— Вампиры, — повторил Сол почему-то по-польски. — Да, — он снова перешел на английский, — аналогия неплохая.

— Ну, хорошо, — сказала Натали. — И что мы теперь будем делать?

— Мы? — Слово это, казалось, удивило его. Он потер руками колени.

— Мы, — повторила Натали, и голос ее задрожал от гнева. — Вы и я. Мы с вами. Вы ведь рассказали мне все это не просто чтобы провести время. Вам нужен союзник. Итак, что нам делать дальше?

Сол почесал бороду и покачал головой:

— Я не совсем понимаю, зачем рассказал все это, но...

— Но что?

— Это очень опасно. Фрэнсис, да и другие...

Натали подошла к нему и слегка коснулась его руки.

— Моего отца звали Джозеф Леонард Престон, — тихо сказала она. — Ему было сорок восемь... Шестого февраля ему исполнилось бы сорок девять. Он был очень хорошим человеком, хорошим отцом, хорошим фотографом и не слишком удачливым бизнесменом. Когда он смеялся... — Натали перевела дыхание. — Трудно было не смеяться вместе с ним.

Несколько секунд она стояла так, немного наклонившись, ее пальцы касались его запястья рядом с выцветшими синими цифрами, напоминавшими о трагическом прошлом. Помолчав, она спросила:

— Что вы намерены делать дальше?

Сол вздохнул:

— Пока не знаю. Мне нужно лететь в субботу в Вашингтон, кое-кого повидать, получить информацию... Выяснить, остался ли жив оберст. Возможно, человек, с которым я хочу встретиться, имеет эту информацию.

— А потом? — настаивала Натали.

— А потом буду ждать. Ждать и наблюдать. Читать газеты. Искать.

— Искать что?

— Новости... о других убийствах, — ответил он.

Натали вздрогнула и выпрямилась. Сигарета у нее в руке почти погасла, и она раздавила ее о половицу.

— Вы это серьезно? Ведь Фуллер и ваш оберст постараются уехать из страны, спрятаться где-нибудь. Почему вы полагаете, что они вновь займутся такими вещами? И так скоро?

Сол пожал плечами. Он вдруг ощутил невероятную усталость.

— Потому что такова их природа. Вампирам надо кормиться кровью.

Натали отошла и села в свое кресло.

— А когда вы... когда мы найдем их, что мы будем делать? — спросила она.

— Тогда и решим. Сначала их надо найти.

— Чтобы убить вампира, нужно проткнуть его сердце колом, — прошептала Натали. Она вытащила еще одну сигарету, но прикуривать не стала. — Сол, а что, если они узнают, что вы за ними охотитесь? Что, если они начнут гоняться за вами?

— Тогда все стало бы проще, — вздохнул он.

Натали хотела еще что-то сказать, но тут напротив крыльца остановился коричневый автомобиль с эмблемой округа. Грузный мужчина, в шляпе, с раскрасневшимся лицом, тяжело выбрался с водительского сиденья.

— Шериф Джентри? — удивилась Натали.

Они смотрели на рослого, грузного шерифа, а тот в свою очередь смотрел на них. Потом он медленно, как-то нерешительно начал приближаться к дому. Остановившись у крыльца, Джентри снял шляпу. На его загорелом лице застыло выражение ребенка, который только что видел нечто ужасное.

— Доброе утро, мисс Престон, профессор Ласки, — поздоровался он.

— Доброе утро, шериф, — сказала Натали.

Сол смотрел на Джентри, эту карикатуру на полисмена с юга, за неуклюжей внешностью которого скрывались острый ум и способность тонко чувствовать. Ласки понял это во время их вчерашней встречи. Глаза шерифа выдавали его волнение.

— Мне нужна помощь, — произнес он. В голосе его слышались неуверенность и растерянность.

— Какая? — спросила Натали. Сол различил в этом вопросе нечто большее, чем просто любезность.

Шериф Джентри посмотрел на свою шляпу, провел по тулье мощной загорелой рукой, и это движение показалось Солу почти грациозным. Потом он поднял глаза:

— Убито девять граждан моего округа. Как на это ни посмотри, понять ничего невозможно. Почему они умерли? Пару часов назад я остановил на улице парня, у которого в карманах не оказалось ничего, кроме моей фотографии, но он предпочел перерезать себе горло, вместо того чтобы ответить хоть на один вопрос. — Джентри глянул на Натали, потом на Сола. — Это так же бессмысленно, как и все остальное, происшедшее в городе. Я почему-то чувствую, что вы оба могли бы мне помочь.

Сол и Натали все еще молча смотрели на него.

— Вы можете мне помочь? — повторил Джентри. — Вы согласны?

Натали повернулась к Солу. Тот снял очки, протер их, затем снова надел и слегка кивнул.

— Заходите, шериф, — пригласила девушка, открыв дверь дома. — Я приготовлю чего-нибудь поесть. Разговор может получиться долгим.

Глава 11

Байриш-Айзенштейн
Пятница, 19 декабря 1980 г.

Тони Хэрод и Мария Чэнь решили позавтракать в маленьком ресторане отеля. Хотя они спустились на первый этаж в семь утра, первая волна туристов уже отправилась на лыжню. В камине потрескивал огонь, сквозь небольшое окно в южной стене виднелись белые сугробы и голубое небо.

— Как ты думаешь, он будет там? — тихо спросила Мария Чэнь, когда они допивали кофе.

Хэрод пожал плечами:

— Откуда мне знать?

Вчера он был уверен, что Вилли в его родовом поместье нет, что старый продюсер все-таки погиб в авиакатастрофе. Он вспомнил, как пять лет назад Вилли упомянул в разговоре про свое родовое гнездо, — Хэрод был тогда порядком пьян. Старик только что вернулся из трехнедельной поездки по Европе и вдруг со слезами на глазах сказал: «Почему это люди говорят, что нельзя вернуться домой, а, Тони? Почему?» А потом он описал дом своей матери на юге Германии, упомянув название близлежащего городка, что было ошибкой. До сих пор Хэрод смотрел на свою нынешнюю поездку лишь как на способ устранить одну докучливую мизерную вероятность, не более того. Но теперь, сидя в ярком утреннем свете напротив Марии Чэнь с ее девятимиллиметровым браунингом в сумочке, он понял, что этот маловероятный вариант вполне возможен.

— Как насчет Тома и Дженсена? — спросила Мария.

На ней были модные синие вельветовые брюки чуть ниже колен, длинные носки, розовая водолазка и плотный лыжный свитер, голубой с розовым, который обошелся ей в шестьсот долларов. Темные волосы были аккуратно собраны на затылке, она выглядела

свежей и только что умытой, несмотря на косметику. Хэрод подумал, что она похожа на девушку-скаута евразийского происхождения, собравшуюся на лыжную прогулку с друзьями своего отца.

— Если придется их убрать, стреляй сначала в Тома, — сказал он. — Вилли легче Использовать Рейнольдса, чем негра, но Лугар силен. Очень силен. Постарайся уложить его наверняка, чтобы не встал. Если все пойдет по наихудшему варианту, первым делом надо убрать Вилли. Целься в голову, только в голову. Стоит уничтожить его, и Рейнольдс с Лугаром перестанут быть опасными. Они до того запрограммированы, что не могут даже поссать без одобрения Вилли.

Мария Чэнь оглядела помещение. Остальные четыре столика были заняты смеющимися и болтающими немецкими парами. Было похоже, что до них никому нет дела.

Хэрод жестом велел официантке принести еще кофе, потом откинулся на спинку стула и нахмурился. Он вовсе не был уверен, что Мария Чэнь выполнит его приказ, когда надо будет стрелять в людей, но все же надеялся, поскольку до сих пор не было случая, чтобы она его ослушалась. На секунду он пожалел, что она нейтрал, но, с другой стороны, нет опасности, что Вилли Использует ее для своих собственных целей. У Хэрода не было никаких иллюзий насчет Способности старого фрица. Один только факт, что Вилли держал при себе двух холуев, говорил о мощи этого сукина сына. Он считал, что Способность Вилли ослабла, подточенная возрастом, наркотиками и последствиями бурной жизни, но в свете последних событий было бы глупо и опасно продолжать действовать, исходя из этих соображений.

Хэрод тряхнул головой. Пошло оно все к черту! Этот проклятый Клуб Островитян крепко держал его за яйца. Тони вовсе не хотелось впутываться в историю с каргой из Чарлстона и уж тем более сталкиваться лично с человеком, который пятьдесят лет играл в эту паскудную игру с Вилли Борденом, или фон Борхертом, или как там его... А что сделают Барент и его друзья, эти говнюки, когда узнают, что Вилли жив? Хэрод вспомнил свою собственную реакцию шесть дней назад, когда ему позвонили и сообщили о смерти Вилли. Сначала он почувствовал тревогу: что будет со всеми проектами Вилли, как там ситуация с финансами? А потом — облегчение: наконец-то старый сукин сын подох! Хэрод несколько лет жил в постоянном страхе из-за того, что старик мог узнать о Клубе Островитян и о том, что Тони шпионит за ним...

«Я всегда представлял себе рай как остров, где можно охотиться в свое удовольствие». Действительно ли Вилли это сказал? Хэрод вспомнил, что его словно окунули в ледяную воду, когда Вилли произнес эти слова с экрана. Но старик не мог об этом знать! И потом, видеозапись была сделана до авиакатастрофы. Вилли мертв... А если он не погиб тогда, то погибнет сейчас. Скоро.

— Готова? — спросил Тони.

Мария Чэнь вытерла губы полотняной салфеткой и кивнула.

— Пошли, — скомандовал он.

— Значит, это Чехословакия? — произнес Хэрод.

Они выехали из города на северо-запад и мельком увидели за железнодорожной станцией пограничный шлагбаум, а рядом — небольшое белое здание и несколько охранников в зеленой форме и странного вида шлемах. На дорожном указателе было написано: *Übergangsstelle*.

— Похоже, — подтвердила Мария Чэнь.

— Делов-то, — усмехнулся Хэрод.

Они двинулись по извилистой дороге вдоль долины, мимо указателей поворотов на Большой Арбер и Малое Арберзее. На дальнем склоне горы виднелся белый шрам лыжной трассы и движущиеся разноцветные точки кресел канатной дороги. Маленькие кабинки с цепями на колесах и креплениями для лыж на крышах карабкались по дорогам или, скорее, тоннелям, пробитым в снегу и ледяном крошеве. Хэрода пробрала дрожь от ветра, врывавшегося в заднее окно машины, но он не мог закрыть его — оттуда торчали концы двух пар беговых лыж, которые Мария Чэнь взяла сегодня утром в отеле напрокат.

— Ты думаешь, нам понадобятся эти идиотские штуки? — Он мотнул головой в сторону заднего сиденья.

Мария Чэнь улыбнулась и развела руками, сверкнув покрытыми свежим лаком ногтями.

— Возможно. — Она посмотрела на дорожную карту, сверив ее с топографической. — Следующий поворот налево, — сообщила она. — Оттуда шесть километров до частной дороги к особняку.

Последние полтора километра в гору «БМВ» в основном скользил боком. Вся дорога состояла из проложенной в снегу колеи между деревьями.

— Тут кто-то недавно был, — заметил Хэрод. — Далеко еще?

— После моста примерно с километр, — ответила Мария.

Дорога повернула, они въехали в густую рощу голых деревьев и увидели небольшой деревянный мост за полосатым шлагбаумом, выглядевшим посолиднее, чем на чешской границе. Метрах в двадцати ниже по течению была хижина, похожая на все альпийские шале. Оттуда вышли двое мужчин и медленно приблизились к машине. Хэроду казалось почему-то, что селяне в этих местах должны одеваться во что-то местное, какой-нибудь зимний вариант тирольских кожаных штанов до колен и войлочных шляп, но эти двое были в коричневых шерстяных брюках и ярких пуховых куртках. Он решил, что они, скорее всего, отец и сын; более молодому было около тридцати, он нес на согнутом локте охотничью винтовку.

— *Guten Morgen, haben Sie sich verfaren?* — спросил тот, что постарше. — *Das hier ist ein Privatgrundstück.*

— Он желает нам доброго утра и спрашивает, не заблудились ли мы, — перевела Мария Чэнь. — Говорит, здесь частное владение.

Хэрод улыбнулся этим двум. Пожилой улыбнулся в ответ, блеснув золотыми коронками; лицо сына ничего не выражало.

— Мы не заблудились, — сказал Хэрод. — Мы приехали повидать Вилли. Герра фон Борхерта. Он нас пригласил. Мы прибыли издалека, из самой Калифорнии.

Пожилой нахмурился, не понимая, что ему говорят, и тогда Мария Чэнь скороговоркой перевела на немецкий.

— *Herr von Borchert lebt hier nicht mehr,* — сказал пожилой мужчина. — *Schon seit vielen Jahren nicht mehr. Das Gut ist schon seit sehr langer Zeit geschlossen. Niemand geht mehr dorthin.*

— Он говорит, что герр фон Борхерт здесь не живет, — объяснила Мария. — Уже много лет. Поместье давно закрыто. Сюда никто не ходит.

Хэрод ухмыльнулся и покачал головой:

— Что же вы здесь тогда караулите, а, парни?

— *Warum lassen Sie es noch bewachen?* — перевела его вопрос Мария Чэнь.

Пожилой снова улыбнулся:

— *Wir werden von der Familie bezahlt, so daß dort kein Vandalismus entsteht. Baid wird all das ein Teil des Nationalwaldes werden. Die alten Häuser werden abgerissen. Bis dahin schickt der Neffe uns Schecks aus Bonn, und wir halten alle Wilddiebe und Unbefugte fern, so wie es mein Vater vor mir getan hatte. Mein Sohn wird sich andere Arbeit suchen müssen.*

— «Семья Борхерт платит нам, чтобы тут не было никакого хулиганства, — перевела Мария Чэнь. — Скоро все это будет частью национального парка. Старый дом снесут. А до тех пор племянник — это, наверное, племянник фон Борхерта Тони — присылает нам из Бонна чеки, а мы стережем поместье от браконьеров и бродяг. Как и мой отец до меня. А вот моему сыну придется искать работу...» Они не пустят нас, Тони, — добавила она.

Хэрод протянул старику небольшую, странички на три, разработку сценария «Торговец рабынями», последнего проекта Вилли. Между страницами была вложена купюра в сто марок, кончик ее виднелся довольно отчетливо.

— Скажи ему, что мы приехали из Голливуда осматривать места для съемок кинофильма, — попросил он. — Скажи, из старого дома получится прекрасный замок с привидениями.

Мария Чэнь все перевела. Старик посмотрел на листки, на деньги и небрежно протянул их назад.

— Что он говорит? — разозлился Хэрод.

— Он согласен, что поместье — хорошая декорация для фильма ужасов, — пояснила Мария Чэнь. — Что тут и правда есть призраки, и других призраков им не нужно. Советует нам разворачиваться, иначе мы можем застрять здесь надолго, и желает счастливого пути.

— Скажи, пусть он засунет свое поместье себе в жопу. — Взбешенный, Хэрод постарался любезно улыбнуться немцам.

— *Vielen Dank für Ihre Hilfe*[1], — улыбнулась и Мария Чэнь.

— *Bitte sehr*[2], — ответил пожилой.

— Всегда рады помочь, — сказал по-английски молодой парень с ружьем.

Хэрод вывел «БМВ» назад, на проселок, затем повернул на запад, проехал с полмили и остановил машину в неглубоком снегу, метрах в пяти от ограды из колючей проволоки. Он вытащил из багажника плоскогубцы и перерезал проволоку в четырех местах, потом откинул ногами упавшие на снег концы. С дороги проход за деревьями не будет виден, к тому же машины тут ходят нечасто. Хэрод вернулся к автомобилю, переобулся в лыжные ботинки с этими забавными нашлепками на носках; Мария Чэнь помогла ему надеть лыжи.

---

[1] Огромное вам спасибо за помощь *(нем.)*.

[2] Пожалуйста *(нем.)*.

Тони всего дважды в своей жизни стоял на лыжах, оба раза в Солнечной долине. Одну из прогулок он совершил с племянницей Дино де Лаурентиса и с Энн-Маргрет[1]; он терпеть не мог вспоминать об этих мучениях.

Мария Чэнь оставила свою сумочку в машине, сунула браунинг за пояс коротких брюк, под свитер, положила запасную обойму в карман куртки-безрукавки и, повесив на шею небольшой бинокль, прошла в проделанный в заграждении проход. За ней, неуклюже отталкиваясь палками, двинулся Хэрод.

На первой же миле он дважды упал, оба раза грязно ругаясь про себя, а Мария Чэнь с улыбкой смотрела, как он барахтается в снегу. Тишину нарушали лишь шорох скользящих по мягкому снегу лыж, редкое верещание белок да тяжелое, прерывистое дыхание Хэрода. Когда они прошли две мили, Мария Чэнь остановилась и поглядела на компас, потом на карту.

— Вот он, ручей, — сообщила она. — Можно перебраться на ту сторону вон по тому бревну. Дом должен быть на поляне, примерно в километре отсюда. — Она махнула рукой в сторону густого леса.

«Еще три футбольных поля пересечь», — прикинул Хэрод, судорожно ловя ртом воздух. Он вспомнил про охотничий карабин в руках того молодого парня и подумал, что в случае стычки браунинг окажется практически бесполезным. Да и потом, откуда ему знать, может, в том лесу их ждут Дженсен Лугар и с десяток других рабов Вилли со своими «узи» да «ингрэмами». Хэрод глубоко вздохнул, почувствовав, что все внутренности у него похолодели от страха. Пошло оно все к черту! Раз уж он добрался сюда, пусть у него хоть яйца отвалятся, он все равно не повернет назад, пока не узнает, здесь Вилли или нет.

— Пошли, — сказал он.

Мария Чэнь кивнула, сунула карту в карман и легко заскользила дальше.

Перед домом валялись два трупа.

Спрятавшись за еловыми ветками, Хэрод и Мария Чэнь по очереди смотрели в бинокль на тела. С расстояния пятидесяти метров эти темные бугорки на снегу можно было принять за что угодно — скажем, за брошенные куртки, но бинокль отчетливо выхватывал то

---

[1] *Дино де Лаурентис* (1919–2010) — знаменитый голливудский продюсер. *Энн-Маргрет* (Энн-Маргрет Улльсон, р. 1941) — американская актриса, певица и танцовщица шведского происхождения.

белый изгиб щеки, то разбросанные в стороны и странно заломанные руки и ноги. Живой человек никогда бы не уснул в такой позе.

Хэрод снова глянул в бинокль. Двое мужчин. Темные пальто, кожаные перчатки. Один из них носил коричневую шляпу — теперь она валялась метрах в двух на снегу. Рядом со следами, ведущими к застекленной двери старого особняка, тянулась кровавая полоса. Метрах в тридцати виднелись глубокие параллельные борозды, еще одна цепочка следов вела либо к дому, либо от него. На пушистом снегу были обозначены огромные круги, словно тут работал гигантский вентилятор лопастями вниз. «Вертолет», — догадался Хэрод.

Больше никаких следов не было — ни автомобильных, ни от снегохода, ни лыжных. Аллея, ведущая к подъездной дороге, где их с Марией остановили охранники, была просто заснеженной полосой между деревьями. Отсюда не было видно ни альпийской хижины, ни моста.

Главный дом представлял собой нечто среднее между особняком и замком: огромное строение из темного камня с высокими окнами, флигелями разной высоты, так что создавалось впечатление, будто начиналось оно как внушительная центральная башня, к которой последующие поколения добавляли разные пристройки. Цвет камня и размеры окон повсюду были разными, но общее впечатление угрюмости от этого не менялось: витражные стекла, узкие двери, тяжелые стены, на которых темнели пятнами тени голых деревьев. Хэрод подумал, что этот дом больше подходит Вилли, чем особняк в Бел-Эйр родом из какой-то банановой республики.

— А что теперь? — шепотом спросила Мария Чэнь.

— Заткнись, — приказал Хэрод и снова поднял бинокль, чтобы еще раз взглянуть на трупы.

Они лежали близко друг к другу. Голова одного из них была повернута в сторону и почти зарылась в глубокий снег, так что Хэрод видел только пятно темных, коротко стриженных волос, шевелившихся, когда налетал ветерок, но другой, тот, что лежал на спине, был больше на виду. Он различил бледную щеку и открытый глаз, неподвижно глядящий в сторону их укрытия, будто ожидая прихода Хэрода. Тела пролежали в снегу явно не так уж долго — непохоже, чтобы их трогали птицы или животные.

— Пошли туда, Тони.

— Заткнись, кому сказано.

Хэрод опустил бинокль и немного поразмыслил. Другой стороны особняка отсюда не видно. Разумнее всего было бы обойти на

лыжах по большому кругу, чтобы осмотреть дом со всех сторон, оставаясь под прикрытием деревьев. Хэрод, прищурившись, еще раз оглядел большую поляну и широкие полосы леса, тянувшиеся в обе стороны; им понадобится больше часа, чтобы пробраться через него и приблизиться к дому со всеми предосторожностями. Солнце уже затянули тучи, поднялся холодный ветер, пошел снег. Джинсы Хэрода промокли, а ноги болели от непривычной нагрузки. Из-за плотных туч создавалось впечатление, что наступили сумерки, хотя еще не было и двенадцати.

— Пойдем, Тони, — повторила Мария Чэнь. Испуга в ее голосе не было.

— Дай мне пистолет, — потребовал он. После того как она выполнила команду, он ткнул стволом в сторону серого дома и темных распростертых тел. — Двигай туда на лыжах. Я прикрою тебя отсюда. Похоже, этот чертов дом пуст.

Мария Чэнь поглядела на него. Не с вызовом, но с любопытством, будто видела впервые.

— Давай двигай! — рявкнул Тони и опустил пистолет, не зная, что будет делать, если она откажется.

Мария Чэнь повернулась, грациозным движением палки раздвинула скрывавшие их хвойные ветки и заскользила к дому. Хэрод, пригнувшись, отошел от того места, где они стояли, и устроился под развесистой елью, окруженной молодыми сосенками. Он видел в бинокль, как Мария Чэнь добралась до лежащих тел, остановилась, воткнула в снег палки и посмотрела в сторону дома. Затем она обернулась к Хэроду и поехала дальше. Притормозив перед широкими стеклянными дверями, девушка повернула направо и двинулась вдоль фасада здания. Когда она исчезла за углом, тем, что ближе к подъездной дороге, Хэрод сбросил лыжи и замер, согнувшись под деревом.

Прошло невероятно много времени, прежде чем она появилась из-за противоположного угла дома. Подъехав на лыжах к главному входу, Мария помахала рукой туда, где, как предполагалось, стоял Хэрод.

Тони подождал еще минуты две и, пригнувшись, побежал к дому. Ему казалось, что без лыж он будет двигаться свободнее, но это оказалось ошибкой. Снег доходил почти до колен и не давал возможности бежать, Тони все время спотыкался и проваливался на каждом шагу, один раз при этом уронив браунинг в снег. Проверив, не забит ли ствол, он стер снег с рукоятки и двинулся дальше.

Возле убитых мужчин он остановился.

Тони Хэрод являлся продюсером двадцати восьми фильмов, из них только три он сделал без Вилли. Во всех лентах было полно секса и насилия, чаще в крутой смеси. Пять фильмов из серии «Вальпургиева ночь» — самые удачные из всех — были не более чем демонстрацией длинной цепи убийств: как правило, привлекательные молодые люди погибали до, во время или после половых сношений. Убийства в основном представлялись методом субъективной камеры, то есть глазами убийцы. Хэрод частенько заходил на съемки и видел, как людей «режут», «пристреливают», «жгут», «потрошат» и «обезглавливают». Он имел достаточно дела со спецэффектами, чтобы узнать все секреты мешков с кровью, с газом, выбитых глаз и гидравлики. Он лично написал сцену в «Вальпургиевой ночи V: Кошмар продолжается», где голова девушки-няни взрывается и разлетается на куски, когда она проглатывает взрывную капсулу, подложенную тайным убийцей Голоном.

Несмотря на все это, Тони Хэрод никогда еще не видел воочию настоящую жертву убийства. Единственные трупы, рядом с которыми ему когда-либо доводилось находиться, были тела матери и тетушки Миры в гробах, притом что его окружало пространство похоронного бюро, а также другие скорбящие. Он потерял свою мать, когда ему было девять лет, а тетю Миру — в тринадцать. Никто никогда не говорил ему о смерти отца.

И вот теперь Хэрод застыл как вкопанный возле этих незнакомых трупов. В одного из них стреляли раз пять или шесть, у другого было вырвано горло. Хэрода поразило огромное количество крови, словно чересчур усердный режиссер залил всю съемочную площадку ведрами красной краски. Глядя на эти тела и на отпечатки в снегу, он попытался представить, что же тут случилось. Не так давно в тридцати метрах от дома приземлился вертолет. Эти двое вышли из него в своих черных, начищенных до блеска ботинках, пригодных разве что для прогулок по асфальту, и подошли к дверям. Там, на площадке перед домом, они начали драться. Наверное, тот, что поменьше ростом, который теперь лежал, уткнувшись лицом в снег, вдруг повернулся и кинулся на своего партнера, пустив в ход зубы и ногти. Второй отступил — Хэрод видел следы каблуков на снегу, — затем поднял свой «люгер» и несколько раз выстрелил. Коротышка продолжал наседать, возможно, даже после того, как получил пулю в лицо, — на правой щеке видны были две рваные опаленные дыры, а между оскаленными зубами застряли куски человеческого мяса. Высокий еще отступил, шата-

ясь, на несколько шагов, когда первый уже лежал. Потом, словно до него только дошло, что у него вырвана половина горла, перегрызена артерия и из нее на холодный снег брызжет кровь, рухнул, перекатился на спину и умер, неподвижно глядя на полосу хвойного леса, в котором несколько часов спустя появятся Хэрод и Мария Чэнь. Рука человека без горла приподнялась, да так и застыла в трупном окоченении. Хэрод знал, что *ригор мортис* начинается и заканчивается через определенное количество часов после смерти, но он не мог вспомнить, через сколько именно. Да это было и не важно. Он представил себе, как эти двое, бывшие сообщниками, вместе вышли из вертолета и вместе погибли, но по отпечаткам на снегу невозможно было полностью восстановить картину происшедшего. Еще один ряд следов указывал, что из дома вышли несколько человек и улетели на вертолете. Что это был за вертолет, кто им управлял и куда он направился, тоже было неясно.

— Тони, — тихо позвала Мария Чэнь.

— Сейчас.

Хэрод повернулся, шатаясь, отошел от забрызганной кровью площадки, и его стошнило. Во рту снова возник вкус кофе и толстой немецкой сосиски, съеденной за завтраком. Он зачерпнул пригоршню чистого снега, вытер им рот и, обойдя трупы, подошел к Марии Чэнь, стоявшей на ступенях крыльца.

— Дверь не заперта, — прошептала она.

Сквозь стекло видны были только шторы. Снег пошел еще сильнее, хлопья скрыли даже деревья, стоявшие всего метрах в шестидесяти. Хэрод кивнул и глубоко вдохнул.

— Пойди возьми пистолет того парня, — сказал он. — И проверь, нет ли у них документов.

Мария Чэнь глянула на Хэрода и молча двинулась к трупам. Ей пришлось силой высвободить пистолет из руки, мертвой хваткой вцепившейся в рукоятку. Водительские права одного из убитых лежали в его бумажнике, паспорт и кошелек второго оказались в кармане пальто. Марии Чэнь пришлось перевернуть оба трупа, прежде чем она нашла документы. Когда она вернулась к крыльцу, ее голубой свитер и куртка на гусином пуху были порядком перепачканы чужой кровью, которую она стала оттирать снегом.

Хэрод быстро просмотрел бумажники и документы убитых. Того, что покрупнее, звали Фрэнк Ли, его международные водительские права были выданы три года назад в Майами. Второй — Эллис Роберт Слоун являлся тридцатидвухлетним жителем Нью-Йорка, визы и штампы в паспорте были действительны для За-

падной Германии, Бельгии и Австрии. Кроме документов, при них оказалось восемьсот американских долларов и шестьсот немецких марок. Хэрод покачал головой и отшвырнул бумажники. Он не узнал ничего существенного, понимая, что всего лишь тянет время, откладывает момент, когда придется войти в дом.

— Иди за мной, — велел он Марии и открыл дверь.

Особняк был огромным, холодным, темным и пустым, — во всяком случае, Тони горячо на это надеялся. Ему больше не хотелось разговаривать с Вилли. Он знал, что если ему доведется встретиться со своим старым голливудским наставником, то первым его желанием будет разрядить всю обойму в голову Бордена. Если, конечно, Вилли ему позволит. Тони не питал никаких иллюзий на этот счет. Он мог рассказывать Баренту и остальным про то, как иссякает Способность Вилли, мог даже сам частично верить в это, но глубоко в душе он знал, что Вилли Борден, если понадобится, сломит его за десять секунд. Этот старый сукин сын был просто монстром. Хэрод пожалел, что приехал в Германию; не надо было соваться сюда и идти на поводу у членов Клуба, заставивших его связываться с Вилли.

— Приготовься, — прошептал он, почему-то волнуясь как идиот, и вошел первым вглубь этого огромного дома.

Они двигались из комнаты в комнату, и везде мебель была аккуратно укрыта белыми чехлами. Хэрод уже видел такое в фильмах, как и те трупы у дома, но в действительности все это порядком действовало на нервы. Он скоро заметил, что тычет пистолетом в каждое зачехленное кресло или торшер, ожидая, что они вот-вот зашевелятся и зашагают к нему, наподобие той фигуры в простынях из первого фильма Карпентера.

Холл с выложенным черно-белыми плитами полом был огромен и пуст. Хэрод и Мария Чэнь передвигались тихо, и все равно их шаги отдавались легким эхом. Хэрод ощущал себя полным болваном в этих дурацких лыжных ботинках с квадратными носами. Мария Чэнь спокойно следовала за ним, держа испачканный кровью «люггер» у бедра. На ее лице не было и намека на волнение, словно она бродила по голливудскому дому Хэрода в поисках запропастившегося куда-то журнала.

Им понадобилось минут пятнадцать, дабы убедиться, что на первом этаже и в огромном гулком подвале никого нет. Чувствовалось, что особняк покинут, и, если бы не трупы снаружи, Хэрод мог бы поклясться, что здесь уже много лет никого не было.

— Пошли наверх. — Он все еще держал пистолет на уровне груди, костяшки пальцев у него побелели.

В западном крыле было темно и холодно, здесь вообще отсутствовала мебель, но, когда они вошли в коридор, ведущий в восточное крыло, оба замерли. Поначалу им показалось, что коридор преграждает огромная пластина волнистого льда, и Хэроду невольно вспомнилась сцена возвращения доктора Живаго и Лары на дачу, искореженную зимой. Но потом он осторожно двинулся вперед и понял, что слабый свет проникал сквозь завесу из тонкой полупрозрачной пленки, свисающей с потолка и прикрепленной с одной стороны к стене. Метра через два они наткнулись еще на один такой же барьер и догадались, что пленка служит для теплоизоляции восточного крыла. В коридоре было темно, но из нескольких распахнутых дверей по его сторонам проникал бледный свет. Хэрод кивнул Марии Чэнь и крадучись двинулся вперед, широко расставляя ноги и держа пистолет в обеих руках. Он резко сворачивал в дверные проемы, готовый немедленно выстрелить, в голове у него проносились сюжеты знаменитых детективов. Мария Чэнь стояла в начале коридора и наблюдала.

— З-зараза, — выругался Хэрод после своего почти десятиминутного представления. Он сделал вид, что разочарован, а может, вследствие притока адреналина был действительно разочарован.

Если только в доме не было потайных помещений, он был совершенно пуст. В четырех комнатах имелись признаки недавнего пребывания здесь людей — неубранные постели, забитые едой холодильники, электрические обогреватели, столы, на которых валялись разбросанные бумаги. Хэрод обратил внимание на большой кабинет с книжными шкафами, старым кожаным диваном и еще теплым камином. Он понял, что разминулся с Вилли всего на несколько часов. Возможно, тот исчез так внезапно из-за нежданных гостей, прибывших на вертолете. Однако в доме не осталось ни одежды, ни каких-либо личных вещей — кто бы тут ни жил, он готов был сорваться с места в любую минуту.

Возле узкого проема окна кабинета размещался тяжелый стол с огромными резными шахматными фигурами, явно из очень дорогого набора, они стояли в позиции из миттельшпиля. Хэрод подошел к письменному столу и потыкал стволом в кипу лежавших там бумаг. Приток адреналина в кровь прекратился, оставив после себя лишь одышку, усиливающуюся дрожь и острое желание убраться отсюда подальше.

Все бумаги были на немецком, и, хотя Хэрод не знал языка, он уловил, что они касались вещей тривиальных — налогов на собственность, отчетов об использовании земель, дебета-кредита. Он смахнул листки со стола, заглянул в пустые ящики и решил, что пора убираться.

— Тони!

В голосе Марии Чэнь было нечто такое, что заставило его резко обернуться и вскинуть браунинг.

Она стояла у шахматного стола. Хэрод подошел поближе, думая, что Мария увидела что-то за высоким узким окном, но она уставилась на шахматные фигуры. Он опустил пистолет, оглядел стол, затем встал на колени и прошептал:

— Твою мать...

Хэрод мало что понимал в шахматах, просто сыграл несколько партий в детстве, но он сообразил, что игра на этой доске только начинается. Были съедены всего две фигуры — одна черная, другая белая, они лежали рядом с доской. Все еще на коленях, он придвинулся ближе, и теперь глаза его были всего в нескольких сантиметрах от края поля.

Пятнадцатисантиметровые фигуры, выточенные вручную из слоновой кости и эбенового дерева, должно быть, стоили Вилли целого состояния. Что-то подсказывало Хэроду, что это весьма неординарная шахматная партия. Мальчишка, который лет тридцать назад выиграл у Тони, рассмеялся, увидев, как тот выводит свою королеву в начале игры. С издевкой он заметил тогда, что только новички торопятся использовать ферзя. Но здесь обе королевы уже явно вступили в игру. Белая стояла в центре доски, прямо перед своей пешкой, черная же, выведенная из игры, лежала рядом с доской.

Хэрод наклонился поближе. Лицо королевы, вырезанной из черного дерева, выглядело элегантным и аристократичным и казалось все еще красивым, несмотря на старательно воспроизведенные признаки старости. Тони видел это лицо пять дней назад в Вашингтоне, когда Арнольд Барент показал ему фотографию престарелой леди, застреленной в Чарлстоне. Она была столь неосторожной, что оставила свой жуткий альбомчик в номере отеля. Ее звали Нина Дрейтон.

Хэрод впился глазами в фигуры на доске, переводя взгляд с одной на другую. Большинство лиц он видел впервые, но некоторые узнавал мгновенно. Эффект был столь же потрясающий, как от приема резкого наведения на фокус, который Хэрод иногда применял в своих фильмах.

Белым королем был Вилли, в этом не было сомнений, хотя лицо выглядело моложе, черты отчетливее, шевелюра погуще, а форма эсэсовца давно объявлена в мире вне закона. Черного короля представлял Арнольд Барент, в деловом костюме, при всем параде. Хэрод узнал и черного слона — Чарльза Колбена. Относительно белого сомнений быть не могло — это преподобный Джимми Уэйн Саттер. Кеплер занимал безопасную позицию в первом ряду черных пешек, но черный конь перескочил через ряд статичных пешек и ввязался в битву. Хэрод слегка повернул фигуру и узнал худое ханжеское лицо Нимана Траска.

Тони не видел раньше унылого старушечьего лица белой королевы, но нетрудно было догадаться, кто она. «Мы ее найдем, — заявил Барент. — А от вас мы ждем одного: чтобы вы убили эту настырную суку». Белая королева и две белые пешки пробрались далеко на черную сторону доски. Хэрод не узнал первую пешку, окруженную грозящими ей черными фигурами, — похоже, то был мужчина около шестидесяти, а возможно, и старше, с бородкой и в очках. В его чертах было что-то еврейское. Но другая белая пешка, скромно стоявшая через четыре клетки от коня Вилли и явно испытывавшая угрозу со стороны сразу нескольких черных фигур, была определенно знакома ему. Хэрод медленно повернул пешку и уставился, как в зеркало, в собственное лицо.

— Сука! — Крик его, казалось, разнесся эхом по всему огромному дому. Он пронзительно крикнул еще раз, потом взмахнул браунингом и смел со стола фигуры из слоновой кости и черного дерева.

Мария Чэнь шагнула назад и отвернулась к окну. Снаружи дневной свет, казалось, угас совсем, тучи опустились ниже, темная линия деревьев растворилась в сером тумане, а густой снег уже накрыл белым покрывалом трупы на лужайке перед особняком, как поваленные чьей-то властной рукой шахматные фигуры.

Глава 12

Чарлстон
Четверг, 18 декабря 1980 г.

— Вообще-то, по идее, должен идти снег, а не дождь, — сказал Сол Ласки.

Они сидели втроем в машине шерифа: Сол и Джентри впереди, Натали — на заднем сиденье. Дождь тихо стучал по крыше, было

градусов десять тепла. Натали и Джентри были в куртках, Сол натянул толстый синий свитер, а сверху старое короткое пальто из твида. Он поправил очки и, прищурившись, посмотрел через залитое дождем ветровое стекло.

— Шесть дней до Рождества, — усмехнулся он, — а снега все нет. Не знаю, как вы, южане, можете к этому привыкнуть.

— Мне было семь лет, когда я впервые увидел снег, — сказал Джентри. — Уроки в школе отменили. Снега нападало не больше двух сантиметров, но мы все побежали домой, будто наступил конец света. Я швырнул снежок — первый снежок, который я слепил в своей жизни, и разбил окно в гостиной старой миз Макгиври. Тут и вправду пришел конец света, для меня по крайней мере. Я прождал почти три часа, пока отец не вернется домой, пропустил ужин и даже был рад, когда меня отлупили и все на этом закончилось. — Шериф включил дворники, которые начали ритмично смахивать с ветрового стекла капли дождя. — Да, сэр, — протянул Джентри густым, приятным басом, к которому Ласки постепенно привыкал. — Теперь, когда я вижу снег, я всегда вспоминаю, как меня лупили и как я старался не расплакаться. Мне кажется, зимы становятся все холоднее и снег идет чаще.

— Не приехал еще доктор? — спросила Натали.

— Нет, — ответил Джентри. — До четырех часов почти три минуты. Кольхаун стареет, бегает не так быстро, насколько я знаю, но все еще пунктуален, как древние часы моей бабушки. Если он сказал, что будет здесь в четыре, он будет в четыре.

И, словно в подтверждение его слов, длинный темный «кадиллак», ехавший по улице, затормозил и припарковался через пять машин от патрульного автомобиля Джентри.

Сол глянул в окно. Они были всего в нескольких милях от шикарного квартала Старого города, но здесь приятным образом сочетались элегантность старины с соблазнами современных удобств. Закрывшаяся консервная фабрика ныне превратилась в офисное здание с подземным гаражом. Старый кирпич очистили, подновили, добавили окон, покрасили либо изготовили заново деревянные части. На взгляд Сола, реставрация и перепланировка были проделаны с большой тщательностью и старанием.

— А вы уверены, что родители Алисии согласятся на это? — спросил он.

Джентри снял шляпу, провел платком по кожаной подкладке и кивнул:

— Уверен. Миссис Кайзер страшно переживает из-за девочки. Она говорит, что Алисия не ест, вскакивает с постели с воплями, когда пытается заснуть, а очень часто просто сидит, уставившись в никуда.

— Конечно. Ведь прошло всего шесть дней, как она стала свидетельницей убийства своей лучшей подружки, — вздохнула Натали. — Бедное дитя.

— Еще и дедушки подружки, — добавил Джентри. — А может, и еще кого-нибудь. Откуда мы знаем?

— Вы думаете, она была в «Мансарде»? — спросил Сол.

— Ее никто там не помнит, — ответил шериф, — но это ничего не значит. Если люди не подготовлены специально, большинство из них вообще не замечают, что происходит вокруг. Конечно, некоторые замечают, причем все подряд. Только их почему-то никогда не бывает на месте преступления.

— Алисию нашли далеко оттуда, ведь так? — спросил Сол.

— Как раз посередине между двумя главными местами преступления, — вздохнул Джентри. — Соседка увидела, что она стоит на углу улицы в каком-то полуобморочном состоянии, примерно на полпути между домом Фуллер и «Мансардой».

— Как ее рука? — поинтересовалась Натали.

Джентри обернулся и улыбнулся девушке. Его маленькие голубые глаза, казалось, светились ярче, чем слабый зимний свет снаружи автомобиля.

— Ничего страшного, мэм. Простой перелом.

— Еще раз назовете меня «мэм», шериф, и я вам самому руку сломаю, — шутливо предупредила Натали.

— Слушаюсь, мэм, — откликнулся Джентри с самым добродушным видом. Он повернулся и глянул через ветровое стекло. — Это точно наш старикан-доктор. Он купил сей чертов черный автобус, когда ездил в Англию еще перед Второй мировой. Читал лекции в летней школе при лондонской городской больнице, насколько я знаю. Он являлся членом предвоенной антикризисной команды по планированию. Помню, как он говорил моему дяде Ли, давным-давно, что британские врачи были готовы справиться с количеством раненых в сто раз большим, чем то, с чем они столкнулись, когда немцы принялись их бомбить. То есть я хочу сказать, что они ожидали в сто раз больше, а вот к чему они были подготовлены — это другое дело.

— Ваш доктор Кольхаун, наверное, немало практиковался в гипнозе, — заметил Сол.

— Это уж точно, — протянул Джентри. — В тридцать девятом он консультировал британцев именно в этой области. Похоже, некоторые эксперты в Англии считали, что бомбардировки будут сильно травмировать психику и граждане окажутся в состоянии шока. Они рассчитывали, что Джек поможет им с постгипнотическим внушением и прочими подобными вещами. — Шериф открыл дверцу машины. — Вы идете со мной, миз Престон?

— Обязательно. — Натали выбралась под дождь.

Джентри тоже вылез из машины, капли мягко падали на поля его шляпы.

— А вы точно не хотите присутствовать, профессор? — спросил он у Ласки.

— Точно, — ответил Сол. — Я хочу полностью исключить возможность своего влияния. Но мне будет очень интересно узнать, что скажет девочка.

— Мне тоже, — заверил Джентри. — В любом случае я постараюсь подойти к этому без предубеждений. — Он хлопнул дверцей и побежал догонять Натали. Для такого грузного мужчины движения его были почти элегантны.

«Без предубеждений, — подумал Сол. — Уверен, все так и будет».

— Я вам верю, — сказал вчера шериф Бобби Джо Джентри, когда Сол закончил свой рассказ.

Он сократил его, как только мог, сведя к сорока пяти минутам повествование, которое накануне заняло бóльшую часть утра и предыдущей ночи. Несколько раз Натали перебивала его и просила включить в рассказ эпизод, который он пропустил. Джентри задал всего несколько коротких вопросов. Пока Сол говорил, они успели пообедать, попить кофе, и шериф подвел итог словами: «Я вам верю».

— Так вот запросто? — удивился Сол.

— Да. — Он повернулся к Натали. — А вы поверили ему, миз Престон?

Молодая женщина не колебалась ни секунды.

— Поверила, — твердо сказала она и посмотрела на Сола. — Я все еще ему верю.

Джентри больше ничего не сказал.

Ласки подергал себя за бороду, снял очки, протер их, снова нацепил.

— Вы не находите мой рассказ... фантастичным?

— Есть немного, — не стал увиливать Джентри. — Но я также считаю сплошной фантастикой то, что девять человек убиты в моем родном городе и нет никакого объяснения тому, как все это было связано. — Шериф наклонился вперед. — Вы никому об этом не говорили? Я имею в виду вашу историю.

— Я рассказал своей кузине Ребекке, незадолго до ее смерти в шестидесятом году.

— И как она отреагировала? — спросил Джентри.

Сол посмотрел прямо в глаза шерифа:

— Она меня любила. Она видела меня сразу после войны, ухаживала за мной, пока я снова не стал нормальным человеком. Во всяком случае, кузина сказала, что верит мне, а я решил считать это правдой. Но с какой стати вам верить всему этому?

Джентри откинулся назад, пока спинка стула не затрещала.

— Я скажу за себя, профессор, но для начала должен признаться в двух слабостях. Во-первых, я сужу о людях по тому, что я чувствую во время разговора с ними, как их воспринимаю. Ну, взять хотя бы того парня из ФБР, Дика Хейнса, которого вы видели вчера у меня в кабинете. Все, что он говорит, уместно, логично и своевременно. И выглядит он правильно... Черт, у него даже запах и тот правильный. Но в нем есть что-то такое, из-за чего я доверяю ему примерно настолько, насколько петух доверится голодной ласке. Наш дорогой мистер Хейнс не совсем с нами, понимаете? Ну, вроде как и фонарь над крыльцом у него горит, и все такое, но дома никого нет. Таких людей много. Когда мне попадается человек, которому я поверил, я делаю это просто, без всяких объяснений, вот и все. Из-за этого у меня случается масса неприятностей. А вторая моя слабость — я очень много читаю, поскольку не женат и не имею другого увлечения, кроме своей работы. Когда-то я хотел стать историком, потом популярным историческим писателем, вроде Каттона или Такман[1], потом романистом... Возможно, я слишком ленив, чтобы стать первым, вторым или третьим, но я по-прежнему глотаю тонны макулатуры. Я даже заключил с собой сделку: на каждые три серьезные книги позволяю себе прочитать одну из беллетристики. Люблю, когда она хорошо написана, хотя все равно это макулатура. Читаю детективы — Джона Макдональда, Паркера, Уэстлейка, потом триллеры — Ладлэм, Тревеньян, Ле Карре, Дей-

[1] Брюс Каттон (1899–1978) специализировался на войне Севера и Юга. Барбара Такман (1912–1989) получила Пулицеровскую премию за книгу «Августовские пушки» (1962) о начале Первой мировой войны.

тон, даже ужастики — Стивен Кинг, Стив Разник Тем и прочее. — Он улыбнулся. — Ваша история не такая уж и странная.

Сол нахмурился:

— Мистер Джентри, правильно ли я понял, что вы не находите мой рассказ фантастичным только потому, что читаете много фантастики и детективов?

Джентри покачал головой:

— Нет, сэр. Я просто говорю, что рассказанная вами история совпадает с фактами, и это пока единственное объяснение, связывающее все эти убийства в единое целое.

— У Хейнса была теория насчет Торна, — сказал Сол. — Помните, слуга той старой леди и эта женщина, Крамер, будто бы сговорились обчистить своих хозяев.

— Этот идиот Хейнс порол чушь собачью! Прошу прощения, мэм, — извинился Джентри. — А главное, парнишка-коридорный из «Мансарды» Альберт Лафоллет, который потом свихнулся, никак и ни при каких обстоятельствах не мог ни с кем сговориться. Я знал его отца. Ума у этого парня хватало лишь на то, чтобы научиться завязывать шнурки на своих ботинках, но в общем он был славный малый. В старших классах школы он не играл в футбол, и знаете почему? Он заявил отцу, что не хочет никому причинять боль.

— Но моя история выходит за пределы логики. Это нечто... сверхъестественное, — не унимался Сол. Он чувствовал, что ведет себя глупо, споря с шерифом, но ему трудно было принять готовность южанина вот так запросто поверить всему.

Джентри пожал плечами:

— Знаете, вот смотрю я фильмы про вампиров, где кучи трупов с маленькими дырочками на шее, и терпеть не могу, когда главному герою приходится полтора часа из двухчасовой ленты убеждать других хороших людей, что вампиры на самом деле существуют. Послушайте, — не выдержал шериф, — я не знаю, какие у вас были на то причины, но вы все же рассказали свою историю. Теперь у меня на выбор есть несколько вариантов. Во-первых, вы можете как-то быть причастны ко всему этому, хотя я знаю, что вы не убивали никого лично. В субботу после обеда и до вечера вы находились в университете, принимали участие в дискуссии. Но вы, к примеру, могли загипнотизировать миссис Дрейтон или сделать еще что-нибудь в этом роде. Знаю, знаю, гипноз действует совсем не так, но ведь люди тоже не овладевают сознанием других людей в обычной жизни, верно? Во-вторых, может быть, вы псих, один

из тех придурков, которые каждый раз выползают на свет и сознаются в убийстве, хотя их и близко там не было. И в-третьих, вы говорите правду. Пока я решил выбрать третий вариант. Помимо всего прочего, есть и другие странные вещи, которые сходятся с вашей историей и больше ни с чем.

— Какие странные вещи? — спросил Сол.

— Ну, например, тот парень, который следил за мной утром, а потом прикончил себя, не желая со мной разговаривать, — сказал Джентри. — И еще альбомчик старой леди.

— Альбомчик? — удивился Ласки.

— Какой альбомчик? — спросила Натали.

Джентри снял шляпу и, хмуро поглядев на нее, смял тулью.

— Когда застрелили миссис Дрейтон, я был первым представителем закона, оказавшимся на месте преступления, — пояснил он. — Санитары убирали тело, ребята из городского отдела по делам убийств считали трупы внизу, а я немного пошарил в номере той леди. Конечно, этого нельзя было делать, налицо нарушение закона. Но какого черта! Я ведь всего лишь деревенский полисмен. В общем, как бы то ни было, я увидел этот толстенький альбомчик в одном из ее чемоданов и полистал его. Там была масса газетных вырезок про разные убийства, включая убийство Джона Леннона. Большинство из них совершались в Нью-Йорке начиная с января прошлого года. На следующий день расследованием занялась настоящая полиция, не какой-то там шериф, ФБР полезло во все щели, хотя это дело вовсе не из тех, что требуют их участия... А когда я добрался в воскресенье вечером до морга, альбомчика уже не было, никто его не видел, в отчетах о нем ни слова, нет и квитанции из морга.

— Вы спрашивали о нем? — поинтересовался Сол.

— Да уж всех подряд, от санитаров до сотрудников из отдела убийств. Никто его не видел. Все остальное было доставлено в морг и описано в воскресенье утром, включая нижнее белье этой леди и пилюли от давления.

— Кто составлял список вещей? — спросил Сол.

— Горотдел по делам убийств и ФБР, — ответил Джентри. — Но вот Тоб Хартнер, клерк из морга, утверждает, что мистер Хейнс просматривал арестованные вещи за час до прибытия команды из горотдела. Наш Дики прямо из аэропорта двинул в морг.

Сол слегка откашлялся:

— Вы полагаете, что ФБР имеет какое-то отношение к сокрытию вещественных доказательств?

Шериф Джентри наивно распахнул глаза:

— Ну, как может ФБР делать что-то такое нехорошее?

Последовала долгая пауза, наконец Натали Престон спросила:

— Шериф, если одно из этих... этих существ убило моего отца, что же нам делать дальше?

Джентри сложил руки на животе и посмотрел на Сола. Глаза его были ярко-голубыми.

— Это хороший вопрос, миз Престон. Что скажете, доктор Ласки? Допустим, мы поймали вашего оберста, или миз Фуллер, или их обоих. Вы не думаете, что суду присяжных будет трудно вынести им обвинительный приговор?

Сол развел руками:

— Это звучит безумно, я согласен. Если поверить в мою историю, всякая логика оказывается подозрительной, осуждение любого убийцы можно оспорить. Никаких вещественных доказательств не хватит, чтобы отделить невиновных от виноватых. Я понимаю, о чем вы говорите, шериф.

— Да нет, не так уж все безнадежно, — усмехнулся Джентри. — Ведь большинство дел об убийстве — это все равно дела об убийстве, так? Или вы считаете, что их сотни тысяч, этих мозговых вампиров, и все бегают, суетятся?

Сол закрыл глаза, уходя от подобной мысли:

— Молю Бога, чтобы это было не так.

Джентри кивнул:

— Значит, у нас здесь что-то вроде особого случая, верно? Но это возвращает нас к вопросу миз Престон: что нам теперь делать?

Сол глубоко вздохнул:

— Мне нужна ваша помощь — для наблюдения. Есть шанс, хотя и небольшой, что из этих двоих кто-то вернется в Чарлстон. Возможно, у Мелани Фуллер не было времени забрать из дома какие-то очень важные для нее вещи. Или Уильям Борден, если он жив, явится за ней.

— А что потом? — спросила Натали. — Наказать ведь их невозможно. Во всяком случае, не через суд. Что произойдет, если мы все-таки найдем их? Что вы сможете сделать?

Сол опустил голову, поправил очки и провел дрожащей рукой по лбу.

— Я думал об этом сорок лет, — очень тихо сказал он. — И все равно не знаю. Но у меня такое чувство, что оберсту и мне суждено встретиться.

— Они смертны? — спросил Джентри.

— Да, конечно.

— Тогда можно подобраться к ним незаметно и вышибить мозги, верно? — предположил шериф. — Они ведь не восстанут из мертвых в следующее полнолуние или еще что-нибудь такое?

Ласки недоуменно посмотрел на него:

— Что вы хотите этим сказать, шериф?

— Я хочу сказать... Понимаете, если принять вашу установку, если поверить, что эти люди могут делать все то, о чем вы нам рассказали, тогда они самые мерзкие твари на всем свете. Охотиться за кем-то из них — все равно что шарить по болоту в темноте голыми руками в поисках мокасиновых змей. Но стоит их опознать, и они становятся просто мишенями, такими же как я, или вы, или Джон Кеннеди и Джон Леннон. Обычный человек из винтовки с оптическим прицелом вполне может убрать любого из них, профессор.

Сол глянул в безмятежные глаза шерифа и улыбнулся:

— Но у меня нет винтовки с оптическим прицелом.

Джентри кивнул:

— Вы захватили с собой какое-нибудь оружие, когда летели сюда из Нью-Йорка?

Сол мотнул головой.

— У вас вообще нет оружия, профессор?

— Вообще нет.

Джентри повернулся к Натали:

— Но у вас оно есть, мэм. Вы упомянули, что пошли в дом Фуллер и готовы были арестовать мистера Ласки, даже если бы пришлось применить оружие.

Натали покраснела. Сол удивился, увидев, как темнеет ее кожа цвета кофе с молоком.

— Это не мой пистолет, — призналась она. — Отец держал его в своей студии. У него было разрешение, поскольку там произошло несколько краж со взломом. Я зашла в понедельник в студию и взяла его.

— Можно мне взглянуть? — тихо попросил Джентри.

Натали пошла в прихожую, открыла шкаф и вытащила из кармана плаща пистолет. Затем она аккуратно положила его на стол рядом с шерифом. Указательным пальцем тот легонько повернул его, пока ствол не оказался направленным в пустую стену.

— Вы знакомы с пистолетами, профессор? — спросил Джентри.

— С этим нет.

— А вы, миз Престон? Вы умеете обращаться с огнестрельным оружием?

Натали передернула плечами:

— У меня в Сент-Луисе есть друг, который показывал мне, как стрелять. Надо прицелиться и нажать спуск. Ничего сложного.

— А именно с этим пистолетом вы умеете обращаться?

Натали покачала головой:

— Папа купил его уже после того, как я уехала учиться. Не думаю, чтобы он когда-либо пользовался им. Трудно представить, чтобы он выстрелил в человека.

Джентри поднял брови и взял в руку пистолет, осторожно держа его за предохранительную скобу:

— Он заряжен?

— Нет, — сказала Натали. — Я извлекла все патроны вчера, перед тем как выйти из дому.

Теперь настала очередь Сола удивленно поднять брови.

Джентри кивнул и вытащил обойму. Он протянул ее Ласки, показывая, что она пуста.

— Тридцать второй калибр? — спросил Сол.

— Тридцать второй, «лама» с укороченной рукояткой, — подтвердил шериф. — Милый пистолетик. Мистер Престон заплатил за него долларов триста, если покупал новым. Миз Престон, никто не любит, когда лезут с советами, но мне все же хотелось бы дать вам один совет, можно?

Натали коротко кивнула.

— Во-первых, никогда не цельтесь в человека из огнестрельного оружия, если вы не готовы им воспользоваться. Во-вторых, никогда не цельтесь из незаряженного пистолета. И в-третьих, если вам нужен незаряженный пистолет, убедитесь, что он действительно не заряжен. — Джентри ткнул пальцем в сторону оружия. — Видите вот этот маленький индикатор, мэм? Это называется индикатором зарядов, и красный огонек здесь не просто так. — Джентри оттянул затвор, из патронника вылетел патрон и со стуком упал на стол.

Натали побледнела. Теперь ее кожа приняла цвет мертвой золы.

— Это невозможно, — слабым голосом сказала она. — Я сосчитала патроны, когда вытащила. Их было семь.

— Ваш отец, должно быть, вогнал еще один патрон в патронник, а потом опустил курок, — пояснил Джентри. — Некоторые носят оружие именно в таком виде. Так можно иметь в пистолете восемь зарядов вместо обычных семи. — Шериф снова вогнал в рукоятку обойму и щелкнул курком.

Натали слегка вздрогнула, услышав сухой щелчок. Она глянула на то, что шериф назвал «индикатором зарядов», — красной

точки больше не было видно. Она вспомнила, как вчера направила пистолет на Сола, будучи уверенной, что он не заряжен, и ей стало нехорошо.

— А что вы хотите сказать на этот раз, шериф? — спросил Сол.

Джентри пожал плечами и положил пистолет на стол:

— Я думаю, если мы решили охотиться за этими убийцами, тогда хоть кому-то надо знать, как обращаться с оружием.

— Но поймите наконец, что оружие против таких людей бесполезно. Они могут заставить вас направить его на себя. Они могут превратить *вас* в оружие. Если мы вместе станем охотиться за оберстом или за Фуллер, мы никогда не будем уверены друг в друге.

— Я все это понимаю, — сказал Джентри. — Но я понимаю и то, что, если мы найдем их, они окажутся уязвимыми. Они опасны главным образом потому, что никто не знает об их существовании. А мы знаем.

— Но нам не известно, где они скрываются сейчас, — возразил Сол. — Я думал, что подобрался к ним так близко. Я действительно был близок...

— У Бордена есть какой-то фон, окружение, — сказал Джентри. — У него есть его легенда, киностудия, друзья, коллеги. С этого можно и начать.

Сол печально покачал головой:

— Я считал, что Фрэнсису Харрингтону ничто не угрожает. Ему требовалось лишь навести несколько справок. Меня оберст мог бы узнать, но я полагал, что Фрэнсис будет в безопасности, а теперь он наверняка мертв. Нет, я не хочу, чтобы еще кто-то оказался напрямую связан со всем этим.

— Но мы уже связаны, — отрезал Джентри. — Мы влезли по уши во все это.

— Он прав, — заметила Натали.

Мужчины повернулись к ней. В голосе ее уже не было слабости.

— Если вы не сумасшедший, Сол, — сказала она, — то эти выродки убили моего отца просто так, ни за что. Мне очень хочется разыскать этих убийц и найти способ воздать им по справедливости.

— Давайте считать, что мы все разумные люди, — сказал Джентри. — Доктор, а эта Нина Дрейтон поведала вам что-нибудь во время ваших консультаций... что-то такое, что могло бы нам помочь?

— Нет, практически ничего. — Ласки покачал головой. — Она все время упоминала лишь о своих снах и о смерти отца. Из этих

разговоров я заключил, что она использовала свою Способность, чтобы убить его.

— А о Бордене или Мелани Фуллер?

— Она вскользь обмолвилась о своих друзьях в Вене в начале тридцатых. Судя по ее описанию, это вполне могли быть оберст и Фуллер.

— Есть что-нибудь полезное для нас в этих рассказах?

— Лишь намеки на ревность и соперничество. Вот и все.

— Мистер Ласки, оберст ведь использовал вас? — спросил шериф.

— Да.

— И однако, вы помните все до мельчайших подробностей. А разве вы не говорили, что Джек Руби и другие страдали чем-то вроде амнезии после того, как их использовали?

— Говорил, — подтвердил Сол. — Я думаю, эти люди помнят свои действия как нечто случившееся во сне, если они вообще их помнят.

— Примерно так же, как психически ненормальные — насильственные эпизоды?

— Иногда, — кивнул он. — В других случаях обычная жизнь страдающего психозом — всего лишь сон, а по-настоящему он живет, только когда причиняет боль кому-то либо убивает. Но люди, которых использовали оберст и остальные, не обязательно страдают психозом, они могут быть просто жертвами.

— Но ведь вы помните в точности, что ощущали, когда оберст... владел вашим сознанием, — сказал Джентри. — Почему?

Сол привычным жестом снял очки и протер их.

— Это особый случай. Тогда шла война. Я был всего лишь евреем из лагеря, и он не сомневался, что у меня нет шанса выжить в этой мясорубке. Ему не было необходимости тратить свою энергию и стирать что-либо в моей памяти. И потом, мне удалось бежать от оберста по собственной воле, когда я выстрелил себе в ногу и застал его врасплох...

— Я хотел вас еще расспросить об этом эпизоде, — произнес Джентри. — Вы сказали, что боль заставила оберста выпустить вас из-под его власти на пару минут...

— На несколько секунд, — поправил Сол.

— Хорошо, на несколько секунд. Но все эти люди, которых они использовали в Чарлстоне, испытывали боль, страшную боль. Хаупт — он же Торн, бывший вор, которого Мелани Фуллер держала при себе в качестве слуги, потерял глаз и все равно продолжал

действовать. Девочку Кэтлин забили до смерти. Баррет Крамер скатилась по лестнице, к тому же в нее стреляли. Мистера Престона... Ну, вы понимаете, о чем я говорю...

— Да, — кивнул Сол. — Я много думал об этом. Так получилось, что, когда оберст был... когда он был в моем мозгу — иначе это не передашь, — я мельком ловил кое-какие его мысли...

— Нечто вроде телепатии? — спросила Натали.

— Не совсем. Во всяком случае, это не то, что обычно описывается в литературе. Это больше похоже на попытку вспомнить утром обрывки сна. Но я уловил кое-что из мыслей оберста, когда он использовал меня для убийства того *der Alte*... старого эсэсовца... Достаточно, чтобы понять, что в его слиянии со мной в тот момент было нечто необычное. Он хотел прочувствовать все, что происходит, садистски просмотреть каждый оттенок чувственного восприятия. У меня сложилось впечатление, что обычно он использовал людей так, чтобы между ним и той болью, какую испытывала жертва, был какой-то барьер.

— Вроде того, как люди смотрят телевизор с выключенным звуком? — уточнил Джентри.

— Возможно. Только в этом случае сохраняется вся информация, убирается лишь болевой шок. Я чувствовал, как оберст наслаждается болью не только тех, кого убивал, но и тех, кого он использовал для убийства...

— Как вы считаете, такие воспоминания можно стереть, уничтожить?

— В мозгу тех, кого он использовал?

Джентри кивнул.

— Нет. Скорее всего, они тонут — примерно так же, как жертва какой-нибудь ужасной психической травмы топит свои переживания глубоко в подсознании.

Широко улыбаясь, шериф встал и хлопнул Сола по плечу.

— Профессор, — сказал он, — вы нам только что дали ключ к тому, как проверить, что верно и что нет, кто спятил, а кто нормальный.

— Неужели? — удивился Сол, но понял, о чем идет речь, прежде чем Джентри, улыбаясь, ответил на вопросительный взгляд Натали Престон.

— Именно так, — сказал шериф. — Завтра мы сможем провести этот тест и узнаем все раз и навсегда.

Сол сидел в машине шерифа и слушал барабанную дробь дождя по крыше. Прошел почти час с того момента, как Джентри и Натали вошли со старым доктором в клинику. Через несколько минут на другой стороне улицы остановилась синяя «тойота», и Сол мельком увидел молодую, прилично одетую пару, которая провела в дом светловолосую девочку с темными уставшими глазами. Левая рука у нее была на перевязи.

Сол ждал. Он умел ждать. Этому искусству он обучился еще юношей в лагерях смерти. В двадцатый раз он принялся обдумывать причины, объясняя самому себе, почему надо было вовлекать в это дело Натали Престон и шерифа Джентри. Объяснение выходило слабеньким, основанным на том, что он постоянно попадает в тупик, на внезапном доверии к этим двум неожиданным союзникам после стольких лет одиночества и подозрений и, наконец, на простом желании рассказать о своей судьбе.

Сол тряхнул головой. Разумом он понимал, что сделал ошибку, но в душе испытывал невероятное облегчение оттого, что рассказал, а потом и пересказал свою историю. Теперь у него были партнеры, они действовали, и это внушало Солу уверенность. Он почти безмятежно сидел в машине Джентри, довольствуясь своей ролью — ждать.

Сол невероятно устал. Он знал, что усталость эта была чем-то большим, чем результат бессонных ночей и жизни на сплошном адреналине, это было болезненное изнеможение, острое, как боль в поврежденной кости, и застарелое — еще с Хелмно. Утомление, постоянное и никуда не исчезающее, как татуировка на запястье, уйдет с ним в могилу, а дальше будет еще вечность такой же усталости.

Сол тряхнул головой, снял очки и потер переносицу. Нет, так нельзя. Мировая скорбь — это скучно. Другие страдают от нее еще больше, чем страдаешь сам. Он вспомнил ферму Давида в Израиле, свои собственные четыре гектара, далеко от садов и полей, пикник, который они устроили с Давидом и Ребеккой незадолго до того, как он уехал в Америку. Дети Давида и Ребекки, близнецы Арон и Исаак — в то лето им было не больше семи, — играли в ковбоев и индейцев в каменистых оврагах, где когда-то римские легионеры гонялись за израильскими партизанами.

«Арон», — вспомнил Сол. У них по-прежнему была назначена встреча в субботу после обеда в Вашингтоне. Внутри у Сола все сжалось при мысли, что он вовлек в этот кошмар еще одного человека, и совершенно напрасно. Что ему удастся узнать?

Молодые родители и девочка вышли из клиники, следом за ними появился доктор. Он пожал руку главе семейства, и они уехали. Сол только сейчас заметил, что дождь прекратился. Из двери вышли Джентри и Натали Престон, обменялись несколькими фразами со старым доктором и быстро направились к машине.

— Ну? — спросил Сол, когда шериф уселся за руль, а Натали устроилась на заднем сиденье. — Что там?

Джентри снял шляпу и вытер платком лоб, затем опустил окно со своей стороны до упора, и до Сола донесся запах мокрой травы и мимозы. Шериф глянул назад, на Натали:

— Расскажите ему, хорошо?

Девушка глубоко вздохнула и кивнула. Видно было, что она потрясена и обескуражена, но голос ее звучал твердо:

— В кабинете доктора Кольхауна есть небольшая комната для наблюдения с односторонним зеркальным окном. Родители Алисии и мы могли наблюдать за всем, ничему не мешая. Шериф Джентри представил меня как свою помощницу.

— В рамках данного расследования это именно так, если вдаваться в технические детали, — тут же вмешался Джентри. — Я мог бы сделать вас представителем шерифа, но это разрешено лишь тогда, когда в округе объявлено чрезвычайное положение.

Натали улыбнулась:

— Родители Алисии не возражали против нашего присутствия. Доктор Кольхаун применил небольшой аппарат, чтобы загипнотизировать девочку, — нечто вроде метронома с лампочкой...

— Да-да. — Сол пытался подавить нетерпение. — Так что сказала девочка?

Взгляд Натали, казалось, был обращен внутрь, когда она вновь представила эту сцену.

— Доктор заставил ее вспомнить тот день, прошлую субботу, во всех деталях. До гипноза, когда девочка только вошла в комнату, лицо ее было застывшим, бесчувственным, почти вялым, а тут она загорелась, стала оживленной. Она разговаривала со своей подружкой Кэтлин — с той, которую убили... Они с Кэтлин играли в гостиной миссис Ходжес. Сестра Кэтлин, Дебора, сидела в другой комнате, смотрела телевизор. Вдруг Кэтлин бросила куклу Барби, выбежала из дома, пересекла двор и заскочила в дом миз Фуллер. Алисия кричала ей что-то, стоя во дворе... — Натали поежилась, словно ей стало холодно. — А потом она замолчала, лицо ее снова застыло. Она сказала, что больше ей не велено рассказывать.

— Девочка была по-прежнему под гипнозом? — спросил Сол.

— Да, но она не могла описать, что случилось дальше, — ответил Джентри. — Доктор Кольхаун пытался разными способами помочь ей, но она просто смотрела перед собой пустым взглядом и твердила, что ей не велено больше ничего рассказывать.

— И все? — спросил Сол.

— Не совсем, — сказала Натали. Она посмотрела в окно на умытую дождем улицу, затем снова взглянула на Сола. Ее полные губы были теперь напряженно сжаты. — Потом доктор Кольхаун сказал: «Ты входишь в дом, который стоит через двор от вашего. Скажи нам, кто ты». И тут Алисия, не медля ни секунды, произнесла совершенно чужим, старушечьим голосом: «Я — Мелани Фуллер».

Сол выпрямился. По коже у него пробежали мурашки, словно кто-то дотронулся до спины ледяными пальцами.

— Тогда доктор Кольхаун спросил ее, может ли она, Мелани Фуллер, сказать нам что-нибудь, — продолжала Натали. — Лицо маленькой Алисии вдруг постарело, на нем появились морщины и складки, которых не было несколько секунд назад, и она прошептала тем же мерзким голосом: «Я доберусь до тебя, Нина». А потом она повторяла эту фразу, с каждым разом все громче. Под конец она уже кричала.

— Бог мой! — простонал Сол.

— Доктор Кольхаун тоже был потрясен, — сказала Натали. — Он успокоил девочку и вывел ее из состояния гипноза, сказав, что она будет чувствовать себя довольной, счастливой и отдохнувшей, когда проснется. Только она вовсе не чувствовала себя счастливой. Выйдя из транса, Алисия стала плакать, пожаловалась, что у нее болит рука. Ее мать сказала, что это был первый случай, когда девочка пожаловалась на боль в сломанной руке с тех самых пор, как ее нашли на улице той ночью.

— А что думают ее родители про этот сеанс с доктором Кольхауном? — спросил Сол.

— Они очень расстроились, — ответила Натали. — Когда девочка стала кричать, мать Алисии с трудом удержалась, чтобы не броситься к ней, но после они, похоже, испытали огромное облегчение. Отец сказал доктору Кольхауну, что даже боль в руке и слезы лучше, чем совершенно пустой взгляд и молчание.

— А доктор Кольхаун? — спросил Сол.

Джентри положил руку на спинку сиденья.

— Док говорит, что это похоже на нервный срыв, индуцированный травмой. Он порекомендовал обратиться к психиатру, своему знакомому из Саванны, который специализируется на детских

болезнях такого рода. Потом они подробно обсудили, хватит ли на это денег, полученных Кайзерами по страховке.

Сол кивнул, и все трое немного посидели в полном молчании. Лучи вечернего солнца прорвались наконец сквозь тучи и осветили листву деревьев, покрытую каплями дождя. Сол вдохнул запах свежескошенной травы, и ему трудно было поверить, что сейчас декабрь. Он чувствовал себя подвешенным в пространстве и времени, во власти течений, которые несли его все дальше и дальше от знакомого берега.

— Предлагаю пообедать где-нибудь, а заодно обсудить это дело, — сказал вдруг Джентри. — Профессор, вы вылетаете завтра в Вашингтон утренним рейсом, верно?

— Да, — подтвердил Сол.

— Что ж, тогда поехали, — улыбнулся Джентри. — Обед за счет администрации округа.

Они пообедали в отличном ресторане на Брод-стрит в Старом городе. У дверей заведения, славившегося блюдами из морепродуктов, стояла очередь, но, когда метрдотель увидел Джентри, он моментально провел их к боковому входу, где как по волшебству появился свободный столик. Зал был забит до отказа, так что они предпочли разговаривать на нейтральные темы — о погоде в Нью-Йорке и Чарлстоне, о фотографии, о кризисе с захватом иранцами заложников, о недавних событиях в Нью-Йорке и в Америке вообще. Только что прошедшие президентские выборы никого из них особенно не порадовали. Покончив с кофе, они вернулись к машине Джентри за плащами и свитерами, а потом пошли вдоль стены Батареи.

Вечер был прохладным и ясным, остатки облаков развеялись, и на зимнем небе стали видны созвездия. К востоку, за гаванью, сияли фонари Маунт-Плезант. Небольшое судно с зелеными и красными навигационными огнями прошло мимо мыса вдоль дорожки, отмеченной буйками. Сзади светились желтые и оранжевые окна дюжины старинных домов.

Они остановились на набережной. Внизу, метрах в трех, о камни плескалась вода. Джентри оглянулся, убедился, что вокруг никого нет, и тихо спросил:

— Ну, что дальше, профессор?

— Отличный вопрос. У вас есть какие-нибудь предложения?

— Ваша предстоящая беседа в Вашингтоне как-то относится к тому, что мы обсуждаем? — поинтересовалась Натали.

— Возможно, — уклончиво ответил Сол. — Но я узнаю об этом после. Прошу прощения, что не могу сказать ничего более конкретного. Тут затронуты родственные связи.

— А как насчет того парня, который за мной гонялся? — спросил Джентри.

— Ах да, — вспомнил Сол. — Вам что-нибудь сообщили о нем из ФБР?

— Абсолютно ничего. — Шериф покачал головой. — Автомобиль был украден в Роквилле, штат Мэриленд, пять месяцев назад. А с мертвецом еще хуже — никаких следов, по которым его можно было бы опознать. Ни отпечатков пальцев, ни зубоврачебных карт челюстей — ничего.

— Так часто бывает? — спросила Натали.

— Почти никогда. — Джентри поднял камешек и бросил его в воду. — В современном обществе все люди попадают в какие-то списки, архивы и прочее.

— Возможно, ФБР не очень старается, — заметил Сол. — Вы так не считаете?

Джентри кинул еще один камешек и пожал плечами. В ресторане он был в коричневых брюках и старой клетчатой рубашке, но перед тем, как отправиться на прогулку, вытащил из багажника свой мешковатый китель и ковбойскую шляпу с пятнами на тулье и теперь снова выглядел типичным шерифом-южанином.

— Не думаю, что ФБР стало бы задействовать какого-то полуголодного уличного придурка, — ответил он. — А если он не работал на них, то кто все-таки его использовал? И зачем ему было убивать себя? Неужели он настолько боялся ареста, что предпочел смерть?

— Примерно так поступил бы оберст, если бы он использовал кого-то, — сказал Сол. — Или миз Фуллер, что еще вероятнее.

Джентри кинул новый камешек и, прищурившись, посмотрел на огни форта Самтер милях в двух от них.

— Да, — согласился он, — но все равно получается какая-то бессмыслица. Ваш оберст никак не может интересоваться мной... Дьявол, ведь я даже ничего не слышал о нем до того, как вы рассказали свою историю! А если миз Фуллер беспокоят те, кто за ней гоняется, ей бы лучше заняться патрулями автоинспекции штата, горотделом по делам убийств и ФБР. Ведь у этого придурка в бумажнике ничего не было, кроме моего фото.

— У вас оно с собой? — спросил Ласки.

Джентри кивнул, вытащил из кармана фотографию и отдал ему. Сол отошел к ближайшему фонарю, чтобы получше рассмотреть.

— Интересно, — сказал он. — Тут на заднем плане виден фасад муниципалитета округа.

— Да.

— На снимке есть что-нибудь, что может подсказать, когда его сделали?

— Видите кусочек пластыря у меня на подбородке? Я бреюсь опасной бритвой своего отца, которая, в свою очередь, принадлежала моему деду, но я не очень часто ею режусь. В прошлое воскресенье Лестер, один из моих помощников, позвонил мне слишком рано, поэтому я и порезался. И почти весь день ходил с этим пластырем.

— То есть в воскресенье? — уточнила Натали.

— Да, мэм.

— Значит, тот, кто интересуется вами, сделал этот снимок в воскресенье, а потом некий тип стал преследовать вас в четверг, — сказал Сол. — Похоже на стотридцатипятимиллиметровый объектив.

— Точно, — кивнул Джентри.

— Можно мне взглянуть? — Натали взяла снимок и с минуту разглядывала его при свете фонаря. — Тот, кто его делал, пользовался встроенным экспонометром... Видите, экспозиция вот здесь, где солнце отражается на двери, больше, чем на вашем лице. Скорее всего, у него была двухсотмиллиметровая линза. Это довольно большой размер. Проявляли снимок в частной, а не в коммерческой фотолаборатории.

— Откуда вы знаете? — удивился Джентри.

— По тому, как обрезана бумага — слишком небрежно для коммерческой лаборатории. Вряд ли ее вообще обрезали, оттого я и думаю, что объектив длиннофокусный. Но печатали второпях. Домашние лаборатории, в которых можно работать с цветным фото, сейчас вполне обычное дело, так что с этим проблем не возникнет. Вы недавно видели кого-нибудь с автоматическим фотоаппаратом, имеющим такой вот объектив, шериф?

Джентри улыбнулся:

— У Дика Хейнса в точности такая штуковина. Крохотная «Коника» и большой бушнеловский объектив.

Натали вернула ему фотографию и, нахмурившись, повернулась к Солу:

— Может, существуют и другие... такие же твари?

Сол сложил на груди руки и устремил взгляд на далекие городские огни.

— Я не знаю, — медленно проговорил он. — Много лет я думал, что оберст единственный в своем роде. Жуткий уродец, порождение Третьего рейха, если такое вообще возможно. Но исследования показали, что способность воздействовать на психику людей не так уж редко встречается. Читаешь историю и поневоле задумываешься: может быть, такие индивиды, очень разные сами по себе, как Гитлер, Распутин и Ганди, тоже обладали такой способностью? Возможно, мы имеем дело с континуумом, и оберст, Фуллер, Нина Дрейтон и бог знает кто еще просто представляют собой крайние точки этого континуума...

— Значит, могут быть и другие?

— Да, — сказал Сол.

— И они, непонятно, по какой причине, интересуются мной? — заключил Джентри.

— Да.

Шериф тяжело вздохнул:

— Мы снова пришли туда, откуда начали.

— Не совсем, — возразил Сол. — Завтра я разузнаю что смогу в Вашингтоне. А вы, шериф, можете продолжить поиски этой Фуллер. И еще следить за тем, как идет расследование авиакатастрофы.

— А мне что делать? — спросила Натали.

Сол немного смутился:

— Вам было бы разумней вернуться в Сент-Луис...

— Только не в том случае, если я могу чем-то помочь здесь. Что я должна делать?

— У меня есть кое-какие соображения, — сказал Джентри. — Мы можем обсудить их завтра утром, когда отвезем профессора в аэропорт.

— Хорошо, — согласилась Натали. — Я останусь в городе до первого января или чуть позже.

— Я дам вам свой домашний и рабочий телефоны в Нью-Йорке, — сказал Сол. — Нам надо связываться по крайней мере через день. И вот еще что, шериф. Даже если все наши попытки разузнать что-то ни к чему не приведут, есть способ сделать это через газеты и ТВ...

— Каким образом?

— Высказывание мисс Престон насчет того, что они вампиры, не так уж далеко от истины. Так же как и вампиров, их съедают собственные темные инстинкты. Когда эти инстинкты удовлетворяются, не заметить этого невозможно.

— Вы имеете в виду сообщения о других убийствах? — спросил Джентри.

— Вот именно.

— Но в этой стране происходит больше убийств за один день, чем в Англии за весь год. — Джентри развел руками.

— Верно, однако у оберста и таких, как он, страсть к особым убийствам, — тихо сказал Сол. — Не думаю, чтобы они могли совершенно изменить своим привычкам, какой-то след болезненности или извращения все равно будет заметен.

— О'кей, — вздохнул Джентри. — Значит, в худшем случае будем ждать, пока эти... вампиры не начнут убивать снова. Будем разыскивать их по этим следам. Ну, допустим, мы их найдем. И что тогда?

Сол вытащил из кармана платок, снял очки и принялся их протирать, близоруко щурясь на огни гавани.

— Тогда мы их выследим и поймаем. А потом сделаем то, что делают со всеми вампирами. — Он снова надел очки и едва заметно улыбнулся. Улыбка получилась безрадостной. — Мы проткнем их сердца кольями, отрубим головы и набьем рты чесноком. А если и это не подействует... — Улыбка Сола стала еще холоднее. — Тогда придумаем нечто такое, что подействует.

Глава 13

Чарлстон
Среда, 24 декабря 1980 г.

Для Натали Престон это был самый одинокий сочельник за всю ее жизнь, и она решила что-нибудь предпринять по этому поводу. Она взяла сумочку, «Никон» со 135-миллиметровым объективом, вышла из дому и медленно поехала в Старый город. Еще не было четырех часов, но уже начало темнеть.

Она ехала мимо красивых домов и дорогих магазинов, слушала рождественскую музыку и понемногу думала обо всем.

Ей очень не хватало отца. В последние годы она все реже виделась с ним, но теперь сама мысль, что его больше нет, что он не думает о ней и не ждет ее, была невыносима, словно что-то оборвалось в ее жизни. Ей хотелось плакать.

Когда пришло сообщение о смерти отца по телефону, она не плакала. Не плакала и тогда, когда Фред отвез ее в аэропорт Сент-Луиса. Вообще-то, он хотел полететь вместе с ней, но она возражала, и он не стал настаивать. Она не плакала на похоронах и после похорон, во все эти часы и дни смятения и встреч с родственниками и друзьями. Через пять дней после убийства отца, когда ночью Натали не смогла заснуть и принялась искать, что бы почитать, она наткнулась на сборник юмористических рассказов Джина Шеппарда. Книга открылась на странице, где на полях размашистым знакомым почерком было написано: «Почитать с Натали этим Рождеством». Она пробежала глазами страницу, где описывался смешной и в то же время страшный случай, как мальчик отправился в гости к Санта-Клаусу прямо из универмага. Это было очень похоже на то, как перед Рождеством родители повезли ее, четырехлетнюю девочку, в центр города и ждали целый час в очереди, а она в панике убежала в самый ответственный момент. Закончив читать, Натали смеялась так, что смех постепенно перешел в слезы, а затем в рыдания. Она проплакала почти всю ночь и заснула лишь перед рассветом, но встала, когда поднялось зимнее солнце, чувствуя себя совершенно опустошенной. И все же ей стало легче. Самое худшее было позади.

Натали свернула влево и поехала мимо особняков на Рейнбоуроуд, с их лепниной, красочными фасадами, выглядевшими сейчас скромнее. На улице зажглись газовые фонари.

Она сделала ошибку, оставшись в Чарлстоне. Ее соседка миссис Калвер приходила чуть ли не каждый день, и эти неловкие беседы с престарелой вдовой причиняли ей боль. Она начала подозревать, что миссис Калвер, видимо, питала надежды стать второй миссис Престон, и от этого девушке хотелось каждый раз спрятаться в спальне, едва она слышала робкий знакомый стук.

По вечерам, ровно в восемь, звонил из Сент-Луиса Фредерик. Натали представляла строгое выражение лица своего друга и в прошлом любовника, когда он говорил: «Детка, возвращайся. Оттого что ты сидишь там, не будет никакого проку. Я скучаю по тебе. Возвращайся домой, к старине Фредерику». Но ее маленькая квартирка в университетском городке больше не казалась ей домом, а захламленная комната Фредерика на Аламо-стрит была всего лишь местом, где он спал между сменами, длившимися по четырнадцать часов, во время которых Фредерик ломал голову над математическими проблемами распределения масс в галактиче-

ских скоплениях. Он был очень способным парнем, но ему не повезло с образованием. Их общие знакомые когда-то рассказали ей, что он вернулся из Вьетнама, где отслужил двойной срок, с совершенно изломанной психикой в сочетании с яростным стремлением защитить свое достоинство и революционным духом. Этот свой дух он направил на то, чтобы стать выдающимся исследователем-математиком. Еще в прошлом году, несмотря на это, Натали любила Фредерика. Или думала, что любила. «Возвращайся домой, детка», — говорил он каждый вечер, и Натали, невероятно одинокая сейчас, потрясенная и убитая горем, всякий раз отвечала: «Еще несколько дней, Фредерик. Всего несколько дней».

«Несколько дней — для чего?» — подумала она.

Огни в окнах больших старых домов на Саут-Бэттери освещали веранду за верандой, низкорослые пальмы, шпили и балюстрады. Она всегда любила эту часть города. Когда она была маленькой девочкой, они с отцом часто приходили сюда гулять по Батарее. Лет в двенадцать она вдруг обратила внимание, что чернокожие тут не живут, что эти замечательные старинные дома и прекрасные магазины предназначены только для белых. Позже она сама удивлялась, как могло случиться, что черная девочка, выросшая на юге в шестидесятых годах, поняла это так поздно. Ей пришлось поменять свои взгляды и привычки, что поначалу казалось невероятным. Как она могла не заметить, что места ее вечерних прогулок, большие старые дома ее детских мечтаний были для нее и для других цветных так же запретны, как и плавательные бассейны, кинотеатры и церкви, в которые она и не подумала бы зайти. К тому времени, когда Натали стала достаточно взрослой, чтобы в одиночку ходить по улицам Чарлстона, оскорбительные знаки были убраны, общественные фонтаны стали действительно общественными, но привычки оставались, и границы, установленные двумя столетиями традиции, стереть было не так просто.

Натали все еще помнила тот сырой и холодный день в ноябре семьдесят второго, когда она стояла, потрясенная, неподалеку от этого места на Саут-Бэттери, смотрела на большие дома и вдруг поняла, что никто из ее родственников никогда не жил и не будет жить здесь. Но эта вторая мысль была изгнана едва ли не раньше, чем появилась. Натали унаследовала глаза своей матери и гордость отца. Джозеф Престон был первым темнокожим бизнесменом, владевшим фотомагазином в престижном районе рядом с гаванью. А она была дочерью Джозефа Престона.

Натали проехала мимо отреставрированного театра на Докстрит; решетка кованого железа на балконе второго этажа отсюда казалась пышной порослью металлического плюща.

Она пробыла дома всего десять дней, но все, что было с нею раньше, казалось какой-то другой, теперь уже нереальной жизнью. Джентри сейчас уходит с работы, желает счастливого Рождества своим помощникам и секретарям и всем другим белым, работающим в огромном старом здании муниципалитета. Вот сейчас он как раз собирается ей звонить.

Она остановила машину у епископальной церкви Святого Михаила и стала думать о Джентри. В пятницу, после того как они проводили Сола Ласки в аэропорт, они провели вместе почти целый день, а затем и всю субботу. В первый день они говорили в основном о рассказанной доктором истории, о самой идее психического использования одних людей другими. «Если у профессора сдвиг по фазе, скорее всего, это никому не повредит, — сказал Джентри. — А если он нормальный, его история все объясняет, и я понимаю теперь, почему пострадало столько людей».

Натали поведала шерифу о том, как она чисто случайно выглянула из своей комнаты и увидела идущего из ванной босого Ласки: на его правой ноге в самом деле не было мизинца, только застарелый шрам на фаланге.

— Это еще ничего не доказывает, — возразил Джентри.

В воскресенье они говорили совсем о других вещах. Шериф пригласил ее к себе на обед, и она просто влюбилась в его дом — стареющее викторианское строение в десяти минутах ходьбы от Старого города. Район явно переживал переходный период — некоторые дома, давно не ремонтированные, потихоньку разваливались, другие же были отреставрированы и сейчас стояли во всей красе. Квартал, где жил Джентри, населяли молодые семьи, белые и черные; на подъездных дорожках часто можно было видеть трехколесные велосипеды, на крохотных лужайках валялись брошенные скакалки, а из двориков за домами слышался смех.

Три комнаты на первом этаже были забиты книгами. Они стояли во встроенных шкафах кабинета, куда вела дверь прямо из прихожей, на самодельных деревянных полках по обеим сторонам окон в столовой и на дешевых металлических стеллажах вдоль кирпичной стены на кухне. Пока Джентри готовил салат, Натали с разрешения хозяина бродила по комнатам, восхищаясь старинными томами в кожаных переплетах, рассматривая серьезные книги в твердых обложках по истории, социологии, психологии, кри-

миналистике. Она улыбнулась, когда на глаза ей попалась куча книг в мягких цветных обложках — шпионские страсти, детективы, триллеры... Натали невольно сравнила свою спартанскую рабочую комнату в Сент-Луисе со всей этой обстановкой кабинета — огромным письменным столом, заваленным бумагами и документами, большим мягким кожаным креслом и таким же диваном, с массивными шкафами и стеллажами, забитыми книгами. В кабинете шерифа Бобби Джо Джентри витал жилой дух, чувствовалось, что тут все создано для удобства его хозяина. Точно такое же чувство уважения вызывала у нее фотолаборатория отца.

Когда салат был готов, а лазанья стояла на плите, они устроились в кабинете, с удовольствием потягивая виски, и снова разговаривали. Беседа по кругу вернулась к теме, надежен ли Сол Ласки и как они сами относятся к его фантастической истории.

— От всего этого так и веет классической паранойей, — сказал Джентри, — но, с другой стороны, если бы европейский еврей предсказал в подробностях холокост лет за десять до того, как он был запущен в действие, любой порядочный психиатр, даже еврей, поставил бы ему диагноз «возможная шизофрения».

Затем они любовались закатом, неторопливо поглощая еду. Еще раньше Джентри спустился в подвал, где стояли ряды винных бутылок, и откопал там две бутылки великолепного каберне. Он слегка покраснел от смущения, когда она назвала его владельцем винного погреба. Натали поблагодарила хозяина за прекрасный обед и сделала комплимент, назвав его гурманом, на что Джентри заметил, что, если женщина умеет хорошо готовить, ее считают просто хозяйкой, а мужчина почему-то сразу становится гурманом. Она рассмеялась и пообещала больше не называть его так.

В этот одинокий вечер сочельника, сидя в своей быстро остывающей машине возле епископальной церкви Святого Михаила, Натали думала о стереотипах. Сол Ласки казался ей прекрасным примером — иммигрант, польский еврей из Нью-Йорка, с бородкой, печальными глазами, которые глядели на нее из такой европейской тьмы, которую Натали трудно было даже вообразить, не то что понять. Профессор-психиатр с мягким иностранным акцентом, могущим служить и эхом венского диалекта Зигмунда Фрейда для неподготовленного слуха. И дужка очков у него держалась на скотче, прямо как у тетушки Эллен, страдавшей от старческого маразма — теперь это называлось болезнью Альцгеймера — целых одиннадцать лет, пока она в конце концов не умерла.

Сол Ласки разительно отличался от большинства людей, белых или черных, которых Натали когда-либо знала. Он не так выглядел, не так говорил, не так поступал. Хотя ее стереотипные представления о евреях были весьма отрывочны и туманны — темная одежда, странные обычаи, этническое сходство друг с другом, близость к деньгам и власти, достигнутая за счет собственных стараний, — Сол Ласки и его странная сущность могли бы без проблем уложиться в эти стереотипные представления.

Могли, но не укладывались. Натали не питала особых иллюзий на тот счет, что ей, с ее интеллектом, не грозит опасная привычка сводить людей к стереотипам. Ей шел всего двадцать первый год, но она уже заметила, как люди, и даже очень умные, такие как ее отец или Фредерик, запросто меняют взгляды на вещи. Ее отец, тонко чувствующая натура и щедрый человек, с его гордостью за свою расу и за все, что ею унаследовано, тем не менее смотрел на становление так называемого «нового юга» как на опасный эксперимент, видел в этом махинации радикалов, черных и белых, направленные на изменение системы, которая сама по себе уже достаточно изменилась, и теперь в ней трудолюбивые цветные вроде него якобы могут добиться успеха, не теряя достоинства.

Для Фредерика же люди были либо куклами в руках системы, либо хозяевами этой системы, либо ее жертвами. Сама система не представляла для Фредерика никакой загадки, она состояла, по его представлениям, из политической структуры, сделавшей войну во Вьетнаме неизбежной, из силовой структуры, сохранявшей политическую власть, и из структуры социальной, которая скормила его раскрытой пасти войны. Фредерик ответил на вызов этой системы двояко: он сбежал от нее в нечто совершенно невидимое и мало связанное с жизнью — в математические формулы и добился в этой области таких успехов, что мог теперь совершенно спокойно игнорировать ее. Жил он только для того, чтобы заниматься своими компьютерными выкладками, избегая всяких человеческих осложнений, любить Натали так же яростно и умело, как и драться с любым, кто, как ему казалось, мог его обидеть. Он научил Натали стрелять из револьвера тридцать восьмого калибра, который держал в своей захламленной квартире.

Натали стало холодно, она включила мотор, чтобы согреться. Проехав мимо церкви, где люди собирались на утреннюю рождественскую службу, она повернула в сторону Брод-стрит. Ей вспомнились заутрени в баптистской церкви в трех кварталах от их дома, куда они с отцом ходили столько лет. В этом году она решила

больше туда не ходить — хватит лицемерить. Она знала, что ее отказ обидит отца и даже разозлит, но хотела настоять на своем. Сейчас она отдала бы все на свете, лишь бы не огорчать его, лишь бы он был жив...

Ее мать погибла, когда Натали исполнилось девять лет. «Это был несчастный случай, просто несчастный случай», — сказал ей тогда отец, стоя на коленях у постели и держа ее за руку. Как-то летом мама возвращалась с работы через небольшой сквер, метрах в тридцати от улицы, и машина, в которой сидели пятеро пьяных белых юнцов из колледжа, резко свернула на лужайку — они так забавлялись. Машина крутанулась вокруг фонтана, потом пошла юзом по рыхлой почве и налетела на тридцатидвухлетнюю женщину, торопившуюся домой к мужу и дочери, — была пятница, и они собирались во второй половине дня отправиться на пикник. Она не видела машины до последней секунды, как утверждали свидетели. Когда автомобиль сбил ее, на лице ее было лишь удивление, а вовсе не ужас.

В первый день занятий в четвертом классе учительница велела им написать о том, что случилось во время летних каникул. Натали долго смотрела на чистый тетрадный лист, а потом аккуратно и старательно вывела: «Этим летом я была на похоронах моей мамы. Моя мама была очень добрая и милая. Она меня любила. Она была молодая, и ей нельзя было умирать этим летом. Люди, которые ее задавили, не попали в тюрьму, им ничего не сделали. После похорон мамы папа и я поехали на три дня к моей тете Лии. Но потом мы вернулись. Я очень скучаю по маме».

Натали закончила свое сочинение, попросила разрешения выйти, быстро прошла по коридорам, таким знакомым и незнакомым, вошла в туалет, и там ее несколько раз стошнило.

Свернув с Брод-стрит к дому Мелани Фуллер, она почувствовала, как в ней поднимается знакомая волна боли и глухой ярости. Всякий раз, глядя на этот дом — теперь он был таким же темным, как и соседний, потому что миссис Ходжес уехала, — Натали вспоминала прошлый вторник и свою встречу здесь с бородачом.

Соломон Ласки. По идее, его легко было подвести под определенный стереотип, а вот не получалось. Натали мысленно представила его печальные глаза и тихий голос. Где он сейчас может быть? Что произошло? Они решили звонить друг другу через день, но он так ни разу и не позвонил ни ей, ни Джентри. Шериф попробовал сам связаться с ним по обоим номерам. Дома никто не ответил, а секретарь психологического факультета университета ска-

зал, что доктор Ласки до шестого января в отпуске. «Нет, доктор Ласки не звонил в деканат после шестнадцатого декабря. Он уехал в Чарлстон, но определенно вернется к шестому января, так как у него начинаются лекции».

В воскресенье они сидели в кабинете шерифа, и Натали показала ему газетную заметку про вчерашний взрыв в вашингтонском офисе одного сенатора. Погибли четыре человека. Может, это имело какое-то отношение к таинственному свиданию, на которое Сол должен был отправиться в тот день?

Джентри улыбнулся и напомнил ей, что при взрыве погиб охранник здания, а вашингтонская полиция и ФБР ведут речь об обычном террористическом акте. К тому же ни один из погибших не опознан как Соломон Ласки. Ведь по крайней мере некоторая часть бессмысленного насилия, творящегося в мире ежедневно, никак не связана с тем кошмаром, о котором им поведал психиатр.

Натали тогда лишь улыбнулась, соглашаясь с ним. Три дня спустя от Ласки по-прежнему не было никаких известий.

В понедельник утром Джентри позвонил ей с работы.

— Не хотите помочь нам в официальном расследовании убийств в «Мансарде»? — спросил он.

— Конечно, — ответила Натали. — А как я могу помочь?

— Мы пытаемся найти фотографию Мелани Фуллер, — пояснил Джентри. — Ребята из городского убойного отдела, да и местное отделение ФБР утверждают, что фотографии этой дамы вообще не существует. Они не смогли найти ни одного ее родственника. Обыск дома и опрос соседей результатов тоже не дали. Мы разослали ориентировку, но там только словесный портрет. Мне кажется, было бы очень полезно иметь ее фотографию. Вы согласны?

— Что я могу сделать?

— Давайте встретимся перед домом Фуллер через пятнадцать минут, — сказал Джентри. — Вы меня узнаете по розе в петлице.

Шериф действительно приехал на встречу с розой в петлице своей форменной рубашки. Он торжественно вручил ей цветок, когда они направились к запертой калитке перед домом Фуллер.

— Чем я это заслужила? — улыбнулась Натали, поднося дивно пахнущую розу к лицу и невольно краснея.

— Наверняка это будет ваша единственная награда за долгие, изматывающие и, скорее всего, бесполезные поиски. — Джентри вытащил огромную связку ключей, отыскал среди них тяжеленный старомодный ключ и отворил калитку.

— Мы что, будем снова обыскивать дом Фуллер? — спросила Натали.

Ей очень не хотелось входить внутрь. Она вспомнила, как пять дней назад увидела тут Сола, и по телу ее пробежала дрожь.

— Нет. — Джентри провел ее через небольшой двор к другому кирпичному зданию, стоявшему рядом. Поискав еще один ключ в связке, он отпер резную деревянную дверь. — После гибели мужа и внучки Рут Ходжес перебралась к своей дочери в западную часть города, в новый район Шервуд-Форест. Я получил ее разрешение забрать здесь то, что мне нужно.

Внутри дома было темно, пахло натертыми мастикой полами и старой мебелью, но совсем не так отвратительно, как в доме Фуллер. Они поднялись на второй этаж и вошли в небольшую комнату с рабочим столом, диваном и литографиями скаковых лошадей в рамках на стенах.

— Это был кабинет Джорджа Ходжеса, — пояснил Джентри, включив настольную лампу. Он взял альбом с марками, осторожно перевернул несколько страниц и повертел в руке увеличительное стекло. — Бедняга никогда и мухи не обидел. Тридцать лет служил на почте, а последние девять лет работал ночным сторожем на пирсе. И надо же такому случиться... — Джентри покачал головой. — Так вот, миссис Ходжес говорит, что у Джорджа был фотоаппарат, он только года три как с ним расстался, а до того снимал регулярно. Она уверена, что миз Фуллер никогда не позволяла фотографировать себя, но Джордж сделал множество слайдов, и миссис Ходжес не может поручиться, что среди них не найдется моментального снимка Мелани Фуллер...

— Понимаю. Вы хотите, чтобы я просмотрела все слайды и выяснила, нет ли ее там, — сказала Натали. — Только я ведь не знаю, как она выглядит.

— Я дам вам словесный портрет — тот самый, что мы разослали. Но в любом случае откладывайте в сторону изображения всех женщин лет семидесяти или около того. — Он немного подумал. — У вас или вашего отца есть стол с подсветкой? Или какой-нибудь аппарат для сортировки слайдов?

— Есть в студии... А не проще будет включить проектор?

— Да, с проектором будет быстрее, — согласился Джентри и открыл дверь в кладовую.

— Бог ты мой! — воскликнула Натали.

Стены большого помещения от пола до потолка были целиком увешаны самодельными полками. Слева стояли альбомы и пап-

ки с надписью «Марки», но задняя и правая стена были уставлены длинными открытыми коробками с желтыми кодаковскими подставками для слайдов.

— Но тут их тысячи! — Она глянула на шерифа. — Возможно, десятки тысяч!

Джентри развел руками и по-мальчишески ухмыльнулся:

— Я же сказал, что это работа для добровольца. Все мои помощники, кроме Лестера, сейчас заняты, а он, прямо скажем, не большого ума... Очень славный парень, но дуб дубом... Так что, боюсь, ему эта работа будет не под силу.

— Ну-ну, — вздохнула Натали. — Хорошенькая рекомендация для храбрых защитников Чарлстона.

Джентри смотрел на нее, все так же улыбаясь.

Девушка махнула рукой:

— Ладно, я согласна. Мне сейчас делать особо нечего, да и студия свободна, пока Лорн Джессап, поверенный моего отца, не закончит дела по продаже студии и всего здания.

— Я могу помочь отнести ящики в машину, — предложил шериф.

— И на том спасибо, — улыбнулась Натали и снова понюхала розу.

Слайдов было тысячи, и все без исключения по качеству на уровне любительских снимков. Натали знала, как трудно сделать по-настоящему хороший снимок, она училась этому на протяжении многих лет, изо всех сил стараясь, чтобы они понравились отцу, после того как он подарил ей, девятилетней девочке, на день рождения ее первый фотоаппарат. Но боже мой, если человек делает тысячи снимков в течение по крайней мере двух или трех десятков лет, должно же у него получиться хотя бы несколько интересных слайдов!

У Джорджа Ходжеса этого не получилось. Снимки были разные: семейные, на отдыхе, виды домов и лодок, плавучих дач, фото по случаю всяческих торжественных событий и праздников. Натали пришлось просмотреть все рождественские елки Ходжесов с сорок восьмого по семьдесят седьмой год. Была также запечатлена повседневная жизнь детей и внуков, но все слайды до единого были очень низкого качества. За восемнадцать лет занятий фотографией Джордж Ходжес так и не научился не снимать против солнца, выбирать правильный ракурс, чтобы деревья, столбы и другие детали фона не «вырастали» у людей из ушей или старо-

модных причесок, держать горизонт, избегать неестественных поз, фотографировать неодушевленные предметы на расстоянии нескольких миль, пользоваться вспышкой. Именно из-за этой его любительской привычки Натали и удалось обнаружить изображение Мелани Фуллер.

Был уже восьмой час, когда Джентри заехал в мастерскую с пластиковыми коробками из китайского ресторана, и они поели, стоя рядом со столом с подсветкой. Натали показала шерифу небольшую стопку снимков, где могла быть женщина, похожая на Мелани Фуллер.

— Не думаю, что она есть среди этих старушек. Все они позируют вполне охотно, большинство из них или слишком молоды, или слишком стары. Хорошо хоть, что мистер Ходжес разметил ящики и написал на них даты.

— Да, — согласился Джентри, быстро просматривая слайды над столом. — Ни один снимок не подходит под словесный портрет. Миссис Ходжес говорит, что миз Фуллер носила одну и ту же прическу, начиная по крайней мере с шестидесятых. Волосы короткие, слегка завитые на концах, подкрашены в голубоватый цвет. Немного похоже на то, как вы сейчас выглядите.

— Спасибо, — улыбнулась Натали. Она закончила есть, достала еще одну желтую коробку и начала выстраивать слайды по порядку. — Самое трудное в этом деле — удержаться и не смахнуть всю эту дребедень на пол, когда ничего не найдешь, — призналась она. — Как вы думаете, миссис Ходжес будет когда-нибудь просматривать эти слайды?

— Скорее всего, нет. Она утверждает, что Джордж в конце концов перестал заниматься фотографией из-за отсутствия интереса к снимкам с ее стороны.

Натали разложила трехсотую пачку слайдов, на которых был запечатлен сын супругов Лоренс с женой Надин, о чем свидетельствовали наклейки с надписями. Они стояли во дворе, щурясь от яркого солнца, с младенцем Лорелом на руках, а трехлетняя Кэтлин цеплялась за слишком короткую юбку матери. Лоренс был в черных туфлях и белых носках.

— Погодите-ка. — Натали вдруг нахмурилась, и Джентри, почувствовав волнение в ее голосе, тоже склонился над столом:

— Что такое?

Она ткнула пальцем в один из слайдов:

— Вот. Видите? Этот высокий лысый мужчина не похож на... как его?

— Мистера Торна. Да, это он. А вот и наша дама в мешковатом платье, с короткими синими кудрями... Нам невероятно повезло!

Они склонились еще ниже и принялись рассматривать изображение сквозь большое увеличительное стекло.

— Она не заметила, что их снимают, — сказала Натали.

— Да, — согласился Джентри. — Интересно, почему?

— Притом сколько тут снимков этой семьи, сделанных в одном и том же ракурсе, можно предположить, что мистер Ходжес заставлял их позировать дней двести в году. Миз Фуллер, скорее всего, приняла своих соседей за групповую статую во дворе.

— Наверное. — Джентри улыбнулся шире обычного. — Если снимок отпечатать, он хорошо получится? Я имею в виду только ее.

— Должен получиться, — сказала Натали уже серьезным тоном. — Похоже, он использовал здесь кодахром — шестьдесят четыре, а с этим можно увеличивать довольно сильно, и качество будет хорошее. Чтобы не портить снимок, лучше обрезать негатив, и у вас получится прекрасный профиль в три четверти.

— Замечательно! Отличная работа. А теперь мы... — Он замолчал, увидев, что девушка вдруг обхватила себя за плечи, пытаясь унять дрожь. — Что случилось?

— Непохоже, чтобы ей было семьдесят или восемьдесят, — прошептала она.

Джентри взглянул на слайд:

— Его сделали, судя по надписи, пять лет назад. Но вы правы, на вид ей лет шестьдесят или около того. Хотя в нотариальной конторе есть записи, что дом принадлежал Мелани Фуллер еще в двадцатых годах... В конце двадцатых. Но вас ведь не это так взволновало, верно?

— Нет. Просто я видела столько снимков маленькой Кэтлин и как-то позабыла, что девочки больше нет в живых. И ее дедушки... который делал снимки...

Джентри кивнул и повернулся к Натали, по-прежнему смотревшей на слайд. Его левая рука потянулась к ее плечу, чтобы погладить, успокоить, но он тут же опустил ее. Девушка ничего не заметила.

— А вот это чудовище, что убило их. Смотрите, шериф, какая безобидная старушка... Безобидная, как большая самка каракурта, которая убивает все, что попадает в ее логово. А когда она сама выбирается из логова, погибают другие люди... Как мой отец... — Натали выключила подсветку и отдала слайд Джентри. — Утром

я просмотрю остальные, может, найду еще что-нибудь. А пока отпечатайте вот это и передайте всем, кому нужно.

Джентри кивнул, осторожно держа слайд в вытянутой руке, словно то был паук, живой и смертельно опасный.

Натали остановила машину напротив дома Фуллер, взглянула на старое здание — все это уже стало для нее частью ритуала, потом переключила скорость, собираясь поехать куда-нибудь позвонить Джентри насчет обеда, и вдруг замерла. Она снова переключила скорость, трясущимися руками взяла «Никон» и установила стотридцатимиллиметровый объектив на приоткрытое окно со своей стороны, чтобы он не прыгал.

В доме Фуллер на втором этаже горел свет. Он горел не в тех комнатах, что выходили на улицу, а скорее пробивался из коридора, но был заметен даже сквозь жалюзи. В предыдущие три дня Натали каждый раз проезжала мимо дома после наступления темноты — света нигде не было.

Она опустила фотоаппарат и глубоко вздохнула. Сердце ее оглушительно стучало в груди. Нет, это нелепо, тут должно быть какое-то разумное объяснение. Старуха не могла вот так запросто вернуться домой и заняться домашними хлопотами, когда ее ищут полицейские полдюжины штатов, не говоря о ФБР.

«А почему бы и нет?» — подумала Натали и тут же отбросила эту мысль. Наверняка в доме Джентри или кто-нибудь из следователей. Он говорил ей, что они хотели перевезти вещи на хранение до завершения процесса. Да тут могла быть еще сотня других объяснений!

Свет неожиданно погас, и Натали вздрогнула, будто кто-то дотронулся до нее сзади. Она нащупала фотоаппарат, подняла его и направила видоискатель на окно второго этажа. Да, света за белыми жалюзи не было.

Натали осторожно положила фотоаппарат на соседнее сиденье, откинулась на спинку кресла, несколько раз глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, затем вытащила из бардачка свою сумочку. Не сводя глаз с темного здания, она нащупала в сумочке «ламу» тридцать второго калибра и достала оружие. Во вторник Джентри повел ее в частный тир и показал, как заряжать пистолет и стрелять из него. Сейчас он был заряжен всеми семью патронами, плотно уложенными в обойму, как яйца в гнездо.

Мысли Натали метались, словно лабораторные крысы в поисках выхода из лабиринта. Что же ей делать?.. А почему, собствен-

но, надо что-то делать? Сюда и раньше забредали разные... Сол, например. А где он теперь, черт побери? Может, это опять он? Натали понимала, что просто хочет успокоить себя. Она вспомнила изображение Мелани Фуллер и мистера Торна на слайде. Нет, Торн мертв, да и старуха, возможно, тоже. Но кто тогда?

Девушка стиснула рукоятку пистолета, старательно держа указательный палец подальше от спускового крючка, и посмотрела на темный дом. Дыхание ее было учащенным, но она держала себя в руках.

Надо убираться отсюда и позвонить Джентри на работу или домой. Если его нет, придется поговорить с помощником. Интересно, сколько времени потребуется помощникам шерифа или городским полицейским, чтобы явиться по вызову вечером, в канун Рождества? Натали попробовала вспомнить, где находится ближайший телефон, но перед глазами всплывали только картины закрытых темных магазинов и ресторанов, мимо которых она проезжала недавно.

Значит, надо двигаться к муниципальному зданию или домой к Джентри. Тут всего-то десять минут езды. А если тот, кто в доме, через десять минут исчезнет?

Однако Натали твердо знала, что ни за что не войдет в дом одна. В первый раз она совершила ошибку, но тогда ею двигали злость, отчаяние и храбрость, рожденная невежеством. Идти туда сейчас, с пистолетом или без него, было бы непростительной глупостью.

Будучи маленькой, Натали обожала допоздна смотреть фильмы ужасов по пятницам и субботам. Отец позволял ей расправлять кровать пораньше, чтобы она могла заснуть сразу после кино, а чаще она засыпала, когда еще мелькали кадры. Иногда они смотрели фильмы вместе, жевали воздушную кукурузу и обсуждали эти невообразимые события на экране. В одном они соглашались безоговорочно: никогда нельзя жалеть героиню, если она совершает глупые поступки. Так, например, некая молодая женщина в ночной кружевной рубашке не раз получала предупреждение не открывать запертую дверь в конце темного коридора, но стоило ей остаться одной, как она нарушила запрет. После этого симпатии Натали и ее отца тотчас отдавались чудовищу, ожидавшему ее за той дверью. У отца даже была поговорка: у глупости есть своя цена, и эту цену всегда приходится платить.

Натали открыла дверцу и вылезла из машины, держа в правой руке пистолет. Она с секунду постояла так, глядя на два темных

дома и примыкающий двор. Метрах в десяти фонарь освещал кирпичные стены и голые деревья.

«Только до калитки», — решила Натали. Если кто-нибудь выйдет, она всегда сможет убежать.

Девушка пересекла тихую улицу и подошла к калитке. Та оказалась не заперта и даже чуть приоткрыта. Она коснулась рукой холодного металла и широко раскрытыми глазами посмотрела на темные окна дома. Из-за притока адреналина Натали чувствовала, как сердце колотится о ребра, но он же сделал ее сильной, легкой и быстрой. В руке у нее был настоящий пистолет. Она щелкнула предохранителем, как учил ее Джентри, и решила, что будет стрелять, только если на нее нападут.

Натали понимала, что пора вернуться в машину, отъехать от дома и позвонить Джентри, но вместо этого толкнула калитку и шагнула во двор.

Большой старый фонтан посередине отбрасывал тень, и она встала в этом укрытии, не отрывая взгляда от окна и парадного входа. Она чувствовала себя десятилетней девочкой, вызвавшейся дотронуться до двери местного дома с привидениями. Но ведь горел же свет!

Если там кто-то был, он мог выйти через заднюю дверь, как в прошлый раз поступили они с Солом. Он не станет пользоваться парадной дверью, где его можно заметить с тротуара. В любом случае она подошла достаточно близко. Пора вернуться в машину и убираться отсюда подальше.

И все же Натали медленно подошла к невысокому крыльцу, слегка приподняв руку с пистолетом. Парадная дверь была приоткрыта, девушка дважды глубоко вдохнула и легонько толкнула ее. Дверь бесшумно распахнулась, словно на хорошо смазанных петлях. Натали увидела пол прихожей и несколько первых ступеней лестницы. Ей показалось, что она видит пятна — там, где лежали тела Кэтлин Ходжес и Баррет Крамер. Сейчас кто-то начнет спускаться по лестнице, покажутся сначала ботинки, потом ноги...

Она не стала ждать, повернулась и побежала. Каблук зацепился за камень, Натали чуть не упала, еще не добежав до калитки, но все же удержалась на ногах. Бросив через плечо испуганный взгляд на открытую дверь, на темный фонтан и тени на стенах и окнах, она выскочила на улицу, подбежала к машине и без сил рухнула на сиденье.

Она защелкнула замок и не забыла поставить пистолет на предохранитель, прежде чем швырнуть его на сиденье. Затем потяну-

лась к ключу зажигания, моля Бога, чтобы он оказался на месте. Мотор завелся сразу, и в этот момент чьи-то руки крепко ухватили ее сзади — одна зажала ей рот, другая сильно и профессионально стиснула горло. Натали даже не успела крикнуть и в панике уцепилась за чужие руки в перчатках, сдавившие ей рот и шею. Она отчаянно сопротивлялась и, откинувшись назад, попробовала дотянуться ногтями до нападавшего.

Пистолет! Правой рукой она ощупала соседнее сиденье, но не нашла его. На секунду рука ее задержалась у рычага скорости, потом она снова попыталась пустить в ход ногти. Тело ее выгнулось, она повисла над сиденьем, колени приходились выше руля. Чье-то тяжелое влажное лицо приблизилось к ней вплотную, но ее пальцы, скользнув, наткнулись лишь на шапку или кепку. Рука, сжимавшая ей рот, ослабла, нападавший наклонился к переднему сиденью, и Натали услышала, как пистолет с тяжелым стуком упал на резиновый коврик. Она снова вцепилась в толстые перчатки, но ее горло сдавили сильнее, а руку легко откинули в сторону. Хотя рот был теперь свободен, кричать она не могла, могла только шептать. В глазах прыгали яркие точки, в ушах шумела кровь.

«Значит, вот как бывает, когда тебя душат», — мелькнуло у нее в голове. Царапая ногтями обивку сиденья, Натали попробовала поднять колени, чтобы надавить на гудок на руле. В зеркальце заднего вида она на мгновение увидела красные, как кровь, глаза возле своей шеи, чью-то красную щеку, но тут же сообразила, что это ее собственная кожа казалась красной, поскольку она уже ничего не видела, кроме красных точек.

Ее щеку царапнула небритая щетина, и хриплый голос прошептал ей в ухо:

— Хочешь найти ту женщину? Ищи в Джермантауне.

Натали, как кошка, выгнулась изо всех сил, потом резко откинулась назад, так резко, как только могла, и почувствовала с мимолетным удовлетворением боль от удара головой о чью-то плоть.

Чужие немилосердные руки на миг отпустили ее, и девушка повалилась вперед, судорожно хватая ртом воздух. Она попыталась нащупать пистолет на полу, но тут железные пальцы стиснули ее горло с новой силой. Натали ощутила жгучую боль в шее, множество красных точек снова запрыгали перед глазами, и она погрузилась в пустоту.

КНИГА ВТОРАЯ
МИТТЕЛЬШПИЛЬ

О, разум... В разуме есть горы;
пропасти, чтоб падать,
отвесные, страшные, никем не меренные
до сих пор...

Джерард Мэнли Хопкинс

Глава 14
МЕЛАНИ

Время для меня теперь сплошная мешанина. Я так ясно помню те последние часы в Чарлстоне и совсем плохо — дни и недели, последовавшие затем. Другие воспоминания выбиваются на передний план. Я помню стеклянные глаза и проплешины в волосах на голове мальчика в населенной призраками детской в Ропщущей Обители. Странно, что я вспоминаю именно это, — я провела там так мало времени. Помню, как дети играли, а маленькая девочка пела в свете зимнего дня на склоне холма над лесом, когда вертолет врезался в мост. Разумеется, я помню ту кровать — завораживающие белые холмы этой тюремной площадки, где покоилось мое собственное тело. Помню, как Нина очнулась от своего смертельного сна: синие губы растянулись, обнажив желтые зубы, голубые глаза вернулись в глазницы на гребне поднимающейся волны личинок, а кровь снова хлынула из дырки с небольшую монету на бледном лбу. Но это не настоящее воспоминание. По крайней мере, я так думаю.

Когда я пытаюсь вспомнить те часы и дни после нашей последней встречи в Чарлстоне, первое, что я ощущаю, — это восторг, бодрость вернувшейся молодости. Я думала тогда, что самое худшее уже позади.

Как глупо было так думать.

Я свободна!

Свободна от Вилли, от Нины, свободна от Игры и всех кошмаров, связанных с ней.

Я выбралась из «Мансарды», когда там царило смятение, и медленно пошла сквозь тишину ночи. Несмотря на всю боль, причиненную мне в тот день, я чувствовала себя моложе, чем когда-либо за многие-многие годы. Свободна! Я шла легко, наслаждаясь темнотой и ночной прохладой. Где-то неподалеку выли сирены, но я не обращала на них внимания.

Подойдя к «зебре» у перекрестка с интенсивным движением, я подождала, пока не загорится зеленый свет. Рядом со мной притормозила длинная машина синего цвета — «крайслер», насколько я понимаю в машинах. Шагнув с тротуара, я постучала в окно автомобиля. Водитель, грузный пожилой человек с остатками волос на затылке, наклонился и подозрительно глянул на меня. Потом он улыбнулся и нажал какую-то кнопку; окно опустилось.

— Что-нибудь случилось, мэм?

Я кивнула и села в машину на удивительно мягкое бархатное сиденье.

— Поехали, — велела я.

Через несколько минут мы уже выезжали из города по шоссе, ведущему в соседний штат. Я говорила лишь тогда, когда нужно было отдать приказания. Держать водителя в своей власти было легко, мне почти не требовалось прилагать усилия. Бодрое чувство вернувшейся молодости принесло с собой уверенность в своих силах, которой я уже давно не ощущала. Откинувшись на спинку сиденья, я смотрела, как мимо проплыли и исчезли огни Чарлстона. Мы уже отъехали от города на несколько миль, и тут водитель закурил сигару. Терпеть не могу сигарного дыма. Он опустил окно и выбросил ее. Я мысленно приказала ему включить кондиционер, и мы все так же молча поехали дальше на северо-запад.

Незадолго до полуночи мы миновали темную полосу болот, куда упал самолет Вилли. Я закрыла глаза и вызвала воспоминания тех ранних дней в Вене: веселье за пивными столиками в садах, освещенных гирляндами желтых лампочек, прогулки поздней ночью вдоль Дуная, возбуждение, которое испытывали тогда мы трое в обществе друг друга, восторг первых осознанных Подпиток. В те далекие годы, когда мы встречались с Вилли в разных столицах, на разных курортах, мне иногда казалось, что я вот-вот влюблюсь в него. Только преданность памяти дорогого Чарльза заставляла меня противиться чувствам по отношению к нашему молодому, блестящему спутнику в ночи.

Открыв глаза, я взглянула на темную стену деревьев и кустарника справа от дороги. Представила себе, как изуродованное тело Вилли валяется где-то там, в грязи, среди насекомых и гадов, и ничего не почувствовала.

В Колумбии мы остановились на заправке. Когда водитель платил за бензин, я взяла его бумажник с сиденья. Там оставалось долларов тридцать, все остальное обычный хлам — визитные карточки

и фото. Мне было все равно, как его зовут, я лишь взглянула на водительские права, но не стала запоминать фамилию.

Вести машину — действие почти рефлекторное, мне не приходилось особо напрягаться, чтобы заставлять его делать все, что нужно. Я даже слегка задремала, пока мы ехали по шоссе I-20 мимо Огасты, штат Джорджия. Когда я проснулась, он уже начал что-то бормотать, рассеянно тряся головой, но я сжала тиски, и он вновь устремил взгляд на дорогу прямо перед собой. Я опять закрыла глаза, и передо мной замелькали отраженные огни фар и рефлекторов.

Мы въехали в Атланту в четвертом часу утра. Мне никогда не нравился этот город, в нем не было очарования и элегантности культуры юга, а ныне он расползся во все стороны, превратившись в бесконечную череду промышленных парков и бесформенных новых районов. Мы свернули с шоссе у большого стадиона. Улицы в центре были пустынны. Я велела водителю отвезти меня к банку, который и служил целью моего путешествия, но стеклянный фасад не был освещен. Я почувствовала неприятное разочарование и раздражение. Когда-то мне понравилась идея держать запасные документы для своей новой легенды в ячейке сейфа — откуда мне было знать, что они понадобятся мне в три тридцать утра в воскресенье?

Я пожалела, что во время всех этих бурных событий потеряла сумочку. Карманы моего светло-коричневого плаща были набиты вещами, которые я переложила из своего изодранного и испачканного кровью пальто. В бумажнике по-прежнему лежали ключ от сейфа и кредитная карточка. Я велела водителю несколько раз объехать центр города, но это было явно бесполезно. На большей части перекрестков горели желтые фонари, иногда мимо проезжал полицейский автомобиль.

В центре города, неподалеку от банка, располагалось несколько приличных отелей, но мой непрезентабельный вид, да еще без багажа, не давал возможности искать там пристанища. Я мысленно приказала водителю направиться по скоростному шоссе к пригороду. Минут через сорок мы нашли мотель с вывеской «Свободные места» и подкатили к одному из этих ужасных заведений с названием вроде «Супер-6», «Мотель-8» или тому подобным вздором, словно люди такие кретины, что не запомнят название, если к нему не добавить номер. Я подумала, не послать ли водителя зарегистрироваться, но это было рискованно — он мог вступить в раз-

говор, а я слишком устала, чтобы лишний раз напрягаться. Жаль, конечно, что у меня не хватило времени поработать с ним. В конце концов я причесалась как смогла, заглядывая в зеркальце заднего вида, и направилась ко входу в мотель. За стойкой сидела заспанная женщина, в шортах и заляпанной футболке мерсерского университета. Я заранее придумала, как нас зовут, откуда мы, придумала номер машины, но женщина даже не потрудилась выглянуть наружу, где стоял «крайслер» с работающим мотором. Как и всегда в этих глупых заведениях, она лишь попросила заплатить вперед.

— На одну ночь? — спросила она.

— На две. Мой муж завтра будет целый день отсутствовать. Он коммивояжер, продает кока-колу и поедет на завод. А я хочу...

— Шестьдесят три доллара восемьдесят пять центов, — бросила женщина.

Она дала мне ключ, привязанный к пластинке с номером:

— Двадцать один шестнадцать. Объедете кругом и поставите машину около мусорных ящиков.

Мы сделали, как она велела. Это казалось нелепым, но стоянка была забита машинами, а у дальнего забора стояли даже несколько трейлеров. Я открыла номер ключом и вернулась к машине.

Водитель, сгорбившись, сидел за рулем и дрожал. Лоб его покрылся потом, щеки тряслись — он пытался выскочить из того малого пространства, что я оставила его воле. Я здорово устала, но по-прежнему уверенно держала над ним контроль. Признаться, мне ощутимо не хватало мистера Торна. Уже много лет мне даже не приходилось вслух высказывать свои пожелания — он и так выполнял все беспрекословно. Используя же этого незнакомого грузного человека в «крайслере», можно было дойти до отчаяния — все равно что работать с окалиной, когда привык иметь дело с благородными металлами. Я пребывала в нерешительности. Конечно, были определенные преимущества в том, чтобы держать его при себе до понедельника. Самое главное — автомобиль. Но риск был слишком велик. Его отсутствие уже могли заметить, и полицейские, возможно, ищут его машину. Все это очень осложняло ситуацию, но главное, из-за чего я решилась избавиться от него, была та ужасная усталость, которая навалилась на меня после прежних восторгов. Мне необходимо было поспать, оправиться от потрясений и вчерашнего кошмара. Этого глупого водителя не стоило оставлять без присмотра: он мог выйти из пассивного состояния, пока я буду отдыхать в номере.

Наклонившись к нему поближе, я легко коснулась рукой его щеки.

— Ты вернешься на шоссе, — прошептала я. — Поедешь вокруг города. Каждый раз, когда будешь проезжать съезд с шоссе, увеличивай скорость на десять миль в час. Когда проедешь четвертый съезд, закрой глаза и не открывай их, пока я тебе не велю. Кивни, если все понял.

Он кивнул. Глаза его остекленели и смотрели прямо перед собой. С этим хорошей Подпитки не получится, даже если бы я захотела.

— Поезжай, — приказала я.

Я наблюдала, как «крайслер» выехал со стоянки и свернул влево, к скоростному шоссе. Закрыв глаза, я воочию видела длинный капот и слепящий свет фар, мелькающих мимо машин, слышала тихий гул кондиционера и чувствовала, как голые руки царапают шерстяной свитер. Во рту был противный привкус недокуренной сигары. Я вздрогнула от отвращения и немного отстранилась. Миновав первый съезд, водитель плавно увеличил скорость до шестидесяти пяти миль в час. Он отъехал уже довольно далеко, и мое восприятие немного ослабло, смешиваясь со звуками на стоянке и прикосновением ветерка к лицу. Я едва ощутила тот момент, когда машина разогналась до скорости девяносто пять миль и водитель закрыл глаза...

Номер мотеля был именно таким, каким я себе его представляла, — пустой и тоскливый, ничего, кроме самого необходимого. Порез на правом боку оказался тонюсенькой царапиной, но платье и комбинация были безнадежно испорчены. Рана на мизинце пульсировала намного болезненнее, чем бок. На некоторое время я отогнала сон, чтобы принять горячую ванну и вымыть голову. Затем, завернувшись в два полотенца, я села и заплакала. У меня не было с собой ни ночной рубашки, ни смены нижнего белья. Боже мой, не было даже зубной щетки! Банк будет закрыт до утра понедельника, значит ждать еще больше суток. Я сидела и плакала, чувствуя себя старой, забытой и никому не нужной. Мне хотелось вернуться домой, забраться в свою кровать и чтобы утром мистер Торн, как всегда, принес кофе с бриошами. Но возвращаться было некуда. Мои рыдания скорее походили на плач покинутого ребенка.

Потом, все еще закутанная в полотенца, я улеглась на бок, накрылась одеялом и заснула.

Проснулась я лишь после полудня, когда в номер пыталась войти горничная. Добравшись до ванной, я попила воды, стараясь не смотреть на себя в зеркало, и вернулась в кровать. Толстые занавески не пропускали дневной свет в комнату, вентилятор тихонько урчал, и я снова прибегла к спасительной силе сна, как раненое животное. Никаких сновидений не было.

Вечером я встала, пошатываясь и чувствуя боль во всем теле еще сильнее, чем накануне, и попыталась привести себя в порядок. Платье никуда не годилось, придется не снимать плащ. Волосы тоже требовали ухода. Но при всем при этом кожа моя ожила, плоть под подбородком сделалась более упругой, а морщинки, наложенные резцом времени, разгладились. Я ощущала себя гораздо моложе, чем прежде. Несмотря на весь ужас вчерашнего дня, Подпитка сослужила мне хорошую службу.

За бесконечно тянувшейся автостоянкой находился ресторан. Совершенно бесчеловечное место: освещение как в операционной, на столах клеенка в красную клетку, все еще влажная после того, как помощник официанта провел по ней своей невообразимо грязной губкой, и огромное, закатанное в пластик меню с цветными фотографиями «специальных блюд» этого заведения. Я подумала, что фотографии, наверное, предназначены для неграмотных посетителей, неспособных расшифровать цветистые описания «восхитительной, хрустящей домашней поджарки» или «самого любимого блюда южан на все времена — мамалыги, как ее делала бабушка». Меню было невозможно читать из-за этих бесконечных отступлений и восторженных восклицаний, снабженных неграмотными комментариями. Как странно: одно поколение пробавляется паршивой, всем надоевшей пищей только потому, что эти люди слишком бедны или слишком невежественны, чтобы вкусно питаться, а для следующего поколения эти же блюда становятся традиционной едой «для души». Я заказала чай с горячей английской булочкой и ждала целых полчаса, когда мне ее принесут, все это время страдая от ругани и чавканья за соседним столом, где сидела огромная семья этих скотов-северян. Не в первый раз я подумала, что нация была бы гораздо более здравомыслящей, если бы закон запрещал детям и взрослым питаться в одних и тех же заведениях.

Когда я вернулась в номер, было уже темно. От нечего делать я включила телевизор. За десять лет, что я не смотрела его, почти ничего не изменилось. На одном канале — безмозглые футбольные

баталии, по другому рассказывали об эстетике борьбы сумо — гораздо подробнее, чем мне хотелось бы об этом знать. С третьей попытки я попала на телефильм, часто прерываемый рекламой, про компанию несовершеннолетних проституток и молодого общественника, который посвятил свою жизнь спасению героини, погрязшей во грехе. Эта идиотская картина напомнила мне скандальные бульварные газетки, популярные в дни моей молодости. И те и другие обличали возмутительные стороны порочного поведения, но если тогда это была «свободная любовь», то теперь в средствах массовой информации ее называли «детской порнографией», не стесняясь демонстрировать весь набор щекочущих нервы деталей.

На последнем канале шли местные новости. Молодая цветная женщина, все время улыбаясь, рассказывала про «убийства в Чарлстоне», как это было названо. Полиция занималась поисками подозреваемых и мотивов преступления, свидетели описывали массовую сцену резни в хорошо известном отеле «Мансарда», полиция штата и ФБР интересуются местонахождением мисс Фуллер, много лет прожившей в Чарлстоне. Один из убитых являлся ее слугой. Фотографии этой дамы нет. Весь репортаж длился меньше сорока пяти секунд.

Я выключила телевизор, погасила свет и лежала, дрожа в темноте. «Успокойся, — приказала я себе, — через сорок восемь часов ты будешь на своей вилле на юге Франции, в тепле и безопасности». Закрыв глаза, я попыталась представить маленькие белые цветы, растущие там между плитами дорожки, ведущей к беседке. На секунду мне показалось, что я улавливаю соленый запах моря, который всегда усиливался после каждого налетевшего с юга шторма. Представила черепичные крыши близлежащей деревни, красные и оранжевые, возвышающиеся над зелеными прямоугольниками плодовых садов, разбитых в долине. Но на эти приятные образы вдруг наложилось воспоминание о Нине: голубые глаза, широко распахнутые в изумлении, приоткрытый рот, дырочка во лбу — ничего ужасного, просто пятно, которое она вот-вот сотрет движением своих длинных пальцев с прекрасным маникюром. Потом, когда я уже совсем засыпала, я увидела кровь — она хлестала не только из раны, но и изо рта, носа и широко раскрытых, укоряющих глаз Нины.

Я подтянула одеяло к самому подбородку и постаралась ни о чем не думать.

Мне обязательно нужна была сумочка. Если я поеду в банк на такси, у меня не останется денег на сумочку. Но и в банк приехать без сумки я не могла. Снова пересчитав наличность в бумажнике, я нерешительно стояла в номере мотеля, а на стоянке уже нетерпеливо гудело вызванное мною такси.

Проблему пришлось решить так: я велела таксисту остановиться по дороге у магазина уцененных товаров и купила за семь долларов совершенно ужасную соломенную корзинку. Поездка на такси, включая остановку для покупки этого сокровища, обошлась мне в тринадцать долларов. Я дала доллар водителю на чай и оставила себе последний доллар — вроде как на счастье.

Вероятно, вид у меня был ужасный, когда я вот так стояла и ждала открытия банка. Прическе моей ничто уже не могло помочь, на лице не было никакой косметики. Я наглухо застегнула свой светло-коричневый плащ, все еще попахивающий порохом, правая рука крепко сжимала новую соломенную сумку. Оставалось лишь натянуть кроссовки, и я превратилась бы в вылитую «даму с кошелкой» — так этих бомжих, кажется, теперь называют. Тут я вспомнила, что на мне все еще прогулочные туфли на низком каблуке, а они и впрямь похожи на кроссовки.

Это было невероятно, но помощник управляющего банком узнал меня и, казалось, пришел в восторг от моего появления.

— А-а-а, миссис Строн, — приветствовал он, когда я робко приблизилась к его столу. — Рад снова вас видеть.

Я была изумлена. Прошло почти два года после моего последнего посещения этого банка, да и денег у меня на счете было не так много, чтобы со мной любезно беседовал сам помощник управляющего. На несколько секунд я ударилась в панику, будучи уверенной, что полиция вычислила меня и устроила здесь ловушку. Я окинула взглядом редких посетителей и служащих, пытаясь определить, кто из них полицейские в штатском, но помощник со своей любезной улыбкой был спокоен, и я облегченно вздохнула. Просто мне попался человек, гордящийся своей способностью запоминать имена клиентов, ничего более.

— Давно вас не было видно, — приветливо сказал он, бросив быстрый взгляд на мой костюм, если его можно было так назвать.

— Два года, — уточнила я.

— Как ваш муж? Здоров?

Мой муж? Я отчаянно попыталась вспомнить, что я им тут рассказывала во время предыдущих посещений. Но я ведь никогда

ничего не говорила! Вдруг до меня дошло, что он имеет в виду высокого лысого джентльмена, который всегда молча сопровождал меня во время этих визитов.

— Ах да, — обрадовалась я. — Вы, наверное, говорите про мистера Торна, моего секретаря. Боюсь, он у меня уже не служит. А мистер Строн умер еще в пятьдесят шестом году. От рака.

— Весьма сожалею. — Цветущее лицо помощника управляющего еще больше раскраснелось.

Я кивнула, и мы несколько секунд помолчали — вероятно, в память о мифическом мистере Строне.

— Так чем я могу вам помочь, миссис Строн? Надеюсь, вы хотите увеличить сумму вклада.

— К сожалению, мне нужны деньги, — сказала я. — Но сначала мне необходимо взглянуть на свою ячейку в сейфе.

Я протянула ему нужную карточку, стараясь не перепутать ее с так долго лежавшими в бумажнике карточками из полудюжины других банков. Затем мы торжественно проделали церемонию с двумя ключами, и я осталась одна в небольшой комнате, похожей на исповедальню.

Под крышкой ячейки хранилась моя новая жизнь. Паспорт, выписанный четыре года назад, был все еще действителен. Это был паспорт особого выпуска, по поводу двухсотлетия Дня независимости, с красно-голубым фоном. Джентльмен на почте Атланты тогда еще сказал мне, что когда-нибудь этот юбилейный документ станет коллекционной ценностью. Наличные деньги, двенадцать тысяч долларов купюрами разного достоинства, тоже имели право на существование. Пачки были тяжелыми, и я с трудом затолкала их в сумку, моля Бога, чтобы дешевая солома выдержала. Облигации и сертификаты акций на имя миссис Строн мне не требовались, но они хорошо прикрывали тяжелые пачки денег. Я не стала брать ключи от своего «форда», поскольку мне вовсе не хотелось заниматься такими скучными делами, как забирать автомобиль из гаража, где он находился, и прочее; к тому же могли возникнуть проблемы, если его найдут на стоянке аэропорта. Последнее, что хранилось в ячейке, — крошечная «беретта», пистолет для мистера Торна в случае непредвиденных обстоятельств. Но там, куда я направлялась, он мне вряд ли понадобится.

Или скажем так: куда я надеялась направиться.

Я закрыла ячейку с той же похоронной торжественностью, что и в предыдущем ритуале, затем подошла к кассиру.

— Вы хотите забрать все десять тысяч? — спросила девушка за перегородкой, перекатывая во рту жвачку.

— Да. Я ведь там написала.

— Значит, вы закрываете свой счет?

— Именно это и значит. — Можно было только диву даваться, как годы обучения уходят на то, чтобы в конце концов выдать такой вот образчик компетентности.

Девушка глянула в ту сторону, где стоял помощник управляющего, сложив руки на животе, словно платный плакальщик на похоронах. Он коротко кивнул, и она быстрее задвигала челюстями, гоняя жвачку.

— Хорошо, мэм. Как вы хотите их получить?

У меня был соблазн сказать: «Перуанскими копейками».

— Дорожными чеками, пожалуйста, — улыбнулась я. — Тысячу долларов чеками по пятьдесят долларов, тысячу — по сто, остальные по пятьсот.

— Это платная операция. — Девица слегка нахмурилась, словно такая перспектива могла заставить меня передумать.

— Прекрасно, милочка, — согласилась я. В это раннее утро я вдруг тоже почувствовала себя ранней пташкой, совсем юной. На юге Франции будет прохладно, зато воздух густой, как топленое масло. — Можешь не торопиться.

Отель «Атланта Шератон» размещался в двух кварталах от банка. Я сняла там номер, воспользовавшись вместо кредитной карточки пятисотдолларовым дорожным чеком, а сдачу положила в бумажник. Номер был не такой плебейский, как в том мотеле с цифрой в названии, но такой же стерильный. Из номера я позвонила в туристическое агентство в центре города. Молодая особа несколько минут лазила по компьютеру, потом сообщила, что у меня есть выбор: вылететь сегодня в шесть рейсом TWA, сорок минут подождать в Хитроу и дальше лететь в Париж либо лететь прямо в Париж десятичасовым рейсом «Пан Американ». В обоих случаях я успевала на вечерний рейс из Парижа в Марсель. Она посоветовала воспользоваться более поздним рейсом, поскольку так дешевле, но я предпочла более ранний и первым классом.

Недалеко от отеля располагались три респектабельных магазина. Я позвонила во все три и выбрала тот, где их меньше всего шокировала мысль доставить покупки клиенту прямо в отель. Затем вызвала такси и поехала в магазин.

Я купила восемь платьев от Альберта Нипона, четыре юбки, одна из которых оказалась восхитительной шерстяной моделью от

Кардена, полный набор чемоданов от Гуччи, два костюма от Эван-Пикон, показавшиеся мне подходящими для моего возраста, достаточное количество нижнего белья, две сумочки, три ночные рубашки, удобный синий халат, пять пар обуви, включая пару черных туфель-лодочек на высоком каблуке от Балли, полдюжины шерстяных свитеров, две шляпы — одна из них, соломенная, с широкими полями, довольно хорошо подошла к моей семидолларовой корзине, дюжину блузок, туалетные принадлежности, флакон духов от Жана Патона с претензией на то, чтобы считаться «самыми дорогими духами в мире», что вполне могло оказаться правдой, цифровой будильник и калькулятор всего за девятнадцать долларов, косметику, капроновые чулки — не эти ужасно неудобные колготки, а настоящие капроновые чулки, полдюжины бестселлеров в мягких обложках, путеводитель по Франции, вместительный бумажник, несколько разных шоколадок, английских бисквитов и небольшой металлический сундучок. Потом, пока продавец побежал искать кого-нибудь, чтобы доставить покупки в отель, я зашла в соседний салон красоты — надо было привести себя в полный порядок.

Позже, посвежевшая, даже немного расслабленная, одетая в удобную юбку и белую блузку, я вернулась в «Шератон». Кожу, особенно на голове, все еще покалывало, словно иголками. Я заказала в номер кофе, сэндвич с холодным ростбифом и с дижонской горчицей, картофельный салат, ванильное мороженое и дала юноше-коридорному, который принес все это, пять долларов на чай. В полдень по телевизору передавали программу новостей, но больше ничего о событиях в Чарлстоне сказано не было. Я пошла в ванную и долго нежилась в горячей воде.

Лететь я решила в темно-синем костюме. Потом, все еще в комбинации, я принялась упаковывать вещи. В небольшую сумку, которую можно брать с собой в салон, я уложила смену одежды, ночную рубашку, туалетные принадлежности, кое-что из еды, две книжки и бóльшую часть наличных денег. Мне пришлось послать коридорного за ножницами, чтобы срезать ярлыки и перерезать шпагат.

К двум часам все было закончено, хотя небольшой сундучок оказался заполненным лишь наполовину. Пришлось затолкать туда плед, который я нашла в шкафу, чтобы в сундучке ничего не болталось. Я прилегла на кровать отдохнуть. В четыре пятнадцать такси должно было отвезти меня в аэропорт. Мне нравилось смотреть на бегущие черные цифры на серой поверхности экрана мо-

его нового дорожного будильника. Я представления не имела, как работает эта штуковина. Мне вообще многое было непонятно в последней четверти двадцатого века, но это не имело значения. Заснула я с улыбкой на устах.

Аэропорт Атланты походил на все крупные аэропорты, в которых я бывала, а бывала я почти во всех. Мне очень не хватало великолепных железнодорожных вокзалов прошлых лет: мраморного благородства Гранд-Сентрала в его лучшие годы, открытого небу великолепия довоенного вокзала в Берлине и даже безвкуснопышной архитектуры и вечного хаоса Виктория-стейшн в Бомбее. Аэропорт Атланты был воплощением современных средств передвижения, где понятие класса отсутствует: бесконечные залы, сиденья из пластика, ряды видеомониторов, немо отмечающие прибытие и отправление рейсов. По коридорам бегали бизнесмены и семейные толпы в пастельных тряпках, потные, громко кричащие. Но все это не имело значения. Через двадцать минут я буду свободна.

Я сдала все вещи в багаж, кроме ридикюля, соломенной кошелки и сумки с самым необходимым. Служащий авиакомпании провез меня через весь зал на небольшом электрокаре. Сказать по правде, артрит действительно беспокоил меня, а ноги страшно болели после перенесенной нагрузки. Меня снова зарегистрировали у стойки отправления, предупредив, что в салоне первого класса курить запрещается, и я села в кресло, ожидая посадки.

— Мисс Фуллер! Мисс Мелани Фуллер! Пожалуйста, возьмите трубку ближайшего белого телефона.

Я вздрогнула всем телом и замерла, напряженно вслушиваясь. Громкоговоритель все это время беспрерывно болтал, прося кого-то пройти на регистрацию, предупреждая, что такие-то автомобили, оставленные в неположенном месте, будут оштрафованы, призывал пассажиров быть бдительными и не связываться с религиозными фанатиками, бродящими по аэровокзалу, как стая шакалов, вооруженных брошюрами. Конечно, это ошибка! Если бы мое имя действительно называли, я бы услышала его раньше. Выпрямившись, едва дыша, я слушала, как бесполый голос читает, словно молитву, имена людей, которых просят куда-то позвонить. Я немного успокоилась, когда услышала, что вызывают некую мисс Рене Фаулер. Неудивительно, что я ошиблась, мои нервы были напряжены уже несколько дней и даже недель. С ранней осени я все думала о нашей встрече.

— Мисс Фуллер! Мисс Мелани Фуллер! Пожалуйста, возьмите трубку ближайшего белого телефона, — повторил голос.

Сердце мое на секунду остановилось, я чувствовала, как болезненно сжались мышцы в груди. «Это ошибка. Такое распространенное имя. Конечно, я что-то не так поняла...»

— Миссис Строн! Миссис Беатриса Строн! Пожалуйста, возьмите трубку ближайшего белого телефона... Мистер Бергстром! Мистер Харольд Бергстром...

Я поняла, что сейчас упаду в обморок прямо здесь, в зале ожидания пассажиров, отлетающих за океан. Перед глазами заплясали мириады крошечных точек, поплыли красно-голубые стены зала. Шатаясь, я поднялась с кресла и пошла, крепко прижимая к себе ридикюль, соломенную кошелку и сумку. Мимо пронесся мужчина в синей форменной рубашке и с пластиковой биркой на груди. Я схватила его за руку:

— Где это?

Он тупо уставился на меня.

— Белый телефон, — прошипела я. — Где он?

Он ткнул пальцем в сторону ближайшей стены. Я подошла к аппарату и с минуту — или целую вечность — не могла заставить себя поднять руку и взять трубку, словно это была гадюка. Затем все же сняла ее и хрипло прошептала свое новое имя. Незнакомый голос в телефоне сказал:

— Миссис Строн? Одну минуту. Тут вас спрашивают.

Я не шевелилась, пока в трубке раздавались какие-то щелчки: соединяли с нужным номером. Когда наконец я услышала голос, он звучал, как гулкое эхо в пустоте, словно шел из тоннеля или из голой комнаты. Или из могилы. Я очень хорошо знала этот голос.

— Мелани? Мелани, дорогая, это Нина... Мелани? Мелани, дорогая, это Нина...

Я уронила трубку и шагнула назад. Шум и суета вокруг меня отдалились, остался только какой-то еле слышный, ничего не значащий гул. Казалось, я смотрела сквозь длинный тоннель на крохотные фигурки, мелькающие туда-сюда. Охваченная внезапной паникой, я повернулась и побежала, забыв про свою сумку, про деньги в ней, про рейс и вообще про все, кроме этого голоса из преисподней, который все еще звучал у меня в ушах, словно крик в ночи.

Я уже приближалась к выходу из аэровокзала, когда ко мне бросился служащий в красном головном уборе. Не думая ни о чем, я просто взглянула на него, и он рухнул на пол. Вряд ли я когда-либо раньше Использовала кого-то так быстро и так свирепо. Слу-

жащий забился, как в эпилепсии, голова его снова и снова ударялась о плитки пола. Люди кинулись к нему, а я выскользнула через автоматически открывающиеся двери.

Стоя у края тротуара, я тщетно пыталась унять охватившую меня панику. Казалось, любое из мелькавших мимо лиц вот-вот может обернуться бледной, улыбающейся маской смерти. Оглядываясь по сторонам, я прижимала к груди ридикюль и соломенную кошелку — жалкая старая женщина на грани истерики. «Мелани? Дорогая, это Нина...»

— Такси, мэм?

Я повернулась и увидела, что рядом со мной остановилось зеленое с белым такси, а я даже не заметила. За ним выстроились еще несколько, на специально отведенной для них полосе. Водитель — белый, лет тридцать с небольшим, гладковыбритый, но с прозрачной кожей, сквозь которую просвечивала щетина завтрашнего дня.

Я кивнула и схватилась за ручку дверцы. Внутри пахло табачным дымом, потом и винилом. Когда мы двинулись к выезду из аэропорта, я повернулась и глянула в заднее стекло. Сказать, преследует ли нас кто-нибудь, было невозможно из-за слишком плотного потока машин.

— Я спрашиваю, куда едем? — крикнул водитель.

Я моргнула. В голове было пусто.

— В центр? — спросил он. — К отелю?

— Да. — Было такое впечатление, что я не говорю на этом языке.

— К какому отелю?

За левым глазом у меня вдруг вспыхнула слепящая боль. Я почувствовала, как она перетекает из мозга к шее, а потом заполняет все тело, словно жидкое пламя. С секунду я не могла дышать. Просто сидела, сжимая ридикюль и соломенную корзинку, и ждала, пока боль не утихнет.

— ...или как? — спросил водитель.

— Извините? — Голос мой звучал, словно шелест мертвых стеблей кукурузы на сухом ветру.

— Мне выбираться на скоростное шоссе?

— «Шератон». — Слово прозвучало для меня полной бессмыслицей. Боль начала уходить, но к горлу подступила тошнота.

— В центре или в аэропорту?

— В центре. — Я совершенно не понимала, о чем идет речь.

— Хорошо.

Я откинулась на холодный винил. Полосы света пересекали зловонную внутренность такси через равные промежутки времени, создавая гипнотический эффект. Я сосредоточилась на том, чтобы выровнять дыхание. Шорох шин, катящихся по мокрому асфальту, медленно пробивался сквозь гул в ушах. «Мелани, дорогая...»

— Как тебя зовут? — прошептала я.

— А?

— Как тебя зовут? — резко повторила я.

— Стив Лентон. Вот тут написано. А что?

— Где ты живешь?

— А зачем?

Мне это надоело. Несмотря на головную боль и подступающую тошноту, я крепко сжала его сознание. На несколько секунд он скорчился за рулем, затем я велела ему выпрямиться и снова смотреть на дорогу.

— Где ты живешь?

Картинки, образы, женщина со светлыми редкими волосами перед гаражом.

Говори!

— Бьюла-Хайтс. — Голос водителя звучал глухо, монотонно.

— Далеко отсюда?

— Пятнадцать минут.

— Ты живешь один?

Печаль. Чувство потери. Ревность. Исполненный боли образ блондинки с сопливым ребенком на руках, громкий злой голос, красное платье удаляется по тротуару. В последний раз мелькает ее машина. Жалость к себе. Слова из кантри-песни, соответствующие ситуации.

— Едем туда, — сказала я. Наверное, я действительно сказала это. Закрыв глаза, я слушала, как шуршат шины по мокрому асфальту.

Дом таксиста был погружен в темноту. Он походил на все остальные жалкие маленькие домишки в этом районе, мимо которых мы проехали: оштукатуренные стены, одно большое окно, выходящее на крохотный прямоугольник сада, гараж размером с весь остальной дом. Никто нас не видел, когда мы подъезжали. Таксист открыл двери гаража, и мы въехали внутрь. Там стоял «бьюик» новой модели, темно-синий или черный, трудно было сказать при таком плохом освещении. Я заставила его выкатить «бьюик» на

дорожку перед гаражом, а потом вернуться. Мотор такси по-прежнему работал. Водитель закрыл дверь гаража.

— Покажи мне дом, — тихо попросила я.

В доме было все так, как я и предполагала, и оттого еще тоскливее. В раковине лежали грязные тарелки, по полу в спальне разбросаны носки и белье, везде валялись газеты, а со стен на это безобразие смотрели дешевые фотографии детей с глазами лани.

— Где твой пистолет? — спросила я.

Мне не нужно было прощупывать его мозг, чтобы выяснить, есть ли у него оружие. В конце концов, это юг. Таксист повел меня вниз по лестнице, в плохо освещенную мастерскую. На голых шлакоблочных стенах висели старые календари с фотографиями обнаженных женщин. Мужчина мотнул головой в сторону дешевого металлического шкафчика, где у него хранились дробовик, охотничий карабин и два пистолета, завернутые в промасленные тряпки. Один из них оказался длинноствольным спортивным пистолетом небольшого калибра, и притом однозарядным. Другой — более знакомое мне оружие: револьвер тридцать восьмого калибра со стволом сантиметров восемнадцать, немного похожий на антикварный револьвер Чарльза. Я уложила в корзину револьвер, три пачки патронов, и мы вернулись на кухню.

Водитель принес ключи от «бьюика», и я принялась сочинять записку, которую он должен был оставить. Записка получилась не очень оригинальная — одиночество, угрызения совести, невозможность жить так дальше. Власти могли заметить исчезновение револьвера, и, уж конечно, они будут искать машину, но убедительность записки и выбор способа должны снять подозрения. Во всяком случае, я на это надеялась.

Водитель вернулся в свое такси. Дверь из кухни в гараж осталась открытой всего на несколько секунд, но и этого хватило, чтобы глаза мои заслезились от выхлопных газов. Когда я в последний раз мельком глянула на мужчину, он сидел в машине выпрямившись, руки его крепко держали руль, а глаза смотрели прямо перед собой, за горизонт невидимого шоссе. Я закрыла дверь.

Надо было сразу уходить, но руки мои дрожали, в правой ноге что-то пульсировало, уколы артритной боли доставали до бедра. Я судорожно схватилась за пластиковую крышку стола, присела и закрыла глаза. «Мелани? Дорогая, это Нина...» Спутать этот голос с чьим-то другим было невозможно. Одно из двух: либо Нина все еще преследует меня, либо я лишилась рассудка.

Дырочка у нее во лбу была величиной с десятицентовую монету, идеально круглая. И никакой крови.

Я порылась в кухонных шкафах в поисках вина или бренди. Нашла только полбутылки виски «Джек Дэниелс». Я взяла чистый стакан и выпила немного. Виски обожгло горло и желудок, но руки мои почти не дрожали, когда я аккуратно вымыла стакан и поставила его на место.

С секунду я размышляла, не вернуться ли мне в аэропорт, но тут же отбросила эту идею. Мой багаж уже летел в Париж. Я могла его догнать, если бы села на более поздний рейс «Пан Американ», но сама мысль о том, что придется лететь в самолете, заставила меня содрогнуться. Я живо представила, как Вилли спокойно сидит, разговаривает с кем-то из своих спутников — и вдруг взрыв, вопли и долгое падение сквозь тьму в забвение. Нет, я решительно не собираюсь больше летать.

Из-за двери гаража доносился звук работающего мотора — глухое безостановочное биение. Я здесь уже более получаса, пора уходить.

Убедившись, что вокруг никого нет, я закрыла за собой входную дверь. Замок щелкнул, и в этом звуке было что-то законченное. Я села за руль «бьюика»; отсюда работающего мотора такси было почти не слышно. Я пережила несколько панических секунд, когда мне показалось, что ни один из ключей не подходит, но потом попробовала снова, на этот раз без спешки, и мотор сразу завелся. Еще с минуту повозившись, я подвинула сиденье вперед, поправила зеркальце заднего вида и разобралась с освещением. Мне уже много лет не приходилось самой водить машину. Сдав чуть назад по подъездной дорожке, я медленно поехала по извилистым улицам жилого квартала.

Только сейчас мне пришло в голову, что у меня нет пункта назначения, нет никаких альтернативных планов. Я была нацелена лишь на виллу близ Тулона и на свое новое воплощение, ожидавшее меня там. Личность Беатрисы Строн являлась временной, так, инкогнито на время путешествия. Я вздрогнула, вспомнив, что двенадцать тысяч долларов наличными остались в сумке, брошенной в аэропорту у телефона. У меня все еще было больше девяти тысяч долларов дорожными чеками в ридикюле и соломенной корзинке, вместе с паспортом и разными карточками, но синий костюм, что на мне, — единственное, что осталось у меня из одежды. Горло сжалось при воспоминании о чудных покупках, сделанных утром.

Все это улетело с багажом... Глаза мои чуть не обожгли слезы, но я тряхнула головой и поехала — загорелся зеленый, и какой-то кретин сзади нетерпеливо загудел.

Мне чудом удалось разыскать кольцо, которое делала здесь федеральная дорога, и я поехала по ней на север. Увидев указатель поворота на аэропорт, я немного притормозила. Моя сумка, вполне возможно, все еще стоит там, рядом с телефоном. Я легко могла улететь другим рейсом. Но я проехала указатель, не останавливаясь. Ничто на свете не могло бы теперь заставить меня ступить в тот хорошо освещенный мавзолей, где звучал голос Нины. Меня пробрала дрожь, когда перед глазами возникла картина зала ожидания для отлетающих пассажиров, где я была всего два часа назад — или вечность? Там в чопорной позе сидела Нина, все еще в своем элегантном розовом платье, в котором я видела ее в последний раз. Руки ее были сложены на сумочке, которую она держала на коленях, во лбу дырочка с десятицентовую монету и все увеличивающийся синяк; она широко улыбалась, показывая белые зубы, сточенные до игольной остроты. Нина собиралась сесть в самолет. Она ждала меня.

Я все время поглядывала в зеркальце, меняла полосы, дважды съезжала с шоссе и тут же возвращалась обратно с противоположной стороны. Невозможно было сказать с уверенностью, преследует меня кто-нибудь или нет, но я решила, что, скорее всего, нет. Фары встречных машин слепили глаза, руки снова стали дрожать. Я слегка приоткрыла окно, и холодный воздух царапнул меня по щеке. Я пожалела, что не взяла с собой ту бутылку виски.

На дорожном указателе мелькнула надпись: «I-85, Шарлотт, Северная Каролина». Я терпеть не могла север, отрывистую речь янки, блеклые города, резкий холод и дни без солнца. Человек, хорошо знавший меня, знает также, что я ненавижу северные штаты, особенно зимой, и постараюсь игнорировать их, если только это будет возможно.

Вместе с потоком автомобилей я свернула на эстакаду на выезде из города. На знаке поперек дороги высветилась люминесцентная надпись: «Шарлотт, Северная Каролина, 240 миль; Дарем, Северная Каролина, 337 миль; Ричмонд, Виргиния, 540 миль; Вашингтон, округ Колумбия, 650 миль».

Изо всех сил вцепившись в руль, пытаясь не отставать от остальных машин, летящих с сумасшедшей скоростью, я помчалась в ночь, на север.

— Эй, мисс!

Мгновенно проснувшись, я непонимающе уставилась в некое видение всего в нескольких дюймах от своего лица. Яркий солнечный свет падал на длинные редкие волосы, наполовину закрывавшие лицо, больше похожее на морду какого-то грызуна. У видения были крохотные бегающие глазки, длинный нос, грязная кожа и тонкие обветренные губы. Оно выдавило улыбку, и я на мгновение увидела острые желтые зубы. Один передний зуб был сломан. Мальчишке было лет семнадцать, не больше.

— Мисс, вы не в мою сторону едете?

Я выпрямилась на сиденье и тряхнула головой. От солнечного света позднего утра в машине было тепло. Я оглянулась вокруг, поначалу не понимая, почему сплю в машине, а не дома, в своей кровати. Потом вспомнила эту бесконечную ночь, проведенную за рулем, и жуткий груз усталости, которая в конце концов заставила меня свернуть на площадку для отдыха. Сколько я проехала? Смутно вспомнилось, что незадолго до того, как остановиться, мимо промелькнул знак поворота на Гринсборо, штат Северная Каролина.

— Мисс? — Существо постучало в окно машины костяшками пальцев с грязными ногтями.

Я нажала кнопку, чтобы опустить стекло, но ничего не произошло. На секунду меня охватило острое чувство клаустрофобии, но тут я догадалась включить зажигание. Все в этом нелепом автомобиле, оказывается, работало на электричестве. Судя по индикатору, бак был почти полон. Я вспомнила, что несколько раз за ночь останавливалась, потом ехала дальше, прежде чем нашла заправочную станцию, где не было сплошного самообслуживания. Что бы ни случилось, я не собиралась опускаться до того, чтобы самой качать бензин. Окно с тихим гудением открылось.

— Подвезете меня, мисс? — Голос мальчишки, эдакое гнусавое нытье, был таким же отвратительным, как и весь его облик. На нем была грязная военная куртка, а из багажа — небольшой рюкзачок и скатка одеял.

За его спиной по федеральному шоссе катили автомобили, на ветровых стеклах поблескивали солнечные лучи. Я вдруг снова почувствовала себя свободной, словно удрала из школы с уроков. Парень шмыгнул носом и утерся рукавом.

— Далеко вы направляетесь? — спросила я.

— На север. — Мальчишка пожал плечами.

Я не в первый раз изумилась тому, как можно было вырастить целое поколение людей, неспособных ответить на самый простой вопрос.

— Ваши родители знают, что вы путешествуете автостопом?

Он снова пожал плечами, точнее, одним плечом, словно на большее у него не хватило энергии. Я сразу поняла, что мальчишка определенно убежал из дома, он, скорее всего, воришка и, возможно, очень опасен для любого, кто сделает глупость и возьмет его к себе в машину.

— Садитесь. — Я нажала кнопку, отпирающую дверь справа от водителя.

В Дареме мы остановились, чтобы позавтракать. Парень некоторое время хмуро рассматривал картинки в меню, потом искоса глянул на меня:

— Я не могу... То есть у меня нет денег, чтобы заплатить. У дяди много, он даст мне, а пока вот...

— Ничего, — усмехнулась я. — Угощаю.

Он ехал к своему дяде в Вашингтон — так, по крайней мере, мы оба предположительно считали. До этого, когда я попыталась уточнить, куда же он все-таки направляется, мальчишка бросил на меня свой косой взгляд, так похожий на взгляд грызуна, и спросил:

— А вы куда едете?

Я ответила, что мой пункт назначения Вашингтон, и тогда он подарил мне еще одну свою мимолетную улыбку, показав желтые от никотина зубы.

— Вот-вот, там мой дядя живет. Туда я и еду. В Вашингтон...

Молодой человек пробурчал свой заказ официантке и, поигрывая вилкой, сгорбился над столом. Как и в случае со многими другими молодыми людьми в эти дни, мне трудно было предположить, то ли он действительно умственно отсталый, то ли просто до жалости плохо воспитан и образован. Мне кажется, люди моложе тридцати сейчас неизбежно попадают либо в одну, либо в другую категорию.

Я сделала глоток кофе и спросила:

— Вы говорите, вас зовут Винсент?

— Ага.

Мальчишка опустил физиономию к чашке, как лошадь на водопое. При этом издаваемый им звук напоминал то же самое.

— Приятное имя Винсент. А как дальше?

— А?

— Как ваша фамилия, Винсент?

Мальчишка снова нагнулся над чашкой, чтобы выиграть время и подумать. Быстро, как зверек, он глянул на меня:

— Винсент Пирс.

Я кивнула. Он чуть было не сказал Винсент Прайс. В конце шестидесятых я как-то познакомилась с Прайсом на аукционе предметов искусства в Мадриде. Он был очень мягким и по-настоящему интеллигентным человеком, а его большие ухоженные руки постоянно находились в движении. Мы говорили об искусстве, кулинарии, испанской культуре. В то время Прайс покупал предметы оригинального дизайна для какой-то чудовищной американской компании. Мне он показался восхитительным. И только много лет спустя я узнала о его ролях в этих мерзких фильмах ужасов. Возможно, они с Вилли какое-то время работали вместе.

— И вы предполагаете добраться до своего дяди в Вашингтон автостопом?

— Ну...

— У вас сейчас, конечно, рождественские каникулы. Занятий в школе нет.

— Ну...

— В каком же районе Вашингтона живет ваш дядя?

Винсент сгорбился над чашкой. Его волосы висели, как засаленная гирлянда. Каждые несколько секунд он лениво поднимал руку и отбрасывал прядь волос с лица. Жест повторялся бесконечно, как тик, и просто бесил меня. Я наблюдала этого бродягу меньше часа, а его манеры уже выводили меня из себя.

— Возможно, в пригороде? — подсказала я.

— Ага.

— В каком именно, Винсент? Вокруг Вашингтона довольно много пригородов. Может, мы будем проезжать то место, где живет ваш дядя, и я подвезу вас к дому. Он, наверное, живет в дорогом районе?

— Ну. Мой дядя... у него полно бабок... У нас вся семья такая.

Я невольно взглянула на его вонючую армейскую куртку — под ней виднелась драная футболка. Перепачканные джинсы в нескольких местах протерлись до дыр. Конечно, я понимала, что в наши дни одежда ничего не значит. Винсент с его гардеробом вполне мог оказаться внуком миллиардера вроде Дж. Пола Гетти. Я вспомнила великолепно отутюженные шелковые костюмы, которые носил Чарльз. Вспомнила, как тщательно подбирал подходящую слу-

чаю одежду Роджер Харрисон: плащ и дорожный костюм даже для самых коротких поездок, бриджи для верховой езды, черный галстук и фрак вечером. В том, что касается одежды, Америка определенно достигла вершины равенства всех со всеми. Для всей нации выбор одежды ныне был сведен к наименьшему знаменателю — рваным грязным джинсам.

— Чеви-Чейс? — спросила я.

— А? — Винсент покосился на меня.

— Я имею в виду пригород. Может, это Чеви-Чейз?

Он мотнул головой.

— Бетесда? Силвер-Спрингс? Такома-Парк?

Парень усиленно морщил лоб, словно вспоминая все эти названия. Он уже хотел что-то сказать, когда я его опередила:

— Да, знаю! Если ваш дядя богат, он, скорее всего, живет в Бел-Эйр. Так?

— Вот-вот. — Винсент облегченно вздохнул. — В нем самом.

Я кивнула. Мне принесли чай с тостами. Перед Винсентом поставили яичницу с колбасой, рубленое мясо, ветчину и вафли. Ели мы молча, под чавканье и сопение мальчишки.

За Даремом шоссе I-85 снова повернуло прямо на север. Через час с небольшим мы пересекли границу Виргинии. Когда я была маленькой, наша семья часто ездила сюда навещать друзей и родственников. Обычно мы путешествовали по железной дороге, но больше всего я любила плавать на небольшом, но комфортабельном боте, который шел всю ночь, а утром причаливал в Ньюпорт-Ньюс. Теперь же я вела «бьюик», огромный, но со слабеньким мотором, и ехала на север по шоссе с четырехрядным движением, слушая по радио классическую музыку и слегка опустив стекло, чтобы как-то разогнать запах пота и мочи, исходивший от моего спящего пассажира.

Мы проехали Ричмонд далеко за полдень. Винсент проснулся, и я спросила, не хочет ли он немного повести машину. От напряжения у меня болели руки и ноги, я пыталась не отставать от других машин, так как никто не соблюдал ограничение скорости — пятьдесят пять миль в час. Глаза мои тоже устали.

— Что, в самом деле?

Я кивнула:

— Надеюсь, вы будете ехать осторожно?

— Ну конечно.

Я остановилась в зоне для отдыха, где мы смогли поменяться местами. Винсент ехал с постоянной скоростью — шестьдесят восемь миль в час, придерживая руль одной рукой. Глаза его были наполовину прикрыты, и я на миг испугалась, не заснул ли он, но тут же напомнила себе, что современные автомобили настолько просты в управлении, что их могут водить даже шимпанзе. Я откинулась назад на сиденье и закрыла глаза:

— Разбудите меня, когда мы приедем в Арлингтон, хорошо, Винсент?

Он что-то буркнул в ответ. Я положила сумочку между передними сиденьями, зная, что Винсент на нее посматривал. Когда я вытащила толстую пачку денег, расплачиваясь за завтрак, ему не удалось достаточно быстро отвести глаза. Конечно, я рисковала, собираясь подремать, но я очень устала. Какая-то вашингтонская радиостанция передавала концерт Баха. Ровный гул мотора, звуки органа и мягкий шорох пролетающих мимо машин усыпили меня меньше чем за минуту.

Проснулась я от тишины. Машина стояла, мотор не работал. Я очнулась мгновенно, словно вовсе не спала, готовая к прыжку, как хищник при приближении жертвы.

«Бьюик» остановился на недостроенной площадке для отдыха. Судя по косым лучам зимнего солнца, я проспала около часа. Движение на шоссе стало интенсивнее, — вероятно, мы были недалеко от Вашингтона. А вот нож в руке Винсента наводил на нехорошие мысли. Он отвлекся от пересчитывания моих дорожных чеков и поднял глаза. Я безмятежно встретила его взгляд.

— Ты сейчас подпишешь эти... — прошептал он.

Я продолжала смотреть на него.

— Ты перепишешь эти сучьи бумажки на меня. — Волосы снова упали ему на глаза, и он резким движением откинул их. — Сейчас!

— Нет.

От удивления его глаза широко раскрылись, на тонких губах выступила пена. Я думаю, он убил бы меня прямо тут, средь бела дня, хотя в двадцати метрах катил сплошной поток автомобилей, а спрятать тело старой леди было совершенно негде, разве что в Потомаке. Но даже милый тупой Винсент соображал, что сначала ему нужна моя подпись на чеках.

— Послушай, ты, старая сука! — Он схватил меня за плечи и потряс. — Ты сейчас подпишешь эти чертовы чеки, или я отрежу

твой свинячий нос. Тебе ясно? — Он поднес стальное лезвие прямо к моему лицу.

Я глянула на эту немощную руку с грязными ногтями, вцепившуюся в мое платье, и вздохнула. На какой-то миг я вспомнила, как когда-то вошла в свой гостиничный номер из нескольких комнат лет тридцать назад, в другой стране, в другом мире даже, и застала лысого, но статного джентльмена приятной наружности, во фраке, копошившегося в моей шкатулке с драгоценностями. Тот вор всего лишь иронично усмехнулся и коротко поклонился мне, когда я его застукала. Мне всегда будет не хватать этого изящества, легкости Использования людей и неброской эффективности, которую невозможно заменить никаким воспитанием.

— Давай! — прошипел этот грязный мальчишка, все еще держа меня за плечи и прижимая лезвие к моей щеке. — Ты сейчас сама напросишься. — В глазах его появился странный блеск, и блеск этот был вовсе не от алчности.

— Да, — сказала я.

Рука его замерла на полпути. Несколько секунд он что-то пытался сделать, у него даже вены вздулись на лбу. Но затем лицо исказилось гримасой, глаза расширились, а рука с лезвием потянулась к собственному горлу.

— Пора начинать, — тихо приказала я.

Острое как бритва лезвие прошло между его тонкими губами.

— Время пришло, — прошептала я.

Лезвие скользнуло дальше, разрезая десны и язык, затем коснулось мягкого нёба и обагрилось кровью.

— Пора учиться.

Я улыбнулась, и мы начали первый урок.

Глава 15

Вашингтон, округ Колумбия
Суббота, 20 декабря 1980 г.

Сол Ласки простоял без движения минут двадцать, глядя на девочку. Она тоже смотрела на него не мигая, так же неподвижно, словно время застыло. На ней была соломенная шляпка, слегка сдвинутая на затылок, и серый фартук поверх простого белого платья без пояса. Волосы у нее были светлые, глаза голубые. Руки

она сложила перед собой, слегка вытянув их с неловкой детской грацией.

Кто-то прошел между ним и картиной, и Сол отступил назад, потом подвинулся вбок, чтобы лучше видеть. Девочка в соломенной шляпке продолжала смотреть на пустое место, где он только что стоял. Сол не мог сказать, почему эта картина так трогала его. Работы Мэри Кассат с размытыми пастельными контурами казались ему, в общем, слишком сентиментальными, но именно эта картина взволновала его до слез еще лет двадцать назад, когда он впервые пришел в Национальную галерею, и теперь он почти никогда не уезжал из Вашингтона, не совершив паломничества к «Девочке в соломенной шляпке». Иногда он думал, что пухлое лицо и задумчивый взгляд чем-то напоминали ему сестру Стефу, умершую от тифа во время войны, хотя волосы у Стефы были гораздо темнее, а глаза вовсе не голубые.

Сол отвернулся от картины. Когда он приходил в музей, он обещал себе, что походит по другим отделам, проведет больше времени среди новых работ, но всякий раз слишком долго задерживался возле этой «Девочки». «Ну, в следующий раз», — подумал он.

Был уже второй час, и к тому времени, когда он добрался до входа в ресторан галереи и остановился у двери, оглядывая зал, народ почти схлынул. Он сразу увидел Арона за небольшим столиком в углу, рядом с каким-то высоким растением в кадке. Сол помахал ему рукой и прошел через зал.

— Здравствуй, дядя Сол.

— Здравствуй, Арон.

Племянник встал, и они обнялись. Широко улыбаясь, Сол взял молодого человека за плечи и оглядел с ног до головы. Да, уже не мальчик, в марте Арону исполнится двадцать шесть. Но он оставался все таким же худым, и еще Сол отметил, что улыбается он, как и Давид, загибая слегка вверх уголки губ. Темные же вьющиеся волосы и большие глаза за стеклами очков — это от Ребекки. Но было в нем и что-то присущее лишь ему одному, возможно, более темная кожа и высокие скулы, как у человека, родившегося в Израиле. Арону и его брату-близнецу было тринадцать, а на вид и того меньше, когда началась Шестидневная война. Сол тогда прилетел в Тель-Авив, но опоздал на пять часов — уже незачем было идти на фронт, даже в качестве санитара, но он вдоволь наслушался от близнецов историй о подвигах их старшего брата Авнера, капитана ВВС. И еще они в подробностях рассказывали о храбрости

их двоюродного брата Хаима, который командовал батальоном на Голанских высотах. Два года спустя Авнер погиб, сбитый египетской ракетой во время войны на истощение, а потом через год, в августе, погиб и Хаим — подорвался на израильской же мине во время войны Судного дня. Арону было уже восемнадцать в то лето, но он имел слабое здоровье, мучился астмой с раннего детства. Его отец Давид одну за другой пресекал те уловки, к которым он прибегал, чтобы попасть на войну.

Арон решил, что любыми путями станет коммандос или десантником, как его брат Исаак, но все виды войск его забраковали из-за астмы и плохого зрения. Тогда он закончил колледж и поставил все на свою последнюю карту. Он пошел к отцу и попросил его использовать свои старые связи с секретной службой, чтобы найти ему применение. В июне семьдесят четвертого он стал сотрудником Моссада.

Из него не стали готовить полевого агента, в распоряжении Моссада было слишком много бывших коммандос и других героев для этой трудной работы, чтобы взваливать ее на плечи хлипкого интеллектуала, который мог заболеть в любую минуту. Правда, Арон получил обычную подготовку по самозащите и обращению с оружием и даже научился неплохо стрелять из «беретты» двадцать второго калибра, популярной в то время в Моссаде, но по-настоящему он нашел себя в криптографии. Он проработал три года в Тель-Авиве в спецсвязи, еще год — в полевых условиях где-то на Синае, а затем его послали в Вашингтон, в группу, прикомандированную к израильскому посольству. Назначение было шикарное, и то, что он являлся сыном Давида Эшколя, наверное, сыграло свою роль.

— Ну, как ты, дядя Сол? — спросил Арон на иврите.

— Неплохо, — ответил Сол и попросил: — Говори по-английски, пожалуйста.

— Хорошо. — В его английском не было и намека на акцент.

— Как твой отец? Брат?

— Лучше, чем в последнюю нашу встречу, — сказал Арон. — Врачи считают, что этим летом отцу удастся провести какое-то время на ферме. А Исаака уже произвели в полковники.

— Прекрасно, прекрасно. — Сол глянул на три досье, которые его племянник положил на стол. Он все пытался найти способ вернуть события назад, сделать так, чтобы мальчик не оказался вовлеченным во все это, и в то же время получить информацию, которую удалось собрать Арону.

Словно прочитав его мысли, Арон наклонился вперед и прошептал:

— Дядя Сол, во что ты тут впутался?

Сол удивленно заморгал. Шесть дней назад он позвонил Арону и попросил его раздобыть какую-либо информацию об Уильяме Бордене или разузнать, где находится Фрэнсис Харрингтон. Конечно, он сделал глупость. Уже много лет Сол избегал обращаться за помощью к родственникам либо к их связям, но на этот раз исчезновение юного Харрингтона просто повергло его в отчаяние. Если он поедет в Чарлстон, то может пропустить что-то существенно важное, какую-то новую информацию о Бордене. Арон позвонил ему тогда по телефону, который не могли прослушивать, и спросил: «Дядя Сол, это насчет твоего немецкого полковника, да?»

Ласки не стал отрицать. Все родственники знали, что он помешан на таинственном нацистском оберсте, с которым сталкивался в лагерях во время войны. «Ты же знаешь, что Моссад ни за что не станет действовать в Соединенных Штатах, ведь так?» — добавил тогда Арон. Сол ничего не сказал, но его молчание было красноречивее слов. Он работал вместе с отцом Арона, когда «Иргун Цваи Леуми» и «Хагана» были вне закона и очень активно скупали американское вооружение и целые оружейные заводы, по частям перевозили в Палестину, там собирали и пускали в действие, готовясь к тому моменту, когда арабские армии неизбежно перейдут границу нового сионистского государства. «Ладно, — вздохнул тогда Арон. — Я сделаю, что смогу».

— О чем ты? — спросил он. — Просто я хотел разузнать побольше об этом Бордене. Фрэнсис — мой бывший студент, полетел в Лос-Анджелес, чтобы выяснить кое-что. Возможно, он собирал материал для развода, кто его знает? Фрэнсис вовремя не вернулся, а мистер Борден, по-видимому, погиб в авиакатастрофе. И когда один мой знакомый спросил, не могу ли я помочь, я вспомнил о тебе, Арон.

— Ну да. — Арон некоторое время молча смотрел на своего родственника, наконец кивнул, вздыхая печально. Оглянувшись, нет ли кого поблизости, кто мог бы их подслушать, он открыл первую папку. — В понедельник я полетел в Лос-Анджелес, — тихо сообщил он.

— Куда?

Сол был потрясен. Он всего лишь хотел, чтобы его племянник позвонил кое-кому в Вашингтоне или воспользовался мощными компьютерами израильского посольства, особенно банками данных

в офисе, где работали шесть агентов Моссада, или, может, заглянул бы в секретное досье израильтян или американцев. Но он вовсе не думал, что Арон на следующий же день полетит на Западное побережье.

— Да все нормально, — улыбнулся Арон. — У меня просто накопилось несколько недель неиспользованного отпуска. Ты ведь никогда ничего не просил у нас, дядя Сол, и всегда помогал. Я учился в университете Хайфы на твои деньги, хотя мы вполне могли заплатить за обучение сами. Разве я не могу сделать что-то для тебя?

Сол потер лоб.

— Но ты же не Джеймс Бонд, Модди, — сказал он, назвав Арона его детским именем. — И потом, Моссад не проводит операций в Штатах.

Арон никак не отреагировал на это замечание.

— Я был в краткосрочном отпуске, дядя Сол, — повторил он. — Так ты хочешь послушать, что я делал в свободное время?

Ласки кивнул.

— Твой мистер Харрингтон остановился вот здесь. — Арон придвинул к нему черно-белую фотографию отеля «Беверли-Хиллз».

Сол не стал брать ее в руки, только взглянул.

— Я узнал очень немногое, — продолжил Арон. — Он зарегистрировался в отеле восьмого декабря. Официантка вспомнила, что молодой рыжеволосый мужчина, описание которого совпадает с внешностью Харрингтона, позавтракал в ресторане отеля утром девятого числа. Один из швейцаров видел, как какой-то молодой человек уехал со стоянки отеля около трех часов во вторник на желтом «датсуне», точно таком, какой Харрингтон взял напрокат. Но он не уверен. — Арон придвинул к Солу еще пару листков. — А вот копия заметки в газете — всего один абзац из полицейского рапорта. «Желтый „датсун“ найден на стоянке возле офиса „Херц“ в аэропорту в среду десятого числа. Администрация офиса в конце концов послала счет за прокат машины матери Харрингтона». Анонимный перевод на триста двадцать девять долларов сорок восемь центов в уплату за номер в отеле пришел по почте в понедельник пятнадцатого, в тот день, когда я туда прилетел. На конверте стоял штемпель Нью-Йорка. Ты разве ничего не знал об этом, дядя Сол?

Ласки тупо смотрел на него.

— Я так и думал. — Арон закрыл досье. — Тут есть один очень странный момент. Два временных помощника мистера Харрингтона по его частному детективному агентству Деннис Лиланд и Селби Уайт на той же неделе погибли в автомобильной катастро-

фе. В пятницу двенадцатого декабря они ехали из Нью-Йорка в Бостон на машине после того, как им кто-то позвонил... В чем дело, дядя Сол? — забеспокоился Арон.

— Да нет, ничего... — Ласки снял очки и стал машинально протирать их.

— Мне показалось, что тебе плохо. Ты знал этих парней? Уайт учился вместе с Харрингтоном в Принстоне... Он из команды «Хайнис-Порт-Уайтс».

— Я их видел всего один раз, — сказал Сол. — Продолжай.

Арон глядел на него, слегка прищурившись. Сол вспомнил, что у племянника бывало такое же выражение лица в детстве, когда он начинал сомневаться в правдивости фантастических историй, которые дядя рассказывал им на ночь.

— Итак... Если там действительно что-то произошло, сделано это было весьма профессионально, — жестко проговорил Арон. — Примерно так действовали бы уголовные «семьи» в Америке, их новая мафия. Три убийства, и все чисто. Двое погибают в автомобильной катастрофе — кстати, грузовик, который налетел на них, до сих пор не найден, — а третий вообще исчезает. Но вопрос вот в чем: что такого натворил Фрэнсис Харрингтон в Калифорнии, если он так расстроил профессионалов, что они занялись этим делом в своем старом стиле? И почему убрали всех троих? У Лиланда и Уайта была постоянная работа, они выполняли отдельные поручения этого детективного агентства лишь по субботам и воскресеньям, для забавы. За весь прошлый год у Харрингтона было всего три дела, и два из них — услуги друзьям, которые хотели получить развод. В третьем случае он просто тратил время, пытаясь найти биологических родителей какого-то бедного старого придурка через сорок восемь лет после того, как они его бросили.

— Откуда ты все это узнал? — тихо спросил Сол.

— Я поговорил с секретаршей Фрэнсиса — она тоже работает у него время от времени. Потом как-то вечером я навестил его офис.

— Беру свои слова назад, Модди. В тебе действительно есть нечто от Джеймса Бонда.

— Конечно, — согласился Арон.

Обеденное время в ресторане закончилось, за столами почти никого не осталось, кроме нескольких человек, не торопившихся с едой. Сол и Арон не сильно бросались в глаза, но метрах в пяти от них уже никого не было. Где-то в подвальном помещении за дверью ресторана заплакал ребенок — голос у него был как автомобильная сирена.

— Но это еще не все, дядя Сол. — Арон покачал головой.

— Ну, продолжай.

— Секретарша сообщила, что Харрингтону часто звонил человек, который никогда не называл своей фамилии. Полиция интересовалась, кто бы это мог быть, но секретарша сказала, что не знает. Харрингтон же не вел никаких записей по этому делу, кроме заметок насчет расходов на дорогу и прочего. Как бы то ни было, этот новый клиент настолько загрузил Фрэнсиса работой, что тот попросил своих старых товарищей по колледжу помочь ему.

— Понятно, — сказал Сол.

Арон глотнул кофе из чашки.

— Ты сказал, что Харрингтон был твоим студентом, дядя Сол. Но в Колумбии на этот счет нет никаких записей.

— Он прослушал у меня два курса, — пояснил Ласки. — «Война и человеческое поведение» и «Психология агрессии». Фрэнсис ушел из Принстона не потому, что плохо учился. Наоборот, он был блестящим студентом, но ему было скучно. Правда, на моих лекциях ему скучать не приходилось. Продолжай, Модди.

Арон сжал губы, и это немного напомнило Солу упрямое выражение лица, какое было у Давида Эшколя, когда они на ферме неподалеку от Тель-Авива до рассвета спорили о моральной стороне партизанской войны.

— Секретарша сказала полицейским, что клиент Харрингтона говорил с еврейским акцентом. Она заверила меня, что всегда может отличить еврея по манере говорить. У этого был иностранный акцент. Возможно, немецкий или венгерский.

— Ну и?..

— Так ты, наконец, скажешь, в чем тут дело, дядя Сол?

— Не сейчас, Модди. Я сам толком ничего не знаю.

Губы Арона были все так же упрямо сжаты. Он постучал пальцем по двум другим папкам, выглядевшим потолще, чем первая:

— У меня тут есть еще кое-что круче, чем загадка с Харрингтоном. Мне кажется, обмен может получиться равноценным.

Сол слегка поднял брови:

— Значит, речь идет уже об обмене, а не о доброй услуге?

Арон вздохнул и открыл вторую папку:

— Борден Уильям Д. Предположительно родился восьмого августа тысяча девятьсот шестого года в Хаббарде, штат Огайо, но в деле нет совершенно никаких документов между свидетельством о рождении в девятьсот шестом году и внезапным изобилием разных бумаг — карточек соцобеспечения, водительских прав и так

далее — в сорок шестом. Обычно компьютеры ФБР обращают внимание на такие вещи, но в данном случае, похоже, всем было наплевать. Я так думаю, что, если поискать на кладбищах вокруг Хаббарда, или как там эта дыра называется, мы найдем маленький надгробный камень над могилой малютки Билла Бордена, упокой Господи его невинную душу. А вот взрослый мистер Борден, похоже, выскочил на свет божий в Ньюарке, штат Нью-Джерси, где-то в начале сорок шестого года. В следующем году он уже переехал в Нью-Йорк. Кем бы он ни был, деньги у него имелись. В сорок восьмом и сорок девятом он был среди невидимых бродвейских спонсоров. Купил свою долю наравне с заправилами шоу-бизнеса, но, похоже, не очень-то общался с ними. Во всяком случае, я не могу найти каких-либо следов в светской хронике тех лет и никто из стариков, работавших тогда на продюсеров и агентов, ничего о нем не помнит. Как бы то ни было, в пятидесятом Борден перебрался в Лос-Анджелес, в том же году вложил деньги в какой-то фильм и с тех пор стал там крупной и заметной фигурой, особенно в шестидесятых. Те, кто знает всю подноготную жизни в Голливуде, звали его Фриц или Большой Билл Борден. Иногда он закатывал вечеринки, но никогда ничего по-крупному, всегда обходилось без участия полиции. Этот парень был просто святой: не нарушал правил дорожного движения, не болтался по улицам пьяным — в общем, ничего такого... А если что и случалось, то у него, видимо, имелось достаточно денег и связей, чтобы от его прегрешений в официальных бумагах не оставалось и следа. Что ты на это скажешь, дядя Сол?

— Что еще у тебя есть?

— Ничего. Кроме кое-каких сплетен с киностудии, фото входа в поместье герра Бордена в Бел-Эйр — самого дома не видно — и вырезок из «Лос-Анджелес таймс» и «Верайети» о его гибели в авиакатастрофе в прошлую субботу.

— Можно мне взглянуть на все это?

Когда Сол закончил читать, Арон тихо спросил:

— Это он, дядя Сол? Твой оберст?

— Возможно, — кивнул Ласки. — Я хочу выяснить.

— И ты послал Фрэнсиса Харрингтона выяснять это в ту самую неделю, когда Борден погиб в авиакатастрофе?

— Да.

— А твой бывший студент и оба его помощника погибли в те же самые три дня?

— Я не знал про Денниса и Селби, пока ты мне не сказал, — промолвил Сол. — Мне и в голову не приходило, что им может угрожать реальная опасность.

— Опасность со стороны кого? — настаивал Арон.

— Честно, не знаю. Пока.

— Расскажи мне все, что знаешь, дядя Сол. Возможно, мы сможем тебе помочь.

— Мы?

— Леви. Дэн. Джек Коэн и мистер Бергман.

— Они из посольства?

— Джек — мой начальник, но еще и друг, — заверил Арон. — Расскажи нам, в чем дело, и мы поможем тебе.

— Нет.

— Что «нет»? Не можешь мне рассказать или не хочешь?

Сол оглянулся через плечо:

— Ресторан через несколько минут закроется. Пойдем куда-нибудь в другое место.

Мышцы в уголках рта Арона напряглись.

— Трое из этих людей — вон та пара около входа и молодой парень поблизости от тебя — наши. Они будут сидеть, пока нам нужно присутствие других людей.

— Значит, ты им уже все рассказал?

— Нет, только Леви. Но он бы в любом случае понадобился — делать снимки.

— Какие снимки?

Арон достал фото из последней, самой толстой папки. На нем был изображен небольшого роста человек с темными волосами, в рубашке с открытым воротом и кожаной куртке. Глаза чуть прикрыты опухшими веками, жесткий рот. Он быстро пересекал узкую улицу — куртка расстегнута, полы разлетелись.

— Кто это? — спросил Сол.

— Хэрод, — ответил Арон. — Тони Хэрод.

— Компаньон Уильяма Бордена. Его имя упоминается в заметке в «Верайети».

Арон вытащил еще пару фотографий из папки. На них Хэрод стоял перед дверью гаража, держа в руке кредитную карточку, явно готовясь вставить ее в небольшое приспособление в кирпичной стене. Сол уже как-то видел такие замки.

— Где это было снято? — спросил он.

— В Джорджтауне. Четыре дня назад.

— Здесь, в Вашингтоне? — удивился Сол. — Что он тут делал? И зачем ты его фотографировал?

— Это не я, а Леви, — улыбнулся Арон. — В понедельник я присутствовал на панихиде по мистеру Бордену в Форест-Лоун. Тони Хэрод держал там речь. У меня было мало времени, но я немного покопался и обнаружил, что мистер Хэрод и мистер Борден были очень близки. Когда Хэрод во вторник вылетел в Вашингтон, я отправился следом. Мне все равно пора было возвращаться.

Сол потряс головой:

— А потом ты поехал за ним в Джорджтаун?

— Да нет, в этом не было нужды, дядя Сол. Я позвонил Леви, и тот следил за ним от самого аэропорта. А я присоединился к нему позже. Вот тогда мы и сделали снимки. Я хотел поговорить с тобой до того, как показать их Дэну или мистеру Бергману.

Нахмурившись, Сол еще раз взглянул на фотографии:

— Я не вижу в них ничего особенного. По-твоему, важно, где это происходит?

— Нет. Этот дом снимает «Бехтроникс», филиал «Эйч-ар-эл индастриз».

Сол пожал плечами:

— Ну и что?

— А вот это важно. — Арон вытащил еще пять фотографий. — Леви был в этот раз на своем фургоне из «Белл телефон», — сказал Арон с некоторым удовлетворением. — Он сделал эти снимки, сидя наверху десятиметровой вышки, когда они выходили из дома. Со всех других точек переулок идеально защищен. Эти люди проходят по крытому тротуару, вот здесь, отпирают калитку, тут же садятся в лимузин и отъезжают. Соседи видеть их не могут. Из переулка их тоже не видно. Идеально.

Все черно-белые снимки были сделаны как раз в тот момент, когда изображенный на них человек делал шаг от калитки к лимузину. Из-за сильного увеличения изображение получилось несколько зернистым. Сол внимательно рассмотрел все снимки, потом сказал:

— Мне это ничего не говорит, Модди.

Арон схватился руками за голову:

— Сколько ты уже живешь в этой стране, дядя Сол? — Он ткнул пальцем в фото человека с маленькими глазками, толстыми отвисшими щеками и с густой вьющейся сединой. — Вот это — Джеймс Уэйн Саттер, более известный среди почитателей как преподобный Джимми Уэйн. Это тебе что-нибудь говорит?

— Нет, — вздохнул Сол.

— Телевизионный проповедник. Начинал в церкви на открытом воздухе, куда въезжали на автомобиле, в Дотане, штат Алабама, в шестьдесят четвертом году. Сейчас он владелец спутниковых и кабельных каналов, его доходы, не облагаемые налогом, составляют примерно семьдесят восемь миллионов долларов в год. В политическом плане он несколько правее Аттилы, предводителя гуннов. Если преподобный Джимми Уэйн заявляет, что Советский Союз — оружие Сатаны, — а он делает это ежедневно, когда появляется в ящике, — примерно двенадцать миллионов человек говорят «Аллилуйя». Даже премьер-министр Бегин делает реверансы этому придурку. Часть даров в духе любви доходит до Израиля в виде покупок оружия. Ради спасения Святой земли можно пойти на что угодно.

— Тут нет ничего нового. Давно известно, что Израиль связан с фундаменталистами правого толка, — возразил Сол. — Значит, ты и твой друг Леви из-за этого переполошились? А может, мистер Хэрод — верующий?

Арон заметно нервничал. Он убрал снимки Хэрода и Саттера в папку и улыбнулся официантке, которая подошла, чтобы подлить кофе. Ресторан был уже почти пуст. Когда она отошла, Арон взволнованно сказал:

— Джимми Уэйн Саттер беспокоит нас здесь меньше всего, дядя Сол. А вот этого человека ты узнаешь? — Он указал на снимок мужчины с худым лицом, темными волосами и глубоко посаженными глазами.

— Нет.

— Ниман Траск. Близкий советник сенатора Келлога от штата Мэн. Помнишь, Келлог чуть было не попал в кандидаты в вице-президенты от партии прошлым летом?

— Правда? От какой партии?

Арон покачал головой:

— Дядя Сол, чем ты, интересно, занимаешься, если совершенно не обращаешь внимания на то, что происходит вокруг тебя?

Ласки улыбнулся:

— Да так, всякой всячиной. Читаю три курса лекций каждую неделю, все еще числюсь научным руководителем, хотя мне уже можно этого не делать, работаю по полной исследовательской программе в клинике. Шестого января должен сдать издателю свою вторую книгу...

— Ну, хорошо, я понимаю, — сдался Арон.

— Прошлая неделя была для меня необычной, я всего лишь председательствовал на одном обсуждении в университете. И потом, комиссия при мэре и Комитет советников штата отнимают как минимум два вечера в неделю. Скажи, Модди, почему этот мистер Траск такая важная шишка? Потому что он один из советников сенатора Келлога?

— Не «один из», а единственный и неповторимый. Ходят слухи, что Келлог не смеет в туалет сходить, не посоветовавшись с Траском. И еще. Во время последней кампании Траск собрал массу денег в поддержку партии. О нем говорят так: где появляется Траск, появляются деньги.

— Очень мило, — усмехнулся Сол. — А это что за джентльмен? — Он указал на снимок, где был изображен человек, слегка напоминающий актера Чарлтона Хестона.

— Джозеф Филипп Кеплер. Бывший номер три в ЦРУ при Линдоне Джонсоне, бывший госдеповский «пожарник», а ныне советник по делам прессы и комментатор на Пи-би-эс.

— Мне кажется, я его видел. У него, по-моему, вечерняя программа в воскресенье?

— «Беглый огонь». Он приглашает бюрократов из правительства, а потом размазывает их по стенке. А вот это, — Арон постучал пальцем по фотографии приземистого лысого индивида с хмурой физиономией, — Чарльз Колбен, специальный помощник заместителя директора ФБР.

— Очень интересный титул. Он может ничего не значить или, наоборот, играть большую роль.

— В данном случае он играет чертовски большую роль. Колбен, пожалуй, единственный из подозреваемых среднего уровня в уотергейтском скандале, кто не сел за решетку. Он был связным между Белым домом и ФБР. Некоторые утверждают, что с его подачи Гордон Лидди выкидывал свои фортели. Вместо того чтобы пойти под суд, он стал еще более важной птицей, когда полетели все остальные головы.

— Что все это значит, Модди?

— Погоди, дядя Сол, мы тут напоследок приберегли самое интересное.

Арон убрал все фото, кроме снимка худощавого человека лет шестидесяти в идеально сшитом костюме. Седые волосы придавали ему импозантный вид, прическа была безукоризненной. Даже на черно-белой фотографии плохого качества Сол различил то со-

четание загорелой внешности, отменной одежды и подсознательного ощущения собственной власти, которое приходит только с очень большими деньгами.

— К. Арнольд Барент, — сообщил Арон. — Друг президентов. Начиная с Эйзенхауэра, все президенты с семьей проводили по крайней мере один отпуск в каком-нибудь из уютных уголков мира, принадлежащих Баренту. Отец Барента занимался сталью и железными дорогами. Обычный миллионер по сравнению с Барентом-младшим и его миллиардами просто нищий. Попробуй полетать над Манхэттеном, и в любом небоскребе, который ты выберешь, на верхнем этаже будет размещаться офис корпорации — филиала компании, которая сама является филиалом конгломерата, а конгломерат управляется консорциумом, где главный владелец — К. Арнольд Барент. Возьми что угодно — средства массовой информации, компьютеры, микрочипы, нефть, предметы искусства, детское питание, — и везде Баренту принадлежит хороший кусок.

— А что значит инициал «К.»?

— Никто не знает. К. Арнольд-старший так и не открыл секрета, и сын тоже не собирается этого делать. Как бы то ни было, служба безопасности обожает, когда президент с семьей отправляется к нему в гости. Дворцы Барента по большей части находятся на островах — он владеет островами по всему свету, дядя Сол, — и там, уверяю, все устроено получше, чем в Белом доме, включая обстановку, охрану, вертолетные площадки, спутниковую связь и прочее. Один раз в год, обычно в июне, Фонд наследия Запада, принадлежащий Баренту, устраивает «летние лагеря» — развлечение на полную катушку, примерно на неделю, для самых крутых ребят в Западном полушарии. Туда попадают только по приглашению, а чтобы получить приглашение, нужно, по крайней мере, быть членом кабинета министров с блестящим будущим или живой легендой, человеком с нашумевшим прошлым. В последние несколько лет ходили разные слухи про бывших немецких канцлеров, танцующих вокруг костра и распевающих похабные песни вместе со старыми госсекретарями США и парой экс-президентов. В общем, можно себе представить, что это за «лагеря».

— Да. — Сол смотрел, как Арон убирает последний снимок. — А теперь ответь, что все это значит? Почему Тони Хэрод отправился из Голливуда на тайное собрание этих пятерых, которых, видит бог, я должен был знать, но не знал?

Арон сложил папки в портфель и скрестил руки на груди. Уголки его рта были плотно сжаты.

— Нет, это ты мне ответь, дядя Сол. Продюсер и бывший нацист, тот самый, за которым ты охотишься, погибает в авиакатастрофе — вероятнее всего, в результате диверсии. Ты посылаешь богатого юнца с университетским образованием в Голливуд поиграть в детектива, разузнать что можно о прошлом продюсера, и его крадут, а затем наверняка убивают, как и его коллег-любителей. Неделю спустя компаньон твоего бывшего эсэсовца, который, по всем отзывам, сочетает в себе повадки шарлатана и уголовника, насилующего детей, летит в Вашингтон на встречу с компанией темных дельцов из коридоров власти, похлеще первого исполкома ООП Ясира Арафата. Что происходит, дядя Сол?

Ласки по привычке снял очки и протер стекла. Он молчал чуть ли не целую минуту. Арон ждал.

— Модди, — наконец сказал Сол, — я не знаю, что происходит. Меня интересовал только оберст — человек, которого звали Вилли фон Борхерт, он же Уильям Д. Борден. Я не знал, кто такой Борден, пока не увидел его фотографию в воскресном номере «Нью-Йорк таймс»... Я узнал того негодяя — оберста Вильгельма фон Борхерта из войск СС... — Сол замолчал, снова надел очки и приложил трясущиеся пальцы ко лбу. Он понимал, что в глазах Арона выглядит несчастным потрясенным стариком.

— Дядя Сол, ты можешь все рассказать мне, — доверительно проговорил Арон на иврите и положил руку ему на плечо. — Позволь мне помочь тебе.

Сол кивнул. Он вдруг почувствовал, что на глаза наворачиваются слезы, и быстро отвернулся.

— Если это в каком-то смысле важно для Израиля... Если это представляет угрозу, — продолжал настаивать Арон, — нам надо работать вместе, поверь!

Сол выпрямился. «Если это представляет угрозу...» Он вдруг воочию увидел, как отец, неся на руках маленького Йозефа, уходит вместе с группой худых бледных мужчин и мальчиков там, в Хелмно... Как ушли мама и сестры — в никуда, в небытие... Он вновь ощутил боль пощечины и стыд унижения и вдруг ясно понял, как когда-то его отец, что спасение семьи иногда становится самым главным и даже единственным приоритетом. Сол благодарно сжал руку Арона:

— Модди, тебе придется довериться мне во всем. Мне кажется, тут происходит много такого, что совершенно не связано друг с другом. Человек, которого я принял за оберста из лагерей, возможно, не имеет к нему никакого отношения. Фрэнсис Харринг-

тон был блестящим студентом, но с довольно неустойчивой психикой. Все, за что брался, он почему-то всегда бросал, как бросил Принстон три года назад. Я дал ему до нелепости большой аванс под его расходы на то, чтобы покопаться в прошлом Вилли Бордена. Уверен, скоро мать Фрэнсиса, или его секретарша, или подружка — кто-нибудь да получит от него открытку с почтовым штемпелем Бора-Бора или еще какого-то похожего местечка. Не сегодня, так завтра.

— Дядя Сол...

— Пожалуйста, выслушай меня, Модди. Друзья Фрэнсиса — они просто погибли в автокатастрофе. У тебя что, нет знакомых, погибших в автокатастрофе? Вспомни своего двоюродного брата Хаима, как он поехал с Голанских высот на своем джипе навестить девицу...

— Дядя Сол...

— Не перебивай, Модди. Ты сейчас играешь в Джеймса Бонда, как когда-то играл в Супермена. Помнишь, в то лето, когда я приехал к вам в гости? Тебе было девять, а в этом возрасте уже не стоило прыгать с балкона, обвязав полотенцем шею. Ты потом все лето не мог играть со своим любимым дядей из-за того, что нога у тебя была в гипсе.

Арон покраснел и опустил глаза.

— Эти снимки — все это интересно, Модди. Но что они значат? Заговор против Иерусалима? Ячейка арафатовского «Фатха» готовится начать отправку бомб к границе? Модди, ты всего лишь видел, как богатые и влиятельные люди имели встречу с порнодельцом в этом городе, полном богатых и влиятельных людей. Ты думаешь, что это тайная встреча? Но ты же сам сказал, что К. Арнольд Барент владеет островами и дворцами, в которых даже президент находится в большей безопасности, чем у себя дома. Это была всего лишь вечеринка, на которую не допустили публику, вот и все. Кто знает, какие делишки с порнографическими фильмами обделывают эти люди, на какие порнофильмы дает деньги твой дважды рожденный преподобный Уэйн Джим.

— Джимми Уэйн, — уточнил Арон.

— Какая разница. Ты думаешь, нам стоит беспокоить твое начальство в посольстве, чтобы они отрядили настоящих агентов заниматься этим делом? Ведь это может дойти до Давида, а он так болен... И все из-за какого-то дурацкого сборища, где обсуждались порнофильмы или не знаю что еще?

Арон густо покраснел. На какую-то секунду Сол испугался, что он заплачет.

— О'кей, дядя Сол. Значит, ты мне ничего не скажешь?

Ласки снова коснулся руки племянника:

— Клянусь могилой твоей матери, Модди, я рассказал тебе все, в чем сам смог разобраться. Я пробуду в Вашингтоне еще пару дней. Возможно, смогу выбраться к тебе, повидаюсь с Деборой, и мы снова потолкуем. Это за рекой, да?

— В Александрии, — ответил Арон. — Сегодня не сможешь?

— Мне нужно еще кое-кого навестить. А вот завтра... Я соскучился по домашней еде. — Сол глянул через плечо на трех израильтян — кроме них, в ресторане уже никого не осталось. — Что мы им скажем?

Арон поправил очки.

— Только Леви знает, почему мы здесь. Мы, так или иначе, собирались пойти пообедать. — Арон пристально посмотрел ему в глаза. — Ты сам точно знаешь, что ты делаешь, дядя Сол?

— Да, знаю. Пока что мне хотелось бы делать как можно меньше, немного отдохнуть до конца отпуска, подготовиться к январским лекциям. Модди, надеюсь, ты не станешь посылать кого-нибудь из них следить за мной? — Сол мотнул головой в сторону израильтян. — Это было бы некорректно по отношению к одной моей... коллеге, с которой я собираюсь пойти сегодня в ресторан.

Арон усмехнулся:

— В любом случае у нас для этого нет людей. Здесь только Леви — в каком-то смысле полевой агент. Гарри и Барбара работают со мной в шифровальном отделе. — Они поднялись из-за стола. — Значит, завтра, дядя Сол? Мне заехать за тобой?

— Нет, я взял машину напрокат. Около шести?

— Раньше, если сможешь. Чтобы у тебя было время поиграть с близнецами до обеда.

— Тогда в четыре тридцать.

— И мы потолкуем?

— Обещаю, — кивнул Сол.

Они дружески обнялись и разошлись. Сол постоял у входа в магазин подарков, пока Гарри, Барбара и смуглый парень, которого звали Леви, не ушли. Затем он медленно поднялся на верхний этаж, к импрессионистам.

«Девочка в соломенной шляпке» все еще ждала его, глядя чуть вверх со своим немного испуганным, немного озадаченным, немного обиженным выражением, которое так задевало какую-то

струнку в душе Сола. Он долго стоял у картины, думая о таких вещах, как семья, месть и страх. Он втянул родственников в схватку, которая ни при каких обстоятельствах не должна была стать их делом, и это заставляло его усомниться в собственной этике, хотя сомнений в разумности сделанного не было.

Сол решил вернуться в отель, как следует попариться в ванной и почитать книгу Мортимера Адлера. Потом, когда настанет время льготного тарифа, он позвонит в Чарлстон и поговорит с ними обоими — с шерифом и Натали. Он скажет им, что разговор вышел удачным, что продюсер, погибший в авиакатастрофе, определенно не тот немецкий оберст, который привиделся ему в кошмарных снах. Он пожалуется, что в последнее время находился в состоянии стресса, и пусть они сами сделают нужные выводы из его истолкования роли Нины Дрейтон в чарлстонских событиях.

Сол все еще стоял, погруженный в свои мысли, когда тихий голос за его спиной произнес:

— Очень милая картина, не правда ли? Какая жалость, что девочка, которая позировала для нее, наверное, давно уже умерла, а тело ее сгнило.

Сол резко обернулся. Перед ним стоял Фрэнсис Харрингтон собственной персоной, но ужасно похожий на фашиста. Глаза его странно светились, бледное веснушчатое лицо выглядело посмертной маской. Вялые, безвольные губы марионетки дернулись, будто кто-то потянул их за веревочки, и сложились в гримасу, обнажив зубы в страшном подобии улыбки.

— *Guten Tag, mein alte Freund,* — сказало чудовище в облике Фрэнсиса Харрингтона. — *Wie geht's, mein kleiner Bauer?*[1] Моя любимая пешечка?

Глава 16

Чарлстон
Четверг, 25 декабря 1980 г.

В вестибюле больницы, в самом центре, где обычно толкались посетители, стояла украшенная серебряная елка. Пять подарочных пакетов, пустых, но очень ярких, лежали под ней, а с ветвей свиса-

[1] Добрый день, мой старый друг... Как поживаешь, моя маленькая пешка? *(нем.)*

ли бумажные игрушки, сделанные детьми. На вымощенный плитками пол белыми и желтыми прямоугольниками падал солнечный свет.

Шериф Бобби Джо Джентри пересек вестибюль и направился к лифтам.

— Доброе утро и счастливого Рождества, миз Хауэлл, — приветствовал он дежурную за стойкой. В руках у него был огромный белый бумажный пакет.

— Счастливого Рождества, шериф! — откликнулась семидесятилетняя старушка, дежурившая сегодня добровольно. — Можно вас на секунду?

— Конечно, мэм. — Джентри повернулся спиной к открывшейся двери лифта и подошел к стойке.

На дежурной был пастельно-зеленый халат, который совсем не гармонировал с темной зеленью пластиковых сосновых ветвей на ее столе. Там же лежали два прочитанных и отложенных дамских романа.

— Чем могу служить, миз Хауэлл?

Старушка наклонилась вперед и сняла очки, которые повисли на цепочке с нанизанными на нее бусами.

— Я насчет той цветной женщины на четвертом, которую привезли прошлой ночью, — начала она взволнованным, почти заговорщицким шепотом.

— Да, мэм?

— Сестра Олеандер сказала, что вы сидели там всю ночь, вроде как охраняли ее... И что ваш помощник сменил вас утром, когда вам надо было уходить...

— Это Лестер, — пояснил Джентри, переложив пакет из одной руки в другую. — Мы с Лестером единственные в нашей конторе холостяки, поэтому обычно работаем по праздникам.

— Ну да. — Мисс Хауэлл была немного сбита с толку. — Но мы с сестрой Олеандер подумали... сейчас рождественское утро и все такое... Ну за что эту девушку арестовали? Я, конечно, понимаю, тут официальное дело, но правду говорят, что ее подозревают в связи с убийствами в «Мансарде»? И что ее пришлось доставить сюда силой?

Джентри улыбнулся и подался вперед.

— Миз Хауэлл, вы можете хранить тайну? — шепотом спросил он.

Дежурная снова нацепила очки на нос, сжала губы, выпрямилась и кивнула:

— Конечно, шериф.

— Тогда я вам скажу. — Он наклонился ниже. — Мисс Престон моя невеста. Ей это не очень нравится, поэтому мне приходится держать ее взаперти в подвале. Вчера я немного погулял с ребятами, а она попыталась в это время выбраться и убежать, так что мне пришлось всыпать ей разок. Вот Лестер и держит ее наверху под дулом пистолета, пока я не вернусь.

Входя в лифт, Джентри обернулся и подмигнул мисс Хауэлл. Она сидела, все так же выпрямившись, с открытым от изумления ртом.

Джентри постучал в дверь и заглянул в палату, где находилась Натали. Девушка подняла глаза.

— Доброе утро и счастливого Рождества! — Он прошествовал к столику на колесах и положил на него белый пакет.

— Счастливого Рождества, — ответила Натали хриплым шепотом, затем болезненно поморщилась и поднесла левую руку к горлу.

— Видели свои синяки? — спросил Джентри, наклоняясь, чтобы еще раз получше рассмотреть их.

— Да, — прошептала она.

— У того, кто это сделал, пальцы длинные, как у Вана Клиберна, только предназначены не для игры на рояле. Как голова?

Натали дотронулась до широкой бинтовой повязки.

— Что же все-таки произошло? — спросила она. — Я помню, как меня душили, а как ударилась головой, не помню...

Джентри принялся извлекать из пакета белые пластиковые коробки с едой.

— Доктор еще не заходил?

— С тех пор как я проснулась, нет.

— Он говорит, что вы, наверное, ударились головой о дверцу, когда дрались с этим мерзавцем. — Джентри достал большие пластиковые чашки с дымящимся кофе и апельсиновым соком. — Просто ушиб и немного крови. А сознание вы потеряли оттого, что он душил вас.

Девушка снова потрогала горло и поморщилась, вспомнив, как все было.

— Теперь я знаю, что чувствуешь, когда тебя душат, — прошептала она, слабо улыбаясь.

Джентри покачал головой:

— Это не совсем так. Он применил особый захват, вы потеряли сознание оттого, что вам перекрыли доступ крови к мозгу, а не воздуха к легким. Этот ублюдок знал, что делает. Еще немного, и у вас

был бы поврежден мозг — в лучшем случае. Хотите горячую английскую булочку к яичнице?

Натали, широко раскрыв глаза, смотрела на еду, разложенную перед ней: поджаренные булочки, яичница, ветчина, сыр, фрукты.

— Где вы все это достали? — удивленно спросила она. — Мне уже приносили завтрак, только я не смогла есть эту резину. Разве в рождественское утро работает хоть один ресторан?

Джентри снял шляпу и приложил ее к груди с самым обиженным видом:

— Ресторан? Вы сказали «ресторан»? Мэм, здесь у нас богобоязненный христианский город. Сегодня не работает ни одно заведение, кроме, пожалуй, забегаловки Тома Делфина на федеральном шоссе. Том — агностик. Нет, мэм, этот завтрак приехал прямо из кухни вашего покорного слуги. Ну-ка, налетайте, пока все не остыло.

— Спасибо, шериф, — поблагодарила Натали. — Но я же не в силах все это проглотить...

— И не надо. Я помогу. Мне тоже не вредно позавтракать.

— А как же мое горло?

— Док говорит, что оно немного поболит, но кушать можно. Ешьте.

Натали не заставила себя долго упрашивать и взялась за вилку.

Джентри вытащил из пакета небольшой приемник и поставил на стол. Большинство радиостанций передавали рождественскую музыку. Он покрутил настройку, и оратория Генделя «Мессия» заполнила палату.

Яичница, похоже, Натали понравилась. Она отпила глоток кофе и сказала:

— Все это прекрасно, шериф. А как же Лестер?

— Ну, про Лестера не скажешь, что он — прекрасен.

— Нет, я имею в виду... Он еще здесь?

— Он отправился назад в участок. До двенадцати. А потом его сменит Стюарт. Не беспокойтесь, Лестер уже позавтракал.

— Отменный кофе, — похвалила Натали и взглянула на Джентри, склонившегося над едой. — Лестер сказал, что вы провели здесь ночь.

Джентри ухмыльнулся с набитым ртом:

— Эти чертовы яйца остывают еще до того, как их уложишь в эти дурацкие пластиковые штуковины.

— Вы думаете, что он... кто бы это ни был... Что он вернется? — спросила она.

— Не обязательно. Но нам не дали поговорить вчера — вам сразу ввели снотворное. Я подумал, что вовсе не помешает, если тут будет кто-нибудь, с кем можно потолковать, едва вы проснетесь.

— Значит, вы провели канун Рождества на больничном стуле? — заключила Натали.

Шериф широко улыбнулся:

— А что тут такого? Все веселее, чем смотреть двадцатый год подряд, как мистер Магу играет роль богатого дядюшки Скруджа.

— Как вам удалось так быстро разыскать меня вчера? — Голос Натали был все еще хриплым, но уже не таким напряженным.

— Ну, мы ведь договорились встретиться. Вас нигде не было, а у меня на автоответчике не оказалось никаких сообщений, так что я вроде как нечаянно завернул к дому Фуллер по дороге к себе. Я ведь знаю, что у вас появилась привычка проверять, как там и что.

— Но вы не видели, кто на меня напал?

— Нет. В машине сидели только вы, согнувшись, с окровавленным фотоаппаратом в руке.

Натали покачала головой:

— Я до сих пор не могу вспомнить, как ударила его фотоаппаратом... Все пыталась дотянуться до папиного пистолета.

— Да, кстати, про пистолет. — Джентри подошел к стулу, на который повесил свою зеленую куртку, вытащил из кармана «ламу» тридцать второго калибра и положил на столик рядом со стаканом апельсинового сока. — Я поставил его на предохранитель. Он все еще заряжен.

Натали взяла тост, но есть не стала.

— Так кто же все-таки это был?

Джентри качнул головой:

— Вы говорите, он белый?

— Да. Я видела только лицо... Ну, немного щеки... Потом глаза. Но я уверена, что он белый.

— Возраст?

— Не знаю. У меня такое ощущение, что ему примерно столько же, сколько вам... Тридцать с небольшим.

— Вы больше ничего не вспомнили из того, что не успели сказать мне вчера? — спросил Джентри.

— Пожалуй, нет. Он был уже в машине, когда я вернулась. Скорее всего, спрятался на заднем сиденье... — Натали положила тост, ее передернуло от страшного воспоминания.

— Он разбил лампочку в машине, — сказал Джентри, доедая яичницу. — Поэтому она и не зажглась, когда вы открыли дверь. Значит, вы говорите, что видели свет на втором этаже дома Фуллер?

— Да, сквозь жалюзи, но не в холле и не в спальне. Скорее, в гостиной наверху.

— Ладно. Доедайте. — Джентри пододвинул к ней небольшую коробку с ветчиной. — А вы знали, что электричество в доме было отключено?

Брови Натали удивленно поползли вверх.

— Нет...

— Наверное, кто-то воспользовался фонариком. Причем большим, батареек на шесть.

— Значит, вы мне верите?

Джентри перестал складывать пустые коробки и чашки, которые собирался выкинуть в корзину для мусора, и посмотрел на нее:

— А почему я должен вам не верить? Интересно, как бы вы сами наставили себе этих синяков на шее?

— Но зачем кому-то понадобилось убивать меня? — спросила Натали слабым голосом, и не только из-за поврежденного горла.

Джентри закончил убирать со стола.

— Этот человек, кто бы он ни был, вовсе не пытался вас убить. Он просто хотел причинить вам боль.

— В этом он преуспел. — Натали осторожно потрогала забинтованную голову.

— И еще припугнуть.

— Это ему тоже удалось. — Она окинула взглядом палату. — Бог мой, как я ненавижу больницы!

— Повторите-ка, что он вам сказал.

Натали закрыла глаза:

— «Хочешь найти ту женщину? Ищи в Джермантауне».

— Еще раз, — попросил Джентри. — Попробуйте сказать это тем же тоном, с той же интонацией, как вы слышали.

Она повторила фразу глухим голосом, без всяких интонаций.

— Значит, так? — сказал Джентри. — Без акцента, без намека на диалект?

— Абсолютно. Вроде диктора, монотонно читающего сводку погоды по радио.

— Не южанин, — определил шериф.

— Нет.

— Может, какой-нибудь северный диалект?

Он повторил фразу с нью-йоркским акцентом, настолько правдоподобно, что Натали рассмеялась, несмотря на свое больное горло.

— Нет, — сказала она.

— Он мог быть из Новой Англии? Или немец? Или американский еврей из Нью-Джерси? — Джентри несколько раз успешно имитировал диалекты.

— Нет, — снова рассмеялась Натали. — У вас здорово получается. Нет, голос был просто ровный, бесцветный.

— А по высоте?

— Низкий, но не такой, как у вас. Нечто вроде мягкого баритона.

— Это могла быть женщина? — спросил Джентри.

Натали моргнула. Она попыталась вспомнить то, что мельком увидела в зеркальце, когда красный цвет уже застилал ей глаза: худое лицо, изгиб щеки, кажется небритой... хотя, возможно, это был колючий шарф. Какая-то шапка, не то кепка, и руки в перчатках, с ужасно сильными длинными пальцами.

— Нет. — Натали покачала головой. — Это был все-таки мужчина, хотя, конечно, до этого мужчины не нападали на меня. И в его действиях не было ничего сексуального... — Она запнулась.

— Я понимаю, о чем вы говорите, — кивнул шериф. — И это еще одно доказательство того, что, кто бы это ни был, он не пытался убить вас. Убийцы обычно не передают сообщения своим жертвам.

— Сообщение?

— Точнее будет сказать «предупреждение», — заключил Джентри. — В общем, мы записали это как случайное нападение и возможную попытку к изнасилованию. Трудно было бы зарегистрировать это как ограбление, раз он не взял ни вашу сумочку, ни фотоаппарат. — Он вытащил небольшой термос из изрядно похудевшего пакета. — Хотите еще кофе?

Натали немного подумала, потом кивнула:

— Да. Обычно я не пью много кофе, но сейчас он, похоже, сглаживает действие укола, который мне сделали вчера.

— А кроме того, сегодня Рождество. — Джентри снова разлил ароматный кофе по чашкам. Некоторое время они сидели, слушая триумфальную концовку оратории.

Когда музыка кончилась и ведущий принялся обсуждать программу, Натали сказала:

— Мне ведь не обязательно оставаться здесь, правда?

— Вы перенесли довольно тяжелую психическую травму, — ответил Джентри. — Почти десять минут были без сознания. На голову пришлось наложить восемь швов — вы сильно ушиблись...

— Но я все равно могла бы поехать домой, ведь так?

— Возможно, — признал он. — Однако я бы не хотел, чтобы вы это делали. Оставаться одной вам сейчас небезопасно, а если я предложу вам поехать ко мне, вы вряд ли меня правильно поймете. Кроме того, мне самому не очень хочется сидеть в рождественскую ночь в машине у вашего дома. Да и док сказал, что лучше провести ночь в больнице под наблюдением.

— Знаете, я бы поехала к вам, — тихо произнесла Натали. В голосе ее не было и намека на кокетство. — Мне страшно, — добавила она.

Джентри кивнул:

— Ну да. — Он допил кофе. — Мне и самому страшно. Не знаю почему, но мне кажется, что мы по уши увязли в вещах, которые недоступны пониманию.

— Значит, вы все еще верите в историю, рассказанную Ласки?

— Я бы больше верил, если бы от него пришла хоть какая-нибудь весточка. Шесть дней прошло, как он уехал, а от него ни слуху ни духу... Но вовсе не обязательно безоговорочно верить всему, что он рассказал; и так ясно — вокруг нас происходит какая-то чертовщина.

— Вы думаете, вам удастся поймать того, кто напал на меня вчера ночью? — Натали внезапно почувствовала усталость, она откинулась на подушки, а шериф приподнял изголовье кровати.

— Вряд ли, если мы будем полагаться на отпечатки пальцев и лабораторные исследования. Мы проверяем кровь на «Никоне», но от этого тоже мало проку. Единственный способ что-то узнать — продолжать расследование, так или иначе.

— Или подождать, пока он снова на меня не нападет...

— Нет, это вряд ли случится. Я думаю, они уже передали нам то, что хотели.

— «Хочешь найти ту женщину? Ищи в Джермантауне», — снова повторила Натали. — А женщина — Мелани Фуллер?

— А вы можете назвать кого-то другого?

— Нет. А где этот Джермантаун? Он действительно существует?

— Я, по крайней мере, знаю два. Это кварталы в северных городах. Кажется, в Филадельфии есть историческая часть города

с таким названием. В моем маленьком атласе их не оказалось, но я собираюсь пойти в библиотеку, покопаться в справочниках.

— Но зачем кому-то сообщать нам, где она находится? — спросила Натали.

— Замечательный вопрос. Только ответа у меня пока нет. Если то, что рассказал Сол, правда, тогда здесь замешано нечто гораздо большее, чем он сам понимает.

— А не мог этот вчерашний мерзавец быть... ну, чем-то вроде агента самой Мелани Фуллер? Кто-то, кого она использовала наподобие того, как оберст использовал Сола? Может, она все еще в Чарлстоне и пытается навести нас на ложный след?

— Может быть, только все эти сценарии, когда начинаешь их продумывать, рассыпаются в прах. Если Мелани Фуллер жива и по-прежнему в Чарлстоне, зачем ей вообще понадобилось давать о себе знать? Особенно нам. Кто мы такие, в конце концов? Этим делом занимаются две городские организации, три отдела органов правопорядка штата плюс это чертово ФБР. Все три телекомпании на прошлой неделе показали программы на эту тему, в понедельник окружной прокурор дал пресс-конференцию, на которую сбежались полсотни репортеров, кое-кто из них все еще пытается что-то разнюхать... Кстати, я именно поэтому не записал в журнале происшествий, что ваша машина вчера стояла прямо напротив дома Фуллер. Представляю, какие были бы заголовки в бульварных газетенках: «Еще одна жертва чарлстонского убийцы!»

— Так какой же сценарий кажется вам наиболее правдоподобным? — спросила Натали.

Джентри отодвинул столик на колесах в сторону и присел на край кровати. Несмотря на свою массивную фигуру, он двигался легко и почти грациозно, создавалось ощущение, что под этой массой скрывается пластичный и хорошо тренированный атлет.

— Допустим, Сол рассказал нам чистую правду, — тихо проговорил Джентри. — Значит, мы столкнулись с ситуацией, когда несколько этих вампиров мозга сражаются друг с другом. Нина Дрейтон мертва. Я видел ее тело до и после морга. Кем бы она ни являлась при жизни, сейчас она просто прах. Люди, забравшие тело, кремировали его.

— А кто забрал тело Нины Дрейтон?

— Не родственники. И даже не друзья. Нью-йоркский адвокат, который был ее душеприказчиком, и два члена корпорации, где она числилась одним из директоров.

— Значит, Нины Дрейтон нет. Кто же остается?

Джентри поднял три пальца:

— Мелани Фуллер, Уильям Борден — этот оберст Сола...

— А кто же третий? — Натали пристально глядела на оставшийся палец.

— Множество из миллионов неизвестных, — вздохнул Джентри, пошевелил всеми десятью пальцами и перевел разговор на другую тему: — Знаете, у меня для вас рождественский подарок. — Он вытащил из кармана куртки конверт. Там оказались рождественская открытка и билет на самолет до Сент-Луиса.

— На завтра, — сказала Натали, посмотрев дату.

— На сегодня билетов не было.

— Вы меня гоните, шериф? Хотите избавиться?

— Можно и так сказать. — Джентри широко улыбнулся. — Я знаю, что позволяю себе вольности, миз Престон, но я буду чувствовать себя гораздо лучше, если вы уедете к себе, пока все не прояснится.

— Просто не знаю, что думать... Почему я буду в большей безопасности в Сент-Луисе? Если за мной кто-то охотится, он найдет меня и там.

Джентри сложил руки на груди.

— Это вы хорошо подметили, но я не думаю, что за вами кто-то охотится, ведь правда? — Девушка молчала, и он продолжил: — В любом случае вы мне сказали недавно, что у вас там друзья. Фредерик мог бы пожить у вас...

— Мне не нужен ни телохранитель, ни нянька, — холодно бросила Натали.

— Возможно. Но там вы будете заняты чем-то, окружены друзьями, а главное, выйдете из этой чертовой игры, в которую тут играют, убивая людей, заставляя их убивать других, нападая на девушек...

— А как же быть с поисками убийцы моего отца? Кто будет следить за домом Фуллер до того, как Сол даст о себе знать?

— Один из моих помощников присмотрит за домом. Я получил разрешение миссис Ходжес, чтобы кто-то пока пожил у нее наверху, в кабинете мистера Ходжеса. Его окна как раз выходят в общий двор.

— А вы что будете делать?

Джентри взял стетсон с кровати, смял тулью и нахлобучил его на свой вспотевший лоб.

— Я решил взять отпуск, — вздохнул он и почему-то покраснел.

— Отпуск? — изумилась Натали. — В разгар всей этой истории? Когда ничего еще не ясно?

Он улыбнулся:

— Примерно так же отреагировало мое начальство. Но дело в том, что я не был в отпуске два года, и администрация должна мне недель пять по крайней мере. Наверняка я могу себе позволить уехать на пару недель, если мне так уж захочется.

— И когда же вы уезжаете?

— Завтра.

— Куда? — В голосе Натали было не только любопытство.

Джентри потер щеку.

— Ну, я думаю, что можно смотаться на север, посетить, скажем, Нью-Йорк. Давненько я там не был. А потом я мог бы провести пару дней в Вашингтоне.

— Будете разыскивать Сола? — догадалась Натали.

— Да, возможно, загляну и к нему. — Джентри посмотрел на часы. — Уже поздно. Часов в девять к вам должен зайти доктор. А потом вы можете сразу уезжать. — Он помолчал. — Давайте вернемся к тому моменту, когда вы сказали, что могли бы пожить немного у меня...

Натали приподнялась на кровати:

— Это что, предложение?

— Да, мэм. Мне было бы спокойнее, если бы вы до отъезда поменьше находились одна в своем доме. Конечно, вы можете снять номер в отеле на сегодня, а я попрошу Лестера или Стюарта подежурить по очереди со мной...

— Шериф, нам надо уладить один вопрос, прежде чем я скажу «да».

Джентри посерьезнел:

— Слушаю вас, мэм.

— Мне надоело называть вас шерифом и еще больше надоело слушать, как вы говорите мне «мэм». Или будем звать друг друга по имени, или вообще никак.

— Отлично, мэм. — Джентри ухмыльнулся во весь рот.

— Но тут есть маленькая проблема. Я никогда не смогу заставить себя называть вас «Бобби Джо».

— Родители тоже меня так не называли. Эта кличка прилипла ко мне, когда я работал тут помощником шерифа. А когда пришла пора баллотироваться в шерифы, я так ее за собой и оставил.

— А как вас зовут друзья и ваши близкие?

— Друзья в основном обращаются ко мне «жирный». А мама звала меня Роб. — И Джентри вновь покраснел как мальчишка.

— Хорошо. Спасибо за приглашение, Роб. Я принимаю его.

Они ненадолго заехали домой к Натали, она быстро уложила свои вещи, потом позвонила поверенному отца и некоторым друзьям. Дело с вступлением ее в наследство и продажей фотомагазина затягивалось как минимум на месяц. У Натали не было причин задерживаться в городе.

Рождественский день выдался теплым и солнечным. Хотя был четверг, но создавалось ощущение, что сегодня воскресенье. Они пообедали рано. Джентри приготовил запеченный окорок, картофельное пюре, брокколи с соусом из сыра и шоколадный мусс. Затем он передвинул круглый обеденный стол к большим окнам, и они устроились за ним, неторопливо попивая кофе и глядя, как ранние сумерки окутывают в серый цвет дома и деревья. Когда на небе зажглись первые звезды, Натали с Джентри оделись и отправились гулять по улицам. Дети звонко смеялись, радуясь своим новым рождественским игрушкам, в затемненных окнах вспыхивали разноцветные огоньки телевизоров.

— Как вы думаете, с Солом все в порядке? — спросила Натали. Они впервые после утреннего разговора вернулись к серьезным вещам.

Он пожал плечами и засунул руки глубоко в карманы куртки:

— Я не уверен. У меня такое чувство, что с ним что-то случилось.

— Мне совсем не хочется прятаться в Сент-Луисе. Что бы тут ни происходило, мой долг перед отцом разобраться во всем этом.

Джентри не стал спорить:

— Давайте сделаем так. Я выясню, куда запропастился профессор, а потом мы свяжемся и спланируем наш следующий шаг. Мне кажется, одному человеку с этим делом проще будет справиться.

— Но ведь Мелани Фуллер может находиться и здесь, в Чарлстоне. Мы ведь даже не знаем, что хотел сказать тот вчерашний бандит.

— Не думаю, что старуха здесь. — Джентри рассказал Натали про то, как Артур Луэллин в ночь убийства поехал на минутку купить сигару, а кончилось тем, что он налетел на опору моста в окрестностях Атланты на скорости девяносто семь миль в час. —

Кстати, табачный киоск, куда направлялся мистер Луэллин, находится неподалеку от «Мансарды».

— Значит, Мелани Фуллер вполне способна сделать то, о чем говорил Сол?

— Да... Чистейший вздор, а между тем это — единственное объяснение.

— Вы думаете, что она прячется в Атланте?

— Нет, не думаю. Это слишком близко отсюда. Скорее всего, она улетела или уехала оттуда при первой возможности. Поэтому я и сидел на телефоне почти всю неделю. В прошлый понедельник, через два дня после здешних событий, случилось недоразумение в международном аэропорту Хартсфилд. Какая-то дама оставила двенадцать тысяч долларов наличными в сумке, и никто не смог ее описать. Местный носильщик, сорокалетний мужчина, до этого вполне здоровый, забился в припадке и умер. Я проверил все происшествия той ночи. На двести восемьдесят пятом шоссе в дорожной катастрофе погибла семья из шести человек — их протаранил сзади полуприцеп, шофер грузовика заснул за рулем. Мужчина в Рокдейле застрелил своего зятя после ссоры из-за лодки, которая уже много лет принадлежала всей семье. Найден труп бродяги у стадиона в Атланте. Люди шерифа утверждают, что труп пролежал там почти неделю. И наконец, таксист по имени Стивен Лентон покончил жизнь самоубийством у себя дома. По данным полиции, его друзья утверждают, что он находился в состоянии депрессии с тех пор, как от него ушла жена.

— А как это все связано с Мелани Фуллер? — спросила Натали.

— Можно только догадываться. Строить догадки — самое интересное в этом деле. — Они добрались до небольшого сквера. Натали присела на качели и стала потихоньку раскачиваться. Джентри, держась за цепь качелей, стоял рядом. — Самое забавное в случае с мистером Лентоном то, что он покончил с собой на дежурстве. У таких людей вообще не принято тратить рабочее время на самоубийство. Вы ни за что не догадаетесь, где он находился, когда передавал в диспетчерскую данные о своей последней поездке...

Натали перестала раскачиваться:

— В аэропорту?

— Да.

Она тряхнула головой:

— Нет, здесь что-то не стыкуется. Если Мелани Фуллер вылетала из аэропорта Атланты, зачем ей было оставлять там деньги или убивать носильщика, а потом таксиста?

— Давайте представим себе, что ее что-то спугнуло. Или, скажем, она вдруг передумала. Собственный автомобиль таксиста исчез. Бывшая жена Дентона надоедала полиции почти неделю, пока машину наконец не нашли.

— Где?

— В Вашингтоне. Прямо в центре.

— Ничего не понимаю. Разве не естественно предположить, что человек просто совершил самоубийство, а кто-то угнал его машину и бросил в Вашингтоне?

— Конечно. Но у истории, рассказанной Солом Ласки, есть одно несомненное достоинство: она заменяет длинную цепь случайностей одним-единственным объяснением. Я вообще большой сторонник «бритвы Оккама».

Натали улыбнулась и снова принялась раскачиваться.

— Только резать ею надо осторожно. А то она затупится, и можно раскромсать собственное горло.

— Верно. — У Джентри было прекрасное настроение. Вечерний воздух, скрип ржавых качелей, напоминающий о детстве, и присутствие этой чудесной девушки делали его почти счастливым.

— И все равно я не хотела бы выходить из игры, — упрямо заявила Натали. — Может быть, мне стоит отправиться в Атланту и заняться этим делом там, пока вы будете действовать в Вашингтоне?

— Но это всего на несколько дней, — заверил Джентри. — Поезжайте на свою базу в Сент-Луисе, и через некоторое время я с вами свяжусь.

— Сол Ласки говорил то же самое.

— Послушайте, у меня есть автоответчик и еще аппарат, с помощью которого я могу прослушать по телефону все, что записано на автоответчике. Я всегда все теряю, поэтому у меня две эти штуки... ну, которые дают тоновый сигнал. Я дам вам одну из них. Обещаю звонить по своему телефону в одиннадцать, каждое утро и каждый вечер. Если у вас будет что мне сообщить, просто наговорите это на автоответчик. Вы можете связываться со мной точно таким же образом.

Натали моргнула:

— А не проще вам просто позвонить мне?

— Да, проще, но вдруг возникнут какие-нибудь трудности?

— У вас же там могут быть ваши личные записи...

Джентри усмехнулся в темноте.

— От вас у меня секретов нет, мэм... мисс... Натали, — поправился он. — Или, скажем так, не будет, как только я передам вам эту электронную чертовщину.

— Я прямо сгораю от нетерпения. — Натали плотнее запахнула пальто и, сойдя с качелей, взяла шерифа под руку.

Когда они вернулись к дому Джентри, их кто-то поджидал. В глубокой тени длинного крыльца мерцал огонек сигареты. Они остановились на мощенном каменными плитами тротуаре, шериф медленно расстегнул молнию своей куртки, и Натали увидела рукоятку револьвера, засунутого за пояс.

— Кто тут? — тихо спросил Джентри.

Огонек сигареты вспыхнул ярче, потом исчез, и с крыльца спустилась темная фигура. Девушка схватила Джентри за руку, когда высокая тень двинулась к ним.

— Привет, Роб, — сказал кто-то низким, немного хриплым голосом, — хорошая ночка для полетов. Я заглянул спросить, не хочешь ли ты полетать вдоль побережья?

— Привет, Дэрил, — произнес Джентри, и Натали почувствовала, как расслабились мышцы его руки.

Глаза ее привыкли к темноте, и теперь она различила высокого худого мужчину с длинными, седеющими на висках волосами. Он был одет вовсе не по погоде — в коротко обрезанных джинсах, сандалиях и футболке с выцветшей надписью «Клемсонский университет». Его грубоватое лицо имело задумчивый вид.

— Познакомьтесь, Натали, это Дэрил Микс, — представил мужчину Джентри. — У Дэрила чартерная контора там, за гаванью. Воздушный извозчик. Несколько месяцев в году он летает с рок-группой, а заодно и сам играет на ударных. Он считает себя наполовину Чаком Йегером[1], наполовину Фрэнком Заппой. Мы с ним вместе бегали в школу. Дэрил, это миз Натали Престон.

— Рад познакомиться, — кивнул Микс.

Рукопожатие было твердым, дружеским, и Натали оно понравилось.

— Усаживайтесь, а я пойду раздобуду пива, — сказал Джентри.

Натали села в плетеное кресло на крыльце. Микс потушил сигарету о перила, кинул окурок в кусты и устроился в шезлонге, положив ногу на ногу. Одна из сандалий повисла на ремешке.

---

[1] *Чак Йегер* (Чарльз Элвуд Йегер, р. 1923) — американский летчик-испытатель, первым в истории преодолел звуковой барьер (1947).

— В каком колледже вы учились с шерифом? — поинтересовалась Натали. Ей показалось, что Микс старше Джентри.

— В Северо-Западном, — дружелюбно пояснил Дэрил. — Но Роб закончил с отличием, а меня отчислили и забрали в армию. Пару лет мы жили в одной комнате. Так, двое перепуганных ребят с юга в большом городе.

— Вот-вот, — подхватил Джентри, вернувшись с тремя охлажденными банками пива «Мишлоб». — Дэрил и в самом деле вырос на юге, точнее, на южной окраине Чикаго. Он никогда не бывал южнее линии Мейсона—Диксона[1], за одним-единственным исключением, когда однажды провел у меня летние каникулы. Но потом хороший вкус в нем победил, и он переехал сюда после возвращения из Вьетнама. И вовсе его не отчислили из колледжа — он сам ушел и записался добровольцем, хотя еще раньше отслужил в морской пехоте, а в самом колледже был активным пацифистом.

Микс сделал большой глоток пива, глянул на банку в тусклом свете и поморщился:

— Черт, Роб, и как ты пьешь эти помои? Вот «Пабст» — настоящее пиво. Сколько раз тебе говорить...

— Значит, вы были во Вьетнаме? — спросила Натали. Она вспомнила Фредерика и его упорное нежелание говорить об этом, его ярость при одном упоминании о войне.

Микс улыбнулся и кивнул:

— Да, мэм. Я был воздушным наблюдателем целых два года. Просто летал кругами в своем малюсеньком «пайпер-кабе» и сообщал настоящим пилотам в больших истребителях-бомбардировщиках, куда бросать груз. За все время моего пребывания там я ни разу не выстрелил в кого-либо. Самая непыльная работа, какую только можно себе представить.

— Дэрила дважды сбивали, — сообщил Джентри. — Он единственный сорокалетний хиппи из всех, кого я знаю, у которого целый ящик стола забит орденами и медалями.

— Все куплено на базаре, — пошутил Микс и допил пиво. — Я так понимаю, что сегодня не самое удачное время для воздушной прогулки, а, Роб?

— В следующий раз, амиго, — улыбнулся Джентри.

Микс кивнул, встал и поклонился Натали:

---

[1] Граница между Пенсильванией и Мэрилендом, символическая граница между северными и южными штатами.

— Очень рад был познакомиться, мисс. Если вам нужно опылить с воздуха поля, или зафрахтовать рейс, или вдруг понадобится хороший барабанщик, заглядывайте ко мне в аэропорт на Маунт-Плезант.

— Обязательно, — улыбнулась Натали.

Микс хлопнул Джентри по плечу, легко сбежал по ступенькам крыльца и исчез в темноте.

Весь вечер они слушали музыку, рассказывали друг другу о своем детстве, рассуждали о том, каково это — расти на юге, а учиться в колледже на севере, потом вымыли посуду и выпили немного бренди. Натали вдруг заметила, что между ними почти нет никакого напряжения, будто они знакомы уже много лет.

Она пришла в восторг, когда Роб провел ее в комнату для гостей, чистую и тщательно прибранную. Ковер отсутствовал, мебели, кроме простенькой кровати с сеткой, почти не было, но спартанскую суровость скрашивали цветистое одеяло и похожий на ананас орнамент стен.

Джентри показал Натали чистые полотенца в ванной, пожелал ей доброй ночи, в последний раз проверил дверные замки и вернулся в свою спальню. Затем он переоделся в чистые удобные спортивные брюки и футболку. За последние восемь лет Джентри четыре раза попадал в больницу с приступами почечнокаменной болезни, и каждый раз они случались ночью. Избавиться от камней совсем было невозможно, хотя он старался придерживаться диеты с низким содержанием кальция, и невероятная боль в начале приступа лишала его сил — их хватало только на то, чтобы набрать номер и вызвать «скорую», которая затем везла его в приемный покой. Джентри всегда было неприятно сознавать свою беспомощность, но в данном случае от него ничего не зависело. Поэтому он давно уже отказался от пижамы в пользу спортивного костюма — если уж ему суждено попадать в больницу в среднем раз в два года, то его повезут туда все-таки одетым, а не в пижаме.

Джентри повесил кобуру с «ругером» на спинку стула рядом с кроватью. Он всегда вешал ее там, чтобы в любую минуту пистолет легко мог оказаться у него в руке.

Ему долго не удавалось заснуть, мысль о том, что через две комнаты от него спит привлекательная молодая женщина, лишала его покоя, но он знал, что не встанет и не пойдет в эту комнату. Джентри чувствовал свое влечение к ней и на основе собственного

опыта мог вычислить, насколько ему отвечали взаимностью. Глядя, как по потолку движутся отражения автомобильных фар, он слегка хмурился. Нет, только не сегодня. Какие бы возможности ни таили в себе их отношения, время было решительно неподходящим. Инстинкт подсказывал ему, что Натали надо немедленно убрать из Чарлстона, подальше от всего этого безумия, что разыгрывается вокруг них. А инстинкты Джентри никогда не подводили, они не раз спасали ему жизнь, и он им верил.

Он пошел на огромный риск, позволив ей провести ночь в своем доме, но он не знал, как еще можно обеспечить ее безопасность до утреннего рейса. Кто-то за ним следил — и не один, а несколько человек. Он сомневался в этом до вчерашнего дня, пока не провел в машине почти полтора часа, разъезжая по городу, чтобы убедиться в своем предположении и вычислить все автомобили, задействованные в слежке. Теперь это делали не так грубо, как на прошлой неделе, наоборот, настолько профессионально, что Джентри догадался о слежке только благодаря своей интуиции.

Задействованы были по крайней мере пять машин: одно такси и четыре других абсолютно ничем не примечательных автомобиля, какие выпускают на заводах в Детройте. Хотя три из них походили на тот «бьюик», с которым он недавно играл в кошки-мышки. Одна из машин следовала далеко позади, не приближаясь, а когда он резко менял направление, за ним увязывалась другая. Лишь через пару дней Джентри догадался, что вторая машина иногда была не сзади, а обгоняла его. Он знал: чтобы организовать такую слежку, нужна была по крайней мере дюжина автомобилей, вдвое больше людей и радиосвязь. Джентри прикинул, способны ли чарлстонские органы внутренних дел организовать такое, но сразу же отбросил эту мысль. Во-первых, его прошлое, его образ жизни, те дела, которыми он сейчас занимался, никак не могли вызвать подобного внимания; во-вторых, бюджет полиции Чарлстона просто не выдержал бы такой нагрузки; а в-третьих, те полицейские, которых он знал, не смогли бы следить за подозреваемым с ювелирной точностью, даже если бы от этого зависела их жизнь.

Кто же тогда остается? ФБР? Джентри терпеть не мог Ричарда Хейнса и не доверял ему, но он не знал ни одной причины, по которой ФБР может подозревать чарлстонского шерифа в связи с авиакатастрофой или убийствами в «Мансарде». Может, это ЦРУ? Но с какой стати? Джентри сразу отмел эту мысль, не отрывая взгляда от потолка.

Он уже начал засыпать, ему даже приснилось, будто он в Чикаго ищет какую-то аудиторию в университете и никак не может найти, когда раздался крик.

Еще толком не проснувшись, Джентри схватил «ругер» и кинулся в коридор. Последовал еще один крик, на этот раз приглушенный, затем рыдание. Он подбежал к двери, попробовал ручку — дверь была не заперта — и рывком распахнул ее, отскочив назад, чтобы его не было видно из комнаты. Выждав немного, Джентри пригнулся и бросился вперед, держа «ругер» в вытянутых руках и поводя им во все стороны.

Кроме Натали, в комнате никого не было, она сидела на кровати и рыдала, закрыв лицо руками. Шериф осмотрел комнату, проверил, закрыто ли окно, осторожно положил пистолет на тумбочку и присел рядом с ней на кровать.

— Извините меня, — заикаясь, пробормотала девушка сквозь слезы. В голосе ее звучали страх и смущение. — Каждый раз, как я начинаю засыпать... эти руки обхватывают меня сзади... — Усилием воли она заставила себя успокоиться и потянулась к коробке с бумажными салфетками.

Джентри обнял ее левой рукой. Она секунду сидела неподвижно и вдруг прижалась к нему, ее волосы щекотали ему щеку и подбородок. Еще некоторое время она продолжала мелко дрожать, снова и снова переживая страшные воспоминания.

— Все хорошо, — пробормотал Джентри, поглаживая ее плечи. — Все будет хорошо. — Он чувствовал себя так, будто гладит беззащитного котенка.

Позже, когда он уже подумал, что она уснула, Натали вдруг подняла голову, обняла его за шею теплыми руками и поцеловала. Поцелуй получился долгим и страстным, так что у обоих закружилась голова. Он чувствовал, как ее полная мягкая грудь прижимается к его груди.

Когда Джентри наконец смог взглянуть в лицо Натали, он увидел в нем нежность и желание. Их пальцы были крепко сплетены, и ему передалась дрожь, пробегающая волной по ее телу. Но на сей раз вовсе не страх владел чувствами девушки...

Самолет Натали вылетел в Сент-Луис на два часа раньше, чем самолет Джентри в Нью-Йорк. На прощанье она поцеловала его. Они оба родились и выросли на юге, впитали в себя привычки и понятия юга и знали, что поцелуй черной женщины и белого мужчи-

ны в общественном месте даже в восьмидесятые годы вызовет молчаливые упреки. Но им было в высшей степени наплевать на это.

— Подарки на память, — сказал Джентри и протянул ей свежий номер «Ньюсуика» и передатчик тонового сигнала для автоответчика. — Я сегодня проверю, что там будет.

Натали кивнула, решила ничего не говорить и быстро пошла к выходу на посадку.

Через час, в небе где-то над штатом Кентукки, она отложила «Ньюсуик», взяла местную газету и наткнулась на заметку, которая навсегда изменила ее жизнь.

Филадельфия (Ассошиэйтед Пресс). Полиция Филадельфии еще не обнаружила каких-либо улик или подозреваемых по делу об убийстве в Джермантауне четырех членов молодежной банды, которое лейтенант Лео Хартвелл из городского отдела по убийствам назвал одним из самых диких преступлений, виденных им за десять лет службы в полиции».

В рождественское утро четверо членов молодежной уличной банды «Душевный двор» были найдены мертвыми неподалеку от Рыночной площади Джермантауна. Имена жертв и конкретные детали преступления не сообщаются, однако известно, что жертвам было от четырнадцати до семнадцати лет и что тела их были обезображены. Лейтенант Хартвелл, возглавляющий расследование, отказывается подтвердить или опровергнуть сообщение с места преступления о том, что все четверо юношей были обезглавлены.

— Мы приступили к тщательному и непрерывному расследованию, — сказал капитан Томас Морано, начальник отдела по убийствам. — Сейчас разрабатываем все возможные версии.

Район Филадельфии под названием Джермантаун всегда отличался высоким уровнем преступности, связанной с молодежными бандами. В 1980 году в разборках между группировками здесь погибли два человека, а в 1976 — шестеро. Преподобный Уильям Вудз, директор Благотворительного дома в Джермантауне, заверил, что в последние десять месяцев разборки между уличными группировками утихли, каких-либо данных о распрях или вендеттах сейчас нет.

Группировка «Душевный двор» — одна из дюжины молодежных банд в районе Джермантаун. По некоторым данным, в ней около сорока постоянных членов и примерно вдвое больше примкнувших. Как и большинство других уличных группировок в Филадельфии, она издавна конфликтует с органами правопорядка, хотя в последние годы были предприняты попытки улучшить имидж таких группировок посредством выдвинутых городскими властями программ типа «Дома завета» и «Доступ к обществу». Все четверо погибших юношей — члены банды «Душевный двор».

Натали инстинктивно, в одно мгновение и без всяких сомнений, поняла, что это как-то связано с Мелани Фуллер. Она понятия не имела, как эта старуха из Чарлстона может быть вовлечена в разборки между уличными бандами в Филадельфии, но снова как бы ощутила пальцы, сдавившие ей горло, и услышала горячий шепот прямо над ухом: «Хочешь найти ту женщину? Ищи в Джермантауне».

В международном аэропорту Сент-Луиса, который старожилы все еще называли Поле Ламберта, Натали приняла решение прежде, чем успела испугаться последствий. Она знала, что стоит ей позвонить Фредерику и встретиться с друзьями, и она никогда уже не уедет из Сент-Луиса. Натали закрыла глаза и вспомнила своего отца, лежащего в пустой комнате бюро похоронных услуг. Лицо его еще не было приведено в порядок, и раздраженный работник морга снова и снова повторял: «Но мы не ждали никого из родственников до завтрашнего дня».

Натали купила билет до Филадельфии на следующий рейс TWA, воспользовавшись кредитной карточкой. В бумажнике у нее оставалось долларов двести наличными и шестьсот пятьдесят — дорожными чеками. Она проверила, сохранилось ли у нее удостоверение представителя прессы с прошлого лета, когда она работала в «Чикаго сан-таймс», и затем позвонила Бену Йейтсу, редактору фотоотдела этой газеты.

— Натали! — донесся до нее голос сквозь треск в трубке и шум аэропорта. — Я думал, ты в колледже до самого мая.

— Так и есть, Бен, — сказала она, — но сейчас я на несколько дней отправляюсь в Филадельфию. Может, тебе нужны фотографии по делу об убийстве членов уличной банды?

— Конечно нужны, — неуверенно сказал Йейтс. — А что это за дело?

Натали вкратце передала смысл заметки.

— Какого черта! Не будет там никаких фото! — воскликнул он. — А если и будет, так их передадут по фототелеграфу.

— Ну а если я раздобуду что-нибудь интересное, тебе это может понадобиться, Бен?

— Конечно. А что происходит, Натали? У тебя все в порядке? Как отец?

Натали почувствовала сильную боль в груди, будто ее ударили. Очевидно, Бен еще не знал о гибели ее отца. Она подождала, пока дыхание немного не успокоится.

— Я тебе все расскажу, Бен. Как-нибудь позже. А пока, если тебе позвонят из филадельфийской полиции или еще откуда-ни-

будь, ты сможешь подтвердить, что я выполняю работу для «Сантаймс»?

Последовало короткое молчание.

— Хорошо, Натали. Но ты дашь мне знать, в чем там дело, ладно?

— Конечно, Бен. Как только смогу. Честное слово.

Перед отлетом Натали связалась с университетским компьютерным центром и попросила передать Фредерику, что скоро позвонит. Потом она набрала номер Джентри в Чарлстоне, услышала его голос на автоответчике и после сигнала в трубке сообщила, что у нее поменялись планы. Немного поколебавшись, она добавила: «Будь осторожен, Роб».

В салоне самолета, летевшего прямым рейсом до Филадельфии, было много народу. Рядом с Натали сидел темнокожий мужчина, очень хорошо одетый, привлекательный, если не обращать внимания на толстую шею и крупную челюсть. Он, не отрываясь, читал журнал «Уолл-стрит». Натали сначала смотрела в окно, затем немного подремала. Проснулась она минут через сорок пять, чувствуя себя одинокой и уставшей, и сразу пожалела, что отправилась в эту погоню за привидениями. Она вытащила из сумки чарлстонскую газету и в десятый раз перечитала заметку. У нее было ощущение, будто она уже давно уехала из города и все случившееся с ней — и Роб тоже — всего лишь сон.

— Я вижу, вы читаете про это безобразие, которое произошло недалеко от моего дома.

Натали повернула голову. Ее сосед отложил журнал и теперь улыбался ей, держа в руке стакан с виски.

— Вы спали, когда стюардесса разносила напитки, — сказал он. — Хотите, я ее позову?

— Нет, спасибо. — Ей что-то не понравилось в манерах этого человека, хотя трудно было сказать, что именно. Все в нем — улыбка, негромкий голос, непринужденная поза — выражало открытое дружелюбие. — А что вы имели в виду, когда сказали про безобразие недалеко от вашего дома?

Он указал рукой со стаканом на газету:

— Разборки между бандами. Я как раз живу в Джермантауне. Эта мерзость происходит там постоянно.

— Вы можете мне рассказать подробнее? Про банды и про... убийства?

— Про банды могу, — кивнул сосед. Его голос напоминал Натали раскатистый бас актера Джеймса Эрла. — А вот про убийства — нет. Последние несколько дней меня не было дома. — Тут он ши-

роко улыбнулся. — И потом, мисс, я из другого района, несколько повыше классом, чем эти бедные ребята. Вы собираетесь посетить Джермантаун, пока будете в Филадельфии?

— Не знаю. А что?

Он улыбнулся еще шире, хотя в его темно-коричневых глазах трудно было что-то прочесть.

— Просто я подумал, что это будет интересно. Джермантаун — историческое место, там есть не только трущобы и банды. Мне бы хотелось, чтобы туристы знали про обе эти стороны. — Он вдруг спохватился: — О, возможно, я делаю какие-то поспешные выводы и вы сами живете в Филадельфии?

Усилием воли Натали заставила себя расслабиться. Нельзя ведь всю жизнь проводить в состоянии параноидного беспокойства и тревоги.

— Нет, я просто еду в гости, — улыбнулась она. — И мне хотелось бы услышать как можно больше про Джермантаун. И плохое и хорошее.

— Вот это правильно, — одобрил ее собеседник. — Знаете, я, пожалуй, попрошу еще виски. — Он подозвал стюардессу. — Вы действительно ничего не хотите пить?

— Если только стакан колы.

Он заказал напитки, потом снова повернулся к ней, все так же улыбаясь:

— Ну что ж, если я буду вашим официальным гидом по Филадельфии, нам, по крайней мере, следует познакомиться...

— Меня зовут Натали Престон, — сказала девушка.

— Рад встрече, мисс Престон, — произнес мужчина с вежливым полупоклоном. — А я — Дженсен Лугар. К вашим услугам.

«Боинг-727» плавно скользил в облаках, без усилий приближаясь к быстро надвигавшейся зимней ночи.

Глава 17

Александрия, штат Виргиния
Четверг, 25 декабря 1980 г.

За Ароном и его семьей пришли в третьем часу рождественского утра.

Арон спал плохо. После полуночи он встал, спустился на кухню и принялся уничтожать вкусное домашнее печенье — подарок

соседей Уэнтвортов. Накануне они провели приятный вечер вместе. Третий год подряд они собирались за рождественским столом с Уэнтвортами, Доном и Тиной Сиграм. Жена Арона, Дебора, была еврейкой, но ни он, ни она не принимали свою религию всерьез; Дебора не совсем понимала мужа, когда он называл себя сионистом. Арон часто думал о том, как хорошо его жена вписалась в американский образ жизни. Она готова была пропускать через себя любые проблемы, даже такие, которых нет в природе. Ему всегда было неудобно на приемах и вечеринках в посольстве, когда Дебора вдруг начинала защищать точку зрения ООП. Нет, не ООП, поправил себя Арон, доедая третье печенье, а палестинцев. «Сделаем такое допущение...» — предлагала она и затем лихо развивала эту тему. У нее это здорово получалось, гораздо лучше, чем у Арона. Ему иногда казалось, что он вообще мало в чем разбирается, кроме кодов и шифров. А дядя Сол с удовольствием вступал в спор с Деборой.

Кстати, о дяде Соле. Арон потратил четыре дня, обдумывая, не сообщить ли о его исчезновении Джеку Коэну, своему начальнику и главе отделения Моссада в вашингтонском посольстве. Джек был тихим мужчиной невысокого роста, от него исходило ощущение слегка небрежного дружелюбия. И еще он служил капитаном-десантником, когда участвовал в налете на Энтеббе четыре года назад. Кроме того, о нем говорили, что это он разработал план захвата целого египетского комплекса ПВО во время войны Судного дня.

Арон никак не мог решить, стоит ли придавать серьезное значение факту исчезновения Сола. Но Леви настаивал на осторожности. Леви Коул, друг Арона, работавший вместе с ним в шифровальном отделе, сделал снимки и помог выяснить, кто есть кто. Он был полон энтузиазма, считая, что дядя Арона наткнулся на нечто очень важное, но он не хотел обращаться к Джеку Коэну или мистеру Бергману, атташе посольства, не имея более подробной информации. Именно Леви помог Арону без шума проверить в воскресенье все местные отели, но поиски Сола Ласки оказались безрезультатными.

Было десять минут второго, когда Арон выключил свет на кухне, проверил сигнализацию в коридоре, поднялся в спальню и лег, уставившись в потолок.

Близнецы были ужасно разочарованы. Арон сказал Бекки и Рии, что в субботу вечером приедет дядя Сол. Он приезжал в Вашинг-

тон всего раза три или четыре в год, и близнецы, четырехлетние девочки, обожали, когда дедушка (они приходились Солу внучатыми племянницами) навещал их. Арон мог их понять, он помнил, как сам всегда ждал приездов Сола, когда был мальчишкой и жил в Тель-Авиве. В каждой семье должен быть дядя или дедушка, который не подлаживается к детям, но внимательно слушает, когда они говорят что-то важное, приносит именно тот подарок, какой нужен, — не обязательно большой, но всегда интересный, который рассказывает истории и шутит с серьезным видом, что получается гораздо веселее, чем натужное веселье некоторых взрослых. И нынешнее исчезновение было совсем не похоже на Сола — если он обещал что-нибудь, то непременно выполнял обещание.

Леви сказал, что Сол, возможно, имеет какое-то отношение к взрыву в офисе сенатора Келлога в прошлую субботу. Связь с Ниманом Траском была слишком очевидной, чтобы ее игнорировать, но Арон знал: его дядя ни за что не станет прибегать к террору в какой бы то ни было форме. У него был шанс заняться этим делом в сороковых годах, когда все, от отца Арона до Менахема Бегина, занимались такого рода деятельностью, теперь же эти бывшие партизаны осуждали ее как терроризм. Арон знал, что Сол участвовал в трех войнах, причем на передовой линии, но всегда в качестве санитара, а не бойца. Он вспомнил, как, засыпая в квартире в Тель-Авиве или на ферме летними ночами, слушал голоса своего отца и дяди Сола, споривших о безнравственности бомбардировок. Сол при этом громко напирал на то, что от актов возмездия «Скайхоков» грудные дети погибали точно так же, как от налетчиков из ООП с их «калашниковыми».

Леви и Арон потратили четыре дня, пытаясь расследовать взрыв в здании сената, но так ничего и не добились. Обычные источники Леви в Министерстве юстиции и ФБР не имели информации. Арон несколько раз звонил в Нью-Йорк, но след Сола потерялся.

«Да ничего с ним не случилось, — успокоил себя Арон и проговорил вслух, имитируя голос дяди Сола: — Не надо играть в Джеймса Бонда, Модди».

Сон пришел внезапно, в усталом мозгу уже мелькали картинки близнецов, прыгающих у елки Уэнтвортов, когда в коридоре послышались какие-то звуки.

Мгновенно прогнав сон, Арон откинул одеяло и, схватив с тумбочки очки, вытащил из ящика заряженную «беретту».

— Что?.. — спросонья спросила Дебора.

— Тихо, — прошипел он.

По идее никто не мог проникнуть в дом так, чтобы не сработала сигнализация. В прошлом посольство использовало этот дом в Александрии как конспиративную квартиру. Он стоял в тихом переулке, довольно далеко от дороги. Двор хорошо освещался, а в ворота и стены были вмонтированы сенсоры, приводившие в действие сигналы тревоги на панели в главной спальне и внизу в холле. Войти в дом можно было только через стальную дверь, снабженную системой запоров, перед которой у самого профессионального взломщика опустились бы руки. Сенсоры на дверях и окнах также были подключены к системе сигнализации. Дебору раздражали многочисленные ложные тревоги, и она даже отключила часть системы после того, как они переехали сюда. То был один из редких случаев, когда Арон накричал на нее. Дебора постепенно смирилась с системой безопасности, как и с неудобствами, которые проходилось терпеть из-за того, что они жили далеко от города. Арону тоже не нравилась удаленность от работы, от товарищей по посольству, но он не возражал, поскольку близнецам хотелось жить за городом, и Дебора в конце концов привыкла. Преодолеть оба уровня системы безопасности невозможно, обязательно должна сработать сигнализация — так полагал Арон.

Из коридора донесся еще один звук, откуда-то со стороны черной лестницы и детской. Арону показалось, что он слышит тихий шепот.

Он махнул Деборе, жестом велев ей лечь на пол с другой стороны кровати. Она так и сделала, стащив вместе с собой и телефон. Арон подошел к открытой двери спальни. Он глубоко вдохнул, левой рукой плотнее надвинул очки, вогнал патрон в патронник и выскочил в коридор.

Трое человек, а может, и больше, стояли не далее чем в пяти метрах от него. На них были плотные полевые куртки, перчатки и лыжные маски. К своему ужасу, Арон увидел позади них двух террористов с длинноствольными пистолетами, приставленными к головам Ребекки и Рии. Руками в перчатках они зажимали рты близнецам, на фоне темных курток виднелись только расширенные от ужаса глаза детей да голые ножки в пижамах.

Не раздумывая ни секунды, Арон принял стойку для стрельбы, как его учили на бесчисленных тренировках, — широко расставил ноги и вскинул «беретту». В ушах у него зазвучал неторопливый и строгий голос Элиаху, его старого инструктора: «Если они не готовы, стреляй. Если они готовы, стреляй. Если у них заложники,

стреляй. Если целей больше одной, стреляй. Два выстрела в каждого. Два. Не думай — стреляй».

Но это же не заложники, это его дочери — Ребекка и Рия! Арон видел картинки с Микки-Маусом на их пижамах. Он навел маленькую «беретту» на первую маску. В тире, даже при плохом освещении, он легко мог бы всадить две пули в мишень размером с человеческую голову, повернуться корпусом, не разгибая рук, и всадить еще две пули во второе лицо. На расстоянии пяти шагов Арон укладывал полную обойму из десяти патронов двадцать второго калибра в кружок размером с кулак.

Но ведь здесь его дочери!..

— Брось оружие, — прозвучал приглушенный маской голос человека, державшего пистолет с глушителем у головы Бекки.

Арон знал, что мог уложить обоих, прежде чем они выстрелят. Деревянный пол словно горел под его босыми ступнями, хотя не прошло и пяти секунд, как он выскочил в коридор. «Никогда не отдавай своего оружия, — внушал им Элиаху в то жаркое лето в Тель-Авиве. — Никогда. Всегда стреляй на поражение. Лучше убить противника, даже если придется самому или заложнику погибнуть или получить ранение».

— Брось, тебе говорят.

Не выходя из стойки, Арон осторожно положил заряженную «беретту» на пол и широко развел руки:

— Пожалуйста. Пожалуйста... Не трогайте детей.

Бандитов оказалось не пять, а восемь человек. Они связали Арону руки за спиной скотчем, вытащили Дебору из-за кровати и отвели всех четверых вниз, в гостиную. Двое мужчин в масках отправились на кухню.

— Модди, телефон не работал, — успела выдохнуть Дебора до того, как тащивший ее захватчик заклеил ей рот.

Арон кивнул. Он не решался заговорить.

Его посадили на фортепианный стул, а Дебору с девочками на пол, спиной к голой стене. Они не залепили рты детям и не связали их, обе девочки рыдали в голос, обнимая маму. Справа и слева от них присели на корточках двое в камуфляжных куртках, джинсах и лыжных масках. Главарь кивнул, и все шестеро стянули маски.

«О боже, значит, они собираются нас убить», — подумал Арон. В эту секунду он отдал бы все, что имел, лишь бы повернуть время вспять на три минуты. Он бы выстрелил дважды, повернулся, еще выстрелил дважды, еще повернулся...

Все шестеро — белые, загорелые, ухоженные — совсем не походили на палестинских агентов или коммандос из организации «Бадер-Майнхоф». Они выглядели скорее как обычные люди, которых Арон видел каждый день на улицах Вашингтона. Тот, что стоял перед ним, наклонился, его лицо было теперь совсем близко от лица Арона. У него были голубые глаза и идеальные зубы. Легкий акцент выдавал в нем уроженца Среднего Запада.

— Мы хотим поговорить с тобой, Арон.

Он кивнул. Его руки были связаны за спиной так туго, что он уже не чувствовал их. Если упасть на спину, еще можно дать хорошего пинка в рожу этому красавчику. Остальные пятеро были вооружены и стояли слишком далеко — он не смог бы дотянуться до них при всем желании. Арон почувствовал желчный привкус во рту, усилием воли он попробовал замедлить сумасшедшее биение сердца.

— Где фотографии? — спросил человек приятной наружности, что стоял перед ним.

— Какие фотографии? — Арон не верил своим ушам — он не только смог заговорить, но его голос звучал твердо, не выдавая никаких эмоций.

— Ну, Модди, не надо играть с нами в прятки. — Главарь кивнул худощавому парню, стоявшему у стены. Все с тем же безучастным выражением тот ударил четырехлетнюю Бекку по лицу.

Девочка закричала. Дебора попыталась освободиться, она тоже кричала, хотя ее голоса не было слышно. Арон встал.

— Сучий сын! — крикнул он на иврите.

Главарь свалил его на пол ударом ноги. Он упал на бок, сильно ударившись носом и скулой о полированный пол. Теперь уже закричали обе девочки. Арон слышал, как захватчики с треском отмотали липкую ленту, и крики прекратились. Худощавый подошел, поднял Арона и с силой снова посадил на пуфик.

— Фотографии в доме? — тихо спросил главарь.

— Нет. — Арон мотнул головой. Кровь из носа потекла на верхнюю губу. Он запрокинул голову и почувствовал, как горит от боли щека. Правая рука онемела. — Они в сейфе в посольстве, — сказал он, слизывая кровь с губы.

Главарь кивнул и слегка улыбнулся:

— Кто их видел, кроме твоего дяди Сола?

— Леви Коул.

— Начальник отдела связи, — удовлетворенно отметил главный.

— Исполняющий обязанности начальника, — уточнил Арон. Возможно, какой-то шанс все же есть. Сердце его снова бешено забилось. — Ури Давиди в отпуске.

— Кто еще?

— Больше никто, — еле выдавил из себя Арон.

Главарь покачал головой, словно его разочаровал ответ, и кивнул одному из своих подручных. Дебора вскрикнула, когда нога в тяжелом ботинке ударила ее в бок.

— Никто! — закричал Арон. — Клянусь! Леви не хотел обращаться к Джеку Коэну, пока мы не получим больше информации. Клянусь... Я могу раздобыть фотографии. А негативы у Леви в сейфе. Можете забрать...

— Тихо, тихо. — Красавец повернулся к тем двоим, что вышли из кухни. Один из них кивнул. — Наверх, — приказал он, и четверо стали подниматься по лестнице.

Арон вдруг почувствовал запах газа и догадался, что они открыли вентили. «Зачем, о боже, зачем?»

Трое оставшихся внизу связали руки и ноги сначала детям, потом Деборе. В отчаянии Арон пытался что-нибудь придумать, о чем можно было бы поторговаться, предложить хоть что-то...

— Я могу вас провести туда прямо сейчас, — сказал он. — Там в это время никого нет. Почти никого. Я достану фотографии, какие угодно документы. Скажите, что вам нужно? Я поеду с вами, клянусь...

— Тише, — успокоил главарь. — Хейни Адам видел их?

— Нет, — выдохнул Арон.

Он смотрел, как они укладывали жену и детей на пол, укладывали осторожно, чтобы их головы не ударились о дерево. Дебора была очень бледна, глаза ее закатились. Арон подумал, что она, наверное, потеряла сознание.

— Барбара Грин?

— Нет.

— Моше Герцог?

— Нет.

— Пол Бен-Бриндси?

— Нет.

— Хаим Тсолков?

— Нет.

— Зви Хофи?

— Нет.

Этот допрос мог продолжаться бесконечно, главарь называл имя за именем, перебирая всех сотрудников израильского посольства, вплоть до помощников посла. Арон понял, что с самого начала это была всего лишь игра, просто безобидный способ убить время, пока идет обыск наверху и у него в кабинете. Он был согласен играть в эту игру, выдать любой секрет, лишь бы они не причиняли боль Деборе и близнецам. Одна из девочек застонала, попыталась перекатиться на бок. Худощавый похлопал ее по крохотному плечику.

Четверка вернулась. Тот, что был выше всех, отрицательно мотнул головой.

Красавец вздохнул и сказал:

— Что ж, приступим.

Один из тех четверых прилепил скотчем к стене белую детскую простынку. Потом к стене прислонили Дебору и детей.

— Приведите-ка ее в чувство.

Худощавый достал из кармана ампулу с нюхательной солью и разломил ее у Деборы под носом. Она сразу пришла в себя и вскинула голову. Два человека схватили Арона за плечи и за волосы, подтащили к стене и поставили на колени.

Худощавый отступил назад, вытащил небольшой поляроид и сделал фотографии. Подождав, пока не проявятся снимки, он показал их главарю. Еще один из налетчиков принес маленький магнитофон «Сони» и поставил его рядом с Ароном.

— Пожалуйста, прочитай вот это, — сказал главарь, разворачивая листок с напечатанным на машинке текстом и поднося его к глазам Арона.

— Нет. — Он напрягся, ожидая удара. Ему хотелось любым способом поломать им сценарий, хоть как-то выиграть время.

Главарь задумчиво кивнул и отвернулся.

— Убейте одну из девочек, — тихо приказал он. — На выбор.

— Нет! Постойте! Прошу вас! — пронзительно закричал Арон.

Худощавый приставил глушитель к виску Ребекки, взвел курок и глянул на своего предводителя.

— Одну секунду, пожалуйста, Дональд, — сказал тот, снова поднес лист бумаги к лицу Арона и включил магнитофон.

— Дядя Сол, с нами все в порядке, Дебора и девочки чувствуют себя хорошо, но я прошу вас: сделайте все, что они скажут... — начал Арон. Он медленно прочитал те несколько абзацев, что были напечатаны. Это заняло меньше минуты.

— Прекрасно, Модди, — похвалил главарь.

Два человека снова схватили Арона за волосы и с силой запрокинули его голову. Он едва мог дышать от напряжения, глаза его метались из стороны в сторону, пытаясь хоть что-то увидеть.

Простыню сняли со стены и унесли. Один из бандитов вытащил из кармана куртки кусок черного дешевого полиэтилена и расстелил его на полу перед Деборой.

— Тащите-ка его сюда, — приказал главный, и Арона снова поволокли к фортепианному стулу.

В тот момент, когда его волосы опустили, он распрямился, как пружина, ударил головой красавца в подбородок, повернулся, боднул еще одного в живот, уворачиваясь от множества потянувшихся к нему рук, ногой нацелился противнику между ног, но промахнулся, и тут его повалили на пол. Он снова сильно ударился лицом, но ему было уже все равно...

— Что ж, начнем сначала, — спокойно сказал главарь, ощупывая разбитый подбородок. Позевывая, он пытался растянуть мышцы челюсти. Синяк, скорее всего, окажется ниже подбородка.

— Кто вы? — выдохнул Арон, когда они снова рывком усадили его на фортепианный стул; один из них стянул его щиколотки липкой лентой.

Ему никто не ответил. Худощавый подтащил Дебору и поставил ее на колени на черный полиэтилен. У двоих в руках были тонкие проволоки сантиметров по пятнадцать, заостренные с одного конца, а с другого заделанные в деревянные конусовидные рукоятки. В комнате страшно воняло газом. Арон чувствовал, что его вот-вот стошнит от запаха.

— Что вы хотите делать? — Горло Арона пересохло, слова звучали хрипло.

Главарь что-то отвечал ему, но в голове Арона все перепуталось, мысли крутились, словно автомобиль на льду. Он перенесся в какое-то другое измерение и стал смотреть на все происходящее откуда-то сверху, отказываясь принять то, что должно случиться, и все же зная, что это непременно случится, ибо нет никакой возможности изменить что-либо — ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем... Сердце его сжалось от невыносимой безнадежности, той самой, что ощущали до него сотни поколений евреев — у дверей крематориев или смертельных душегубок, перед стихией огня, пожирающего их храмы, города, гетто, или под ударами бичей свирепых гоев. «Дядя Сол знал», — подумал Арон, крепко зажмурившись.

— Сейчас произойдет взрыв газа, — звучал будто издалека спокойный голос главаря. — Потом пожар. Опытный коронер или врач

может установить, что люди умерли незадолго до пожара, но он этого не установит. Проволока вводится в угол глаза и идет прямо в мозг. Остается очень маленькая дырочка, даже если тело не обгорело. — Он повернулся к остальным. — Я думаю, миссис Эшколь найдут в коридоре наверху — она будет обнимать детей. Им почти удастся выбраться из пламени. Женщину — первой. Потом близнецов.

Арон пытался вырываться, стучал руками и ногами, бился головой, но его держали крепко.

— Кто вы? — закричал он.

— Кто мы? — неожиданно переспросил красивый мужчина. — Да никто. Абсолютно никто. — Он отошел в сторону, чтобы Арон мог лучше видеть то, что будут делать остальные.

Когда с проволокой подошли к нему, он уже не сопротивлялся.

Глава 18
МЕЛАНИ

Направляясь к северу и наблюдая из окна автобуса бесконечную вереницу трущоб Балтимора и промышленной клоаки Вилмингтона, я вспомнила строчку из Блаженного Августина: «На севере дьявол обоснует свои города».

Я всегда испытывала ненависть к большим северным городам — к их смраду неперсонифицированного безумия, мрачным, давящим столбам угольного дыма, ощущению безнадежности, которое словно окутывало грязные улицы и их не менее грязных обитателей. Я всегда считала, что самое очевидное проявление предательства Нины Дрейтон заключается в том, что она променяла юг на холодные каньоны Нью-Йорка. Однако я не собиралась углубляться на север так далеко.

Внезапно обрушившийся снегопад скрыл унылые удручающие картины, мелькавшие за окном, и я вновь переключила внимание на то, что происходит в салоне автобуса. Женщина, сидевшая по другую сторону прохода, оторвалась от книги и лукаво улыбнулась мне, уже в третий раз с тех пор, как мы выехали из пригорода. Я кивнула ей и продолжила вязать, прикидывая, сможет ли эта робкая леди, вероятно лет пятидесяти с небольшим, но отмечен-

ная печатью дряхлости старой девы, помочь мне разрешить кое-какие проблемы.

По крайней мере одну из них.

Когда мы выехали из Вашингтона, я ощутила облегчение. В молодости мне еще нравился этот сонный южного типа город; вплоть до Второй мировой войны в нем царил дух свободной раскованной неразберихи. Но теперь этот мраморный муравейник казался мне претенциозным мавзолеем, кишащим суетящимися насекомыми, стремящимися к власти.

Я взглянула в окно на снежные вихри и какое-то мгновение не могла даже вспомнить число и месяц. Первым в памяти всплыл день недели — четверг. Две ночи — со вторника на среду и со среды на четверг — мы провели в каком-то жутком мотеле в нескольких милях от центра Вашингтона. В среду я приказала Винсенту отвезти «бьюик» в район Капитолия, оставить его там и вернуться в мотель пешком. Это заняло у него три часа, но он не жаловался. В будущем он тоже не станет жаловаться. Во вторник ночью я заставила его позаботиться о некоторых необходимых частностях, снабдив его обычной ниткой и иголкой, которую я накалила в пламени свечи.

Покупки, сделанные мною в среду утром, — несколько платьев, халат, нижнее белье — удручающе контрастировали с изысканными вещами, оставленными в аэропорту Атланты. Однако в моей дурацкой соломенной сумке все еще оставалось почти девять тысяч долларов. Конечно, можно было получить деньги из сейфов и со счетов в Чарлстоне, Миннеаполисе, Нью-Дели и Тулоне, но пока у меня не было намерения воспользоваться этими суммами. Раз Нине было известно о моем счете в Атланте, она может знать и об остальных.

«Нина мертва», — в который раз твердила я себе. Но из всех нас она обладала самой сильной Способностью. Она использовала одну из пешек Вилли, чтобы уничтожить его самолет в тот самый момент, когда сидела и болтала со мной. Возможно, она могла добраться до меня и из могилы, ее Способность не умрет, пока астральное тело Нины разлагается в гробу. Сердце у меня учащенно забилось, и я искоса взглянула на лица пассажиров, едва различимые в полумраке...

Сегодня 18 декабря, четверг, значит до Рождества остается ровно неделя. Мы встречались двенадцатого. С тех пор, казалось, миновала целая вечность. За последние двадцать лет в моей жизни

происходило не так уж много видимых перемен, если не считать вынужденных поблажек, которые я позволяла себе. Теперь все идет по-другому.

— Извините меня, — не выдержала женщина, сидевшая через проход, — но я не могу удержаться, чтобы не выразить свое восхищение вашим вязанием. Это свитерок для внука?

Я одарила ее своей самой лучезарной улыбкой. Когда я была маленькой и еще не знала о существовании вещей, которых не положено делать молодой леди, я ездила с отцом на рыбалку. И больше всего мне нравились первые робкие подергивания лески и рывки поплавка. Именно в этот момент, когда рыба готова проглотить наживку, рыболов должен проявить все свое умение.

— О да! — с готовностью отозвалась я.

От одной мысли о хнычущем внуке меня чуть не стошнило, но я давно уже открыла для себя целительную пользу вязания и тот психологический камуфляж, который оно мне обеспечивало в общественных местах.

— Мальчик?

— Девочка, — ответила я и проникла в сознание женщины.

Это оказалось так же просто, как войти в открытую дверь. Я не встретила ни малейшего сопротивления. Как можно осторожнее и незаметнее я скользила по коридорам ее мозга, не оказывая насилия, пока не добралась до центра удовольствия. Представив себе, что ласкаю персидскую кошку, хотя терпеть их не могу, я принялась поглаживать ее, ощущая поток удовольствия.

— Ах! — воскликнула женщина и залилась краской, сама не понимая отчего. — Внучка, это так чудесно.

Я стала поглаживать ее медленнее, меняя ритм, соотнося его с каждым робким взглядом, который она бросала на меня, и увеличивая давление, когда до нее доносились звуки моего голоса. Некоторые люди поражают этой своей способностью при первой же встрече. Среди молодежи это называется влюбленностью, у политиков носит название плодотворной притягательности. Когда подобный талант проявляется у оратора, обладающего хотя бы намеком на Способность, это приводит к массовой истерии толпы. Например, современники и соратники Адольфа Гитлера часто упоминали, как хорошо они ощущали себя в его присутствии, однако почему-то этому факту психологического воздействия личности на толпу уделяется мало внимания. Несколько недель такой обработки, и у этой женщины разовьется потребность подобного со-

стояния, гораздо большая, чем потребность в героине. Нам нравится быть влюбленными, потому что это единственное чувство, позволяющее людям максимально приблизиться к психологической наркомании.

По прошествии нескольких минут малосодержательного, ни к чему не обязывающего диалога эта одинокая женщина, выглядевшая настолько же старше своего возраста, насколько я — моложе, похлопала рукой по свободному сиденью рядом и предложила, снова залившись краской:

— Здесь достаточно места. Может, вы присоединитесь ко мне, чтобы мы могли продолжить беседу, не повышая голоса?

— С радостью! — откликнулась я и засунула вязанье и спицы в сумку — они уже сделали свое дело.

Ее звали Энн Бишоп, она возвращалась домой в Филадельфию после длительного и неприятного пребывания в Вашингтоне в доме своей младшей сестры. Через десять минут я уже знала о ней все необходимое. В мозговом поглаживании не было никакой надобности — эта женщина изнемогала от жажды общения.

Энн происходила из благопристойной и благополучной филадельфийской семьи. Трастовый фонд, основанный ее отцом, оставался главным источником ее дохода. Она никогда не была замужем. В течение тридцати двух лет этот усохший призрак женщины опекал брата Пола, страдавшего параличом нижних конечностей, который медленно переходил в полный паралич под воздействием какого-то нервного заболевания. В мае Пол умер, и Энн Бишоп еще не привыкла к состоянию, когда не нужно постоянно думать о нем. Ее визит к сестре Элейн, впервые за восемь лет, оказался неудачным. Энн раздражали неотесанный муж Элейн и ее плохо воспитанные дети. Короче говоря, тетя Энн в силу своих привычек старой девы испытывала к этой семье лишь отвращение.

Я была хорошо знакома с этим типом женщин, поскольку за время своей долгой спячки не раз прибегала к образу несчастной женщины-неудачницы с целью маскировки. Она была спутником в поисках планеты, вокруг которой можно было бы совершать свои обороты. Ее устраивала любая, лишь бы она не требовала холодного и одинокого эллипса независимости. Парализованные братья были даром Божьим для таких женщин, их могла бы заменить бесконечная и безраздельная преданность мужу или ребенку, но именно уход за умирающим братом давал массу оправданий для прене-

брежения другими обязанностями, проблемами и утомительными подробностями бытия. Неослабевающая забота и преданность этих женщин всегда превращают их в эгоистичных монстров. В ее робких, скромных и нежных упоминаниях о дорогом усопшем брате я ощущала извращенный фетишизм судна и кресла-каталки, тридцатилетнее мазохистское отрицание юности, женственности, зрелости, материнства, принесенных в жертву смердящим потребностям полутрупа. Я прекрасно поняла Энн Бишоп — она испытывала наслаждение от процесса медленного самоубийства. При мысли, что мы с ней принадлежим к одному полу, меня охватил стыд. Зачастую, встречая таких несчастных, я с трудом преодолеваю искушение помочь им затолкать собственные руки в глотку, чтобы они уже окончательно распрощались с этим миром.

— Да, понимаю. — Я похлопала Энн Бишоп по руке, пока она, заливаясь слезами, рассказывала о своих страданиях. — Я знаю, что это такое.

— Правда? — восторженно прошептала она. — Так редко можно встретить человека, который понимает чужое горе. Я чувствую, что между нами много общего.

Я кивнула и посмотрела на нее. Ей пятьдесят два, хотя вполне можно было дать все семьдесят. Она была хорошо одета, но из-за сутулости дорогой костюм сидел мешковато, казался просто безвкусной домашней одеждой. Темно-русые крашеные волосы были расчесаны на прямой пробор, не менявший своего направления в течение сорока пяти лет, грудь безвольно свисала, в глазах, обведенных темными кругами, всегда стояли непролитые слезы. Тонкий поджатый рот явно не был приспособлен для смеха. Все морщины на лице шли сверху вниз, глубоко запечатлев в себе непреодолимый закон земного притяжения. Мысли скакали беспорядочно и были отрывочны, как у перепуганной белки.

Она подходила идеально.

Я рассказала ей свою историю, назвавшись Беатрисой Строн, поскольку при мне все еще оставались документы на это имя. Мой муж был преуспевающим банкиром в Саванне. После его смерти, восемь лет назад, дело перешло к сыну моей сестры. Тодд — так звали моего выдуманного племянника, — похоже, собирался спустить не только все свои деньги, но и мои, пока осенью этого года не погиб вместе со своей развратной женой в страшной автомобильной катастрофе, оставив мне оплату расходов на похороны, огромные долги и своего сына Винсента. Мой родной сын со своей беремен-

ной женой жили в Окинаве, они преподавали в миссионерской школе. Я только что продала дом в Саванне, расплатилась с последними долгами погибшего олуха Тодда и теперь направлялась на север в поисках новой жизни для себя и своего внучатого племянника.

Это была полная ахинея, но я помогала Энн Бишоп поверить в нее, сопровождая каждое откровение легкими поглаживаниями ее центра удовольствия.

— У вас очень красивый племянник, — промолвила Энн.

Я улыбнулась и взглянула через проход туда, где сидел Винсент. На нем была дешевая белая рубашка, темный галстук, синяя ветровка, отглаженные брюки и черные ботинки, купленные для него в Вашингтоне. Я хотела постричь ему волосы, но потом по какому-то наитию решила оставить их длинными — они теперь были чистыми и аккуратно собранными назад в хвостик. Он безучастно смотрел в окно на снегопад и проносившиеся мимо машины. Изменить его лицо, напоминавшее мордочку хорька из-за отсутствия подбородка, или уничтожить на нем прыщи оказалось мне не под силу.

— Спасибо, — улыбнулась я. — Он пошел в мать... да упокоит Господь ее душу.

— Он очень спокойный, — продолжила Энн.

Я кивнула и позволила слезам увлажнить свои глаза.

— Несчастный случай... — начала было я и умолкла, выдержав паузу. — Бедняжка почти лишился дара речи после той автомобильной катастрофы. Мне сказали, что он уже никогда не сможет говорить.

— Боже мой, боже мой, — закудахтала Энн. — Нам не дано понять Божью волю, остается лишь терпеть.

Так мы утешали друг друга, пока автобус с шипением проносился по эстакаде над бесконечными трущобами южной Филадельфии.

Энн Бишоп была в восторге, когда мы приняли ее приглашение погостить у нее несколько дней.

Окраины Филадельфии были перенаселены, изобиловали шумом и грязью. Вместе с Винсентом, который нес наши сумки, мы добрались до метро, и Энн купила билеты до станции «Челтенстрит». Пока мы еще ехали в автобусе, она успела рассказать мне о своем очаровательном домике в Джермантауне. И хотя она упомянула, что за последние десятилетия квартал пришел в упадок в силу появления «нежелательных элементов», я все же представ-

ляла его себе как нечто обособленное. Однако все оказалось иначе. В тусклом дневном свете за окном поезда мелькали ряды одноквартирных домов, разваливающиеся кирпичные заводы, осевшие пристани, узкие улочки, запруженные каркасами брошенных автомобилей, пустые стоянки и негры. Казалось, город полностью заселен черными, за исключением нескольких пассажиров и водителей машин, мчавшихся по шоссе параллельно рельсам поезда. В отчаянии я взирала сквозь грязное окно на чернокожих детей, носившихся по заброшенным стоянкам, на негров, бредущих с тупой угрозой на лице по пустым улицам, и толстых негритянок, толкавших перед собой краденые тележки для продуктов.

Прижавшись лбом к холодному стеклу, я с трудом сдерживалась, чтобы не заплакать. Мой отец был прав, когда в те последние солнечные дни перед войной предсказывал гибель страны, если цветным будет предоставлено право голоса. Они превратили когда-то великую нацию в рассеянные обломки собственной отчаянной лени.

Нина никогда не найдет меня здесь. В последнее время я двигалась на ощупь, поступала наугад. Неделя или, возможно, несколько недель, проведенных у Энн, даже если они означали сосуществование с безработными неграми, еще больше усугубят непредсказуемость уже и так довольно сумбурного плана моих действий.

Наконец мы вышли из поезда на станции под названием «Челтен-стрит». Рельсы здесь пролегали между голыми бетонными стенами, а сам город нависал сверху. Мне вдруг стало страшно, и, чувствуя, что слишком устала, чтобы подниматься на улицу, я опустилась на неудобную скамейку цвета желчи и несколько минут приходила в себя. Поезд с ревом промчался мимо, устремившись к центру города. На лестнице собралась группа цветных подростков, они выкрикивали непристойности, толкая друг друга, а также всех попадавшихся им на пути. Издали доносился уличный шум. Дул нестерпимо холодный ветер, неизвестно откуда пошел снег. Винсент, однако, даже не шелохнулся и не стал застегивать свою ветровку.

— Давайте возьмем такси, — предложила Энн.

Я кивнула, но продолжала сидеть до тех пор, пока не увидела, как из расщелины в бетонной стене напротив появились две крысы размером с небольших кошек и начали рыться в мусоре пересохшей сточной канавы.

Водитель такси оказался угрюмым негром. Он содрал с нас немыслимую плату за расстояние в восемь кварталов. Джермантаун представлял собой смесь камня, кирпича, неоновых вывесок и рекламных стендов. Челтен и Джермантаун-стрит были запружены машинами, изобиловали дешевыми магазинами и барами и кишмя кишели человеческими отбросами, характерными для любого северного города. Однако далее по Джермантаун-стрит ездили настоящие автобусы, а между банками, барами и лавками старьевщиков кое-где виднелись прекрасные старые каменные дома или вдруг попадался кирпичный магазинчик постройки прошлого века или небольшой клочок парка с позеленевшими статуями за железной оградой. Пару веков назад здесь, вероятно, находилось крохотное поселение с изысканными коттеджами и воспитанными фермерами или антикварами, предпочитавшими жить в десяти милях от города. Еще сто лет назад это было тихое местечко в нескольких минутах езды от Филадельфии, сохранявшее свое очарование, с большими домами вдоль тенистых улиц и редкими тавернами, жавшимися к проезжей дороге. Сегодня Филадельфия поглотила Джермантаун, как какой-нибудь огромный донный карп заглатывает гораздо более прекрасную, но маленькую рыбку, оставляя лишь обглоданные белые косточки, которым суждено перемешаться с остальным хламом в ужасающем пищеварительном процессе прогресса.

Энн так гордилась своим домиком, что, показывая его нам, постоянно заливалась краской. Он представлял собою явный анахронизм с белеными стенами, — вероятно, когда-то здесь жили фермеры. Располагался он в нескольких десятках ярдов от центра, на узкой улочке под названием Квин-лейн. Высокий деревянный забор, почти скрывавший дом из виду, был жестоко исцарапан и расписан, несмотря на явные попытки поддерживать его в аккуратном состоянии. Дворик был еще меньше моего в Чарлстоне, перед входной дверью находилось крохотное крылечко, два мансардных окна намекали на наличие второго этажа. Рядом с домом виднелось единственное чахлое персиковое дерево, которому, похоже, никогда уже не суждено расцвести. Сам домик был зажат между химчисткой, рекламирующей дохлых мух в витринах своих окон, и заброшенным трехэтажным зданием, которое можно было бы принять за пустующее, если бы не черные лица, маячившие за окнами. На противоположной стороне улицы высились разнообразные склады из осыпающегося кирпича, переделанные под жилье,

а через полквартала к югу тянулась вереница вездесущих однокварти́рных домов.

— Не слишком шикарно, но зато свое, — промолвила Энн, ожидая, что я опровергну первую часть ее заявления; я и опровергла.

Большая спальня Энн и комната поменьше для гостей располагались на втором этаже. Крохотная спальня за кухней принадлежала ее брату, там все еще пахло лекарствами и сигарами. Энн, вероятно, собиралась предложить нижнюю комнату Винсенту, а маленькую гостевую — мне. Я ненавязчиво продиктовала ей уступить нам две верхние комнаты, а самой перебраться вниз. Пока она переносила свою одежду и личные вещи, я осмотрела остальной дом.

Здесь была еще маленькая столовая, слишком официальная для своих размеров, крохотная гостиная, забитая мебелью и изобиловавшая большим количеством пятен на стенах, кухня, такая же холодная и бесприютная, как и сама Энн, комната брата, ванная и миниатюрное заднее крыльцо, выходившее во дворик размером не больше собачьей конуры.

Я открыла заднюю дверь, чтобы впустить немного свежего воздуха в затхлый дом, и мимо моих ног проскользнул толстый серый кот.

— Ой, Пушок! — воскликнула Энн, застыв с целой охапкой одежды. — Это мой ребеночек. За ним присматривала миссис Пагнелли, но он почувствовал, что мамочка вернулась. Ты без меня не плакал? — обратилась она к коту.

Я улыбнулась и отступила назад. Считается, что женщины в моем возрасте должны любить котов, тащить их к себе в дом при каждой возможности и вообще прыгать как идиотки вокруг этих надменных и предательских животных. Когда я была девочкой лет шести-семи, не больше, моя тетя каждое лето привозила с собой толстого сиамца. Я всегда боялась, что как-нибудь ночью он уляжется мне на лицо и я задохнусь. Помню, я сунула этого кота в мешок, пока взрослые пили лимонад на заднем дворе, потом утопила его в корыте с водой и оставила за соседским сараем, где часто собиралась свора рыжих собак. Когда обработка Энн будет закончена, я не удивлюсь, если с ее «ребеночком» произойдет подобный несчастный случай.

Человеку, обладающему Способностью, весьма несложно Использовать окружающих, гораздо сложнее подвергнуть их успешной обработке. Когда Нина, Вилли и я почти полвека назад нача-

ли в Вене Игру, мы забавлялись тем, что Использовали посторонних людей, и мало задумывались о необходимости последующей ликвидации этих одушевленных инструментов. Позднее, когда мы повзрослели и усовершенствовались в применении своей Способности, каждый из нас ощутил потребность в компаньоне — полуслуге-полутелохранителе, который был бы идеально настроен на восприятие наших нужд и его использование не требовало бы от нас почти никаких усилий. До того как двадцать пять лет назад я нашла мистера Торна в Швейцарии, я путешествовала с мадам Тремон, а до нее — с молодым человеком, которого я называла Чарльзом, из дешевой юношеской сентиментальности дав ему имя своего последнего возлюбленного. Нина и Вилли сменили целую вереницу пешек, пока рядом с Вилли роковым образом не оказались два его последних компаньона, а рядом с Ниной — ненавистная Баррет Крамер. Такая обработка требует некоторого времени, хотя решающими становятся первые дни. Сложность заключается в необходимости сохранить пустую оболочку личности, но исключить для нее какую-либо возможность независимых действий. И хотя поступки становятся регулярными, они должны оставаться автономными в том смысле, что простые ежедневные обязанности и действия осуществляются самостоятельно, без какого-либо прямого руководства. Чтобы появляться на людях с такими обработанными ассистентами, в них необходимо сохранять подобие неповторимой индивидуальности.

Преимущества такой обработки очевидны. Тогда как Использовать одновременно двух людей трудно, даже почти невозможно, хотя Нина и была способна на это, управлять действиями двух обработанных пешек не представляет никакого труда. Вилли никогда никуда не отправлялся без двух своих «приятелей», а Нина, до того как впала в феминизм, разъезжала с пятью-шестью молодыми красивыми телами.

Обрабатывать Энн Бишоп было просто — она сама стремилась к подчинению. За те три дня, что я отдыхала в ее доме, она была доведена до соответствующей кондиции. С Винсентом дело обстояло иначе. Хотя мое начальное «обучение» уничтожило в нем все проявления воли высшего порядка, его подсознание продолжало оставаться необузданным и плохо управляемым клубком страхов, предрассудков, желаний, похоти и взрывов ненависти. Я не хотела их вытравлять, ведь они были источниками той энергии, которая могла потребоваться мне позднее. В течение этих трех длин-

ных дней перед Рождеством 1980 года я отдыхала в чуть спертой атмосфере дома Энн Бишоп и изучала темное подсознание эмоциональных джунглей Винсента, оставляя в нем пути и механизмы для дальнейшего использования.

В воскресенье 21 декабря я завтракала тем, что приготовила Энн, и расспрашивала ее о друзьях, средствах к существованию и прочих житейских подробностях. Выяснилось, что друзей у нее нет, да и жизни, как таковой, тоже. Время от времени ее навещала миссис Пагнелли, соседка, она же иногда присматривала за Пушком. При упоминании о пропавшем коте глаза Энн наполнились слезами, и я почувствовала, как мысли ее заскользили в сторону. Я усилила давление и вернула ее обратно к новой и главной страсти — желанию доставить мне удовольствие.

На банковском счете Энн находилось семьдесят три тысячи долларов. Как многие эгоистичные старухи, ощущающие приближение унылого конца своей унылой жизни, в течение многих десятилетий она жила на грани нищеты, копила деньги и акции, как сумасшедшая белка, складывающая желуди, которые ей никогда не понадобятся. Я предложила Энн перевести все ее ценные бумаги в наличные деньги на следующей неделе, и она сочла, что это прекрасная мысль.

Мы как раз обсуждали источники ее доходов, когда она упомянула Ропщущую Обитель.

— Общество платит мне небольшую стипендию за то, что я приглядываю за ней, вожу туда иногда частные экскурсии, проветриваю, когда она закрывается на долгое время, как, например, сейчас...

— Что это за общество? — поинтересовалась я.

— Филадельфийское общество сохранения достопримечательностей, — пояснила Энн.

— А что это за достопримечательность — Ропщущая Обитель?

— О, мне бы очень хотелось показать ее вам! — с энтузиазмом откликнулась Энн. — До нее отсюда всего один квартал.

Три дня отдыха и обработки этих двоих утомили меня, и я с готовностью кивнула.

— После завтрака, — промолвила я. — Если у меня возникнет желание пройтись.

Даже сейчас мне трудно передать все очарование и внешнюю несуразность Ропщущей Обители. Располагалась она непосредственно на вымощенной разбитым кирпичом Джермантаун-стрит, со-

стоявшей из нескольких прекрасных старых зданий в окружении баров, лавок старьевщиков, гастрономов и дешевых магазинчиков. Переулки, отходящие от главной улицы, в этом месте упирались в самые настоящие трущобы, ряды одноквартирных домов и пустующие стоянки. Но здесь, под табличкой «Джермантаун-стрит, 5267», за рядом парковочных счетчиков и двумя почерневшими от копоти и изрезанными ножами дубами, в десяти футах от оживленного движения, громыхающих трамваев и бесконечного шествия цветных пешеходов высилось старинное каменное чудо с высокими окнами.

В дом вели две парадные двери. Энн достала ключи на искореженном кольце и открыла восточный вход. Внутри было темно из-за тяжелых штор, плотно прикрывавших окна, пахло стариной, вековым деревом и мебельным лаком. Мне показалось, что я вернулась домой.

— Здание построил в тысяча семьсот сорок четвертом году Джон Вистер, — начала Энн. Голос ее становился громче, постепенно приобретая интонации гида. — Он был филадельфийским купцом и пользовался этим домом в летнее время. Потом дом стал круглогодичной резиденцией семьи.

Мы перешли из маленькой прихожей в гостиную. Пол, выложенный резным паркетом, был натерт до блеска, лепнина потолка выполнена в элегантном и скромном стиле «обручального кольца», у камина стояло кресло. Рядом на столике XVIII века высилась единственная свеча в старинном шандале. Ни электрических лампочек, ни розеток видно не было.

— Во время битвы при Джермантауне, — продолжала Энн, — в этой комнате скончался британский генерал Джеймс Агню. Здесь до сих пор видны следы его крови. — Она указала на пол.

Я посмотрела на едва различимые пятна на дереве.

— Но снаружи нет никакой вывески, — удивилась я.

— Раньше в окне висела маленькая табличка, — пояснила Энн. — Дом был открыт для посещений по вторникам и четвергам с двух до пяти. Кроме того, Общество организовывало частные экскурсии для тех, кого интересовала местная история. Но теперь дом закрыт и будет закрыт по меньшей мере еще месяц, пока не поступят фонды для завершения реставрационных работ, начатых на кухне.

— А кто здесь живет сейчас? — спросила я.

Энн рассмеялась, и смех ее прозвучал как слабый мышиный писк.

— Никто здесь не живет. Здесь же нет электричества, нет отопления, за исключением каминов, отсутствует канализация. Я регулярно слежу за домом, а раз в полтора-два месяца сюда с инспекцией приезжает миссис Уэйверли из Общества.

Я кивнула.

— Вон потайная дверь влюбленных, — промолвила я.

— Ах да, вы знакомы с обычаями! — улыбнулась Энн. — Она также использовалась при похоронах.

— Покажите мне остальной дом, — распорядилась я.

В столовой стояли деревянный стол и кресла, своим видом напоминающие скромную красоту раннего колониального стиля. Здесь же находилась потрясающая деревянная скамья ручной работы. Энн указала на кресло, выполненное Соломоном Фасселем, тем самым, что изготовлял кресла для Зала Независимости.

Окна кухни выходили на задний двор, и, несмотря на темную замерзшую землю и снег, мне удалось различить там следы прекрасного старого цветника, который должен был благоухать здесь летом. Пол на кухне был каменным, а камин настолько большим, что в него можно было войти не наклоняясь. На стене висел странный набор древней утвари и инструментов — огромные ножницы, коса длиной в шесть футов, мотыга, старинные грабли, железные щипцы, а рядом стоял громадный педальный точильный станок. Энн указала на развороченный угол — вынутая каменная кладка была сложена рядом, а отверстие прикрывал уродливый кусок черного пластика.

— Здесь были незакрепленные плиты, — пояснила она. — Во время реставрации в ноябре рабочие обнаружили под камнем сгнивший деревянный пол и частично засыпанный коридор.

— Подземный ход?

— Возможно. — Энн кивнула. — Когда дом строился, индейцы еще продолжали свои вылазки.

— И куда же он ведет?

— Рабочие выяснили, что выход из него должен находиться где-то за соседним гаражом. — Энн махнула рукой в сторону подернутого инеем окна. — Но у Общества пока нет денег, чтобы продолжать раскопки, по крайней мере до начала февраля, когда оно получит пособие от Филадельфийского исторического комитета.

— Винсенту, я вижу, ужасно хочется заглянуть в этот подземный ход, — сказала я.

— Ну конечно, — согласилась Энн.

В гостиной стояла свеча, однако мне пришлось отослать мальчишку обратно в дом Энн за спичками. Когда он отодвинул пластик и спустился по короткой лесенке, я прикрыла глаза, чтобы лучше все рассмотреть.

Сырой каменный проход выходил на поверхность не далее чем в десяти футах от заднего двора. Влажные бревна подпирали потолок частично раскопанного хода. Я вернула Винсента обратно и открыла глаза.

— Хотите посмотреть комнаты наверху? — спросила Энн.

Не отвечая ей ни жестом, ни словом, я поднялась на второй этаж.

Как только я вошла в детскую, до меня донесся шепот.

— Существует легенда, что эту комнату посещают призраки, — промолвила Энн. — Собаки миссис Уэйверли никогда сюда не забегают.

Я подумала, что Энн тоже слышит шепот, но когда прикоснулась к этому участку ее сознания, то обнаружила там пустоту, если не считать все возрастающего желания угодить мне.

Я двинулась к середине комнаты. Окно, выходившее на улицу и закрытое шторами, почти не пропускало свет. В сумраке я различила уродливую низкую металлическую колыбель — эдакую позорную клеть для злобного младенца. Здесь же располагались две детские кроватки с сетками и стульчик, но что по-настоящему обращало на себя внимание, так это игрушки и куклы в натуральную величину. В углу стоял огромный кукольный дом. Вероятно, он был создан по меньшей мере век спустя после строительства самого дома, но поражало в нем то, что он сгнил и частично обрушился прямо как настоящий покинутый дом. Я была почти готова увидеть крохотных крыс, снующих по маленьким коридорам. Рядом с кукольным домом на низкой кровати с сеткой лежало с полдюжины кукол. Лишь одна из них была довольно старой, чтобы относиться к XVIII веку, остальные же настолько походили на настоящих детей, что их вполне можно было принять за трупики младенцев.

Над всем этим кукольным царством высился манекен ростом с семилетнего мальчика. Он был одет в древнюю реконструкцию костюма эпохи Войны за независимость, но за прошедшие десятилетия ткань поблекла, швы разошлись и комнату заполнил запах гниющего дерева. Розовое покрытие на руках, шее и лице во многих местах облупилось, из-под него выглядывала темная фарфо-

ровая основа. Глянцевитый парик когда-то был изготовлен из настоящих волос, но теперь изрезанный трещинами череп покрывали лишь редкие шершавые заплатки. Стеклянные глаза выглядели как настоящие, и я поняла, что точно такие же используют для человеческих протезов. Лишь они сохраняли блеск и лучезарность на этом разваливающемся манекене — любопытные мальчишеские глаза на стоячем трупе.

Почему-то я решила, что шепот исходит от манекена, но, когда я приблизилась к нему, смутное бормотание сделалось тише, а не громче. Это говорили стены. Под безучастными взорами Энн и Винсента я прислонилась к оштукатуренной стене и замерла. Шепот слышался довольно отчетливо, но слов разобрать было нельзя. Похоже, звучало сразу несколько голосов, и у меня создалось впечатление, что они обращаются непосредственно ко мне.

— Вы что-нибудь слышите? — поинтересовалась я у Энн.

Она нахмурилась, пытаясь угадать ответ, который доставит мне больше удовольствия.

— Только шум уличного движения, — ответила она наконец. — Где-то на улице кричат мальчишки.

Я покачала головой и снова приникла ухом к стене. Шепот продолжал звучать, и в нем не было ни настойчивости, ни угрозы. Мне показалось, что в тихих переливах звуков я различила отдельные слоги своего имени.

В привидения я не верю. Не верю и в сверхъестественные явления. Но, став старше, я начала понимать, что точно так же, как радиоволны продолжают поступать в пространство после выключения передатчика, некоторые индивидуумы не теряют свою силу даже после смерти. Однажды Нина рассказывала мне об археологе, обнаружившем во время раскопок голос гончара, который был мертв уже несколько тысяч лет. Не знаю, насколько это соответствовало действительности, но зато вполне согласовывалось с той мыслью, к которой я пришла самостоятельно. Люди — особенно те немногие, обладающие Способностью, подобно нам, — могут воздействовать не только на одушевленные существа, но и на предметы.

Я снова подумала о Нине и поспешно отстранилась от стены. Шепотки смолкли.

— Нет, это не имеет никакого отношения к Нине, — произнесла я вслух. — Это дружелюбные голоса.

Мои спутники молчали. Энн не знала, что сказать, а Винсент даже если и знал, то не мог. Я улыбнулась им, и Энн одарила меня ответной улыбкой.

— Пошли, — промолвила я. — Устроим второй завтрак и вернемся сюда позже. Мне очень понравилась Ропщущая Обитель, Энн. Вы правильно сделали, что привели меня сюда.

Женщина расцвела от счастья.

К полудню понедельника Энн и Винсент доставили в Ропщущую Обитель складную кровать и новые матрасы, купили свечей, подсвечников и три масляных обогревателя, заполнили кухонные полки банками с консервированной пищей. Затем они установили небольшую плиту, работавшую на бутане, посреди массивного кухонного стола, а также вымыли и пропылесосили все комнаты. Я распорядилась поставить свою кровать в детской. Энн принесла чистые простыни, одеяла и свое любимое стеганое покрывало. Винсент расставил вдоль кухонной стены ряд новых совков и ведер. Относительно отсутствующей канализации я пока ничего не могла придумать, к тому же бóльшую часть времени я собиралась по-прежнему проводить у Энн. Мне просто захотелось обустроить Ропщущую Обитель и сделать ее более удобной для своих неизбежных будущих визитов.

В понедельник днем Энн сняла все свои деньги с текущих и сберегательных счетов — почти семьдесят три тысячи долларов — и начала переводить акции, бонды и страховки в наличные. В некоторых случаях ей приходилось платить пени, но никто из нас не возражал. Деньги я складывала в свой багаж.

К четырем часам дня, когда за окном едва брезжил зимний свет, все помещения Ропщущей Обители ярко сияли от десятков свечей; гостиную, кухню и детскую обогревали приятно мерцающие масляные радиаторы, а Винсент уже часа три как копался в подземном ходе, вынося землю в дальний угол двора. Это была грязная, тяжелая и, возможно, опасная работа, но Винсенту было полезно выполнять такие задания. Физический труд помогал ему избавляться от затаенной ярости. Я знала, что мальчишка очень силен — гораздо сильнее, чем можно было предположить, глядя на его сухопарое сутулое тело, но теперь мне удалось установить истинные размеры его жилистой мощи и чуть ли не демонической энергии.

Я не осталась ночевать в Ропщущей Обители, по крайней мере в ту первую ночь, но, пока задувались свечи и выключались обогреватели, поднялась в детскую и остановилась там при свете одной-единственной свечи, пламя которой отражалось в пуговичных глазах тряпичных кукол и стеклянных очах мальчика-манекена.

Шепот сделался громче. Если я и не могла различить слов, то по крайней мере в их интонации ощущала благодарность. Они желали мне добра и просили вернуться.

Накануне Рождества, во вторник, Винсент вытащил из подземного хода около полутонны земли. Расчистив следующие двенадцать футов, мы выяснили, что дальше тоннель сохранился почти полностью, если не считать осыпавшихся за последние два столетия камней и земли. В среду утром Винсент разобрал бóльшую часть выхода, открывавшегося на поверхности недалеко от проулка, который шел с тыльной стороны одноквартирных домов на расстоянии одного квартала от нас. Он заложил выход досками и вернулся в Ропщущую Обитель. На него стоило посмотреть! Парень весь был покрыт грязью, старая рабочая одежда порвалась и испачкалась землей, длинные волосы свисали жирными прядями, глаза безумно горели. У меня с собой оказался лишь один большой термос с водой, поэтому я заставила Винсента раздеться и устроиться на кухне возле обогревателя, а сама отправилась в дом к Энн, чтобы выстирать и высушить его одежду.

Энн весь день обслуживала праздничную рождественскую трапезу. На улице было темно и почти пусто. Мимо прогромыхал одинокий трамвай с уютно освещенным салоном. Начал падать снег.

Я вдруг обнаружила, что совсем одна и полностью беззащитна. В обычной ситуации я бы и квартала не прошла без сопровождения хорошо обработанного спутника, но целый трудовой день в Ропщущей Обители и странные предупреждения шепотков в детской, поглотившие все мои мысли, заставили меня потерять бдительность. К тому же я размышляла о Рождестве.

Я всегда относилась к Рождеству с особым чувством. Вспоминала большую елку и праздничные обеды, которые устраивались, когда я была маленькой. Отец разделывал индейку, а в мои обязанности входило дарить прислуге, в основном состоявшей из пожилых негров и негритянок, маленькие подарки. Помню, уже за несколько недель я начинала сочинять для них краткие слова благодарности. По большей части я высказывала похвалу, а в некоторых случаях осторожно журила за недостаток усердия. Самые лучшие подарки и самые теплые слова неизменно приберегались для толстой стареющей тетушки Гарриет, которая вынянчила и вырастила меня. Гарриет родилась рабыней.

Интересно, что много лет спустя, в Вене, Нина, Вилли и я вспоминали похожие детали своего детства, и в частности доброту к при-

слуге. Да, в Вене Рождество для нас было изумительным праздником. Я вспоминаю зиму 1928 года с катанием на санках с крутого берега замерзшего Дуная и пышным банкетом в арендованной вилле к югу от города. Лишь в последние годы я перестала отмечать Рождество так, как мне того хотелось. Всего две недели назад, при нашей последней встрече, мы как раз обсуждали с Ниной прискорбное обнищание рождественского духа. Люди перестали понимать, что же на самом деле означает этот праздник.

Парней было восемь, и все цветные. Не могу определить их возраст, но все выше меня, у троих над пухлой верхней губой уже пробивался черный пушок. Они показались мне каким-то единым существом, состоящим из локтей и коленей и издающим крики и хриплые непристойности. Вывалившись из-за угла на Джермантаун-стрит, они оказались прямо передо мной. Один из них держал большой приемник, изрыгающий какофонию звуков.

Вздрогнув, я остановилась и посмотрела на них, все еще погруженная в свои размышления о Рождестве и отсутствующих друзьях. Не обращая на них внимания, я ждала, когда они сойдут с тротуара и уступят мне дорогу. Возможно, было что-то такое в выражении моего лица или гордой осанке, отличающейся от обычного раболепствующего поведения белых в негритянских кварталах северных городов, что заставило одного из них обратить на меня внимание.

— Ты на что уставилась? — осведомился высокий подросток в красной кепке. Лицо его выражало смесь тупости и презрения, выработавшегося в его расе вследствие многовекового племенного невежества.

— Жду, мальчики, когда вы уступите дорогу леди, — промолвила я тихо и вежливо. В обычной ситуации я бы промолчала, но голова моя была занята другими мыслями.

— Мальчики! — воскликнул тот, что был в красной кепке. — Кого это ты называешь мальчиками?

Они образовали полукруг. Я смотрела в одну точку, чуть повыше их голов.

— Эй, ты что это себе думаешь? — грозно осведомился один из них — толстяк в грязной серой парке.

Отвечать я не стала.

— Пошли, — бросил другой, пониже и с менее грубым выражением лица. У него были голубые глаза.

Они уже собрались уходить, но негр в красной кепке решил поставить последнюю точку.

— В следующий раз смотри, с кем имеешь дело, старая шлюха! — заявил он и сделал жест, будто намереваясь толкнуть меня в грудь или плечо.

Я поспешно сделала шаг назад, чтобы он не мог ко мне прикоснуться, зацепилась каблуком за трещину в асфальте, потеряла равновесие и, взмахнув руками, рухнула на снег, усеянный собачьими экскрементами. Толпа подростков разразилась громовым хохотом.

Низенький мальчик с голубыми глазами махнул рукой, призывая всех к спокойствию, и сделал шаг ко мне:

— С вами все в порядке? — Он протянул руку, словно намереваясь помочь мне встать.

Но я лишь смотрела на них, не обращая никакого внимания на его руку. Через мгновение он пожал плечами и двинулся дальше вместе с остальными. Их дикая музыка отдавалась эхом в безмолвных витринах магазинов.

Я сидела до тех пор, пока они не скрылись из виду, потом попыталась встать, поняла безнадежность этого и поползла на четвереньках к парковочному счетчику, который можно было использовать вместо опоры. Некоторое время я стояла дрожа, опираясь на счетчик. Мимо то и дело проносились машины, — наверное, люди спешили домой к рождественскому столу, обливая меня фонтанами грязи. По тротуару прошли две полные молодые негритянки, переговариваясь базарными голосами. Никто не остановился, чтобы помочь мне.

Когда я добралась до дома Энн, меня все еще колотила дрожь. Позднее я поняла, что с легкостью могла призвать ее на помощь сама, но в тот момент я была не способна мыслить отчетливо. Навернувшиеся на глаза от порывов холодного ветра слезы так и застыли на моих щеках.

Энн тут же налила мне горячую ванну, помогла выбраться из грязной одежды и приготовила чистую, пока я мылась.

Когда я села за стол, было уже девять вечера; я ела одна, Энн сидела в соседней комнате. Покончив с вишневым пирогом, поданным на десерт, я уже точно знала, что мне делать. Достав ночную рубашку и остальные необходимые вещи, я заставила Энн принести постельное белье, смену одежды для Винсента, запас еды и напитков, а также револьвер, позаимствованный мною у таксиста в Атланте.

Мы быстро и без приключений добрались до Ропщущей Обители. Снег уже валил вовсю. Проходя мимо того места, где я упала, я отвернулась.

Винсент сидел там же, где я его оставила. Он оделся и начал с жадностью есть. Я не слишком беспокоилась о регулярном питании мальчишки, но за последние два дня раскопок в нем сгорели тысячи калорий, и мне хотелось восстановить его силы. Он ел как животное. Его руки, лицо и волосы все еще были грязными и запекшимися от красной глины, а его вид и чавканье были просто звериными.

Поев, Винсент принялся натачивать косу и одну из лопат, которую за два дня до этого Энн купила в хозяйственном магазине на улице Челтен.

Было уже почти двенадцать, когда я поднялась в детскую, закрыла дверь, разделась и легла. В трепещущем пламени свечи за мной следили блестящие стеклянные глаза мальчика-манекена. Энн сидела внизу, в гостиной, сторожа входную дверь, — она слегка улыбалась, держа на коленях, прикрытых фартуком, заряженный револьвер тридцать восьмого калибра.

Винсент выбрался через подземный ход. Лицо его стало еще более грязным и мокрым, пока он волочил по темному проходу косу и лопату. Я закрыла глаза и отчетливо увидела, как в тусклом свете проулка падает снег, как Винсент вытаскивает следом свои инструменты и устремляется по проулку.

Морозный воздух благоухал чистотой. Я ощущала мерные сильные удары сердца Винсента, чувствовала, как гнутся и трепещут заросли его мыслей, словно от порывов ветра, по мере того как все больше адреналина выбрасывалось ему в кровь. Мышцы моих собственных губ непроизвольно напряглись, растягивая их в такую же широкую жестокую ухмылку, как у Винсента.

Он быстро миновал проулок, немного задержался у поворота к ряду одноквартирных домов и бросился бегом по южной стороне улочки туда, где лежали самые темные тени. Здесь он остановился, но я мысленно заставила его повернуть голову в том направлении, куда ушли подростки. Ноздри у Винсента раздулись, когда он начал принюхиваться к ночному воздуху, пытаясь различить запах негров.

Ночь была тихой, если не считать отдаленного звона колоколов, возвещавших о рождении нашего Спасителя. Винсент склонил голову, взвалил лопату и косу на плечо и углубился во мрак проулка.

Лежа наверху в Ропщущей Обители, я улыбнулась, повернулась лицом к стене и погрузилась в легкое бормотание шепотков, накатывавшееся на меня, как волны во время прилива.

Глава 19

Вашингтон, округ Колумбия
Суббота, 20 декабря 1980 г.

— Вы ничего не знаете об истинной природе насилия, — говорило Солу Ласки то, что когда-то было Фрэнсисом Харрингтоном.

Они шли по аллее в направлении Капитолия. Холодные лучи вечернего солнца освещали белые гранитные здания, возле пустых скамеек осторожно прогуливались голуби.

Сол чувствовал дрожь во всем теле и понимал, что это не от холода. Его охватило страшное волнение, как только они вышли из Национальной художественной галереи, и он не мог и не пытался с ним справиться. Наконец-то, после стольких лет!

— Вы считаете себя специалистом в области насилия, — продолжал Харрингтон на немецком, хотя Сол никогда не слышал, чтобы раньше тот пользовался этим языком, — но вы ничего о нем не знаете.

— Что вы имеете в виду? — спросил он по-английски и засунул руки поглубже в карманы пальто.

Его голова находилась в постоянном движении — он то смотрел на человека, выходящего из восточного крыла Национальной галереи, то, прищурившись, вглядывался в одинокую фигуру на дальней скамейке, то пытался различить что-нибудь за тонированными стеклами медленно ехавшего лимузина. Где вы, оберст? При мысли о том, что нацистский преступник может быть где-то поблизости, у Сола сжималась диафрагма.

— Вы воспринимаете насилие как извращение, — тем временем говорил Харрингтон на безупречном немецком, — хотя на самом деле это норма. Оно составляет самую суть человеческого существа.

Сол изо всех сил пытался следить за разговором. Нужно выманить оберста, каким-то образом освободить Фрэнсиса из-под его контроля...

— Глупости, — бросил Сол. — Это общее заблуждение, а в действительности природа насилия столь же чужда человеку, как какая-нибудь болезнь. Мы справились в свое время с полиомиелитом и черной оспой, значит мы можем справиться и с насилием в человеческом поведении. — Он перешел на профессиональные интонации.

Харрингтон рассмеялся. Это был старческий смех — прерывистый, перемежающийся влажными хрипами. Сол взглянул на молодого человека, шедшего рядом с ним, и вздрогнул. У него возникло ощущение, что лицо Фрэнсиса с короткими рыжими волосами и веснушками на скулах — всего лишь маска, натянутая на череп другого человека. Тело Харрингтона под длинным плащом выглядело странно неуклюжим, будто тот внезапно растолстел или надел на себя несколько свитеров.

— Вы не сможете справиться с насилием, как невозможно справиться с любовью, ненавистью или смехом, — произнес Фрэнсис Харрингтон голосом Вилли фон Борхерта. — Страсть к насилию — одна из характерных черт человечества. Даже слабые хотят стать сильными в основном для того, чтобы взять кнут.

— Чушь! — снова возразил Сол.

— Чушь? — переспросил Харрингтон.

Они перешли проезд Медисона и оказались на аллее за капитолийским прудом. Фрэнсис опустился на скамейку, обращенную к Третьей улице. Сол последовал его примеру, предварительно окинув взглядом всех, кто находился поблизости. Таковых было немного, и ни один из них не походил на его оберста.

— Мой дорогой еврей, — презрительно промолвил Харрингтон, — возьми хотя бы Израиль.

— Что?! — Сол резко повернулся и уставился на Фрэнсиса, как будто видел его впервые. — Что вы имеете в виду?

— Твоя любимая страна прославилась своим жестоким обращением с врагами, — продолжил Харрингтон. — Ее ветхозаветный девиз — «око за око, зуб за зуб», ее политика выражается в непреложном отмщении, страна гордится мощью своей армии и военно-воздушных сил.

— Израиль вынужден защищаться, — спокойно сказал Сол.

От ощущения ирреальности этой полемики голова у него шла кругом. За их спинами последние лучи солнца освещали купол Капитолия.

Харрингтон снова рассмеялся:

— Ах да, моя верная пешка! Насилие во имя самозащиты всегда выглядит симпатичнее. Так было и с вермахтом. У Израиля есть

враги, не так ли? Но они были и у Третьего рейха. И не последними из этих врагов являлись те самые бездельники, которые прикидывались беспомощными жертвами, когда они стремились уничтожить рейх. Теперь же они именуют себя героями, осуществляя насилие над палестинцами.

На эту эскападу Сол отвечать не стал. Антисемитизм Харрингтона был всего лишь подначкой.

— Что вы хотите? — тихо спросил он.

Харрингтон поднял брови.

— Просто побеседовать со старым знакомым, — произнес он вдруг по-английски.

— Как вы меня нашли?

Фрэнсис пожал плечами.

— Скорее, это ты меня нашел, — ответил он странным хриплым голосом. — Представь себе мое удивление, когда в Чарлстон вдруг прибыла моя дорогая пешка, мой вечный еврей, — и в такой дали от Хелмно.

«Как вы меня узнали?» — чуть было не спросил Ласки, но удержался. Те несколько часов, когда они вдвоем пребывали в теле Сола сорок лет назад, создали между ними такую омерзительную близость, которую невозможно было передать словами. Сол не сомневался, что сразу узнает оберста, несмотря на разрушительное влияние времени. Вместо этого он спросил:

— Вы следили за мной от самого Чарлстона?

Харрингтон улыбнулся:

— Ты доставил бы мне огромное удовольствие, если бы позволил послушать одну из твоих лекций в Колумбии. Возможно, мы бы поспорили об этических принципах Третьего рейха.

— Возможно, — кивнул Сол. — Мы могли бы обсудить относительную здравость бешеного пса. Однако пока при этом заболевании существует только один выход — пристрелить собаку.

— Что ж, — холодно усмехнулся Харрингтон. — Еще один способ окончательного решения. Вы, евреи, никогда не отличались утонченностью.

Сол вздрогнул. За спокойным голосом марионетки скрывался человек, непосредственно отдававший приказы, по которым были расстреляны сотни, а может, и тысячи людей. Он понял, что оберст мог разыскивать его и следовать за ним из Чарлстона только с одной целью — убить. Вильгельм фон Борхерт, он же Уильям Борден, сделал все возможное, чтобы убедить мир в том, что он мертв. Зачем ему было открываться единственному человеку в мире, знав-

шему его в лицо, если только это не было завершающим этапом игры кошки с мышкой? Сол еще глубже засунул руку в карман и сжал в кулаке пригоршню двадцатипятицентовых монет — единственное оружие, которое он носил со времен польского гетто.

Даже если ему удастся сбить Фрэнсиса с ног — а Сол знал, что это будет не так легко сделать, — что дальше? Бежать? Но что может помешать оберсту проникнуть в его мозг? Сол содрогнулся, снова вспомнив об этом насилии над собственным сознанием. Он не хотел становиться жертвой еще одного преступления, очередным рассеянным профессором, попавшим в сумерках под колеса оживленного вашингтонского движения...

К тому же он не мог оставить Фрэнсиса. Сол сжал монеты в кулаке и начал медленно вытаскивать руку. Он не знал, удастся ли ему вернуть парня, — одного взгляда на маячившую перед ним маску лица было достаточно, чтобы ощутить всю бессмысленность этого предприятия, но Сол понимал, что должен хотя бы попытаться. Как пронести бесчувственное тело по аллее, преодолеть полтора квартала и затолкать его во взятую напрокат машину? Он решил, что оставит Фрэнсиса на скамейке, помчится бегом за машиной, быстро подъедет к Третьей улице и забросит тело молодого человека на заднее сиденье.

Сол не мог придумать ни единого способа, как самому защититься от оберста. Да это уже и не играло никакой роли. С небрежным видом он вытащил из кармана кулак с мелочью, прикрывая его своим телом.

— Я бы хотел тебя кое с кем познакомить, — промолвил Харрингтон.

— Что? — Сердце Сола, казалось, билось уже в горле, он едва мог говорить.

— Я бы хотел тебя кое с кем познакомить, — повторил Вилли фон Борхерт, заставив Харрингтона встать. — Думаю, тебе это будет интересно.

Сол не двигался. Он сжимал кулак с такой силой, что рука его дрожала.

— Ты идешь, юде? — Интонация и слова были почти такими же, какими пользовался оберст в бараках Хелмно тридцать восемь лет назад.

— Да. — Он встал, снова засунул руку в карман пальто и последовал за Фрэнсисом Харрингтоном во внезапно сгустившиеся зимние сумерки.

Это был самый короткий день в году. Немногочисленные закаленные туристы стояли в ожидании автобусов или спешили к своим машинам. Сол и Фрэнсис прошли вдоль улицы Конституции, мимо Капитолия и остановились у входа в гараж здания сената. Через несколько минут автоматические двери открылись и изнутри выехал лимузин. Харрингтон быстрым шагом двинулся вниз по пандусу, и Сол последовал за ним, поднырнув под опускающуюся створку металлической двери. Двое охранников в полном изумлении уставились на непрошеных гостей. Один из них, краснолицый толстяк, двинулся к ним навстречу.

— Черт побери, сюда вход воспрещен! — закричал он. — Разворачивайтесь и уносите отсюда ноги, пока вас не арестовали.

— Простите, — произнес Харрингтон голосом Фрэнсиса Харрингтона. — Дело в том, что у нас пропуска к сенатору Келлогу, но дверь, через которую он велел нам войти, заперта...

— Главный вход! — рявкнул охранник, продолжая махать руками; второй стоял у турникета, его правая рука лежала на рукояти револьвера, и он пристально всматривался в лица незнакомцев. — Все посещения после пяти запрещены. А теперь убирайтесь отсюда или будете арестованы. Пошевеливайтесь!

— Конечно, — дружелюбно откликнулся Харрингтон и вытащил из-под плаща автоматический пистолет.

Он застрелил толстяка, попав ему в правый глаз. Второй охранник просто остолбенел. Сол отскочил в сторону при первом же выстреле и теперь обратил внимание на то, что неподвижность охранника не является естественной реакцией на страх. Тот изо всех сил пытался шевельнуть правой рукой, но она была как парализованная. Лоб и верхняя губа мужчины покрылись потом, глаза выпучились и, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— Слишком поздно, — сказал Харрингтон и выпустил четыре пули в грудь и шею охранника.

Сол по звуку догадался, что к стволу приставлен глушитель. Он чуть шевельнулся и тут же замер, когда Фрэнсис направил автомат в его сторону.

— Затащи их внутрь, — приказал он.

Сол беспрекословно подчинился, сосредоточив внимание на клубах пара, со свистом вырывавшихся у него изо рта, пока он тащил толстяка по пандусу и запихивал его в будку.

Харрингтон выщелкнул пустую обойму и, шлепнув ладонью, загнал в рукоять новую. Затем он опустился на корточки и собрал пять гильз.

— Пошли наверх, — распорядился он.

— У них есть видеокамеры, — задыхаясь, проговорил Сол.

— Да, в самом здании, — снова переходя на немецкий, ответил Харрингтон. — В подвальном помещении только телефон.

— Но охранников хватятся, — более уверенно возразил Сол.

— Несомненно, — кивнул Харрингтон. — Поэтому я советую тебе поторапливаться.

Они поднялись на первый этаж и двинулись по коридору. Еще один охранник, читавший газету, с изумлением поднял голову:

— Простите, джентльмены, но это крыло закрыто после...

Договорить он не успел. Харрингтон дважды выстрелил ему в грудь и выволок тело на лестничную клетку.

Сол бессильно привалился к обитому деревом дверному проему. Ноги у него стали ватными, он прикидывал, сможет ли убежать или закричать, но так и остался стоять, вцепившись в дубовый дверной косяк.

— Лифт, — скомандовал Харрингтон.

Коридор третьего этажа был пуст, хотя из-за угла доносились звуки голосов и смех. Фрэнсис распахнул четвертую дверь справа.

Молодая женщина в приемной как раз накрывала чехлом пишущую машинку *IBM*.

— Прошу прощения, — промолвила она, — но после...

Харрингтон вскинул пистолет и ударил секретаршу рукоятью точно в левый висок. Она упала на пол почти бесшумно. Он поднял полиэтиленовый чехол, аккуратно накрыл пишущую машинку, затем схватил Сола за рукав пальто и потащил через пустую приемную в более просторный темный кабинет. Между шторами Сол успел заметить освещенный купол Капитолия.

Открыв обитую кожей следующую дверь, Харрингтон вошел в помещение.

— Привет, Траск, — поздоровался он на английском.

Сухопарый мужчина, сидевший за столом, с легким удивлением поднял голову, и тут же на них бросился огромный парень в коричневом костюме, отдыхавший на кожаном диване. Фрэнсис дважды выстрелил в телохранителя, наклонился, чтобы рассмотреть маленький пистолет, выпавший из руки парня, и, поднеся ствол к его левому уху, выстрелил в третий раз. Огромное тело дернулось на толстом ковре и затихло.

Ниман Траск не шевелился. Он продолжал держать в левой руке скрепленный тремя кольцами блокнот, а в правой — ручку с золотым пером.

— Садись. — Фрэнсис указал Ласки на диван.

— Кто вы? — спросил Траск с легким любопытством.

— Вопросы потом, — ответил Харрингтон. — А сначала, пожалуйста, уясните, что моего друга, — он указал на Сола, — трогать нельзя. Если он сдвинется с этого дивана, я разожму левый кулак.

— Разожмете кулак? — переспросил Траск.

Когда Фрэнсис входил в кабинет, в левой руке у него ничего не было, но теперь он сжимал пластиковое кольцо с небольшим выступом посередине.

— А, понимаю, — устало промолвил Траск. Он положил блокнот и стиснул обеими руками ручку с золотым пером. — Взрывчатка?

— Си-четыре. — Не выпуская из правой руки автомат, Харрингтон начал расстегивать плащ. Под ним оказалась бесформенная рыболовная куртка, каждый карман которой был забит до отказа. Сол разглядел маленькие петли проводов. — Двенадцать фунтов, — добавил он.

Траск кивнул. Вид у него был невозмутимый, но костяшки пальцев, которыми он сжимал авторучку, побелели.

— Более чем достаточно, — промолвил он. — Так чего же вы хотите?

— Я хочу поговорить. — Харрингтон опустился в кресло, стоявшее в трех футах от стола.

— Конечно, — кивнул Траск и откинулся на спинку. Взгляд его метнулся к Солу и обратно. — Прошу вас, приступайте.

— Свяжитесь с мистером Колбеном и мистером Барентом по многоканальной связи, — приказал Харрингтон.

— Прошу прощения. — Траск разжал пальцы и положил ручку на стол. — Колбен в данный момент направляется в Чеви-Чейз, а мистера Барента, насколько мне известно, сейчас нет в стране.

— Считаю до шести, — предупредил Харрингтон.

Траск снял трубку на счете «четыре», но для того, чтобы связаться со всеми, потребовалось еще несколько минут. Колбена он поймал в его лимузине на скоростном шоссе Рок-Крик, а Барента — в самолете где-то над штатом Мэн.

— Включите громкую связь, — распорядился Харрингтон.

— В чем дело, Ниман? — раздался ровный голос с легким кембриджским акцентом. — Чарльз, вы тоже здесь?

— Да, — пророкотал Колбен. — Ни черта не понимаю, что все это значит. Что происходит, Траск? Вы держите меня уже две минуты!

— У меня здесь небольшая проблема, — пробормотал Траск.

— Ниман, эта линия небезопасна, — донесся тихий голос, принадлежавший Баренту, как догадался Сол. — Вы один?

Траск замешкался и бросил взгляд на Фрэнсиса. Но тот лишь улыбнулся, и он ответил:

— Нет, сэр. Тут со мной двое джентльменов в кабинете сенатора Келлога.

— Какого черта, что у вас там творится, Траск? — заорал Колбен так, что микрофон завибрировал. — Что все это значит?

— Спокойно, Чарльз, — донесся голос Барента. — Продолжайте, Ниман.

Траск сделал жест рукой, предлагая Харрингтону ответить.

— Мистер Барент, мы бы хотели вступить в один из ваших клубов, — произнес, цинично усмехаясь, Фрэнсис.

— Прошу прощения, сэр, но вы пользуетесь своим преимуществом, — ответил Барент.

— Меня зовут Фрэнсис Харрингтон. А мой работодатель — присутствующий здесь доктор Соломон Ласки из Колумбийского университета.

— Траск! — рявкнул Колбен. — Что происходит?

— Тихо! — приказал Барент. — Мистер Харрингтон, доктор Ласки, рад познакомиться. Чем я могу вам помочь?

Сол тяжело вздохнул. До того как Фрэнсис назвал его имя, у него еще оставалась слабая надежда выбраться живым из этого кошмара. Теперь, хоть он и не имел ни малейшего представления, в какую игру играет Уильям Борден с этими людьми, не сомневался, что оберст вознамерился принести его в жертву.

— Вы упомянули какой-то клуб, — напомнил Барент. — Может, уточните?

Харрингтон жутко ухмыльнулся, обнажив зубы. Он так и держал левую руку поднятой, не убирая большого пальца с детонатора.

— Я бы хотел вступить в ваш клуб, — повторил он.

В голосе Барента появилась веселая нотка.

— Но я являюсь членом многих клубов, мистер Харрингтон. Вы можете выражаться конкретнее?

— Меня интересует клуб для самых избранных, — сказал Фрэнсис. — К тому же я всегда питал слабость к островам.

Из микрофона донесся сдавленный смех.

— Как и я, мистер Харрингтон. Но, несмотря на то что мистер Траск является замечательным спонсором, боюсь, для вступления в клубы, к которым я принадлежу, потребуются дополнительные

рекомендации. Вы упомянули, что с вами присутствует ваш работодатель, доктор Ласки. Вы тоже хотите вступить в клуб, доктор?

Сол не мог придумать ничего, что как-то повлияло бы на ситуацию, поэтому он решил промолчать.

— Может быть, вы... э-э-э... представляете кого-нибудь? — спросил Барент.

Харрингтон лишь рассмеялся.

— У него двенадцать фунтов пластиковой взрывчатки, — ровным голосом произнес Траск. — По-моему, это вполне впечатляющая рекомендация. Почему бы нам всем не договориться где-нибудь встретиться и обсудить это?

— Мои люди уже в пути, — донесся четкий голос Колбена. — Держитесь, Траск.

Ниман Траск вздохнул, потер лоб и склонился ближе к трубке:

— Колбен, сукин сын, если кто-нибудь из ваших людей окажется ближе чем в десяти кварталах от этого здания, я задушу вас собственными руками. Не суйтесь в это дело. Барент, вы здесь?

— Мне очень жаль, мистер Харрингтон, но я взял за правило никогда не входить в выборные комитеты клубов, завсегдатаем которых являюсь, — продолжил К. Арнольд Барент так, словно и не слышал предыдущего диалога. — Однако иногда мне нравится спонсировать новых членов. Возможно, вы посоветуете, к кому мне следует обратиться, чтобы составить на вас рекомендации?

— Продолжайте, я слушаю, — произнес Харрингтон.

Именно в этот момент Сол Ласки почувствовал, как Траск проскользнул в его сознание. Это было невыносимо больно — словно кто-то воткнул длинную острую проволоку ему в ухо. Он вздрогнул, но закричать ему не дали. Взгляд его механически замер, остановившись на ковре, в футе от вытянутой руки мертвого телохранителя. Сол ощутил, как Траск холодно рассчитывает время и необходимые действия: две секунды на то, чтобы вскочить и схватить пистолет с пола, секунда — чтобы выстрелить в голову Харрингтона, одновременно схватив его руку. Кулаки Сола самопроизвольно сжимались и разжимались, мышцы ног напряглись, словно у бегуна перед стартом. Заталкиваемый все дальше и дальше на чердак собственного сознания, он ощущал полную беспомощность. Неужели именно это происходило с Фрэнсисом на протяжении нескольких недель?

— Уильям Борден... — тихо проговорил Барент.

Сол уже забыл, о чем шла речь. Траск чуть подвинул его правую ногу и сместил центр тяжести.

— Я не знаком с этим джентльменом, — невозмутимо откликнулся Харрингтон. — Следующий?

Сол чувствовал, как напрягаются все мышцы его тела по мере того, как Траск подготавливал его к броску. Он уловил, что план изменился. Траск заставит его налететь на Фрэнсиса, толкнуть его, одновременно зажав левую руку, и втащить в главный кабинет сенатора. После чего Сол должен прикрыть своим телом взрывную волну, а сам Траск в это время спрячется за массивным дубовым столом. Сол прикладывал все силы, чтобы как-то предупредить оберста.

— Мелани Фуллер? — спросил Барент.

— О да, — откликнулся Харрингтон. — Кажется, с ней можно связаться в Джермантауне.

— Что это за Джермантаун? — осведомился Траск, продолжая готовить Сола к нападению. Не обращать внимания на пистолет. Схватить руку. Вытеснить назад. Держаться между Харрингтоном и письменным столом.

— Это квартал Филадельфии, — дружелюбно пояснил Фрэнсис. — Точный адрес я припомнить не могу, но если вы проверите списки жителей по Квин-лейн, то сможете связаться с этой леди.

— Очень хорошо, — послышался в трубке смешок Барента. — Еще одно. Не могли бы вы...

— Прошу прощения. — Харрингтон тоже рассмеялся, но не своим, а старческим смехом Вилли Бордена. — Боже милостивый, Траск, неужели вы считаете, что я ничего не замечаю? Вам и за месяц не удастся его обработать... *Mein Gott*, вы же ходите вокруг да около, как подросток, тискающий соседку в темном зале кинотеатра. И оставьте в покое моего бедного еврея. Как только он шевельнется, я разожму кулак. Этот стол разлетится на тысячи щепок. О, вот так уже лучше...

Сол рухнул на диван. Все его тело, освободившееся от плотных тисков чужой воли, охватила судорога.

— Так на чем мы остановились, мистер Барент? — продолжил Фрэнсис.

В течение нескольких секунд из микрофона доносились лишь звуковые помехи, после чего вновь раздался спокойный голос Барента:

— Прошу прощения, мистер Харрингтон, я разговариваю с вами из своего личного самолета и боюсь, что мне уже пора. Я благодарен вам за звонок и надеюсь вскоре услышать вас снова.

— Барент! — заорал Траск. — Черт побери, не вешайте...

— До свидания, — бросил Барент. Раздался щелчок, и шумовой фон оповестил о том, что связь прервана.

— Колбен! — завопил Траск. — Скажите же что-нибудь!

— Конечно, — донесся мрачный голос. — Пошел ты к долбаной матери, Ниман. — Еще один щелчок, и следующая шумовая волна накрыла связь.

С видом загнанного зверя Траск поднял голову.

— Ничего страшного, — успокоил его Харрингтон. — Я могу оставить свою информацию у вас. Мы продолжим наш разговор, мистер Траск, но я бы предпочел сделать это с глазу на глаз. Доктор Ласки, вы не будете возражать?

Сол поправил очки, моргнул и встал. Траск смотрел на него широко раскрытыми глазами. Фрэнсис садистски улыбался. Сол повернулся, быстро вышел из кабинета сенатора и уже бегом добрался до приемной. Он вспомнил о секретарше, немного помедлил, но затем без колебаний бросился со всех ног по коридору.

Из-за угла появились четверо. Сол обернулся и увидел, что с противоположного конца коридора бегут еще пятеро в темных костюмах. Двое из них свернули в кабинет Траска, а трое оставшихся в едином движении вскинули свои пистолеты, образовав ровный ряд рук. Даже на таком расстоянии черные отверстия стволов казались огромными.

И вдруг Сол словно куда-то переместился. В безмолвии его сознания раздался вопль Фрэнсиса Харрингтона. И Фрэнсис смутно ощутил в окружающем его мраке внезапное появление Сола. Теперь глазами Харрингтона они вместе смотрели, как Ниман Траск, приподнявшись в своем кресле, что-то кричит и вздымает в мольбе руки.

— *Auf Wiedersehen*, — промолвил Фрэнсис голосом нацистского оберста и разжал кулак.

Южные двери и стена коридора взметнулись вместе с огромным шаром оранжевого пламени. Сол вдруг осознал, что летит по коридору навстречу тем троим в темных костюмах. Их вытянутые руки подбросило вверх, один из пистолетов разрядился, но звук выстрела заглушил страшный грохот взрыва, а затем охранники тоже полетели, кувыркаясь, назад и врезались в стену за секунду до Сола.

Но, даже получив сильнейший удар и ощущая, как над ним смыкается тьма, Сол успел расслышать отголосок старческого шепота, произносящего «Auf Wiedersehen».

Глава 20

Нью-Йорк
Пятница, 26 декабря 1980 г.

Шерифу Джентри нравилось лететь в самолете, хотя он совершенно не думал о цели своего путешествия. Это состояние подвешенности над облаками на высоте нескольких тысяч футов определенно способствовало размышлениям. Место его назначения — Нью-Йорк — всегда представлялось шерифу конгломератом поводов для безумия, выражающихся в массовом сознании, уличной преступности, паранойе, переизбытке информации и тихом сумасшествии. Джентри давно уже понял, что большие города не для него.

Он знал районы Манхэттена, а когда-то, сто лет назад, учился в колледже в разгар вьетнамской кампании. Они с друзьями провели в этом городе не один уик-энд. Как-то они позаимствовали машину в Чикаго у его знакомой девушки, работавшей в автосервисе неподалеку от университета, и открутили одометр назад на две тысячи миль. После четырех бессонных ночей они вшестером закончили тем, что в течение двух часов объезжали пригороды Чикаго ранним утром, чтобы цифры километража вернулись к прежним показаниям.

Джентри сел в автобус, курсировавший до центрального автовокзала, а там поймал такси, чтобы добраться до отеля «Эдисон». Отель был старым и уже начинал утрачивать свою славу. Теперь его основными постояльцами были проститутки и бедные туристы, хотя он еще сохранял атмосферу былой степенности. В кафетерии заправлял горластый, неотесанный, но очень умелый пуэрториканец, а номер стоил треть того, во что обычно обходились манхэттенские отели. В последний раз Джентри был в Нью-Йорке, когда сопровождал восемнадцатилетку из другого штата — юнец убил в Чарлстоне четырех продавцов в супермаркете. Тогда округ оплатил его расходы и стоимость номера в отеле.

Джентри залез под душ, чтобы смыть дорожную пыль, надел удобные синие вельветовые брюки, старый свитер с высоким горлом, коричневую вельветовую куртку, мягкую кепку и пальто, которое вполне годилось для Чарлстона, но вряд ли могло противостоять напору зимнего нью-йоркского ветра. Он с минуту подумал, затем вынул из чемодана «ругер» и переложил его в карман пальто. Карман сразу оттопырился, слишком явственно обозначив его

содержимое. Джентри вытащил револьвер и засунул его за ремень брюк. Так тоже никуда не годилось. Кобуры для «ругера» у него не было — ремень и кобуру он носил лишь вместе с формой, а когда не был на службе, то держал при себе специальный полицейский револьвер 38-го калибра. Какого черта он потащил с собой этот «ругер» вместо более компактного оружия? Дело кончилось тем, что он затолкал револьвер в карман куртки. Придется не застегивать пальто, невзирая на непогоду, и не снимать его в помещении, чтобы не выдавать оружие.

Перед тем как выйти из отеля, он позвонил домой в Чарлстон и включил свой автоответчик. Джентри не ожидал получить сообщение от Натали, но думал о ней всю дорогу и мечтал услышать ее голос. Первая запись была оставлена ею. «Роб, это Натали. Сейчас два часа дня по сент-луисскому времени. Я только что добралась сюда и вылетаю следующим рейсом в Филадельфию. Кажется, мне удалось выйти на след Мелани Фуллер. Взгляни на третью страницу сегодняшней чарлстонской газеты, хотя в нью-йоркских это тоже может быть опубликовано. Массовые убийства в Джермантауне. Не знаю, зачем старой женщине понадобилось связываться с уличной бандой, но все произошло именно там. Сол говорил, что лучший способ искать этих людей — идти по следам бессмысленного насилия вроде этого. Обещаю не высовываться... просто осмотрюсь и проверю, не сможем ли мы здесь за что-нибудь уцепиться. Вечером позвоню и оставлю сообщение, когда буду знать, где я остановилась. Надо бежать. Будь осторожен, Роб».

— Черт, — тихо выругался Джентри, опуская телефонную трубку. Он снова набрал свой номер, выдохнул, когда его собственный голос попросил оставить сообщение, и после гудка произнес: — Натали, не смей останавливаться в Филадельфии или Джермантауне, или куда ты там еще отправилась. Кто-то видел тебя в канун Рождества. Если не хочешь оставаться в Сент-Луисе, приезжай ко мне в Нью-Йорк. Глупо бегать по отдельности и изображать Джо Харди и Нэнси Дру. Позвони мне сюда, как только получишь это сообщение. — Он назвал свой отель, номер комнаты, подождал и повесил трубку. — Черт, — повторил он и с такой силой грохнул кулаком по столу, что дешевая столешница задрожала.

Джентри доехал на метро до Гринвич-Виллидж и вышел около Сен-Винсента. В дороге он перелистал свою записную книжку, просмотрев все сделанные им записи: адрес Ласки, замечание Натали,

упоминание Сола о домохозяйке по имени Тима, его добавочный номер в Колумбии, телефон декана, которому Джентри звонил почти две недели назад, телефон покойной Нины Дрейтон. «Немного», — подумал он. Позвонив в университет, шериф убедился, что до следующего понедельника на факультете психологии никого не будет.

Местожительство Сола плохо согласовывалось с представлениями Джентри об образе жизни нью-йоркского психиатра. Он напомнил себе, что Ласки был скорее профессором, чем психиатром, и окрестности показались ему более подходящими. Дома были в основном четырех- и пятиэтажными, на углах улочек располагались магазины и рестораны, а общая скученность и компактность застройки создавали атмосферу маленького провинциального городка. Мимо прошли несколько пар, одна из них состояла из мужчин, державшихся за руки, но Джентри знал, что большинство местных обитателей сейчас в центре. Они сидят в издательствах, брокерских конторах, книжных магазинах, агентствах и других железобетонных клетках. Все они колеблются между должностью секретаря и вице-президента, зарабатывая необходимые тысячи для содержания двух- или трехкомнатных квартир в Гринвич-Виллидж, и мечтают о большом прорыве, неизбежном продвижении на более высокую ступень, перемещении в более просторный кабинет с эркерами и возвращении на такси в новый дом в районе Центрального парка.

Подул ветер. Джентри плотнее запахнул пальто и поспешил вперед.

Доктора Сола Ласки дома не оказалось, однако шерифа это не удивило. Он постучал еще раз и замер на узкой лестничной площадке, вслушиваясь в приглушенную болтовню телевизоров и детские крики, вдыхая запахи жареной говядины и капусты. Затем он вытащил из бумажника кредитную карточку и, отжав язычок замка, вошел в квартиру, сокрушенно качая головой. Сол Ласки являлся официально признанным экспертом по вопросам насилия, человеком, выжившим в лагере смерти, но безопасность его дома оставляла желать лучшего.

По меркам Гринвич-Виллидж у Сола была большая квартира: удобная гостиная, маленькая кухня, еще более крохотная спальня и просторный кабинет. Всюду — даже в ванной — было полно книг. Кабинет был завален блокнотами, папками, на многочисленных полках лежали тщательно надписанные вырезки из статей и сотни книг — многие на немецком и польском языке. Джентри

обошел все комнаты, на мгновение задержался рядом с рукописью, лежавшей у компьютера, и собрался уходить. Сам себе он казался взломщиком. Квартира выглядела так, словно в ней никто не жил много недель: кухня была безупречно чистой, холодильник — почти пустым, но отсутствие пыли и накопившейся почты свидетельствовало о том, что сюда кто-то приходит. Джентри удостоверился, что рядом с телефоном нет никаких записок, еще раз быстро осмотрел все комнаты, проверяя, не упустил ли он чего-нибудь важного, и тихо вышел из квартиры.

Спустившись на один лестничный пролет, шериф столкнулся с пожилой женщиной с седыми волосами, собранными в пучок на затылке. Он пропустил ее, а потом повернулся и спросил:

— Простите, мэм. Вы, случайно, не Тима?

Женщина остановилась и, подозрительно прищурившись, уставилась на шерифа:

— Я вас не знаю. — Она говорила с сильным восточноевропейским акцентом.

— Нет, мэм. — Джентри снял кепку. — И прошу прощения, что называю вас по имени, но Сол не упомянул вашей фамилии.

— Миссис Валижельски, — ответила женщина. — А вы кто?

— Шериф Бобби Джентри. Я друг Сола и пытаюсь разыскать его.

— Доктор Ласки никогда не упоминал никакого шерифа Джентри. — Она произнесла его имя, сильно подчеркнув «ж».

— Думаю, вы правы, мэм. Мы познакомились всего пару недель назад, когда он был в Чарлстоне. Это в Южной Каролине. Может, он говорил вам, что отправляется туда?

— Доктор Ласки просто сказал, что у него дела, — оборвала его женщина и запыхтела. — Можно подумать, я слепая и не вижу, что написано на авиабилете! Он обещал — два дня. Ну, может, три. На это время он попросил меня поливать в квартире цветы. Да они засохли бы уже дней десять назад, если бы я не приходила!

— Миссис Валижельски, вы видели доктора Ласки в течение последней недели? — прервал Джентри ее излияния.

Женщина поправила воротник пальто и не проронила ни слова.

— Мы с ним договорились, — продолжал шериф, — что он позвонит, когда вернется... То есть в прошлую субботу. Но я не получал от него никаких вестей.

— Он лишен чувства времени, — вздохнула она. — На прошлой неделе мне звонил из Вашингтона его родной племянник. Он сказал, что доктор Ласки должен был приехать к ним в субботу на

обед, но не приехал. Зная доктора Ласки, я уверена, что он просто забыл о своем обещании и отправился куда-нибудь на семинар. И что мне было отвечать его племяннику?

— Это тот самый, который работает в Вашингтоне? — уточнил Джентри.

— А какой же еще?

Он кивнул, поняв по позе и тону женщины, что она не расположена продолжать разговор и собирается идти по своим делам.

— Сол говорил, что я смогу связаться с ним через его племянника, но я потерял номер телефона. Он живет в самом Вашингтоне?

— Нет-нет, — откликнулась миссис Валижельски. — Это посольство. Доктор Ласки рассказывал, что сейчас они живут в пригороде.

— А Сол может быть в польском посольстве?

— Зачем это доктору Ласки идти в польское посольство? — прищурившись, осведомилась женщина. — Арон работает в израильском посольстве, но живет он не там. Значит, вы шериф? Интересно, какие могут быть общие дела у доктора с шерифом?

— Я поклонник его книг, — пояснил Джентри. Щелкнув авторучкой, он нацарапал на обороте своей блеклой визитной карточки адрес. — Я остановился вот здесь. А это номер моего домашнего телефона в Чарлстоне. Как только Сол появится, попросите его позвонить мне. Это очень важно. — И он двинулся вниз по лестнице. — О, кстати, — окликнул он женщину еще раз, — если я дозвонюсь до посольства, фамилия племянника Сола пишется с одним «е» или с двумя?

— Как может быть два «е» в фамилии Эшколь? — Миссис Валижельски недоуменно пожала плечами.

— Действительно, — хмыкнул Джентри и вприпрыжку побежал вниз.

Натали не объявилась. Джентри прождал до начала одиннадцатого, потом позвонил в Чарлстон и был вознагражден лишь ее прежним посланием и своей собственной тирадой. В десять минут двенадцатого он еще раз набрал номер, и снова ничего. В четверть второго ночи он сдался и попробовал заснуть, но из-за тонкой перегородки доносился такой шум, словно там ссорились с полдюжины иранцев. В три ночи Джентри опять позвонил в Чарлстон с тем же результатом. Он произнес еще один текст, извиняясь за

предыдущую грубость и умоляя девушку не болтаться одной по Филадельфии.

Рано утром Джентри еще раз связался со своим автоответчиком, оставил название вашингтонского отеля, где он забронировал номер, и успел на восьмичасовой рейс. Перелет был слишком коротким, чтобы как следует все обдумать, но зато у него было время изучить свои записи в блокноте и папке.

«Натали прочитала о взрывах в здании сената 20 декабря и опасалась, что это могло иметь отношение к Солу. Но не каждое убийство, несчастный случай или террористический акт в Америке стоит приписывать стареющему оберсту, злому гению доктора Ласки.

В телевизионных новостях высказывалось предположение, что за этими взрывами, в результате которых погибли шесть человек, стояли пуэрто-риканские националисты.

Нападение на здание сената было совершено всего несколько часов спустя после того, как Сол прибыл в город, и имя его в списке погибших не упоминается.

Хотя личность самого террориста не установлена, не следует впадать в панику. Но Натали это вряд ли убедит».

Джентри добрался до здания ФБР в начале двенадцатого. Он не знал, работает ли там кто-нибудь в субботу. Секретарша в приемной подтвердила, что агент по особым поручениям Ричард Хейнс на месте, и продержала Джентри несколько минут, дозваниваясь до этого делового человека, после чего объявила, что мистер Хейнс примет его. Джентри едва сдержал свою радость.

Молодой человек, в дорогом костюме и с тонкими усиками, проводил шерифа в отдел безопасности, где его сфотографировали, записали основные данные, пропустили через металлический детектор и выдали пластиковый пропуск посетителя. Джентри похвалил себя за то, что оставил «ругер» в номере. Молодой человек, не говоря ни слова, провел его по коридору, посадил в лифт, потом они прошли еще по одному коридору, и наконец провожатый постучал в дверь с табличкой: «Агент по особым поручениям Ричард Хейнс». Когда изнутри раздалось «войдите», парень кивнул и развернулся на каблуках. Джентри с трудом удержался, чтобы не окликнуть его и не сунуть чаевые.

Кабинет Ричарда Хейнса, просторный и искусно обставленный, резко контрастировал с кабинетом шерифа в Чарлстоне, маленьким и захламленным. На стенах висели фотографии. Джентри обратил внимание на мужчину с крупной челюстью и свинячьими глазками,

который вполне мог быть Эдгаром Гувером, — на снимке он пожимал руку кому-то похожему на Ричарда Хейнса, только с меньшим количеством седых волос. Натуральный Хейнс не поднялся с места и даже не протянул руку, а просто указал жестом на кресло, предлагая посетителю сесть.

— Что вас привело в Вашингтон, шериф? — осведомился он ровным баритоном.

Джентри поерзал в тесном креслице, пытаясь устроиться поудобнее, потом понял, что его комплекция исключает эту возможность, и откашлялся.

— Просто приехал на праздники, Дик, и решил заскочить, чтобы поздороваться.

Хейнс удивленно поднял бровь, продолжая перебирать бумаги:

— Очень мило с вашей стороны, шериф, хотя у нас тут довольно сумасшедшие выходные. Если вы по поводу убийств в «Мансарде», то я уже все отослал вам через Терри и наше отделение в Атланте, больше у меня нет ничего нового.

Джентри положил ногу на ногу и передернул плечами:

— Я случайно оказался поблизости и решил заскочить. У вас тут впечатляющая обстановочка, Дик.

Хейнс хмыкнул.

— А что это у вас с подбородком? — продолжил Джентри. — Похоже, кто-то хорошенько вам вмазал. Неприятности во время ареста?

Хейнс прикоснулся к пластырю на фоне крупного желтоватого синяка. Его не скрывал даже грим телесного цвета.

— Ничего особенного, шериф, — с печальным видом произнес он. — Поскользнулся, вылезая из ванны перед Рождеством, и стукнулся подбородком о вешалку для полотенец. Хорошо еще, что жив остался.

— Да, говорят, большинство несчастных случаев происходит дома, — проворковал Джентри, не обращая внимая на недовольный взгляд Хейнса, брошенный на часы. — Послушайте, а вы получили фотографию, которую мы вам послали?

— Фотографию? Ах да, той пропавшей женщины, мисс Фуллер? Спасибо, шериф. Она роздана всем нашим агентам.

— Это хорошо. — Джентри кивнул. — Ничего не слышно, где она может находиться?

— Фуллер? Нет. Я продолжаю считать, что она мертва. Думаю, ее тело нам никогда не удастся найти.

— Возможно, и так, — согласился Джентри. — Дик, я только что проезжал мимо Капитолия на автобусе и видел через улицу большое здание с полицейскими кордонами вокруг. Это то самое, как оно называется...

— Здание сената, — договорил Хейнс.

— Да, это там неделю назад террористы взорвали сенатора?

— Террорист, — поправил Хейнс. — Всего один. И сенатор от штата Мэн в это время отсутствовал. Был убит его политический советник, довольно известное лицо в партии республиканцев, по фамилии Траск. Больше никто из важных лиц не пострадал.

— Полагаю, вы участвуете в расследовании этого дела?

Хейнс вздохнул и отложил бумаги:

— У нас здесь довольно большое учреждение, шериф. А агентов не так много.

— Да, конечно, — согласился Джентри. — Говорят, террорист был пуэрториканец. Это так?

— Извините, шериф, мы не имеем права рассказывать о текущих расследованиях.

— Хорошо, хорошо... Скажите, а вы помните этого нью-йоркского психиатра, доктора Ласки?

— Соломон Ласки. — Хейнс наморщил лоб. — Преподает в Колумбийском университете. Да, мы выясняли, где он находился в уик-энд тринадцатого. В Чарлстон он, вероятно, приезжал, чтобы организовать презентацию своей будущей книги.

— Вполне возможно. Дело в том, что он должен был прислать мне кое-какие сведения об этих массовых убийствах, а теперь я не могу с ним связаться. Вы, случайно, не следили за ним? — поинтересовался Джентри как бы между прочим.

— Нет, — ответил Хейнс и снова посмотрел на часы. — С чего вдруг?

— Да, действительно, нет никаких оснований. Но мне казалось, что Ласки собирается сюда, в Вашингтон. По крайней мере, я думаю, он был здесь в прошлую субботу. В тот самый день, когда у вас произошла эта история с террористом в здании сената.

— Ну и что? — Хейнс равнодушно пожал плечами.

— Просто у меня такое ощущение, что этот парень пытается кое-что расследовать самостоятельно. Я думал, он здесь появлялся.

— Нет, — быстро ответил Хейнс и вздохнул. — Шериф, я бы с радостью еще поболтал с вами, но через несколько минут у меня назначена встреча.

— Конечно. — Джентри встал, комкая в руках кепку. — Вам надо обратиться к кому-нибудь.

— К кому? — не понял Хейнс.

— По поводу вашего синяка, — пояснил Джентри. — Могут быть осложнения...

Он прошел по Девятой улице, пересек Пенсильвания-стрит и миновал Министерство юстиции. Затем свернул по улице Конституции, прошел по Десятой мимо здания Налогового управления, снова свернул на Пенсильвания-стрит и взбежал по ступенькам старой почты. Похоже, за ним никто не следил. Он дошел до Першинг-парка и посмотрел на крышу Белого дома. Интересно, там ли сейчас находится Джимми Картер и чем он занимается? Может, размышляет о заложниках и винит иранцев в своем поражении?

Джентри сел на скамейку, вынул из кармана блокнот и перелистал страницы, плотно заполненные его почерком.

«Тупик.

А что, если Сол не в своем уме? Является ли он параноидным психом?

Нет.

А почему нет?

Просто нет.

О'кей, тогда куда он провалился? Надо пойти в Библиотеку Конгресса, просмотреть газеты за прошлую неделю, сообщения о смертях и несчастных случаях. Обзвонить больницы.

А что, если он находится в морге под именем пуэрториканца Джона Доу?

Глупо. Какое дело оберсту до советника сенатора?

Какое он имеет отношение к Кеннеди и Руби?»

Джентри закрыл блокнот, потер глаза и вздохнул. В Чарлстоне, когда он сидел на кухне Натали Престон и слушал рассказ Сола, все выглядело очень правдоподобно, все вставало на свои места. Разрозненные на первый взгляд убийства выстраивались в цепь трюков, которыми обменивались три маньяка, обладающие действительно невероятными возможностями. Но теперь все казалось глупостью. Если только... этих маньяков не было больше!

Джентри выпрямился. Ласки должен был с кем-то встретиться здесь, в Вашингтоне. Но несмотря на всю свою откровенность, он не сказал с кем. Может, с членами семьи? Но зачем? Джентри вспомнил, с какой болью Сол рассказывал об исчезновении наня-

того им детектива Фрэнсиса Харрингтона. Что, если он обратился к кому-нибудь за помощью? Например, к племяннику из израильского посольства? Может, кто-то еще вмешался в это дело? Тогда кто и с какой целью?

Джентри вздрогнул и плотнее запахнул пальто. День был ясным, слабое зимнее солнце золотило колючую поблекшую траву. Он нашел таксофон на углу рядом с отелем «Вашингтон» и воспользовался кредитной карточкой, чтобы позвонить в Чарлстон. От Натали по-прежнему не было никаких известий. Тогда Джентри набрал номер израильского посольства, который он переписал из справочника в холле отеля. Интересно, работает ли там кто-нибудь в субботу?

Ему ответил женский голос.

— Здравствуйте, — произнес Джентри, с трудом справляясь с внезапно возникшим желанием сказать «шалом». — Могу я попросить Арона Эшколя?

На другом конце провода возникла небольшая пауза, затем женщина спросила:

— Будьте любезны, кто его просит?

— Это шериф Роберт Джентри.

— Секундочку.

Секундочка вылилась в две минуты. Джентри стоял, сжимая обеими руками телефонную трубку, и взирал на здание казначейства на противоположной стороне улицы.

Если таких людей, как оберст, вампиров сознания, было много, то это объясняло все. Тогда понятно, зачем Уильяму Бордену потребовалось инсценировать собственную смерть. Понятно, почему за простым шерифом округа в течение полутора недель велась слежка. И почему, беседуя с известным агентом ФБР, Джентри поймал себя на остром желании врезать ему по зубам. И что случилось с замусоленными газетными вырезками, которые в последний раз видели на месте убийства...

— Да, — послышался в трубке мужской голос.

— Здравствуйте, мистер Эшколь. Это шериф Бобби Джентри...

— Это не мистер Эшколь, меня зовут Джек Коэн.

— А, мистер Коэн... Я бы хотел поговорить с Ароном Эшколем.

— Я возглавляю отдел мистера Эшколя. Вы можете сообщить мне свое дело, шериф.

— Вообще-то, мистер Коэн, у меня к нему дело личного характера.

— Вы друг Арона? — В голосе мужчины явно звучала тревога.

Джентри понимал, что творится нечто странное, но не мог определить, что именно.

— Нет, сэр, — ответил он. — Скорее, я друг дяди Арона, Соломона Ласки. Но мне непременно нужно поговорить с Ароном.

Повисло напряженное молчание. Наконец, вздохнув, Коэн сказал:

— Лучше, если бы вы прибыли сюда лично, шериф.

Джентри взглянул на часы:

— Боюсь, у меня нет на это времени, мистер Коэн. Если вы соедините меня с Ароном, я смогу выяснить, насколько это необходимо.

— Очень хорошо. Откуда вы звоните? Вы здесь, в Вашингтоне?

— Да, — ответил Джентри. — Из таксофона.

— Вы в самом городе? Вам объяснят, как добраться до посольства.

Джентри с трудом сдержал закипающую ярость:

— Я нахожусь рядом с отелем «Вашингтон». Свяжите меня с Ароном Эшколем или дайте мне его домашний телефон. Если мне понадобится встретиться с ним в посольстве, я просто возьму такси.

— Очень хорошо, шериф. Пожалуйста, перезвоните через десять минут. — И Коэн повесил трубку, прежде чем Джентри успел что-либо возразить.

Взбешенный, он ходил взад-вперед перед входом в отель, с трудом сдерживая желание собрать вещи и тут же вылететь в Филадельфию. Все это было чрезвычайно странно. Он знал, как сложно найти исчезнувшего человека в Чарлстоне, но там у него под рукой все же было шесть полицейских и в десять раз больше возможных источников информации.

Джентри перезвонил через восемь минут. Ему снова ответил женский голос:

— Да, шериф. Подождите секундочку, пожалуйста.

Он вздохнул и прислонился к металлическому каркасу телефонной будки. И тут что-то острое воткнулось ему в бок. Джентри обернулся и увидел рядом двух мужчин, стоявших как-то подозрительно близко. Тот, что был повыше, широко улыбался. Затем Джентри чуть опустил глаза и различил ствол пистолета.

— Мы сейчас пойдем к той машине и сядем в нее, — сказал высокий, по-прежнему улыбаясь. Он похлопал шерифа по плечу, словно они были старыми друзьями, встретившимися после долгой разлуки. Ствол еще глубже впился под ребра.

«Слишком уж этот здоровяк ко мне прижимается», — подумал Джентри. Он допускал, что ему удастся отбить оружие прежде, чем мужчина сможет выстрелить, но его напарник отошел на пять футов, продолжая держать правую руку в кармане плаща. Поэтому, что бы Джентри ни предпринял, у второго оставалась возможность выстрелить беспрепятственно.

— Ну, пошли, — сказал высокий.

И Джентри пошел.

Они неплохо прокатились — сначала на запад к мемориалу Линкольна, затем по Джефферсон-драйв к Капитолию, мимо здания Пентагона и обратно, хотя о достопримечательностях столицы никто не говорил. Широкий лимузин с кожаными сиденьями двигался бесшумно. Стекла были затемнены, дверцы запирались автоматически, переднюю и заднюю часть автомобиля разделяла звуконепроницаемая перегородка. Джентри усадили назад так, что он оказался зажатым между двумя неизвестными. Рядом на откидном сиденье расположился взъерошенный человек с седыми волосами, грустными глазами и уставшим, изъеденным оспинами лицом, которое тем не менее казалось красивым.

— Ребята, открою вам страшную тайну, — заметил Джентри. — Похищение людей в этой стране запрещено законом. Тем более шерифов...

— Не предъявите ли вы мне какое-нибудь удостоверение личности, мистер Джентри? — тихо попросил седовласый человек.

Джентри подумал, не произнести ли возмущенную обличительную речь, но потом просто пожал плечами и полез за своим бумажником. Никто не стал на него набрасываться, когда он сунул руку в карман, — перед тем, как сесть в машину, его обыскали.

— Похоже, вы — Джек Коэн, — заключил Джентри.

— Вы правы, — подтвердил мужчина, копаясь в его бумажнике. — А у вас полный порядок с удостоверениями, кредитными карточками и прочими документами, выданными на имя шерифа Роберта Джозефа Джентри.

— Друзья и коллеги зовут меня Бобби Джо, — заметил Джентри.

— Но нет на земле другого такого места, как Америка, где бы удостоверение личности значило меньше, — усмехнулся Коэн.

Джентри пожал плечами. Его подмывало объяснить им, насколько мало его это заботит, но вместо этого он спросил:

— А могу я взглянуть на ваше удостоверение личности?

— Я — Джек Коэн.

— Вы действительно начальник Арона Эшколя?

— Я возглавляю отдел переводов и внешних связей в посольстве, — пояснил седовласый мужчина.

— Это отдел, в котором работает Арон?

— Да, — кивнул Коэн. — А вы не знали этого?

— Может быть, один из вас троих — Арон Эшколь, откуда мне знать? — улыбнулся Джентри. — Я его никогда не видел и, судя по тому, как складывается ситуация, никогда не узнаю, кто из вас — он.

— Почему вы так говорите, мистер Джентри? — произнес мужчина ровным ледяным тоном.

— Считайте, что я догадался, — хмыкнул шериф. — Я прошу к телефону Арона, и все посольство пытается удержать меня на связи, пока вы, ребята, впрыгиваете в ближайший лимузин и рвете когти к отелю, чтобы под дулом пистолета свозить меня на экскурсию. И если вы те, за кого себя выдаете, хотя сейчас это трудно разобрать, ваше поведение не слишком соответствует тому, как должны вести себя посланники наших верных и зависящих от нас союзников на Ближнем Востоке. Подозреваю, Арон Эшколь убит или пропал без вести, и вы настолько расстроены этим обстоятельством, что тыкаете стволом под ребра законно избранному представителю власти.

— Продолжайте, — попросил Коэн.

— А пошли вы знаете куда! — отозвался Джентри. — Я уже все сказал. Объясните мне, что происходит, и я скажу, зачем я звонил Арону Эшколю.

— Мы можем поспособствовать тому, чтобы вы продолжили свое участие в этой беседе, другими средствами, — произнес Коэн, и отсутствие угрозы в его голосе сработало лучше, чем любое запугивание.

— Сомневаюсь, — ответил Джентри. — Если только вы те, за кого себя выдаете. Как бы то ни было, я не скажу ничего, пока вы не сообщите мне что-нибудь действительно стоящее.

Коэн бросил взгляд на мелькавшие за окном мраморные башни и снова посмотрел на шерифа.

— Арон Эшколь мертв, — проронил он. — Убит. Он, его жена и две четырехлетние дочери.

— Когда? — спросил Джентри.

— Два дня назад.

— В Рождество! — простонал Джентри. — Ну и праздничек выдался. Как его убили?

— Кто-то проткнул им головы проволокой, — безучастно произнес Коэн. Можно было подумать, что он описывает новый способ укрепления автомобильного двигателя.

— О господи, — выдохнул Джентри. — Почему я ничего не читал об этом?

— Там произошел взрыв с последующим пожаром, — пояснил Коэн. — Прокурор Виргинии классифицировал это как смерть вследствие несчастного случая — утечка газа. Связь Арона с посольством не была установлена агентствами властей.

— А ваши врачи нашли истинную причину их гибели?

— Да, — печально подтвердил Коэн. — Вчера.

— Но зачем было устраивать весь этот спектакль, когда я позвонил? — осведомился Джентри. — У Арона могло быть... нет, постойте. Я упомянул Сола Ласки. Вы думаете, что смерть Арона и его семьи каким-то образом связана с его родственником?

— Да. Именно так, — ответил Коэн.

— Так кто убил Арона Эшколя?

Коэн пристально взглянул на Джентри:

— Теперь ваша очередь, шериф.

Джентри помолчал, собираясь с мыслями.

— Вы должны отдавать себе отчет, — продолжил Коэн, — что, если Израиль сейчас оскорбит американских налогоплательщиков в этот чрезвычайно важный период отношений между нашими странами, последствия могут оказаться для него губительными. Мы готовы поступиться собственными желаниями, но освободим вас только в том случае, если вы докажете свою непричастность к этому трагическому событию. Если же вам не удастся убедить нас, то для всех заинтересованных сторон будет гораздо проще, если вы исчезнете.

— Хватит! — оборвал его Джентри. — Я думаю. — Они в третий раз проехали мимо мемориала Джефферсона и свернули на мост; впереди замаячил обелиск Вашингтона. — Десять дней назад Сол Ласки приехал в Чарлстон, заинтересовавшись убийствами в отеле «Мансарда»... Вы, наверное, слышали о них?

— Да, — кивнул Коэн. — Несколько стариков были убиты из-за денег, а заодно под раздачу попали пара невинных свидетелей, так?

— Приблизительно так, — усмехнулся Джентри. — Только одним из стариков оказался бывший нацист, скрывающийся под именем Уильям Борден.

— Кинопродюсер, — пояснил высокий израильтянин, сидевший слева от шерифа.

Джентри подпрыгнул — он почти забыл, что телохранители владеют даром речи.

— Да. Так вот, — продолжил он, — Сол Ласки охотился конкретно за этим нацистом в течение сорока лет — со времен Хелмно и Собибора.

— Это что? — осведомился молодой человек, сидевший справа от него.

Джентри удивленно повернулся к нему, но тут Коэн что-то резко сказал на иврите, и молодой человек залился краской.

— Этот немец... Борден... он погиб, не так ли? — осведомился Коэн.

— Во время авиакатастрофы... Якобы погиб... Но Сол придерживался другого мнения.

— Значит, доктор Ласки считал, что его старый мучитель все еще жив? — задумчиво произнес Коэн. — Но какое отношение имеет Борден ко всем этим убийствам в Чарлстоне?

Джентри снял свою кепку и почесал затылок.

— Сводит старые счеты... Сол и сам не мог сказать наверняка. Он просто чувствовал, что оберст — так он называл Бордена — каким-то образом связан со всем этим.

— Зачем Ласки встречался с Ароном?

— Признаться, я и не знал, что они встречались. — Джентри покачал головой. — До вчерашнего дня я вообще не знал о существовании Арона Эшколя. Сол вылетел из Чарлстона в Вашингтон, где он должен был с кем-то встретиться двадцатого декабря, однако с кем именно — не сказал. Он обещал держать со мной связь, но с тех пор, как он покинул Чарлстон, от него нет никаких вестей. Вчера я был в квартире Сола в Нью-Йорке и разговаривал с его домохозяйкой...

— Тимой, — вставил высокий телохранитель и тут же умолк под свирепым взглядом Коэна.

— Да, — подтвердил Джентри. — Она упомянула его племянника Арона, вот почему я приехал сюда...

— О чем же доктор Ласки хотел поговорить с Ароном? — спросил Коэн.

Джентри положил кепку на колени и развел руками:

— Если б я знал. У меня сложилось впечатление, что он хотел получить какие-то сведения о жизни Бордена в Калифорнии. Арон мог ему в этом помочь?

Прежде чем ответить, Коэн довольно долго молчал, закусив губу.

— Перед встречей с дядей Арон взял отпуск за свой счет на четыре дня, — наконец ответил он. — Бóльшую часть этого времени он провел в Калифорнии.

— Ему удалось что-либо выяснить? — спросил Джентри.

— Этого мы не знаем, — вздохнул Коэн.

— А откуда вам известно о его встрече с дядей? Сол приходил в ваше посольство?

Высокий произнес что-то предостерегающее на иврите, но Коэн не обратил на него внимания.

— Нет, — ответил он. — Доктор Ласки встречался с Ароном неделю назад в Национальной галерее. Арон и Леви Коул, его коллега по внешним связям, сочли эту встречу чрезвычайно важной. Судя по словам их друзей и коллег по отделу, Арон и Леви в течение той недели хранили в шифровальном сейфе какие-то папки, которым придавали огромное значение.

— Что было в папках? — не слишком надеясь на ответ, спросил Джентри.

— Это нам неизвестно. — Коэн пожал плечами. — Через несколько часов после того, как была убита семья Арона, Леви Коул ворвался в посольство и изъял все материалы. С тех пор его никто не видел. — Он устало потер переносицу. — И все это абсолютно необъяснимо. Леви — холостяк. У него нет семьи ни в Израиле, ни здесь, в Штатах. Он преданный сионист, бывший военный. Я не могу себе представить, чем его можно подкупить. С точки зрения логики они должны были уничтожить именно его, а Арона Эшколя — шантажировать. Вопрос только в том, кто такие *они*?

Джентри нечего было ответить. Он лишь тяжело вздохнул.

— Ладно, шериф, — сказал Коэн, — расскажите, пожалуйста, все, что могло бы нам помочь.

— Больше мне нечего добавить. Разве что могу пересказать вам историю Соломона Ласки.

«Но как я это сделаю, не вдаваясь в подробности? Не упомянув о способности тех вампиров овладевать сознанием людей? — подумал Джентри. — Они же не поверят мне. А если не поверят, я погиб».

— Нам нужно все, — жестко сказал Коэн. — Все с самого начала.

Лимузин пронесся мимо мемориала Линкольна и снова направился к зданию Капитолия.

Глава 21

Джермантаун
Суббота, 27 декабря 1980 г.

С помощью своего «Никона» со стотридцатипятимиллиметровым объективом Натали Престон пыталась запечатлеть противоречия умирающего города: кирпичные и каменные дома, банк, зажатый с двух сторон постройками восемнадцатого столетия, антикварные магазины, забитые сломанной рухлядью, пустые стоянки, заваленные мусором, грязные улочки и аллеи. Она зарядила в «Никон» черно-белую пленку «Кодак плюс-икс» и, не заботясь о зернистости, ставила длинные неторопливые экспозиции, чтобы было видно все до малейшей трещинки в стене.

Накануне она набралась мужества и зарядила свою «ламу» тридцать второго калибра. Теперь револьвер лежал на дне ее большой сумки под вторым картонным дном, заваленный ворохами пленки и крышками от линз.

Днем квартал выглядел не столь отталкивающе. Вчера вечером, после того как самолет приземлился, Натали, ощущая полную растерянность, позволила своему соседу, назвавшемуся Дженсеном Лугаром, отвезти ее в Джермантаун. Тот заверил, что ему это по пути. Его серый «мерседес» стоял на долгосрочной стоянке. Сначала Натали обрадовалась, что приняла это приглашение: путь был долгим — по оживленному шоссе, через двухуровневый мост в самый центр Филадельфии и за ее пределы, снова через автомобильную развязку, по скоростной автостраде и еще раз через реку. Наконец они выехали к вымощенной кирпичом Джермантаун-стрит, петлявшей между темных лачуг и пустых магазинов. К тому времени, когда они добрались до отеля, в котором Лугар посоветовал ей остановиться, Натали не сомневалась, что он вот-вот предложит подняться к ней в номер или показать ей свой дом, находящийся неподалеку. Но скорее всего, первое: у него не было на пальце обручального кольца, хотя это ничего не значило.

Однако она ошиблась. Он высадил ее перед старым отелем, помог с сумками, пожелал удачи и отбыл. У нее мелькнуло подозрение, что он голубой.

Около одиннадцати Натали позвонила в Чарлстон и оставила свой номер телефона и номер комнаты на автоответчике Роба. Она надеялась, что он позвонит в начале двенадцатого, возможно,

настаивая на том, чтобы она вернулась в Сент-Луис, но он не позвонил. Разочарованная, ощущая какую-то странную обиду и изо всех сил сопротивляясь желанию лечь и заснуть, она еще раз позвонила в Чарлстон в половине двенадцатого, но на пленке ничего не было, кроме двух ее звонков. Недоумевая и подсознательно испытывая некоторый страх, она легла спать.

При дневном свете все казалось более обнадеживающим. Хотя от Джентри так и не поступило никаких посланий, Натали позвонила в «Филадельфийский обозреватель» и, упомянув имя своего чикагского издателя, смогла получить некоторые сведения от редактора газеты. Подробности преступления все еще оставались покрыты мраком, очевидным было лишь одно: четверых членов банды обезглавили. Штаб братства Кирпичного завода располагался в городском благотворительном учреждении на Брингхерст-стрит, всего в миле с небольшим от отеля Натали на Челтен-стрит. Она нашла телефон учреждения, позвонила и назвалась репортером из «Сан-таймс». Священник по имени Билл Вудз назначил ей встречу на три часа и пообещал уделить пятнадцать минут.

Весь день Натали занималась осмотром Джермантауна, все дальше и дальше углубляясь в лабиринты улиц и запечатлевая их на пленку. Это место, как ни странно, обладало некоторой притягательностью. К северу и западу от Челтен-стрит высились большие старые здания, хотя и заселенные несколькими семьями, но все же сохранявшие намек на зажиточность их обитателей, к востоку же от улицы Брингхерст тянулись ряды полуразвалившихся двухквартирных домов, заброшенных машин, и повсюду царила атмосфера безнадежности.

За Натали следовала целая толпа хихикающих ребятишек, канючивших, чтобы она их сфотографировала. Натали не возражала. Над головой прогремел поезд, из раскрытой двери за полквартала от них раздался женский крик, и ребятишки рассеялись, как листья, унесенные ветром.

Посланий от Роба не было ни в десять, ни в двенадцать, ни в два. Натали решила, что надо дождаться одиннадцати вечера.

В три часа дня она постучала в дверь большого здания в стиле двадцатых годов, высившегося среди груд булыжника, закопченных многоквартирных домов и фабричных складов. Перила на крыльце были выломаны, окна на третьем этаже забиты досками, но кто-то потрудился недавно покрасить дом дешевой желтой краской, отчего он выглядел так, будто болен желтухой.

Преподобный Билл Вудз, неуклюжий белый мужчина, усадил ее на стул в захламленном кабинете на первом этаже и стал жаловаться на недостаток финансирования, бюрократические препоны для функционирования такого проекта, как общинный дом, и слабую помощь со стороны молодежи и общины в целом. Слова «банда» он не употреблял. Краем глаза Натали видела, как по коридорам ходят молодые чернокожие парни, со второго этажа и из подвала доносились крики и раскаты смеха.

— Могу я побеседовать с кем-нибудь из братства Кирпичного завода? — поинтересовалась она.

— О нет! — воскликнул Вудз. — Ребята ни с кем не хотят говорить, кроме телевизионщиков. Им нравится сниматься.

— Они живут здесь? — спросила Натали.

— О господи, конечно нет. Они просто часто собираются тут для отдыха и дружеских бесед.

— Мне надо переговорить с ними, — решительно сказала девушка и встала.

— Боюсь, это... эй, мисс, постойте, подождите!

Натали вышла в коридор, открыла дверь и поднялась по узкой лестнице. На втором этаже около дюжины парней толпились вокруг бильярдного стола или валялись на матрасах, раскиданных по полу, покрытому линолеумом. Окна были забраны стальными решетками, Натали насчитала четыре пневматические винтовки, стоявшие у подоконников.

Когда она вошла, все замерли.

— Тебе чего надо? — спросил высокий, невероятно худой парень лет двадцати с небольшим, опиравшийся на бильярдный кий.

— Я хочу поговорить с тобой.

— Ну и ну, — протянул бородатый юнец, лежавший на одном из матрасов. — Ты только послушай! Я хочу поговорить с тобой, — передразнил он. — Ты откуда свалилась, красотка? Из какого-нибудь долбаного южного штата?

— Мне нужно взять интервью. — Натали сама удивлялась, что у нее не подгибаются колени и не дрожит голос. — Об убийствах.

Повисло молчание, с каждой секундой становившееся все более угрожающим. Высокий парень, первым обратившийся к Натали, поднял свой кий и начал медленно приближаться к ней. В четырех футах от нее он остановился, вытянул руку и провел белым от мела концом кия сверху вниз между расстегнутыми полами ее куртки.

— Я дам тебе интервью, сука. Я с тобой пообщаюсь на полную катушку — ты меня поняла.

Натали заставила себя с минуту стоять неподвижно, затем сунула руку в карман и достала цветную фотографию, сделанную со слайда мистера Ходжеса.

— Кто-нибудь из вас видел эту женщину?

Парень с кием взглянул на снимок и жестом подозвал к себе мальчика, которому было не больше четырнадцати. Тот посмотрел, кивнул и вернулся на свое место у окна.

— Позовите сюда Марвина! — приказал тот, что с кием. — Живо, шевелите задницами.

Марвин Гейл — девятнадцатилетний темнокожий парень, синеглазый, с длинными ресницами, поражал своей красотой. Он был прирожденным лидером. Натали поняла это сразу, как только он вошел в помещение. Все каким-то неуловимым образом переменилось, и Марвин сделался всеобщим центром внимания. В течение десяти минут он требовал, чтобы Натали объяснила, кто эта женщина на фотографии. Еще десять минут Натали убеждала его сначала рассказать ей об убийствах, после чего пообещала ответить на все вопросы.

Наконец Марвин расплылся в широкой улыбке, обнажив восхитительные зубы:

— Ты уверена, что хочешь знать это, малышка?

— Да. — Она кивнула. «Малышкой» ее называл Фредерик, и ей резануло слух, когда она услышала это слово здесь.

Марвин хлопнул в ладоши.

— Лерой, Кальвин, Монк, Луис, Джордж, — перечислил он. — Остальные остаются здесь.

Послышался хор недовольных голосов.

— Тихо! — оборвал Марвин. — Мы находимся в состоянии войны, вам ясно? За нами продолжают охотиться. Если мы выясним, кто эта старая сука и какое она имеет к этому отношение, мы будем знать, кто нам нужен. Уясните себе это и заткнитесь.

Все разошлись обратно по своим матрасам, некоторые вернулись к бильярдному столу.

Было уже четыре часа, на улице начало темнеть. Натали застегнула молнию куртки, пытаясь приписать свои внезапные приступы дрожи порывам ветра. Они прошли на север по Брингхерст-

стрит, затем свернули на запад в узенький проулок. Фонари еще не горели. Время от времени пролетали редкие снежинки. Вечерний воздух был наполнен миазмами помоек и запахом прогоревшей сажи.

Они остановились у поворота, и Марвин указал пальцем на четырнадцатилетнего парнишку:

— Монк, расскажи, что тогда произошло.

Мальчик заложил руки в карманы и сплюнул на заиндевевшую траву.

— Мухаммед и остальные трое... они дошли досюда, понимаешь? Я шел за ними, но отставал. Темно было, как в преисподней. Мухаммед и Тоби нюхнули кокса и пошли добавить к брату Зига, в Пуласки-Тауне, а я так накурился, что не заметил, как они ушли. Потом побежал их догонять, понимаешь?

— Расскажи о белом ублюдке.

— Вонючий ублюдок, он вышел из этой улочки и показал Мухаммеду средний палец. Вот прямо здесь. Я был за полквартала отсюда — и то услышал, как Мухаммед охренел. Какой-то белый ублюдок — посылает Мухаммеда и трех братишек.

— Как он выглядел? — спросила Натали.

— Заткнись! — рявкнул Марвин. — Вопросы задаю я. Расскажи ей, как он выглядел.

— Он выглядел как сука, — сказал Монк и еще раз сплюнул. Не вынимая рук из карманов, он повернул голову и утер подбородок о собственное плечо. — Этот долбаный ублюдок выглядел так, словно его окунули в дерьмо, понимаешь? Так, как будто он целый год питался одними отбросами. Волосы такими сосульками, а лицо как будто завешено травой... И весь грязный — в глине или в крови, я не понял. — Монка передернуло.

— Ты уверен, что тот парень белый? — спросила Натали.

Марвин бросил на нее сердитый взгляд, но Монк вдруг разорался:

— О да, он был белый! Он был белый! Это истинная правда.

— Расскажи ей про серп.

Монк быстро закивал.

— И белый засранец как рванул к ним, а Мухаммед, Тоби и остальные стоят как вкопанные, не врубаются. Тут Мухаммед говорит, мочи гада, и они ломанулись ему навстречу. Без пушек, без нихера, с ножами только. Да и ладно, и так покромсают.

— Расскажи ей про серп.

— Ага. — Глаза Монка расширились так, что, казалось, вот-вот вылезут из орбит. — Я услышал шум и подошел, чтобы посмот-

реть. Не бежал, ничего такого не делал, понимаешь? Я не думал ни о каких убийствах. Просто решил посмотреть, что у них там происходит. Но этот белый ублюдок, он достал такой серп... ну, как в мультиках, знаешь?

— Каких мультиках? — спросила Натали.

— Черт, ну там старуха с черепом и с палкой, а на палке серп. Смерть, в общем... Она приходит, чтобы забирать мертвецов.

— С косой, что ли? — удивленно переспросила Натали. — Которой траву косят?

— Да, черт, — бросил Монк и повернулся к ней. — Только этот белый ублюдок скосил Мухаммеда и братишек. И быстро. О черт, как быстро. Но я видел, я прятался там... — Он указал пальцем на большую мусорную кучу. — Я дождался, пока он не ушел, а потом еще очень долго сидел, мне такое дерьмо ни к чему... А после, когда рассвело, я пошел рассказать Марвину, понимаешь?

Главарь сложил на груди руки и посмотрел на Натали:

— Ну что, с тебя достаточно, малышка?

Уже совсем стемнело. Далеко, в самом конце аллеи, виднелись огни Джермантаун-стрит.

— Почти, — ответила Натали. — И он... этот белый ублюдок убил всех?

Монк обхватил себя за плечи, его снова передернуло.

— Ты же сама знаешь... И не спешил к тому же. Ему, понимаешь, это нравилось.

— Они были обезглавлены?

— Чего?

— Она спрашивает, отрезал ли он им головы, — пояснил Марвин. — Расскажи ей, Монк.

— Да, они были обезглавлены. Он скосил им головы своей косой и потом добил лопатой. И насадил их на стояночные счетчики, знаешь?

— О господи, — выдохнула Натали. Снежинки падали ей на лицо и таяли на щеках и ресницах.

— Это еще не все, — продолжал Монк. Смех его стал таким хриплым и прерывистым, что больше походил на сдерживаемые с трудом рыдания. — Он еще вырезал им сердца. По-моему, он съел их.

Натали начала пятиться в ужасе, повернулась, чтобы бежать, но, не увидев вокруг ничего, кроме кромешной тьмы и гор кирпичей, замерла.

Марвин взял ее за руку:

— Пошли, малышка. Ты пойдешь с нами. Теперь твоя очередь рассказывать. Настало время поговорить серьезно...

Глава 22

Беверли-Хиллз
Суббота, 27 декабря 1980 г.

Тони Хэрод усердно долбил стареющую старлетку, когда позвонили из Вашингтона.

Тари Истен исполнилось сорок два, она была по меньшей мере на двадцать лет старше героини той роли, которую хотела получить в «Торговце рабынями», зато грудь у нее была в порядке. Хэрод поглядывал на нее снизу, пока Тари трудилась над ним, и ему казалось, что он различает бледно-розоватые линии на ее накачанной силиконом груди. Она выглядела настолько упругой, что почти не колыхалась, когда Тари подпрыгивала вверх-вниз, откинув плечи назад и открыв рот, восхитительно разыгрывая страсть. Хэрод не Использовал ее, он просто пользовался ею.

— Давай, малыш, давай. Дай мне, дай, — задыхаясь, шептала стареющая инженю, которую «Калейдоскоп» в 1963 году называл «новой Элизабет Тейлор». Но она стала всего лишь новой Стеллой Стивенс. — Дай мне, дай, — повторяла она с каждым выдохом. — Дай мне все, малыш.

Тони старался. За последние пятнадцать минут их страсть окончательно превратилась в тяжелый труд. Тари знала все нужные движения и выполняла их не хуже любой другой порнозвезды, с которой когда-либо работал Хэрод. Ее переполняла фантазия, она предвосхищала любое его желание, пытаясь доставить ему удовольствие каждым своим прикосновением, и старалась сосредоточить весь акт на самоотверженном поклонении пенису, которое, как она знала, нравилось любому мужчине. Она была самим совершенством. Но несмотря на все ее старания, Хэроду казалось, что с равным успехом он мог бы трахаться с дуплом в дереве.

— Давай, малыш. Сейчас, дай мне все сейчас, — задыхалась Тари, продолжая оставаться в образе и подпрыгивая на нем, как ковбойская красотка на механическом быке.

— Заткнись, — бросил Хэрод и попытался сосредоточиться, чтобы достичь оргазма.

Он закрыл глаза и вспомнил стюардессу, летевшую с ним из Вашингтона две недели назад. Неужели она была последней? Ах да, еще две немки, развлекавшие друг друга в сауне... Хотя нет, о Германии он вспоминать не хотел.

Чем больше они старались, тем слабее становилась эрекция у Хэрода. Пот с сосков Тари капал на его грудь. Хэрод вспомнил бесчувственную Марию Чэнь три года назад, ее смуглое обнаженное тело, покрытое потом, маленькие соски, твердеющие от холодной воды, когда он обтирал ее губкой, и капли влаги, поблескивающие на черном треугольнике лона.

— Давай, малыш, — шептала Тари, чувствуя приближение победного конца и энергично труся, как пони, завидевшая впереди долгожданную конюшню. — Отдай мне все, малыш.

И Хэрод отдал. Тари застонала, дернулась и застыла в наигранном экстазе, который явно тянул на премию за лучшее достижение, если бы «Оскаров» давали за оргазмы.

— О малыш, как ты хорош, — проворковала она, запуская пальцы в его волосы, приникая лицом к плечу и елозя по нему своими грудями.

Хэрод открыл глаза и увидел, что на телефоне мигает лампочка.

— Проваливай, — буркнул он.

Пока он сообщал Марии Чэнь, что возьмет трубку, Тари свернулась рядом клубочком.

— Хэрод, это Чарльз Колбен! — проревел знакомый грубый голос.

— Да?

— Ты сегодня же вылетаешь в Филадельфию. Мы встретим тебя в аэропорту.

Он оттолкнул руку Тари, тянувшуюся к его промежности, и закатил глаза.

— Хэрод, ты здесь?

— Да. А зачем в Филадельфию?

— Просто тебе надо быть там.

— А что, если я не хочу?

Теперь настала очередь Колбена промолчать.

— Ребята, я же вам сказал еще на прошлой неделе, что выхожу из игры, — продолжил Хэрод и посмотрел на Тари Истен.

Она курила сигарету с ментолом. Глаза у нее были синими и пустыми, как вода в бассейне Хэрода.

— Ниоткуда ты не выходишь! — заорал Колбен. — Ты знаешь, что случилось с Траском?

— Да.

— А это значит, что в Клубе Островитян открывается вакансия.

— Не уверен, что меня это интересует.

Колбен рассмеялся из трубки:

— Хэрод, несчастный тупица, ты бы лучше надеялся на то, чтобы мы не потеряли интерес к тебе. Как только мы его потеряем, твоим недоношенным друзьям из Голливуда придется отправиться на очередные похороны. Вылетай немедленно, двухчасовым рейсом.

Тони осторожно положил трубку, выбрался из кровати и влез в свой оранжевый халат с монограммами.

Тари, потушив сигарету, смотрела на него сквозь длинные ресницы. Ее распластанная поза напомнила Хэроду дешевый итальянский нудистский фильм, в котором снялась Джейн Мэнсфилд незадолго до того, как лишилась головы в автомобильной катастрофе.

— Малыш, — вздохнула Тари, явно преисполненная удовлетворения, — поговорим об этом?

— О чем?

— Конечно же, о проекте, глупый, — захихикала она.

— О'кей. — Хэрод подошел к бару и налил себе стакан апельсинового сока. — Он называется «Торговец рабынями» и основан на этой книжонке, которая прошлой осенью валялась на каждом прилавке. Режиссером будет Шу Уильямс. Мы заложили в бюджет двенадцать миллионов, но Алан считает, что мы превысим его еще на миллион до окончательного монтажа.

Хэрод чувствовал, что теперь Тари уже приближается к настоящему оргазму.

— Рони сказал, что я идеально подхожу на эту роль, — прошептала она.

— Ты ему за это и платишь. — Он жадно отпил ледяного сока. Рони Брюс был у Тари агентом и мальчиком для постели.

— Рони утверждал, что это твои слова. — Она слегка надулась.

— Да, мои, — сказал Хэрод. — Ты подходишь. — Он расплылся в улыбке. — Но, естественно, не на главную роль. Во-первых, ты на двадцать пять лет старше, у тебя толстая задница, а сиськи выглядят так, словно это надутые воздушные шары, которые того и гляди лопнут.

Тари издала такой звук, словно кто-то внезапно ударил ее в солнечное сплетение. Губы ее шевелились, но она не могла произнести ни слова.

Хэрод допил сок и почувствовал, как у него тяжелеют веки.

— У нас имеется эпизодическая роль тетушки героини, которая отправляется на ее поиски. Диалогов не много, но у нее есть хорошая сцена, когда арабы насилуют ее на базаре в Маракеше.

Из Тари начали вылетать отдельные слова:

— Какого же черта ты, паршивый кобель...

Хэрод расцвел в улыбке:

— Я говорю, может быть. Подумай об этом, малышка. Пусть Рони позвонит мне, и я приглашу его на ланч. — Он поставил стакан и направился к джакузи.

— Зачем понадобилось лететь среди ночи? — осведомилась Мария Чэнь, когда они висели где-то над Канзасом.

Хэрод выглянул в темный иллюминатор.

— По-моему, они просто хотят поиграть у меня на нервах.

Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на Марию. После Германии что-то изменилось в их отношениях. Хэрод закрыл глаза, снова представил себе шахматную фигуру, на которой было вырезано его собственное лицо, и вздрогнул.

— А почему в Филадельфию? — спросила Мария Чэнь.

Он начал сочинять какую-то замысловатую остроту о Филдсе[1], но потом решил, что слишком устал для легкомысленных ответов.

— Не знаю, — сказал он. — Там или Вилли, или эта Фуллер.

— А что ты будешь делать, если это Вилли?

— Буду уносить ноги. Надеюсь, ты мне поможешь. — Он огляделся. — Ты упаковала браунинг так, как я сказал?

— Да. — Она отложила в сторону калькулятор, на котором подсчитывала расходы, необходимые на гардероб. — А что, если это Фуллер?

За три ряда от них не было ни одного человека. Несколько пассажиров в салоне первого класса спали.

— Если это всего лишь она, то я ее убью, — сказал Хэрод.

— Ты или мы? — поинтересовалась Мария Чэнь.

— Я! — рявкнул Хэрод.

---

[1] *У. К. Филдс* (Уильям Клод Дюкенфилд, 1880–1946) — американский комик родом из Филадельфии. «Я предпочел бы находиться в Филадельфии» — такую надпись он якобы хотел выбить на своем надгробии.

— Ты уверен, что сможешь?

Он свирепо посмотрел на нее и отчетливо представил, как его кулак врезается в ее идеальные зубы. Ему даже показалось, что игра стоит свеч — арест, суд и все остальное, — лишь бы пробиться через ее чертово восточное самообладание. Хотя бы раз. Избить ее и изнасиловать прямо здесь, в первом классе самолета, летящего из О'Хары в Филадельфию.

— Уверен, — проронил он. — Она всего лишь несчастная старуха.

— Вилли ведь тоже был... старик.

— Ты видела, на что способен Вилли. Он спокойно перелетает из Мюнхена в Вашингтон, только чтобы отправить Траска на тот свет. Он сумасшедший.

— Ты еще ничего не знаешь о Фуллер.

Хэрод покачал головой:

— Она женщина. А ни одна женщина на свете не может быть так опасна, как Вилли Борден.

Они приземлились в Филадельфии за час до рассвета. Хэрод так и не смог заснуть. Начиная от Чикаго в салоне первого класса гулял такой сквозняк от вентиляторов, что теперь Хэроду казалось, будто под веки ему залили смесь клея с песком. Настроение у него еще больше испортилось, когда он увидел, что Мария Чэнь по-прежнему выглядит свежей и бодрой.

Их встретили три омерзительно чистеньких агента.

— Мистер Хэрод? — осведомился представительный мужчина с поблекшим синяком на подбородке, заклеенным пластырем. — Мы отвезем вас к мистеру Колбену.

Тони протянул ему свою сумку:

— Да, хорошо бы пошевеливаться. Я смертельно хочу спать.

Красивый агент передал сумку одному из своих помощников и повел их вниз по эскалаторам, через двери с табличками «Вход воспрещен» и наружу, на бетонированную дорожку между основным зданием аэропорта и комплексом частных ангаров. Грязная красно-желтая полоса на востоке намекала на восход солнца, но огни на взлетных полосах еще продолжали гореть.

— О черт! — с чувством выругался Хэрод.

Перед ними стоял готовый к взлету дорогой вертолет на шесть пассажиров, выкрашенный в оранжевые и белые цвета; его бортовые огни посверкивали, а двигатели уже слабо вращались. Один из агентов придержал дверцу, пока второй закидывал внутрь багаж

Хэрода и Марии Чэнь. Через стекла салона на них смотрел Чарльз Колбен.

— Черт, — повторил Хэрод, обращаясь к Марии Чэнь.

Та кивнула. Тони вообще терпеть не мог летать, но вертолеты он ненавидел больше всего. В то время как самый распоследний голливудский режиссер тратил треть своего бюджета, арендуя эти опасные безумные машины, и с ревом кружил и нырял над каждой съемочной площадкой, как маньяк с комплексом Иеговы, Тони Хэрод категорически отказывался подниматься над землей.

— Неужели у вас нет какого-нибудь паршивого наземного транспорта? — проорал он сквозь шум лопастей.

— Залезайте, — скомандовал Колбен.

Хэрод произнес еще несколько внушительных ругательств, после чего последовал в салон за Марией Чэнь. Он знал, что двигатели расположены над землей по меньшей мере в восьми футах, но ни один здравомыслящий человек не мог пройти под их невидимыми лопастями, не сгибаясь.

Тони и Мария еще возились с пристежными ремнями на мягком заднем сиденье, когда Колбен уже развернулся в своем кресле и, подняв вверх большие пальцы, подал пилоту знак взлетать. Хэрод решил, что тот вполне тянет на главную роль: потертая кожаная куртка, худое лицо с резкими чертами под козырьком красной кепки и глаза, взгляд которых говорил, что им привычен вид смертельного боя, а все остальное, менее волнующее, просто не представляет никакого интереса. Пилот произнес что-то в микрофон, закрепленный у него на голове, выжал вперед ручку управления, затем притянул ее чуть на себя. Вертолет взревел, приподнялся, нырнул носом вниз и полетел, стабильно держась в шести футах над землей.

— О черт, — пробормотал Хэрод. Ощущение было такое, будто он катил на доске с тысячью шарикоподшипников.

Они вышли из зоны, прилегавшей к ангарам и аэропорту, обменялись какими-то репликами с диспетчером и взмыли вверх. Прежде чем закрыть глаза, Хэрод успел различить внизу реку и огромную тушу нефтяного танкера.

— Старуха здесь, в городе, — сказал Колбен.

— Мелани Фуллер? — переспросил Хэрод.

— А ты думаешь, я о ком? — ухмыльнулся Колбен. — О Хелен Хейс?[1]

---

[1] *Хелен Хейс* (1900–1993) — знаменитая актриса театра и кино, лауреат двух «Оскаров» и множества других премий.

— Где она?

— Увидишь.

— Как вы ее нашли?

— Это наше дело.

— И что вы собираетесь делать?

— В свое время расскажем.

Хэрод открыл глаза:

— Люблю я с тобой разговаривать, Чак. Все равно что беседовать с собственными подмышками.

Колбен прищурился и улыбнулся:

— Тони, малыш, лично я считаю, что ты кусок собачьего дерьма, но мистер Барент почему-то полагает, что ты мог бы вступить в наш Клуб. Тебе представился счастливый случай, смотри не проморгай его.

Хэрод рассмеялся и снова закрыл глаза.

Мария Чэнь смотрела в иллюминатор на вьющуюся ленту серой реки. Справа тянулись ряды двухквартирных домов, покрывавшие все пространство кирпично-коричневой сеткой, прошитой автострадами, слева же раскинулся казавшийся бесконечным парк с низкими холмами, которые топорщились обнаженными деревьями и кое-где были припорошены заплатками снега. Поднялось солнце, повиснув золотым прожектором между горизонтом и низкими облаками, и сотни окон домов на склонах холмов отразили его свет. Колбен положил руку на колено Марии.

— Мой пилот — вьетнамский ветеран, — доверительно сообщил он. — Он как вы.

— Я никогда не была во Вьетнаме, — тихо ответила она.

— Нет, — поправился Колбен, и его рука скользнула вверх по ее бедру. Хэрод, казалось, спал. — Я имел в виду, что он — нейтрал.

Мария Чэнь сжала колени и пресекла рукой дальнейшие поползновения. Три остальных агента наблюдали за происходящим, а тот, у которого был травмирован подбородок, даже слегка улыбался.

— Чак, — проронил Хэрод, не открывая глаз, — ты левша или правша?

— А в чем дело? — ухмыльнулся Колбен.

— Я просто хотел узнать, сможешь ли ты заниматься мастурбацией, если я сломаю тебе правую руку. — Хэрод открыл глаза.

Колбен смотрел на него, не мигая. Трое агентов одновременно расстегнули плащи.

— Подлетаем, — сообщил пилот.

Колбен убрал руку с колена Марии и наклонился вперед.

— Посади нас рядом с центром связи, — распорядился он, хотя в этом не было никакой необходимости.

Внизу виднелся небольшой квартал с ветхими одноквартирными домами и заброшенными фабриками, обнесенный высоким строительным забором. В центре стоянки расположились четыре трейлера, а с южной стороны от них стояли машины и фургоны. На крышах одного из фургонов и двух трейлеров высились коротковолновые антенны. Посадочная площадка была размечена оранжевыми пластиковыми панелями.

Выйдя из вертолета, все пригнулись, проходя под вращающимися лопастями, за исключением Марии Чэнь. Ассистентка Хэрода шла выпрямившись, осторожно переступая лужи на своих высоких каблуках. Пилот остался в вертолете, лопасти продолжали вращаться.

— Небольшая остановка, — пояснил Колбен, направляясь к одному из трейлеров. — А потом тебя ждет работа.

— Единственная работа, которой я хотел бы заняться, — это поиски постели, — откликнулся Хэрод.

Два центральных трейлера, развернутые на север и на юг, соединялись широкой дверью. Западная стена была полностью заставлена телевизионными мониторами и пультами связи. За мониторами сидело человек восемь в белых рубашках и темных галстуках, время от времени они что-то говорили в микрофоны.

— Прямо центр управления космическими полетами, — заметил Хэрод.

Колбен важно кивнул:

— Это наш центр связи.

Сидевший за первым пультом «белый воротничок» поднял голову, и Колбен обратился к нему:

— Ларри, это мистер Хэрод и мисс Чэнь. Я пригласил их сюда взглянуть на нашу операцию.

Ларри кивнул, посчитав прибывших за высоких гостей, и Хэрод понял, что эти рядовые сотрудники ФБР ничего не знают об истинных целях операции.

— Что это такое на экране? — осведомился он.

— Это фасад дома на Квин-лейн, где находится подозреваемая и неизвестный парень вместе с некой Энн Мари Бишоп. Ей пятьдесят три года, она не замужем, после смерти брата в мае этого года живет одна, — объяснил Колбен. — Группа «Альфа» установила пункт наблюдения на втором этаже склада через дорогу. На следу-

ющем мониторе — тыльная сторона того же дома, снимается с третьего этажа одноквартирного дома, стоящего на другой стороне проулка. А на этом — вид проулка с передвижного фургона, прослушивающего телефонные переговоры.

— Она сейчас там? — Хэрод кивнул на черно-белые изображения маленького домика.

Колбен покачал головой и повел их к монитору, на экране которого виднелся старый каменный дом. Камера была установлена на уровне земли, на противоположной стороне оживленной улицы, и изображение время от времени перекрывалось проходящим транспортом.

— В данный момент она находится в Ропщущей Обители, — пояснил Колбен.

— Где? — опешил Хэрод.

— В Ропщущей Обители. — Колбен указал на две увеличенные фотокопии архитектурных планов, приколотые к стене над монитором. — Это историческая достопримечательность, в настоящий момент закрытая для посещений публики. Фуллер проводит там довольно много времени.

— Объясните-ка мне подробнее, — попросил Хэрод. — Интересующая нас старуха скрывается в здании национального памятника?

— Это не национальный памятник, — отрезал Колбен, — а всего лишь местная достопримечательность. Но она действительно проводит там бóльшую часть времени. Утром — по крайней мере в течение тех двух дней, что мы за ней наблюдаем, — Фуллер, вторая пожилая женщина и парень ходят в дом на Квин-лейн, вероятно, для того, чтобы помыться и поесть чего-нибудь горячего.

— Боже мой, — произнес Хэрод и снова оглядел агентов и оборудование. — И сколько людей у вас занимается этой работенкой, Чак?

— Шестьдесят четыре человека. Местные власти знают о нашем присутствии, но им велено не вмешиваться. Когда же дело дойдет до развязки, нам может потребоваться их помощь с регулировкой движения.

Хэрод ухмыльнулся и посмотрел на Марию Чэнь.

— Шестьдесят четыре человека, чертов вертолет и миллион долларов, потраченных на «Звездные войны», и все для того, чтобы поймать восьмидесятилетнюю шлюху! — (Ларри и еще несколько агентов недоумевающе посмотрели на него.) — Как следует ра-

ботайте, ребята, — подбодрил их Хэрод с издевкой в голосе. — Ваша страна гордится вами.

— Пройдем в мой кабинет, — холодно заметил Колбен.

Кабинеты находились в трейлерах, расположенных на южной окраине стоянки. Кабинет Колбена был чуть больше обычной клетки и чуть меньше комнаты.

— А что находится на другом конце этой конструкции? — осведомился Хэрод, когда он, Мария Чэнь и помощник директора ФБР расположились вокруг небольшого стола.

Колбен замялся.

— Камеры заключения и оборудование для проведения допросов, — ответил он наконец.

— Вы собираетесь допрашивать эту Фуллер?

— Нет, — произнес Колбен. — Она слишком опасна. Мы намереваемся уничтожить ее.

— У вас уже есть задержанные, которых вы допрашиваете?

— Возможно, — уклонился Колбен. — Тебе это знать не обязательно.

Хэрод вздохнул:

— О'кей, Чак, а что мне нужно знать обязательно?

Колбен бросил быстрый взгляд на Марию Чэнь:

— Ты не можешь здесь обойтись без своей Конни Чжен[1], Тони?

— Нет, — сказал Хэрод. — И только попробуй еще раз прикоснуться к ней. Боюсь, тогда Баренту придется заполнять еще одну вакансию в Клубе Островитян.

Колбен слегка улыбнулся:

— Нам с тобой предстоит решить кое-какие вопросы. Но это позднее. А пока мы должны завершить эту операцию, и тебе ради разнообразия придется поработать. — Он достал фотографию и протянул ее Хэроду.

Тони уставился на снимок, сделанный поляроидом. На нем была изображена симпатичная чернокожая девушка лет двадцати двух, стоящая на углу улицы в ожидании смены сигнала светофора. Вьющиеся волосы, короткая стрижка, на изящном овале лица выделялись выразительные глаза и полные губы. Слишком мешковатое верблюжье пальто не давало возможности оценить фигуру.

---

[1] *Конни Чжен* (р. 1946) — первая американка азиатского происхождения, ставшая ведущей «Вечерних новостей» на канале Си-би-эс.

— Миленькая крошка, — заметил он. — На главную роль, конечно, не тянет, но я мог бы пригласить ее на пробы или снять где-нибудь в эпизоде. Кто она такая?

— Натали Престон, — пояснил Колбен.

Хэроду это имя ничего не говорило.

— Ее отец оказался в зоне конфликта между Ниной Дрейтон и Мелани Фуллер несколько недель назад в Чарлстоне.

— И что же?

— А то, что он мертв, а юная мисс Престон вдруг объявляется здесь, в Филадельфии.

— Сейчас?

— Да.

— Вы думаете, она идет по следу шлюхи Фуллер?

— Нет, Тони, мы думаем, что безутешная дочь оставляет могилу своего папочки, бросает дипломную работу в Сент-Луисе и прилетает в Джермантаун из внезапно проснувшегося интереса к ранней истории Америки, — ухмыльнулся Колбен. — Естественно, она идет по следу старухи.

— А как же она ее нашла? — Хэрод не сводил глаз с фотографии.

— По банде, — сказал Колбен и, видя непонимание на его лице, добавил: — О господи, у вас что, в Голливуде нет газет и телевидения?

— Я был занят запуском фильма с бюджетом в двенадцать миллионов, — важно заметил Хэрод. — Что за банда?

Колбен рассказал ему о рождественских убийствах на Джермантаун-стрит.

— А с тех пор еще два, — добавил он. — Грязное дело.

— А каким образом эта сладкая шоколадка связала потасовку между местными ублюдками с Мелани Фуллер? — спросил Хэрод. — И как вы вообще отыскали здесь ее и эту старуху?

— У нас есть свои источники, — усмехнулся Колбен. — Что касается этой черной красотки, мы прослушивали ее телефон и телефон того чокнутого шерифа, с которым она общалась. Они оставляли презабавные послания друг другу на его автоответчике. Мы отправили в Чарлстон парня, который стер ненужные нам сообщения.

Хэрод покачал головой:

— Не понял. Какое отношение ко всему этому дерьму имею я лично?

Колбен поиграл костяным ножом для распечатывания писем.

— Мистер Барент решил, что это по твоей части, Тони.

— Что именно? — Хэрод вернул ему фотографию.

— Позаботиться о мисс Престон.

— Нет уж, спасибо. Мы договаривались только о Фуллер. Только о ней.

Колбен приподнял бровь:

— В чем дело, Тони? Эта малышка пугает тебя так же, как и перелеты? Чего ты еще боишься?

Хэрод потер глаза и зевнул.

— Займись этим, и, возможно, тебе не придется беспокоиться о Мелани Фуллер, — добавил Колбен.

— Это кто сказал?

— Мистер Барент сказал. Господи, Хэрод, ты получаешь бесплатный билет в самый элитный клуб, какие только знала история. Я подозревал, что ты недоумок, но такой глупости я от тебя не ожидал.

Хэрод еще раз зевнул.

— А кому-нибудь из вас, интеллектуальных паралитиков, не приходило в голову, что я не обязан выполнять вашу грязную работу? — поинтересовался он. — Ты сам сказал, что вы по нескольку раз в день снимаете старуху своими камерами. Замените одну из них на тридцать шестой калибр, и вопрос решен. А что за возня с этой малышкой Натали? Она тоже обладает Способностью или чем-нибудь еще?

— Нет, — ответил Колбен. — Натали Престон имеет степень бакалавра искусств, полученную в Оверлине, и на две трети сдала курс на право преподавания. Очень спокойная девушка.

— Тогда почему я?

— Взнос, — ответил Колбен. — Мы все платим взносы.

— И чего вы хотите? Арест и допрос?

— Нет необходимости, — бросил Колбен. — Все сведения, которые она могла бы нам предоставить, мы уже... э-э-э... получили из другого источника. Ее просто нужно вывести из игры.

— Окончательно?

Колбен издал смешок:

— А вы как думали, мистер Хэрод?

— Я подумал, может, отвезти ее в Беверли-Хиллз на небольшие принудительные каникулы? — Веки у него совсем отяжелели.

Колбен снова рассмеялся:

— Как хочешь. Но вопрос с этой шоколадкой, как ты ее назвал, должен быть решен окончательно. Тони, малыш, только чтобы без каких-либо промашек.

— Промашек не будет, — пообещал Хэрод и бросил взгляд на Марию Чэнь. — Вам известно, где она сейчас?

— Да. — Колбен взглянул на компьютерную распечатку. — Она все еще в отеле «Челтен» в двенадцати кварталах отсюда. Хейнс может отвезти вас туда.

— Прежде всего, я хотел бы, чтобы нам с Марией предоставили номера люкс в хорошем отеле. А затем — семь или восемь часов сна.

— Но мистер Барент...

— Имел я мистера Барента, — промолвил Хэрод с улыбкой. — Если ему не нравится, пусть сам охотится за этой малышкой. А теперь распорядись, чтобы Хейнс или кто там отвез нас в приличный отель.

— А как насчет Натали Престон? — продолжал настаивать Колбен.

Хэрод остановился у двери:

— Полагаю, она тоже находится под наблюдением?

— Конечно.

— Ну так попроси своих мальчиков, чтобы они еще часов восемь-девять повисели у нее на хвосте. — Он собрался идти, но вдруг замер и пристально посмотрел на Колбена. — Ты так и не ответил на мой вопрос, Чак. Если последние несколько дней Мелани Фуллер находится у вас под колпаком, чего вы тянете? Почему не покончите с ней и не уберетесь отсюда?

Колбен снова поиграл ножом.

— Мы просто хотим выяснить, осталась ли какая-нибудь связь между этой Фуллер и твоим старым приятелем мистером Борденом. Ждем, когда Вилли сделает промашку и высунет нос.

— И что же будет тогда?

Колбен улыбнулся и провел тупой стороной ножа себе по горлу:

— Тогда... тогда твой дружок Вилли пожалеет, что его не было рядом с Траском, когда взорвалась бомба.

Хэрода и Марию Чэнь поселили в отеле «Каштановые холмы» в семи милях от Джермантаун-стрит, в районе тенистых улиц и огороженных парков. Колбен тоже был зарегистрирован в этом отеле. Агент с травмированным подбородком распорядился, чтобы на улице в машине их дождался белокурый фэбээровец. Хэрод проспал часов шесть и проснулся разбитым, совершенно не понимая, где находится. Мария Чэнь смешала ему водку с апельсиновым соком и, пока он пил, присела на край кровати.

— Что ты собираешься делать с девушкой? — поинтересовалась она.

Хэрод поставил стакан и потер лицо:

— Какая тебе разница?

— Разница есть.

— Тебя это не касается.

— Мне поехать с тобой?

Тони уже думал об этом. Он чувствовал себя неуютно, когда его никто не прикрывал, но в данном случае необходимости не было. Чем больше он думал, тем менее необходимым ему это казалось.

— Нет, — ответил он. — Оставайся здесь и займись письмами от «Парамаунта». Это не потребует много времени.

Не говоря ни слова, Мария Чэнь вышла из комнаты.

Хэрод принял душ, надел шелковую рубашку, дорогие шерстяные брюки и черный пиджак с ворсом. Затем он набрал номер телефона, который ему дал Колбен.

— Эта девушка Натали все еще на месте? — спросил он.

— Она болтается в трущобах, но к обеду вернется в отель, — довольно рассмеялся Колбен. — Она проводит много времени с этой черной бандой.

— Той самой, которая лишилась своих членов?

Колбен снова расхохотался.

— Что смешного? — раздраженно спросил Хэрод.

— Которая лишилась своих членов, — продолжал хохотать Колбен. — Это полностью соответствует действительности. Два последних трупа были изрублены на куски, и у них отрезаны члены.

— О господи! — выдохнул Хэрод. — И ты думаешь, этим занимается Мелани Фуллер?

— Мы не знаем, — ответил Колбен. — Мы не видели, чтобы ее парень выходил из Ропщущей Обители в то время, когда происходили убийства, но она могла использовать кого-нибудь другого.

— А вы хорошо следите за этой Ропщущей Обителью?

— Можно было бы и получше. Но мы не можем поставить по спецмашине на каждой улочке — вдруг старуха что-нибудь заподозрит. Однако у нас хорошее прикрытие спереди, камера, целиком охватывающая задний двор, и весь квартал оцеплен агентами. Как только старая ведьма высунется, мы тут же ее схватим.

— Ну что ж, хорошо, — сказал Хэрод. — Слушай, если я сегодня закончу с этим вторым делом, я бы хотел утром убраться отсюда.

— Надо будет связаться с Барентом.

— К черту Барента! — разозлился Хэрод. — Я не собираюсь дожидаться, когда здесь появится Вилли Борден. На это уйдет слишком много времени, потому что Вилли мертв.

— Не так уж много, — возразил Колбен. — Нам дан зеленый свет заняться старухой.

— Сегодня?

— Нет, но довольно скоро.

— Когда?

— Мы скажем, если тебе надо будет это знать.

— Люблю беседовать с тобой, подмышка. — Хэрод положил трубку.

Молодой белокурый агент отвез его в город, показал отель «Челтен» и припарковал машину в соседнем квартале. Хэрод дал ему на чай двадцать пять центов.

Это был старый отель, старавшийся сохранить достоинство, несмотря на стесненные обстоятельства. Холл поражал своей пустотой, но бар был недавно отремонтирован, там царил приятный полумрак. Хэрод решил, что основные доходы отель получает от ланчей, на которые сюда заходят немногие оставшиеся в этом районе белые бизнесмены.

Нужную ему девушку он отыскал в баре. Она сидела в углу, ела салат и читала книгу в мягкой обложке. Выглядела она ничуть не хуже, чем на фотографии, к тому же терракотовый свитер плотно облегал ее полную грудь. С минуту Хэрод постоял у стойки бара, пытаясь выявить среди посетителей агентов ФБР. На эту роль идеально подходил одинокий парень со слуховым аппаратом и в излишне дорогом для такой дыры костюме. Через некоторое время Хэрод обратил внимание на толстого негра, который поедал густой суп из моллюсков и не сводил глаз с Натали. «Неужели они стали теперь нанимать в ФБР негров? — подумал Хэрод. — Тоже, наверное, своя квота». По меньшей мере еще один агент должен был сидеть в холле с газетой. Хэрод взял свой джин с тоником и направился к столику Натали Престон.

— Вы не возражаете, если я ненадолго составлю вам компанию?

Молодая женщина оторвалась от книги, и он прочел название: «Преподавание как деятельность по сохранению ценностей».

— Нет, — жестко сказала она, — возражаю.

— О'кей. — Хэрод нагло повесил пиджак на спинку стула и сел. — Зато я не возражаю.

Натали Престон открыла было рот, но Хэрод мгновенно проник в ее мозг и легко надавил... совсем чуть-чуть. Девушка онемела. Она попыталась встать и замерла на полпути. Зрачки ее сверкнули, как у кошки.

Тони улыбнулся и откинулся на спинку стула. Вокруг них в пределах слышимости не было ни одного посетителя.

— Тебя зовут Натали, — проговорил он, складывая руки на животе. — Меня — Тони. Как ты насчет того, чтобы разговаривать шепотом, но ни в коем случае не переходить на полный голос и не кричать?

Натали опустила голову и судорожно глотнула воздух.

— Ты неправильно играешь в эту игру, детка. Я спросил, как ты смотришь на то, чтобы немного поразвлечься?

Все еще с трудом переводя дыхание, словно после пробежки на длинную дистанцию, девушка подняла глаза и откашлялась. Поняв, что к ней вернулся голос, она прошептала:

— Пошел к черту... сукин сын...

Хэрод выпрямился.

— Неправильный ответ.

Он с интересом стал наблюдать, как Натали внезапно согнулась, охваченная нестерпимой головной болью. В детстве Хэрод страдал страшными мигренями и знал, как делиться своей болезнью с мнительными особами.

— С вами все в порядке, мисс? — поинтересовался проходивший мимо официант.

Натали медленно выпрямилась, как механическая кукла, у которой кончается завод, и хрипло прошептала:

— Да, со мной все в порядке, просто месячные спазмы.

Официант в смущении удалился. Хэрод расплылся в улыбке, наклонился вперед и погладил руку девушки. Та попыталась отдернуть ее, и ему пришлось приложить немало сил, чтобы не дать ей преуспеть в этом. Во взгляде Натали появилось выражение загнанного зверя, которое Хэроду всегда нравилось.

— Давай начнем сначала, — прошептал он. — Чем бы ты хотела заняться сегодня вечером, детка?

— Я хочу... сделать тебе... минет... — Каждое слово из нее приходилось вытаскивать чуть ли не клещами, но Хэрода это вполне устраивало. Огромные карие глаза Натали наполнились слезами.

— А что еще? — проворковал он. От прилагаемых усилий лоб его покрылся морщинами. Эта шоколадка требовала от него гораздо больше трудов, чем обычно. — Чем бы ты еще хотела заняться?

— Я бы... хотела... чтобы ты... меня... трахнул...

— Конечно, малышка. В ближайшие два часа лучшего занятия я себе и не придумаю. Пойдем в твой номер.

Они вместе поднялись из-за стола.

— Лучше оставь какие-нибудь деньги, — прошептал он.

Натали уронила на стол десятидолларовую купюру.

Проходя мимо двух агентов у бара, Хэрод подмигнул им. В холле, пока они ждали лифт, мужчина в темном костюме опустил газету и пристально посмотрел на них. Хэрод улыбнулся ему и недвусмысленно показал жестом, чем они собираются заняться. Агент залился краской и снова поднял газету. Ни в лифте, ни в коридоре третьего этажа они никого не встретили.

Хэрод взял у Натали ключ и открыл дверь. Пока он осматривал комнату, девушка стояла посередине, безучастно глядя перед собой. Чистенькая, но маленькая кровать, бюро, черно-белый телевизор на вращающейся подставке и открытый чемодан вместо вешалки. Хэрод достал из чемодана нижнее белье, провел им по своему лицу, заглянул в ванную и подошел к окну, рядом с которым спускалась пожарная лестница.

— Ну что ж, — весело промолвил он и, отодвинув от стены низкое зеленое кресло, сел. — Сначала небольшое шоу.

Натали стояла между ним и кроватью. Руки ее безвольно свисали по бокам, лицо ничего не выражало, но Хэрод видел по легким судорогам, пробегавшим по ее плечам, какие неимоверные усилия она прилагает. Он улыбнулся и усилил свою хватку.

— Всегда приятно посмотреть небольшой стриптиз перед тем, как лечь в постель, не правда ли?

Натали Престон медленно подняла руки и стянула свитер через голову. Ее большая грудь в старомодном белом лифчике внезапно напомнила Хэроду стюардессу в самолете две недели назад. Кожа стюардессы была настолько же бледной, насколько темными были щечки у этой малышки. Боже, зачем они носят эти простые, совершенно не возбуждающие лифчики?

Хэрод кивнул, и Натали завела руки за спину, чтобы расстегнуть застежку. Бретельки лифчика скользнули вниз, и он упал на пол. Хэрод посмотрел на светло-коричневые соски и облизнулся. Пусть она немного поиграет сама с собой, прежде чем займется им.

— Отлично, — прошептал он. — Теперь, я думаю, самое время...

И тут раздался оглушительный грохот. Хэрод обернулся как раз в тот момент, когда выбитая дверь рухнула внутрь и в проеме

возникла огромная фигура, загородившая собой свет, лившийся из коридора. Он еще успел подумать, что, как идиот, оставил свой браунинг в багаже Марии Чэнь.

Хэрод привстал, попробовал защититься руками, но что-то с тяжестью наковальни опустилось ему на голову, вжав в подушки кресла, а затем он полетел на пол, в теплый, затаившийся внизу мрак.

Глава 23
МЕЛАНИ

Винсента было трудно содержать в чистоте. Есть такие мальчишки, которые, кажется, источают грязь из всех своих пор. Не успевала я вычистить ему ногти, как через час под ними уже снова чернела траурная кайма. Мне приходилось постоянно бороться за то, чтобы он выглядел опрятно.

В Рождество мы отдыхали. Энн готовила еду, ставила на проигрыватель одну за другой праздничные пластинки и занималась стиркой, пока я читала Писание и размышляла над ним. День выдался тихим и спокойным. Несколько раз у Энн возникал порыв включить телевизор — до встречи со мной она смотрела его по шесть-восемь часов в день, — но моя обработка давала себя знать, и она тут же находила себе какое-нибудь другое занятие. В первую неделю своего пребывания здесь я и сама много времени проводила у экрана, пока однажды вечером в одиннадцатичасовых новостях не показали короткий сюжет о так называемых чарлстонских убийствах. «Полиция штата до сих пор разыскивает пропавшую женщину», — сообщила молодая дикторша. И тогда я решила, что больше в доме Энн Бишоп никто не будет смотреть телевизор.

В субботу, через два дня после Рождества, мы отправились с Энн по магазинам. В гараже у нее хранился «де сото» 1953 года. Это была отвратительная зеленая машина с решеткой на радиаторе, отчего она напоминала испуганную рыбу. Энн вела машину так осторожно и неуверенно, что, когда мы выехали из Джермантауна, я была вынуждена посадить на ее место Винсента. Энн указала нам дорогу, по которой мы выбрались из Филадельфии и направились к самому фешенебельному торговому центру «Прусский

король». Более глупого названия я еще не встречала. Мы ходили по магазинам в течение четырех часов, и я сделала несколько симпатичных приобретений, хотя, опять же, ни одно из них не могло сравниться с той восхитительной одеждой, которую я оставила в аэропорту Атланты. Я купила красивое пальто за триста долларов — темно-синее, с пуговицами цвета слоновой кости, и решила, что оно сможет защитить меня от пронизывающего холода северной зимы. Энн было приятно покупать мне разные вещи, и я не хотела препятствовать ее счастью.

Вечером я вернулась в Ропщущую Обитель. Так приятно было переходить из комнаты в комнату в свете колеблющегося пламени свечей, в сопровождении лишь теней да еле различимого шепота. Да, забыла упомянуть, что в магазине спортивных товаров Энн приобрела два дробовика. Молодой продавец, с грязными светлыми волосами и в таких же грязных кроссовках, был потрясен наивностью пожилой женщины, покупавшей оружие для своего взрослого сына. Он предложил два дорогих помповых ружья — двенадцатого и шестнадцатого калибра, в зависимости от того, на какую дичь собирался охотиться ее мальчик. Энн купила оба ружья и еще по шесть коробок патронов для каждого. И теперь, пока я переходила с канделябром из комнаты в комнату, Винсент в каменной прохладе кухни проверял и смазывал дробовики.

Раньше я никого не Использовала так, как Винсента. Если до сих пор я сравнивала его сознание с джунглями, то теперь все больше убеждалась, что эта метафора прекрасно отражает действительность. Образы, мелькавшие в сохранившихся участках его мозга, неизменно были связаны с насилием, убийством и разрушением. Я улавливала картины убийства членов его семьи — матери на кухне, отца в кровати, старшей сестры на кафельном полу ванной, но я не знала, это воспоминания о реальных событиях или просто фантазии. Сомневаюсь, что и сам Винсент отдавал себе в этом отчет. Я никогда не спрашивала его о семье, но, даже если бы и спросила, он не смог бы ответить.

Вообще Использование Винсента напоминало мне езду верхом на норовистой лошади — стоило только отпустить вожжи и предоставить ей делать все, что заблагорассудится. Он был невероятно силен для своего роста и телосложения, необъяснимо силен. Казалось, в самые неожиданные моменты весь его организм захлестывали волны адреналина, и тогда его мощь становилась поистине сверхчеловеческой. Мне очень нравилось разделять с ним это со-

стояние, хотя я и была всего лишь пассивной участницей. С каждым днем я чувствовала себя все моложе. Я знала, что, когда доберусь до своего дома на юге Франции, возможно в будущем месяце, я настолько помолодею, что даже Нина не сумеет меня узнать.

Рождественские праздники портили только ночные кошмары, связанные с Ниной. Они повторялись из ночи в ночь: Нина открывает глаза, мертвенно-бледная маска ее лица с дыркой во лбу, Нина поднимается из своего гроба — я вижу ее пожелтевшие острые зубы и голубые глаза в пустых глазницах черепа, окруженных полчищами белесых червей.

Мне не нравились эти сны.

В субботу вечером я оставила Энн на первом этаже Ропщущей Обители охранять дверь, а сама свернулась на кровати в детской и отдалась шепоткам, погрузившим меня в полудрему.

Винсент вновь вышел через подземный ход. Это будто символизировало появление на свет: длинный узкий коридор с наползающими друг на друга шероховатыми стенами, резкий запах земли, напоминающий медный привкус крови, узкий лаз в конце и, как взрыв света и звука, первый глоток свежего ночного воздуха.

Винсент пересек темный проулок, перепрыгнул через ограду, миновал пустую стоянку и нырнул во тьму следующей улицы. Ружья он оставил на кухне в Ропщущей Обители, захватив с собой лишь косу, предварительно укоротив ее деревянную рукоять на четырнадцать дюймов, и нож.

Я не сомневалась, что летом эти улицы запружены неграми: жирные негритянки сидят на ступеньках и мелют языками, как бабуины, или тупо смотрят на своих грязных, оборванных ребятишек, а расхлябанные особи мужского пола, без работы, без идеалов, без каких-либо видимых средств к существованию, околачиваются в барах или подпирают стены на углах. В тот же вечер, в разгар суровой зимы, на улицах было темно и тихо, узкие оконца занавешены, заперты двери одноквартирных домов. Винсент не просто двигался, как безмолвная тень, он поистине превратился в нее, перемещаясь с аллеи на улицу, с улицы на пустую стоянку, со стоянки во двор, нарушая при этом покой не больше, чем дуновение ветра.

Две ночи назад он выследил членов банды, которые собирались в большом старом здании, расположенном посреди заброшенных автостоянок, неподалеку от высокой эстакады надземки, врезавшейся в эту часть гетто, как Великая стена, в бесплодной по-

пытке некоторых более цивилизованных горожан оградиться от варваров. Лежа на промерзшей траве возле заброшенной машины, Винсент наблюдал.

Черные фигуры двигались перед освещенными окнами, словно карикатурные изображения на экране «волшебного фонаря». Наконец пятеро из них вышли из дома. Мне не удалось узнать их в тусклом свете, но это не имело значения. Винсент подождал, пока они не скроются в узком проулке возле эстакады, а затем двинулся следом. Как меня возбуждало безмолвное преследование, это скольжение в ночи, казалось, не требовавшее от него никаких усилий! Почти в кромешной тьме Винсент видел не хуже, чем большинство людей при дневном свете. Я словно разделяла мысли и чувства сильной и гибкой охотничьей кошки. Голодной кошки.

В компании были две девушки. Винсент замедлил шаг, когда группа остановилась. Он принюхался, вбирая в ноздри сильный, чуть ли не звериный запах чернокожих. Негры так же легко возбуждаются и так же быстро забывают о происходящем вокруг, как кобели, учуявшие суку в период течки. Эти две девицы были явно разгорячены. Вместе с третьим парнем, дожидавшимся своей очереди, Винсент смотрел, как две пары совокупляются в тени эстакады: обнаженные ноги девиц то разъезжались в стороны, то смыкались на дергающихся задах мужских особей. Все тело Винсента напряглось, не в силах противиться желанию тут же вступить в дело, но я заставила его отвернуться и дождаться, пока парни не удовлетворят свою похоть. Девицы с невинным и простодушным видом, как довольные помойные кошки, направились по своим домам, смеясь и переговариваясь. И тогда я спустила Винсента с цепи.

Он дождался, когда негры свернут за угол Брингхерст-стрит возле заброшенной обувной фабрики. Первый удар косы пришелся парню в живот, и, разрезав его пополам, лезвие вышло в районе позвоночника. Винсент не стал вытаскивать косу и бросился на второго с ножом. Третий негр пустился наутек.

Раньше, когда я ходила в кино еще до Второй мировой войны, пока фильмы не превратились в бездумную непристойную дешевку, мне всегда нравились сцены с испуганными цветными рабами. Помню, как смотрела в детстве «Рождение нации» и смеялась от души, когда цветные дети пугались кого-то, завернутого в простыню. Однажды, сидя в пятипфенниговом кинотеатре вместе с Ниной и Вилли на старом фильме Гарольда Ллойда, не требовавшем

субтитров, я заливалась смехом вместе со всем залом над туповатым ужасом Степина Фетчита. Припоминаю, как смотрела по телевизору старый фильм Боба Хоупа, еще до того, как вульгарность шестидесятых заставила меня навсегда распрощаться с телеэкраном, и хохотала над побелевшим от ужаса цветным помощником Боба, когда он оказался в каком-то доме с привидениями. Так вот, вторая жертва Винсента выглядела в точности как эти комики: огромное побелевшее лицо, вылезшие на лоб глаза, зажатый ладонью от ужаса рот, сведенные колени, трясущиеся ноги. Тишина детской в Ропщущей Обители была нарушена моим громким хохотом, и я не могла остановиться, даже когда Винсент пустил в ход нож и сделал то, что нужно.

Третьему парню удалось бежать. Винсент хотел последовать за ним, он рвался, как собака на поводке, но я заставила его повернуть обратно. Негр был лучше знаком с расположением улиц, Винсент же полагался главным образом на быстроту и неожиданность. Я понимала, насколько рискованна эта игра, и не хотела потерять мальчика после стольких вложенных в него трудов. Однако, прежде чем заставить его вернуться, я позволила ему окончательно разделаться с теми двумя. Его маленькие забавы не требовали много времени и удовлетворяли какое-то садистское начало в джунглях его сознания.

И вот, когда он снял куртку со второго, тут-то из нее и выпала фотография. Винсент был слишком поглощен своим занятием, чтобы обратить на это внимание, но я заставила его отложить косу и поднять снимок. На нем была изображена я с мистером Торном.

Я резко вскочила с постели у себя в детской.

Винсент сразу же направился домой. Встретив его на кухне, я вынула из его грязной окровавленной руки снимок. Никаких сомнений не оставалось: на расплывчатом изображении — вероятно, оно являлось увеличенным фрагментом более крупной фотографии — я была видна совершенно отчетливо, и мистер Торн тоже. Я сразу поняла, что это дело рук мистера Ходжеса. В течение многих лет мне доводилось наблюдать, как этот жалкий человечек со своей жалкой камерой делал любительские снимки своей несчастной семейки. Мне казалось, я принимала все меры предосторожности, чтобы не попасть случайно в кадр, но, очевидно, он все-таки однажды снял нас.

При свете свечей я сидела в холодной каменной кухне Ропщущей Обители и размышляла. Как этот снимок оказался у маль-

чишки? Значит, меня кто-то разыскивает, но кто? Полиция? Откуда они могли узнать, что я в Филадельфии? Нина?

Однако все мои догадки были лишены какого-либо смысла.

Я заставила Винсента вымыться в большой гальванизированной ванне, купленной Энн. Она принесла масляный обогреватель, но ночь выдалась холодной, и от тела Винсента, пока он купался, шел пар. Некоторое время спустя я помогла ему вымыть волосы. Ну и зрелище же мы представляли втроем: две благородные тетушки, купающие отважного юношу, только что вернувшегося с войны, его обнаженное тело в клубах пара и наши огромные тени, суетящиеся при свете старинных свечей на грубо отесанных стенах.

— Винсент, дорогой мой, — шептала я, втирая шампунь в его длинные волосы, — мы непременно должны узнать, откуда взялась эта фотография. Не сегодня, мой мальчик, сегодня на улицах будет слишком много народу, когда обнаружится твое «рукоделие». Но в самом ближайшем времени. И когда ты узнаешь, кто дал чернокожему снимок, ты приведешь этого человека сюда, ко мне.

Глава 24

Вашингтон, округ Колумбия
Суббота, 27 декабря 1980 г.

Сол Ласки лежал в стальном саркофаге и размышлял о жизни. Он вздрогнул от холодного потока воздуха, идущего из кондиционера, подтянул колени к груди и в подробностях попытался вспомнить весеннее утро на ферме своего дяди — золотистый солнечный свет, игравший на тяжелых ветвях ив, поле белых маргариток за каменной стеной амбара...

Его левое плечо и рука распухли, в висках пульсировала кровь, пальцы покалывало, а вены на правой руке болели от бесконечных уколов. Но Солу почему-то была приятна эта боль, он не сопротивлялся ей. Боль стала для него единственным маяком, на который он мог положиться в густом тумане медикаментозного дурмана и полной дезориентации.

Сол перестал ощущать время. Он отдавал себе в этом отчет, но ничего не мог поделать. Он помнил все подробности, по крайней мере до момента взрыва в здании сената, но они никак не хоте-

ли располагаться в нужной последовательности. То он лежал на узкой койке в холодной стальной камере с металлической дверью, уходящей в стену; то пытался зарыться в холодную солому, ощущая морозный ночной воздух, проникающий через разбитое окно, и чувствовал, что скоро за ним придут оберст и немецкие охранники с овчарками.

Боль была маяком. Несколько минут отчетливого сознания за эти первые дни после взрыва были отмечены болью. Нестерпимая боль, когда ему вправляли сломанную ключицу, — зеленые хирургические халаты в окружении антисептических средств явно могли относиться к любому лечебному заведению. Но далее последовал ледяной шок белых коридоров и обитой сталью камеры, люди в строгих костюмах с яркими бэджами, приколотыми к карманам и лацканам, и болезненные уколы, вызывающие галлюцинации и дискретность сознания.

Первые допросы также сопровождались болью. Их проводили двое — лысый коротышка и блондин с военной стрижкой. Лысый ударил Сола по плечу металлической дубинкой. Сол закричал, от боли из глаз невольно брызнули слезы, но внутренне он обрадовался — обрадовался тому, что сознание очистилось от тумана и мутных испарений.

— Вам известно мое имя? — осведомился лысый.

— Нет.

— Что вам говорил ваш племянник?

— Ничего.

— Кому еще вы рассказывали об Уильяме Бордене и других?

— Никому.

Может, до этого разговора, а может, позже — Сол точно не знал — боль растворилась в приятной дымке транквилизаторов.

— Вы знаете, как меня зовут?

— Чарльз Колбен, помощник по особым поручениям директора ФБР.

— Кто вам это сказал?

— Арон.

— Что еще вам рассказывал Арон?

Сол повторил весь разговор до малейших подробностей, которые мог припомнить.

— Кому еще известно о Вилли Бордене?

— Шерифу. Девушке. — И Сол рассказал о Джентри и Натали.

— Что вы еще знаете?

И он выложил все, что ему было известно.

Туман и видения наступали и отступали. Зачастую, когда Сол открывал глаза, он видел перед собой все ту же стальную камеру. Койка была прочно прикреплена к стене, уборная крохотная и без ручки спуска — вода сливалась автоматически через нерегулярные отрезки времени. Пища на стальных подносах появлялась, пока Сол спал. Он перебирался на металлическую скамью, съедал все принесенное и оставлял поднос. Когда он снова засыпал, поднос исчезал. Время от времени металлическая дверь открывалась и в камеру входили санитары в белых одеждах. Они делали уколы или вели его по голым коридорам в маленькое помещение с зеркалами на стене. Его ставили лицом к зеркалу, и Колбен или еще один тип в сером костюме задавал ему бесконечные вопросы. Если он отказывался отвечать, ему снова делали укол, и тогда у него возникало острое желание подружиться с этими людьми и рассказать им все, что они от него хотят. Несколько раз он ощущал, как кто-то — Колбен? — проскальзывал в его сознание, и тогда у него всплывали воспоминания сорокалетней давности о подобном насилии. Но такое случалось редко. Уколы же делали постоянно.

Сол перемещался во времени взад и вперед: то он окликал свою сестру Стефу на ферме дяди Моше, то пытался догнать отца в гетто в Лодзи, то засыпал гашеной известью трупы во рву, то пил лимонад и беседовал с Джентри и Натали или играл с десятилетними племянниками Ароном и Исааком на ферме Давида и Ребекки возле Тель-Авива.

Понемногу вызванная наркотиками дискретность сознания проходила. Разрозненные временные отрезки увязывались воедино. Свернувшись на голом матрасе — одеяла не было, а из-за стальной решетки немилосердно дуло, — Сол размышлял о себе и своей лжи. Оказывается, он лгал себе многие годы. Поиски оберста были ложью, оправдывавшей его бездействие. Его деятельность психиатра тоже была ложью, способом отодвинуть свои страхи на безопасное академическое расстояние. Его служба в качестве санитара во время трех израильских войн также представляла собою самообман, позволявший избегать конкретных действий.

Пребывая в сером мареве между наркотической нирваной и болезненной действительностью, Сол угадывал в истинном свете свою многолетнюю ложь. Он оправдывал себя вымышленными причинами, когда в Чарлстоне рассказывал шерифу и Натали о Нине и Вилли. Втайне он надеялся, что это подвигнет их к како-

му-либо действию. С себя же он груз ответственности за необходимость отомстить снимал и перекладывал на плечи других. Он обратился к Арону с просьбой найти Фрэнсиса Харрингтона не потому, что был слишком занят, а потому, что подсознательно желал, чтобы все за него сделали Арон и Моссад. Теперь он понимал, зачем двадцать лет назад рассказал Ребекке об оберсте: не признаваясь себе в этом, он тайно надеялся, что она сообщит Давиду, а Давид в своей энергичной американо-израильской манере займется этим...

Сол содрогнулся, подтянул колени к груди и замер, обозревая вереницу лжи, которая прошла через всю его жизнь. За исключением редких минут, как, например, в Хелмно, когда он скорее готов был убить, чем позволить увести себя в ночь, вся его жизнь являлась гимном бездействию и компромиссу. И казалось, власть имущие ощущали это. Теперь он понимал, что его назначение на работу в ров в Хелмно и на сортировочный узел в Собиборе было не просто случайностью или удачей: те негодяи, что распоряжались его жизнью, каким-то образом чувствовали, что Сол Ласки по натуре прирожденный капо, союзник, человек, которого можно спокойно использовать. Он не мог взбунтоваться, броситься на колючую проволоку, отдать свою жизнь за других даже для спасения хотя бы собственного достоинства. Его бегство из Собибора и за пределы охотничьих угодий оберста было не закономерным, а чисто случайным — он просто поддался течению не зависевших от него событий.

Сол выкатился из кровати и замер, покачиваясь, посреди своей крохотной стальной камеры. На нем был надет серый комбинезон, очки отобрали, поэтому металлическая стена, находившаяся в нескольких футах, расплывалась и казалась нематериальной. Левая рука Сола была на перевязи, но сейчас он вынул ее, и она свободно свисала вдоль тела. Он осторожно пошевелил пальцами, и его плечо и шею пронзила острая боль, отрезвляющая сознание. Он еще раз пошевелил рукой. И еще раз. Затем, спотыкаясь, добрел до стальной скамейки и тяжело рухнул на нее.

Джентри, Натали, Арон и его семья — над всеми ними теперь нависла ужасная опасность. Но со стороны кого?

Он почувствовал сильное головокружение и, склонив голову, застонал. Почему он оказался настолько глуп, что приписал эти страшные способности лишь оберсту и тем пожилым женщинам? И сколько еще было таких, кто разделял с Борденом его пристра-

стия и таланты? Из груди Сола вырвался хриплый смех. Он посвятил в свою историю Джентри, Натали и Арона, не имея ни малейшего представления, как бороться даже с одним оберстом! Он не предполагал, что все они — его друзья, его близкие — могут попасть в какую-либо ловушку. Вилли Борден ни о чем не догадывается, а непричастность этих людей служила как бы гарантией их безопасности. Но что же он надеялся сделать дальше? На что рассчитывал? На выстрел из моссадовской «беретты» двадцать второго калибра?

Сол прислонился к холодной металлической стене. Скольких же людей он погубил из-за собственной трусости и бездействия? Стефу. Йозефа. Своих родителей. А теперь, почти наверняка, шерифа и Натали. Фрэнсиса Харрингтона. Сол снова застонал, вспомнив утробное «Auf Wiedersehn» в кабинете Траска и последовавший затем взрыв. За мгновение до этого оберст каким-то образом дал возможность Солу взглянуть на происходящее глазами Фрэнсиса, и Сол уловил загнанное в угол перепуганное сознание Харрингтона, оказавшегося пленником в своем собственном теле и безвольно ожидающего неизбежного конца. Сол посылал его в Калифорнию. С ним были его друзья Селби Уайт и Деннис Лиланд. Значит, еще две жертвы на алтаре трусости Сола Ласки...

Он не понимал, почему они вдруг решили сделать перерыв, перестав колоть ему наркотики. Возможно, он, доктор Ласки, больше не нужен им, и в следующий раз, когда за ним придут, его отведут на казнь. Но ему уже было все равно. Он чувствовал, что его, словно электрическим током, пронзает ярость. Перед тем как неизбежная, давно ожидаемая пуля разнесет ему голову, он должен совершить поступок. Он нанесет кому-нибудь ответный удар. В это мгновение Сол Ласки с радостью отдал бы свою жизнь, только чтобы предупредить Арона, Джентри и Натали, но с еще большей готовностью он отдал бы их жизни, чтобы отомстить оберсту или любому из этих надменных негодяев, управлявших миром и посмеивавшихся над страданиями людей, которых они использовали как пешек.

Дверь с лязгом поползла в сторону, и в камеру вошли трое высоких мужчин в белых комбинезонах. Сол с трудом поднялся и, подойдя к ним на заплетающихся ногах, вмазал первому по физиономии.

Удар не достиг цели. Мужчина рассмеялся, легко перехватил его руку и завел ее за спину.

— Смотри-ка, старый еврейчик хочет с нами поиграть.

Сол попробовал сопротивляться, но здоровяк справился с ним, как с ребенком. Второй закатал ему рукав и достал шприц. Сол стиснул зубы, стараясь не заплакать.

— Сейчас будем бай-бай, — сказал третий и ввел иглу в исхудавшую исколотую руку. — Приятного путешествия, старина.

Они выждали с полминуты, потом отпустили его и повернулись к двери. Сжав кулаки, Сол сделал несколько неуверенных шагов в их сторону, но потерял сознание еще до того, как захлопнулась дверь.

Ему снилось, что его куда-то ведут и он послушно переставляет ноги. До него донесся звук работающих авиадвигателей, он ощутил застоявшийся запах табачного дыма. Потом его снова куда-то вели, поддерживая под руки. Свет горел нестерпимо ярко, а когда он закрыл глаза, то услышал перестук колес поезда, увозившего его в Хелмно.

Очнулся Сол в удобном кресле и через некоторое время по ровному ритмичному гулу сообразил, что находится в вертолете. Глаза его были закрыты. Под головой лежала подушка, но щекой он ощущал поверхность не то стекла, не то пластика. До слуха долетали приглушенные мужские голоса и звуки радиосвязи. Хотя очки снова были на месте, Сол не стал открывать глаза, надеясь собраться с мыслями и уповая на то, что захватившие его люди не обратят внимания на окончание срока действия наркотика.

— Я знаю, что вы проснулись, — раздался рядом мужской голос.

Сол уже где-то слышал его. Он открыл глаза, превозмогая боль, повернул голову и поправил очки. В темном салоне в пассажирских креслах сидели трое мужчин. В красном свете приборной доски виднелись фигуры пилота и его помощника. За иллюминатором справа разглядеть что-либо было невозможно, а слева от Сола расположился агент по особым поручениям Ричард Хейнс. Он перелистывал какие-то бумаги при свете крохотной лампочки над головой. Сол откашлялся и облизнул сухие губы, но Хейнс опередил его:

— Мы садимся через минуту. Приготовьтесь. — На подбородке агента все еще оставался след от синяка.

Сол вспомнил о вопросах, которые хотел задать, но решил не делать этого. Он опустил глаза и только теперь заметил, что его левая рука была прикована наручниками к правой руке Хейнса.

— Сколько времени? — спросил он, и голос его прозвучал как воронье карканье.

— Около десяти.

Сол вгляделся во тьму за иллюминатором и понял, что десять вечера, а не утра.

— Какой сегодня день?

— Суббота, — с легкой улыбкой ответил Хейнс.

— Число?

Фэбээровец замешкался и слегка передернул плечами:

— Двадцать седьмое декабря.

Сол закрыл глаза от внезапно накатившего на него приступа головокружения. Значит, потеряна неделя. Но ему казалось, что прошла вечность. Нестерпимая боль пронзила левую руку и плечо. Оглядев себя, он увидел, что одет в чужой темный костюм, белую рубашку и галстук. Сол снял очки. Стекла были подобраны правильно, однако оправа новая. Он внимательно рассмотрел пассажиров вертолета. Из всех он знал только Хейнса.

— Вы работаете на Колбена, — медленно проговорил Сол. Агент не ответил, и он продолжил: — Вы ездили в Чарлстон убедиться, что местная полиция так и не догадалась, что же произошло на самом деле. И вы забрали из морга альбом с вырезками Нины Дрейтон.

— Пристегните ремень, — откликнулся Хейнс. — Мы сейчас будем садиться.

Ничего прекраснее Сол еще не видел в своей жизни. Сначала он решил, что это коммерческий океанский лайнер, расцвеченный огнями и сияющий белизной на фоне темно-зеленых вод, но по мере того, как вертолет приближался к яркому оранжевому кресту на палубе, понял, что это частная яхта, элегантная, изящная, длиной чуть ли не с футбольное поле. В свете регулировочных прожекторов вертолет мягко опустился на палубу. Четверо пассажиров вышли из салона, не дожидаясь, пока утихнут двигатели. Когда они отошли от вертолета и смогли выпрямиться, Хейнс отстегнул наручники и засунул их в карман своего пальто. Сол потер запястье чуть ниже вытатуированных синих цифр.

К ним тут же подошли несколько членов экипажа в белых кителях.

— Сюда.

И процессия двинулась вверх по направлению к широкому проходу. Ноги у Сола подгибались, хотя судно стояло неподвижно, и Хейнсу дважды пришлось поддержать его. Сол вдыхал теплый,

влажный тропический воздух, насыщенный приглушенными ароматами джунглей, и заглядывал через открытые двери в полутьму кают, кабинетов и баров, мимо которых они проходили. Полы везде были устланы коврами, стены обиты деревом, искусно выполненные интерьеры украшены медью и золотом. Яхта выглядела как плавучий пятизвездочный отель.

Они поднялись на лифте в отдельную каюту с балконом, который скорее представлял собой крыло ходового мостика. В каюте сидел мужчина в белоснежном пиджаке, держа в холеной руке высокий бокал. За его спиной, возможно в миле от яхты, виднелся остров. Пальмы и другую разнообразную тропическую растительность освещали сотни японских фонариков, дорожки были обозначены белыми огнями, а длинный пляж заливали десятки прожекторов, и над всем этим в вертикальных лучах подсветки высился огромный замок, будто декорация из какого-то исторического фильма.

— Вы меня знаете? — осведомился мужчина, сидевший в шезлонге.

Сол прищурился:

— Это что, реклама потребительских кредитов?

Хейнс подсек Сола сзади под колени, и тот повалился на пол.

— Можете оставить нас, Ричард.

Когда вся группа сопровождающих во главе с Хейнсом вышла, Сол, преодолевая боль, поднялся на ноги.

— Вы знаете, кто я такой?

— Вы — К. Арнольд Барент, — ответил Сол. — Как расшифровывается К., кажется, никто не знает.

— Кристиан, — улыбнулся Барент. — Мой отец был очень верующим человеком. Но в то же время он не был лишен чувства юмора. — Барент указал на соседнее кресло. — Садитесь, пожалуйста, доктор Ласки.

— Я не хочу. — Сол отошел к перилам балкона или мостика. Тридцатью футами ниже плескалась вода. Крепко сжав руками перила, он посмотрел на Барента. — А вы не рискуете, оставаясь со мной наедине?

— Нет, доктор Ласки, — произнес Барент. — Я никогда не рискую.

Сол кивнул в сторону замка, сиявшего во тьме:

— Это ваш?

— Нашей организации. — Барент сделал глоток из бокала. — Вы догадываетесь, почему вы здесь, доктор Ласки?

Сол поправил очки.

— Мистер Барент, я даже не знаю, что вы имеете в виду под словом «здесь». Я вообще не понимаю, почему до сих пор жив.

— Ваше второе замечание весьма уместно, — признал он. — Полагаю, ваш организм уже в достаточной степени освободился от... э-э-э... транквилизаторов, чтобы вы оказались в состоянии прийти к каким-то выводам на этот счет.

Сол сжал губы. Он ощутил, насколько в действительности ослаб от недоедания и обезвоживания. Вероятно, потребуются недели, чтобы окончательно избавиться от последствий наркотического воздействия.

— Наверное, вы полагаете, что я укажу вам путь к оберсту? — спросил он.

Барент рассмеялся:

— К оберсту! Как забавно. Видимо, вы называете его так, исходя из ваших... э-э-э... странных взаимоотношений. Скажите мне, доктор Ласки, неужели лагеря были так ужасны, как об этом рассказывают средства массовой информации? Я всегда подозревал, что они пытаются, может бессознательно, слегка усугубить реальную картину, чтобы как-то избавиться от чувства вины.

Сол пристально посмотрел на собеседника, вбирая в себя все подробности его облика — безупречный загар, шелковый пиджак, мягкие туфли от Гуччи, аметистовое кольцо на мизинце... Ему не хотелось отвечать.

— Ну, не важно, — продолжил Барент. — Конечно, вы правы. Вы до сих пор живы только потому, что являетесь посланником мистера Бордена, а нам бы очень хотелось побеседовать с этим джентльменом.

— Я не посланник, — резко сказал Сол.

Барент махнул рукой с ухоженными ногтями.

— Ну, тогда само послание, — поправился он. — Разница небольшая.

Раздались звуки гонгов, яхта начала разворачиваться и набирать обороты, словно намереваясь обойти остров. Сол увидел, как пристань озарилась ртутными лампами.

— Мы бы хотели, чтобы вы кое-что передали мистеру Бордену, — продолжил Барент.

— Боюсь, у меня не будет возможности сделать это, пока вы накачиваете меня наркотиками и держите в стальной камере. — Впервые с момента взрыва у Сола забрезжила какая-то надежда.

— Очень справедливое замечание, — согласился Барент. — Мы проследим, чтобы у вас появилась возможность встретиться с ним там, где... э-э-э... он сам захочет.

— Вам известно местонахождение Уильяма Бордена? — удивился Сол.

— Мы знаем, где он решил действовать.

— Если я встречусь с ним, то убью его.

Барент тихо рассмеялся. У него были идеальные зубы.

— Очень сомневаюсь, доктор Ласки. И тем не менее мы будем благодарны, если вы передадите ему наше послание.

Сол глубоко вдохнул морской воздух. Он не понимал, зачем он нужен этим людям в качестве посыльного, не знал, почему ему позволяют руководствоваться собственной волей, и не мог представить, что с ним случится, когда поручение будет выполнено. Голова у него кружилась от слабости и наркотиков, он едва держался на ногах.

— Что же ему надо передать?

— Скажите Вилли Бордену, что Клуб будет очень рад, если он согласится занять вакантное место в его комитете по выбору членов.

— Это все?

— Да, — ответил Барент. — Не хотите поесть или выпить перед тем, как мы расстанемся?

Сол на минуту закрыл глаза и еще крепче сжал перила.

— Вы ничем не отличаетесь от них, — произнес он.

— От кого?

— От бюрократов, начальников и гражданских служащих, превратившихся по воле Гитлера в членов айнзацгрупп, эсэсовцев, железнодорожных инженеров, военных промышленников и смердящих пивом сержантов, которые болтали своими толстыми ногами надо рвом, полным трупов...

Барент на мгновение задумался.

— Да, — наконец промолвил он, — думаю, в конечном итоге, все мы одинаковы. Ричард! Будьте любезны, проводите доктора Ласки к месту его назначения.

Они долетели на вертолете до широкой посадочной полосы на острове и, пересев в частный самолет, взяли курс на северо-запад. В течение часа до приземления Солу удалось поспать. Это был его первый здоровый сон за неделю, не спровоцированный наркотиками. Разбудил его Хейнс:

— Взгляните. — Он протянул Солу фотографию.

На снимке Арон, Дебора и девочки сидели, крепко связанные, на белом фоне, который не давал возможности определить, где они находились. Вспышка выхватила перепуганные лица и расширенные от ужаса глаза детей. Хейнс включил маленький кассетный магнитофон. «Дядя Сол, — раздался голос Арона, — пожалуйста, делай все, что они скажут. До тех пор, пока ты будешь это делать, они не причинят нам вреда. Следуй их указаниям, и нас освободят. Пожалуйста, дядя Сол...» Дальше запись резко обрывалась.

— Если вы попробуете связаться с ними или с посольством, мы убьем их, — прошептал Хейнс; двое других агентов спали. — Если будете делать то, что вам приказано, с ними ничего не случится. Понятно?

— Понятно.

Сол крепко прижался лицом к холодному стеклу иллюминатора. Внизу виднелись окрестности какого-то большого американского города. В свете уличных фонарей мелькали кирпичные здания и белые шпили муниципальных строений. Именно в это мгновение он понял, что ни для кого из них уже не остается никакой надежды.

Глава 25

Вашингтон, округ Колумбия
Воскресенье, 28 декабря 1980 г.

Шериф Бобби Джо Джентри был в ярости. У взятого напрокат «форда» имелась автоматическая коробка передач, но Джентри рванул ручку с такой силой, словно вел гоночный автомобиль с шестью передачами. Выехав с окружной дороги на магистраль, он выжал из сопротивлявшегося «форда» семьдесят две мили в час и рванул вперед, не обращая внимания на зеленый «крайслер», пытавшийся сесть ему на хвост, и патрульных штата Мэриленд. Перед этим он перетащил чемодан на переднее сиденье, порылся в его боковом кармане, затем положил заряженный «ругер» на приборную доску и снова зашвырнул чемодан назад. Шерифа переполняла ярость.

Израильтяне продержали его до рассвета, сначала допрашивая в своем лимузине, затем в охраняемой резиденции неподалеку от

Роквилла и снова в их распроклятой машине. Он до конца придерживался своей первоначальной версии, пытаясь связать все с чарлстонскими убийствами, рассказал и о Соле Ласки, который охотился за нацистским военным преступником, чтобы свести с ним старые счеты. К насилию израильтяне не прибегали и даже не угрожали ему после единственного замечания Коэна, но они изматывали Джентри бесконечными перекрестными допросами. Что ж, на то они и израильтяне. Шериф не сомневался в этом, как не сомневался в том, что Джек Коэн именно тот человек, за которого себя выдает, и что Арон Эшколь и вся его семья убиты, хотя никаких доказательств у него не было. Он понимал лишь одно: эти люди ведут большую и опасную игру и он, чарлстонский шериф, является лишь незначительной помехой в этой игре. Джентри глянул на спидометр, потом перевел взгляд на «ругер» и сбавил скорость до стабильных шестидесяти двух. Зеленый «крайслер» отставал от него на две машины.

Больше всего после этой изматывающей ночи ему хотелось забраться в широкую кровать своего номера и проспать до самого Нового года. Но вместо этого он позвонил из холла отеля в Чарлстон. На автоответчике по-прежнему не было никаких сообщений. Тогда Джентри позвонил в свой рабочий кабинет. Лестер заверил его, что для него ничего не оставляли, и поинтересовался, хорошо ли шериф отдыхает. Он ответил, что великолепно и уже успел осмотреть все достопримечательности. Затем Джентри набрал номер телефона Натали в Сент-Луисе. Ему ответил мужской голос. Он попросил Натали.

— Кто ее спрашивает? — поинтересовался голос.

— Шериф Джентри. А я с кем говорю?

— Черт побери, она рассказывала мне о вас на прошлой неделе! Похоже, вы и есть тот самый тупой южанин-полицейский. Какого черта вам надо от Натали?

— Мне необходимо поговорить с ней. Она дома?

— Нет. И у меня нет времени болтать с тобой, легавый.

— Фредерик, — усмехнулся Джентри.

— Что?

— Тебя зовут Фредерик. Натали рассказывала мне о тебе.

— Хватит молоть чушь.

— В течение двух лет после возвращения из Вьетнама ты не носил галстуков, — продолжил Джентри. — Ты считаешь, что математика ближе всего подошла к понятию абсолютной истины. Ты

работаешь в компьютерном центре каждый день с восьми вечера до трех ночи, кроме субботы.

На другом конце провода повисло молчание.

— Где Натали? — повторил Джентри. — Это связано с полицейским расследованием. С убийством ее отца. Ей может грозить опасность.

— Что вы имеете в виду...

— Где она? — рявкнул Джентри.

— В Джермантауне, — раздраженно ответил голос. — В Филадельфии.

— Она звонила вам после того, как туда приехала?

— Да. В пятницу вечером. Меня не было дома, но Стен передал мне, что она остановилась в отеле «Челтен». Я звонил ей шесть раз и ни разу ее не застал. Она мне так и не перезвонила.

— Дайте мне номер. — Джентри записал его в маленькую записную книжку, которую постоянно носил с собой.

— Во что это она ввязалась?

— Послушайте, мистер Чистоплюй, — вне себя проговорил Джентри, — мисс Престон разыскивает лицо или лиц, убивших ее отца. Я не хочу, чтобы она нашла этих людей или чтобы эти люди нашли ее. Когда она вернется в Сент-Луис, вы должны проследить, чтобы она, во-первых, больше никуда не уезжала, а во-вторых, чтобы не оставалась одна в ближайшие несколько недель. Ясно?

— Да.

Джентри различил в голосе Фредерика такую ярость, которая отбила у него всякую охоту очутиться вдруг в Сент-Луисе рядом с тем типом.

Он собирался поспать и со свежей головой отправиться в путь вечером. Но вместо этого позвонил в отель «Челтен», оставил послание для отсутствующей мисс Престон, договорился о прокате машины — непростая задача в воскресное утро, — заплатил по счету, собрал чемодан и выехал в северном направлении.

Первые сорок миль зеленый «крайслер» держался на расстоянии двух машин позади. Выехав из Балтимора, Джентри свернул на Сноуден-ривер, проехал с милю до пересечения с шоссе и притормозил у первой же забегаловки.

«Крайслер» остановился на противоположной стороне, в дальнем конце большой стоянки. Джентри заказал кофе с сэндвичем и подозвал мальчика-разносчика, когда тот проходил мимо с подносом грязной посуды.

— Сынок, не хочешь заработать двадцать долларов?

Мальчик прищурился, с подозрением глядя на незнакомца.

— Там стоит машина, о которой мне хотелось бы знать побольше, — продолжил Джентри, указывая на «крайслер». — Тебе нужно всего лишь прогуляться до нее и сообщить мне номерные знаки и все остальное, что тебе удастся заметить.

Он еще не успел допить кофе, когда мальчик вернулся и на одном дыхании выдал все, что сумел узнать.

— Ух, думаю, они не обратили на меня внимания. Я просто выбрасывал мусор из урны — я всегда это делаю около полудня. А кто они такие?

Джентри заплатил мальчику и направился в коридор, откуда позвонил в администрацию балтиморского портового тоннеля. Руководство в воскресное утро не работало, но автоответчик назвал ряд телефонов на случай неотложных дел. Джентри ответил усталый женский голос.

— Черт, я зря вам звоню, потому что они пришьют меня, если вычислят, — затараторил Джентри. — Но Ник, Луис и Делберт только что поехали устраивать мятеж, а начнут они его с подрыва портового тоннеля.

Усталость с женщины как рукой сняло, и уже совсем другим тоном она потребовала, чтобы звонивший назвал свое имя. Шериф расслышал щелчок, когда она включила записывающее устройство.

— На это нет времени, нет времени! — возбужденно выпалил он. — У Делберта, у него пистолет с собой, а у Луиса тридцать шесть брусков динамита со стройки. Они спрятали все это в потайное отделение багажника. Ник сказал, что мятеж начнется сегодня. Он достал им поддельные удостоверения и все остальное.

Женщина хотела было что-то спросить, но Джентри перебил ее:

— Мне надо сматываться. Они меня пристукнут, если узнают, что я их выдал. Они в машине Делберта... зеленый «ле барон» семьдесят шестого года выпуска. Лицензия штата Мэриленд, номер АВ семьдесят два шестьдесят девять. За рулем будет Делберт. Он такой с усами, в синем костюме. О господи, они все с пушками, и весь багажник напичкан взрывчаткой. — Джентри повесил трубку, заказал еще кофе, расплатился и двинулся обратно к своей машине.

Он находился всего в нескольких милях от тоннеля, и особенно спешить ему было незачем, поэтому он доехал до университета Мэриленда, объехал Луденское кладбище и медленно прокатился вдоль берега. Машин в воскресный день было немного, и «крайслеру» пришлось сильно отстать, но за рулем явно сидел опытный водитель, который не лез на глаза, но и не выпускал «форд» из виду.

Следуя указателям, шериф добрался до портового тоннеля, оплатил проезд и, медленно въехав в освещенный проем, посмотрел в зеркальце заднего вида. «Крайслер» даже не добрался до будки с турникетом. За пятьдесят ярдов до въезда в тоннель его окружили три патрульные машины, черный фургон без опознавательных знаков и синий пикап. Еще четыре полицейские машины перекрыли движение сзади. Джентри увидел полицейских с нацеленными винтовками и пистолетами, заметил, как трое пассажиров «крайслера» отчаянно машут из окон руками, а потом выжал из своего «форда» все, что можно, чтобы поскорее выбраться из тоннеля. Если его преследовали фэбээровцы, им хватит нескольких минут на то, чтобы выпутаться из этой ситуации. Но помоги им Бог, если это были израильтяне, да еще вооруженные.

Джентри свернул с главной магистрали, едва вынырнув из тоннеля, в течение нескольких минут петлял по окрестностям города, но потом увидел клинику Джона Хопкинса, сориентировался и выехал на шоссе, которое вело за пределы города. Машин было мало. Через несколько миль ему встретился указатель поворота на Джермантаун штата Мэриленд, и он улыбнулся самому себе. Сколько Джермантаунов в Соединенных Штатах? Оставалось уповать лишь на то, что Натали выбрала этот.

Джентри добрался до юго-западных окрестностей Филадельфии в половине одиннадцатого, а в одиннадцать въехал в Джермантаун. Зеленого «крайслера» видно не было, если только слежку не подхватил кто-либо другой, более осторожный. Отель «Челтен» выглядел так, словно он знавал лучшие дни, но пока не отчаивался, уповая на их возвращение. Джентри припарковал «форд» в полуквартале от отеля, засунул «ругер» в карман своего спортивного пиджака и двинулся ко входу. В дверях стояли пятеро подвыпивших парней — двое белых и трое черных.

Мисс Престон не ответила на звонок администратора. Назойливый юркий мужчина за стойкой, с тремя прядями волос, прикрывавшими лысину, и огромным носом, возмущенно закудахтал, когда Джентри попросил у него ключ. Шериф показал свою звезду. Администратор снова закудахтал:

— Чарлстон? Он значит тут столько же, сколько любой десятицентовик. Полицейские из Джорджии не обладают здесь никакой властью.

Джентри вздохнул, окинул взглядом пустой холл и, резко развернувшись, схватил администратора за грязный галстук на четы-

ре дюйма ниже узла. Он дернул лишь раз, но этого оказалось достаточно, чтобы подбородок и нос мужчины едва не уткнулись в регистрационную стойку.

— Послушай, приятель, — тихо проговорил Джентри. — Я сотрудничаю здесь с капитаном Дональдом Романо, главным в убойном отделе, район Франклин-стрит. У этой женщины могут быть сведения о человеке, который хладнокровно убил шестерых. Я не спал двое суток, пока добрался сюда. Так что, мне звонить капитану Романо после того, как я размажу твою физиономию по стойке, или мы просто решим этот вопрос?

Администратор протянул руку назад, нащупал за спиной ключ-вездеход и отдал Джентри. Тот отпустил его галстук, и мужчина от неожиданности подскочил, потом робко сглотнул, потирая кадык.

Джентри сделал три шага по направлению к лифту, но вдруг резко развернулся на каблуках, двумя скачками подлетел к стойке и снова схватил администратора за галстук прежде, чем тот успел увернуться. Подтянув его к себе поближе, он улыбнулся:

— К тому же, приятель, Чарлстон находится в Южной Каролине, а вовсе не в Джорджии. Запомни это как следует. Я потом проверю.

Трупа Натали в номере не было. Не было и кровавых пятен, если не считать нескольких раздавленных клопов под потолком. Никаких записок с требованием выкупа он не нашел. Ее открытый чемодан лежал на полу, одежда была аккуратно сложена, рядом стояла пара туфель. Платье, в котором два дня назад она вылетала из Чарлстона, висело на вешалке. На полке в ванной какие-либо туалетные принадлежности отсутствовали, душевая кабина была сухой, хотя рядом лежал развернутый и уже использованный кусочек мыла. Сумки с фотопленками и камеры не было. По аккуратно застеленной кровати трудно было сказать, спали ли в ней накануне ночью. Но, прикинув, насколько исполнительным может оказаться здешний персонал, Джентри пришел к выводу, что, скорее всего, ночью кроватью не пользовались.

Он опустился на край постели и потер лицо, ничего путного в голову не приходило. Единственное, что оставалось, — это обойти Джермантаун, уповая на случайную встречу, и каждый час звонить в отель в надежде, что администратор не обратился в филадельфийскую полицию. Ну что ж, пара часов на свежем воздухе не повредит.

Джентри снял пальто, лег и положил «ругер» справа от себя. Через две минуты он уже спал.

Проснулся он в темноте, не понимая, где находится, с ощущением, что случилось что-то ужасное. Его «ролекс», подарок отца, показывал 4:35. Снаружи в окно лился тусклый серый свет, но в самой комнате было темно. Джентри прошел в ванную, умылся и позвонил ночному портье. Нет, мисс Престон не появлялась и не звонила.

Шериф спустился на улицу, дошел до своей машины, переложил чемодан в багажник и отправился бродить по городу. Он шел на юго-запад по Джермантаун-стрит мимо огороженного решеткой парка. Ему не помешало бы сейчас выпить пива, но бары были закрыты. Серый безрадостный день совсем не походил на воскресенье, но на какой день недели он походил, Джентри тоже сказать не мог. Когда он вернулся к отелю за чемоданом, пошел легкий снежок. За стойкой стоял уже новый администратор — гораздо моложе и вежливее предыдущего. Джентри оформил документы, заплатил вперед тридцать два доллара и уже собрался проследовать за портье в свой номер, когда ему пришло в голову спросить о Натали. Ключ-вездеход все еще лежал у него в кармане, — может, тот «длинный нос» не стал никому сообщать об инциденте, уходя с работы?

— Да, сэр, — откликнулся молодой администратор. — Мисс Престон справлялась о звонках минут пятнадцать назад.

Джентри моргнул от неожиданности:

— Она все еще здесь?

— Она поднялась в свой номер, сэр, но, кажется, я недавно видел, как она входила в ресторан.

Джентри поблагодарил молодого человека, дал ему три доллара, чтобы тот отнес его багаж наверх, и направился к дверям ресторана.

Сердце у него подпрыгнуло, когда он увидел Натали за маленьким столиком в противоположном конце зала. Он двинулся было к ней, но на полдороге остановился. Рядом с Натали сидел невысокий темноволосый мужчина в дорогом кожаном пиджаке. Она смотрела на него со странным выражением.

Джентри помедлил с секунду и пошел к салатной стойке. В следующий раз он посмотрел в их сторону, уже сев за столик. Проходившая мимо официантка приняла заказ на кофе, и Джентри начал медленно есть, искоса поглядывая на Натали.

За тем столом происходило что-то странное. Джентри был знаком с Натали Престон меньше двух недель, но ему было известно, какой это живой, импульсивный и подвижный человек. Он научил-

ся распознавать все оттенки выражений ее лица, в которых проявлялись особенности ее неповторимой личности. Теперь же он видел лишь застывшую маску. Натали смотрела на сидевшего напротив мужчину так, будто ей сделали лоботомию или вкололи сильный наркотик. Время от времени девушка что-то говорила, и резкие, какие-то неестественные движения ее губ напоминали Джентри его мать после того, как ее парализовало.

Ему очень хотелось рассмотреть лицо мужчины, но он видел лишь черные волосы, пиджак и бледные руки, сложенные на скатерти. Когда тот наконец повернулся, шериф заметил приспущенные веки, желтоватый цвет лица и маленький тонкогубый рот. Что этому типу нужно от Натали? Джентри взял газету с соседнего стола и стал изображать из себя одинокого рассеянного коммивояжера.

Через короткое время он убедился, что Натали и ее спутником интересуются по меньшей мере еще двое посетителей. Полиция? ФБР? Израильтяне? Джентри доел салат, оставил на тарелке не желавший накалываться на вилку помидор и в сотый раз за день подумал, во что же это они такое ввязались.

Предположим, мужчина со скользким взглядом был одним из тех мозговых вампиров и намерения имел не самые дружеские. Соглядатаи же в ресторане гарантировали ему безопасность. Возможно, кроме них, в холле есть еще кто-то. Что ему делать дальше? Если они останутся сидеть, а Джентри пойдет за Натали, он тут же выдаст себя. Значит, надо уйти раньше, чтобы потом увязаться за ними. Но куда?

Джентри заплатил по счету и направился к вешалке в тот самый момент, когда Натали и мужчина поднялись со своих мест. Девушка посмотрела на шерифа с расстояния в двадцать футов, и в ее пустых глазах ничто не отразилось. Он быстро пересек холл и замешкался у входной двери, делая вид, что натягивает пальто.

Мужчина подвел Натали к лифту и, ухмыльнувшись какому-то парню, сидевшему на обшарпанном диване, сделал непристойный жест. Джентри решил рискнуть. У Натали был 312-й номер, он попросил 310-й. Номера в этом отеле занимали только три этажа, и если мужчина с приспущенными веками собрался вести ее не туда, Джентри потеряет их след.

Он поспешно направился к лестнице и, перепрыгивая через три ступеньки, понесся наверх. Ему потребовалось десять секунд, чтобы перевести дыхание на площадке третьего этажа. Шериф успел заметить, как мужчина завел Натали в ее номер. Выждав еще не-

много и убедившись, что сзади никого нет, Джентри бесшумно двинулся по коридору. Правой рукой он нащупал рукоять «ругера», но передумал. Если этот человек был таким же, как оберст Сола Ласки, он может заставить Джентри выстрелить в самого себя. Если же это обычный человек, шериф решил, что обойдется без оружия.

«О господи, — подумал он, — а вдруг это просто приятель Натали и она сама его пригласила?» Но тут он вспомнил выражение ее лица, отсутствующий взгляд и бесшумно вставил ключ в замочную скважину.

Джентри ворвался в номер, заполнив собой крохотную прихожую, и увидел, как сидящий в кресле мужчина испуганно повернулся в его сторону. Еще он увидел полураздетую Натали, ужас в ее глазах и со всего размаху опустил кулак на голову незнакомца, словно пытался вогнать туда огромный гвоздь. Тот попробовал встать, но тут же осел в кресле, дважды дернулся и в беспамятстве перевалился через левый подлокотник.

Джентри повернулся к Натали. Она смотрела на него расширенными от ужаса глазами, не делая никаких попыток прикрыть наготу. Внезапно ее начала колотить жуткая дрожь. Он быстро стащил с себя пальто, накинул ей на плечи, и девушка рухнула ему в объятия, мотая головой из стороны в сторону, словно хотела стряхнуть наваждение. Она пыталась что-то сказать, но зубы ее стучали так сильно, что Джентри едва разбирал слова.

— О Роб... он хотел... я не... сделать что-нибудь.

Обхватив Натали за плечи, Джентри стал гладить ее по голове, как испуганного ребенка, одновременно лихорадочно соображая, что делать дальше.

— О господи, меня... сейчас... стошнит. — И она опрометью кинулась в ванную.

Джентри, не теряя времени, склонился над мужчиной, перевернул его, быстро обыскал карманы и раскрыл бумажник. «Энтони Хэрод, Беверли-Хиллз». У мистера Хэрода было с собой около тридцати кредитных карточек, билет клуба «Плейбой», удостоверение члена Писательской гильдии Америки и другие документы, указывающие на его связь с Голливудом. В кармане пиджака лежал ключ от номера в отеле «Каштановые холмы». Когда Натали, приведя себя в порядок, с влажными лицом и волосами вышла из ванной, Хэрод начал шевелиться. Затем он застонал и перевернулся на бок.

— Ненавижу! — вырвалось у Натали, и она со всей силы пнула Тони между ног.

На ней были плотные туфли на низком каблуке, и удар был такой силы, словно она намеревалась забить гол в ворота противника. Хэрод дернулся и врезался головой в деревянную стойку кровати.

— Не сейчас, — удержал ее Джентри и опустился на колени, чтобы проверить пульс и дыхание лежавшего.

Энтони Хэрод из Беверли-Хиллз, Калифорния, был жив, но снова отключился. Джентри взглянул на дверь. Ни задвижки, ни цепочки на ней не было. Он повернул ключ и подошел к Натали.

— Роб, — задыхаясь, произнесла она, — он заставлял меня делать и говорить...

— Все хорошо, — успокоил ее Джентри. — Нам нужно скорее уходить отсюда. — Он застегнул чемодан Натали, помог ей надеть куртку и перебросил через плечо сумку с камерой. — Тут есть пожарная лестница. Ты в состоянии спуститься по ней?

— Да, но зачем нам...

— Объясню, когда выберемся отсюда, — прервал ее Джентри. — Моя машина рядом с отелем. Пошли.

Железные перекладины пожарной лестницы обледенели и скрипели так, что неизбежно должны были привлечь внимание гостиничного персонала. Однако ни в дверях черного хода, ни в окнах никто не появился.

Шериф помог Натали спрыгнуть на землю, и они быстро двинулись по темной аллее, заваленной мусором и гниющими отбросами. Выйдя на Джермантаун-стрит, они прошли вперед ярдов тридцать и свернули за угол, где Джентри оставил свой «форд-пинто». Вокруг не было ни души. Пока он открывал машину и включал зажигание, из отеля «Челтен» никто так и не появился. Витрины магазинов были погружены в темноту.

— Куда мы едем? — спросила Натали.

— Не знаю. Главное — убраться отсюда подальше... После мы все обсудим.

Джентри повернул на восток по Джермантаун-стрит и был вынужден притормозить, чтобы пропустить автобус, который двигался в том же направлении.

— Черт! — выругался он.

— Что такое?

— Просто я, как идиот, оставил в отеле свой чемодан.

— В нем что-нибудь ценное?

Джентри подумал о смене рубашек и брюк и рассмеялся:

— Да нет... Но обратно я ни за что не вернусь.

— Роб, что происходит?

Он покачал головой:

— Я думал, что ты мне сначала объяснишь.

Натали передернуло.

— Со мной такого никогда в жизни не случалось. Я ничего не могла поделать. Как будто мое тело перестало слушаться меня. И сознание тоже...

— Теперь мы убедились, что они существуют на самом деле, — хрипло проговорил Джентри.

Она как-то неестественно рассмеялась:

— Роб, старуха... Мелани Фуллер... она где-то здесь, в Джермантауне. Ее видели Марвин и его ребята. Прошлой ночью она убила еще двоих из их банды. Я была...

— Подожди-ка, — прервал ее Джентри, объезжая муниципальный автобус на остановке; впереди тянулась пустая улица, вымощенная кирпичом. — Кто такой Марвин?

— Марвин — главарь братства Кирпичного завода. Он...

И тут сильный удар сзади тряхнул машину. Натали швырнуло вперед, она вытянула руки, чтобы не удариться лбом о ветровое стекло. Джентри, выругавшись, оглянулся. К ним стремительно приближался огромный радиатор автобуса. Дав задний ход, автобус теперь разгонялся для нового удара.

— Держись! — прокричал Джентри и выжал акселератор до упора; но автобус оказался шустрее, и, прежде чем «форд» рванул вперед, они получили еще один мощный удар.

На высокой скорости, трясясь и подпрыгивая, они понеслись по неровным снежным ухабам. Даже сквозь закрытые окна до них доносился нарастающий рев дизеля сзади.

— Черт! — еще раз выругался Джентри.

Дорогу впереди перегородил разворачивающийся трейлер. Джентри прикинул, не выехать ли на тротуар, но заметил старика, роющегося в урне, и круто свернул влево на узкую улочку, скользнув бампером по высокому бордюру. Раздался отвратительный скрежещущий звук, и шериф догадался, что бампер оторвался и теперь волочится следом. По обеим сторонам улочки стояли ряды одноквартирных домов. Вдоль правого тротуара выстроилось кладбище машин без колес, относящихся еще к доисторическим временам.

— Он снова догоняет! — закричала Натали.

Джентри взглянул в зеркальце заднего вида как раз в тот момент, когда огромный автобус, въехав на тротуар, снес два запре-

тительных знака парковки вместе с почтовым ящиком и в облаке дизельных выхлопов рванул за ними по узкой улочке.

— Просто не могу поверить, — пробормотал шериф.

Улица упиралась в заснеженную железнодорожную насыпь у подножия холма. Дальше, к востоку и западу, тянулись пустые стоянки и складские помещения. Джентри круто свернул влево, услышал, что задний бампер оторвался и надрывно взревел четырехцилиндровый двигатель.

— Они могут догнать нас? — выдохнула Натали, когда автобус с разгона въехал на насыпь и откатился обратно на дорогу.

Джентри различил водителя в хаки, который выворачивал огромный руль, и темные фигуры пассажиров, столпившихся за ним в проходе.

— Они нас не догонят, пока мы не совершим какую-нибудь глупость, — сказал он, сам не очень-то веря в это.

Дорога впереди шла мимо заброшенной фабрики и заваленной кирпичом стоянки и упиралась в тупик, хотя знака нигде не было.

— Например, как эта? — тревожно спросила Натали.

— Да. — Джентри затормозил.

Он знал, что «пинто» не преодолеть тридцати футов склона, усеянного мусором. Слева виднелись высокие ворота и ограда, которой была обнесена грязная стоянка. Джентри прикинул, не проломиться ли через ворота, но решил, что это мало чем улучшит их положение. Справа тянулся ряд пустых двухэтажных домов с заколоченными окнами. Их стены и двери, как во многих негритянских кварталах, были разрисованы граффити. К востоку шел узкий проулок.

Автобус у насыпи развернулся в их сторону. Водитель выжал скорость до упора, и махина взревела, как смертельно раненный зверь.

— Бежим! — крикнул Джентри; он успел взять чемодан Натали, она схватила сумку с камерой, и они бросились в проулок.

Через несколько секунд автобус на полной скорости врезался в левое крыло «форда». Заднее стекло машины раскололось, а автобус, отлетев в сторону, накренился и въехал правыми колесами на насыпь. Тормозные огни вспыхнули, когда он смял ограду и выкатился на замерзшую грязь стоянки. Затем колеса снова заработали, автобус подмял под себя расплющенную ограду, врезался в дверцу «форда» и таранил его до тех пор, пока машина не вмялась в поребрик футах в двадцати от проулка, где стояли Натали и Джентри.

«Пинто» задел пожарный гидрант и с оглушительным скрежетом перевернулся. В ночном воздухе остро запахло разлившимся бензином.

— Боже мой, — прошептала Натали.

Джентри почти машинально вытащил «ругер» и крепко сжал в руке. Затем покачал головой и снова опустил оружие в карман.

Автобус дал задний ход и выехал на середину улочки, волоча за собой в дизельных выхлопах остатки искореженного металла. Джентри схватил Натали за руку и потащил ее дальше в темную аллею.

— Кто это? — только и спросила девушка.

— Не знаю.

Джентри впервые по-настоящему осознал, что эти люди способны на то, что уже испытали на себе Сол и Натали. Он вспомнил, как несколько лет назад читал роман «Изгоняющий дьявола», и теперь понял агностический восторг священника, наблюдавшего за дьявольской силой, которая мучит и уродует тело и мозг того, кем завладела. Священник доказывал, что раз существует дьявол, значит есть и Бог. Но что же следует из этой невероятной цепи событий? Извращенность человеческой природы? Или то, что какие-то парапсихологические способности, свойственные всем, могут быть доведены до такой степени совершенства?

— Он останавливается, — сказала Натали.

Автобус въехал на насыпь и сделал резкий поворот влево.

— Что бы там ни было, здесь ему нас не достать. — Джентри обнял за плечи дрожащую девушку.

Дверь автобуса находилась с противоположной стороны, но они услышали, когда зашипел сжатый воздух. Было видно, как еле различимые темные силуэты пассажиров двинулись к выходам спереди и сзади. Что они должны были думать после этой безумной гонки? Чего добивался этот сумасшедший водитель? Кто владел его сознанием? Джентри различал лишь массивную тень, склонившуюся над рулем. Семеро пассажиров вышли из автобуса, двигаясь неуверенно, как больные полиомиелитом или марионетки в неумелых руках. Один из них делал шаг вперед, и все замирали, затем движение повторял кто-нибудь другой. Возглавлявший группу пожилой человек опустился на четвереньки и таким манером двинулся по направлению к аллее, словно собака принюхиваясь к земле.

— О господи! — выдохнула Натали.

Они бросились бежать, перепрыгивая через мусорные кучи, обдирая руки и плечи о кирпичные стены. Джентри понял, что все еще продолжает тащить чемодан Натали. Проулок заканчивался плотной ржавой проволочной сеткой, а за их спинами раздавалось тяжелое звериное дыхание. Отпустив руку девушки, шериф разогнался и с помощью чемодана и собственного веса прорвал заграждение. Они оказались на какой-то улице, спускавшейся под темный железнодорожный мост и дальше, к освещенным одноквартирным домам. Джентри и Натали свернули к мосту и побежали. За спиной у них кто-то сражался с проволочным заграждением. Шериф оглянулся и увидел, как через бетонные плиты с видом обезумевшего добермана лезет пожилой мужчина в костюме. Джентри вытащил «ругер» и кинулся дальше.

Под железнодорожным мостом было темно и скользко. Натали первой добежала туда, и Джентри увидел, как взлетели вверх ее ноги, и услышал звук тяжелого удара по мостовой. У него было время притормозить на льду, но он тоже не удержался и упал на колени.

— Натали!

— Со мной все в порядке.

Джентри протянул руку во тьму и помог ей подняться.

— Можно я оставлю здесь твой чемодан? — спросил он.

Из горла Натали вырвался хриплый смех.

— Идем.

Вынырнув из-под моста, они побежали по неосвещенной улице, которую припаркованные с обеих сторон машины делали еще у́же, чем она была на самом деле. Позади раздался топот ног, который гулко отдавался под железнодорожным мостом, затем — треск льда и кирпича, однако ни криков, ни ругательств не последовало.

— Туда! — крикнул Джентри и подтолкнул Натали к первому освещенному дому, футах в ста впереди.

Когда они добрались до бетонного крыльца в три ступени, шериф уже едва переводил дух. Пока Натали колотила в дверь и кричала: «Помогите!» — он стоял спиной к ней, готовый встретить преследователей в любой момент. Грязная занавеска на окне колыхнулась, на мгновение появилось чье-то лицо, но дверь никто не открыл.

— Пожалуйста! — закричала девушка.

— Натали! — окликнул ее Джентри.

Пожилой мужчина, теперь уже в разорванном костюме, появился из-под моста. Их разделяло всего футов тридцать. В свете единственного горевшего окна Джентри различил широко раскрытые

глаза, отвисшую нижнюю челюсть и струйку слюны, стекавшую по подбородку на воротник. Он прицелился, взвел курок, затем передумал и опустил револьвер, намереваясь дать отпор этому идиоту с отключенным сознанием.

Нападавший на полной скорости врезался в плечо шерифа, его подбросило, и он рухнул на спину, ударившись головой об обледенелую ступеньку. Джентри склонился над ним, но старик снова вскочил, не обращая внимания на кровь, которая хлынула из-под спутанных седых волос, и, по-звериному клацнув зубами, попытался вцепиться шерифу в горло. Джентри приподнял его за лацканы пиджака и отшвырнул на проезжую часть улицы, уже ни о чем не заботясь. Человек-марионетка перевернулся, вновь издал нечеловеческий рык и — невероятно! — опять вскочил на ноги. Тогда Джентри нанес ему удар рукояткой «ругера», и наконец тот рухнул ничком.

Шериф тяжело опустился на нижнюю ступеньку крыльца. Натали продолжала стучать руками и ногами в дверь:

— Пожалуйста, впустите!

— Я офицер полиции! — из последних сил крикнул Джентри. — Откройте!

Но дверь оставалась все так же запертой. Из-под моста донесся топот уже многих ног.

— Господи! — выдохнул в отчаянии Джентри. — Помнишь, Сол говорил, что оберст мог контролировать лишь одного человека зараз... А эти... кто же так умело руководит ими?

Из мрака появилась фигура высокой женщины. Она бежала босиком, сжимая в правой руке что-то острое.

— Вперед! — крикнул Джентри.

Они преодолели футов тридцать, когда из-за поворота послышался рев автобуса. Мощные фары выхватили кирпичные дома по левую сторону улицы.

Джентри стал судорожно оглядываться в поисках прохода, пустой стоянки, чего-нибудь, где можно спрятаться, но до самого железнодорожного моста тянулся лишь сплошной фасад слепленных воедино одноквартирных домов.

— Назад! — закричал он. — Вверх по насыпи, к рельсам! — Он повернулся как раз в тот момент, когда высокая блондинка, преодолев последние десять футов, с разбегу врезалась в него.

Они упали и покатились по мокрой мостовой. Пытаясь ухватить ее за горло и увернуться от лязгающих челюстей, Джентри выронил оружие. Женщина оказалась очень сильной. Изловчив-

шись, она впилась зубами в левую руку шерифа. Сжав кулак, он попробовал ударить ее в челюсть, но она успела наклонить голову, так что удар в основном пришелся по черепу. Джентри оттолкнул женщину, прикидывая, как бы отключить ее, не нанося при этом существенных увечий, но тут она резко вытянула правую руку, и что-то впилось ему в бок. Шерифу показалось, что его окатили ледяной водой, он ничего не успел предпринять, когда ножницы снова проткнули его тело через пальто. Женщина занесла руку в третий раз, и Джентри приготовился ударить ее наотмашь с такой силой, что наверняка сломал бы ей шею, если бы попал. Но он не попал.

Блондинка отпрыгнула назад, подняла ножницы на уровень глаз, готовясь к новому броску, и в этот момент Натали обрушила ей на голову всю тяжесть своей сумки с фотоаппаратом. Женщина безвольно повалилась на землю, а Джентри с трудом приподнялся на одно колено. Левый бок и рука у него горели. Шериф и Натали замерли в свете фар приближавшегося с ревом автобуса.

Отбросив сумку с камерой, Натали схватила с земли револьвер, широко расставила ноги и выстрелила четыре раза, как ее учил Джентри.

— Нет! — закричал он, когда первая пуля разбила фару. Вторая врезалась в ветровое стекло слева от шофера. Из-за отдачи следующие две пули попали еще выше.

Джентри схватил сумку с камерой и потащил Натали к ступенькам домов. Автобус развернулся и двинулся за ними, переехав через бездыханное тело женщины с ножницами. Когда его вынесло на лед, он закрутился, потерял управление и с грохотом врезался в деревянную опору железнодорожного моста.

— Давай! — выдохнул Джентри, и они опрометью бросились к платформе. Шериф бежал согнувшись, зажимая рукой раненый бок.

Скользя и буксуя, автобус вертелся на месте, двигатель ревел, визжали тормоза, а луч единственной фары метался, как безумный, из стороны в сторону. Наконец деревянная опора с треском подалась, и автобус вынырнул из-под моста как раз в тот момент, когда Джентри и Натали достигли насыпи и стали карабкаться по замерзшему, усеянному мусором склону. Джентри зацепился за ржавую проволоку и упал, на мгновение оказавшись в луче автобусной фары. Пальто его было разорвано в клочья и испачкано кровью, искалеченная рука безвольно повисла. Натали схватила его за другую руку и помогла подняться.

— Дай мне «ругер», — хрипло попросил он.

Автобус пятился задом, намереваясь с разгону въехать на склон.

— Оружие!

Натали протянула Джентри револьвер, когда автобус начал набирать скорость. Оба трупа, лежавшие на улице, теперь были расплющены тяжелыми колесами.

— Уходи! — велел он.

Натали на четвереньках стала карабкаться дальше. Джентри последовал за ней. Преодолев половину пути, они наткнулись на забор, который не был виден снизу. Он просел и кое-где представлял собою лишь витки проволоки. Натали запуталась, тогда Джентри дернул проволоку на себя, услышал треск рвущейся ткани и подтолкнул девушку наверх. Она сделала четыре шага и снова упала. Шериф развернулся, покрепче уперся ногами в скользкий склон и поднял «ругер». Высота насыпи и длина автобуса были почти одинаковыми. Тяжелое пальто мешало, и Джентри скинул его, ощущая, как слабеет рука.

Автобус разогнался, перепрыгнул через невидимый бордюр и стал въезжать на обледеневший склон. Джентри опустил ствол чуть ниже, чтобы отдача от выстрела не подбросила его вверх. Теперь он наконец разглядел лицо водителя. Это была женщина в камуфляжной форме, лицо ее застыло, глаза неестественно расширились.

«Они... он... те, кто использует этих людей, все равно не оставят ее в живых», — решил он и разрядил последние два патрона. Ветровое стекло пошло трещинами и осыпалось мелкой пылью, Джентри развернулся и бросился бежать. Его отделяло от Натали десять футов, когда автобус нагнал его, поддел решеткой радиатора, и он взлетел вверх, как младенец, небрежно подброшенный к потолку. Сильно ударившись, шериф рухнул на левый бок и, перевесившись через ледяной рельс, посмотрел вниз.

Автобус въехал на пять футов выше гребня, потерял управление и теперь с безумной скоростью летел вниз, вихляя из стороны в сторону. Наконец его правое крыло с грохотом врезалось в мостовую, чуть не поставив весь длинный корпус на попа, затем он завалился набок и замер. Колеса все еще вертелись как заведенные.

— Не шевелись, — прошептала Натали, но Джентри уже поднялся, все еще сжимая револьвер помертвевшей рукой.

Машинальным движением он попытался сунуть его в карман пальто, но, обнаружив, что пальто на нем нет, затолкал «ругер» за ремень брюк.

— Что будем делать? — тихо спросила Натали, поддерживая его.

— Ждать полицию, пожарных, «скорую», — ответил Джентри, понимая, что эти предложения здесь почему-то не годятся, но он слишком устал.

В окнах домов один за другим загорались огни, хотя на улице так никто и не появился. Джентри стоял, опершись на Натали. Ему было холодно, к тому же снова пошел снег.

Снизу вдруг раздался звон выбитого стекла. На металлический корпус автобуса вскарабкались три темные фигуры, ползущие по нему, как огромные пауки.

Не говоря ни слова, Джентри и Натали повернулись и помчались по железнодорожным путям. Зацепившись за шпалу, шериф упал и услышал мерный топот быстро приближавшихся шагов. И вновь Натали подняла его, и они побежали, хотя сил уже у обоих не осталось.

— Туда! — выдохнула Натали. — Я знаю, где мы находимся.

Он повернул голову и увидел трехэтажное здание, зажатое между пустыми стоянками. В нем светилась дюжина окон. Но тут Джентри оступился и полетел вниз по крутому склону. Что-то острое впилось ему в правую ногу. Едва он успел подняться, как услышал грохот приближающегося пригородного поезда.

На крыльце трехэтажного дома с освещенными окнами стояли несколько человек. Они выкрикивали угрозы, Джентри различил у двоих винтовки. Он полез в карман за «ругером», но замерзшие пальцы отказывались повиноваться.

Откуда-то издали звучал настойчивый голос Натали. Джентри решил на пару секунд закрыть глаза, чтобы собраться с силами. Теряя сознание, он почувствовал, как чьи-то сильные руки подхватили его.

Глава 26

Джермантаун
Понедельник, 29 декабря 1980 г.

Весь понедельник Натали то и дело заглядывала к Робу. Его лихорадило, он не осознавал, где находится, и время от времени бормотал что-то в забытьи. Ночь она провела рядом с ним, тихонько

поглаживая его и стараясь не задеть заклеенную пластырем грудную клетку и перебинтованную левую руку.

Когда Марвин Гейл увидел, как они с Джентри приближаются к общинному дому, его это не слишком обрадовало.

— Что это за толстяк с тобой, малышка? — окликнул он Натали, стоя на верхней ступеньке; по бокам от него стояли Лерой и Кальвин с обрезами в руках.

— Это шериф Роб Джентри, — произнесла Натали и тут же пожалела, что упомянула о его связи с властью. — Он тяжело ранен.

— Это я вижу, малышка. А почему бы тебе не отвезти его в больницу для белых?

— За нами кто-то гонится, Марвин. Впусти нас. — Натали понимала, что, если ей удастся достучаться до юного главаря банды, он выслушает ее.

Почти весь конец недели Натали провела в общинном доме. Она была здесь и в субботу вечером, когда стало известно, что убиты Монк и Лайонел. По просьбе Марвина она отправилась на место происшествия и сфотографировала их расчлененные трупы, после чего, спотыкаясь, отошла за угол, где ее долго тошнило. Уже позднее Марвин рассказал ей, что у Монка с собой был снимок Мелани Фуллер, который он показывал многим в округе, пытаясь определить местонахождение старухи. Но когда нашли его тело, фотографии при нем не оказалось. Услышав об этом, Натали буквально похолодела.

Как ни странно, ни полиция, ни средства массовой информации никак не отреагировали на убийства. За исключением Джорджа, перепуганного пятнадцатилетнего подростка, свидетелей не было, а Джордж никому, кроме членов братства Кирпичного завода, ничего не рассказывал. Банду вполне это устраивало. Искалеченные трупы завернули в полиэтилен и спрятали в холодильнике в подвале у Луиса Тейлора. Монк обитал один в полуразрушенном доме, Лайонел жил с матерью на Брингхерст-стрит, но та бóльшую часть времени пребывала в алкогольном ступоре и могла не скоро вспомнить о сыне.

— Сначала мы пришьем ублюдка, который это сделал, а потом уже сообщим легавым и телевизионщикам, — рассуждал Марвин в ту субботнюю ночь. — Если мы проговоримся им сейчас, у нас останется слишком мало пространства для того, чтобы действовать.

Натали провела с бандой все воскресенье, снова и снова рассказывая о способностях Мелани Фуллер и выслушивая их стра-

тегические планы, которые в основном сводились к тому, чтобы найти старуху с ее белым чудищем и убить обоих.

И вот теперь, в воскресную ночь, она стояла под тяжелыми хлопьями снега, поддерживая полубессознательное тело Роба Джентри, и умоляла:

— За нами гонятся. Помогите нам!

Марвин сделал жест рукой, и тут же Луис, Лерой и еще какой-то парень, которого Натали не узнала, спрыгнули с крыльца и исчезли во тьме.

— Кто за вами гонится, малышка?

— Я не знаю. Какие-то люди.

— Такие же умалишенные, как тот старухин белый выродок?

— Да.

— Это она управляет ими?

— Возможно. Не знаю. Но Роб ранен. За нами гонятся. Впусти нас, пожалуйста.

Марвин посмотрел на нее своими прекрасными холодными синими глазами и отошел в сторону, разрешив войти. Джентри пришлось отнести в подвал и положить на матрас. Натали требовала, чтобы вызвали врача или «скорую помощь», но Марвин лишь качал головой:

— Нет, малышка. У нас уже есть два трупа, о которых мы решили не сообщать, пока не найдем ту мадам Вуду. Нам не нужны неприятности из-за твоего раненого дружка. Мы позовем Джексона.

Джексон, сводный брат Джорджа, когда-то служил врачом во Вьетнаме и успел закончить два с половиной курса медицинской школы. Он появился с синим рюкзаком, набитым бинтами, шприцами и таблетками.

— Два ребра сломаны, — тихо сообщил он, осмотрев Джентри. — Имеется также глубокая резаная рана... Еще бы на полдюйма ниже и на полтора глубже, и он бы уже скончался от проникающего ранения. К тому же кто-то здорово прокусил ему руку. Возможно также сотрясение мозга. Об остальном без рентгена судить трудно. Посмотрите, пожалуйста, чтобы нам никто не мешал, тогда я смогу заняться им. — И он принялся накладывать швы, промывать и перебинтовывать глубокие порезы и царапины, затем наложил плотную повязку на сломанные ребра и ввел противостолбнячную сыворотку. Наконец Джексон сломал какую-то ампулу под носом шерифа и почти мгновенно привел его в чувство. — Сколько пальцев? — спросил он, подняв руку.

— Три, — ответил Джентри. — Какого черта, где я?

Они побеседовали несколько минут, врач-недоучка удостоверился, что сотрясение мозга не слишком серьезное, после чего он сделал Джентри еще один укол и позволил тому спокойно погрузиться в сон.

— С ним все будет в порядке. Я загляну к вам завтра.

— Почему вы ушли из медицинской школы? — Натали слегка покраснела, смутившись от собственного любопытства.

Джексон пожал плечами:

— Слишком много всякой ерунды. Решил вернуться сюда. Прошу вас будить его каждые два часа.

В отгороженном занавесками углу, где Марвин разрешил им спать, Натали подходила к Джентри каждые полтора часа. Последний раз это было в 4:38, и он, очнувшись окончательно, нежно прикоснулся к ее волосам.

Около дюжины парней сидели вокруг стола, болтали ногами, водрузившись на стойку, или стояли, прислонившись к стенам и шкафам. Джентри проспал до двух часов дня и проснулся страшно голодным. На четыре был назначен военный совет, а шериф все еще закидывал в себя какую-то китайскую снедь, которую по его просьбе принес один из членов банды. Если не считать Кары, молчаливой подруги Марвина, Натали была единственной женщиной в помещении.

— На районе появилась куча каких-то странных придурков, — сообщил Лерой.

— Что за придурки? — осведомился Джентри с полным ртом, набитым свининой мушу.

Лерой бросил взгляд на Марвина. Тот утвердительно кивнул, и тогда он ответил:

— Странные белые легавые. Свиньи. Вроде тебя.

— В форме? — спросил Джентри. Он расположился у стойки, из-за перевязанной грудной клетки его фигура казалась еще толще, чем была на самом деле.

— Нет. В цивильном прикиде. Аккуратненькие сукины дети. Черные брюки, ветровки, ботинки с узкими носами. Просочились повсюду!

— Где они?

— Говорят же — повсюду, — ухмыльнулся Марвин. — Пара фургонов без опознавательных знаков стоит с обоих концов Брингхерст-стрит. Уже два дня, как между Квин-лейн и Грин-стрит торчит гру-

зовик с локатором. Двенадцать ублюдков в четырех машинах без номеров мотаются между церковью и нами. И целые толпы их собрались на вторых этажах домов на Квин-лейн и Джермантаун-стрит.

— Сколько же всего? — спросил Джентри.

— Думаю, человек сорок. Может, пятьдесят.

— Работают командами по восемь часов?

— Да. Ублюдки считают, что их никто не замечает, и спокойно сидят себе у прачечной. Все белые. Так и шныряют туда-сюда. А один вообще ничего не делает, только бегает для них за едой.

— Филадельфийская полиция?

Высокий худой парень по имени Кальвин рассмеялся:

— Черт, да нет же! Местные свиньи носят костюмы, белые носки и ортопедическую обувь... когда выходят на дело.

— Кроме того, их слишком много, — добавил Марвин. — Даже если сложить всю полицию нравов, отделы убийств, наркотиков и инспекторов по несовершеннолетним, все равно пятьдесят человек не получится. Или это федеральный отдел по борьбе с наркобизнесом, или еще что-то.

— Или ФБР, — добавил Джентри и задумчиво потер левый висок.

Натали заметила, как лицо его чуть заметно исказилось от боли.

— Да. — Марвин погрузился в размышления, и на мгновение взгляд его стал рассеянным. — Возможно. Хотя я этого не понимаю. Зачем их так много? Я думал, может, они ловят убийц Зига, Мухаммеда и остальных, но им, похоже, плевать на то, что кто-то замочил нескольких негров. Если только все это не ради той старухи и ее белого выродка. Да, малышка?

— Очень может быть, — кивнула Натали. — Но все гораздо сложнее...

— То есть?

Джентри, стараясь не шевелить верхней частью тела, подошел к столу и положил на него свою перебинтованную руку.

— Есть такие подонки... которые могут мысленно заставить людей подчиняться их воле. Обычный спокойный человек становится по их приказу маньяком, убийцей. А те, кто ими управляет, садистски радуются. Один из таких мужчин, вероятно, прячется где-то здесь, в городе. Этой способностью обладают и несколько представителей власти. И между ними идет нечто вроде войны, — объяснил Джентри негромко.

— Мне нравится, как ты говоришь, приятель, — фыркнул Лерой и передразнил неторопливую тихую речь шерифа, подчеркивая южный акцент.

— Твой говор тоже ничего, — добродушно отозвался тот.

Лерой привстал, и лицо его исказилось от ярости.

— Что ты сказал?

— Он сказал, чтобы ты заткнулся, Лерой, — спокойно заметил Марвин. — И сделай это побыстрее. — Он снова перевел взгляд на Джентри. — О'кей, мистер шериф, скажи-ка мне вот что: этот мужчина, который прячется здесь, он белый?

— Да.

— И ублюдки, которые его преследуют, тоже белые?

— Да.

— И все остальные, кто в этом может быть замешан?

Джентри кивнул.

— Значит, они такие же твари, как эта Фуллер со своим выродком? — Марвин вздохнул. — Интересно получается. — Он сунул руку в карман своей куртки, достал «ругер» Джентри и со стуком положил его на стол. — Здоровый кусок железа ты таскаешь с собой, мистер шериф. Никогда не собирался зарядить его?

— Запасные патроны у меня в чемодане, — не прикасаясь к револьверу, ответил Джентри.

— А где твой чемодан, парень? Если он был в расплющенном «форде», то его сперли.

— Марвин ходил за моей сумкой, — пояснила Натали. — Она исчезла вместе с останками твоей прокатной машины. И автобусом.

— Автобусом? — Брови Джентри удивленно поползли вверх. — Автобус исчез? Через сколько времени после нашего появления вы ходили туда?

— Через шесть часов, — ответил Лерой.

— Так что придется нам поверить на слово малышке, что за вами гнался большой нехороший автобус, — проронил Марвин. — Она утверждает, что вы стреляли в него и попали. Может, он уполз умирать в кусты, мистер шериф?

— Шесть часов, — повторил Джентри и прислонился к холодильнику. — Что-нибудь есть в новостях? Об этом уже должно быть известно.

— Ничего, — ответила Натали. — Телевидение безмолвствует. В «Филадельфийском обозревателе» нет даже крохотной заметки.

— О господи, — произнес он. — Какие же у них должны быть связи, чтобы все так быстро убрать и замять! По меньшей мере четверо были убиты.

— А уж до чего, наверное, разозлилась контора, которой принадлежал автобус, а? — заметил Кальвин. — Советую тебе, парень, не пользоваться здесь муниципальным транспортом. А то, глядишь, какой-нибудь автобус отомстит тебе за убийство своего собрата. — И Кальвин так расхохотался, что чуть не упал со стула.

— Так где же твой чемодан? — повторил Марвин.

Джентри передернул плечами, выходя из задумчивости:

— Я оставил его в отеле «Челтен». Но я заплатил всего за одну ночь. Так что, возможно, его уже забрали.

Марвин развернулся в своем кресле:

— Тейлор, ты работаешь в этой старой развалине. Можешь пробраться в их камеру хранения?

— Конечно. — Худое лицо восемнадцатилетнего Тейлора покрывали темные шрамы, оставшиеся после прыщей и фурункулов.

— Это опасно, — предупредил Джентри. — Возможно, там уже нет чемодана. В любом случае за парнем будут следить.

— Какие-нибудь накачанные свиньи? — осведомился Марвин.

— В том числе и они.

— Тейлор, — произнес Марвин. Это был приказ.

Парень осклабился, спрыгнул со стойки и исчез.

— Нам надо еще кое-что обсудить, — сказал Марвин, поглядев на шерифа и Натали. — Вы пока можете отдохнуть.

Натали с Джентри стояли на заднем крыльце общинного дома и смотрели, как растворяются последние остатки тусклого зимнего дня. Перед домом тянулся длинный пустырь, усеянный грудами разбитых заснеженных кирпичей и упиравшийся в два заброшенных здания. Отблеск керосиновых ламп в нескольких окнах указывал на то, что там еще кто-то живет. Было очень холодно. В свете единственного уцелевшего фонаря плясали снежинки.

— Значит, мы остаемся здесь? — спросила Натали.

Джентри посмотрел на нее. Из-под армейского одеяла, которое он набросил на себя вместо куртки, торчала лишь его голова.

— На сегодня, пожалуй, ничего лучшего не придумаешь, — промолвил он. — Может, мы и не среди друзей, но, по крайней мере, у нас общий враг.

— Марвин Гейл умен и хитер, — заметила Натали.

— Как лиса, — добавил Джентри.

— Почему ты считаешь, что он зря теряет время с бандой?

Шериф прищурился, вглядываясь в грязные сумерки.

— Когда учился в Чикаго, я работал там с парочкой городских банд. В основном главари были вполне толковыми ребятами, только один психопат попался. Помести альфа-личность в замкнутую систему, и она достигнет в ней высших ступеней власти. И со здешней бандой то же самое.

— Что значит альфа-личность?

Джентри рассмеялся было, но тут же умолк из-за боли в груди.

— Студенты, изучающие поведение животных, следят, кто в каком порядке получает в этой группе пищу, и называют главного барана, воробья, волка или еще кого-нибудь альфа-самцом. Бывают, конечно, и альфа-самки, поэтому я предпочитаю термин «альфа-личность». Иногда мне кажется, что дискриминация и другие глупые социальные барьеры приводят к возникновению неожиданно большого количества альфа-личностей. Возможно, этот процесс является чем-то вроде естественного отбора, с помощью которого разные этнические и культурные группы отвоевывают себе справедливые места в несправедливом обществе.

Натали прикоснулась к его руке сквозь одеяло:

— Знаешь, Роб, для доброго провинциального шерифа в твоей голове бродят слишком оригинальные мысли.

— Не такие уж оригинальные. — Джентри ласково посмотрел на нее. — Сол Ласки уже предполагал нечто подобное в своей книге «Патология насилия». Он писал о том, как попранные, униженные люди, менее всего подходящие для данного общества, вдруг перерождаются в невероятных борцов, когда от этого зависит выживание культуры и нации... что-то вроде супер-альфа-личностей. В несколько извращенном, болезненном виде в эту модель вписывается даже Гитлер.

Натали смахнула с ресниц снежинки.

— Ты думаешь, Сол еще жив?

— Судя по обстоятельствам, не должен. — Джентри уже рассказал Натали, как провел последние несколько дней перед тем, как отыскал ее в Джермантауне. Он еще плотнее закутался в одеяло и положил перевязанную руку на выщербленные перила крыльца. — И все же почему-то я думаю, что он жив.

— Его кто-то насильно удерживает?

— Да. Иначе он не исчез бы так бесследно. Он бы предупредил нас каким-нибудь образом.

— Каким? — спросила Натали. — И ты, и я оставляли свои послания на автоответчике, но их кто-то стирал. Если мы не могли связаться друг с другом, как бы это удалось Солу? Особенно если за ним следят?

— Серьезный довод, — согласился Джентри.

Натали вздрогнула. Он придвинулся ближе и прикрыл ее полой своего одеяла.

— Вспоминаешь вчерашний вечер?

Девушка кивнула. Всякий раз, как она начинала обретать хоть какую-нибудь уверенность, к ней снова возвращалось то ощущение, когда сознание Энтони Хэрода проникло в ее мозг, и все тело ее охватывало дрожью, словно при воспоминании о каком-то зверском насилии. Впрочем, это и было насилие.

— Все позади, — промолвил Джентри. — Больше они не доберутся до тебя.

— Но они все еще там, — прошептала Натали.

— Да. И это главная причина, по которой нам следует попытаться выбраться из Филадельфии сегодня...

— Ты по-прежнему считаешь, что Хэрод не имел отношения к автобусу?

— Не представляю, как он мог это сделать, — ответил Джентри. — Он был без сознания, когда мы уходили. Если ему и удалось прийти в себя минут через десять, заниматься умственной гимнастикой он был явно не способен. Кроме того, разве у тебя не сложилось впечатление, что он мог использовать свои способности только с женщинами?

— Да, мне так показалось, когда он... когда он...

— Доверься своему чувству, — посоветовал Джентри. — Кто бы ни натравил вчера на нас этих ребят, среди преследователей явно были мужчины.

— Но если это не Энтони Хэрод, тогда кто?

Уже совсем стемнело. Откуда-то издалека послышался вой сирены. Разбитые фонари, тускло освещенные окна, снег, мрачные, нависшие над пустырем тучи — все казалось нереальным, словно свету не было места среди этих грязных кирпичей и ржавого металла.

— Не знаю, — вздохнул Джентри. — Зато я знаю, что наша задача сейчас — затаиться и выжить. Единственная здравая мысль, которую я вынес из размышлений о вчерашних событиях, заключается в том, что, кто бы нас ни преследовал, он хотел загнать нас сюда и вовсе не стремился убить... по крайней мере тебя.

Натали широко раскрыла глаза от изумления:

— С чего ты взял? Ты посмотри, что они натворили! Автобус... эти люди... А что они сделали с тобой?

— Да, — согласился Джентри. — Но тебе не кажется, что они могли бы справиться с нами гораздо проще?

— Как? — спросила Натали, хотя уже сама догадалась.

— Все это время при мне был пистолет. Если они видели нас, когда преследовали, они могли заставить меня выстрелить в тебя, а потом в себя.

Натали вздрогнула под одеялом, и Джентри обнял ее правой рукой.

— Значит, ты думаешь, они не пытались уничтожить нас? — спросила она.

— Это один из вариантов. — Джентри замолчал, и Натали поняла, что он не хочет развивать свою мысль.

— А другой? — настойчиво спросила она.

Он поджал губы и слабо улыбнулся:

— Другой вариант вполне согласуется с обстоятельствами: они были уверены, что нам некуда деться, и просто решили поразвлечься. Немного поиграть с нами.

Дверь за их спинами с шумом распахнулась, и Натали подпрыгнула от неожиданности.

— Эй, вы! — крикнул Лерой. — Марвин велел вас позвать. Тейлор вернулся и принес чемодан. Луис тоже вернулся с хорошими вестями. Они с Джорджем выследили, где живет эта старая сука, дождались, когда она уснет, и взяли ее. И ее белого ублюдка.

Сердце у Натали забилось как сумасшедшее, — казалось, оно вот-вот вырвется из груди.

— Что значит — взяли? — прошептала она.

Лерой ухмыльнулся.

— Пришили. Луис перерезал старухе горло, пока она спала. А Джордж с Сетчем закололи ублюдка ножами. Проткнули его насквозь раз десять, искромсали на мелкие кусочки. Больше эта сука не будет охотиться за членами братства.

Натали с Джентри обменялись взглядами и последовали за Лероем в дом, откуда доносились звуки веселья.

Луис Соларц был плотным довольно светлокожим парнем с выразительными глазами. Он восседал во главе стола, а Кара и еще одна молодая женщина промывали и забинтовывали ему рану на горле. Его желтая рубашка была вся забрызгана кровью.

— А что с твоим горлом? — осведомился Марвин. Главарь банды только что спустился. — Ты вроде сказал, что вы перерезали горло старухе.

Луис возбужденно кивнул, попытался заговорить, но издал лишь хриплое карканье и перешел на шепот:

— Ну, сказал. Белый ублюдок полоснул меня, когда мы разделывались с ним.

Кара шлепнула Луиса по руке, чтобы он не тянулся к ране, и поправила повязку.

Марвин облокотился на стол.

— Что-то я не понимаю. Ты говоришь, вы пришли к Фуллер, пока она спала, но этот сукин сын все же успел порезать тебя. И где, черт побери, Джордж и Сетч?

— Они все еще там.

— С ними все в порядке?

— Да, все нормально. Джордж хотел отрезать голову белому ублюдку, но Сетч велел ему подождать.

— Чего? — осведомился Марвин.

— Тебя подождать.

Натали с Джентри подошли ближе. Натали вопросительно посмотрела на Роба, но тот лишь пожал плечами, все еще закутанными в одеяло.

Марвин сложил на груди руки и вздохнул:

— Расскажи все сначала, Луис. Все с самого начала.

Луис прикоснулся к своему перебинтованному горлу:

— Больно.

— Рассказывай! — рявкнул Марвин.

— Хорошо, хорошо. Мы с Джорджем и Сетчем поговорили с местным народом, как ты велел, но никто ничего не видел, и мы решили, что с нас довольно, понимаешь? Мы стояли на Джермантаун-стрит, а она вдруг выходит из магазина на Вистер-стрит.

— Магазин Сэма Дели? — переспросил Кальвин.

— Вот именно, — хмыкнул Луис. — Мадам Вуду собственной персоной.

— Вы узнали ее по моей фотографии? — спросила Натали.

Все обернулись к ней, а Луис бросил на нее странный взгляд. Натали подумала, что, наверное, женщине положено молчать на военных советах, но она откашлялась и снова спросила:

— Вам помогла моя фотография?

— Да, она тоже, — хрипло прошептал Луис. — Но с ней к тому же был белый ублюдок.

— Ты уверен, что это был он? — усомнился Лерой.

— Да, уверен, — подтвердил Луис. — И Джордж его видел раньше. Тощий такой, длинные грязные патлы, дикие глаза. Много таких придурков разгуливают со старухами, чтобы можно было ошибиться?

Все присутствующие дружно разразились хохотом. Натали подумала, что это разрядка после нервного напряжения.

— Продолжай, — сказал Марвин.

— Мы двинули за ними, пока они не вошли в старый дом. Сетч говорит: «Валяйте», а я говорю: «Нет, давайте сначала оглядимся». Джордж залез на дерево сбоку и увидел, что мадам Вуду спит. Тогда я говорю: «Ну, валяйте». Сетч соглашается, открывает замок, и мы входим.

— Где находится тот дом? — спросил Марвин.

— Я покажу тебе.

— Нет, ты расскажи мне! — Марвин сгреб Луиса за воротник.

Тот заскулил и схватился за горло:

— На Квин-лейн, недалеко от Джермантаун-стрит. Я покажу тебе. Сетч и Джордж ждут там.

— Рассказывай дальше, — приказал Марвин.

— Мы тихо вошли, — продолжил Луис. — Понимаешь, было всего четыре часа. Но старуха спала наверху в комнате, битком набитой куклами...

— Куклами?

— Да, что-то вроде детской. Только она не совсем спала, а вроде как была под наркотой, понимаешь?

— В трансе, — подсказала Натали.

— Да. Вроде того... — Луис снова бросил на нее быстрый взгляд.

— Что было дальше? — спросил Джентри.

Луис одарил всех широкой улыбкой:

— Дальше я перерезал ей горло.

— Она точно мертва? — спросил Лерой.

Улыбка Луиса сделалась еще шире.

— О да. Она мертва.

— А белый ублюдок? — допытывался Марвин.

— Мы с Сетчем и Джорджем нашли его на кухне. Он натачивал это свое кривое лезвие.

— Косу? — уточнила Натали.

— Да, — кивнул Луис. — Нож у него тоже был. Им он и полоснул меня, когда мы захотели его отнять. А потом Сетч и Джордж прикончили его. Хорошо его отделали, распороли глотку.

— Он мертв?

— Да.

— Ты уверен?

— Еще как! Ты считаешь, мы не умеем отличать мертвого от живого?

Марвин уставился на Луиса. В синих глазах главаря мелькнул какой-то странный огонек.

— Луис, этот белый ублюдок убил пятерых наших добрых братьев. Он справился с Мухаммедом, в котором было шесть футов два дюйма росту. Как же тебе, Сетчу и малышу Джорджу удалось так просто убить его?

Луис пожал плечами:

— Не знаю. Когда мадам Вуду отбросила копыта, белый ублюдок оказался не таким уж чудовищем. Обычный тощий парень. Он даже плакал, когда Сетч резал ему горло.

Марвин покачал головой:

— Что-то не верится... Уж слишком все просто. А что свиньи?

Луис молчал.

— Послушай, Марвин, — наконец изрек он. — Сетч сказал, чтобы я сразу привел тебя. Ты хочешь посмотреть на них или нет?

— Да, — ответил Марвин. — Да, хочу!

— Ты не пойдешь туда, — сказал Джентри.

— Что значит — не пойду? — возмутилась Натали. — Марвин хочет, чтобы их сфотографировали.

— Мне наплевать, чего там хочет Марвин! Ты останешься здесь.

Они стояли за занавеской в углу на втором этаже. Все члены банды уже собрались внизу. Джентри принес свой чемодан и теперь переодевался в вельветовые брюки и свитер. Натали заметила, что бинты на его груди пропитались кровью.

— Ты же ранен, — сказала она. — Тебе тоже не следует ходить.

— Я должен убедиться, что Фуллер мертва.

— Но я... я тоже хочу убедиться... Она убила моего отца!

— Нет. — Джентри натянул на свитер куртку и повернулся к ней. — Натали, пожалуйста... — Он поднял свою огромную ладонь и нежно прикоснулся к ее щеке. — Ты мне так нужна.

Она осторожно обняла его, стараясь не касаться раненого бока, и заглянула в глаза:

— Ты тоже очень нужен мне, Роб.

— Я вернусь, как только мы взглянем на то, что там творится.

— А фотографии?

— Я возьму твой «Никон», не возражаешь?

— Да, но все-таки нехорошо, что я...

— Послушай, этот Марвин не дурак, — заметил Джентри, понизив голос до густого баса. — Он не склонен рисковать.

— Тогда и ты не рискуй.

— Нет, мэм. Мне придется это сделать. — Он притянул девушку к себе и так надолго прильнул к ее губам, что она, позабыв о его сломанных ребрах, крепко обняла его и прижалась к нему всем телом.

Из окна второго этажа Натали наблюдала за тем, как процессия тронулась в путь. Вместе с Луисом отправились Марвин, Лерой, высокий парень по имени Кальвин, старый член банды с угрюмым лицом по прозвищу Форель, двое близнецов, с которыми Натали не была знакома, и Джексон — экс-медик, появившийся в последний момент. Все были вооружены, за исключением Луиса, Джентри и Джексона. Кальвин и Лерой прятали обрезы под свободными куртками, Форель нес длинноствольный пистолет 22-го калибра, близнецы имели при себе маленькие, дешевые на вид пистолеты, которые Джентри обозвал «специальными субботними». Шериф попросил Марвина вернуть ему «ругер», на что тот лишь рассмеялся и, зарядив револьвер, сунул его в карман собственной армейской куртки. Отойдя от дома, Джентри повернулся и помахал Натали «Никоном».

Натали устроилась в углу на матрасе и вся сжалась, пытаясь справиться с подступившими слезами. Она обдумывала всевозможные повороты и варианты событий. Если Мелани Фуллер мертва, они смогут уехать. Смогут ли? А как же представители власти, о которых говорил Роб? И оберст? И Энтони Хэрод? Она ощутила во рту привкус желчи, едва подумала об этом сукином сыне с глазами рептилии. К горлу снова подкатила тошнота при воспоминании о его паническом страхе перед женщинами и его ненависти к ним, которые она ощутила за те несколько минут, пока находилась в его власти. Как бы ей хотелось растоптать его омерзительное лицо!

Шум в коридоре заставил ее вскочить. В тусклом свете лестничной площадки возникла чья-то фигура. Ответственным за дом оставили Тейлора, несколько членов банды отправились оповестить остальных, снизу слышался смех, но на втором этаже Натали была одна. Фигура неуверенно двинулась к свету, и она увидела белую руку и бледное лицо.

Девушка быстро огляделась в поисках какого-либо оружия. Затем подбежала к бильярдному столу, ярко освещенному единственной свисавшей с потолка лампой, и схватила кий, пытаясь отыскать в нем центр тяжести.

— Кто там? — спросила она, сжимая кий обеими руками.

— Всего лишь я, — откликнулся преподобный Билл Вудз, якобы управлявший общинным домом, и шагнул в полосу света. — Простите, что напугал вас.

Натали чуть расслабилась, но кий не положила.

— Я думала, что вы ушли.

Вудз облокотился на стол и принялся катать белый бильярдный шар.

— О, я весь день хожу то туда, то обратно. Вы не знаете, куда отправились Марвин с ребятами?

— Нет.

Священник покачал головой и поправил очки с толстыми стеклами.

— Ужасно, как они страдают от дискриминации и эксплуатации. Вы слышали, что уровень безработицы здесь среди черных подростков превышает девяносто процентов?

— Нет. — Натали обошла стол, чтобы держаться подальше от этого худого навязчивого человека, но, кроме желания общаться, он вроде ничего не выражал.

— Да-да, — настойчиво закивал Вудз. — Магазины и лавки в Джермантауне принадлежат исключительно белым. В основном евреям. Многие из них уже не живут здесь, но продолжают контролировать остатки своего бизнеса. В общем, ничего не меняется.

— Что вы имеете в виду? — переспросила Натали. «Интересно, добрался ли Роб с остальными до места? — подумала она. — Если убитая не Мелани Фуллер, что он будет делать?»

— Я имею в виду евреев, — пояснил Вудз. Он вдруг вскочил на край бильярдного стола и одернул брючину, после чего прикоснулся к узенькой черной полоске усов, походивших на нервную гусеницу. — Эксплуатация евреями притесняемых классов в американских городах имеет долгую историю. Вы негритянка, мисс Престон. Вы должны понимать это особенно хорошо.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — промолвила Натали, и в этот миг дом содрогнулся от раздавшегося внизу взрыва.

— Боже милостивый! — воскликнул Вудз.

Натали бросилась к одному из окон узнать, что происходит. У края тротуара ярко пылали два брошенных автомобиля. Язы-

ки пламени взлетали футов на тридцать, освещая пустые стоянки, брошенные дома на противоположной стороне улицы и железнодорожную платформу на севере. Несколько членов банды высыпали на тротуар, крича и потрясая обрезами и другим оружием.

— Лучше я вернусь в молодежный центр и вызову пожарных. Здесь телефон не работает... — сказал Вудз и вдруг умолк.

Натали обернулась и увидела, что тот, широко раскрыв глаза, смотрит на лестничную площадку. Там стоял какой-то парень, худой, мертвенно-бледный, в разорванной и испачканной кровью армейской куртке. Длинные спутанные волосы свисали на глаза, посаженные так глубоко, что казалось, они выступают из пустых глазниц черепа. В его широко разинутом рту Натали заметила обрубок языка, который двигался в темном провале мерзкой розовой гортани. В руках парень держал косу, ручка ее была выше его на целую голову, и, когда он сделал шаг вперед, по ободранной стене взметнулась его громадная тень.

— Вам здесь не место, — начал преподобный Билл Вудз.

И тут коса со свистом описала дугу, и голова Вудза повисла на ошметках шеи. Священник рухнул на бильярдный стол, кровь брызнула на зеленое сукно, стекая в ближайший кармашек. Безмолвная длинноволосая фигура с косой — настоящая смерть — повернулась к Натали.

Девушка попыталась кием раскрыть окно, но все окна были забраны металлическими решетками. Тогда она изо всех сил закричала, и истерические нотки, прозвучавшие в ее голосе, удивили ее саму и заставили мыслить здраво. Треск пламени и шум на улице заглушили ее вопль. Те, кто метался перед домом, даже не подняли головы.

Натали перевернула кий заостренным концом к себе и кинулась к столу. Тварь с косой метнулась вправо, она тоже подалась вправо, поглядывая на лестничную площадку и следя за тем, чтобы между ними оставался стол. Натали поняла, что ни при каких обстоятельствах ей не удастся пробраться к лестнице, ноги у нее подкосились, и она почувствовала, что вот-вот упадет. Она крикнула еще раз, призывая на помощь, и отшвырнула тяжелый кий. Длинноволосое чудовище снова метнулось вправо, позволив Натали чуть приблизиться к площадке. Затем тварь подняла косу, разбив стеклянный колпак лампы, и принялась размахивать ею.

Звук падающих капель, словно из неплотно закрытого крана, на секунду привлек его внимание. Из горла того, кто недавно был

священником, тонкой струйкой стекала кровь. Свет качающейся лампы отбрасывал на стены немыслимые тени, меняя цвет крови и зеленого сукна от красного к зеленому, от черного к серому... И тут парень с косой подпрыгнул, словно намереваясь перелететь через стол, и Натали закричала что есть силы.

Пригнувшись, она увернулась от острия косы и, схватив подвернувшийся кий, вскинула его, как пику, уперев основанием в пол. Упырь с косой налетел на него всем весом и как бы повис над стоявшей на коленях девушкой. Затем он с грохотом рухнул на спину и тут же попытался косой срезать ее ноги, но лезвие лишь скользнуло по доскам пола. Натали вскочила и бросилась к лестнице, когда тень в армейской куртке позади нее уже поднималась на ноги.

Она швырнула еще один подвернувшийся под руку кий, по звуку поняла, что попала, и, не оглядываясь, понеслась вниз, перепрыгивая через три ступеньки. Позади слышались тяжелые шаги.

Вылетев в коридор, Натали столкнулась с Карой у дверей кухни, но не остановилась.

— Ты куда? — окликнула ее та.

— Беги!

Кара нерешительно топталась в дверном проеме кухни, пока рукоять косы не ударила ей тупым концом точно между глаз. Красивая девушка упала без единого звука, стукнувшись головой об основание плиты.

Натали выбежала через черный ход, скатилась с крыльца на замерзшую землю и успела вскочить прежде, чем дверь распахнулась снова.

Она мчалась, рассекая холодный ночной воздух, по заваленному мусором пустырю за общинным домом, ныряла в темные переулки, сворачивала во дворы. Шаги за ее спиной становились все тяжелее и громче. Она слышала позади свистящее дыхание, звон косы о лед, но все бежала и бежала, опустив голову, не разбирая дороги.

Глава 27

Джермантаун
Воскресенье, 28 декабря 1980 г.

Тони Хэрод лишь частично понимал, о чем говорили Колбен и Кеплер, когда в воскресенье вечером те везли его обратно в отель «Каштановые холмы». Он сидел, откинувшись на заднем сиденье

машины, прижимая к голове пакет со льдом. Сознание его то фокусировалось, то снова расплывалось вместе с приливами боли, которая пульсировала и перетекала из головы в шею. Он плохо понимал, откуда взялся Джозеф Кеплер и что он здесь делал.

— Чертовски глупо, если вас интересует мое мнение, — сказал Кеплер.

— Да, — отозвался Колбен, — только не рассказывайте мне, что вам это не понравилось. Вы видели выражения лиц пассажиров, когда водитель начал выжимать газ? — Колбен разразился каким-то детским смехом.

— Теперь вам придется объясняться за три трупа, пятерых искалеченных и разбитый автобус.

— Этим занимается Хейнс, — ответил Колбен. — Волноваться не о чем. Мы прикрыты со всех сторон.

— Не думаю, что Баренту это понравится, когда он узнает.

— Пошел этот Барент...

Хэрод застонал и открыл глаза. Кругом было темно, на улицах — ни души. Каждый раз, когда машина подпрыгивала на выщербленной мостовой или на трамвайных рельсах, его пронзала острая боль в затылке. Он попробовал что-нибудь сказать, но собственный язык показался ему слишком толстым и неповоротливым, чтобы им можно было шевелить. Он снова закрыл глаза.

— ...Важно удерживать их в безопасной зоне, — говорил Колбен.

— А если бы нас здесь не было в качестве запасного варианта?

— Но мы ведь здесь. Неужели вы думаете, что я положусь в чем-нибудь основательном на этого идиота на заднем сиденье?

Хэрод сидел с закрытыми глазами и гадал, о ком идет речь.

— Вы уверены, что тех двоих использует старик? — снова раздался голос Кеплера.

— Вилли Борден? — переспросил Колбен. — Нет, зато мы не сомневаемся, что его орудием является еврей. И мы знаем наверняка, что те двое были связаны с евреем. По мнению Барента, он замышляет нечто большее, чем урок, преподанный Траску.

— А зачем Бордену понадобился Траск?

— Старичок Ниман послал своих «сантехников» в Германию, чтобы покончили с Борденом, — со смешком ответил Колбен. — Посланцы завершили свои дни в полиэтиленовых мешках, а что случилось с Траском, вы знаете.

— Но зачем Борден явился сюда? Чтобы разделаться со старухой?

— Кто его знает. Эти старые пердуны психованные, как тараканы.

— Вам известно, где он находится?

— Неужели вы думаете, мы стали бы тут ковыряться, если бы нам было это известно? Барент считает, что эта шлюха Фуллер — наша лучшая приманка, но мне уже осточертело сидеть и ждать у моря погоды. Приходится прикладывать недюжинные усилия, чтобы не подпускать близко местных легавых и представителей власти.

— Особенно когда вы используете муниципальные автобусы таким оригинальным способом, — съехидничал Кеплер.

— Это точно, — откликнулся Колбен, и оба рассмеялись.

Мария Чэнь застыла в изумлении, когда Колбен и еще один неизвестный ей мужчина втащили в гостиную номера Тони Хэрода.

— Твой шеф откусил сегодня слишком большой кусок и не смог проглотить, — заметил Колбен, отпуская руку Хэрода и позволяя тому рухнуть на диван.

Тони попробовал подняться, но голова так закружились, что он снова упал на подушки.

— Что случилось? — спросила Мария Чэнь.

— Некий ревнивый малыш застукал Тони в спальне у дамы, — рассмеялся Колбен.

— Врач в штабе операции уже осмотрел его, — сообщил второй, который немного походил на Чарлтона Хестона. — Он считает, что возможно небольшое сотрясение мозга, но не более.

— Ну, нам пора! — проревел Колбен. — После того как твой мистер Хэрод провалил свою часть операции, всё в этом поганом городе того и гляди взлетит на воздух. Проследи, чтобы в десять утра он был в главном трейлере. — Колбен погрозил девушке пальцем. — Поняла?

Мария Чэнь молча смотрела на него, ни единый мускул не дрогнул на ее лице. Колбен удовлетворенно крякнул, и оба вышли из номера.

Хэрод помнил лишь отдельные фрагменты того вечера: свою безудержную рвоту в маленькой кафельной ванной, нежные руки Марии Чэнь, снимающей с него одежду, прохладное прикосновение простыней к коже. Всю ночь она меняла у него на лбу влажные

полотенца. Раз, проснувшись, он обнаружил ее рядом в постели, белое нижнее белье подчеркивало смуглость ее кожи. Он протянул к ней руку, снова ощутил головокружение и закрыл глаза.

Хэрод проснулся в семь утра в состоянии самого страшного похмелья, которое когда-либо переживал. Он ощупал постель и, не найдя Марии Чэнь, со стоном сел, стараясь припомнить, в каком из борделей находится, пока у него в голове не всплыло все происшедшее.

— О господи, — снова застонал он.

Ему потребовалось около часа, чтобы принять душ и побриться. Он ни на минуту не сомневался, что от любого резкого движения его голова скатится с плеч, и ему совершенно не улыбалось ползать потом в темноте на четвереньках и искать ее.

Мария Чэнь вошла в тот момент, когда Хэрод, шаркая ногами, направился в своем оранжевом халате в гостиную.

— Доброе утро, — промолвила она.

— К черту!

— Сегодня прекрасное утро.

— Имел я его!

— Я принесла завтрак из кофейни. Почему бы нам не съесть что-нибудь?

— Почему бы тебе не заткнуться?

Мария Чэнь улыбнулась, порылась в сумочке и достала браунинг.

— Послушай, Тони, я снова предлагаю тебе позавтракать вместе. Если я услышу от тебя еще одну непристойность или увижу какой-либо намек на мрачную угрюмость, я разряжу всю обойму в этот холодильник. Не думаю, что произведенный грохот будет полезен шаткому состоянию твоего здоровья.

— Ты не посмеешь! — Хэрод выпучил глаза.

Мария Чэнь сняла предохранитель, прицелилась в холодильник и отвернулась, прикрыв веки.

— Стой! — воскликнул Хэрод.

— Так ты будешь завтракать со мной?

Тони принялся растирать виски обеими руками.

— Сочту за счастье, — наконец процедил он.

Мария принесла четыре пластиковые чашки с герметичными крышками, и, когда они покончили с яичницей и ветчиной, каждый из них смог выпить по две порции кофе.

— Я бы заплатил десять тысяч долларов, чтобы узнать, кто меня так отделал, — произнес Хэрод.

Мария Чэнь протянула ему чековую книжку и ручку, которой он пользовался для подписания контрактов.

— Его зовут Бобби Джо Джентри. Он шериф из Чарлстона. Барент считает, что он приехал сюда за девушкой, которая ищет Мелани Фуллер, и все они каким-то образом связаны с Вилли.

Хэрод поставил чашку и рукавом халата промокнул пролитый кофе.

— Черт побери, откуда ты это знаешь?

— Мне сказал Джозеф.

— А что за задница этот Джозеф?

— Ай-ай-ай. — Мария Чэнь покачала головой и указала пальцем на холодильник.

— Кто такой Джозеф?

— Джозеф Кеплер.

— Кеплер? Я думал, мне приснилось, что он здесь. Какого черта ему тут нужно?

— Его послал сюда мистер Барент, — пояснила Мария Чэнь. — Они с мистером Колбеном были вчера у отеля, когда люди Хейнса сообщили по рации, что шериф с девушкой уходят. Мистер Барент не хотел, чтобы они скрылись. А первым начал Использовать автобус мистер Колбен.

— Начал использовать что?..

Мария Чэнь пояснила.

— Чтоб я сдох, — выругался Хэрод, закрыл глаза и принялся неторопливо массировать голову. — Этот поганый легавый поставил мне такую шишку! Чем он меня ударил?

— Кулаком.

— Серьезно?

— Серьезно, — подтвердила Мария Чэнь.

Хэрод открыл глаза:

— И ты узнала все от этого бабника и пердуна Кеплера? Ты что, переспала с ним?

— Нет, мы с Джозефом вместе сбегали на пробежку сегодня утром.

— Он *тоже остановился здесь*?

— Номер тысяча десятый. Рядом с Хейнсом и мистером Колбеном.

Хэрод встал, покачнулся и направился в ванную.

— Мистер Колбен просил, чтобы ты к десяти был у командного трейлера.

Хэрод поднял пистолет и ухмыльнулся:

— Пусть засунет это себе в задницу.

Телефонные звонки начались в 10:10. В 10:15 Тони не выдержал и снял трубку.

— Хэрод, быстро двигай сюда.

— Это ты, Чак?

— Да.

— Пошел ты куда подальше, Чак.

Вечером телефон зазвонил снова, и Мария Чэнь взяла трубку. Хэрод только что закончил одеваться к обеду.

— Думаю, тебе лучше ответить, Тони, — сказала она.

Хэрод схватил трубку:

— Да, в чем дело?

— Полагаю, тебе было бы интересно посмотреть на это, — медленно проговорил Кеплер.

— На что?

— Шериф, который отделал тебя вчера, вышел из укрытия.

— Где?

— Подъезжай к командному трейлеру, мы тебе покажем.

— А вы можете прислать машину?

— Один из агентов у отеля подвезет тебя.

— Хорошо, — бросил Хэрод. — Смотрите не дайте этому болвану улизнуть. Мне надо с ним расквитаться.

— Тогда лучше поторапливайся, — ответил Кеплер.

К тому времени, когда Хэрод вошел в тесный центр управления, уже совсем стемнело, повалил снег. Кеплер оторвался от одного из экранов и поднял голову:

— Добрый вечер, Тони. Добрый вечер, мисс Чэнь.

— Где этот чокнутый легавый? — с ходу спросил Хэрод.

Джозеф Кеплер указал на монитор с изображением дома Энн Бишоп и пустой улицы.

— Минут двадцать назад они прошли пост наблюдения Синей бригады и двинулись дальше по Квин-лейн.

— И где он сейчас?

— Не знаем. Людям Колбена не удалось проследить.

— Не удалось проследить?! — заорал Хэрод. — Боже мой, у Колбена здесь человек сорок агентов...

— Почти сотня, — поправил Кеплер. — Сегодня утром Вашингтон прислал подкрепление.

— Сотня долбаных агентов не может выследить толстого белого легавого среди черномазых в гетто?

Несколько человек с неодобрительным видом оторвались от мониторов. Кеплер жестом указал Хэроду и Марии Чэнь, чтобы они прошли в кабинет Колбена. Когда дверь за ними закрылась, он сказал:

— Золотой бригаде было велено следовать за шерифом и черными парнями. Но они не смогли выполнить приказ, поскольку их средство передвижения временно выведено из строя.

— Что это означает, черт побери?

— Кто-то пропорол шины их грузовика, — пояснил Кеплер.

Хэрод рассмеялся:

— Почему же они не последовали дальше пешком?

Джозеф откинулся на спинку кресла и сложил руки на плоском животе.

— Во-первых, потому, что Золотая бригада целиком состоит из белых и они решили, что привлекут к себе слишком много внимания. Во-вторых, им было приказано не покидать грузовик.

— Почему?

Кеплер едва заметно улыбнулся:

— Неблагоприятные районы. Колбен и остальные опасаются, что машина может быть разграблена.

Хэрод разразился хохотом, потом, немного успокоившись, спросил:

— Кстати, а где малыш Чак?

Кеплер кивнул на передатчик, стоявший у северной стены кабинета. Из него доносился фоновый шум и обрывки разговоров.

— Он наверху, в вертолете.

— Понятно. — Хэрод тоже сложил руки и усмехнулся. — Хотел бы я посмотреть, как выглядит этот шериф.

Кеплер включил переговорное устройство и что-то произнес. Через тридцать секунд на экране монитора появился Джентри с компанией. Хотя изображение было окрашено в зеленовато-белые тона, Хэрод различил грузного человека в окружении молодых негров. Внизу экрана мерцали цифры, коды и время записи.

— Я с ним еще встречусь, — прошептал Хэрод.

— Одна из бригад уже отправилась на поиски пешком, — заметил Кеплер. — И мы почти уверены, что вся компания вернется в общинный дом, где обычно банда и собирается.

Внезапно заработало переговорное устройство, и оттуда послышался возбужденный голос Чарльза Колбена:

— Красный лидер — Замку. Красный лидер — Замку. У нас пожар на улице возле ОД-один. Повторяю, у нас... нет... два источника возгорания на улице возле ОД-один.

— Что такое ОД-один? — спросила Мария Чэнь.

— Общинный дом. — Кеплер переключал каналы на мониторе. — Большой старый дом, о котором я только что говорил, там находится штаб банды. Чарльз называет его Осиной Дырой — один.

На экране показалось пламя, полыхавшее на расстоянии в полквартала. Камера, вероятно, находилась в машине, припаркованной неподалеку. Было видно, как возле дома толпятся темные фигуры, грозно потрясая оружием.

— Прием, Красный лидер. Говорит Зеленая бригада от ОД-один, — раздался незнакомый голос. — Признаков вторжения не наблюдается.

— Черт побери! — снова заорал Колбен. — Возьмите Желтых и Серых и окружите район. Багряный, у вас с севера никого не видно?

— Нет, Красный лидер.

— Замок, вы записываете происходящее?

— Да, Красный лидер, — послышался усталый голос агента из контрольного помещения трейлера.

— Возьмите фургон СП, которым мы пользовались вчера, и потушите пожар, пока в это дело не вмешались городские власти.

— Есть, Красный лидер.

— Что такое фургон СП? — поинтересовался Хэрод.

— Фургон «скорой помощи». Колбен переправил его из Нью-Йорка. Это одна из причин, почему операция обходится в двести тысяч долларов в день.

Хэрод покачал головой:

— Сотня федеральных легавых, вертолет, фургон «скорой помощи»... И все ради того, чтобы загнать двух стариков, у которых и зубов-то не осталось.

— Может, и не осталось, — отозвался Кеплер, кладя ноги на стол Колбена и устраиваясь поудобнее, — но по крайней мере один из них все еще здорово кусается.

Хэрод и Мария Чэнь откинулись на спинки кресел, приготовившись смотреть представление.

Во вторник утром на девять часов Колбен назначил конференцию, которая должна была состояться в пяти тысячах футов над землей. Хэрод не преминул продемонстрировать свое отвращение к этому мероприятию, но в вертолет все же залез. Кеплер и Мария Чэнь, все еще разгоряченные после своей шестимильной пробежки вокруг «Каштановых холмов», обменялись улыбками. Ричард Хейнс устроился в кресле второго пилота, а нейтрал Колбена был абсолютно непроницаем за толстыми стеклами очков. Когда вертолет взмыл вверх, взяв курс на юг к реке и парку Фермонт, Колбен развернулся в своем откидном кресле и обратился к троице, сидевшей сзади:

— Нам до сих пор неизвестно, из-за чего вчера разгорелась драка и почему они начали стрелять друг в друга. Возможно, каким-то образом в этом замешаны Вилли и эта старая шлюха. Но решать — дело Барента. Пока нам дан зеленый свет. Операция продолжается.

— Отлично, — ухмыльнулся Хэрод. — Что до меня, то я сваливаю отсюда сегодня вечером.

— Исключено, — сказал Колбен. — У нас осталось сорок восемь часов, чтобы отыскать твоего друга Вилли. А затем мы переключимся на эту суку Фуллер.

— Вы даже не знаете, здесь ли Вилли, — заметил Хэрод. — Лично я продолжаю считать, что он мертв.

Колбен покачал головой и погрозил Хэроду пальцем:

— Ты так не считаешь. Тебе известно не хуже, чем нам, что этот сукин сын где-то здесь и что он что-то затевает. Мы не уверены, работает Фуллер с ним или нет, но к утру четверга это уже не будет иметь никакого значения.

— А к чему ждать так долго? — осведомился Кеплер. — Хэрод здесь. Ваши люди на месте.

Колбен пожал плечами:

— Барент хочет использовать еврея. Если Вилли заглотнет наживку, мы тут же начнем действовать. Если нет — ликвидируем еврея, прикончим старуху и тогда поглядим, что из этого получится.

— Какого еще еврея? — спросил Тони Хэрод.

— Одна из старых пешек твоего дружка Вилли, — ответил Колбен. — Барент провел с ним соответствующую обработку, а теперь хочет натравить его на этого фрица.

— Хватит называть его моим дружком! — рявкнул Хэрод.

— Конечно-конечно, — откликнулся Колбен. — Твой шеф. Так тебя больше устроит?

— Эй вы, заткнитесь оба! — попросил Кеплер. — Объясни Тони план действий.

Колбен наклонился и что-то сказал пилоту. Вертолет завис на высоте пять тысяч футов над серо-коричневым геометрическим рисунком Джермантауна.

— В четверг утром мы заблокируем весь город, — произнес Колбен. — Чтобы ни одна душа не вошла и не вышла. Более точно определим местонахождение Фуллер. Ночи она обычно проводит в этой Ропщущей Обители на Джермантаун-стрит. Хейнс возглавит тактическую бригаду и возьмет дом штурмом. Агенты позаботятся о Бишоп и о парне, которого она Использует. Так что остается одна Мелани Фуллер. Она полностью в твоем распоряжении, Тони.

Хэрод сложил на груди руки и посмотрел вниз на пустые улицы:

— И что?

— Ты ликвидируешь ее.

— Всего-то?

— Да, всего-то. Барент говорит, что ты можешь Использовать кого угодно. Но ею придется заняться тебе.

— Почему мне?

— Твой вклад, Тони.

— Мне казалось, вы захотите ее допросить.

— Мы обдумаем эту возможность, — заметил Кеплер, — но мистер Барент считает, что гораздо важнее ее нейтрализовать. Наша главная цель — выманить из укрытия старика.

Хэрод погрыз ноготь и снова взглянул вниз на крыши домов.

— А что, если мне не удастся... ликвидировать ее?

Колбен улыбнулся:

— Тогда мы ее заберем, а в Клубе по-прежнему останется вакантное место. Это не разобьет никому сердца, Тони.

— Но пока мы еще можем испытать еврея, — добавил Кеплер. — Мы не знаем, к чему это приведет.

— Когда приземлится эта штука? — спросил Хэрод.

Колбен посмотрел на часы:

— Операция уже началась. — Он сделал знак пилоту, чтобы тот опустился пониже. — Хотите взглянуть?

Глава 28
МЕЛАНИ

Уик-энд прошел тихо.

В воскресенье Энн приготовила для нас очень вкусный обед. Фаршированные свиные отбивные удались на славу, но овощи она немного перетушила. Пока мы с Энн пили чай из ее лучших фарфоровых чашек, Винсент убрал со стола. Я вспомнила о своем веджвуде, который пылится в Чарлстоне, и меня захлестнула ностальгия по дому.

В тот вечер я слишком устала, чтобы отправлять куда-нибудь Винсента, хотя меня и мучило любопытство насчет той фотографии. Но нет дел, которые не могли бы подождать. Гораздо важнее были голоса в детской. С каждым днем они становились все отчетливее, уже почти достигнув той границы, когда можно различить слова. Накануне вечером, искупав Винсента перед тем, как лечь спать, я смогла выделить в общем шепоте голоса детей. По меньшей мере их было трое — мальчик и две девочки. Я не видела ничего удивительного в том, что в детской старинного дома звучали детские голоса.

Поздно вечером в воскресенье, уже после девяти, Энн и Винсент вернулись вместе со мной в Ропщущую Обитель. Где-то поблизости завывали сирены. Проверив запоры на дверях и окнах, я оставила Энн в гостиной, а Винсента на кухне и поднялась наверх. Было очень холодно. Забравшись под одеяла, я стала смотреть на мерцающие во тьме спирали нагревателя. Свет отражался в глазах мальчика-манекена и окрашивал в оранжевый цвет пучки его волос.

Голоса были слышны очень отчетливо.

В понедельник я отправила Винсента на поиски.

Мне не хотелось отправлять его днем — тот квартал был слишком неблагоприятным, но нужно было все-таки разузнать хоть что-то о фотографии.

Винсент взял с собой нож и револьвер, позаимствованный мною у таксиста из Атланты. Он несколько часов просидел на корточках в задней части брошенной машины, наблюдая за проходящими мимо цветными подростками. Один раз в боковое стекло сунулся заросший щетиной бездомный, но Винсент открыл рот и зашипел на него. Тот сразу же исчез.

Наконец Винсент заметил знакомое лицо. Это был тот самый третий мальчик, который сбежал субботней ночью. Он шел с коре-

настым подростком и еще с одним парнем, постарше. Винсент пропустил их вперед на один квартал и тронулся следом.

Они миновали дом Энн и двинулись дальше на юг, где линия пригородных поездов образовывала искусственный каньон. Мальчишки достигли перекрестка и вошли в заброшенный дом. Строение являло собой странную пародию на особняк довоенной постройки — четыре непропорциональные колонны поддерживали плоский навес, переплеты узких высоких окон сгнили, а остатки металлической ограды были завалены ржавыми консервными банками и тонули в зарослях замерзшей травы. Окна на первом этаже были заколочены досками, дверь заперта, но подростки подошли к подвальному окошку с погнутыми прутьями и выбитой рамой и проскользнули внутрь.

Винсент быстро миновал четыре квартала и вернулся к дому Бишоп. Я заставила его взять большую перьевую подушку с кровати Энн, затолкать ее в огромный рюкзак и бегом вернуться обратно. День был серым и сумрачным, то и дело из низких туч начинал идти снег. В сыром воздухе пахло выхлопными газами и сигарным дымом. Машин было мало. Когда Винсент начал просовывать в окошко рюкзак, мимо прогрохотал поезд.

Цветные подростки устроились на третьем этаже, они сидели на корточках тесным кружком среди обвалившейся штукатурки и покрытых льдом луж. Сквозь разбитые окна и дырявый потолок кое-где виднелось серое небо. Все стены были исписаны. Мальчишки словно молились белому порошку, который пузырился у них в ложках. Обнаженная левая рука у каждого была перетянута резиновым жгутом. На грязных тряпках перед ними лежали шприцы. Я посмотрела на все это глазами Винсента и поняла, что здесь воистину совершается священнодействие — величайшее священнодействие в современной церкви Отчаяния городских негров.

Двое парней подняли головы и увидели Винсента как раз в тот момент, когда он вышел из укрытия, держа перед собой подушку как щит. Младший — тот самый, которому мы позволили убежать в субботу ночью, — начал что-то кричать, и Винсент выстрелил ему прямо в открытый рот. Перья разлетелись как снег, потянуло запахом обгоревшей наволочки. Парень постарше развернулся и попробовал отползти на коленях. Винсент выстрелил еще два раза — первая пуля попала негру в живот, вторая пролетела мимо. Парень заметался, схватившись за живот и извиваясь, как какое-то морское существо, выброшенное на негостеприимный берег. Винсент

крепко прижал подушку к перепуганному лицу негра и, вдавив в нее револьвер, выстрелил еще раз. Парень дернулся, и всякое движение прекратилось.

Подняв револьвер, Винсент повернулся к третьему, самому грузному. Тот продолжал стоять на коленях со шприцем в руке и с невероятно расширенными глазами. Его толстое черное лицо выражало чуть ли не религиозный трепет и благоговение. Винсент опустил револьвер в карман куртки и раскрыл свой длинный нож. Парень повернулся очень медленно, каждое движение казалось настолько подчеркнутым, будто он находился под водой. Винсент ударил его ногой по голове и, когда тот повалился назад, встал коленом ему на грудь. Шприц выпал из руки и покатился по грязному полу. Винсент вонзил острие ножа в горло негра, чуть правее кадыка.

Тут-то я и столкнулась со сложностями. Бóльшую часть своих сил мне пришлось бросить на то, чтобы сдерживать Винсента. Этот мальчик нужен был мне живым, чтобы узнать у него, каким образом фотография оказалась в Филадельфии, откуда взялась у этой цветной банды и что они с ней делали. Но Винсент не мог задавать вопросов. У меня мелькнула мысль непосредственно Использовать мальчика, однако это не так просто, если ты никогда не видел человека. Мне несколько раз удалось проделать это с уже обработанной пешкой для установления контакта — одновременно и Использовать, и допрашивать. Во-первых, в этот момент поверхностные мысли объекта ощущаются отчетливо, но дальнейшее подавление воли, необходимое для Использования, подчас вовсе уничтожает процессы рационального мышления. Все тонкости сознания этого толстяка оказались бы мне доступными не более, чем ему — мои. Во-вторых, если бы я полностью переключила внимание на этого негра и заставила его, предположим, вернуться в дом Энн, возможно, мне тогда не удалось бы удержать Винсента от его собственных порывов и он бы просто перерезал мальчишке горло.

В конце концов я заставила Винсента держать негра, пока к ним не подоспеет посланная мною Энн. Мне не очень хотелось оставаться одной, даже в Ропщущей Обители, но у меня не было выбора. Я не могла тащить парня ни сюда, ни к Энн, чтобы их с Винсентом никто не увидел.

Энн доехала до здания на своей машине, припарковала ее чуть дальше и закрыла дверцу на ключ. Ей было трудно пролезть сквозь подвальное окошко, поэтому я заставила Винсента стащить толс-

тяка вниз и сломать замок на боковой двери. В комнате первого этажа было абсолютно темно. Энн приступила к допросу:

— Откуда взялась фотография?

Глаза у парня расширились еще больше, и он облизнулся.

— Какая фотография?

Винсент изо всей силы ударил его в низ живота. У негра перехватило дыхание, и он согнулся пополам. Винсент поднес нож к его окровавленному горлу.

— Фотография пожилой женщины. Она была у одного из ваших, из тех, что умерли в субботу, — сквозь зубы пояснила Энн.

Учитывая проведенную обработку, мне несложно было управлять ею и в то же время сдерживать Винсента.

— Вы говорите о мадам Вуду? — переведя дыхание, спросил парень. — Но ведь вы — не она.

Энн повторила мою улыбку:

— Кто такая мадам Вуду?

Мальчишка попытался сглотнуть. Вид у него был смехотворный.

— Это женщина, которая заставляет белого ублюд... белого парня делать то, что он делает. Так сказала та малютка.

— Какая малютка?

— Ну, которая еще говорит так странно.

— Что значит «странно»?

— Ну, знаете... — Он часто задышал, словно после пробежки. — Как и ее толстая белая свинья. Будто они откуда-то с юга.

— Это она дала вам фотографию? Или тот... полный полицейский?

— Она. Позавчера. Она ищет мадам Вуду. Марвин, как увидел фото, сразу вспомнил. Теперь мы все ее ищем.

— Женщину на фотографии? Мадам... Вуду?

— Ага. — Мальчишка попытался отползти в сторону, и Винсенту пришлось ударить его в висок ребром ладони, а потом, подняв за ворот разорванной рубахи, пару раз стукнуть о стену. Затем он поднес острие ножа к глазу негра.

— Скоро мы еще с тобой побеседуем, — тихо промолвила Энн. — И ты расскажешь мне то, что я захочу узнать.

Парень, которого звали Луис, выполнил все, как ему было велено.

Перед тем как Использовать его, я отослала Винсента прочь. Это было несложно. Я не могла воспроизвести расхлябанную, с преувеличенно резкими движениями походку юнца, но в этом и не

было особой необходимости. Гораздо большего внимания требовала его манера речи — тональность, словарный запас, синтаксис. В течение часа я заставила его разговаривать с Энн, прежде чем перешла к непосредственному Использованию. Я даже не встретила сколько-нибудь серьезного сопротивления. Сначала мне с трудом давались его голосовой тембр и построение фраз, но затем я расслабилась и отчасти позволила проявиться его подсознательным диалектизмам, после чего мне удалось говорить его устами во вполне правдоподобной манере.

Энн отвезла обоих парней к Ропщущей Обители и высадила из машины на углу. Винсент на некоторое время исчез, после чего вернулся с патронами для револьвера и вошел в дом через подземный ход. Луиса я отправила в общинный дом, а Энн отвела машину в свой гараж на Квин-лейн.

Моя уловка удалась. Пару раз я ощущала, что мой контроль над Луисом слабеет, но я умело скрыла это, заставляя негра изображать муки боли. Марвина, главаря, я узнала сразу. Это его синие глаза безжалостно взирали на меня, когда в канун Рождества я лежала в собачьих фекалиях. Мне еще предстояло свести с ним счеты.

В разгар обсуждения, когда я уже начала ощущать себя уверенно, чернокожая девица, стоявшая поодаль, вдруг спросила: «Вы узнали ее по моей фотографии?» Я снова едва не утратила контроль над Луисом. Ее манера речи совсем не походила на тот отвратительный плоский северный говор. Она напомнила мне о доме. Рядом с ней, закутавшись в дурацкое одеяло, стоял белый мужчина, чье лицо показалось мне странно знакомым. Мне потребовалась целая минута, чтобы сообразить: он тоже из Чарлстона. Я вспомнила, что видела его фотографию в одной из газет миссис Ходжес много лет назад... Кажется, там было что-то про выборы.

«...Уж слишком все просто, — недоверчиво говорил Марвин. — А что свиньи?»

Он имел в виду полицию. Из разговора с Луисом я поняла, что окрестности наводнены полицейскими в штатском. Мне не удалось узнать от него о причине их появления, но я предположила, что ликвидация пятерых человек, даже столь бесполезных, как эти хулиганы, должна была вызвать какую-то реакцию со стороны властей. И когда Марвин вульгарно упомянул «свиней», у меня все связалось. Этот краснолицый толстяк был полицейским из Чарлстона — шерифом, если я не ошибалась. Несколько лет назад я да-

же читала о нем статью. «Послушай, Марвин, — заставила я произнести Луиса. — Сетч сказал, чтобы я привел тебя. Ты хочешь на них посмотреть или нет?»

И хотя присутствие двух людей из Чарлстона и многочисленных представителей власти в штатском посеяло во мне чувство глубокой тревоги, поднявшуюся волну беспокойства приглушило нарастающее возбуждение, переходящее едва ли не в подлинный экстаз. Меня действительно захватило. С каждым часом подобной игры я становилась все моложе.

Нельзя было терять ни минуты. Как только Луис вывел Марвина, шерифа, имя которого я не могла вспомнить, и еще шестерых членов банды из дома, Винсент подложил бутылки с зажигательной смесью в два брошенных автомобиля. Я не покидала Винсента, пока он обегал дом, ликвидировал негра, остававшегося сторожить черный вход, и поднимался наверх со своей неуклюжей косой.

Я надеялась, что чернокожая девица отправится вместе с Луисом и остальными. Это было бы очень удобно, но я давно уже научилась воспринимать реальность такой, какова она есть, и не ждать от нее подарков. Однако девица мне нужна была живой.

На втором этаже общинного дома произошла небольшая возня. И как раз тогда, когда в моем внимании нуждался Луис, мне пришлось сдерживать Винсента от излишней грубости. Из-за этой краткой заминки девице удалось сбежать на улицу. Я отправила Винсента догонять ее, а сама вернулась к Луису, который, покачиваясь, стоял на бордюре у многоквартирного дома.

— В чем дело? — осведомился главарь по имени Марвин.

— Ничего, — заставила я ответить Луиса. — Просто горло болит.

— Ты уверен, что они там? — спросил парень, которого звали Лероем. — Я ничего не слышу.

— Они в задней части дома, — сказал Луис.

Рядом с ним в свете единственного фонаря стоял белый шериф. Насколько я могла судить, он был безоружен, если не считать камеры, очень похожей на ту, что при каждой возможности таскал с собой мистер Ходжес. В бетонном каньоне прогрохотали две невидимые встречные электрички.

— Боковая дверь открыта, — произнес Луис. — Пошли, я покажу.

Куртку он расстегнул чуть раньше. Под свитером и грубошерстной рубахой я отчетливо ощущала холодок револьвера. Винсент уже перезарядил его в темном проулке.

— Нет, — сказал Марвин, явно колеблясь. — Пойдут Лерой, Джексон, я и он. — Его палец указал на шерифа. — А ты, Луис, останешься здесь с Кальвином, Форелью и братьями Г. Р. и Г. Б.

Я заставила Луиса пожать плечами. Прежде чем последовать за Марвином и двумя другими парнями, шериф наградил его долгим взглядом.

— Они на третьем этаже! — крикнул Луис им вслед. — В самой глубине!

Четверка исчезла за углом в снежном мраке. Времени у меня было мало. Часть моего сознания пребывала в атмосфере теплого мерцания нагревателя, отражавшегося в глазах манекена в детской, часть бежала с Винсентом по темным переулкам, вслушиваясь в затрудненное дыхание выбивающейся из сил жертвы, а часть оставалась с Луисом.

Тот, которого звали Кальвин, переступил с ноги на ногу и поежился.

— Черт, холодно. У тебя ничего нет покурить? — обратился он к Луису.

— Есть, — ответил тот. — И кое-что недурное. — Он запустил руку под рубашку, вытащил револьвер и выстрелил Кальвину в живот с расстояния двух футов. — Вот тебе.

Близнецам хватило одного взгляда, и они бросились со всех ног в сторону Квин-лейн. Двадцатилетний парень по прозвищу Форель вытащил из-под куртки длинноствольный спортивный пистолет. Луис развернулся, прицелился и выстрелил тому в левый глаз. Приглушить звук выстрела было нечем.

Кальвин с озверевшим лицом стоял на коленях, обеими руками держась за живот, и, когда Луис проходил мимо, вцепился ему в ногу:

— Тварь, сука, ты что это?..

С той стороны, куда убежали близнецы, послышались три резких глухих звука, и что-то впилось Луису в левое предплечье. Я заблокировала боль для нас обоих и ощутила в этом месте немоту. Луис поднял револьвер и разрядил его в том направлении, откуда раздались выстрелы. Кто-то закричал, и прогремел еще один выстрел. У Луиса кончились патроны.

Я заставила его отбросить револьвер, разорвать куртку Кальвина и вытащить новое оружие. Пока он пытался вытащить пистолет из зажатого кулака Форели, со стороны Квин-лейн послышались

еще три выстрела, и что-то с глухим звуком врезалось в Кальвина. Как ни странно, он все еще продолжал держать Луиса за ногу.

— О черт, зачем? — тихо повторял он.

Луис отшвырнул его в сторону, положил спортивный пистолет в карман куртки и, сжав в руке обрез, побежал ко входу в здание. Выстрелы со стороны Квин-лейн прекратились.

Винсент загнал девицу в брошенный дом неподалеку от Джермантаун-стрит. Он стоял в дверях и прислушивался к тому, как она мечется среди обуглившихся бревен в глубине дома. Окна были заколочены досками. Другого выхода, кроме этой единственной двери, не существовало. Мне пришлось приложить огромное усилие, чтобы заставить Винсента просто устроиться на корточках в темноте и ждать. Он сидел, прислушиваясь и жадно втягивая воздух, источавший сладкий аромат женского адреналина.

Луис быстро вошел в боковую дверь здания, стараясь, чтобы его силуэт не был виден в проеме. Четверка, находившаяся внутри, вероятно, слышала звуки выстрелов, а может, уже нашла трупы на третьем этаже.

Луис осторожно заглянул в первую комнату — там было пусто. Что-то метнулось по коридору в направлении главной лестницы, Луис выстрелил, и от отдачи его правая рука взлетела вверх. Он упер обрез укороченным прикладом себе в бедро, чтобы загнать в ствол еще один патрон, потом присел на корточки и принялся вглядываться в темноту.

На мгновение оба парня, Винсент и Луис, наложились у меня друг на друга — они сидели почти в одинаковых позах, примерно в миле один от другого, и вслушивались, пытаясь уловить малейшее движение. Затем все озарилось ярким всполохом, раздался оглушительный грохот, штукатурка посыпалась на голову Луиса, и мы с Винсентом рефлекторно дернулись, несмотря на то что я тут же заставила Луиса встать и броситься по направлению к вспышке. Он выстрелил, остановился, чтобы перезарядить обрез, и снова бросился бежать.

На заваленной мусором лестнице раздались звуки шагов. Кто-то кричал на втором этаже.

Пока я обдумывала положение, Луис спрятался у подножия лестницы. Он уже начинал сильно сдавать. Пуля в левом предплечье в значительной мере ослабила его рефлексы. Я бы с радостью Использовала кого-нибудь другого из находившихся в здании, но это было бы уже слишком. Я и так держала начеку Энн на первом этаже Ропщущей Обители, следила за Винсентом в заброшенном

доме и продолжала заставлять Луиса действовать. Мне страшно хотелось добраться до синеглазого негра. А еще мне хотелось как следует рассмотреть шерифа, но для этого надо было переместиться к нему поближе. Если удастся порасспросить его кое о чем, возможно, и ему найдется применение.

С ближайшей площадки раздался выстрел, и пуля расщепила перила. Луис пригнулся еще ниже. Их было четверо: Марвин, который в общинном доме зарядил тяжелый револьвер и лишь рассмеялся в ответ на просьбу шерифа отдать его; бородатый Лерой с обрезом, очень напоминавшим тот, что был сейчас в руке у Луиса; шериф, казавшийся безоружным, и чернокожий Джексон, постарше, с синим рюкзаком. К тому же в любой момент могли вернуться близнецы Г. Б. и Г. Р. со своими дешевыми пистолетиками.

Луис бросился вверх по лестнице, споткнулся, перескочил через ступеньку и рухнул на площадке второго этажа. Снова раздался выстрел из обреза, на этот раз произведенный с расстояния в пятнадцать футов. Пуля обожгла висок и щеку Луису. Я заблокировала боль, но заставила его рукой прикоснуться к обожженному месту. Левого уха не было. Луис вытянул руку и выстрелил в направлении световой вспышки.

— Черт побери! — раздался голос, по-моему, Лероя.

Следующий выстрел прогремел с противоположной стороны, и пуля, пройдя навылет через икру Луиса, врезалась в металлическое переплетение перил. Я заставила его кинуться по направлению к новой вспышке, на ходу перезаряжая обрез. Впереди по темному коридору кто-то бежал, потом поскользнулся и упал. Луис остановился, отыскал взглядом более светлый контур на темном фоне и поднял обрез. Как раз когда он нажимал на курок, тело перекатилось к черному дверному проему. Вспышка выхватила скрывающегося из виду Марвина и брызги щепок от дверного косяка.

Луис перезарядил обрез, вытянул руку из-за угла и выстрелил. Безрезультатно. Он вогнал в ствол еще один патрон и снова выстрелил. Опять никакого результата. Я заставила его отбросить бесполезное оружие, когда раздался выстрел и что-то сильно ударило Луиса в левую ключицу, отшвырнув назад. Он врезался в стену и съехал по ней на пол, одновременно вытаскивая спортивный пистолет. Следующая пуля попала в стену фута на три выше головы Луиса. Я помогла ему прицелиться как можно тщательнее именно в ту точку, откуда только что стреляли.

Пистолет не сработал. Луис нащупал предохранитель, затем дважды выстрелил в угол. Перекатившись влево через омертвев-

шую руку, он попытался встать и налетел на кого-то. По росту и общему облику фигуры я догадалась, что это был шериф. Я заставила мальчишку поднять пистолет, пока ствол не уперся противнику в грудь.

Яркая вспышка ослепила нас. Луис отпрыгнул, и перед моими глазами застыло изображение шерифа, наводящего сбоку фотокамеру. Затем еще и еще раз свет ослепил Луиса. Пытаясь справиться с временной слепотой, он развернулся лицом к реальной угрозе — вытянутому револьверу, но было слишком поздно. Пока мы, моргая, старались что-либо различить сквозь синеватую пелену, главарь банды, держа обеими руками тяжелый револьвер, выстрелил в Луиса.

Я ощутила не боль, а лишь толчок, когда первая пуля впилась ему в нижнюю часть живота, а вторая врезалась в грудь, расщепляя ребра. Я бы могла еще Использовать мальчишку, если бы третья пуля не попала ему в лицо.

Контакт мгновенно прервался. Сколько бы раз я ни переживала гибель своих пешек, меня продолжает это волновать, напоминая обрыв связи во время оживленного телефонного разговора.

На мгновение я расслабилась, ощущая лишь шипение обогревателя, вглядываясь в изъеденное временем лицо куклы-манекена и прислушиваясь к ставшим уже отчетливыми голосам. «Мелани, — шептали стены детской. — Мелани, тебе грозит опасность. Поверь нам».

Даже возвращаясь к Винсенту, я продолжала слушать эти голоса. Из глубины пропахшего гарью дома не доносилось никаких звуков. Но девице некуда было деться. Худое тело Винсента распрямилось, и он бесшумно и уверенно двинулся в темноту, держа наперевес свою смертоносную косу.

Глава 29

Джермантаун
Понедельник, 29 декабря 1980 г.

Соломоном Ласки они занялись в понедельник днем. В течение двадцати минут он находился без сознания, а потом еще целый час ощущал головокружение. Когда он начал воспринимать окружа-

ющее пространство — все ту же крохотную камеру, в которой находился с воскресного утра, — первое, что он сделал, это стащил с левой руки повязку и принялся рассматривать разрез.

Он находился с тыльной стороны, на три дюйма выше вытатуированного лагерного номера. Операция была проведена профессионально, швы наложены аккуратно. Несмотря на припухшую и воспаленную кожу, Сол отчетливо различал бугорок, которого раньше не было. В большую мышцу руки было вживлено что-то размером с двадцатипятицентовую монету. Он снова перевязал руку и лег, чтобы все обдумать.

Времени на размышления у него было много. Сол удивился, когда в воскресенье его не освободили и не стали использовать. Он не сомневался, что в Филадельфию его доставили не случайно.

Вертолет приземлился в отдаленной части огромного аэропорта, Солу завязали глаза и пересадили в лимузин. Судя по частым остановкам и приглушенным уличным звукам, он догадался, что автомобиль едет через оживленную часть города. Потом под колесами раздался гул металлического покрытия моста.

Перед тем как окончательно остановиться, машина в течение нескольких минут подпрыгивала и тряслась по бездорожью. Если бы не отдаленный городской вой сирен и звуки пригородных электричек, можно было бы подумать, что они уже выехали в сельскую местность. Но это оказался всего лишь грязный, захламленный пустырь в центре города. Заброшенная стоянка? Место будущего строительства? Парковая зона? Сол сделал три шага, после чего его втолкнули в дверь, затем провели направо по узкому коридору и еще раз направо. Дважды он натыкался на стены и по гулкости звуков и еще каким-то неуловимым ощущениям определил, что находится в трейлере или передвижном доме.

Камера оказалась менее просторной и внушительной, чем в Вашингтоне. В ней также находилась койка, уборная и маленькая вентиляционная решетка, сквозь которую доносились приглушенные голоса и смех. Сол мечтал о возможности почитать. Странно, как человеческий организм приспосабливается к любым условиям, но не может прожить и нескольких дней без книг. Он вспомнил, как в гетто в Лодзи его отец взял на себя труд составить список доступных книг и организовал нечто вроде библиотеки. Зачастую люди, которых отправляли в лагеря, забирали книги с собой, и отец со вздохом вычеркивал из списка очередное название, но чаще усталые мужчины и женщины с грустными глазами почтительно воз-

вращали их, иногда даже не вынимая закладок. И тогда отец говорил им: «Дочитаете, когда вернетесь», и люди согласно кивали ему.

Раза два или три заходил Колбен, чтобы провести поверхностный допрос, но Сол чувствовал, что тот не испытывает к нему никакого интереса. Как и он сам, Колбен чего-то ждал. Все в этом трейлере чего-то ждали. Он понимал это. Только вот чего именно?

Свободное время Сол тратил на размышления об оберсте, Мелани Фуллер, Колбене, Баренте и других, еще неизвестных ему лицах. Много лет он находился в плену глобального и рокового заблуждения, полагая, что стоит лишь понять психологическую основу этого порока, и он сможет излечить его. Охотясь за оберстом, движимый не только личными туманными соображениями, но подгоняемый столь жадной научной любознательностью, которая заставляет бактериолога в центре инфекционного контроля выслеживать и выделять еще неизвестный, смертельно опасный вирус, Сол невольно сам заражался этим вирусом. Найти, понять, излечить...

Но для этой чумной бациллы не существовало антител.

Уже много лет Ласки был знаком с исследованиями и теориями Лоренса Колберга, который посвятил свою жизнь изучению стадий этического и морального развития. Для психиатра, прошедшего терапию концлагерей, размышления Колберга порой казались упрощенными до наивности, но сейчас, лежа в своей камере и прислушиваясь к шуршанию лопастей вентилятора, Сол понял, насколько уместной в его ситуации являлась теория Колберга.

Ученый установил семь стадий морального развития, соответствующих разным культурам, эпохам и странам. Первая стадия характеризовалась младенческим уровнем сознания — отсутствие представлений о добре и зле, все поступки регулируются исключительно инстинктами и потребностями, их реализация подавляется лишь отрицательными стимулами. Этические суждения основаны исключительно на классической модели: боль — удовольствие. На второй стадии люди начинают различать добро и зло, руководствуясь авторитетом власти. Большим людям, мол, виднее. Представители третьей стадии жестко зависят от законов и правил. «Я следовал указаниям». Этика представителей четвертой стадии целиком определялась мнением большинства, «стадным чувством». На пятой стадии человек посвящает свою жизнь созданию и защите законов, которые в самом широком смысле служат идее общего блага, но в то же время не ущемляют права тех, чьи взгляды для этой стадии неприемлемы. Эти люди становятся прекрасными адвокатами.

Сол был знаком с носителями подобных представлений в Нью-Йорке. Люди шестого уровня способны были подняться над узкоправовым сознанием пятого уровня и сосредоточить свое внимание на более высокой идее блага и этических принципах, не зависящих от национальных, культурных или общественных границ. Седьмая стадия руководствуется исключительно общечеловеческими моральными принципами. Подобные индивиды — редкое явление на Земле: Иисус Христос, Гаутама, наконец Махатма Ганди...

Колберг не был идеологом — Сол встречался с ним несколько раз и получал искреннее удовольствие от его чувства юмора. Самому исследователю нравилось указывать на парадоксы, порождаемые его собственной иерархией морального развития. На одной из вечеринок, которая устраивалась в колледже Хантер, Колберг сказал, что Америка является нацией пятой стадии: основана она самым невероятным союзом представителей шестого уровня, какой только можно вообразить, а населена в основном людьми третьего и четвертого уровня. Колберг утверждал, что в принятии ежедневных решений человек зачастую руководствуется соображениями более низкого уровня морального развития, но никогда не может подняться выше. Вследствие чего, печально констатировал он, происходит неизбежное нивелирование всех идей и теорий представителей высшей, седьмой стадии. Христос передает свое наследие Петру и Павлу, находящимся на третьем уровне, Будду представляют поколения священнослужителей, неспособных подняться выше шестого уровня.

И лишь над своими последними исследованиями Колберг никогда не подшучивал. Сначала с изумлением и сомнениями, которые затем перешли в шок и пассивное приятие, он обнаружил, что существует еще и нулевая стадия. У людей, характеризующихся зародышевой стадией сознания, вообще нет никаких моральных обязательств. Даже стимул боль — удовольствие не является устойчивым руководством для такого человека, если к ним вообще применимо понятие «человек».

Представитель нулевого уровня мог без причины напасть на прохожего на улице, убить его из прихоти и отправиться дальше по своим делам без малейшего намека на чувство вины или раскаяние. Эти люди, конечно, не хотели быть пойманными и наказанными, но они не основывали свои действия на стремлении избежать наказания. Дело заключалось и не в том, что удовольствие от совершения преступления перевешивало у них страх наказания.

Представители нулевого уровня просто не отличали преступления от других ежедневных поступков — они были морально слепы. Сотни исследователей бросились проверять гипотезу Колберга, но данные оказывались неопровержимыми, а выводы более чем убедительными. В каждый отдельно взятый момент в любой культуре, в любой нации оказывались один-два процента особей с нулевым уровнем морального развития.

В понедельник днем к Солу пришли. Колбен и Хейнс держали его за руки, пока третий делал укол. Через три минуты Сол потерял сознание. Проснулся он с тяжелой головой и болью в левой руке — в его тело явно что-то вживили. Он осмотрел рану, пожал плечами и снова лег.

Освободили его в четверг. Пока Колбен произносил речь, Хейнс завязывал ему глаза.

— Мы собираемся отпустить вас. Вам запрещается удаляться более чем на шесть кварталов в любом направлении от того места, где вас высадят. Вам запрещается звонить по телефону. Позднее с вами свяжутся и сообщат, что делать дальше. Вы не должны ни к кому обращаться первым. Если вы нарушите хотя бы одно из этих правил, вашему племяннику Арону, его жене Деборе и детям не поздоровится. Вы хорошо поняли?

— Да.

Ласки отвели к лимузину. Поездка заняла не более пяти минут. Колбен снял с его глаз повязку и вытолкнул из открытой дверцы на улицу.

Сол остался стоять на тротуаре, глупо моргая в сумрачном предвечернем свете. Он опомнился слишком поздно, чтобы рассмотреть номер отъезжавшей машины. Сделав шаг назад, Сол наткнулся на негритянку с продуктовой сумкой и извинился, но со своей глупой улыбкой так ничего и не смог поделать. Он двинулся по узкому тротуару, вбирая в себя все подробности мощенной кирпичом улицы: обшарпанные магазины, низкие серые тучи, обрывок бумаги, трепещущей на медно-зеленом уличном фонаре. Ласки шел быстрым шагом, не обращая внимания на саднящую боль в левой руке, пересекал улицу на красный свет, глупо махал рукой чертыхающимся водителям и чувствовал лишь одно: он свободен.

Сол понимал, что это всего лишь иллюзия. Вероятно, кто-то из обычных прохожих наблюдал за ним. Он не сомневался, что в проезжавших машинах и фургонах сидят неулыбчивые мужчины

в темных костюмах, нашептывая свои сведения в радиопередатчики. Деталь, вживленная ему в руку, тоже, по-видимому, содержала радиопередатчик или взрывное устройство или и то и другое. Хотя это уже не имело никакого значения.

Поскольку в карманах у Сола было пусто, он подошел к первому встречному — огромному чернокожему мужчине в поношенном красном макинтоше — и попросил у него двадцать пять центов. Тот уставился на странное бородатое явление, поднял здоровенную руку, словно намереваясь стереть его в порошок, потом покачал головой и достал пятидолларовую купюру.

— Глядишь, поможет, братишка, — пророкотал он.

Сол вошел в угловое кафе, разменял банкноту и набрал номер израильского посольства в Вашингтоне. Его отказались соединить с Ароном Эшколем или Леви Коулом. Тогда он назвал свое имя. У секретарши не то чтобы явственно перехватило дыхание, но голос заметно изменился.

— Да, доктор Ласки. Если вы можете подождать минуту, я уверена, с вами поговорит мистер Коэн.

— Я звоню из телефона-автомата в Филадельфии, штат Пенсильвания, — ответил Сол и назвал свой номер. — У меня мало монет, не могли бы вы мне перезвонить?

— Конечно, — заверила секретарша.

Через некоторое время раздался звонок, но, едва Сол поднял трубку, связь прервалась. Он перешел к другому аппарату, чтобы самому связаться с посольством, но после первого же гудка в аппарате раздался статический шум.

Сол вышел из кафе и бесцельно побрел по улице. Модди и его семья убиты — он чувствовал это сердцем. Теперь его уже ничем не запугать. Он остановился и огляделся, пытаясь распознать агентов, следующих за ним. Белых было немного, но это ничего не значило — в ФБР работали и цветные.

С противоположного тротуара на проезжую часть вышел красивый негр в дорогом верблюжьем пальто и двинулся навстречу Солу. У него были крупные волевые черты лица, широкая улыбка, глаза скрывали зеркальные стекла очков. В руках он держал дорогой кожаный портфель. Приблизившись к Солу, мужчина остановился, улыбнулся ему, как старому знакомому, и, сняв кожаную перчатку, протянул руку. Сол пожал ее.

— Добро пожаловать, моя маленькая пешка, — произнес негр на безупречном польском языке. — Пора тебе вступить в игру.

— Оберст... — Сол ощутил странное волнение, словно глубоко внутри что-то завибрировало, но он потряс головой, и это чувство исчезло.

Негр улыбнулся и перешел на немецкий:

— Оберст. Почетное звание, давненько я его не слышал. — Он остановился перед рестораном Хорна и Хардарта и сделал жест рукой. — Хочешь есть?

— Вы убили Фрэнсиса.

Мужчина рассеянно потер щеку:

— Фрэнсиса? Боюсь, я не... Ах да! Юного детектива. — Он улыбнулся и покачал головой. — Пойдем, я угощаю.

— Вы же знаете, что за нами следят, — сказал Сол.

— Естественно. А мы следим за ними. Не самое продуктивное занятие. — Он распахнул дверь и добавил по-английски, пропуская Сола вперед: — Только после вас.

— Меня зовут Дженсен Лугар, — представился мужчина, когда они устроились за столиком в почти пустом ресторане. Он заказал чизбургеры, лук, запеченный в тесте, и ванильно-солодовый лимонад.

Сол сидел, не отрывая взгляда от чашки кофе.

— Вас зовут Вильгельм фон Борхерт, — произнес он. — Если когда-либо и существовал человек по имени Дженсен Лугар, его давным-давно уже нет.

Негр сделал резкое движение и снял очки:

— Бессмысленное пустословие. Тебе нравится игра?

— Нет. Арон Эшколь мертв?

— Твой племянник? Да, боюсь, что так.

— А его семья?

— Тоже.

Сол глубоко вздохнул:

— Как это случилось?

— Насколько мне известно, мистер Колбен отправил своего любимчика Хейнса с коллегами к твоему племяннику. Там вроде бы взорвался газ, но я почему-то уверен, что несчастные были мертвы задолго до того, как появились первые языки пламени.

— Хейнс!

Лугар потягивал напиток через длинную трубочку. Затем он откусил большой кусок чизбургера, изящно приоткрыл рот и улыбнулся.

— Вы играете в шахматы, доктор. — Это не было вопросом. Мужчина протянул Солу колечко лука. Тот ответил ему изумленным взглядом. Проглотив то, что было у него во рту, Лугар продолжил: — Если вы хоть немного знаете эту игру, то должны правильно оценить происходящее в настоящий момент.

— Вы воспринимаете это как игру?

— Конечно. Любой другой взгляд означал бы слишком серьезное отношение к жизни и самому себе.

— Я найду и убью вас, — тихо произнес Сол.

Дженсен Лугар кивнул и еще раз откусил от чизбургера.

— Если бы мы встретились лично, я не сомневаюсь, что ты попытался бы это сделать. Но сейчас у тебя нет выбора.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что прославленный президент так называемого Клуба Островитян, некий мистер К. Арнольд Барент, запрограммировал тебя с единственной целью — убить кинопродюсера, которого и так все уже считают мертвым.

Чтобы скрыть свое смущение, Сол глотнул холодного кофе.

— Барент не делал этого.

— Конечно же, сделал, — заверил Лугар. — У него не было других причин лично встречаться с тобой. Как ты думаешь, сколько времени длился ваш разговор?

— Несколько минут, — ответил Сол.

— Скорее, несколько часов. Обработка преследовала две цели: убить меня и обезопасить мистера Барента от твоих последующих возможных действий.

— То есть?

Лугар доел последнее колечко лука.

— Попробуй сыграть в простейшую игру. Представь себе мистера Барента, а потом представь, как ты набрасываешься на него.

Сол нахмурился, но попытался. Это оказалось очень сложным. Когда он вспомнил Барента, спокойного, загорелого, безмятежно глядящего на море с мостика корабля, то, к собственному изумлению, испытал вдруг симпатию и расположение к нему. Усилием воли Сол заставил себя представить, как причиняет боль Баренту, бьет кулаком по его гладкому красивому лицу...

...и вдруг согнулся от внезапного приступа боли и тошноты. На лбу его выступила испарина, он протянул дрожащую руку к стакану с водой и принялся судорожно пить, стараясь отвлечься. Комок боли и спазмы медленно рассасывались в животе.

— Интересно, да? — осведомился Лугар. — В этом и заключается основная сила мистера Барента. Ни один человек, лично встречавшийся с ним, не может пожелать ему зла. Служить мистеру Баренту — настоящее удовольствие для очень многих людей.

Сол допил воду и вытер салфеткой пот со лба.

— Зачем же вы с ним сражаетесь?

— О нет, моя дорогая пешка. Я не сражаюсь с ним, я с ним играю. — Лугар огляделся. — Пока они еще не установили микрофонов достаточно близко, чтобы прослушивать наш разговор, но через минуту к ресторану подъедет фургон, и интимность нашей беседы будет нарушена. Нам пора прогуляться.

— А если я откажусь?

Дженсен Лугар пожал плечами:

— Через несколько часов игра станет действительно очень интересной. Там-то тебе и уготована роль. Если ты хочешь «отблагодарить» людей, которые уничтожили твоего племянника и его семью, тебе лучше последовать за мной. Я предлагаю тебе свободу... по крайней мере от них.

— Но не от вас?

— Нет, моя дорогая пешка. Ну, пора решаться.

— Когда-нибудь я убью вас, — тихо пообещал Сол.

Лугар ухмыльнулся, натянул перчатки и надел очки.

— *Ja, ja.* Так ты идешь?

Сол встал и посмотрел в окно. У входа в ресторан притормозил зеленый фургон. Он повернулся и вышел на улицу вслед за Дженсеном Лугаром.

Позади Джермантаун-стрит тянулись узкие кривые переулки. Когда-то высокие обшарпанные здания, обрамлявшие их, вероятно, выглядели довольно симпатично — некоторые из них напомнили Солу узкие фахверковые дома Амстердама. Теперь же они превратились в перенаселенные трущобы. Многочисленные крохотные магазинчики и деловые конторы, наверное, когда-то были центром общественной жизни, а сегодня в их витринах рекламировались дохлые мухи. В некоторых разместились дешевые квартирки; в одной такой витрине стоял чумазый мальчик лет трех, прижавшись лицом и грязными руками к стеклу.

— Что вы имели в виду, когда говорили, что «играете» с Барентом?

Сол оглянулся, но зеленого фургона не заметил, хотя это ничего не значило. Он не сомневался, что они находятся под наблюдением. Ему же нужно было лишь одно — найти оберста.

— Мы играем в шахматы. — Негр повернулся к нему, и Сол увидел собственное отражение в темных стеклах его очков.

— А ставки — наши жизни, — добавил Сол. Он мучительно пытался придумать способ, как заставить оберста выдать свое местонахождение.

Лугар рассмеялся, обнажив крупные белые зубы.

— Нет-нет, моя маленькая пешка, — возразил он на немецком. — Ваши жизни ничего не значат. Ставки определяет тот, кто устанавливает правила игры.

— Игры... — автоматически повторил Сол.

Они перешли на другую сторону улицы. Вокруг было пусто, если не считать двух толстых негритянок, выходивших из прачечной за несколько кварталов от них.

— Наверняка тебе известно о Клубе Островитян и его ежегодных играх, — голосом оберста проговорил Лугар. — Герр Барент и эти остальные трусы испугались принять меня в игру. Они знают, что я потребую вести ее с бóльшим размахом, который соответствовал бы игре... *Übermenschen*. Суперменов, по-вашему.

— Вам не хватило этого во время войны?

Лугар рассмеялся:

— Ты все время норовишь спровоцировать меня. Глупое занятие. — Они остановились перед бетонным зданием неопределенного назначения рядом с прачечной. — Мой ответ — «нет»! Клуб Островитян считает, что может претендовать на власть лишь в силу того, что оказывает влияние на государственных деятелей, народы, экономику. Влияние! — Лугар сплюнул на тротуар. — Когда я буду диктовать условия игры, они узнают, чего можно достичь с помощью настоящей власти. Мир — это кусок гнилого, изъеденного червями мяса, пешка. Мы очистим его огнем. Я покажу им, что значит играть армиями, а не жалкими суррогатами. Покажу, как с потерей одной фигуры разрушаются целые города, как по прихоти игрока уничтожаются или становятся рабами целые народы. И я покажу им, что значит вести эту игру в масштабах земного шара. Мы все умрем, пешка, но вот чего герр Барент не понимает, так это того, что миру вовсе незачем существовать после нас.

Сол замер с широко раскрытыми глазами. Холодный ветер продувал его пальто насквозь, он весь продрог и от холода, и от этих слов.

— Ну вот мы и пришли, — произнес Лугар и достал связку ключей, чтобы открыть дверь какого-то заброшенного здания, возле которого они остановились. Он вошел в темное затхлое помещение и жестом пригласил за собой Сола. — Ты идешь, пешка?

Сол нервно сглотнул.

— Вы еще более безумны, чем я думал, — прошептал он.

Лугар кивнул:

— Возможно. Но если пойдешь со мной, ты сможешь продолжить игру. Увы, не ту, которая будет вестись с большим размахом. В ней тебе места не найдется. Но твоя неизбежная жертва даст ей возможность состояться. Если ты сейчас пойдешь со мной... по собственной воле... мы удалим эти штучки, которыми снабдил тебя герр Барент, и ты сможешь продолжать служить мне как верная пешка.

Сол некоторое время стоял на холоде, сжимая кулаки и чувствуя пульсирующую боль в левой руке, там, где было вживлено устройство. Затем собрался с силами и шагнул во тьму.

Лугар улыбнулся и запер дверь на задвижку. В тусклом свете первого этажа был виден пол, усеянный опилками, и несколько погрузочных подъемников. Наверх вела широкая деревянная лестница. Лугар указал на нее, и они двинулись к ступенькам.

— О господи, — вырвалось у Сола.

Сквозь мутное стекло в потолке просачивался слабый дневной свет. В комнате стояли стол и четыре стула. Два из них были заняты обнаженными трупами.

Сол подошел ближе и осмотрел тела. Одно принадлежало негру, приблизительно такого же роста и телосложения, как Лугар. Его открытые глаза были подернуты пеленой смерти. Другой — белый, на несколько лет старше Сола, с поредевшими волосами и бородой. Нижняя челюсть у него отвисла, под кожей щек и носа просвечивали разорвавшиеся капилляры, что указывало на развитую стадию алкоголизма.

Лугар снял пальто.

— Наши *doppelgängers*? Двойники? — спросил Сол.

— Естественно, — ответил оберст устами Лугара. — Я удалил уже почти все или, по крайней мере, большинство маниакальных механизмов, внедренных в твой мозг герром Барентом. Ты готов продолжить, пешка?

— Да, — кивнул Сол.

«Продолжить искать способы разделаться с тобой», — подумал он про себя.

— Очень хорошо. — Лугар посмотрел на часы. — Прежде чем мистер Колбен решит присоединиться к нам, у нас есть полчаса. Этого должно хватить.

Он поставил портфель на стол рядом с трупом негра и щелкнул замками. Сол увидел, что портфель заполнен той же пластиковой взрывчаткой, которая была у Харрингтона.

— Хватит на что? — поинтересовался он.

— На приготовления. Из этого здания в подвал соседнего дома ведет никому не известный подземный ход. А из подвала есть выход в старую городскую канализационную систему. Мы сможем уйти по ней лишь на квартал отсюда, но это находится уже за пределами непосредственного круга их наблюдения. Там меня будет ждать машина. Ты можешь присоединиться ко мне, и я отвезу тебя куда угодно.

— Вы такой сообразительный, что даже тошно, — признался Сол. — Ничего не получится.

— Почему же? — Тяжелые брови Лугара поползли вверх.

Сол снял пальто и закатал рукав рубашки. Бинты слегка пожелтели от мази.

— Я думаю, вчера мне в руку вживили датчик.

— Конечно, — согласился Лугар и достал из портфеля сверток из зеленой ткани. Когда он его развернул, в тусклом свете замерцали хирургические инструменты и бутылка йода. — Процедура займет не больше двадцати минут.

Сол повертел в руке скальпель в стерильной упаковке:

— Я так понимаю, вы возьмете это на себя?

— Если ты настаиваешь. Но предупреждаю, я никогда не занимался медициной.

— Значит, я получу массу удовольствия. — Сол осмотрел содержимое портфеля и поднял взгляд на Лугара. — Ни шприцев, ни местной анестезии?

В зеркальных очках негра отразилось пустое помещение склада. Его тяжелое лицо не отражало ровным счетом ничего.

— К сожалению, нет. Во сколько вы оцениваете свою свободу, доктор Ласки?

— Вы сумасшедший, герр оберст. — Он уселся за стол, разложил инструменты и подвинул к себе поближе бутылку с йодом.

Лугар вытащил из-под стола спортивную сумку.

— Сначала мы должны переодеться, — сказал он. — На случай, если тебе позднее этого не захочется.

Когда трупы были облачены в их одежду, а Сол натянул на себя бесформенные джинсы, черный свитер с высоким горлом и тяжелые ботинки, которые были малы ему на полразмера, Лугар сообщил:

— Осталось восемнадцать минут, доктор.

— Садитесь, — распорядился Сол. — Сейчас я подробно объясню, что вы должны делать, если я потеряю сознание. — Он вынул из сумки упаковку с бинтами. — Вам нужно будет закрыть рану.

— Как скажешь.

Сол покачал головой, взглянул на окошко в потолке, потом посмотрел на руку и одним уверенным движением скальпеля сделал первый надрез.

Сознание он не потерял. Несколько раз он вскрикнул, и сразу же после того, как корпус датчика был отделен от мышечной ткани, его стошнило. Лугар наложил на рану грубые швы, перебинтовал ее и заклеил пластырем, а затем накинул на плечи полубесчувственного психиатра пальто.

— Мы уже опаздываем на пять минут, — предупредил он.

Бетонный пол казался монолитным, но в дальнем углу имелся люк, скрытый деревянными поддонами. Когда Лугар поднимал крышку, снаружи послышался приближающийся рев вертолета.

— Пошевеливайся! — приказал негр в сгустившейся тьме.

Сол начал спускаться, но вскрикнул от пронзительной боли, не удержался и кубарем полетел вниз. Оглушительный взрыв, раздавшийся наверху, засыпал его голову штукатуркой и паутиной.

Лугар без труда отодвинул в сторону бетонные плиты, поднял Сола на ноги в темном подвале, пропахшем плесенью и старыми газетами, и заставил его двигаться дальше. Подземный ход оказался узким, и им пришлось ползти. Руки и ноги Сола погрузились в ледяную воду, он то и дело натыкался в темноте на что-то скользкое и липкое. Дважды он падал и ударялся левым плечом, намочив при этом пальто. Негр лишь смеялся и продолжал подталкивать его сзади. Сол закрыл глаза и стал думать о Собиборе — о людях, кричавших от ужаса, о рве, о тишине леса Сов.

Наконец проход расширился, и они смогли подняться на ноги. Под руководством Лугара они сделали еще сотню шагов, свернули направо в более узкий проход и остановились под решеткой.

Негр своими огромными ручищами принялся сдвигать ее в сторону. Чувствуя боль и головокружение, Сол запустил руку в карман пальто и нащупал холодный скальпель, который он прихватил с собой, пока Лугар устанавливал часовой механизм в своем портфеле.

— Ну вот, — выдохнул Лугар, наконец справившись с решеткой. Руки его все еще были подняты, одежда задралась, обнажив смуглый живот.

Сол тут же воспользовался ситуацией, намереваясь проткнуть его одним ударом скальпеля, но реакция оберста в обличье Дженсена Лугара оказалась мгновенной. Он схватил психиатра за предплечье и с такой силой сжал его больную руку, что у Сола перехватило дыхание, он упал на колени, а перед глазами поплыли красные круги. Лугар спокойно вынул скальпель из его обессилевшей руки.

— Нехорошо, нехорошо, *mein kleine Jude*, — прошептал он. — *Auf Wiedersehen.*

На секунду огромное тело Лугара заслонило свет, и он исчез в проеме. Сол остался стоять на коленях, склонив голову к холодному камню и изо всех сил цепляясь за уплывающее сознание.

«Зачем? — думал он. — Зачем за него цепляться? Нужно отдохнуть, — и тут же приказал себе: — Нет!»

Прошла целая вечность, прежде чем он встал, дотянулся до решетки здоровой рукой и попытался вылезти. От частых падений джинсы и пальто у него промокли насквозь. С пятой попытки ему наконец удалось выбраться на свет.

Дренажный люк оказался за металлическим мусорным контейнером, стоявшим в узком проулке. Он никак не мог определить, где находится. Наверх по склону тянулись ряды одноквартирных домов.

Сол прошел примерно с полквартала, когда снова почувствовал головокружение и остановился. Рана на руке открылась, кровь просочилась через плотный рукав пальто, запачкав всю левую полу. Он оглянулся и непроизвольно рассмеялся, увидев за собой отчетливый алый след. Тротуар под его ногами ходил ходуном, как палуба крохотного суденышка в бушующем море. Он зажал руку и прислонился к стеклянной витрине заброшенного магазина.

Темнело. В свете далекого фонаря светлячками бились в воздухе снежинки. По тротуару к Солу приближалась крупная темная фигура. Он съехал спиной по грубой стене на асфальт, обхватил

колени и изо всех сил постарался стать невидимкой, словно обычный алкоголик, прибегающий к подобного рода укрытиям.

Как раз в тот момент, когда прохожий не спеша миновал дверь магазина, Сол ощутил нестерпимую боль в левой руке, стиснул зубы и застонал. Сознание его медленно проваливалось во тьму, где не было ни этих тяжелых шагов, ни опасности, которая могла исходить от незнакомца. Его уже не страшил оберст — все равно такие, как он, будут жить и править миром, и никто не в силах предотвратить этот ужас... Они сильнее... Они... Боль все еще не давала Солу до конца погрузиться в долгожданное беспамятство.

Луч фонарика ослепил его. Заслонив улицу и весь мир, над ним нависло огромное тело прохожего. Тяжелая рука опустилась ему на плечо, и Сол, теряя сознание, сжал кулак.

— Боже мой, — услышал он спокойный знакомый голос. — Доктор Ласки, это вы?

Сол кивнул, глаза его закрылись, и перед тем, как провалиться в темноту, он почувствовал, что сильные руки шерифа Бобби Джентри подхватили его и куда-то понесли.

Глава 30

Джермантаун
Вторник, 30 декабря 1980 г.

Джентри казалось, что он сошел с ума. Пока он бежал к общинному дому, он жалел лишь о том, что не может убедиться в этом, пока Сол без сознания. Мир для него превратился в какую-то кошмарную паранойю, где были окончательно разрушены какие-либо причинно-следственные связи.

Близнец по имени Г. Б. остановил шерифа, когда тот был в полуквартале от дома. Джентри глянул на направленный в его сторону револьвер и крикнул:

— Пропусти! Марвин знает, что я должен вернуться.

— Да, но он не знает, что ты тащишь с собой какого-то дохлого ублюдка.

— Он жив и сможет помочь нам. Если он умрет, не сомневайся, тебе придется отвечать перед Марвином. А теперь дай мне пройти.

Г. Б. медлил.

— Пошел ты к черту, свинья, — произнес он наконец и отошел в сторону.

Прежде чем добраться до дома, Джентри миновал еще трех караульных. Марвин расставил охрану ярдов на сто во всех направлениях. Любая неопознанная машина в пределах квартала должна была подвергаться обстрелу, если отказывалась добровольно уехать. Зеленому фургону, набитому белыми, понадобилось всего полминуты на рассмотрение ультиматума Лероя, чтобы укатить подальше на полной скорости. Возможно, их убедила литровая бутылка с бензином, которую Лерой держал откупоренной в правой руке.

Вечер же понедельника стал прелюдией к кошмару.

Марвин и остальные возвращались в общинный дом проходными дворами и глухими переулками, Лерой истекал кровью из десятка мелких ранок, оставленных дробью. За исключением главаря, все находились на грани истерики после перестрелки. Марвин собирался послать Джексона или Тейлора с грузовиком обратно, чтобы забрать трупы Кальвина и Форели, но паника, с которой те столкнулись в общинном доме, заставила их забыть об этом на много часов. Когда наконец перед самым рассветом грузовик все же поехал туда, пяти трупов на месте не оказалось, а на втором и третьем этаже остались лишь запекшиеся пятна крови. Представители власти, конечно же, отсутствовали.

В общинном доме царил жуткий беспорядок. Обитатели палили без разбору в любую тень. Кто-то потушил горевшие автомобили, но весь квартал был окутан клубами дыма, словно на него опустилось облако смерти.

— Он был здесь, Марвин, этот белый ублюдок с косой! Проник в дом прямо как привидение и ранил Кару... А Раджи видел, как он бежал за той малюткой с камерой через двор, и... — затараторил Тейлор, как только они вошли.

— Где Кара?! — заорал Марвин. За все это время Джентри впервые услышал его крик.

Тейлор сказал, что Кара наверху, на матрасе за занавеской, и что она действительно сильно ранена. Джентри поспешил за Марвином наверх. Большинство членов банды молча взирали на обезглавленное тело преподобного Вудза, лежавшее на бильярдном столе, а Марвин с Джексоном прямиком прошли за занавеску. Кара была без сознания, над ней хлопотали четыре девушки-негритянки.

— Похоже, дела плохи, — сказал Джексон, осмотрев Кару. Прекрасное лицо девушки изменилось почти до неузнаваемости — лоб немыслимо раздулся, глаза остекленели. — Надо ехать в больницу. Пульс и давление падают.

— Эй, послушайте, — попробовал возразить Лерой, демонстрируя окровавленную правую руку и ногу. — Я тоже ранен. Давай я поеду с тобой, чтобы меня вылечили и...

— Заткнись! — приказал Марвин. — Собери этих идиотов. И чтоб никто сюда не подобрался ближе чем на полквартала, понял? Скажи Шерману и Эдуардо, чтобы отправлялись в «Собачий город» — пусть разыщут Мэнни. Нам нужно подкрепление, которое он обещал еще прошлой зимой, когда мы помогли ему с Пасториусом. Они нужны нам прямо сейчас. Скажи Вымогателю, пусть соберет все малолитражки и вспомогательные средства, которые у него есть. Я хочу знать, где находится эта старуха!

Пока Марвин отдавал распоряжения, а Джексон осторожно спускал Кару вниз, Джентри отвел Тейлора в сторону.

— Где Натали? — требовательно спросил он.

Парень покачал головой, а потом резко выдохнул, когда шериф сжал его бицепс.

— Черт, хватит! За ней гонится вонючий ублюдок. Раджи видел, как они бежали через двор, а потом скрылись между старыми домами. Темно было, ничего не видно... Мы бросились за ними, но они оба как в воду канули, честно...

— Когда это произошло? — Джентри еще крепче сжал руку парня.

— Черт! Больно же!.. Минут двадцать назад, может, двадцать пять.

Джентри быстро спустился и успел перехватить Марвина.

— Мне нужен мой «ругер», — с ходу заявил он.

Главарь банды посмотрел на него ледяными посветлевшими глазами.

— Этот сукин сын с косой гонится за Натали, и я иду туда. Отдай мне револьвер. — Он протянул руку.

Лерой тут же поднял свой обрез и направил его на шерифа, ожидая приказа главаря.

Марвин спокойно вытащил тяжелый «ругер» из кармана и отдал Джентри:

— Убей его, приятель.

— Постараюсь.

Джентри поднялся на второй этаж, вытащил дополнительную коробку патронов и перезарядил оружие. Гладкие тяжелые пули легко проскальзывали от прикосновений его пальцев. Он заметил, что рука у него дрожит. Наклонившись вперед, он несколько раз глубоко вздохнул, пока дрожь не утихла, после чего спустился за фонариком и вышел из общинного дома в сгущавшиеся сумерки.

Сол Ласки пришел в себя, когда Джексон принялся осматривать его рану.

— Похоже, кто-то поработал над тобой консервным ножом, — заметил бывший медик. — Дай мне другую руку. Я сделаю укол морфина, а потом уж займусь этим.

— Спасибо, — прошептал Сол через силу, откинувшись на подушку.

— Спасибо мало чего стоит, — усмехнулся врач-недоучка. — Оплатишь мне по счету. Тут есть братишки, которые готовы убить любого за такую ампулу. — И он быстрым и уверенным движением ввел иглу в вену. — Вы, белые парни, не умеете заботиться о собственных телах.

Джентри старался говорить быстро, чтобы успеть до того, как подействует наркотик:

— Какого черта вы оказались в Филадельфии, а, док?

Сол покачал головой:

— Это длинная история. Тут замешано гораздо больше людей, чем я думал, шериф...

— Мы это как раз сейчас выясняем, — ответил Джентри. — Вам удалось узнать, где находится этот проклятый оберст?

Джексон закончил промывать рану и принялся накладывать новые швы. Сол глянул на руку и отвернулся. Говорить ему было невыносимо трудно, губы едва шевелились.

— Не совсем... Но он где-то здесь... Поблизости. Я только что встретил человека по имени Дженсен Лугар, который долгие годы был агентом оберста. Он и говорит по-немецки, как Борхерт... И делает все, что тот ему приказывает. А Колбен и Хейнс отпустили меня, чтобы я вывел их на фон Борхерта... Вилли Бордена. Они тоже охотятся за ним.

— Хейнс! — воскликнул Джентри. — Черт, этот сукин сын мне сразу не понравился!

Сол облизнул пересохшие губы. Голос его становился все более замедленным и тягучим.

— А Натали? Она тоже здесь?..

Джентри отвернулся:

— Была. Ее кто-то выманил отсюда... сутки назад.

Сол попытался сесть. Джексон выругался и толкнул его обратно на матрас.

— Она... жива? — выдавил из себя Сол.

— Не знаю. Я обшарил всю округу. — Джентри потер глаза. Он не спал уже почти двое суток. — Вряд ли Мелани Фуллер, убив стольких людей, сохранит жизнь Натали, — промолвил он. — Но что-то заставляет меня продолжать поиски. Просто у меня есть какое-то ощущение... Если вы расскажете мне все, что вам известно, тогда, может, мы вместе... — Джентри умолк, увидев, что Сол Ласки погрузился в глубокий сон.

— Как Кара? — спросил шериф, войдя на кухню.

Марвин поднял голову от стола, на котором была разложена дешевая карта города, придавленная пивными банками и пакетами с чипсами. Рядом с ним сидел Лерой — через его разорванную одежду просвечивали бинты. То и дело в кухню входили и выходили разные посланцы, но в доме царила тихая деловая атмосфера, ничем не напоминавшая неразбериху вчерашнего дня.

— Плохо, — ответил Марвин. — Врачи говорят, что травма тяжелая. Сейчас в больнице дежурят Кассандра и Шелли. Если будут какие-нибудь перемены, они сообщат.

Джентри кивнул и сел. Он чувствовал, что им овладевает усталость, накладывая на все тусклый глянец. Он потер лицо.

— Тот человек наверху поможет тебе найти твою подружку? — спросил Марвин.

— Не знаю. — Джентри качнул отяжелевшей головой.

— А нам он может помочь найти эту суку... мадам Вуду?

— Возможно. Джексон говорит, что он придет в себя через пару часов. У вас есть какие-нибудь новости?

— Это дело времени, приятель, — ответил Марвин. — Всего лишь дело времени. Наши помощники обходят сейчас каждый дом. Белой старухе не удастся остаться незамеченной. А как только мы найдем ее, сразу начнем действовать.

Джентри постарался сосредоточиться на том, что он собирался сказать. Говорить становилось все труднее — слова разбегались, язык заплетался.

— Ты знаешь об остальных... федеральных войсках?

Марвин рассмеялся резким, каким-то истеричным смехом:

— Конечно, они тут рыщут повсюду. Зато они не пускают сюда местных свиней и телевизионщиков, так?

— Наверное, — согласился Джентри. — Но я хотел сказать, что они не менее опасны, чем Мелани Фуллер. Некоторые из них обладают такими же... такими же способностями, как она. И охотятся они за человеком, который еще более опасен.

— Ты считаешь, они тоже приложили свою руку к братству Кирпичного завода? — спросил Марвин.

— Нет.

— Они имеют какое-нибудь отношение к белому ублюдку?

— Нет.

— Тогда они могут немного подождать. А если сунутся, то и им перепадет от нас.

— Речь идет о сорока—пятидесяти федеральных полицейских в штатском, — усмехнулся Джентри. — Обычно они вооружены до зубов.

Марвин пожал плечами. В комнату вбежал какой-то парень и что-то зашептал ему на ухо. Главарь выпрямился и спокойным голосом быстро отдал четкие распоряжения.

Джентри взял со стола банку и, обнаружив, что в ней осталось теплое пиво, сделал глоток.

— Ты не думаешь, что лучше уйти, пока это еще возможно? — спросил он. — Я имею в виду, оставить их всех, и пусть эти маньяки перегрызут горло друг другу.

Марвин посмотрел шерифу в глаза.

— Приятель, — произнес он почти шепотом, — ты ничего не понял. Нас уже давно преследуют белые, правительство, все эти свиньи и грязные местные политики. Так было всегда. И то, что этот белый ублюдок творит с черными, не ново... Но он творит это на нашей территории, понял? Вы с Натали утверждаете, что на самом деле это дело рук мадам Вуду, и я думаю, что так оно и есть. Похоже, по крайней мере. Но она не единственная. За ней стоят другие, которые тоже с радостью смешают нас с грязью. Они и так занимаются этим постоянно. Но здесь — братство Кирпичного завода. Они убивают наших людей — Мухаммеда, Джорджа, Кальвина... Может, и Кара умрет... За это они должны заплатить! Мы все равно уничтожим белого выродка и эту старую суку. — Марвин сжал кулаки. — Мы ни от кого не ждем помощи. Но если ты хочешь быть с нами, оставайся.

— Да, я хочу быть с вами, — хрипло сказал Джентри. И его собственный голос показался ему таким же тягучим и замедленным, как у Сола Ласки под воздействием морфия.

Марвин кивнул и встал. Подойдя к шерифу, он крепко взял его за руку, поднял на ноги и подтолкнул к лестнице:

— А что тебе надо сейчас, приятель, так это поспать. Если что-нибудь начнется, мы тебя разбудим.

Джексон разбудил его в половине шестого утра.

— Твой друг очнулся, — сообщил бывший медик.

Джентри поблагодарил его и несколько минут просидел на краю матраса, обхватив голову руками и пытаясь соображать. Перед тем как пойти к Солу, он спустился на кухню, приготовил кофе в древней кофеварке и вернулся обратно с двумя дымящимися чашками. В разных помещениях похрапывали человек двенадцать. Ни Марвина, ни Лероя видно не было.

— Я проснулся и решил, что мне все приснилось, — сказал Сол, с благодарностью принимая от Джентри чашку. — А потом увидел это... — Он приподнял свою перебинтованную руку.

— Так что произошло? — спросил Джентри.

— Послушайте, шериф, — произнес Сол, глотнув кофе. — Мы заключим сделку. Я начну с самых важных сведений. Потом то же самое сделаете вы. Если наши истории каким-то образом совпадут, мы продолжим. Согласны?

— Да. — Джентри кивнул.

Они проговорили часа полтора и еще полчаса задавали друг другу вопросы. Когда эта «пресс-конференция» была закончена, Джентри помог психиатру встать, и они подошли к зарешеченному окну. Снаружи едва брезжил рассвет.

— Канун Нового года, — заметил Джентри.

Сол поднял руку, чтобы по привычке поправить очки, но понял, что их нет.

— Все это кажется невероятным, не так ли?

— Да, — согласился Джентри. — Но Натали Престон где-то здесь, и я не уеду из города, пока не найду ее.

Они отыскали очки Сола, а затем спустились раздобыть что-нибудь из еды.

Марвин и Лерой вернулись в десять утра, оживленно беседуя с двумя латиноамериканцами. У тротуара стояли три автомобиля, до отказа набитые чикано, которые пытливо рассматривали негров,

столпившихся на крыльце общинного дома. Члены черной банды также бросали на прибывших любопытные взгляды.

Кухня превратилась в боевой штаб, и входить в нее разрешалось лишь по особому приглашению. Сола и Джентри позвали минут через двадцать после того, как уехали латиносы. Марвин, Лерой, один из близнецов и еще с полдюжины парней встретили их молчаливыми взглядами.

— Как Кара? — спросил Джентри.

— Она умерла. — Марвин с горечью посмотрел на Сола. — Ты сказал Джексону, что хотел бы поговорить со мной.

— Да, — кивнул Ласки. — Мне кажется, вы можете помочь мне найти то место, где меня держали. Оно не должно быть слишком далеко отсюда.

— Зачем нам это надо?

— Там находится центр управления ФБР, оккупировавшего округу.

— Ну и что? Пошли они куда подальше!..

Сол пощипал бороду.

— Я думаю, им известно, где находится Мелани Фуллер.

Главарь поднял голову:

— Ты уверен?

— Нет, — ответил Сол, — но, судя по тому, что я видел и слышал, очень похоже. Мне кажется, оберст по каким-то своим причинам навел их на ее след.

— Этот оберст — твой мистер Вуду?

— Да.

— На улицах масса правительственных свиней. И всем им известно, где находится старуха?

— Если мы сможем попасть в центр управления и с кем-нибудь поговорить там, нам удастся выяснить подробнее.

— Расскажи мне об этом центре, приятель, — попросил Марвин.

— Он находится на открытой местности в восьми минутах езды отсюда, — начал Сол. — Кажется, там постоянно курсирует вертолет. Строения временные, возможно, передвижные дома или что-то вроде трейлеров, которые используют строители...

В вязаной шапочке-балаклаве с прорезями для глаз и в перчатках, Сол вместе с Джентри и еще пятерыми парнями вышел из дома. Шериф полагал, что, если Колбен и Хейнс считают Ласки погибшим, они вряд ли узнают его в таком виде. Забравшись в грузо-

вик Вудза, вся компания доехала до Джермантаун-стрит, потом свернула на Челтен и еще раз на соседнюю улицу без названия, идущую к складам.

— За нами следует синий «форд», — предупредил Лерой, который вел машину.

— Давай, — распорядился Марвин.

Трясясь и подпрыгивая, грузовик пересек захламленную стоянку и притормозил у осевшего ржавого сарая, где смогли поместиться лишь Марвин, Сол, Джентри и один из близнецов, да и тому пришлось затаиться в тени открытой двери. Грузовик быстро набрал скорость и свернул на восток в узкий переулок. Через мгновение мимо пронесся синий «форд» с тремя белыми пассажирами.

— Сюда! — скомандовал Марвин и направился через грязный пустырь к высившейся впереди свалке из расплющенных автомобилей.

Марвин и один из близнецов быстро вскарабкались на штабель, у Джентри же и Сола на это ушло гораздо больше времени.

— Это здесь? — спросил главарь, когда психиатр, преодолев последние шесть футов, наконец шатко замер на вершине, опираясь на плечо шерифа, чтобы не упасть. Марвин протянул ему маленький бинокль.

Впереди виднелся высокий деревянный забор, ограждавший чуть ли не полквартала. К югу тянулся вырытый котлован, залитый бетоном. Рядом застыли в бездействии два бульдозера, экскаватор и еще какое-то более мелкое оборудование. В центре буквой «П» расположились несколько трейлеров, неподалеку стояли семь машин и фургон. Над центральным трейлером болталась микроволновая антенна. За ним на открытом пространстве виднелся круг, выложенный красными сигнальными фонарями, с металлического шеста безвольно свисал ветровой конус.

— Похоже, — кивнул Сол.

Пока они наблюдали, из центрального трейлера вышел мужчина в рубашке и поспешно направился к временным туалетам, расположенным ярдах в двадцати от машин.

— Это один из ублюдков, с которыми ты бы хотел поговорить? — спросил Марвин.

— Вероятно, — откликнулся Сол.

Заметить их среди гор ржавого металла было практически невозможно, и тем не менее Джентри поймал себя на том, что все

они вдруг присели, укрываясь за колесами и расплющенными кабинами машин.

— Темнеть начнет только часов через пять. — Марвин взглянул на часы. — Тогда и займемся этим.

— Черт побери! — возмутился Джентри. — Неужели нужно так долго ждать!

И, словно в ответ на его слова, в небе появилось узкое тело вертолета, который, описав дугу, приземлился в световом круге. Из него выскочил человек в толстой куртке и бегом бросился к командному трейлеру. Сол, снова взглянув в бинокль, различил круглую физиономию Чарльза Колбена.

— Вот с этим человеком встречаться не следует, — предупредил он. — Надо дождаться, пока он в очередной раз куда-нибудь не отправится.

Марвин пожал плечами.

— Давайте выбираться отсюда, — сказал Джентри. — Я пойду искать Натали.

— Я с тобой, — приглушенным голосом объявил Сол.

— Вы ищете ее труп? — спросил психиатр, когда они заглянули в развалины еще одного пустого дома.

Джентри прислонился к обвалившейся кирпичной стене. Сквозь дырявый потолок над их головами виднелись последние проблески тусклого дневного света.

— Да, наверное, — вздохнул он.

— Полагаете, та пешка Мелани Фуллер убила ее и оставила тело в каком-нибудь таком месте?

Джентри вытащил из кармана «ругер» и снял предохранитель. Утром он дважды смазал все части, механизм работал безупречно.

— По крайней мере, тогда не останется никаких сомнений... Зачем старухе сохранять ей жизнь?

— Одна из проблем с психически ненормальными людьми заключается в том, что их мыслительные процессы непредсказуемы, — ответил Сол, устроившись рядом на обломках кирпичной кладки. — Полагаю, это к лучшему. Если бы мы полностью осознавали деяния маньяков, мы бы, несомненно, сами приблизились к состоянию безумия.

— Вы уверены, что Фуллер психически ненормальная?

— Все имеющиеся у нас данные подтверждают это. Сложность заключается не в том, что она пребывает в замкнутом мирке иска-

женных представлений о действительности, а в том, что благодаря своим способностям она может поддерживать и подкреплять эти представления. — Сол поправил очки. — По сути, та же проблема возникла с нацистской Германией. Психоз подобен вирусу. Он может размножаться и распространяться самопроизвольно, когда организм носителя предрасположен к его восприятию.

— Вы хотите сказать, то, что натворила в мире нацистская Германия, случилось в основном благодаря таким маньякам, как ваш оберст и Мелани Фуллер?

— Вовсе нет. — Сол решительно покачал головой. — Я даже не уверен, можно ли этих людей называть настоящими людьми. Я считаю их мутантами — жертвами эволюции, которая в течение миллиона лет поощряла развитие межличностного господства наряду с другими особенностями. Но ориентированные на насилие фашистские общества создаются не полковниками и психопатками вроде Мелани Фуллер и даже не Барентами и Колбенами.

— Тогда кем же?

Сол махнул рукой в сторону улицы, видневшейся за разбитыми оконными рамами:

— Члены банды считают, что в операции участвуют несколько десятков федеральных агентов. Но я думаю, только один из них — Колбен обладает этой странной способностью. Остальные лишь позволяют разрастаться вирусу насилия, выполняя распоряжения и являя собою часть социального механизма. Немцы были большими специалистами по организации и созданию таких механизмов. Лагеря смерти являлись только частью более крупного механизма убийства. И он не был полностью уничтожен, а всего-навсего перестроен, модернизирован...

Джентри встал и подошел к пролому в дальней стене:

— Пойдем. Мы еще успеем осмотреть этот квартал перед тем, как стемнеет.

Среди обгоревших опор обуглившегося, но так и не снесенного дома они нашли обрывок ткани.

— Я уверен, что это от рубашки, которая была на ней в понедельник, — сказал Джентри. Он пощупал ткань и в свете фонарика принялся осматривать пол, усыпанный углем. — Смотрите, здесь масса следов. Похоже, они боролись тут, в углу. Натали могла зацепиться за этот гвоздь и порвать рукав рубашки, когда ее отшвырнули к стене.

— Или если ее тащили на плече, — добавил Сол. Он прижимал к себе саднящую левую руку. Лицо его было очень бледным.

— Вы правы. Давайте посмотрим, нет ли следов крови или... еще чего-нибудь.

В угасающем свете дня они внимательно осмотрели помещение, но больше ничего не нашли. Выйдя на улицу, они стали размышлять, куда мог направиться похититель Натали в этом лабиринте переулков и полуразрушенных зданий, когда увидели Тейлора, бегущего к ним и размахивающего руками.

— Эй, вы! — закричал он издалека. — Марвин сказал, чтобы вы оба возвращались. Лерой сцапал одного ублюдка из трейлера. Он сообщил, где найти мадам Вуду.

— Ропщущая Обитель, — произнес Марвин. — Она в Ропщущей Обители.

— Что такое Ропщущая Обитель? — осведомился Сол.

Они с Джентри стояли в битком набитой людьми кухне. В коридорах и нижних помещениях тоже толпились члены братства.

— Вот и я тоже спросил, что такое Ропщущая Обитель? — Марвин, довольный, сидел во главе стола. — Тогда этот ублюдок объяснил мне. Я знаю, где это место.

— Это старый дом на Джермантаун, — добавил Лерой. — Действительно очень старый. Он был построен, когда белые еще носили треугольные шляпы.

— Кого вы допрашивали? — спросил Сол.

Марвин усмехнулся:

— Мы с Лероем и Г. Б. вернулись обратно к центру, когда стемнело. Вертолета уже не было, поэтому мы стали ждать у туалетов, когда выйдет кто-нибудь из тех типов. Как только он спустил штаны, мы появились и сказали «привет». Лерой подогнал грузовик сбоку, позволил ублюдку сделать свои дела и затолкал в кабину.

— И где он сейчас? — спросил Джентри.

— Все еще в грузовике Вудза. А что?

— Я хочу поговорить с ним.

— Он спит, — усмехнулся Марвин. — Ублюдок сказал, что он специальный агент, видеотехник, и ничего не знает. Заявил, что не станет разговаривать с нами и что нам здорово влетит за оскорбление федеральной свиньи и все такое. Лерой и Г. Б. помогли ему разговориться. Джексон считает, с ним все будет в порядке, но сейчас он спит.

— Значит, Фуллер в доме, который называется Ропщущая Обитель, на Джермантаун-стрит, — повторил Джентри. — Он уверен в этом?

— Да, — ответил главарь. — Мадам Вуду живет с другой белой старухой на Квин-лейн. Я должен был догадаться. Старые шлюхи всегда липнут друг к другу.

— Тогда что она делает в Ропщущей Обители?

Марвин пожал плечами:

— Федеральная свинья говорит, что в последнюю неделю она проводит там все больше и больше времени. Мы рассудили, что белый выродок с косой приходит тоже оттуда.

Джентри протиснулся через толпу и остановился перед Марвином:

— О'кей. Мы знаем, где она. Пошли.

— Еще рано. — Марвин повернулся к Лерою, намереваясь что-то сказать, но Джентри схватил его за плечо и рванул к себе:

— К черту твое «рано»! Может, Натали Престон еще жива. Пошли!

Главарь поднял на него свои холодные синие глаза:

— Отвали, приятель. Если уж мы беремся за дело, то беремся как следует. Тейлор сейчас договаривается с Эдуардо и его парнями. Г. Р. и Г. Б. проверяют все вокруг Ропщущей Обители. Лейла с девчонками выясняют места скопления федеральных свиней.

— Тогда я пойду один, — упрямо сказал Джентри.

— Нет, — остановил его Марвин. — Если ты подойдешь к дому, федеральные свиньи узнают тебя и всякий эффект неожиданности полетит к чертям. Ты будешь ждать нас, или мы вообще оставим тебя здесь.

Огромная фигура шерифа угрожающе нависла над Марвином. Тот встал.

— Только убив меня, ты сможешь помешать мне, — произнес Джентри.

— Совершенно верно, — спокойно заметил Марвин, выдержав его взгляд; кто-то в глубине дома включил радио, и напряженную тишину заполнили звуки музыки. — Через несколько часов, приятель. Я знаю, каково тебе. Несколько часов, и мы сделаем это вместе.

Огромное тело Джентри постепенно обмякло. Он протянул руку главарю, и тот крепко пожал ее.

— Несколько часов, — повторил шериф.

— Точно так, парень, — улыбнулся Марвин.

Джентри сидел на матрасе на втором этаже и в третий раз за день прочищал и смазывал свой «ругер». Единственным источником света была лампа с потрепанным шелковым абажуром. Сукно на бильярдном столе покрывали темные пятна и подтеки.

Сол Ласки вошел в освещенный круг, неуверенно огляделся и подошел к Джентри.

— Привет, Сол, — произнес Джентри, не поднимая головы.

— Добрый вечер, шериф.

— Учитывая, сколько мы пережили вместе, Сол, я бы предпочел, чтобы ты называл меня Робом.

— Хорошо, Роб. — Сол впервые улыбнулся.

Джентри защелкнул барабан и покрутил его. Осторожно и сосредоточенно, один за другим, он принялся вставлять патроны.

— Марвин уже начал высылать группы, — заметил Сол. — По двое — по трое.

— Отлично.

— Я решил, что пойду с группой Тейлора в командный центр, — сказал Ласки. — Я сам вызвался. Чтобы отвлечься.

Джентри бросил на него быстрый взгляд, и он пояснил:

— Это не потому, что я не хочу присутствовать при захвате Фуллер. Просто я думаю, члены банды недооценивают, насколько опасным может быть Колбен...

— Понимаю, — кивнул Джентри. — Они сказали, когда все начнется?

— Сразу после полуночи.

Шериф отложил в сторону револьвер и откинулся на подушку.

— Новый год, — произнес он. — Счастливого Нового года.

Сол снял очки и протер стекла салфеткой.

— Ты ведь довольно близко познакомился с Натали Престон, правда?

— После твоего отъезда она пробыла в Чарлстоне всего несколько дней, — ответил Джентри. — Но мы... мы прекрасно поняли друг друга.

— Замечательная девушка, — подтвердил Сол. — При общении с ней создается впечатление, будто знаешь ее тысячу лет. Очень интеллигентная и тонкая натура.

— Да, — согласился Джентри и глубоко вздохнул.

— Я все-таки надеюсь, что она жива, — сказал Сол.

Джентри поднял голову к потолку. Тени на нем были как кровоподтеки и напоминали разводы на бильярдном столе.

— Сол, — прошептал он, — если она жива, я очень хочу вытащить ее из этого кошмара.

— Надеюсь, ты сделаешь это... Извини, но мне нужно пару часов поспать перед началом нашего праздника. — И Сол направился к матрасу у окна.

Некоторое время Джентри упорно разглядывал потолок. Он ждал. Когда наконец его позвали, он уже был готов.

Глава 31

Джермантаун
Среда, 31 декабря 1980 г.

Комната промерзла насквозь, окон в ней не было. Скорее, это была даже не комната, а кладовка — шесть футов в длину, четыре в ширину; с трех сторон пространство было ограничено каменными стенами, с четвертой — мощной деревянной дверью. Натали стучала в нее руками и ногами, пока они не покрылись синяками и ссадинами, но дверь даже не дрогнула.

От холода заснуть она не могла. Сначала ее то и дело захлестывали волны ужаса — они накатывали, будто приступы тошноты, причиняя еще большую боль, чем порезы и ссадины на лбу. Она вспомнила, как, сжавшись, сидела за обуглившимися опорами дома и смотрела на приближавшуюся сутулую фигуру с косой. Потом вскочила, запустила в эту тварь кирпичом, который сжимала в руке, и попыталась проскользнуть мимо быстро метнувшейся тени. Но тут ее схватили за руки. Она кричала, отбивалась, однако парень держал ее крепко. После двух сокрушительных ударов по голове тело ее обмякло, кровь залила левый глаз, и Натали смутно осознала, что ее подняли и куда-то понесли. Клочок неба, снег, раскачивающийся фонарь — и тьма, тьма...

Очнулась она от холода и первым делом подумала, что ей выкололи глаза, — так темно было вокруг. Она выползла из груды одеял, наваленных на каменном полу, и принялась ощупывать грубо отесанные стены своей камеры. Дотянуться до потолка ей не удалось. На одной из стен Натали обнаружила холодные металлические стержни, — вероятно, когда-то на них крепились полки. Через несколько минут она смогла различить более светлые полосы в дверных щелях — не то чтобы оттуда мог просачиваться свет, но просто всепоглощающая тьма обрела хоть какие-то очертания.

Натали укуталась в два одеяла и, содрогаясь от холода, забилась в угол. Голова болела нестерпимо, и она с трудом сдерживала приступы тошноты, которые усиливались из-за страха. Всю жизнь Натали восхищалась своей способностью сохранять мужество в критических ситуациях, мечтая стать такой же, как отец, — спокойной, рассудительной в моменты, когда окружающие бессмысленно суетятся, — и вот теперь она беспомощно тряслась от страха, моля Бога, чтобы тот подонок с косой не вернулся.

Натали не имела ни малейшего представления о том, где находится. Прошло несколько часов; несмотря на холод, она задремала, когда вдруг услышала скрежет многочисленных отодвигаемых засовов и явственно различила свет в щелях двери. На пороге возникла Мелани Фуллер.

Натали не сомневалась, что это была именно она, хотя пляшущий язычок свечи освещал лицо старухи лишь снизу, придавая ему карикатурный вид: покрытые морщинами щеки и скулы, дряблый подбородок, нависавший над шеей, остекленевшие глаза, заплывшие веки, иссиня-седые редкие волосы на покрытом старческими пятнами черепе торчали чуть ли не дыбом, образуя своеобразный нимб. За спиной маньячки Натали отчетливо различила худое лицо того негодяя с длинными волосами, выпачканными грязью и кровью. Сломанные зубы парня желтовато поблескивали в свете единственной свечи, которую держала старуха. В руках у него ничего не было, а длинные белые пальцы время от времени подрагивали, будто под воздействием каких-то токов, пробегавших по телу.

— Добрый вечер, моя дорогая, — скрипучим голосом промолвила Мелани Фуллер. На ней была длинная ночная рубашка и толстый дешевый халат. Ноги тонули в розовых пушистых тапочках.

Натали натянула одеяло до подбородка и ничего не ответила.

— Здесь холодно? — ласково осведомилась старуха. — Прости меня, дорогая. В этом доме всюду холодно, если тебя утешит такая весть. Не представляю, как это люди жили на севере до изобретения центрального отопления. — Она улыбнулась, обнажив идеально белую вставную челюсть. — Пришло время нам с тобой поговорить.

Натали обдумывала, не броситься ли ей на старуху, пока у нее есть такая возможность, и попробовать прорваться наружу. Она заметила за дверью длинный деревянный стол — несомненно, старинный, а еще дальше — каменные стены. Но путь ей преграждал парень с дьявольскими глазами.

— Это ты привезла мою фотографию из Чарлстона, милочка?

Девушка молчала.

Мелани Фуллер горестно покачала головой:

— У меня нет желания причинять тебе вред, но, если ты добровольно не согласишься беседовать со мной, мне придется попросить Винсента уговорить тебя.

Сердце Натали учащенно забилось у самого горла, когда она увидела, как эта длинноволосая тварь собирается шагнуть к ней.

— Откуда же ты взяла фотографию, моя милая?

Во рту у Натали пересохло, и она выдавила через силу:

— Мистер Ходжес.

— Тебе дал ее мистер Ходжес? — насмешливо осведомилась Мелани Фуллер.

— Нет. Миссис Ходжес позволила нам посмотреть его слайды.

— Кому это «нам», дорогая? — Старуха слегка улыбнулась. Пламя осветило острые скулы под натянувшейся пергаментной кожей.

Натали молчала.

— Тогда я предположу, что «нам» — это тебе и шерифу, — тихо сказала Мелани Фуллер. — Зачем же ты и полицейский из Чарлстона проделали такой путь и преследуете пожилую леди, которая не сделала вам ничего дурного?

Натали почувствовала, как в ней закипает ярость, придавая ей силу и разгоняя страх.

— Вы убили моего отца! — крикнула она и, попытавшись вскочить, больно ударилась плечом о грубую каменную кладку.

— Твоего отца? — недоуменно переспросила старуха. — Тут какая-то ошибка, милочка.

Натали покачала головой, стараясь справиться с подступившими слезами:

— Вы использовали свою прислугу, чтобы убить его. Без всяких оснований.

— Мою прислугу? Мистера Торна? Боюсь, ты что-то путаешь.

Натали готова была плюнуть в лицо этому синевласому монстру, но во рту было сухо, как в пустыне.

— Кто еще ищет меня? — спросила старуха. — Только ты и шериф? Как вам удалось отыскать меня здесь?

Натали натужно рассмеялась, и смех ее эхом раскатился под каменными сводами.

— Все знают, что вы здесь. Нам все известно и о вас, и о старом нацисте, и о вашей подруге — Нине Дрейтон... Больше вам не удастся убивать людей. Что бы вы со мной ни сделали!.. — Она

глубоко вдохнула, потому что сердце ее колотилось с такой силой, что готово было выскочить из груди.

Впервые за время разговора лицо старухи выразило явное беспокойство.

— Нина?! — воскликнула она. — Так тебя послала Нина Дрейтон?

В расширенных глазах Мелани Фуллер Натали увидела проблеск безумия.

— Да, — твердо заявила она, понимая, что, возможно, обрекает себя на гибель, но желая во что бы то ни стало нанести ответный удар. — Меня послала Нина Дрейтон. Она знает, где вы находитесь!

Старуха отшатнулась, будто ее ударили по лицу, нижняя челюсть у нее отвисла. Она схватилась за дверной косяк, чтобы не упасть, и оглянулась на существо, которое называла Винсентом. Поняв, что от него поддержки не будет, она, задыхаясь, прошептала:

— Я устала... Мы поговорим позже. Позже... милочка.

Дверь с силой захлопнулась, затем раздался скрежет задвигаемых засовов.

Дрожа всем телом, Натали сжалась в темноте.

Наступивший день оповестил о себе серыми полосами света у двери. Очнувшись от дремоты, Натали ощутила острую потребность оправиться, но вокруг не было ничего, даже горшка. Она стала стучать в дверь и кричать, пока не охрипла, однако никто не отозвался. Наконец она нащупала в темноте в дальнем углу своей камеры качающийся камень, ногтями вытащила его и приспособила образовавшуюся выемку под уборную. Закутавшись в одеяла, Натали снова легла, содрогаясь от холода и рыданий.

Когда она пробудилась в следующий раз, уже стемнело. Засовы с лязгом отодвинулись, мощная дверь со скрипом распахнулась. На пороге стоял один Винсент.

Натали попятилась, пытаясь нащупать вытащенный камень, но парень в одно мгновение схватил ее за волосы и приподнял. Левой рукой он сдавил ей горло, лишая воздуха и всякой воли к сопротивлению. Натали сдалась.

Винсент грубо вытащил девушку из темницы и поволок к крутой узкой лестнице. Она успела увидеть темную кухню колониальных времен и маленькую гостиную с обогревателем, который мерцал в крохотном камине. Лестница вела в короткий темный

коридор, откуда Винсент втолкнул ее в комнату, залитую светом свечей.

Натали замерла на пороге с широко раскрытыми глазами. Мелани Фуллер лежала, свернувшись в позе зародыша, под целой горой одеял и покрывал на походной кровати. В комнате с высоким потолком имелось единственное окно, закрытое шторами. На столах, подоконнике, каминной полке и на полу вокруг кровати горели по меньшей мере три дюжины свечей. Повсюду сохранились свидетельства того, что когда-то здесь жили дети, — сломанный кукольный дом, колыбель с металлическими прутьями, похожая на клетку для маленького зверька, древние тряпичные куклы и неприятный манекен мальчика, который, казалось, получил изрядную дозу радиации. Его покрытый пятнами череп лишь кое-где был скрыт редкими пучками волос, а отслоившаяся на лице краска походила на внутренние кровоизлияния.

Мелани Фуллер повернулась и взглянула на девушку, стоявшую в дверях.

— Ты слышишь их? — прошептала она.

Но в комнате, если не считать тяжелого дыхания Винсента да учащенных биений сердца Натали, царила полная тишина. Девушка ничего не ответила.

— Они говорят, что уже пора, — прошипела старуха. — Я послала Энн домой на случай, если нам понадобится машина.

Натали бросила взгляд в сторону лестницы, но путь ей снова преграждал Винсент. Она оглядела комнату в поисках возможного оружия. Металлическая колыбель была слишком громоздкой, манекен тоже наверняка не годился. Если бы у нее был нож или еще что-нибудь острое, она могла бы попытаться воткнуть его старухе в горло. Интересно, как поведет себя этот живой длинноволосый манекен, если погибнет его властительница? Мелани Фуллер, впрочем, тоже казалась живым трупом — в трепещущем свете кожа ее отливала такой же синевой, как и волосы, левый глаз почти полностью закрылся.

— Скажи мне, чего хочет Нина, — прошептала она. Взгляд ее блуждал по лицу Натали. — Нина, скажи мне, чего ты хочешь? Я не собиралась убивать тебя, дорогая. Ты тоже слышишь голоса, моя милая? Они предупредили меня о том, что ты придешь. Они сказали мне о пожаре и о реке. — Она прерывисто задышала. — Мне надо одеться, но моя чистая одежда у Энн, а туда слишком далеко идти. Я должна немного отдохнуть. Энн принесет ее. Нина, тебе понравится Энн. Если захочешь, ты можешь взять ее...

Натали застыла на месте, чувствуя, как в ней поднимается животный ужас. Возможно, это ее последний шанс. Что, если она попытается проскочить мимо Винсента, скатиться по лестнице и найти выход? Или наброситься на старуху?

Она снова пристально посмотрела на Мелани Фуллер. От нее пахло неухоженным телом, детской присыпкой и потом. Теперь Натали совершенно не сомневалась в том, что именно эта тварь повинна в смерти ее отца. Она вспомнила, как видела его в последний раз: они обнимались на прощание в аэропорту после проведенного вместе Дня благодарения. Он благоухал свежим мылом и хорошим табаком, но глаза его были почему-то грустными. Может, он чувствовал тогда, что они больше не увидятся?

И Натали решила, что Мелани Фуллер должна умереть. Все тело ее напряглось, готовое к броску.

— Мне надоела твоя дерзость, девчонка! — вдруг заверещала старуха. — Что ты здесь делаешь? Ступай и займись своими обязанностями! Ты знаешь, как папа поступает с непослушными черномазыми? — И она закрыла глаза.

И тут Натали, будто острым лезвием топора, вскрыли череп, и кто-то насильно проник в ее мозг. Голову словно охватило огнем. Она повернулась, начала падать вперед, но с трудом сохранила равновесие. Тело вдруг задергалось в каком-то полубезумном танце. Натыкаясь, как слепая, на стены, Натали сделала шаг назад и рухнула на Винсента. Тот схватил ее своими грязными руками за грудь. От него тоже несло мертвечиной. Резким движением он разорвал рубашку Натали.

— Нет-нет-нет, — бормотала старуха в забытьи, как сомнамбула. — Сделай это внизу. А труп отнеси обратно в дом, когда закончишь. — Она приподнялась на локте и уставилась на девушку одним глазом, из-под тяжелого века другого виднелся лишь белок. — Ты солгала мне, милочка. У тебя нет никакого сообщения от Нины.

Натали открыла было рот, чтобы ответить или закричать, но Винсент схватил ее за волосы, а другой рукой зажал лицо. Вытащив ее из комнаты, он поволок девушку вниз по лестнице. Она пыталась отбиваться, цеплялась за шероховатые перила, но Винсент не торопился. Он отрывал ее пальцы от перил, затем грубо ее пинал.

Натали откатилась к стене, желая свернуться в тугой невидимый клубок, но парень снова вцепился ей в волосы и сильно дернул на себя.

Тогда она с криком вскочила и изо всех сил ударила его в пах. Он без труда поймал ее ногу и резко дернул. Натали успела повернуться, но недостаточно быстро, лодыжка хрустнула, как сухая ветка, и девушка тяжело рухнула на пол. Жгучая боль охватила всю нижнюю часть ее тела.

Она оглянулась как раз в тот момент, когда Винсент вытащил нож из кармана своей армейской куртки и раскрыл длинное лезвие. Натали хотела отползти в сторону, но он ухватил ее за рубашку и почти приподнял над полом. Джинсовая ткань не выдержала и с треском разорвалась, кусок рубашки остался у него в руках. Натали продолжала ползти вперед по темному коридору, пытаясь нащупать хоть что-то, что можно было бы использовать вместо оружия. Но, кроме холодных досок, которыми был устлан пол, ничего не попадалось.

Услышав тяжелую поступь над головой, девушка перекатилась на спину и, развернувшись, впилась зубами в ногу своего преследователя. Тот не дернулся и не издал ни единого звука. Лезвие ножа мелькнуло в воздухе, рассекая кожу на плече Натали. Она задохнулась от жгучей боли и подняла руки в тщетной попытке защититься от нового удара.

И тут на улице загремели взрывы.

Глава 32

Джермантаун
Среда, 31 декабря 1980 г.

— Проблема заключается в том, что я никогда никого не убивал, — произнес Тони Хэрод.

— Никого? — переспросила Мария Чэнь.

— Никого, — подтвердил он. — И никогда.

Мария Чэнь кивнула и долила шампанского в фужеры. Они лежали лицом друг к другу в огромной ванной отеля «Каштановые холмы». В зеркалах отражалась единственная горящая ароматическая свеча. Хэрод откинулся назад и посмотрел на Марию из-под тяжелых век. Ее смуглые ноги возвышались между его коленями, лодыжки под пенящейся водой нежно касались его ребер. Пена скрывала все, кроме выпуклости ее правой груди, но он различал сосок — упругий и сладкий, как спелая клубника. Тони лю-

бовался изгибом ее шеи, тяжестью черных волос, когда она запрокидывала голову, чтобы глотнуть шампанского.

— Двенадцать часов, — заметила Мария Чэнь, бросив взгляд на золотой «ролекс» на полке. — С Новым годом!

— С Новым годом, — ухмыльнулся Хэрод, и они чокнулись полными фужерами.

Они начали отмечать праздник с девяти вечера. Это Марии Чэнь пришло в голову принять совместную ванну.

— Никогда никого не убивал, — снова повторил Хэрод. — И не испытывал в этом необходимости.

— Похоже, теперь тебе придется это сделать, — заметила Мария Чэнь. — Джозеф сегодня перед уходом напомнил, как бы между прочим, что мистер Барент настаивает на твоей кандидатуре.

— Да.

Хэрод вылез из ванны и поставил фужер на полку. Обтершись махровым полотенцем, он протянул руку Марии. Та не спеша, как Афродита, выбралась из пенящихся пузырей. Хэрод принялся нежно вытирать ее тело, проводя мягким полотенцем по спине, по груди. Когда он коснулся ее живота и бедер, она чуть раздвинула ноги. Выронив полотенце, Хэрод подхватил девушку на руки и понес в спальню.

Ему казалось, что такое с ним творится впервые. С пятнадцати лет он не спал с женщиной, которая отдалась бы ему по доброй воле. Он всегда лишь грубо брал их. Кожа Марии Чэнь пахла лавандой и ароматическим мылом. У нее перехватило дыхание, когда он медленно вошел в нее, и они покатились по необъятному пространству мягких простыней. Их тела слились воедино, губы и руки жадно ласкали друг друга. Когда Мария оказалась сверху, Хэрод закрыл глаза и застонал. Она кончила первой, он — несколько секунд спустя, и прильнул к ней с такой силой, с какой падающий в бездну человек цепляется за последнюю ветку в надежде удержаться.

Зазвонил телефон. И продолжал звонить не переставая.

Тони потряс головой. Мария Чэнь поцеловала его руку, сняла трубку и передала ему.

— Хэрод, сейчас же приезжай сюда! — донесся возбужденный голос Колбена. — Тут просто сумасшедший дом!

Колбен вернулся в центр управления. Агенты по-прежнему сидели за мониторами, делали записи, нашептывали что-то в надетые на голову микрофоны.

— Черт побери, где Галлахер? — рявкнул Колбен.

— До сих пор никаких сведений, сэр, — откликнулся техник из-за второго пульта.

— Тогда фиг с ним, — решил Колбен. — Скажи Зеленой бригаде, чтобы прекратила поиски. Пусть прикроют вторую Синюю возле рынка.

— Есть, сэр.

Колбен прошелся вдоль узкого прохода и остановился у последнего монитора:

— Черномазые все еще у Крепости?

— Да, сэр, — ответила молодая женщина.

Она переключила канал, и на экране вместо изображения дома Энн Бишоп появился проулок, тянувшийся за ним. Даже несмотря на использование инфракрасной подсветки, фигуры у гаража напоминали привидения.

Колбен насчитал двенадцать теней.

— Свяжите меня с Золотой! — приказал он.

— Есть, сэр. — Техник протянул ему дополнительный комплект наушников с микрофоном.

— Петерсон, я насчитал целую дюжину. Какого черта, что там происходит?

— Не знаю, сэр. Хотите, чтобы мы вмешались?

— Нет, — ответил Колбен. — Оставайтесь поблизости.

— На Эшмед еще восемь неизвестных, — сообщил агент от пятого пульта. — Только что миновали Белую бригаду.

Колбен снял наушники:

— Дьявол, где Хейнс?

— Он везет Хэрода и его секретаршу. Они будут через пять минут.

Колбен закурил сигарету и похлопал по плечу женщину за монитором:

— Свяжись с Хайеком, пусть готовит вертолет.

— Есть, сэр.

Из кабинета Колбена вынырнул Джеймс Леонард:

— Мистер Барент на третьей линии, сэр.

Колбен кивнул, вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

— С Новым годом, Чарльз! — послышался голос Барента. Он звучал гулко и сопровождался шумовым фоном, словно передавался по спутниковой связи.

— Да, — отозвался Колбен. — В чем дело?

— Я уже разговаривал с Джозефом, — сообщил Барент. — Его тревожит ход развития операции.

— Ну и что? Кеплер всегда паникует. Мог бы остаться здесь, если его это так тревожит.

— У Джозефа есть дела в Нью-Йорке. — Барент помолчал. — Наши друзья не появлялись?

— Вы имеете в виду старого фрица? — осведомился Колбен. — Нет. После вчерашнего взрыва на складе ни слуху ни духу.

— У вас есть какие-нибудь идеи насчет того, зачем Вилли понадобилось приносить в жертву одного из своих подручных для ликвидации доктора Ласки? И к чему столько разрушений? Джозеф сказал, что пришлось вызывать городскую пожарную команду.

— Откуда мне знать? — огрызнулся Колбен. — Послушайте, мы даже не уверены, действительно ли Лугар и этот еврей были там.

— Мне казалось, что этим как раз занимаются ваши судебно-медицинские эксперты, Чарльз.

— Занимаются. Но завтра праздник. Кроме того, насколько мне известно, Лугар и Ласки сидели на тридцати фунтах взрывчатки Си-четыре. Так что для экспертов там мало что осталось.

— Понимаю, Чарльз.

— Мне нужно идти, — заторопился Колбен. — У нас здесь развиваются события.

— Что за события?

— Ничего серьезного. Несколько придурков из этой несчастной банды крутятся вокруг охраняемой зоны.

— Но это ведь не осложнит утреннюю задачу, не так ли? — осведомился Барент.

— Нет, — бросил Колбен. — Я уже вызвал Хэрода, он на пути сюда. Если потребуется, мы сможем в течение десяти минут закрыть периметр и позаботиться о Фуллер с опережением графика.

— Вы думаете, мистер Хэрод справится с заданием, Чарльз?

Колбен загасил сигарету и закурил следующую.

— Я думаю, Хэрод не может справиться даже с тем, чтобы подтереть свою собственную задницу. Вопрос заключается в том, что нам делать, когда он все провалит?

— Полагаю, вы уже рассмотрели варианты? — поинтересовался Барент.

— Да. Хейнс готов вмешаться и позаботиться о старухе. Но когда Хэрод все провалит, я бы хотел сам заняться этим голливудским трахалем.

— Вы будете настаивать на его ликвидации?

— Я буду настаивать на том, чтобы заткнуть ему рот полицейским стволом и разнести его мозги по всей Филадельфии. — Колбен не на шутку разозлился.

Повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием в трубке.

— Что ж... Как сочтете нужным, — наконец произнес Барент.

— Его секретарше тоже придется исчезнуть, — добавил Колбен.

— Разумеется, — согласился Барент. — Единственное, Чарльз...

В дверь просунулась голова агента Леонарда.

— Только что появился Хейнс с мистером Хэродом и мисс Чэнь. Они уже в вертолете.

Колбен кивнул.

— Так что? — продолжил он разговор с Барентом.

— Завтрашний день очень важен для всех нас, — проговорил тот на другом конце провода. — Но, пожалуйста, не забывайте, что после того, как старуха будет выведена из игры, нашей главной целью останется мистер Борден. Если окажется возможным, свяжитесь с ним, вступите в переговоры и ликвидируйте, если того потребуют обстоятельства. Клуб Островитян целиком полагается на ваше мнение, Чарльз.

— Да, — подтвердил Колбен. — Я буду помнить об этом. Поговорим позже, не возражаете?

— Удачи, Чарльз. — В трубке что-то зашипело, и связь оборвалась.

Колбен быстро натянул бронежилет и бейсбольную кепку, засунул револьвер 38-го калибра в кобуру и застегнул куртку.

Лопасти винта уже начали набирать обороты, когда он подбежал, согнувшись, к открытой двери вертолета.

Сол Ласки, Тейлор, Джексон и шестеро более молодых членов братства Кирпичного завода наблюдали за тем, как вертолет поднялся в воздух и направился к северо-востоку. Грузовик они оставили за высоким деревянным забором, неподалеку от входа в центр управления ФБР.

— Что ты об этом думаешь? — обратился к Солу Тейлор. — Это твой мистер Вуду?

— Возможно, — откликнулся психиатр. — Мы находимся рядом со стройкой?

— Да, насколько я могу судить.

Сол повернулся к Джексону:

— Ты уверен, что сможешь все завести без ключей?

— Не сомневайся, приятель, — заверил тот. — Я три месяца оттрубил механиком в строительном батальоне во Вьетнаме. Заведу без ключа даже твою маму.

— С меня хватит и бульдозера. — Сол не хуже Джексона знал, что одним коротким замыканием проводов бульдозер не заведешь.

— А если я его заведу, ты с ним справишься? — осведомился Джексон.

— Я четыре года занимался строительством в кибуце, так что справлюсь не только с бульдозером, но и с твоей мамой, — в тон ему пошутил Сол.

— Спокойно, приятель. — Джексон широко улыбнулся. — Не старайся переплюнуть меня. У белых нет слуха на хорошие подначки.

— Мой народ привык обмениваться подначками с самим Господом. Так что лучшей школы не придумаешь.

Джексон рассмеялся и хлопнул Ласки по плечу.

— Кончайте трепаться, — одернул их Тейлор. — Мы уже на две минуты опаздываем.

— Ты уверен, что твои часы идут правильно? — спросил Сол.

Тейлор бросил на него негодующий взгляд и вытянул вперед руку, демонстрируя элегантные дамские часы «Леди Элджин» в золотой оправе с бриллиантами:

— Эти даже за год не отстанут на пять секунд. Пора двигаться.

— Отлично, — сказал Сол. — Как мы проберемся?

— Зубатка! — позвал Тейлор.

Из задней дверцы грузовика выскочил парень. Забравшись на крышу кабины, он перепрыгнул на забор высотой в десять футов и исчез за ним. Остальные пятеро проделали то же самое. За плечами у них висели тяжелые рюкзаки, откуда доносилось звяканье бутылок.

— Пошли, — скомандовал Тейлор, вылезая из кабины.

Сол глянул на свою перебинтованную руку.

— Рана будет пока болеть, — предупредил его Джексон. — Хочешь какой-нибудь укол?

— Нет. — Сол покачал головой и последовал за остальными.

— Это противозаконно, — произнес Тони Хэрод. Он глядел на проплывающие внизу фонари, мосты и автострады с высоты всего в триста футов.

— Полицейский вертолет, — буркнул Колбен. — Специальное разрешение.

Он развернулся в своем кресле так, что смог высунуться из открытого окна с правого борта. Холодный воздух с шумом врывался в салон, обжигая лица Хэрода и Марии Чэнь. На специальной опоре у окна Колбен держал снайперскую винтовку 30-го калибра. Оружие с громоздким прибором ночного видения, лазерным видоискателем и увеличенным магазином казалось несуразным и неуклюжим. Колбен ухмыльнулся и что-то произнес в микрофон, нахлобучив капюшон на глаза. Пилот круто свернул вправо, сделав вираж над Джермантаун-стрит.

Хэрод вцепился в сиденье обеими руками и закрыл глаза. Он не сомневался, что только благодаря пристежному ремню не вывалился из окна и не полетел, кувыркаясь, на мощенную кирпичом улицу с высоты тридцатиэтажного здания.

— Красный лидер — Центру управления, — произнес Колбен. — Проверка связи.

— Центр управления на связи, — послышался голос агента Леонарда. — Вторая Синяя бригада сообщает о вторжении четырех машин с латиноамериканцами в охраняемую зону на Челтен-стрит и в районе рынка. В переулках за Крепостью-один и Крепостью-два наблюдается скопление новых неопознанных группировок. Команда из пятнадцати неизвестных негров захватила Белую бригаду — один. Связь окончена.

Колбен повернулся к Хэроду:

— Думаю, обычная междоусобица. Традиционная новогодняя стычка.

— Но ведь Новый год уже наступил, — возразила Мария Чэнь.

— Какая разница? — хмыкнул Колбен. — Нам-то что? Пусть мочат друг друга, лишь бы не мешали нашей операции. Верно, Тони?

Хэрод ничего не ответил, продолжая изо всех сил держаться за сиденье.

Шериф Джентри, задыхаясь, бежал вперед, стараясь не отставать от подростков. Марвин и Лерой во главе десятка негров вели их сквозь темный лабиринт переулков, дворов, заваленных хламом стоянок и нежилых зданий. Наконец в одном из переулков Марвин взмахом руки подал сигнал остановиться. Ярдах в шестидесяти от них, за мусорными баками и просевшими гаражами, виднелся зеленый фургон.

— Федеральные свиньи, — прошептал Лерой, посмотрел на часы и ухмыльнулся. — Мы опережаем график на минуту.

Джентри присел, уперев руки в колени и стараясь справиться с одышкой. Ребра у него болели, ему было холодно. Больше всего он мечтал сейчас оказаться дома в Чарлстоне, слушать квартет Дейва Брубека и читать Брюса Кэттона. Он прислонился затылком к холодному кирпичу и задумался о том, что же произошло, когда они покидали общинный дом, и почему изменился его взгляд на Джермантаун и братство Кирпичного завода.

Он вспомнил, как в последний момент перед их выходом в кухню ворвался мальчишка не старше семи-восьми лет. Он сразу бросился к Марвину.

— Стиви, — строго сказал главарь банды, — я же велел тебе не приходить сюда.

Мальчик захныкал, рукавом растирая по лицу слезы:

— Мама просила, чтобы ты сразу шел домой, Марвин. Она сказала, что ты нужен ей и Марите дома...

Марвин обнял мальчугана за плечи и повел в соседнюю комнату, откуда до Джентри донеслось: «Скажи маме, что первым делом утром я зайду домой. А Марита пусть остается с ней и занимается делами. Так и передай им, Стиви».

Этот разговор почему-то очень взволновал Джентри. До сих пор он относился к банде лишь как к части кошмара, который окружал его в течение последних пяти дней. Джермантаун и его обитатели ассоциировались в его сознании с болью, мраком и, казалось бы, разрозненными событиями, происходящими вокруг. Джентри знал, что члены банды молоды — исключением был Джексон, но тот потерянная душа, гость, бывший питомец, вынужденный вернуться к своим прежним пристрастиям, ибо жизнь вытолкнула его отовсюду. Джентри встречал еще нескольких людей на холодных улицах — то были тихие, болезненного вида женщины, спешившие по делам, бесцельно шатающиеся старики и неизбежные алкоголики, валявшиеся перед магазинами. Он понимал, что они не являются истинным лицом общины, что летом улицы заполнят гуляющие семейства, играющие во дворах дети, подростки, гоняющие мяч по полю. Нынешняя кошмарная пустота порождена холодом, взрывом насилия на улицах и присутствием чужих, потусторонних сил, которые продолжали считать себя невидимыми. С приходом Стиви шериф осознал, что на самом деле оказался заброшенным в другой мир, где ему предстоит в обществе детей сра-

жаться со взрослым противником, обладающим всей полнотой власти и вооруженным до зубов по последнему слову техники.

— Они здесь, — прошептал Лерой.

Мимо пронеслись три низкие машины и, резко затормозив, остановились в дальнем конце переулка. Смеясь и перебрасываясь шутками на испанском, оттуда вывалилась целая толпа молодых людей. Некоторые из них подошли к фургону и стали колотить по нему бейсбольными битами и обломками труб. Фары фургона вспыхнули, изнутри раздался чей-то крик. Трое мужчин выскочили из боковой двери, один из них выстрелил в воздух.

— Пошли, — бросил негромко Марвин, и члены банды быстро побежали по переулку, держась в тени гаражей и заборов.

Миновав ярдов двадцать и достигнув пустого пространства за сараем, они остановились у низкой металлической ограды. Со стороны фургона раздалось еще несколько выстрелов. Джентри расслышал гул заводящихся моторов, машины, набирая скорость, начали удаляться в сторону Джермантаун-стрит.

— Вот она, Ропщущая Обитель, — сказал Лерой.

Джентри, прильнув к ограде, разглядел маленький дворик с огромным голым деревом посередине и тыльную сторону старого каменного здания.

— Окна первого этажа зарешечены, — сообщил Марвин. — Одна дверь сзади, две спереди. Будем заходить с двух сторон. Вперед!

Марвин, Лерой, Г. Б., Г. Р. и еще двое парней легко перемахнули через ограду. Джентри попробовал последовать их примеру, но зацепился за проволоку и тяжело рухнул на замерзшую землю. Поднявшись на ноги, он вытащил из кармана «ругер» и бросился догонять остальных.

Марвин и Г. Б. жестами показали ему, чтобы он двигался к торцу дома. У обоих в руках были пневматические винтовки. Лоб главаря стягивала красная бандана.

— Мы войдем с улицы.

От соседнего магазина Ропщущую Обитель отделял деревянный забор высотой в четыре фута. Они подождали, пока мимо не проедет пустой автобус, после чего Лерой ногой распахнул ворота, и они с Г. Б. спокойно вошли во двор, с равнодушным видом двигаясь вдоль зарешеченных окон к дверям. Почти от самой дорожки шел спуск к подвалу, запертому на замок. Джентри чуть отошел назад и окинул взглядом старинное здание. Ни в одном из девяти окон света не было, на улице тоже было пусто, если не считать

удалявшегося на запад автобуса. Яркие фонари освещали витрины магазинов и вымощенную кирпичом мостовую.

— Давай, — скомандовал Марвин.

Г. Б. подошел к западной двери и изо всех сил ударил по ней ногой. Толстая дубовая дверь не шелохнулась. Тогда Марвин и Лерой вскинули свои винтовки, отступили назад и выстрелили в замок. Джентри шарахнулся в сторону, инстинктивно прикрывая глаза от разлетавшихся щепок. После второго выстрела дверь распахнулась, и Г. Б. повернулся к Марвину, подняв кулак в победном салюте. И тут на груди у него заплясала непонятно откуда взявшаяся красная точка, затем она метнулась вверх, к виску. Г. Б. поднял голову, дотронулся рукой до лба, так что крошечная точка оказалась на его запястье, и посмотрел на Марвина с выражением веселого удивления. Звук выстрела был слабым и донесся словно издалека. Тело Г. Б. швырнуло сначала к дверям, потом обратно на дорожку.

Джентри увидел, что у юноши снесено полголовы, а дальше он уже бежал, падал на четвереньки и полз к воротам, ведущим в боковой дворик. Он успел заметить, что Марвин перепрыгнул через ступеньки крыльца и нырнул в открытую дверь. Красные точки плясали на здании над головой Джентри, от двух выстрелов ему в лицо полетели осколки камня. Он миновал ворота, откатился в сторону и сильно обо что-то ударился, в то время как несколько сделанных подряд выстрелов взметнули вверх комья земли слева от него. Ничего не видя перед собой, Джентри пополз вглубь двора. Со стороны улицы раздалось еще несколько выстрелов, но ни один из них не попал в цель.

— Какого черта? — спросил Лерой, подбежав к нему.

— Стреляют с той стороны улицы, — переводя дыхание, ответил Джентри, с удивлением обнаружив, что все еще сжимает в руке «ругер». — Со второго этажа или с крыши. Используют какое-то лазерное приспособление.

— А где Марвин?

— Кажется, внутри. Г. Б. убит.

Лерой махнул рукой и исчез из виду. С полдюжины теней метнулись к дому.

Джентри подбежал к торцу здания и осторожно выглянул на задний двор. Черный ход был открыт, изнутри лился слабый свет. В переулке затормозил фургон, из двери высунулся водитель, но тут из темноты прогремели выстрелы, и он исчез в кабине. Джентри увидел, как к большому дереву метнулись сразу несколько че-

ловек. Над головой послышался рев вертолета, и яркий луч прожектора залил двор. Мальчишка, имени которого Джентри не знал, замер, как олень, в луче света и, прищурившись, уставился вверх. Лишь на мгновение красная точка появилась на его груди, и он тут же упал, сраженный пулей. Звука выстрела Джентри даже не услышал. Он сжал «ругер» обеими руками и трижды пальнул в сторону прожектора. Луч его дико заметался, освещая ветви деревьев, крыши, фургон, — вертолет разворачивался и поднимался выше, к темному небу.

Со стороны фасада грянула беспорядочная пальба, и кто-то закричал высоким тонким голосом, звуки и вспышки выстрелов доносились и со стороны фургона. К Ропщущей Обители подъезжали все новые и новые машины, оглашая окрестности ревом моторов. Джентри глянул на «ругер», решил, что перезаряжать его нет времени, и опрометью бросился к черному ходу.

Сол Ласки уже лет двадцать не управлял бульдозером, с тех пор как помогал расчищать кибуц, но, как только Джексон пробудил двигатель к жизни, он уселся на место водителя, и память его сработала автоматически. К счастью, это оказался американский «Катерпиллер Д-7» — прямой потомок знакомых ему машин. Сол освободил рукоять маховика, поставил переключатель скоростей в нейтральное положение, зафиксировал тормоз правой гусеницы и, убедившись, что все готово, принялся искать кнопку стартера.

Обнаружив ее, он облегченно вздохнул, однако после того, как он включил зажигание и открыл топливный клапан, ничего не последовало.

— Эй! — крикнул худой парень по кличке Зубатка, сидевший рядом с Солом на корточках. — Ты хоть знаешь, что делаешь?

— Все в порядке! — прокричал в ответ Сол, дотянулся до рычага, решив, что все дело в тормозе, потом схватился за другой и рванул на себя.

Стартер взвыл, двигатель заработал. Сол нашел дроссельный клапан, высвободил его и так нажал на правое сцепление, что чуть не задавил Джексона, который как раз заводил слева второй бульдозер. Сол быстро выровнял машину, едва не заглушив двигатель, и умудрился развернуться в сторону трейлеров, ярдах в шестидесяти от них. Черный дым и дизельные выхлопы повалили им в лицо. Сол посмотрел вправо и увидел, что по разрытой земле рядом с бульдозером бегут трое членов банды.

— А быстрее эта штуковина двигаться не может? — спросил Зубатка.

Сол услышал скрежет и понял, что он до сих пор не поднял ковш. Он тут же исправил свою оплошность, и машина двинулась вперед с бóльшим энтузиазмом. За спиной у них взревел бульдозер Джексона, направляясь следом.

— А что ты будешь делать, когда мы до них доберемся? — снова спросил Зубатка.

— Увидишь!

Сол надел очки. У него не было ни малейшего представления о том, что он будет делать. Он понимал только одно: в любую секунду из трейлеров могут выскочить фэбээровцы и открыть огонь. Медленно двигающиеся бульдозеры станут для них отличной мишенью. Вероятность того, что удастся добраться до трейлеров, была весьма невелика. Уже много лет Сол не испытывал такого душевного подъема.

Малькольм Дюпри в сопровождении восьми членов братства подходил к дому Энн Бишоп. Марвин практически не сомневался, что Фуллер находится в старом доме на Джермантаун-стрит, но Малькольму было поручено проверить дом на Квин-лейн. Радиосвязи у них не было; к каждой группе Марвин приставлял по двое мальчишек лет десяти-одиннадцати, которые должны были бегом доставлять информацию. Пока никаких сообщений от Марвина не поступало, но, едва Малькольм услышал перестрелку со стороны Джермантаун-стрит, он взял половину своей группы и двинулся по переулку к заднему двору дома Энн Бишоп. Остальные шестеро остались наблюдать за фургоном, который продолжал неподвижно стоять в конце переулка с потухшими фарами.

Малькольм, Донни Коулс и маленький толстяк Джимми, младший брат Луиса Соларца, вошли в дом первыми, выбив дверь на кухню. Малькольм вытащил никелированный девятимиллиметровый пистолет с удлиненным магазином на четырнадцать патронов, купленный у Мухаммеда за семьдесят пять долларов. У Донни была кустарная пукалка с единственным патроном 22-го калибра. Джимми имел при себе лишь нож.

Ни хозяйки, ни ее гостей в доме не оказалось. Им потребовалось три минуты, чтобы обыскать помещение, после чего Малькольм вернулся на кухню, а Донни пошел проверить двор.

— Кровать наверху завалена кучей барахла, — заметил Джимми. — Похоже, кто-то укладывался в спешке.

— Да, — согласился Малькольм. Он махнул рукой своим приятелям, оставшимся на заднем дворе, и к нему тут же подскочил десятилетний связной Джефферсон. — Беги к старому дому на Джермантаун и узнай, что Марвин собирается...

Он не успел договорить, так как снаружи послышался звук поднимающихся ворот гаража и шум мотора. Малькольм выскочил через заднюю дверь и увидел, как из гаража выехала старинная машина со странной решеткой на радиаторе. Фары у нее были погашены, на водительском месте, вцепившись в руль, сидела старуха. Он мгновенно узнал ее — мисс Бишоп всю жизнь была его соседкой, а в детстве он даже подстригал ее крохотный газончик.

Когда пятеро членов банды перегородили дорогу, старуха с испуганным видом оглянулась и опустила стекло.

— Мальчики, вам лучше отойти, — произнесла она чужим, неестественным голосом. — Мне нужно проехать.

Малькольм заглянул в машину убедиться, что в ней больше никого нет, опустил револьвер и склонился к мисс Бишоп:

— Простите, но вы никуда не поедете, пока...

И тут старуха вскинула руки с изогнутыми, как когти, пальцами, и Малькольм чуть не лишился обоих глаз, но вовремя отпрянул назад. Длинные ногти оставили на его щеках и веках несколько кровавых полос. Он вскрикнул, а машина с ревом рванула вперед, подбросив в воздух маленького Джефферсона и наехав на Джимми левым колесом.

Малькольм выругался и нагнулся, пытаясь нащупать на земле свой пистолет, затем опустился на одно колено и трижды выстрелил вслед удалявшейся машине. Он услышал чей-то предупреждающий крик и, не поднимаясь с колена, резко обернулся. Прямо на него с ревом несся фургон, до этого стоявший в конце переулка. Малькольм прицелился — и понял, что потерял на это бесполезное движение несколько драгоценных секунд. Он хотел закричать, но было уже слишком поздно. На бешеной скорости бампер фургона врезался ему в лицо.

— Давайте убираться отсюда к черту! — завопил Тони Хэрод, когда что-то ударилось в левый борт вертолета, рассыпав целый фонтан искр.

Они висели в шестидесяти футах над плоской крышей здания, пока Колбен, не переставая глупо ухмыляться, палил из своей навороченной винтовки — ни дать ни взять реквизит для «Звездных

Войн». Пилот Хайек, вероятно, был согласен с Хэродом, поскольку он, не дожидаясь, пока Колбен оторвется от окна и отдаст распоряжение, резко взял вправо и начал набирать высоту. Ричард Хейнс продолжал невозмутимо сидеть в кресле второго пилота, глядя вниз, словно они совершали ночную экскурсию, осматривая местные достопримечательности. Мария Чэнь, крепко зажмурившись, сидела справа от Хэрода.

— Красный лидер — Центру управления, — произнес Колбен в микрофон.

Хэрод и Мария Чэнь тоже были в наушниках, чтобы иметь возможность переговариваться, невзирая на рев ветра, двигателей и лопастей.

— Центр управления слушает, — донесся женский голос. — Говорите, Красный лидер.

— Какого черта, что происходит? Крепость-два окружена черномазыми.

— Так точно, Красный лидер. Зеленая бригада подтверждает контакт с неизвестным количеством вооруженных чернокожих, прорывающихся в Крепость. Золотая бригада преследует цель-два, движущуюся на север параллельно Квин-лейн в «де сото» пятьдесят третьего года. Белая, Синяя, Серая, Серебряная и Желтая бригады — все сообщают о контактах с воинственно настроенными неизвестными лицами. Дважды звонил мэр города. Прием.

— Мэр, — повторил Колбен. — Боже мой! Где же Леонард? Прием.

— Агент Леонард расследует беспорядки в районе стройки. Я свяжу вас с ним, как только он вернется, Красный лидер. Прием.

— Черт побери! — выругался Колбен. — Слушайте, я собираюсь прислать Хейнса, чтобы он разобрался с ситуацией в Крепости-два. Пусть Синяя и Белая бригады оцепят район от рынка до Эшмед-стрит. Передайте Зеленой и Желтой бригадам, чтобы они никого не впускали в Крепость и никого не выпускали. Понятно?

— Да, Красный лидер. У нас тут... — Послышался громкий скрежет, и связь прервалась.

— Черт! — снова выругался Колбен. — Центр? Центр? Хейнс, переключитесь на оператора два-пять. Золотая бригада? Это Красный лидер. Петерсон, вы меня слышите?

— Да, Красный лидер, — донесся приглушенный мужской голос.

— Где вы находитесь?

— Преследуем цель-два к западу по Джермантаун-стрит.

— Бишоп...

— Нам нужно подкрепление, Красный лидер, — затараторил тот же голос. — Две машины с латиноамериканцами... Мы свяжемся с вами позднее, Красный лидер. Связь окончена.

— Спускайся! — крикнул Колбен пилоту.

— Нет открытого пространства, сэр.

— Мне плевать! — выпалил Колбен. — Если надо, садись хоть на Джермантаун-стрит. Сейчас же!

Хайек глянул направо, развернул вертолет и кивнул.

Тони Хэрод чуть не задохнулся, когда они начали стремительно терять высоту, словно в лифте с оборвавшимся тросом. Уличные фонари буквально неслись им навстречу, в соседнем квартале полыхало какое-то здание. Еще мгновение, и вертолет мягко приземлился на асфальт посреди улицы. Хейнс, выскочив из кабины, короткими перебежками бросился к тротуару.

— Взлетай! — приказал Колбен, указывая вверх большим пальцем.

— Нет! — завопил Хэрод и кивнул Марии Чэнь; оба начали судорожно распутывать свои пристежные ремни. — Мы тоже выходим.

— Черта с два, — ухмыльнулся Колбен.

Мария Чэнь молча вытащила из сумочки браунинг и направила ствол в грудь Чарльза.

— Мы выходим! — еще раз крикнул Хэрод.

— Можешь считать себя покойником, Тони, — тихо произнес Колбен.

Хэрод покачал головой:

— Я не слышу тебя, Чак. До встречи! — Он выпрыгнул из левой двери и бросился в сторону, противоположную той, куда побежал Хейнс.

Мария Чэнь выждала еще с полминуты и тоже сдвинулась к двери.

— Оба можете считать себя покойниками, — со злостью бросил Колбен, затем перевел взгляд на винтовку, закрепленную с правого борта, и расслабился.

Мария Чэнь кивнула, выпрыгнула наружу и пустилась бегом.

— Высота сто футов, — произнес Колбен.

Вертолет поднялся над проводами и крышами домов, повернул влево и снова завис над Джермантаун-стрит. Колбен прильнул к оптическому прицелу, проверяя переулки, но так и не заметил никакого движения.

— Слишком много всего нависает, — пробормотал он; в наушниках скороговоркой трещал голос Хейнса, настойчиво требуя ответа от снайперов из Зелени-один.

Колбен покачал головой.

— Назад к Крепости-два, — скомандовал он. — С этим дерьмом я разберусь позднее.

Вертолет развернулся, набрал высоту и направился к востоку.

Глава 33

Джермантаун
Четверг, 1 января 1981 г.

Натали Престон лежала на спине, пытаясь защититься от ножа Винсента, когда снаружи у парадной двери что-то взорвалось. Щепки фонтаном брызнули в коридор. Раздался второй взрыв, у задней двери. Через дверной проем маленькой гостиной Натали увидела, как мощная входная дверь дрогнула и распахнулась.

Во внезапно наступившей тишине Винсент поднял голову и завертел ею из стороны в сторону, как плохо запрограммированный робот. Нож поблескивал в его руке. Натали затаилась, боясь даже дышать.

Послышалась еще целая серия взрывов, на этот раз более отдаленных. И вдруг в гостиную влетела темная фигура и, прокатившись, врезалась в кресло у камина. Выпавший обрез, прогрохотав по голым доскам пола, замер у ножки стола.

Винсент переступил через девушку и двинулся в ту сторону. Натали успела заметить расширенные от ужаса ярко-синие глаза Марвина Гейла и, собрав все силы, поползла вглубь дома. Боль в лодыжке была нестерпимой, но Натали закусила губу до крови, чтобы не закричать. С улицы донеслись новые выстрелы, а за спиной у нее боролись Марвин и Винсент. Подтянувшись за косяк, Натали встала и кое-как поковыляла в длинную комнату — вероятно, кухню. При свете двух свечей, горевших на столе, она заметила у стены помповый дробовик.

Натали уже почти добралась до оружия, когда в запертую дверь кухни трижды выстрелили снаружи. Металлический замок и деревянный засов разлетелись. Она успела отскочить в сторону, но при этом врезалась в стол и упала, сильно ударившись о каменный

пол. В дверь выстрелили еще пару раз, и она уже почти поддалась. В шести футах перед собой Натали увидела кладовку, ту самую, где ее держали в заточении. Решив, что там можно временно укрыться, она поползла туда, и в этот момент входная дверь распахнулась.

В кухню ворвался один из близнецов из банды Марвина, которого Натали тут же узнала. За ним следовал еще один парень, у обоих в руках были обрезы. Они подбежали к столу и укрылись за ним.

— Не стреляйте! — закричала Натали. — Это я!

— Кто это «я»? — переспросил близнец, поводя стволом.

Натали нырнула в кладовку, когда в кухню, спотыкаясь, вошел Марвин Гейл. Его руки и грудь были залиты кровью, дробовик свисал до пола так, словно у Марвина не было сил поднять оружие.

— Марвин! Черт, как ты сюда попал? — Близнец встал из-за стола. Второй парень тоже высунул голову.

Марвин вскинул дробовик и дважды выстрелил. Близнец отлетел назад к холодному камину. Его напарник перекатился в угол, что-то прокричал и попытался встать. Марвин развернулся и выстрелил от бедра. Парень врезался в стену и попросту исчез в дыре, которую скрывали тени.

Натали осознала, что сидит на корточках, стягивая на груди разодранный лифчик. Она выглянула в щель и увидела, как Марвин деревянной походкой направился к камину, чтобы осмотреть труп близнеца. Затем он повернулся и подошел к отверстию, ведущему в подземный ход. Заглянув внутрь, он опустил туда ствол и еще раз выстрелил.

Натали выползла в коридор, забыв придерживать лифчик, который распахнулся. Тело ее содрогалось от страха и холода. С улицы грохотали выстрелы.

«Это какой-то кошмарный сон, — твердила она себе. — Сейчас я проснусь, и все кончится».

Но страшная боль в лодыжке говорила об обратном.

В коридор, широко расставляя ноги, вышел Винсент, сжимая в руке длинный нож.

Натали замерла на месте, ухватившись за обшивку стены, чтобы не упасть. Слева от нее крутая лестница вела на второй этаж.

Винсент сделал шаг к ней, но девушка отскочила влево и закричала, ударившись больной ногой о ступеньку. Захлебываясь слезами, она ринулась вверх по лестнице, когда услышала за спиной голос Роба Джентри, доносившийся из кухни.

Идея напасть на центр управления принадлежала Солу Ласки. Он предложил нанести стремительный внезапный удар, создав как можно больше паники, и тут же отступить. В идеале все должно было обойтись без неожиданностей и даже без выстрелов. Сол надеялся захватить Колбена или Хейнса, но теперь, когда бульдозер преодолевал последние двадцать ярдов, остававшиеся до трейлеров, он начал сомневаться в разумности своего плана.

Слева раздался взрыв, и вверх футов на двадцать взметнулись языки пламени. Значит, Тейлор с командой уже начали забрасывать припаркованные машины бутылками с зажигательной смесью. В ярком свете вспышки Сол увидел мужчину в белой рубашке и темном галстуке, вышедшего из главного трейлера. Недоуменно повертев головой, он остановил взгляд на двух приближающихся бульдозерах, крикнул что-то неразборчивое и вытащил револьвер из маленькой кобуры на поясе.

Сол находился от трейлера ярдах в десяти. Он поднял широкий ковш, используя его вместо щита, но тот заблокировал ему видимость. Из-за грохота мотора и очередного взрыва он не расслышал выстрелов, пока пули не забарабанили по решетке радиатора. Бульдозер не остановился. Сол на фут поднял лопасть и сквозь щель увидел, как мужчина метнулся обратно к трейлеру.

— Здесь я соскакиваю! — крикнул Зубатка и, высоко подпрыгнув, исчез в темноте.

Сол тоже подумал о том, чтобы покинуть бульдозер, но потом отказался от этой идеи и поднял ковш еще на фут. Тот с ходу врезался в трейлер.

От толчка Сола швырнуло вперед, и он до боли прикусил язык. Когда ему удалось выпрямиться на сиденье, гусеницы уже делали свое дело, подминая под себя длинную конструкцию из алюминия.

Весь комплекс вздрогнул еще раз, когда бульдозер Джексона врезался в него футах в двадцати от главной двери. Стекла разлетелись в стороны и захрустели под колесами машин. На секунду Солу показалось, что бульдозеры просто расплющат трейлеры, но потом стальной ковш уперся во что-то твердое, оба бульдозера поднатужились, и центральный трейлер, отделившись от двух других, с жутким скрежетом начал опрокидываться назад.

В нескольких футах от Сола отворилась дверь трейлера, оттуда высунулся по пояс мужчина с револьвером, дуло судорожно дергалось в поисках цели, но тут трейлер окончательно опрокинулся. Рука мужчины взметнулась вверх, прогремели два выстрела в воздух, и все исчезло.

Сол поставил рычаг в нейтральное положение и спрыгнул на землю. Джексон уже вылез из своего бульдозера, и, обменявшись взглядами, они укрылись за бампером одной из стоявших поблизости машин.

— Что дальше? — после паузы спросил Джексон.

Из обломков разбитого трейлера выползали люди. Сол увидел, как какой-то женщине помогли выбраться через пробоину в крыше. Большинство были в шоке, словно после автокатастрофы, некоторые все же вытаскивали оружие. Оставаться здесь дольше было глупо. Тейлор с командой не показывались, — вероятно, они уже вернулись к грузовику.

— Мне кое-кто нужен.

Сол дождался, пока из трейлера не выползли все агенты, словно муравьи, спасающиеся из разворошенного муравейника. К его глубокому разочарованию, ни Чарльза Колбена, ни Ричарда Хейнса среди них не было.

— Пожалуй, нам пора убираться, — прошептал Джексон. — Они начинают приходить в себя.

Сол кивнул и последовал в темноту за Джексоном.

Увидев тело Г. Б. на тротуаре и заметив вспышки выстрелов из окон третьего этажа дома напротив Ропщущей Обители, Лерой бросился через улицу к воротам. Пули одна за другой врезались в забор слева от него. Ему казалось, что кто-то из его друзей отвечает встречным огнем с западной стороны дома, но, конечно, их разномастное оружие не могло тягаться с винтовками, которыми пользовались федеральные свиньи. Лерой упал и прижался лицом к замерзшей земле.

— Вот жуть-то, — прошептал он.

У каменной стены кто-то лежал. Он перевернул тяжелое тело и услышал, как в рюкзаке звякнули бутылки с зажигательной смесью. В воздухе остро запахло бензином.

Это был Дитер Колман, ученик старшего класса джермантаунской школы и недавний член братства. Дитер несколько раз встречался с сестрой Лероя, и тот знал, что парня больше интересовали школьный театр и компьютерный клуб, чем уличные разборки, хотя он уже не раз просил Марвина принять его в банду. Главарь предоставил ему такую возможность всего неделю назад. Разрывной пулей Дитеру снесло почти полголовы.

Лерой потянулся к рюкзаку, бормоча себе под нос:

— Ты просто идиот, Лерой. Вечно удумаешь дурость какую-нибудь.

Он вскинул рюкзак на спину, почувствовав, как бензин из разбитой бутылки потек ему за воротник, потом сунул за пояс бесполезный маленький пистолетик 25-го калибра и, не дав себе времени опомниться, распахнул ворота и помчался к дому.

Сзади раздались два выстрела, и что-то ударило в подошву кроссовки, но Лероя это не остановило. Он прорвался сквозь ряд мусорных баков, загораживавших дорогу, и запрыгнул на пожарную лестницу.

— Какая все-таки идиотская мысль, — бормотал он, карабкаясь по перекладинам.

На третьем этаже здания со стороны переулка не было ни одного окна, а лестница заканчивалась запертой металлической дверью без ручки.

— Глупо, глупо, — прошептал Лерой, присев справа от двери.

Он ощупал карманы брюк и куртки — ни спичек, ни зажигалки у него не было. Внизу в переулок выбежали три фигуры, и Лерой чуть не расхохотался вслух. Со своего места на высоте тридцать футов он различил их бледные лица и вскинутые вверх руки с оружием. Все, дальше идти некуда.

Когда первая пуля просвистела мимо, осыпав его осколками, он прильнул всем телом к кирпичной стене. Вторая снова угодила в подошву его правой кроссовки, подбросив ногу вверх. Лерой почувствовал, как ступня тут же онемела, и уставился на черное отверстие, образовавшееся в его белой кроссовке.

— Шутите со мной, да? — спросил он неизвестно кого.

Стальная дверь вдруг открылась, и на площадку пожарной лестницы вышел мужчина в темном костюме с винтовкой. Лерой успел выхватить у него из рук винтовку и упереть приклад в горло так, что мужчина перегнулся через перила. Правую занемевшую ногу он быстро вставил в щель, чтобы дверь не закрылась. Выстрелов снизу пока не было, но Лерой видел, как агенты суетятся в переулке, выбирая угол прицеливания. Прижатый к перилам мужчина брызгал слюной и сопротивлялся, одной рукой царапая лицо нападавшего, а другой отталкивая приклад винтовки.

Лерой прижал его еще сильнее, так что тот едва сохранял равновесие.

— Огоньку не найдется? — прохрипел он. Сзади послышались шаги, и Лерой, не дождавшись ответа, запустил руку в карман пиджака мужчины и вытащил оттуда золотую зажигалку. — Слава бо-

гу, — произнес он вслух и отпустил своего пленника, который перевалился через перила и полетел вниз вместе с винтовкой.

Лерой распахнул дверь и вошел в здание как раз в тот момент, когда снизу снова раздались выстрелы.

— Ну что, снял?.. — обратился было к нему другой белый с пистолетом.

У окна стояли еще трое рядом с диковинными винтовками и подзорными трубами на тяжелых треногах. Лерой заметил складные стулья, карточные столы, заваленные едой и уставленные пивными банками.

— Не двигаться! — заорал белый и направил ствол пистолета ему в грудь.

Но Лерой уже поднял руку и щелкнул зажигалкой, на мгновение ощутив тепло от крохотного язычка пламени.

«Повезло. С первого же щелчка», — успел подумать он и уронил зажигалку в открытый рюкзак с бутылками.

Энн Бишоп была в полуквартале от Ропщущей Обители, когда раздался оглушительный взрыв. Она не затормозила и продолжала двигаться вперед с постоянной скоростью пятнадцать миль в час, крепко сжимая руль «де сото» и не сводя взгляда с дороги. Все окна третьего этажа заброшенного здания напротив Ропщущей Обители разлетелись на тысячу осколков и, переливаясь как снежинки, посыпались на мостовую. Тридцатью секундами позже весь третий этаж охватило пламя. Энн Бишоп остановилась рядом с Ропщущей Обителью и, следуя рефлексам, выработанным треть столетия назад, поставила машину на ручной тормоз.

Огонь тем временем разгорался все сильнее, отбрасывая оранжевое сияние на Ропщущую Обитель и прилегающую к зданию часть улицы. Из дома доносились разрозненные выстрелы. В пятидесяти ярдах от машины с полдюжины длинноногих фигур бегом пересекли улицу. Рядом с правым колесом «де сото» ничком лежал парень с разбитой головой. Кровь медленно стекала с тротуара в канализационную канаву.

Из горевшего здания напротив раздался мощный треск, словно кто-то одновременно сломал сотни толстых сучьев. Время от времени оттуда доносились хлопки взрывавшихся боеприпасов, чем-то напоминавшие звук поджаривающегося попкорна. Кто-то кричал. Выли сирены. Но Энн Бишоп продолжала сидеть в машине, вцепившись в руль и глядя в пустоту. Она ждала.

Джентри быстро проскользнул в открытую заднюю дверь, держа «ругер» перед собой. Перевернутый стол служил хорошей защитой, и он воспользовался ею, тяжело опустившись на одно колено, чтобы оглядеться.

Старую кухню освещали две свечи — одна стояла на полке, другая, продолжая гореть, валялась на полу. Близнец по имени Г. Р. лежал мертвый в огромном камине, его куртка была распорота, и пух разлетелся по всей кухне. Больше в помещении никого не было. Узкая дверь, ведущая то ли в кладовку, то ли в какую-то маленькую комнату, была распахнута, загораживая обзор коридора.

Услышав шум, Джентри прицелился в дверь кладовки. Он поймал себя на том, что судорожно дышит ртом, рискуя получить перенасыщение кислородом, и задержал дыхание секунд на десять. Стрельба на улице стихла, и во внезапно наступившей тишине он различил слабое шуршание в темном углу позади себя. Не вставая с колена, Джентри поспешно развернулся и увидел, как из какой-то дыры выползает Марвин Гейл. Даже при тусклом свете было заметно, что лицо главаря банды выражает полную безучастность, зрачки закатились.

— Марвин! — окликнул его Джентри, и в то же мгновение ствол дробовика, прежде скрытого в тени, нацелился ему в голову.

Раздался сухой щелчок.

Джентри поднял «ругер», но Марвин снова выстрелил. И снова осечка.

Шериф взвел курок, затем перехватил его большим пальцем и тщательно опустил.

— Черт! — выругался он и прыгнул вперед.

Марвин Гейл выронил дробовик и начал вылезать из своего убежища. Хотя он уступал Джентри в росте и весе, но был вдвое моложе, стремительнее и к тому же наделен дьявольской энергией. Джентри не стал рисковать и, прежде чем Марвин успел подняться на ноги, нанес ему сильнейший удар в висок револьвером. Марвин упал, перекатился на спину и замер.

Джентри присел рядом, нащупал его пульс, и в этот момент в дверях кладовки появился Винсент. Шериф выстрелил дважды — первая пуля попала в каменную стену, возле которой секунду назад стояла эта тварь, вторая врезалась в дверь кладовки. В коридоре послышались тяжелые шаги. Снаружи донесся приглушенный звук взрыва.

— Натали! — крикнул Джентри, выждал секунду и позвал снова.

— Я здесь, Роб! Будь осторожен, он... — Голос Натали оборвался. Похоже, она была в конце коридора.

Джентри вскочил, обогнул стол и побежал на голос девушки.

Натали карабкалась по лестнице, пока хватало сил, рассчитывая, что в крайнем случае сможет ударить Винсента ногой в лицо, когда почувствовала на себе чей-то взгляд. Она заставила себя поднять голову.

На лестничной площадке стояла, улыбаясь, Мелани Фуллер. Вставная челюсть у нее вывалилась, и в тусклом свете язык ее казался черным, как запекшаяся кровь.

— Постыдилась бы, милочка, — прошепелявила старуха. — Прикрой свою наготу.

Натали вздрогнула и прижала к груди обрывки одежды. Голос старухи дребезжал, ее зловонное дыхание заполняло лестницу запахом разложения. Натали захотелось подползти ближе, чтобы сдавить эту морщинистую шею.

— Натали! — снова послышался голос Роба.

Девушка вцепилась в сломанную деревянную ступеньку. Где же Винсент? Она попыталась было предупредить Роба, но тут Мелани Фуллер спустилась на три ступеньки и дотронулась до ее плеча ногой в розовой тапочке:

— Тихо, дорогая!

Натали наконец увидела Джентри. Он двигался по коридору с поднятым револьвером. Заметив ее, он замер на месте:

— Натали! О господи! — Глаза его расширились от ужаса.

— Роб! — закричала она, пока ее сознание еще принадлежало ей. — Будь осторожен! Там белый ублюдок!..

— Успокойся, дорогая, — повторила Мелани Фуллер. Повернув голову, старуха безумными глазами уставилась на Джентри. — Я знаю, кто ты, — прошептала она, брызгая слюной. — Но я за тебя не голосовала.

Джентри окинул взглядом коридор, ведущий в гостиную и прихожую. Затем поставил ногу на нижнюю ступеньку и, прислонившись к стене, начал медленно поднимать револьвер.

Старуха покачала головой, и ствол «ругера» вдруг стал опускаться, словно под воздействием мощной магнетической силы, затем дернулся и замер, указывая прямо в лицо Натали.

— Да, сейчас, — шепотом приказала Мелани Фуллер.

По телу Джентри пробежала судорога, зрачки его расширились еще больше, лицо налилось кровью. Рука дрожала с такой силой,

будто все нервные окончания сопротивлялись командам, поступавшим из агрессивного мозга. Джентри сжал рукоять револьвера и оттянул курок.

— Да, — повторила Мелани Фуллер.

На лбу шерифа выступила испарина, рубашка взмокла от пота, вздувшиеся жилы на шее и висках свидетельствовали о невероятном напряжении. По лицу было видно, что он борется с насилием над собой, не желая стать марионеткой в руках безумной старухи.

Натали не шевелилась. Она смотрела на эту мученическую гримасу и не видела ничего, кроме ярко-голубых глаз Роба Джентри.

— Это тянется слишком долго, — прошептала Мелани Фуллер и устало потерла свой морщинистый лоб.

Джентри отлетел назад, как если бы силач, с которым он соперничал в перетягивании каната, внезапно отпустил свой конец. Он врезался в стену, сполз на пол и выронил револьвер, хватая ртом воздух. На мгновение, когда их глаза встретились, Натали увидела на лице Роба выражение восторга.

И тут из гостиной появился Винсент. Приблизившись к Джентри, он дважды взмахнул ножом, и тот, охнув, прижал руки к горлу, будто желая соединить вместе края раны. В течение нескольких секунд казалось, что ему это удалось, но затем кровь хлынула фонтаном, заливая руки и грудь. Джентри повалился на бок, мягко уткнувшись головой и плечом в пол. Он продолжал смотреть на Натали, пока глаза его не закрылись — медленно и плавно, как у засыпающего ребенка. Мощное тело пару раз дернулось и затихло навсегда.

— Нет! — закричала Натали и вскочила.

Она кубарем скатилась с лестницы, больно ударившись левой рукой о нижнюю ступеньку, так что в плече у нее что-то хрустнуло. Но она уже не обращала внимания ни на боль, ни на щупальца, продолжавшие трепетать в ее сознании, как мотыльки, бьющиеся о стекло, ни на второй удар, когда она перекатилась через ноги Роба.

Думать было некогда. Ее тело действовало инстинктивно, исполняя то, что она приказала ему давным-давно, еще до того, как вскочила.

Винсент стоял и размахивал руками, пытаясь сохранить равновесие после того, как Натали врезалась в него. Чтобы нанести удар ножом, ему нужно было развернуться.

Не мешкая ни секунды, Натали перевернулась на спину, нащупала правой рукой тяжелый «ругер» как раз там, куда он должен был отскочить, и, подняв его, выстрелила подонку прямо в открытый рот.

От силы удара Винсент буквально взлетел в воздух, врезавшись в стену на высоте семь футов от пола, и сполз по ней, оставляя широкий кровавый след.

Не успев прийти в себя, Натали заметила, что Мелани Фуллер стала медленно спускаться, шаркая по скрипучим деревянным ступенькам. Натали попробовала встать, но сильная боль во всем теле не давала ей это сделать. Тогда она подняла револьвер и сквозь слезы, застилавшие глаза, прицелилась в Мелани Фуллер.

Старуха была от нее на расстоянии всего пяти футов. Натали ждала, что мерзкие щупальца вот-вот проникнут в ее сознание, заставят опустить револьвер, но ничего не происходило. Она нажала на спусковой крючок — раз, два, три... Выстрела не было.

— Всегда надо считать патроны, милочка, — прошипела старуха. Она преодолела последние две ступеньки, перешагнула через ноги Натали и неуверенной походкой направилась к двери. У порога она обернулась. — До свидания, Нина. Мы еще встретимся.

Прямо в халате и тапочках, Мелани Фуллер вышла на улицу, освещенную пламенем пожара, и исчезла.

И тогда Натали выронила револьвер и разрыдалась. Подобравшись к Джентри, она высвободила его тело из-под Винсента и прижала окровавленную голову к груди. Остатки ее одежды, пол, все вокруг тут же пропиталось кровью. «Господи, ну за что?! Почему я всех теряю?» Ей хотелось громко кричать от нестерпимой боли утраты, разрывавшей сердце.

Когда Сол Ласки и Джексон вошли в дом минут через пять, подгоняемые пламенем пожара, ревом сирен и возобновившейся перестрелкой на улице, они увидели Натали все так же сидящей на полу. Голова шерифа покоилась у нее на коленях, она гладила его по волосам и что-то еле слышно напевала.

Глава 34
МЕЛАНИ

Мне очень не хотелось покидать Ропщущую Обитель, но другого выбора у меня в тот момент практически не было. Все вокруг вышло из-под контроля; цветные избрали Новый год, чтобы устроить одну из своих бессмысленных потасовок, о которых я столько

читала. Еще два-три десятилетия назад подобных вещей просто не могло бы произойти, но все резко изменилось после агитации за так называемые гражданские права негров. Отец всегда говорил, что, стоит неграм уступить дюйм, они потребуют ярд, а потом отхватят и милю.

Чернокожая девица, которая выглядела бы вполне привлекательно, если бы не прическа, почти убедила меня в том, что ее послала Нина, пока я не разгадала ее уловку. Об этом мне сказали голоса. В тот последний день они звучали особенно громко. Признаюсь, я с трудом сосредоточивалась на менее важных вещах, ибо пыталась хорошенько расслышать то, что мне говорили голоса детей — несомненно, мальчика и девочки — со странным, похоже британским, акцентом.

Кое-что звучало вполне разумно. Они предупреждали меня о пожаре, мосте, реке и шахматной доске. Возможно, эти вещи имели отношение к их собственным жизням, каким-то роковым образом участвуя в их юных судьбах. Но предупреждения о Нине я слышала совершенно отчетливо.

В конце концов, эти двое так называемых Нининых посланцев, прибывших сюда из Чарлстона, оказались не более чем неприятным недоразумением. Я сожалела о потере Винсента, но, по правде говоря, он уже полностью выполнил свою задачу. Я плохо помню последние моменты в Ропщущей Обители, потому что у меня страшно разболелась правая часть головы. Когда Энн складывала вещи, еще до того, как заехать за мной, я заставила ее положить флакон назального спрея. Неудивительно, что мой полиартрит и застарелая мигрень разыгрались в сыром, холодном и негостеприимном северном климате.

Когда я вышла из Ропщущей Обители, Энн перегнулась через переднее сиденье и открыла мне дверцу своей старенькой машины. Здание на противоположной стороне улицы горело, — несомненно, это было делом рук черномазых бездельников. В свое время, когда меня посещала миссис Ходжес и начинала причитать о последних зверствах на севере, она неизменно указывала, что те, кто считался бедным, голодающим и подвергающимся дискриминации меньшинством, при первой же возможности крали дорогие телевизоры и модную одежду. Она считала, что цветные, будучи рабами, обкрадывали белых и продолжают делать это до сих пор. То было одним из немногих здравых суждений пронырливой старухи, с которым я соглашалась.

На заднем сиденье «де сото» стояли три чемодана. В самом большом была сложена моя одежда, в среднем — наличные деньги и собранные Энн ценные бумаги, в самом маленьком — одежда и личные вещи Энн. Моя соломенная сумка тоже была там. На полу лежал дробовик 12-го калибра, который Энн держала у себя дома.

— Поехали, дорогая, — промолвила я и устало откинулась на спинку.

Энн Бишоп вела машину по-старушечьи. Мы оставили позади Ропщущую Обитель и горящее здание напротив и двинулись на северо-запад по Джермантаун-стрит. Оглянувшись, я заметила, что там, где от Джермантаун отходит Квин-лейн, происходит какая-то стычка. На перекрестке стояли фургон и два низких несимпатичных автомобиля. Полиции видно не было.

Мы миновали Пенн-стрит, когда два фургона торгового вида выехали на середину улицы и перегородили нам дорогу. Я заставила Энн свернуть на левый тротуар и проскочить мимо. Из фургонов высыпало несколько человек, потрясая оружием, но тут же их внимание отвлек парень, который, повинуясь моему приказу, развернулся и стал палить из револьвера в своих напарников.

Все это была какая-то неразбериха. Если они приехали арестовывать цветных бездельников, пусть бы и занимались этим, оставив в покое двух пожилых белых дам.

Мы добрались до Маркет-стрит, и, несмотря на темноту, я разглядела на перекрестке силуэт бронзового солдата-янки, высившегося на своем постаменте. Еще в первый наш выезд Энн сообщила мне, что гранитная глыба была привезена из Геттисберга. Я вспомнила: ведь генерал Ли отступал под дождем, он потерпел поражение, но не был повержен, с ним в целости и сохранности остались честь и гордость конфедератов. И это воспоминание тоже наполнило меня гордостью и заставило более оптимистично взглянуть на ситуацию — поле боя я покидала временно, сдаваться я не собиралась.

Нам навстречу, по Джермантаун-авеню, мигая маячками, с воем неслись пожарные машины и полицейские автомобили. А позади, набирая скорость, нас догонял один из фургонов и седан темного цвета. Я обернулась. На крышах машин крутились мигалки.

— Поворачивай налево, — распорядилась я.

Энн круто развернулась, и я достаточно близко увидела лицо шофера пожарной машины. Закрыв глаза, я нашла в себе силы и послала приказ. Пожарная машина заскрежетала тормозами, ушла в занос поперек авеню, перескочила через трамвайные рельсы

и врезалась в догонявший нас фургон. Тот опрокинулся и замер колесами вверх. Я успела заметить, как темный седан метнулся в сторону, чтобы объехать красную пожарную машину, перегородившую авеню, но мы уже неслись прочь по Скул-Хаус-лейн.

Труднее всего было заставить Энн ехать со скоростью свыше тридцати миль в час. Пришлось собрать всю свою волю, чтобы она вела машину так, как мне нужно. На самом же деле именно ее глазами я видела проносившиеся мимо дома, ее ушами слышала сверху шум вертолета и замечала, как разъезжаются в разные стороны редкие встречные машины.

Скул-Хаус-лейн — приятная улочка, но совершенно не приспособленная для езды на «де сото» выпуска 1953 года со скоростью восемьдесят пять миль в час. Вслед за нами с авеню туда нырнула зеленая машина. Над головой время от времени раздавался рев вертолета. Я заставила Энн круто свернуть в сторону и увеличить скорость. Внезапно по правому заднему стеклу пошли трещины, и внутрь салона брызнули осколки. Обернувшись, я успела заметить две дыры размером с мой кулак.

Когда мы приближались к Ридж-авеню, на тротуаре появился негр без пальто, раскачиваясь из стороны в сторону. Перед самым носом зеленой машины он вдруг выскочил на проезжую часть и бросился под колеса. Я увидела в зеркальце заднего вида, как машину занесло вправо, она врезалась в бордюр на скорости семьдесят миль в час, перекувырнулась в воздухе и въехала в стеклянную витрину гамбургерной «Джино».

Я порылась в ящике для перчаток в надежде найти карту Филадельфии, ни на мгновение не выпуская из-под контроля Энн. Мне нужно было выбраться на скоростное шоссе, чтобы покинуть этот кошмарный город, и, хотя нам то и дело попадались дорожные указатели, я понятия не имела, какую дорогу выбрать.

Через разбитое стекло в машину врывался страшный шум турбин зависшего прямо над нами огромного вертолета. В свете проносившихся мимо фонарей я даже различила пилота в глубине кабины и мужчину в бейсбольной кепке, высунувшегося из окна. На губах его играла маниакальная улыбка, он что-то держал в руках.

Я заставила Энн свернуть вправо на уходившую вверх эстакаду. Левое колесо «де сото» забуксовало на мягкой обочине, и в течение нескольких секунд я была полностью поглощена сложными маневрами — руль налево, руль направо, педаль в пол, — призванными спасти нас от катастрофы.

Пока мы крутились по бесконечной развязке, вертолет продолжал реветь у нас над головой. На долю секунды на левой щеке Энн появилась красная точка. Я тут же заставила Энн выжать акселератор до упора, и старая машина рванула вперед. Точка исчезла, но что-то врезалось в задний бампер слева.

Нас вынесло на высокий мост через реку. Мне совершенно не нужен был мост, мне нужна была скоростная автострада.

Вертолет теперь летел справа, на одном уровне с нами. На мгновение красный свет ослепил меня, и я заставила Энн вильнуть влево и прижаться к «фольксвагену», используя его в качестве прикрытия. Водитель «фольксвагена» внезапно упал на руль, а его машина на скорости врезалась в перила правого ограждения моста. Вертолет приблизился почти вплотную, умудряясь двигаться вбок на скорости восемьдесят миль в час.

Мост кончился. Энн резко свернула влево, и мы вылетели на автостраду, едва не врезавшись в огромный фургон, который непрерывно сигналил нам. Указатель впереди сообщал, что мы въезжаем на федеральную трассу. В разные стороны от нее шли четыре пустых ответвления, освещенные ртутными лампами. Вертолет пронесся над «де сото», ослепив нас красными и зелеными огнями, сделал круг и завис в ста ярдах впереди. На таком открытом пространстве мы представляли для него слишком легкую добычу, как металлические утки в конце длинного тира.

Машина взвизгнула тормозами, забуксовала, но наконец мы вылетели на узкую, без всяких указателей дорогу. Она вела на юго-восток, вниз под эстакаду, обозначенную на карте как Скулкилл-экспрессвей. Дорога — это слишком громко сказано, скорее она напоминала посыпанную гравием широкую колею. Фары нашей машины выхватывали из темноты железобетонные опоры эстакады. Платье и свитер Энн пропитались потом, на лице ее застыло весьма странное выражение. Вертолет не оставлял нас в покое, он как фантом возник слева, над железнодорожным полотном, идущим параллельно шоссе. Мелькавшие мимо опоры усиливали ощущение скорости. Наш древний спидометр заклинило на отметке сто миль в час.

Впереди гравийная дорога обрывалась, а вверху раскинулась целая сеть автомобильных развязок, поддерживаемая колоннами и опорами. Мы оказались в настоящем железобетонном лесу.

Я следила за тем, чтобы Энн, тормозя, не заблокировала колеса, и мы юзом проехали расстояние с половину футбольного поля,

подняв облако пыли, в котором рассеивались лучи фар. Когда пыль осела, наша машина остановилась менее чем в ярде от огромной опоры размером с небольшой домик. Осторожно объехав ее, мы вынырнули из-под одного моста и тут же нырнули под укрытие другого. Развязка вверху состояла по меньшей мере из пятнадцати дорог. Я заставила Энн проехать еще ярдов пятьдесят и притормозить у бетонного островка. Она выключила двигатель и фары — мне необходимо было отдохнуть.

Мы были как мыши, загнанные в некий причудливый храм. Огромные колонны вздымались здесь на высоту пятьдесят футов, а дальше — на восемьдесят и еще выше у основания трех мостов, перекинутых через темные воды реки Скулкилл. Вокруг царила полная тишина, если не считать приглушенного гула моторов над головой да свистков поезда. Я досчитала до трехсот, и только после этого у меня появилась надежда, что вертолет потерял нас из виду.

От рева турбин, когда он наконец раздался, у меня поджилки затряслись.

Адская машина зависла под самым высоким мостом, прорезав пространство перед собой лучом прожектора. Вертолет летел очень медленно, чтобы лопасти винта не приближались к платформам и опорам, а фюзеляж его разворачивался то влево, то вправо, как голова осторожного кота.

Луч прожектора обнаружил нашу машину и безжалостно замер, пригвоздив нас к месту. Я мысленно приказала Энн выбраться из машины, и она как-то неуклюже пристроила дробовик на крыше «де сото».

Велев ей выстрелить, я сразу поняла свою ошибку: вертолет находился еще слишком далеко. Выстрел только добавил лишнего шума.

Отдача заставила Энн отступить, затем пуля, выпущенная стрелком из вертолета, вышибла дробовик у нее из рук. Следующая врезалась в ветровое стекло нашей машины, отчего оно разлетелось на мельчайшие осколки, но я уже лежала на полу «де сото», прикрыв голову руками.

Энн удалось подняться, доковылять до машины и левой рукой включить зажигание. Правая рука у нее уже ни на что не годилась и висела плетью. Из-под изувеченной плоти проглядывала кость.

Мы промчались прямо под брюхом вертолета, как отчаявшиеся мыши, шныряющие между лапами разъяренного кота. и рванули по гравийной дороге и поросшему деревьями склону к темному мосту, немного отдалившись от берега реки.

Вертолет следовал за нами, но голые деревья вдоль обочины как-то защищали нас. Машина взлетела на холм, справа осталось изгибающееся к югу скоростное шоссе, слева оказались железная дорога и река. Выбора у нас не было: вертолет висел прямо над нами, деревья здесь росли слишком редко, чтобы за ними можно было укрыться, а «де сото» не мог преодолеть крутой спуск вниз, где в сотне ярдов виднелась автострада.

Мы свернули влево и ринулись к темному мосту. И резко затормозили.

Это был железнодорожный мост, к тому же очень старый. По обеим его сторонам тянулось низкое каменное и металлическое ограждение, узкоколейка с прогнившими шпалами и ржавыми рельсами висела в темноте над водой.

В тридцати футах перед нами на рельсах стоял барьер. И даже если бы мы пробились через преграду, дорога была слишком узкой, слишком открытой, и, учитывая шпалы, двигаться по ней можно было бы только на малой скорости.

Мы простояли на месте не более двадцати секунд, но этого оказалось достаточно. Вверху раздался оглушительный рев, сопровождаемый тучами пыли, и я пригнула голову, когда тяжелая масса закрыла собой все небо. Почти одновременно в лобовом стекле возникло пять дыр, приборная доска и руль разлетелись вдребезги, и пули продырявили Энн Бишоп (щека, грудь, живот), и она судорожно задергалась.

Я открыла дверцу и бросилась вон из машины. Одна из тапочек соскочила с ноги и откатилась в заросли кустарника. Халат и ночная сорочка раздулись, как паруса, от урагана, поднятого лопастями вертолета. Он пролетел почти над моей головой и исчез за гребнем холма.

Я поковыляла по деревянным шпалам прочь от моста. За холмами, в отраженном свете скоростной автострады, я различила темный массив парка Фермонт. Энн рассказывала мне, что этот самый большой городской парк в мире занимает более четырех тысяч акров и тянется вдоль реки. Если бы мне удалось до него добраться...

Вертолет начал подниматься над макушками деревьев, как паук, карабкающийся по своей паутине. Плавно спустившись, он начал приближаться ко мне. Я увидела, что из бокового окна потянулся тонкий красный лучик, рассекая пыльный воздух.

Повернувшись, я поплелась обратно к мосту, к брошенной машине Энн. Это было именно то, чего они от меня хотели.

Сквозь кустарник вниз к берегу вела крутая тропа. Я свернула на нее, поскользнулась, потеряла вторую тапку и тяжело рухнула на холодную сырую землю. Вертолет проревел надо мной, завис на высоте пятьдесят футов над рекой и принялся ощупывать прожектором берег. Спотыкаясь, я начала снова спускаться, потом упала и футов двадцать катилась вниз, чувствуя, как ветви деревьев и кустарник обдирают мне кожу.

Прожектор вновь отыскал меня, и я зажмурилась от его ослепительного света. О, если бы мне удалось Использовать пилота!..

И тут пуля вонзилась в подол моего халата.

Я упала на четвереньки и поползла вдоль склона. Вертолет не отставал.

Нет, там была не Нина. Тогда кто же? Я спряталась за трухлявым бревном и разрыдалась. Две пули подряд ударили в дерево. Я постаралась свернуться в тугой комок. Голова ужасно болела, халат и ночная рубашка были в грязи.

Вертолет висел надо мною рядом с мостом и вращался вокруг собственной оси. Подняв голову, я сосредоточила все свое внимание на этой дьявольской машине и ее пассажирах и, преодолевая нестерпимую головную боль, направила туда луч своей воли с небывалой ранее решимостью.

И — ничего.

В кабине находились двое мужчин. Пилот был нейтралом, а другой сам обладал Способностью... Нет, это был не Вилли, хотя такой же сильный и кровожадный. Не зная и не видя его, я не могла оспорить его Способность настолько, чтобы Использовать его.

Он же вполне мог меня убить.

Я поползла дальше к каменной арке опоры, которая виднелась в двадцати футах впереди. Пуля вгрызлась в землю в десяти дюймах от моей руки.

Пятясь, я попробовала вернуться на узкую тропу в кустарнике, и следующая пуля едва не попала мне в пятку.

Я припала к земле, прислонилась спиной к бревну и закрыла глаза. Пуля прошила трухлявое дерево рядом с моим позвоночником. Еще одна, разбрызгивая грязь, угодила в землю между ног.

Энн получила четыре пули. Одна попала ей в желудок и прошла насквозь, другая сломала ребро и руку, третья задела правое легкое и застряла под лопаткой, а четвертой был срезан язык и выбита бóльшая часть зубов. Да, Энн не спасти, но она мне еще нужна. Чтобы Использовать ее, я должна была претерпеть всю боль, об-

рушившуюся на нее. Стоило поставить какой-нибудь заслон, и она бы ускользнула от меня. Но я еще не могла позволить ей умереть. У меня оставалась для нее последняя задача.

Зажигание было включено, машина стояла на нейтральной передаче. Для того чтобы привести ее в движение, Энн требовалось просунуть голову сквозь разбитый руль и остатками зубов повернуть переключатель скоростей. Рычаг ручного тормоза она, следуя многолетней привычке, опустила, — теперь пришлось поднимать его коленом.

Зрение мигнуло и пропало, но, зажмурившись, силой собственной воли я заставила его вернуться. Обломки кости, торчавшие из правой скулы, заслоняли ей обзор. Хотя это не имело значения. Она положила свои изуродованные руки на обшитый пластиком руль.

Я открыла глаза. Красная точка плясала на засохшей траве рядом со мной, вот она нашла мою руку и переместилась мне на лицо. Трухлявое бревно разлетелось в мелкие щепки. Моргнув, я постаралась отогнать надоедливое пятно.

Даже сквозь рев вертолета было слышно, как заработал двигатель «де сото», и машина рванула вперед через ограждение. Я подняла глаза как раз в тот момент, когда две фары взметнулись вверх, а потом нырнули вниз, и «де сото» 1953 года выпуска почти вертикально начал падать с обрыва.

Пилот был хорош, очень хорош. Вероятно, боковым зрением он успел что-то заметить и среагировал почти мгновенно. Турбины вертолета взревели, и фюзеляж круто нырнул вперед, разворачиваясь к открытому пространству реки. Падавшая машина Энн задела лишь край лопасти винта.

Но этого было достаточно.

Красная точка исчезла из виду, раздался чудовищный скрежет металла. Вся вращательная энергия винта вертолета словно передалась фюзеляжу, его развернуло несколько раз, и наконец машина врезалась в каменную арку железнодорожного моста.

Вертолет не загорелся и не взорвался. Груда искореженной стали, пластика и алюминия безмолвно рухнула в реку, с плеском исчезнув под водой не далее чем в десяти футах от того места, где только что исчез «де сото».

Течение было очень сильным. Еще несколько секунд прожектор вертолета продолжал гореть. Я следила, как мертвая машина погружается все глубже и глубже, относимая вниз по реке с такой скоростью, что даже трудно себе представить. Затем свет погас, и темные воды сомкнулись над корпусом, как грязный саван.

Силы мои были на исходе, и мне потребовалось по меньшей мере полчаса, прежде чем я смогла встать. Вокруг повисла тишина, нарушаемая лишь слабым плеском реки и отдаленным монотонным гулом невидимой автострады.

Спустя некоторое время я отряхнула со своей сорочки приставшие ветки и пыль, потуже затянула пояс халата и начала медленно взбираться по тропе.

Глава 35

Филадельфия
Четверг, 1 января 1981 г.

За час до завтрака детям позволили выйти из дому поиграть. Утро было холодным, но ясным, солнце медленно поднималось над деревьями, словно цеплявшимися за него своими голыми ветками. Трое ребятишек, смеясь, бегали по длинному склону, который вел к лесу и дальше, к реке. Старшей, Таре, всего три недели назад исполнилось восемь лет. Элисон было шесть. Рыжему Джастину должно исполниться пять в апреле.

Их смех и крики отдавались эхом от поросшего лесом холма. Когда из-за деревьев появилась старая леди и направилась к ним, все трое замерли.

— Почему вы до сих пор в халате? — поинтересовалась Элисон.

Женщина остановилась и улыбнулась.

— О, сегодня такое солнечное утро, что мне захотелось пройтись, прежде чем одеться, — проскрипела она странным голосом.

Дети понимающе закивали. Им часто хотелось поиграть на улице в пижамах.

— А почему у вас нет зубов? — осведомился Джастин.

— Замолчи, — поспешно оборвала его Тара.

Джастин опустил глаза, переминаясь с ноги на ногу.

— Где вы живете? — спросила старуха.

— Мы живем в замке. — Элисон указала на высокое старинное здание из серого камня, стоявшее на холме.

Вокруг него простирались сотни акров парковых угодий. Узкая полоска асфальта вилась вдоль склона, уходя в лес.

— Наш папа помощник лесничего, — пропела Тара.

— Правда? — снова улыбнулась незнакомка. — Ваши родители сейчас дома?

— Папа еще спит, — сказала Элисон. — Они с мамой вчера поздно легли после новогоднего вечера. Мама проснулась, но у нее болит голова, и она отдыхает перед тем, как готовить завтрак.

— У нас будут французские тосты, — сообщил Джастин.

— И мы будем смотреть Парад роз, — добавила Тара.

Женщина улыбнулась и глянула на дом. Десны у нее были бледно-розового цвета.

— Хотите покажу, как я умею кувыркаться? — Джастин схватил ее за руку.

— Умеешь кувыркаться? — переспросила она. — Конечно же хочу.

Малыш расстегнул куртку, встал на колени и неуклюже перевернулся вперед, упав на спину и подняв кроссовками грязные брызги.

— Видели?

— Браво! — Пожилая леди захлопала в ладоши и снова пристально взглянула на дом.

— Я — Тара, — сообщила старшая девочка. — Это — Элисон. А Джастин еще ребенок.

— Я не ребенок! — заявил Джастин.

— Нет, ребенок, — возразила Тара. — Ты младше всех, поэтому ты — ребенок. Мама так говорит.

Джастин сердито нахмурился и снова взял за руку пожилую леди.

— Вы хорошая, — сообщил он.

Та небрежно погладила его по голове свободной рукой.

— А у вас есть машина? — поинтересовалась незнакомка.

— Конечно, — ответила Элисон. — У нас есть «бронко» и «синий овал».

— Синий овал? — Старуха удивленно подняла брови.

— Она имеет в виду синий «вольво», — пояснила Тара, качая головой. — Это Джастин его так называет, а теперь и папа с мамой. Они считают, что это смешно. — И она состроила гримасу.

— А кто-нибудь еще в доме есть?

— Да, — откликнулся Джастин. — Должна была приехать тетя Кэрол, но она вместо этого поехала в какое-то другое место. А папа сказал, что слава богу, от нее только одни хлопоты...

— Тихо ты! — снова оборвала мальчика Тара и хлопнула его по руке.

Джастин спрятался за спину леди в халате.

— Вам, наверное, скучно одним в замке? — предположила та. — А вы не боитесь грабителей или каких-нибудь нехороших людей?

— Нет. — Элисон бросила камень в сторону отдаленных деревьев. — Папа говорит, что парк — это самое безопасное место для детей во всем городе.

Джастин заглянул в лицо незнакомке:

— А что у вас с глазом?

— У меня болела голова, дорогой, — пояснила она и провела дрожащей рукой по лбу.

— Как у мамы, — кивнула Тара. — Вы тоже вчера ходили на новогоднюю вечеринку?

Старуха обнажила десны и снова посмотрела на дом.

— Помощник лесничего — это звучит очень важно, — промолвила она.

— Да, — согласилась Тара.

Ее брат и сестра уже утратили интерес к разговору и убежали играть в пятнашки.

— У твоего отца есть что-нибудь, чтобы защищать парк от плохих людей? Что-нибудь вроде пистолета?

— Конечно же у него есть, — бодро отозвалась девочка. — Но нам не разрешают с ним играть. Он держит его на полке в шкафу. А в столе у него еще лежат патроны в синей и желтой коробках.

Дети снова обступили незнакомку, прервав свою игру.

— А хотите, я вам спою? — предложила Элисон, отдышавшись.

— Конечно, дорогая.

Скрестив ноги, дети уселись на траву. За их спинами оранжевое солнце наконец выпуталось из обрывков утреннего тумана и, отделившись от ветвей, выплыло в холодное лазурное небо.

Элисон выпрямилась, сложила руки и пропела три куплета «Хей, Джуд» группы «Битлз». Каждая нотка, каждый звук звучал так же чисто и пронзительно, как сверкал в щедром утреннем свете иней на траве. Закончив, она улыбнулась, и дети замерли в тишине.

На глазах старухи выступили слезы.

— А теперь я бы очень хотела познакомиться с вашими родителями, — тихо промолвила она.

Элисон взяла ее за одну руку, Джастин — за другую, а Тара двинулась вперед, указывая дорогу. Когда они дошли до мощенной

плитами дорожки, старуха вдруг поднесла руку к виску и отвернулась.

— Вы не пойдете? — спросила Тара.

— Возможно, позже, — странным голосом ответила женщина. — У меня вдруг страшно разболелась голова. Может, завтра.

Под взглядами детей она сделала несколько неуверенных шагов в сторону от дома, слабо вскрикнула и упала на замерзшую клумбу. Они подбежали к ней, Джастин потряс ее за плечо. Лицо старухи посерело и исказилось в страшной гримасе. Левый глаз полностью закрылся, в правом виднелся лишь белок. Она тяжело дышала, высунув язык, как собака. С подбородка свисала длинная струйка слюны.

— Она умерла? — с придыханием, шепотом спросил Джастин.

Тара закусила губу.

— Нет. Не думаю. Не знаю. Пойду позову папу. — Она повернулась и бросилась бегом к дому.

Элисон секунду помешкала и тоже побежала вслед за старшей сестрой.

Джастин опустился на колени и приподнял руку пожилой леди. Та была холодна как лед.

Когда из дома на холме появились взрослые, они увидели, что их сын стоит на коленях на клумбе, гладит руку старухи в розовом халате и повторяет:

— Не умирай, добрая тетя. Пожалуйста, не умирай.

КНИГА ТРЕТЬЯ
ЭНДШПИЛЬ

Очнувшись, наступленье мрака,
А не рассвет я ощутил.

Джерард Мэнли Хопкинс

Глава 36

Дотан, штат Алабама
Среда, 1 апреля 1981 г.

Всемирный библейский центр в пяти милях к югу от Дотана состоял из двадцати трех белоснежных зданий, раскинувшихся более чем на ста шестидесяти акрах. Молитвенный дворец находился в огромном здании из гранита и стекла. Полы повсюду были устланы коврами. Амфитеатр одновременно вмещал шесть тысяч истинно верующих, которые могли с полным комфортом предаваться духовному совершенствованию в помещениях, оснащенных кондиционерами. Каждый золотой кирпич на бульваре Вероисповедания олицетворял пожертвование в пять тысяч долларов, серебряный — в одну тысячу и белый — в пятьсот долларов. Прибывая по воздуху, иногда в одном из трех принадлежащих центру «лирджетов», гости взирали сверху на бульвар, напоминавший огромную белую челюсть, с вкраплениями золотых и серебряных коронок. С каждым годом оскал становился все шире и приобретал все больше золотых зубов.

Напротив Молитвенного дворца на бульваре расположилось длинное низкое здание внешних связей центра, которое можно было бы по ошибке принять за большую фабрику компьютеров или исследовательскую лабораторию, если бы не шесть огромных спутниковых тарелок на крыше, с узнаваемым логотипом. Круглосуточные телевизионные программы, транслируемые через один или более спутников кабельными компаниями, телестанциями и церковным телевидением, по утверждению центра, смотрели сто миллионов зрителей более чем из девяноста стран. Здесь был также современный печатный цех, студия звукозаписи и четыре компьютера, постоянно подключенные ко Всемирной евангелической информационной сети.

Там, где заканчивался серебряно-золотой оскал и бульвар Вероисповедания выходил из зоны повышенной охраны и превра-

щался в окружную дорогу 251, располагались Библейский колледж Джимми Уэйна Саттера и его же Школа христианского бизнеса. В этих неаккредитованных заведениях обучались восемьсот студентов, из них шестьсот пятьдесят постоянно проживали в жестко разграниченных корпусах: Западном — Роя Роджерса, Восточном — Дейла Эванса и Южном — Адама Смита.

В других зданиях с бетонными колоннами и гранитными фасадами, напоминавшими нечто среднее между современной протестантской церковью и мавзолеем, трудились легионы служащих. Они занимались административной деятельностью, службой безопасности, транспортом, внешними связями и финансами. Всемирный библейский центр хранил в тайне суммы своих доходов и расходов, но было известно, что его комплекс, завершенный в 1978 году, обошелся более чем в сорок пять миллионов долларов. Также ходили слухи, что в центр еженедельно поступает в качестве пожертвований около полутора миллионов долларов.

Предвидя быстрый финансовый рост, Всемирный библейский центр планировал открытие целой сети христианских магазинов, организацию отелей для отдыха и строительство Библейского увеселительного парка в Джорджии, который должен был обойтись в сто шестьдесят пять миллионов долларов.

Хотя Библейский центр являлся некоммерческой религиозной организацией, христианские предприятия создавались с целью будущей коммерческой экспансии, чтобы прибрать к рукам и торговлю. Президентом Библейского центра, его председателем и единственным членом совета директоров религиозных предприятий являлся преподобный Джимми Уэйн Саттер.

Надев свои очки в золотой оправе, Джимми Саттер улыбнулся в третью камеру.

— Я всего лишь скромный сельский проповедник, — елейным голосом начал он, — все эти финансовые и правовые вопросы для меня ничего не значат...

— Джимми, — тут же подхватил его приспешник, грузный мужчина в очках в роговой оправе, с отвисшими щеками, которые начинали дрожать, когда он возбуждался, как это случилось сейчас, — я уверен, что расследования службы внутренних доходов, налоговых органов, эти преследования Федерального совета церквей — все это, бесспорно, дело рук врага рода человеческого...

— ...Но я знаю, что такое преследования, — продолжил Саттер, возвышая голос и слегка улыбаясь, чувствуя, что камера продол-

жает держать его в кадре. Он заметил, как выдвинулись объективы, снимая теперь ближним планом; Тим Макинтош, режиссер программы, был хорошо знаком с Саттером, за восемь лет они вместе сделали десять тысяч программ. — И я распознаю зловоние дьявола, когда сталкиваюсь с ним. Конечно, это происки, козни дьявола. Ему ведь ничего так не хотелось, как поставить преграду слову Божьему... Это его мечта — использовать правительство, чтобы не дать слову Иисуса Христа проникнуть к тем, кто взывает к Нему о помощи, кто просит у Него прощения и ищет у Него спасения...

— И эти... эти преследования настолько очевидно являются делом его рук, — подхватил второй приспешник.

— Но Иисус не покидает свой народ в часы бедствий! — возопил Джимми Уэйн Саттер. Теперь он расхаживал взад-вперед, размахивая шнуром от микрофона, словно волочил за хвост самого Сатану. — Иисус за нас... Иисус поддерживает нас и нашу игру и презирает князя тьмы и его аспидов...

— Аминь! — воскликнула растолстевшая бывшая телезвезда, сидевшая в кресле. Год назад Иисус излечил ее от рака груди во время телевизионного сеанса в живом эфире.

— Слава Иисусу! — добавил с дивана усатый тип. За последние шестнадцать лет он уже издал девять книг о скором конце света.

— Иисус не замечает этих правительственных бюрократов. — Саттер чуть ли не выплюнул эту фразу. — Как благородный лев, не обращающий внимания на укус блохи!

— С нами Бог! — пропел некогда известный певец, выпустивший свой последний хит в 1957 году.

Похоже, все трое пользовались одним и тем же лаком для волос и одевались в одном и том же отделе распродаж универмага «Сирс».

Саттер остановился, подтянул шнур микрофона и повернулся к аудитории. Декорация, по телевизионным стандартам, была грандиозной, она выглядела даже шикарнее, чем большинство бродвейских постановок, — зрители располагались на трех уровнях, покрытых красными и синими коврами и украшенных букетами живых белых цветов. Верхняя площадка, используемая в основном для вокальных номеров, напоминала террасу, огражденную сзади тремя стрельчатыми окнами, за которыми сиял вечный восход или закат. На средней площадке потрескивал камин, который горел даже тогда, когда температура воздуха в Дотане поднималась до тридцати градусов в тени, а вокруг него располагалась сцена для интервью и бесед с позолоченными диваном, креслами и пись-

менным столом эпохи Людовика XIV. За ним обычно восседал преподобный Джимми Уэйн Саттер на резном стуле с высокой спинкой, величественном, как трон Цезаря Борджиа.

Преподобный Саттер спустился на самую нижнюю площадку, представляющую собой полукруглую сцену, покрытую коврами, что позволяло режиссеру давать общие планы дальними камерами, показывая главу Библейского центра на фоне шестисот человек аудитории. Эта студия обычно использовалась для съемок ежедневной программы «Библейское шоу в час завтрака». Сейчас же здесь шла запись более длинной передачи — «Библейская встреча с Джимми Уэйном Саттером». Программы, предполагавшие больший состав участников или большую аудиторию, записывались в Молитвенном дворце.

— Я всего лишь скромный провинциальный проповедник, — снова произнес Саттер, переходя на доверительный тон, — но с Божьей помощью и с вашей помощью все испытания и беды останутся позади. С Божьей и вашей помощью мы переживем эти дни преследований и гонений, и слово Господа зазвучит еще громче, сильнее и яснее, чем прежде.

Он промокнул вспотевший лоб шелковым носовым платком.

— Но чтобы мы выжили, дорогие друзья, чтобы мы могли и дальше доносить до вас послание Господа, выраженное в Его евангелиях, нам нужна ваша помощь. Нам нужны ваши молитвы, ваши негодующие письма в адрес правительственных бюрократов, преследующих нас, ваши подношения любви... Нам нужно все, что вы можете дать во имя Христа. Вы должны помочь нам доносить до людей слово Господа. Мы верим, что вы не подведете нас. А пока вы надписываете конверты, разосланные вам в этом месяце Крисом, Кей и братом Лайлом, давайте послушаем Гейл и ансамбль «Евангелические гитары» с нашими библейскими певцами, которые напоминают вам: «Нет необходимости понимать, нужно просто держать Его за руку...»

Помощник режиссера пальцами отсчитал Саттеру четыре секунды и зажег лампочку, когда нужно было снова вступать после музыкальной паузы. Преподобный опустился за письменный стол, кресло рядом с ним пустовало. На диване же оказалось слишком много людей.

Саттер с вальяжным и даже несколько игривым видом улыбнулся в объектив второй камеры:

— Друзья, говоря о силе Господней любви, силе вечного спасения и даре возвращения к жизни во имя Иисуса, мне особенно приятно представить нашего следующего гостя. Много лет он блуждал в паутине греха Западного побережья, о которой мы все слышали. Много лет эта добрая душа, лишенная света Христова, бродила в темной чаще страха и блуда, которая уготована тем, кто не обрел слова Господа... Но сегодня в доказательство бесконечной милости Иисуса и Его силы, Его вечной любви, не оставляющей ни одного страждущего, с нами знаменитый продюсер, голливудский режиссер... Энтони Хэрод!

Под громкие аплодисменты шестисот христиан, не имевших ни малейшего представления о том, кто такой Хэрод, тот пересек широкую площадку. Он протянул Саттеру руку, но преподобный вскочил, обнял продюсера и усадил в гостевое кресло. Хэрод нервно закинул ногу на ногу. Трио на диване отреагировало на гостя по-разному: популярный некогда певец саркастически усмехнулся, апокалиптический писатель наградил его холодным взглядом, а раздобревшая кинозвезда состроила хитрую физиономию и послала воздушный поцелуй. Хэрод был в джинсах с ремнем, пряжка которого изображала робота R2-D2 из «Звездных Войн», в своих любимых ковбойских сапогах змеиной кожи и в красной шелковой рубашке.

Джимми Уэйн Саттер склонился к нему и начал:

— Ну что ж, Энтони, Энтони, Энтони...

Хэрод неуверенно улыбнулся и подмигнул аудитории. Из-за яркого освещения лиц он не различал, лишь кое-где поблескивали стекла очков.

— Энтони, и сколько лет ты уже сотрудничаешь с ярмаркой мишуры и тщеславия?

— Э-э-э... шестнадцать лет, — произнес Хэрод и откашлялся. — Я начал в шестьдесят четвертом году, когда мне было девятнадцать. Начал как сценарист.

— И, Энтони... — Саттер склонился ближе, придав своему голосу одновременно оттенки лукавства и таинственности, — правда ли то, что мы слышали о греховности Голливуда? Конечно, не всего Голливуда... у нас с Кей там есть несколько добрых друзей-христиан, включая тебя, Энтони. Но вообще, неужто он так порочен, как говорят?

— Довольно порочен, — кивнул Хэрод. — Это действительно клоака греховности.

— Разводы? — осведомился Саттер.
— Повсеместно.
— Наркотики?
— Употребляют все.
— Алкоголь?
— О да.
— Кокаин?
— Запросто, как леденцы.
— Героин?
— Даже у звезд все вены истыканы, Джимми.
— И люди упоминают имя Господа всуе?
— Постоянно.
— Богохульничают?
— Само собой разумеется.
— Поклоняются дьяволу?
— Ходят такие слухи.
— Молятся золотому тельцу?
— Вне всяких сомнений.
— А как же насчет седьмой заповеди, Энтони?
— Э-э-э...
— «Не пожелай жены ближнего»?
— Я бы сказал, она полностью забыта.
— Ты бывал на этих порочных голливудских приемах, Энтони?
— Не раз участвовал в них.
— Наркотики, блуд, неприкрытое прелюбодейство, погоня за всемогущим долларом, поклонение врагу рода человеческого, пренебрежение законами Божьими...
— Да, — подтвердил Хэрод, — и это только на самом скучном приеме.

Аудитория издала звук, напоминающий нечто среднее между кашлем и приглушенным вздохом.

Преподобный Джимми Уэйн Саттер сложил пальцы домиком:
— А теперь, Энтони, расскажи нам свою собственную историю о падении в эту бездну — и восшествии из нее.

Хэрод едва заметно улыбнулся, уголки его губ поползли вверх.
— Ну, Джимми, я был молод, впечатлителен... хотел, чтобы мною руководили. Признаюсь, что соблазн этого образа жизни довольно долго вел меня вниз по темному пути. Многие годы.
— И ты получал за это мирское признание, — подсказал Саттер.

Хэрод кивнул и отыскал глазами камеру с красной лампочкой, после чего на его лице появилось выражение искреннего раскаяния.

— Как ты только что сказал, Джимми, у дьявола есть свои приманки. Деньги... столько денег, Джимми, что я не знал, что с ними делать. Скоростные машины, шикарные дома, женщины... красивые женщины, знаменитые звезды с прославленными именами и прекрасными телами. Мне только надо было снять телефонную трубку, Джимми. У меня возникло ложное чувство власти. Ложное чувство собственной высокопоставленности. Я пил, я употреблял наркотики. Дорога в ад может начаться даже с горячей ванны, Джимми.

— Аминь! — воскликнула толстая кинозвезда.

Саттер напустил на себя встревоженный вид:

— Но, Энтони, вот что действительно пугает, чего мы должны больше всего опасаться... Ведь эти люди делают фильмы для наших детей, верно?

— Именно так, Джимми. И фильмы, которые они делают, продиктованы лишь одним соображением — прибылью.

Первая камера загудела, предупреждая о крупном плане, и Саттер повернулся к объективу. Всякое спокойствие исчезло с его лица, теперь он напоминал ветхозаветного пророка: сильные скулы, темные брови, длинные волнистые седые волосы.

— И наши дети, дорогие друзья, получают грязь. Грязь и отбросы. Когда я был мальчиком... когда большинство из нас были детьми... мы собирали двадцатипятицентовые монеты, чтобы сходить в кино, если нам разрешали сходить в кино... И мы шли на воскресные утренники и смотрели мультфильмы. Что стало с мультфильмами, Энтони? А после мы смотрели вестерны... Помните Хута Гибсона, Хопалонга Кэссиди, Роя Роджерса? Да благословит его Господь... Рой участвовал в нашей программе на прошлой неделе... прекрасный, великодушный человек. Мы возвращались домой и знали, что побеждают хорошие ребята, что Америка — это особое место, благословенная страна. Помните Джона Уэйна в «На линии огня»? И мы возвращались домой в свои семьи... помните Микки Руни в «Энди Харди»? Возвращались домой в свои семьи и знали, что семья — это самое главное, что мы любим свою страну, что доброта, уважение к власти и любовь друг к другу — это очень важно... Что сдержанность, дисциплина и самоконтроль — самое важное... А самое главное, что Господь всегда с нами!

Саттер снял очки. На лбу и верхней губе выступила испарина.

— А что наши дети смотрят сейчас? Они смотрят безбожную грязь, ужасы, насилие, убийства. Сегодня вы идете в кино — я имею в виду фильмы, разрешенные для детей, я не говорю о грязных фильмах категории «эр» или даже «икс», которые показывают теперь везде, которые расползаются повсюду, как раковая опухоль, и любой ребенок может их увидеть... Уже нет возрастных границ, хотя это тоже лицемерие: грязь есть грязь — то, что не годится для шестнадцатилетних, не годится и для богобоязненных взрослых. Но дети идут на эти фильмы, и еще как идут! И они видят обнаженное тело, богохульство, прелюбодеяние... ругательство следует за ругательством, богохульство за богохульством. Эти фильмы разрушают наши семьи, нашу страну, веру, законы Господа и потешаются над словом Господним, предлагая вместо него секс, насилие, грязь и нездоровое возбуждение. А вы говорите: что я могу сделать? Что мы можем сделать? И я отвечаю вам: приблизьтесь к Господу, воспримите Его слово, следуйте примеру безгрешного Иисуса, чтобы эти отбросы, эта грязь потеряли для вас всякую привлекательность... И пусть ваши дети примут Христа в свои сердца, примут как своего Спасителя, своего личного Спасителя, и тогда эти пороки потеряют для них привлекательность, перестанут притягивать их... «Ибо Отец... весь суд отдал Сыну... И дал Ему власть производить и суд... ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия, и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло... а делавшие зло... в воскресение осуждения». Евангелие от Иоанна, глава пятая, стихи двадцать второй, двадцать шестой и двадцать восьмой.

Толпа закричала: «Аллилуйя!»

— Слава Иисусу! — воскликнул певец.

Писатель закрыл глаза и кивнул. Толстая актриса рыдала.

— Энтони, — тихим низким голосом произнес Саттер, снова привлекая к себе всеобщее внимание, — принял ли ты Господа?

— Принял, Джимми. Я обрел Господа...

— И принял Его как личного Спасителя?

— Да, Джимми. Я принял Иисуса Христа в свою жизнь.

— И позволил Ему вывести тебя из бездны страха и блуда... из фальшивого блеска больного Голливуда к исцеляющему свету слова Божьего?

— Да, Джимми. Христос вернул мне радость жизни, даровал мне цель жить и работать во имя Его...

— Да славится имя Господне, — выдохнул Саттер и улыбнулся Он потряс головой, словно избавляясь от охватившего его волнения, и повернулся к третьей камере; помощник режиссера махал руками, показывая, что пора закругляться. — И в ближайшем будущем, в самом ближайшем будущем, я надеюсь, Энтони обратит свои навыки, талант и опыт на осуществление совершенно особого Библейского проекта. Сейчас мы еще не можем говорить об этом, но не сомневайтесь, мы используем все замечательные приемы Голливуда, чтобы донести слово Божье до миллионов добрых христиан, изголодавшихся по здоровым семейным развлечениям.

Аудитория и гости ответили громом аплодисментов. Саттер склонился к микрофону и сообщил, перекрывая шум:

— Завтра состоится особая библейская служба священной музыки. Наши гости — Пэт Бун, Петси Диллон, группа «Благовест» и наша Гейл и «Евангелические гитары».

Под электронными вспышками аплодисменты еще более усилились. Третья камера взяла максимально крупный план Саттера, и преподобный улыбнулся:

— До следующей встречи. Помните стих шестнадцатый из главы третьей Евангелия от Иоанна: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». До свидания! Да благословит вас всех Господь!

Саттер и Хэрод покинули площадку еще до того, как погасли навесные софиты и стихли аплодисменты. Быстрым шагом они двинулись по кондиционированным коридорам, устланным коврами. Мария Чэнь и жена преподобного Кей ожидали их в кабинете Саттера.

— Ну, что ты думаешь, дорогая? — осведомился Саттер.

Кей Элен Саттер, высокая худая женщина, наложила на лицо столько слоев косметики и сделала такую прическу, что казалось, будто ее вылепили много лет назад.

— Замечательно, дорогой. Восхитительно.

— Надо будет убрать этот монолог идиота-певца, когда он начал разглагольствовать о евреях, наводнивших шоу-бизнес, — заметил Саттер. — Ну да все равно нам нужно вырезать минут двадцать, прежде чем все пойдет в эфир. — Он надел очки и посмотрел на жену. — Куда это вы собрались?

— Я хочу показать Марии детскую группу в общежитии женатых студентов, — ответила Кей Саттер.

— Отлично, отлично! — одобрил преподобный. — У нас с Тони запланирована еще одна короткая встреча, а потом им пора отправляться в Атланту.

Мария Чэнь бросила на Хэрода вопросительный взгляд. Тот пожал плечами, и обе женщины вышли.

В обширном кабинете преподобного Джимми Уэйна Саттера, в отличие от красно-сине-белых тонов остальной части комплекса, преобладали нежные бежевые цвета. Одну стену целиком занимало окно, выходившее на лужайку и небольшой клочок леса, оставленный строителями. Позади широкого письменного стола были развешены фотографии известных и влиятельных лиц, почетные грамоты, удостоверения о награждениях, афиши и другие документы, свидетельствующие о высоком и стабильном положении Джимми Саттера.

Хэрод рухнул в кресло и, вытянув ноги, шумно выдохнул воздух. Саттер, сняв пиджак и расстегнув рукава рубашки, сел напротив:

— Ну что, Тони, позабавился?

Хэрод запустил пальцы в волосы.

— Надеюсь, что никто из наших инвесторов не увидит этого.

Саттер улыбнулся:

— Почему, Тони? Неужели причастность к богоугодному делу может повредить кинобизнесу?

— Повредить ему может идиотский вид. — Хэрод посмотрел в дальний конец кабинета, где находился бар. — Можно я что-нибудь выпью?

— Конечно, — ответил Саттер. — Справишься сам? Ты здесь все знаешь.

Хэрод уже направился к бару. Он налил себе водки со льдом и вытащил еще одну бутылку из потаенного шкафчика:

— Бурбон?

— Да, пожалуйста, — кивнул Саттер. — Ты рад, что принял мое приглашение? — осведомился он, когда Хэрод протянул ему бокал.

— А ты думаешь, разумно было засвечиваться, показывая меня в этой программе? — Он сделал большой глоток.

— Они и так знают, что ты здесь, — возразил Саттер. — Кеплер следит за тобой и одновременно с братом К. не выпускает из виду и меня. Может, твои показания их немного смутят.

— Не знаю, как их, но меня они точно смутят. — Хэрод направился к бару за новой порцией водки.

Саттер захихикал и принялся перекладывать бумаги на столе:

— Тони, только не подумай, что я цинично отношусь к своему сану.

Хэрод замер с кубиками льда в руке и посмотрел на него.

— Ты что, смеешься надо мной? — возмутился он. — Ничего циничнее, чем это мероприятие, я еще в жизни не видел.

— Вовсе нет, — тихо возразил Саттер. — Я отношусь к пасторству очень серьезно. Я действительно забочусь о людях и благодарен Господу за дарованную мне Способность.

Хэрод покачал головой:

— Джимми, уже два дня ты меня водишь по этому диснейленду, здесь все до последней мелочи направлено на то, чтобы извлекать деньги из бумажников провинциальных идиотов. Твои автоматические линии отсортировывают конверты с чеками от пустых, компьютеры сканируют письма и пишут стандартные ответы, телефонный банк данных тоже компьютеризирован. Ты проводишь направленные почтовые кампании, от которых обкончался бы и Дик Вигери[1], а по сравнению с твоими церковными телеслужбами старый добрый мистер Эд и его говорящая кобыла[2] покажутся гигантами мысли...

— Тони, Тони, — покачал головой Саттер. — Нельзя зацикливаться на внешней стороне дела, надо смотреть вглубь. Да, мои верующие в большинстве своем простаки, провинциалы и недоумки. Но это никак не дискредитирует мою проповедническую деятельность.

— Да ну?

— Конечно. Я люблю этих людей! — Саттер стукнул своим огромным кулаком по столу. — Пятьдесят лет назад, когда я был юным евангелистом, семилетним мальчишкой, преисполненным благоговения к слову Божьему, и обходил палатки с папой и тетей Эл, я знал, что Иисус наградил меня Способностью с какой-то целью, а не просто для того, чтобы делать деньги. — Он взял в руки лист бумаги и уставился на него через очки. — Тони, как ты думаешь, кто написал эти слова: «Проповедники, бойтесь наступления науки, как ведьмы боялись наступления дня, и смейтесь над роковыми провозвестниками, не желающими отказаться от обмана, на котором основана их жизнь»? — Саттер взглянул на Хэрода поверх очков.

---

[1] *Ричард Арт Вигери* (р. 1933) — политик-консерватор, родоначальник системы сбора пожертвований при помощи адресных почтовых рассылок.

[2] *«Мистер Эд»* (1958–1966) — комедийный телесериал.

Тот пожал плечами:

— Г. Л. Менкен? Мэдлин Мюррей О'Хара?[1]

Преподобный покачал головой:

— Джефферсон, Тони. Томас Джефферсон.

— Ну и что?

Саттер ткнул в Хэрода своим мясистым пальцем:

— Неужели ты не понимаешь? Несмотря на всю евангелистскую болтовню о том, что эта страна основана на религиозных принципах, что это христианская нация и всякое такое, все ее отцы-основоположники, подобно Джефферсону, были атеистами, яйцеголовыми интеллектуалами, унитариями...

— Ну и что?

— А то, что эта страна была образована кучкой секулярных гуманистов, Тони. Вот почему в наших школах больше нет места Богу. Вот почему ежедневно в лабораториях убивают тысячи нерожденных младенцев. Пока мы спорим о разоружении, коммунисты набирают силу. Господь наградил меня способностью пробуждать сердца и души простых людей, чтобы мы смогли превратить эту страну в христианское государство, Тони.

— И для этого тебе нужна моя помощь в обмен на твою поддержку и защиту от Клуба Островитян? — усмехнулся Хэрод.

— Рука руку моет, мой мальчик, — миролюбиво улыбнулся Саттер в ответ.

— Похоже, ты когда-нибудь надеешься стать президентом, — заметил Хэрод. — По-моему, вчера мы говорили лишь о том, чтобы слегка перетасовать иерархическую структуру Клуба.

Саттер развел руками:

— А что плохого в том, чтобы мыслить по-крупному, Тони? Брат К., Кеплер, Траск и Колбен уже много десятилетий забавляются политикой. Я познакомился с братом К. сорок лет назад на политическом съезде консервативных проповедников в Баден-Руж. Поверь, не будет ничего дурного, если в Белом доме ради разнообразия вдруг появится добрый христианин.

— Мне казалось, Джимми Картер считался добрым христианином, — ухмыльнулся Хэрод.

— Джимми Картер новообращенный слабак, — возразил Саттер. — Настоящий христианин знал бы, как поступить с Хомейни,

---

[1] *Генри Луис Менкен* (1880–1956) — американский журналист и сатирик. *Мэдлин Мюррей О'Хара* (1919–1995) — глава общественной организации «Американские атеисты»

когда этот фанатик наложил свои лапы на американских граждан. В Библии сказано: «Око за око, зуб за зуб». Надо было оставить этих шиитских негодяев без зубов.

— Согласно официальному мнению, Рейгана тоже привели к власти христиане. — Хэрод отправился за новой порцией водки. Политические дискуссии всегда наводили на него тоску.

— Черта с два! — воскликнул Саттер. — Нашего дружка Рональда привели к власти брат К., Кеплер и этот осел, который стоит за спиной Траска. Страна поворачивает вправо, но еще предвидятся временные откаты. Однако к девяностым годам будет подготовлена почва для прихода настоящего христианского кандидата.

— То есть тебя? — спросил Хэрод. — А перед тобой в очереди никто не стоит?

— Кто, например? — поинтересовался Саттер.

— Как же его зовут?.. Парень от «Нравственного большинства»... Фолуэлл.

Саттер рассмеялся:

— Джерри — это креатура наших друзей из правого крыла в Вашингтоне. Он дутый пузырь. Когда его финансирование иссякнет, все увидят, что это куча дерьма в образе человека. И к тому же не слишком сообразительного.

— А как насчет тех, кто постарше? — осведомился Хэрод, пытаясь вспомнить имена заклинателей змей и шарлатанов, которых он видел по телевизору в Лос-Анджелесе. — Рекс Хобарт...

— Хамбард, — поправил Саттер, — и, кажется, Орал Робертс. Ты что, шутишь, Тони?

— То есть?

Саттер достал из стола гаванскую сигару и закурил.

— Мы говорим о людях, у которых коровье дерьмо еще от сапог не отлипло, — произнес преподобный. — Мы обсуждаем добрых парней, которые идут на телевидение и говорят: «Друзья, приложите больную часть своего тела к экрану, и я ее вылечу!» Ты только представь себе все геморрои, опухоли, фурункулы и грибковые инфекции... И человек, который благословляет всю эту биологию, будет встречаться с представителями иностранных государств и отдыхать в спальне Линкольна?

— Да, это как-то пугает. — Хэрод между тем налил себе четвертый стакан водки. — А другие? Есть какая-нибудь альтернатива?

Преподобный Саттер закинул руки за голову и улыбнулся:

— Ну, есть Джим и Тэмми, но на них вечно катит бочку Федеральный совет церквей... Кроме того, они по очереди страдают

нервными срывами. Я не виню Джима. С такой женой, как у него, у меня бы тоже были нервные срывы. Потом есть Сваггерт в Луизиане. Он умный парень, но, мне кажется, ему больше хочется стать звездой рок-н-ролла, как его кузен...

— Кузен? — переспросил Хэрод.

— Джерри Ли Льюис, — пояснил Саттер. — Ну, кто там еще? Конечно же, Пэт Робертсон. Я думаю, Пэт будет баллотироваться в восемьдесят четвертом или в восемьдесят восьмом. Он основательный человек. На фоне его организационной структуры мой проект выглядит консервной банкой. Но у Пэта есть свои обязательства. Окружающие иногда забывают, что он священник, и Пэт поддается этому...

— Все это очень интересно, — заметил Хэрод, — но мы слишком далеко ушли от цели моего визита.

Саттер снял очки, вынул изо рта сигару и недоуменно посмотрел на Хэрода:

— Тони, ты приехал сюда, потому что влип в историю, и, если тебе не удастся получить помощь, Клуб перестанет использовать тебя для своих послеобеденных развлечений на острове...

— Я теперь полноправный член выборного комитета, — заметил Хэрод.

— Да, — кивнул Саттер. — Но Траск мертв, Колбен мертв. Кеплер залег на дно, а брат К. расстроен из-за фиаско в Филадельфии.

— К которому я не имею никакого отношения, — добавил Хэрод.

— Из которого ты умудрился выпутаться, — поправил Саттер. — Боже милосердный, какая неразбериха! Погибли пять агентов ФБР и шестеро из команды Колбена, не говоря уж о десятке с лишним местных негров. Пожары, разрушение частной и общественной собственности...

— Средства массовой информации продолжают придерживаться версии столкновения между двумя бандами, — сказал Хэрод. — Считается, что агенты ФБР находились там из-за группы черных террористов...

— Да, отголоски событий звучат повсюду — от кабинета мэра до самого Вашингтона. Ты знаешь, что Ричард Хейнс теперь работает частным образом на брата К.?

— А мне-то что? — Хэрод пожал плечами.

— Вот именно, — улыбнулся Саттер. — Но ты понимаешь, что твое вступление в выборный комитет происходит... в горячее время.

— Ты уверен, что они хотят использовать меня лишь в качестве средства подобраться к Вилли? — спросил Хэрод.

— Абсолютно.

— А потом меня уберут?

— Вот именно.

— Но зачем? — возмутился Хэрод. — Зачем им нужен старый психопат Вилли?

— У обитателей пустынь есть древняя поговорка. Она никогда не включалась в Писание, но по времени своего создания вполне могла быть внесена в Ветхий Завет.

— Какая же?

— «Лучше держать верблюда в шатре, чтобы он мочился на улицу, чем наоборот», — пропел Саттер.

— Спасибо, — невесело усмехнулся Хэрод.

— Всегда рад помочь, Тони. — Саттер посмотрел на часы. — Надо поторапливаться, если вы хотите успеть в Атланту на свой рейс.

Хэрод быстро протрезвел.

— Ты не знаешь, почему Барент назначил собрание на субботу?

Саттер сделал неопределенный жест рукой:

— Я думаю, брат К. созывает всех в связи с событиями понедельника.

— Покушение на Рейгана?..

— Да, — кивнул Саттер. — Но знаешь, кто был с президентом — в трех шагах от него, — когда раздались выстрелы?

Хэрод поднял брови.

— Да, сам брат К., — подтвердил Саттер. — Думаю, нам будет о чем поговорить.

— О господи, — выдохнул Хэрод.

Джимми нахмурился.

— Не смей упоминать имя Господа всуе! — проревел он. — Не советую тебе делать это и в присутствии брата К.

Хэрод подошел к двери и остановился:

— Еще один вопрос, Джимми. Почему ты называешь Барента братом К.?

— Потому что К. Арнольд не любит, когда я называю его по имени, — ответил тот.

— И ты знаешь его первое имя? — изумился Хэрод.

— Конечно. Я знаком с братом К. с тридцатых годов, когда мы были еще детьми.

— И как же его зовут?

— Первое имя К. Арнольда — Кристиан, — многозначительно протянул Саттер.

— Как?

— Кристиан, — повторил Саттер. — Кристиан Арнольд Барент. Даже если брат К. ни во что не верит, отец его был верующим человеком.

— Чтоб я провалился! — воскликнул Хэрод и поспешил прочь, прежде чем преподобный успел что-либо ответить.

Глава 37

Кесария, Израиль
Четверг, 2 апреля 1981 г.

Самолет Натали Престон, совершавший рейс из Вены, приземлился в аэропорту «Бен-Гурион» в половине одиннадцатого утра по местному времени. Израильские таможенники оказались деятельными и невозмутимыми людьми и даже несколько излишне обходительными.

— Добро пожаловать в Израиль, мисс Хэпшоу, — промолвил мужчина, осмотревший обе ее сумки.

Натали уже в третий раз прилетала сюда по фальшивому паспорту, но у нее по-прежнему замирало сердце в эти минуты ожидания. Уверенности ей придавало лишь то, что документы были изготовлены Моссадом, собственной разведывательной организацией Израиля.

Пройдя таможню, Натали села в автобус до Тель-Авива, а дальше отправилась пешком по дороге на Яффу до улицы Амасгер. Там в прокате она внесла недельную плату и залог в четыреста долларов за зеленый «опель» семьдесят пятого года выпуска с такими тормозами, что его при каждой остановке заносило влево.

Натали оставила позади некрасивые пригороды Тель-Авива и двинулась к северу вдоль побережья, по дороге на Хайфу. День стоял солнечный, температура воздуха достигала двадцати градусов, и Натали надела темные очки, спасаясь от нестерпимого сияния, отражавшегося от покрытия шоссе и глади Средиземноморья. Проехав двадцать миль, она миновала Натанью, небольшой курортный городок, высившийся на скалах над пляжем. Еще через

несколько миль она увидела поворот на Ор-Акиву и свернула с четырехполосного шоссе на более узкую асфальтовую дорогу, которая, извиваясь между песчаными дюнами, вела к морю. Натали бросила взгляд на римский акведук и массивные крепостные стены города крестоносцев, а затем выехала на старую прибрежную дорогу, идущую мимо отеля «Дан Кесария» с его огромными площадками для гольфа, обнесенными по периметру высокой оградой и колючей проволокой.

Свернув на восток и следуя указателю на кибуц Мааган-Михаэль, она наконец достигла перекрестка с другой, еще более узкой дорогой. Прежде чем остановиться перед запертыми воротами, «опель» с полмили рывками продвигался вверх, объезжая рожковые деревья, фисташковые кусты и даже одну случайно выросшую здесь сосну. Девушка вышла из машины, размяла ноги и помахала рукой в сторону белого дома, стоявшего на вершине холма.

Сол Ласки спустился с крыльца, чтобы открыть ей ворота. За это время он похудел и сбрил бороду. Его тонкие ноги, торчавшие из мешковатых шортов цвета хаки, и впалая грудь под белой футболкой делали его похожим на заключенного из фильма «Мост через реку Квай», но, в отличие от заключенного, он сильно загорел, мышцы окрепли. Сол еще больше облысел, хотя оставшиеся на затылке волосы отросли и теперь вились над ушами и шеей. Свои разбитые очки в роговой оправе он сменил на более современные. Шрам после операции на предплечье все еще был ярко-красным.

Отперев ворота, Сол дружески обнял Натали.

— Все прошло хорошо? — спросил он.

— Замечательно, — кивнула она. — Симон Визенталь просил передать тебе привет.

— Он здоров?

— Для его возраста он находится в прекрасной форме.

— Симон смог указать тебе необходимые источники?

— Лучших и не придумать, — ответила Натали. — Он сам провел поиски. То, чего не оказалось в его собственном офисе, он попросил принести из различных венских библиотек и архивов своих служащих.

— Отлично, — улыбнулся Сол. — А остальное?

Натали указала на большой чемодан, лежавший на заднем сиденье машины:

— Он целиком набит фотокопиями. Это страшные вещи, Сол. Ты по-прежнему дважды в неделю ходишь в Яд-Вашем?

— Нет. — Он покачал головой. — Неподалеку отсюда есть одно место, которое строили поляки: Лохамей-ха-Гетаот.

— Это то же, что и Яд-Вашем?

— Только более мелкого масштаба. Но этого достаточно — там есть имена и биографии людей. Проезжай, я закрою ворота.

Дом на вершине холма был очень большим. Натали миновала его, не съезжая с дороги, спустилась по южному склону и притормозила у небольшого бунгало рядом с апельсиновой рощей. Вид отсюда открывался потрясающий. К западу, за обработанными полями, раскинулись песчаные дюны, развалины древних зданий и зубчатые волнорезы синего Средиземного моря. К югу, мерцая в знойном мареве, вздымались покрытые лесом скалы Натаньи. На восток убегала целая череда холмов и благоухающая апельсинами долина Шарон. К северу, за крепостями, которые считались древними даже во времена Соломона, и зеленым гребнем горы Кармель, лежала Хайфа с ее узкими улочками, вымощенными умытым дождем булыжником. Натали ощутила ни с чем не сравнимую радость оттого, что вернулась сюда.

Сол придержал дверь, пока она вносила сумки. В маленьком коттедже ничего не изменилось с тех пор, как она покинула его восемь дней назад: небольшая кухня, объединенная со столовой, образовывала одну длинную комнату с камином, вокруг скромного деревянного стола стояли четыре стула, беленые стены утопали в жарком солнечном свете, лившемся через два окна. Помимо этой гостиной, в доме имелись две спальни. Натали отнесла сумки к себе в комнату, бросила их на широкую кровать и обратила внимание на свежие цветы в белой вазе на ее ночном столике.

Когда она вернулась на кухню, Сол варил кофе.

— Хорошо съездила? — спросил он. — Без проблем?

— Да. — Натали положила одну из папок на грубо отесанную поверхность стола. — Похоже, Сара Хэпшоу увидит все те места, где никогда не бывала Натали Престон, — рассмеялась она.

Сол кивнул и поставил перед ней большую белую чашку с густым черным кофе.

— Здесь тоже ничего не происходило? — поинтересовалась Натали.

— Нет, — откликнулся Сол. — Ничего и не могло произойти.

Она положила себе сахар и только теперь поняла, насколько устала. Сидя напротив, Сол протянул руку и ободряюще похлопал ее по плечу. Несмотря на его худое, покрытое морщинами лицо,

Натали подумала, что сейчас он выглядит гораздо моложе, чем с бородой. Всего три месяца прошло, а кажется, целое столетие.

— Есть новые сведения от Джека, — произнес он. — Не хочешь прогуляться?

Она бросила взгляд на недопитый кофе.

— А ты возьми чашку с собой, — предложил Сол. — Мы пойдем к ипподрому.

Он встал и на минуту удалился в свою спальню. Вернулся он в свободной рубашке навыпуск, которая не смогла полностью скрыть выпирающую кобуру, засунутую за ремень, с пистолетом сорок пятого калибра.

Они двинулись по склону на запад, мимо изгородей и апельсиновых рощ, туда, где песчаные дюны подползали к обработанным полям и зеленым лужайкам частных вилл. Сол перешел на акведук, который вздымался на двадцать футов над песком и простирался на многие мили по направлению к груде развалин и новым строениям, видневшимся на побережье. Юноша в белой рубашке, крича и размахивая руками, бросился к ним, но Сол что-то тихо сказал ему на иврите, тот кивнул и отошел. Сол и Натали двинулись дальше по грубому покрытию акведука.

— Что ты ему сказал? — поинтересовалась она.

— Я упомянул, что знаком с Фровой, Ави-Йоном и Негевом, — пояснил он. — Все трое занимались здесь раскопками, начиная с пятидесятых годов.

— И все?

— Да. — Он остановился и огляделся.

Справа от них синело море, а впереди, на расстоянии мили, в солнечном свете купалось целое скопление белых новых домов.

— Когда ты рассказывал мне о своем доме, я представляла себе хижину в пустыне, — сказала Натали.

— Так оно и было, когда я приехал сюда сразу после войны. Сначала мы строили и расширяли кибуцы Гааш, Кфар-Виткин и Мааган-Михаэль. А после Войны за независимость Давид и Ребекка обосновали здесь свою ферму...

— Это же настоящее поместье! — воскликнула Натали.

Сол улыбнулся и допил остатки кофе.

— Поместье — это место обитания барона Ротшильда. Теперь там расположен пятизвездочный отель «Дан Кесария».

— Мне нравятся эти развалины, — призналась Натали. — Акведук, театр, город крестоносцев — все такое древнее.

Сол кивнул:

— Когда я жил в Америке, мне очень недоставало этих временных слоев разных эпох.

Натали сняла с плеча красную сумку и положила в нее пустые кофейные чашки, предварительно аккуратно завернув их в полотенце.

— Я скучаю по Америке, — вздохнула она и, обхватив руками колени, взглянула на море песка, расстилавшееся внизу. — Мне кажется, я скучаю по Америке, — поправилась она. — Эти последние дни был сплошной кошмар...

Сол ничего не ответил, и в течение нескольких минут оба сидели молча.

Первой заговорила Натали:

— Интересно, кто был на похоронах Роба?

Сол искоса взглянул на нее, и солнечный свет отразился от стекол его очков.

— Джек Коэн написал, что шерифа Джентри похоронили на чарлстонском кладбище в присутствии представителей местной полиции и нескольких местных агентств.

— Нет, я имела в виду близких ему людей. Присутствовали ли там члены семьи? Его приятель Дэрил Микс? Кто-нибудь из тех... кто любил его? — Она умолкла.

— Это было бы безумием, если бы ты отправилась туда, — тихо промолвил он после паузы. — Они бы тебя узнали. Кроме того, ты все равно не могла этого сделать. Врачи в иерусалимской больнице сказали, что у тебя был очень тяжелый перелом. — Сол с улыбкой глянул на девушку. — А сегодня я что-то не замечаю, чтобы ты хромала.

— Да. — Натали улыбнулась в ответ. — Нога стала гораздо лучше. — И, переводя разговор на другую тему, тряхнула головой. — О'кей, так с чего начнем?

— Мне кажется, у Джека довольно интересные новости, но сначала я бы хотел все узнать о Вене.

Натали кивнула:

— Регистрационные книги отеля «Империал» подтвердили, что они были там — мисс Мелани Фуллер и Нина Хокинс, это девичья фамилия Дрейтон, — в тысяча девятьсот двадцать пятом, двадцать шестом и двадцать седьмом годах. А в отеле «Метрополь» — в тридцать третьем, тридцать четвертом и тридцать пятом. Они могли ездить в Вену еще несколько раз, останавливаясь в других

отелях, архивы которых пропали во время войны или по разным другим причинам. Мистер Визенталь продолжает поиски.

— А фон Борхерт? — осведомился Сол.

— Записей в регистрационных книгах нет, но Визенталь подтвердил, что Вильгельм фон Борхерт с двадцать второго по двадцать девятый год арендовал небольшую виллу в Перхтольдсдорфе, неподалеку от города. Она была разрушена после войны.

— А относительно... другого? — спросил Сол. — Убийств?

— Обычный набор уличной преступности, политические убийства, убийства на почве ревности и так далее. Потом, летом двадцать пятого года, три странных, необъяснимых случая. Двое аристократов и известная светская львица убиты своими знакомыми. Во всех трех случаях у преступников не было ни мотивов, ни алиби, ни каких-либо предлогов. Газеты назвали это «летним помешательством», поскольку убийцы клялись, что не помнят, как совершали свои преступления. Все трое были признаны вменяемыми и виновными. Один казнен, второй покончил с собой, а женщину отправили в сумасшедший дом, где она через неделю утопилась в пруду.

— Похоже, наши юные вампиры сознания именно тогда и начинали свою игру, — заметил Сол. — Обретали вкус к убийствам.

— Мистер Визенталь не смог установить связи, — продолжила Натали, — но он будет заниматься расследованиями для нас. Семь необъяснимых убийств летом двадцать шестого года. Одиннадцать — между июнем и августом двадцать седьмого... Но это было лето неудавшегося путча, когда на демонстрации погибли восемьдесят рабочих, и венские власти были гораздо больше обеспокоены другими проблемами, чем смертью каких-то граждан из низшего сословия.

— Значит, наша троица сменила свои мишени, — задумчиво произнес Сол. — Возможно, убийство представителей их собственного круга стало для них небезопасным.

— За лето и зиму двадцать восьмого года нам не удалось обнаружить ничего, — сказала Натали. — Зато в двадцать девятом в австрийском курортном городке Бад-Ишль произошло семь таинственных исчезновений. Венская пресса писала о «цаунерском оборотне», потому что всех исчезнувших — а среди них были очень влиятельные лица как в Вене, так и в Берлине — в последний раз видели в кондитерской «Цаунер» на Эспланаде.

— Однако подтверждений того, что в это время там находился наш молодой немец со своими двумя американскими подружками, нет? — спросил Сол.

— Пока нет, — ответила Натали. — Но мистер Визенталь сказал, что в округе имелось множество частных вилл и отелей, которых давно не существует.

Сол удовлетворенно кивнул. Одновременно, как по команде, оба подняли голову и проводили взглядом пять израильских F-16, которые низко пролетели над морем, с ревом направляясь к югу.

— Это только начало, — сказал Сол. — Конечно, нам нужны подробности, гораздо больше подробностей, но начало положено.

Несколько минут они сидели в тишине. Солнце спускалось к юго-западу, отбрасывая изощренные тени от акведука на песок дюн. Весь мир купался в красновато-золотистом сиянии.

— Этот город в двадцать втором году до нашей эры начал строить Ирод Великий — доносчик и прихлебатель — в честь Цезаря Августа. К шестому году нашей эры он стал административным центром с сияющими белизной театром, ипподромом и акведуком, — наконец промолвил Сол. — В течение десяти лет здесь был прокуратором Понтий Пилат.

— Ты уже рассказывал мне все это в прошлый раз, — напомнила Натали.

— Да, — кивнул Сол. — Смотри. — Он указал на дюны, наползающие на каменные арки. — Бóльшая часть всего этого была скрыта на протяжении последних пятнадцати столетий. Акведук, на котором мы сидим, раскопали лишь в начале шестидесятых годов.

Натали о чем-то напряженно думала, и ей было, видимо, не до исторических экскурсов.

— Так что же осталось от власти Цезаря? Чем кончились политические замыслы Ирода? Куда подевались страхи и предчувствия апостола Павла, сидевшего здесь в заключении? — Сол помолчал несколько секунд. — Все погибло, — ответил он сам себе. — Погибло и занесено прахом времен. Погибла власть, исчезли и погребены ее символы. Ничего не осталось, кроме камней и воспоминаний.

— О чем ты, Сол?

— Оберсту и этой Фуллер, должно быть, сейчас по меньшей мере семьдесят. На фотографии, которую мне показывал Арон, изображен мужчина лет шестидесяти. Как однажды сказал Роб Джентри, все они смертны. И со следующим полнолунием уже не восстанут из мертвых.

— Значит, ты предлагаешь, чтобы мы оставались здесь? Сидели у моря и ждали погоды? — Голос Натали задрожал от гнева. —

Мы будем прятаться, пока эти... эти монстры не перемрут от старости или не угробят друг друга?

— Здесь или в каком-нибудь другом безопасном месте, — ответил Сол. — Тебе же известна альтернатива — нам тоже придется лишать кого-то жизни.

Натали вскочила и прошлась взад-вперед по узкой каменной стене.

— Ты забываешь, Сол, что я уже убила одного человека. Я застрелила того ужасного парня Винсента, которого использовала старуха.

— К тому времени он уже не был человеком, — заметил Сол. — Вовсе не ты, а Мелани Фуллер лишила его жизни. Ты просто освободила его тело из-под ее контроля.

— И все-таки мы должны вернуться, — вздохнула Натали.

— Да, но... — начал Сол.

— Я не могу поверить, что ты всерьез готов отказаться от преследования, — перебила она. — Подумай о том риске, на который ради нас пошел Джек Коэн в Вашингтоне, используя свои компьютеры, чтобы получить все необходимые сведения? А долгие недели моих поисков в Торонто, во Франции, в Вене? А сотни часов, проведенных тобой в Яд-Вашеме?..

— Это было просто предложение. — Сол поднялся. — По крайней мере, совершенно не обязательно, чтобы мы оба...

— Ах вот в чем дело! — воскликнула Натали. — Ну так забудь об этом, Сол. Они убили моего отца, убили Роба, посмели прикоснуться ко мне своими грязными мыслями. И пусть нас только двое, и я еще не знаю, что мы можем сделать, но я возвращаюсь в Америку. С тобой или без тебя, Сол.

— Со мной. — Он протянул Натали ее сумку. — Мне просто нужно было убедиться.

— Лично я ни в чем не сомневаюсь, — сказала она. — Расскажи мне о той информации, которую ты получил от Коэна.

— Потом, после обеда. — Он взял ее под руку, и они двинулись обратно. Их тени сливались и изгибались в высоких волнах набегающего песка.

Сол приготовил восхитительный обед: салат из свежих фруктов, домашний хлеб, который он называл «багель» (и совсем не похожий на привычные бейглы), запеченная в восточном стиле баранина и сладкий турецкий кофе на десерт. Когда они вернулись

в его комнату, чтобы поработать, уже стемнело, и им пришлось включить свет.

Длинный стол был завален папками, горами переснятых документов, фотографиями концлагерных доходяг, безучастно взирающих в объектив. Повсюду валялись сотни желтоватых листков, исписанных убористым почерком Сола, а на стенах висели списки имен, дат и карты расположения концлагерей. Натали заметила старую фотокопию, на которой был изображен молодой полковник с несколькими офицерами СС, — все они улыбались со старой газетной вырезки. Рядом — цветной снимок Мелани Фуллер, где она стояла с Торном во дворе своего чарлстонского дома.

Они уселись в большие удобные кресла, и Сол достал толстую папку.

— Джек считает, что им удалось обнаружить местонахождение Мелани Фуллер, — начал он.

Натали резко выпрямилась:

— Где она?

— В Чарлстоне. Снова в своем старом доме.

Натали медленно покачала головой:

— Это невозможно. Она не настолько глупа, чтобы вернуться туда.

Сол открыл папку и взглянул на текст, отпечатанный на бланках израильского посольства:

— Дом Фуллер был закрыт в ожидании окончательного юридического решения о статусе владелицы. Суд не мог сразу объявить ее умершей, а чтобы продать дом, потребовалось еще больше времени. Похоже, родственников у нее не осталось. Тем временем объявился некий Говард Варден, заявивший, что является внучатым племянником Мелани Фуллер. Он предоставил письма и документы, включая последнее завещание, датированное восьмым января семьдесят восьмого года, по которому дом и все его содержимое перешли к нему именно с этого числа, а не в случае смерти владелицы. Варден пояснил, что пожилую даму тревожило ее ухудшающееся самочувствие и наступление старческого маразма. Он якобы не сомневался в том, что это чистая формальность и что его двоюродная бабушка спокойно доживет свои дни в этом доме, но в связи с ее исчезновением считает необходимым поддерживать хозяйство. В настоящий момент он поселился там со своей семьей.

— Может, это действительно дальний родственник? — спросила Натали.

— Непохоже. Джеку удалось собрать кое-какие сведения о Вардене. Он вырос в штате Огайо, а четырнадцать лет назад переехал в Филадельфию. Последние четыре года работал помощником старшего лесничего в городском парке и три из них жил в парке Фермонт...

— Парк Фермонт! — воскликнула Натали. — Это как раз неподалеку от того места, где исчезла Мелани Фуллер.

— Вот именно, — подтвердил Сол. — Вардену сейчас тридцать семь лет, он женат, имеет троих детей — двух девочек и мальчика. По сведениям чарлстонской полиции, его жена полностью соответствует описанию, но ребенок при них почему-то всего один... пятилетний мальчик по имени Джастин.

— Но... — начала было Натали.

— Постой, это еще не все, — перебил Сол. — Дом Ходжесов по соседству был продан в марте. Его приобрел некий врач по имени Стивен Хартман, с ним живут жена и двадцатитрехлетняя дочь.

— Ну и что? Я вполне могу понять, почему миссис Ходжес не захотела возвращаться в этот дом.

— Да, — согласился Сол, поправив очки, — но похоже, что доктор Хартман тоже из Филадельфии... Преуспевающий нейрохирург, который внезапно прекращает свою практику, женится и в марте покидает город. Именно тогда же, когда Говард Варден со своим семейством ощутили потребность перебраться на юг. Новая жена доктора Хартмана, третья по счету, некая Сюзанна Олдсмит — бывшая старшая сестра отделения интенсивной терапии в филадельфийской больнице общего профиля. Его друзья крайне изумлены этим браком.

— А что необычного в том, что врач женится на медицинской сестре? — удивилась Натали.

— Ничего, конечно. Но согласно справкам, которые навел Джек Коэн, до того момента, как доктор Хартман и сестра Олдсмит уволились и вступили в брак, все считали их отношения сугубо профессиональными. Более того, ни у одного из счастливых новобрачных не было двадцатитрехлетней дочери.

— Тогда кто же?..

— Юная особа, известная в Чарлстоне под именем Констанции Хартман, очень сильно напоминает некую Конни Сьюэлл — медсестру из отделения интенсивной терапии, которая уволилась на той же неделе, что и сестра Олдсмит. Джеку не удалось получить более точных сведений, но мисс Сьюэлл бросила свою квартиру и друзей, не сообщив им, куда направляется.

Натали принялась мерить нервными шагами маленькую комнату, не обращая внимания на шипение лампы и мечущиеся по стенам тени.

— Значит, похоже, что во время этого безумия в Филадельфии Мелани Фуллер была ранена или получила травму. Газеты писали о том, что в реке Скулкилл была найдена машина с трупом возле того места, где потерпел крушение вертолет ФБР. Но тело принадлежало не Мелани. Я знала, что она жива. Я чувствовала это. Выходит, она была лишь ранена и заставила этого лесничего доставить ее в местную больницу. А Коэн проверил больничные записи?

— Конечно. — Сол кивнул. — Он выяснил, что перед ним там побывал кто-то из ФБР или под видом агента ФБР. Никаких упоминаний о Мелани Фуллер нет. Масса старух, но ни одна из них не подходит под ее описание.

— Это не имеет значения, — сказала Натали. — Старая ведьма каким-то образом замела следы. Нам ведь известно, что она умеет это делать. — Натали вздрогнула и потерла руки. — Значит, когда наступило время выздоровления, у Мелани Фуллер уже была готова группа обработанных зомби, которые и отвезли ее обратно домой в Чарлстон. Постой-ка, я догадываюсь... мистер и миссис Варден привезли с собой больную бабушку?

— Да, вроде бы мать миссис Варден, — с легкой улыбкой ответил Сол. — Соседи ни разу ее не видели, но кто-то рассказал Джеку, как в дом вносили больничное оборудование. Это тем более странно, ибо, по сведениям, полученным из Филадельфии, мать Нэнси Варден скончалась еще в шестьдесят девятом году.

Натали снова заметалась по комнате.

— А доктор, как его?..

— Хартман.

— Да... Он с сестрой Олдсмит находится в доме Ходжесов, чтобы оказывать Фуллер медицинскую помощь по первому разряду. — Натали замерла с широко раскрытыми глазами. — Но, господи, Сол, это же очень рискованно! Что, если власти... — Она замолчала.

— Какие власти? — усмехнулся Сол. — Чарлстонская полиция никогда не заподозрит, что больная мать миссис Варден и исчезнувшая Мелани Фуллер — одно и то же лицо. Это мог заподозрить шериф Джентри, у Роба была потрясающая интуиция... Но он мертв.

Натали бросила на него быстрый взгляд и глубоко вздохнула.

— А что насчет группы Барента? — поинтересовалась она. — Этих... из ФБР и всех остальных?

— Возможно, они объявили перемирие. — Сол пожал плечами. — Вероятно, мистер Барент и его дружки, оставшиеся в живых, не хотят больше подвергаться такому же пристальному вниманию общественности, как в декабре. Натали, представь, если бы ты была Мелани Фуллер и бежала от таких же порождений мрака, не желающих афишировать свои кровавые деяния, куда бы ты направилась?

Натали секунду подумала, затем произнесла:

— В дом, который и без того уже стал центром всеобщего внимания из-за целой череды необъяснимых убийств. Невероятно!

— Да, — согласился Сол. — Невероятно, но именно эта невероятность и стала для нас удачей. Джек Коэн сделал все, что мог, при этом не навлекая на себя гнев начальства. Я отправил ему закодированное послание с благодарностью и просьбой продолжать расследование. Он будет ждать известий от нас.

— О, если бы только остальные могли нам поверить! — воскликнула Натали.

Сол покачал головой:

— Даже Джек Коэн верит лишь в часть этой истории. Единственное, в чем он не сомневается, так это в том, что кто-то убил Арона Эшколя и всю его семью и что я говорил правду, когда утверждал, что в гибели моего племянника, его жены и детей каким-то непонятным ему образом замешаны оберст и агенты ФБР.

Натали как подкошенная рухнула на стул. Лицо ее побледнело.

— О господи, Сол, а что же случилось с дочерьми Вардена? С теми двумя девочками, о которых сообщал Джек Коэн?

— Этого Джеку выяснить не удалось. — Сол захлопнул папку. — Никаких признаков траура, никаких сообщений о смерти ни в Филадельфии, ни в Чарлстоне. Возможно, их отослали к близким родственникам, но у Джека нет способа выяснить это, не засвечиваясь. Если они все обслуживают Мелани Фуллер, то вполне возможно, что старуха устала от такого количества детей и устранила двоих из них.

У Натали даже губы затряслись от ярости.

— Эта тварь должна умереть, — прошептала она.

— Да, — согласился Сол. — Я уверен, что мы выяснили ее местонахождение.

— Наверняка, хотя сама мысль о том, что у нее до сих пор развязаны руки...

— Мы их остановим, — заверил ее Сол, — всех. Но для этого мы должны действовать по плану. Роб Джентри погиб по моей ви-

не. По моей вине погиб Арон и его семья. Я считал, что, если мы незаметно приблизимся к этим людям, нам не будет грозить опасность. Но Джентри был прав, называя это ловлей ядовитых змей с закрытыми глазами. — Он подвинул к себе другую папку и провел по ней пальцами. — Если мы возвращаемся в эту трясину, Натали, мы должны стать охотниками и не дожидаться безучастно, когда эти чудовища первыми нанесут удар.

— Ты ее не видел, — прошептала Натали. — Она... она не человек. А главное — я упустила возможность, Сол. Она отвлеклась, и в течение нескольких секунд я держала в руках заряженный револьвер, но выстрелила не в того, в кого нужно. Роба убил не Винсент, а она. Я просто сразу не сообразила.

Сол крепко сжал ее руку повыше локтя:

— Не нужно, Натали. В этом гнезде Мелани Фуллер — лишь одна из гадюк. Даже если бы ты ее уничтожила, остальные остались бы невредимыми. И их количество не изменилось бы, если считать, что Чарльза Колбена убила именно Фуллер.

— Но если бы я...

— Хватит, — решительно оборвал ее Сол, ласково потрепав по волосам. — Ты очень устала, Натали. Завтра, если захочешь, я возьму тебя с собой в Лохамей-ха-Гетаот.

— Да, — согласилась она, — я бы хотела поехать. — И чуть склонила голову, когда Сол поцеловал ее в макушку.

Несколько позже, когда Натали уже легла, Сол раскрыл тонкую папку, на которой было написано «Тони Хэрод», и в течение некоторого времени изучал досье. Затем он отложил в сторону и ее. Открыв дверь, Сол прислонился к косяку, глубоко вдыхая дивный ночной воздух. Высоко в небе плыла луна, заливая серебром склоны холмов и отдаленные дюны. Дом Давида Эшколя покоился во мраке на вершине холма. С запада долетал аромат апельсинов, слышался тихий шепот далекого моря.

Постояв несколько минут, Сол закрыл дверь, задвинул засовы, проверил окна и вернулся в свою комнату. Затем взял первую папку, которую ему прислал Визенталь. Поверх стопки обычных формуляров, заполненных четкими стенографическими значками вермахта, была прикреплена фотография еврейской девушки лет восемнадцати, со впалыми щеками, черными, повязанными шарфом волосами и огромными темными глазами. Несколько минут он смотрел на фотографию, гадая, о чем думала эта девушка, когда глядела в объектив нацистской камеры. Как и где умерла она, кто

ее оплакал? Сможет ли он найти в ее досье ответы на эти вопросы? По меньшей мере ему нужны были скупые факты: когда ее арестовали за величайшее преступление против арийцев — ведь она еврейка, когда была переведена в лагерь, как закончилась ее короткая юная жизнь, а с нею все надежды, мечты, симпатии... Неужто так и рассеялись, как горстка пепла на холодном ветру?

Сол вздохнул и приступил к чтению.

На следующий день они встали рано, и Сол приготовил один из тех обильных завтраков, которые, по его словам, являлись традиционными для Израиля. Солнце едва поднялось над холмами, когда они забросили на заднее сиденье почтенного «лендровера» рюкзак и направились по прибрежному шоссе к северу. Минут через сорок показался порт Хайфы. Город раскинулся у подножия горы Кармель.

— «Голова твоя на тебе, как Кармель, и волосы на голове твоей, как пурпур», — процитировал Сол, перекрывая шум ветра.

— Красиво, — откликнулась Натали. — Песнь Соломона?

— Песнь песней, — поправил Сол.

Ближе к северному берегу залива начали попадаться указатели с названием Акко в двух вариантах перевода — «Поместье» и «Поместье святого Иоанна». Натали посмотрела на запад, на обнесенный белыми стенами город, купавшийся в щедром утреннем свете. День снова обещал быть жарким.

Из Акко вела узкая дорога к кибуцу, где сонный охранник, взмахнув рукой, подал Солу знак проезжать. Они миновали зеленеющие поля, комплекс зданий кибуца и остановились у большого блочного дома с вывеской на иврите и английском: «Лохамей-ха-Гетаот — гетто Музей борцов», ниже были указаны часы работы. Навстречу им вышел невысокий мужчина, на его правой руке не хватало трех пальцев. Он вступил с Ласки в оживленную беседу на иврите. Сол протянул ему несколько монет, и тот двинулся вперед, указывая им дорогу, улыбаясь и повторяя Натали «шалом».

Они вошли в центральный зал и двинулись мимо застекленных витрин с журналами, рукописями и другими реликвиями обреченного на гибель восстания варшавского гетто. Висевшие на стенах фотографии безмолвно и наглядно повествовали о жизни в гетто и тех нацистских зверствах, которые уничтожили эту жизнь.

— Это не похоже на Яд-Вашем, — заметила Натали. — Здесь нет такого гнетущего ощущения. Может, из-за того, что здесь потолки выше.

Сол пододвинул низкую скамейку и уселся на нее, скрестив ноги. Слева от себя он положил целую кипу папок, а справа — стробоскоп на батарейках.

— Лохамей-ха-Гетаот скорее посвящен идее сопротивления, чем воспоминаниям о геноциде, — ответил он.

Натали остановилась перед снимком с изображением большого семейства, выгружающегося из теплушки, — их пожитки были свалены на земле рядом. Она резко повернулась к Солу:

— Ты можешь загипнотизировать меня?

Он поправил очки.

— Могу. Но это займет много времени. А зачем?

Натали пожала плечами:

— Мне хочется узнать, какие ощущения у загипнотизированного... Ведь это не составит для тебя никакого труда.

— Многолетняя практика, — откликнулся Сол. — В течение многих лет я использовал нечто вроде самогипноза, чтобы справляться с мигренями.

Натали взяла папку и, открыв ее, взглянула на фотографию молодой женщины:

— Неужели ты действительно сможешь вместить все это в свое подсознание?

— Существуют разные уровни подсознания. — Он потер щеку. — На одних я просто пытаюсь восстановить уже имеющиеся воспоминания... так сказать, разблокировать память. А с другой стороны, я пытаюсь настолько раскрепоститься, чтобы ощутить происшедшее с людьми, которые имели подобный опыт.

Натали оглянулась:

— И это помогает?

— Да. Особенно если впитываешь, пропускаешь через себя биографические сведения.

— Сколько у тебя времени на это?

Сол посмотрел на часы:

— Около двух часов, но Шмулик обещал не впускать сюда туристов, пока я не закончу.

Натали поправила тяжелую сумку на плече:

— Я немного погуляю, а потом начну усваивать и запоминать все венские сведения.

— Хорошо, — кивнул Сол.

Оставшись один, он внимательно прочитал все, что хранилось в первых трех папках. Затем отвернулся в сторону, включил маленький стробоскоп и установил таймер. Метроном начал отсту-

кивать ритм в унисон со вспышками мигающего света. Сол полностью расслабился, стер из своего сознания все, за исключением ощущения пульсирующего света, и словно поплыл по волнам другой исторической эпохи и других географических мест.

Сквозь дым, пламя и завесу времени на него взирали со стен бледные изможденные лица.

Выйдя из здания, Натали стала наблюдать за молодыми обитателями кибуца, занимавшимися своими делами. Вдали виднелся грузовик, направлявшийся в поля с последней партией рабочих. Сол рассказывал ей, что этот кибуц был основан людьми, выжившими в варшавском гетто и польских концлагерях, но взгляд Натали в основном задерживался на молодых лицах тех, кто родился уже здесь, в Израиле. Худые, загорелые, внешне они ничем не отличались от арабов.

Она медленно добрела до края поля и устроилась в тени единственного эвкалипта, неподалеку от высокого оросителя, который выплевывал на посевы струи воды с такой же завораживающей периодичностью, как метроном Сола. Натали достала из сумки бутылку пива и открыла ее своим новым армейским ножом. Пиво уже успело нагреться, но было вкусным, его аромат прекрасно гармонировал с жарким не по сезону днем, запахами влажной земли и растений.

При мысли о возвращении в Америку сердце ее учащенно забилось. Господи, ну и ужас! В памяти остались лишь обрывки: вспышки пламени, темнота, прожекторы, вой сирен — словно воспоминания о кошмарном сне. Она помнила, как проклинала Сола, колотила его кулаками за то, что тот оставил тело Роба в Ропщущей Обители. Помнила, как Сол нес ее на руках в кромешной тьме, а также нестерпимую боль в голеностопе, от которой сознание то покидало ее, то вновь возвращалось, будто пловец, ныряющий в волнах штормового моря. Некто Джексон бежал рядом, волоча на плече безжизненное тело Марвина Гейла. Позднее Сол сказал ей, что главарь был еще жив, хотя и находился без сознания.

Еще Натали помнила, как лежала на скамейке в парке, а Сол звонил куда-то из таксофона... Затем наступил серый промозглый рассвет, и она очнулась на заднем сиденье фургона в окружении незнакомых людей, а Сол впереди разговаривал с каким-то человеком, который и был Джеком Коэном, шефом ячейки Моссада в израильском посольстве.

События последующих двух суток Натали тоже помнила урывками. Номер в мотеле, обезболивающие уколы, врач, перебинтовывающий ее поврежденную ногу. Перед глазами у нее стояла одна и та же картина: неподвижное тело Роба на полу, красно-серая кашица мозгов Винсента на стене и безумные глаза старухи, заглядывающей ей в душу: «До свидания, Нина. Мы еще встретимся». Натали просыпалась по ночам от собственных криков и билась в истерике.

Сол признался ей, что никогда в жизни не тратил столько сил, как на тот разговор с Джеком Коэном, длившийся двое суток подряд. Бывалый седовласый агент не смог бы воспринять всю правду, однако при помощи обмана ему следовало внушить хотя бы часть правды. Наконец израильтяне вынуждены были поверить, что и Сол, и Натали, и Арон Эшколь, и исчезнувший шеф шифровального отдела Леви Коул — все они были втянуты в смертельно опасную широкомасштабную игру, которую вели высшие должностные лица в Вашингтоне и ФБР с бывшим нацистским преступником. Коэну не удалось получить почти никакой поддержки от своего посольства или начальства в Тель-Авиве, однако на рассвете в воскресенье четвертого января фургон с Солом, Натали и двумя израильскими агентами, урожденными американцами, пересек границу с Канадой. Через пять часов они вылетели из Торонто в Тель-Авив с новыми документами.

О последующих двух неделях своего пребывания в Израиле Натали почти ничего не помнила. На второй день с ее сломанной ногой стало твориться что-то невообразимое, боль была адской, резко подскочила температура, и ее почти без сознания отвезли на частном самолете в Иерусалим, где Солу, благодаря его старым медицинским связям, удалось поместить ее в платную палату медицинского центра Хадасса. На той же неделе прооперировали и руку Сола. Натали пробыла в клинике пять дней, в последние три из которых каждое утро и вечер с помощью костылей добиралась до синагоги и рассматривала витражи, выполненные Марком Шагалом. Она пребывала в каком-то ступоре, словно весь ее организм получил мощную дозу новокаина. Но каждую ночь, закрывая глаза, она видела перед собой лицо Роба Джентри, его победный взгляд за миг до того, как оборвалась его жизнь...

Натали допила пиво и убрала пустую бутылку в сумку, испытывая легкое чувство вины оттого, что пьет так рано, когда все работают. Затем она достала первую стопку документов: фотокопии,

сведения о Вене двадцатых—тридцатых годов, полицейские отчеты, переведенные помощниками Визенталя, тонкое досье Нины Дрейтон, перепечатанное покойным Фрэнсисом Харрингтоном, — и со вздохом принялась за работу.

После полудня Сол и Натали отправились в Хайфу пообедать, прежде чем все заведения закроются в связи с наступлением субботы. Они купили фалафели у уличного торговца и, жуя на ходу, двинулись по направлению к оживленному порту. За ними увязались несколько дельцов черного рынка, пытавшихся всучить им зубную пасту, джинсы и «ролексы», но Сол что-то резко сказал им, и они отстали. Облокотившись на парапет, Натали наблюдала за отчалившим от причала грузовым судном.

— Когда мы поедем в Америку, Сол? — спросила она.

— Я буду готов через три недели. Может, раньше. А когда ты будешь готова?

— Никогда, — ответила Натали.

Он усмехнулся:

— Хорошо, значит, когда ты захочешь вернуться?

— В любой момент... На самом деле чем раньше, тем лучше. — Она шумно выдохнула. — Господи, у меня снова начинаются спазмы, едва подумаю, что надо возвращаться.

— Да, — согласился Сол. — Со мной происходит то же самое. Давай еще раз переберем имеющиеся у нас факты и догадки и проверим, нет ли в нашем плане уязвимых мест.

— Самое уязвимое место — это я, — тихо промолвила Натали.

— Нет. — Сол прищурился, глядя на плещущуюся внизу пенистую воду. — Итак, мы допускаем, что сведения Арона соответствуют действительности и что главный штаб игроков составляют по меньшей мере пять человек: Барент, Траск, Колбен, Кеплер и проповедник по имени Саттер. Я собственными глазами видел, как Траск погиб от руки оберста. Мы полагаем, что Колбен разбился вместе с вертолетом в результате действий Мелани Фуллер. Следовательно, из этой группы остались трое.

— Четверо, если считать Хэрода, — поправила Натали.

— Да, — согласился Сол, — нам известно, что он действовал заодно с людьми Колбена. Значит, четверо. Может быть, еще агент Хейнс, но я думаю, что он скорее орудие в их руках, нежели активный игрок. Вопрос в том, зачем оберст устранил Траска.

— Месть? — предположила Натали.

— Возможно, но у меня сложилось впечатление, что между ними идет какая-то дьявольская игра. Давай предположим, что вся операция в Филадельфии была направлена не столько против Фуллер, сколько против фон Борхерта... Бордена. И Барент сохранил мне жизнь лишь потому, что мог использовать меня в качестве еще одного оружия против оберста. Но почему оберст сохранил жизнь мне... и зачем ему понадобилось включать в эту игру тебя и Роба?

— Чтобы спутать карты? Нечто вроде развлечения.

— Может быть, — согласился Сол, — но давай вернемся к предположению, что он косвенно использовал нас как орудие для каких-то своих целей. Нет никакого сомнения в том, что Дженсен Лугар был помощником Уильяма Бордена в Голливуде. Джек Коэн подтвердил сведения, полученные Харрингтоном. В самолете Лугар тебе представился. Это могло быть сделано сознательно: оберст ставил нас в известность, что манипулирует нами обоими. Затем он прилагает массу усилий, чтобы убедить Барента и Колбена в том, что я погиб во время взрыва и пожара в Филадельфии. Зачем?

— Он собирается использовать тебя в дальнейшем, — сказала Натали.

— Вот именно. Но почему он не использует каждого из нас непосредственно?

— Возможно, это для него слишком сложно, — предположила она. — Похоже, что для этих вампиров существенную роль играет расстояние. Может, его вообще не было в Филадельфии...

— И действовали лишь его обработанные пешки, — договорил Сол. — Лугар, бедный Фрэнсис и белый помощник Том Рейнольдс. Ведь именно Рейнольдс напал на тебя у дома Фуллер в рождественскую ночь.

У Натали перехватило дыхание. Такое она слышала впервые.

— Откуда ты знаешь?

Сол снял очки и протер их полой рубашки.

— А тогда какой смысл был в этом нападении, кроме того, чтобы навести вас с Робом на правильный след? Оберст хотел, чтобы вы оба были в Филадельфии, когда разыграются финальные сцены с людьми Колбена.

— Не понимаю. — Натали покачала головой. — А в какой момент появляется Мелани Фуллер?

— Давай будем полагать, что Фуллер не сотрудничает ни с Вилли Борденом, ни с его противниками, — предложил Сол. — Скажи, сложилось ли у тебя впечатление, что ей известно о существовании этих группировок?

— Нет, — ответила Натали. — Она упоминала только Нину... Вероятно, Нину Дрейтон.

— Да. И если следовать логике Роба — а я не вижу причин от нее отказываться, — Нину Дрейтон в Чарлстоне убила именно Мелани Фуллер. С чего бы ей считать, что ты являешься посланницей мертвеца, Натали?

— Потому что она сумасшедшая! — воскликнула девушка. — Ты бы видел ее, Сол. У нее взгляд безумного, больного человека, маньяка.

— Будем считать, что так оно и есть, — согласился он. — И хотя, возможно, Мелани Фуллер является самой опасной из всех, ее безумие может сыграть нам на руку. А что же наш мистер Хэрод?

— Я бы задушила его собственными руками! — вырвалось у Натали, когда она вспомнила о бесцеремонном вторжении в ее сознание.

Сол кивнул и надел очки:

— Но контроль Хэрода над тобой был прерван, так же как оберста надо мной сорок лет назад, а в результате мы оба помним о своих переживаниях и об их... как бы это сказать... мыслях?

— Не совсем, — поправила Натали. — Скорее, чувствах. Об их личности.

— Да, — согласился он. — Но как бы это ни выражалось, у тебя создалось отчетливое впечатление, что Тони Хэрод не склонен пользоваться своей Способностью по отношению к лицам мужского пола?

— Я в этом не сомневаюсь, — ответила Натали. — Его отношение к женщинам грязное и порочное, однако я почувствовала, что... насиловать таким образом он может только женщин. Мне даже показалось, он видел во мне... как бы свою мать, с которой хотел вступить в половую связь, чтобы что-то ей доказать...

— Очень удобная фрейдистская позиция, — усмехнулся Сол. — Значит, будем полагать, что Хэрод может влиять только на женщин. Если это так, то у наших врагов имеются по крайней мере два слабых места: обладающая невероятными способностями женщина, выжившая из ума и не принадлежащая к той группе власть имущих, и мужчина, который, может быть, и входит в эту группу, но не хочет или не может использовать свою Способность с мужчинами.

— Хорошо, — сказала Натали. — Предположим, что это так. И что это нам дает?

— У нас остается тот же план, который мы впервые обсуждали в феврале, — ответил Сол.

— И который, возможно, приведет нас к гибели, — вздохнув, добавила Натали.

— Да. Но если нам предстоит жить в трясине с этими ядовитыми существами, что ты предпочтешь: всю оставшуюся жизнь бояться их и ждать нападения или, рискуя собственной жизнью, начать охоту?

Натали рассмеялась:

— Отличный выбор, Сол.

— Пока ничего другого не остается.

— Ну что ж, тогда давай вооружимся мешком и займемся отловом змей. — Натали посмотрела на золотой купол Бахаистского храма, сверкавший на горе Кармель, и снова перевела взгляд на исчезающее вдали грузовое судно. — Знаешь, — доверительно сказала она, — наверное, это глупость, но мне почему-то кажется, что Робу понравился бы наш план. Даже если все это безумие обречено на провал, он бы сумел увидеть в нем привлекательную сторону.

Сол дружески похлопал ее по плечу:

— Тогда давай продолжим составлять наши безумные планы и не станем разочаровывать Роба.

Они вместе двинулись по направлению к дороге на Яффу, где их ожидал «лендровер».

Глава 38

МЕЛАНИ

Как приятно снова оказаться дома!

Я так устала от больничной атмосферы, даже несмотря на то, что у меня была отдельная палата в отдельном крыле, специально отгороженном для моего удобства, и весь персонал занимался исключительно моим обслуживанием. Но, как говорится, дома и стены помогают, и процесс выздоровления идет с удвоенной скоростью.

Много лет назад я читала о так называемых внетелесных переживаниях, которые якобы испытывают умирающие или безнадежно больные люди в состоянии клинической смерти. Я никогда не

верила этим домыслам, считая их глупой журналистской погоней за сенсациями, столь распространенной в наше время. Но когда в больнице ко мне вернулось сознание, я испытала именно эти чувства. Какое-то время мне даже казалось, будто я парю под потолком своей палаты, ничего не видя, но все ощущая. Я наблюдала как бы со стороны чужое, старое, скрюченное тело на кровати с подключенными к нему датчиками и катетерами, суету и беготню сестер и врачей, стремящихся поддержать жизнь в этом чужеродном организме. А когда я наконец вернулась в мир красок и звуков, я поняла, что воспринимаю его глазами и ушами всех этих людей. И как их оказалось много! Насколько я знаю, ни мне, ни Вилли, ни Нине никогда не удавалось Использовать более одного человека, чтобы получать такой поток разнообразных ощущений. Даже Использование двух незнакомцев, попеременно переключаясь с одного на другого, не позволяло ощутить мир с такой пронзительностью, с какой ощущала его я. Кроме того, наше Использование всегда осознавалось другими людьми, что приводило либо к уничтожению их личности, либо к провалам в памяти. Теперь же я взирала на мир по меньшей мере с шести разных точек и абсолютно точно знала, что никто не догадывается о моем присутствии в своем сознании.

Но могла ли я на самом деле Использовать их? Я начала осторожно экспериментировать, то заставляя сестру без всякой необходимости взять стакан, то помогая ординатору закрыть дверь, то вынуждая врача говорить нечто иное, о чем он и не думал. Я не стала внедряться в них глубоко, чтобы не помешать их профессиональной деятельности. И ни один из них ни разу не ощутил в своем сознании моего присутствия.

Шли дни. Я выяснила, что, пока мое тело пребывало в коме и жизнь в нем поддерживалась лишь благодаря повышенному уходу и непрекращающейся работе аппаратов, в действительности я могла перемещаться в пространстве и заниматься его исследованием с неведомой мне доселе легкостью. Я выходила из палаты, укрывшись в сознании молодой сестры, ощущая ее энергию и бодрость, вкус ее ментоловой жвачки, а в конце коридора я выпускала еще одно щупальце сознания, не теряя при этом контакта с сестрой, и оказывалась в лифте вместе с врачом. Я заводила его «линкольн» и уносилась на шесть миль к дому в пригороде, где его ждала жена... И все это время я продолжала пребывать с медсестрой, с сиделкой в коридоре, интерном-рентгенологом, работавшим эта-

жом ниже, и вторым врачом, который в данный момент стоял и взирал на мое коматозное тело. Расстояние перестало быть преградой для моей Способности. Много лет нас с Ниной поражало умение Вилли Использовать своих пешек на гораздо большем расстоянии, чем это удавалось нам, но теперь я обрела поистине неограниченные возможности.

И силы мои все возрастали.

На второй день, когда я испытывала свои новые ощущения и возможности, ко мне в палату явились члены моей «семьи». Я не узнала высокого рыжего мужчину и его худую жену-блондинку, но затем я переместилась в приемный покой и взглянула глазами регистраторши на троих детей. Я тут же вспомнила, как встретила их в парке.

Рыжий мужчина, похоже, был встревожен моим видом. Я лежала в отделении интенсивной терапии в переплетении трубок для внутривенных вливаний и сенсорных датчиков. Врач с листком бумаги, который сестра называла картой, отвел мужчину за прозрачную перегородку.

— Вы родственник? — поинтересовался он. Это был спокойный педантичный человек с целой гривой седых волос. Звали его доктор Хартман, и мне передавались то удовольствие, настороженность и уважение, которые испытывали сестры в его присутствии.

— Нет, — ответил рыжий великан. — Меня зовут Говард Варден. Мы нашли ее... то есть мои дети... вчера утром, когда она бродила у нас в парке, близ дома. А потом она потеряла сознание...

— Да-да, — откликнулся доктор Хартман, — я читал записанные с ваших слов сведения. Вы не имеете ни малейшего представления, кто она такая?

— Нет, на ней были только ночная рубашка и халат. Мои дети сказали, что она вышла из леса, когда они...

— А какие-нибудь другие идеи, откуда она могла взяться?

Варден пожал плечами:

— Я не стал звонить в полицию. Наверное, надо было это сделать. Мы с Нэнси прождали в приемном покое несколько часов, а когда стало ясно, что эта пожилая леди не собирается... я хочу сказать, что состояние ее стабильно... мы вернулись домой. Это был мой выходной день. Я собирался позвонить в полицию сегодня утром, но сначала решил узнать, как она...

— Полицию мы уже известили, — солгал доктор Хартман. (Тут я Использовала его впервые. Это оказалось не сложнее, чем накинуть старое любимое пальто.) — Они приезжали и составили рапорт. Похоже, там тоже не знают, откуда взялась миссис Как-Там-Ее. Никто не сообщал о пропавших родственниках.

— Миссис Как-Там-Ее? — переспросил Говард Варден. — Ну, хорошо. Для нас это такая же тайна, доктор. Мы живем на расстоянии двух миль от входа в парк, и, по словам детей, она появилась даже не со стороны входа. — Он снова посмотрел на мою кровать. — Как она, доктор? Вид у нее... жуткий.

— У нее произошел обширный удар, — ответил доктор Хартман. — Возможно, даже целая серия ударов. — Увидев непонимание на лице Говарда, он продолжил: — Мы называем это кровоизлиянием в мозг. Он временно перестал получать кислород. Насколько мы можем судить, кровоизлияние локализовано в правом полушарии мозга пациентки, что и привело к нарушению неврологических функций. Парализованной оказалась левая половина тела — запавшее веко, рука, нога, но в каком-то смысле это можно считать благоприятным признаком. Афазия — проблемы с речью — в основном вызывается кровоизлияниями в левом полушарии. Мы сделали ЭКГ и компьютерную томографию, и, честно говоря, результаты несколько обескураживающие. Если томография мозга подтвердила инсульт и возможную закупорку центральной нервной артерии, то ЭКГ абсолютно не соответствует тому, чего можно ожидать при обстоятельствах подобного рода...

Я потеряла интерес к этой сугубо медицинской терминологии и сосредоточила свое внимание на регистраторше среднего возраста, которая сидела в вестибюле. Я велела ей встать и подойти к детям.

— Привет, — заставила я ее сказать. — Я знаю, кого вы пришли навестить.

— Нас не пропускают, — ответила шестилетняя девочка, которая на рассвете пела мне «Хей, Джуд». — Мы слишком маленькие.

— Но я знаю, кого бы вы хотели повидать, — продолжила женщина с улыбкой.

— Я хочу увидеть добрую тетю, — сказал мальчик. В глазах его стояли слезы.

— А я не хочу, — с вызовом заявила старшая девочка.

— И я не хочу, — подхватила ее шестилетняя сестра.

— Почему? — спросила регистраторша моим голосом. Мне было очень обидно.

— Потому что она странная, — ответила старшая девочка. — Мне показалось, что она мне нравится, а когда я вчера дотронулась до ее руки, она была странной.

— Что значит «странной»? — спросила я.

На носу у женщины были очки с толстыми стеклами, поэтому изображение получалось искаженным. Я надевала очки только для чтения.

— Странной, — повторила девочка. — Неправильной. У нее кожа жесткая и скользкая, как у змеи. Я отпустила ее руку еще до того, как ей стало плохо, но я сразу поняла, что она противная.

— Да-да, — поддакнула ее сестра.

— Замолчи, Эли, — оборвала старшая девочка. На лице ее было написано, что она сожалеет о том, что вступила в разговор.

— А мне хорошая тетя понравилась, — возразил мальчик. Похоже, он плакал перед визитом в больницу.

Регистраторша по моему приказу отозвала девочек к стойке.

— Идите сюда. У меня кое-что для вас есть. — Она порылась в ящике и достала две круглые мятные конфеты в обертках, а когда старшая из девочек протянула руку, женщина крепко схватила ее за запястье. — Сначала дай я предскажу тебе твое будущее, — прошептала она.

— Отпустите, — так же шепотом попросила девочка.

— Тебя зовут Тара Варден. А твою сестру Элисон. Обе вы живете в большом каменном доме на холме, который вы называете замком. Однажды ночью в вашу спальню войдет огромный зеленый человек с острыми желтыми зубами и разорвет вас на куски, а потом съест.

Девочки попятились, лица их побелели, глаза стали огромными, как блюдца, а челюсти отвисли от страха и изумления.

— А если вы расскажете об этом отцу или матери или кому-нибудь другому, — прошипела регистраторша им вслед, — то зеленый человек придет за вами уже сегодня ночью!

Девочки рухнули на стулья, глядя на женщину с таким ужасом, словно она была змеей. Через несколько минут в приемную вошла пожилая пара, и я позволила регистраторше снова вести себя вежливо и несколько чопорно.

Наверху доктор Хартман как раз заканчивал свои медицинские объяснения Говарду Вардену. В конце коридора старшая сестра Олдсмит проверяла назначения, особо обращая внимание на то, что прописали миссис Как-Там-Ее. В моей палате молодая сестра Сьюэлл осторожно обертывала меня холодными компрессами, чуть

ли не подобострастно массируя мне кожу. Я ощущала это очень слабо, но при мысли о том, что моей особе уделяется такое огромное внимание, настроение мое улучшилось. Приятно было вновь чувствовать себя в кругу семьи.

На третий день, а точнее, на третью ночь я отдыхала. В действительности я перестала спать, просто позволяя парить своему сознанию свободно, наугад перемещаясь от одного объекта к другому. И вдруг я ощутила физическое возбуждение, незнакомое мне уже много лет, — присутствие мужчины, прикосновение его рук, тяжесть его тела, прижимающегося ко мне. Сердце мое учащенно забилось, когда я почувствовала, как его язык проник в мой рот, а пальцы ласкают мою грудь и возятся с пуговицами форменного сестринского платья. Мои собственные руки скользнули вниз, к его ремню, расстегнули молнию на брюках и обхватили твердый член.

Это было отвратительно. Это было непристойно. Сестра Конни Сьюэлл в подсобном помещении развлекалась с каким-то интерном.

Но поскольку спать я все равно не могла, я позволила своему сознанию вернуться к сестре Сьюэлл, утешаясь мыслью, что не являюсь инициатором всего этого, а лишь принимаю пассивное участие в происходящем. Ночь прошла почти незаметно.

Не могу сказать, когда у меня зародилась мысль о том, чтобы вернуться домой. В течение первых нескольких недель, даже месяца, мое пребывание в больнице было неизбежным, но к середине февраля я начала все чаще и чаще задумываться о Чарлстоне и о родном доме. Оставаться в больнице дольше, не привлекая к себе внимания, становилось все труднее. Через три недели доктор Хартман перевел меня в просторную отдельную палату на седьмом этаже, и у большей части персонала сложилось впечатление, что я являюсь очень состоятельной пациенткой, требующей особого ухода. В общем-то, это соответствовало действительности.

Однако оставался администратор, доктор Маркхам, который продолжал интересоваться моим случаем. Он каждый день поднимался на седьмой этаж и старательно пытался что-нибудь разнюхать. Я была вынуждена заставить доктора Хартмана объясниться с ним. Старшая сестра Олдсмит также вступила с ним в переговоры. Наконец я пробралась в сознание этого ничтожества и применила собственные способы убеждения. Но Маркхам оказался на

редкость упорным. Дня через четыре он вернулся и вновь принялся допрашивать сестер: кто оплачивает дополнительный уход за безымянной пациенткой, откуда деньги на добавочные медикаменты, исследования, анализы, томографию и консультации специалистов? Мол, администрация не располагает никакими сведениями о поступлении дамы в больницу, нет компьютерных расчетов стоимости проведенных мероприятий, нет данных о том, как будет производиться оплата. Сестра Олдсмит и доктор Хартман согласились встретиться на следующее утро с нашим инквизитором, заведующим больницей, шефом отдела делопроизводства и еще какими-то тремя чиновниками.

В тот вечер я присоединилась к Маркхаму, когда он отправился домой. Автострада через реку Скулкилл была перегружена, и я вновь вспомнила о новогодних событиях. Перед поворотом на шоссе Рузвельта я заставила его прижаться к обочине, включить фары и выйти из машины. Пока Маркхам стоял у капота, почесывая лысину и гадая, что же случилось с машиной, все пять полос заполнились несущимися автомобилями, а как раз там, где остановился «крайслер», появился огромный грузовик.

Наш администратор сделал три больших скачка, я успела услышать рев автомобильного гудка, увидеть изумленное выражение на лице водителя приближавшегося грузовика, ощутить немыслимую беготню мыслей Маркхама, прежде чем удар откинул меня назад, к другим объектам. Я отыскала сестру Сьюэлл и разделила с ней нетерпеливое ожидание конца смены и прихода ее молодого интерна.

Время для меня не имело никакого значения. Я перелетала в прошлое с такой же легкостью, с какой перемещалась из сознания одного человека в другое. Особенно мне нравилось оживлять в памяти те летние месяцы, которые мы проводили в Европе с Ниной и нашим новым другом Вильгельмом.

Я вспоминала прохладные летние вечера, когда мы втроем гуляли по фешенебельной Рингштрассе, где все, кто хоть что-то представлял собою, щеголяли в своих самых лучших нарядах. Вилли любил ходить в кинотеатр «Колоссеум» на Нюссдорферштрассе, где неизменно демонстрировались скучные пропагандистские немецкие картины. Мы же с Ниной предпочитали «Крюгер-кино», где показывали новейшие американские ленты про гангстеров. Однажды вечером я хохотала до слез, глядя, как Джимми Кэгни изрыгает

потоки отвратительной австро-немецкой речи в первом увиденном мною дублированном звуковом фильме.

Затем мы шли выпить и посидеть в баре на Кертнерштрассе, общались там с другими компаниями молодых весельчаков, отдыхали в шикарных кожаных креслах и любовались игрой света, отражавшегося от полированных поверхностей красного дерева, стекла, хрома, позолоты и мраморных столиков. Иногда с соседней улицы сюда заходили шикарные проститутки со своими клиентами, и их присутствие добавляло чувственность и кураж в атмосферу вечера.

Несколько раз наши прогулки заканчивались походом в «Симпл» — самое роскошное кабаре Вены. Его полное название было «Симплициссимус», и я отчетливо помню, что там выступали два еврея — Карл Фракс и Фриц Грюнбаум. Даже позднее, когда коричневорубашечники и штурмовики потопили улицы Старого города в крови и беспорядках, у этих двух комиков еще оставались покровители, которые покатывались со смеху над их сатирическими скетчами. Странно, но объектами их пародий как раз являлись нацистские стереотипы. Вилли просто заходился от хохота так, что по его покрасневшему лицу текли слезы. Однажды он досмеялся до того, что чуть не задохнулся, и нам с Ниной пришлось колотить его по спине и поочередно предлагать ему свои бокалы с шампанским. Уже после войны он небрежно упомянул о том, что не то Фракс, не то Грюнбаум — не помню, кто именно, — погиб в одном из лагерей, которые находились в ведении Вилли перед тем, как его перевели на Восточный фронт.

Нина была очень красива. Светлые волосы, коротко подстриженные и завитые по последней моде, яркий маникюр, ухоженная кожа, роскошные шелковые платья, доставленные из Парижа по заказу... Особенно помню зеленое, с глубоким декольте — ткань плотно облегала ее маленькую грудь, подчеркивая изящность бледного румянца щек и странным образом оттеняя голубизну глаз.

Не помню, кто конкретно предложил сыграть в Игру в то первое лето, зато отчетливо помню наше возбуждение и азарт преследования. Мы по очереди стали Использовать разных пешек — наших знакомых, их друзей. То была ошибка, которую мы никогда больше не повторяли. На следующее лето мы играли уже более откровенно, сидя в номерах отеля на Йозефштадтерштрассе и Используя один и тот же объект — тупого рабочего с толстой шеей, который так и не был пойман и которого Вилли позднее ликвиди-

ровал. Присутствие втроем в одном и том же сознании и переживание одинаково острых ощущений создавали между нами такую близость, которая не возникла бы даже при самых смелых сексуальных экспериментах.

Одно лето мы провели в Бад-Ишле. Помню Нинину шутку о станции Атнанг-Пуххайм, где мы пересаживались с венского поезда. Когда это название повторялось с ускоряющимся ритмом, оно начинало напоминать стук колес поезда. Мы смеялись до изнеможения и, едва отдохнув, начинали смеяться снова под презрительные взгляды старой вдовы, сидевшей через проход от нас.

Именно в Бад-Ишле однажды днем я оказалась одна в кафе «Цаунер». С утра, по обыкновению, я пошла на урок по вокалу, но мой педагог заболел, и я вернулась в кафе, где меня обычно дожидались Вилли и Нина. Однако почему-то в тот раз их за столиком не оказалось.

Признаться, я была несколько удивлена, спрашивая себя, куда они вдруг могли отправиться и почему не подождали меня? Я вернулась в отель, где мы жили с Ниной. Открыв дверь номера, я уже почти дошла до гостиной, когда услышала какие-то звуки из спальни Нины. Сначала я подумала, что она плачет, и бросилась туда, чтобы оказать помощь.

Разумеется, в спальне были Нина и Вилли. Господи, как же наивна я была! Помню белизну Нининых бедер и ритмично движущийся торс Вилли в тусклом свете, льющемся из-за задернутых бордовых штор. Я простояла целую минуту в дверях, глядя на них, потом повернулась и тихо вышла из спальни. В течение всей этой ужасно долгой минуты лицо Вилли оставалось скрытым от меня Нининым плечом и краем подушки, зато Нина обратила на меня свой чистый взор почти сразу же, едва я вошла. Я убеждена в том, что она видела меня тогда, однако это ее не остановило. Она продолжала издавать страстные животные звуки, вырывавшиеся из ее полуоткрытых розовых губ идеальной формы...

К середине марта я решила, что пора покинуть и эту больницу, и проклятую Филадельфию и вернуться на свой благословенный юг домой, в Чарлстон.

Я заставила Говарда Вардена заняться приготовлениями к переезду. Однако из всех своих скудных сбережений он наскреб лишь две тысячи пятьсот долларов. Ему так и не удалось добиться в жизни чего-либо. Зато когда Нэнси закрыла текущий счет в банке, оставшийся после смерти ее матери, он составил довольно при-

личную сумму в сорок восемь тысяч. Вардены предполагали потратить эти деньги на обучение детей в колледжах, но больше их не должно было это волновать.

Доктору Хартману я приказала посетить замок. Говард и Нэнси спокойно сидели в своих комнатах, пока доктор делал уколы девочкам. Затем он позаботился о последствиях. На следующее утро Говард и Нэнси покормили пятилетнего Джастина и, благодаря моей обработке, не заметили ничего необычного, если не считать случайных вспышек прозрения, очень напоминающих те, что происходят во сне, когда вдруг понимаешь, что забыл одеться и сидишь голым в школе или каком-нибудь другом общественном месте.

Но потом и эти вспышки прошли. Нэнси и Говард прекрасно свыклись с тем, что у них всего один ребенок, и я была рада, вовремя решив не Использовать Говарда для столь необязательных действий. Проводить обработку всегда проще и результативнее, если она не сопровождается травмами и последующим раскаянием.

Бракосочетание доктора Хартмана и старшей сестры Олдсмит прошло незаметно и было зарегистрировано филадельфийским гражданским судом в присутствии сестры Сьюэлл, Говарда, Нэнси и Джастина. По-моему, они хорошо смотрелись вместе, хотя некоторые и утверждали, что у сестры Олдсмит грубое и невыразительное лицо.

Доктор Хартман тоже внес свою лепту в общий фонд переезда на новое местожительство. Ему потребовалось некоторое время, чтобы продать свои акции и ценные бумаги, а также избавиться от дурацкого нового «порше», которым он так гордился. Но после уплаты необходимой суммы в трастовые фонды для обеспечения двух его предыдущих жен он все же смог внести в наше предприятие сто восемьдесят пять тысяч долларов. Учитывая, что доктору Хартману предстояло уволиться, этого на ближайшее время должно было хватить.

Однако это по-прежнему не решало проблему ни с покупкой моего старого дома, ни с приобретением дома Ходжесов. Я более не собиралась позволять чужим людям жить рядом с собой. По своей глупости Вардены не додумались застраховать жизни детей. Говард оформил десятитысячный полис за страховку собственной жизни, но эта сумма была смешной по сравнению с ценами на недвижимость в Чарлстоне.

В конечном итоге проблема разрешилась благодаря восьмидесятидвухлетней матери доктора Хартмана, которая все еще пребы-

вала в добром здравии и проживала в Палм-Спрингс. Это случилось в первый день Великого поста, когда во время очередной операции доктор узнал о внезапной эмболии, происшедшей у его матери. В тот же день он вылетел на Западное побережье. Похороны состоялись в субботу седьмого марта, но некоторые юридические проволочки заставили Хартмана задержаться до одиннадцатого числа, и он вернулся домой только в среду. Общая сумма сбережений матери составила четыреста тысяч долларов. Мы переехали в Чарлстон неделей позже, в День святого Патрика.

Перед тем как покинуть север, нужно было позаботиться о нескольких мелочах. Я чувствовала себя уютно в своей новой семье с Говардом, Нэнси и маленьким Джастином, а также со своими будущими соседями — доктором Хартманом, сестрой Олдсмит и мисс Сьюэлл, однако ощущала недостаток определенных мер предосторожности. Доктор был низеньким человеком, не выше пяти футов пяти дюймов, к тому же худым. Говард же, хотя и производил впечатление своим ростом, был чрезвычайно медлителен и тучен. Требовались по меньшей мере еще двое-трое мужчин для того, чтобы я могла чувствовать себя защищенной.

Так появился Калли, которого Варден привел ко мне в больницу непосредственно перед нашим отъездом. Он оказался настоящим гигантом — около семи футов ростом и весом фунтов двести восемьдесят, с мощными буграми мышц. Калли не отличался умом, речь его была почти бессвязной, зато двигался он быстро и упруго, как огромный хищник. Говард объяснил, что Калли, до того как его посадили за убийство семь лет назад, работал помощником лесничего. В прошлом году он вышел из заключения и был взят на самую тяжелую и грязную работу — корчевал пни, сносил старые строения, расчищал снег, асфальтировал дороги. Калли не жаловался, и полицейский надзор за ним уже был снят.

Говард сообщил Калли, что того ждет уникальное деловое предложение, хотя это и было выражено более простыми словами. Мне же принадлежала мысль привести его в больницу.

— Это твоя будущая хозяйка. — Говард указал на кровать, где лежали останки моего тела. — Ты будешь служить ей, защищать ее и отдашь за нее свою жизнь, если потребуется.

Калли издал хриплый рык.

— Эта старая уродина еще жива? — осведомился он. — На мой взгляд, она уже сдохла.

И тогда я вошла в то, что якобы называлось извилинами его мозга. За исключением основополагающих инстинктов: голода, жажды, страха, гордости, ненависти и стремления доставлять удовольствие, основанного на смутном желании принадлежать кому-нибудь и быть любимым, — в его остроконечном черепе больше ничего не было. Последнее стремление я взяла за основу и расширила его. Последующие восемнадцать часов Калли просидел в моей палате. Когда он ушел помогать Говарду укладывать вещи и готовиться к отъезду, в нем уже мало что осталось от прежнего громилы, кроме роста, силы, быстроты и желания нравиться. Нравиться мне.

Я так и не узнала: Калли — это имя или фамилия?

Когда я была молодой, у меня имелась одна слабость, с которой я ничего не могла поделать, — любые путешествия сопровождались для меня приобретением сувениров. В Вене моя страсть к магазинам очень быстро стала поводом для бесконечных шуток Нины и Вилли. Уже много лет я никуда не ездила, но мое пристрастие к сувенирам так и не исчезло полностью.

Вечером шестнадцатого марта я заставила Говарда и Калли отправиться в Джермантаун. Его удручающие улицы казались мне пейзажем какого-то полузабытого сна. Убеждена, что Говард, несмотря на обработку, чувствовал бы себя неуютно в этом негритянском квартале, если бы не присутствие Калли.

Я знала, что мне было нужно, хотя помнила лишь, как его зовут и как он выглядел. Первые четыре подростка, к которым обратился Говард, либо вообще не отвечали, либо использовали слишком цветистые выражения, зато пятый, щуплый десятилетний парнишка в драной футболке, несмотря на мороз, откликнулся:

— А, ты имеешь в виду Марвина Гейла? Он только что вышел из тюрьмы за какие-то уличные беспорядки или еще какое-то дерьмо. А чего тебе надо от Марвина?

Говард и Калли узнали, как пройти к его дому, без ответа на последний вопрос. Марвин Гейл жил на втором этаже полуразрушенного строения, зажатого между двумя многоквартирными домами. Дверь им открыл маленький мальчик, и Калли с Говардом вошли в гостиную с продавленным диваном, покрытым розовым покрывалом, древним телевизором, на зеленоватом экране которого ведущий ободрял своими выкриками участников телеигры, и с облезшими стенами, где были развешены фотографии Роберта Кеннеди. На диване лежала девушка, безучастно глядя на гостей.

Из кухни, вытирая руки о клетчатый передник, вышла толстая негритянка:

— Что вам надо?

— Мы бы хотели поговорить с вашим сыном, мэм, — ответил Говард.

— О чем? — осведомилась негритянка. — Вы не из полиции? Марвин ничего не сделал. Я не отдам вам своего мальчика.

— Да что вы, мэм, дело совсем не в том, — вкрадчиво заверил ее Говард. — Мы просто хотим предложить Марвину работу.

— Работу? — Женщина с подозрением посмотрела на Калли и снова перевела взгляд на Говарда. — Какую работу?

— Все в порядке, мама, — успокоил ее Марвин Гейл, появившись из коридора в старых шортах и застиранной футболке. Лицо у него было помятым, а взгляд блуждал, словно он только что проснулся.

— Марвин, ты не должен разговаривать с этими людьми, если...

— Все в порядке, мама, — повторил он и уставился на мать своим неподвижным взглядом, пока та не опустила глаза. Затем повернулся к Говарду. — В чем дело?

— Мы можем поговорить за дверью? — спросил Говард.

Марвин пожал плечами и последовал за нами на улицу, не обращая внимания на пронизывающий ветер. Он посмотрел на Калли и подошел к Говарду. Взгляд его слегка оживился, будто он уже начал догадываться, что его ждет, и даже был рад этому.

— Мы предлагаем тебе новую жизнь, — прошептал Говард. — Совершенно новую жизнь.

Марвин Гейл хотел было что-то сказать, и тут-то с расстояния в десять миль я вторглась в его сознание. Углы рта у парня опустились, и он так и не успел договорить первое слово. Вообще-то, я уже Использовала Марвина прежде, в те последние безумные мгновения перед расставанием с Ропщущей Обителью, и, возможно, теперь это в какой-то мере облегчило мою задачу. Впрочем, до своей болезни я никогда не смогла бы сделать того, что сделала в тот вечер. Действуя сквозь фильтр восприятий Говарда Вардена, одновременно контролируя Калли, своего доктора и еще с полдюжины обработанных пешек, находящихся в разных местах, я нажала на негра так сильно, что у того перехватило дыхание. Он попятился, широко раскрыв невидящие глаза, и замер в ожидании моего первого распоряжения. В его взгляде больше не было ни подавленности, ни признаков употребления наркотиков; глаза его светились ярким прозрачным светом неизлечимого безумца. Весь печальный груз размышлений, воспоминаний и жалких надежд Марвина Гейла исчез навсегда.

Никогда ранее не совершала я такой глобальной обработки за один раз, и в течение целой минуты почти позабытое мною тело пребывало в тисках едва ли не полного паралича, пока сестра Сьюэлл пыталась массировать его.

Наконец я обратилась к Марвину через Калли, не столько нуждаясь в словесном распоряжении, сколько желая услышать его ушами Говарда.

— Пойди оденься, — велел он, — и отдай это своей матери. Скажи ей, что это аванс. — И Калли протянул парню стодолларовую купюру.

Марвин исчез в доме и появился вновь уже через три минуты. На нем были джинсы, свитер, кроссовки и черная кожаная куртка. Никаких вещей он с собой не взял. Так хотела я — после переезда мы могли сами обеспечить его необходимым гардеробом.

За все то время, пока я росла, у нас в доме всегда был кто-нибудь из цветной прислуги. И мне казалось правильным, чтобы и сейчас у меня был слуга-негр, когда я вернусь в Чарлстон.

Кроме того, не могла же я уехать из Филадельфии без сувенира.

Путешествие на двух грузовиках, двух машинах и арендованном фургоне с моей кроватью и медицинской аппаратурой заняло у нас три дня. Говард выехал раньше в семейном «вольво», который Джастин называл «синим овалом», чтобы приготовить все заранее к моему прибытию и проветрить дом.

Мы приехали несколько часов спустя после наступления темноты. Калли взял меня на руки, и под надзором доктора Хартмана и сестры Олдсмит, не отставшей ни на шаг с бутылкой для внутривенного вливания, мы поднялись на верхний этаж.

Моя спальня утопала в мягком свете лампы, шерстяной плед на кровати был откинут, простыни благоухали чистотой и свежестью, темное дерево мебели матово поблескивало, мои щетки и гребни в идеальном порядке лежали на туалетном столике.

Мы все разрыдались. Слезы текли по щекам Калли, когда он нежно и чуть ли не подобострастно опускал меня на постель. Сквозь приоткрытые окна долетал запах пальмовых побегов и мимозы.

Затем в спальню подняли и установили медицинское оборудование. Странно было видеть зеленое сияние осциллоскопа в моей старой спальне. На мгновение все собрались вокруг меня: доктор Хартман со своей новой женой Олдсмит, которая занималась последними медицинскими приготовлениями; Говард и Нэнси с Джастином на руках, словно они позировали для семейной фотографии;

юная, улыбающаяся мне сестра Сьюэлл и Калли с Марвином, в галстуке и белых перчатках, которые были натянуты на его отдраенные руки.

Говард столкнулся с небольшими сложностями: миссис Ходжес не желала продавать свой дом, а хотела всего лишь сдать его в аренду. Но это было для меня неприемлемо.

Впрочем, этим я могла заняться утром. Пока же я снова была дома, в окружении любящей «семьи». Впервые за много недель я поняла, что сумею спокойно заснуть. Мелкие проблемы — например, миссис Ходжес — были неизбежны, но я могла позволить себе заняться ими завтра...

Глава 39

На высоте тридцать пять тысяч футов
над штатом Невада
Суббота, 4 апреля 1981 г.

— Прокрути-ка это еще раз, Ричард, — попросил К. Арнольд Барент.

В салоне «Боинга-747» стало темно, и на огромном экране вновь заплясало изображение: президент обернулся к кому-то, отвечая на заданный вопрос, поднял в приветственном жесте левую руку, и лицо его вдруг исказилось в гримасе. Раздались крики, началась всеобщая паника. Агент службы безопасности бросился вперед, и его словно вздернуло вверх, как марионетку на ниточках. Выстрелы прозвучали еле слышно, будто были произведены из игрушечного пистолета. Как по волшебству, в руках другого агента возник автомат «узи». Несколько человек набросились на молодого парня и прижали его к земле. Камера дернулась и переместилась на упавшего человека, чья лысина обагрилась кровью. Полицейский лежал лицом вниз. Агент с «узи» присел, отрывисто отдавая команды, как уличный регулировщик, в то время как остальные продолжали борьбу с подозреваемым. Целая толпа неизвестно откуда возникших агентов, окружив президента, начала оттеснять его к «кадиллаку», пока наконец длинная черная машина, взвизгнув тормозами, не рванула с места, оставив позади себя жуткую неразбериху.

— Достаточно, Ричард, — распорядился Барент; свет снова вспыхнул, на экране застыло изображение удаляющегося «кадиллака». — Что скажете, джентльмены? — осведомился Барент.

Тони Хэрод моргнул и оглянулся. К. Арнольд Барент восседал за своим большим изогнутым столом, позади него поблескивали телефонные отводы и компьютерные приставки. За стеклами иллюминаторов было темно, шум двигателей приглушался внутренней обшивкой салона. Напротив Барента сидел Джозеф Кеплер, его серый костюм выглядел безупречно, черные ботинки блестели. Хэрод посмотрел на мужественное лицо Кеплера и решил, что тот похож на Чарлтона Хестона[1] и такой же идиот. Сложив руки на своем плоском животе, в кресле рядом с Барентом расположился преподобный Джимми Уэйн Саттер, с аккуратно причесанными длинными седыми волосами. Кроме них, в салоне находился лишь новый помощник Барента Ричард Хейнс. Мария Чэнь вместе с остальными дожидались в носовом отсеке.

— Похоже, кто-то пытался убить нашего любимого президента, — произнес Саттер со свойственными ему вкрадчивыми интонациями.

Углы рта Барента чуть дернулись.

— Это более чем очевидно. Но зачем Вилли Бордену понадобилось так рисковать? И в кого он на самом деле метил — в Рейгана или в меня?

— Я вас в этом клипе не заметил, — хмыкнул Хэрод.

Барент кинул взгляд на продюсера:

— Я стоял в пятнадцати футах за спиной президента, Тони. Когда раздались выстрелы, я только что вышел из отеля «Хилтон». Ричард и моя охрана успели затолкать меня обратно.

— Нет, как хотите, но я не могу поверить, что Вилли Борден имеет к этому какое-то отношение, — заявил Кеплер. — Сейчас нам известно больше, чем на прошлой неделе. У Хинкли оказалась длинная история болезни, изобилующая подробностями душевного расстройства. Он вел дневник. Но все это было связано с тем, что он был одержим Джоди Фостер. Так что это абсолютно не относится к делу. Старик мог Использовать одного из собственных агентов Рейгана или какого-нибудь вашингтонского полицейского, вроде того, которого подстрелили. Ведь этот немец бывший офицер вермахта, не так ли? Думаю, он умеет пользоваться и более действенным оружием, чем пукалка двадцать второго калибра.

— Заряженная разрывными пулями, — напомнил Барент. — Они не взорвались чудом.

---

[1] *Чарлтон Хестон* (1923–2008) — американский актер, прославившийся ролями в библейских эпопеях («Десять заповедей», «Бен-Гур»).

— Чудо заключается в другом: одна из них отскочила рикошетом от дверцы машины и попала в Рейгана, — сказал Кеплер. — Если бы в этом был замешан Вилли, он бы дождался, пока вы с президентом не усядетесь в машину, и тогда бы использовал агента с «узи» или с «ингрэмом», не опасаясь провала.

— Утешительная мысль, — сухо заметил Барент. — А ты что думаешь, Джимми?

Саттер промокнул лоб шелковым носовым платком и пожал плечами:

— В том, что говорит Джозеф, есть резон, брат К. Доказано, что парень был не в себе. Зачем было тратить столько сил на подготовку всей этой истории, чтобы в результате промазать?

— Он не промазал, — покачал головой Барент. — Он повредил президенту левое легкое.

— Промазал в тебя, — широко улыбнулся Саттер. — Да и вообще, с чего бы нашему другу-продюсеру иметь зуб на старика Ронни? Они оба — ветераны Голливуда.

Интересно, подумал Хэрод, спросят ли его мнения. В конце концов, он впервые присутствовал в качестве полноправного члена на заседании Клуба Островитян.

— Тони? — Барент повернулся к Хэроду.

— Не знаю, — ответил тот. — Просто не знаю.

Барент кивнул Ричарду Хейнсу:

— Вдруг это поможет нам в наших рассуждениях.

Свет опять погас, и на экране задергалось зернистое изображение, зафиксированное на восьмимиллиметровой пленке и позднее переведенное в видеозапись. Это были разрозненные массовые сцены: толпы людей, полицейские машины, сопровождающие лимузины, охранники и агенты спецслужб. Хэрод понял, что это приезд президента в отель «Хилтон» в Вашингтоне.

— Мы отыскали и реквизировали всевозможные любительские пленки, снятые в тот момент, — прокомментировал Барент. — И фото-, и кино-.

— Кто это «мы»? — поинтересовался Кеплер.

Барент приподнял одну бровь:

— Хотя безвременная кончина Чарльза стала для нас большой потерей, Джозеф, мы продолжаем сохранять определенные контакты с известными кругами. Вот это место.

На экране возникла почти пустая улица и чьи-то затылки. Хэрод догадался, что съемка велась с расстояния тридцати—сорока ярдов от места покушения, с противоположной стороны улицы.

И снимал человек, страдающий нервной трясучкой. Хоть как-то зафиксировать камеру никто даже не пытался. Звук отсутствовал. О том, что были произведены выстрелы, можно было догадаться только по усилившемуся волнению толпы. Объектив камеры в это мгновение не был направлен на президента.

— Вот! — воскликнул Барент.

Кадр застыл на большом экране. Ракурс, под которым велась съемка, был неудобным, но между плечами двух зевак отчетливо виднелось лицо пожилого человека лет семидесяти. Из-под клетчатой спортивной кепки выбивались седые волосы. Он стоял на противоположной стороне улицы и внимательно наблюдал за происходящим. Взгляд его маленьких глаз был холоден и спокоен.

— Это он? — спросил Саттер. — Ты уверен?

— Но он не похож на человека с фотографии, которую я видел, — возразил Кеплер.

— Тони? — вновь спросил Барент.

Хэрод почувствовал, как на его лбу и верхней губе выступили крупные капли пота. Застывший кадр был размытым, искаженным из-за плохого объектива, снят в неудачном ракурсе и на дешевой пленке. Нижний правый край вообще был засвечен. Хэрод мог бы сказать, что изображение слишком плохого качества, что он не уверен. Он мог еще не впутываться во все это — и в то же время не мог.

— Да, — кивнул он. — Это Вилли.

Барент опустил голову. Хейнс выключил экран, зажег в салоне свет и удалился. В течение нескольких секунд стояла полная тишина, если не считать монотонного гула реактивного двигателя.

— Может, это всего лишь случайное совпадение, Джозеф? — спросил К. Арнольд Барент, обойдя стол и усаживаясь в кресло.

— Нет, — откликнулся Кеплер. — И все же я ничего не понимаю! Что он пытается доказать?

— Возможно, всего лишь то, что он по-прежнему действует, — предположил Джимми Уэйн Саттер. — Что он ждет. Что может добраться до любого из нас, когда пожелает. — Преподобный покачал головой и улыбнулся Баренту. — Полагаю, ты на время воздержишься от появлений в общественных местах, брат К.?

Барент скрестил на груди руки:

— Это наше последнее собрание перед летним выездом в июне на остров. До этого времени я покину страну... по делам. Прошу всех вас принять необходимые меры предосторожности.

— Меры предосторожности против чего? — поинтересовался Кеплер. — Что ему надо? Мы уже предложили ему членство в Клу-

бе по всем возможным каналам. Мы даже послали к нему с приглашением этого еврея-психиатра и убеждены, что он успел связаться с Лугаром прежде, чем оба погибли во время взрыва...

— Идентификация трупов не была исчерпывающей, — оборвал его Барент. — У дантиста в Нью-Йорке мы не обнаружили карточки Соломона Ласки.

— Да, — согласился Кеплер, — ну и что? Немец почти наверняка получил наше сообщение. И чего он еще хочет?

— Тони? — спросил Барент, и все трое повернулись к Хэроду.

— Откуда мне знать, чего он хочет?

— Тони, Тони, — покачал головой Барент. — Ты сотрудничал с ним в течение многих лет. Ты обедал с ним, беседовал, шутил... Чего он хочет?

— Играть.

— Что? — спросил Саттер.

— Как играть? — наклонился вперед Кеплер. — Он хочет играть в летнем лагере на острове?

Хэрод покачал головой:

— Он знает о ваших играх на острове, но ему нравятся другие игры. Думаю, ему это напоминает прежние времена. Как в Германии, когда он и эти две старые шлюхи были молодыми. Это как шахматы. Вилли становится сам не свой, когда дело доходит до шахмат. Он как-то рассказывал мне о своих снах. Он считает, что все мы — фигуры в дьявольской шахматной партии.

— Шахматы, — пробормотал Барент, сложив кончики пальцев.

— Да, — подтвердил Хэрод, — Траск сделал неверный ход, позволил нескольким пешкам слишком далеко зайти на поле Вилли, и тот убрал его с доски. То же самое с Колбеном. Дело не в личных отношениях... это просто такая игра.

— А старуха? — осведомился Барент. — Она была добровольным ферзем Вилли или одной из его многочисленных пешек?

— Откуда мне знать? — бросил Хэрод. Он встал и заходил взад-вперед по салону, толстое ковровое покрытие скрадывало звук его шагов. — Насколько я знаю Вилли, в такого рода вещах он не доверяет никому. Может, он ее боится? Я уверен в одном: он навел нас на ее след, поскольку знал, что мы недооценим ее.

— Это и произошло, — согласился Барент. — Эта женщина обладала исключительной Способностью.

— Обладала? — переспросил Саттер.

— У нас нет доказательств, что она жива, — пояснил Джозеф Кеплер.

— А как насчет наблюдения за ее домом в Чарлстоне? — спросил преподобный. — Там кто-нибудь сменил Нимана и группу Чарльза?

— Там сейчас мои люди, — ответил Кеплер. — Пока никаких сведений.

— А как насчет авиарейсов и тому подобного? — не унимался Саттер. — Колбен был уверен, что она пыталась выехать из страны, пока что-то не спугнуло ее в Атланте.

— Речь сейчас не о Мелани Фуллер, — перебил Барент. — Как правильно сказал Тони, она была отвлекающим маневром, ложным следом. Если она до сих пор жива, мы можем оставить ее в покое, и совершенно не важно, какую роль она играла. Вопрос заключается в том, как мы должны отвечать на этот последний ход нашего немецкого друга?

— Я предлагаю проигнорировать его, — сказал Кеплер. — Старик просто показал нам зубы, организовав события понедельника. Мы все согласились, что, если бы он собирался покончить с мистером Барентом, он вполне мог бы преуспеть в этом. Пусть старый извращенец развлекается, а когда успокоится, мы с ним поговорим. Если он согласится с нашими правилами, мы сможем предложить ему место пятого члена в клубе. Если нет... черт побери, джентльмены, откровенно говоря между нами троими... прости, Тони, четверыми... в нашем распоряжении находятся сотни оплачиваемых охранников, а сколько их у Вилли, а, Тони?

— Было двое, когда он уезжал из Лос-Анджелеса, — ответил Хэрод. — Дженсен Лугар и Том Рейнольдс. Но он им не платил. Они были его личными любимчиками.

— Вот видите, — продолжил Кеплер. — Подождем, пока ему не надоест играть в эту одностороннюю игру, а потом вступим в переговоры. А если он откажется, пошлем Хейнса или кого-нибудь из моих людей.

— Нет! — заорал вдруг преподобный Саттер. — Слишком часто мы подставляли другую щеку. «...Мститель Господь и страшен в гневе... Пред негодованием Его кто устоит? И кто стерпит пламя гнева Его? Гнев Его разливается как огонь; скалы распадаются пред Ним... и врагов Его постигнет мрак». Пророк Наум, глава вторая, шестая и восьмая.

Джозеф Кеплер с трудом подавил зевок:

— Ну при чем тут Господь, Джимми? Мы говорим о том, как поступить с выжившим из ума нацистом, одержимым игрой в шахматы.

Лицо Саттера побагровело, и он ткнул в Кеплера своим тупым мясистым пальцем. Большой рубин в его кольце вспыхнул и заиграл всеми своими гранями.

— Не смейся! — басом проревел он. — Господь говорил со мной и через меня, и Он будет услышан! — Саттер огляделся. — «Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, — и дастся ему». Соборное послание апостола Иакова, глава первая.

— И что Господь говорит по этому поводу? — тихо поинтересовался Барент.

— Что этот человек вполне может быть Антихристом. — Саттер своим громовым голосом заглушал слабый гул двигателей. — Господь велит нам найти его и истребить. Мы должны сокрушить его ребра и чресла. Мы должны найти и его, и его подручных... «Чтобы они испили чашу гнева Господня; чтобы он был подвергнут мукам геенны огненной в присутствии святых ангелов и Агнца; и чтобы смрад его мучений не прекращался во веки веков...»

Барент слабо улыбнулся:

— Насколько я понял, Джимми, ты против того, чтобы вести переговоры с Вилли и предлагать ему членство в Клубе?

Преподобный сделал большой глоток из своего бокала с бурбоном и произнес неожиданно тихо, так что Хэроду даже пришлось наклониться, чтобы расслышать:

— Да, я считаю, мы должны убить его.

Барент кивнул и развернулся в своем большом кожаном кресле.

— Будем голосовать, — промолвил он. — Тони, ты как думаешь?

— Я пас, — ответил Хэрод. — Но я думаю, что решать — это одно, а выслеживать Вилли и иметь с ним дело — совсем другое. Посмотрите, в какое дерьмо мы вляпались с этой Мелани Фуллер.

— Чарльз в этом случае допустил ошибку, и он заплатил за нее. — Барент перевел взгляд на двоих оставшихся. — Ну что ж, поскольку Тони воздерживается, похоже, мне принадлежит право решающего голоса.

Кеплер открыл было рот, но передумал. Саттер в молчании допивал остатки своего бурбона.

— Какие бы цели наш друг Вилли ни преследовал в Вашингтоне, — промолвил Барент, — мне они не нравятся. Однако будем считать происшедшее вызовом и пока не станем отвечать на него. Возможно, следует прислушаться к мнению Тони о том, что Вилли одержим игрой в шахматы. У нас осталось два месяца до летне-

го лагеря на острове Долманн и наших... э-э-э... мероприятий там. Мы должны внятно заявить о своем приоритете. Если Вилли прекратит нас запугивать, возможно, в дальнейшем мы рассмотрим вопрос о том, чтобы начать с ним переговоры. Если же он продолжит чинить нам препятствия, если мы столкнемся хотя бы еще с одним эпизодом подобного рода, мы применим все средства, общественные и частные, чтобы найти и уничтожить его в соответствии со способом, процитированным Джимми из Откровения. Ведь это было Откровение, брат Дж.?

— Именно так, брат К.

— Прекрасно. — Барент встал. — А теперь, думаю, мне надо немного поспать. У меня завтра встреча в Лондоне. Спальные места для всех готовы, так что можете располагаться. Где бы вы хотели, чтобы вас высадили?

— Лос-Анджелес, — ответил Хэрод.

— Новый Орлеан, — сказал Саттер.

— Нью-Йорк, — пробормотал Кеплер.

— Хорошо, — кивнул Барент. — Несколько минут назад Дональд сообщил мне, что мы находимся где-то над Невадой, так что первым мы высадим Тони. Боюсь, Тони, ты не успеешь воспользоваться всеми удобствами, но немного вздремнуть перед посадкой сможешь.

В дверях, ведущих в коридор, появился Хейнс.

— До встречи в летнем лагере Клуба Островитян, джентльмены, — произнес Барент. — Желаю всем удачи.

Стюард в синем блейзере проводил Хэрода и Марию Чэнь в их отсек. Задняя часть «боинга» была превращена в огромный кабинет Барента, гостиную и спальню. Слева по коридору, напоминавшему европейские поезда, шли вместительные комнаты, декорированные нежными оттенками зеленого и кораллового цвета. В них имелись ванная, большая кровать, диван и цветной телевизор.

— А где же камин? — обратился Хэрод к стюарду.

— Кажется, в частном самолете шейха Музада есть действующий камин, — без тени улыбки отозвался миловидный стюард.

Хэрод положил в стакан лед, налил водки и только устроился рядом с Марией Чэнь на диване, когда в дверь постучали. В комнату вошла молодая женщина точно в таком же блейзере:

— Мистер Барент спрашивает, не хотите ли вы с мисс Чэнь присоединиться к нему в гостиной «Орион»?

— «Орион»? — переспросил Хэрод. — Черт, конечно хотим.

Они проследовали за женщиной по коридору и миновали дверь с кодовым замком, которая вела к винтовой лестнице. Хэрод знал, что на стандартных «Боингах-747» подобные лестницы вели в салон первого класса. Поднявшись, Хэрод и Мария Чэнь застыли в изумлении. Сопровождавшая их женщина спустилась и закрыла дверь, отрезав последний луч света, шедший из коридора.

Помещение было не слишком большим, но казалось, что кто-то снял здесь верхнюю часть фюзеляжа, и теперь сквозь потолок можно было взирать на небо, открывавшееся на высоте тридцать пять тысяч футов над землей. Над головой сияли мириады звезд, разливая вокруг ровный немеркнущий свет. Слева и справа были видны темные конусы крыльев, на которых мигали красные и зеленые навигационные огни. Внизу раскинулся полог облаков, освещенный звездным сиянием. Казалось, ничто не отделяет их от бесконечного пространства ночного неба. Лишь смутные контуры указывали на присутствие в гостиной низкой мебели, а в глубине угадывалась фигура сидящего человека.

— Боже мой, — прошептал Хэрод и услышал рядом резкий вздох Марии Чэнь.

— Я рад, что вам нравится, — донесся из темноты голос Барента. — Проходите и располагайтесь.

Хэрод и Мария Чэнь осторожно двинулись по направлению к креслам, стоявшим вокруг низкого круглого стола, стараясь свыкнуться с необыкновенным зрелищем. Оставшаяся за их спинами винтовая лестница была обозначена светящейся красной полосой на первой ступеньке. С запада черной полусферой звездное небо закрывало отделение для экипажа. Хэрод и Мария Чэнь погрузились в мягкие кресла, не отрывая глаз от неба.

— Это специальное пластиковое покрытие, — пояснил Барент. — Более тридцати слоев. Но почти идеально прозрачное и очень прочное. Оно поддерживается множеством ребер жесткости, толщиной с волос, и потому в темноте их не видно. Внешняя поверхность при дневном свете отражает лучи и выглядит как обычный блестящий черный корпус. Мои инженеры работали над ее созданием целый год, а потом еще два года я убеждал Управление гражданской авиации, что эта штука может летать.

— Невероятно! — восхищенно прошептала Мария Чэнь, и Хэрод увидел отражение звездного света в ее темных глазах.

— Тони, я пригласил вас сюда, потому что дело касается вас обоих, — начал Барент.

— Какое дело?

— Вы, наверное, уловили некоторое напряжение, возникшее не так давно в наших кругах? Атмосфера накаляется.

— Я заметил, что все чуть не свихнулись, — сказал Хэрод.

— Так вот, — кивнул Барент. — События последних нескольких месяцев были довольно неприятными.

— Не понимаю почему, — усмехнулся Хэрод. — По-моему, мало кого заботит, что их коллег разорвало на части или они утонули в реке Скулкилл.

— Дело в том, что мы слишком расслабились, — промолвил К. Арнольд Барент. — Наш Клуб существует уже много лет, даже десятилетий, и, возможно, затеянная Вилли игра даст нам шанс осуществить необходимую... э-э-э... прополку.

— Ну, лишь бы никого лично из нас не собрались выполоть, — ответил Хэрод.

— Вот именно. — Барент налил вина в хрустальный бокал и поставил его перед Марией Чэнь.

Глаза Хэрода уже привыкли к темноте, так что теперь он отчетливо различал лица, но от этого сияние звезд казалось лишь ярче, а верхушки облаков приобретали еще более переливчатые оттенки.

— Меж тем, — продолжил Барент, — в нашей группе произошла определенная разбалансировка, и то, что было действенным при иных обстоятельствах, перестало работать.

— Что вы имеете в виду? — осведомился Хэрод.

— Я имею в виду, что образовался вакуум власти. — Голос Барента был столь же холоден, как сияние звезд, в котором они купались. — Или, точнее, общее ощущение того, что образовался вакуум власти. Вилли Борден дал возможность ничтожествам счесть себя титанами, и за это ему придется заплатить жизнью.

— Вилли заплатит жизнью? — переспросил Хэрод. — Так, значит, все разговоры о дальнейшем сотрудничестве и вступлении его в Клуб не более чем блеф?

— Да, — подтвердил Барент. — Если потребуется, я лично буду руководить Клубом, но ни при каких обстоятельствах этот бывший нацист за нашим столом не появится.

— Тогда зачем... — начал Хэрод и умолк. — Вы думаете, что Кеплер и Саттер готовы предпринять самостоятельные шаги? — спросил он после паузы.

Барент улыбнулся:

— Я знаком с Джимми очень давно. Впервые я увидел его сорок лет назад, когда он читал проповедь в Техасе. Он обладал несфокусированной, но непреодолимой Способностью. Он мог заставить целую толпу потных агностиков делать то, чего он от них хотел, и делать это с восторгом во имя Господа. Но Джимми стареет и все меньше и меньше полагается на свою силу, пользуясь вместо этого аппаратом убеждения, который он создал. Я знаю, что на прошлой неделе вы посетили его маленькое королевство... — Резким движением руки Барент пресек возражения Хэрода. — Ничего страшного, Тони. Джимми наверняка предупредил тебя, что мне станет об этом известно... и что я пойму. Не думаю, что Джимми желает опрокинуть нашу тележку с яблоками, но он чувствует грядущие перемены во властных взаимоотношениях и хочет оказаться на нужной стороне, когда это произойдет. Вмешательство Вилли нарушило наше шаткое равновесие, как может показаться на первый взгляд.

— А в действительности? — поинтересовался Хэрод.

— Нет, — жестко сказал Барент. — Они позабыли о главном. — Он выдвинул ящик стола, за которым они сидели, и достал маленький пистолет. — Возьми, Тони.

— Зачем? — Хэрод покрылся гусиной кожей.

— Пистолет настоящий и заряжен, — произнес Барент. — Возьми его, пожалуйста.

Хэрод выполнил просьбу:

— О'кей, что дальше?

— Прицелься в меня, Тони.

Хэрод вздрогнул. Что бы Барент ни собирался демонстрировать, Тони не желал принимать в этом никакого участия. Он знал, что поблизости находится Хейнс и еще дюжина крепких парней.

— Я не хочу, — сказал Хэрод. — Не люблю эти чертовы игры.

— Целься в меня, Тони.

— Пошли вы знаете куда! — разозлился Хэрод и встал, чтобы уйти. Сделав прощальный жест рукой, он направился к красной полосе, обозначившей лестницу.

— Тони, — послышался из темноты голос Барента, — иди сюда.

Хэроду показалось, что он натолкнулся на одну из невидимых стен. Мышцы его сжались, превратившись в тугие узлы, тело покрылось потом. Он попытался броситься вперед, прочь от Барента, но единственное, что ему удалось, — это упасть на колени.

Однажды, лет пять назад, у них с Вилли была беседа, во время которой старик попытался продемонстрировать на нем свои Способности. Это была чисто дружеская забава в ответ на какой-то вопрос Хэрода о венских играх, о которых рассказывал Вилли. И тогда, вместо того чтобы почувствовать волну возбуждения, которой пользовался сам Хэрод по отношению к женщинам, он ощутил необъяснимое, но жуткое вторжение в свой мозг чужой воли и полную обреченность. Однако тогда Хэрод не утратил самоконтроля. Он тут же понял, что Способность Вилли гораздо мощнее его собственной, гораздо кровожаднее, как подумал он тогда. И хотя сам Тони вряд ли смог бы Использовать кого-нибудь во время вторжения Вилли, он был убежден, что и Вилли не сможет по-настоящему Использовать его.

— *Ja-ja*, — сказал тогда старик, — так бывает всегда. Мы можем вторгаться друг в друга, но те, кто умеет Использовать других, сами не могут быть Использованы, не так ли? Мы испытываем свои силы на третьих лицах, верно? А жаль. Но король не может брать короля, Тони, запомни это.

И Хэрод помнил об этом вплоть до настоящего момента.

— Иди сюда, — повторил Барент. Голос его по-прежнему был тихим, с изысканными модуляциями, но, казалось, теперь он заполнил весь мозг Хэрода, всю гостиную, а потом и вселенную, так что даже небосвод завибрировал. — Иди сюда, Тони.

Хэрод напрягся из последних сил, но что-то толкнуло его, и он упал на спину, как ковбой, сброшенный с лошади невидимой натянутой проволокой. Тело его охватили судороги, а ноги в ботинках задергались на ковре. Челюсти сжались до боли, глаза чуть не вылезли из орбит. Он чувствовал, как внутри его нарастает крик, но понял, что никогда не сможет его издать, что крик этот будет расти и шириться внутри, пока не взорвется и не разметает куски его плоти по всей гостиной. Он лежал на спине с вытянутыми ногами, мышцы его сжимались и разжимались, ногти впились в ковер, как хищные птичьи когти.

— Иди сюда, Тони, — прозвучало в третий раз, и он, как младенец, послушно пополз вперед.

Когда голова его стукнулась о ножку стола, Хэрод почувствовал, что тиски разжались. По телу его прокатилась завершающая судорога, и все члены настолько обмякли, что он едва не обмочился. Он поднялся на колени и облокотился о черное стекло столешницы.

— Прицельсяже в меня, Тони, — повторил Барент тем же непринужденным голосом.

Хэрод почувствовал, как его затопляет волна слепой ярости. Дрожащими руками он нащупал пистолет и сжал его. Но как только он попробовал поднять руку, к горлу подступила тошнота. Много лет назад, в свой первый год жизни в Голливуде, у Хэрода случился приступ почечнокаменной болезни. Боль была невыносимой. Позднее его приятель рассказывал, будто Тони убеждал всех, что ощущение было такое, словно ему в спину воткнули нож. Но это было гораздо больнее, потому что, когда в молодости он был членом чикагской банды, ему действительно воткнули нож в спину. Тогда же, во время приступа, ему казалось, что его проткнули изнутри, острые лезвия впивались во внутренности и кровеносные сосуды, и эта невероятная, чудовищная боль сопровождалась тошнотой, рвотой, судорогами и лихорадкой.

Но то, что происходило сейчас, было еще хуже.

Не успев поднять пистолет, Хэрод упал на пол, испачкав рвотными массами свою шелковую рубашку и ковер. Одновременно с болью, тошнотой и чувством унижения возникла всепоглощающая мысль о том, что он пытался причинить вред мистеру Баренту, и это было невыносимо. Мысль эта вызывала у Тони неведомое ему ранее отвращение, и он просто взвыл от боли. Пистолет выпал из его разжавшихся пальцев.

— Я вижу, ты не очень хорошо себя чувствуешь, — тихо произнес Барент. — Может, тогда в меня прицелится мисс Чэнь?

— Нет, — еле выдохнул Хэрод, скрючившись на ковре.

— Да, — возразил Барент. — Я так хочу. Скажи ей, чтобы она прицелилась в меня, Тони.

— Цельсь! — крикнул Хэрод. — Цельсь в него!

Мария Чэнь медленно шевельнулась, словно двигалась под водой. Она подняла пистолет своими изящными руками и направила его в голову Тони Хэрода.

— Нет! В него! — И Хэрод снова согнулся от судорог. — В него!

Барент иронично усмехнулся:

— Ей совершенно не обязательно слышать мои распоряжения, чтобы подчиняться, Тони.

Большим пальцем Мария Чэнь взвела курок. Черное смертоносное отверстие было направлено прямо в лицо Хэрода. Он видел боль и ужас в ее глазах. Никто и никогда до сих пор не Использовал Марию Чэнь!

— Невероятно, — прошептал Хэрод, чувствуя, как отступают боль и тошнота, и понимая, что, возможно, ему осталось жить всего несколько секунд. Он поднялся на колени и бессмысленно вы-

тянул вперед руку, пытаясь заслониться от пули. — Это невозможно... Она же нейтрал!

— Что такое нейтрал? — спокойно осведомился К. Арнольд Барент. — Никогда не встречался с такими. — Он повернул голову. — Спусти, пожалуйста, курок, Мария.

Раздался сухой щелчок. Мария Чэнь еще раз взвела курок, и снова последовал холостой выстрел.

— Как непредусмотрительно, — улыбнулся Барент. — Мы забыли его зарядить. Мария, помоги, пожалуйста, Тони сесть на место.

Не переставая дрожать, Хэрод опустился в кресло и свесил голову на испачканную рубашку, пропитавшуюся потом.

— А теперь Дебора проводит тебя вниз и поможет привести себя в порядок, — сказал Барент. — Если потом захочешь подняться и выпить что-нибудь до того, как мы приземлимся, добро пожаловать. Это уникальное место, Тони. Но, пожалуйста, не забудь о появляющемся у некоторых искушении... э-э-э... пересмотреть естественное положение вещей. В какой-то степени в этом есть и моя вина. Большинство из них уже много лет не подвергались подобной... демонстрации. Воспоминания меркнут даже в тех случаях, когда жизненные интересы человека требуют помнить о них. — Барент наклонился вперед. — Когда Джозеф Кеплер обратится к тебе с предложением, ты примешь его. Понятно, Тони?

Хэрод кивнул. Пот стекал по его лицу.

— Скажи «да», Тони.

— Да.

— И ты тут же свяжешься со мной.

— Да.

— Хороший мальчик, — похвалил К. Арнольд Барент и похлопал Хэрода по спине.

Затем он развернулся в своем высоком кресле так, что спинка полностью скрыла его из виду, заслонив часть звездного неба. Когда кресло повернулось обратно, Барента в нем уже не было.

Через несколько минут в гостиную вошли служащие, чтобы вычистить и продезинфицировать ковер. Молодая женщина с фонариком подошла к Хэроду и попыталась взять его за локоть, но он отшвырнул ее руку. Повернувшись спиной к Марии Чэнь, Тони поковылял вниз по лестнице.

Через двадцать минут они совершили посадку в Лос-Анджелесе. Их встречал лимузин с шофером. Не оглядываясь на сверкающий черный корпус «боинга», Хэрод почти без чувств рухнул на заднее сиденье машины.

Глава 40

Тихуана, Мексика
Понедельник, 20 апреля 1981 г.

Перед самым закатом Сол и Натали выехали из Тихуаны на северо-восток во взятом напрокат «фольксвагене». Стояла нестерпимая жара. Как только они свернули с шоссе, то сразу оказались в лабиринте грязных дорог, шедших мимо деревень с жалкими лачугами, заброшенных фабрик и маленьких ранчо. Сол сидел за рулем, а Натали держала на коленях нарисованную рукой Джека Коэна карту. Припарковав «фольксваген» у небольшой таверны, они двинулись пешком сквозь тучи пыли и толпу маленьких ребятишек к северу. Когда начали угасать последние проблески кроваво-красного заката, склоны холма озарились огнями. Натали сверилась с картой и указала на тропу вдоль склона, усеянную мусором, где возле костров группами сидели мужчины и женщины. В полумиле к северу на фоне черного склона холма белел высокий забор.

— Давай дождемся здесь наступления темноты. — Сол поставил на землю чемодан и тяжелый рюкзак. — Говорят, сейчас с обеих сторон границы орудуют банды. Глупо проделать такой путь и погибнуть от руки приграничного бандита.

— Я согласна, — кивнула Натали.

Они прошли меньше мили, но ее синяя хлопчатобумажная юбка уже прилипала к ногам, а кроссовки словно съежились от жары и пыли. В ушах звенел непрекращающийся писк комаров. Единственный электрический фонарь, горевший возле ночного бара, привлек такое количество мотыльков, что казалось, там начался настоящий снегопад.

Около получаса они сидели молча, изможденные долгим перелетом сначала через океан, а потом самолетом местной авиалинии. Кроме того, они находились в постоянном напряжении — ведь у них были поддельные паспорта. Хуже всего оказалось в Хитроу, так как рейс задержали на три часа, которые они провели под неусыпным оком местных полицейских.

Несмотря на жару, жужжание комаров и неудобства, Натали задремала. Через полчаса Сол разбудил ее, прикоснувшись к плечу.

— Они собираются, — прошептал он. — Пойдем.

По меньшей мере сотня нелегальных беженцев мелкими группами направилась к отдаленному забору. Еще большее количество костров озарило склон за их спинами. Вдали, на северо-западе,

сияли огни американского города. Впереди меж холмов расстилались темные каньоны. На востоке мелькнула и исчезла единственная пара фар, преодолев невидимый пограничный пост, и скрылась по другую сторону забора на американской территории.

— Пограничный патруль, — тихо сказал Сол и двинулся вниз по узкой тропе, а затем снова вверх, на следующий холм.

Уже через несколько минут у обоих появилась одышка. Они обливались потом под рюкзаками и с трудом волочили свои большие чемоданы, набитые документами. Несмотря на то что Сол и Натали старались держаться в стороне, вскоре им все же пришлось присоединиться к длинной веренице людей, одни из которых тихо переговаривались и ругались по-испански, другие молча и угрюмо ползли вперед. Перед ними шел высокий худой мужчина, он нес на плечах семилетнего мальчика, а рядом с ним грузная женщина волочила огромный картонный чемодан. Ярдах в двадцати от ручейка, вытекавшего из-под забора и растворявшегося в пересохшем русле реки, люди остановились. Группами по трое и по четверо они стали перебираться через русло и исчезать в черном отверстии сливной трубы, откуда вытекал ручей. Время от времени с другой стороны забора доносились крики, где-то у дороги раздался истошный вопль, и Натали почувствовала, как испуганно забилось ее сердце. Она вцепилась в ручку чемодана и заставила себя успокоиться.

Когда появилась патрульная машина, вся толпа, состоявшая к тому моменту человек из шестидесяти, кинулась врассыпную за камни и кусты. Прожектор скользнул по сухому руслу реки на расстоянии десять футов от жалкого терновника, за которым спрятались Сол и Натали. Крики и звук выстрела, раздавшиеся с северо-востока, заставили машину двинуться дальше. Окрестность огласилась громкими командами на английском языке, и беженцы снова стали скапливаться у отверстия трубы.

Уже через несколько минут Натали ползла на четвереньках вслед за Солом, толкая перед собой тяжелый чемодан и чувствуя, как рюкзак задевает ржавый свод тоннеля. Внутри было абсолютно темно, пахло мочой и экскрементами. Руки Натали то и дело погружались в жидкую грязь, перемешанную с битым стеклом и обрезками металла. Где-то за ее спиной раздался не то женский, не то детский плач, а потом резкий мужской голос, и вновь наступила тишина. Ей казалось, что это движение в никуда, что труба становится все у́же, а грязь и вода вот-вот затопят их.

— Почти добрались, — прошептал Сол. — Я вижу лунный свет.

У Натали болело в груди из-за безумно колотящегося сердца и попыток сдерживать дыхание. Она выдохнула в тот самый момент, когда Сол скатился на каменистую отмель и протянул руку, чтобы помочь ей выбраться из зловонной трубы.

— Добро пожаловать в Америку, — прошептал он, когда они собрали свое имущество и приготовились спрятаться в укрытии темных берегов пересохшей реки, чтобы спастись от убийц и грабителей, которые регулярно дожидались здесь ночных перебежчиков, преисполненных радужных надежд.

— Спасибо, — так же шепотом ответила она. — В следующий раз я полечу прямым рейсом, даже если это будет «Народный экспресс»[1].

Джек Коэн дожидался их на вершине третьего холма. Каждые две минуты он мигал фарами своего старого синего фургона, указывая путь Солу и Натали.

— Поехали, надо спешить, — сказал он, когда они наконец поднялись на холм и обменялись рукопожатиями. — Это не лучшее место для стоянки. Я привез то, о чем вы просили в письме, и не имею ни малейшего желания объясняться по этому поводу с пограничниками или полицией Сан-Диего.

Задняя часть фургона была наполовину забита ящиками. Сол и Натали побросали туда же свой багаж, а Джек Коэн сел за руль. Натали села с ним рядом, а Сол устроился сзади на ящиках. С полмили им пришлось ехать по рытвинам и ухабам, затем они свернули на восток по гравийной дороге и наконец отыскали асфальтовое окружное шоссе, которое вело к северу. Через десять минут они уже спускались по пандусу на скоростную автостраду.

Натали все вокруг казалось чужим и незнакомым, словно за ее трехмесячное отсутствие облик страны изменился до неузнаваемости. «Нет, скорее всего, я просто никогда здесь не жила», — подумала она, глядя на пригороды и мелькавшие за окном машины. Ей трудно было поверить, что тысячи людей ехали по своим делам как ни в чем не бывало, будто и не было никогда ползущих по зловонной трубе детей, мужчин и женщин всего в десяти милях от этих комфортабельных домов. Будто в это самое мгновение юные

[1] People Express — американская авиакомпания-лоукостер, работала в 1981–1987 гг.

израильтяне не объезжали с оружием границы своих кибуцев, а бойцы за освобождение Палестины, сами еще мальчишки, не смазывали свои «калашниковы» в ожидании темноты. Будто не был убит Роб Джентри, ставший столь же недосягаемым, как и ее отец, который приходил по вечерам укрыть ее одеялом и рассказать истории о Максе, любопытной таксе, которая всегда...

— Вы достали оружие в Мехико, где я вам сказал? — спросил Коэн.

Натали вздрогнула и очнулась, — оказывается, она спала с открытыми глазами. От усталости у нее кружилась голова, в ушах продолжал звучать приглушенный шум авиадвигателей. Она сосредоточилась и начала вслушиваться в разговор своих спутников.

— Да, — ответил Сол. — Никаких проблем не возникло, хотя я очень волновался, что тамошняя полиция обнаружит его.

Натали сфокусировала взгляд, чтобы получше рассмотреть агента Моссада. Джеку Коэну было под шестьдесят, но выглядел он даже старше Сола, особенно теперь, когда тот сбрил бороду и отпустил длинные волосы. У Коэна было худое лицо, изъеденное оспинами, большие глаза и, видимо, не раз переломанный нос. Тонкие седые волосы были подстрижены неаккуратно, словно он делал это сам и, не доведя дело до конца, бросил. Джек свободно и абсолютно грамотно говорил по-английски, но речь его портил сильный акцент, источник которого Натали не могла определить. Как будто западный немец выучил английский у валлийца, а тот в свою очередь почерпнул знания у бруклинского кабинетного ученого. Натали нравилось слушать голос Джека Коэна, да и сам он ей понравился.

— Дайте мне посмотреть оружие, — попросил Коэн.

Ласки достал из-за ремня пистолетик. Натали и не знала, что у Сола есть оружие. Выглядело оно как детский пугач.

Они въехали на мост по крайней левой полосе. На расстоянии по меньшей мере мили позади не было видно ни одной машины. Коэн взял пистолетик и выбросил его в открытое окно в темный овраг внизу.

— При первом же выстреле он бы взорвался у вас в руке, — пояснил он. — Прошу прощения за дурной совет, но телеграфировать было уже поздно. А насчет тамошней полиции вы не ошиблись: есть документы или нет, стоило бы *federales* найти это, и они подвесили бы вас за яйца и раз в пару лет заглядывали бы проверить, что вы исправно мучаетесь. Неприятные люди, Сол. Я подумал, что имеет смысл рисковать только из-за денег. Сколько вы привезли в конечном итоге?

— Около тридцати тысяч, — ответил Ласки. — И еще шестьдесят переводятся в банк в Лос-Анджелесе адвокатом Давида.

— Это ваши деньги или Давида? — спросил Джек.

— Мои, — кивнул Сол. — Я продал ферму в девять акров возле Натаньи, она принадлежала мне со времен Войны за независимость. Я решил, что глупо будет переводить эти деньги на мой собственный нью-йоркский счет.

— Вы правильно решили, — одобрил Коэн.

Они уже въехали в город. Мелькавшие мимо фонари отбрасывали пятна света на ветровое стекло, отчего некрасивое и в то же время привлекательное лицо Коэна приняло желтоватый оттенок.

— Боже мой, Сол, — вздохнул Джек, — если бы вы знали, как трудно было достать некоторые вещи из вашего списка. Сто фунтов пластиковой взрывчатки Си-четыре, пневматическая винтовка, пули с транквилизаторами... Вам известно, что в Соединенных Штатах существует всего шесть поставщиков пуль с транквилизаторами и для того, чтобы получить хоть смутное представление о том, где их разыскать, нужно быть дипломированным зоологом?

Сол улыбнулся:

— Прошу прощения, но вам грех жаловаться, Джек. Вы наш *deus ex machina*[1].

— Не знаю, как насчет богов, но сквозь мясорубку мне пришлось пройти, это точно, — усмехнулся Коэн. — Я потратил на ваши мелкие поручения все отпускное время, накопленное мною за два с половиной года работы.

— Я постараюсь когда-нибудь хоть чем-то отблагодарить вас, — пообещал Сол. — У вас по-прежнему проблемы с начальством?

— Нет. Звонок из офиса Давида Эшколя разрешил бóльшую часть проблем. Хотел бы я сохранить такую же энергию, как у него, через двадцать лет после ухода на пенсию. Как он себя чувствует?

— Давид? После двух сердечных приступов не очень хорошо, но деятелен, как всегда. Мы с Натали видели его в Иерусалиме пять дней назад. Он просил передать вам наилучшие пожелания.

— Я лишь однажды сотрудничал с ним, — признался Коэн. — Четырнадцать лет назад. Он вернулся на работу, чтобы возглавить операцию, когда мы захватили русскую базу ракет «земля — воздух» прямо под носом у египтян. Это спасло массу жизней во время Шестидневной войны. Давид Эшколь — блестящий тактик.

---

[1] Бог из машины *(лат.)*.

Теперь они ехали по Сан-Диего, и Натали со странным чувством отчужденности наблюдала за жизнью города из окна.

— Какие у вас планы на ближайшие несколько дней? — поинтересовался Сол.

— Прежде всего — устроить вас, — ответил Коэн. — Я должен вернуться в Вашингтон не позднее среды.

— Без проблем. С вами можно будет связаться, если нам потребуется ваш совет?

— В любое время. Но сначала вы ответите мне на один вопрос.

— Какой?

— Что в действительности происходит, Сол? Что на самом деле связывает вашего старого нациста, группу в Вашингтоне и старуху из Чарлстона? Как я ни пытаюсь понять, у меня ничего не получается. Почему правительство Соединенных Штатов покрывает этого военного преступника?

— Оно не покрывает, — вздохнул Сол. — В том-то и дело... Правительственные группы хотят разыскать оберста ничуть не меньше, чем мы, но они преследуют свои цели. Поверьте, Джек, я мог бы рассказать вам больше, но это мало чем прояснит для вас ситуацию. Многое в этой истории находится за пределами логики.

— Замечательно! — саркастически заметил Коэн. — Если вы не сможете мне все объяснить, я не смогу подключить агентство, какое бы уважение ни испытывали его сотрудники к Давиду Эшколю.

— Наверное, это к лучшему, — улыбнулся Сол. — Вы видели, что стало с Ароном и вашим другом Леви Коулом, когда они ввязались в это дело. Я наконец понял, что в ближайшее время нас не ждут ни фанфары, ни головокружительный успех. Долгие десятилетия я бездеятельно ожидал, когда же прискачет кавалерия, но теперь уверен, что все зависит только от меня... И Натали чувствует то же самое.

— Ерунда! — воскликнул Коэн.

— Возможно, — согласился Сол, — но все мы в той или иной степени руководствуемся верой в ерунду. Еще век назад идея сионизма казалась полной ерундой, а сегодня наша граница, граница Израиля, — единственный чисто политический рубеж, который виден с орбиты: там, где кончаются деревья и начинается пустыня, заканчивается Израиль.

— Это другая тема, — спокойно произнес Коэн. — Я делаю все это потому, что любил вашего племянника и, как сына, любил Леви Коула. Надеюсь, что вы преследуете их убийц. Верно?

— Да.

— А та женщина, которая вернулась в Чарлстон, — она, по-вашему, тоже участвовала в этом?

— Да, участвовала, — кивнул Сол.

— И ваш полковник по-прежнему продолжает уничтожать евреев?

Сол выдержал паузу. Утверждать это он бы не стал.

— Он по-прежнему продолжает убивать невинных людей, — тихо сказал он.

— А продюсер из Голливуда имеет к этому отношение?

— Да.

— Ладно. — Коэн тряхнул седыми волосами. — Я буду вам помогать, но в один прекрасный день вам придется за все отчитаться.

— Если вам станет от этого легче, то мы с Натали оставили запечатанное письмо у Давида Эшколя, — сказал Сол. — Давид не знает всех подробностей этого кошмара, но, если мы с Натали погибнем или исчезнем, он или его доверенные лица вскроют конверт. Там есть указание поставить вас в известность о его содержании.

— Замечательно, — невесело усмехнулся Коэн. — С нетерпением буду ждать, когда вы оба погибнете или исчезнете.

Разговор был исчерпан. В полной тишине они направились по скоростному шоссе к Лос-Анджелесу. Натали задремала, и ей приснилось, что они с отцом и Робом гуляют по старому району Чарлстона. Был прекрасный весенний вечер, в паутине пальмовых ветвей и новых побегов сверкали звезды. Воздух благоухал ароматами мимозы и гиацинтов. И вдруг из темноты выскочила черная собака с белой головой и зарычала на них. Натали испугалась, но отец сказал ей, что собака просто хочет познакомиться. Он опустился на колени и протянул ей правую руку, чтобы та обнюхала ее, но собака вдруг вцепилась в нее и стала рвать на части. Рука отца исчезла в пасти черно-белой собаки, а затем не стало и отца. Собака увеличилась в размерах, и Натали поняла, что это просто она сама уменьшилась, стала совсем маленькой девочкой. Собака повернулась к ней, и Натали обуял такой ужас, что она была не в силах ни побежать, ни закричать. Но в тот самый момент, когда собака кинулась на нее, вперед вышел Роб и заслонил девочку своим телом. Собака прыгнула на него, завязалась ожесточенная схватка, и Натали увидела, что огромная голова собаки начинает уменьшаться и исчезать. Но, оказывается, чудовищная псина вгрызлась в грудь Роба, погрузившись в глубину его грудной клетки. Послышалось отвратительное чавканье.

Девочка тяжело опустилась на тротуар. На ногах у нее были роликовые коньки, а сама она была в синем платье, подаренном любимой тетей, когда ей исполнилось шесть лет. Перед ней, словно огромная серая стена, высилась спина Роба. Она взглянула на кобуру у него на поясе, но та была застегнута, и Натали не могла дотянуться до пряжки. Все тело шерифа содрогалось, собака вгрызалась в него все глубже.

Несколько раз Натали пыталась подняться, но ролики разъезжались, и она падала на тротуар. Она уже почти дотянулась до огромной серой спины Роба, когда кожа его вдруг лопнула и оттуда высунулась окровавленная морда собаки. Поднатужившись, тварь рванула вперед, глаза ее безумно сверкали, челюсти щелкали, как у акулы из знаменитого фильма Стивена Спилберга.

Натали отползла фута на два и застыла. Она не могла оторвать взгляда от собаки, которая рычала и рвалась к ней. Шерсть топорщилась на ее передних лапах, она пыталась выбраться из чрева человеческой плоти. Это напоминало какой-то кошмарный процесс родов, когда рождение сулило гибель самому наблюдателю.

Но именно вид ее морды парализовал Натали. Он лишил ее способности двигаться и вызывал приступы тошноты, поднимавшейся к горлу. И вдруг над темной шерстью мощных окровавленных лап показалась бледная смертельная маска Мелани Фуллер, искаженная безумной усмешкой. Выпиравшие гигантские вставные челюсти старухи защелкали всего лишь в нескольких дюймах от Натали.

Тварь издала истошный вопль, напряглась в последнем рывке и вырвалась наружу из прогрызенного насквозь тела Роба...

Натали судорожно вздохнула и проснулась. Протянув руку, она оперлась на приборную доску и выпрямилась. Ветер, влетевший в открытое окно, доносил запахи отбросов и дизельных выхлопов. На автостраде мелькали фары несущихся навстречу машин.

— Мне нужен совет, — тихим голосом произнес Сол. — Как убивать людей.

Коэн искоса посмотрел на него:

— Я не убийца, Сол.

— Я тоже, но мы много раз видели, как убивают людей. Я видел, как хладнокровно и целенаправленно это делается в лагерях, быстро и незаметно — в лесах, с кровожадным патриотизмом — в пустыне, подло и бессмысленно — на улицах. Возможно, настало время научиться делать это профессионально.

— Вы хотите, чтобы я провел с вами семинар по практической методологии убийства? — осведомился Джек.

— Да.

Коэн вытащил сигарету из кармана рубашки и закурил.

— Эти штуки тоже убивают, — заметил он, выдыхая дым.

Мимо них проревел трейлер, мчавшийся на бешеной скорости.

— Я размышлял о чем-нибудь более быстром и менее опасном для тех людей, которые нечаянно могут оказаться поблизости, — промолвил Сол.

— Самый целесообразный способ убийства — это нанять профессионального киллера. — Он бросил взгляд на собеседника. — Я не шучу. Так поступают все — КГБ, ЦРУ и прочие... Американцы очень расстроились, узнав несколько лет назад, что ЦРУ нанимает киллеров из мафии для того, чтобы разделаться с Кастро. Но если вдуматься, это разумно. А все истории про Джеймса Бонда — полная чушь. Профессиональные убийцы — это психопаты, которых держат под жестким контролем. Они, конечно, не вызывают симпатии, так же как и маньяк Чарльз Мэнсон. Использование мафии — всего лишь гарантия, что дело будет сделано профессионально и что эти конкретные психопаты в течение нескольких недель не будут убивать обыкновенных американцев. — Коэн помолчал, затягиваясь сигаретой. — Если дело доходит до умышленного убийства, все мы пользуемся посредниками, — продолжил он, стряхивая пепел в окно. — Когда я работал в Израиле, в мои обязанности входило перевербовывать юных новобранцев Организации освобождения Палестины. Они должны были расстреливать других палестинских лидеров. Думаю, что по меньшей мере треть междоусобных разборок среди террористов — это результат нашей деятельности. Иногда для того, чтобы ликвидировать A, мы доводили до сведения D, что B заплатил C за убийство D по приказу A, а дальше садились и ждали результатов.

— Но предположим, что нанять кого-то нет возможности, — сказал Сол.

По тихим голосам своих спутников Натали поняла, что они не заметили, как она проснулась. Глаза у нее непроизвольно закрывались, и сквозь опущенные ресницы просачивался лишь свет встречных фар и редких фонарей. Она вспомнила, как в детстве засыпала на заднем сиденье машины, прислушиваясь к тихой монотонной беседе родителей. Но об убийствах они никогда не говорили.

— Хорошо, — согласился Коэн, — предположим, по политическим, практическим или личным причинам вы не можете никого

нанять, тогда дело усложняется. Прежде всего, надо решить, готовы ли вы расстаться со своей жизнью ради достижения цели. Если готовы, то у вас есть огромное преимущество. Тогда традиционные меры безопасности становятся несущественными. Большинство великих убийц, известных истории, были готовы отдать жизнь, чтобы выполнить свою миссию.

— Ну а если бы в данном случае убийца предпочел остаться в живых по завершении дела? — спросил Сол.

— Тогда и без того трудная задача становится еще сложнее, — ответил Коэн. — Варианты следующие: организованная военная операция... ведь налеты наших «эф-шестнадцать» на Ливан — это не что иное, как попытки покушения на убийство... далее — избирательное применение взрывчатки, дальнобойные винтовки, на близком расстоянии — пистолеты, и чтобы заранее подготовить пути для отступления, затем яд, ножи, рукопашная борьба. — Коэн выбросил в окно окурок и закурил следующую сигарету. — В наши дни в моду вошла взрывчатка, но это капризная штука, Сол.

— Почему?

— Ну, возьмем, например, Си-четыре, в этих ящиках сзади. Тут запаса лет на десять. Она безопасна, как обычная замазка, — можно ее бросать, комкать, пинать, садиться на нее, и она не взорвется. Опасна лишь азотная кислота, само взрывное устройство в крохотных детонаторах, в пластиковых трубках, которые тщательно упакованы в другую коробку. Вы когда-нибудь пользовались пластиковой взрывчаткой, Сол?

— Нет.

— Помоги вам Господь, — промолвил Коэн. — Хорошо, завтра мы проведем семинар по использованию пластиковой взрывчатки. Ну, предположим, вы установили взрывчатку в нужном месте. Каким образом вы приведете ее в действие?

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что возможности неограниченны — механический способ, электрический, химический, электронный, — но все они небезопасны. Большинство экспертов в этой области заканчивают свою жизнь, экспериментируя с собственными изобретениями. Взрывчатка — наилучший способ борьбы с террористами, не считая других террористов. Но, предположим, вам удалось установить вашу пластиковую взрывчатку, подсоединить детонатор и подключить к нему электрическую кнопку, которая приводится в действие радиосигналом передатчика. Дальше вы сидите в машине на безопасном расстоянии от передвижного средства ва-

шей жертвы. Дожидаетесь, когда он выезжает за пределы города, подальше от свидетелей и невинных зевак, и тут, несмотря на то что ваш передатчик выключен, его машина взлетает на воздух рядом со школьным автобусом, полным детей-калек.

— Почему?

Натали различила усталость в голосе Сола и поняла, что он вымотан ничуть не меньше, чем она.

— Автоматические механизмы открывания гаражей, авиасвязь, детские электронные игрушки, радиоприемники гражданского населения и даже дистанционный пульт телевизора — все это может спровоцировать механизм запуска реакции, — объяснил Джек. — Поэтому при использовании пластиковой взрывчатки приходится работать как минимум двумя включениями — ручным, чтобы привести ее в боевое положение, и электронным, чтобы запустить реакцию. И тем не менее шансы на успех не столь велики, как хотелось бы.

— А другие способы? — спросил Сол.

— Винтовка с оптическим прицелом. — Коэн докурил вторую сигарету. — Далекое расстояние обеспечивает безопасность и дает время, необходимое для отступления, а собственно винтовка избирательна и при должном применении всегда эффективна. Именно это оружие предпочли Ли Харви Освальд, Джеймс Эрл Рей и бесчисленное множество других. Хотя и с винтовкой бывают сложности.

— Какие?

— Прежде всего, выкиньте из головы все эти телевизионные сказки о снайпере, который приносит с собой винтовку в дипломате, а потом собирает ее, пока жертва послушно стоит на месте и дожидается выстрела. Оптический прицел должен быть подогнан с учетом расстояния, угла выстрела, скорости ветра и свойств самого оружия. Стрелок должен обладать опытом и знать соотношения расстояния и скорости ветра. Военный снайпер работает на таких расстояниях, что между выстрелом и попаданием пули в цель его жертва успевает сделать три шага. У вас есть опыт стрельбы из винтовок, Сол?

— Только во время Второй мировой войны, — ответил он. — Да и то я ни разу не убил человека.

— Там, сзади, полно всякой всячины, добытой по вашему списку, — сказал Коэн. — Ваши восемнадцать тысяч долларов потрачены на самое бредовое собрание вещей, которое я когда-либо покупал... Но винтовки с оптическим прицелом там, увы, нет.

— А как насчет охраны? — спросил Сол.

— Вашей или их?

— Их.

— А что вас интересует?

— Как с ней управляться?

Прищурившись, Коэн задумчиво смотрел в световой коридор, образованный габаритными огнями машин.

— Если кто-то собирается вас убить, то охрана — это в лучшем случае обреченная попытка отсрочить неизбежное. Если ваша жертва ведет общественную жизнь и часто появляется на людях, самая лучшая охрана может разве что осложнить вам путь к отступлению. Последствия можно было наблюдать месяц назад, когда один балбес решил, что ему хочется выстрелить в американского президента из пукалки двадцать второго калибра.

— Арон говорил мне, что вы обучаете своих агентов пользоваться «береттами» двадцать второго калибра, — заметил Сол.

— В последние годы — да, — кивнул Джек, — но они применяют их на близких расстояниях, там, где, скорее, надо бы пользоваться ножами, и в ситуациях, требующих тишины и быстроты действий. Когда мы посылаем ударную группу, этому предшествуют недели слежки, тренировок и налаживания путей отступления. Этот парень, который стрелял месяц назад в вашего президента, готовился не больше, чем вы или я перед тем, как пойти на угол купить газету.

— И что это доказывает?

— Это доказывает, что такой вещи, как охрана, не существует, когда поведение и поступки предсказуемы, — ответил Коэн. — Хороший шеф службы безопасности запретил бы своему клиенту следовать распорядку дня и назначать встречи, расписание которых может стать достоянием публики. Раз пять-шесть именно непредсказуемость спасала Гитлера. Именно из-за нее нам не удалось ликвидировать верхушку Организации освобождения Палестины. Но какую охрану обсуждаем мы в этой гипотетической дискуссии?

— Гипотетической? — переспросил Сол и улыбнулся. — Ну, давайте для начала гипотетически обсудим охрану мистера К. Арнольда Барента.

Коэн резко обернулся:

— Так вот зачем вы просили раздобыть сведения о летнем лагере Барента!

— Мы же говорим гипотетически. — Сол продолжал улыбаться.

Коэн нервным движением провел рукой по лицу:

— О господи, вы сошли с ума!

— Вы сказали, что это безнадежная попытка отсрочить неизбежное. Разве мистер Барент является исключением?

— Послушайте, — промолвил Джек Коэн, — когда президент Соединенных Штатов отправляется куда-нибудь — куда угодно, даже с визитом к лидерам зарубежных стран, и встречается с ними в уединенных охраняемых зонах, служба безопасности стоит на ушах. Дай им волю, они бы не выпускали президента из бункера Белого дома, да и его они считают не вполне безопасным. Единственное, когда охрана вздыхает с облегчением, — это когда президент проводит время с К. Арнольдом Барентом. Этим разные президенты занимаются вот уже последние тридцать с лишним лет. В июне Фонд западного наследия Барента устраивает ежегодный летний лагерь, и сорок—пятьдесят самых влиятельных людей мира, сняв смокинги, отдыхают на одном из его бесчисленных островов. Это что-нибудь говорит вам про его службу охраны?

— Только то, что она хорошая, — сказал Сол.

— Лучшая в мире, — поправил Коэн. — Если завтра Тель-Авив сообщит, что будущее Израиля зависит от внезапной смерти К. Арнольда Барента, я вызову оттуда наших самых подготовленных людей, соберу группы коммандос, рядом с которыми освободители заложников в Энтеббе — это детский сад[1], подтяну отряды мстителей из Европы — и тогда у нас будет лишь один шанс из десяти подобраться к нему.

— Как именно вы бы попытались это сделать? — спросил Сол.

Коэн молчал несколько минут.

— Гипотетически, — наконец промолвил он, — я бы дождался того момента, когда он окажется в зависимости от чьей-то чужой охраны, например президента, и тогда попытался бы... О господи, Сол, это все пустые разговоры. Где вы были тридцатого марта?

— В Кесарии, — ответил Ласки. — И тому есть масса свидетелей. Что бы вы еще попробовали?

Коэн покусал губы.

— Барент постоянно совершает перелеты, а это всегда увеличивает уязвимость. Охрана на земле, естественно, не даст установить взрывчатку на борту, но остается перехват или ракеты «зем-

[1] 4 июля 1976 г. израильский спецназ совершил рейд в аэропорт Энтеббе (Уганда) для освобождения пассажиров захваченного палестинскими террористами самолета «Эр-Франс».

ля — воздух». Если вы заранее сможете узнать, куда направляется самолет, когда и как определить его местонахождение в нужный момент...

— Вы можете это сделать? — спросил Сол.

— Да, — съязвил Коэн, — если все ресурсы военно-воздушных сил Израиля объединить с электронным обеспечением разведок, воспользоваться американским спутником и системами противоядерной защиты, а также если мистер Барент окажет нам любезность и будет совершать полет над Средиземным морем или Южной Европой по заранее утвержденному расписанию.

— У него есть яхта, — не унимался Сол.

— С корпусом длиной двести шестнадцать футов, «Антуанетта». Она куплена им двенадцать лет назад за шестьдесят девять миллионов долларов у одного покойного греческого судового магната, больше известного в качестве второго мужа некой американской вдовы, чей первый супруг оказался на слишком близком расстоянии от хорошо настроенной оптической винтовки, которую держал в руках бывший морской пехотинец[1]. — Коэн перевел дух. — На борту яхты Барента столько же охраны, как и на любом из его островов. Никто никогда не знает, куда она направляется и в какой именно момент он будет на борту. На ней имеются две посадочные площадки для вертолетов, она снабжена катерами, которые занимаются разведывательной деятельностью, если поблизости оказываются какие-нибудь суда. Не исключено, что яхту можно торпедировать, хотя я сомневаюсь в этом. Она маневренна, оснащена радарами и системами контроля более совершенными, чем современные эсминцы.

— Итак, наша гипотетическая дискуссия подошла к своему концу, — произнес Сол, и по его тону Натали поняла, что все рассказанное Джеком уже было ему известно.

— Здесь мы остановимся. — Коэн свернул на боковую дорогу.

На указателе значилось «Сан-Хуан-Капистрано». Они притормозили у заправочной станции, и Коэн расплатился своей кредиткой. Натали, продолжая бороться со сном, вышла из машины и размяла ноги. Стало прохладнее, ей показалось, что где-то неподалеку плещутся волны и пахнет морем. Она подошла к Джеку, который наливал себе кофе из автомата.

---

[1] После смерти Дж. Ф. Кеннеди его супруга Жаклин вышла замуж за греческого судовладельца Аристотеля Онассиса (1906–1975).

— Вы проснулись, — улыбнулся он. — Добро пожаловать обратно в нашу реальность.

— А я и не спала... почти, — откликнулась Натали.

Коэн сделал глоток и поморщился. Кофе был отвратительным.

— Странный разговор. Вы в курсе планов Сола?

— Да, мы вместе их составляли.

— И вы знаете, что находится в фургоне?

— Если это то, что было в нашем списке, то да. — Они направилась обратно к машине.

— Ну что ж, надеюсь, вы отдаете себе отчет в своих действиях, — пробормотал моссадовец.

— Нет, — улыбнулась Натали, — но мы очень благодарны вам за помощь, Джек.

— Еще бы. — Коэн открыл для нее дверцу машины. — Если только благодаря моей помощи вы не ускорите собственный конец.

Они проехали еще восемь миль по автостраде, удаляясь от побережья, свернули к северу через низкорослый лес и наконец остановились у фермерского дома.

— Это ранчо наши люди с Западного побережья использовали как укрытие, — пояснил Коэн. — В последний год в нем не было никакой необходимости, но здесь поддерживался порядок. Местные власти считают, что это летний дом, принадлежащий чете молодых профессоров с Анахеймских холмов.

Дом был двухэтажным, на втором этаже располагались спальни, заставленные дешевыми кроватями. В трех спальнях могли ночевать по меньшей мере с дюжину человек. Застекленная дверь внизу вела в небольшую гостиную с диванами и низким журнальным столиком.

— Это все было устроено как-то летом, когда тут велись долгие допросы одного члена организации «Черный сентябрь», который принимал нас за ЦРУ. Мы помогали ему скрываться от страшного и ужасного Моссада, пока он не рассказал нам все, что знал. Думаю, эта комната вполне подойдет для вас.

— Как нельзя лучше, — согласился Сол. — Мы сэкономим здесь несколько недель на подготовку.

— Хотел бы я остаться с вами ради интереса, — усмехнулся Коэн.

— Если это окажется интересным. — Сол пытался справиться с охватившей его зевотой. — Мы как-нибудь сядем вместе и все вам расскажем.

— Договорились, — кивнул Джек Коэн. — А как насчет того, чтобы выбрать себе по комнате и немного поспать? У меня завтра рейс в половине двенадцатого из Лос-Анджелеса.

В начале девятого Натали проснулась от страшного грохота. Она огляделась, не понимая, где находится, а потом отыскала свои джинсы и быстро натянула их.

Сола в соседней комнате не оказалось. Джека Коэна тоже нигде не было. Натали спустилась и вышла на улицу. Небо было ослепительно-синим, и день обещал быть жарким. К дороге, по которой они приехали, тянулся луг, заросший высохшей травой. Она обошла дом и за старой дверью, прислоненной к забору, обнаружила Сола и Джека. В центральной панели двери зияла дыра диаметром в десять дюймов.

— Семинар по пластиковой взрывчатке, — пояснил Коэн, когда Натали подошла ближе. — Это было меньше половины унции. Можно представить, какой эффект будет при ваших сорока фунтах. — Он встал с колен и отряхнул брюки. — Как насчет завтрака?

Холодильник в доме был пуст и лежал на боку, но Коэн принес из фургона большой герметичный контейнер, и в течение следующих двадцати минут все трое сосредоточенно вытаскивали сковородки и кофейники, поворачивали в разные стороны ручки плиты — словом, мешали друг другу. Когда наконец порядок был восстановлен и кухня наполнилась ароматами кофе и яичницы, все трое уселись за стол. В середине необязательного разговора Натали вдруг снова ощутила глубокую печаль и поняла, что эта комната напоминает ей дом Роба. Сейчас ей казалось, что до Чарлстона десятки сотен миль, и она даже не могла вспомнить, сколько времени прошло с ее последнего визита в этот город.

После завтрака они занялись разгрузкой фургона. Втроем им удалось втащить огромную подставку с энцефалографом. Все электронное оборудование они перенесли в помещение для наблюдений, отгороженное зеркальной дверью. Ящики с Си-4 и контейнер с детонаторами перетащили в подвал.

Когда работа была закончена, Коэн поставил на стол две небольшие коробки.

— А это подарок от меня, — пояснил он.

В первой коробке лежало два пистолета. На синих этикетках значилось: «Кольт МК. IV. Серия 380».

— Я бы предпочел подарить вам такие же, сорок пятого калибра, как у меня. То, что действительно способно остановить любого.

Но эти почти на полфунта легче, ствол у них на два дюйма короче, и вмещают они семь патронов, а не шесть. К тому же для начинающих у них сравнительно небольшая отдача, и их легче скрыть. Они вполне годятся для небольшого расстояния. — Он выложил на стол три коробки патронов. — Место приобретения снаряжения установить не удалось. Знаю только, что оно входило в состав перехваченного груза Ирландской освободительной армии и в процессе транспортировки было каким-то образом утеряно.

Джек раскрыл коробку побольше и вытащил оттуда тяжелый пистолет странной формы. Длинная прямоугольная призма ствола казалась непропорционально большой по сравнению с рукоятью, а отверстие слишком маленьким. Словно футуристический прототип пистолета-пулемета, только без магазина.

— Я чуть было не позвонил Марлину Перкинсу[1], чтобы отыскать такое с дальнобойностью выше десяти футов, — пояснил Коэн. — Большинство подобного оружия делается специально на заказ. Заряда углекислого газа хватает на двадцать выстрелов. Хотите посмотреть в действии?

Натали спустилась с крыльца, взглянула на фургон и расхохоталась. На желтом фоне синими буквами было написано: «Сварные ванны Джека и Нат. Установка и ремонт. Наша специализация — горячие ванны и душевые».

— Так было или это вы раскрасили? — спросила она.

— Я.

— А это не будет выглядеть подозрительно?

— Возможно, хотя, честно говоря, я надеялся на противоположный эффект.

— Почему?

— Вы направляетесь в достаточно фешенебельный район, хорошо охраняемый полицией. К тому же население там страдает паранойей. Стоит вам остановиться где-нибудь на полчаса, и на вас обратят внимание, а эта надпись может помочь.

Натали кивнула и отправилась с мужчинами за сарай, откуда навстречу им из загона вышла небольшая свинья.

— Я думала, ферма не используется по назначению, — удивилась девушка.

— Не используется, — улыбнулся Коэн. — Но я приобрел свинью вчера утром. Это была идея Сола.

---

[1] *Марлин Перкинс* (1905–1986) — американский зоолог, популярный телеведущий.

— Она весит сто сорок фунтов, — заметил Сол. — Ты же помнишь наш разговор с Ицеком в зоопарке?

— Ах да! — воскликнула Натали.

Коэн поднял странное оружие:

— Штука довольно неуклюжая, но целиться надо так же, как из любого пистолета. Просто представьте себе, что ствол — это ваш указательный палец. — Раздался громкий щелчок, и в дверь сарая вонзилась маленькая стрелка с синим хвостиком. Коэн отогнул ствол и открыл коробочку на столе. — Вот эти, с синим кружком наверху, — пустые. Приготовьте собственный раствор, у Сола есть все необходимое. Ампулы с красными кружками на пятьдесят кубиков, с зелеными — на сорок, с желтыми — на тридцать, а с оранжевыми — на двадцать. — Он вынул красную ампулу и вставил ее в ствол. — Хотите попробовать, Натали?

— Конечно. — Она взяла ружье и прицелилась в дверь сарая.

— Нет-нет, — остановил ее Сол. — Давай испытаем это на нашей подружке.

Натали повернулась и с жалостью посмотрела на свинью. Та стояла, принюхиваясь, обратив к ней свой пятачок.

— В основе состава лежит кураре, — пояснил Коэн. — Вещь очень дорогая и не столь безопасная, как утверждают зоологи. Вам придется точно рассчитывать необходимое количество на вес тела. На самом деле свинья не лишится сознания. По сути, это не транквилизатор, а скорее специфический токсин, парализующий деятельность нервной системы. Стоит немного недобрать, и ваша мишень, хотя и почувствует некоторую немоту в членах, все же сможет благополучно ускакать. Небольшой перебор — и вместе со способностью совершать произвольные поступки будет подавлен процесс дыхания и сердцебиения.

— А это правильная концентрация? — Натали бросила взгляд на ружье.

— Выяснить можно только одним способом. Этот кусок ветчины весит приблизительно столько, сколько сказал Сол. Пятьдесят кубиков рекомендуется для животных именно такого размера. Давайте попробуем.

Натали обошла загон, чтобы лучше прицелиться. Свинья просунула пятачок сквозь решетку, будто ждала от них угощения.

— Надо целиться в какое-то специальное место? — спросила она.

— Старайтесь не попасть ей в морду и в глаза, — ответил Коэн. — Могут возникнуть проблемы и при попадании в шею, зато любое другое место вполне годится.

Натали подняла пневматический пистолет и выстрелила свинье в бедро. Та подпрыгнула, взвизгнула и бросила на девушку укоризненный взгляд. Через восемь секунд задние ноги у нее подогнулись, она пробежала еще полкруга, волоча часть тела по земле, а потом повалилась на бок, тяжело дыша.

Все трое тут же вошли в загон. Сол приложил ладонь к боку свиньи:

— Сердце колотится как сумасшедшее. Может, раствор слишком концентрированный?

— Вы же хотели быстродействующий, — ответил Коэн. — Чтобы поймать животное, при этом не убивая его.

Сол заглянул в открытые, подернутые пленкой глаза свиньи:

— Она нас видит?

— Да, — кивнул Джек. — Время от времени животное может терять сознание, но в основном органы чувств у него работают нормально. Оно не способно двигаться и издавать звуки, однако будьте уверены, эта ветчина как следует рассматривает нас и запоминает, чтобы потом расплатиться.

Натали похлопала по боку парализованную свинью.

— Ее зовут не ветчина, — тихо промолвила она.

— Да ну? — улыбнулся Коэн. — А как же?

— Хэрод, — ответила Натали. — Энтони Хэрод.

Глава 41

Вашингтон, округ Колумбия
Вторник, 21 апреля 1981 г.

Во время своего полета Джек Коэн думал о Соле Ласки и Натали. Он тревожился о них, не зная, что именно они собираются делать и каковы их возможности. После тридцати лет работы в разведке он знал, что любители в конце операции неизбежно оказываются в списке погибших. Коэн попытался утешить себя тем, что это не будет операцией в прямом смысле слова, и задумался, чем же тогда это будет?

Он чувствовал, что Сол очень обеспокоен и поглощен предстоящей задачей, что для него имела большое значение полученная информация о Баренте и об остальных членах Клуба Островитян. Джек размышлял, все ли меры предосторожности принял во время

компьютерных поисков. Был ли он достаточно предусмотрителен, когда ездил в Чарлстон и в Лос-Анджелес? Конечно, Коэн заверил психиатра, что занимается этой работой с сороковых годов, но по мере приближения к Вашингтону он ощущал все большее беспокойство и чувство вины, которые у него всегда были связаны с участием гражданских лиц в военных операциях. В сотый раз он уговаривал себя, что инициатива исходила не от него. «Может, это не я пользуюсь ими, а они мной?» — вопрошал себя Коэн.

Он был абсолютно уверен, что племянника Сола Ласки и Леви Коула убили люди из контрразведки ФБР. Однако убийство всей семьи Арона Эшколя продолжало оставаться для него немыслимым и необъяснимым. Коэн знал, что ЦРУ могло вляпаться в подобную ситуацию, утратив контроль за своими контрактными исполнителями, — однажды он сам участвовал в такой операции в Иордании, которая обернулась гибелью трех гражданских лиц, — но он никогда не слышал, чтобы так опрометчиво действовало ФБР. Однако когда Ласки указал ему на связь между Чарльзом Колбеном и миллионером Барентом, это стало для него совершенно очевидным. Сам Коэн занимался сбором мельчайших улик, относящихся к убийству Леви Коула. Леви был протеже Коэна, блестящим молодым оперативником, временно назначенным в отдел связей и шифровок для получения необходимого опыта, но готовили его для гораздо более серьезных задач. Леви обладал редчайшими и необходимыми для агента качествами. Успех сопутствовал ему. Он был наделен интуитивной осторожностью и в то же время обожал азарт чистой игры, когда противники, которым, возможно, никогда не суждено встретиться и узнать истинные имена или звания друг друга, вступают в изощренное состязание интересов.

У Коэна была собственная теория насчет того, почему ФБР так быстро деградировало. Он полагал, что, возможно, ненамеренное вмешательство Арона и Леви каким-то образом вывело Колбена на след проводящейся уже восьмой год операции «Иона» по внедрению израильских «кротов» в американские контрразведывательные агентства. В триумфальной эйфории, последовавшей за Шестидневной войной, в Тель-Авиве созрел план подключиться к основным каналам американской разведки, сажая платных информаторов на ключевые позиции. С помощью конкурирующих групп Моссад проанализировал и выяснил, какие именно информационные каналы ФБР самые важные. Кроме того, приводились доводы о необходимости захвата основных источников сведений ФБР по

внутренним делам Соединенных Штатов — особенно досье на крупных политических лидеров, которые Бюро собирало в собственных интересах начиная с эпохи Дж. Эдгара Гувера. Эти досье могли бы оказаться бесценным рычагом в урегулировании будущих кризисов, когда Израилю потребовалась бы помощь конгресса США.

Тогда эту операцию сочли слишком рискованной, но так продолжалось лишь до ужаснувшей всех войны Судного дня, которая показала перестраховщикам в Тель-Авиве, что сохранение Израиля возможно лишь при получении доступа к такой совершенной и всеобъемлющей разведке, какой владеет только Америка. Операция по внедрению своих агентов началась одновременно с назначением Джека Коэна на пост главы отделения Моссада в Вашингтоне в 1974 году. Теперь эта операция под кодовым названием «Иона» оказалась тем самым китом, который поглотил Моссад. На этот проект было потрачено неимоверное количество денег и времени: сначала для того, чтобы расширить операцию, а затем — чтобы обеспечить ее необходимым прикрытием. Израильские политики жили в постоянном страхе, что американцы раскроют «Иону» в тот самый момент, когда поддержка Соединенных Штатов окажется для страны решающей. Бóльшая часть сведений, поступавших из Вашингтона, не могла быть использована уже по той причине, что это обнаружило бы существование подобной операции. Коэну казалось, что Моссад начинал действовать как классический любовник, страшащийся того дня, когда его измена будет раскрыта, и так страдающий от усталости и угрызений совести, что сам страстно желает разоблачения.

Коэн задумался о возможных вариантах. Он мог либо продолжить свое сотрудничество с Солом и Натали, сохраняя формальную дистанцию между Моссадом и их непонятной любительской затеей и дожидаясь, что из этого выйдет, либо же вмешаться на настоящем этапе. По крайней мере, заставить группу Западного побережья занять более активную позицию. Он не стал говорить Солу, что фермерский дом начинен подслушивающими устройствами. Коэн мог распорядиться, чтобы тройка из его лос-анджелесской команды установила фургон с аппаратурой под прикрытием леса в миле от дома, и поддерживать с ними связь по совершенно безопасным каналам. Это означало бы активно задействовать в операции по меньшей мере с полдюжины агентов Моссада, однако другого пути Коэн не видел.

Сол Ласки говорил, что больше не станет дожидаться спасительной кавалерии, но в этом случае она подключится без его ведома. Коэн пока не видел связи между операцией «Иона» и контактами Барент — Колбен, между отсутствующим и, возможно, мифическим оберстом Ласки и всем тем безумием, которое творилось в Вашингтоне и Филадельфии. Но что-то явно происходило. И он выяснит, что именно. А если ему придется столкнуться с возражениями начальства, что ж, пусть будет так.

У Коэна была с собой единственная небольшая сумка, но он сдал ее в багаж, поскольку в ней был пистолет. Да уж, таможня — это всегда лишняя головная боль.

И он подумал, что решил правильно, когда, получив свою сумку, вышел из здания аэропорта в Далласе и направился к долгосрочной стоянке, где оставил свой старый синий «шевроле».

«Надо позвонить Джону или Эфраиму в Лос-Анджелес, предупредить их о ферме и распорядиться, чтобы они прикрывали Ласки и девушку, — подумал Коэн. — По крайней мере, у них будет поддержка, что бы они там ни затевали».

Он протиснулся к своей машине, открыл дверцу и швырнул сумку на пассажирское сиденье. За его спиной в узком проходе появился кто-то еще, он раздраженно оглянулся, мол, могли бы подождать, пока он не даст задний ход...

Дальше Коэну потребовалась секунда, прежде чем в нем возобладали древние инстинкты. И еще секунда ушла на то, чтобы рассмотреть в тусклом свете лицо приблизившегося человека. Это был Леви Коул.

Уже вспомнив, что его пистолет запрятан под бельем в сумке, Коэн продолжал бесцельно шарить в кармане своей куртки. Потом он выкинул вперед руки в защитном жесте, хотя тот факт, что перед ним стоял Леви, и вызывал у него некоторое смятение.

— Леви?

— Джек!

То был крик о помощи. Молодой агент исхудал и был очень бледен, словно провел несколько недель в подвале без воздуха. Зрачки расширены, взгляд пустой. Он поднял руки, будто желая обнять Коэна, однако тот уперся ладонью в грудь агента, останавливая его.

— Что происходит, Леви? — спросил он. — Где ты был?

Леви Коул был левшой. Коэн забыл об этом. Короткое выкидное лезвие вдруг блеснуло в его руке. Движение было быстрым и незаметным, как мгновенно прокатившаяся судорога. Лезвие но-

жа, пройдя под ребрами, вонзилось Коэну в сердце, и тело шефа Моссада тут же обмякло.

Леви усадил Коэна на место водителя и оглянулся. Сзади к «шевроле» подъехал лимузин, закрывая обзор. Он вынул бумажник Коэна, достал из него деньги и кредитные карточки, обыскал карманы куртки и сумку, вытряхнув одежду на заднее сиденье. Из машины он вышел с пистолетом, авиабилетом, деньгами и кредитными карточками, а также с конвертом, в котором Коэн хранил квитанции. Скинув мертвое тело на пол, Леви захлопнул дверцу «шевроле» и направился к ожидавшему его лимузину.

Машина выехала со стоянки и по автостраде направилась к Арлингтону.

— Здесь немного, — сообщил Ричард Хейнс по рации. — Разве что два счета за бензин на заправочной станции в Сан-Хуан-Капистрано. Гостиничные счета из Лонг-Бич. Это вам что-нибудь говорит?

— Отправьте туда своих людей, — раздался голос Барента. — Начните с мотелей и заправочных станций. Кстати, ласточки уже вернулись в Капистрано?

— Боюсь, мы пропустили это событие[1]. — Хейнс бросил взгляд на Леви Коула, сидевшего рядом и безучастно смотревшего вперед. — Что будем делать с вашим приятелем?

— Мне он больше не нужен, — ответил Барент.

— На сегодня или вообще?

— Думаю, вообще.

— О'кей, — откликнулся Хейнс. — Мы позаботимся об этом.

— Ричард...

— Да?

— Пожалуйста, начните поиски немедленно. То, что привлекло любопытного мистера Коэна, непременно окажется небезынтересным и для меня. Я ожидаю от вас сообщений не позже пятницы.

— Вы их получите.

Ричард Хейнс выключил рацию и уставился на пейзажи штата Виргиния, мелькавшие за окном. Над головой, мигая огнями, взлетал реактивный самолет, и Хейнс невольно подумал, не мистер ли Барент направляется куда-нибудь? Сквозь тонированное стекло чистое голубое небо приобретало цвет бренди. Салон машины заливало болезненным, коричневатым светом, который создавал ощущение надвигавшейся бури.

---

[1] Ежегодное возвращение ласточек в бывшую католическую миссию Сан-Хуан-Капистрано в день святого Иосифа (19 марта)

Глава 42

В окрестностях Меридена, штат Вайоминг
Среда, 22 апреля 1981 г.

К северо-востоку от Шайенна расстилался тот самый тип западного пейзажа, который у одних вызывает поэтическое настроение, у других же — немедленный приступ агорафобии. Стоило свернуть с автострады и проехать сорок миль, как вокруг раскидывались бескрайние, забытые богом прерии. На расстоянии многих миль от дороги временами попадались случайные ранчо, а еще дальше к востоку бастионами вздымались холмы, кое-где мелькали ручьи, обрамленные кустарником и редкими деревьями, между которыми бродили пугливые стайки косуль и стадо коров, сбившихся в кучу, хотя им были предоставлены миллионы акров пастбища.

На фоне этого привольного пейзажа пусковые площадки выглядели столь же непривлекательно, как все, что является плодом человеческих рук. Небольшие прямоугольные участки, покрытые обожженными сгустками гравия, располагались в основном ярдах в пятидесяти от дороги. От естественных газовых скважин или пустующих стоянок их отличало прочное металлическое ограждение. По углам его виднелись трубы с отражающими зеркалами и низкая массивная бетонная крыша, установленная на ржавых опорах. Последнее можно было рассмотреть, лишь приблизившись на такое расстояние, с которого была видна надпись: «Вход воспрещен. Собственность правительства Соединенных Штатов. При обнаружении посторонних лиц на данной территории охрана стреляет без предупреждения». За исключением этого, ничего не было. Лишь ветер свистел в прерии, да время от времени с полей доносилось мычание коров.

Синий фургон военно-воздушных сил выехал с базы Уоррен в 6:05 утра и должен был вернуться с остатками штатного состава эскадрильи в 8:27, в промежутке доставив персонал смены на различные объекты. В то утро в фургоне находились шестеро молодых лейтенантов, двое из которых направлялись на юго-восток от Меридена, в центр управления стратегического военного командования ВВС США, а остальные — на тридцать восемь миль дальше, в бункер, расположенный неподалеку от Чагвотера.

Оба лейтенанта на заднем сиденье без всякого интереса взирали на мелькавший мимо безрадостный пейзаж. Они были знакомы

с космическими фотографиями этого участка земли; так же он выглядел и с советского спутника. На снимках изображались шесть тысяч квадратных миль прерии — десять колец ракетных шахт, представляющих собою окружности по восемь миль в диаметре. Каждая из шестнадцати пусковых площадок в каждом круге была оснащена ракетой «Минитмен-3». В последние месяцы шли разговоры об уязвимости этих устаревших площадок, обсуждалась противоударная стратегия Советов, которые могут засыпать эти прерии боеголовками, взрывающимися со скоростью одна в минуту. Ходили слухи о необходимости укрепления шахт и об оснащении их более совершенным новым оружием. Но эти политические проблемы отнюдь не волновали лейтенантов Билла Дэниэла и Тома Уолтерса. Это были просто два молодых человека, промозглым весенним утром отправлявшиеся на работу.

— Ты как, Том? — спросил Билл.

— Нормально, — ответил Уолтерс, не отводя взгляда от далекого горизонта.

— Сидел с этими туристами допоздна?

— Нет, — покачал головой Уолтерс, — вернулся около восьми.

Билл поправил сползавшие темные очки и ухмыльнулся:

— Так я тебе и поверил.

Фургон притормозил и свернул влево, на две покрытые гравием колеи, ведущие вверх, на северо-запад от шоссе. Миновали три указателя, требующие от тех, кто не имеет разрешения на въезд на закрытую территорию, сменить направление. Через четверть мили фургон остановился у первых ворот пропускного пункта. Все по очереди предъявили охранникам свои удостоверения, и те по рации передали сведения о фургоне впередистоящим постам. Процедура повторилась и у въезда в центральный корпус. Лейтенанты Дэниэл и Уолтерс вышли из фургона и направились к проходной, а машина тем временем развернулась по направлению к спуску. Выхлопной дым повис в холодном утреннем воздухе.

— Так ты сделал ставку у Смита? — поинтересовался Билл, когда они вошли в кабину лифта.

Скучающий охранник с М-16 с трудом подавил зевок.

— Нет, — ответил Уолтерс.

— Ты серьезно? Мне казалось, ты хотел сделать ставку.

Лейтенант Уолтерс покачал головой. Они перешли в другую, меньшую кабину и спустились под землей на три этажа к центру управления запусков. Прежде чем войти в помещение, они мино-

вали еще два пункта проверки и отсалютовали дежурному офицеру в приемной. Часы показывали 7:00.

— Лейтенант Дэниэл заступил на дежурство, сэр.

— Лейтенант Уолтерс заступил на дежурство, сэр.

— Ваши удостоверения, джентльмены, — обратился к ним капитан Хеншоу.

Он тщательно сверил фотографии на удостоверениях с лицами стоявших перед ним молодых людей, хотя знал их уже больше года. Затем капитан кивнул сержанту, тот вставил кодированную карточку в прорезь замка, и первая герметичная дверь с шипением отворилась. Через двадцать секунд то же произошло со второй дверью, и оба лейтенанта ВВС вошли внутрь. Они отсалютовали предыдущей смене и улыбнулись.

— Сержант, зарегистрируйте, что лейтенанты Дэниэл и Уолтерс сменили лейтенантов Лопеса и Миллера в... ноль семь ноль одну тридцать, — распорядился капитан Хеншоу.

— Слушаюсь, сэр.

Два уставших человека покинули свои обитые дерматином кресла и передали новым дежурным толстые журналы, скрепленные тремя кольцами.

— Что-нибудь есть? — поинтересовался Билл.

— В три пятьдесят было зафиксировано какое-то нарушение связи с поверхностью, — ответил лейтенант Лопес. — Гасс уже занимается этим. Обрыв наступил в четыре двадцать, и все заработало снова в пять десять. Терри передал сигнал тревоги на Шестую южную в пять тридцать пять.

— Опять кролик? — поинтересовался Билл.

— Неисправный датчик давления. Вот и все. Ты не заснул, Том?

— Нет, — откликнулся Уолтерс и улыбнулся.

— Не трогайте тумблеры управления, — напоследок предупредил лейтенант Лопес, и оба дежурных вышли.

Дэниэл и Уолтерс закрыли за ними двери и уселись в синие кресла на колесиках, которые скользили по направляющим вдоль северной и западной стены с приборными панелями. Целеустремленно взявшись за дело и время от времени переговариваясь через закрепленные на голове микрофоны с дежурными других участков командного центра, они проверили свои первые пять объектов. В 7:43 последовала контрольная связь с Омахой через базу Уоррен, и лейтенант Дэниэл передал сведения по двенадцати каналам. Затем он взглянул на своего коллегу, лейтенанта Уолтерса:

— Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь, Том?

— Голова болит, — пожаловался тот.

— Возьми аспирин в аптечке.

— Потом, — отмахнулся Уолтерс.

В 11:56, как раз в тот момент, когда Дэниэл распаковывал термосы и коричневые пакеты с едой, с военно-воздушной базы Уоррен поступила команда о полной боевой готовности. В 11:58 Дэниэл и Уолтерс открыли красный сейф, достали оттуда свои ключи и активировали последовательный механизм запуска. В 12:10 комплекс был готов к запуску, оставалось лишь включить источники питания зарядов и дать команду на старт шестнадцати ракет с их ста двадцатью боеголовками. По сигналу из Уоррена Дэниэл включил двухминутную систему «отбоя», когда Уолтерс вдруг расстегнул свои пристежные ремни, встал и двинулся прочь от пульта.

— Том, что ты делаешь? Нам надо закончить все до завтрака, — заволновался Билл.

— Голова болит, — снова сказал Уолтерс. Лицо у него вдруг покрылось мертвенной бледностью, зрачки расширились и как-то неестественно заблестели.

Билл достал с полки аптечку:

— По-моему, здесь есть сильнодействующий...

И тут лейтенант Уолтерс вынул свой пистолет сорок пятого калибра и выстрелил лейтенанту Дэниэлу в затылок, предварительно удостоверившись, что траектория полета пули пойдет вниз и не заденет приборные панели. Но пуля из черепа напарника не вышла. Билл дернулся и упал вперед, повиснув на ремнях. Из-за гидростатического давления кровь хлынула из его глаз, ушей, носа и рта. Через секунду замигали два желтых огонька интеркома и сработало сигнальное устройство, предупреждающее, что открывается внешняя дверь.

Уолтерс неторопливо подошел к внутренней двери и два раза выстрелил в электронный замок. Затем он вернулся к приборной панели Билла и включил аварийную систему резервного наполнения командного пункта стопроцентным кислородом. Сев в свое кресло, Уолтерс в течение нескольких минут изучал инструкции.

Громкий стук едва доносился из-за толстой стальной двери. Лейтенант вынул из кармана своего мертвого напарника длинный ключ зажигания и вставил его в пусковую панель. Он повернул пять тумблеров в положение запуска, затем проделал то же самое на своем пульте и вставил свой ключ.

— Черт побери, что вы делаете, лейтенант?! — раздался голос полковника Андерсона из командного центра в Уоррене, когда Уол-

терс включил интерком. — Одному вам все равно не удастся ничего запустить. Немедленно откройте дверь!

Уолтерс выключил интерком и уставился на стрелку часов, продолжающую отсчитывать секунды. В соответствии с установленной процедурой запуска ракет в это время под огромными бетонированными площадками должен был осуществляться подрыв взрывчатки, чтобы снести стодесятитонные заслонки, расположенные на расстоянии в четверть мили от пункта, и обнажить гладкие стальные шахты и носы трехступенчатых межконтинентальных баллистических ракет. За шестьдесят секунд до зажигания завоют сирены, предупреждая о состоянии боевой готовности всех находящихся поблизости. В действительности же их вой спугнет разве что кроликов да пасущихся поблизости коров или случайного владельца ранчо, проезжающего мимо на своем пикапе. Ракеты работали на твердом топливе, ожидавшем лишь электронного зажигания, чтобы вспыхнуть. Запуск программ траектории, ведения, включения гироскопов и электронных механизмов уже был осуществлен в процессе подготовительной серии процедур. За тридцать секунд до зажигания компьютеры выдержат паузу, дожидаясь, когда сигнал запуска будет дан вторым ключом. Задержка могла растянуться на неопределенное время, пока оба ключа не будут повернуты.

Уолтерс окинул взглядом приборную панель Билла. Оба ключа находились на расстоянии шестнадцать футов друг от друга. Их надо было повернуть в течение одной секунды. Военно-воздушные силы потрудились основательно, чтобы гарантировать невозможность осуществить запуск одним человеком за необходимый отрезок времени.

Уголки рта Тома Уолтерса задергались. Он подошел к Биллу Дэниэлу, оттолкнул кресло с трупом так, что оно отъехало в дальний конец стены, и вытащил из кармана ложку и два мотка проволоки. Ложка была заблаговременно вынесена из офицерской столовой в Уоррене. Уолтерс привязал основание ложки к выступу ключа, приведя его в нужное положение, а более длинный кусок проволоки закрепил на ее черенке. Затем он вернулся к собственному пульту, натянул проволоку, дождался тридцатисекундной готовности и, повернув собственный ключ, дернул. Ложка оказалась подходящим рычагом, чтобы повернуть ключ Билла.

Компьютер воспринял сигнал запуска, подтвердил код активации, запрограммированный Уолтерсом и Биллом во время испытаний, и перешел к непосредственному исполнению предстартовых операций.

Уолтерс взял свой журнал и написал короткую записку, после чего глянул на дверь. Там, где находился замок, сталь светилась вишнево-красным светом от ацетиленового паяльника, которым орудовали с другой стороны. Оставалось минуты две до момента, когда металл наконец подастся и дверь будет прожжена насквозь.

Лейтенант Том Уолтерс улыбнулся, сел в кресло, пристегнул ремни, засунул в рот ствол своего пистолета сорок пятого калибра, так что он уткнулся в нёбо, и большим пальцем спустил курок.

Через три часа генерал ВВС США Верн Кетчем вместе со своим помощником полковником Стивеном Андерсоном вышли из центра запуска, чтобы глотнуть свежего воздуха и выяснить причиненный ущерб. Стоянка и склон холма за зоной внутренней охраны были усеяны военными транспортными грузовиками и машинами «скорой помощи». На земле стояли пять вертолетов, и еще два кружили в небе.

Полковник Андерсон посмотрел на безоблачный небосклон:

— Интересно, что обо всем этом подумают русские?

— К черту русских! — разозлился Кетчем. — Мне сегодня здорово достанется от всех, вплоть до вице-президента. Я не успею вернуться, как меня тут же с ним свяжут. И каждый будет интересоваться, каким образом такое могло произойти. И что мне им говорить, Стив?

— Мы и раньше иногда сталкивались со сложностями, — задумчиво сказал Андерсон, — но такого еще не было. Вы видели результаты последнего психиатрического обследования Уолтерса, проведенные всего два месяца назад. Нормален, умен, не женат, хорошо адаптируется к стрессовым ситуациям, честолюбив лишь в пределах служебных обязанностей, пунктуален в выполнении приказов, прошлой осенью входил в состав команды-победительницы на соревнованиях по запуску ракет в Вандербурге. Воображения не больше, чем вон у того мешка с углем. В общем, идеальная кандидатура для службы на ракетной базе.

Кетчем закурил сигару и выпустил облако дыма.

— Так что же тогда произошло?

Андерсон покачал головой, глядя на опускавшийся вертолет:

— Я ничего не понимаю. Уолтерс знал, что завершающая процедура запуска ракеты может быть осуществлена лишь в тандеме еще с двумя операторами, находящимися в отдельном контрольном центре. Он знал, что компьютеры будут выдерживать пятисе-

кундную паузу, пока не получат оттуда подтверждения. Но он без причины убил Дэниэла и застрелился сам.

— Эта записка у вас? — спросил Кетчем, не вынимая сигары изо рта.

— Так точно, сэр.

— Отдайте ее мне.

Предсмертная записка Уолтерса была вставлена в пластиковый конверт, хотя Кетчем не видел в этом никакого смысла. Уж конечно, никто не станет снимать с нее отпечатки пальцев. Сквозь пластик была отчетливо видна запись: «У. Б. — К. А. Б. Королевская пешка на В6. Шах. Твой ход, Кристиан».

— Какой-то шифр, верно, Стив? — спросил Кетчем. — Этот шахматный бред что-нибудь говорит вам?

— Нет, сэр.

— Как вы думаете, может, К. А. Б. — это Комитет авиационной безопасности?

— Не вижу особого смысла, сэр.

— А что это за чушь про Кристиана? Уолтерс что, верил в реинкарнацию или нечто похожее?

— Нет, сэр. Согласно показаниям капеллана базы, лейтенант был унитарием, но службы в церкви никогда не посещал.

— Буквы «У» и «Б» могут означать Уолтерс и Билл, — предположил Кетчем, — но какой в этом смысл?

Андерсон покачал головой:

— Не имею представления, сэр. Может, разведка или ФБР что-нибудь выяснят. По-моему, вон в том зеленом вертолете прилетел специальный агент из Денвера.

— Как мне надоело, что они везде суют свой нос, — проворчал Кетчем, вынимая сигару изо рта.

— Таков закон, сэр, — откликнулся Андерсон. — Они обязаны заниматься этим.

Генерал Кетчем повернулся и смерил полковника таким взглядом, что тот опустил глаза и с особой заинтересованностью принялся рассматривать складку на своих брюках.

— Ну что ж, — наконец изрек Кетчем, отбрасывая в сторону сигару. — Пошли к этим гражданским попугаям. Хуже уже не будет. — Он развернулся на каблуках и четким шагом направился к стоявшей в отдалении группе людей.

Полковник Андерсон наклонился к брошенной сигаре, удостоверился, что она погасла, и вприпрыжку кинулся догонять командующего.

Глава 43

МЕЛАНИ

Жизнь каким-то образом стала казаться более безопасной.

Сквозь шторы и жалюзи просачивался мягкий свет, очерчивая контуры знакомых предметов: темную спинку моей кровати, высокий шкаф, сделанный по заказу родителей в год наступления нового века, мои гребни на туалетном столике, разложенные в том же порядке, как много лет назад, стеганое одеяло бабушки, покрывавшее мои ноги.

Приятно было просто лежать и прислушиваться к деловитой суете людей, заполнявших дом. Говард и Нэнси расположились в гостевой комнате, по соседству с моей спальней, которая когда-то принадлежала родителям. Сестра Олдсмит спала на раскладушке рядом с моей дверью. Мисс Сьюэлл бóльшую часть времени проводила на кухне, готовя для всех еду. Доктор Хартман жил через двор, но, как и остальные, почти всегда находился в доме, следя за состоянием моего здоровья. Калли спал в маленькой комнате за кухней, которая когда-то принадлежала мистеру Торну, но спать ему приходилось не так уж много. По ночам он сидел в кресле у входной двери. Чернокожий юноша занял лежанку, которую мы соорудили для него на задней веранде. Ночью все еще было прохладно, но он не возражал.

Маленький Джастин много времени проводил со мной. Он расчесывал мне волосы, отыскивал книги для чтения и всегда находился под боком, когда мне нужно было послать кого-то с поручением. Иногда я просто отправляла его в свою комнату для шитья, и он сидел там в плетеном шезлонге, наслаждаясь лучами солнца, видом неба за ветками деревьев и ароматом новых растений, которые покупал и рассаживал Калли. Мои фарфоровые статуэтки снова красовались в застекленной этажерке — я заставила негра починить ее.

Было что-то приятное и волнующее в том, чтобы наблюдать за миром глазами Джастина. Его чувства и восприятие были настолько обострены, настолько свободны от каких-либо корыстных соображений, что иногда казались чуть ли не болезненными, и уж конечно, они завораживали. С каждым разом мне становилось все сложнее удерживать свое внимание в пределах собственного тела.

Сестра Олдсмит и мисс Сьюэлл с оптимизмом наблюдали за процессом моего выздоровления и настойчиво продолжали прово-

дить все терапевтические мероприятия. Я позволяла им это и даже отчасти поощряла, хотя не испытывала ни малейшего желания снова начинать ходить, говорить, что означало бы возвращение в этот мир. Однако в какой-то мере обещанное ими улучшение меня пугало, поскольку я понимала, что оно неизбежно повлечет за собой ослабление моей Способности.

Каждый день доктор Хартман осматривал меня, ободрял и проводил необходимые исследования. Сестры купали меня, каждые два часа переворачивали с боку на бок и двигали мои конечности, чтобы суставы и мышцы не костенели. Вскоре после нашего возвращения в Чарлстон они приступили к процедурам, которые требовали активного участия с моей стороны. Я уже могла двигать левой рукой и ногой, но, когда я совершала это, контролировать мое маленькое семейство становилось очень тяжело. Поэтому вскоре мы ввели обычай, требующий, чтобы в течение часа моих оздоровительных процедур все, за исключением сестер, замирали и нуждались в моем внимании не больше, чем лошади в стойле.

К концу апреля я снова стала видеть левым глазом и могла двигать своими конечностями. Я странно ощущала левую половину тела, словно лицо, рука, бок и нога постоянно находились под новокаиновой блокадой, однако неудобств мне это не доставляло.

Доктор Хартман гордился мною. Он говорил, что я представляю собой редкий случай, так как в первые недели после кровоизлияния в мозг функции моих органов чувств были полностью заблокированы. И хотя наблюдалась картина явного левостороннего паралича, признаков пароксизма или нарушений зрения не было.

Тот факт, что я молчала в течение трех месяцев, вовсе не означал, будто доктор заблуждался, полагая, что я не страдаю дисфункцией речи, столь часто встречающейся после удара. Я говорила каждый день — устами Говарда, Нэнси, мисс Сьюэлл или еще кого-нибудь. После длительных бесед с доктором Хартманом я пришла к собственному выводу, почему эта способность не была у меня нарушена.

Инсульт поразил лишь правое полушарие мозга, речевые же центры, как у большинства людей, более активно пользующихся правой рукой, у меня были расположены в левом, неповрежденном полушарии. Но доктор Хартман объяснил, что зачастую больные со столь обширными кровоизлияниями временно перестают говорить, пока функции речевых центров не переместятся в новые, неповрежденные участки мозга. Я поняла, что из-за моей Способ-

ности подобные перемещения происходили со мной постоянно. Теперь же, когда она возросла, я не сомневалась в том, что смогу восстановить все функции своего организма даже в том случае, если будут повреждены оба полушария. В моем распоряжении имелся неограниченный запас здоровой мозговой ткани! Каждый, с кем я вступала в контакт, становился моим донором нейронов, синапсов, речевых ассоциаций и запаса воспоминаний.

Воистину, я стала бессмертной!

Именно в это время я осознала пользу нашей Игры для здоровья и механизмы наркотической зависимости от нее. Применяя Способность, особенно постоянно Используя кого-то, чего требовала Игра, мы делались моложе. Точно так же как в наше время продлеваются жизни больных с помощью трансплантации органов и тканей, наши жизни обновлялись путем Использования чужих сознаний, энергии, заемных РНК, нейронов и всех остальных эзотерических составляющих, до которых низводит сознание современная наука.

Глядя на себя чистыми глазами малыша Джастина, я видела скорчившуюся, угасающую старуху с воткнутыми в руку иглами капельниц, с выпирающими костями, обтянутыми бледной кожей, но я знала, что это впечатление ошибочно. Никогда еще я не чувствовала себя такой молодой, как сейчас. Я впитывала энергию окружающих, как подсолнух накапливает солнечный свет, и знала, что вскоре смогу подняться со своего ложа, воскрешенная этой лучистой энергией, которая питала меня день за днем.

Ночью меня посетила ужасная мысль: «Боже мой, неужели таким образом и Нине удалось ожить после смерти?»

Если, претерпев кислородную смерть небольшого участка собственного мозга, мне удалось увеличить свою Способность, расширив ее до невиданных пределов, разве не могла Нина, с ее гораздо большими ресурсами, за ту долю секунды, которая последовала за моим выстрелом, воскреснуть из мертвых? Чем отличалась ее дырочка во лбу от моего собственного инсульта?

По прошествии часов и даже дней после нашей стычки Нинино сознание могло переместиться в сознание других людей. За последние годы я довольно много читала о том, как жизнь в людях поддерживается с помощью разнообразной аппаратуры, которая заменяет, стимулирует или воспроизводит функции сердца, почек и еще бог знает чего. Поэтому я не видела никакого противоречия

в том, что Нинина Способность могла продолжить свое существование в чьем-то чужом мозгу.

«Нина разлагается в гробу, тогда как ее Способность дает возможность сознанию скользить во тьме бесформенным зловещим духом.

Голубые Нинины глаза выпирают из глазниц под напором белых личинок, сжирающих ее мозг, но он все равно восстанавливается.

Энергия всех Использованных ею возвращается обратно в ее тело, и скоро Нина восстанет в том же лучезарном блеске юности, силу которой я ощущаю теперь в себе. Только труп Нины будет двигаться во сне».

Явится ли она сюда снова?

В ту ночь никто из моей «семьи» не спал. Одни сидели со мной, другие заслоняли меня от страшной тьмы за окном, и все же уснуть я не могла.

Миссис Ходжес никак не хотела продавать свой дом до тех пор, пока доктор Хартман не предложил ей совершенно несусветную сумму. Я могла вмешаться в их переговоры, но, поглядев на миссис Ходжес, предпочла этого не делать. Прошло всего пять месяцев с того дня, как «в результате несчастного случая» погиб ее муж Джордж, но она за этот короткий срок постарела не меньше чем на двадцать лет. Прежде миссис Ходжес всегда тщательно следила за своими волосами и подкрашивала их вызывающей рыжей краской, теперь же ее волосы висели неубранными седыми прядями. Взгляд ее стал беспокойным. Она всегда была некрасива, но теперь даже не пыталась скрыть свои морщины и складки косметикой.

Мы выплатили запрошенную ею сумму. Вскоре деньги перестанут быть для нас проблемой, к тому же, еще раз пристально взглянув на миссис Ходжес, я подумала о том, что в будущем смогу найти ей другое применение.

Весна наступила незаметно, как это всегда бывает на моем любимом юге. Иногда я позволяла Калли выносить меня на руках в комнату для шитья, а раз — всего один раз — он вынес меня во двор, чтобы я отдохнула в шезлонге и посмотрела, как чернокожий юноша вскапывает землю в саду. Калли, Говард и доктор Хартман обнесли весь двор высоким забором высотой десять футов, так что я не боялась посторонних, мне просто вредно было принимать солнечные ванны. Гораздо приятнее было разделять чувства с Джас-

тином, когда он играл на траве или присоединялся к мисс Сьюэлл, загоравшей на патио.

Дни становились все длиннее и теплее. Ко мне в открытые окна долетал аромат свежей зелени. Иногда мне казалось, что я слышу визг и смех внучки миссис Ходжес и ее подруги, но потом я поняла, что, скорее всего, это совсем другие дети, живущие по соседству.

Днем пахло свежескошенной травой, а ночью — медом. Благословенный мой юг! Я чувствовала себя в безопасности...

Глава 44

Беверли-Хиллз
Четверг, 23 апреля 1981 г.

В четверг после полудня Тони Хэрод лежал в роскошной королевски постели в отеле «Хилтон» и размышлял о любви. Эта тема его никогда особенно не интересовала. Хэрод полагал, что любовь — это фарс, чреватый тысячью банальностей. Она оправдывала ту ложь, самообман и лицемерие, которые процветали в отношениях между полами. Тони гордился тем, что спал с сотнями женщин, и никогда не делал вид, что влюблен в них, хотя, возможно, в те последние секунды, когда они ему отдавались, в момент оргазма он и испытывал нечто напоминавшее любовь.

Теперь же Тони Хэрод был влюблен, кажется, по-настоящему.

Он поймал себя на том, что постоянно думает о Марии Чэнь. Его пальцы и губы хранили подробную память о ее теле, повсюду ему чудился ее сладкий, неповторимый запах. Ее темные волосы, карие глаза и нежная улыбка витали в его сознании как некий бестелесный образ, скользящий на периферии реальности, — образ был хрупким и растворялся при едином повороте головы. Одно ее имя, произнесенное вслух, вызывало в нем странные и необъяснимые чувства.

Хэрод закинул руки за голову и уставился в потолок. Скомканные простыни еще хранили острый аромат секса, из ванной доносился плеск воды.

Днем Хэрод и Мария Чэнь по-прежнему продолжали заниматься своими делами. Каждое утро, пока он лежал в джакузи, она приносила ему почту, отвечала на телефонные звонки, писала письма под его диктовку, затем ездила на студию на съемки «Торговца ра-

бынями» или на просмотр эпизодов, отснятых накануне. В связи с профсоюзными проблемами съемки были перенесены в «Парамаунт», и Хэрод был рад, что мог наблюдать за работой, не покидая дом на долгое время. Накануне он смотрел пробы с Джанет Делакурт — двадцативосьмилетней коровой, взятой на роль семнадцатилетней нимфетки, и вдруг представил в главной роли Марию Чэнь, неуловимую смену ее настроений вместо грубых эмоциональных всплесков Делакурт, ее чувственную и смуглую наготу вместо бледного тяжелого тела.

После Филадельфии Тони и Мария Чэнь лишь трижды занимались любовью — совершенно необъяснимое для Хэрода воздержание, возбуждавшее в нем такую страсть, что она уже переходила из сферы физической в психологическую. Бóльшую же часть дня он думал о Марии. Ему доставляло удовольствие даже то, как она двигается по комнате.

Плеск воды в ванной прекратился, до Хэрода донеслись приглушенные шорохи и гудение фена.

Он попробовал представить себе жизнь с Марией Чэнь. У них было достаточно денег, так что они могли спокойно собраться и уехать куда-нибудь и прожить без каких-либо проблем в течение двух-трех лет. Хэроду всегда хотелось все бросить, найти небольшой островок на Багамах или где-то еще и посмотреть, удастся ли ему написать что-нибудь стоящее, кроме дешевых киношных эпизодов. Он представлял себе, как отсылает Баренту и Кеплеру записку с советом убираться ко всем чертям и исчезает. Видел, как Мария Чэнь идет по берегу в своем синем купальнике и как они вдвоем пьют кофе с круассанами, любуясь восходом. Тони Хэроду нравилось быть влюбленным.

Джанет Делакурт вышла из ванной комнаты обнаженной и встряхнула головой так, что ее длинные белокурые волосы рассыпались по плечам.

— Тони, малыш, сигаретки не найдется?

— Нет.

Хэрод открыл глаза и увидел лицо, как у потасканной пятнадцатилетки, и грудь такого размера, что Расс Мейер[1] обкончался бы. Джанет снялась в трех фильмах, но ее актерские способности, слава богу, так и остались нераскрытыми. Кинодива была замужем за шестидесятитрехлетним техасским миллионером, который ку-

[1] *Расс Мейер* (1922–2004) — американский независимый режиссер, мастер жанра «сексплойтейшн».

пил ей чистопородного скакуна и роль оперной примадонны, над которой в течение нескольких месяцев потешался весь Хьюстон. Теперь же миллионер скупал для нее Голливуд. Режиссер «Торговца рабынями» Шу Уильямс неделю назад в баре заявил Хэроду, что Делакурт и падение со скалы не сможет изобразить — даже если ее оттуда столкнуть. В ответ Хэрод напомнил ему, из каких источников была получена треть бюджета в девять миллионов долларов, и предложил в пятый раз переписать сценарий, чтобы избавиться от тех эпизодов, в которых Джанет должна была делать нечто, выходящее за пределы ее возможностей — например, говорить, — заменив это парой постельных сцен.

— Кажется, у меня есть в сумочке. — И Джанет принялась копаться в холщовой сумке, превышавшей по размерам ту, которую Хэрод обычно брал с собой в путешествия.

— У тебя ведь сегодня пересъемка эпизода в сериале с Дерком, так? — спросил он.

— Угу. — Она затолкала в рот жвачку и принялась жевать ее, не вынимая сигареты изо рта. — Шу сказал, что лучше, чем сняли во вторник, все равно уже не снимем. — Она легла на живот, опершись на локти и прижавшись к бедру Хэрода грудями. Они выглядели как тяжелые дыни на прилавке фруктового лотка.

Хэрод закрыл глаза.

— Тони, малыш, это правда, что оригинал пленки хранится у тебя?

— Какой пленки?

— Ну, ты знаешь. Той, где малышка Шейла Баррингтон дергает какого-то хера за хер.

— Ах этой...

— О господи, за последние несколько месяцев я видела эту десятиминутную запись уже минимум в шестидесяти домах. Такое ощущение, что люди никак не насмотрятся. Но ведь у нее же вообще нет сисек!

Хэрод промычал что-то невразумительное.

— Я видела ее на том благотворительном вечере. Ну, знаешь, который устраивался для детей, больных... как это там называется?.. Она сидела за столом с Дрейфусом, Клинтом и Мерил и изображала из себя чуть ли не святую. Понимаешь, о чем я? А теперь, когда над ней все стали смеяться, она выглядит так глупо.

— Над ней действительно стали смеяться?

— Конечно. Знаешь, Дон — он так смешно умеет говорить. Он подошел к Шейле и сказал что-то вроде: «Мы удостоены присут-

ствия одной из прелестнейших русалок с тех пор, как Эстер Уильямс[1] забросила свою купальную шапочку...» Так у тебя есть?

— Что?

— Оригинал этой записи?

— Какая разница, у кого оригинал, если копии разошлись по всему городу?

— Тони, малыш, мне просто интересно, вот и все. Я считаю, это хорошая месть за то, что Шейла дала тебе от ворот поворот с «Торговцем гусынями» и вообще.

— «Торговец гусынями»?

— Ну, Шу так называет этот фильм. Вроде как Крис Пламмер всегда называет «Звуки музыки» «Звуками пузика», знаешь? Мы все так говорим.

— Забавно, — пробормотал Хэрод. — А кто сказал, что Баррингтон предлагали там роль?

— Ну, малыш, всем известно, что ей первой предложили. Я думаю, если бы наша мисс Недотрога подписала контракт, фильм получился бы гораздо хуже. — Джанет загасила сигарету. — А теперь она вообще ничего не может получить. Я слышала, что диснеевская группа отказалась от большого мюзикла с ее участием, а Донни и Мари вышвырнули ее из этого спецвыпуска, который делали на Гавайях. Ее старая мормонская мамаша подергалась-подергалась и получила инфаркт или типа того. Вот так. — Джанет принялась елозить грудью по его ноге и бедру.

Хэрод отстранил ее и сел на край кровати.

— Пойду приму душ. Ты пока не уйдешь?

Джанет Делакурт перекатилась на спину и наградила его улыбкой:

— А ты очень хочешь, чтобы я осталась?

— Не особенно, — признался он.

— Ну и хрен с тобой, — без всякой враждебности в голосе произнесла Джанет. — Я прогуляюсь по магазинам.

Через сорок минут Хэрод вышел из «Хилтона» и протянул ключи служащему отеля в красном пиджаке и белых брюках.

— Которую сегодня, мистер Хэрод? — поинтересовался тот. — «Мерседес» или «феррари»?

— Давай «мерседес», Джонни, — бросил Хэрод.

---

[1] *Эстер Уильямс* (1921–2013) — американская пловчиха и актриса, прозванная «русалкой Голливуда», звезда «водных мюзиклов» 1940–1950-х гг.

— Сейчас, сэр.

Тони сощурился и принялся рассматривать сквозь темные очки пальмы и синее небо. На его взгляд, скучнее пейзажа, чем в Лос-Анджелесе, не было нигде в мире. Разве что в Чикаго, где он вырос.

К нему подкатил «мерседес», и Хэрод уже протянул руку с пятидолларовой банкнотой, когда увидел в салоне улыбающееся лицо Джозефа Кеплера.

— Садись, Тони, — произнес Кеплер. — Надо кое о чем поговорить.

Они направились к каньону Колдуотер. Хэрод не спускал с Кеплера глаз.

— Охрана в «Хилтоне» действительно становится паршивой, — заметил он. — Теперь в твоей машине может оказаться любой уличный бродяга.

Губы Кеплера дернулись в улыбке.

— Джонни меня знает, — пояснил он. — Я сказал ему, что это розыгрыш.

Хэрод ухмыльнулся в ответ.

— Мне надо поговорить с тобой, Тони.

— Ты уже сказал это.

— А ты у нас юморист, да, Тони?

— Хватит молоть языком! — оборвал его Хэрод. — Если тебе есть что сказать, говори.

Кеплер на огромной скорости вел «мерседес» по дороге, петлявшей вдоль каньона, и придерживал руль одной рукой.

— Твой дружок Вилли сделал еще один ход, — многозначительно сообщил он.

— Притормози-ка, — попросил Хэрод, — побеседуем здесь. Но если ты еще раз назовешь его моим дружком, мне придется вогнать тебе зубы в глотку. Понял, Джозеф?

Кеплер искоса взглянул на Хэрода и усмехнулся краешками губ.

— Вилли сделал следующий ход, и теперь на него надо отвечать.

— Что он вытворил на этот раз? Трахнул жену президента или еще кого-то?

— Нет, нечто более серьезное и драматичное.

— Мы что, так и будем играть в вопросы и ответы?

— В конце концов, не важно, что он сделал, в газетах ты об этом не прочтешь, но это что-то такое, что Барент не может оставить без внимания. То есть твой... то есть Вилли намерен повышать ставки, и нам придется отвечать ему тем же.

— Переходим к тактике выжженной земли? — поинтересовался Хэрод. — Будем убивать каждого американского немца старше пятидесяти пяти лет от роду?

— Нет, мистер Барент намерен вступить в переговоры.

— А как вы собираетесь это сделать, если даже не можете найти старого негодяя? — Хэрод поглядел на крутые склоны, окутанные туманом. — Или вы по-прежнему считаете, что я поддерживаю с ним связь?

— Нет. — Кеплер покачал головой. — Зато я поддерживаю.

Хэрод вздрогнул от неожиданности и выпрямился.

— С Вилли? — удивился он.

— А мы о ком говорим?

— Где... как ты отыскал его?

— Я его не искал. Я написал ему. Он ответил. Мы поддерживаем весьма приятную деловую переписку.

— И куда же ты отправил свое письмо?

— В его домик в лесах Баварии.

— В Вальдхайм? Старый особняк возле чешской границы? Но там же нет ни души! Люди Барента следят за ним с декабря, когда я еще был там.

— Верно, — откликнулся Кеплер, — но сторожа продолжают присматривать за домом. Немцы, отец и сын по фамилии Мейер. Мое письмо не вернулось, а через несколько недель я получил ответ от Вилли. Проштамповано во Франции. Второе письмо было из Нью-Йорка.

— И что он пишет? — спросил Хэрод, чувствуя, как его охватывают злость и волнение.

— Вилли пишет, что хочет вступить в Клуб и отдохнуть этим летом на каком-нибудь острове.

— Ну и ну! — воскликнул Хэрод.

— И знаешь, я ему верю, — продолжил Кеплер. — Думаю, его обидело то, что мы не пригласили его раньше.

— А еще то, что вы подстроили ему авиакатастрофу и натравили на него его старую подружку Нину.

— Возможно, это тоже, — кивнул Кеплер. — Но мне кажется, он готов забыть старые обиды.

— А что говорит Барент?

— Мистер Барент не знает, что я нахожусь в контакте с Вилли.

— О господи! — выдохнул Хэрод. — А не слишком ли ты рискуешь, Джозеф?

Кеплер ухмыльнулся:

— Он неплохо обработал тебя, да, Тони? Нет, я не слишком рискую. Барент не сделает ничего ужасного, даже если узнает об этом. После исчезновения Чарльза и Нимана коалиция К. Арнольда потеряла былую силу и прочность. Не думаю, что Барент хочет развлекаться на острове один.

— Ты собираешься сказать ему?

— Да, — ответил Кеплер. — Я полагаю, после вчерашнего происшествия он будет только благодарен, что мне удалось связаться с Вилли. Барент согласится на включение старика в летние забавы, если удостоверится, что это безопасно.

— А это может быть безопасным? — удивился Хэрод. — Неужели ты не понимаешь, на что способен Вилли? Этот старый сукин сын не остановится ни перед чем.

— Вот именно, — согласился Кеплер. — Но, думаю, мне удалось убедить нашего бесстрашного вождя, что гораздо безопаснее иметь Вилли при себе, где за ним можно наблюдать, пока он не истребил нас поодиночке. К тому же Барент продолжает тешить себя надеждой, что ни один человек, с которым он вступил в... э-э-э... личный контакт, не представляет угрозы для него.

— Ты считаешь, он сможет нейтрализовать Вилли?

— А ты как считаешь? — с неподдельной заинтересованностью спросил Кеплер.

— Не знаю. — Хэрод пожал плечами. — Способность Барента представляется мне уникальной. Что же касается Вилли... я не уверен в том, что он обычный человек.

— Это не имеет никакого значения, Тони.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что, возможно, Клуб Островитян нуждается в смене исполнительного руководства.

— Ты намекаешь на отставку Барента? И как это можно сделать?

— Нам ничего не надо будет делать, Тони. Единственное, что мы должны, — это продолжать поддерживать связь с нашим корреспондентом Вильгельмом фон Борхертом и постараться убедить его, что мы займем нейтральную позицию в случае каких-либо... неприятностей на острове.

— Вилли будет участвовать в проведении летнего лагеря?

— В последний вечер общих мероприятий, — кивнул Кеплер. — А затем пробудет с нами всю следующую неделю, чтобы поучаствовать в охоте.

— Сомневаюсь, что Вилли вот так запросто отдастся во власть Баренту, — заметил Хэрод. — У Барента сколько там... сотня охранников?

— Скорее, две сотни, — уточнил Кеплер.

— С такой армией даже Вилли не сладит. С чего он будет подставлять себя?

— Барент даст честное слово, что обеспечит Вилли безопасный проход.

Хэрод рассмеялся.

— Ну, тогда, я думаю, все в порядке. Если Барент даст свое слово, тогда уж Вилли наверняка положит голову на плаху, — съязвил он.

Кеплер ехал по Малхолланд-драйв. Ниже виднелось еще одно шоссе.

— Но ты же представляешь себе альтернативу, Тони? Если Барент уничтожит старика, мы просто вернемся к своим делам, только ты будешь уже полноправным членом. Если же у Вилли в кармане есть какой-нибудь сюрприз, мы с распростертыми объятиями примем его к себе.

— Ты уверен, что сможешь сосуществовать с Вилли? — поинтересовался Хэрод.

Кеплер свернул на стоянку возле амфитеатра Голливуд-Боул, где стоял серый лимузин с тонированными стеклами.

— Поживешь с гадюками столько, сколько пожил я, Тони, — заметил он, — и поймешь: не так уж важно, что за яд у новой змеи в клубке, главное, чтобы она не кусала соседок.

— А как насчет Саттера?

Кеплер заглушил мотор «мерседеса».

— Перед приездом сюда у меня был долгий разговор с преподобным. При всей давности и глубине его дружбы с Кристианом, он все же не сомневается, что кесарю — кесарево.

— То есть?

— То есть надо заверить Вилли, что Джимми Уэйн Саттер не будет возражать, если портфель мистера Барента перейдет в другие руки.

— Знаешь что, Джозеф, — сказал Хэрод. — Ты не умеешь выразить ни одной простой мысли, даже когда от этого зависит твоя жизнь.

Кеплер улыбнулся и открыл дверцу машины:

— Ты с нами или нет, Тони?

— Если быть с вами означает сидеть тихо и не влезать в это дерьмо, то да, — ответил Хэрод.

— Мысль выражена достаточно просто и ясно, — с улыбкой похвалил Кеплер. — Твой дружок Вилли хочет знать, на чьей ты стороне.

Хэрод окинул взглядом залитую солнцем стоянку, повернулся к Кеплеру и устало произнес:

— Я с вами.

Было уже почти одиннадцать вечера, когда Хэрод решил съесть парочку хот-догов с горчицей и луком. Он отложил в сторону переписанный сценарий, над которым работал, и отправился в западное крыло дома. Из-под дверей комнаты Марии Чэнь все еще виднелась полоска света. Он дважды постучался:

— Я собираюсь в «Пинкс». Хочешь со мной?

Ее голос прозвучал приглушенно, словно она говорила из ванной.

— Нет, спасибо.

— Ты уверена?

— Да.

Хэрод натянул кожаный пиджак и вывел из гаража «феррари». Он получал удовольствие от быстрой езды, от резкого переключения скоростей и гонки с соперниками, которые имели наглость соревноваться с ним на бесконечном бульваре.

«Пинкс», как всегда, был переполнен. Хэрод съел два хот-дога за стойкой, а третий прихватил с собой. Между темным фургоном и его машиной стояли какие-то подростки. Один из них даже облокотился на «феррари», беседуя с двумя девушками. Хэрод подошел к нему.

— Проваливай, парень, а то тебе не поздоровится, — бросил он.

Мальчишка был на шесть дюймов выше Тони, но отскочил от «феррари» так, будто случайно прикоснулся к раскаленной плите. Вся четверка медленно двинулась прочь, время от времени оглядываясь на Хэрода и дожидаясь того момента, когда расстояние станет достаточно безопасным, чтобы можно было облить его потоками ругани. Хэрод оценивающим взглядом посмотрел вслед двум девицам. Та, что пониже, была очень хороша — черноволосая, смуглая, в дорогих шортах и обтягивающей майке, которая, казалось, сдавливала ее полную грудь. Он представил себе, как удивятся ее приятели, если она вдруг развернется и залезет к нему в «феррари»... Но сегодня он слишком устал.

Сев за руль, Тони доел третий хот-дог, запил его остатками кока-колы и уже включил зажигание, когда вдруг послышался тихий голос:

— Мистер Хэрод.

Дверь стоящего рядом фургона открылась, на пассажирском сиденье, свесив длинные ноги, сидела чернокожая красотка. Хэрод уловил что-то знакомое в ее чертах и механически улыбнулся, вспоминая, где и при каких обстоятельствах он ее видел. Девушка держала на коленях какой-то предмет, обхватив его руками.

Хэрод захлопнул дверцу и уже собрался тронуться с места, когда раздался легкий хлопок, какой издавали глушители в его бесчисленных шпионских фильмах, и в его левое плечо впилось что-то острое.

— Черт! — воскликнул он, поднял правую руку, чтобы пощупать плечо, но тут перед его глазами все поплыло, и приборная панель врезалась ему в лицо.

Окончательно сознания Хэрод не потерял, но ощущения, испытываемые им, весьма напоминали беспамятство. Казалось, его заперли в подвале собственного тела. Звук и изображение доносились смутно, будто Хэрод смотрел передачу отдаленной дециметровой станции по дешевому черно-белому телевизору, а из соседней комнаты вещало искаженное помехами радио. Затем кто-то накрыл его голову капюшоном. Он ощутил легкую качку, словно находился на борту маленькой шлюпки, но это ощущение было расплывчатым и недостоверным.

Потом его куда-то понесли, по крайней мере так ему казалось. Возможно, он сам схватил себя руками за ноги, хотя нет, руки его были крепко связаны сзади чьим-то ремнем.

Прошло еще сколько-то времени. Хэрод пребывал в прострации, плавая где-то внутри себя в приятном омуте обманчивых ощущений и сбивчивых воспоминаний. Откуда-то издалека до него доносились два голоса. Один из них явно принадлежал ему, но разговор — если это был разговор — вскоре надоел ему, и он снова погрузился в темноту с той же пассивной безучастностью, с какой тонущий ныряльщик позволяет течению увлечь себя в бездну.

Тони Хэрод осознавал, что с ним происходит что-то нехорошее, но ему было на это глубоко наплевать.

Его разбудил свет. Свет и боль в запястьях. И еще одна нестерпимая боль, которая заставила его вспомнить «Чужих» Ридли Скотта, когда тварь вылезает из груди бедного сукина сына. Кто его играл? Ах да, Джон Херт. Что это за свет режет ему глаза? И поче-

му так болят запястья? Что такое он пил накануне, если в голове у него все перемешалось?..

Хэрод попытался сесть и вскрикнул от боли. Этот крик, казалось, разорвал пленку, отделяющую его от окружающего мира, и он начал обращать внимание на то, что еще совсем недавно казалось неважным.

Он находился в постели. Правая рука лежала на подушке, прикованная наручниками к мощному металлическому изголовью кровати. Левая рука вытянулась вдоль тела, и ее наручник был прикреплен к какой-то неподвижной части, находящейся под матрасом. Хэрод попытался поднять левую руку и услышал металлический скрежет. Значит, к остову или к трубе. Или еще к чему-нибудь. Он пока был не в состоянии повернуть голову, чтобы убедиться. Возможно, ему удастся сделать это позднее.

Черт, с кем он провел ночь? У Хэрода было несколько подружек с садомазохистскими наклонностями, но он никогда не позволял себе оказываться в роли жертвы. Слишком много выпил? Или Вита наконец затащила его в свою комнату наслаждений? Хэрод открыл глаза и, невзирая на боль, доставляемую режущим светом, заставил себя не закрывать их больше.

Белая комната, белая кровать, простыни, медные спинки, тоже зачем-то выкрашенные в белый цвет, на противоположной стене маленькое зеркало в белой крашеной раме, дверь. Белая дверь с белой ручкой. С потолка на белом шнуре свисает единственная голая лампочка — ватт эдак миллионов на десять, вон как глаза режет. Сам он лежал почему-то в белой больничной рубашке. Он ощутил разрез на спине и почувствовал, что, кроме рубашки, на нем ничего нет.

Ладно, не Вита. Она все больше по камню и бархату. У кого из его знакомых эдакий медицинский сдвиг? Вроде бы ни у кого.

Хэрод пошевелил кистями и ощутил под наручниками свежие ссадины. Он чуть наклонился влево и посмотрел вниз. Белый пол. Левое запястье приковано к белому металлическому остову кровати. Больше двигаться было незачем. Разве что накатит приступ тошноты, и тогда он заплюет весь этот чистенький белый пол. Это надо было обдумать.

На какое-то время Хэрод погрузился в забытье. Когда он пришел в себя, горел все тот же режущий глаза свет, он находился все в той же белой комнате, разве что голова стала болеть чуть меньше. Тогда Тони вспомнил о психиатрических клиниках. Неужели

кто-то умудрился затолкать его в подобное местечко? Но в психушках больным не надевают наручники. Или надевают?

Его охватил такой ужас, что он начал брыкаться и дергаться, пока полностью не обессилел. Барент, Кеплер, Саттер — эти сукины дети куда-то упрятали его, и теперь остаток жизни он проведет, глядя на белые стены и оправляясь под себя?!

Нет, эти негодяи не стали бы так поступать. Они бы просто убили его.

А потом Тони вспомнил «Пинкс», подростков, фургон и черную девушку. Да, это была она. Что о ней говорил Колбен в Филадельфии? Они считали, что ее и шерифа Использует Вилли. Но шериф погиб... Хэрод присутствовал, когда Кеплер и Хейнс подкинули его тело на автовокзал в Балтиморе, чтобы его не связали с их фиаско в Филадельфии.

А кто Использует девушку теперь? Вилли? Возможно, он не удовлетворился посланием, которое отправил Кеплер. Но к чему это все?

Хэрод решил пока ни о чем не думать. Этот процесс был слишком болезненным. Лучше подождать, когда появится кто-нибудь. Если придет чернокожая красотка и окажется, что Вилли или кто-то другой держит ее не слишком крепко, можно будет устроить для них небольшой сюрприз.

Тони нестерпимо хотелось в туалет, и он кричал уже несколько минут, когда дверь наконец открылась и в комнату вошел мужчина. На нем был зеленый хирургический костюм, на голове — шапочка-балаклава с зеркальными очками вместо глаз. Хэрод вспомнил о солнцезащитных очках Кеплера, а потом об убийце в сериале «Вальпургиева ночь», который они снимали вместе с Вилли, и чуть было тут же не обмочился.

Но это был не Вилли. Хэрод сразу это понял. Не походил он и на Тома Рейнольдса — пешку Вилли с пальцами душителя. Впрочем, это не имело значения. У Вилли было время набрать легионы новых пешек.

Хэрод попытался проникнуть в него. Он действительно попытался, но в последнюю секунду его охватило уже знакомое ему отвращение, оказавшееся еще более сильным, чем недавняя тошнота и головная боль, и он оставил свои попытки. Хэрод готов был скорее вылизать чужую задницу или чужой пенис, что казалось ему менее интимным, чем вторгнуться в чужое сознание. От одной мысли об этом он вздрогнул и покрылся холодным потом.

— Кто вы? Где я? — Слова звучали неразборчиво, он едва ворочал одеревеневшим языком.

Мужчина подошел к кровати и глянул на Хэрода. Потом запустил руку под свою хирургическую куртку и вытащил револьвер.

— Тони, — произнес он с мягким акцентом, целясь Хэроду в лоб, — я досчитаю до пяти, а потом выстрелю, так что если ты хочешь что-нибудь сделать — делай это сейчас.

Хэрод напряг руки так, что кровать затрещала.

— Раз... два... три...

Мысли его заскакали как сумасшедшие, но тридцать лет самообработки не давали ему возможности вступить в контакт с мужчиной.

— Четыре...

Он закрыл глаза.

— Пять. — Щелкнул взведенный курок, но выстрела не последовало.

Когда Хэрод открыл глаза, мужчина уже стоял около двери, револьвера у него в руке не было.

— Тебе что-нибудь нужно, Тони? — спросил он тихо, с небольшим акцентом.

— Судно, — умоляюще прошептал Хэрод.

Капюшон благосклонно качнулся.

— Санитар сейчас принесет.

Хэрод дождался, когда закроется дверь, и крепко зажмурился, пытаясь сосредоточиться. «Санитар... боже милостивый, пусть это будет не санитар, а санитарка... какая-нибудь дряхлая кошелка с большими сиськами и прорезью между ног».

Вошла чернокожая. Та самая, из Филадельфии. Которая стреляла в него и доставила его сюда. Он вспомнил, что девушку звали Натали. У него к ней накопился большой счет.

Она была без капюшона, зато к вискам белым пластырем были прикреплены какие-то тонкие провода, прячущиеся в ее вьющихся волосах. В руках у нее было судно, которое она профессионально установила под тело Хэрода и отошла в сторону.

Еще облегчаясь, Хэрод слегка скользнул по ее сознанию. Нет, девушку никто не Использовал. Он даже не мог поверить, что они оказались настолько глупыми, кем бы они ни были. А может, их всего двое? Эта черная красотка и ее сообщник? Колбен, помнится, говорил, что они якобы охотятся за Мелани Фуллер. Вероятно, они не догадывались о том, на что он сам способен.

Тони подождал, пока она не взяла судно и не направилась обратно к двери. Ему нужно было удостовериться, что дверь не заперта. Вилли вполне мог пошутить, оставив их взаперти, предоставить Хэроду возможность Использовать ее, а потом лишить его этой возможности. И что это за датчики в ее волосах? Тони видел такие в каких-то фильмах о больницах, но их закрепляли на пациентах, а не на сестрах.

Девушка тем временем открыла дверь.

Он вторгся в нее с такой силой и скоростью, что она выронила судно, и моча полилась по ее белой юбке.

«Ну-ка, детка, достань мне ключи, — велел Хэрод, протолкнул ее сквозь дверной проем и осмотрелся ее глазами. — Любым способом убей этого мудилу, достань ключи и вытащи меня отсюда».

За дверью виднелся небольшой коридорчик, упиравшийся в следующую дверь. Она была заперта. Он заставил Натали кидаться на дверь, пока не почувствовал, что у нее вывихнуто плечо, и тогда она стала царапать обшивку. Дверь не поддавалась. «К черту!» Хэрод приказал ей вернуться обратно в комнату. Вокруг не было ничего подходящего, что сгодилось бы в качестве оружия. Она подошла к кровати и стала дергать за наручники. Если бы она могла разломать кровать, разобрать ее на части... Но достаточно быстро это сделать невозможно, пока Хэрод остается прикованным к изголовью и раме одновременно. Он взглянул на себя глазами негритянки и увидел небритую щетину на бледных щеках, свои расширенные глаза и свалявшиеся волосы.

Зеркало. Хэрод посмотрел в него и понял, что это тонированное стекло, обладающее односторонней прозрачностью. Если понадобится, он заставит Натали разбить его голыми руками. А если и оттуда не будет выхода, он заставит ее использовать осколки, чтобы прикончить того типа в капюшоне. Он сделает так, что она будет биться физиономией о стекло до тех пор, пока от ее лица не останется ничего, кроме обвисших ошметков черной кожи. Уж онто постарается устроить шоу для тех, кто наблюдает за ним с противоположной стороны. Когда же они войдут, она вцепится им в глотки и будет рвать их зубами и ногтями, выхватит у них оружие и добудет ключи...

Дверь распахнулась, и в комнату снова вошел мужчина в балаклаве. Натали развернулась и присела, готовясь к прыжку. На лице ее появился оскал, который можно увидеть только в зоопарке на звериной морде, когда кормежка слишком долго откладывается.

Вошедший выстрелил из какого-то странного пистолета и попал ей в бедро. Девушка прыгнула вперед, вытянув руки, но мужчина поймал ее и осторожно опустил на пол. Затем он встал рядом с ней на колени, взял ее запястье, чтобы проверить пульс, и, приподняв веко, заглянул в зрачок. Выпрямившись, врач подошел к кровати Хэрода.

— Сукин сын! — произнес он дрожащим голосом, повернулся и вышел из комнаты.

Через некоторое время он появился вновь, набирая в шприц какую-то жидкость из ампулы.

— Это будет немного больно, мистер Хэрод, — тихим, сдавленным голосом произнес он, подходя к кровати.

Хэрод попытался отдернуть левую руку, но мужчина воткнул иглу прямо ему в бедро через рубашку. В течение секунды Тони ощущал лишь немоту, а потом ему показалось, что кто-то внутривенно ввел ему шотландское виски. Пламя охватило его от бедер до груди. У Хэрода перехватило дыхание, когда жар подобрался к самому сердцу.

— Что... что это? — прошептал он, осознавая, что человек в капюшоне убил его. Летальная инъекция, как называла это бульварная пресса. Хэрод всегда был сторонником смертной казни. — Что это?

— Заткнись! — рявкнул мужчина и повернулся спиной, а тьма уже поглотила и кружила сознание Тони Хэрода, унося его прочь, как щепку в бушующем море.

Глава 45

Окрестности Сан-Хуан-Капистрано
Пятница, 24 апреля 1981 г.

Натали выбралась из тумана анестезии и ощутила нежное прикосновение Сола, утиравшего ей лоб влажным полотенцем. Она бросила взгляд вниз, увидела, что ее руки и ноги связаны ремнями, и разрыдалась.

— Ну-ну, — успокоил ее Сол, склонился ниже и поцеловал в лоб. — Все в порядке.

— Как... — начала Натали, умолкла и облизнула губы. Они казались резиновыми и чужими. — Сколько?

— Около получаса, — ответил Сол. — Возможно, мы слишком поскромничали с раствором.

Натали покачала головой. Она вспомнила весь пережитый ужас, когда ее мозг снова подвергся насилию. Вспомнила, как готовилась прыгнуть на Сола. Она понимала, что в тот момент могла бы убить его голыми руками.

— Быстро... — прошептала девушка. — А Хэрод? — Она с трудом заставила себя произнести это имя.

— Первый допрос прошел очень удачно. Электроэнцефалограмма замечательная. Скоро он начнет выходить из этого состояния. Потому-то... — Он указал на ремни.

— Я понимаю, — кивнула Натали.

Она сама помогала оснастить кровать этими ремнями. Сердце у нее все еще колотилось от невероятного адреналинового выброса, происшедшего в то время, когда ее сознанием владел Хэрод, и от страха, который она испытывала перед тем, как войти к нему в комнату. Войти оказалось сложнее всего.

— По-моему, картина весьма примечательная, — сказал Сол. — Согласно электроэнцефалограмме, он не пытался использовать ни тебя, ни меня, пока находился под воздействием пентотала натрия. Уже минут пятнадцать, как он выходит из этого состояния... показатели почти те же, что и сегодня утром. Больше он не пытался восстановить контакт с тобой. Я почти уверен, что для установления первоначального контакта или восстановления прерванного необходимо визуальное общение. Конечно, с обработанными субъектами картина будет выглядеть иначе, но не думаю, что он сможет сейчас Использовать тебя. Он должен тебя видеть.

Натали изо всех сил старалась не расплакаться. Не то чтобы ремни ее очень стесняли, но они вызывали у нее неприятное чувство клаустрофобии. От электродов, закрепленных на голове, к телеметрической установке на ее груди сбегали маленькие проводки. Сол слышал об этой аппаратуре от своих коллег, занимавшихся изучением сна, поэтому смог точно указать Коэну, где ее приобрести.

— Мы просто не знаем... — выдохнула Натали.

— Мы знаем гораздо больше, чем двадцать четыре часа назад, — возразил Сол и вытянул две длинные бумажные ленты с записью ЭЭГ; самописец дикими каракулями отметил пики и падения. — Вот, посмотри. Видишь, сначала появляются эти периодические провалы в гипокампусе. Амплитуда волн постепенно уменьшается, практически сходит на нет, а затем переходит в состояние, ко-

торое можно квалифицировать как быстрый сон. А вот через три секунды, смотри... — Сол развернул вторую ленту, на которой пики и ровные участки почти идеально соответствовали тем, что были изображены на первой. — Полное совпадение. Ты лишилась всех функций высшей нервной деятельности, потеряла контроль над произвольными рефлексами, даже периферическая нервная система оказалась в полном подчинении Хэрода. Потребовалось четыре секунды на то, чтобы ты подключилась к его искаженному состоянию быстрого сна, или чем там оно является... Но, возможно, самая интересная аномалия — это то, что Хэрод начинает генерировать здесь тета-ритм. Это совершенно неоспоримо. И твой гипокампус реагирует идентично, а неокортикальная кривая начинает выравниваться. Этот тета-ритм хорошо исследован у кроликов, крыс и подобных млекопитающих во время их специфически видовой деятельности — состояния агрессии, процесса завоевания лидирующего положения, но он никогда не наблюдался у приматов!

— Ты хочешь сказать, что у меня мозг как у крысы? — спросила Натали. Это была неудачная шутка, и ей снова захотелось плакать.

— Каким-то образом Хэрод и, вероятно, все остальные генерируют в собственном гипокампусе и в гипокампусе своей жертвы этот редчайший тета-ритм, — объяснил Сол, в основном обращаясь к самому себе. Он даже не обратил внимания на попытку Натали пошутить. — Значит, это процесс с одновременной генерацией искусственного состояния быстрого сна. Ты получаешь сигналы органов чувств, но не можешь действовать в зависимости от них, а Хэрод может. Невероятно! — Он указал на резкое распрямление кривой на энцефалограмме Натали. — Это тот самый момент, когда начали действовать нервные токсины из ампулы с транквилизатором. Обрати внимание на отсутствие взаимовлияния: все его желания совершенно очевидно передаются твоему организму с помощью нейрохимических команд, твои же ощущения лишь частично воспринимаются Хэродом. Твоя боль или ощущение парализованности воспринимается им не более чем во сне. А вот через сорок восемь секунд, когда я ввел ему аметил с пентоталом... — Сол показал Натали место, где судорожные рывки линий трансформируются в мягкие волны. — Господи, чего бы я только не отдал, чтобы поработать с ним месяцок в своей лаборатории.

— Сол, а что, если я... что, если ему удастся восстановить контроль надо мной?

Ласки поправил очки.

— Я сразу зарегистрирую этот момент, даже не глядя на записи приборов. Я запрограммировал компьютер на сигнал тревоги при появлении первых же признаков этой лихорадочной деятельности его гипокампуса, внезапного провала твоих альфа-ритмов или проявления тета-ритма у него.

— Да, — вздохнула Натали, — но что ты тогда станешь делать?

— Мы продолжим наши исследования, как и планировали, — ответил Сол. — С помощью купленных Джеком датчиков мы можем передавать сигнал на расстояние до двадцати пяти миль.

— А что, если он способен влиять на сотню миль, на тысячу?

Натали старалась сохранять спокойствие, хотя ей с трудом это удавалось. Вдруг он никогда не отпустит ее? Ей казалось, что она согласилась на какой-то медицинский эксперимент, позволив внедрить в свое тело отвратительного паразита.

Сол взял ее за руку:

— Пока мы должны апробировать диапазон в двадцать пять миль. Если потребуемся, мы вернемся, и я снова введу ему пентотал. Нам уже известно, что он не может контролировать свое поведение, когда находится без сознания.

— Он никогда не сможет его контролировать, если умрет! — зло бросила Натали.

Сол кивнул и сжал ее руку:

— Сейчас он очнулся. Подождем минут сорок, и, если он не предпримет попытки завладеть тобой, ты сможешь встать. Что касается меня, то я не верю, что наш мистер Хэрод сможет это сделать. Каковы бы ни были источники способностей этих монстров, все предварительные данные свидетельствуют, что Энтони Хэрод — самый безопасный из них.

Он налил в чашку воды и напоил Натали, приподняв ее голову.

— Сол... а после того, как ты освободишь меня, ты не станешь отключать сигнал тревоги у компьютера?

— Нет. — Он покачал головой. — До тех пор пока у нас в доме эта гадюка, будем держать ее в клетке.

«Второй допрос Энтони Хэрода. Пятница, 24 апреля 1981 г. 7 часов 23 минуты. Субъект временно находится под воздействием пентотала натрия и мелиритина С. Данные регистрируются также с помощью видеозаписи, ЭЭГ на многоканальном осциллографе и по каналам биодатчиков».

— Тони, ты меня слышишь?
— Да.
— Как ты себя чувствуешь?
— Смешно.
— Тони, когда ты родился?
— А?
— Когда ты родился?
— Семнадцатого октября.
— В каком году, Тони?
— Э-э-э... в сорок четвертом.
— Значит, сколько тебе сейчас лет?
— Тридцать шесть.
— Где ты вырос, Тони?
— В Чикаго.
— Когда ты впервые осознал, что владеешь этими силами?
— Какими силами?
— Силами диктовать свою волю другим людям.
— Ах этими...
— Когда это произошло впервые, Тони?
— Когда тетя велела мне ложиться в постель. Я не хотел спать, и тогда я заставил ее позволить мне не ложиться.
— Сколько тебе было лет?
— Не знаю.
— Ну, как ты думаешь, Тони?
— Лет шесть.
— А где были твои родители?
— Отец к тому времени уже умер — он покончил с собой, когда мне было четыре года.
— А твоя мать?
— Она не любила меня. Она сердилась на меня и отдала тете.
— А почему она не любила тебя?
— Она считала, что это я виноват.
— В чем виноват?
— В смерти отца.
— Почему она так считала?
— Потому что перед тем, как выпрыгнуть, отец ударил меня... сделал мне больно.
— Выпрыгнул? Он выбросился из окна?
— Да. Мы жили на высоком третьем этаже, и отец упал на ограду с острыми пиками.

— Отец часто бил тебя, Тони?

— Да.

— Ты помнишь это?

— Сейчас помню.

— Ты помнишь, за что он избил тебя в тот вечер, когда выбросился из окна?

— Да.

— Расскажи мне об этом.

— Мне было страшно. Я спал в передней комнате, где стоял большой шкаф. Я проснулся и испугался. Как всегда, пошел в мамину комнату. Только там оказался папа. Обычно его там не было, потому что он занимался продажей вещей и часто отсутствовал, а в тот раз он оказался дома, и он делал маме больно.

— Как именно?

— Он лежал на ней голым и делал ей больно.

— И как ты поступил, Тони?

— Я закричал, чтобы он перестал.

— А больше ты ничего не делал?

— Нет.

— Что произошло дальше?

— Папа... перестал. Вид у него был страшный. Он вытащил меня в гостиную и ударил ремнем. Он действительно больно ударил меня. Мама сказала ему не делать этого, но он продолжал меня бить. Было очень больно.

— И ты заставил его остановиться?

— Нет!

— Что произошло дальше, Тони?

— Внезапно папа перестал меня бить. Он поднял голову и пошел какой-то странной походкой. Посмотрел на маму. Она уже не плакала. На ней была папина фланелевая рубашка. Она часто ее надевала, когда его не было дома, потому что она теплая. А потом он подошел к окну и шагнул наружу.

— Окно было закрыто?

— Да. На улице было очень холодно. А ограда была новой. Домовладелец установил ее перед самым Днем благодарения.

— И через сколько времени после этого ты перебрался жить к тете, Тони?

— Через две недели.

— Почему ты решил, что мать сердится на тебя?

— Она сама сказала.

— Что она сердится?
— Что я причинил боль папе.
— Что ты заставил его выпрыгнуть?
— Да.
— А ты заставлял его, Тони?
— Нет!
— Ты уверен?
— Да!
— Тогда откуда же твоя мать знала, что ты можешь заставлять людей делать разные вещи?
— Не знаю!
— Нет, знаешь, Тони. Подумай. Ты уверен, что впервые использовал свои силы, когда заставил тетю позволить тебе не ложиться в кровать?
— Да!
— Ты уверен?
— Да!
— Тогда почему твоя мать считала, что ты способен на такие вещи, Тони?
— Потому что она сама умела это делать!
— Твоя мать умела управлять людьми?
— Да. Она всегда это делала. Она заставляла меня садиться на горшок, когда я был маленьким, молчать, когда я хотел плакать. Она заставляла отца делать для нее разные вещи, когда он был дома, поэтому он все время уходил. Это она сделала!
— Она заставила его выпрыгнуть из окна в тот вечер?
— Нет, она заставила меня заставить его выпрыгнуть.

«Третий допрос Энтони Хэрода. Пятница, 24 апреля. 8 часов 7 минут».
— Тони, кто убил Арона Эшколя и его семью?
— Кого?
— Израильтянина.
— Израильтянина?
— Тебе должен был об этом рассказать мистер Колбен.
— Колбен? Нет, мне об этом говорил Кеплер. Да, точно. Парень из посольства.
— Да, парень из посольства. Кто его убил?
— С ним ездила разбираться команда Хейнса.
— Ричарда Хейнса?
— Да.

— Агента ФБР?
— Да.
— Хейнс лично убил семью Эшколя?
— Думаю, да. Кеплер сказал, что он возглавлял команду.
— А по чьему распоряжению была проведена эта операция?
— Э-э-э... Колбена... Барента.
— Так кого именно, Тони?
— Какая разница? Колбен — просто марионетка Барента. Можно я закрою глаза? Я очень устал.
— Да, Тони, закрой глаза. Поспи, а потом мы еще побеседуем.

«Четвертый допрос Энтони Хэрода. Пятница, 24 апреля. 10 часов 16 минут. Внутривенно введен пентотал натрия. В 10:04 повторно введен амобарбитал натрия. Данные зарегистрированы в видеозаписи на многоканальном осциллографе, энцефалографе и с помощью биодатчиков».
— Тони?
— Да.
— Ты знаешь, где оберст?
— Кто?!
— Уильям Борден.
— А, Вилли...
— Где он?
— Я не знаю.
— У тебя есть какие-нибудь предположения, где он может быть?
— Нет.
— Ты можешь как-нибудь узнать, где он?
— Мм. Возможно. Я не знаю.
— Почему ты не знаешь? Может, кто-нибудь другой знает?
— Может быть, Кеплер.
— Джозеф Кеплер?
— Да.
— Кеплер знает, где находится Вилли Борден?
— Кеплер говорит, что получает письма от Вилли.
— Как давно было прислано последнее письмо?
— Не знаю. Несколько недель назад.
— Ты веришь Кеплеру?
— Да.
— Откуда приходили письма?
— Из Франции, из Нью-Йорка... Кеплер не все мне рассказывал.
— Переписка начата по инициативе Вилли?

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Кто написал первым: Вилли или Кеплер?

— Кеплер.

— Как он связался с Вилли?

— Послал письмо ребятам, которые охраняют его дом в Германии.

— В Вальдхайме?

— Да.

— Кеплер послал письмо сторожам Вальдхайма? И Вилли ответил ему?

— Да.

— Зачем Кеплер писал ему и что Вилли ответил?

— Кеплер играет не в одни ворота. Он хочет заручиться расположением Вилли, если тот войдет в Клуб Островитян.

— Клуб Островитян?

— Да. В то, что от него осталось. Траск мертв. Колбен мертв. Наверное, Кеплер считает, что Баренту придется вступить в переговоры с Вилли, если тот не ослабит своего давления.

— Расскажи мне об этом клубе, Тони...

Было уже начало третьего, когда Сол пришел к Натали на кухню. Он выглядел бледным и уставшим. Она налила ему свежего кофе, и они уселись за стол, развернув огромную дорожную карту.

— Это лучшее из того, что мне удалось достать, — сказала Натали. — Я отыскала ее на круглосуточной грузовой стоянке.

— Нам нужен настоящий атлас или, не знаю, съемка со спутника. Возможно, Джек Коэн сумеет помочь. — Сол провел пальцем вниз по побережью Южной Каролины. — Здесь он даже не отмечен.

— Да, — подтвердила Натали. — По словам Хэрода, остров всего в двадцати трех милях от берега, и на этой карте его просто не может быть. Думаю, он где-то здесь, к востоку от Кедровых островов и островов Мерфи... Но не южнее, чем мыс Ромен.

Сол снял очки и потер переносицу.

— Это не отмель и не наносной песчаный остров, — заметил он. — Как утверждает Хэрод, остров Долманн приблизительно семь миль в длину и три в ширину. Ты почти всю жизнь прожила в Чарлстоне. Неужели ты никогда не слышала о нем?

— Нет, — ответила Натали. — Ты уверен, что он спит?

— Да, — кивнул Сол. — Даже если я очень захочу, в ближайшие шесть часов я не смогу его разбудить. — Он достал план, нарисованный со слов Хэрода, и сравнил его с географическим атла-

сом, приложенным Коэном к досье на Барента. — Ну что, повторим еще раз или ты слишком устала?

— Давай попробуем, — сказала Натали.

— Давай. Барент и его группа, оставшиеся в живых ее члены, соберутся на острове Долманн седьмого июня, с тем чтобы пробыть там неделю. Это формальная часть. Хэрод сказал, что там будет тот самый набор знаменитых людей соответствующего ранга, о которых нам рассказывал Джек Коэн. Исключительно мужчины. Женщины не допускаются. Даже Маргарет Тэтчер не удалось бы туда попасть, если бы она очень захотела. Весь обслуживающий персонал — тоже исключительно мужчины. Судя по словам Джека, на острове будут толпы охранников. Официальные развлечения заканчиваются в субботу тринадцатого июня. В воскресенье четырнадцатого июня, согласно информации Хэрода, туда прибудет наш оберст, чтобы присоединиться к четырем членам клуба, включая Хэрода, и за этим следуют еще пять дней совсем других развлечений.

— Развлечений! — выдохнула Натали. — Я бы назвала это иначе.

— Кровавых развлечений, — поправился Сол. — Выглядит вполне логично. Эти люди обладают теми же способностями, что и оберст, Мелани Фуллер и Дрейтон. Они страдают наркотической зависимостью и не могут прожить без насилия, но они — общественные деятели. Они не смеют позволить себе даже косвенно участвовать в уличных преступлениях, которыми начала развлекаться наша троица в Вене еще до войны...

— И потому они отводят для этого одну жуткую неделю в году, — договорила Натали.

— Да. Которая также дает им возможность безболезненно — безболезненно для них — каждый год корректировать свою иерархическую структуру. Остров является частной собственностью Барента. Формально он даже не находится под юрисдикцией Соединенных Штатов. Когда Барент приезжает туда, он и его гости располагаются вот здесь, на южной оконечности. Здесь его замок и остальные помещения для обслуживания летних лагерей. Далее минными полями обнесены три мили джунглей и мангровых лесов. Именно там они разыгрывают свою версию старой игры оберста и двух его спутниц.

— Неудивительно, что Борден прилагает столько усилий, чтобы оказаться в числе приглашенных, — заметила Натали. — И сколько невинных людей погибают в течение этой безумной недели?

— Хэрод говорит, что каждый член клуба получает пять суррогатов, — ответил Сол. — То есть по одному на день.

— Откуда они берут этих людей?

— Раньше их поставлял Чарльз Колбен, — пояснил Сол. — Цель заключается в том, что каждое утро они разыгрывают свои... как бы это сказать... свои фигуры наугад. Сама же забава, или охота, начинается вечером, но не раньше, чем стемнеет. Они испытывают свои силы с некоторой долей риска. Они не хотят терять... фигуры... на обработку которых было потрачено длительное время.

— А где же они будут добывать жертв в этом году? — Натали подошла к буфету и вернулась с бутылкой виски, плеснув немного себе в чашку.

— В том-то все и дело. В качестве нового члена клуба наш мистер Хэрод обязан в этом году поставить пятнадцать суррогатов. Это должны быть относительно здоровые люди, но такие, которых не будут искать.

— Это абсурд, — возразила Натали. — Почти любого человека будут искать.

— Не совсем, — вздохнул Сол. — В этой стране каждый год из домов сбегают десятки тысяч подростков. Большинство из них так никогда и не возвращаются. В больницах многих крупных городов есть психиатрические отделения, которые наполовину заполнены людьми без биографий, без семейных связей, фактически без памяти. Полиция завалена рапортами о пропавших мужьях и сбежавших женах.

— Значит, они просто хватают пару десятков человек, переправляют их на этот чертов остров и заставляют убивать друг друга? — Голос Натали стал хриплым, когда она представила себе эту ужасную картину.

— Да, — кивнул Сол.

— Ты веришь Хэроду?

— Он может передавать ошибочные сведения, но введенные вещества лишают его возможности лгать умышленно.

— Ты собираешься оставить его в живых?

— Да. Лучший способ отыскать оберста — дать возможность этим убийцам продолжить свои безумные забавы. Уничтожение Хэрода или даже его дальнейшее заточение наверняка испортит все наши планы.

— А ты думаешь, он не побежит доносить о нас Баренту и остальным?

— Скорее всего, нет.

— О господи, Сол, как ты можешь быть уверен?

— В этом я не уверен, зато я уверен, что Хэрод полностью дезориентирован. Он сначала считал нас агентами Вилли, потом думал, что мы подосланы Кеплером или Барентом. Он не в состоянии поверить в то, что мы независимые актеры в этой мелодраме...

— Мелодрама — слишком слабо сказано, — печально улыбнулась Натали. — Это называется «Самая опасная игра», которую отец обычно позволял мне смотреть поздно вечером по пятницам. И эта игра такой же бред, Сол.

— Не смей говорить мне, что это бред! — вдруг закричал он, с силой ударив ладонью по столу так, что чашка Натали подпрыгнула. Впервые за пять месяцев она слышала, как он повышает голос. — Лучше скажи это своему отцу и Робу Джентри с перерезанным горлом! Моему племяннику Арону, его жене и девочкам! Скажи это всем тем... тем тысячам, которых оберст отправил в печи! Скажи это моему отцу и брату Йозефу...

Сол так резко вскочил, что его кресло опрокинулось. Он уперся руками в стол, и Натали заметила, как заиграли мускулы под его загорелой кожей, увидела страшный шрам на левом предплечье и выцветшую татуировку на запястье. Успокоившись, он продолжил уже тише:

— Все это столетие, Натали, походит на жалкую мелодраму, написанную посредственными драматургами ценой жизни других людей. Мы не можем положить этому конец. Даже если нам удастся покончить с теми... игроками, обязательно всплывет какой-нибудь другой актер-людоед, принимающий участие в этом жестоком фарсе. Подобные вещи совершаются каждый день людьми, не обладающими и малейшей долей этой способности. Они проявляют свою власть в форме насилия по праву занимаемого ими положения или должности, осуществляя ее с помощью пули, ножа или права голоса... Но, Натали, эти сукины дети уничтожают наших близких, наших друзей, и мы должны остановить их! — Сол умолк и опустил голову. Пот капал с его лба.

Натали прикоснулась к его руке.

— Я знаю, — тихо произнесла она. — Прости меня, Сол. Мы очень устали. Нам надо поспать.

Он кивнул, похлопал ее по руке и потер щеку:

— Поспи несколько часов. Я лягу на раскладушке рядом с приборами. Датчики подадут сигнал, когда проснется Хэрод. При удачном стечении обстоятельств нам обоим удастся отдохнуть часов семь.

Натали выключила свет на кухне и вышла вслед за Солом.

— Это значит, что мы можем приступать к следующей части, так? — спросила она перед уходом. — В Чарлстоне?

Он устало кивнул:

— Думаю, да. Другого пути я не вижу. Прости.

— Все нормально, — заверила Натали, хотя от одной мысли о том, что ей предстоит, у нее поползли по коже мурашки. — Я же знала, что будет дальше.

— Все можно изменить.

— Нет. — Она начала медленно подниматься по лестнице. — Ничего изменить уже нельзя.

Глава 46

Лос-Анджелес
Пятница, 24 апреля 1981 г.

Специальный агент Ричард Хейнс позвонил в центр связи мистера Барента в Палм-Спрингс по скремблерной линии ФБР. Он не имел ни малейшего представления, где находится Барент, и был очень удивлен, когда тот лично ему ответил.

— Что вы узнали, Ричард?

— Не много, сэр. Мы ведем наблюдение за местным израильским консульством, но пока у нас нет никаких доказательств, что Коэн посещал консульство или отдел импорта, под прикрытием которого работает местная группа Моссада. У нас там свой человек, и он клянется, что Коэн в последнее время у них не появлялся.

— И это все, что у вас есть?

— Не совсем. Мы проверили мотель в Лонг-Бич и удостоверились, что Коэн там останавливался. Дневной портье сообщил, что он приехал во взятой напрокат машине — это было утром в четверг, шестнадцатого. Тот же портье смутно припоминает, что, когда Коэн уезжал в понедельник утром, у него был уже фордовский фургон — вроде бы «эконолайн». Одна из горничных вспомнила, что в номере еще стояли большие коробки с эмблемой «Хитачи».

— Электроника? — осведомился Барент. — Оборудование для слежки?

— Возможно, — ответил Хейнс, — но обычно Моссад получает аппаратуру такого рода не через магазины.

— Может, Коэн действует в одиночку... или работает на кого-то еще?

— В данный момент именно это мы и проверяем.

— Вам удалось выяснить, находился ли поблизости Вилли Борден?

— Нет, сэр. Мы снова обыскали его дом... Он еще не продан, но никаких признаков присутствия ни его самого, ни Рейнольдса или Лугара не обнаружили.

— А как насчет Хэрода?

— Нам до сих пор не удалось с ним связаться.

— Что это значит, Ричард?

— Последние несколько недель мы не следили за Хэродом, а когда звонили ему вчера, секретарша сообщила, что его нет и она не знает, где он. Мы уже отправили туда своих людей, но пока он не выходил из дому и не появлялся на студии «Парамаунт».

— Вы меня разочаровываете, Ричард.

Хейнса охватила легкая дрожь. Он облокотился на стол и крепко сжал трубку обеими руками:

— Прошу прощения, сэр. Довольно трудно было проводить расследования в Вайоминге и одновременно управлять нашими агентами здесь, в Калифорнии.

— А какие новости из Вайоминга?

— Ничего конкретного, сэр. Мы убеждены, что Уолтерс, офицер военно-воздушных сил, который...

— Да-да.

— Так вот, Уолтерс был в одном из баров Шайенна во вторник вечером. Бармен уверен, что в тот момент там находилась компания мужчин, один из которых соответствует описанию Вилли...

— Абсолютно уверен?

— Бар был переполнен, мистер Барент. Мы предполагаем, что это Вилли. Мы проверили все отели и мотели вплоть до Денвера, но ни его, ни двух его спутников никто не видел.

— Просто какая-то череда бесплодных попыток, Ричард. У вас есть идеи, где сейчас может находиться Вилли?

— Сэр, мы следим за всеми авиалиниями и автовокзалами на случай, если кто-нибудь из коллег Вилли воспользуется кредитной карточкой или приобретет билеты на собственное имя. Сфера поисков расширена, компьютеры также запрограммированы на появление еврея-психиатра, который, скорее всего, погиб в Филадельфии, и девицы по фамилии Престон. Мы задействовали все таможни, в списке текущих дел ФБР это занимает первое место.

Слежка осуществляется во всех наших региональных отделениях и их местных представительствах...

— Это я знаю, Ричард, — тихо, но властно оборвал его Барент. — Я спросил, есть ли что-нибудь новое?

— Ничего с тех пор, как мы засекли вторжение в нашу компьютерную сеть Джека Коэна в прошлый вторник.

— Вы по-прежнему считаете, что Коэна Использовал Вилли?

— Я не знаю никого другого, кому потребовалось бы заниматься выяснением связей между преподобным Саттером, мистером Кеплером и вами, сэр.

— Может, мы поспешили, организовав мистеру Коэну такую... э-э-э... встречу?

Хейнс ничего не ответил. Дрожь у него прекратилась, зато на лбу и над верхней губой выступили капельки пота.

— А что со счетом автозаправочной станции, Ричард?

— Ах да, сэр. Мы проверили. Владелец говорит, что движение у них очень оживленное и он не может упомнить всех, кто у него останавливается. Но по кредитной карточке мы удостоверились, что это был Коэн. Парень, обслуживавший его машину, ушел на неделю в отпуск и сейчас бродит с рюкзаком где-то в горах Санта-Ана. Впрочем, на него тоже надежды мало.

— Ричард, мне кажется, кончилось то время, когда вы могли бы пренебрегать мелочами. Я хочу, чтобы Вилли Борден был найден и связи Джека Коэна раскрыты. Вам ясно?

— Да, сэр.

— По-моему, вы упоминали, что у израильтян неподалеку от Лос-Анджелеса есть убежище... и даже не одно. Вы до сих пор не обнаружили их?

— Я лишь предполагаю, что они могут существовать, мистер Барент. Доказательств у нас пока нет.

— Но это возможно?

— Да, сэр. Видите ли, пару лет назад случилась одна история с палестинцем, который участвовал в операции «Черный сентябрь». Он дал согласие на сотрудничество с Соединенными Штатами, но люди, которых он принял за агентов ЦРУ, на самом деле оказались представителями Моссада. Так вот, они привезли его в Штаты, дали убедиться в том, что он находится в Лос-Анджелесе, а затем куда-то запрятали так, что ни ЦРУ, ни ФБР не смогли его отыскать...

— Это не имеет отношения к нашему делу, Ричард. Значит, у вас есть основания полагать, что где-то рядом с Лос-Анджелесом существует израильское убежище?

— Да, сэр.

— И оно может располагаться неподалеку от заправочной станции в Сан-Хуан-Капистрано?

— Да, сэр. Но оно может находиться и в другом месте.

— Хорошо, Ричард. Во-первых, вы немедленно отправитесь в дом к мистеру Хэроду и тщательно допросите — я подчеркиваю, тщательно — мисс Чэнь. Если там окажется Хэрод, допросите обоих. Если нет, вы разыщете его. Во-вторых, вы бросите все силы вашего лос-анджелесского отделения, а также силы других местных организаций, чтобы отыскать того служащего с заправочной станции. Я хочу знать, на какой именно машине приехал мистер Коэн, кто был с ним и в каком направлении они выехали. В-третьих, начинайте опрос магазинов, торгующих электроникой в районе Лонг-Бич и прилегающих районах. В-четвертых, повторно допросите обслугу мотеля в Лонг-Бич, чтобы выяснить все до мельчайших подробностей. Можете использовать любые формы убеждения, которые сочтете нужными... И наконец, я окажу вам некоторую помощь. К вам будет отправлена дюжина людей Джозефа для поддержки, а мы постараемся получить дополнительную информацию об этом убежище. Сведения я передам вам в течение ближайших суток.

— Но каким образом... — начал Хэйнс и замолк.

В трубке раздался смешок Барента.

— Ричард, неужели вы полагаете, что были с Чарльзом единственными источниками информации для меня? Если все остальное провалится, я позвоню известным... э-э-э... лицам в правительстве Израиля. Из-за временно́й разницы, возможно, я смогу это сделать лишь завтра утром, перед тем как связаться с вами. Но вы начнете обыскивать окрестности Сан-Хуан-Капистрано сегодня же днем. Проверьте документы продаж земельных участков, дома, которые не посещаются бо́льшую часть года... просто поездите по району и поищите темный фургон, если вам больше ничего не придет в голову. И помните, вы ищете частный дом в охраняемой зоне, скорее всего находящийся вдали от жилых кварталов.

— Есть, сэр.

— Я свяжусь с вами, как только смогу, — холодно сказал К. Арнольд Барент. — И еще, Ричард.

— Да, сэр?

— Постарайтесь на сей раз не разочаровывать меня.

— Я приложу все усилия, — заверил Хейнс и повесил трубку.

Глава 47

Лос-Анджелес
Суббота, 25 апреля 1981 г.

Перед тем как выбросить Хэрода в квартале от Диснейленда, его накачали наркотиками и завязали глаза. Когда он окончательно пришел в себя, то обнаружил, что сидит за рулем своего «феррари», одетый, без наручников, лишь глаза прикрывала обычная черная повязка для сна. Машина была припаркована между мусорным контейнером и кирпичной стеной на задворках магазинчика, торгующего коврами по сниженным ценам.

Хэрод вылез из машины и облокотился на капот в ожидании, когда окончательно пройдут тошнота и головокружение. Через полчаса он почувствовал, что в состоянии вести машину.

Стараясь избегать оживленных магистралей, Хэрод направился на запад, а затем свернул на бульвар Лонг-Бич, пытаясь осознать, что же с ним произошло. Воспоминания о предыдущих сорока часах в основном были смазанными, расплывчатыми — он помнил лишь обрывки каких-то бесконечных разговоров, похожих на допросы. Зато следы от внутривенных уколов и дающее себя знать головокружение от последнего транквилизатора не оставляли сомнений, что его накачали наркотиками, похитили и протащили через ад.

Вполне возможно, что это дело рук Вилли. Последняя беседа — единственная, которую он помнил целиком, — окончательно убедила его в этом.

Мужчина в балаклаве вошел к нему в комнату и сел на кровать. Хэрод хотел увидеть его глаза, но в зеркальных стеклах отражалось лишь его собственное бледное, покрытое щетиной лицо.

— Тони, — тихо произнес мужчина с раздражающе знакомым немецким акцентом, — мы собираемся тебя отпустить.

Хэрод вздрогнул всем телом: его хотят убить!

— Прежде чем расстаться, я хочу задать тебе один вопрос, — продолжил мужчина, на лице которого были видны лишь шевелящиеся губы. — Каким образом ты собираешься поставить бóльшую часть суррогатов для пятидневного развлечения в Клубе Островитян в этом году?

Хэрод попытался облизнуть губы, но во рту у него все пересохло, язык жгло.

— Я ничего об этом не знаю.

Балаклава качнулась, и в зеркальных очках отразились белые стены.

— Нам уже известно об этом, Тони. Но каким образом ты будешь поставлять их? Ты же предпочитаешь общаться с женщинами. Неужели они действительно в этом году готовы удовлетвориться одними женщинами?

Хэрод энергично затряс головой.

— Я должен это узнать, прежде чем мы попрощаемся, Тони.

— Вилли! — прохрипел он. — Зачем ты так со мной? Давай поговорим нормально!

Пара зеркальных стекол сфокусировалась на лице Хэрода.

— Вилли? По-моему, я не знаю никого с таким именем. Так каким же образом ты собираешься поставлять суррогатов обоих полов, когда нам известно, что ты не можешь этого сделать?

Хэрод напрягся и выгнул спину, чтобы увидеть лицо палача. Мужчина не спеша встал и подошел к изголовью кровати, оказавшись вне досягаемости ног Хэрода. Он схватил его за волосы и приподнял голову над подушкой:

— Тони, мы все равно получим от тебя ответ. Ты уже должен был убедиться в этом. Возможно, мы и так все знаем. Нам просто нужно твое подтверждение, когда ты в здравом уме и твердой памяти. Если нам снова потребуется накачать тебя наркотиками, это лишь отодвинет срок твоего освобождения.

Последние слова Хэрод воспринял как «нам просто придется отложить твое убийство», — а это его вполне устраивало. Если молчание, даже сопровождающееся болью и насилием, могло отсрочить неизбежную пулю в лоб, Хэрод готов был молчать, как чертов сфинкс.

Только он в это мало верил. По обрывкам своих воспоминаний он понимал, что выложил все, что знал, под воздействием каких-то химических веществ. Если это был Вилли, что казалось весьма вероятным, Тони вскоре это выяснит. Возможно, даже в интересах Хэрода, чтобы Вилли узнал об этом. Он продолжал лелеять надежду, что еще может понадобиться Вилли. Ему вспомнилось лицо пешки на шахматной доске в Вальдхайме. Если этими двумя управляли Барент, Кеплер или Саттер или вся троица вместе, они хотели от него подтверждения того, что уже и так знали. Как бы то ни было, больше всего Хэрод нуждался сейчас в диалоге.

— Я плачу Хейнсу за то, что он подбирает для меня суррогатов, — ответил он. — Беглецы, бывшие заключенные, осведомители с новыми удостоверениями личности. Он все устроит. Они

будут работать за деньги, считая, что участвуют в каком-то правительственном проекте. К моменту, когда они сообразят, что единственное, что их ждет, — это могила, они уже будут на острове в одном из загонов.

Человек в капюшоне рассмеялся:

— Платишь агенту Хейнсу? А как на это смотрит его настоящее начальство?

Хэрод собрался было пожать плечами, понял, что со скованными руками это сделать невозможно, и покачал головой:

— Мне наплевать на это, думаю, Баренту тоже. Подобная идея пришла в голову Кеплеру. На самом же деле это — тест, проверка моей Способности...

Зеркальные стекла зорко уставились на него.

— Расскажи мне еще об острове, Тони. Планировка, загоны, место для лагеря, охрана — все. А потом мы попросим тебя об одной услуге.

В этот момент Хэрод окончательно убедился, что имеет дело с Вилли. Дальше он рассказывал в течение часа. И остался в живых.

Когда Хэрод добрался до Беверли-Хиллз, он принял решение поставить в известность Барента и Кеплера. Не мог же он постоянно прятаться: если за его похищением стоял Вилли, возможно, старику именно это и нужно было. Чтобы Барент был в курсе. Это вполне могло входить в замысел Вилли. Если же это была проверка на верность, устроенная Барентом и Кеплером, утаивание похищения могло возыметь роковые последствия.

Когда Хэрод закончил свой рассказ об острове Долманн и проводившихся там забавах, мужчина в капюшоне проговорил:

— Хорошо, Тони. Мы ценим твою помощь. Теперь нам остается попросить лишь об одной услуге, которая и станет условием твоего освобождения.

— О какой? — устало спросил Хэрод.

— Ты сказал, что получишь так называемых волонтеров от Ричарда Хейнса в субботу тринадцатого июня. Мы свяжемся с тобой в пятницу двенадцатого. У нас будет несколько других человек, которыми ты заменишь волонтеров Хейнса.

«Ну конечно! — подумал Хэрод. — Вилли хочет играть крапленными картами». Мысль об этом действительно потрясла его. Значит, Вилли на самом деле собирается прибыть на остров!

— Ну, как? — осведомился мужчина в капюшоне.

— Согласен. — Хэрод все еще не мог поверить в то, что его отпустят. Он готов был согласиться на что угодно. Все равно он тоже будет играть краплеными картами.

— И ты, надеюсь, не станешь упоминать о замене?

— Нет.

— Ты понимаешь, что твоя жизнь зависит от этого? Сейчас и в дальнейшем. Наказание за измену будет самым суровым, Тони.

— Я понял.

Хэрод изумился: неужели Вилли считает его настолько глупым? И насколько же поглупел сам Вилли? «Волонтеры», как назвал их этот тип, были наперечет и обнаженными дожидались в загоне того момента, пока непредсказуемая жеребьевка не определит, кто и когда будет использован. Хэрод не представлял себе, что́ Вилли здесь сможет придумать, а если он надеялся таким образом пронести оружие через посты охраны Барента, значит он действительно превратился в умственно отсталого придурка, за которого Хэрод ошибочно принимал его раньше.

— Да, — повторил Хэрод. — Я согласен.

— *Sehr gut*, — одобрил человек в балаклаве.

Тони решил, что позвонит Баренту, как только примет ванну, что-нибудь выпьет и обсудит с Марией Чэнь все происшедшее. Интересно, тревожилась ли она о нем, скучала ли? Как часто в течение последних лет он исчезал на несколько дней, даже недель, не ставя ее в известность, куда направляется. Улыбка Хэрода увяла, когда он понял, насколько уязвимым сделал его этот образ жизни.

Плавно остановив «феррари» под мрачным взглядом сатира, он направился к дому. Сначала он примет ванну, потом выпьет виски и...

Парадная дверь была распахнута. Хэрод застыл на месте и лишь через минуту заставил себя войти в дом, чувствуя, как у него снова начинает сильно кружиться голова. Не переставая звать Марию Чэнь, он окинул взглядом стены, мебель, даже не замечая, что она перевернута, пока не споткнулся о кресло и не рухнул на ковер. Он вскочил на ноги и, не переставая кричать, принялся бегать из комнаты в комнату.

Марию Чэнь он нашел в кабинете на полу. Она лежала возле своего стола, ее черные волосы запеклись от крови, лицо распухло так, что его трудно было узнать. Рот тоже был в крови, она тяжело дышала, и как минимум один из передних зубов был сломан...

Хэрод обогнул стол, опустился на колени и взял ее голову дрожащими руками. Едва он прикоснулся к ней, она застонала:

— Тони...

Хэрод с изумлением обнаружил, что сейчас, когда его переполнял такой гнев, которого он никогда раньше не испытывал, ему на ум не приходили никакие ругательства. Из груди не вырывалось ни единого крика. Когда к нему вернулся дар речи, он смог лишь хрипло прошептать:

— Кто это сделал с тобой? Когда?

Губы девушки были так изуродованы, что Хэроду пришлось наклониться, чтобы расслышать слова:

— Прошлой ночью... Трое... Искали тебя... Они не сказали, кто послал их, но я видела Хейнса... в машине... прежде чем они позвонили.

Хэрод жестом заставил ее замолчать и с бесконечной нежностью поднял на руки. Он понес Марию к себе в комнату, по дороге убеждая себя, что ее просто жестоко избили, что она будет жива, с ней все будет в порядке, и с изумлением замечая, что по щекам его текут слезы. Это повергло его в шок.

Если прошлой ночью Хэрода искали здесь люди Барента, значит уже не оставалось никаких сомнений, что его похитил Вилли.

Больше всего Тони хотелось сейчас снять трубку и позвонить Вилли. Он скажет ему, что теперь нет причин для изощренных игр и глупых предосторожностей.

Что бы там Вилли ни хотел сделать с Барентом, отныне Хэрод готов был во всем ему помогать.

Глава 48

В окрестностях Сан-Хуан-Капистрано
Суббота, 25 апреля 1981 г.

Сол и Натали возвращались в субботу днем к своему убежищу. Натали явно испытывала облегчение, а вот чувства Сола были двойственными.

— Потенциал этих исследований огромен, — заметил он. — Если бы я мог поработать с Хэродом хотя бы неделю, я бы собрал бессчетное количество данных.

— Да, — кивнула Натали, — а он бы за это время, в свою очередь, нашел пути, как достать нас.

— Сомневаюсь, — откликнулся Сол. — Выяснилось, что одни только барбитураты подавляют его способность вырабатывать ритмы, необходимые для контакта и управления чужой нервной системой.

— Но если бы мы продержали его целую неделю, его бы стали искать, — сказала Натали. — И тогда мы лишились бы возможности перейти к следующему этапу нашей программы.

— Это так, — согласился Сол, хотя в его голосе по-прежнему звучало сожаление.

— Ты действительно веришь, что Хэрод сдержит свое обещание переправить нужных нам людей на остров? — спросила Натали.

— Я не исключаю такой возможности. В настоящий момент мистер Хэрод стремится избегать дальнейших неприятностей. Существуют определенные причины, вынуждающие его действовать в соответствии с нашим планом. Но даже если он откажется от сотрудничества, нам хуже не будет.

— А что, если он перевезет одного из нас на остров, а потом выдаст Баренту и остальным? На его месте я поступила бы именно так.

Сол вздохнул.

— Это будет не лучшим поворотом событий, но прежде, чем рассматривать такую возможность, мы должны заняться другими делами.

На ферме все было так же, как и перед их отъездом. Сол вновь принялся прокручивать отдельные фрагменты видеозаписи. От одного вида Хэрода на экране Натали становилось плохо.

— Что дальше? — спросила она.

Он огляделся:

— Нам надо еще кое-что сделать: просмотреть и обдумать результаты допросов, подписать энцефалограммы и данные медицинских приборов, провести компьютерный анализ и расшифровку всех показаний. Затем мы сможем приступить к биоэксперименту на основе собранных нами сведений. Ты должна заняться техникой гипноза и как следует изучить материалы о венском периоде этой троицы. Нужно тщательно проанализировать наши планы в свете новой информации об острове Долманн и, возможно, обдумать роль, которую мог бы сыграть в этом Джек Коэн.

Натали улыбнулась:

— И с чего ты хочешь, чтобы я начала?

— Ни с чего, — улыбнулся в ответ Сол. — Напоминаю тебе, на случай если ты не успела усвоить этого в Израиле, что сегодня суббота. Сегодня мы отдыхаем. Поднимайся наверх, а я пока приготовлю настоящий американский обед: мясо, тушеный картофель, яблочный пирог и «будвайзер».

— Сол, но у нас ничего этого нет! — воскликнула она. — Джек запасся только консервированными продуктами и замороженными полуфабрикатами.

— Знаю. Именно поэтому, пока ты будешь спать, я съезжу вниз по каньону. Там есть один магазинчик.

— Но... — попыталась возразить Натали.

— Все в порядке, моя дорогая. — Сол развернул ее за плечи и легонько подтолкнул к лестнице. — Я позову тебя, когда мясо будет готово, и тогда мы устроим настоящий праздник.

— Я хочу помочь приготовить пирог, — сонным голосом пробормотала Натали.

— Договорились, — кивнул Сол. — Будем пить «Джек Дэниелс» и готовить яблочный пирог.

Сол не спеша выбирал продукты, толкая вперед тележку по ярко освещенным проходам супермаркета, прислушиваясь к невыразительной музыке и размышляя о тета-ритмах и агрессии. Он уже давно обнаружил, что американские магазины создают наилучшие условия для занятия самогипнозом, а у него вошло в привычку погружаться в легкий гипнотический транс, когда ему предстояло решать сложные проблемы.

Двигаясь с тележкой вдоль прилавков с продуктами, Сол понял, что в течение последних двадцати пяти лет он шел ошибочными путями, пытаясь обнаружить механизм доминирования у людей. Как и большинство исследователей, Сол полагал, что он основан на сложном взаимодействии социальных предпосылок, тонкостей физиологического строения и поведенческих моделей высшего порядка. Даже будучи знакомым с примитивной природой воздействия на него оберста, Сол продолжал искать пусковой механизм в неизведанных структурах коры головного мозга и мозжечка. Теперь же данные энцефалограмм свидетельствовали, что эта Способность возникает в стволе головного мозга и каким-то образом передается с помощью гипокампуса, взаимодействующего с гипоталамусом. Он часто размышлял о полковнике и ему подобных

как о своего рода мутантах, эволюционном эксперименте или статистическом исключении, которые демонстрировали, как патологические извращения и агрессия меняют нормальных людей. Сорок часов, проведенные с Хэродом, изменили этот взгляд навсегда. Если источником необъяснимой способности являлся ствол головного мозга и зачаточная система млекопитающих, тогда мозговой вампиризм должен был предшествовать появлению вида *Homo sapiens*. Хэрод и остальные были выродками, оказавшимися на более ранней эволюционной ступени.

Сол все еще размышлял о тета-ритмах и стадии быстрого сна, когда вдруг понял, что уже расплатился за покупки и ему вручили два доверху наполненных пакета. Он попросил разменять четыре доллара мелкими монетами и направился к фургону, размышляя, звонить Джеку Коэну или нет.

Ласки по-прежнему не желал впутывать в дело представителя израильского посольства более чем нужно, а потому не было необходимости посвящать его в подробности последних дней. Не собирался он и обращаться с просьбами. По крайней мере, в ближайшее время. И все-таки вопреки логике Сол закинул покупки в машину и подошел к длинному ряду таксофонов у входа в супермаркет. Ему хотелось поделиться с кем-нибудь своими новыми открытиями. Он будет действовать осмотрительно, но зато Джек поймет, что не зря потратил на них свое время и силы.

Набрав домашний номер Коэна, который помнил наизусть, Сол услышал длинные гудки. Трубку никто не взял. Тогда он достал еще мелочь и набрал телефон израильского посольства, попросив секретаршу связать его с Джеком Коэном. Когда она поинтересовалась, кто звонит, Сол назвался Сэмом Тернером, как ему советовал Джек. Тот должен был поставить своих людей в известность, чтобы его без промедления связывали с этим человеком.

Сол ждал больше минуты, безуспешно пытаясь справиться с растущим волнением. Затем в трубке послышался мужской голос:

— Простите, кто это говорит?

— Сэм Тернер, — повторил Сол, чувствуя, как болезненно сжимаются мускулы живота. Он сознавал, что надо повесить трубку.

— Вам нужен мистер Коэн?

— Да.

— Не скажите ли вы, по какому делу?

— По личному.

— Вы родственник или друг мистера Коэна?

Сол повесил трубку. Он знал, что проследить, откуда был сделан телефонный звонок, гораздо труднее, чем это происходит в фильмах, но он был на связи достаточно долго. Найдя в справочнике номер телефона «Лос-Анджелес таймс», Сол позвонил в редакцию.

— Меня зовут Хаим Херцог, — сообщил он. — Я занимаю должность помощника начальника отдела информации израильского консульства в вашем городе и хочу исправить опечатку, допущенную в опубликованной вами статье на этой неделе.

— Да, мистер Херцог. Вам нужно обратиться в архивный отдел. Секунду, я соединю вас.

Сол уставился на длинные тени, ползущие по склону холма напротив, и так глубоко задумался, что даже подпрыгнул, когда женский голос ответил ему:

— Некрологи, архив.

Он повторил свою вымышленную историю.

— Какого числа вышла статья, сэр?

— Простите, у меня под рукой нет вырезки...

— А о чем там шла речь?

— О джентльмене по имени Джек Коэн.

Сол прислонился к стене кабины и принялся смотреть, как большие черные дрозды клюют что-то на кустах за дорогой. Над головой на высоте пятьсот футов к западу проревел вертолет. Сол представил себе, как женщина в архивном отделе нажимает клавиши компьютера.

— Да, — откликнулась она. — Это было в среду. Газета за двадцать второе апреля, четвертая полоса. «Чиновник израильского посольства убит и ограблен в аэропорту». Вы эту статью имели в виду, сэр?

— Да.

— Мы получили ее по каналам Ассошиэйтед Пресс, мистер Херцог. Если там были допущены какие-либо ошибки, в них повинен телеграф в Вашингтоне.

— Не могли бы вы прочитать мне эту статью? — попросил Сол. — Просто чтобы я убедился, действительно ли там присутствует ошибка.

— Конечно.

И женщина зачитала ему четыре абзаца, где говорилось, что на стоянке международного аэропорта имени Даллеса было обнаружено тело пятидесятивосьмилетнего Джека Коэна, старшего советника по сельскому хозяйству израильского посольства, ставшего

жертвой ограбления. Несмотря на отсутствие свидетелей, полиция продолжает вести расследование.

— Благодарю вас. — Сол не дослушал и повесил трубку.

Какое-то время он стоял неподвижно, глядя, как черные дрозды на ветках кустарника покончили со своей трапезой и спиралью взмыли в небо.

Он сел в фургон и рванул вверх по каньону со скоростью семьдесят миль в час, выжимая из машины все, что возможно. По дороге Сол пытался обдумать вполне приемлемую версию, что Джек Коэн действительно погиб вследствие случайного ограбления. В реальной жизни такие совпадения происходили регулярно, но даже если это было не так, со дня смерти прошло уже четверо суток, и убийцы Коэна за это время должны были выйти на след Сола и Натали.

Однако его это мало успокаивало. В клубах пыли он свернул на дорогу, ведущую к ферме, и, не сбавляя скорости, понесся мимо деревьев и изгородей. Кольт он оставил в своей спальне наверху, рядом с комнатой Натали.

Машин перед домом не было. Сол открыл переднюю дверь и вошел внутрь:

— Натали!

Ему никто не ответил. Он быстро огляделся и, не заметив ничего подозрительного, прошел через гостиную и кухню в комнату с аппаратурой. Духовой пистолет с капсулами лежал на том же месте, где Сол его оставил. Убедившись, что оружие заряжено, Сол прихватил коробку с остальными капсулами и бегом вернулся в гостиную.

— Натали!

Он уже поднялся на три ступени, держа духовой пистолет наготове, когда она появилась на верхней площадке.

— Что случилось? — с сонным видом протирая глаза, спросила Натали.

— Собирайся. Просто хватай все и забрасывай в машину. Мы должны немедленно уезжать.

Не задавая никаких вопросов, она повернулась и бросилась в свою комнату. Сол поднялся к себе, взял пистолет, лежавший на чемодане, проверил предохранитель и вставил новую обойму. Потом засунул оружие в карман своей спортивной куртки.

Когда Сол спустился с рюкзаком и сумкой, Натали уже затолкала чемодан в заднюю часть фургона.

— Что мне делать? — спросила она. Ее кольт выпирал из кармана широкой юбки.

— Принеси к крыльцу две канистры с бензином, которые мы с Джеком нашли в сарае, а потом заведи машину и жди здесь. Если кто-то появится, предупреди меня.

— Хорошо.

Сол вошел в дом и начал отсоединять провода электронного оборудования и заталкивать все в ящики, не разбираясь, что к чему. Видеомагнитофон и камеру он мог оставить, но им не обойтись без энцефалографа, многоканального осциллографа, компьютера, принтера, бумаги и радиопередатчика. Он перетаскал ящики в фургон за десять минут, хотя им потребовалось два дня, чтобы установить и отрегулировать оборудование и подготовить комнату для допросов.

— Что-нибудь видно? — спросил он с крыльца.

— Пока ничего, — отозвалась Натали.

Сол колебался лишь мгновение, затем внес канистры с бензином в дом и начал поливать комнату для допросов, пункт наблюдения, кухню и гостиную. Он не мог избавиться от ощущения, что занимается варварской и неблагодарной деятельностью, но ему трудно было предвидеть, какие выводы сделает Хейнс или люди Барента, побывав в доме. Отшвырнув пустые канистры в сторону, он удостоверился, что на втором этаже ничего не осталось, и вынес из кухни последние вещи. Затем достал зажигалку и замер на пороге:

— Я ничего не забыл, Натали?

— Пластит и детонаторы в подвале!

— Боже мой! — воскликнул он и бросился вниз по лестнице.

Натали расчистила место между ящиками в задней части фургона, и они осторожно сложили туда взрывчатку и детонаторы. После этого Сол снова вернулся в дом, вытащил из буфета бутылку виски и чиркнул зажигалкой. Пламя охватило все мгновенно. Он прикрыл лицо рукой и пробормотал: «Прости меня, Джек».

Когда он выбежал из дома, Натали уже сидела за рулем. Она не стала дожидаться, пока он закроет за собой дверь фургона, и рванула вперед, разбрасывая из-под колес гравий.

— Куда? — спросила Натали, как только они добрались до шоссе.

— На восток.

Она кивнула, вывернула руль, и они помчались вдоль каньона.

Глава 49

В окрестностях Сан-Хуан-Капистрано
Суббота, 25 апреля 1981 г.

Ричард Хейнс еще издали увидел, что ферма израильтян окутана облаками дыма. В сопровождении трех машин он свернул на подъездную дорогу к дому и понесся на полной скорости.

Когда Хейнс выскочил из «понтиака» и бросился к крыльцу, в окнах первого этажа уже вовсю бушевало пламя. Прикрыв рукой лицо, он заглянул в гостиную, попытался войти внутрь, однако был отброшен назад дохнувшим на него жаром.

— Черт! — выругался Хейнс и вернулся к машине.

Он направил троих своих людей в обход, четверых — обыскивать сарай, а остальных — в другие прилегавшие строения.

— Оповещать? — осведомился его помощник, державший в руках рацию.

— Да, можешь оповестить всех, — кивнул агент. — Но пока сюда кто-нибудь доберется, от дома уже ничего не останется. — Он отошел в сторону и уставился на языки пламени, лизавшие окна второго этажа.

Из-за угла появился человек из команды сопровождения в темном костюме. Он бежал, зажав в руке револьвер.

— Ни в сарае, ни в курятнике ничего нет, сэр, — доложил он, переводя дыхание. — Только свинья бродит на заднем дворе.

— На заднем дворе? — переспросил Хейнс. — В загоне?

— Нет, сэр. Просто свободно бродит вокруг. Ворота загона распахнуты настежь.

Хейнс снова чертыхнулся, глядя, как огонь пожирает крышу здания. Машинам пришлось отъехать назад, подальше от огня. Помощники, не зная, что предпринять, переминались с ноги на ногу в ожидании дальнейших указаний. Хейнс подошел к первой машине и обратился к мужчине с рацией:

— Питер, как зовут того окружного полицейского, который возглавляет поиски парня с автозаправочной станции?

— Несбитт, сэр. Шериф Несбитт из Эль-Торо.

— Он к востоку отсюда, правильно?

— Да, сэр. Там считают, что парень со своим приятелем отправились вверх по каньону Трабуко. Они уже привлекли к поискам людей из лесничества и...

— Несбитт задействовал вертолет?

— Да, сэр. Хотя они занимаются не только нашим делом. В национальном заповеднике Кливленд разгорелся пожар и...

— Свяжи меня с шерифом Несбиттом, — распорядился Хейнс. — И заодно узнай, где находятся ближайший штаб полиции и пожарная станция.

Когда Питер передал ему рацию, на ранчо уже въезжала первая пожарная машина.

— Шериф Несбитт? — спросил Хейнс.

— Так точно. Кто говорит?

— Специальный агент Ричард Хейнс, Федеральное бюро расследований. По моему распоряжению вы проводите поиски Гомеса. Но у нас тут произошло нечто более важное, и мы нуждаемся в вашей помощи.

— Я слушаю.

— Пошлите сообщение всем постам следить за появлением темного фургона «форд-эконолайн» выпуска семьдесят шестого или семьдесят восьмого года. Водитель и возможные пассажиры разыскиваются в связи с поджогом и убийством. Вероятно, они только что выехали отсюда... э-э-э... это двенадцать и две десятых мили вверх по каньону Сан-Хуан. Мы не знаем, куда они направились — на восток или на запад, но предполагаем, что на восток. Вы можете выставить пост на семьдесят четвертом шоссе к востоку от нашего местонахождения?

— А кто за все это будет отвечать?

За спиной Хейнса рухнула часть крыши, языки пламени взметнулись к самому небу. С воем подъехала еще одна пожарная машина, и бригада начала разворачивать тяжелые брандспойты.

— Речь идет о национальной безопасности! — прокричал Хейнс. — Федеральное бюро расследований официально просит местные власти оказать помощь. Так вы установите пост?

Последовала длительная пауза, наконец сквозь помехи раздался голос Несбитта:

— Агент Хейнс, к востоку от вас на семьдесят четвертом шоссе у меня стоят две полицейские машины. Мы проверяли там лагерь «Синяя сойка» и несколько туристических троп. Я распоряжусь, чтобы полицейский Байерс установил заграждение на главной дороге к западу от озера Эльсинор.

— Хорошо. А до этого места есть какие-нибудь ответвления от шоссе? — Спокойный голос шерифа выводил Хейнса из себя.

— Нет, — ответил Несбитт. — Только въезды в национальный заповедник. Я попрошу Дасти взять вторую группу и перекрыть места ответвлений. Нам потребуется более подробное описание пассажиров, если вы не хотите, чтобы мы ограничились остановкой машины.

Передняя стена дома обвалилась внутрь. Четыре тонкие струи из брандспойтов не могли усмирить бушующий огонь.

— Нам неизвестно количество и внешний вид подозреваемых, — едва сдерживаясь, произнес агент. — Возможно, это белый мужчина лет семидесяти, с седыми волосами и немецким акцентом. С ним могут быть еще двое молодых высоких парней, один из них чернокожий. Они вооружены и крайне опасны. Хотя сейчас в фургоне могут находиться и другие лица. Найдите и остановите машину. Прежде чем приближаться к пассажирам, примите все меры предосторожности.

— Понял вас, агент Хейнс. Посты будут. Что-нибудь еще?

— Да, шериф. Где сейчас ваш поисковый вертолет?

— Стив как раз заканчивает облет пика Сантьяго. Стив, ты слышишь нас?

— Да, Карл, я все слышал.

— Хейнс, наш вертолет вам тоже нужен? У него сейчас особый контракт с лесничеством и с нами.

— Стив, — произнес Хейнс, — с этого момента вы сотрудничаете с правительством Соединенных Штатов по решению вопроса национальной безопасности. Вы меня поняли?

— Да, — донесся лаконичный ответ. — Я полагал, что служба лесничества тоже является правительственной организацией. Куда мне отправляться? Я только что заправился, так что могу держаться на этой высоте около трех часов.

— Где вы находитесь в настоящий момент?

— Двигаюсь к югу между пиками Сантьяго и Трабуко. Приблизительно в восьми милях от вас. Нужны координаты по карте?

— Нет, — ответил Хейнс. — Я хочу, чтобы вы забрали меня отсюда. Ранчо на северной стороне каньона Сан-Хуан. Вы сможете найти это место?

— Вы шутите? — откликнулся пилот. — Я даже отсюда вижу дым. Неплохую посадочную площадку вы для меня приготовили. Буду через две минуты. Связь окончена.

Хейнс открыл багажник «понтиака». Проходивший мимо пожарный кинул взгляд на целую груду М-16, дробовиков, снайперских винтовок, бронежилетов и боеприпасов.

— Вот это да! — присвистнул он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Хейнс вытащил М-16, достал магазин и, постучав им по заднему бамперу, чтобы устранить возможный перекос патронов, загнал на место. Потом снял пиджак, аккуратно сложил его, спрятал в багажник и натянул бронежилет.

— Я связался с начальником дорожного патруля, сэр, — доложил помощник, занимавшийся радиосвязью.

— Передайте ему ту же информацию, — распорядился Хейнс. — Узнайте, сможет ли он сообщить ее всем постовым полицейским вдоль шоссе.

— Заграждения, сэр?

Хейнс пристально посмотрел на молодого помощника:

— Заграждения на скоростной автомагистрали, Тайлер? Вы глупы или настолько небрежны? Скажите, что нам нужна информация об этом «форде». Полиция должна записать номера, вести слежку и докладывать обо всем в центр связи лос-анджелесского отделения ФБР.

К Хейнсу подошел местный агент Барри Меткалф:

— Дик, должен признаться, что я ничего не понимаю. Зачем ливийским террористам понадобилось захватывать израильское убежище и поджигать его?

— Кто тебе сказал, что это ливийские террористы, Барри? А об израильских террористах ты никогда не слышал?

Меткалф моргнул и промолчал. За его спиной обрушилась еще одна стена дома, выбросив вверх целый фонтан искр. Пожарные удовлетворились тем, что стали поливать подсобные строения. С северо-востока появился маленький вертолет «Белл» с кабиной из прозрачного плексигласа, сделал круг и опустился на поле к югу от фермы.

— Хотите, чтобы я полетел с вами? — спросил Меткалф.

— Похоже, в этой старой развалине найдется место лишь для одного пассажира, Барри, — заметил Хейнс, указывая на вертолет.

— Ну да, как будто прямиком из «Военно-полевого госпиталя»[1].

---

[1] *«Военно-полевой госпиталь»* — выпущенный в 1969 г. фильм Роберта Олтмена и основанный на нем одноименный телесериал (1972–1983), действие которых происходит в 1950-е гг., во время войны в Корее.

— Оставайся здесь. Когда огонь погасят, надо будет просеять пепел. Возможно, нам удастся обнаружить даже трупы.

— Хорошо, — без всякого энтузиазма согласился Меткалф и направился к своим людям.

Когда Хейнс подбежал к вертолету, его ждал там Свенсон, самый старший из присланных Кеплером «сантехников». На лице его была саркастическая ухмылка.

— Это все только догадки! — прокричал Хейнс в ответ на молчаливый взгляд Свенсона. — Но у меня есть предчувствие, что это дело рук Вилли. Может, не его самого, а Лугара или Рейнольдса. Если я их поймаю, то убью.

— А как насчет канцелярской работы? — осведомился Свенсон, кивнув в сторону Меткалфа и его группы.

— Я позабочусь об этом, — сказал Хейнс. — Занимайтесь своим делом.

Свенсон медленно покивал.

Вертолет едва поднялся в воздух, как поступило первое радиосообщение:

— Говорит патрульный Байерс из Третьего отряда. Пост на семьдесят четвертом шоссе выставлен. Прием.

— Хорошо, Байерс. Продолжайте наблюдение.

Дорога внизу петляла в холмах бледно-серой лентой. Машин было мало.

— Э-э-э, мистер Хейнс, может, это совсем не то, но, по-моему, несколько минут назад я видел темный фургон... возможно, «форд». Он развернулся в двухстах ярдах от меня. Прием.

— Куда он направляется в данный момент? Прием.

— В вашу сторону, сэр, обратно по шоссе. Если только не свернет на одну из лесных дорог. Прием.

— Он может объехать пост по этим дорогам? Прием.

— Нет, мистер Хейнс. Они все заканчиваются тупиком или переходят в горные тропы, кроме пожарной дороги лесничества, на которой стоит Дасти. Прием.

Хейнс повернулся к пилоту, плотному коротышке в ветровке и кепке команды «Кливленд индианс»:

— Стив, можете связаться с Дасти?

— Он то появляется, то исчезает, — ответил пилот по интеркому. — В зависимости от того, над каким мы склоном.

— Мне нужно связаться с ним, — произнес Хейнс, глядя вниз.

Поросшие кустарником склоны то освещались солнцем, то погружались в тень. В низинах и вдоль пересохших ручьев возвышались сосны. По расчету Хейнса, оставалось около полутора часов до захода солнца.

Они перевалили через гребень, вертолет набрал высоту и сделал круг. На западе в синей дымке лежал Тихий океан, к северо-западу над Лос-Анджелесом висел коричнево-оранжевый смог.

— Пост находится сразу за этим холмом, — сказал пилот. — Я не вижу никаких темных фургонов на шоссе. Хотите лететь к Дасти?

— Да, — кивнул Хейнс. — Вы еще не связались с ним?

— Одну секунду. — Стив пощелкал кнопками. — Вот. Можете говорить.

— Дасти, это специальный агент Хейнс. Слышите меня? Прием.

— Да, сэр. Я здесь кое-что обнаружил. Возможно, вы захотите взглянуть. Прием.

— Что именно?

— Темно-синий фургон «форд» семьдесят восьмого года выпуска... Наткнулся на него возле дороги. Прием.

Губы Хейнса растянулись в улыбке.

— В нем кто-нибудь есть? Прием.

— Нет... правда, в задней части масса всяких вещей. Прием.

— Черт побери, говорите конкретнее. Каких вещей?

— Электронное оборудование, сэр. Не знаю. Лучше приезжайте и посмотрите сами. Я собираюсь заняться прочесыванием леса...

— Нет! — выкрикнул Хейнс. — Стерегите фургон и не двигайтесь с места! Ваши координаты? Прием.

— Координаты? Э-э-э... скажите Стиву, что я проехал полмили по главной пожарной дороге к озеру Лысух. Прием.

Хейнс посмотрел на пилота, тот кивнул.

— Мы вас поняли, — отозвался Хейнс. — Оставайтесь на месте. Держите револьвер наготове и не спите. Мы имеем дело с террористами международного класса. — Вертолет резко свернул вправо и нырнул к заросшим лесом склонам. — Тайлер, Меткалф, вы слышали?

— Да, Дик, — донесся голос Меткалфа. — Мы готовы сворачиваться.

— Оставайтесь на ранчо, — приказал Хейнс. — Пусть у фургона меня встретят Свенсон и его люди. Ясно?

— Свенсон? — озадаченно переспросил Меткалф. — Но ведь это наша работа.

— Мне нужен Свенсон! — рявкнул Хейнс. — И не заставляй меня повторять еще раз.

— Ричард, мы все слышали и уже двигаемся, — раздался голос Свенсона.

Вертолет пролетел в шестистах футах над озером и спустился в небольшую лощину. Хейнс держал на коленях М-16 и улыбался. Ему будет приятно доставить удовольствие мистеру Баренту, и теперь он с нетерпением ожидал развития событий. Он знал уже почти наверняка, что это был не Вилли, — старик не стал бы бросать фургон, а скорее Использовал бы полицейского и прорвался через пикет... Но кто бы это ни был, они проиграли. Вокруг расстилались сотни квадратных миль национального заповедника, однако, поскольку люди Вилли лишились средства передвижения, теперь все зависело от времени. В распоряжении Хейнса имелись почти неограниченные возможности, а лес в основном был низкорослым.

Хейнсу не хотелось дожидаться утра для продолжения поисков. Ему необходимо было покончить с этой частью игры до наступления темноты.

«Нет, это не Лугар и не Рейнольдс, — размышлял он. — Скорее, та негритянка, которую Вилли Использовал в Джермантауне. Она абсолютно выпала из поля зрения. А возможно, даже Тони Хэрод».

Хейнс вспомнил допрос Марии Чэнь накануне вечером и ухмыльнулся. Чем больше он думал, тем логичнее представлялось ему участие Хэрода в этой операции. Ну что ж, довольно возиться с этим голливудским красавчиком.

Больше трети жизни Ричард Хейнс работал на Чарльза Колбена и К. Арнольда Барента. Будучи нейтралом, он не мог быть обработан Колбеном, но получал хорошее вознаграждение, как деньгами, так и реальной властью. Да и сама работа ему нравилась, он даже любил ее.

Со скоростью семьдесят миль в час на высоте двести футов вертолет летел над холмами. Темный фургон стоял прямо у дороги, задняя дверь его была открыта. Рядом застыла брошенная полицейская машина шерифа.

— Какого черта, куда подевался шериф? — раздраженно бросил Хейнс.

Пилот покачал головой и попытался вызвать по радиосвязи Дасти. Эфир молчал. Они сделали широкий круг над холмом. Хейнс поднял М-16 и принялся оглядывать местность, в надежде уловить внизу какой-либо признак движения.

— Сделай еще круг, — распорядился он.

— Послушайте, — возразил пилот. — Я не полицейский, не федеральный агент и не герой, я уже отдал стране свой долг во Вьетнаме. Я живу за счет этой машины, и, если ее или меня продырявят, вам придется искать другую вертушку с водителем.

— Заткнись и делай что говорят! — заорал Хейнс. — Мы решаем вопрос национальной безопасности.

— Это я уже слышал, — усмехнулся пилот. — Как и Уотергейт. Но меня это не волнует.

Хейнс развернулся и направил ствол винтовки, лежавшей у него на коленях, в сторону пилота:

— Стив, я говорю в последний раз. Делай круг. Если мы ничего не обнаружим, ты посадишь машину на южной стороне холма. Понятно?

— Да, — неохотно ответил пилот. — И вовсе не потому, что вы так держите свою винтовку. Даже федеральные свиньи не могут пристрелить пилота, если только сами не умеют управлять вертолетом или если у них нет под рукой другого.

— Садись, — приказал Хейнс.

Они сделали уже четыре круга над холмом, но не заметили ни шерифа, ни кого-либо другого.

Пилот начал резко снижаться и, едва не задев макушки деревьев, уверенно посадил вертолет там, где указал Хейнс.

— Выходи, — распорядился агент и снова направил на него винтовку.

— Вы шутите? — Стив, зло прищурясь, смотрел на Хейнса.

— Если нам придется убираться отсюда, я хочу быть уверенным, что мы сделаем это вместе, — ответил Хейнс. — А теперь быстро выметайся из своей консервной банки, пока я тебя не продырявил.

— Вы спятили. — Пилот сдвинул на затылок свою кепку. — Я этого так не оставлю, я подниму такой шум, что мистер Гувер встанет из могилы.

— Быстро! — заорал Хейнс, снимая М-16 с предохранителя.

Стив замедлил вращение винта, отстегнул ремни и вылез из кабины. Хейнс дождался, пока он не отошел на тридцать футов к ближайшим кустам, затем отстегнул собственные ремни и, пригнувшись, бросился к полицейской машине, виляя из стороны в сторону. Присев за капотом, он оглядел склоны холмов, но не заметил ничего подозрительного и, осторожно высунув голову, заглянул в салон. В машине никого не было. Между сиденьями располага-

лась стойка с углублениями для двух винтовок. Обе были пусты. Хейнс подергал ручку запертой передней дверцы, затем опустился на одно колено и снова стал внимательно изучать местность.

Если этот идиот-шериф все же отправился в лес, то он вполне мог взять с собой винтовку и запереть машину. Если, конечно, там была только одна винтовка... и вообще была. И если шериф еще жив...

Хейнс поглядел на фургон, стоявший от него в двадцати футах, и вдруг пожалел, что не остался в воздухе до прибытия Свенсона и его команды. Сколько им потребуется времени, чтобы добраться сюда? Десять минут? Пятнадцать? Может, даже меньше, если только озеро не находилось дальше от шоссе, чем это казалось сверху.

Он вдруг представил себе голову Тони Хэрода на подносе, хищно улыбнулся и бросился бегом к фургону.

Задние двери были распахнуты настежь. Прижавшись к раскаленному металлу машины, Хейнс двинулся вдоль фургона. Он знал, что представляет собой идеальную мишень для любого человека с винтовкой на южной стороне холма, но поделать ничего не мог. Он сам выбрал место для посадки, так как с этой стороны склон в основном был покрыт травой и камнями. Укрыться здесь практически было негде, если не считать нескольких кустов, возле которых по-прежнему стоял пилот. За четыре совершенных ими облета Хейнсу так и не удалось ничего заметить. Он прижал к бедру М-16 и заглянул в дверь фургона.

Внутри находились какие-то ящики, мотки проводов и электронное оборудование. Хейнс увидел радиопередатчик и компьютер «Эпсон». Спрятаться в салоне было негде. Он залез внутрь и принялся копаться в ящиках. В одном из них оказалось шестьдесят или семьдесят фунтов какой-то массы, напоминающей гипс для лепки. Она была разделена на отдельные куски, тщательно завернутые в пластиковые пакеты.

— О черт, — прошептал Хейнс. Больше ему не хотелось тут оставаться.

— Эй, капитан, может, мы уже полетим? — окликнул его пилот.

— Да, возвращайся в вертолет! — приказал агент и, как только Стив запрыгнул в кабину, бросился, пригнувшись, к отверстию в правом боку плексигласового пузыря.

Он был уже на полпути, когда с северного склона прозвучал голос, слишком громкий для того, чтобы быть естественным:

— ХЕЙНС!

Первые выстрелы раздались несколькими секундами позже.

Глава 50

В окрестностях Сан-Хуан-Капистрано
Суббота, 25 апреля 1981 г.

Сол и Натали не проехали и пятнадцати минут, как увидели впереди полицейский пост. Машина с мигалками стояла поперек шоссе, оставив с обеих сторон лишь узкие проезды. Еще четыре выстроились с восточной стороны от нее и три с западной на встречной полосе.

Натали остановила фургон у обочины на вершине холма, не доезжая четверти мили до заграждения.

— Авария? — спросила она.

— Не думаю. — Сол покачал головой. — Быстро разворачивайся.

— Вниз по каньону, откуда мы приехали? — спросила она.

— Нет. В двух милях отсюда есть гравийная дорога.

— Там, где стоял знак лагерной стоянки?

— Не знаю. — Сол вытащил картонную коробку из-за пассажирского сиденья, достал оттуда кольт и удостоверился, что он заряжен.

Натали не пришлось долго искать дорогу, они свернули влево и двинулись сквозь густые деревья и редкие лужайки, заросшие травой. Один раз им пришлось съехать на обочину и пропустить пикап с небольшим прицепом. От дороги в обе стороны отходили разные тропинки, но они выглядели слишком узкими, и ими явно давно не пользовались, поэтому Натали продолжала двигаться вперед — сначала к югу, потом на восток и снова к югу, по мере того как гравий постепенно переходил в утрамбованную землю.

Они заметили еще одну полицейскую машину в двухстах ярдах впереди, когда спускались по крутому, заросшему лесом склону. Натали остановила фургон.

— Проклятье! — вырвалось у нее.

— Он нас не видел, — успокоил ее Сол. — Шериф, или кто он там, стоял у машины и смотрел в бинокль в противоположную сторону.

— Он заметит нас, когда мы снова будем пересекать открытое пространство, — возразила Натали. — Здесь так мало места, что мне придется дать задний ход, пока мы не доберемся до более широкого участка у поворота дороги.

— Не надо возвращаться, — немного подумав, сказал Сол. — Поезжай вперед. Посмотрим, остановит ли он тебя.

— Он нас арестует, — выдохнула девушка.

Сол покопался за сиденьем и извлек балаклаву и духовой пистолет с ампулами, испробованный на Хэроде.

— Я сейчас выйду, — сказал он. — Если они охотятся не на нас, я присоединюсь к тебе на той стороне холма, там, где дорога сворачивает на восток.

— А что, если они все-таки ищут нас?

— Тогда я присоединюсь к тебе гораздо раньше. Я почти уверен, что, кроме этого парня, там, внизу, никого нет. Может, нам удастся выяснить, что происходит.

— Сол, а вдруг он захочет осмотреть фургон?

— Пусть. Я постараюсь подобраться как можно ближе. Но когда мне надо будет пересечь открытый участок, отвлеки его. Я буду двигаться с южной стороны под прикрытием фургона, если мне это удастся.

— А он не может оказаться одним из этих?

— Не знаю. Думаю, они просто привлекли местные власти. Поэтому надо действовать осторожно, чтобы не причинить ему вреда, но чтобы и нам его никто не причинил. — Он бросил взгляд на заросший лесом склон. — Дай мне минут пять, чтобы добраться до места.

— Будь осторожен, Сол. — Натали прикоснулась к его руке. — Теперь у нас никого нет, кроме друг друга.

Он ободряюще похлопал ее по плечу, кивнул, взял свое снаряжение и бесшумно исчез за деревьями.

Натали выждала минут шесть, завела мотор и медленно двинулась вперед. Когда она выехала на открытое место, шериф, стоявший возле своей машины с окружными номерами, выразил явное изумление. Резким движением он вытащил револьвер из кобуры и прицелился, положив правую руку на капот. Когда фургон отделяло от него всего футов двадцать, он поднял мегафон, который держал в другой руке, и прокричал:

— НЕМЕДЛЕННО ОСТАНОВИТЕСЬ!

Натали выполнила требование и подняла над рулем руки, показывая, что они пусты.

— ВЫКЛЮЧИТЕ МОТОР И ВЫХОДИТЕ ИЗ МАШИНЫ, РУКИ ЗА ГОЛОВУ! — скомандовал полицейский.

Сердце Натали билось как сумасшедшее, она выключила двигатель и открыла дверцу. Казалось, что полицейский очень нервничает. Пока она стояла у фургона, подняв руки, взгляд его метался к машине и обратно, словно он намеревался воспользоваться ра-

диосвязью, но при этом не желал расставаться ни с револьвером, ни с мегафоном.

— В чем дело, шериф?

Она старалась, чтобы ее голос звучал спокойно. Ей было странно произносить это слово, поскольку человек у машины ни в малейшей степени не походил на Роба. Ему было пятьдесят с небольшим, высокий, худой, со множеством мелких морщин на лице, будто он всю жизнь щурился от солнца.

— МОЛЧИТЕ! ОТОЙДИТЕ ОТ ФУРГОНА. ВОТ ТАК. РУКИ ЗА ГОЛОВУ. НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ. ЛЕЧЬ НА ЗЕМЛЮ.

— В чем дело? Что я такого сделала? — опускаясь на коричневую траву, спросила Натали.

— МОЛЧИТЕ! ВСЕМ ВЫЙТИ ИЗ ФУРГОНА! НЕМЕДЛЕННО!

Она попыталась улыбнуться:

— Кроме меня, там никого нет. Послушайте, шериф, это какая-то ошибка. Я никогда даже не останавливалась в неположенном месте.

— МОЛЧИТЕ!

Мужчина мгновение колебался, затем положил мегафон на капот. Натали показалось, что вид у него несколько растерянный. Он снова бросил взгляд на рацию, обошел машину, держа девушку на прицеле, и осторожно осмотрел фургон.

— Не двигайтесь! — крикнул он, приближаясь к открытой дверце «форда». — Если внутри кто-нибудь есть, скажите, чтобы выходили немедленно.

— Но я действительно еду одна, — повторила Натали. — Что происходит? Я ничего не сделала...

— Молчите! — снова бросил полицейский и неуклюже запрыгнул на водительское сиденье.

Револьвер его теперь был направлен внутрь салона, но, осмотрев его и убедившись, что внутри только ящики, он совершенно очевидно расслабился. Не выходя из машины, он снова прицелился в Натали:

— Одно движение, мисс, и я раскрою ваш череп, как арбуз.

Натали лежала в неудобной позе, упершись локтями в землю и заведя руки за голову, пытаясь через плечо рассмотреть поджарого полицейского. Револьвер, из которого он в нее целился, казался ей невероятно огромным. От напряжения у нее заныло между лопатками, она физически ощущала, что вот-вот туда вонзится пуля. Что, если он — один из них?

— Руки за спину. Быстро!

Как только Натали выполнила приказ, он рванулся к ней и защелкнул наручники. Она уткнулась лицом в землю, почувствовав на зубах песок.

— А вы не хотите сообщить мне о моих правах? — осведомилась она, чувствуя, как волна адреналина и гнева смывает охвативший ее паралич ужаса.

— Идите вы к черту со своими правами, мисс! — огрызнулся шериф, выпрямившись и успокоившись. — Вставайте. — Он убрал в кобуру длинноствольный револьвер. — Сейчас сюда прибудет ФБР, и тогда мы узнаем, что происходит.

— Отличная мысль, — раздался приглушенный голос за их спинами.

Натали повернулась и увидела, как из-за фургона выходит Сол в балаклаве и зеркальных очках. В правой руке он держал кольт, а в левой — громоздкий духовой пистолет.

— Даже и не думайте! — продолжил Сол, когда шериф замер на месте.

Натали окинула взглядом черную балаклаву, серебристые зеркальные очки, пистолет, и даже ей самой стало страшно.

— Лицом вниз. Быстро! — распорядился Сол.

Шериф явно колебался, и Натали поняла, что чувство достоинства в нем борется с инстинктом самосохранения. Сол щелкнул затвором и взвел курок. Шериф опустился на колени и упал на живот. Натали откатилась в сторону и стала наблюдать за происходящим. Момент был решающим: у полицейского в кобуре попрежнему оставался револьвер. Солу следовало сначала заставить его положить оружие и лишь потом укладывать шерифа на землю. Теперь ему придется подойти на достаточно близкое расстояние, чтобы забрать у него револьвер. «Мы абсолютные дилетанты во всем этом», — подумала Натали. Больше всего ей хотелось, чтобы Сол просто выстрелил ампулой с транквилизатором в зад полицейскому и покончил со всем этим.

Однако Ласки быстро подошел к шерифу и встал на его худую спину коленом. Тот резко выдохнул, прижавшись лицом к земле. Вынув револьвер из кобуры, Сол отбросил его в сторону и кинул Натали связку ключей.

— Один из них должен быть от наручников.

Она кивнула, подобрала с земли ключи и попыталась перешагнуть назад через кольцо скованных рук.

— Пора побесе́довать, — сказал Сол, приставив кольт к голове шерифа. — Кто приказал выставить дорожные посты?

— Пошел к черту! — буркнул полицейский.

Сол быстро встал, отступил шага на четыре и выстрелил. Пуля врезалась в землю в четырех дюймах от головы полицейского. От оглушительного грохота Натали выронила ключи.

— Перестаньте упираться. Я же не прошу вас открывать мне государственную тайну. Просто спрашиваю, кто дал такое распоряжение? Если в течение ближайших пяти секунд я не получу ответа, пуля для начала прострелит вам левую лодыжку. Раз... Два...

— Сукин сын, — выдавил из себя шериф.

— Три... Четыре...

— ФБР! — ответил он.

— Кто именно из ФБР?

— Не знаю.

— Раз... Два... Три...

— Хейнс! — выкрикнул полицейский. — Какой-то агент по фамилии Хейнс из Вашингтона. Минут двадцать назад он вышел со мной на связь.

— А где он сейчас?

— Не знаю... Клянусь, не знаю.

Вторая пуля взметнула фонтан пыли между длинных ног полицейского. Натали тем временем справилась с ключами и отстегнула наручники. Она потерла запястья и осторожно подползла к валявшемуся на земле револьверу.

— Он в вертолете Стива Гормана совершает облет шоссе, — признался шериф.

— Хейнс дал вам описание людей или только фургона?

Полицейский поднял голову и, прищурившись, посмотрел на Сола.

— Людей, — ответил он. — Негритянка лет двадцати с небольшим и белый мужчина.

— Вы лжете! — Сол покачал головой. — Вы бы никогда не подошли к фургону, если бы знали, что преступников двое. Что, по словам агента, мы сделали?

Мужчина что-то пробормотал.

— Громче! — приказал Ласки.

— Террористы, — мрачно повторил он. — Международный терроризм.

Сол рассмеялся под черной шапочкой с прорезями.

— Как он прав! Руки за спину, шериф. — Зеркальные линзы развернулись в сторону Натали. — Надень на него наручники. Дай

мне револьвер и оставайся здесь. Если он сделает малейшее движение в твою сторону, я убью его.

Натали защелкнула наручники на запястьях шерифа и попятилась.

— Сейчас мы подойдем к вашей машине и свяжемся с Хейнсом, — обратился Сол к полицейскому. — Я объясню, что вы должны сказать. Выбор следующий: можете умереть здесь и сейчас, а можете вызвать на помощь кавалерию — и, чем черт не шутит, выжить.

После того как шериф в точности выполнил указания Сола, его отвели на склон холма и приковали наручниками к стволу поваленной сосны. Место это с дороги не просматривалось и служило прекрасным укрытием. Отсюда хорошо был виден весь склон.

— Оставайся с ним, — распорядился Сол. — Я вернусь к фургону за шприцами и пентобарбиталом, а заодно прихвачу его винтовку из машины.

— Но, Сол, они же сейчас будут здесь! — воскликнула Натали. — Лучше используй духовой пистолет с ампулами!

— Мне эти транквилизаторы не очень нравятся. У тебя слишком подскочило сердцебиение в прошлый раз. Если у этого парня какие-нибудь нелады с сердцем, он может не выдержать. Я сейчас вернусь, не беспокойся.

Натали прислонилась к стволу дерева, наблюдая, как Сол побежал сначала к полицейской машине, а затем нырнул в фургон.

— Мисс, — прошипел шериф, — вы здорово влипли. Расстегните наручники и отдайте мне пистолет, тогда у вас будет шанс выбраться живой.

— Молчите! — бросила Натали.

Сол уже поднимался по склону с синим рюкзачком и полицейской винтовкой в руках, когда до Натали донесся приглушенный рокот вертолета, с каждой секундой становившийся все громче. Ей не было страшно, она испытывала лишь возбуждение. Револьвер шерифа Натали положила рядом на землю и сняла предохранитель с кольта Сола. Затем она оперлась руками о камень и прицелилась в фургон, задняя дверца которого теперь была распахнута, — впрочем, Натали понимала, что с такого расстояния у нее нет никаких шансов.

Сол подбежал к ним как раз в тот момент, когда из-за холмов появился вертолет. Еле переводя дыхание, он опустился на корточки и принялся наполнять шприц. Изрыгая ругательства, шериф попробовал было оказать сопротивление, но Сол решительно ввел

иглу ему в руку, и через несколько мгновений шериф погрузился в забытье. Сол сдернул балаклаву и очки.

Вертолет сделал заход на новый круг, на сей раз опустившись ниже, и они невольно пригнулась к земле. Покопавшись в рюкзаке, Сол нашел красно-белую коробку с запаянными медью патронами и один за другим начал вставлять их в винтовку полицейского.

— Извини, Натали, что я с тобой не посоветовался. Но я не могу упустить такую возможность.

— Все нормально, — кивнула она. Ей не было страшно, наоборот, она испытывала сильное возбуждение и с трудом заставляла себя спокойно сидеть на месте. — Это так захватывающе, — выдохнула она.

Сол внимательно посмотрел на нее:

— Я понимаю, что поступаю неправильно, но мне ужасно хочется разобраться с тем типом. А потом мы выберемся отсюда и уедем. — Он прислонил винтовку к камню и обнял ее за плечи. — Натали, в настоящий момент наш организм перенасыщен адреналином и все кажется чрезвычайно захватывающим, но это не телевидение. После того как стрельба закончится, исполнители не встанут и не пойдут пить кофе. Через несколько минут, возможно, кто-то из нас будет ранен, и все окажется не менее трагичным, чем последствия автодорожной катастрофы. Сосредоточься. Лучше, чтобы эта катастрофа произошла не с нами.

Она немного успокоилась, понимая, что Сол прав.

Вертолет сделал заход на последний круг, ненадолго исчез за гребнем холма и начал снижаться, поднимая клубы пыли и сосновых игл. Натали легла на живот и прижалась плечом к валуну, Сол поудобнее взял винтовку и устроился рядом.

Вдыхая запах высушенной солнцем хвои, он думал о другом времени и других местах. После бегства из Собибора в октябре 1944 года он присоединился к еврейскому партизанскому отряду, действовавшему в лесу Сов. В декабре, еще до того, как стал помощником врача, Солу была выдана винтовка, и его посылали в караул.

Однажды холодной ясной ночью он лежал в засаде. Освещенный луной снег казался подкрашенным синькой. И вдруг на просеку вышел немецкий солдат. Он был без каски, без оружия, и на вид казался совсем юным. Руки и уши у него были замотаны тряпьем, щеки побелели от мороза. По нашивкам Сол сразу определил, что

юноша был дезертиром. Неделю назад в этом районе Красная армия предприняла крупномасштабное наступление, и, хотя до окончательного падения вермахта оставалось еще много времени, этот юноша присоединился к сотням других, пустившихся в стремительное бегство.

Командир партизанского отряда Йехиэль Гриншпан дал отчетливые указания, как поступать с такими одиночками, немецкими дезертирами. Их следовало расстреливать, а тела сбрасывать в реку или оставлять разлагаться. Никакие допросы не предполагались. Единственное исключение допускалось в тех случаях, когда звук выстрела мог выдать присутствие партизанского отряда нередким здесь немецким патрулям. Тогда дезертира можно было пропустить или попытаться прикончить его ножом.

Сол пребывал в нерешительности. У него была возможность выстрелить. Отряд находился в пещере в нескольких сотнях метров от этого места. Фашистов поблизости не было, но, вместо того чтобы стрелять, он вышел навстречу тому немцу. Парень упал на колени в снег и начал плакать, с мольбой обращаясь к Солу на немецком языке. Тот обошел его сзади, так что ствол допотопного маузера оказался менее чем в трех футах от покрытого светлыми волосами затылка. Он вспомнил о рве — шевелящиеся белые тела и лейкопластырь на щеке сержанта вермахта, когда тот сел, свесив ноги в эту заполненную живыми и мертвыми людьми яму, чтобы устроить себе перекур.

Юноша продолжал плакать. Изморозь поблескивала на его длинных ресницах. Сол поднял маузер, отступил на шаг и сказал по-польски: «Иди». Не веря своим ушам, молодой немец оглянулся, пополз вперед, а потом поднялся на ноги и заковылял прочь по просеке.

На следующий день, когда партизанская группа переместилась к югу, они наткнулись на его окоченевший труп, лежавший в ручье лицом вниз. В тот же вечер Сол пошел к Гриншпану и попросил перевести его в помощники к доктору Ячику. Командир отряда долго смотрел на него, прежде чем ответить. Отряд не мог позволить себе роскошь содержать евреев, которые не хотели или не могли убивать немцев, но Гриншпан знал, что Сол прошел Хелмно и Собибор. И он дал согласие.

Сол снова участвовал в военных действиях в 1948, 1956, 1967 и в течение нескольких часов в 1973 году, и каждый раз исполнял лишь обязанности медика. Кроме тех нескольких жутких часов, когда оберст заставлял его преследовать старика-генерала, он нико-

гда в своей жизни не сталкивался с ситуацией, где ему нужно было убить другого человека...

Сол лежал на животе в мягкой ложбине, усыпанной нагретой солнцем хвоей, и смотрел на часы. Вертолет наконец приземлился в неудобном месте на дальнем участке холма, так что обзор был частично скрыт полицейской машиной. Винтовка шерифа оказалась старой — с деревянным ложем, со щелевым прицелом. Сол пожалел, что у него нет оптического прицела. Все складывалось не так, как учил Джек Коэн, — в руках у него было чужое оружие, из которого он никогда не стрелял, поле обзора заслоняли помехи, пути к отступлению не было.

Но тут Сол вспомнил об Ароне, Деборе и близнецах и загнал патрон в ствол.

Первым из вертолета вышел пилот и неторопливым шагом направился к ближайшим кустам. Это оказалось для Сола неожиданностью и встревожило его. Человек, оставшийся в кабине, держал в руках автоматическую винтовку, на нем были темные очки, кепка с длинным козырьком и громоздкий бронежилет. С расстояния в шестьдесят ярдов и при косых лучах заходящего солнца Сол не мог с уверенностью сказать, что это Ричард Хейнс. Внезапный приступ тошноты вместе с пугающим чувством, что он делает что-то не так, вновь накатил на него. Когда он забирал из полицейской машины винтовку, то слышал по радиосвязи голос Хейнса, тот обращался к какому-то Свенсону. Нет, конечно, это должен быть Хейнс. Значит, единственное, что оставалось фэбээровцу, — это сидеть и ждать подкрепления.

Сол положил мегафон слева от себя и снова посмотрел в прицел винтовки. Мужчина в бронежилете выскочил из вертолета и, пригнувшись, бросился под прикрытие полицейской машины. Сол не слишком отчетливо различил его, но он успел заметить мощную челюсть и аккуратно подстриженные волосы, выглядывавшие из-под кепки. Конечно, это не кто иной, как Ричард Хейнс.

— Где он? — прошептала Натали.

— За фургоном, — так же шепотом ответил Сол. — У него винтовка. Не высовывайся.

Пилот что-то спросил и, видимо получив разрешение, неторопливо двинулся в сторону вертолета. Пятью секундами позже агент направился туда же маленькими перебежками.

— Хейнс! — крикнул в мегафон Сол, и Натали вздрогнула от громкого звука, эхом отразившегося от противоположного склона.

Пилот бросился обратно под укрытие кустов, а человек в бронежилете развернулся, опустился на одно колено и начал поливать склон автоматным огнем. Из-за расстояния хлопки выстрелов казались Солу какими-то игрушечными и несерьезными. Одна пуля просвистела сквозь ветви футах в восьми-девяти над их головами. Сол прижал к щеке винтовку, прицелился и выстрелил. Отдача оказалась неожиданно сильной, приклад больно ударил его в плечо. Хейнс продолжал стрелять. Две пули отскочили от валуна прямо перед Солом, а еще одна вгрызлась в поваленное дерево с таким звуком, который обычно издает топор, когда рубят полено. Сол пожалел, что не завел шерифа в лес поглубже.

Он увидел, как от его выстрела взметнулся фонтан из хвои чуть левее Хейнса, и переместил винтовку правее, одновременно заметив боковым зрением, что пилот бежит в сторону деревьев. Следующая очередь прошлась по валуну, за которым, свернувшись, лежала Натали, и тут стрельба резко оборвалась. Припавший на колено человек отбросил в сторону прямоугольную обойму и начал доставать из кармана следующую. Сол прицелился и выстрелил.

Хейнс отшатнулся, словно его дернули за невидимый поводок, очки и кепка слетели, и он рухнул на спину, раскинув ноги.

Наступившая тишина была оглушающей. Натали высунулась из укрытия, хватая ртом воздух.

— О господи, — прошептала она.

— С тобой все в порядке? — спросил Сол.

— Да.

— Оставайся на месте.

— Ни за что, — категорично ответила она, поднимаясь на ноги.

Медленно они стали спускаться по склону. Они прошли уже сорок футов, когда Хейнс перекатился на живот, поднялся на колени, схватил винтовку и бросился к дальнему краю опушки. Сол выстрелил, но промахнулся.

— Черт! Сюда! — Он толкнул Натали влево, в густые заросли кустарника.

— Сейчас подойдут остальные, — задыхаясь, прошептала она.

— Да, — кивнул он. — Будем двигаться осторожно, от дерева к дереву.

У подножия холма склон был не таким заросшим. Сол гадал, вооружен ли пилот.

Оставаясь под прикрытием деревьев и стараясь держаться подальше от края просеки, они добрались до того места, где Хейнс

скрылся в лесу. Сол жестом показал Натали, чтобы она остановилась за кустами, а сам, глядя по сторонам, двинулся дальше. Патроны позвякивали в карманах его спортивной куртки. Под деревьями уже становилось темно, тучи комаров облепили потное лицо Сола. Ему казалось, что прошло уже много часов с тех пор, как приземлился вертолет, но оказалось — всего шесть минут.

Косой солнечный луч упал вдруг на что-то яркое и блестящее на фоне темной хвои. Сол опустился на колени и пополз вперед. Затем остановился, перекинул винтовку в левую руку и нащупал правой мокрое кровавое пятно. Алая дорожка вела в гущу деревьев.

Он попятился, и тут слева от него раздалась автоматная очередь. Теперь она вовсе не казалась игрушечной. Это была безумная беспорядочная стрельба. Он вжался щекой в землю и попытался слиться с ней, в то время как пули срезали ветви над его головой, впивались в стволы деревьев и со свистом улетали обратно на просеку. По крайней мере дважды до него донеслись металлические звуки, но он не стал поднимать голову и смотреть, которая из машин подбита.

И тут Сол услышал дикий крик, переходивший в вопль. Он вскочил и бросился влево, подхватив на бегу сбитые веткой очки, пока чуть не перелетел через Натали, которая сидела, прижавшись к гнилому пню. Он упал на землю рядом с ней:

— С тобой все в порядке?

— Да. — Она указала револьвером по направлению к густым зарослям молодых сосен, где склон холма переходил в овраг. — Шум доносился оттуда. Он стрелял не в нас.

Сол осмотрел свои очки и проверил карманы куртки — убедиться, что револьвер и патроны на месте. Локти его были испачканы грязью.

— Пошли, — скомандовал он.

Они поползли вперед на расстоянии три ярда друг от друга и вскоре наткнулись на ручей, выбегавший из оврага. Его плотно окружали молодые побеги елей, низкорослые березы и папоротник. Здесь-то Натали и обнаружила пилота. Тело его было разрезано почти пополам автоматной очередью, он судорожно обхватил руками серовато-белые кишки, вылезшие из живота, будто пытался заправить их обратно. Голова мужчины запрокинулась, рот широко раскрылся в оборвавшемся крике, затянутые пленкой глаза были устремлены в клочок синего неба, видневшегося меж ветвей.

Натали отвернулась, не в силах выносить это зрелище.

— Пойдем, — прошептал Сол.

Шум воды в ручье был достаточно громким, чтобы заглушать остальные звуки. За стеной еловых побегов на поваленном дереве виднелись крохотные капли крови. Вероятно, Хейнс побывал здесь за несколько минут до того, как услышал приближение пилота, пытавшегося укрыться в кустах. Сол огляделся, гадая, в какую сторону мог двинуться агент ФБР. Слева за прогалиной снова начинался лес, заполнявший долину и поднимавшийся по склону. Справа тянулся заросший молодыми деревцами овраг, заканчивавшийся узкой расщелиной, покрытой можжевеловыми кустами.

Надо было решаться. Куда бы Сол ни двинулся, он оказывался на виду у агента, вооруженного автоматом. Психологический барьер, создаваемый прогалиной слева, заставил его прийти к выводу, что Хейнс пошел направо. Он передал винтовку Натали и, почти прижавшись губами к ее уху, прошептал:

— Я пойду туда. Спрячься за стволом. Дай мне ровно четыре минуты, а затем выстрели в воздух. Но сама не высовывайся. Если ничего не услышишь, выжди еще минуту и выстрели еще раз. Через десять минут, если я не вернусь, возвращайся в фургон и уезжай. Отсюда он не может видеть дорогу. Поняла?

— Да.

— У тебя есть паспорт, — продолжил Сол. — Ты в любой момент можешь вылететь в Израиль.

Натали молча кивнула. Лицо ее напряглось, она крепко сжала губы, так что они превратились в тонкую полоску.

Сол пополз через мягкую поросль елей, стараясь не удаляться от ручья.

Он чувствовал запах крови. По мере того как он углублялся в заросли низкого можжевельника, ее становилось все больше. Он двигался слишком медленно — прошло уже три минуты. Правая ладонь, в которой он сжимал кольт, вспотела, очки то и дело соскальзывали с переносицы. Рукава на локтях и джинсы на коленях были разодраны, дыхание со свистом вырывалось из груди. Целая туча мух, вьющихся над очередной лужицей свежей крови, облепила его лицо.

У него оставалось всего полминуты. Если Хейнс тяжело ранен, он не мог далеко уйти. Возможно, их отделяет расстояние не более десяти ярдов. М-16 в двадцать раз дальнобойнее, чем пистолет Сола, даже считая дополнительную пулю в стволе. У него было всего восемь патронов, остальные три обоймы он аккуратно сложил возле шерифа.

Хотя теперь это не имело значения. До выстрела Натали оставалось двадцать секунд, а он прополз совсем немного. Сол на четвереньках рванулся вперед, с шумом вдыхая и выдыхая воздух, сознавая при этом, что издает слишком громкие звуки. Он упал под нависающую можжевеловую ветвь, пытаясь выровнять дыхание.

И тут в овраге прогремел выстрел Натали. Сол перекатился на спину и зажал рот рукой, чтобы его не было слышно. Сверху не донеслось ни выстрелов, ни шелеста ветвей.

Он лежал на спине, держа пистолет рядом с лицом, понимал, что надо двигаться дальше, вверх по склону, но не мог пошевелиться. Небо темнело. Последние лучи заходящего солнца окрашивали в розовый цвет перистые облака, над краем оврага уже замерцала первая звездочка. Сол приподнял левую руку и взглянул на часы. С момента приземления вертолета прошло двенадцать минут.

Он вдохнул остывающий воздух и снова ощутил запах крови. Почему Натали не стреляет? Сол уже поднял руку, чтобы еще раз свериться с часами, когда прогремел второй выстрел, на этот раз ближе, и выпущенная пуля отрикошетила от камня на высоте тридцать футов от дна оврага.

И тут Ричард Хейнс поднялся из кустов в восьми футах от Сола и начал поливать очередью овраг. Пули со свистом пролетали через кустарник, который он только что миновал, молодые деревца падали как подкошенные, словно их срезали невидимым серпом. Казалось, стрельбе не будет конца. Когда же наконец наступила тишина, Сол был настолько оглушен, что пару секунд не мог даже пошевелиться. Потом он расслышал щелчок, означавший, что Хейнс перезарядил винтовку.

Где-то рядом с Солом хрустнула ветка. Он встал на ноги и увидел Хейнса, ненавистного подонка и предателя, работавшего на два фронта. Рука его не дрогнула, когда он выпустил в этого негодяя шесть пуль.

Агент выронил винтовку, застонал и сполз на землю. Он глядел на Сола с таким изумлением, словно не верил собственным глазам. Волосы Хейнса взмокли от пота, бронежилет свисал с одного плеча, лицо было покрыто грязью, а левая штанина пропиталась кровью. Первые три выстрела, вероятно, попали в жилет и просто отшвырнули агента назад, зато следующий повредил ему левую руку, и как минимум еще один попал в шею. Сол перешагнул через низкий куст, присел в трех футах от Хейнса и увидел обнаженную белую кость раздробленной ключицы. Он отодвинул в сторону М-16.

Хейнс сидел, выпрямив ноги, так что носки черных ботинок были направлены перпендикулярно вверх. Поврежденная рука была вывернута, а другая безвольно лежала на колене. Он несколько раз открыл и закрыл рот, и Сол заметил на его губах алую кровь.

— Мне больно, — слабым голосом произнес Ричард Хейнс.

Сол кивнул и по старой привычке, а также из профессионального интереса принялся рассматривать и анализировать ранения. Левую руку наверняка придется ампутировать, но при наличии плазмы и оказании помощи в течение ближайших двадцати-тридцати минут жизнь агента можно спасти. Он вспомнил, как в последний раз видел Арона, Дебору и близнецов в Йом-Киппуре. Они с Ароном сидели на диване и беседовали, а девочки, утомившись, заснули рядом на подушках.

— Помоги мне, — прошептал Хейнс. — Пожалуйста.

— Нет. — Сол покачал головой и до боли сжал челюсти. — Только не тебе. — И он дважды выстрелил в голову агента.

Когда Сол спустился в овраг, Натали с винтовкой уже поднималась вверх по склону. Она посмотрела на автомат в его руке и вопросительно подняла брови.

— Готов, — произнес он. — Надо спешить.

С момента приземления вертолета до того, как Натали вновь завела мотор фургона, прошло всего семнадцать минут.

— Постой, — сказал Сол, — после начала стрельбы ты заглядывала к шерифу?

— Да, — ответила она. — Он спал, с ним все было в порядке.

— Я сейчас. — Он выскочил из фургона с автоматом в руках и посмотрел на вертолет, стоявший на расстоянии сорок футов. Под кабиной виднелись два резервуара для горючего. Сол установил селектор на единичный выстрел. Раздался гулкий звук, словно ломом ударили по котлу, но взрыва не последовало. Он выстрелил еще раз, и все вокруг заполнилось острым запахом авиационного топлива. После третьего выстрела вертолет загорелся.

— Поехали! — крикнул он, запрыгивая в фургон.

Трясясь по кочкам, они миновали машину шерифа. Едва они успели добраться до деревьев на юго-восточной стороне холма, как взорвался второй бак, кабина отлетела за деревья и опалила левую сторону полицейской машины.

— Быстрее! — крикнул Сол, когда они въехали под темный полог леса.

— У нас маловато шансов, — заметила Натали.

— Да. Сейчас они поднимут всех полицейских в округе Ориндж и Риверсайд, перекроют шоссе и подъезды к нему и вышлют сюда вертолеты и машины до наступления рассвета.

Фургон пересек ручей и с ревом помчался вверх по холму, разбрасывая вокруг снопы гравия. Натали ловко развернула машину, так что ее даже не занесло, и спросила:

— Это стоило того, Сол?

Он сосредоточенно выправлял погнутые дужки очков.

— Да, — ответил он, подняв голову. — Стоило.

Натали кивнула и направила машину вниз по длинному пологому склону к видневшейся впереди темной полосе леса.

Глава 51

Дотан, штат Алабама
Воскресенье, 26 апреля 1981 г.

Утром в воскресенье, прежде чем выступить перед восьмитысячной аудиторией с прямой трансляцией почти на два с половиной миллиона телезрителей, преподобный Джимми Уэйн Саттер настолько потряс слушателей в Молитвенном дворце своей проповедью о грядущем конце света, что те повскакали с мест и заголосили. Они тут же бросились звонить по телефону сборщикам пожертвований и сообщать им номера своих кредитных карт. Передача длилась полтора часа, семьдесят две минуты из которых преподобный Саттер читал свою проповедь. Сначала он зачитывал отрывки из Послания апостола Павла к коринфянам, после чего разразился гораздо более длинной речью, в которой сам стал воображать себя Павлом, пишущим коринфянам в наши дни и сообщающим о перспективах духовного развития Соединенных Штатов. Говоря от лица апостола Павла, преподобный Джимми Саттер обрисовывал нравственный климат в стране как разгул безбожия, порнографии, вседозволенности, разврата, демонической одержимости, поощряемой видеозаписями, компьютерными играми и состоянием всеобщего и всепроникающего разложения, наиболее ощутимо проявляющегося в отказе принимать Христа как своего личного Спасителя.

Когда ансамбль «Евангелические гитары» доиграл последние триумфальные аккорды и на всех девяти камерах погасли красные

лампочки, преподобный Джимми Уэйн в сопровождении лишь трех телохранителей, личного консультанта и бухгалтера двинулся к своему кабинету по пустым коридорам, куда никого не допускали. Саттер оставил всех пятерых в приемной и, на ходу снимая пасторские одежды, двинулся по ковру своей святая святых, пока не застыл обнаженным у стойки бара. Он наливал бурбон в высокий фужер, когда кожаное кресло у его рабочего стола вдруг развернулось, и Саттер увидел в нем пожилого человека с румяным лицом и выцветшими глазами.

— Весьма впечатляющая проповедь, Джеймс, — иронично произнес тот с едва заметным немецким акцентом.

От неожиданности Саттер подпрыгнул, пролив бурбон себе на руку.

— Черт побери, Вилли! Я думал, ты приедешь позже...

— А я решил приехать раньше, — улыбнулся Вильгельм фон Борхерт, оглядывая обнаженный торс преподобного.

— Ты прошел через мой персональный вход?

— Естественно, — кивнул немец. — А ты думал, я войду вместе с толпами туристов и поприветствую приспешников Барента и Кеплера?

Джимми Уэйн Саттер что-то пробормотал, допил свой бурбон и направился в ванную.

— Сегодня утром мне звонил брат Кристиан. Как раз по поводу тебя! — крикнул он, перекрывая шум льющейся воды.

— Неужели? — осведомился Вилли все с той же улыбкой. — И чего же хотел наш старинный друг?

— Он просто поставил меня в известность, что ты трудишься не покладая рук, — откликнулся Саттер.

— Правда?

— Хейнс, — пояснил преподобный, и голос его отразился эхом от изразцовых стен, когда он шагнул под струи душа.

Вилли подошел к двери ванной. На нем был белый льняной костюм и открытая рубашка цвета лаванды.

— Хейнс — это агент ФБР? — уточнил он. — И что же с ним случилось?

— Можно подумать, ты не знаешь. — Саттер принялся усиленно растирать губкой свое тело — розовое, гладкое и безволосое, чем-то напоминавшее огромную новорожденную крысу.

— Может, и не знаю, так что расскажи мне. — Вилли снял пиджак и повесил его на крючок.

— После гибели Траска Барент отслеживал израильские связи. Выяснилось, что в израильском посольстве кто-то занимается компьютерным расследованием, ищет файлы ограниченного допуска. Их интересовала информация, связанная с братом К. и всеми остальными. Но ведь для тебя это не новость, не так ли?

— Продолжай, я внимательно слушаю. — Вилли стащил рубашку и повесил ее рядом с пиджаком. Затем, не торопясь, снял свои модные итальянские туфли за триста долларов.

— Барент ликвидировал назойливого субъекта, а Хейнс взялся отслеживать его связи на Западном побережье, где ты играл в какую-то непонятную игру. Вчера вечером Хейнс чуть было не поймал твоих людей, но в результате пострадал сам. Кто-то заманил его в лес и пристрелил. Кого ты Использовал? Лугара? — спросил Саттер, шумно отфыркиваясь под струями воды.

— И нарушители спокойствия так и не были пойманы? — Вилли аккуратно сложил брюки и, повесив их на спинку биде, остался лишь в синих трусах.

— Нет, — ответил преподобный Джимми Уэйн. — Лес кишмя кишит полицией, но пока они так никого и не нашли. Как тебе удалось провернуть это дело, Вилли?

— Профессиональная тайна, — усмехнулся немец. — Послушай, Джеймс, если я скажу тебе, что не имею к этому никакого отношения, ты мне поверишь?

Саттер рассмеялся:

— А как же! Ровно настолько, насколько ты поверишь мне, если я скажу, что все пожертвования идут на приобретение новых Библий.

Вилли снял с запястья золотые часы.

— Это может как-то помешать нашим планам, Джеймс?

— Пока не вижу, каким образом, — ответил Саттер, ополаскивая от шампуня свои длинные седые волосы. — Думаю, брат Кристиан еще с большей готовностью будет ждать тебя на острове. — Он открыл стеклянную дверь душа и посмотрел на обнаженное тело Вилли. Член у преподобного встал, головка почти побагровела.

— Но ведь мы не дрогнем, не так ли, Джеймс? — промолвил Вилли, входя под душ и становясь рядом с проповедником.

— Нет, — откликнулся Джимми Уэйн Саттер.

— Чем же мы станем руководствоваться? — осведомился немец напевным голосом.

— Откровением Иоанна. — Саттер блаженно застонал, когда Вилли нежно взял в руки его мошонку.

— Какова же наша цель, *mein Liebchen*?[1] — прошептал Вилли, поглаживая тяжелый пенис преподобного.

— Второе пришествие, — выдохнул Саттер, закрывая глаза.

— И чью волю мы исполняем? — Немец провел губами по гладкой щеке Саттера.

— Волю Господню, — ответил преподобный Джимми Уэйн, двигая чреслами в унисон с движениями ласкающей его руки.

— И что является нашим божественным орудием? — прошептал Вилли в ухо Саттеру.

— Армагеддон, Армагеддон! — воскликнул тот.

— Да свершится воля Его! — возопил немец, быстрыми, энергичными движениями растирая пенис проповедника.

— Аминь! — заорал Саттер. — Аминь!

Он раскрыл рот, позволив трепещущему языку Вилли проскользнуть внутрь, и кончил. Белесые нити спермы заструились на дно душевой, вращаясь в струях воды, пока не исчезли в отверстии канализации.

Глава 52
МЕЛАНИ

Меня обуревали романтические мысли о Вилли. Возможно, это было следствием влияния мисс Сьюэлл. Она была энергичной и чувственной молодой женщиной с совершенно определенными потребностями, требующими удовлетворения. Время от времени, когда эти потребности начинали отвлекать ее от обязанности ухаживать за мной, я позволяла ей на несколько минут уединяться с Калли. Иногда я подсматривала за этими краткими и зверскими вспышками плотских восторгов ее глазами. Порою взирала на это с позиции Калли, а однажды я испытала даже оргазм, пребывая одновременно в телах обоих. Но всякий раз, когда до меня доносились волны чужой страсти, я думала о Вилли.

Как он был красив в те тихие довоенные дни! Его аристократичное лицо с тонкими чертами и светлые волосы свидетельствовали о благородном арийском происхождении. Нам с Ниной нравилось находиться в его обществе. Думаю, и он гордился тем, что

[1] Любимый мой *(нем.)*.

его видели с двумя привлекательными игривыми американками — ошеломляющей блондинкой с васильковыми глазами и более тихой и застенчивой, но тем не менее обворожительной юной красавицей с каштановыми локонами и длинными ресницами.

Помню, как мы гуляли в Бад-Ишле еще перед тем, как наступили дурные времена. Вилли сказал какую-то шутку, и, пока я смеялась, он взял меня за руку. Это было как удар электрическим током, мой смех тут же оборвался. Мы склонились друг к другу, взгляд его прекрасных голубых глаз был полностью поглощен мною. Нас разделяло столь малое расстояние, что мы ощущали жар друг друга, но мы не поцеловались, по крайней мере тогда. Отказ был составной частью изощренного ритуала ухаживаний в те дни. Он являлся чем-то вроде поста, обостряющего аппетит перед наслаждением гурманской трапезой. Нынешние юные обжоры даже не подозревают о подобных тонкостях и воздержании, они стремятся тут же удовлетворить любую возникающую у них потребность, и нет ничего удивительного, что все удовольствия для них имеют привкус застоявшегося шампанского. Такие победы всегда чреваты бесплодной горечью разочарования.

Я думаю, в то лето Вилли влюбился бы в меня, если бы Нина не соблазнила его самым вульгарным образом. После того страшного дня в Бад-Ишле я больше года отказывалась играть в нашу венскую Игру, а когда возобновила общение с ними, то наши отношения приобрели уже новый, более официальный оттенок. Сейчас я понимаю, что к тому моменту у Вилли давно уже закончился его краткий роман с Ниной. Нинина страсть вспыхивала ярко, но быстро иссякала.

В течение последнего лета в Вене Вилли был полностью поглощен своими партийными обязанностями и долгом перед фюрером. Я помню его в коричневой рубашке, подпоясанной безобразным армейским ремнем, на премьере «Песни о Земле» в 1943 году, когда оркестром дирижировал Бруно Вальтер. То лето было невыносимо жарким, и мы жили в мрачном старом особняке, который Вилли арендовал в Хоэ-Варте, как раз неподалеку от того места, где проживала надменная гусыня Альма Малер. Эта претенциозная особа никогда не приглашала нас на свои вечеринки, и мы отвечали ей такой же холодностью. Я не раз испытывала искушение сосредоточиться на ней во время Игры, но в те дни мы очень мало играли из-за идиотской одержимости Вилли политикой.

Теперь, лежа в своей постели в родном доме в Чарлстоне, я часто вспоминаю то время, думаю о Вилли и гадаю, как могла бы сло-

житься моя жизнь, если бы я опередила разрушительное кокетство Нины и вздохом, улыбкой или случайным взглядом вдохновила Вилли.

Возможно, эти размышления подсознательно готовили меня к тому, что должно было вскоре последовать. За время болезни представления о времени потеряли для меня всякий смысл, так что, возможно, я стала передвигаться вперед, предвидя события будущего с такой же легкостью, с какой моя память возвращала меня в прошлое. Трудно сказать наверняка.

К маю я настолько привыкла к уходу доктора Хартмана и сестры Олдсмит, заботливым процедурам мисс Сьюэлл, услугам Говарда, Нэнси, Калли и негра Марвина, непрерывному и нежному вниманию маленького Джастина, что могла бы пребывать в этом комфортном состоянии еще долго, если бы в один теплый весенний вечер в железные ворота моего дома не постучали.

Я уже встречалась с этой посланницей. Звали ее Натали.

И прислала ее, конечно же, Нина.

Глава 53

Чарлстон
Понедельник, 4 мая 1981 г.

Позднее Натали вспоминала о происшедшем, и оно казалось ей сплошным сном, который растянулся на три тысячи миль.

Все началось с чудесного появления красной машины.

Всю ночь они колесили по Кливлендскому национальному заповеднику, держась в стороне от главной дороги после того, как увидели с вершины холма горящие фары, и пробирались к югу по дорожкам, немногим шире пешеходных троп. Затем кончились и тропы, но надо было двигаться вперед. Сначала на протяжении четырех миль по высохшему руслу ручья, так что фургон подскакивал и дребезжал, затем вверх через невысокий гребень. То и дело они натыкались на невидимые в темноте поваленные деревья и камни. Шли часы, приближая неизбежное. Сол пересел за руль, а Натали, несмотря на скрежет и тряску, погрузилась в дремоту.

Преодолевая крутой склон на второй передаче, они наскочили на валун. Передний мост машины умудрился перевалить через него, но затем мотор заглох. Сол с фонариком залез под машину и вынырнул оттуда секунд через тридцать.

— Все, — произнес он. — Дальше придется идти пешком.

Натали слишком устала, чтобы плакать.

— Что возьмем с собой? — только и спросила она.

Сол осветил фонариком содержимое фургона:

— Деньги, рюкзак, карту, какую-нибудь еду, наверное, пистолеты. — Он посмотрел на две винтовки. — Есть смысл брать их?

— Мы что, собираемся стрелять в невинных полицейских?

— Нет.

— Тогда незачем брать и пистолеты. — Она взглянула на усеянное звездами небо, на темную стену холмов и деревьев, возвышавшуюся над ними. — Сол, ты знаешь, где мы находимся?

— Мы двигались по направлению к Мюрриете, но столько раз сворачивали туда и сюда, что теперь я совсем запутался.

— Нас могут выследить?

— Только не в темноте. — Он посмотрел на часы; стрелки на светящемся циферблате показывали четыре утра. — Когда рассветет, они отыщут тропу, с которой мы съехали. Прежде всего прочешут все лесные дороги, и рано или поздно вертолеты разыщут фургон.

— Может, имеет смысл забросать его ветками?

Сол посмотрел на вершину холма. До ближайших деревьев было по меньшей мере ярдов сто. Остаток ночи уйдет на то, чтобы наломать необходимое количество сосновых веток и перетащить их к машине.

— Нет, — решительно сказал он. — Давай просто возьмем то, что нужно, и пойдем.

Через двадцать минут они уже, тяжело дыша, преодолевали склон. Натали несла рюкзак, Сол — тяжелый чемодан, набитый деньгами и документами, которые он отказался оставить в фургоне.

— Постой, — попросила Натали, когда они достигли деревьев.

— В чем дело?

— Мне нужно отойти на минутку. — Она вытащила пачку салфеток, взяла фонарик и двинулась к зарослям.

Сол вздохнул и сел на чемодан. Каждый раз, закрывая глаза, он мгновенно погружался в сон, и тут же из глубины его сознания всплывало одно и то же видение — побелевшее лицо Ричарда Хейнса, его изумленный взгляд, шевелящиеся губы и слова, идущие с небольшим запозданием, как в плохо дублированном фильме: «Помоги мне, пожалуйста».

— Сол!

Вздрогнув, он очнулся, выхватил из кармана кольт и бегом бросился за деревья. Через тридцать футов он наткнулся на Натали. Луч ее фонарика скользил по блестящей красной «тойоте», похожей на британский «лендровер».

— Я сплю, мне это снится? — спросила она.

— Если ты спишь, то нам снится одно и то же, — усмехнулся он.

Машина была такой новой, словно только что из автосалона. Сол посветил фонариком на землю — дороги здесь не было, но он отчетливо различил следы, оставленные машиной под деревьями. Он потрогал дверцы и крышку багажника — все оказалось заперто.

— Смотри. — Натали потянулась к ветровому стеклу и вытащила из-под дворников записку. — «Дорогие Алан и Сюзанна! Добраться сюда несложно. Мы остановились в двух с половиной милях от „Маленькой Маргариты". Захватите пиво. С любовью, Эстер и Карл», — прочла она и направила луч фонарика на заднее окно. На полке для багажа высился целый ящик пива. — Здорово! — воскликнула девушка. — Ну что, заведем ее и будем выбираться отсюда?

— А ты умеешь заводить машины без ключа? — спросил Сол, снова опускаясь на чемодан.

— Нет, но по телевизору это всегда выглядит так просто.

— По телевизору все просто. Прежде чем мы начнем возиться с системой зажигания, которая наверняка электронная, что выше моего разумения, давай немного подумаем. Каким образом Алану и Сюзанне предлагается доставить пиво, если дверцы заперты?

— Второй набор ключей? — предположила Натали.

— Возможно, — согласился Сол. — Но, скорее всего, есть условное место, где спрятаны единственные ключи.

Натали обнаружила их со второй попытки — в выхлопной трубе. Кольцо с ключами было таким же новеньким, как и сама машина, и на нем значилось название дилера «Тойоты» в Сан-Диего. Когда они открыли дверцу, от запаха свежей обивки Натали почему-то прослезилась.

— Надо посмотреть, смогу ли я съехать на ней по склону, — сказал Сол.

— Зачем?

— Хочу перенести сюда из фургона все необходимое: взрывчатку, детонаторы, электронику.

— Ты думаешь, они нам снова понадобятся?

— Они будут нужны мне для установления обратной биосвязи. — Сол открыл дверцу для Натали, но она шагнула назад. — Что-нибудь не так? — спросил он.

— Нет, захватишь меня на обратном пути.

— Ты что-то забыла?

Она помялась:

— Вроде того. Так и забыла сходить в туалет.

Они почти без проблем преодолели пересеченную местность, которая через полторы мили сменилась чередой глубоких ухабов, а затем постепенно перешла в лесную просеку, выведшую их на гравийную окружную дорогу.

Где-то перед самым наступлением рассвета они заметили, что едут вдоль высокой проволочной ограды, и Натали, попросив Сола остановиться, прочла на табличке, закрепленной в шести футах над землей: «Собственность правительства Соединенных Штатов. Проход запрещен по распоряжению командующего. Лагерь Пендлтон, ракетная база типа „земля — воздух“».

— Да уж, не думал, что мы так заплутали, — заметил Сол.

— Хочешь пива? — предложила Натали.

— Пока нет, — ответил он.

Как только они выбрались на мощеную дорогу, Натали свернулась на полу у заднего сиденья, натянула на себя одеяло и попыталась поудобнее устроиться.

— Тебе не придется долго так мучиться, — сказал Сол, прикрыв ее сверху багажом и ящиком с пивом, оставив лишь место для дыхания. — Они ищут молодую негритянку и ее неизвестного сообщника в темном фургоне. Надеюсь, что добропорядочный старичок в новенькой «тойоте» подозрений не вызовет. Как ты думаешь?

В ответ ему донеслось лишь сонное сопение.

Сол разбудил Натали через пять минут, когда впереди, сразу за небольшим пригородом под названием Фолбрук, замаячил полицейский пост. Поперек дороги стояла единственная патрульная машина, два сонного вида полицейских, прислонившись к багажнику, пили кофе из металлического термоса. Сол подъехал к ним и остановился.

Один полицейский остался на месте, а другой, переложив чашку из правой руки в левую, не спеша двинулся к нему:

— Доброе утро.

— Доброе утро, — поздоровался Сол. — Что случилось?

Патрульный наклонился и заглянул в «тойоту».

— Едете из заповедника? — спросил он, оглядев целый склад вещей в задней части салона.

— Да, — кивнул Сол.

Он знал, что человек, чувствующий себя виноватым, неосознанно начинает тараторить, пытаясь дать всему многословное объяснение. Когда он недолгое время консультировал нью-йоркскую полицию, эксперт по ведению допросов рассказал ему, что всегда узнает виновных по тому, как они слишком быстро и связно хотят все объяснить. Лейтенант утверждал, что люди, которым нечего скрывать, наоборот, мямлят и путаются.

— Провели там одну ночь? — осведомился полицейский, чуть отодвинувшись и вглядываясь туда, где под одеялом, рюкзаком и ящиком с пивом лежала Натали.

— Две. — Сол посмотрел на второго полицейского, подошедшего к ним. — А что такого?

— Отдыхали? — спросил первый, глотнув кофе.

— Да, — ответил он. — И испытывал новую машину.

— Красавица, — заметил тот. — Совсем новенькая?

Сол кивнул.

— Где вы ее купили?

Он назвал фирму, выбитую на кольце с ключами.

— Где вы живете? — спросил полицейский.

Сол на мгновение замешкался. В фальшивом паспорте и водительском удостоверении, сделанных для него Джеком Коэном, значился нью-йоркский адрес.

— В Сан-Диего, — ответил он. — Переехал два месяца назад.

— Где именно в Сан-Диего? — Полицейский вел себя вполне дружелюбно, но Сол заметил, что его правая рука лежит на рукояти револьвера, а кожаный ремешок на кобуре отстегнут.

Сол был в Сан-Диего лишь однажды, а именно шесть дней назад, когда они проезжали этот город вместе с Джеком Коэном. Однако его напряжение и усталость тогда были настолько велики, что каждое впечатление того вечера неизгладимо отпечаталось в его сознании. Он вспомнил по меньшей мере три указателя.

— В Шервуде, — ответил он. — Еловая аллея, тысяча девятьсот девяносто, рядом с дорогой Линда-Виста.

— Да-да, — кивнул полицейский. — Дантист моего шурина жил на Линда-Виста. Это рядом с университетом?

— Не совсем, — ответил Сол. — Я так понимаю, вы не хотите мне рассказывать, что случилось?

Полицейский еще раз заглянул в заднюю часть «тойоты», словно пытаясь определить, что находится в ящиках.

— Неприятности в районе озера Эльсинор, — пояснил он. — Где вы ночевали?

— В «Маленькой Маргарите», — ответил Сол. — И если я в ближайшее время не попаду домой, моя жена пропустит службу в церкви, и тогда крупные неприятности будут уже у меня.

Полицейский кивнул:

— Вы, случайно, не встречали по дороге синий или черный фургон?

— Нет.

— Я так и думал. Между этим местом и озером нет никаких дорог. А пеших туристов не видели? Чернокожую девушку лет двадцати с небольшим? Или парня постарше, палестинского вида?

— Палестинского вида? — переспросил Сол. — Нет, я никого не встречал, кроме молодой пары — белой девушки Эстер и ее приятеля Карла. У них там наверху медовый месяц. Я старался не мешать. А что, какие-то террористы с Ближнего Востока?

— Похоже на то, — признал полицейский. — Разыскиваются негритянка и палестинец, а при них целый арсенал боеприпасов. Ничего не могу поделать, но вы говорите с акцентом, мистер...

— Гроцман, — подсказал он. — Сол Гроцман.

— Венгр?

— Поляк. Но я стал американским гражданином сразу после войны.

— Да, сэр. А эти цифры означают именно то, что я думаю?

Сол взглянул на свое запястье — рукава рубашки были закатаны.

— Концлагерная татуировка, — подтвердил он.

Патрульный медленно опустил голову:

— Никогда в жизни еще не видел ничего подобного. Мне очень не хочется вас задерживать, мистер Гроцман, но я должен задать вам еще один важный вопрос.

— Да?

Патрульный сделал шаг назад, снова положил руку на кобуру и еще раз оглядел машину:

— В какую сумму обходятся эти японские джипы?

Сол рассмеялся:

— Моя жена считает, что в очень большую. Даже слишком. — Он кивнул и тронулся с места.

Они миновали Сан-Диего, свернули на восток к Юме, где припарковали «тойоту» и перекусили в «Макдональдсе».

— Пора добывать новую машину, — заметил Сол, потягивая молочный коктейль. Иногда ему приходила в голову мысль о том, что бы сказала его кошерная бабушка, если бы увидела его.

— Уже? — удивилась Натали. — И мы будем учиться включать зажигание без ключа?

— Можешь попробовать, если хочешь, — улыбнулся Сол. — Но я бы предпочел более простой способ. — И он кивком указал на стоянку салона по продаже подержанных автомобилей на противоположной стороне улицы. — Мы можем позволить себе потратить тысяч тридцать долларов, которые уже прожигают дыру в моем чемодане.

— Хорошо, — согласилась Натали, — только давай что-нибудь с кондиционером. В ближайшие пару дней нам придется пробираться через пустыню.

Они выехали из Юмы в пикапе «шевроле», который был оборудован кондиционером, гидроусилителем и электроподъемником стекол. Сол дважды изумил продавца: сначала, когда осведомился, автоматически ли выдвигаются пепельницы, а второй раз, когда без всякой торговли выложил наличными запрошенную сумму. Хорошо, что он не стал торговаться. Когда они вернулись к тому месту, где оставили «тойоту», группа смуглых ребятишек пыталась камнем разбить боковое стекло. Они со смехом кинулись врассыпную, показывая Солу и Натали непристойные жесты.

— Вот это да, — сказал Сол. — Интересно, что бы они сделали с пластиковой взрывчаткой и М-шестнадцать?

Натали укоризненно посмотрела на него:

— Ты не сказал, что захватил с собой автомат.

Он поправил очки и оглянулся:

— Этот район даст нам недостаточную фору. Поехали.

«Тойоту» они перегнали к ближайшему торговому центру. Затем Сол вытащил из машины все вещи, вставил ключ в приборную панель и поднял стекла окон.

— Не хочу, чтобы ее изуродовали, — пояснил он. — Пусть просто угонят.

После первого дневного переезда они стали путешествовать по ночам, и Натали, всегда мечтавшая увидеть юго-запад Соединенных Штатов, могла любоваться лишь усеянным звездами небом

над бесконечными одинаковыми шоссе, немыслимыми пустынными рассветами, окрашивавшими серый мир в розовые, оранжевые и пронзительно-синие тона, да слушать гудение кондиционеров в номерах крошечных мотелей, пропахших сигаретным дымом.

Сол погрузился в размышления, предоставив Натали вести машину. С каждым днем они останавливались все раньше, чтобы у него оставалось время на изучение досье и работу с аппаратурой. Перед въездом в Техас он провел всю ночь в салоне машины. Сидел, скрестив ноги, перед компьютерным дисплеем и энцефалографом, подсоединенным к аккумулятору, который они приобрели в магазине радиотоваров в Форт-Уорте. Натали не решалась даже включить радио, чтобы не мешать ему.

— Видишь, самое главное — это тета-ритм, — задумчиво сказал Сол. — Это неопровержимый индикатор, точный указатель. Я не могу его генерировать в себе, но могу воспроизвести по петле обратной биологической связи, потому что мне известны его признаки. Приучив свой организм реагировать на этот первоначальный альфа-пик, я смогу запускать в себе механизм постгипнотической суггестии.

— И таким образом ты можешь противодействовать их... силам? — спросила Натали.

Сол поправил очки и нахмурился:

— Нет, не совсем. Вряд ли это вообще возможно, если человек не обладает такими же способностями. Интересно было бы исследовать группу разных индивидуумов в контролируемом...

— Тогда какой в этом смысл? — в отчаянии воскликнула Натали.

— Это дает шанс... крошечный шанс, — повторил он, — создать своего рода систему оповещения в коре головного мозга. При соответствующей обработке и наличии обратной биосвязи, думаю, я смогу использовать феномен тета-ритма для запуска постгипнотической суггестии, чтобы воспроизвести все заученные мною сведения.

— Сведения? — переспросила Натали. — Ты имеешь в виду все это время, проведенное тобой в Яд-Вашеме и в Музее борцов гетто?..

— Лохамей-ха-Гетаоте, — поправил Сол. — Да. Досье, переданные тебе Визенталем, фотографии, биографии, записи, которые я заучивал самопроизвольно в легком трансе...

— Но какой смысл разделять страдания всех этих людей, если против вампиров сознания не существует никакой защиты? — спросила Натали.

— Представь себе проектор, действующий по принципу карусели. Оберст и остальные способны произвольно запускать эту нейрокарусель, вставляя в нее собственные слайды, накладывая на смесь воспоминаний, страхов и предпочтений, которую мы называем личностью, свою организующую волю и супер-эго. Я просто пытаюсь вставить в обойму большее количество слайдов.

— Но ты не уверен, окажется ли это действенным?

— Нет.

— И ты не думаешь, что это сработает в моем случае?

— Нечто подобное может произойти и с тобой, Натали, но эти сведения должны быть идеально подогнаны к твоей биографии, травматическому опыту, механизмам сопереживания. Я не могу с помощью гипноза генерировать в тебе необходимые... э-э-э... слайды.

— Но если речь о тебе, тогда это сможет подействовать только на твоего оберста и больше ни на кого.

— Вероятно, да. Лишь он может иметь общий опыт с личностью, которую я создаю... пытаюсь создать... во время этих сеансов.

— И по-настоящему это его не остановит, разве что смутит на несколько секунд, если вообще этот многомесячный труд и пляски с энцефалографом что-либо значат?

— Верно.

Натали печально вздохнула и уставилась на бесконечное полотно дороги впереди, освещенное фарами.

— Зачем же ты потратил на это столько времени, Сол?

Он открыл досье. На снимке была молодая девушка с бледным лицом, испуганными глазами, в темном пальто и платке. В верхнем левом углу фотографии едва виднелись черные брюки и высокие сапоги солдата СС. Девушка как раз поворачивалась в сторону камеры, поэтому изображение получилось смазанным. В правой руке она держала маленький чемоданчик, а левой прижимала к груди самодельную потрепанную куклу. К фотографии было приложено полстраницы печатного текста на немецком языке.

— Даже если ничего не получится, это стоило потраченного времени, — тихо промолвил Сол Ласки. — Власть имущие получили свою долю внимания, хотя порой их власть и являлась чистым злом. Жертвы остались безликой массой, исчисляемой лишь голыми цифрами. Эти чудовища усеяли наше столетие братскими могилами своих жертв, но настало время, чтобы угнетенные обрели имена и лица... а также голоса. — Он выключил фонарик и откинулся назад. — Прости, моя логика начинает страдать от собственной одержимости.

— Теперь я стала понимать, что такое одержимость, — вздохнула Натали.

Сол посмотрел на ее лицо, слабо освещенное приборной панелью:

— И ты по-прежнему намерена поддаться своей?

У Натали вырвался нервный смешок.

— Ничего другого мне не остается. Впрочем, чем ближе мы подъезжаем, тем страшнее мне становится.

— Мы можем сейчас свернуть к аэропорту и улететь в Израиль или Южную Америку.

— Нет, не можем, — сказала Натали.

— Да, ты права, — после небольшой паузы ответил он.

Они поменялись местами, и в течение нескольких часов машину вел Сол. Натали дремала. Ей снились глаза Роба Джентри, его испуганный, изумленный взгляд, когда лезвие распороло ему горло. Снилось, будто отец убеждает ее по телефону, что все это ошибка, что ничего не случилось и даже ее мать дома — живая и здоровая. Но вот она приезжает, а дом оказывается пустым, комнаты опутывает липкая паутина, а в раковине плавают какие-то темные сгустки. Потом Натали вдруг снова становится маленькой, бежит в слезах в комнату родителей, но отца там нет, а вместо мамы из затянутой паутиной постели поднимается совсем чужая женщина — вернее, разлагающийся труп с глазами Мелани Фуллер. И труп этот начинает дико хохотать...

Натали резко выдохнула и проснулась, сердце ее бешено колотилось в груди. Машина все так же мчалась по скоростной автостраде. Казалось, уже светало.

— Скоро утро? — спросила она.

— Нет, — ответил Сол усталым голосом, — еще нет.

И вот наконец старый юг; вдоль шоссе один за другим замелькали съезды на города — Джексон, Меридиан, Бирмингем, Атланта. В Августе они съехали на семьдесят восьмую дорогу, которая пересекала нижнюю часть Южной Каролины. Несмотря на темноту, Натали уже узнавала привычные пейзажи — Сен-Джордж, где она отдыхала в летнем лагере в тот год, когда умерла ее мать; Дорчестер, где они жили у сестры отца, пока та не скончалась от рака в 1976 году; Саммервилл, куда она ездила по воскресеньям фотографировать старые особняки; Чарлстон...

Они въехали в город на четвертую ночь своего путешествия, перед восходом солнца, в тот мертвый час, когда дух человеческий

воистину пребывает в самом незащищенном состоянии. Знакомые места, где прошло детство Натали, казались ей чужими, бедные чистенькие кварталы выглядели призрачными, как размытые изображения на тусклом экране. Дом Натали стоял с темными окнами. На нем не висела табличка «Продается», у подъезда не было никаких машин. Она не имела представления, кто распоряжается теперь имуществом и собственностью после ее внезапного исчезновения. Натали взглянула на этот странно знакомый дом с маленьким крыльцом, на котором пять месяцев назад они с Солом и Робом обсуждали глупые выдумки о вампирах сознания, и у нее не возникло ни малейшего желания войти внутрь. Она вспомнила о фотографиях отца и с удивлением обнаружила, что на глазах вдруг выступили слезы. Не сбавляя скорости, они проехали мимо.

— Мы можем не заглядывать сегодня в старые кварталы, — произнес Сол.

— Нет, поедем, — упрямо сказала Натали и свернула на восток, через мост в Старый город.

В доме Мелани Фуллер светилось одно-единственное окно на втором этаже, там, где находилась ее спальня. Свет был не электрический и не такой мягкий, как от свечи. Слабый зеленый огонь болезненно пульсировал, напоминая фосфоресцирующее свечение болота.

Натали крепко вцепилась в руль, чтобы сдержать охватившую ее дрожь.

— Ограду заменили на более высокую с двойными воротами, — заметил Сол. — Настоящая цитадель. Не хватает только башен с бойницами.

Не отрывая взгляда, Натали смотрела на сочившийся сквозь шторы и жалюзи зеленоватый свет.

— Но мы еще не знаем точно, она ли это, — сказал Сол. — Джек собрал свои сведения из косвенных источников, к тому же этой информации уже несколько недель.

— Это она, — уверенно произнесла Натали.

— Поехали. Мы устали. Надо найти место, где переночевать, а завтра необходимо пристроить куда-нибудь наше оборудование, чтобы оно было в полной безопасности.

Натали включила двигатель и медленно тронулась вниз по темной улице.

Они отыскали дешевый мотель на северной окраине города и проспали семь часов. Натали проснулась в полдень, испуганно вскочила, не осознавая, где находится, с одним лишь желанием выбраться из липкой паутины преследующих ее кошмаров, в которых к ней через разбитые окна тянулись чьи-то руки.

Оба чувствовали себя уставшими и раздраженными. Почти не разговаривая друг с другом, они купили копченую курицу и съели ее в парке у реки. День был жарким, солнце светило так же безжалостно, как лампы в операционной.

— Думаю, тебе не надо показываться днем, — сказал Сол. — Тебя могут узнать.

Натали пожала плечами:

— Они — вампиры, и мы скоро превратимся в обитателей тьмы. По-моему, не очень справедливо.

Прищурившись, Сол поглядел на противоположный берег реки:

— Я много думал о том пилоте и шерифе. Если бы я не заставил его выйти на связь с Хейнсом, пилот остался бы жив.

Натали кивнула:

— Да. Как и Хейнс.

— Понимаешь, тогда мне казалось, что, если потребуется принести в жертву обоих — и шерифа, и пилота, я все равно сделаю это. Только чтобы добраться до агента.

— Он убил твоих родственников. И хотел уничтожить тебя, — напомнила Натали.

Сол покачал головой:

— Но ведь шериф и пилот не имели к этому никакого отношения. Неужели ты не понимаешь, к чему это ведет? В течение двадцати пяти лет я ненавидел, презирал палестинских террористов, которые слепо уничтожали невинных людей лишь потому, что у них не хватало сил на открытую борьбу. А теперь мы пользуемся той же самой тактикой, поскольку не способны по-иному противостоять этим чудовищам.

— Глупости! — возмутилась Натали, глядя на семейство из пяти человек, устроившее пикник на берегу; мать уговаривала малыша не подходить к самой воде. — Ты же не подкладываешь динамит в самолеты и не обстреливаешь автобусы из автоматов. К тому же это не мы убили пилота, а Хейнс.

— Но мы явились причиной его гибели, — возразил Сол. — Представь себе, что все они — Барент, Хэрод, Фуллер, оберст — очутились на борту одного самолета, в котором летят еще сотни не-

винных граждан. У тебя бы возникло желание покончить со всеми ними одним взрывом?

— Нет. — Натали энергично тряхнула волосами.

— Подумай, — тихо продолжил Сол. — Эти вампиры повинны в гибели тысяч людей, и можно положить всему конец ценой еще пары сотен жизней и забыть об этом навсегда. Неужели оно того не стоит?

— Нет, — твердо повторила Натали. — Так не годится.

Он кивнул:

— Ты права, так действительно не годится. Если мы начнем размышлять подобным образом, мы превратимся в таких же, как они. Но, лишив жизни пилота, мы уже встали на этот путь.

— Что ты пытаешься доказать, Сол? — гневно воскликнула она. — Мы обсуждали это в Иерусалиме, Тель-Авиве, Кесарии. Мы знали, на что идем. Ведь мой отец тоже был абсолютно невинной жертвой. Как и Роб, как Арон, Дебора и их дети, как Джек, как... — Она умолкла и попыталась успокоиться, глядя на воду. — Что ты пытаешься доказать? — снова спросила она уже другим тоном.

Сол встал:

— Я решил, что ты не будешь участвовать в следующей части нашего плана.

Натали резко повернулась и недоуменно уставилась на него:

— Ты сошел с ума! Это наша единственная возможность добраться до них!

— Глупости! — теперь уже воскликнул Сол. — Просто мы не смогли придумать ничего лучшего. Но мы придумаем. Мы слишком спешим.

— Слишком спешим! — громко повторила Натали, так что семейство у воды обернулось в их сторону. — Нас разыскивает ФБР и половина полиции страны, — уже тише произнесла она. — У нас есть единственный шанс, когда все эти сукины дети соберутся вместе. С каждым днем они становятся все более осмотрительными и все больше набираются сил, мы же слабеем и поддаемся страху. Нас осталось всего двое, и я доведена до такого состояния, что через неделю вообще ни на что не буду способна!.. А ты говоришь, слишком спешим. — Она понимала, что Сол хочет уберечь ее, но ведь они уже давно все обсудили.

— Согласен, — ответил Сол. — Однако этим человеком не обязательно должна быть ты.

— Конечно же, это должна быть я! Других вариантов у нас нет.

— Тогда мы заблуждались, — упрямо продолжал твердить Сол.

— Она вспомнит меня!

— Мы убедим ее, что к ней направили другого посланника.

— То есть тебя?

— Это вполне логично...

— Нет, не логично! — Натали чуть не плакала. — А как насчет всей этой кучи фактов, цифр, дат, смертей, географических названий, которые я заучивала, начиная со Дня святого Валентина?

— Это не имеет никакого значения, — не сдавался Сол. — Если она так безумна, как мы предполагаем, логика будет играть весьма незначительную роль. Если же она способна мыслить трезво, наших фактов все равно окажется недостаточно, и версия будет выглядеть слишком шаткой.

— Как же так! — воскликнула Натали. — Я пять месяцев готовилась, а теперь ты говоришь, что в этом нет никакой необходимости и все равно ничего не получится.

— Не совсем, — мягко произнес Сол. — Я говорю только, что нужно рассмотреть все возможные варианты, и в любом случае ты не тот человек, который должен заниматься этим.

Натали вздохнула:

— Хорошо. Ты не возражаешь, если мы отложим этот разговор до завтрашнего дня? Мы еще не пришли в себя после путешествия. Мне надо как следует выспаться.

— Согласен, — кивнул Сол и, взяв ее за руку, повел обратно к машине.

Они решили оплатить номера в мотеле за две недели вперед. Сол занес к себе аппаратуру и работал до девяти вечера, пока Натали не позвала его на обед, который она тем временем приготовила.

— Действует? — поинтересовалась она.

Он покачал головой:

— Даже в самых простых случаях обратная биосвязь не всегда удается. У нас же случай не из простых. Я уверен: то, что я что-то запомнил, может быть вызвано постгипнотической суггестией, но мне не удается установить механизм запуска. Воссоздать тетаритм невозможно, и генерировать альфа-пик я тоже не могу.

— Неужели все напрасно? — вздохнула Натали.

— Пока да, — кивнул Сол.

— Может, ты отдохнешь?

— Позже. Попробую поработать еще несколько часов.

— Тогда я сделаю тебе кофе.

— Прекрасно, — улыбнулся он.

Натали подошла к стойке, включила кофейник и положила в каждую чашку по две ложки кофе, чтобы сделать его покрепче. Затем осторожно добавила в одну из чашек необходимую дозу фенотиазина, который Сол дал ей в Калифорнии на случай, если потребуется усыпить Тони Хэрода.

Сделав первый глоток, Сол слегка поморщился.

— Ну как? — спросила Натали, отпив из своей чашки.

— Крепкий. Как раз то, что нужно, — заверил он. — Ты лучше ложись. Я могу засидеться допоздна.

Она согласно кивнула, поцеловала Сола в щеку и ушла к себе.

Через полчаса Натали вернулась, уже переодетая в длинную юбку, темную блузку и свитер. Сол крепко спал в своем кресле с целой кипой досье на коленях. Она выключила приборы и перенесла папки на стол, положив сверху короткую записку. Затем сняла с Сола очки и, накрыв его ноги пледом, нежно погладила по плечу. Он даже не шелохнулся.

Натали проверила, не осталось ли в машине чего-нибудь важного. Взрывчатка была сложена в шкафу у нее в комнате, детонаторы хранились у Сола. Она вспомнила о ключе от номера и тоже отнесла его к себе в комнату. У нее не было с собой ни сумочки, ни документов, ничего из того, что могло бы дать о ней какие-либо сведения.

Внимательно следя за светофорами и не превышая лимита скорости, Натали направилась к Старому городу. Она оставила машину возле ресторана «У Генри», о чем сообщала Солу в записке, и пешком прошла несколько кварталов до дома Мелани Фуллер. Ночь была темной и влажной, тяжелые кроны, казалось, смыкаются над головой, скрывая звезды и высасывая кислород.

Подойдя к нужному дому, Натали уже не колебалась. Высокие ворота были заперты, но на них висело украшенное орнаментом кольцо. Она постучала в ворота и замерла в ожидании.

Кроме зеленого сияния, лившегося из спальни Мелани Фуллер, в доме не горело ни одно окно. Свет так и не зажегся, но за воротами возникли две мужские фигуры. Тот, что был повыше, подошел ближе — здоровый толстяк с маленькими глазками, рассеянным взглядом и лицом умственно отсталого.

— Что вам нужно? — произнес он, выделяя каждое слово, как неисправный речевой синтезатор.

— Я хочу поговорить с Мелани, — громко сказала Натали. — Передайте, что к ней пришла Нина.

Целую минуту оба мужчины не шевелились. Было слышно, как в траве стрекочут кузнечики, с пальмы, укрывавшей своими побегами эркер старинного дома, слетела ночная птица, громко хлопая крыльями. Где-то в соседнем квартале завыла сирена и смолкла. Усилием воли Натали заставляла себя стоять прямо, хотя колени у нее подгибались от ужаса.

Наконец здоровяк сказал:

— Войдите. — Повернув ключ, он открыл ворота и втащил Натали за руку во двор.

В доме отворилась парадная дверь, но в темноте Натали ничего не могла различить. В сопровождении двух мужчин, один из которых продолжал крепко держать ее за руку, она вошла в дом.

Глава 54

МЕЛАНИ

Она сказала, что ее прислала Нина.

В первое мгновение я так испугалась, что полностью погрузилась в себя и даже попыталась сползти с кровати, волоча за собой омертвевшую часть тела, которая превратилась в ненужный кусок мяса и костей. Закачались стойки капельниц, иглы вылетели из вен. На целую минуту я потеряла контроль над всеми — Говардом, Нэнси, Калли, доктором, сестрами и негром, по-прежнему стоявшим в темноте с мясницким тесаком в руках, но затем расслабилась и позволила своему телу снова замереть. Ко мне вернулось самообладание.

Сначала я решила, что Калли, Говард и цветной парень должны прикончить ее во дворе, а потом водой из фонтана смыть с кирпичей все следы. Говард отнесет ее за гараж, завернет останки в душевую занавеску, чтобы не испачкать обивку «кадиллака» доктора Хартмана, а у Калли не займет и пяти минут доехать до свалки.

Но мне еще не все было известно. Если ее прислала Нина, мне нужно узнать кое-что. Если же это не Нина, то, прежде чем избавиться от нее, необходимо выяснить, кто ее прислал.

Калли и Говард провели девушку в дом. Доктор Хартман, сестра Олдсмит, Нэнси и мисс Сьюэлл собрались в гостиной, а Марвин остался стоять на страже. Джастин был рядом со мной.

Негритянка, заявившая, что она от Нины, окинула взглядом мое «семейство».

— Здесь темно, — произнесла она странным тонким голосом.

В последнее время я редко пользовалась электрическим светом. Я настолько хорошо знала дом, что могла передвигаться по нему с завязанными глазами, члены же моей «семьи» также не нуждались в электричестве, кроме тех случаев, когда ухаживали за мной, да и тогда им хватало приятного мягкого сияния, исходившего от медицинской аппаратуры.

Если эта цветная девица говорила от лица Нины, то мне казалось странным, что Нина все еще не привыкла к темноте. Ведь в гробу у нее было всегда темно. Но если девица лгала, вскоре ей тоже придется свыкнуться с темнотой...

— Что вам угодно, мисс? — от меня обратился к ней доктор Хартман.

Негритянка облизала пересохшие губы. Калли усадил ее на диван. Члены моей «семьи» остались стоять. Слабые лучи света выхватывали то чье-то лицо, то руку, но в основном мы должны были казаться ей одной сплошной темной массой.

— Я пришла поговорить с тобой, Мелани, — ответила она. Голос ее дрогнул, чего я прежде у Нины не замечала.

— Здесь нет никого с таким именем, — произнес доктор Хартман из темноты.

Девушка рассмеялась. Может, мне только послышался в ее голосе хрипловатый смешок Нины? От этой мысли по моему телу пробежал озноб.

— Я знаю, что ты здесь, — сказала она. — Точно так же, как я знала, где отыскать тебя в Филадельфии.

Как она меня нашла? Я заставила Калли положить свои огромные руки на спинку дивана позади негритянки.

— Мы не понимаем, о чем вы говорите, мисс, — произнес Говард.

Девушка покачала головой. Зачем Нине понадобилось Использовать негритянку? Я не могла этого понять.

— Мелани, я знаю, что ты здесь. Я знаю, что ты нездорова. Я пришла предупредить тебя, — замогильным голосом медленно проговорила она.

Предупредить меня? О чем? Шепотки в Ропщущей Обители предупреждали меня, но она не была их частью. Она появилась позже, когда все пошло из рук вон плохо. Да и не она нашла меня, а я ее! Винсент поймал ее и привел ко мне.

А она убила Винсента.

Даже если она была посланницей Нины, лучше всего избавиться от нее. Тогда Нина, возможно, поймет, что со мной шутки плохи, что я не позволю безнаказанно уничтожать своих пешек.

Марвин продолжал стоять в темном дворе, держа длинный нож для разделки мяса, который мисс Сьюэлл оставила на столе. Лучше это сделать за пределами дома. Не надо будет потом тревожиться о пятнах на ковре и паркете.

— Мисс, — заставила я произнести доктора Хартмана, — боюсь, никто из нас не понимает, о чем вы говорите. Здесь нет никого по имени Мелани. Сейчас Калли вас проводит.

— Постойте! — вскричала девица, когда Калли взял ее под руку и развернул в сторону двери. — Подождите минуту! — Голос ее даже отдаленно не напоминал неторопливое щебетание Нины.

— До свидания, — хором произнесли все пятеро.

Цветной парень стоял сразу за фонтаном. Я уже много недель не получала Подпитки.

Негритянка пыталась вырваться из рук Калли, пока он тащил ее к двери.

— Вилли жив! — крикнула вдруг она.

Я заставила Калли остановиться. Все замерли. Еще через мгновение доктор Хартман спросил:

— Что такое?

Девица бросила на всех высокомерный, пренебрежительный взгляд.

— Вилли жив, — спокойно повторила она.

— Объяснитесь, — попросил Говард.

Она покачала головой:

— Мелани, я буду разговаривать только с тобой. Если ты убьешь эту посланницу, ты больше не услышишь меня. Пусть те, кто пытался уничтожить Вилли, а теперь собираются покончить с тобой, делают свое дело. — Она отвернулась и уставилась в угол, потеряв всякий интерес и не обращая внимания на огромную лапу Калли, крепко сжимавшую ее руку. Она напоминала какой-то механизм, который внезапно отключили.

Оставшись наверху одна, если не считать общества маленького Джастина, я пребывала в нерешительности. У меня болела голова. Все это казалось каким-то дурным сном. Я хотела, чтобы она ушла и оставила меня в покое. Нина мертва. Вилли тоже мертв.

Калли снова проводил ее к дивану и усадил. Мы все не спускали с нее глаз.

Я подумала, не Использовать ли мне ее? Бывает, и довольно часто, что в момент перемещения в чужое сознание, когда только овладеваешь им, ты воспринимаешь не только чувственные ощущения, но и поток поверхностных мыслей. Если девушку Использовала Нина, мне не удастся перехватить контроль, но я смогу ощутить присутствие самой Нины. Если же за ней стоит не Нина, я сумею уловить истинный мотив ее поступков.

— Мелани сейчас спустится, — произнес Говард, и, пока она переваривала сообщение — не знаю, со страхом или с удовлетворением, я проскользнула в ее сознание.

И не встретила никаких препятствий. Полнейшее отсутствие противодействия привело к тому, что я мысленно чуть не провалилась вперед, как человек, пытающийся в темноте опереться на спинку кресла или туалетный столик, которых вдруг не оказывается на месте. Контакт был кратким. Я уловила поток поднимающейся паники, слабый протест «только не это», часто встречающийся у людей, которых уже Использовали, но которые не были как следует обработаны, и еще целый вихрь мыслей, с трепетом разбегающихся в темноте, как мелкие животные. Никаких связных фраз в ее сознании не было. Мелькнул обрывок какого-то видения — старинный каменный мост, нагретый солнцем, переброшенный через море песчаных дюн, и тени от его опор Мне это ни о чем не говорило. Я никак не могла связать это с воспоминаниями Нины, хотя после войны мы так долго были в разлуке, что я плохо знала, где, когда и с кем она проводила время.

Я оставила мозг негритянки. Мне было неинтересно пребывать в ее сознании. Там не было никакой информации. Непонятно...

Девица дернулась и выпрямилась. Это Нина возобновляла свой контроль над ней или самозванка пыталась вернуть себе самообладание?

— Больше не делай этого, Мелани, — произнесла она властным тоном, который впервые чем-то напомнил мне Нину Дрейтон. Ее манеру приказывать.

В гостиную вошел Джастин со свечой. Пламя освещало лицо шестилетнего ребенка снизу, и каким-то образом игра света делала его глаза очень старыми.

Негритянка посмотрела на него, как норовистая лошадь, вдруг заприметившая змею.

— Здравствуй, Нина, — сказал мальчик моим голосом, ставя свечу на чайный столик.

Девица моргнула:

— Здравствуй, Мелани. А ты разве не хочешь поздороваться со мной лично?

— Я не расположена в данный момент. Возможно, я спущусь, когда ты сама придешь ко мне.

На губах девушки мелькнула слабая улыбка.

— Мне будет несколько сложно сделать это.

Все завертелось у меня перед глазами, в течение нескольких секунд я была способна лишь на то, чтобы сохранять контроль над своими людьми. А что, если Нина не умерла? Что, если она была всего лишь ранена?

Но я же видела дыру у нее во лбу! Ее голубые глаза вылезли из орбит!

Может, патроны были старыми? Пуля врезалась в череп, но не пробила его, вызвав в мозгу повреждений не больше, чем у меня мое кровоизлияние?

Газеты сообщили, что она умерла. Я сама видела ее имя в списке жертв.

Впрочем, ведь там присутствовало и мое имя.

Рядом с постелью загудел один из мониторов, предупреждая о чрезмерной нагрузке на мой организм. Усилием воли я умерила одышку и сердцебиение. Гудки прекратились.

Выражение лица Джастина за эти несколько секунд не изменилось и в трепещущем пламени свечи по-прежнему напоминало лик бесенка. Он уселся в кожаное кресло, которое так любил мой папа, и скрестил ноги на сиденье.

— Расскажи мне о Вилли, — попросила я через него.

— Он жив, — ответила негритянка.

— Этого не может быть. Его самолет разбился, и все пассажиры погибли.

— Все, за исключением Вилли и двух его помощников, — усмехнулась она. — Они покинули самолет до того, как он взлетел.

— Зачем же ты напала на меня, если знала, что твой замысел с Вилли провалился? — вырвалось у меня.

— Я не имею к самолету отношения, — призналась она после паузы.

У меня началась бешеная тахикардия, так что осциллограф залил комнату пульсирующим ярким светом.

— Кто же это сделал?

— Другие, — равнодушным тоном отозвалась она.

— Кто они?

Девица глубоко вздохнула:

— Есть группа лиц, обладающих нашей силой. Тайная группировка...

— Нашей силой? — перебила ее я. — Ты имеешь в виду Способность?

— Да.

— Глупости. Мы никогда не встречали кого-либо даже с намеком на Способность. — Я заставила Калли поднять в темноте руки. Ее худенькая прямая шейка торчала из ворота темного свитера. Калли мог переломить ее запросто, как сухую ветку.

— А эти люди обладают ею, — уверенно произнесла негритянка. — Они пытались убить Вилли. Они пытались убить тебя. Неужели ты не задумалась, кто устроил все это в Джермантауне? Стрельба? Свалившийся в реку вертолет?

Откуда Нина может знать? Откуда вообще кто-то может знать?

— Ты вполне могла быть одной из них, — уклончиво ответила я.

Девица невозмутимо кивнула:

— Да, но в таком случае разве я стала бы предупреждать тебя? Я пыталась сделать это в Джермантауне, но ты не захотела слушать.

Я попробовала вспомнить. Предупреждала ли негритянка меня о чем-нибудь? Шепотки тогда уже звучали очень громко, и сосредоточиться было трудно.

— Ты и шериф приходили, чтобы убить меня, — возразила я.

— Нет. — Голова девушки медленно шевельнулась, как у заржавевшей марионетки. Нинина компаньонка Баррет Крамер двигалась именно так. — Шерифа прислал Вилли. Он тоже хотел предупредить тебя.

— А кто эти другие? — осведомилась я.

— Известные люди, очень могущественные. Барент, Кеплер, Саттер, Хэрод...

— Мне эти имена ничего не говорят. — Я вдруг поймала себя на том, что визжу голосом шестилетнего Джастина. — Ты лжешь! Ты не Нина! Ты умерла! Откуда ты знаешь про этих людей?

Девица помедлила, словно прикидывая, говорить или нет.

— Я познакомилась кое с кем из них в Нью-Йорке, — наконец ответила она. — И они уговорили меня сделать то, что я сделала.

Наступила такая мертвая и продолжительная тишина, что через все свои восемь источников я могла слышать, как на карнизе эркера воркуют голуби. Мисс Сьюэлл бесшумно удалилась на кухню и теперь стояла в тени дверного проема, держа тесак в склад-

ках бежевой юбки. Калли переступил с ноги на ногу, и я ощутила отголосок обостренной готовности Винсента в его кровожадном нетерпении.

— Они убедили тебя уничтожить меня, — сказала я, — и пообещали расправиться с Вилли, пока ты занимаешься мною?

— Да, — ответила она.

— Но им так же ничего не удалось, как и тебе.

— Да.

— Зачем ты рассказываешь мне это, Нина? — поинтересовалась я. — Ведь этим ты только вызываешь еще большую ненависть к себе.

— Они обманули меня, — тихо прошептала девушка. — Когда ты пришла за мной, они меня бросили. И я хочу с ними поквитаться.

Я заставила Джастина чуть склониться вперед.

— Поговори со мной, Нина, — попросила я тихо. — Расскажи мне о нашей юности.

Она покачала головой:

— На это нет времени, Мелани.

Я улыбнулась, чувствуя, как слюна увлажнила молочные зубы Джастина.

— Где мы познакомились, Нина? На чьем балу мы впервые сравнили свои карточки с ангажементами?

Негритянка слегка задрожала и поднесла ко лбу руку:

— Моя память, Мелани... После травмы образовались провалы...

— По-моему, несколько секунд назад они тебя не тревожили, — ехидно заметила я. — Кто ездил с нами на пикники на остров Дэниел, Нина, милая? Неужели ты не помнишь его? Наших кавалеров в то далекое-далекое лето?

Девица качнулась, не отводя руку от виска:

— Мелани, прошу тебя, я вспоминаю, а потом забываю... боль...

Мисс Сьюэлл подошла к ней сзади. Ее сестринские туфли на резиновой подошве не издавали ни малейшего шума.

— Кого мы выбрали первым для нашей Игры в то лето в Бад-Ишле? — осведомилась я лишь для того, чтобы дать возможность мисс Сьюэлл сделать два последних шага.

Я знала, что цветная самозванка не сможет ответить на эти вопросы. Посмотрим, сможет ли она изображать Нину, когда голова ее скатится на пол. Может, Джастину будет интересно поиграть с таким «футбольным мячом»?

— Первой была танцовщица из Берлина, — вдруг сказала негритянка, — по фамилии Майер, кажется. Подробностей я не помню, но мы, как всегда, обратили на нее внимание, когда сидели в кондитерской «Цаунер».

— Что? — ошарашенно воскликнула я.

— А на следующий день... нет, это было через два дня, в среду... такой смешной мороженщик. Мы оставили его труп в морозильной камере на железном крюке... Мелани, мне больно. Я то вспоминаю, то забываю! — Девушка начала плакать.

Джастин сполз с кресла, обошел чайный столик и похлопал ее по плечу.

— Нина, — прошептала я, — прости меня. Прости.

Мисс Сьюэлл приготовила чай и подала его в моем лучшем веджвудском фарфоре. Калли принес свечи. Доктор Хартман и сестра Олдсмит поднялись проведать меня, в то время как Говард, Нэнси и остальные устроились в гостиной. Негр остался стоять у парадной двери.

— А где же Вилли? — спросила я через Джастина. — Как он?

— С ним все в порядке, — ответила Нина, — но я не знаю точно, где он. Ему, бедняге, приходится скрываться.

— От этих людей, которых ты упомянула?

— Да.

— Почему они желают нам зла, Нина, милая?

— Они боятся нас, Мелани.

— Почему? Мы же не сделали им ничего дурного.

— Они боятся этой нашей... нашей Способности. И еще того, что могут быть разоблачены из-за... эксцессов Вилли.

Маленький Джастин кивнул:

— Вилли тоже знал о них?

— Да, — ответила Нина. — Сначала он хотел вступить в их... в их клуб. Теперь он просто хочет остаться в живых.

— Клуб? — переспросила я.

— У них есть что-то вроде тайной организации, — пояснила Нина. — Место, где они встречаются каждый год и охотятся на заранее выбранных жертв...

— Я понимаю, почему Вилли хотел присоединиться к ним... А сейчас мы можем ему доверять?

— Думаю, да, — ответила негритянка после паузы. — Как бы то ни было, нам троим, из соображений самозащиты, лучше держаться вместе, пока эта угроза не миновала.

— Расскажи мне подробнее об этих людях, — попросила я.

— В следующий раз, Мелани. Я... быстро устаю...

Джастин расплылся в своей самой ангельской улыбке:

— Нина, милая, расскажи мне, где ты сейчас. Позволь, я приду к тебе, помогу.

Девица улыбнулась, но промолчала.

— Ну ладно. Не хочешь — не говори. Скажи, я еще увижусь с Вилли?

— Возможно, — ответила Нина. — Но даже если не увидишься, мы должны действовать с ним заодно до назначенного времени.

— Назначенного времени?

— Через месяц. На острове. — Она снова провела рукой по лбу, и я увидела, что рука ее дрожит.

Да, она была изможденна. Наверное, Нине приходилось тратить много сил на то, чтобы заставлять ее двигаться и говорить. Я вдруг представила себе Нинин труп, гниющий во мраке могилы, и Джастин вздрогнул.

— Расскажи мне об этой встрече. Об острове, — попросила я.

— Потом, — ответила Нина. — Мы еще встретимся и обсудим с тобой, что нужно делать... Как ты можешь помочь нам всем. А теперь мне пора идти.

— Хорошо. — Мой детский голосок не смог скрыть чисто детского разочарования, которое я ощущала.

Нинина негритянка встала, медленно подошла к креслу, где сидел Джастин, и поцеловала его, то есть меня, в щеку. Как часто Нина награждала меня этим иудиным поцелуем, прежде чем предать! Я вспомнила нашу последнюю встречу.

— До свидания, Мелани, — прошептала она.

— До свидания, Нина, дорогая, — улыбнулась я в ответ.

Глядя по сторонам, словно опасаясь, что Калли или мисс Сьюэлл остановит ее, она пошла к двери. Мы все сидели, ангельски улыбаясь при свете свечей, держа чайные чашки на коленях.

— Нина! — окликнула я ее, когда она приблизилась к двери.

Она медленно обернулась, и я почему-то вспомнила кота Энн Бишоп, его загнанный вид, когда Винсент наконец настиг его в углу спальни.

— Да, дорогая?

— Все-таки зачем ты прислала ко мне эту черномазую?

Девица загадочно улыбнулась:

— Мелани, а разве ты никогда не Использовала цветных для разных поручений?

Я кивнула, и она вышла.

Марвин с мясницким тесаком еще глубже вжался в куст за дверью и проводил девушку пытливым взглядом. Калли пришлось выйти, чтобы открыть ворота.

Она свернула налево и медленно двинулась по темной улице.

Я отправила негра за ней. А еще через минуту Калли присоединился к ним.

Глава 55

Чарлстон
Вторник, 5 мая 1981 г.

Натали заставила себя пройти один квартал спокойным шагом. Свернув за угол и потеряв из виду дом Фуллер, она поняла, что стоит перед выбором: либо дать своим коленям согнуться, либо бежать.

Она побежала. Миновав первый квартал со спринтерской скоростью, она обернулась и в свете фар выворачивавшей машины увидела метнувшуюся темную фигуру. Юноша показался ей странно знакомым, но на таком расстоянии рассмотреть лицо было невозможно. Зато блеснувший в его руке нож она увидела. Из-за угла показалась еще одна, более крупная фигура. Натали пробежала следующий квартал к югу и снова свернула на восток. Она уже задыхалась, под ребрами кололо и жгло, но она не обращала внимания на боль.

Улица, где она оставила машину, была освещена ярче, хотя рестораны и магазины уже закрылись, а пешеходы исчезли. Натали рванула на себя дверцу и запрыгнула на водительское сиденье. На мгновение ее охватила еще большая паника, когда она обнаружила, что ключи в зажигании отсутствуют, а при ней нет сумочки. Но почти сразу же она вспомнила, что положила их под сиденье, чтобы их мог найти Сол, когда придет за машиной. Едва она наклонилась за ключами, как противоположная дверца распахнулась и в машину ввалился мужчина.

Натали, пытаясь сдержать крик, резко выпрямилась и подняла сжатые кулаки.

— Это я, — сказал Сол, поправляя очки. — С тобой все в порядке?

— О господи, — выдохнула Натали. Она нащупала ключи, и машина с ревом тронулась с места.

За их спинами от кустарника отделилась тень и бросилась вдогонку.

— Держись! — крикнула Натали, выехав на середину улицы и нажимая на газ.

Свет фар на мгновение выхватил фигуру чернокожего парня, прежде чем тот отскочил в сторону.

— Ты видел, кто это? — спросила она.

— Марвин Гейл. — Сол ухватился за приборную доску. — Сверни-ка здесь.

— Что он тут делает? — удивилась Натали.

— Не знаю, — ответил Сол. — Сбавь скорость. Нас никто не преследует.

Они выехали на шоссе, ведущее к северу. Натали поймала себя на том, что плачет и смеется одновременно, и затрясла головой, пытаясь успокоиться.

— О господи, получилось, Сол! А я даже никогда не играла в самодеятельности. Просто не могу поверить! — Она попробовала улыбнуться, но вместо этого из глаз хлынули слезы.

Сол сжал ее плечо, и только тогда Натали посмотрела на него. На какое-то ужасное мгновение ей показалось, что Мелани Фуллер все же удалось перехитрить их, что старая ведьма каким-то образом узнала об их планах и завладела Солом...

От его прикосновения Натали вся сжалась. Он бросил на нее недоуменный взгляд и покачал головой:

— Все в порядке, Натали. Я проснулся, обнаружил твою записку и добрался на такси до кафе...

— Фенотиазин, — прошептала она, не зная, куда смотреть — на Сола или на дорогу.

— Я не допил кофе, — ответил он. — Оказался слишком горьким. К тому же ты взяла дозу, как для Энтони Хэрода. А я покрупнее буду.

Натали посмотрела на Сола. Какая-то часть сознания убеждала ее в том, что она сошла с ума.

— Ладно, — усмехнулся он. — Мы согласились, что эти... штуки... влияют на память. Я собирался расспросить тебя, но можем начать и с меня. Описать ферму Давида в Кесарии? Рестораны, в которых мы бывали в Иерусалиме? Наставления Джека Коэна?

— Да нет же, — отмахнулась Натали. — Все нормально, раз ты не допил кофе.

Она вытерла рукавом слезы и рассмеялась:

— Сол, это было ужасно. Какое-то умственно отсталое чудовище и другой зомби отвели меня в гостиную, где стояли еще с полдюжины таких же в полной темноте. Они выглядели как трупы — у одной женщины белое платье было застегнуто не на те пуговицы, а рот не закрывался. Я просто не могла думать, мне казалось, что голос вот-вот перестанет меня слушаться. А потом, когда вошло это маленькое... существо со свечой, стало еще хуже, чем в Ропщущей Обители. Такого я даже представить себе не могла! У ребенка был ее взгляд — безумный, неотрывный. Я никогда не верила ни в бесов, ни в Сатану, но это существо было прямо из Данте или какого-нибудь босховского кошмара. Она все спрашивала и спрашивала через него, а я никак не могла ответить. Я знала, что женщина, одетая в платье медсестры, собирается что-то сделать за моей спиной, но тут Мелани, то есть этот бесенок, упомянула Бад-Ишль, и у меня что-то щелкнуло в мозгу. Я вспомнила материалы, собранные Визенталем, вспомнила танцовщицу из Берлина, Берту Майер, а потом все пошло легко. Только я боялась, что она снова спросит о ранних годах, но она не спросила. Сол, по-моему, мы убедили ее. Но мне было так страшно... — Натали умолкла, еле переводя дыхание.

— Притормози здесь, — сказал Сол, указав на пустую стоянку.

Натали остановила машину и откинулась назад, пытаясь успокоиться. Сол наклонился, взял ее лицо в ладони и поцеловал — сначала в левую щеку, потом в правую:

— Милая моя, более отважного человека я еще не встречал в своей жизни. Если бы у меня была дочь, я бы хотел, чтобы она походила на тебя.

Натали всхлипнула:

— Сол, нам надо спешить обратно в мотель и включить энцефалограф, как мы планировали. Ты должен обо всем меня спросить. Она прикасалась ко мне, я это чувствовала... Это было хуже, чем тогда с Хэродом... такое ледяное прикосновение, холодное и скользкое, как... как из могилы.

Он кивнул:

— Наоборот, она уверена, что это ты из могилы. И нам остается только надеяться, что она побоится еще одного столкновения с Ниной и не будет пытаться отнять тебя у своей предполагаемой соперницы. Если бы она собиралась применить к тебе свою силу, то, по логике вещей, скорее сделала бы это, пока вы общались.

— Способность, — поправила Натали. — Так она это называет, причем явно с большой буквы. — Девушка испуганно оглянулась. — Сол, надо вернуться в мотель и провести исследование моего мозга, как мы и планировали. Ты должен расспросить меня обо всем и убедиться... что я помню.

Он слабо рассмеялся:

— Хорошо, мы включим энцефалограф, пока ты будешь спать, но расспрашивать тебя нет никакой необходимости. Твой маленький монолог здесь, в машине, вполне убедил меня, что ты именно та, кем была всегда, — то есть очень отважная и красивая девушка. Пересаживайся на мое место, а я сяду за руль.

Пока они ехали к мотелю, Натали думала об отце — вспоминала тихие вечера в лаборатории или за обедом. Однажды она распорола ногу ржавой железякой за гаражом Тома Пайпера и прибежала к дому, а отец, бросив машинку для стрижки газонов, кинулся ей навстречу, с ужасом глядя на ногу и пропитанный кровью носок. Но Натали не плакала, и он, подняв ее на руки и неся в дом, все время повторял: «Моя отважная девочка, моя отважная девочка».

И она стала отважной. Натали закрыла глаза.

— Это начало, — произнес Сол. — Несомненное начало их конца.

Не открывая глаз и чувствуя, как успокаивается ее сердцебиение, Натали задремала, продолжая думать об отце.

Глава 56

МЕЛАНИ

При свете дня поверить в то, что со мной связывалась Нина, оказалось труднее. Моей первой реакцией была тревога и чувство незащищенности, вызванные тем, что я обнаружена. Но эти ощущения скоро прошли, сменившись уверенностью и возрожденной энергией. Кого бы ни представляла эта девица, она заставила меня снова думать о будущем.

В среду, кажется, это было пятого мая, негритянка не пришла, поэтому я предприняла самостоятельные действия. Доктор Хартман обошел больницы якобы в поисках места, куда меня можно было бы госпитализировать, на самом же деле он проверял, нет ли там больных, похожих на Нину. Помня о моем пребывании в больнице Филадельфии, доктор Хартман не обращался к медицинско-

му персоналу или администраторам, а под видом проверки больничного оборудования сам работал с компьютерами, медицинскими картами и историями болезней в хирургических отделениях. Поиски продолжались до пятницы, и за это время никаких сведений ни о Нине, ни о негритянке не поступало. К выходным доктор Хартман обошел все больницы, дома для престарелых и медицинские центры, предназначенные для длительного содержания больных. Он также заглянул в окружной морг, где его заверили, что тело мисс Дрейтон было выдано наследникам и кремировано. Но это лишь подтверждало возможность того, что она жива... или что ее тело похищено... Когда я бегло прошлась по сознаниям служителей морга, я обнаружила одного глуповатого человека среднего возраста по имени Тоб, с безошибочными признаками того, что его Использовали, о чем после ему велено было забыть.

Калли начал обходить чарлстонские кладбища в поисках могилы годичной давности, в которой могло бы находиться тело Нины. Семья Хокинс происходила из Бостона, поэтому, когда обследование чарлстонских кладбищ ничего не дало, я отправила Нэнси на север — мне не хотелось, чтобы Калли покидал дом на столь длительное время, — и она отыскала семейную усыпальницу. В пятницу после полуночи, с заступом и ломом, купленными в Кембридже, она произвела тщательные раскопки. Хокинсов было в изобилии — всего одиннадцать тел, из них девять взрослых, но все они выглядели так, будто пролежали здесь уже по меньшей мере полстолетия. Глазами мисс Сьюэлл я осмотрела проломленный череп, принадлежавший, очевидно, Нининому отцу. Я разглядела золотые зубы, по поводу которых он любил шутить, и в сотый раз задумалась: неужели это Нина толкнула его под трамвай в 1921 году за то, что он не позволил ей купить синий автомобиль, на который она в то лето положила глаз?

В могилах были лишь кости, прах и давно сгнившие останки похоронных убранств, и все же, чтобы быть абсолютно уверенной, я заставила мисс Сьюэлл вскрыть все черепа и заглянуть внутрь. Кроме серой пыли и насекомых, ничего обнаружить не удалось. Нина в склепе не пряталась.

Какими бы бесплодными ни были эти поиски, я радовалась тому, что размышляю вполне здраво. Долгие месяцы болезни расслабили меня, притупили обычную остроту восприятия, но теперь я чувствовала возвращение былой мощи.

Мне следовало догадаться, что Нина не захочет быть похороненной вместе со своей семьей. Она не любила своих родителей и ненавидела единственную сестру, которая умерла в юности. Нет, если Нина была действительно мертва, ее скорее можно найти в каком-нибудь недавно купленном особняке, может, даже здесь, в Чарлстоне, возлежащей на роскошной постели, прелестно одетой и каждый день заново подкрашенной, в окружении целого некрополя прислужников мертвых. Признаюсь, я заставила сестру Олдсмит надеть лучшее шелковое платье и отправила ее завтракать в «Мансарду», но никаких признаков Нининого присутствия там тоже не оказалось. Ведь хотя чувство юмора у нее было таким же изящным, как у меня, она была не настолько глупа, чтобы вернуться туда.

Только не подумайте, будто я всю неделю занималась бесплодными поисками, возможно, не существовавшей Нины. Я предприняла и чисто практические меры предосторожности. Говард улетел в среду во Францию и начал подготавливать мой будущий переезд туда. Дом находился в том же состоянии, в каком я оставила его восемнадцать лет назад. В сейфе в Тулоне хранился мой французский паспорт, положенный туда мистером Торном лишь тремя годами раньше.

То, что я могла воспринимать Говарда, находящегося на расстоянии более двух тысяч миль, свидетельствовало о моей несоизмеримо возросшей Способности. Раньше на далекие расстояния я отправляла только идеально обработанных пешек, таких как мистер Торн, и они действовали по заранее утвержденному плану и не нуждались в моем непосредственном руководстве.

Разглядывая глазами Говарда поросшие лесом холмы южной Франции, сады и рыжие прямоугольники крыш в долине неподалеку от моего дома, я недоумевала, почему отъезд из Америки казался мне таким сложным.

Вернулся Говард в субботу вечером. Все было готово к тому, чтобы он с Нэнси, Джастином и матерью Нэнси — инвалидом в течение часа могли покинуть страну. Калли и остальные должны были выехать позднее в том случае, если не возникнет необходимости прикрытия. Я не собиралась лишаться своего личного медицинского персонала, но, если бы дело дошло до этого, во Франции тоже имелись превосходные врачи и сестры.

Однако, когда путь к отступлению был подготовлен, я засомневалась, хочу ли я этого. Мысль о встрече с Вилли и Ниной не была лишена приятности. Эти месяцы блужданий, боли и одиночества

становились еще более тягостными от ощущения незавершенности дел. Полгода назад Нинин звонок в аэропорту Атланты поверг меня в бегство, зато реальное появление представительницы Нины — если она была тем, за кого себя выдавала, — оказалось не таким уж пугающим.

Я решила, что так или иначе добьюсь правды.

В четверг сестра Олдсмит пошла в публичную библиотеку и отыскала все упоминания имен, названных негритянкой. Она нашла несколько журнальных публикаций и недавно вышедшую книгу о таинственном миллионере К. Арнольде Баренте, заметки о Чарльзе Колбене в статьях, посвященных политике Вашингтона, и пару книг об астрономе по имени Кеплер. Но, вероятно, это был не тот человек, так как он уже несколько веков находился в могиле, — ссылок же на другие имена не было. Эти книги и статьи ни в чем меня не убедили. Если девицу прислала не Нина, то она почти наверняка лгала. Если же все-таки это Нина, я тоже допускала, что она могла лгать. Нина не нуждалась в провокации со стороны других, обладающих Способностью, чтобы провоцировать меня.

«Могла ли смерть сделать Нину безумной?» — размышляла я.

В субботу я позаботилась о последней детали. Доктор Хартман договорился с миссис Ходжес и ее зятем о покупке соседнего дома. Я знала, где она живет. Я также знала, что в субботу утром она ездит одна на рынок в Старый город за свежими овощами, которые были для нее своеобразным фетишем.

Калли остановился рядом с машиной дочери миссис Ходжес и дождался, пока старуха не выйдет с рынка. Как только она появилась с полными сумками в руках, он подошел и сказал:

— Позвольте, я помогу вам.

— Спасибо, я сама... — начала было миссис Ходжес, но Калли забрал у нее одну сумку, крепко взял за руку и повел к «кадиллаку» доктора Хартмана. Подойдя к машине, он открыл дверцу и затолкал ее на переднее сиденье, как выведенный из себя родитель толкает ребенка.

Миссис Ходжес сделала попытку открыть запертую дверцу и выбраться, но Калли скользнул на водительское место и своей огромной рукой, в которой помещалась вся голова глупой старухи, сжал ее лицо. Она тяжело привалилась к дверце. Калли, удостоверившись, что она дышит, повез ее домой, включив пленку с записью Моцарта и неумело подпевая.

В воскресенье десятого мая, вскоре после полудня, в ворота вновь постучала посланница Нины.

Я отправила Говарда и Калли, чтобы ей открыли. На этот раз я была готова к ее приходу.

Глава 57

Остров Долманн
Суббота, 9 мая 1981 г.

Натали и Сол вылетели из Чарлстона в половине восьмого утра. Впервые за четыре дня Натали сняла телеметрические датчики энцефалографа и чувствовала себя странно обнаженной и в то же время свободной, словно она действительно вышла из карантина.

Маленькая «Сессна-180», поднявшись в воздух, пролетела над портом и повернула навстречу восходящему солнцу. Внизу показались голубовато-зеленые волны океана, под правым крылом раскинулся остров Каприз. Натали сверху различала фарватер, уходящий к югу сквозь безумное переплетение заливов, морских рукавов и прибрежных болот.

— Как ты думаешь, сколько нам потребуется времени? — спросил Сол пилота. Он сидел на правом переднем сиденье, Натали — за ним. В ногах у нее лежала большая сумка.

Дэрил Микс посмотрел на Сола, а потом бросил взгляд через плечо на Натали.

— Около полутора часов, — прокричал он, перекрывая шум двигателя. — Может, немного больше, если налетит юго-восточный ветер.

Дэрил Микс выглядел так же, как семь месяцев назад, когда Натали познакомилась с ним возле дома Роба Джентри. На Дэриле были дешевые темные очки, армейские ботинки, обрезанные джинсы и футболка с выцветшей надписью «Колледж Уобаш». Натали попрежнему казалось, что Микс напоминает помолодевшего длинноволосого Морриса Юдалла[1].

---

[1] *Моррис Кинг Юдалл* (1922–1998) — американский политик-либерал, из-за своего высокого роста и характерного юмора сравнивавшийся с Линкольном.

Она вспомнила его имя и то, что старый приятель Роба Джентри был чартерным пилотом, дальше оставалось только перелистать желтые страницы, чтобы отыскать его офис в маленьком аэропорту севернее Маунт-Плезанта, через реку от Чарлстона. Микс узнал ее и после нескольких минут разговора — в основном вспоминались забавные случаи времен их общей с Робом юности — согласился взять ее и Сола на облет острова Долманн. Пилот поверил версии, что они ведут журналистское расследование о миллионере-отшельнике К. Арнольде Баренте, хотя Натали не сомневалась, что он запросил с них гораздо меньшую сумму, чем обычно.

День был теплым и безоблачным. Натали смотрела, как светлые прибрежные воды смешиваются с сине-пурпурными глубинами истинной Атлантики, растянувшейся на сотни миль вдоль извилистого берега; на юго-запад к раскаленному горизонту уходил зеленовато-коричневый пейзаж Южной Каролины. Во время полета Сол и Натали почти не разговаривали, погрузившись в собственные мысли. Микс был занят приборами и радиосвязью, а в основном явно наслаждался полетом в такой прекрасный день. Когда они углубились дальше, он указал своим пассажирам на два пятна в океане, к западу от них.

— То, что побольше, — Хилтон-Хед, — лаконично сообщил он. — Излюбленное место отдыха всяких больших шишек. Никогда там не был. А второе — Пэррис-Айленд, база морской пехоты. Однажды мне устроили на ней оплачиваемый отпуск. Там знают, как превращать мальчиков в мужчин, а мужчин в роботов меньше чем за десять недель. Насколько мне известно, этим занимаются до сих пор.

К югу от Саванны они снова свернули к берегу, и перед ними открылась длинная вереница песчаных отмелей и зеленых островов. Микс называл их по очереди: Святой Катерины, Черная Борода и, наконец, острова Сапело. Он свернул влево, выровнял курс на 112 градусов и указал еще на одно туманное пятно в нескольких десятках миль от того места, где они находились.

— А вот и остров Долманн, — объявил Микс.

Натали приготовила камеру — новенький «Никон» с трехсотмиллиметровым объективом — и прислонила ее к боковому окну, закрепив на монооподе. Она использовала пленку высокой чувствительности. Сол разложил на коленях блокнот и карты с диаграммами, которые извлек из досье, подготовленного Джеком Коэном.

— Мы зайдем с севера! — прокричал Микс. — Пролетим над океаном, как я и говорил, потом сделаем круг и взглянем на старый особняк.

Сол кивнул:

— А как близко ты сможешь подлететь?

Микс ухмыльнулся:

— Вообще-то, там все охраняется. Формально северная часть острова — это дикий заповедник, поэтому воздушное пространство там закрыто. Все это якобы принадлежит Фонду западного наследия, и остров охраняют так, словно на нем расположена ракетная база русских. Стоит пролететь над ним, и Комитет гражданской авиации тут же отнимет у тебя лицензию, как только проверят регистрационные номера.

— А ты сделал, как мы договаривались? — уточнил Сол.

— Да, — кивнул Микс. — Не знаю, обратил ли ты внимание, но большинство цифр просто вырезаны из красной клейкой ленты. Лента снимается, и мы получаем другой номер. Ладно, посмотрите вон туда. — Он указал на серое судно с высокой мачтой, которое медленно двигалось в северном направлении примерно в миле от острова. — Это одно из их сторожевых судов с радаром. Кроме того, у них есть быстроходные патрульные катера, курсирующие туда и обратно, и, если какому-нибудь дураку вздумается устроить пикник на Долманне или высадиться, чтобы полюбоваться на птичек, его ждет страшное потрясение.

— А что происходит здесь в июне, во время проведения лагеря? — спросил Сол.

Микс рассмеялся:

— Ну, тогда уже подключаются береговая охрана и военно-морской флот. Без специального разрешения никто не сможет приблизиться к острову. Ходят слухи, что охрана хорошо вооружена, а со взлетной полосы на юго-западе, которую я вам покажу, то и дело поднимаются вертолеты. Приятели мне рассказывали, что в июне сюда не подпускают никого и по воздуху ближе чем на три мили. А вот это — северный пляж. — Микс показал вниз. — Здесь идет единственная полоска песка, если не считать пляжа возле особняка и летнего лагеря. — Пилот повернулся и бросил взгляд на Натали. — Надеюсь, вы готовы, мэм? С этой стороны мы больше не окажемся.

— Готова! — откликнулась Натали и, как только они оказались в четверти мили от пляжа, на высоте четыреста футов, принялась щелкать фотоаппаратом. Хорошо, что она взяла фотокассету увеличенной емкости и камеру с автоматической перемоткой, которыми при обычной съемке не пользовалась.

Вместе с Солом она хорошо изучила карты острова, но увидеть все воочию было гораздо интереснее, хотя картинки и мелькали внизу очень быстро, представляя собою чехарду пальмовых зарослей, отмелей и других едва заметных подробностей.

Остров Долманн ничем не отличался от остальных островов, в основном располагавшихся ближе к побережью. Он был вытянут в форме буквы «Г» с севера на юг, длиною семь миль и шириной — около трех. К северной оконечности остров сужался, мысом уходя в океан.

За длинной белесой полосой пляжа виднелись топи, болота и субтропические заросли, покрывавшие всю северную часть. С пальм и кипарисов взлетали большие белые птицы, суматошно хлопая крыльями. Натали отщелкивала пленку с такой скоростью, какую только позволяла автоматическая перемотка. Вскоре они увидели какие-то почерневшие развалины.

— Это руины бывшей лечебницы для рабов, — прокричал Сол, делая отметку на своей карте. — За ней — плантация Дюбоза, уже полностью заросшая джунглями. Где-то там рабское кладбище... а там охранная зона!

Натали оторвалась от видоискателя. Северную часть острова занимали холмы, поросшие густой непроходимой растительностью. Далее виднелись низкие, наполовину утопленные в земле бетонные строения, между пальмами вилась черная гладкая лента асфальтовой дороги, ведущая к огороженной и абсолютно голой площадке. Казалось, земля здесь вымощена остроконечным ракушечником. Натали выдвинула объектив и снова принялась делать снимки.

Микс снял наушники:

— Господи, вы бы только послушали, что орет этот парень с радарной посудины! Жаль, что у меня не работает приемник. — И он подмигнул Солу.

Они приблизились к восточной части острова. Микс сделал крюк, чтобы не пролетать непосредственно над ней.

— Давай выше! — крикнул Сол.

Когда они набрали высоту, Натали получила превосходную панораму для обзора. Она отложила «Кодак» и взяла «Рико» с широкоугольным объективом и ручной перемоткой. Переместившись к левому иллюминатору, она начала быстро снимать крупные планы длинного пляжа.

Восточная часть острова выглядела совсем иначе. За охраняемой зоной тянулись сосновые и дубовые рощи, вдали высились поросшие лесом холмы, все несло на себе следы тщательного и про-

думанного ухода. Асфальтовая дорога продолжала виться вдоль берега, и лишь пальмы и древние дубы скрывали из виду ее идеально гладкую поверхность. С высоты в пятьсот футов между кронами деревьев замелькали зеленые крыши строений и кольцо скамеек на травянистой поляне ближе к центру острова.

— Амфитеатр летнего лагеря! — крикнул Сол.

— Держитесь, — предупредил Микс и снова круто свернул влево, к рифу пурпурного цвета, чтобы миновать искусственную гавань и длинный бетонный причал на юго-восточной оконечности острова. — Не думаю, что они станут нас обстреливать, — усмехнулся он, — но черт их знает.

За гаванью они круто свернули вправо и полетели вдоль каменистого южного побережья. Микс кивком указал на крышу, которая виднелась над колышущимися под ветром пальмами и цветущими магнолиями.

— А это особняк, — пояснил он. — Бывшая плантация Вандерхуфа. Старый священник женился на наследнице большого состояния. Построен примерно в тысяча семьсот семидесятом году. На третьем этаже располагается более двадцати спален, а во всем доме, наверное, около ста двадцати комнат. А там, за деревьями, — взлетная площадка.

«Сессна» снова свернула вправо и прошла низко над макушками белых скал, спускавшихся с высоты двести футов к ревущему внизу прибою. Натали сделала пять снимков телеобъективом и два — широкоугольником. Особняк виднелся в конце длинной дубовой аллеи — огромное старинное здание, окруженное идеально подстриженным газоном.

Сол сверился с картой и, прищурившись, еще раз посмотрел на крышу особняка, исчезавшего за высокими деревьями:

— Говорят, здесь должна быть дорога, уходящая на север...

— Дубовая аллея, — подтвердил Микс. — Тянется почти с милю от гавани до подножия холма, где начинаются сады. А дороги никакой нет. Лишь травянистая аллея ярдов тридцать в ширину. Ветви деревьев вдоль нее украшены японскими фонариками, свет от них виден за десятки миль. Именно по этой освещенной аллее они и направляются к особняку в первый день лагеря. А вон там — взлетная полоса!

Они пролетели еще две мили к западу вдоль основания буквы «Г». Скалы начали постепенно переходить в гряду прибрежных камней, а затем в белый песчаный пляж. За ним виднелась взлетная полоса, уходящая в лес на северо-восток.

Пляж вскоре остался позади, а с западной стороны прямую береговую линию нарушало изрезанное речное устье. Здесь была огороженная зона, которая уходила через перешеек вглубь острова. Сотни ярдов территории с пышной тропической растительностью выглядели внушительно, будто рай, отсеченный от всего мира. К северу от охраняемой зоны вдоль всего западного побережья отсутствовали какие-либо признаки человеческого жилья, да и самого человека, — все пространство до самого берега занимали заросли пальм, сосен и магнолий.

— А как они объясняют необходимость таких закрытых зон? — осведомился Сол.

Микс пожал плечами:

— Вероятно, они отделяют дикий заповедник от частных владений. На самом же деле весь остров — частная собственность. Во время летних лагерей — идиотское название, правда? — здесь толпами бродят всякие премьер-министры и бывшие президенты. Их держат к югу от закрытой зоны, чтобы проще было обеспечивать безопасность. И дело не в том, что им на острове что-то угрожает. Через три недели здесь будут десятки кораблей, яхты, катера береговой охраны. Даже если кому-то удастся высадиться на острове, далеко ему не уйти. Тайные агенты и служба безопасности постоянно проверяют территорию. Если вы пишете о К. Арнольде Баренте, то, наверное, уже знаете, что этот человек умеет охранять свою жизнь.

Завершая облет, самолет снова приблизился к северной оконечности острова.

— Я бы хотел приземлиться там. — Сол указал вниз.

— Послушай, приятель, — усмехнулся Микс, качая головой. — Можно нарушить схему планов вылетов, можно даже вторгнуться в воздушное пространство Барента. Но если мои шасси коснутся взлетной полосы, я больше никогда не увижу свой самолет.

— Я не имею в виду взлетную полосу, — сказал Сол. — Северный пляж выглядит ровным, песок там достаточно утрамбован.

— С ума сошел! — Микс нахмурился и начал возиться с управлением; за северной оконечностью острова раскинулся океан.

Сол вынул из кармана рубашки четыре пятисотенные купюры и положил их на приборную доску перед Миксом.

Тот покачал головой:

— Этого не хватит ни на новый самолет, ни на оплату больничных расходов, если мы врежемся в какой-нибудь камень.

Натали склонилась вперед и сжала плечо пилота.

— Пожалуйста, Микс, — перекрывая шум двигателя, попросила она. — Для нас это очень важно.

Он повернулся и посмотрел на девушку:

— Значит, это не просто статья для журнала, так?

Натали быстро взглянула на Сола, потом на Микса и покачала головой:

— Нет.

— Это имеет какое-то отношение к смерти Роба? — спросил пилот.

— Да, — кивнула она.

— Так я и думал. — Он вздохнул. — Я же сразу не поверил всем этим объяснениям, почему Роб оказался вдруг в Филадельфии и как это связано с ФБР. Значит, тут как-то замешан миллионер Барент?

— Да, мы так считаем, — ответила Натали. — И нам нужны дополнительные сведения.

Микс указал на северный пляж внизу:

— И если мы приземлимся там на несколько минут, вам это поможет сделать какие-то выводы?

— Возможно, — сказал Сол.

— Черт побери, — пробормотал Микс. — Похоже, вы оба шпионы или еще что-то в этом роде. Правда, от шпионов я никогда не видел никакого зла, а вот негодяи типа Барента отравили мне всю жизнь. Держитесь!

«Сессна» заложила резкий вираж вправо. Узкую береговую полосу прорезали несколько ручьев и бухточек.

— Не больше ста двадцати ярдов! — крикнул Микс. — Придется садиться у самой воды, и молитесь, чтобы мы не попали в яму и не наскочили на камень. — Он глянул на приборы и посмотрел вниз на белые пенистые барашки прибоя и качающиеся макушки деревьев. — Ветер западный.

«Сессна» снова заложила вираж вправо и начала терять высоту. Сол покрепче затянул ремни и ухватился руками за приборную доску. Натали убрала камеры, сунула кольт под блузку, затем обхватила себя за плечи руками.

Микс резко сбросил скорость, и «сессна» стала медленно снижаться, — казалось, она висела над волнами целую минуту. Сол не сомневался, что траектория их падения неизбежно закончится в полосе прибоя, но в последний момент Микс прибавил скорость, пронесся над камнями, которые выросли до размеров устрашающих валунов, и уверенно направил самолет на мокрый песок.

Нос «сессны» нырнул вниз, на ветровое стекло полетели брызги соленой воды, и Сол почувствовал, как заносит левое шасси. Микс, словно умалишенный, одновременно дергал за все ручки управления. Через мгновение самолет выровнялся и начал останавливаться, но недостаточно быстро — устьица, которые казались такими далекими с северо-западного конца пляжа, неудержимо неслись навстречу. За пять секунд до того, как перемахнуть через овраг, Микс накренил самолет вправо, так что брызги полетели в окно Сола, нажал на дроссель и тормоза и, развернувшись почти на сто восемьдесят градусов, остановил машину в нескольких дюймах от бухты и дюн.

— Три минуты, — предупредил он, оттягивая дроссель. — Я буду на восточном конце пляжа, и если ветер начнет стихать или я увижу катер, выруливающий из-за мыса Рабов, то привет. Девушка останется в самолете, чтобы помочь мне развернуть хвост.

Сол кивнул, отстегнул ремни и выскочил из дверцы. Ветер тут же подхватил его длинные волосы. Натали подала ему тяжелую сумку, обмотанную полиэтиленом.

— Эй! — окликнул Микс. — Ты ничего не сказал...

— Двигай! — прокричал Сол и бегом бросился к зарослям, туда, где бухта скрывалась в пальмовых побегах и тропических цветах.

Не пройдя и десяти ярдов, он оказался по колено в болотной жиже в окружении магнолий, пальм, кипарисов и дубов, заросших испанским мхом. Из большого гнезда прямо над его головой с шумом вылетела птица, по воде скользнуло какое-то земноводное, оставив за собой расходящиеся волны. Сол вспомнил слова Джентри о ловле змей в темноте.

Три минуты почти истекли, когда он догадался вытащить компас и решил, что ушел достаточно далеко. Оглядевшись, он заметил старый кипарис, обезображенный пожаром или ударом молнии, — две нижние ветки раскинулись над темной водой, как обугленные руки человека. Сол двинулся к дереву, но, еще не дойдя до ствола, по пояс погрузился в воду. Оказывается, ствол расщепило молнией, сквозь зазубренные края выемки виднелась полусгнившая сердцевина. Он чувствовал, как левая нога погружается в вязкую тину, пока он заталкивал сумку в щель ствола так, чтобы ее не было видно, и закреплял тут же обломанными ветками. Отойдя на десять шагов и убедившись, что все в порядке, он цепким взглядом окинул местность, запоминая расположение старого кипариса относительно бухты, других деревьев и участка неба, видневшегося сквозь

свисающий мох и искривленные сучья. Повернувшись, Сол поспешил к берегу.

Трясина затягивала его, угрожая содрать ботинки и мертвой хваткой вцепиться в щиколотки. Солоноватый налет покрыл рубашку, от стоячей воды несло водорослями и разложением. Огромные листья папоротников хлестали Сола по лицу, тело плотным кольцом облепили москиты. Чем дальше он продвигался, тем непроходимее казались заросли. Наконец Сол преодолел последний барьер и, спотыкаясь, вышел к мелкой песчаной бухте. Поднявшись по крутому откосу, он понял, что, несмотря на компас, отклонился ярдов на тридцать западнее.

«Сессны» не было.

Не веря своим глазам, Сол замер на месте, затем, заметив вдали солнечные блики, отражавшиеся от металла и стекла, бросился вперед. За изгибом низких дюн самолет казался невероятно далеким. Он услышал, как нарастает грохот двигателя, и понял, что начавшийся прилив быстро сокращает возможное пространство для взлета. Пробежав две трети пути, Сол уже не слышал ничего, кроме собственного дыхания. Не слышал он и низкого гула моторной лодки. Он заметил ее, когда обернулся: разбрасывая белые брызги, она неслась по крутой дуге из-за северо-восточной оконечности острова. На борту стояли по меньшей мере пять темных фигур с автоматическими винтовками в руках. Сол рванул еще быстрее по самому краю прибоя. Если бы самолет начал взлетать, у него осталось бы два пути: нырять в воду либо оказаться разрезанным пропеллером.

От самолета его отделяли всего десять ярдов, когда из-под левого крыла взвились три фонтана песка. Ощущение было странным — будто ему навстречу выскочила огромная песчаная блоха. Отрывистую очередь он услышал секундой позже. Сол понял, что стрелок промазал лишь из-за сильных волн прибоя и большой скорости.

Задыхаясь, он преодолел последние несколько футов и запрыгнул в открытую левую дверь кабины. Не дожидаясь, когда Натали справится с хлопающей дверцей, самолет рванулся вперед, подпрыгивая и виляя на узкой полосе мокрого песка. Пуля врезалась в металл позади них. Микс выругался и дернул верхнюю ручку, борясь с вибрирующим штурвалом.

Сол сидел прямо и смотрел вперед. «Сессна» достигла конца пляжа и, так и не взлетев, с ревом ринулась через песчаные ухабы

и узкие протоки. С западной стороны подступали острые скалы и полоса деревьев.

Подпрыгнув в очередной раз, переднее шасси подняло фонтан брызг и оторвалось от земли. Они миновали скалы, едва не задев их острые макушки, и свернули вправо навстречу волнам, набирая высоту — сначала двадцать, потом тридцать футов. Внизу Сол видел все так же скачущую по волнам моторную лодку. Казалось, стволы винтовок нацелены прямо ему в лицо.

Микс изо всех сил давил на педали, дергал ручку штурвала то вперед, то назад, заставляя «сессну» двигаться по невероятной дуге, чтобы западный мыс с его зарослями и стеной деревьев мог скорее укрыть их от патрульной лодки.

Так и не успев пристегнуться, Сол врезался головой в потолок кабины, его отшвырнуло к незапертой дверце, и он обеими руками вцепился в сиденье, чтобы не упасть на пилота.

Микс бросил на него мрачный взгляд. Сол пристегнул ремни и посмотрел вниз. Под ними мелькали макушки деревьев, а впереди, рассекая волны задранными кверху носами, навстречу им неслись еще три моторных катера.

Микс вздохнул и заложил такой крутой вираж вправо, что чуть не задел краем крыла гребень волны. Затем он выровнял самолет и двинулся к западу, оставляя остров и катера позади, но продолжал пока держаться над самой водой, так что нарастание скорости ощущалось весьма явственно. Сол пожалел, что у «сессны» не убираются шасси, и поймал себя на желании поджать ноги.

— Придется лететь на частный аэродром моего приятеля Теренса в Монк-Корнере, а потом позвонить Альберту и попросить его внести изменения в план вылетов, — сказал Микс. — На случай, если они станут проверять прибрежные аэропорты. Ну и путешествие! — Он покачал головой, но лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Я помню, мы договорились на триста долларов, — сказал Сол. — Думаю, эта увеселительная прогулка стоит дороже.

— Неужели? — удивился Микс.

Сол кивнул Натали, и та вытащила из своей фотосумки четыре тысячи долларов крупными купюрами. Он положил их перед Миксом.

Пилот присвистнул:

— Послушайте, если это помогло вам получить сведения о том, кто убил Роба Джентри, одного этого уже достаточно. Не надо никакого вознаграждения.

— Да, помогло, — наклонившись вперед, подтвердила Натали. — Но оставь это себе.

— Может, вы мне лучше расскажете, какое отношение этот негодяй Барент имел к Робу?

— Обязательно, когда узнаем чуть побольше, — ответила Натали. — К тому же нам может снова понадобиться твоя помощь.

Микс через футболку почесал грудь и ухмыльнулся:

— Конечно, мэм. Главное — не начинайте революцию без меня, о'кей? — Он повертел настройку приемника, и дальше к материку они летели под музыку марьячи; Микс подпевал по-испански.

Глава 58

МЕЛАНИ

В воскресенье Нинина пешка взяла Джастина на прогулку.

Она постучала в ворота, когда еще не было одиннадцати, — приличные люди в это время находятся в церкви. Негритянка отклонила приглашение Калли пройти в дом и спросила, не хочет ли Джастин — она сказала «мальчик» — покататься?

Я задумалась. Меня тревожило, что малыш должен покинуть дом, — из членов своей «семьи» я любила его больше всех. Но, с другой стороны, в том, что цветная девица не будет входить в дом, явно были свои преимущества. К тому же такая поездка могла пролить какой-нибудь свет на местонахождение Нины. Так что в конце концов она осталась ждать у фонтана, а сестра Олдсмит надела на Джастина самый нарядный костюмчик — синие шорты и матроску, и он отправился с негритянкой на прогулку.

Я мысленно обследовала ее машину, но это мне ничего не дало. Почти новенький «датсун», выглядевший так, будто взят напрокат. Никаких особых примет, никакого запаха. На девушке была коричневая юбка, высокие сапоги и бежевая блузка — ни сумочки, ни портмоне, ничего такого, где могло бы находиться удостоверение личности. Естественно, если она представляла собой посланницу Нины, у нее уже не было личности.

Мы медленно поехали по восточной прибрежной дороге, а потом свернули на север по шоссе к чарлстонским высотам. Здесь, на небольшой площадке, выходившей на морские верфи, негритянка затормозила, взяла бинокль с заднего сиденья и подвела Джас-

тина к черной металлической ограде. Некоторое время она разглядывала темные сигнальные мостики и корабли, затем повернулась ко мне:

— Мелани, хочешь ли ты помочь спасти жизнь Вилли и защитить себя?

— Конечно, — ответила я детским контральто Джастина.

Следила я вовсе не за ее словами, а за пикапом, который подъехал к стоянке и притормозил на дальнем ее конце. Кроме водителя, в машине никого не было, но из-за расстояния, темных очков и отбрасываемых теней я не могла рассмотреть его лицо. Зато я была уверена, что это та самая машина, которая следовала за нами по восточной прибрежной дороге. Любопытные взгляды Джастина легко было скрыть под маской детской непосредственности.

— Хорошо, — сказала девушка и повторила свою заготовленную историю о власть имущих, обладавших Способностью. Они якобы каждое лето разыгрывали странную версию нашей Игры на каком-то острове.

— Чем я могу помочь? — осведомилась я, придавая лицу Джастина выражение искренней озабоченности. Трудно испытывать недоверие к ребенку.

Пока негритянка объясняла, я прикидывала, какие у меня есть варианты.

Сначала мне казалось, что Использование девицы ничего мне не даст. Мое экспериментальное зондирование выявило то, что или Нина уже Использовала ее, но не проявляла никакого настойчивого желания удержать, попытайся я завладеть ею, или девица являлась идеально обработанной пешкой и не нуждалась в надзоре со стороны Нины — или кто ее там обрабатывал, или ее не Использовали вовсе.

Теперь положение изменилось. Если мужчина в пикапе каким-то образом связан с негритянкой, тогда, Использовав ее, я могла получить необходимые сведения.

— Вот, посмотри. — Она протянула бинокль Джастину. — Третий корабль справа.

Я взяла бинокль и проскользнула в ее сознание. Помимо испуга, я увидела странную картинку на приборе, называемом осциллоскопом, — он был знаком мне по той аппаратуре, которую расставил в моей спальне доктор Хартман. Как я и ожидала, перемещение оказалось несложным, учитывая мою усилившуюся Способность. Негритянка была молодой, сильной — я чувствовала, как в ней

бурлит жизненная энергия, и решила, что в ближайшие минуты найду ей применение.

Оставив Джастина стоять с глупым биноклем, я заставила девушку быстрым шагом направиться к пикапу. Жаль, у нее не было ничего такого, что можно использовать как оружие. Машина находилась в дальнем конце стоянки. Только подойдя ближе, я увидела глазами негритянки, что она пуста, а дверца со стороны водительского сиденья распахнута.

Я заставила девушку остановиться и оглядеться. На стоянке было несколько человек — вдоль ограды прогуливалась цветная пара, под деревом бесстыдно разлеглась молодая женщина в вызывающем наряде, возле фонтанчика с водой два джентльмена что-то бурно обсуждали, а за столиком для пикников устроилось целое семейство.

На мгновение меня снова охватила паника, я принялась вглядываться в лица, словно пыталась различить среди них Нину. Что, если она сидит сейчас на скамейке или в машине и смотрит на меня через ветровое стекло пустыми глазницами?

Джастин в манере игривого ребенка поднял с земли веточку и, небрежно помахивая ею, двинулся к негритянке, стоявшей у пикапа. Заглянув в окно машины, я увидела целую гору электронной аппаратуры. Провода тянулись через водительское сиденье вглубь салона. Джастин повернулся, чтобы следить за людьми на стоянке.

Заставив девицу подойти к другому окну, я вдруг ощутила внезапный укол легкой боли и почувствовала, что теряю контроль над ней. Сначала я решила, что это Нина пытается дать мне отпор, но тут увидела, что негритянка падает. Я вовремя успела переключиться на Джастина. Девушка же, скользнув головой по дверце машины, неподвижно растянулась на земле. В нее кто-то выстрелил.

Маленькими шажками Джастина я попятилась назад, продолжая сжимать в руке ветку, которая, на взгляд малыша, казалась такой прочной, а на самом деле была лишь хрупким побегом. Бинокль все еще висел у него на шее. Я приблизилась к пустому столику для пикников, поворачивая голову то вправо, то влево, не зная, кто мой враг и откуда мне ждать нападения. Похоже, никто не заметил, как девица упала, и не обратил внимания на ее тело, лежавшее между пикапом и синей спортивной машиной. Я не имела ни малейшего представления о том, кто ее убил и каким способом. Джастин заметил красное пятнышко на ее бежевой юбке, но оно казалось слишком маленьким для пулевого отверстия. Я подума-

ла о глушителях и других экзотических устройствах, которые видела в фильмах до того, как заставила мистера Торна избавиться от телевизора.

Да, напрасно я решила Использовать негритянку. Теперь она мертва — или, по крайней мере, так казалось, и я не хотела, чтобы Джастин приближался к ней. А сам он оказался в ловушке на этой стоянке, вдали от надежного укрытия дома. Я отошла еще дальше, к ограде. Один из джентльменов удивленно повернулся в мою сторону. Джастин поднял ветку и ощерился, как дикое животное. Мужчина бросил на него странный взгляд, затем повернулся и направился к своей машине. Я заставила Джастина пуститься бегом вдоль ограды. В дальнем конце стоянки он остановился и прижался спиной к холодному металлу. Отсюда тела цветной девицы видно не было.

Калли и Говард спустились в гараж и в темноте завели «кадиллак», пока сестра Олдсмит делала мне укол, чтобы умерить бешеное сердцебиение. Свет был каким-то странным — он падал на мамино стеганое одеяло в моих ногах, отражался в глазах Джастина игрой воды в реке Купер и просачивался сквозь грязное окно гаража, где Говард возился с замком.

Мисс Сьюэлл споткнулась на лестнице, Марвин на кухне застонал и вдруг схватился за голову, взгляд Джастина померк, потом снова прояснился... Как тяжело управлять сразу таким количеством людей! Голова у меня раскалывалась, я села на кровати, глядя на себя глазами сестры Олдсмит. Куда же подевался доктор Хартман?

Черт бы тебя побрал, Нина!

Я закрыла глаза. Все свои глаза, кроме глаз мальчика. Никаких причин для паники не было. Джастин не мог сам вести машину, даже если бы ему удалось найти ключи, но через него я могла Использовать кого угодно и заставить отвезти ребенка домой. Однако я слишком устала. У меня болела голова.

Калли дал задний ход, и «кадиллак» снес ворота гаража, едва не задавив Говарда. С остатками сгнившего дерева на багажнике и заднем стекле машина рванула вперед.

«Я еду, Джастин. Волноваться не о чем. И даже если тебя заберут другие, они останутся здесь, со мной».

А что, если все это лишь отвлекающий маневр? Калли уехал, Говард ползает в гараже, пытаясь подняться на ноги. Может, в этот момент в ворота входят Нинины пешки? Переползают через ограду?

Я заставила Марвина взять топор на заднем крыльце и выйти на улицу. Он попробовал сопротивляться. Это длилось секунду, меньше секунды, но он боролся. Моя обработка оказалась слишком слабой. Он еще сохранил остатки индивидуальности.

Я заставила его выйти во двор и миновать фонтан. Вокруг никого не было видно. К нему присоединилась мисс Сьюэлл, и они оба встали на страже. Затем я разбудила доктора Хартмана, отдыхавшего в гостиной Ходжесов, и заставила его прийти ко мне. Сестра Олдсмит достала из шкафа дробовик и пододвинула кресло ближе к кровати. Калли уже приближался к верфям. Говард охранял задний двор.

Я почувствовала себя лучше, восстановив контроль. Это было всего лишь прежнее ощущение паники, которое умела вызывать только Нина Дрейтон. Но теперь оно прошло. Если кто-то попробует угрожать Джастину, я заставлю этого человека посадить самого себя на острые пики в ограде и...

Джастина не было! Пока мое внимание было поглощено другим, я оставила его. Шестилетний мальчик только что стоял спиной к реке и ограде, сжимая в руке веточку, а теперь он исчез.

Я ничего не понимала. Ведь не было ни удара, ни выстрела. Может, их затмила боль Говарда? Или проблеск сознания негра? Или неловкость мисс Сьюэлл?..

Я пребывала в полной растерянности. Джастин исчез! Кто теперь будет расчесывать мои волосы по вечерам?

Может, Нина не убила его, а только забрала? Но зачем? В отместку за то, что я спровоцировала убийство ее глупой пешки? Неужели Нина может быть настолько мелкой?

Да, может.

Приехав на стоянку, Калли бродил по ней до тех пор, пока на него не стали пристально посматривать. Посматривать на меня. Взятая напрокат машина по-прежнему стояла на месте пустой. Пикап же исчез, как и тело цветной девицы. И Джастин исчез.

Положив массивные руки на металлическую ограду, Калли уставился на реку, плескавшуюся внизу на расстоянии сорок футов. Вода была покрыта рябью. Калли заплакал. Я заплакала. Мы все заплакали.

Черт бы тебя побрал, Нина!

Поздно вечером, когда я уже задремала под воздействием лекарств, в ворота громко постучали. Едва соображая, что делаю, я отправила Калли, Говарда и Марвина на улицу. Увидев, кто это, я оцепенела.

Нинина негритянка стояла у ворот, с побледневшим лицом, одежда ее была испачкана и разорвана, глаза широко раскрыты. На руках она держала обмякшее тело Джастина.

Сестра Олдсмит раздвинула шторы и выглянула сквозь жалюзи, чтобы предоставить мне еще один угол зрения. Тогда девица подняла свой длинный палец и, указывая прямо на окно моей спальни, прокричала так громко, что было слышно на весь Старый город:

— Открывай сейчас же ворота, Мелани! Я хочу говорить с тобой!

Палец она не опускала. Казалось, прошло уже много времени. Зеленые вспышки на мониторе пульсировали с дикой скоростью. Мы все закрыли глаза и снова открыли их. Негритянка по-прежнему стояла на месте, воздев палец, и вид ее был столь же надменен и властен, как у Нины Дрейтон, когда я в последний раз расстроила ее планы.

Медленно и неуверенно я заставила Калли открыть ворота и тут же отступить, пока его не коснулась эта тварь, посланная Ниной. Глядя прямо перед собой, она быстрым шагом направилась к дому.

Мы замерли, когда она вошла в гостиную и положила тело Джастина на диван.

Я не знала, что предпринять. Мы ждали.

Глава 59

Чарлстон
Воскресенье, 10 мая 1981 г.

Сол наблюдал за Натали и мальчиком на стоянке и слушал их беседу. Микрофон девушка прикрепила к воротничку блузки. Когда компьютер вдруг издал пронзительный звук, Сол бросил взгляд на экран, надеясь, что это какая-то ошибка телеметрии, датчиков или блока питания на заднем сиденье, а вовсе не то, чего они оба боялись. Однако он тут же убедился, что это не ошибка. Рисунок тета-ритма был выявлен безошибочно, и альфа-кривая уже приобретала пики и ровные участки фазы быстрого сна. В это мгновение Сол нашел ответ на вопрос, который мучил его несколько месяцев, и одновременно понял, что его жизнь находится в опасности.

Он глянул в окно, увидел, что Натали движется в его направлении, схватил духовой пистолет и скатился на землю, стараясь держаться под прикрытием соседних машин. «Нет, это не Натали», — подумал он, присев за чужим капотом в двадцати пяти футах от пикапа.

Почему старуха решила Использовать ее именно сейчас? Наверное, он сам виноват в этом. Нельзя было так опрометчиво и явно ехать следом за ними. Но у него не было выбора — микрофон и датчики, закрепленные на голове Натали, имели радиус действия менее полумили, а машин на дороге было мало. Вероятно, они потеряли бдительность после достигнутых успехов на прошлой неделе и поездки на остров накануне. Сол тихо выругался, сидя на корточках за белым «фордом».

Натали уже подходила к пикапу. Мальчик отставал от нее шагов на пятнадцать, держа в руках веточку, поднятую с земли. В это мгновение Сол ощутил непреодолимое желание убить этого ребенка, выпустить всю обойму в худенькое тельце и изгнать из него бесов ценой смерти. Он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Ему приходилось читать курс лекций в Колумбийском и других университетах об извращенной тенденции насилия в современном мире, чем пользовались писатели и особенно Голливуд в таких кинофильмах, как «Изгоняющий дьявола», «Омен», и в бесчисленном количестве версий, восходящих к «Ребенку Розмари». Сол считал, что изобилие одержимых бесами детей на экране и в литературе является симптомом глубинных подсознательных страхов и ненависти, оно свидетельствует о неспособности взрослых взять на себя ответственность. Родители не хотят расставаться с собственным нескончаемым детством и нести на себе груз вины за развод. Ребенок же воспринимается ими не как ребенок, а как взрослое злобное существо, заслуживающее любых оскорблений с их стороны. В этом выражается раздражение общества, культура которого в течение двух десятилетий определялась юношеским мировоззрением, подростковыми вкусами в музыке, кино и телевизионных постановках, подкармливавших идею о том, что взрослый ребенок неизмеримо мудрее, спокойнее и разумнее, чем великовозрастное инфантильное существо. Поэтому Сол учил, что страх перед детьми и ненависть к детям, проявляющиеся в популярных шоу и книгах, уходит своими корнями в глубокие подсознательные слои общего чувства вины, опасений и возрастной зависти.

Он предупреждал, что захватившая нацию волна пренебрежения к детям и насилия над ними уже имела исторические прецеденты и что процесс этот будет развиваться своим чередом. Однако необходимо сделать все возможное, чтобы уничтожить этот вид насилия, пока он не захлестнул всю Америку.

Глядя через заднее стекло «форда» на отвратительную маленькую тварь, которая когда-то была Джастином Варденом, Сол решил, что не станет убивать его, по крайней мере пока. Кроме того, убийство шестилетнего ребенка в воскресный полдень на стоянке было чревато нежелательными последствиями для их анонимного пребывания в Чарлстоне.

Натали повернулась к нему спиной и, слегка наклонившись, заглянула в салон пикапа. Мальчик в это время рассматривал людей на стоянке. Сол поднялся, положил духовой пистолет на крышу машины и выстрелил.

Он был уверен, что промахнулся, поскольку расстояние было слишком большим для крохотной стрелки, но в последнее мгновение успел заметить красную точку на блузке Натали. Первым его порывом было броситься к ней и удостовериться, что ни транквилизатор, ни падение на асфальт не причинили ей вреда, но тут Джастин повернулся в его сторону, и он снова скрылся за «фордом», судорожно перебирая капсулы, чтобы перезарядить ружье.

Перед лицом Сола неожиданно появились худые обнаженные ножки. Он резко поднял голову и увидел мальчика лет восьми-девяти с синим мячом в руках. Широко раскрыв глаза, тот смотрел на Сола и его ружье.

— Эй, мистер! Вы собираетесь кого-то убивать?

— Уходи, — прошипел он.

— Вы полицейский? — с интересом спросил мальчик.

Сол покачал головой.

— А это «узи» или что? — Мальчишка засунул мяч под мышку. — Похоже на «узи» с глушителем.

— Проваливай, — прошептал Сол, пользуясь любимым выражением английских солдат в оккупированной Палестине, когда их окружали уличные оборванцы.

Мальчик пожал плечами и побежал прочь. Сол поднял голову и увидел, что Джастин тоже убегает, размахивая своей веточкой.

Решение у него созрело мгновенно. Он встал и быстрым шагом направился за ним. Край темно-коричневой юбки Натали, распластавшейся на земле, выглядывал между машинами. Похоже, ее еще

никто не заметил. На стоянку с ревом подъехали и затормозили два мотоциклиста.

Сол ускорил шаг и еще футов на сорок сократил расстояние до Джастина, который стоял, прислонившись спиной к ограде набережной. Взгляд мальчика был рассредоточен и неподвижен, рот открыт, по подбородку тонкой струйкой стекала слюна. Сол спрятался за дерево и глубоко вздохнул.

— Эй! — окликнул его стоявший неподалеку мужчина в сером летнем костюме. — Какая интересная у вас пушка. На такую нужна лицензия?

— Нет. — Сол покачал головой и выглянул из-за дерева, убедиться, что Джастин все еще на месте; мальчик был от него футах в пятидесяти — слишком далеко.

— Интересная, — повторил мужчина в сером костюме. — А стреляет двадцать вторым калибром? Или чем?

— А где они продаются? — подхватил разговор усатый молодой блондин в синей рубашке.

— Не знаю, — бросил Сол и, не скрываясь, направился к набережной.

Джастин стоял неподвижно. Взгляд его был устремлен в какую-то точку над крышами машин. Сол продолжал идти вдоль ограды к застывшей фигуре шестилетнего ребенка, держа духовой пистолет за спиной. Когда их разделяло шагов двадцать, он поднял оружие, прицелился и выстрелил в обнаженную ногу мальчика стрелкой с синим ободком. Джастин начал падать, но Сол подбежал и успел подхватить его на руки. Казалось, никто вокруг не заметил происшедшего.

Преодолевая искушение броситься напрямик через стоянку, Сол быстро направился вдоль ограды и, дойдя до конца, свернул к пикапу. Около лежавшей на земле Натали стояли два длинноволосых байкера. Они не двигались и не предпринимали попыток помочь ей — просто смотрели.

— Извините, — пробормотал Сол, протиснувшись между ними. Он открыл заднюю дверцу машины и осторожно усадил Джастина рядом с блоком питания.

— Эй, приятель! — окликнул его тот, что потолще. — Она мертва или что?

— Нет-нет, — натянуто улыбнулся Сол и, кряхтя, затащил Натали на переднее сиденье. Один сапожок свалился у нее с ноги, он поднял его и снова улыбнулся мотоциклистам. — Я — врач. У нее просто бывают небольшие припадки, вызванные сердечно-легоч-

ными отеками. — Забравшись в машину и не переставая улыбаться, он положил на пол капсульное ружье. — И у мальчика то же самое. Наследственность.

Пока байкеры переваривали информацию, Сол включил зажигание и дал задний ход, почти не сомневаясь, что вот-вот будет перехвачен марионетками Мелани Фуллер. Но он благополучно выехал со стоянки, а никто так и не появился.

Сол кружил по городу, пока не убедился, что их никто не преследует, и только после этого вернулся в мотель. Датчики, спрятанные в волосах Натали, по-прежнему функционировали. Он помедлил, потом отключил компьютер и, после того как осторожно занес в комнату девушку и мальчика, вернулся за аппаратурой. Тета-ритм отсутствовал, не наблюдались и всплески фазы гипноза. Энцефалограмма свидетельствовала о глубоком медикаментозном сне.

Поудобнее устроив Джастина и Натали, Сол проверил функции их жизненно важных органов. Затем закрепил электроды на голове ребенка и запустил программу, которая должна была показывать на экране обе энцефалограммы одновременно. Состояние Натали свидетельствовало о нормальном глубоком сне. Энцефалограмма же мальчика представляла собой прямую клинической смерти мозга.

Сол сосчитал его пульс, послушал сердце, проверил реакцию сетчатки глаз, измерил кровяное давление, произвел звуковую и болевую стимуляции, однако компьютер продолжал указывать на отсутствие какой-либо нервной деятельности. Тогда он подключил дополнительные электроды, но картина осталась прежней. Шестилетнего Джастина Вардена по всем принятым параметрам можно было считать мертвым — мозг его бездействовал, если не учитывать примитивных стволовых функций, поддерживавших сердцебиение, работу почек и легких, перегонявших кислород по бессознательной плоти.

Сол обхватил голову руками и долго сидел так. Было от чего прийти в отчаяние.

— Что будем делать? — спросила Натали, допивая вторую чашку кофе. Она пробыла без сознания чуть меньше часа, и еще минут пятнадцать ей понадобилось на то, чтобы начать мыслить отчетливо.

— Думаю, будем держать его под седативами, — ответил Сол. — Если мы дадим ему выйти из состояния глубокого сна, Мелани

Фуллер может восстановить свой контроль над ним. Маленький мальчик, которого звали Джастин Варден, с его воспоминаниями, привязанностями, опасениями и всем тем, что составляет человеческую личность, исчез навсегда.

— Ты уверен в этом?

Сол вздохнул, поставил на стол чашку и налил себе немного виски.

— Нет, — признался он, — без более совершенной аппаратуры, сложных исследований и изучения его поведения при разных обстоятельствах утверждать это невозможно. Но, даже имея те данные, которыми я располагаю, все говорит о том, что он никогда не вернется к нормальному человеческому сознанию и с еще меньшей вероятностью когда-либо восстановит память и личностные свойства. — Он сделал большой глоток.

— Значит, все мечты об их освобождении... — начала Натали глухим голосом.

— Да. — Сол со злостью стукнул кулаком по столу. — Когда размышляешь об этом, все кажется реальным, но чем больше усилий прикладывает старуха для их обработки, тем меньше шансов. Возможно, взрослые еще продолжают сохранять остатки своих индивидуальных особенностей... Какой смысл был бы похищать медицинский персонал, если бы он лишился своих прежних навыков? Но даже в этом случае массированный мозговой контроль должен с течением времени уничтожать первоначальную личность. Это как раковая опухоль, которая постоянно разрастается, и злокачественные клетки уничтожают доброкачественные.

У Натали от боли раскалывалась голова.

— А может такое быть, что одни люди поддаются контролю в большей степени, чем другие? Что среди них есть более и менее зараженные?

Сол вздохнул:

— Думаю, да. Но если они обработаны ею в достаточной мере, чтобы вызывать у нее доверие, их функции высшей нервной деятельности серьезно повреждены.

— Но тебя ведь использовал оберст, — заметила Натали. — И меня дважды использовал Хэрод и по меньшей мере столько же — старая ведьма.

— Ну и что? — Сол снял очки и потер переносицу.

— Они причинили нам вред? В данный момент в нас тоже разрастаются раковые клетки? Мы изменились, Сол?

— Не знаю. — Он сидел неподвижно, пока Натали не отвела взгляд.

— Прости, — промолвила она. — Это так... ужасно, когда старуха проникает в твое сознание. Я никогда еще не чувствовала себя такой беспомощной... Наверное, это хуже, чем быть изнасилованной. По крайней мере, когда совершают насилие над твоим телом, сознание продолжает принадлежать тебе. И хуже всего то, что после пары раз... начинаешь... — Натали умолкла, не в силах продолжать.

— Я знаю. — Сол нежно взял ее руку. — Какая-то часть тебя даже начинает желать этого. Это как жуткий наркотик с болевыми побочными эффектами. Но к нему тоже привыкаешь. Его даже хочется. Я это знаю. Испытал.

— Ты никогда не говорил о...

— Об этом не очень хочется говорить.

Натали вздрогнула.

— Но это не та раковая опухоль, которую мы обсуждали, — заметил Сол. — Я почти уверен, что привыкание происходит лишь при интенсивной обработке, которую эти твари проводят с немногими избранными. И тут мы подходим к другой нравственной дилемме.

— Какой?

— Если мы будем следовать нашему плану, нам потребуется несколько недель на то, чтобы обработать по меньшей мере одного невинного человека, а то и больше.

— Это разные вещи... Это будет временно, для конкретного дела.

— Да, временно, — согласился Сол. — Но как мы теперь знаем, последствия могут сказываться всю жизнь.

— Черт побери! — выпалила Натали. — Какая разница? Это наш план. У тебя есть другой?

— Нет.

— Значит, мы будем продолжать, чего бы нам это ни стоило. Мы будем продолжать, даже если придется пострадать невинным людям. Потому что мы обязаны это делать, это наш долг перед погибшими и возможными будущими жертвами. Наши семьи, люди, которых мы любили, заплатили слишком дорогую цену, и теперь настало время заставить убийц отвечать... О какой справедливости можно говорить, если мы остановимся сейчас? И не важно, во что нам это обойдется.

— Конечно же, ты права, — печально заметил Сол. — Но именно такая логика заставляет разъяренного палестинца подклады-

вать бомбу в автобус, а баскского сепаратиста — стрелять по толпе. У них нет выбора. Чем же тогда они отличаются от немецких солдат, выполнявших приказы и отказавшихся от личной ответственности? Цель оправдывает средства, так?

— Нет. — Натали покачала головой. — Но сейчас я слишком рассержена, чтобы меня волновали все эти этические тонкости. Я просто хочу знать, что надо делать, и идти делать это.

Сол встал:

— Эрик Хоффер[1] утверждал, что для фрустрированных, рассерженных людей свобода от ответственности оказывается более привлекательной, чем свобода от ограничений.

Натали энергично тряхнула головой, так что вместе с нею задрожали тонкие черные проводки датчиков, уходящие под воротник ее блузки.

— Я не стремлюсь к свободе от ответственности, — твердо сказала она. — Я беру ответственность на себя. Но сейчас я хочу понять, надо ли возвращать мальчика старухе.

На лице Сола появилось выражение изумления.

— Возвращать его? А как мы можем это сделать? Он...

— Его мозг мертв, — перебила Натали. — Она уже убила его. Точно так же, как его сестер. А мне он может пригодиться, когда я пойду к ней сегодня вечером.

— Нельзя тебе туда сегодня. — Сол посмотрел на нее так, словно видел впервые. — Прошло слишком мало времени, состояние Фуллер нестабильно...

— Именно поэтому я и должна идти, — решительно заявила Натали. — Пока она сомневается и пытается что-то понять. Эта старуха сумасшедшая, но она отнюдь не глупа, Сол. Мы должны удостовериться в том, что убедили ее. Я должна раз и навсегда стать для нее Ниной Дрейтон...

Он покачал головой:

— Мы действуем, опираясь на весьма шаткие предположения, исходя из имеющихся у нас скудных сведений.

— Но ничего другого у нас и не будет! Если мы решились, нечего ограничиваться полумерами. Нам нужно еще раз повторить все, что мы знаем, пока не удастся нащупать что-то известное лишь Нине Дрейтон, то, чем я смогу изумить Мелани Фуллер.

---

[1] *Эрик Хоффер* (1898–1983) — американский философ, автор работы «Истинноверующий Мысли о природе массовых движений» (1951)

— Досье Визенталя. — Сол рассеянно потер лоб.

— Нет, — ответила Натали, — нужно что-то более существенное. Вспомни свои беседы с Ниной Дрейтон, когда она приходила к тебе в Нью-Йорке. Она играла с тобой, но ты все равно выполнял роль психотерапевта, а в таких случаях люди раскрываются больше, чем подозревают.

— Возможно, — задумчиво произнес Сол. — Но ты очень рискуешь. — И он устремил на Натали свой печальный взгляд.

— Чтобы перейти к следующему этапу нашего плана, где придется рисковать так, что мне даже страшно подумать, сейчас нам необходимо заняться этим, — решительно сказала она.

Они проговорили пять часов, вновь и вновь обсуждая подробности, к которым они уже обращались бессчетное число раз, но которые теперь были отточены до совершенства, как меч перед битвой. К восьми вечера они закончили, однако Сол предложил подождать еще несколько часов.

— Думаешь, она спит? — спросила Натали.

— Возможно, и нет, но даже злодеи подвержены усталости. Если не она, так ее пешки. К тому же мы имеем дело с поистине параноидной личностью и вторгаемся в ее пространство, на ее территорию, а существуют все доказательства, что эти мозговые вампиры являются такими же собственниками, как и их примитивные предшественники, с которыми их роднит упрощенная функция гипоталамуса. В таком случае ночное вторжение может оказаться наиболее эффективным.

Натали посмотрела целую стопку листов, на которых делала записи:

— Значит, это паранойя?

— Не совсем, — ответил Сол. — Не надо забывать, что здесь мы столкнулись с нулевым уровнем по Колбергу. В целом ряде сфер Мелани Фуллер не вышла из инфантильной стадии развития. Ее парапсихологические способности являются для нее проклятьем, она не в силах противиться своим желаниям и тяге к их мгновенному удовлетворению. Для таких, как она, неприемлемо все, что препятствует их воле, отсюда неизбежная паранойя и страсть к насилию. Возможно, Тони Хэрод является наиболее продвинутой личностью из них. Вероятно, его паранормальные способности стали развиваться позднее и при менее благоприятных обстоятельствах, поэтому он пользуется ими лишь для удовлетворения эротических

фантазий ранней юности. Если мы рассмотрим с этой точки зрения поведение Мелани Фуллер и проанализируем развитую стадию ее паранойи, мы получим целый винегрет из девичьей ревности и скрытых гомосексуальных влечений, сопутствовавших ее долгому соперничеству с Ниной.

— Отлично! — воскликнула Натали. — С эволюционной точки зрения они супермены, а с точки зрения психологического развития — умственно отсталые. Если же подходить к ним с нравственными мерками, они просто нелюди.

— Нет, — улыбнулся Сол, — их просто не существует.

Они долго сидели в тишине. Экран компьютера вычерчивал резкие пики и падения мечущихся мыслей Натали.

— Я решил проблему запуска постгипнотического механизма, — сообщил Сол.

Натали выпрямилась:

— Как тебе удалось?

— Моя ошибка заключалась в том, что я пытался вызвать реакцию в ответ на запуск тета-ритма или искусственно продуцируемых пиков альфа-ритма. Первое мне не удавалось, второе представлялось недостаточно достоверным, а на самом деле механизмом запуска должна быть фаза быстрого сна.

— А разве в состоянии бодрствования ты сможешь ее воспроизвести? — удивилась Натали.

— Возможно, — ответил он, — хотя я и не уверен. Вместо этого я могу включить промежуточный стимул, что-то вроде тихого колокольчика, и использовать естественную фазу быстрого сна для запуска постгипнотического механизма.

— Сны, — догадалась Натали. — А у тебя хватит времени?

— Почти месяц. Если мы сможем заставить Мелани обработать необходимых нам людей, то уж как-нибудь я заставлю собственный мозг заняться обработкой своего сознания.

— Но ты только представь себе эти сны, которые тебе придется смотреть, — промолвила Натали. — Умирающие люди... безнадежность...

Сол слабо улыбнулся:

— Мне и так это все время снится.

Вскоре после полуночи Сол отвез Натали в Старый город и остановил машину за полквартала до дома Фуллер. Оборудования в пикапе не было. На Натали тоже — ни микрофонов, ни датчиков.

Проезжая часть и тротуар были пусты. Натали открыла заднюю дверь и осторожно взяла на руки неподвижное тело Джастина.

— Если я не вернусь, действуй дальше по плану, — сказала она Солу через открытое окно.

Он указал головой на заднее сиденье, где в отдельных пакетах лежали оставшиеся двадцать фунтов пластиковой взрывчатки:

— Если ты не вернешься, я проникну в дом, чтобы вытащить тебя. А если она причинит тебе зло, я убью их всех и дальше буду действовать по плану.

— Хорошо, — помедлив, ответила Натали, затем повернулась и с Джастином на руках направилась к дому, в котором по-прежнему лишь одно окно на втором этаже светилось зеленоватым сиянием.

Когда ее впустили, она положила мальчика на старинный диван в гостиной, пропахшей плесенью. Вокруг них собралась вся «семья» Мелани Фуллер, напоминавшая ходячих трупов: умственно отсталый великан, которого старуха называла Калли; мужчина пониже и потемнее, который, хотя и был отцом Джастина, даже не взглянул на него; две женщины в грязных сестринских униформах. Лицо одной из них было покрыто густым слоем небрежно наложенной косметики, так что она напоминала слепую клоунессу. И еще одна женщина в разорванной полосатой блузке и неправильно застегнутой набивной юбке. Гостиную освещала единственная шипящая свеча, которую принес Марвин. В правой руке бывший главарь банды держал нож.

Но Натали Престон это не заботило. Кровь ее бурлила, сердце колотилось с бешеной скоростью, она ощущала себя другим человеком, индивидуальность которого она впитывала в течение последних недель и месяцев, и рвалась в бой. Все-таки это было лучше, чем постоянное ожидание, страх и бегство.

— Мелани, — проговорила она надменно, старательно подражая тягучей интонации Нины, — вот твоя игрушка. И не вздумай еще когда-нибудь сделать это.

Громила по имени Калли подался вперед и уставился на Джастина:

— Он мертв?

— Нет, моя дорогая, он жив. А мог бы быть мертв, как и ты. О чем ты вообще думаешь, Мелани?

Калли пробормотал что-то, будто сомневался, действительно ли цветная девица посланница Нины.

Натали рассмеялась:

— Тебя смущает, что я Использую эту чернокожую? Или ты ревнуешь? Насколько я помню, Баррет Крамер тебя тоже не очень-то привлекала. А кто из моих помощников тебе вообще нравился, моя дорогая?

— Докажи, что это ты! — раскрыла рот сестра с клоунской косметикой.

Натали резко развернулась на каблуках.

— Пошла ты к черту, Мелани! — закричала она так, что сестра невольно отступила на шаг. — Выбери, через кого ты будешь говорить со мной, и хватит притворяться! Я устала от всего этого. Похоже, ты окончательно забыла, что такое гостеприимство. Если ты попытаешься еще раз овладеть моей посланницей, я убью всех твоих пешек, а потом приду за тобой. Мои силы неизмеримо выросли с тех пор, как ты убила меня, моя дорогая. Ты никогда не могла сравниться со мной в своей Способности, а теперь можешь и не пытаться. Поняла, Мелани? — выкрикнула Натали прямо в лицо сестре, на щеке которой виднелся след от помады. Сестра снова попятилась.

Натали повернулась, обвела взглядом восковые лица и опустилась в кресло рядом с чайным столиком.

— Мелани, Мелани, почему все должно быть так? Я простила тебя, дорогая, за то, что ты убила меня. Знаешь ли ты, как больно умирать? Можешь ли ты представить себе, как тяжело сосредоточиться с этим куском свинца в голове, который ты выпустила из своего древнего револьвера? Уж если я тебе это прощаю, как ты можешь быть настолько глупой, чтобы из-за старых счетов подвергать опасности Вилли, себя и всех нас? Забудем прошлое, моя милая, или, клянусь Богом, мне придется продолжить игру без тебя.

Не считая Джастина, в комнате было пятеро человек. Натали догадывалась, что наверху со старухой может быть кто-то еще, не говоря уже о доме Ходжесов. Когда она умолкла, все пятеро явственно подались назад. Марвин наткнулся на высокий деревянный буфет, и на полках зазвенели тарелки и изящные статуэтки.

Натали встала, сделала три шага и заглянула в глаза сестры-клоунессы:

— Мелани, посмотри на меня. — Это прозвучало как приказ. — Ты узнаешь меня?

Измазанные губы сестры зашевелились.

— Я... я... мне трудно...

Натали кивнула:

— После всех этих лет тебе по-прежнему трудно меня узнать? Неужели ты настолько поглощена собой, Мелани, что не понимаешь, какая нам всем грозит опасность?

— Вилли... — выдавила из себя сестра-клоунесса.

— Ах, Вилли! — воскликнула Натали. — Наш дорогой друг! Ты в самом деле думаешь, что у Вилли хватит ума на это, Мелани? Или изощренности? Или ты полагаешь, он поступит с тобой так же, как с тем художником в отеле «Империал» в Вене?

Сестра затрясла головой, с ресниц ее потекла тушь. Тени на веки были наложены так густо, что придавали ее лицу вид черепа.

Натали склонилась еще ближе и зашептала в ее накрашенную щеку:

— Мелани, если я убила своего собственного отца, неужели что-нибудь помешает мне убить тебя, если ты еще раз встанешь на моем пути? Сама подумай.

Казалось, время в этом доме остановилось. Натали словно стояла в окружении небрежно одетых, сломанных манекенов. Сестра-клоунесса моргнула, и накладные ресницы, отклеившись, повисли на веках.

— Нина, ты никогда не говорила мне этого...

Натали сделала шаг назад и с изумлением ощутила, что ее собственные щеки мокры от слез.

— Я никогда никому не говорила, — прошептала она, понимая, что очень рискует, если Нина Дрейтон все же рассказала своей подружке Мелани о том, что доверила доктору Ласки. — Я разозлилась на него. Он в тот момент ждал трамвая... — Она подняла глаза и посмотрела в пустое лицо сестры. — Мелани, я хочу видеть тебя.

Разрисованное лицо задергалось.

— Это невозможно, Нина, мне не по себе. Я...

— Нет, возможно! — крикнула Натали. — Если мы собираемся продолжать это дело вместе... если мы хотим восстановить доверие между нами... я должна убедиться в том, что ты здесь, живая.

Все присутствующие, кроме Натали и мальчика, продолжавшего лежать без сознания, в унисон закачали головой.

— Мне не по себе... — произнесли одновременно пять уст.

— До свидания, Мелани. — Натали повернулась к выходу.

Сестра догнала ее и схватила за руку, прежде чем она вышла на улицу:

— Нина, дорогая, пожалуйста, не уходи. Мне так одиноко. Здесь совсем не с кем поиграть.

Натали замерла, чувствуя мурашки на коже.

— Хорошо, — произнесла сестра. — Иди за мной. Но сначала... никакого оружия.

Калли подошел ближе и начал обыскивать Натали, шаря своими огромными лапами по ее груди, животу, между ног. Она старалась не смотреть на него и сжала зубы, чтобы сдержать рвавшийся наружу истерический вопль.

— Пойдем, — наконец промолвила сестра, и целая процессия во главе с Калли вышла из гостиной и поднялась по широкой лестнице на площадку.

При их приближении по стенам коридора заметались огромные тени. Дверь в спальню Мелани Фуллер была закрыта.

Натали вспомнила, как входила сюда полгода назад с отцовским револьвером в кармане пальто, потом услышала слабый шорох в шкафу и обнаружила Сола. Тогда никаких чудовищ здесь не было.

Дверь открыл доктор Хартман. Внезапный сквозняк задул свечу в руке Калли, оставив лишь слабое зеленоватое мерцание медицинских мониторов с обеих сторон высокой кровати. Из-за кружевного балдахина, похожего на марлю, кровать напоминала гнездо черного паука-крестовика.

Натали вошла в комнату, сделала три шага и была остановлена быстрым движением руки доктора.

Она и так была уже достаточно близко. То, что лежало в кровати, когда-то являлось человеком. Волосы на голове практически выпали, а остатки их были тщательно расчесаны и разложены на огромной подушке, напоминая ореол ядовито-синих язычков пламени. Левая сторона лица, покрытого пигментными пятнами и изрезанного морщинами, обвисла, как восковая маска, поднесенная слишком близко к огню. Беззубый рот открывался и закрывался, словно пасть столетней черепахи. Зрачок правого глаза бесцельно и беспокойно метался, то устремляясь к потолку, то закатываясь еще дальше, так что оставался виден лишь белок, глазное же яблоко проваливалось в череп, а потом медленно затягивалось вялым лоскутом коричневого пергаментного века.

Это подобие лица за серым кружевом медленно повернулось в сторону Натали, и черепаший рот что-то слюняво прошамкал.

— Я молодею, не правда ли, Нина? — прошептала сестра-клоунесса за спиной Натали.

— Да, — ответила она.

— Скоро я стану такой же молодой, как до войны, когда мы ездили к Симплсу. Помнишь, Нина?

— Симплс, — повторила Натали. — Да. В Вене.

Доктор вышел вперед, оттеснил всех в коридор и закрыл дверь. На лестничной площадке Калли внезапно протянул руку и осторожно взял маленькую кисть Натали в свою огромную ладонь.

— Нина, дорогая, — произнес он девичьим, чуть ли не кокетливым фальцетом. — Все, что ты захочешь, будет сделано. Скажи мне, что надо делать.

Натали покосилась на свою руку и слегка пожала ладонь Калли:

— Завтра, Мелани, я заеду за тобой, чтобы отправиться еще на одну прогулку. Утром Джастин проснется здоровым, если ты захочешь Использовать его.

— А куда мы поедем, Нина, дорогая?

— Нужно готовиться, — ответила Натали и в последний раз пожала заскорузлую ладонь великана.

Она заставила себя спускаться как можно медленнее по казавшейся бесконечной лестнице. Марвин, с длинным ножом в руке, стоял в прихожей. В глазах его не отразилось ничего, когда он открыл ей дверь. Натали остановилась, собрала последние остатки сил и посмотрела на безумное сборище, столпившееся в темноте коридора.

— До завтра, Мелани, — улыбнулась она. — Больше не разочаровывай меня.

— Нет, — хором ответила пятерка. — Спокойной ночи, Нина.

Девушка повернулась и вышла из дома. Она позволила Марвину отпереть ворота и, не оглядываясь, двинулась по улице, не остановившись даже возле пикапа, в котором ее ждал Сол. Она шла вперед, делая все более глубокие вдохи и лишь усилием воли не давая им перерасти в рыдания.

Глава 60

Остров Долманн
Суббота, 13 июня 1981 г.

К концу недели Тони Хэрода уже тошнило от общения со знаменитостями. Он пришел к выводу, что власть и деньги явно ведут человека к идиотизму.

Вечером в воскресенье они с Марией Чэнь прибыли частным самолетом в Меридиан, штат Джорджия, — самый душный город, в котором когда-либо приходилось бывать Хэроду, — только для

того, чтобы им сообщили о другом частном самолете, который доставит их на остров. Если они, конечно, не хотят воспользоваться катером. Хэроду не надо было долго думать, чтобы сделать выбор.

Поездка на катере по бурному морю заняла почти час, но, даже свесившись через борт в ожидании, когда желудок очистится от водки с тоником и подававшихся в самолете закусок, Хэрод не жалел, что предпочел эти прыжки с гребня на гребень восьмиминутному перелету.

Его совершенно поразил эллинг для яхты Барента, высотой в три этажа с цветными витражами, окрашивавшими воду во все цвета радуги. Женщин во время недели летнего лагеря на остров не допускали. Хэрод знал это, но по-прежнему мучился при мысли о том, что через пятнадцать минут ему придется оставить Марию Чэнь на сияющем белоснежном судне длиной в футбольное поле, с белыми тарелками радаров и прочим немыслимым оборудованием. На корме высился вертолет, выглядевший так, словно он был пришельцем из XXI века.

Лопасти его не вращались, но и не были закреплены, по первому зову хозяина он готов был сорваться с места и лететь на остров.

Повсюду виднелось множество лодок и кораблей: обтекаемые катера с охраной, вооруженной М-16, громоздкие катера с радарами и вращающимися антеннами, разнообразные частные яхты в окружении сторожевых судов из полудюжины разных стран мира, а на расстоянии мили — даже миноносец. Зрелище было захватывающим: серое гладкое, акулье тело, разрезая воду, неслось на огромной скорости, хлопали флаги, вращались тарелки радаров, словно голодная гончая гналась за беспомощным зайцем.

— А это еще что за чертовщина? — прокричал Хэрод, обращаясь к рулевому катера.

Мужчина в полосатой рубашке улыбнулся, обнажив зубы, белизну которых подчеркивал его загар.

— Это «Ричард С. Эдвардс», сэр, — ответил он. — Первоклассный эскадренный миноносец. Он каждый год патрулирует эти воды во время летнего лагеря Фонда западного наследия, приветствуя первых лиц государства и зарубежных гостей.

— Одна и та же шаланда? — удивился Хэрод.

— Один и тот же корабль, сэр, — ответил рулевой. — Официально он каждое лето проводит здесь свои маневры.

Миноносец прошел на таком расстоянии, что Хэрод различил выведенные на корпусе белые цифры.

— А что это там за ящик сзади? — осведомился он.

— Противолодочная установка, сэр, модифицированная для работы с новыми гидроакустическими системами. — Рулевой развернул катер к пристани. — С него сняты пятидюймовые МК — сорок два и пара трехдюймовых МК — тридцать три.

— Ах вот оно что. — Хэрод крепко прижался к поручню, брызги от волн на его бледном лице смешивались с каплями пота. — Мы уже почти добрались?

Повышенной мощности карт для гольфа, управляемый шофером в голубом блейзере, доставил Хэрода в особняк. Дубовая аллея впечатляла. Все пространство между мощными вековыми стволами было плотно засеяно блестящей, коротко подстриженной травой, напоминавшей мраморный пол. Огромные сучья переплетались в сотнях футов над головой, образуя подвижный лиственный шатер, сквозь который проглядывали вечернее небо и облака, создававшие изумительный пастельный фон. Пока карт бесшумно скользил по длинному тоннелю из деревьев, которые были старше самих Соединенных Штатов, фотоэлементы, уловив наступление сумерек, включили тысячи японских фонариков, запрятанных в высоких ветвях, свисающем плюще и массивных корнях. Хэрод словно попал в волшебный лес, залитый светом и музыкой, — невидимые усилители заполнили пространство чистыми звуками классической сонаты для флейты.

— Огромные, черти, — сказал Хэрод, показав на деревья.

Они преодолевали последнюю четверть мили, и впереди уже виднелся роскошный сад, окружавший особняк с северной стороны.

— Да, сэр, — не останавливаясь, согласился водитель.

Хэрода встретил не Барент, а преподобный Джимми Уэйн Саттер, с высоким фужером бурбона в руке и раскрасневшимся лицом. Евангелист двинулся ему навстречу по огромному пустому залу, пол которого был выложен белыми и черными изразцами, что напомнило Хэроду собор в Шартре, хотя он никогда там не был.

— Энтони, мальчик мой, — прогудел Саттер, — добро пожаловать в летний лагерь. — Голос его отдавался гулким эхом.

Хэрод запрокинул голову и начал оглядываться, как турист. Необъятное пространство, обрамленное мезонинами и балконами, уходило вверх на высоту пяти этажей и заканчивалось куполом. Его подпирали изысканные резные колонны и хитро переплетающиеся блестящие опоры. Сам купол был выложен кипарисом и

красным деревом, перемежавшимися цветными витражами. Сейчас он был темным, и дерево приобрело глубокие кровавые тона. С массивной цепи свисала люстра довольно внушительных размеров.

— Ни хрена себе! — воскликнул Хэрод. — Если это вход для прислуги, покажите мне парадную дверь.

Саттер поморщился от его лексики, в то время как вошедший служащий, все в той же синей униформе, подошел к затасканной сумке Хэрода и замер в позе почтительного ожидания.

— Ты предпочитаешь поселиться здесь или в одном из бунгало? — осведомился Саттер.

— Бунгало? — переспросил Хэрод. — Ты имеешь в виду коттеджи?

— Да, — усмехнулся преподобный, — если коттеджем можно назвать домик с удобствами пятизвездочного отеля. Их предпочитают большинство гостей. В конце концов, это ведь летний лагерь.

— Да брось ты, — отмахнулся Хэрод. — Я хочу получить здесь самую шикарную комнату. В бойскаутов я успел наиграться в детстве.

Саттер кивнул прислуге:

— Апартаменты «Бьюкенен», Максвелл. Энтони, я провожу тебя через минуту, а пока пойдем в бар.

Они проследовали в небольшое помещение с обитыми красным деревом стенами, и Хэрод заказал себе большой фужер водки.

— Только не рассказывай мне, что это было построено в восемнадцатом веке, — произнес он. — Уж слишком все огромное.

— Изначально дом пастора Вандерхуфа был достаточно внушительным для своего времени, — пояснил Саттер. — Последующие владельцы несколько расширили особняк.

— А где же все? — поинтересовался Хэрод.

— Сейчас собираются менее важные гости. Наследные принцы, монархи, бывшие премьер-министры и нефтяные шейхи прибудут завтра в одиннадцать утра на традиционное торжественное открытие. А экс-президента мы увидим в среду.

— Ну и ну. — Хэрод присвистнул. — А где Барент и Кеплер?

— Джозеф присоединится к нам позже вечером, — ответил евангелист. — А наш гостеприимный хозяин прибудет завтра.

Хэрод вспомнил Марию Чэнь, оставшуюся на борту яхты. Кеплер еще раньше рассказывал ему, что все помощницы, секретарши, референтки, любовницы и жены скучали на борту «Антуанетты», пока господа развлекались на острове.

— Барент на яхте? — спросил он.

Проповедник развел руками:

— Где он, знают лишь Господь да христианские пилоты. Лишь в последующие двенадцать дней друг или враг может точно знать, где он находится.

Хэрод фыркнул и взял в руки фужер.

— Не знаю, чем это сможет помочь врагу. Ты видел миноносец? Не понимаю, чего они боятся? Высадки русского морского десанта?

Саттер налил себе еще бурбона.

— Не так уж далеко от истины, Тони. Несколько лет назад в миле от берега начал курсировать русский траулер. Приплыл с обычного своего поста у мыса Канаверал. Не мне тебе рассказывать, что, как и большинство русских траулеров у американских берегов, этот был разведывательным судном, набитым подслушивающей аппаратурой под самую коммунистическую завязку.

— И что же они могли услышать в миле от берега? — поинтересовался Хэрод.

Саттер рассмеялся:

— Это осталось между русскими и их антихристом. Но наши гости и брат Кристиан встревожились. Отсюда этот сторожевой пес, которого ты видел по дороге сюда.

— Сторожевой пес, — повторил Хэрод. — А в течение второй недели вся охрана тоже остается?

— Нет. То, что имеет отношение к Охоте, предназначено лишь для наших глаз.

Хэрод пристально посмотрел на раскрасневшегося священника:

— Джимми, как ты думаешь, Вилли появится на следующий уик-энд?

Преподобный поспешно вскинул голову, и его маленькие глазки живо блеснули.

— Конечно, Тони. Я не сомневаюсь, что мистер Борден прибудет в условленное время.

— А откуда ты это знаешь?

Саттер покровительственно улыбнулся, поднял фужер и тихо произнес:

— Об этом говорится в Откровении Иоанна, Энтони. Все это было предсказано тысячи лет назад. Все, что мы делаем, давно уже начертано в коридорах времен Великим Ваятелем, который видит жилу в камне гораздо отчетливее, чем на это способны мы.

— Неужели? — съязвил Хэрод.

— Да, Энтони, это так, — подтвердил Саттер. — Можешь не сомневаться.

Губы Хэрода дернулись в усмешке.

— Кажется, я уже и не сомневаюсь, Джимми. Но, боюсь, я не готов провести здесь эту неделю.

— Эта неделя — ничто. — Саттер закрыл глаза и прижал холодный фужер к щеке. — Это всего лишь прелюдия, Энтони. Всего лишь прелюдия.

Неделя так называемой прелюдии показалась Хэроду бесконечной. Он вращался среди людей, чьи фотографии всю жизнь видел в «Таймс» и «Ньюсуик», и выяснил, что, если не считать ауры власти, исходившей от них так же, как вездесущий запах пота исходит от жокеев мирового класса, ничто человеческое было им не чуждо. Они нередко ошибались и слишком часто вели себя глупо в своих судорожных попытках избежать конференций и брифингов, которые служили клетками с железными решетками для их пышного и роскошного существования.

В среду вечером десятого июня Хэрод обнаружил, что сидит в пятом ряду амфитеатра и наблюдает, как вице-президент Всемирного банка, кронпринц одной из богатейших стран — экспортеров нефти, бывший президент Соединенных Штатов и бывший Государственный секретарь исполняют танец дикарей, нацепив на голову метелки, привязав вместо грудей половинки кокосовых орехов и обмотав бедра пальмовыми побегами, в то время как другие наиболее влиятельные восемьдесят пять человек Западного полушария свистят, орут и ведут себя как первокурсники на вечеринке. Хэрод смотрел на костер и думал о черновом монтаже «Торговца рабынями», который уже три недели назад нужно было отправить на озвучивание. Композитор-дирижер ежедневно получал три тысячи долларов и прохлаждался в «Хилтоне» в Беверли-Хиллз, дожидаясь, когда в его распоряжение будет предоставлен оркестр, и тогда он запишет саундтрек, ничем не отличающийся от предыдущих шести: сплошь романтические струнные и драматические духовые, смазанные системой «долби» до полной неразличимости.

Во вторник и в четверг Хэрод совершил поездки на «Антуанетту», чтобы повидаться с Марией Чэнь, и занимался с ней любовью в шелковом безмолвии ее каюты. Перед тем как вернуться к вечерним праздничным мероприятиям, он решил поговорить с ней:

— Чем ты здесь занимаешься?

— Читаю, — сказала она. — Разбираюсь с тем проектом для «Ориона». Отвечаю на письма. Иногда загораю.

— Видела Барента?

— Ни разу. Разве он не на острове вместе с тобой?

— Да, я видел его. Он занимает все западное крыло особняка — он и очередной человек дня. Мне просто интересно, приезжает ли он сюда?

— Волнуешься? — поинтересовалась Мария Чэнь, перекатившись на спину и откинув со щеки прядь темных волос. — Или ревнуешь?

— Пошла ты к черту! — Хэрод вылез из кровати и голым направился к бару. — Лучше бы он трахал тебя. Тогда, по крайней мере, можно было бы понять, что происходит.

Мария Чэнь подошла сзади и обхватила его руками. Ее маленькая, идеальной формы грудь прижалась к его спине.

— Тони, — промолвила она, — ты лгун.

Хэрод раздраженно обернулся. Она прижалась к нему еще крепче и нежно провела рукой по его гениталиям.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я была с кем-нибудь другим. Совсем не хочешь.

— Чушь! — огрызнулся Хэрод.

— Нет, — прошептала Мария и скользнула губами по его шее. — Это любовь. Ты любишь меня так же, как я люблю тебя.

— Меня никто не любит. — Он намеревался сказать это шутливым тоном, но получилось совсем наоборот.

— Я люблю тебя, — тихо произнесла она. — А ты любишь меня, Тони.

Он оттолкнул ее и закричал:

— Как ты можешь говорить это?

— Могу, потому что это правда.

— Но зачем мы любим друг друга?

— Потому что не можем иначе. — И Мария Чэнь снова потянула его к мягкой широкой постели.

Позднее, лежа в ее объятиях, слушая плеск воды и другие непонятные корабельные звуки, Хэрод вдруг почувствовал, что впервые за всю свою сознательную жизнь ничего не боится.

Бывший президент Соединенных Штатов отбыл в субботу после полуденного банкета на открытом воздухе, и к семи вечера на острове остались лишь приспешники средней руки, бесцеремонные и прожорливые, этакие Яго и Кассии в блестящих костюмах из ткани «акулья кожа» и джинсах «Ральф Лорен». Хэрод решил, что самое время возвращаться на материк.

— Охота начинается завтра, — заметил Саттер. — Неужели ты хочешь пропустить это развлечение?

— Я не хочу пропустить приезд Вилли. Барент по-прежнему уверен, что он приедет?

— До захода солнца, — кивнул Саттер. — Такова была последняя договоренность. Джозеф слишком секретничал насчет того, как связывается с мистером Борденом. Чересчур секретничал. По-моему, брата Кристиана это начало раздражать.

— Это проблемы Кеплера. — Хэрод поднялся на палубу катера.

— Ты уверен, что нужно привезти дополнительных суррогатов? — осведомился преподобный Саттер. — У нас их предостаточно в общем загоне. Все молодые, сильные, здоровые. Большинство — из моего центра реабилитации для беженцев. Там даже женщин хватит для тебя, Энтони.

— Я хочу иметь парочку собственных, — ответил Хэрод. — Вернусь сегодня вечером. Самое позднее — завтра утром.

— Ну что ж. — Глаза Саттера странно блеснули. — Я бы не хотел, чтобы ты что-нибудь пропустил. Возможно, этот год будет особенным.

Хэрод кивнул, мотор катера заработал, и он, мягко отплыв от причала, начал набирать скорость, как только оказался за пределами волнорезов. Яхта Барента оставалась единственным крупным судном, если не считать пикетировавших остров катеров и удалявшегося миноносца. Как обычно, им навстречу выехала лодка с вооруженной охраной, которая, визуально опознав Хэрода, сопроводила катер к яхте. Мария Чэнь, с сумкой в руке, уже ждала у трапа.

Ночная поездка на берег оказалась гораздо спокойнее, чем предыдущее плаванье. Хэрод заранее заказал машину, и за верфью Барента его ждал небольшой «мерседес» — любезность со стороны Фонда западного наследия.

Они свернули на семнадцатое шоссе к Южному порту, а последние тридцать миль до Саванны проделали по автостраде.

— Почему в Саванне? — поинтересовалась Мария Чэнь.

— Они не сказали. Парень по телефону просто объяснил мне, где остановиться, — у канала на окраине города.

— И ты думаешь, это был тот самый человек, который тебя похитил?

— Да, — кивнул Хэрод. — Я уверен в этом. Тот же самый акцент.

— Ты продолжаешь считать, что это дело рук Вилли? — спросила Мария Чэнь.

Хэрод с минуту ехал молча, затем тихо сказал:

— Да. И я могу найти этому только одно объяснение. Барент и остальные уже имеют возможность поставлять в загон обработанных людей, если им это требуется. А Вилли нужен помощник.

— И ты готов участвовать в этом? Ты по-прежнему лоялен к Вилли Бордену?

— К черту лояльность! — огрызнулся Хэрод. — Барент отправил Хейнса ко мне в дом, избил тебя, просто чтобы покрепче натянуть мой поводок. Со мной еще никто так не поступал. Если у Вилли есть свои планы, какая разница? Пусть делает что хочет.

— Но это может оказаться опасным.

— Ты имеешь в виду суррогатов? — спросил Хэрод. — Не вижу, каким образом. Мы удостоверимся, что они безоружны, а когда они окажутся на острове, с ними вообще не будет никаких проблем. Даже победитель этих пятидневных олимпийских игр заканчивает свою жизнь под корнями мангровых деревьев на старом рабском кладбище где-то на острове.

— Так что же Вилли пытается сделать? — спросила Мария.

— Проучить меня. — Хэрод выехал на эстакаду. — Единственное, что мы можем, — это наблюдать и пытаться выжить. Кстати, ты захватила браунинг?

Мария Чэнь достала из сумки пистолет и передала его Хэроду. Ведя машину одной рукой, он выщелкнул обойму, проверил, есть ли в ней патроны, и засунул пистолет под ремень, прикрыв свободной гавайской рубашкой.

— Ненавижу оружие, — бесцветным голосом произнесла Мария Чэнь.

— Я тоже, — сказал Хэрод. — Но есть люди, которых я ненавижу еще больше, и один из них — этот негодяй в лыжной шапочке и с польским акцентом. Если он окажется тем самым суррогатом, которого Вилли хочет отправить на остров, мне придется очень постараться, чтобы не вышибить ему мозги по дороге.

— Вилли это не понравится, — заметила Мария Чэнь.

Хэрод кивнул и свернул на боковую дорогу, идущую вдоль заросшего берега канала к заброшенной пристани. Их уже ждали. Он остановился, не доезжая шестидесяти футов, как было условлено, и помигал фарами. Из машины впереди вышли мужчина и женщина и медленно направились к ним.

— Мне надоело беспокоиться, что понравится Вилли, Баренту или еще кому-нибудь, — сквозь зубы произнес Хэрод.

Он открыл дверцу и вытащил из-за пояса пистолет. Мария Чэнь достала из своей сумки цепи и наручники. Когда мужчина и жен-

щина были от них футах в двадцати, Хэрод наклонился к Марии Чэнь и ухмыльнулся:

— Пусть теперь они беспокоятся о том, что понравится Тони Хэроду.

Он поднял ствол и прицелился точно в голову мужчины с короткой бородкой и длинными седыми волосами. Тот остановился, посмотрел на револьвер и указательным пальцем поправил очки.

Глава 61

Остров Долманн
Воскресенье, 14 июня 1981 г.

Соломону Ласки казалось, что все это уже однажды было с ним.

Шел первый час ночи, когда катер пришвартовался к бетонной пристани и Тони Хэрод вывел Сола и мисс Сьюэлл на берег. Пока они стояли на причале, Хэрод спрятал браунинг — ведь считалось, что они его обработанные пешки. К ним подъехали два карта для гольфа, и Хэрод сказал водителю в блейзере:

— Этих двоих отвези в загон для суррогатов.

Сол и мисс Сьюэлл безучастно уселись на сиденье, позади них встал человек с пневматической винтовкой. Сол повернул голову и посмотрел на женщину рядом с ним. Лицо ее ничего не выражало, косметики на нем не было, волосы зачесаны назад, дешевое платье висело как на вешалке. Они остановились у проверочного пункта на южном конце охраняемой зоны и покатили дальше по ничейной земле, вымощенной хрустящим ракушечником.

«Интересно, — думал Сол, — что передает Натали шестилетний бесенок Мелани Фуллер, если вообще передает что-нибудь?»

Бетонные сооружения за оградой купались в ярком свете. Только что прибыли еще десять суррогатов, и Сол с мисс Сьюэлл присоединились к ним на голом дворе размером с баскетбольную площадку, обнесенном колючей проволокой.

С этой стороны ограды вместо служащих в синих блейзерах повсюду стояли вооруженные автоматами люди в зеленых комбинезонах и черных кепках. Из записей Коэна Сол знал, что это личная охрана Барента, а из допросов Хэрода двумя месяцами раньше он выяснил, что все они в той или иной мере обработаны своим хозяином.

— Раздевайтесь! — скомандовал высокий человек с пистолетом.

Около дюжины пленников — в основном молодые мужчины, хотя Сол заметил и двух женщин, практически еще девочек, — тупо посмотрели друг на друга. Они все пребывали либо в состоянии шока, либо под воздействием наркотиков. Солу был знаком этот взгляд. Он видел его, когда люди приближались ко рву в Хелмно или выходили из поездов в Собиборе. Он с мисс Сьюэлл начали раздеваться, в то время как остальные продолжали безучастно стоять на месте.

— Я сказал — раздеваться! — повторил охранник.

Вперед вышел еще один с винтовкой. Он ударил прикладом ближайшего пленника — юношу лет восемнадцати-девятнадцати в очках с толстыми стеклами и неправильным прикусом. Тот, так и не поняв, чего от него хотят, рухнул лицом на бетон. Сол отчетливо услышал хруст сломанных зубов. Затем пленники начали медленно раздеваться.

Мисс Сьюэлл выполнила приказ первой. Сол обратил внимание, что ее тело выглядит моложе, чем лицо, впечатление портил только шрам от удаленного аппендикса.

Не отделяя мужчин от женщин, пленников выстроили в ряд и повели вниз по длинному бетонированному спуску. Краем глаза Сол замечал двери, ведущие в отделанные плиткой коридоры, которые разбегались в разные стороны от этого подземного проспекта. К дверям подходили охранники в комбинезонах, чтобы посмотреть на новых суррогатов, а один раз всем пришлось прижаться к стенам, когда навстречу выехала процессия из четырех джипов, заполнивших тоннель шумом и выхлопами. Сол начал гадать, не прорезан ли весь остров такими подземными тоннелями?

Их отвели в пустое, ярко освещенное помещение, где мужчины в белых куртках и хирургических перчатках осмотрели всем рот, задний проход и влагалище у женщин. Одна из девушек зарыдала, но ее тут же заставили умолкнуть ударом приклада.

Сол ощущал странное спокойствие, размышляя о том, откуда взялись эти суррогаты, Использовали ли их раньше, и если да, то насколько отличается его собственное поведение. После смотровой их отправили в длинный узкий коридор, который, похоже, был вырублен прямо в камне. По выкрашенным в белый цвет стенам стекала вода, с двух сторон тянулись полукруглые ниши, забранные решетками, за которыми виднелись обнаженные безмолвные фигуры.

Когда очередь дошла до мисс Сьюэлл, Сол понял, что надобности в камерах в человеческий рост не было, так как никто из узников не задерживался здесь больше недели. А потом наступила очередь Сола.

Ниши располагались на разных уровнях, и его оказалась в четырех футах над землей. Он заполз внутрь. Камень был холодным, зато ниша оказалась достаточно глубокой и позволяла вытянуться в полный рост. Выдолбленная канавка и вонючее отверстие подсказали, где следует справлять нужду. Решетка опускалась гидравлическим способом сверху и упиралась остриями в глубокие отверстия в полу, оставляя лишь двухдюймовую щель, куда должна была подаваться еда.

Сол лег на спину и уставился в каменный потолок, находившийся в пятнадцати дюймах от его лица. Где-то дальше по коридору раздался хриплый мужской крик. Послышались шаги, звуки ударов, лязг железа, и вновь наступила тишина. Сол ощущал полное спокойствие. Он исполнял свой долг. Каким-то странным образом он почувствовал себя сейчас гораздо ближе к своим родным — отцу, Йозефу, Стефе, чем когда бы то ни было.

Чтобы не заснуть, Сол потер глаза и надел очки. Странно, что их не отобрали. Он вспомнил, как в Хелмно работал в бригаде, собиравшей десятки тысяч очков, горы очков, — их перекладывали на грубый конвейер, где другие заключенные отделяли стекла от металлических оправ, а затем сортировали оправы, выбирая золотые и серебряные. В рейхе ни одна мелочь не пропадала даром. Лишь человеческие жизни ничего не стоили.

Сол принялся щипать себя за щеки, чтобы не дать закрыться глазам. В нише было холодно, но он понимал, что уснет без всяких усилий. По-настоящему он не спал уже три недели — каждую ночь наступление фазы сна включало механизм постгипнотической суггестии, которая теперь и составляла его видения. Вот уже восемь ночей, как для запуска этого механизма он не нуждался в звуке колокольчика. Фаза быстрого сна сама по себе вызывала появление видений.

Были ли эти видения просто сном, или он находился во власти воспоминаний? Сол уже не мог понять этого. Сон-воспоминание стал реальностью. В бесплотные видения превратились часы бодрствования, когда он готовился, планировал и обсуждал с Натали их дальнейшие действия. Поэтому он был так спокоен. Темный холодный коридор, обнаженные заключенные, камера — все это было гораздо ближе к реальности, к тем беспощадным воспоминаниям о

нацистских гетто и концлагерях, чем жаркие летние дни в Чарлстоне с Натали и Джастином. Девушка и мертвец в оболочке ребенка...

Сол попробовал представить себе Натали. Он крепко сжал веки, пока глаза его не наполнились слезами, затем он широко раскрыл их и начал думать о ней.

Прошло всего два дня с тех пор, как Натали приняла решение.

— Сол! — воскликнула она, оторвавшись от карты, разложенной на маленьком столике мотеля. — Нам незачем делать это в одиночку. Мы можем найти того, кто тоже заинтересован.

Стена в номере за спиной Натали была усеяна мозаикой увеличенных снимков, сделанных ею на острове Долманн.

Сол покачал головой, не в силах разделить ее энтузиазм от усталости.

— Никого нет, Натали. Все погибли. Роб, Арон, Коэн. Микс будет вести самолет.

— Нет, есть еще кое-кто! — воскликнула она. — Я думала об этом все последние недели. Тот, кто имеет к нашему делу непосредственный интерес. И я могу привезти их завтра. До субботней встречи на стоянке мне не надо навещать Мелани.

И она все ему рассказала, а уже через восемнадцать часов он встречал в аэропорту самолет из Филадельфии. Натали появилась в сопровождении двух молодых чернокожих мужчин. Джексон выглядел старше, чем полгода назад, его лысеющая голова поблескивала в ярком освещении зала, лицо покрылось сеткой мелких морщин, что свидетельствовало об окончательном заключении негласного нейтралитета с окружающим миром. Юноша справа от Натали казался полной противоположностью Джексону: высокий, тощий, энергичный, с таким подвижным и выразительным лицом, что трудно было отследить оттенки его настроений. Его высокий громкий смех эхом отдавался в коридорах, заставляя окружающих оборачиваться. Сол вспомнил, что этого парня называли Зубаткой.

— А вы уверены, что это Марвин? — спросил Джексон позднее, когда они уже ехали в Чарлстон.

— Да, — подтвердил Сол. — Но он... стал другим.

— Мадам Вуду здорово поработала над ним? — осведомился Зубатка. Он без конца крутил ручку приемника в панели управления, пытаясь найти что-нибудь подходящее.

— Да, — ответил Сол, не переставая удивляться, что может говорить об этом еще с кем-то, кроме Натали. — Но есть шанс, что нам удастся вылечить его... спасти.

— Как раз это мы и собираемся сделать. — Зубатка ухмыльнулся. — Стоит сказать слово, и все братство Кирпичного завода наводнит этот чертов город, понимаешь?

— Нет-нет, из этого ничего не получится, — поспешно предостерег Сол. — Натали, наверное, уже объяснила вам почему.

— Она-то объяснила. Но как ты думаешь, сколько нам еще ждать? — спросил Джексон.

— Две недели, — ответил Сол. — Так или иначе, через две недели все будет закончено.

— Хорошо, даем вам две недели, — согласился Джексон. — А потом мы сделаем все, чтобы вытащить Марвина, независимо от того, будете вы участвовать в этом или нет.

— Мы успеем. — Сол посмотрел на огромного негра на заднем сиденье. — Джексон, я не знаю, это твое имя или фамилия?

— Фамилия. Я отказался от имени, когда вернулся из Вьетнама. Больше оно мне не нужно.

— Да и меня зовут не Зубатка, — присоединился к разговору его приятель. — Я — Кларенс Артур Теодор Варш. — И он пожал протянутую Солом руку. — Да ладно, — тут же ухмыльнулся он, — учитывая, что ты друг Натали и вообще, так и быть, зови меня просто мистер Варш.

Труднее всего было в последний день перед отъездом. Сол был уверен, что ничего не получится, что старуха не выполнит свою часть сделки или не сумеет осуществить необходимую обработку, на которую, как она утверждала, ей понадобится три недели, пока Джастин и Натали будут ходить на пристань и смотреть в бинокль. Или информация Коэна окажется ошибочной, а если и верной, то за прошедшие месяцы планы могли измениться. Или Тони Хэрод не откликнется на телефонный звонок и расскажет обо всем на острове, а если не расскажет, то убьет Сола и того, кого пошлет Мелани Фуллер, едва берег исчезнет из виду. Может, когда Сол будет на острове, старуха расправится с Натали, пока он будет связан по рукам и ногам в ожидании собственной кончины.

Затем наступил полдень той субботы. Они подъехали к Саванне и припарковали машину у канала еще до того, как сгустились сумерки. Натали и Джексон спрятались в кустах ярдах в шестидесяти к северу. Натали держала винтовку, изъятую ими у шерифа в Калифорнии.

Зубатка, Сол и женщина-манекен, которую Джастин называл мисс Сьюэлл, остались ждать в машине. Один раз женщина повер-

нула голову, как кукла чревовещателя, пристально взглянула на Сола и изрекла:

— Я вас не знаю.

Он ничего не ответил, лишь посмотрел на нее без всякого выражения и попробовал представить себе ее мозг после столь долгого периода насилия. Мисс Сьюэлл закрыла глаза с механической резкостью кукушки из часового механизма. До приезда Тони Хэрода больше никто не проронил ни слова.

На мгновение Солу показалось, что продюсер собирается пристрелить его, когда он увидел, как тщательно тот целится. На шее Хэрода напряглись жилы, палец на спусковом крючке побелел. Сол испугался, но это был чистый, контролируемый страх, не имевший ничего общего с волнениями последней недели и безнадежностью его ночных видений. Что бы ни случилось, он сознательно выбрал этот путь.

В конце концов Хэрод удовлетворился тем, что выругался и дважды ударил Сола по лицу, вторым ударом слегка поцарапав ему скулу. Сол даже не сопротивлялся, мисс Сьюэлл также безучастно взирала на происходящее. У Натали был приказ стрелять из укрытия лишь в том случае, если Хэрод попытается убить Сола или заставит кого-нибудь другого напасть на него с целью убийства.

Его и мисс Сьюэлл посадили на заднее сиденье «мерседеса», несколько раз обмотав им запястья и лодыжки тонкой цепью. Азиатская секретарша Хэрода — по сообщениям Харрингтона и Коэна Сол знал, что ее звали Мария Чэнь, — сделала это тщательно, но аккуратно, чтобы не пережать кровеносные сосуды. Потом она затянула цепочки и защелкнула на них замки. Тем временем Сол, как психиатр, заинтересованно изучал ее лицо, размышляя, что привело ее сюда и что ею движет. Он догадывался, что это было врожденным недостатком его народа — вечное еврейское желание понять, осознать мотивы, докопаться до причин. Так они продолжали свои бесконечные талмудические споры, в то время как их энергичные и не особо размышляющие враги сковывали их цепями и заталкивали в печи. Их убийц никогда не волновали ни средства и способы достижения целей, ни проблемы нравственности до тех пор, пока поезда прибывали точно по расписанию и канцелярия исправно заполняла отчетные бланки.

За мгновение до того, как фаза быстрого сна запустила механизм его видений, Сол Ласки очнулся. Он вобрал в себя сотни биографий, собранных Симоном Визенталем, целый каталог гипноти-

чески запечатленных личностей, но в сновидениях, на которые он себя обрек, регулярно повторялась лишь дюжина. Он не видел их лиц, хотя провел многие часы в Яд-Вашеме и Лохамей-ха-Гетаоте, глядя на их фотографии. Просто он смотрел их глазами, обозревая картины их жизни, и для него вновь становились реальностью бараки, колючая проволока и изможденные лица.

И сейчас, лежа в каменной нише на скале острова Долманн, Сол Ласки понял, что на самом деле никогда и не покидал эти лагеря смерти. Более того, они оказались единственным местом на земле, где он чувствовал себя абсолютно естественно.

Балансируя на грани сна и бодрствования, он знал, чей образ привидится ему этой ночью, — Шалома Кржацека, человека, чью внешность и биографию он выучил наизусть, хотя сейчас некоторые даты и подробности утонули в тумане истинных воспоминаний. Сол никогда не был в варшавском гетто, но теперь он видел его каждую ночь: толпы людей, бегущих под автоматным огнем к канализационным трубам, ползущих в потоках экскрементов по черным сужающимся проходам, одновременно посылая проклятья и молясь, чтобы впереди никто не умер и не закупорил путь... Сотни перепуганных мужчин и женщин, проталкивающихся в арийскую канализационную систему, проходящую под стенами и колючей проволокой. Кржацек выводил своего девятилетнего внука Леона, а сверху на них лились экскременты немцев и плавали вокруг, в то время как уровень воды все время поднимался, грозя затопить их... Наконец впереди показался просвет, но позади Кржацека уже никого не было — он выполз один под лучи арийского солнца и, развернувшись, заставил себя вновь вернуться в трубу, по которой полз две недели. Вернуться, чтобы отыскать Леона.

Зная, что это приснится ему с самого начала, Сол смирился и заснул.

Глава 62

Остров Долманн
Воскресенье, 14 июня 1981 г.

Тони Хэрод наблюдал за прибытием Вилли. За час до захода солнца маленький «лир-джет» мягко опустился на посадочную полосу, перечерченную тенями высоких дубов. В конце ее, в малень-

ком терминале с кондиционерами собрались Барент, Саттер и Кеплер. Хэрод почему-то сомневался, что Вилли окажется в самолете, и чуть не раскрыл рот от изумления, когда тот появился в окружении Тома Рейнольдса и Дженсена Лугара.

Остальные, похоже, отнеслись к этому совершенно спокойно. Джозеф Кеплер принялся знакомить всех, словно был старым другом Вилли. Джимми Уэйн Саттер поклонился и загадочно улыбнулся, пожимая ему руку. Лишь Хэрод продолжал стоять, вытаращив глаза, пока Вилли не обратился к нему:

— Вот видишь, друг мой Тони, остров и вправду райский.

Барент более чем любезно поздоровался с гостем и дипломатично взял его под локоток. Вилли был в вечернем смокинге и черном галстуке.

— Как же долго мы ждали этого удовольствия! — улыбнулся Барент, не выпуская руки продюсера.

— Вот уж действительно, — улыбнулся в ответ тот.

Вся процессия двинулась к особняку в сопровождении картов для гольфа, подбиравших по дороге прислугу и телохранителей. Мария Чэнь, просияв, встретила Вилли в Главном зале, подставив для поцелуя щеку:

— Билл, мы рады, что вы вернулись. Мы скучали.

— Я тоже соскучился по твоей красоте и проницательности, дорогая. Если ты когда-нибудь устанешь от дурных манер Тони, пожалуйста, поразмысли над тем, чтобы стать моей помощницей. — И его выцветшие глаза озорно блеснули.

Мария Чэнь рассмеялась:

— Надеюсь, скоро мы все снова начнем работать вместе.

— Возможно, даже очень скоро, — кивнул Вилли и, взяв ее под руку, последовал за Барентом и остальными в гостиную.

Обед превратился в настоящий банкет, длившийся до начала десятого. За столом присутствовали более двадцати человек, но, когда Барент поднялся и направился в Игровой зал в западном пустом крыле особняка, к нему присоединились только четверо.

— Мы ведь не сейчас начинаем? — осведомился Хэрод с некоторой тревогой. Он не имел ни малейшего представления, сможет ли Использовать ту женщину, привезенную из Саванны, остальных же суррогатов он и вовсе не видел.

— Пока нет, — ответил Барент. — Мы по традиции обсуждаем в Игровом зале дела Клуба и лишь после этого выбираем объекты для вечерней Игры.

Хэрод огляделся. Помещение выглядело впечатляюще, напоминая одновременно библиотеку, английский викторианский клуб и кабинет. Две стены с балконами и лестницами были заставлены стеллажами с книгами, повсюду — мягкие кожаные кресла с настольными лампами, посередине бильярдный стол, у дальней стены — массивный круглый зеленый стол, освещенный единственным светильником. Пять кожаных кресел, окружавшие его, утопали в тени.

Барент дотронулся до кнопки на скрытой панели, и тяжелые шторы бесшумно поползли вверх, открывая тридцатифутовое окно, выходящее в залитый светом сад и длинный, мерцающий японскими фонариками коридор дубовой аллеи. Хэрод не сомневался, что стекло было матовым с внешней стороны и, уж конечно, пуленепробиваемым.

Барент поднял руку ладонью вверх, словно демонстрируя Вилли Бордену помещение и открывающийся из окна вид. Продюсер равнодушно кивнул и опустился в ближайшее кресло. Верхний свет превратил его лицо в морщинистую маску, оставляя глаза в тени.

— Очень мило, — произнес он. — Чье это кресло?

— Э-э-э... мистера Траска... было, — ответил Барент. — Но вполне логично, что теперь оно станет вашим.

Саттер указал Хэроду на его место, и все расселись вокруг стола. Тони погрузился в старинное роскошное кресло, сложил руки на зеленом сукне столешницы и подумал о трупе Чарльза Колбена, которым три дня питались рыбы, прежде чем его обнаружили в темных водах реки Скулкилл.

— Неплохой клуб, — заметил он. — А что мы будем делать сейчас: разучивать тайную клятву или петь песни?

Барент снисходительно усмехнулся и оглядел присутствующих.

— Двадцать седьмая ежегодная сессия Клуба Островитян считается открытой, — объявил он. — Остались ли у нас старые нерешенные дела? — (Молчание было ему ответом.) — Тогда перейдем к тому, чем нам предстоит заняться сегодня.

— А будут ли еще пленарные заседания, на которых можно обсуждать насущные вопросы? — осведомился Вилли.

— Конечно, — ответил Кеплер. — В течение этой недели любой человек в любое время может созвать сессию, за исключением тех моментов, когда будет идти Игра.

— Тогда я приберегу свои вопросы до следующей сессии. — Вилли улыбнулся Баренту, и его зубы блеснули в резком верхнем

свете. — Я должен не забывать, что я тут новичок, и вести себя соответственно своему положению, не так ли?

— Вовсе нет, — возразил Барент. — Здесь, за столом, мы все равны. — Он впервые пристально посмотрел на Хэрода. — Если на сегодня никаких вопросов нет, готовы ли вы совершить экскурсию к суррогатам и сделать свой выбор?

Хэрод кивнул.

— Я бы хотел Использовать одного из своих людей, — сказал Вилли.

Кеплер слегка нахмурился:

— Билл, я не знаю... то есть ты, конечно, можешь, если хочешь, но мы стараемся не пользоваться нашими... э-э-э... постоянными людьми. Шансов выиграть пять вечеров подряд очень мало, и не хотелось бы, чтобы кто-нибудь обижался или уезжал отсюда с неприятными чувствами из-за того, что лишился ценного ресурса.

— Да, я понимаю, — кивнул Вилли, — и все же я бы предпочел одного из своих. Это ведь разрешено?

— Конечно, — подтвердил Саттер, — но, если он останется в живых сегодня, он должен быть осмотрен и отправлен в загон к остальным.

— Согласен. — Вилли снова улыбнулся, отчего еще больше усугубилось впечатление, будто говорит безглазый череп. — Как мило, что вы идете на уступки старику. Ну что ж, осмотрим загоны и выберем фигуры на сегодня?

Хэрод впервые оказался к северу от охраняемой зоны. Подземный комплекс поразил его, хотя он и догадывался, что где-то на острове должен находиться штаб охраны. Несмотря на то что на сторожевых постах и в контрольных пунктах всегда толклись человек тридцать в камуфляже, это было ничто по сравнению с армией телохранителей в неделю проведения летнего лагеря. Тони подозревал, что основные силы Барента сосредоточены в море — на яхте и патрульных катерах, и внимание их направлено на то, чтобы не подпускать никого к острову. Интересно, что думают эти охранники о суррогатах и Игре? Хэрод два десятилетия работал в Голливуде и знал, что есть люди, готовые за деньги совершить с себе подобными все, что угодно. Он был уверен, что Барент, даже не прибегая к своим способностям, с легкостью мог обеспечить себя необходимым контингентом службы безопасности.

Загоны для суррогатов были вырублены в природной скале и находились в коридоре, гораздо более древнем и узком, чем осталь-

ная часть комплекса. Хэрод, следуя вдоль ниш, где, скорчившись, лежали обнаженные тела, в который раз подумал: вот отличный сюжет для фильма. Но если бы какой-нибудь сценарист принес Тони нечто подобное, он задушил бы его, а потом посмертно исключил из гильдии.

— Эти загоны были построены еще во времена плантатора Вандерхуфа, а некоторые существовали уже при Дюбуа, — рассказывал Барент. — Нанятый мною археолог высказал предположение, что именно эти камеры использовались испанцами для размещения мятежных элементов индейского населения острова, хотя испанцы редко устраивали базы так далеко к северу. Как бы то ни было, эти камеры высечены в скале еще до тысяча шестисотого года нашей эры. Интересно отметить, что первым рабовладельцем этого полушария был Христофор Колумб. Он переправил на кораблях в Европу несколько тысяч индейцев, и еще несколько тысяч были порабощены им и убиты на островах. Он истребил бы все коренное население, если бы не вмешался папа римский, пригрозивший ему отлучением от церкви.

— Вероятно, папа был недоволен своей долей, — иронично заметил преподобный Джимми Уэйн Саттер и спросил: — Из этих можно выбирать?

— Любых, кроме тех двоих, которых вчера вечером привез мистер Хэрод, — ответил Барент. — Я так понимаю, ты бережешь их для себя, Тони?

— Да, — подтвердил тот.

Кеплер подошел ближе и дружески взял Хэрода за локоть:

— Джимми сказал мне, что один из них мужчина. У тебя меняются вкусы, Тони, или это кто-то из твоих друзей?

Хэрод окинул взглядом идеальную стрижку Джозефа Кеплера, его превосходные зубы, ровный загар, и у него возникло искушение каким-нибудь образом нарушить эту гармонию. Но он промолчал.

— Мужчина? — удивился Вилли. — Тони, стоит тебя оставить на несколько недель, как ты начинаешь меня удивлять. И где же этот мужчина, которого ты собираешься Использовать?

Хэрод пристально посмотрел на старого продюсера, но лицо Бордена было непроницаемым.

— Где-то там, — бросил он, сделав неопределенный жест рукой.

Группа рассеялась по коридору, продолжая разглядывать и оценивать тела, как судьи на собачьей выставке. Вероятно, кто-то приказал узникам вести себя тихо, а может, присутствие этой пятерки так подействовало на них, но в загоне царила мертвая тишина, на-

рушаемая лишь звуками шагов и падающих капель в темной, никем не используемой части древнего подземного хода.

Хэрод нервно переходил от ниши к нише в поисках тех двоих, которых он привез из Саванны. Неужели Вилли снова играет с ним или Хэрод заблуждался насчет того, что происходит? Нет, черт побери, никто другой не мог заставить его привезти на остров специально обработанных суррогатов. Если только Кеплер и Саттер не замышляли чего-то. Или Барент не вел особо изощренную игру. Может, его просто пытаются заманить в ловушку, чтобы дискредитировать?

Хэроду стало не по себе. Он с тревогой вглядывался сквозь прутья решеток в побелевшие испуганные лица, подозревая, что сам выглядит точно так же.

— Тони! — окликнул его Вилли, находившийся шагах в двадцати впереди. — Это и есть твой избранник?

Хэрод быстро подошел и глянул на мужчину, лежавшего в нише на уровне его груди. Тени обострили резкие черты его лица, так что щеки казались совсем впалыми, но Хэрод был уверен, что это тот самый человек, которого он привез из Саванны. Какого черта замыслил старик?

Вилли склонился ближе к решетке. Мужчина отпрянул, глаза его были красными от сна. Они явно узнали друг друга.

— *Wilkommen in der Hölle, mein Bauer*[1], — тихо сказал Вилли.

— *Geh zum Teufel, Oberst*[2], — сквозь зубы бросил узник.

Вилли рассмеялся, и смех его гулко прокатился по коридору. Хэрод вдруг понял, что облажался по полной.

Если только это не Вилли развлекается.

К ним подошел Барент, его седые волосы мягко поблескивали в свете тусклой лампы.

— Вас что-то рассмешило, джентльмены?

Вилли хлопнул Тони по плечу и улыбнулся:

— Мой протеже рассказал мне анекдот, К. Арнольд. Ничего более.

Барент посмотрел на обоих мужчин, кивнул и двинулся дальше.

Не отпуская плеча Хэрода, Вилли сжал его так, что лицо Тони исказила гримаса боли.

— Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что ты делаешь, Тони? — прошипел старик, лицо его побагровело. — Поговорим об

---

[1] Добро пожаловать в ад, моя пешка *(нем.)*

[2] Пошел к дьяволу, оберст *(нем.)*

этом позже. — Он повернулся и двинулся за Барентом и остальными к выходу.

Хэрод изумленно уставился на человека, которого считал пешкой Вилли. Обнаженный, тот лежал, свернувшись, на холодном камне за стальной решеткой. Бледное лицо почти полностью скрадывали тени. Он выглядел старым и изможденным, на запястье левой руки явственно вырисовывался недавний шрам, сквозь кожу проступали ребра. Этот человек казался Хэроду абсолютно безопасным, если не считать непокорного блеска его огромных печальных глаз.

— Тони, — окликнул преподобный Джимми Уэйн Саттер, — поторапливайся. Мы возвращаемся в особняк и начинаем Игру.

Хэрод кивнул, бросил последний взгляд на человека за решеткой и пошел прочь, на ходу высматривая достаточно молодую и сильную женщину, которой он мог бы легко овладеть для сегодняшней ночной забавы.

Глава 63
МЕЛАНИ

Вилли жив!

Глядя глазами мисс Сьюэлл сквозь прутья решетки, я сразу же узнала его, несмотря на то что тусклая лампа позади создавала вокруг его седых прядей некий ореол, оставляя лицо в тени.

Хотя бы в этом Нина не солгала мне. Я уже ничего не понимала: мы с Ниной приносили на этот кровавый алтарь свои жертвы, а Вилли, жизнь которого, как утверждала Нина, находилась под угрозой, смеялся и спокойно разгуливал среди своих номинальных врагов.

За полгода Вилли почти не изменился, разве что всякого рода злоупотребления наложили на него свою печать. Когда он подошел ближе и лицо его отчетливо проступило на фоне глубокого мрака коридора, я заставила мисс Сьюэлл отвернуться и вжаться в дальний угол камеры, хотя это было просто глупо. Он обратился по-немецки к мужчине, которого Нинина негритянка называла Солом, и пригласил его в ад. Мужчина послал Вилли к черту, тот расхохотался и повернулся к своему более молодому спутнику

с глазами рептилии. Затем к ним подошел очень приятный джентльмен. Вилли назвал его К. Арнольд, и я поняла, что это и есть тот самый легендарный мистер Барент, сведения о котором мисс Сьюэлл нашла в библиотеке. Даже при грубом освещении этого убогого тоннеля я сразу определила, что Барент утонченный человек благородного происхождения. Он говорил с кембриджским акцентом, как и мой возлюбленный Чарльз, его темный костюм был скроен идеально, и, если верить информации мисс Сьюэлл, он являлся одним из богатейших людей мира. Я решила, что он именно тот человек, который сможет оценить мою зрелость и изысканное воспитание и в целом будет способен понять меня. Я заставила мисс Сьюэлл подойти ближе к решетке и кокетливо прикрыть ресницами глаза. Однако на мистера Барента, похоже, это не произвело впечатления. Он двинулся дальше, не дожидаясь Вилли и его молодого друга.

— Что там происходит? — осведомилась Нинина негритянка, называвшая себя Натали.

— Посмотри сама, — раздраженно бросил Джастин.

— Я не могу сейчас, — ответила цветная девица. — Как я уже объясняла, на таком расстоянии контакт все время нарушается.

Глаза ее сверкали в пламени свечи. Я не могла различить васильковой голубизны Нининых глаз в ее грязно-коричневых радужных оболочках.

— Тогда как же ты можешь осуществлять контроль, моя дорогая? — спросила я, стараясь придать голосу Джастина надлежащую нежность.

— С помощью предварительной обработки, — ответила Нинина пешка. — Так что происходит?

Я вздохнула:

— Мы все еще находимся в маленьких камерах, только что здесь был Вилли...

— Вилли! — вскричала девица.

— Что ты так удивляешься, Нина? Ты же сама мне сказала, что Вилли было приказано туда явиться. Значит, ты лгала, когда говорила, что поддерживаешь с ним связь?

— Конечно же нет. — Девушка быстро и уверенно вернула себе самообладание, и это вновь напомнило мне Нину. — Но мы уже некоторое время не виделись. Он хорошо выглядит?

— Нет, — отрезала я. Потом, подумав, решила испытать ее. — Там был мистер Барент.

— Да?

— У него очень... впечатляющая внешность.

— Да, действительно.

Не нотка ли игривости послышалась мне?

— Теперь я понимаю, как ему удалось уговорить тебя, чтобы ты предала меня, Нина. Ты... спала с ним? — Я терпеть не могла эту пошлую формулировку, но ничего менее грубого в голову не приходило.

Негритянка ответила мне лишь многозначительным взглядом, и я в сотый раз обругала про себя Нину за то, что она подсунула мне ее вместо человека, с которым я могла бы обращаться как с равным. Даже ненавистная мисс Баррет Крамер была бы лучше в качестве посредника.

Некоторое время мы молчали. Негритянка погрузилась в грезы, которыми Нина забила ей голову. Мое внимание было рассредоточено между членами «семьи», узким кругом впечатлений мисс Сьюэлл, ограничивающихся холодом камня и пустым коридором, тщательным наблюдением Джастина за Нининой пешкой и, наконец, наилегчайшим прикосновением к сознанию нашего нового друга в океане. Последнее было осуществить особенно сложно не столько из-за расстояния — после болезни расстояние перестало быть для меня преградой, — сколько из-за того, что эта связь должна была оставаться едва ощутимой и полностью незаметной до тех пор, пока Нина не изменит своих намерений.

Я решилась на это, потому что чувствовала необходимость играть наравне с Ниной, а еще из-за ее детского намека, будто я не смогу установить и поддерживать контакт с человеком, которого видела лишь в бинокль. Но теперь, когда я добилась своего, мне совершенно незачем было следовать остальной части ее плана. Особенно учитывая те жесткие ограничения, которые смерть наложила на Способность Нины. Не уверена, что уже полгода назад, при нашей последней встрече, она смогла бы Использовать кого-нибудь на расстоянии двести миль, однако я не сомневалась в том, что Нина никогда не обнаружит свою слабость и не окажется в зависимом от меня положении.

Теперь же она зависела. Негритянка в свободном свитере, надетом поверх коричневого платья, сидела в моей гостиной, и Нина оказалась слепа и глуха. Происходящее на острове может стать ей известным — и в этом я убеждалась все больше и больше — лишь в том случае, если ей сообщу об этом я. Я ни на секунду не поверила

ей, когда она заявила, что поддерживает непрерывную связь с пешкой по имени Сол. Прикоснувшись к его сознанию во время поездки на катере, я хоть и ощутила следы того, что он был Использован, и довольно основательно, когда-то в прошлом, но также почувствовала в нем затаившиеся, латентные, потенциально опасные силы, словно Нина каким-то необъяснимым образом превратила его мозг в ловушку. Я также поняла, что в данный момент он не находится под ее контролем. Мне известно, как ограниченна возможность Использования даже идеально обработанной пешки при смене условий или возникновении непредвиденных обстоятельств. Из всей нашей веселой троицы именно мне принадлежала самая сильная Способность, когда дело касалось обработки пешек. Нина всегда подшучивала надо мной и объясняла это тем, что я боюсь новых видов соревнований, а Вилли с презрением относился к любым долгосрочным контактам и менял пешек с такой же легкостью, с какой перемещался из постели одного партнера к другому.

Нет, если Нина надеялась действовать на острове только с помощью обработанного орудия, ее ждало разочарование. И тут я поняла, что равновесие между нами сместилось — после всех этих лет! — так что следующий ход будет моим, и я сделаю его тогда и там, когда и где это будет удобно мне.

Но как же мне хотелось знать, где Нина!

Негритянка в моей гостиной — папа бы умер! — попивает чай, не ведая, что, едва я найду другой способ выяснить местонахождение Нины, этот цветной объект моего замешательства будет уничтожен, да так, что даже на Нину произведет впечатление моя оригинальность.

Но я могла подождать. С каждым часом мое положение становилось все прочнее, Нинино же, наоборот, слабело.

Дедушкины часы в прихожей пробили одиннадцать, и Джастин уже начал дремать, когда охранники в своих невзрачных комбинезонах распахнули древнюю металлическую дверь в конце коридора и с помощью гидравлики подняли решетки на пяти клетках. Камеры мисс Сьюэлл и Сола, Нининой пешки, остались закрытыми.

Я смотрела, как из ниш выходят четверо мужчин и одна женщина, вероятно уже Используемые, и вдруг с изумлением узнала среди них высокого мускулистого негра, с которым Вилли плохо справлялся при нашей последней встрече. Кажется, его звали Дженсен.

Меня охватило любопытство. Используя всю свою возросшую Способность, приглушив восприятие Джастина, «семейства», мужчины, спящего в своей маленькой, мягко покачивавшейся каюте, — всех, даже свое собственное, я сумела проникнуть в одного из охранников и начала получать через него смутные впечатления. Правда, это напоминало тусклое изображение плохо настроенного телевизора. Группа миновала коридор, прошла через железные двери, подъемную решетку, преодолела тот же подземный проспект, по которому мы входили, и начала подниматься по длинному темному пандусу навстречу запахам гниющей растительности и тропической ночи.

Глава 64

Остров Долманн
Понедельник, 15 июня 1981 г.

На следующий вечер Хэроду не оставалось ничего другого, как попробовать Использовать мужчину, которого он привез из Саванны.

Первая ночь превратилась для него в кошмар. Управлять выбранной женщиной оказалось очень сложно. Это была высокая крепкая амазонка с крупными челюстями, маленькой грудью и непривлекательно подстриженными волосами — одна из бродяг Саттера, которых он изолировал и откармливал в Библейском центре, пока Клубу Островитян не требовались суррогаты. Но она оказалась плохим суррогатом. Хэроду пришлось приложить все силы, чтобы просто заставить ее выйти на площадку в пятидесяти ярдах от северной ограды. Земля там была выжжена в форме большой пентаграммы, а концы всех лучей обведены мелом. Дженсен Лугар уверенным, крепким шагом достиг своего круга и остановился в ожидании, когда женщина Хэрода добредет до своего пьяной походкой. Хэрод знал, что у него есть масса оправданий: он привык управлять женщинами с более близких расстояний, к тому же эта, на его вкус, была слишком мужеподобной, и вдобавок — что играло не последнюю роль — ему было страшно.

Пока Хэрод крутился и ерзал, стараясь не утратить контакт с женщиной и доставить ее в нужное место, остальные сидели, сво-

бодно раскинувшись в своих креслах за огромным круглым столом Игрового зала. Заставив ее остановиться приблизительно в центре круга, он вытер пот со лба, кивнул и переключил внимание на происходящее в комнате.

— Очень хорошо, — снисходительно прокомментировал К. Арнольд Барент, — похоже, мы готовы. Правила всем известны. Если кому-то удастся дожить до рассвета, но он никого не убьет при этом, игрок получает пятнадцать очков, а суррогат ликвидируется. Если ваш суррогат набирает сто очков путем ликвидации остальных до рассвета, он... или она может быть использована по вашему выбору в следующей Игре. Надеюсь, нашим новым игрокам это понятно?

Вилли улыбнулся. Хэрод коротко кивнул.

— На всякий случай напомню. — Кеплер положил руку на стол и повернулся к Хэроду. — Если ваш суррогат ликвидируется на ранних этапах, остальную часть Игры можно наблюдать по монитору из соседней комнаты. В северной части острова расположены более семидесяти камер, так что обзор достаточно хороший.

— Однако все-таки хуже, чем для тех, кто продолжает Игру, — промолвил Саттер. Лоб и верхняя губа священника покрылись капельками пота.

— Джентльмены, если мы готовы, — сказал Барент, — через тридцать секунд взлетит ракета. Мы начинаем по ее сигналу.

Все, кроме Хэрода, тут же закрыли глаза, готовые действовать, в то время как он бóльшую часть тридцатисекундной готовности потратил на восстановление контакта. Когда же он очутился в сознании амазонки, ощутил дуновение ветерка на ее обнаженной коже, почувствовал, как твердеют ее соски от прохлады ночного воздуха, то увидел, что к ней склонился Дженсен Лугар. Он посмотрел на нее со злобной ухмылкой и голосом Вилли Бордена произнес:

— Ты будешь последним, Тони. Я приберегу тебя напоследок.

Затем в трехстах футах над верхушками пальм взвилась красная ракета, четверо человек пришли в движение, и Хэрод, развернув свою женщину, заставил ее стремглав броситься в джунгли на север.

Часы проходили в лихорадочном мелькании ветвей, жужжании насекомых и наплывах страха — его собственного и его суррогатки. Это был бесконечный бег без разбору сквозь заросли и трясину. Несколько раз Хэроду казалось, что он уже достиг северной око-

нечности острова, но всякий раз, выходя из-под деревьев, он обнаруживал перед собой колючую проволоку охраняемой зоны.

Он попробовал было разработать какую-нибудь стратегию, чтобы черпать энтузиазм в определенной последовательности действий, но, по мере того как ночь двигалась к рассвету, понял, что способен лишь блокировать боль в окровавленных ногах и исцарапанном теле своей суррогатки и заставлять ее бежать дальше, сжимая в руках тяжелую бесполезную палку.

Игра шла не более получаса, когда до Хэрода донесся первый крик — всего футах в пятидесяти от зарослей сахарного тростника, где он спрятал свою женщину. Минут через десять он заставил ее выползти на четвереньках из укрытия и наткнулся на труп полного блондина, которого Использовал Саттер. Голова его была повернута на сто восемьдесят градусов, а красивое лицо вдавлено в землю.

Несколько минут спустя, выбравшись из болота, кишевшего змеями, женщина Хэрода издала истошный крик, когда на нее набросился высокий худой пуэрториканец Кеплера и принялся колотить тяжелой дубиной. Хэрод почувствовал, что она падает, постарался увернуться, но сделал это недостаточно проворно, и очередной удар пришелся ей по спине. Он заблокировал боль, но ощутил, как по всему ее телу разливается странная немота. Пуэрториканец безумно захохотал и поднял свое бревно, чтобы нанести последний удар.

Из темноты вылетел дротик — очищенная от коры и заостренная ветка — и проткнул пуэрториканцу горло. Там, где только что виднелся его кадык, торчало четырнадцатидюймовое острие. Суррогат Кеплера схватился за горло, упал в густые заросли папоротника, дважды дернулся и замер. Хэрод заставил свою женщину подняться на четвереньки, когда из-за деревьев вышел Дженсен Лугар. Он выдернул окровавленный дротик из горла пуэрториканца и направил острие прямо в глаз женщине.

— Остался еще один, Тони, — произнес черный великан, и его обнажившиеся в улыбке зубы блеснули в лунном свете, — а потом твоя очередь. Наслаждайся пока Охотой, друг мой. — Лугар похлопал суррогатку Хэрода по плечу и исчез, растворившись во тьме.

Хэрод заставил женщину подняться и пуститься бегом по узкой полосе пляжа — его уже не заботило, что ее могут увидеть. Спотыкаясь о камни, корни, то и дело падая в воду, она неслась не разбирая дороги, подальше от того места, где, по мнению Хэрода, должен быть скрываться Лугар, то есть Вилли.

Человека Барента, с армейской стрижкой и телосложением борца, он не видел с самого начала Игры, но инстинктивно ощущал, что в схватке с Лугаром шансов у того мало. Отыскав прекрасное укрытие в заросших виноградником руинах старой плантации, Хэрод уложил искромсанное и израненное тело своей марионетки на подстилку из листьев. Пусть он не получит очки за убийство, но пятнадцать очков — за то, что он доживет до рассвета, — его, а когда патруль Барента станет искать амазонку, чтобы ликвидировать, ему уже не придется быть вместе с ней.

Уже почти рассвело, и Хэрод вместе со своей суррогаткой начал дремать, мутным взором глядя в просвет между листьями на то, как меркнущие звезды сменяются утренними облаками, когда перед ним возникло хищно улыбающееся лицо Дженсена Лугара. Огромной рукой он схватил женщину за волосы и швырнул ее на груду остроконечного булыжника. Хэрод закричал.

— Игра окончена, Тони, — промолвил Лугар—Вилли, и его черное тело, блестящее от пота и крови, затмило просвет.

Перед тем как свернуть женщине шею, Лугар избил ее и изнасиловал. Изнасилование было разрешено, но очков не приносило. Игровые часы показали, что амазонка скончалась за две минуты и десять секунд до наступления рассвета, лишив Хэрода, таким образом, положенных пятнадцати очков.

В понедельник игроки встали поздно. Хэрод проснулся последним. В каком-то полузабытьи побрился, принял душ и перед самым полуднем спустился на завтрак; из Главного зала доносились голоса остальных четверых игроков, — все поздравляли Вилли. Кеплер смеялся, обещая отомстить в следующей партии; Саттер утверждал, что новичкам всегда везет; Барент с открытой улыбкой заверял Вилли, насколько приятно им видеть его в их обществе. Хэрод заказал двойную порцию «Кровавой Мэри» и устроился в дальнем углу.

Когда он допивал третий бокал, к нему присоединился Джимми Уэйн Саттер.

— Энтони, мальчик мой, — ласково проговорил Саттер, — сегодня тебе надо постараться показать себя с наилучшей стороны. Брат Кристиан и остальные заинтересованы в проявлении энергии и чувства стиля, а не только в наборе очков. Используй сегодня мужчину, Энтони, и покажи всем, что они не ошиблись, приняв тебя в Клуб.

Хэрод пристально посмотрел на Саттера, но ничего не сказал.

После завтрака все отправились осматривать территорию летнего лагеря. Пока Вилли безучастным взглядом обводил постройки, Кеплер, преодолев последние десять ступенек амфитеатра, подошел к Хэроду и одарил его своей улыбкой Чарлтона Хестона.

— Недурно, Тони, — заметил он, — ты почти продержался до рассвета. Но позволь мне дать тебе один совет, малыш. Мистер Барент и остальные хотят видеть немного инициативы. Ты привез с собой пешку мужского пола. Используй ее сегодня вечером... если можешь.

Барент поймал Хэрода на обратном пути к особняку.

— Тони, — промолвил миллионер с мягкой улыбкой, глядя на его угрюмое лицо, — мы очень рады, что ты присоединился к нам в этом году. Полагаю, мы обрадуемся еще больше, если ты как можно скорее начнешь Использовать своего суррогата. Но конечно же, все зависит от твоего желания. Никакой спешки нет.

Остальной путь до особняка они проделали молча.

Последним с Хэродом говорил Вилли. За час до обеда Тони решил присоединиться к Марии Чэнь на пляже. Он вышел из дома через боковую дверь и бродил по переплетающимся садовым дорожкам среди клумб с высокими папоротниками и цветами, когда вдруг наткнулся на Вилли, сидевшего на длинной белой скамье. За его спиной стоял Том Рейнольдс. Глядя на его пустые глаза, белокурые волосы и длинные пальцы, Хэрод в который раз подумал, что вторая излюбленная пешка Вилли очень похожа на рок-звезду, переквалифицировавшуюся в палача.

— Тони, — хрипло произнес старик, — нам пора поговорить.

— Не сейчас, — бросил Хэрод, пытаясь пройти мимо, но Рейнольдс преградил ему путь.

— Отдаешь ли ты себе отчет, что ты делаешь, Тони? — негромким голосом осведомился Вилли.

— А ты? — огрызнулся Хэрод, тут же поняв, насколько беспомощно это прозвучало. Но им владело лишь одно желание — поскорее уйти отсюда.

— Да, — важно кивнул немец, — я отдаю. И если ты сейчас начнешь соваться не в свое дело, мои многолетние усилия пойдут прахом.

Хэрод оглянулся и понял, что в этом заросшем цветами тупике их никто не увидит даже с помощью телекамер. Отступать он не хотел, да и Рейнольдс продолжал загораживать дорогу.

— Послушай, — сказал он, чувствуя, как от напряжения у него срывается голос, — в гробу я все это видал, и мне плевать, о чем ты там говоришь. Я просто не хочу в этом участвовать, понятно?

Вилли улыбнулся. Маленькие глаза его сузились и теперь почти не походили на человеческие.

— Хорошо, Тони. Но нам всем остается сделать несколько последних ходов, и я не позволю, чтобы мне мешали.

В голосе бывшего партнера прозвучало нечто такое, что напугало Хэрода, как никогда в жизни. Он даже онемел на мгновение.

Вилли сменил тон, голос его стал более доверительным.

— Полагаю, это ты отыскал моего еврея, которого я бросил в Филадельфии? — продолжил он. — Ты или Барент. Но это не важно, даже если они приказали тебе разыграть этот гамбит.

Хэрод открыл было рот, но старик жестом остановил его:

— Возьми сегодня еврея, Тони. Мне он больше не нужен, а вот на тебя я сделаю ставку в конце этой недели... если ты больше не будешь создавать сложностей. Тебе понятно, Тони?

Безжалостный холодный взгляд палача проник в сознание Хэрода.

— Понятно.

На мгновение он отчетливо представил себе, что Вилли Борден, Вильгельм фон Борхерт, мертв, а перед ним сидит его труп. Однако скалился в ухмылке не просто череп, но некое вместилище миллионов других черепов, из акульей пасти которых доносилась вонь склепов и безымянных могил.

— Очень хорошо, что ты понял, — одобрительно сказал Вилли. — Увидимся позже, Тони, в Игровом зале.

Рейнольдс отошел в сторону с тем же подобием улыбки Вилли, которую на рассвете Хэрод видел на лице Дженсена Лугара за мгновение до того, как тот свернул шею его суррогатке.

Он отправился на пляж к Марии Чэнь и, даже опустившись на раскаленный песок под лучами жаркого солнца, не мог унять дрожь.

— Тони? — прикоснулась к его руке Мария Чэнь.

— К черту! — прорычал он. — К черту! Пусть получат еврея. Кто бы за ним ни стоял, что бы они ни имели в виду, пусть получат его сегодня. К черту! Пошли они все к черту!

В этот вечер в банкетном зале было тихо, словно все обдумывали свои ходы в предстоящей Игре. Кроме Хэрода и Вилли, остальные уже посетили загон для суррогатов и отобрали себе фаворитов, тщательно их осмотрев, как обычно осматривают скаковых лоша-

дей. За обедом Барент сообщил, что будет Использовать глухонемого с Ямайки — человека, бежавшего со своего родного острова после того, как он из кровной мести убил четверых. Кеплер довольно долго выбирал себе кандидата. Он дважды прошел мимо клетки Сола, не обращая на него никакого внимания, приглядываясь к более молодым. Наконец он остановился на одном из уличных сирот Саттера — высоком худом парне с сильными ногами и длинными волосами.

— Гончая, — удовлетворенно заметил Кеплер за обедом. — Гончая с клыками.

Саттер в этот вечер решил положиться на обработанную пешку, заявив, что будет Использовать человека по имени Амос, который в течение двух лет был его личным телохранителем в Библейском центре, приземистого мужчину с бандитским лицом и телом полузащитника.

Вилли снова намеревался пустить в ход Дженсена Лугара. Хэрод сообщил лишь, что будет Использовать польского еврея, и больше не захотел принимать участие в разговоре.

Предыдущим вечером Барент и Кеплер сделали ставки на десять тысяч долларов с лишним, теперь они удвоили их. Все сошлись во мнении, что для второго вечера ставки и накал страстей невероятно высоки.

Когда солнце зашло за тучи, Барент сообщил, что барометр быстро падает, с юго-востока приближается шторм. В половине одиннадцатого все поднялись из-за стола и направились в Игровой зал, оставив телохранителей и обслуживающий персонал за дверью.

Игроки расселись по своим местам, лица их снова стали походить на неподвижные маски. Это впечатление еще больше усугублял свет единственной люстры, висевшей над столом. Время от времени темное небо за окном освещалось вспышками молний. Барент распорядился отключить иллюминацию в дубовой аллее, чтобы наслаждаться величавым зрелищем надвигавшейся грозы.

— До начала Игры осталось тридцать секунд, — объявил он.

Четверо игроков закрыли глаза и напряглись в ожидании. Хэрод отвернулся и принялся смотреть, как яркие вспышки освещают силуэты деревьев вдоль дубовой аллеи и иссиня-черные грозовые тучи. Он не имел ни малейшего представления, что случится, когда поднимется решетка камеры с евреем по имени Сол. Тони не собирался вторгаться в его сознание, а без этого он не мог знать, что происходит.

Однако именно такое положение вещей вполне устраивало Хэрода. Что бы там ни замышлялось, кто бы ни пытался смешать карты, введя в колоду этого еврея, какие бы цели они ни преследовали, его это не волновало. Он знал, что не будет иметь никакого отношения к событиям дальнейших шести часов и что в этой игре он не участвует. В этом он не сомневался.

Никогда еще Хэрод не заблуждался так жестоко.

Глава 65

Остров Долманн
Понедельник, 15 июня 1981 г.

Сол просидел в своей крохотной нише более суток, когда вдруг механизмы, скрытые в каменных стенах, заскрежетали и стальные прутья решетки поползли вверх. На мгновение он растерялся.

Его заключение вызывало у него странное чувство спокойствия, словно все сорок предшествовавших лет исчезли и он вернулся к самому важному в своей жизни. Двадцать часов он пролежал в холодной каменной нише, размышляя о жизни и подробно вспоминая вечерние прогулки с Натали возле фермы в Кесарии, залитый солнцем песок и томные зеленые волны Средиземного моря. Он вспоминал их беседы и смех, откровения и опасения, а когда засыпал, его тут же охватывали видения, уносившие туда, где жизнь утверждала себя иначе перед лицом жестокого самоотречения.

Дважды в день охрана просовывала в щель еду, и Сол ел. Низкие пластиковые подносы были наполнены лапшой быстрого приготовления с прожилками мяса. Пища космонавтов. Но Сола не удивляла эта ирония судьбы: космический паек подавался в загоне для рабов семнадцатого века! Он съедал все, пил воду и возвращался к упражнениям, чтобы не затекали мышцы и не замерзало тело.

Больше всего он тревожился о Натали. Они предвидели многое из того, что им предстояло сделать, до мельчайших подробностей изучили план действий поодиночке, но, когда подошло время расставания, оба почувствовали горький привкус трагического конца.

Сол вспомнил освещенную солнцем спину уходящего в небытие отца и руку Йозефа на его плече.

Лежа в темноте, пропахшей вековым страхом, он размышлял о мужестве. Об африканцах и коренных жителях Америки — индей-

цах, заточённых в этих же каменных клетках, вдыхавших этот же запах безнадежности и не знавших тогда, что они победят, что их потомки обретут свободу и достоинство, в которых было отказано тем, кто дожидался здесь своей смерти. Он закрыл глаза и тут же увидел вагоны, въезжавшие в Собибор, застывшие, сваленные в кучу трупы, жмущиеся друг к другу тела в поисках тепла, которому неоткуда было взяться. Но за этими телами и укоризненными взглядами он различал молодого сабру, который шел из кибуца на работу в садах или вооружался для ночного патрулирования. В его лице сквозили твердость и уверенность, и он был полон жизни. Собственно, сам факт его существования и был ответом на вопрошающие взгляды мертвецов Собибора, которых партия за партией сваливали в ров в 1944 году...

Сол тревожился за Натали и боялся за себя, как боятся лезвия опасной бритвы, приближающегося к глазам, вкуса холодной стали во рту. Однако ему был знаком этот страх, и он приветствовал его возвращение, позволяя ему проникать в себя, но не желая покоряться. Тысячу раз Сол мысленно повторял все пункты плана, которые ему предстояло выполнить. Анализируя возможные препятствия, он прикидывал различные варианты их устранения. Он размышлял над тем, как поступит Натали, если старуха согласится следовать их плану, и что ей придется делать в более вероятном случае, если Мелани Фуллер начнет вести себя с непредсказуемостью, обусловленной ее безумием. И решил, что все равно будет продолжать, даже если Натали погибнет. И даже если все их планы рухнут, он тоже будет продолжать. Он будет действовать и в том случае, если не останется никакой надежды.

Сол лежал в темной нише на холодном камне и размышлял о жизни и смерти — своей собственной и других людей. Он анализировал все непредвиденные повороты событий, а затем начинал изобретать новые. И все же в тот момент, когда прутья решетки со скрежетом поползли вверх и остальные четверо заключенных зашевелились и начали выбираться из своих камер, Сол Ласки в течение целой минуты, которая, казалось, длилась вечно, не знал, что ему делать.

Он вылез из своей ниши последним и замер. Каменный пол обжег холодом его босые ноги. Марионетка, именуемая Констанцией Сьюэлл, смотрела на него сквозь стальные прутья и спутанные волосы, когда он последовал за остальными к дверному проему, ведущему во тьму.

Тони Хэрод сидел в Игровом зале и из-под опущенных век наблюдал за лицами четверки, ожидающей начала ночного состязания. Лицо Барента выражало спокойствие и удовлетворенность, уголки его рта подрагивали в легкой улыбке. Кеплер, запрокинув голову, хмурился от напряжения. Джимми Уэйн Саттер сидел, наклонившись вперед и положив руки на стол, его морщинистый лоб и верхняя губа были покрыты капельками пота. Вилли так глубоко зарылся в кресло, что свет падал лишь на его лоб, острые скулы и нос. И все же Хэроду казалось, что глаза старика открыты и он не сводит с него своего пристального взгляда.

Сам Хэрод ощущал внутри растущую панику по мере того, как осознавал всю абсурдность своего положения. Он даже не пытался прикоснуться к сознанию еврея, поскольку знал: кто бы им ни руководил, ему не дадут в него войти. Он еще раз окинул взглядом лица присутствующих. Кто в состоянии управлять двумя суррогатами одновременно? Логика подсказывала, что это под силу только Вилли, — в его пользу говорили и Способность старика, и цель, которой он руководствовался. Но к чему тогда этот разговор в саду? Хэрод чувствовал растерянность и страх, и его мало утешала мысль, что Мария Чэнь осталась внизу, спрятав пистолет на катере, ожидающем их у пристани на случай, если возникнет необходимость бегства.

— Черт побери! — вскричал Джозеф Кеплер.

Все четверо открыли глаза и уставились на Хэрода. Вилли подался вперед, лицо его побагровело от ярости.

— Что ты делаешь, Тони? — Затем он окинул ледяным взглядом остальных. — Или это не Тони? Так вот что, по-вашему, честная Игра?

— Постойте! Постойте! — воскликнул Саттер, снова закрывая глаза. — Смотрите! Он убегает. Мы можем... все вместе...

Глаза Барента широко распахнулись, как у хищника, поджидающего в темноте свою жертву.

— Ну конечно, — тихо промолвил он, сложив руки на груди, — это Ласки, психиатр. Я должен был догадаться. Без бороды я его не узнал. Кто бы там ни додумался до этого, у него скверное чувство юмора.

— Какие, к черту, шутки! — взревел Кеплер, снова зажмуривая глаза. — Ловите его!

Барент покачал головой:

— Джентльмены, по причине непредвиденных обстоятельств сегодняшняя партия откладывается. Я прикажу охране вернуть его.

— Нет! — крикнул Вилли. — Он мой!

Барент с улыбкой повернулся к нему:

— Да, он может быть и вашим. Посмотрим. А пока я уже нажал кнопку, оповещающую силы безопасности. Они видели на мониторе начало Игры и знают, кого искать. Вы можете помочь им в этом, герр Борден, только проследите, чтобы психиатр не погиб до допроса.

Вилли издал звук, похожий на рычание, и закрыл глаза. Барент посмотрел на Хэрода с убийственным спокойствием.

Сол вместе с остальными четырьмя суррогатами поднялся по пандусу и очутился в тропической мгле. В ожидании приближающейся грозы воздух был тяжелым и влажным, вспышки молний освещали деревья и пустое пространство к северу от зоны безопасности. Один раз Сол споткнулся и упал на колени, но тут же поспешно поднялся и пошел дальше. На площадке была выложена огромная пентаграмма, остальные суррогаты уже заняли свои места на концах лучей.

Сол подумывал, не побежать ли сразу, но при каждой вспышке молнии за пределами зоны безопасности вырисовывались фигуры двух охранников, вооруженных М-16 и приборами ночного видения. Он решил, что лучше подождать, и занял пустое место между Дженсеном Лугаром и высоким худым юношей с длинными волосами. То, что все они были голыми, казалось само собой разумеющимся. Из всей пятерки лишь физическое состояние Сола вызывало сомнения.

Голова Дженсена Лугара повернулась к нему, как на шарнирах.

— Если ты меня слышишь, моя маленькая пешка, я хочу попрощаться с тобой, — произнес он по-немецки голосом оберста. — Но убью я тебя не во гневе. Это произойдет быстро. — И Лугар задрал голову к небу, как и остальные, словно в ожидании какого-то сигнала.

Сол развернулся, поднял руку и швырнул тяжелый булыжник, который подобрал минуту назад, когда якобы споткнулся. Удар пришелся Лугару точно в висок, и великан рухнул как подкошенный. Сол пустился бежать. Пока остальные суррогаты удивленно смотрели ему вслед, он нырнул в кустарник и скрылся под покровом тропического леса. Выстрелов не было.

Первые пять минут Сол бежал не разбирая дороги. Сосновые иглы и осыпавшиеся пальмовые побеги впивались в его голые ступни, ветви раздирали бока, дыхание с хрипом вырывалось из горла.

Затем он все же справился с собой, остановился и прислушался, присев у зарослей сахарного тростника. Слева плескались волны, вдоль берега с ревом проносились мощные сторожевые моторные лодки. Сол закрыл глаза и попытался представить карты и фотографии острова, которые он так долго запоминал, сидя с Натали в номере мотеля. До северной оконечности было почти пять миль. Он знал, что лес скоро превратится в настоящие джунгли, которые за милю до побережья уступят место болоту и трясине, а затем снова начнутся густые заросли. Единственными строениями у него на пути будут развалины рабского госпиталя, заросший фундамент плантации Дюбуа у скал восточного побережья и поваленные надгробия кладбища.

Во время очередной вспышки молнии Сол оглядел тростник и ощутил непреодолимое желание просто спрятаться в нем — заползти внутрь, свернуться в клубок и стать невидимым. Но он знал, что это будет означать лишь более скорую смерть. Твари в особняке — по крайней мере трое из них — в течение многих лет преследовали друг друга по этим джунглям. Во время допросов Хэрод рассказал Солу о «Пасхальной охоте», когда в последнюю ночь выпускались все неиспользованные суррогаты — дюжина, а то и более обнаженных беспомощных мужчин и женщин, и члены Клуба начинали охотиться на них с помощью своих фаворитов, вооруженных ножами и пистолетами. Баренту, Кеплеру и Саттеру известны здесь все укрытия, к тому же Сол не мог избавиться от чувства, что оберст догадывается, где он находится. В любую секунду он ожидал отвратительного прикосновения старика к своему сознанию, понимая, что, если им овладеют на таком расстоянии, это будет полный провал, весь их многомесячный труд и все, о чем он мечтал целую жизнь, все сорок лет, окажется напрасным...

Сол знал, что его единственный шанс — бежать на север. Он выбрался из тростника и помчался вперед под грохот приближающейся грозы.

— Вот он. — Барент указал на бледную обнаженную фигуру на экране одного из мониторов. — Нет никаких сомнений, что это психиатр Ласки.

Саттер сделал глоток из высокого фужера и закинул ногу на ногу, поудобнее устроившись на одном из мягких диванов.

— А никто и не сомневается, — заметил он. — Вопрос в том, кто ввел его в Игру и зачем?

Все трое повернулись к Вилли, но старик смотрел на экран того монитора, где было видно, как охранники уносят с «поля боя» бесчувственное тело Дженсена Лугара. Остальных троих суррогатов отправили в джунгли преследовать Соломона Ласки. Вилли повернулся к присутствующим со слабой улыбкой на губах.

— Глупо было бы с моей стороны вводить в Игру еврея, — сказал он. — А я, джентльмены, никогда не делаю глупостей.

К. Арнольд Барент отошел от мониторов и сложил руки на груди:

— Почему глупо, Уильям?

Старик почесал щеку:

— Все связывают со мной этого еврея, хотя именно вы, герр Барент, обрабатывали его последним, и лишь вам поэтому ничего не грозит.

Барент моргнул, но промолчал.

— Если бы мне нужно было незаметно ввести в Игру кого-то еще, я никогда бы не выбрал человека, которого вы все знаете. И к тому же настолько хилого. — Вилли улыбнулся и покачал головой.

Барент взглянул на Хэрода:

— Тони, ты собираешься придерживаться своей версии о похищении и шантаже?

Хэрод сидел на низком диване и кусал костяшки пальцев. Да, он рассказал им правду, поскольку чувствовал, что они все готовы ополчиться против него и ему надо срочно развеять подозрения. Теперь его считали лжецом, и единственное, что ему удалось, так это немного уменьшить их страх перед Вилли.

— Не знаю, кто это, — сказал Хэрод, — но кто-то из присутствующих морочит нам голову. Мне-то какая выгода от этого?

— Действительно, какая? — дружелюбно повторил Барент.

— Думаю, это отвлекающий маневр, — произнес Кеплер, бросив напряженный взгляд на Вилли.

Преподобный Джимми Уэйн Саттер рассмеялся.

— Отвлекающий от чего? — хихикая, осведомился он. — Остров отрезан от внешнего мира. Сюда никто не может проникнуть, кроме личных сил безопасности брата К., а они все нейтралы. Не сомневаюсь, что при первом же сигнале тревоги все наши помощники были... э-э-э... препровождены в свои апартаменты.

Хэрод испуганно посмотрел на Барента, но тот продолжал улыбаться. Он понял, как был наивен, полагая, что в критический момент Мария Чэнь сможет хоть чем-то помочь ему.

— На мой взгляд, бедного провинциального священника, на отвлекающий маневр это не похоже, — заключил Саттер.

— Хорошо, но кто-то же контролирует его? — не унимался Кеплер.

— А может, и нет, — тихо заметил Вилли.

Все головы повернулись к нему.

— Мой маленький еврей уже в течение многих лет проявляет поразительную настойчивость, — пояснил немец. — Представьте мое удивление, когда семь месяцев назад я обнаружил его в Чарлстоне.

Барент перестал улыбаться:

— Вильгельм, вы хотите сказать, что этот... человек... явился сюда по собственной воле?

— Да, — кивнул Вилли. — С давних времен моя пешка как тень следует за мной.

Кеплер побагровел:

— Значит, вы признаете, что он здесь по вашей вине, даже если он явился с целью найти вас?

— Не совсем, — лукаво улыбнулся Вилли. — Ведь это по вашему гениальному указанию были убиты его родственники в Виргинии.

Барент задумчиво постукивал согнутым пальцем по столу:

— Предположим, ему стало известно, кто несет за это ответственность, но откуда он узнал все подробности о Клубе Островитян? — Он пристально посмотрел на Хэрода.

— Откуда мне было знать, что он действует сам по себе? — возмутился Хэрод. — Ведь эти сволочи накачали меня наркотиками.

Саттер встал и подошел к монитору, на экране которого было видно, как обнаженная мужская фигура продирается сквозь заросли виноградника и поваленные надгробия.

— И кто же работает с ним сейчас? — спросил он тихо, словно обращался к самому себе.

— Негритянка, — ответил Вилли. — Которая была с шерифом в Джермантауне. — Он рассмеялся, запрокинув голову так, что стали видны пломбы в коренных зубах, стершихся от возраста. — Как фюрер и опасался, унтерменши взбунтовались.

Саттер отвернулся от экрана как раз в тот момент, когда на нем появился суррогат Барента с Ямайки. Быстро и уверенно он продвигался по кладбищу, откуда только что, спотыкаясь, вышел Ласки.

— Ну и где же тогда эта девица? — осведомился Саттер.

Вилли пожал плечами:

— Это не имеет значения. Среди ваших суррогатов черной сучки не было?

— Нет, — ответил Барент.

— Значит, она где-то в другом месте, — предположил Вилли. — Возможно, вынашивает планы мести тем, кто убил ее отца.

— Мы не убивали ее отца, — задумчиво сказал Барент. — Это сделала Мелани Фуллер или Нина Дрейтон.

— Вот именно! — рассмеялся Вилли. — Еще одна ирония судьбы. Но еврей здесь, и я почти не сомневаюсь, что попасть сюда ему помогла та негритянка.

Все снова уставились на мониторы. Сквозь высокую траву на юг от старой плантации Дюбуа пробирался лишь один суррогат Саттера по имени Амос. Закрыв глаза, евангелист сосредоточенно управлял своей пешкой.

— Нам необходимо допросить Ласки, — решительно сказал Кеплер. — Мы должны выяснить, где находится девица.

— Нет. — Вилли покачал головой, не сводя глаз с Барента. — Нужно как можно скорее убить еврея. Даже если он безумен, он может причинить вред всем нам.

Барент опустил руки и снова улыбнулся:

— Беспокоишься, Уильям?

Старик передернул плечами:

— Просто это самый разумный выход. Если мы объединим наши усилия для того, чтобы убить еврея, это послужит доказательством, что он не был доставлен сюда кем-либо из нас с определенной целью. А негритянку найти будет нетрудно. Предполагаю, она снова вернулась в Чарлстон.

— Предположений здесь недостаточно, — оборвал его Кеплер. — Считаю, что еврея надо допросить.

— Джеймс? — Барент обратился к преподобному.

Саттер открыл глаза.

— Убить его и вернуться к Игре, — бросил тот и снова смежил веки.

— Тони?

Вздрогнув, Хэрод посмотрел на Барента:

— Вы хотите сказать, что у меня есть право голоса?

— Остальные проблемы мы обсудим позже, — ответил Барент. — Пока ты являешься членом Клуба и обладаешь всеми правами.

Хэрод обнажил свои маленькие острые зубы:

— Тогда я воздерживаюсь. Оставьте меня в покое и делайте с этим парнем все, что хотите.

Барент задумчиво уставился на пустой монитор. Вспышка молнии на мгновение ослепила камеру, экран затопило белизной.

— Уильям, — произнес он, — я не очень понимаю, чем для нас может быть опасен этот человек, но я готов согласиться с тем, что, будучи мертвым, он станет представлять меньшую угрозу. А девицу и прочих мстителей мы отыщем без проблем.

Вилли наклонился вперед:

— Вы можете подождать, пока мой суррогат Дженсен не придет в себя?

Барент покачал головой:

— Это лишь оттянет начало Игры. — Он поднял трубку и связался с одним из своих помощников. — Мистер Свенсон, вы следите за суррогатом, убежавшим на север? Хорошо. Да, я тоже видел его в секторе два-семь-шесть. Пришло время его ликвидировать. Подключите береговой патруль и снимите с дежурства вертолет номер три. При возможности используйте приборы ночного видения и тут же передавайте наземные сведения поисковым бригадам. Да, я не сомневаюсь, что вы справитесь, но, пожалуйста, побыстрее. Благодарю вас.

Натали Престон сидела в темном доме Мелани Фуллер и вспоминала Роба Джентри. Все месяцы, прошедшие с момента трагедии в Джермантауне, она постоянно думала о нем перед тем, как погрузиться в сон. Правда, после отъезда из Израиля старалась поглубже запрятать чувство горя и раскаяния, чтобы оставить место для суровой решимости, которая, по ее мнению, должна была сейчас целиком завладеть ею. Но у нее это плохо получалось. Вернувшись в Чарлстон, Натали каждый день проезжала мимо дома Роба, в основном по вечерам. Расставшись с Солом на несколько часов, она бродила по тихим улицам, где гуляли они с Робом, вспоминала не только подробности их бесед, но и те глубокие чувства, которые зародились между ними, хотя оба понимали, насколько неуместна и чревата осложнениями такая связь. Трижды она ходила на его могилу, и всякий раз ее охватывала такая горечь, которую не в состоянии приглушить или компенсировать никакая месть. И тогда она давала себе клятву, что больше не придет сюда.

Теперь, когда наступала вторая ночь в доме ужасов Мелани Фуллер, Натали не сомневалась, что если ей удастся выжить, то это произойдет лишь благодаря воспоминаниям о светлых чувствах, а вовсе не из решимости отомстить.

Она находилась наедине с лишенным сознания «семейством» Мелани Фуллер немногим более суток, но ей казалось, что прошла уже целая вечность.

Ночь с воскресенья на понедельник выдалась очень тяжелой. Натали пробыла в доме старухи до четырех утра и ушла, лишь когда уже не оставалось сомнений, что до следующего вечера Солу ничего не грозит. Если, конечно, он был еще жив. Натали знала лишь то, что говорила ей Мелани устами мальчика, который когда-то был Джастином Варденом. С каждой минутой версия, что Нина не может контролировать Сола на таком расстоянии и нуждается в помощи Мелани для спасения Вилли и их самих, казалась все менее достоверной.

В первую ночь случались периоды, когда Джастин умолкал и долго сидел, уставясь во тьму невидящими глазами, да и остальные члены «семейства» становились такими же безжизненными. Натали предполагала, что старуха в это время была занята мисс Сьюэлл или мужчиной, за которым в течение многих часов они вместе с Джастином следили в бинокль. Нет, для этого еще рано. Джастин сказал, что за кровопролитием первой ночи Мелани наблюдала глазами одного из охранников. Натали попробовала убедить старуху не вмешиваться и не обнаруживать пока свое присутствие, после чего Джастин бросил на девушку ненавидящий взгляд и умолк на час, оставив ее в полной беспомощности. Ей оставалось только ждать новых сведений. Ждать, когда старуха проникнет в ее сознание и покончит с ней. Убьет их обоих.

Натали сидела в доме, пропахшем гнилью, и старалась думать о Робе, о том, что бы он сказал в подобной ситуации, какую отпустил бы шутку. После полуночи она потребовала Нининым высокомерным тоном зажечь свет. Великан по имени Калли включил настольную лампу с ободранным абажуром, но ее тусклый свет оказался еще хуже, чем кромешная тьма. Все предметы в гостиной были покрыты густым слоем пыли, повсюду валялась чья-то одежда, из-под продавленного дивана выглядывал почерневший обгрызенный початок кукурузы, пол под чайным столиком был усеян апельсиновой коркой. Кто-то, скорее всего Джастин, беззастенчиво размазал по подлокотникам кресел и дивана малиновое или клубничное варенье, и теперь его следы напоминали Натали кровавые подтеки. За стенами слышалась возня крыс, а возможно, они бегали и по коридору — попасть в дом для них не составляло труда. Порою какие-то звуки доносились и со второго этажа, но они

были слишком громкими для крыс. Натали подумала об умирающей наверху сморщенной старухе с перекошенным от паралича лицом, напоминавшим морду древней черепахи, изъятой из своего панциря, полутрупе, чья жизнь поддерживалась лишь благодаря внутривенным вливаниям физиологического раствора и мощной медицинской аппаратуре. Иногда, во время долгих периодов затишья, когда никто из членов «семейства» не только не двигался, но даже, казалось, переставал дышать, она представляла себе, что Мелани Фуллер умерла, а эти автоматы из плоти и крови продолжают действовать, подчиняясь последним безумным фантазиям угасающего мозга, как марионетки, приводимые в движение агонией кукловода.

— Они забрали твоего еврея, — внезапно прошептал Джастин.

Натали вздрогнула и очнулась. Позади кресла, в котором сидел мальчик, стоял Калли. Его опухшее лицо освещалось единственной лампой. Марвин, Говард и сестра Олдсмит прятались где-то в тени за спиной девушки.

— Кто его взял? — еле дыша, спросила она.

Лицо мальчика казалось ненастоящим, словно он был резиновой куклой. Натали вспомнила куклу размером с ребенка в Ропщущей Обители и содрогнулась — старуха каким-то образом превратила этого несчастного мальчика в такой же распадающийся манекен.

— Никто его не брал, — злобно прошипел Джастин. — Час назад они открыли решетку и выпустили его для своих ночных забав. Нина, ты что, не поддерживаешь с ним контакт?

Натали стиснула зубы и оглянулась. Джексон сидел в машине в квартале от дома Фуллер, Зубатка вел наблюдение из переулка напротив. С таким же успехом они могли находиться на другой планете.

— Мелани, не спеши, — попросила она. — Расскажи мне, что происходит.

— Не скажу, Нина, — снова прошипел Джастин голосом старухи. — Настала пора признаться, где ты.

Калли обошел кресло. Из кухни вышел Марвин с длинным ножом, поблескивавшим в неярком свете. За спиной завозилась сестра Олдсмит.

— Прекрати, Мелани, — тихо сказала Натали. В последнюю секунду горло ее сжалось от страха, и то, что должно было прозвучать властным распоряжением Нины, больше походило на сдавленную мольбу.

— Нет-нет-нет. — Джастин соскользнул с кресла. Пригнувшись и касаясь пальцами грязного восточного ковра, как муха, ползущая по стене, он двинулся к девушке. — Пора все нам рассказать, Нина, или распрощаться с этой черномазой. Покажи мне, что у тебя сохранилась Способность, если ты действительно Нина. — Детское личико исказилось в зверином оскале, словно его кукольная резиновая голова плавилась в языках невидимого пламени.

— Нет! — Натали вскочила, но Калли загородил ей путь к двери.

Марвин обошел диван и провел рукой по острому лезвию, которое тут же обагрилось его кровью.

— Пора все рассказать нам, Нина, — повторил Джастин, когда со второго этажа донесся какой-то стук. — Или она умрет.

Дождя еще не было. Шквальный ветер раскачивал пальмы, срывая с них ветви. Они ливнем осыпались на землю, образуя непроходимые завалы с торчащими во все стороны остриями побегов. Сол упал на колени и прикрыл голову руками, чувствуя, как иголки впиваются в его тело. Вспышки молний выхватили картину хаоса, оглушительные раскаты грома следовали один за другим.

Сол понял, что заблудился. Он укрылся под массивным папоротником, когда на него обрушился первый шквал дождя, и попытался сориентироваться. Он достиг соляных топей, но затем, вместо того чтобы выйти к последнему участку джунглей, вдруг снова оказался на кладбище. Где-то рядом послышался рев вертолета, и луч света от его прожектора прорезал тьму так же ярко, как вспышки молний.

Сол не имел ни малейшего представления, на какой стороне болот находится. Когда он несколько часов назад во второй раз выбрался на рабское кладбище, на него вдруг набросился высокий длинноволосый суррогат. Измученный и изнемогающий от усталости и страха, Сол схватил первое, что попалось ему под руку, — ржавый металлический прут, когда-то, вероятно, служивший оградой чьей-то могилы, и попытался защититься от нападавшего. Острие прута раскроило парню череп. Тот упал, потеряв сознание. Сол опустился на колени, нащупал его пульс и стремглав бросился в джунгли.

Над головой опять появился вертолет. Ветер ревел так громко, что заглушал даже шум двигателей, хотя машина висела всего в двадцати футах над макушками кипарисов, под которыми укрылся Сол. Он не особенно опасался вертолета: при таком ураганном ветре вести прицельную стрельбу, да еще в зарослях, крайне сложно.

Сол не мог понять, почему до сих пор длится ночь. Ему казалось, что прошло уже много часов с того момента, как он пустился в бега. Ноги его безумно болели, на них было страшно смотреть, будто их вдоль и поперек исполосовали бритвами. Он даже попытался утешить себя иллюзией, что на нем, как в детстве, полосатые красно-белые гольфы и алые тапочки.

И тут из-за ствола кипариса в него вонзился яркий горизонтальный луч. В первое мгновение Сол решил, что это молния, потом начал гадать, как это вертолету удалось приземлиться. Наконец он понял, что это ни то ни другое. За стеной деревьев виднелась узкая полоска песка, а дальше шумел океан, откуда сторожевые катера прощупывали берег своими прожекторами.

Не обращая внимания на луч, Сол пополз к океану. С этой стороны зоны безопасности единственный пляж находился на северной оконечности острова. Значит, он достиг его! Интересно, сколько раз он уже был здесь, в нескольких ярдах от берега, разворачивался и снова углублялся в джунгли и топь?

Полоса песка была на удивление узкой — не более десяти-двенадцати футов, а дальше огромные волны океана натыкались уже на скалы. Вой ветра и раскаты грома заглушали грохот прибоя.

Стоя на четвереньках на песке, Сол посмотрел вперед. За линией прибоя виднелись по меньшей мере два катера, их мощные прожектора продолжали ощупывать берег. Молния на мгновение осветила оба суденышка, и Сол понял, что их отделяют от пляжа не более ста ярдов. На борту отчетливо виднелись темные силуэты людей с винтовками в руках.

Один из прожекторов скользнул по песку к Солу, и он опрометью кинулся в джунгли, упав в траву за мгновение до того, как пространство над его головой снова прорезал луч света. Спрятавшись за низкой дюной, Сол принялся обдумывать свое положение. Вертолет и патрульные катера свидетельствовали о том, что Барент и компания оставили свою Игру с суррогатами и начали преследовать его. Он мог уповать на то, что его бегство посеяло смятение, если не раздор в их рядах, но рассчитывать на это было нельзя. Недооценка проницательности и сил противника никому и никогда еще не приносила пользы. Вернувшись домой в самые критические дни войны Судного дня, он отлично знал, к каким фатальным последствиям иногда может привести самоуспокоение.

Сол двинулся вдоль песчаного побережья, продираясь сквозь густые заросли, спотыкаясь об огромные корни мангровых де-

ревьев, сомневаясь даже в том, верное ли направление он выбрал. Каждые две минуты ему приходилось падать на землю, когда мимо скользил луч прожектора или над головой снова ревел вертолет. Каким-то образом он догадывался, что диапазон его поисков сужен до этого участка острова. За долгие часы своего лихорадочного бегства он не видел ни камер, ни сенсоров, но не сомневался, что Барент и остальные используют все достижения техники, чтобы зафиксировать каждый момент своих извращенных забав и свести к минимуму возможность того, что какой-то хитрый суррогат случайно ускользнет от них.

Сол споткнулся о невидимый корень и рухнул вперед, больно ударившись головой о мощный сук. В шести дюймах от него вновь начиналась трясина. Сознания он не потерял и перекатился на бок, ухватившись за пучок осоки. Из щеки хлестала кровь, попадая в рот, — на вкус она ничем не отличалась от солоноватой болотной жижи.

Полоса пляжа здесь была шире, но не настолько, как в том месте, где они приземлялись на «сессне». Сол понял, что если будет оставаться под деревьями, то никогда не найдет бухты и ручьев. Он вполне мог их уже проскочить, не заметив из-за густого переплетения ветвей. Если же до заветного места еще далеко, то при такой скорости могут уйти часы, прежде чем он доберется туда. Единственной надеждой Сола оставалась песчаная полоса пляжа.

Из своего укрытия под низкими ветвями кипариса он насчитал уже четыре катера, а один из них направлялся к берегу и теперь высоко взлетал на гребне каждой штормовой волны не далее чем в тридцати ярдах. По листьям забарабанили струи дождя, и Сол молился, чтобы тот перешел в тропический ливень, который снизит видимость до нуля и потопит его врагов, как воинов фараона. Но дождь пока продолжал мерно накрапывать и с равным успехом мог перейти как в ливень, так и в туманный рассвет, который решит его судьбу.

Прижавшись к валявшемуся бревну, Сол выждал пять минут. Больше всего ему хотелось сейчас расхохотаться, вскочить из укрытия и начать швырять в своих преследователей камнями, осыпая их проклятьями, прежде чем в его обнаженное измученное тело вонзятся первые пули.

В джунглях позади Сола вдруг прогремел взрыв. На мгновение ему показалось, что это просто гроза переместилась ближе, но затем он услышал рев мотора и понял, что поисковая группа сбра-

сывает с вертолета гранаты или что посерьезнее. Песок под его ногами завибрировал, ветви кипарисов закачались. Звуки взрывов становились все громче, колебания почвы все отчетливее. Сол догадался, что они таким образом прочесывают прибрежную полосу, сбрасывая заряды через каждые двести-триста футов. Направление, в котором распространялся дым, подтверждало, что он находится на северной оконечности острова — если, конечно, гроза продолжала двигаться с юго-востока, — но еще не достиг северо-восточного мыса, где приземлялась «сессна». Оттуда было примерно с четверть мили до приливной бухты. Если добраться до бухты по прибрежным джунглям, уйдет слишком много времени, любая же попытка срезать угол грозит тем, что он снова потеряется в болоте.

Очередной взрыв разорвал темноту не далее чем в трехстах футах от Сола. Сотни цапель, громко хлопая крыльями, взмыли вверх и исчезли в небе. Затем раздался жуткий и протяжный человеческий вопль. Неужели суррогат способен так вопить или же по следу Сола пустили наземный патруль и кто-то случайно попал под «дружеский огонь»?

Сол уже отчетливо слышал приближающийся рокот мотора. Автоматная очередь прорезала темноту — это кто-то наугад начал стрелять из лодки, двигавшейся вдоль полосы прибоя. Сол мечтал лишь об одном: чтобы на нем была хоть какая-нибудь одежда. Холодные капли дождя хлестали по худому исцарапанному телу, ноги дрожали, и всякий раз, когда он оглядывал себя, это жалкое зрелище лишало его последней уверенности в своих силах, подталкивая к тому, чтобы плюнуть на все и вступить в схватку. Но больше всего на свете он мечтал о горячей ванне и мягкой постели. Холод, безысходность и одиночество владели его душою и телом, от него осталась только оболочка, лишенная каких-либо чувств, кроме одного упрямого желания выжить, а зачем — он уже забыл. В общем, Соломон Ласки превратился именно в того человека, каким он был сорок лет назад, когда работал во рву, разве что стойкости и выносливости у него поубавилось.

Но он знал, что есть и еще одно отличие. Подняв голову навстречу стихии, он прокричал по-польски, обращаясь к небесам и не заботясь о том, услышат его преследователи или нет: «Я сам захотел быть здесь!» Сол сейчас не смог бы сказать, что означал его воздетый кверху кулак — вызов, победу или смирение.

Он прорвался сквозь кипарисовые заросли и выскочил на открытое пространство пляжа.

— Энтони, иди сюда, — позвал Джимми Уэйн Саттер.

— Сейчас, — бросил Хэрод.

Он остался один в комнате, освещенной лишь экранами мониторов. Поскольку наземные камеры больше не показывали ничего существенного, включенными остались только две — на борту одного из патрульных катеров у северной оконечности острова и на вертолете, который бомбил мыс. С точки зрения Хэрода, операторы работали плохо. Для воздушных съемок надо было пользоваться «Стедикамом», а от всех этих рывков и дерганий на обоих экранах его просто тошнило, хотя он вынужден был признать, что пиротехника превосходила все когда-либо сделанное им с Вилли в Голливуде. Хэрод жалел, что у него нет парочки «Стедикамов» и заранее установленной системы панвидения, — уж он бы нашел применение такому материалу, даже если бы пришлось специально писать сценарий, только чтобы включить этот фейерверк.

— Тони, мы ждем, — повторил Саттер.

— Сейчас, — снова откликнулся Хэрод, забрасывая в рот еще пригоршню арахиса и запивая его водкой. — Судя по всему, они загнали этого несчастного идиота на северную оконечность острова и теперь жгут джунгли...

— Ты слышишь меня? — рассердился Саттер.

Хэрод поднял глаза на евангелиста. Остальная четверка уже час назад удалилась в Игровой зал и о чем-то беседовала там, но теперь, судя по выражению лица Саттера, произошло нечто из ряда вон выходящее.

Прежде чем покинуть помещение, Хэрод глянул на оба экрана и увидел голого человека, несущегося по берегу.

Атмосфера в Игровом зале достигла такого же накала, как и кровавая погоня в джунглях при разбушевавшейся стихии. Вилли сидел напротив Барента, Саттер подошел и встал рядом со старым немцем. Скрестив на груди руки, Барент хмуро разглядывал присутствующих, лицо его выражало крайнее недовольство. Джозеф Кеплер метался по залу взад-вперед. Шторы были подняты, на стекле блестели капли дождя, и каждая вспышка молнии освещала силуэты деревьев дубовой аллеи. Раскаты грома доносились даже сквозь многослойное стекло и толстые стены особняка. Хэрод взглянул на часы — они показывали без четверти час. Он устало подумал, освободили Марию Чэнь или все еще держат под стражей? Больше всего он жалел, что вообще покинул Беверли-Хиллз.

— У нас возникла проблема, Тони, — обратился к нему К. Арнольд Барент. — Присаживайся.

Хэрод опустился в кресло. Он ждал, что Барент, а скорее всего, Кеплер сейчас объявит о том, что его членство в Клубе аннулировано, а сам он будет ликвидирован. Хэрод прекрасно понимал, что в своей Способности не может соперничать ни с Барентом, ни с Кеплером, ни с Саттером. Он не сомневался, что Вилли и пальцем не пошевелит, чтобы защитить его. «А может, — подумал он с внезапной отчетливостью обреченного, — Вилли специально подставил меня с этим евреем, чтобы дискредитировать и ликвидировать? Но зачем? — недоумевал он. — Каким образом я могу помешать его планам? Для чего старику устранять меня?» Кроме Марии Чэнь, на острове не было ни одной женщины, которую Хэрод мог бы использовать. Охранники Барента — человек тридцать или около того, оставшиеся в южной части острова, были нейтралами. Барент не станет тратить свою Способность для его ликвидации, он просто нажмет кнопку.

— Да, — устало спросил он. — В чем дело?

— Твой старый друг герр Борден приготовил для нас сюрприз, — холодно сообщил Барент.

Хэрод бросил тревожный взгляд на Вилли. Он сразу же решил, что этот «сюрприз» будет осуществляться за его счет, но пока не знал, каким образом.

— Мы просто предложили внести дополнение в повестку дня, — усмехнулся Вилли. — Мистер Барент и мистер Кеплер против.

— Потому что это безумие! — воскликнул Кеплер, вышагивая вдоль огромного окна.

— Успокойтесь, Джозеф! — бросил Вилли, и Кеплер умолк.

— Мы? — тупо переспросил Хэрод. — А кто это «мы»?

— Преподобный Саттер и я, — пояснил Вилли.

— Оказывается, мой старый друг Джеймс уже несколько лет дружит с герром Борденом, — произнес Барент все тем же ледяным тоном. — Интересный поворот событий.

— А вы, случайно, не забыли, что сейчас творится в северной части этого долбаного острова? — с ухмылкой спросил Хэрод.

— Нет. — Барент вынул из уха крошечный наушник. — Я в курсе. Но это ерунда по сравнению с нашей дискуссией. Как ни смешно, Тони, в первую же неделю твоего пребывания в нашем Клубе в твоих руках оказывается его судьба.

— Черт, я даже не врубаюсь, о чем вы говорите! — воскликнул Хэрод.

— Мы говорим о предложении расширить деятельность Клуба Островитян до... э-э-э... более адекватных масштабов.

— Весь мир, — добавил Саттер. Лицо евангелиста раскраснелось и покрылось потом.

— Что — весь мир?

На губах Барента заиграла сардоническая улыбка.

— Они хотят вместо индивидуальных игроков Использовать целые нации суррогатов, — пояснил он.

— Нации? — переспросил Хэрод.

Где-то за дубовой аллеей ударила молния, и поляризованное стекло окна потемнело.

— Черт побери, Тони! — вспылил Кеплер. — Ты способен на что-нибудь другое, кроме как стоять здесь и повторять за всеми как попугай?! Эти два идиота хотят все взорвать. Они требуют, чтобы мы играли не людьми, а ракетами и подводными лодками. Они хотят сжечь дотла целые страны!

Хэрод вытаращил глаза на Вилли и Саттера.

— Тони, — спросил Барент, — признайся, ты впервые слышишь об этом предложении?

Он кивнул.

— И мистер Борден никогда не поднимал эту тему в разговорах с тобой?

Хэрод покачал головой.

— Теперь ты понимаешь всю важность своего голоса, — тихо произнес Барент. — Это решение вскоре может изменить характер наших ежегодных развлечений.

Кеплер надтреснуто рассмеялся:

— Оно может взорвать весь этот чертов мир!

— Да, — согласился Вилли, — не исключено. Однако не факт. Но в любом случае это будет невероятно захватывающее зрелище.

— Вы смеетесь надо мной, — произнес Хэрод срывающимся фальцетом.

— Вовсе нет, — спокойно сказал Вилли. — Я уже продемонстрировал, с какой легкостью могут быть обойдены самые высокие уровни военной безопасности. Мистер Барент и остальные давно знают, как просто оказывать влияние на глав государств. Нам остается только отказаться от временных ограничений и расширить масштаб наших состязаний, что придаст им несравнимо большую привлекательность. Конечно, это будет связано с некоторыми поездками, необходимостью обеспечить безопасное место для переговоров, когда состязание... э-э-э... станет слишком горячим, но мы не сомневаемся, что К. Арнольд в состоянии позаботиться о таких мелочах. Не правда ли, герр Барент?

Миллионер потер щеку:

— Конечно. Но дело в том, что мои возражения обусловлены не затратами средств и даже не огромным количеством времени, которого потребуют подобные состязания, а потерей ресурсов — как человеческих, так и технических, накопленных за столь долгий период времени.

Джимми Уэйн Саттер рассмеялся своим грудным смехом, который так хорошо был знаком миллионам телезрителей:

— Брат Кристиан, неужели ты думаешь, что сможешь забрать все это с собой?

— Нет, — тихо ответил Барент, — но я не вижу смысла уничтожать все лишь потому, что сам не смогу наслаждаться этим.

— А вот я вижу! — решительно возразил Вилли. — Вы являетесь основателем этой Игры. Предлагаю провести голосование. Джимми Уэйн и я голосуем «за». Вы и трус Кеплер — «против». Тони, твое решение?

Хэрод вздрогнул. Тон Вилли не допускал никаких возражений.

— Я воздерживаюсь, — заявил он. — И пошли вы все к такой-то матери!

Вилли стукнул кулаком по столу:

— Хэрод, кусок дерьма, черт бы тебя побрал, юдофил! Голосуй!

Словно огромные тиски впились стальными когтями в череп Хэрода. Он схватился за голову, раскрыв рот в беззвучном крике.

— Прекратите! — рявкнул Барент, и тиски разжались. Хэрод снова чуть не закричал, теперь от облегчения. — Он сделал свой выбор, — уже спокойно произнес Барент. — Он имеет право воздержаться. А при отсутствии большинства голосов решение не принимается.

В глубине холодных серых глаз Вилли словно вспыхнуло синее пламя.

— Нет. При отсутствии большинства возникает патовая ситуация. — Он повернулся к Саттеру. — Как ты думаешь, Джимми Уэйн, можем мы оставить этот вопрос в подвешенном состоянии?

Лицо Саттера лоснилось от пота. Он уставился в какую-то точку чуть выше и правее головы Барента и забубнил:

— «И семь Ангелов, имеющих семь труб, приготовились трубить. Первый Ангел вострубил, и град и огонь, смешанные с кровью, пали на землю; и третья часть дерев сгорела...

Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью...

Третий Ангел вострубил, и большая звезда, горящая подобно светильнику, упала с неба на третью часть рек и на источники вод.

Четвертый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд...

И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить!

Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ему ключ от кладезя бездны...»

Саттер умолк, допил остатки бурбона и упал в кресло.

— И что это означает, Джеймс? — спросил Барент.

Саттер словно очнулся и промокнул лицо благоухающим лавандой шелковым платком.

— Это означает, что патовая ситуация исключается, — прошептал он хрипло. — Антихрист уже здесь. Час его наконец настал. Единственное, что нам остается, — это выполнить предписанное и засвидетельствовать бедствия, которые обрушатся на нас. Выбора у нас нет.

Барент снова сложил на груди руки и слабо улыбнулся:

— И кто же из нас Антихрист, Джеймс?

Саттер безумным взглядом обвел лица присутствующих.

— Помоги мне, Господи, — взмолился он. — Не знаю. Я отдал Ему на служение свою душу, но я не знаю.

Тони Хэрод резко отстранился от стола:

— Ну, это уже слишком! Я выхожу из Игры.

— Оставайся на месте, — приказал Кеплер. — Никто не выйдет отсюда, пока мы не примем решение.

Вилли откинулся на спинку кресла.

— У меня есть предложение, — проронил он.

— Мы слушаем. — Барент спокойно встретил взгляд немца.

— Предлагаю завершить нашу шахматную партию, герр Барент.

Кеплер остановился и посмотрел сначала на Вилли, затем на Барента.

— Шахматную партию? — переспросил он. — Что это за шахматная партия?

— Да, — подхватил Тони Хэрод. — Что за шахматная партия? — Он прикрыл глаза и отчетливо вспомнил свое собственное лицо, вырезанное на фигурке из слоновой кости.

Барент улыбнулся:

— Мы с мистером Борденом уже несколько месяцев ведем шахматную партию, обмениваясь ходами по почте... Совершенно безобидное развлечение.

— Боже милостивый! — выдохнул Кеплер.

— Аминь, — сказал Саттер, поглядев на всех мутными глазами.

— Несколько месяцев? — повторил Хэрод. — Вы хотите сказать, что все происходящее... Траск, Хейнс, Колбен... А вы, значит, все это время просто играли в шахматы?

Джимми Уэйн Саттер издал какой-то странный звук, нечто среднее между отрыжкой и смешком.

— «И если кто поклоняется зверю или его образу и имеет его знак на своем челе, тот изопьет чашу гнева Господня, — пробормотал он. — И будет мучим огнем и серой в присутствии святых ангелов и Агнца. И он сделает так, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет иметь знак на правой руке или на челе... и число его будет шестьсот шестьдесят шесть».

— Заткнись, — спокойно произнес Вилли. — Герр Барент, вы согласны? Партия почти завершена, осталось лишь доиграть ее. Если я выиграю, мы расширим... состязание... до более крупных масштабов. Если победа будет за вами, я смирюсь с настоящим положением вещей.

— Мы остановились на тридцать пятом ходу, — напомнил Барент. — И ваше положение было не слишком... э-э-э... завидным.

— Да, — ухмыльнулся Вилли. — Но я готов продолжить. Мы не будем разыгрывать новую партию.

— А если игра завершится вничью? — спросил Барент.

Вилли пожал плечами:

— Тогда победа будет присуждена вам. Я выигрываю лишь вчистую.

Барент кинул взгляд в окно на всполох молнии.

— Не обращайте внимания на этот бред! — вскричал Кеплер. — Он же просто сумасшедший!

— Заткнитесь, Джозеф. — Барент повернулся к Вилли. — Хорошо. Мы закончим партию. Будем играть теми фигурами, что имеются в наличии?

— Я более чем приветствую это. — Немец широко улыбнулся, продемонстрировав идеальную работу стоматолога. — Спустимся?

— Да, — кивнул Барент. — Через минуту. — Он взял наушники, прислушался, затем произнес в микрофон: — Барент на связи. Вы-

садите одну из бригад на берег и немедленно покончите с евреем. Понятно? — Затем положил наушники на стол. — Все готово.

Хэрод на ватных ногах последовал за остальными к лифту. Саттер, шедший впереди него, внезапно споткнулся, повернулся и схватил Тони за руку.

— «И в эти дни люди станут искать смерти, и не найдут ее, — страстно прошептал преподобный прямо ему в лицо. — Они будут искать смерти, но та будет бежать от них».

— Отвали, — бросил Хэрод, высвобождая руку.

Все пятеро молча спустились на нижний этаж.

Глава 66

МЕЛАНИ

Я помню пикники, которые мы устраивали в окрестностях Вены. Эти заросшие соснами холмы, луга с полевыми цветами и открытый «пежо» Вилли возле какого-нибудь ручья или в другом живописном месте. Когда Вилли снимал свою дурацкую коричневую рубашку и портупею, он являл собой образец изысканности в этих шелковых летних костюмах и широкополой белой шляпе, подаренной ему одним из актеров кабаре. До Бад-Ишля, до момента предательства Нины, я испытывала наслаждение только оттого, что нахожусь в обществе двух таких красивых людей. Нинина красота в те предвоенные годы достигла своего расцвета, и, хотя мы обе уже были в том возрасте, когда нас нельзя считать девушками, а по тогдашним меркам — даже молодыми женщинами, один вид голубоглазой восторженной Нины заставлял меня чувствовать себя молодой и вести себя как юное существо.

Теперь я понимаю, что их измена в Бад-Ишле даже в большей мере, чем измена Нины с моим Чарльзом, стала поворотным пунктом, после которого я начала стареть, в то время как Нина продолжала оставаться молодой. В каком-то смысле все эти годы Нина и Вилли питались моей энергией, кровью, Способностью.

Теперь настала пора все это прекратить.

Во вторую ночь моего странного бдения с Нининой негритянкой я решила положить конец ожиданию. Я не сомневалась в том, что, даже если я уберу цветную со сцены, Вилли сможет подсказать мне, где находится Нина.

Признаюсь, внимание мое было рассеянно. Да, я ощущала, как ко мне возвращаются юность и бодрость, пока паралич медленно ослаблял свою хватку, однако моя способность контролировать членов «семейства» и остальных явно снижалась. Глядя глазами мисс Сьюэлл на то, как удаляются Дженсен Лугар, мужчина по имени Сол и еще трое, я сообщила негритянке: «Они забрали твоего еврея».

По тому смятению, которое охватило Нинину пешку, я ощутила недостаток ее контроля. Собрав своих людей в тесный кружок, я потребовала, чтобы Нина призналась, где она находится. Она отказалась и начала перемещать свою негритянку к двери. Я не сомневалась, что Нина потеряла всякую связь со своим человеком на острове, а следовательно, и с Вилли. Девица в буквальном смысле была у меня в руках.

Я заставила Калли подойти к ней ближе, чтобы она оказалась в пределах его досягаемости, и ввела в гостиную негра из Филадельфии. Он держал в руке нож.

— Пора рассказать нам все, — язвительно заметила я, — или эта цветная умрет.

Я предполагала, что Нина отдаст девицу. Ни одна, даже идеально обработанная пешка, не стоила того, чтобы выйти из укрытия. Я подготовила Калли к двум быстрым шагам и резкому движению руками, которое оставило бы негритянку бездыханной на ковре с немыслимо вывернутой шеей, как у цыплят, которых убивала мамаша Бут на заднем дворе перед обедом. Мама отбирала птиц, а мамаша Бут хватала их, отворачивала голову и швыряла пушистые трупики на крыльцо, так что глупые цыплята не успевали сообразить, что уже мертвы.

Негритянка же выкинула нечто странное. Я полагала, Нина заставит ее или бежать, или бороться, — на худой конец, я ожидала ментальной схватки, если Нина попытается овладеть кем-нибудь из моих людей, однако девица осталась стоять на месте и задрала свой огромный свитер. Под ним оказался какой-то глупый пояс, что-то вроде бандильеро мексиканских бандитов, набитый целлофановыми мешочками с содержимым, напоминающим гипс. От приспособления, похожего на транзистор, к этим пакетам с гипсом тянулись какие-то проводки.

— Остановись, Мелани! — крикнула она.

Я послушалась. Руки Калли замерли в воздухе на полпути к тощему горлу девицы. Меня мало что беспокоило в этот момент, я

испытывала лишь чувство легкого любопытства при проявлении Нининого безумия.

— Это взрывчатка, — задыхаясь, произнесла негритянка. Рука ее двинулась по направлению к маленькой кнопке на поясе. — Если ты дотронешься до меня, я все взорву. А если ты прикоснешься к моему мозгу, устройство автоматически включит зажигание и взрыв сровняет с землей твой вонючий мавзолей.

— Нина, Нина, — заставила я сказать Джастина, — ты слишком горячишься. Присядь на минутку. Я попрошу мистера Торна принести нам чаю.

Это была совершенно естественная обмолвка, но негритянка обнажила зубы в гримасе, даже отдаленно не напоминающей улыбку:

— Мистера Торна здесь нет, Мелани. Похоже, у тебя в голове что-то перепуталось. Мистер Торн... или как его там звали... убил моего отца, а потом его прикончил кто-то из твоих поганых дружков. Но за ними всегда стояла ты, ты, старая рухлядь. Ты была паучихой, сидящей в центре этой паутины... И даже не пытайся!

Калли едва шевельнулся. Я заставила его медленно опустить руки и сделать шаг назад. Я подумала о том, чтобы завладеть вегетативной нервной системой девицы. Это заняло бы секунды — их хватит как раз на то, чтобы кто-нибудь из моих людей успел прикончить ее прежде, чем она нажмет маленькую красную кнопку. Не очень-то я поверила ее глупым угрозам.

— А что это за взрывчатка, дорогая? — поинтересовалась я через Джастина.

— Она называется Си-четыре, — ответила девица ровным и спокойным голосом, но я слышала, как часто она дышит. — Это военная пластиковая взрывчатка... и здесь ее двенадцать фунтов, вполне достаточно, чтобы взорвать тебя, твой дом и снести еще половину дома Ходжесов.

Это мало походило на изысканную речь Нины. Наверху доктор Хартман неуклюже вынул иглу капельницы из моей правой руки и начал поворачивать меня на бок. Я отстранила его здоровой рукой.

— Как же ты включишь эту взрывчатку, если я отниму у тебя твою маленькую негритянку? — заставила я спросить Джастина.

Говард взял с моего ночного столика тяжелый пистолет сорок пятого калибра, снял обувь и стал бесшумно спускаться по лестнице. Я продолжала поддерживать слабый контакт через мисс Сью-

элл и охранника с тем, что происходило на острове, когда они подняли бесчувственное тело Дженсена Лугара и понесли его в тоннель, в то время как остальные кинулись преследовать человека, которого негритянка называла Солом. Сигналы тревоги доносились даже до мисс Сьюэлл. К острову приближалась гроза; офицер на борту яхты сообщил, что высота волн достигла шести футов и продолжает нарастать.

Девица шагнула к Джастину:

— Видишь эти провода? — Она наклонилась, чтобы он мог рассмотреть тонкие проводки, сползавшие из-под ее волос и уходившие за ворот блузки. — Это сенсоры, передающие электрические сигналы моих мозговых волн на монитор. Ты в состоянии это понять?

— Да, — прошептал Джастин. Я не имела ни малейшего представления, о чем она там говорит.

— Мозговые волны могут иметь разный рисунок, — продолжила Натали. — Они так же неповторимы, как отпечатки пальцев. Как только ты прикоснешься к моему сознанию своими грязными безумными мыслями, ты вызовешь то, что называется тета-ритмом. Он встречается у крыс, ящериц и других низших представителей жизни, как ты сама. Компьютер зафиксирует его и подаст сигнал тревоги. Это произойдет в считаные доли секунды, запомни, Мелани.

— Ты лжешь, — сказала я.

— Можешь попробовать. — Негритянка сделала еще шаг и сильно толкнула Джастина, так что бедняжка полетел назад, наткнулся на любимое папино кресло и рухнул на пол. — Попробуй, — повторила она, повышая голос, дрожавший от ярости, — и ты отправишься в ад!

— Кто ты? — спросила я.

— Никто, — ответила девица. — Дочь убитого тобой человека. Ты даже не помнишь о такой мелочи.

— Так ты не Нина?

Говард уже спустился. Он поднял пистолет, приготовившись выскочить в проем двери и выстрелить.

Негритянка повернула голову. Зеленоватое сияние, лившееся со второго этажа, отбрасывало фантастические тени в том месте, где стоял Говард.

— Если ты убьешь меня, — твердо сказала Натали, — датчики зафиксируют замирание мозговых волн и включат детонатор. То-

гда в этом доме будут уничтожены все. — В ее голосе не было страха, лишь какая-то восторженность.

Конечно же, она лгала. А скорее всего, лгала Нина. Ни одна цветная с улицы не могла знать таких подробностей о Нининой жизни, о смерти ее отца, о деталях нашей венской Игры. Но эта девица уже говорила мне что-то об убийстве своего отца, когда мы впервые встретились с ней в Ропщущей Обители. Или не говорила? Все страшно перепуталось. Может, Нина действительно обезумела после смерти и теперь считает, что это я толкнула ее отца под трамвай в Бостоне? Может, в последние секунды жизни ее сознание укрылось в низменном мозгу этой девицы? Не работала ли она горничной в «Мансарде»?.. И теперь Нинины воспоминания смешались с пустыми мыслями цветной прислуги. Подумав об этом, Джастин чуть не рассмеялся: какая насмешка над Ниной!

Однако, в чем бы ни заключалась истина, я не боялась ее взрывчатки. Мне доводилось слышать сочетание «пластиковая взрывчатка», но я не сомневалась, что она ничем не напоминает эти кусочки гипса. Они даже на пластик-то не похожи! К тому же я помнила, как папа взрывал бобровую плотину в нашем поместье в Джорджии перед войной. На озеро тогда поехали только он и десятник, и с какой предосторожностью они обращались с предательским динамитом и подрывными капсюлями! Носить взрывчатку на каком-то поясе было крайне непредусмотрительно. Что же касается остального — всех этих мозговых волн и компьютеров, они вообще казались полной бессмыслицей. Чем-то из области научной фантастики. Помню, Вилли зачитывался этой чушью, печатавшейся в дешевых немецких журнальчиках с аляповатыми обложками. Но даже если такое было возможно — чему я, конечно, не верила, — подобные идеи не могли прийти в голову черномазой. Даже для моего ума это представляло определенную сложность.

И тем не менее давить на Нину дальше казалось мне бессмысленным. Нельзя было исключить тот минимальный шанс, что ее пешка действительно обвесилась динамитом. Но все же я не могла удержаться от соблазна поиграть с Ниной еще немного, хотя сумасшествие не делало ее менее опасной.

— Чего ты хочешь? — спросила я.

Девица облизнула пересохшие губы и оглянулась:

— Выведи отсюда своих людей. Всех, кроме Джастина. Он пусть остается в кресле.

— Конечно, дорогая, — промурлыкала я.

Негр, сестра Олдсмит и Калли вышли в разные двери. Когда Калли проходил мимо, Говард шагнул назад, но револьвер не опустил.

— Рассказывай мне, что происходит, — злобно приказала девица. Она продолжала стоять, не отводя пальца от красной кнопки на поясе.

— Что ты имеешь в виду, дорогая?

— Что происходит на острове? Что случилось с Солом?

Джастин пожал плечами:

— Знаешь, я потеряла к этому интерес.

Девица сделала три шага вперед, и мне показалось, что она собирается ударить беспомощного ребенка.

— Черт бы тебя побрал! — выругалась она. — Рассказывай мне то, что я хочу знать, или я нажму кнопку сию же минуту. Это стоит того, чтобы прикончить тебя... приятно будет осознавать, что ты поджариваешься в своей кровати, как старая лысая крыса. Ну, решай же!

Мне всегда была отвратительна грубость. Моя мать необъяснимым образом боялась потопа и наводнений. Моим же кошмаром всегда был пожар.

— Твой еврей запустил камнем в пешку Вилли и скрылся в лесу еще до того, как началась Игра, — сказала я. — За ним послали несколько человек. Двое охранников понесли Дженсена Лугара в санитарную часть их дурацкого подземного комплекса. Он уже несколько часов без сознания.

— Где Сол?

Джастин скорчил гримасу. В его голосе прозвучало больше жалобных ноток, чем я намеревалась ему придать:

— Откуда мне знать? Я не могу быть везде.

Мне не хотелось сообщать ей, что в этот момент я заглянула глазами охранника, с которым установила контакт через мисс Сьюэлл, в медицинскую часть и увидела, как негр Вилли поднялся со стола и задушил двух людей, принесших его. Это зрелище вызвало у меня странно знакомое ощущение, пока я не вспомнила Вену, лето 1932 года, когда мы смотрели с Ниной и Вилли «Франкенштейна» в кинотеатре «Крюгер». Помню, я вскрикнула, увидев, как дернулась на столе рука чудовища и он поднялся, чтобы задушить склонившегося над ним и ничего не подозревавшего врача. Сейчас кричать мне не хотелось. Я заставила своего охранника пройти мимо, обойти помещение, в котором его коллеги смотрели

на экраны мониторов, и остановиться у кабинета администрации. Никаких оснований сообщать об этом Нининой негритянке не было.

— Куда побежал Сол? — осведомилась девица.

Джастин сложил руки на груди.

— А почему бы тебе не сказать мне об этом, если ты такая умная? — поинтересовалась я.

— Хорошо, — согласилась негритянка. Она смежила веки, пока не остались лишь щелочки, в которые едва проглядывал белок. Говард продолжал стоять в тени прихожей. — Он бежит на север через густые джунгли. Там какие-то развалины... Надгробия. Это кладбище. — Она открыла глаза.

Я застонала и заметалась наверху в своей постели. Я была так уверена, что Нина не может поддерживать контакт со своей пешкой. Но именно эта картина была на экранах мониторов охранников минуту назад. Я потеряла след негра Вилли в переплетениях коридоров. Мог ли Вилли Использовать девицу? Кажется, ему нравилось Использовать цветных и представителей других неполноценных рас. Но если это был Вилли, где же тогда Нина? Я чувствовала, что у меня снова начинает болеть голова.

— Чего ты хочешь? — вновь спросила я.

— Чтобы ты следовала нашему плану. — Девица не отходила от Джастина. — Так, как мы договорились. — Она бросила взгляд на часы. Рука ее отодвинулась от красной кнопки, но продолжала оставаться проблема мозговых волн и компьютеров.

— Мне кажется, нет больше смысла продолжать все это, — заметила я. — Неспортивное поведение твоего еврея расстроило всю вечернюю программу, и я не сомневаюсь, что остальные...

— Заткнись! — оборвала меня негритянка, и, хотя лексика была чуть вульгарной, интонация принадлежала Нине. — Ты будешь продолжать, как мы договорились. Если нет, посмотрим, удастся ли Си-четыре сразу сровнять этот дом с землей.

— Ты никогда не любила мой дом, — сказал Джастин моим голосом, выпятив нижнюю губу.

— Приступай, Мелани, — скомандовала девица. — А если ты попробуешь уклоняться, я все равно узнаю. Если не сразу, то очень скоро. И не стану предупреждать тебя, когда включу детонатор. Пошевеливайся.

В это мгновение я чуть было не заставила Говарда пристрелить ее. Никто еще не разговаривал со мной таким тоном в моем собст-

венном доме, не говоря уже о черномазых девках, которым вообще было не место в моей гостиной. Но я сдержалась и приказала Говарду осторожно опустить револьвер. Необходимо учитывать и другие вещи.

Это было вполне в Нинином духе, впрочем, и в духе Вилли, — провоцировать меня таким способом. Если я убью ее сейчас, в гостиной начнется страшный беспорядок, который придется убирать, и я ни на йоту не приближусь к тому, чтобы узнать, где находится Нина. В то же время сохранялась вероятность того, что часть ее истории соответствовала истине. Ведь странный Клуб Островитян, о котором она мне рассказала, реально существовал, хотя мистер Барент на самом деле оказался гораздо более приличным джентльменом, чем можно было заключить из ее слов. К тому же имелись довольно веские доказательства, что этот Клуб представлял для меня угрозу, хотя я не понимала, почему опасность может грозить и Вилли. И если бы я упустила эту возможность, то не только лишилась бы мисс Сьюэлл, но осталась бы в состоянии тревоги и неуверенности, гадая, что эти люди могут предпринять в будущем против меня.

Поэтому, несмотря на мелодраматичные события предыдущего получаса, я вернулась к неприятному сотрудничеству с Нининой пешкой.

— Хорошо, — вздохнула я.

— Давай, — велела девица.

— Сейчас-сейчас.

Джастин замер. Все члены моего «семейства» застыли, как статуи, в разных комнатах. Я сжала челюсти, и тело мое напряглось от усилий.

Мисс Сьюэлл подняла голову, когда в конце коридора хлопнула тяжелая дверь. Охранник, сидевший в кабинке на стуле, вскочил при виде негра и вскинул свой автомат. Лугар отнял у него оружие и наотмашь ударил по лицу, сломав при этом нос и загнав осколки кости охраннику в мозг.

Затем он вошел в кабинку и нажал на рычаг. Прутья решеток поползли вверх, и, пока остальные пленники продолжали прятаться по углам в своих нишах, мисс Сьюэлл вылезла наружу, потянулась, чтобы восстановить кровообращение, и повернулась лицом к негру.

— Привет, Мелани, — сказал он голосом Вилли.

— Добрый вечер, Вилли, — ответила мисс Сьюэлл.

— Я знал, что это ты, — тихо промолвил он. — Невероятно, как мы узнаем друг друга, несмотря на все наши маски. Не правда ли?

— Да, — кивнула я. — Не найдется ли чего-нибудь прикрыть ее наготу? Нехорошо, что она обнажена.

Негр Вилли ухмыльнулся, сорвал с мертвого охранника рубашку и накинул ее на плечи мисс Сьюэлл.

Я сосредоточилась на том, чтобы застегнуть две оставшиеся пуговицы.

— Ты отведешь меня в дом? — спросила я.

— Да.

— Нина там, Вилли?

Лоб негра наморщился, одна бровь приподнялась.

— А ты ожидала встретить ее? — поинтересовался он.

— Нет.

— Там будут другие. — Он обнажил зубы в улыбке.

— Мистер Барент, — промолвила я, — Саттер... и остальные члены Клуба Островитян, верно?

Лугар от души рассмеялся:

— Мелани, любовь моя, ты не устаешь меня удивлять. Ты ничего не знаешь, но всегда в курсе событий.

Я придала чертам мисс Сьюэлл слегка надутый вид.

— Не груби, Вилли. Это тебе не идет.

Он снова рассмеялся:

— Да-да. Сегодня никаких грубостей. Это наша последняя встреча, любимая. Пошли, все уже ждут.

Я последовала за ним по коридорам, поднялась наверх и вдохнула прохладный ночной воздух. Никаких охранников я не заметила, хотя продолжала поддерживать легкий контакт с тем, что остался стоять возле административного помещения. Потом я различила в темноте бледные фигуры остальных суррогатов, выползавших на свет. По небу с бешеной скоростью неслись тучи. Надвигалась гроза.

— Люди, причинившие мне боль, поплатятся за это сегодня, да, Вилли? — спросила я.

— О да! — прорычал он, не разжимая своих белоснежных зубов. — Да, Мелани, любовь моя.

Мы шли к огромному дому, купавшемуся в ярком свете. И тут я заставила Джастина ткнуть пальцем в Нинину негритянку.

— Ты этого хотела! — завизжала я пронзительным голосом шестилетнего ребенка. — Ты этого хотела! А теперь смотри!

Глава 67

Остров Долманн
Вторник, 16 июня 1981 г.

Сол еще никогда в жизни не оказывался под таким дождем. Он мчался по берегу, а потоки воды грозили вдавить его в песок, как вдавливает тяжелый занавес незадачливого актера, вышедшего не в той мизансцене. Горизонтальные лучи прожекторов с катеров и вертикальные с вертолета освещали лишь плотные струи воды, сверкавшие во тьме, как трассирующие пули. Сол бежал, увязая в песке, постепенно превращавшемся в жижу, и думал лишь о том, чтобы не поскользнуться и не упасть. Почему-то ему казалось, что если он упадет, то уже никогда не сможет подняться.

Ливень прекратился так же внезапно, как и начался. Только что струи барабанили по его голове и обнаженным плечам, раскаты грома и шум обрушивающейся на деревья воды заглушали все остальные звуки, и вот уже потоки перешли в капли, видимость увеличилась до десяти метров, и Сол разглядел фигуры людей. В нескольких шагах от него песок взвился вверх целой серией мелких фонтанчиков, и, прежде чем сообразить, что в него стреляют, он успел подумать, не является ли это странной реакцией на грозу закопавшихся в песок крабов и других моллюсков. Прямо над его головой взревели турбины, перекрывая все остальные звуки, и прожектор, ударивший из темного корпуса вертолета, надвое разрезал лучом полосу берега. Машина круто развернулась и, преодолевая сопротивление густого, насыщенного влагой воздуха, будто забуксовала футах в двадцати над песком. Две моторные лодки, с ревом прорвавшись сквозь полосу прибоя, ринулись к берегу.

Сол споткнулся, с трудом восстановил равновесие и помчался дальше. Он не знал, где находится, но отчетливо помнил, что северный пляж был короче этого и джунгли отступали от песка на большее расстояние. На какое-то мгновение, когда вертолет завис неподвижно и стал нашаривать Сола прожектором, беглецу показалось, что он уже проскочил бухточку, не разглядев ее под тропическим ливнем. Ночью, в грозу и шторм все вокруг выглядит иначе. Чувствуя, как каждый вдох раздирает горло и грудь, он продолжал свой бег, а с обеих сторон от него то и дело вздымались фонтаны песка.

Вертолет, казалось, летел прямо на Сола. Бортовые огни сверкали чуть ли не на уровне его головы. Он плашмя упал на землю, обдирая свое обнаженное тело о гальку, острую, как наждач-

ная бумага. Порывом воздуха от лопастей вертолета его еще сильнее вжало в песок. То ли автоматная очередь, выпущенная с одного из катеров, зацепила механизм вертолета, то ли в нем просто что-то сломалось, но в тот момент, когда он пролетал над распростертым телом Сола, раздался гулкий рокочущий звук, словно в катящуюся пустую железную бочку попал камень.

Вертолет задрожал и попытался снова набрать высоту, но его занесло сначала влево, потом вправо, лопасти винта самопроизвольно начали вращаться в обратном направлении. Теперь его несло прямо на стену деревьев. В течение нескольких минут казалось, что он собирается скосить верхушки деревьев собственным винтом. Ветви кипарисов и пальм взвивались вихрем вверх и разлетались в разные стороны, как дорожные рабочие, спасающиеся от взбесившегося мотоцикла в комедии Мака Сеннетта[1]. Наконец вертолет закрутил немыслимую петлю, блеснула мокрая от дождя кабина, отражая луч собственного прожектора, который бил теперь вертикально в небо из перевернутого брюха. Затем раздался оглушительный скрежет, и обломки вертолета посыпались на пляж.

Отделившаяся кабина рухнула у самой кромки воды, трижды подпрыгнула в волнах, как умело брошенный камешек, и погрузилась на дно. Через секунду сдетонировала взрывчатка, находившаяся в кабине, и море вскипело, как столб пламени, наблюдаемый сквозь толстое зеленое стекло. Вверх взвился гейзер белых брызг, осыпав вжавшегося в песок Сола с головы до ног. Мелкие обломки еще в течение полминуты продолжали падать на пляж.

Сол приподнялся и глупо пялился на все это, пока в него не угодила первая пуля. Почувствовав жгучую боль в левом бедре, он понял, что стоит в маленьком ручейке, протекавшем по дну широкого углубления в песчаной полосе. В это мгновение что-то еще сильнее ударило его под правую лопатку, и он рухнул лицом вниз в мутную воду.

Два катера на полной скорости преодолели волны прибоя, а третий продолжал курсировать футах в ста от берега. Сол застонал, перекатился на бок и посмотрел на ногу. Пуля проделала кровавый желобок чуть ниже кости с внешней стороны. Он попробовал нащупать левой рукой рану на спине, но у него занемела лопатка. Измазанная кровью рука мало что говорила ему. Сол поднял правую руку и пошевелил пальцами. Рука продолжала действовать, и этого было достаточно.

---

[1] *Мак Сеннет* (1880–1960) — американский режиссер, родоначальник жанра эксцентрической кинокомедии.

Ползя к джунглям, он услышал, как ярдах в двадцати от берега днище первого катера заскрежетало по дну. В воду спрыгнули четверо человек, вооруженные винтовками.

Не вставая с колен, Сол поднял голову. По небу неслись лохматые клочья туч, в просветах появились звезды. Затем небо совсем расчистилось, и, словно перед началом третьего, заключительного акта, поднялся огромный занавес.

Хэрод понял, что ему безумно страшно. Впятером они спустились в Главный зал, где люди Барента уже поставили напротив друг друга два огромных кресла, разделенные широким пространством пола, выложенного черно-белыми клетками. Нейтралы в синих блейзерах с автоматами в руках встали возле каждого окна и двери. Целая группа охранников окружила Марию Чэнь, помощника Кеплера по имени Тайлер и пешку Вилли — Тома Рейнольдса. Через открытые панорамные двери Хэрод увидел, что ярдах в тридцати от особняка стоит вертолет Барента, а рядом — целый эскадрон нейтралов, щурившихся от яркого света прожекторов.

Похоже, лишь Барент и Вилли до конца понимали, что происходит. Кеплер продолжал ходить взад-вперед, заламывая руки, как осужденный на казнь. Джимми Уэйн Саттер пребывал в отрешенном состоянии человека, накачанного наркотиками.

— Ну и где эта ваша шахматная доска? — осведомился Хэрод.

Барент улыбнулся и направился к длинному столу эпохи Людовика XIV, заставленному бутылками, фужерами и разнообразными закусками. На другом столе находился целый набор электронной аппаратуры, а рядом стоял усатый фэбээровец по фамилии Свенсон, в наушниках с микрофоном.

— Для этой игры вовсе не требуется шахматная доска, Тони, — улыбнулся Барент. — В конце концов, это всего лишь упражнение для ума.

— И вы говорите, что играете уже несколько месяцев по почте? — спросил Джозеф Кеплер сдавленным голосом. — С тех пор, как мы выпустили в Чарлстон Нину Дрейтон в прошлом декабре?

— Нет. — Барент налил в бокал шампанского, сделал глоток и снова улыбнулся. — На самом деле мистер Борден прислал мне первый ход за несколько недель до Чарлстона.

Кеплер хрипло рассмеялся:

— Значит, в то время как вы с Саттером постоянно поддерживали с ним связь, мне продолжали внушать, что я один нахожусь с ним в контакте?

Барент бросил взгляд на священника. Тот тупо смотрел в окно.

— Преподобный Саттер общался с мистером Борденом гораздо дольше, — ответил он.

Кеплер подошел к столу и налил себе виски в высокий стакан.

— Вы использовали меня точно так же, как Колбена и Траска. — И он осушил стакан одним глотком. — Так же, как Колбена и Траска, — повторил он обреченно.

— Джозеф, — примирительным тоном произнес Барент, — Чарльз и Ниман просто оказались не в то время и не в том месте.

Дрожащей рукой Кеплер вновь наполнил стакан.

— Убитые фигуры убираются с доски, — прошептал он.

— Да! — с чувством подхватил Вилли. — Но я тоже проиграл несколько фигур. — Он посолил очищенное крутое яйцо и откусил от него большой кусок. — Мы с герром Барентом слишком беззаботно поступили со своими ферзями в самом начале игры.

Хэрод подошел к Марии Чэнь и взял ее за руку. Пальцы ее были холодными как лед. Охранники Барента стояли в нескольких ярдах от них.

— Они обыскали меня, Тони, — тихо сообщила Мария Чэнь. — Им известно об оружии в катере. Нам отрезаны все пути с острова.

Хэрод отрешенно кивнул.

— Тони, — она сжала его руку, — мне страшно.

Хэрод окинул взглядом зал. Люди Барента зажгли несколько софитов, освещавших лишь черно-белые клетки пола. На вид каждая клетка была размером в четыре квадратных фута. Хэрод насчитал восемь рядов по восемь клеток в каждом. До него наконец дошло, что это и есть шахматная доска.

— Не волнуйся, — произнес он. — Клянусь, я вытащу тебя отсюда.

— Я люблю тебя, Тони, — прошептала прекрасная азиатка.

Хэрод с минуту смотрел на нее, затем отпустил ее руку и направился к столу.

— Единственное, чего я не понимаю, герр Борден, — говорил Барент, — как это вам удалось помешать Фуллер выехать из страны? Люди Ричарда Хейнса так и не установили, что произошло в аэропорту Атланты.

Вилли рассмеялся, стряхнув с губ остатки яичного желтка.

— Телефонный звонок, — ответил он. — Обычный телефонный звонок. На протяжении многих лет я аккуратно записывал телефонные разговоры между моей дорогой Ниной и Мелани, а после мне это пригодилось. — Голос Вилли взвился фальцетом. — Ме-

лани, дорогая, это ты, Мелани? Это Нина. — Вилли взял со стола второе яйцо.

— И вы заранее выбрали Филадельфию как место розыгрыша миттельшпиля? — поинтересовался Барент.

— Нет. Я готов был играть в любом месте, куда бы ни направилась Мелани Фуллер. Впрочем, Филадельфия меня вполне устраивала, поскольку она давала моему помощнику Дженсену Лугару возможность свободно перемещаться в негритянских кварталах.

Барент горестно покачал головой:

— Там мы оба потеряли много ценных игроков. Вот результат небрежных ходов как с той, так и с другой стороны.

— Да, мой ферзь в обмен на коня и нескольких пешек. — Вилли нахмурился. — Надо было избежать слишком ранней ничьей, но в целом это не похоже на мою обычную игру в турнирах.

К Баренту подошел Свенсон и что-то прошептал ему на ухо.

— Прошу меня извинить, — промолвил миллионер и направился к столу с аппаратурой.

Через несколько минут он вернулся, явно взволнованный.

— Что это вы задумали, мистер Борден? — осведомился он сердито.

Вилли облизал пальцы и, широко раскрыв глаза, с невинным видом посмотрел на Барента.

— В чем дело? — вмешался Кеплер, переводя взгляд с одного на другого. — Что происходит?

— Несколько суррогатов вырвались из загона, — пояснил Барент. — По меньшей мере двое из охранников убиты к северу от зоны безопасности. Только что мои люди засекли чернокожего помощника мистера Бордена с женщиной-суррогаткой, привезенной на остров мистером Хэродом. Они в четверти мили отсюда, на дубовой аллее. Что вы задумали, сэр?

Вилли пожал плечами:

— Дженсен мой старый и очень ценный помощник. Я просто возвращаю его сюда для эндшпиля, герр Барент.

— А женщина?

— Признаюсь, я намеревался использовать и ее. — Немец окинул взглядом зал, в котором собрались по меньшей мере дюжины две нейтралов Барента с автоматами. На балконах тоже было полно охранников. — И уж конечно, два обнаженных безоружных суррогата не могут представлять угрозу для вас, — со смешком добавил он.

Преподобный Джимми Уэйн Саттер оторвался от окна.

— «А если Господь сотворит необычайное, — изрек он, — и земля разверзнет уста свои и поглотит их... и они живые сойдут в преисподнюю: то знайте, что люди сии презрели Господа». — И он снова повернулся к окну. — Книга Чисел, глава шестнадцатая.

— Премного благодарен, — буркнул Хэрод. Отвинтив крышку от бутылки с дорогой водкой, он начал пить прямо из горлышка.

— Молчи, Тони, — бросил Вилли. — Ну что, герр Барент, вы впустите моих бедных пешек, чтобы мы могли начать Игру?

Кеплер, с расширенными от ужаса или ярости глазами, дернул Барента за рукав.

— Убей их, — настойчиво произнес он, затем указал дрожащим пальцем на Вилли. — Убей и его. Он сумасшедший. Он хочет уничтожить весь мир только потому, что чувствует приближение собственной смерти. Убей его, пока он не...

— Хватит, Джозеф, — оборвал его Барент и кивнул Свенсону. — Приведите их сюда, мы начнем.

— Постойте, — сказал Вилли и на полминуты смежил веки. — Прибыла еще одна фигура. — Он открыл глаза и расплылся в улыбке. — Игра окажется гораздо более захватывающей, чем я предполагал, герр Барент.

Сержант СС, с пластырем на подбородке, выстрелил в Сола Ласки, и его сбросили в ров вместе с сотнями других убитых евреев. Но Сол не умер. В темноте он выбрался из мокрого рва по гладким остывающим трупам мужчин, женщин и детей, привезенных из Лодзи и сотни других польских городов. Немота в правом плече и левой ноге уступила место раздирающей боли. Он был дважды застрелен и сброшен в ров, но был все еще жив. Жив! И доведен до ярости. Ярость, бушевавшая в нем, была сильнее боли, сильнее усталости, страха и потрясений. Ему казалось, что он снова и снова ползет по обнаженным телам, лежащим на дне сырого рва, и он позволял ярости подогревать свою несгибаемую решимость остаться в живых. В кромешной тьме он все полз и полз вперед.

В некоторой степени Сол отдавал себе отчет в том, что галлюцинирует, и профессиональная часть его сознания металась в догадках: не ранения ли запустили механизм видений? Он с изумлением взирал, как накладываются друг на друга реальные события, разделенные между собой сорока годами. Но другая часть сознания воспринимала происходящее как абсолютную реальность, как ре-

шимость бороться с самой беспросветной частью его жизни, с чувством вины и одержимостью, обескровившими его существование на целых сорок лет, лишившими его любви и семейного счастья. Почему он до сих пор жив? Почему не остался со всеми во рву?

Но сейчас он был с ними.

За его спиной четверо преследователей вышли на берег и теперь перекрикивались и махали друг другу руками, растянувшись по пляжу на тридцать ярдов. То и дело короткие очереди рассекали листву. Сол сосредоточенно полз вперед в полной темноте, ощупывая почву руками и чувствуя, как песок сменяется землей, заваленной деревьями, и более вязкой трясиной. Он опустил лицо в воду и, задохнувшись, резко выпрямил спину, стряхивая с волос капли и приставшие ветки. Очки где-то потерялись, но в темноте толку от них было мало — с равным успехом он мог находиться в десяти футах и в десяти милях от нужного ему дерева. Свет далеких звезд не проникал сквозь густую листву, и лишь едва различимая белизна собственных пальцев в нескольких дюймах от лица убеждала Сола в том, что он не ослеп.

Будучи врачом, Сол не мог не задаться вопросами, как велика потеря крови, где именно засела пуля — ему не удалось найти выходного отверстия — и как долго он сможет обойтись без медицинской помощи? Но когда через секунду выстрелы винтовок разрезали листву в двух футах у него над головой, эти вопросы показались ему риторическими. С легкими шлепками в болото посыпались ветки.

— Туда! — послышался совсем рядом мужской голос. — Он пошел туда! Кетти, Саггс, за мной! Оверхольт, двигайся вдоль берега, чтобы он не вышел из зарослей.

Сол полз вперед, пока вода не достигла пояса, затем встал. Мощные фонари снопами желтого света освещали джунгли за его спиной. Он прошел вперед футов десять-пятнадцать и упал, споткнувшись о невидимое под водой бревно. Лицо его погрузилось в воду, и он непроизвольно глотнул ее.

Пока он пытался подняться на колени, прямо в глаза ему ударил луч света.

— Вот он!

Луч метнулся в сторону, и Сол прижался к гнилому бревну, когда со всех сторон снова засвистели пули. Одна срезала кусок мягкой древесины в десяти дюймах от его щеки и поскакала по поверхности болота со звуком обезумевшего насекомого. Сол ин-

стинктивно дернулся в сторону, и в это мгновение лучи фонариков скользнули по стволу высохшего дерева, расколотого молнией.

— Назад, налево! — закричал охранник.

Автоматные очереди поднимали немыслимый грохот, а плотный покров листвы лишь усугублял его, создавая впечатление, что трое стреляют в закрытом тире.

Сол встал и направился к дереву в двадцати футах от него. Луч одного из фонариков метнулся к нему, остановился и снова потерял его, пока охранник вскидывал винтовку. Пули с жужжанием проносились мимо, как рассерженные пчелы, а те, что врезались в воду, осыпали Сола брызгами. Следующая очередь гулко забарабанила по дереву, тому самому, к которому он направлялся.

Сол наконец достиг цели и запустил руку в дупло. Сумка, которую он там оставил, исчезла. Он нырнул в воду в тот момент, когда пули вонзились в изуродованное молнией дерево. Пока он продвигался по дну, цепляясь за корни, пучки водорослей и все, что попадалось под руку, все новые и новые пули со зловещим пением врезались в воду. Спрятавшись за деревом, он высунул голову, чтобы набрать воздуха, и принялся молить Бога послать ему палку, камень, любой увесистый предмет, которым он мог бы запустить в своих врагов в последние мгновения жизни. Ярость его стала всеобъемлющей, она заглушила даже боль от ран. Солу казалось, что ярость превратилась в сияние над его головой, словно у Моисея, с которым тот, по преданию, спустился с горы.

И вдруг он заметил, что в трещине у самой воды что-то поблескивает.

— Выходи! — крикнул тот же охранник.

Стрельба прекратилась, и он вместе с напарником, громко шлепая по воде, начал смещаться влево, чтобы лучше прицелиться. Третий, не опуская фонарика, двинулся вправо.

Сол сжал кулак и ударил по плотной древесине в том месте, где сквозь кору просачивался свет. Раз. Два. На третий раз его кулак прошел внутрь, и пальцы сомкнулись на мокром пластике.

— Видишь его? — крикнул охранник слева. Свисавший с нижних ветвей испанский мох частично закрывал обзор.

— Черт, подойди ближе! — заорал тот, что был справа. Его фигура виднелась за изгибом ствола.

Сол вцепился в скользкий пластик и попытался вытащить сумку сквозь проделанное им узкое отверстие. Однако сумка была слишком большой. Тогда он отпустил ее и стал сдирать кору ног-

тями. Обугленная гнилая древесина отрывалась целыми клочьями, но сердцевина была твердой, как сталь.

— Я вижу его! — закричал второй охранник слева, и очередь снова заставила Сола нырнуть под воду.

Но и там он продолжил свое занятие, не обращая внимания на фонтаны брызг. Через две-три секунды грохот прекратился, и Сол вынырнул, хватая ртом воздух и отряхивая воду.

— Барри, законченный ты идиот! — орал слева один из охранников. — Я прямо на твоей линии огня, сукин ты сын!

Сол засунул руку в дупло и обнаружил там лишь воду. Сумка погрузилась еще глубже. Он обошел ствол и запустил левую руку в отверстие так глубоко, как только мог. Пальцы его сомкнулись вокруг ручки.

— Я вижу его! — снова закричал охранник справа.

Сол подался назад, ощущая простреленной лопаткой присутствие двоих человек у себя за спиной, и потянул ручку изо всех сил. Сумка приподнялась и застряла — отверстие по-прежнему было слишком узким.

Охранник справа установил фонарик и выстрелил одиночным патроном. Еще один луч высветил новое отверстие в стволе в нескольких дюймах над головой Сола. Он присел, поменял руки и снова дернул. Ничего не изменилось. Вторая пуля прошла между его правой рукой и боком. Сол понял, что охранники позади не стреляли лишь потому, что их коллега теперь находился прямо на линии огня. Он подбирался ближе, чтобы сделать третий выстрел, ни на мгновение не выпуская свою цель из луча света.

Сол ухватился за ручку обеими руками, уперся ногами в ствол и оттолкнулся от него изо всех сил. Он не сомневался, что ручка оторвется, и она все-таки оторвалась, но уже после того, как громоздкая сумка вывалилась наружу. Он подхватил ее, едва не уронив, прижал покрепче к груди, повернулся и бросился бежать.

Охранник справа выстрелил и перевел винтовку на автоматический режим. В Сола уперся другой луч и тут же потерял его, скользнув вниз, а охранник вдруг взвыл и разразился ругательствами. Справа снова раздалась очередь, на этот раз охранник сместился в сторону футов на пятнадцать. Сол бежал не останавливаясь, жалея лишь о том, что потерял очки.

Воды было уже по щиколотку, когда он споткнулся о поваленное дерево и вылетел на островок, поросший низким кустарником и болотной травой. По хлюпающим шагам он догадался, что его преследуют как минимум двое. Он бросил тяжелую сумку на зем-

лю, нащупал молнию, быстро открыл ее и разорвал внутренний водонепроницаемый мешок.

— У него там что-то есть! — крикнул охранник. — Быстрей! — И двое мужчин бросились через полосу мелководья.

Сол вытащил пакет со взрывчаткой, отшвырнул его в сторону и схватил винтовку, полученную им по наследству от Хейнса. Она не была заряжена. Стараясь не уронить сумку в воду, он нащупал магазин и вставил его в паз. Только теперь он начал понимать, что имел в виду Коэн, когда говорил, что оружие надо уметь заряжать даже с завязанными глазами.

Лучи фонариков заплясали по стволу, за которым укрылся Сол, и по звукам он догадался, что шедший впереди охранник находится не более чем в десяти футах от него и продолжает приближаться. Сол перекатился на живот, снял автомат с предохранителя движением, которое уже вошло у него в привычку, прижал к плечу приклад и выпустил целую очередь в грудь и живот охранника. Тот рванулся вперед, затем его словно подбросило в воздух, и он вместе с фонариком плюхнулся в болото. Второй преследователь остановился в двадцати футах справа от Сола и прокричал что-то неразборчивое. Сол выстрелил прямо в луч света. Раздался звон стекла, потом крик — и полная тишина.

Он различил в футе от себя призрачное зеленоватое мерцание и догадался, что это все еще светит под водой фонарик первого убитого им охранника.

— Барри? — донесся тихий голос слева, оттуда, где двое мужчин пытались обойти дерево. — Дон? Какого черта, что происходит? Я ранен. Хватит шататься вокруг.

Сол вытащил из сумки еще одну обойму, закинул обратно взрывчатку и, стараясь придерживаться мелководья, быстро двинулся влево.

— Барри? — снова раздался голос, уже с расстояния футов в двадцать. — Я выбираюсь отсюда. Я ранен. Кретин, ты попал мне в ногу!

Сол крался вперед, делая движения лишь тогда, когда охранник издавал какие-нибудь звуки.

— Эй! Кто там? — донеслось из темноты.

Сол отчетливо расслышал, как щелкнул затвор. Прижавшись спиной к дереву, он прошептал:

— Это я, Оверхольт. Посвети-ка нам.

— Черт, — выругался охранник, включая фонарик.

Сол выглянул из-за дерева и увидел человека в серой форме службы безопасности. Левая штанина у него была в крови. В руках он держал «узи», одновременно возясь с фонариком. Сол убил его одним выстрелом в голову.

Форма службы безопасности представляла собой цельный комбинезон с молнией спереди. Сол выключил фонарик, стащил с трупа одежду и натянул ее на себя. С берега доносились отдаленные крики. Комбинезон оказался ему велик, ботинки жали даже без носков, но никогда еще в своей жизни Сол Ласки не испытывал такого восторга от одежды. Он нащупал в воде кепку с длинным козырьком и натянул ее на голову.

Сунув под мышку М-16 и прихватив «узи», для которого он нашел три дополнительные обоймы в глубоких карманах комбинезона, Сол прицепил фонарик к ремню и двинулся обратно, туда, где оставил сумку. Пакеты со взрывчаткой, патроны и кольт не промокли и были вполне боеспособны. Он затолкал «узи» в сумку, застегнул ее, перебросил через плечо и начал выбираться из болота.

Вторая лодка стояла ярдах в двадцати от берега, и четвертый охранник, оставшийся на пляже, теперь присоединился к пяти вновь прибывшим. Когда Сол появился с западной стороны бухты, тот окликнул его:

— Дон, это ты?

Сол потряс головой.

— Барри, — сказал он, прикрыв рот рукой.

— Что там была за стрельба? Вы его взяли?

— На восток! — загадочно ответил Сол, махнув рукой вдоль берега.

Трое охранников, вскинув винтовки, потрусили в указанном направлении. Один из них вытащил рацию и что-то быстро затараторил. Два катера, курсировавшие за волнорезами, развернулись к востоку и направили свои прожектора на стену деревьев.

Сол подошел к первому катеру, вытащил из песка маленький якорь, забрался внутрь и осторожно положил сумку на пассажирское место. Ремень сумки был испачкан его кровью, сочившейся из раны под лопаткой.

Катер имел два огромных мотора, но для того, чтобы включить зажигание, нужен был ключ. Слава богу, он оказался вставленным в отверстие приборного щитка. Сол завел двигатели, дал задний ход, подняв целый фонтан песка и пены, миновал полосу прибоя и рванул в открытый океан. Затем развернул катер на восток, на полной скорости обошел северо-восточный выступ острова и с ре-

вом устремился на юг, делая сорок пять узлов в час. Передатчик что-то шипел и хрипел, и он выключил его. Направлявшийся к северу катер посигналил ему огнями, но Сол не обратил на это никакого внимания.

Он опустил М-16 пониже, чтобы на винтовку не попадали соленые брызги. Капли воды поблескивали на его заросшем щетиной лице и освежали, как холодный душ. Сол знал, что потерял много крови и продолжает терять ее — нога по-прежнему кровоточила, а комбинезон просто прилип к спине... Но даже несмотря на это, решимости у него не убавилось.

На расстоянии мили уже показался зеленый огонь в конце длинного пирса, того самого, который вел к дубовой аллее и дальше, к особняку и Вильгельму фон Борхерту.

Глава 68

Чарлстон
Вторник, 16 июня 1981 г.

Полночь уже миновала, но Натали Престон все еще казалось, что она завязла в ночном кошмаре, который преследовал ее в детстве. Случай, происшедший во время похорон матери, довел ее до такого состояния, что все лето и осень она по меньшей мере раз в неделю просыпалась с криком и бежала искать защиты у отца.

Похоронная процедура осуществлялась по старомодному образцу, и на протяжении многих часов в морг шли и шли посетители, желавшие попрощаться. Собравшиеся друзья и родственники сидели у открытого гроба уже целую вечность, как казалось Натали. Все последние два дня она проплакала, и слез у нее больше не осталось. Она сидела в скорбной тишине, держа отца за руку. Через какое-то время ей захотелось в туалет, отец собрался отвести ее, но тут прибыла очередная группа пожилых родственников, и проводить Натали вызвалась тетя. Пожилая дама взяла девочку за руку, и они пошли по длинным коридорам, миновали несколько дверей и лестничный пролет, прежде чем добрались до туалетной комнаты.

Когда Натали вышла, оправляя юбку своего жестко накрахмаленного темно-синего платья, тети почему-то не было. Девочка уверенно свернула налево, вместо того чтобы идти направо, прошла

через коридоры и лестничные площадки и заблудилась. Однако это не испугало ее. Она знала, что бóльшую часть первого этажа занимали часовня и притворы, и решила, что если будет открывать подряд все двери, то рано или поздно найдет отца. Не знала она лишь того, что черная лестница вела прямо в подвал.

Через два дверных проема Натали заглянула в большую пустую комнату, затем распахнула третью дверь, и свет, лившийся из коридора, упал на стальные столы, подставки с огромными бутылями, в которых колыхалась темная жидкость, и длинные иглы с тонкими резиновыми шнурами. Девочка в ужасе прикрыла рот рукой и попятилась, потом повернулась и побежала через широкие двойные двери.

Когда глаза ее привыкли к полутьме — занавешенные окна едва пропускали свет, — она уже почти пересекла огромное помещение, заполненное большими ящиками, но остановилась. Ничто не нарушало смрадный покой, а ящики вокруг нее оказались вовсе не ящиками, а гробами. Тяжелое темное дерево словно поглощало слабый свет. У нескольких гробов створки крышек были открыты, как у гроба матери Натали. Не далее чем в пяти футах стоял маленький гробик размером с нее саму с серебряным распятием на крышке. Много лет спустя Натали поняла, что попала тогда просто на склад гробов, но в тот момент она была уверена, что осталась одна в окружении мертвецов. Она ожидала, что вот-вот из гробов начнут подниматься синеватые трупы, поворачиваться к ней и открывать глаза, как в фильмах ужасов, которые они с отцом смотрели по пятницам.

Впереди виднелась еще одна дверь, но казалось, что до нее тысячи миль, а главное, чтобы туда попасть, девочке нужно было пройти в непосредственной близости от нескольких гробов. Она двинулась вперед медленным шагом, не спуская глаз с двери, ожидая, что в нее вот-вот вцепятся бледные руки. Натали не позволила себе ни закричать, ни побежать. День был слишком важным для нее — похороны любимой мамы.

Она все-таки прошла через комнату, поднялась по освещенной лестнице и оказалась в коридоре неподалеку от входной двери.

«Вот ты где, дорогая!» — воскликнула пожилая тетя и повела девочку к отцу в соседнее помещение, по дороге успокаивая ее и убеждая больше не убегать.

Уже много лет Натали не вспоминала тот кошмар, но вот теперь, сидя в гостиной Мелани Фуллер напротив Джастина, глядевшего на нее своими безумными старческими глазами, утоплен-

ными в бледном пухлом личике, она пережила то же самое ощущение ужаса. Будто и в самом деле крышки гробов открывались, сотни мертвецов вставали, тянули к ней свои руки и тащили к маленькому гробику, предназначенному для нее.

— О чем задумалась, моя милая? — раздался старушечий голос из уст сидевшего напротив ребенка.

Натали вздрогнула и очнулась. После бессмысленного визга двадцать минут назад это были первые произнесенные нормальным тоном слова.

— Что происходит? — спросила она.

Джастин пожал плечами и широко улыбнулся. Его молочные зубы казались остро заточенными.

— Где Сол? — Пальцы девушки скользнули к кнопке на поясе. — Говори! — прикрикнула она.

В течение последних двадцати семи часов она несколько раз ловила себя на том, что почти хочет, чтобы старая ведьма внедрилась в ее сознание и тем самым запустила действие взрывного механизма. Пребывание в постоянном страхе настолько утомило ее, что временами ей хотелось только одного: чтобы все это побыстрее закончилось. Она не знала, уничтожит ли взрывчатка старуху на таком расстоянии, но не сомневалась, что зомби Мелани не дадут ей подобраться ближе.

— Где Сол? — повторила Натали.

— Его забрали, — небрежно ответил мальчик.

Натали вскочила. Тени в соседних комнатах зашевелились.

— Ты лжешь! — крикнула она.

— Да ну? — улыбнулся Джастин. — Зачем мне это надо?

— Что случилось?

Он снова пожал плечами и демонстративно зевнул:

— Нина, мне пора спать. Почему бы нам не продолжить этот разговор утром?

— Говори! — закричала Натали, снова потянувшись к кнопке.

— Хорошо-хорошо, — надулся мальчик. — Твой еврейский друг убежал от охранников, но человек Вилли поймал его и отвел в особняк.

— В особняк? — выдохнула Натали.

— Да, в особняк, — передразнил ее Джастин и стукнул каблуком ботинка по ножке кресла. — Вилли и мистер Барент хотят поговорить с ним. Они собираются играть.

Натали оглянулась и заметила, как в коридоре что-то шевельнулось.

— Сол ранен?

Джастин пожал плечами.

— Он еще жив?

Мальчик скорчил гримасу:

— Я же сказала, Нина, они хотят поговорить с ним. А разве можно разговаривать с мертвецом?

Натали закусила губу, обдумывая ситуацию.

— Пора приступать к тому, о чем мы договаривались.

— Нет, не пора, — заскулил ребенок. — Ситуация совсем не похожа на то, что ты мне обещала. Они просто играют.

— Ты лжешь, — сказала Натали. — Они не могут играть, если человек Вилли отсутствует, а Сол в особняке.

— Это другая игра, — пояснил Джастин, неодобрительно качая головой от ее недогадливости.

Натали то и дело забывала, что он всего лишь плоть, которой манипулирует старая ведьма, лежащая наверху.

— Они играют в шахматы, — добавил он.

— В шахматы? — переспросила Натали.

— Да. И тот, кто победит, будет определять следующую партию. Вилли хочет играть на бóльшие ставки. — Джастин старчески покачал головой. — Его всегда по-вагнеровски тянуло к Армагеддону. Думаю, в нем говорит немецкая кровь.

— Сол ранен и отправлен в особняк, где они играют в шахматы, — монотонным голосом повторила Натали.

Она вспомнила, как более полугода назад они с Робом слушали историю доктора Ласки о лагерях и полуразрушенном замке в польском лесу, где молодой оберст бросил вызов старику-генералу в финальной игре.

— Да-да, — радостно закивал Джастин. — Мисс Сьюэлл тоже будет участвовать в игре. В команде мистера Барента. Он очень симпатичный.

Они с Солом обсуждали, что ей надо будет делать, если их план сорвется. Он советовал Натали бросить сумку со взрывчаткой, поставив таймер на сорок секунд, и бежать, даже если это означало, что Баренту и его команде удастся спастись. Второй вариант — продолжать блефовать, давя на Мелани, чтобы все-таки добраться до Барента и остальных членов Клуба Островитян.

Теперь Натали увидела третью возможность. До рассвета по меньшей мере шесть часов. Она вдруг осознала, что тревога за Сола гораздо сильнее ее стремления к справедливости и желания отомстить за отца. К тому же она знала, что все обсуждавшиеся планы

отступления Сола были пустыми разговорами, — на самом деле он не собирался отступать. По логике, она должна оставаться здесь и следовать намеченному плану, но сердце ее разрывалось от страстного желания спасти Сола, если это еще было возможно сделать.

— Я выйду на несколько минут, — решительно заявила Натали. — Если Барент попытается сбежать или возникнут другие непредвиденные обстоятельства, делай именно то, о чем мы договаривались. Я не шучу, Мелани, и не потерплю промашек. Твоя собственная жизнь зависит от этого. Если ты не сделаешь того, что должна, можешь не сомневаться: члены Клуба Островитян прикончат тебя, впрочем я опережу их. Ты поняла меня, Мелани?

Джастин смотрел на нее с легкой улыбкой.

Натали круто повернулась и направилась к выходу. В темноте перед ней кто-то метнулся в сторону и исчез в столовой. Джастин двинулся следом. На площадке лестницы слышался шорох, из кухни тоже доносились неясные звуки. Девушка остановилась в прихожей, не убирая пальца с красной кнопки. Кожа головы болела от клейкой ленты, которой были закреплены электроды.

— Я вернусь до рассвета, — пообещала она.

Джастин улыбнулся, лицо его сияло в слабом зеленом свечении, лившемся со второго этажа.

Зубатка ждал уже более шести часов, когда из дома Фуллер наконец появилась Натали. Это не входило в заранее проработанный план. Он дважды нажал кнопку передатчика, который Джексон назвал «раздолбанной рухлядью», и присел в кустах, посмотреть, что происходит. Он еще не видел Марвина, но знал, что, если увидит, сделает все для спасения своего старого главаря от мадам Вуду.

Быстрым шагом Натали пересекла двор и остановилась у ворот, пока неизвестный Зубатке белый ублюдок открывал их. Не оглядываясь, она перешла улицу и повернула направо, к переулку, где прятался он, вместо того чтобы идти налево к машине Джексона. Это был условный сигнал, что за ней могут следить. Зубатка еще три раза нажал кнопку передатчика, сообщая тем самым Джексону, что надо объехать квартал до условленного места встречи, потом присел ниже и стал ждать.

Как только Натали скрылась из виду, из ворот дома Фуллер выскочил человек и, пригнувшись, бросился к противоположной стороне улицы. В свете фонаря Зубатка заметил, как блеснула сталь ствола. Большой автоматический пистолет.

— Черт, — прошипел он, выждал еще минуту, убедиться, что больше никого нет, и, прячась за припаркованными машинами, проскользнул на восточную сторону улицы.

Зубатка не знал этого человека со стволом — он был слишком мал для того ублюдка, который открывал ворота, и слишком белым для Марвина. Бесшумно добежав до угла, он прополз под кустами и высунул голову. Девушка уже прошла полквартала и теперь собиралась переходить на другую сторону улицы. Тень с пистолетом медленно скользила за нею. Зубатка четыре раза нажал кнопку передатчика и двинулся следом. Черные брюки и ветровка делали его практически невидимым.

Он надеялся, что Натали отсоединила детонатор от этой чертовой Си-4. От взрывчатки Зубатке становилось не по себе. Он видел, что осталось от его лучшего друга Лероя, когда этот безумный малый подорвал шашку, которую таскал при себе. Зубатка не боялся смерти — он не надеялся дожить и до тридцати, но хотел лежать красивым в большом гробу, в своем лучшем семисотдолларовом костюме и чтобы Марси, Шейла и Белинда плакали над ним.

Предупрежденный четырехкратным сигналом, Джексон рванул по улице и прижался к левому тротуару, чтобы прикрыть Натали, пока она открывала дверцу машины. Тот, с пушкой, обеими руками схватил оружие, установил его на крыше припаркованного «вольво» и начал целиться в ветровое стекло машины с той стороны, где сидел Джексон.

«Похоже, вечером у мадам Вуду был не один чай со сливками, — подумал Зубатка. — Видать, здорово достали старую шлюху». В своих бесшумных пятидесятидолларовых кроссовках он подбежал к белому ублюдку и сделал подсечку. Тот ударился подбородком о крышу «вольво», и Зубатка вдобавок треснул его лицом о стекло, после чего выхватил пистолет и на всякий случай зафиксировал пальцем курок. «Людей убивают не люди, — рассуждал он, оттаскивая тело подальше от тротуара, — а поганые стволы».

Джексон дважды нажал кнопку своего передатчика и завел мотор. Зубатка оглянулся, убедился, что человек с винтовкой без сознания, но дышит, и только тогда спросил:

— Эй, братишка, что происходит?

— С девушкой все в порядке. Что у тебя? — Дешевый микрофон и слабая мощность исказили голос Джексона.

— Ублюдку с большой пушкой не понравилось твое лицо, старик. Сейчас он отдыхает.

— Как отдыхает? — проскрежетал голос Джексона.

— Дремлет. Что с ним делать? — У Зубатки был нож, но они решили, что, если в таком фешенебельном районе будут обнаружены трупы, это может повредить делу.

— Тихо оттащи его куда-нибудь, — ответил Джексон.

— О'кей. — Зубатка поднял бесчувственное тело и бросил в кусты. Отряхнувшись, он снова нажал кнопку передатчика. — Вы вернетесь или совсем сваливаете?

Из-за увеличившегося расстояния голос Джексона был едва слышен. Зубатка начал гадать, куда это они направляются.

— Мы вернемся позднее, — ответил Джексон. — Не горячись. Не высовывайся.

— Черт, — выругался Зубатка, — вы, значит, едете кататься, а мне сидеть здесь?

— Право старшинства, приятель. — Голос Джексона был уже еле слышен. — Я вступил в братство Кирпичного завода, когда ты еще сидел в штанах своего папаши. Не высовывайся, братишка.

— Пошел к черту.

Зубатка подождал, но ответа не последовало, и он понял, что они выехали за пределы слышимости. Он положил передатчик в карман и бесшумно двинулся обратно к своему укромному месту, вглядываясь в каждую тень, дабы удостовериться, что больше никаких военных сил мадам Вуду не выслала.

Он просидел между мусорными баками и старым забором почти десять минут, вспоминая в подробностях одну из своих любимых сцен с Белиндой в постели отеля «Челтен», когда за его спиной что-то хрустнуло. Зубатка мгновенно вскочил, на ходу раскрывая лезвие стилета. Стоявший сзади человек казался ненастоящим — слишком огромным и без единого волоса на голове.

Одним взмахом своей мощной ладони Калли выбил нож из руки парня, затем правой рукой схватил худого негра за горло и поднял его в воздух.

Зубатка задохнулся, перед глазами у него все поплыло, но, даже находясь в тисках этой массивной туши, оторвавшей его от земли, он умудрился дважды лягнуть Калли в пах и так ударить по ушам лысого ублюдка, что у того могли лопнуть барабанные перепонки. Однако чудовище даже не поморщилось. Зубатка потянулся пальцами к его глазам, но огромные руки на его горле сомкнулись еще плотнее, а потом раздался громкий хруст ломающихся позвонков.

Великан бросил бьющегося в агонии негра на землю и с безучастным видом стал наблюдать за ним. Агония длилась почти три минуты, сломанная шея перекрыла доступ воздуха в легкие.

В конце концов Калли пришлось наступить своим массивным ботинком на сотрясающееся и мечущееся тело. Затем он достал нож и произвел несколько экспериментов. Убедившись, что чернокожий действительно мертв, он зашел за угол, поднял бесчувственное тело Говарда и без всяких усилий перенес обоих через улицу в дом, где со второго этажа продолжал струиться слабый зеленоватый свет.

Когда Джексон с Натали были на полпути к мысу Плезант, дождь начался снова. Джексон попытался связаться с Зубаткой, но гроза и расстояние в десять миль не позволили это сделать.

— Как ты думаешь, с ним все будет в порядке? — спросила Натали.

Сев в машину, она тут же сняла с себя пояс со взрывчаткой, но датчики, которые должны были подать сигнал тревоги при первом же появлении тета-ритма, оставила. Однако Натали сомневалась, что они понадобятся, — вряд ли Мелани захочет в такой момент бросать вызов Нине. Не подписала ли она сама себе смертный приговор, признавшись в том, что не является Нининой пешкой?

— С Зубаткой? — переспросил Джексон. — Он побывал не в одной переделке. К тому же он не дурак. Кто-то же должен наблюдать, чтобы старуха за это время не удрала. — Он внимательно посмотрел на Натали; дворники монотонно шуршали по залитому дождем ветровому стеклу. — У нас что, изменились планы?

Она кивнула.

Джексон пожевал зубочистку.

— Ты собираешься на остров?

— Откуда ты знаешь? — выдохнула Натали.

— Сегодня днем ты звонила одному пилоту и предупреждала, что для него может найтись дело.

— Да, — призналась она, — но тогда я думала о завтрашнем дне, когда все будет уже позади.

— А ты уверена, что завтра все будет позади, Натали?

Девушка смотрела прямо перед собой через мокрое стекло.

— Да, я уверена! — решительно ответила она.

Дэрил Микс стоял в кухне своего трейлера, закутавшись в синий халат, и, прищурившись, смотрел на двух вымокших гостей.

— А откуда мне знать, что вы не какие-нибудь террористы, пытающиеся втянуть меня в свою безумную затею? — осведомился он.

— Поверь мне на слово, — ответила Натали. — Барент и его группа захватили моего друга Сола, и я хочу вызволить его.

Микс почесал седую щетину:

— Кстати, по дороге сюда никто из вас двоих не заметил, что там льет как из ведра и условия просто штормовые?

— Да, — кивнул Джексон, — мы заметили.

— И вы по-прежнему хотите оплатить полет на самолете?

— Хотим, — сказала Натали.

— Не знаю, каковы расценки для такой экскурсии, — бросил Микс, открывая банку с пивом.

Натали достала из-под свитера толстый конверт и положила его на кухонный стол. Микс заглянул внутрь, кивнул и отхлебнул пива.

— Здесь двадцать одна тысяча триста семьдесят пять долларов, — сообщила она.

Микс почесал в затылке.

— Разбила по такому случаю свинью-копилку палестинского Фронта национального освобождения, а? — ухмыльнулся он и сделал еще один большой глоток. — Хотя какого черта! Отличная ночка для полета. Подождите здесь, пока я не переоденусь. Наливайте себе пиво, если у вас в КГБ это не запрещено.

Дождь лил не переставая, скрывая из виду маленький ангар, освещенный прожекторами.

— Я тоже лечу, — сказал Джексон.

— Нет. — Натали, поглощенная своими мыслями, покачала головой.

— Черта с два! — прорычал Джексон и поднял тяжелую черную сумку, захваченную им из машины. — У меня плазма, морфий, бинты... полная аптечка. Что будет, если ты найдешь его, а человеку нужен врач? Ты подумала об этом? Или ты хочешь, чтобы он умер от потери крови на обратном пути?

— Хорошо, — согласилась Натали.

— Готов! — крикнул Микс из ангара. На нем была синяя кепка с вышитой белыми нитками надписью «Киты Йокогамы», древняя кожаная куртка, джинсы и зеленые кроссовки. На ремне висела кобура, из которой выглядывала инкрустированная рукоять «смит-вессона» тридцать восьмого калибра. — Только два требования! — заявил он. — Первое: если я говорю, что сесть невозможно, значит это действительно так. Тогда я оставляю себе треть ваших денег. И второе: больше не вытаскивайте свой злосчастный кольт, ес-

ли не собираетесь им пользоваться. Советую вообще не решать со мной вопросы таким образом, не то придется вам плыть всю дорогу назад, понятно?

Джексон и Натали согласно кивнули.

Натали однажды каталась с отцом на «американских горках», и у нее хватило ума больше никогда этого не делать Но их полет оказался в тысячу раз хуже.

Маленькая кабина «сессны» запотела, по ветровому стеклу струился настоящий водопад. Натали не могла даже точно сказать, когда они взлетели, разве что скачки и прыжки стали резче, а заносы — круче. Лицо Микса, освещенное снизу красноватыми огоньками приборной доски, приобрело одновременно какие-то оттенки дьявольщины и слабоумия. Натали не сомневалась, что ее лицо выглядит не лучше от ужаса, который она испытывала. Джексон время от времени ругался, когда его подбрасывало вверх, а потом опять наступала тишина, если не считать воя ветра, грохота дождя, скрежета измученных механизмов, раскатов грома и жалостного тарахтения двигателя.

— Пока неплохо, — заметил Микс. — Подняться над этой стихией нам не удастся, но мы оставим ее позади, когда доберемся до Сапело. Все идет как надо — Он повернулся к Джексону и осведомился: — Вьетнам?

— Да.

— Морская пехота?

— Врач из Сто первого.

— Когда демобилизовался?

— Не демобилизовался. Нас с двумя братишками выперли, когда южновьетнамский союзничек подорвался на собственной мине после того, как мы накурились.

— А те двое?

— Прибыли домой в полиэтиленовых мешках А мне дали еще одну ленточку, как раз вовремя, чтобы я успел проголосовать за Никсона.

— И ты проголосовал?

— Черта с два, — засмеялся Джексон.

— Да, я тоже не припомню, чтобы получал что-нибудь стоящее от политиков, — отозвался Микс.

Салон «сессны» внезапно осветило вспышкой молнии, словно прорезавшей крыло самолета. В то же мгновение порыв шквального ветра попытался перевернуть их, и они начали падать, проле-

тев едва ли не вертикально вниз футов двести, как сорвавшийся с троса лифт. Микс поправил что-то у себя над головой и постучал по прибору, в котором метался черно-белый шарик.

— Еще час двадцать, — зевнул он. — Мистер Джексон, там где-то у ваших ног стоит большой термос. И кажется, есть кое-что закусить. Почему бы нам не выпить кофе? Не хочу выглядеть негостеприимным. Мисс Престон, что я могу вам предложить? Полет в первом классе предполагает высокий уровень обслуживания пассажиров.

— Нет, спасибо. — Натали отвернулась к иллюминатору. Внизу блеснула молния, осветив обрывки черных туч, похожих на лохмотья какой-нибудь ведьмы. — Пока ничего не хочется, — добавила она и попыталась закрыть глаза.

Глава 69

Остров Долманн
Вторник, 16 июня 1981 г.

Сол сбросил скорость, и катер, проплыв еще немного, мягко коснулся пристани. В конце пирса мигнул зеленый огонь, посылая незаметный сигнал в пустую Атлантику. Сол закрепил катер, выбросил на пристань сумку и вылез сам, встав сначала на одно колено и держа М-16 наготове. Пирс и пляж были пусты. На дороге, идущей вдоль берега к югу, стояли неприкрытые карты для гольфа. Никаких других катеров у причала не было.

Он перекинул сумку через плечо и осторожно двинулся к дубовой аллее. Даже если Барент отправил большинство охранников на его поиски, он не мог поверить, что тот оставил незащищенными подходы к особняку. В любой момент ожидая выстрелов, Сол углубился в темноту под полог деревьев. Вокруг было тихо, если не считать слабого шелеста листьев при порывах легкого бриза с океана. Вдали виднелись огни особняка. Главной задачей Сола было сейчас попасть туда живым.

Он вспомнил рассказ пилота Микса о том, как освещалась дубовая аллея, когда на остров приезжали главы государств и высокопоставленные лица. Сегодня ночью здесь царила темнота. Прошло примерно полчаса, пока он, осторожно передвигаясь от дерева к дереву, не преодолел половину пути, а охранников все не было

видно. Внезапно Сола пронзила мысль, от которой его охватил еще больший ужас, чем страх перед смертью: что, если Барент и Вилли уже отбыли?

Это было вполне возможно. Барент не из тех, кто готов рисковать собой. Сол рассчитывал использовать в качестве оружия самоуверенность миллионера — каждый, кто встречался с ним, включая Сола, обрабатывался таким образом, что лишался возможности причинить ему какой-либо вред. Но что, если вмешательство Вилли в Филадельфии или неожиданный побег Сола все изменил? Забыв об опасности, он сунул винтовку под мышку и помчался по дубовой аллее.

Он пробежал всего двести ярдов, затем резко остановился, опустился на колено и поднял ствол винтовки. Под невысоким деревом лицом вниз лежало чье-то тело. Пытаясь восстановить дыхание, Сол вгляделся в темноту, в который раз пожалев, что лишился очков. Убедившись, что вокруг все спокойно, он снял с плеча сумку и подошел ближе.

Это была женщина, к тому же частично одетая. Ее спину прикрывала разорванная окровавленная рубашка, спутанные волосы падали на повернутое в сторону лицо, пальцами разведенных рук она будто царапала землю, правая нога была согнута. Вероятно, она бежала в тот момент, когда подверглась нападению. Еще раз оглядевшись, он осторожно прикоснулся к ее шее, чтобы нащупать пульс.

И тут женщина резко повернула голову. Прежде чем она успела вцепиться зубами в его левую руку, Сол увидел разинутый рот и безумные, широко раскрытые глаза мисс Сьюэлл. Она издала звериный рык. Лицо Сола исказилось судорогой, но, когда он поднял М-16, чтобы ударить женщину прикладом, с дерева на него прыгнул Дженсен Лугар.

Сол закричал и выпустил автоматную очередь, пытаясь развернуть ствол к огромному негру, но пули лишь прошили ветви и листву у него над головой. Лугар рассмеялся и выбил винтовку из руки Сола таким сильным ударом, что та отлетела футов на двадцать. Сол попробовал сопротивляться, одновременно стараясь высвободить свою кисть из бульдожьей хватки женщины. Правую руку он завел назад, надеясь нащупать лицо и глаза негра.

Лугар снова рассмеялся и приподнял тело психиатра над землей. Сол услышал, как трещит на левой руке сдираемая кожа. Затем негр развернулся и отшвырнул его в сторону. Сол больно ударился раненой ногой, перекатился на плечо, которое уже горело

как в огне, и пополз к сумке, где остались кольт и «узи». Глянув через плечо, он увидел готовое к прыжку обнаженное тело Дженсена Лугара, поблескивавшее от пота и крови, и мисс Сьюэлл, стоявшую на четвереньках, со спутанными волосами, падавшими ей на глаза. В зубах у нее болтался кусок вырванной из руки Сола плоти, по подбородку стекала кровь.

До сумки оставалось уже три фута, когда Лугар бесшумно подскочил и сильно ударил Сола босой ногой под ребра. Он четырежды перевернулся, чувствуя, как из него выходит воздух, а вместе с ним и силы, попытался подняться на колени, но в глазах уже начало темнеть.

Негр еще раз пнул Сола, отшвырнул подальше его сумку и схватил психиатра за волосы. Приблизившись вплотную, он встряхнул обмякшее тело и произнес по-немецки:

— Очнись, моя пешка. Пора нам поиграть.

Прожектора Главного зала освещали восемь рядов черно-белых квадратов. Тони Хэрод взирал на эту немыслимую шахматную доску, идущую в обоих направлениях на тридцать два фута. В тени переговаривались охранники Барента, от стола с электронной аппаратурой доносились какие-то приглушенные звуки, но на освещенном участке находились лишь члены Клуба Островитян и их помощники.

— Пока эта партия очень интересная, — усмехнулся Барент. — Хотя было несколько моментов, когда я не сомневался, что ее исходом может стать только ничья.

— Да, — согласился Вилли. Под белым пиджаком на нем была белая шелковая водолазка, что придавало немцу вид пастора, только на пленке в негативе. Его редеющие волосы блестели в свете софитов, подчеркивавшем румянец на щеках и скулах. — Я всегда предпочитал защиту Тарраша. Сейчас она вышла из моды, но я по-прежнему считаю ее эффективной, если использовать правильные вариации.

— До двадцать девятого хода игра носила чисто позиционный характер, — заметил Барент. — Мистер Борден предложил мне свою королевскую пешку, и я взял ее.

— Пешку с секретом. — Вилли, нахмурившись, смотрел на «доску».

Барент улыбнулся.

— Возможно, для менее профессионального игрока этот ход оказался бы фатальным. Но когда обмен закончился, я сохранил

пять пешек против трех мистера Бордена, — пояснил Барент всем присутствующим.

— И слона, — добавил Вилли, бросив взгляд на Джимми Уэйна Саттера, стоявшего у стойки бара.

— И слона, — кивнул Барент. — Но в эндшпиле две пешки зачастую побеждают одинокого слона.

— И кто же выигрывает? — заплетающимся языком спросил Кеплер. Он уже был пьян.

Барент потер щеку:

— Все не так просто, Джозеф. В настоящий момент черные — а я играю ими — обладают явно выраженным преимуществом. Но в эндшпиле все меняется очень быстро.

Вилли вышел на «доску»:

— Может, вы хотите поменяться сторонами, герр Барент?

— *Nein, mein Herr*[1]. — Миллионер негромко рассмеялся.

— Тогда давайте продолжим. — Вилли победоносно оглядел стоящих на границе света и тени.

Свенсон подошел к Баренту и снова что-то прошептал ему на ухо.

— Секундочку. — Хозяин повернулся к Вилли. — А что вы теперь намереваетесь делать?

— Впустите их, — велел немец.

— С чего бы это? — рассердился Барент. — Это ваши люди.

— Вот именно, — подтвердил Вилли. — Совершенно очевидно, что мой негр безоружен, а еврея я вернул обратно, чтобы он выполнил здесь свое предназначение.

— Час назад вы утверждали, что мы должны убить его, — возразил Барент.

Старик пожал плечами:

— Вы по-прежнему можете это сделать, если хотите, герр Барент. Он и так уже почти труп. Но меня тешит мысль о том, что он проделал такой сложный путь для исполнения своего долга.

— Вы продолжаете утверждать, что он прибыл на остров самостоятельно? — ухмыльнулся Кеплер.

— Я ничего не утверждаю, — ответил Вилли. — Просто прошу разрешения использовать его в игре. Мне это будет приятно. — И он с улыбкой взглянул на Барента. — К тому же, герр Барент, вы прекрасно знаете, что еврей был обработан вами. Вы можете не опасаться его, даже если у него окажется оружие.

---

[1] Нет, сударь *(нем.)*.

— Тогда зачем он сюда явился? — не унимался Барент.

Вилли рассмеялся:

— Чтобы убить меня. Ну, решайтесь. Я хочу продолжить игру.

— А как насчет женщины?

— Она была моей ферзевой пешкой, — ответил Вилли. — И я готов отдать ее вам.

— Ферзевой пешкой, — повторил Барент. — А разве ваша королева все еще в игре?

— Нет, моя королева уже покинула поле. Впрочем, вы сами можете спросить об этом пешку, когда она прибудет.

Барент щелкнул пальцами, и вперед вышло с полдюжины охранников с оружием в руках.

— Приведите их сюда, — распорядился он. — Если они сделают хоть одно подозрительное движение, стреляйте без предупреждения. Скажите Дональду, что, возможно, я отправлюсь на «Антуанетту» раньше, чем собирался. Верните патруль и удвойте охрану к югу от зоны безопасности.

Тони Хэроду очень не нравилось происходящее. Насколько он понимал, у него нет способа выбраться с этого чертового острова. Вертолет Барента, готовый к взлету, ожидал за дверью, у Вилли на посадочной полосе стоял «лир», даже у Саттера был свой самолет; они же с Марией Чэнь не имели никаких шансов. В сопровождении охранников в зал вошли Дженсен Лугар и двое суррогатов, которых Хэрод привез из Саванны. Черное мускулистое тело негра предстало во всей красе. На женщине была разорванная рубашка, видимо снятая с одного из охранников. Перепачканное грязью и кровью лицо производило жуткое впечатление, но больше всего Хэрода поразили ее глаза — безумные, с невероятно расширенными зрачками. Она дико озиралась по сторонам из-под нависших спутанных волос. А вот пожилой мужчина по фамилии Ласки выглядел просто ужасно. Лугар поддерживал еврея в стоячем положении, когда они остановились в десяти шагах от Барента. Бывший суррогат Хэрода истекал кровью — она сочилась по его лицу, насквозь пропитала левую штанину комбинезона, лилась по спине. Одна рука выглядела так, словно ее пропустили через мясорубку, и кровь с нее капала на белый квадрат под ногами. Но что-то в его взгляде свидетельствовало о дерзости и отваге.

Хэрод ничего не мог понять. Совершенно очевидно, что оба суррогата — мужчина и женщина были знакомы Вилли, он даже признал, что один из них когда-то являлся его пешкой, однако Барент,

похоже, продолжал считать, что оба несчастных пленника явились на остров по собственной воле. Вилли упомянул, что еврей подвергся обработке со стороны Барента, но миллионер явно не имел никакого отношения к его проникновению на остров. Похоже, он продолжал относиться к нему как к независимому лицу. А диалог с женщиной выглядел еще более загадочным. Хэрод пребывал в полной растерянности.

— Добрый вечер, доктор Ласки, — мягко обратился Барент к истекающему кровью человеку. — Сожалею, что не узнал вас сразу.

Тот ничего не ответил. Взгляд его метнулся к креслу, где восседал Вилли, и больше уже не отрывался от немца, даже когда Лугар с силой повернул его голову к Баренту.

— Это ваш самолет приземлился на северном берегу несколько недель назад? — осведомился Барент.

— Да, — ответил психиатр, не сводя глаз с Бордена.

— Умный ход, — одобрил Барент. — Жаль, что ваша операция сорвалась. Вы признаете, что явились сюда с целью убить нас?

— Не всех, — сказал Ласки, — только его. — Он не стал указывать на Бордена, да в этом и не было необходимости.

— Ясно, — кивнул Барент, потирая щеку. — Ну что ж, доктор Ласки, вы по-прежнему намереваетесь убить нашего гостя?

— Да.

— Вас это не волнует, герр Борден? — осведомился миллионер.

Вилли расплылся в улыбке.

И тогда Барент сделал нечто невероятное. Он встал с кресла, в котором сидел с момента появления трех суррогатов, подошел к женщине, взял ее грязную руку и нежно поцеловал.

— Герр Борден поставил меня в известность, что я имею честь обращаться к мисс Фуллер, — промолвил он слащавым голосом. — Это так?

Женщина откинула волосы со лба и жеманно улыбнулась.

— Да, — ответила она с тягучим южным выговором. На ее зубах тоже виднелись следы засохшей крови.

— Это огромное удовольствие для меня, мисс Фуллер, — промолвил Барент, продолжая держать ее за руку. — Невозможность встретиться с вами раньше очень огорчала меня. Но не скажете ли вы, что привело вас на мой островок?

— Чистое любопытство, — ответило привидение с расширенными зрачками. Она переступила с ноги на ногу, и Хэрод заметил в разрезе рубашки треугольник темных волос на лобке.

Барент, все еще улыбаясь, продолжал перебирать пальцы женщины.

— Понимаю, — ответил он. — Но вам совершенно незачем было являться инкогнито, мисс Фуллер. Ваше личное присутствие на острове всегда желанно для нас, и я уверен, что... э-э-э... в гостевом крыле особняка вы будете чувствовать себя удобно.

— Благодарю вас, сэр, — улыбнулась суррогатка. — Я временно не могу воспользоваться вашим приглашением, но, когда состояние моего здоровья улучшится, непременно сделаю это.

— Отлично. — Барент поклонился, отпустил ее руку и уселся в свое кресло; охранники слегка расслабились и опустили стволы автоматов. — Мы как раз собирались закончить нашу шахматную партию, — продолжил Барент. — Новые гости должны присоединиться к нам. Мисс Фуллер, не окажете ли вы мне честь и не позволите ли вашей суррогатке играть на моей стороне? Уверяю вас, что она не подвергнется никакой опасности.

Женщина одернула подол рубашки и попыталась кое-как пригладить волосы.

— Это вы мне окажете честь, сэр, — ответила она.

— Замечательно! — воскликнул Барент. — Герр Борден, как я понимаю, вы собираетесь воспользоваться двумя своими фигурами?

— Да, — подтвердил Вилли. — Моя старая пешка принесет мне удачу.

— Итак, вернемся к тридцать шестому ходу?

Старик кивнул.

— Предыдущим ходом я взял вашего слона, — напомнил он. — Вы передвинули короля к центру.

— Ах, как прозрачна моя стратегия для такого блестящего гроссмейстера! — притворно вздохнул Барент.

— Вы правы. — Вилли горделиво кивнул. — Ну что ж, начнем.

Когда самолет вырвался из грозовых туч где-то к востоку от островов Сапело, Натали вздохнула с облегчением. Штормовой ветер продолжал крутить «сессну», океан внизу по-прежнему вскипал белыми барашками волн, но подъемы и провалы стали более плавными.

— Осталось минут сорок пять. — Микс вытер рукой мокрое лицо. — Из-за встречного ветра время полета увеличилось почти на полчаса.

— Ты действительно считаешь, что они дадут нам приземлиться? — наклонившись к Натали, тихо спросил Джексон.

Девушка прижалась щекой к иллюминатору:

— Если старуха сделает то, что обещала, возможно, и дадут.

У Джексона вырвался смешок.

— А ты полагаешь, она сделает?

— Не знаю. Главное — вытащить оттуда Сола. По-моему, мы сделали все возможное, чтобы убедить Мелани: действовать по плану — в ее же интересах.

— Да, но ведь она сумасшедшая, — возразил Джексон. — А сумасшедшие не всегда действуют в собственных интересах.

Натали улыбнулась:

— Думаю, это отчасти объясняет, почему мы здесь находимся.

Джексон ласково тронул ее за плечо:

— А ты подумала, что будешь делать, если они убьют Сола?

Натали вздрогнула и стиснула зубы:

— Мы заберем его тело... А потом я вернусь и убью эту тварь в Чарлстоне.

Джексон вздохнул, откинулся на спинку сиденья, и уже через минуту послышалось его сонное дыхание. Натали смотрела на океан, пока не стало больно глазам, потом повернулась к пилоту. На лице Микса застыло странное выражение. Встретившись с ней взглядом, он поправил свою кепку и вновь занялся приборами.

Раненый, истекающий кровью, с трудом держась на ногах и усилием воли сохраняя уплывающее сознание, Сол был несказанно рад, что очутился здесь. Он неотрывно смотрел на оберста. После сорока лет поисков он, Соломон Ласки, наконец оказался в одном помещении с Вильгельмом фон Борхертом.

Положение было не из лучших. Сол разыграл все как по нотам, он даже позволил Лугару справиться с собой, хотя реально имел возможность вовремя добраться до оружия, позволил лишь потому, что лелеял слабую надежду встретиться с оберстом. Именно этот сценарий он обсуждал с Натали несколько месяцев назад, когда они пили кофе в благоухавших апельсинами израильских сумерках, но обстоятельства сложились иначе. Он мог оказать сопротивление нацистскому убийце только в том случае, если тот попробует воздействовать на его психику. Сейчас же здесь присутствовали все мутанты — Барент, Саттер, некто по имени Кеплер, даже Хэрод и суррогатка Мелани Фуллер, и Сол опасался, что кто-

нибудь из них завладеет его сознанием, лишив единственной возможности удивить оберста. К тому же в сценарии, который он рисовал Натали, встреча со стариком всегда происходила один на один и Сол оказывался физически сильнее. Теперь же он прилагал все усилия для того, чтобы только не упасть, его кровоточащая левая рука безвольно повисла, под лопаткой засела пуля, оберст же выглядел бодрым и отдохнувшим в окружении по меньшей мере двух идеально обработанных пешек и еще полдюжины охранников, которых он мог призвать одним усилием воли. К тому же Сол не сомневался, что люди Барента не дадут ему сделать и трех шагов.

И тем не менее он был счастлив. Не было на свете такого места, где бы он хотел оказаться больше, чем здесь. Сол тряхнул головой, чтобы сосредоточиться на происходящем. Барент и оберст занимались расстановкой одушевленных фигур. Второй раз в течение этой бесконечной ночи у Сола начались галлюцинации. Все поплыло у него перед глазами, будто отражаясь в покрытой рябью водной глади, и он отчетливо увидел лес и камни польской крепости, где солдаты зондеркоманды в серых мундирах развлекались под вековыми шпалерами, а в кресле сидел старик с генеральскими погонами, похожий на высохшую куколку какого-то насекомого. Тени, отбрасываемые факелами, плясали по камням и изразцам, падая на бритые головы тридцати двух еврейских заключенных, безвольно стоявших между двумя немецкими офицерами. Юный оберст убрал со лба прядь белокурых волос, оперся локтем о колено и улыбнулся Солу.

— *Willkommen, Jude*[1], — произнес он.

— Начнем, — скомандовал Барент. — Джозеф, встаньте на третье поле королевского слона[2].

Кеплер отшатнулся с ужасом на лице:

— Вы, наверное, шутите? — Он попятился, налетел на стол и опрокинул стоявшие на нем фужеры.

— Отнюдь, — ответил Барент. — И поскорей, пожалуйста, Джозеф. Мы с герром Борденом хотим уладить все прежде, чем станет слишком поздно.

— Пошли вы к черту! — заорал Кеплер и с такой силой сжал кулаки, что у него на шее выступили жилы. — Я не позволю ис-

---

[1] Добро пожаловать, еврей *(нем.)*.

[2] Здесь и далее используется так называемая описательная нотация, вытесненная в Англии и США привычной нам алгебраической только к 1980-м гг.

пользовать себя как какого-нибудь долбаного суррогата, пока вы там...

Голос его оборвался, словно иголка проигрывателя съехала с испорченной пластинки. Он еще секунду шевелил губами, но не мог издать ни единого звука. Лицо его побагровело, затем сделалось синим, и он рухнул на пол. Руки изогнулись назад, словно их зверски заломил кто-то невидимый, щиколотки прижались друг к другу, будто связанные, и он задергался, как в припадке, скачками продвигаясь вперед. При каждом рывке его грудь и подбородок с размаху ударялись об пол. Таким образом, Джозеф Кеплер, оставляя на белых квадратах кровавые следы от разбитого подбородка, проделал весь путь до указанной позиции. Наконец Барент ослабил контроль, и по телу Кеплера пробежала судорога облегчения.

— Встаньте, пожалуйста, Джозеф, — тихо произнес он. — Мы хотим начать игру.

Кеплер в ужасе посмотрел на миллионера и, не говоря ни слова, встал. Его дорогие итальянские брюки пропитались мочой и кровью.

— Вы собираетесь всех нас Использовать подобным образом, брат Кристиан? — осведомился Джимми Уэйн Саттер. Проповедник топтался на краю импровизированной шахматной доски, его седые волосы поблескивали в лучах прожекторов.

— Я не вижу в этом никакой необходимости, Джеймс, — улыбнулся Барент. — Если, конечно, никто не будет препятствовать завершению нашей партии. А вы, герр Борден?

— Да, — согласился Вилли. — Джимми, ты, как мой слон и единственная оставшаяся у меня фигура, не считая короля и пешек, встанешь рядом с пустой клеткой ферзя.

Саттер поднял голову, на лбу у него выступили капельки пота.

— А у меня есть выбор? — спросил он. Его театральный голос звучал хрипло и надтреснуто.

— *Nein*, — резко ответил Вилли. — Ты должен играть.

Саттер повернулся к Баренту.

— Я имею в виду, на чьей стороне играть? — пояснил он.

Миллионер приподнял бровь:

— Ты долго и верно служил мистеру Бордену. Неужели ты теперь переметнешься на другую сторону, Джеймс?

— «Верующий в Сына имеет жизнь вечную, — пробормотал Саттер, — а не верующий в Сына не увидит жизни...» Иоанн, глава третья, стих тридцать шестой.

Барент усмехнулся и потер подбородок:

— Герр Борден, похоже, ваш слон собирается дезертировать. Вы не возражаете, если он закончит игру на стороне черных?

На лице Вилли появилось обиженное выражение.

— Забирайте его, к черту! — воскликнул он. — Мне не нужны жирные педерасты.

— Ну что ж, Джеймс, — обратился Барент к вспотевшему проповеднику, — ты будешь левой рукой короля. — И он указал на белую клетку перед черной королевской пешкой, которая начинала игру.

Саттер занял место на «доске» рядом с Кеплером.

У Сола появилась надежда, что во время партии игроки не будут вторгаться в сознание своих пешек. Это оттягивало момент, когда оберст мог проникнуть в его мозг.

Вилли наклонился вперед в своем массивном кресле и тихо рассмеялся:

— Ну, если мне отказано в моем главном союзнике, тогда я с удовольствием повышу в звании свою старую пешку и произведу ее в слоны, иначе в епископы. Пешка, ты понимаешь? Иди сюда, еврей, и получи свою митру и посох.

Сол поспешно, пока его не подтолкнули, пересек освещенное пространство поля и встал на черный квадрат в первом ряду. Теперь его отделяло от оберста всего восемь футов, но между ними находились Лугар и Рейнольдс, к тому же охранники Барента не спускали с него глаз. Он уже по-настоящему страдал от боли — левая нога занемела и ныла, плечо горело, но Сол старался не показывать этого.

— Как в старые добрые времена, да, пешка? — спросил оберст по-немецки. — Прошу прощения, я имел в виду — герр слон. — И он рассмеялся. — Теперь у меня остались еще три пешки. Дженсен, пожалуйста, на ка-пять. Тони — на кью-ар-три. Том будет ферзевой пешкой на эн-пять.

Сол смотрел, как Лугар и Рейнольдс занимают свои места. Хэрод продолжал стоять.

— Я не знаю, что такое кью-ар-три, — произнес он.

Вилли нетерпеливо оглянулся.

— Вторая клетка перед моей ферзевой ладьей! — прорычал он. — Быстрее!

Хэрод заморгал и направился к черной клетке в левой части доски.

— Теперь ваша очередь расставлять фигуры, — обратился старик к Баренту.

Тот кивнул:

— Мистер Свенсон, если вы не возражаете, встаньте рядом с мистером Кеплером, пожалуйста.

Усатый охранник оглянулся, положил на пол свой автомат и занял место левее и чуть позади Кеплера. Сол понял, что он стал пешкой королевского коня, которая еще не совершала ходов и стояла на исходной позиции.

— Мисс Фуллер, — продолжил Барент, — не позволите ли вы вашей замечательной суррогатке проследовать на место пешки ферзевой ладьи?

Женщина, которую когда-то звали Констанцией Сьюэлл, с готовностью вышла вперед и встала через четыре пустые клетки перед Хэродом.

— Спасибо, мисс Фуллер, — поблагодарил Барент. — Мисс Чэнь, пожалуйста, рядом с мисс Сьюэлл.

— Нет! — закричал Хэрод, когда Мария Чэнь сделала шаг вперед. — Она не играет!

— Нет, играет, — возразил Вилли. — Она внесет определенное изящество в нашу игру, не правда ли?

— Нет! — снова крикнул Хэрод, поворачиваясь к старику. — Она не имеет к этому никакого отношения.

Вилли, улыбаясь, посмотрел на Барента:

— Как трогательно. Предлагаю позволить Тони поменяться местами с его секретаршей, если положение ее пешки станет... э-э-э... угрожающим. Вас это устроит, герр Барент?

— Вполне, — подтвердил тот. — Они могут поменяться местами в любой момент, когда пожелает Тони, главное, чтобы это не нарушало течения игры. Давайте же приступим. Нам все еще надо расставить своих королей. — И Барент окинул взглядом оставшуюся группу помощников и охранников.

— Нет! — Борден встал и вышел на поле. — Королями будем мы, герр Барент.

— Что вы такое говорите, Вилли? — устало спросил миллионер.

Немец развел руками.

— Это очень важная партия, — пояснил он. — Мы должны показать нашим друзьям и коллегам, что поддерживаем их. — И он занял место справа через клетку от Дженсена Лугара. — Кроме того, герр Барент, — добавил он, — короля нельзя съесть.

Барент покачал головой, но встал и прошел к клетке Q3, рядом с преподобным Джимми Уэйном Саттером.

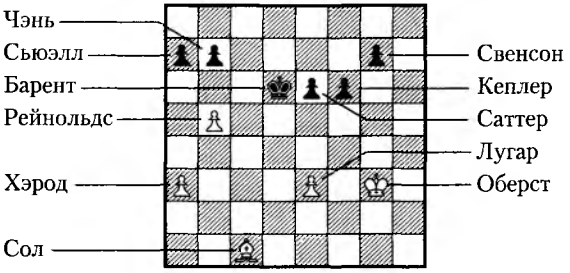
Тот посмотрел на него пустыми глазами и произнес:

— «И сказал Бог Ною: конец пришел всякой плоти, ибо она наполнила землю злодеяниями. И теперь Я сотру их с земли...»

— Заткнись, старый педик! — крикнул Тони Хэрод.

— Тихо! — приказал Барент.

В краткое мгновение последовавшей тишины Сол попытался представить себе ту позицию на доске, как она выглядела после тридцать пятого хода.

Обладая довольно скромными познаниями в шахматах, предсказать ход развития эндшпиля ему было сложно. Он знал, что предстоит схватка между гроссмейстерами высокого класса, что Барент имеет значительное преимущество в сложившейся ситуации и почти не сомневается в победе. Сол не понимал, как белые фигуры могут претендовать на нечто большее, чем ничья, даже при самом удачном раскладе, но он слышал слова оберста, что ничья будет означать победу Барента.

Одно Сол знал наверняка: оставшись единственной значительной фигурой среди трех пешек, слон будет использоваться весьма активно, даже невзирая на риск. Он закрыл глаза и попытался справиться с внезапно накатившей волной боли и слабости.

— Итак, герр Борден, — произнес Барент, — ваш ход.

Глава 70
МЕЛАНИ

В этот безумный вечер мы с Вилли наконец скрепили нашу любовь. После стольких лет.

Конечно, мы сделали это с помощью наших пешек, до того как прибыть в особняк. Предложи он подобное или даже намекни, я да-

ла бы ему пощечину, но его суррогат в образе негра-великана решил обойтись без вступлений. Дженсен Лугар просто схватил мисс Сьюэлл за плечи, швырнул ее на мягкую траву под деревом и грубо сделал свое дело. С нами. Со мной.

Тяжелое тело негра еще лежало на мисс Сьюэлл, а я невольно вспоминала наши перешептывания с Ниной, когда мы забирались с ней в одну постель. Нина, затаив дыхание, рассказывала мне, вероятно, подслушанные истории об огромных анатомических размерах и невероятной потенции цветных. Соблазненная Вилли, все еще прижатая к холодной земле тяжелым телом Дженсена Лугара, я решила переключить внимание с мисс Сьюэлл на Джастина. Пока я пребывала в легком тумане воспоминаний, негритянка заявила, что она вовсе не от Нины. Но я-то понимала, что она врет. Мне не терпелось сообщить Нине, как она тогда оказалась права насчет цветных.

Для меня это было отнюдь не обыденностью. Если не считать моего неожиданного и довольно призрачного знакомства с физической стороной любви в филадельфийском госпитале через мисс Сьюэлл, я об этом не знала ровным счетом ничего. Хотя буйное проявление страсти пешки Вилли с трудом можно было назвать любовью. Скорее это напоминало лихорадочные судороги сиамца моей тети, когда он вцеплялся в несчастную кошку, страдавшую течкой вовсе не по своей вине. А у мисс Сьюэлл, похоже, была постоянная течка, ибо она отвечала на грубые мимолетные приставания негра с такой похотливостью, какую ни одна юная особа в мое время не могла бы себе позволить.

Но как бы то ни было, дальнейшее переживание этого опыта было неожиданно прервано негром, который вдруг выпрямился и уставился в темноту, раздувая ноздри.

— Приближается моя пешка, — произнес он по-немецки и вжал мое лицо в землю. — Не двигайся. — С этими словами он вскарабкался на нижние сучья дуба, как огромная черная обезьяна.

Последовавшая глупая потасовка, абсолютно бессмысленная на мой взгляд, закончилась тем, что Дженсен Лугар поднял предполагаемого суррогата Нины по имени Сол и потащил его в особняк. После того как Нинин бедняга был сломлен, но нас еще не окружили охранники, наступило несколько чарующих мгновений, когда все фонари, прожектора и подсветка на деревьях вдруг вспыхнули, словно мы вошли в сказочное царство или приближались к Диснейленду по какому-то тайному заколдованному тоннелю.

Уход Нининой негритянки из моего дома в Чарлстоне и последовавшие за этим глупости отвлекли меня ненадолго, но к тому времени, когда Калли внес в гостиную бесчувственное тело Говарда и труп цветного самозванца, я уже была готова целиком отдаться своей встрече с К. Арнольдом Барентом.

Мистер Барент до кончиков ногтей был настоящим джентльменом и приветствовал мисс Сьюэлл со всем уважением, которого она заслуживала как моя представительница. Я сразу поняла, что за жалкой внешностью моей пешки он видит облик моей зрелой красоты. Лежа в своей постели в Чарлстоне в зеленом сиянии аппаратуры доктора Хартмана, я знала, что обаяние моей женственности в точности передается через грубый облик мисс Сьюэлл и достигает утонченных чувств К. Арнольда Барента.

Он пригласил меня играть в шахматы, и я приняла приглашение. Признаюсь, до сего момента я не испытывала к шахматам ни малейшего интереса. Мне всегда было скучно наблюдать за этой игрой, хотя Чарльз и Роджер Харрисон играли в нее постоянно. Но я так и не удосужилась выучить названия фигур или запомнить, как они ходят. Гораздо больше мне нравились оживленные игры в шашки, за которыми мы с мамашей Бут проводили дождливые вечера моего детства.

Между началом этой глупой партии и последовавшим затем разочарованием в мистере Баренте прошло некоторое время. Мне поневоле приходилось отвлекаться, чтобы послать Калли и остальных наверх и заставить их заняться приготовлениями к возможному возвращению Нининой негритянки. Несмотря на препятствия, я решила, что настало время осуществить план, составленный мною несколькими неделями раньше. Я все же продолжала поддерживать контакт с человеком, за которым наблюдала много недель во время прогулок Джастина и Нининой девицы по набережной. К этому моменту я уже решила не использовать его так, как было задумано, но поддержание с ним связи стало для меня своего рода вызовом, ведь он занимал важную позицию и пользовался сложной технической лексикой.

Позже я была более чем довольна, что потрудилась поддерживать эту связь, хотя сейчас она казалась мне лишь ненужной помехой.

Тем временем бестолковая шахматная партия между Вилли и хозяином особняка продолжалась, представляя собой какую-то сюрреалистическую картину, изъятую из оригинала «Алисы в

Стране чудес». Вилли метался взад и вперед, как Сумасшедший Шляпник. Я позволила передвигать мисс Сьюэлл, полагаясь на обещание мистера Барента не ставить ее в опасное положение. Остальные жалкие пешки и фигуры ходили туда-сюда, съедали друг друга, погибали своими смертями и убирались с доски.

Пока мистер Барент не разочаровал меня, я обращала мало внимания на их мальчишеские игры. Мне нужно было завершить свое состязание с Ниной. Я знала, что ее негритянка вернется до наступления рассвета, и, несмотря на усталость, спешила все подготовить к ее возвращению.

Глава 71

Остров Долманн
Вторник, 16 июня 1981 г.

Хэрод отчаянно пытался что-нибудь придумать. Неприятные ситуации сами по себе были довольно отвратительны, они ставили его в глупое положение, из которого нужно было искать выход. Пока Хэроду это не удавалось.

В данный момент, насколько он понимал, Вилли и Барент вполне серьезно разыгрывали шахматную партию, ставки на выигрыш в которой были очень велики. В случае победы Вилли — а Хэрод никогда не видел, чтобы старый негодяй проигрывал, — они с Барентом продолжат свое состязание на более высоком уровне, когда ставкой будет уничтожение городов и целых стран. Победа Барента предполагала сохранение статус-кво, но Хэрод не слишком надеялся на это, ведь он только что видел, как Барент пренебрег правилами Клуба Островитян лишь для того, чтобы разыграть эту чертову партию. Хэрод стоял на своей черной клетке, на расстоянии двух клеток от края доски и трех — от безумной шлюхи Сьюэлл, и пытался изобрести хоть что-нибудь. Он готов был стоять здесь до тех пор, пока не найдет выхода из этой дурацкой ситуации, но Вилли сделал первый ход и сказал:

— Пешка — на ар-четыре, прошу.

Хэрод начал озираться. Остальные смотрели на него во все глаза. Двадцать или тридцать охранников, стоявшие в тени, производили жуткое впечатление, никто из них не издавал ни звука.

— Это относится к тебе, Тони, — мягко проронил Барент. Миллионер в своем черном костюме стоял от него в десяти футах по диагонали.

Сердце Хэрода бешено заколотилось. Он испугался, что Вилли или Барент снова попытается его Использовать.

— Эй! — крикнул он. — Я в этом ни черта не понимаю! Объясните мне, куда идти.

Вилли скрестил руки на груди.

— Я уже объяснил, — проворчал он. — Ты стоишь на клетке артри, Тони. Перейди на одну клетку вперед.

Хэрод поспешно шагнул на белую плитку перед собой. Теперь его отделяла одна клетка по диагонали от белокурого зомби Тома Рейнольдса и всего две пустых — от Сьюэлл. Мария Чэнь безмолвно стояла на белом квадрате рядом с суррогаткой Мелани Фуллер.

— Послушай, у тебя три пешки! — крикнул Хэрод. — Откуда мне знать, что ты имеешь в виду меня? — Для того чтобы увидеть Вилли, ему пришлось изогнуться и заглянуть за черную тушу Дженсена Лугара.

— Сколько у меня ладейных пешек, Тони? — раздраженно бросил немец. — А теперь заткнись и не мешай.

Хэрод отвернулся и плюнул в тень, пытаясь остановить внезапную дрожь в правой ноге.

Барент ответил тут же, полностью изменив представления Хэрода о долгих минутах или даже часах размышлений игроков над очередным ходом.

— Король на ферзь-четыре, — промолвил он с ироничной улыбкой и сделал шаг вперед.

Этот ход показался Хэроду глупым. Теперь миллионер стоял впереди всех своих фигур и лишь через клетку по диагонали от Дженсена Лугара. Хэрод с трудом сдержал истерический хохот, когда вспомнил, что черный великан олицетворял собой белую пешку. Он закусил губу и с тоской подумал о своем доме в Голливуде и джакузи.

Вилли кивнул, словно ожидал этого хода, и сделал нетерпеливый жест рукой в сторону истекавшего кровью еврея:

— Слон — ладья-три.

Бывший суррогат по имени Сол прохромал три клетки по диагонали и остановился на том месте, где только что стоял Хэрод. Вблизи он выглядел еще страшнее. Комбинезон его целиком пропитался кровью и потом. Близоруко прищурившись, еврей кинул на Хэрода измученный настороженный взгляд. Тони не сомневал-

ся, что именно он накачал его наркотиками и допрашивал в Калифорнии. Ему было глубоко наплевать, что с ним будет дальше, он надеялся лишь на то, что еврей уничтожит несколько черных фигур перед тем, как его принесут в жертву.

Барент засунул руки в карманы, сделал шаг вправо по диагонали и остановился на белом квадрате прямо перед Лугаром.

— Король на ка-пять, — прокомментировал он.

Хэрод ничего не понимал в этой идиотской игре. В детстве он несколько раз играл в шахматы — ровно столько, чтобы знать названия фигур и уяснить, что игра ему не нравится. Прежде всего он избавлялся от своих пешек, а затем приступал к размену более крупных фигур. Его горячие противники никогда не ходили своими королями, кроме случаев рокировки — Хэрод уже не помнил, что это за штука, — или когда их начинали преследовать. И вот два гроссмейстера мирового уровня остаются почти ни с чем, кроме пешек, и мотают королей взад-вперед, как какие-нибудь извращенцы свои члены. «А пошли они...» — подумал Хэрод и перестал стараться что-либо понять.

Вилли и Барента разделяло всего шесть футов. Старик нахмурился, покусал губы и произнес:

— *Bauer... entschuldigen... Bischric zum Bischof funf*[1]. — Потом он посмотрел на Джимми Уэйна Саттера, стоявшего от него в десяти футах по диагонали, и перевел: — Слон на слон-пять.

Тощий еврей отер лицо и похромал по черным клеткам к Рейнольдсу. Хэрод сосчитал плитки от края «доски» и удостоверился, что это действительно пятая по полю слона, или ряду слона, или как они там это называют. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять: еврей теперь защищал позицию пешки Лугара, а по черной диагонали угрожал мисс Сьюэлл. Но похоже, та не осознавала, что ей грозит опасность. Хэрод снова посмотрел на нее, пытаясь разглядеть обнаженное тело в разрывах рубашки. Теперь, когда он восстановил в памяти основные шахматные правила, он ощущал меньшее напряжение. Пока он оставался на этом месте, ему ничто не угрожало. При прямом столкновении пешки не могли есть пешек. Справа от него, на клетку впереди, стоял Рейнольдс, защищая, так сказать, фланг Хэрода. Он снова посмотрел на Сьюэлл и решил, что, если ее как следует вымыть, она будет не так уж дурна.

— Пешка — ладья-три, — промолвил Барент и сделал учтивый жест рукой.

---

[1] Пешка... простите... Слон на слон-пять *(нем.)*.

На какое-то мгновение Хэрод с ужасом подумал, что ему опять надо передвигаться, но потом вспомнил, что Барент — черный король. Мисс Сьюэлл среагировала на жест миллионера и изящно переступила на белую клетку.

— Благодарю вас, дорогая, — сказал Барент.

У Хэрода снова бешено заколотилось сердце. Еврей-слон больше не угрожал пешке Сьюэлл, но она находилась в одном диагональном шаге от Тома Рейнольдса. Если Вилли не съест ее Рейнольдсом, она уничтожит его следующим же ходом и тогда окажется по диагонали от Хэрода.

«Черт», — подумал он.

— Пешка на конь-шесть, — без промедления среагировал Вилли.

Хэрод повернул голову, пытаясь сообразить, как он может попасть туда со своего места, но Рейнольдс пришел в движение. Белокурая пешка шагнула на черную клетку рядом с мисс Сьюэлл, оказавшись лицом к лицу с Марией Чэнь.

Хэрод облизнул внезапно пересохшие губы. Марии Чэнь пока ничего не грозило, Рейнольдс не мог ее съесть.

«О господи, — подумал он, — а что же станет с нами, пешками, когда нас будут съедать?»

— Пешка на слон-четыре, — бесстрастно ответил Барент.

Свенсон вежливо подтолкнул Кеплера. Член Клуба Островитян заморгал и сделал шаг вперед. Барент перестал выглядеть на доске таким одиноким.

— Кажется, это сороковой ход? — заметил Вилли и сделал шаг по диагонали на черную клетку. — Король на ладья-четыре.

— Пешка — слон-пять. — Барент передвинул Кеплера еще на одну клетку.

Кеплер, в своем перепачканном костюме, двигался осторожно, словно в квадрате, расположенном рядом с Барентом, могла находиться западня. Заняв новую позицию, он остался стоять у самого края клетки, не сводя глаз с обнаженного негра, расположившегося в шести футах от него, на соседней черной диагонали. Лугар смотрел на Барента.

— Пешка бьет пешку, — пробормотал Вилли.

Лугар сделал шаг вперед и вправо. Джозеф Кеплер закричал и повернулся, чтобы бежать.

— Нет-нет, — нахмурился Барент.

Кеплер замер в прыжке, мышцы его напряглись, ноги выпрямились. Не шевелясь, он смотрел на приближающегося негра. Лу-

гар остановился рядом с ним на черной клетке. В глазах Кеплера застыл ужас.

— Спасибо, Джозеф, — сказал Барент. — Ты сослужил хорошую службу. — И он кивнул Вилли.

Дженсен Лугар обеими ладонями взял угловатое лицо Кеплера, стиснул его и резким движением вывернул голову. Хруст сломанной шеи эхом отдался под сводами зала. Кеплер один раз дернулся и испустил дух, снова обмочившись при падении. По жесту Барента вперед выскочили охранники и, схватив обмякшее тело, поволокли его прочь.

Лугар остался на черной клетке один, глаза его были устремлены в пустоту. Барент внимательно посмотрел на него.

Хэрод не мог поверить, что Вилли отдаст Баренту Лугара. Уже четыре года негр был любимчиком старого продюсера и по меньшей мере дважды в неделю делил с ним постель. Вероятно, Барент тоже сомневался в этом. Он поднял палец, и из темноты выступило с полдюжины охранников, нацелив свои «узи» на Вилли и его пешку.

— Герр Борден? — спросил Барент, поднимая бровь. — Мы можем сойтись на ничьей и вернуться к установленным состязаниям. На следующий год.. кто знает?

Лицо Вилли превратилось в бесстрастную маску.

— Меня зовут герр генерал Вильгельм фон Борхерт, — ровным голосом произнес он. — Ходите.

Барент помедлил, затем кивнул своим охранникам. Хэрод ожидал шквала огня, но они лишь удостоверились, что траектории выстрелов свободны, и замерли в готовности.

— Что ж, пусть будет так. — Барент положил на плечо Лугара свою бледную руку.

Уже позднее Хэрод думал, что смог бы воспроизвести на экране то, что последовало дальше, при неограниченном бюджете, дюжине техников по гидравлике и работе с искусственной кровью, плюс Альберт Уитлок[1] на подхвате, но ему никогда бы не удалось добиться такого звука и такого выражения на лицах окружающих.

Через мгновение тело Лугара начало корчиться и дергаться, органы грудной клетки выперли наружу, грозя сломать ребра, бугры мускулов на плоском животе надулись, как крыша тента от порыва ветра. Затем все тело негра содрогнулось, будто охваченное

[1] *Альберт Уитлок* (1915–1999) — мастер спецэффектов, работавший на студиях «Дисней» и «Юниверсал»

неким жутким спазмом, и у Хэрода мелькнул образ расплющенной глины в руках выведенного из себя скульптора. Но страшнее всего были глаза: они закатились, так что остались видны лишь белки, которые постепенно увеличивались — сначала до размеров шариков для гольфа, потом бейсбольного мяча, надувных шаров... Лугар открыл рот, но вместо ожидаемого крика оттуда хлынула кровь. Хэрод слышал звуки, доносившиеся из утробы Лугара, — мышцы внутри рвались с таким же надрывным дребезжанием, как лопаются струны рояля, слишком туго натянутые на колки.

Барент отступил на шаг, чтобы не испачкать свой парадный костюм, белую рубашку и лакированные ботинки.

— Король берет пешку, — промолвил он, поправив шелковый галстук.

Вышедшие на поле охранники вынесли тело Лугара. Теперь Барента и немца разделяла лишь одна белая клетка. Шахматные правила запрещали кому-либо из них вставать на нее. Короли не могли вступать в противостояние.

— По-моему, мой ход, — промолвил Вилли.

— Да, герр Бор... герр генерал фон Борхерт, — ответил Барент.

Вилли кивнул, щелкнул каблуками и объявил следующий ход.

— Разве мы не должны уже прилететь? — спросила Натали Престон и, наклонившись вперед, посмотрела в залитое дождем ветровое стекло.

Дэрил Микс жевал незажженную сигару, перегоняя ее из одного угла рта в другой.

— Встречный ветер сильнее, чем я думал, — ответил он. — Успокойтесь. Уже скоро. Высматривайте огни с правой стороны.

Натали откинулась назад и с трудом справилась с желанием в тридцатый раз заглянуть в сумочку и проверить кольт.

— Я до сих пор не могу понять, что здесь делает такая малышка, как ты, — пошутил с заднего сиденья Джексон.

Натали резко обернулась:

— Послушай, я знаю, что я здесь делаю. А вот что ты делаешь здесь?

Уловив ее напряженное состояние, Джексон улыбнулся и невозмутимо ответил:

— Братство Кирпичного завода не может смириться с тем, что являются подлые люди и начинают расправляться с его членами на нашей территории. Когда-то ведь надо рассчитаться.

Натали сжала кулаки.

— Дело не только в этом, — промолвила она. — Это не просто подлые люди.

Джексон взял ее за плечи и тихонько сжал их:

— Послушай, малышка, на этой земле есть всего три сорта людей: подлые ублюдки, подлые черные ублюдки и подлые белые ублюдки. Подлые белые ублюдки хуже всего, потому что они дольше всех занимаются этим делом. — Он бросил взгляд на пилота. — Я не хотел тебя обидеть, приятель.

— А я и не обиделся, — сказал Микс, перекинув сигару в другой угол рта и ткнув пальцем в ветровое стекло. — Вон там, на горизонте, возможно, уже наш огонек. — Он сверился с указателем скорости и добавил: — Через двадцать минут... Может, через двадцать пять.

Натали снова нащупала в сумочке кольт тридцать второго калибра. Всякий раз, как она прикасалась к нему, он казался ей все меньше и незначительней.

Микс дернул дроссель, и «сессна» понемногу начала терять высоту.

Сквозь пелену боли и усталости Сол заставлял себя следить за игрой. Больше всего он боялся потерять сознание или по собственной невнимательности вынудить Вилли преждевременно применить свою силу. И то и другое запустило бы механизм фазы сна, а фаза быстрого сна повлекла бы за собой многое другое.

Как же ему хотелось сейчас лечь и заснуть долгим сном без всяких сновидений. Уже полгода он видел во сне одни и те же запрограммированные сюжеты, и теперь ему казалось, что если смерть — единственный вид глубокого сна, лишенный сновидений, то он готов был приветствовать ее.

Но не сейчас.

После смерти Лугара и потери единственной дружелюбной фигуры оберст — Сол отказывался производить его в генералы — воспользовался своим сорок вторым ходом и перешел в следующую клетку, передвинув белого короля на ладью-5. Похоже, его не волновало, что он оказался на чужой половине доски: две клетки отделяли его от Свенсона, три — от Саттера и две — от самого Барента.

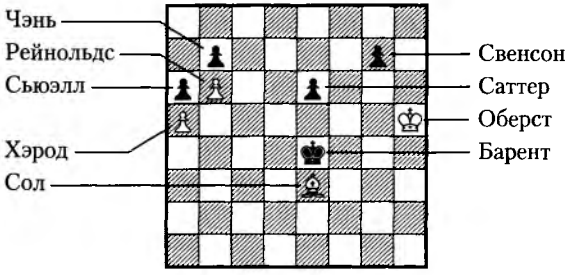
Только слон мог прийти сейчас на помощь старому немцу, и Сол заставил себя сосредоточиться. Если следующий ход Барента будет направлен на слона, Сол не выдержит и тут же набросится на оберста. До Вилли было почти двадцать футов, но он уповал лишь на то, что присутствие Барента помешает охранникам сразу

открыть огонь. К тому же оставался еще Том Рейнольдс, белая пешка, стоявшая на черной клетке в трех футах от Сола. Даже если никто из охранников Барента не среагирует, оберст непременно использует Рейнольдса, чтобы схватить его.

Сорок вторым ходом Барент перевел своего короля в квадрат королевского слона-4 и встал рядом с Саттером. Теперь от оберста его отделяла всего одна пустая клетка.

— Слон на король-три, — объявил Вилли, и Сол, встряхнувшись, поспешно двинулся вперед, пока его не подогнали.

Но даже с новой позиции ему было трудно представить это скопление уставших тел со стратегической точки зрения. Он закрыл глаза и как бы воочию увидел шахматную доску, пока Барент делал ход король-5 и перемещался на соседнюю с ним клетку.

Сол понимал, что если оберст сейчас не передвинет его, то следующим ходом Барент его съест. Он заставил себя стоять на месте, вспоминая ту ночь в бараках Хелмно, когда он решил, что лучше бороться и умереть, чем позволить увести себя в темноту.

— Слон на слон-два, — скомандовал старик.

Сол шагнул назад и вправо и оказался на расстоянии хода коня от Барента.

Миллионер задумался над следующим ходом, потом кинул взгляд на Вилли и улыбнулся.

— Это правда, герр генерал, что вы присутствовали при кончине Гитлера? — спросил он.

Сол широко раскрыл глаза. Это было невероятным нарушением шахматного этикета — обращаться к сопернику в ходе игры.

Но похоже, Вилли не возражал.

— Да, я был в бункере фюрера в его последние часы, герр Барент. И что из этого?

— Ничего, — задумчиво протянул Барент. — Я просто подумал, не оттуда ли идет ваше пристрастие к «Сумеркам богов»?

Вилли захихикал:

— Фюрер был дешевым позером. Двадцать второго апреля... помню, это было через двое суток после его дня рождения... он решил отправиться на юг и возглавить военные группировки Шернера и Кессельринга, прежде чем падет Берлин. Я убедил его остаться. На следующее утро я вылетел из города на частном самолете, используя вместо взлетной полосы аллею разрушенного зоопарка. Ваш ход, герр Барент.

Барент выждал еще секунд сорок и отступил назад по диагонали на клетку слон-4, вновь оказавшись рядом с Саттером.

— Слон на ладья-четыре, — скомандовал Вилли.

Сол миновал по диагонали две черные клетки и встал позади оберста. Пока он хромал, рана на левой ноге открылась, и теперь он стоял, зажимая ее тканью комбинезона. Он находился так близко от немца, что даже ощущал его запах — такой же острый и приторно-сладкий, каким он представлял себе запах газа «Циклон-В».

— Джеймс? — окликнул Барент Саттера, и тот, выйдя из своего транса, сделал шаг вперед и остановился рядом с хозяином на четвертой клетке королевской линии.

Вилли бросил взгляд на Сола и резким движением указал ему на пустой квадрат между Барентом и собой. Сол повиновался.

— Слон на конь-пять, — в гробовой тишине объявил немец.

Сол стоял и глядел на бесстрастного агента по имени Свенсон, находившегося в двух клетках от него, ощущая присутствие Барента в двух футах слева от себя и оберста на таком же расстоянии справа. Он подумал, что, наверное, то же самое чувство испытывает человек, очутившийся между двумя огромными кобрами.

Близость оберста подталкивала Сола к тому, чтобы начать действовать прямо сейчас. Ему надо было лишь повернуться и...

Нет. Время еще не пришло.

Сол украдкой посмотрел влево. Барент едва ли не с апатичным видом взирал на группу из четырех забытых пешек в дальней левой части «доски». Затем он похлопал Саттера по широкой спине и пробормотал:

— Пешка на король-пять.

И телепроповедник перешел на белую клетку.

Сол мгновенно понял, какую угрозу несет Саттер оберсту. Проходная пешка, достигшая последнего ряда, могла быть превращена в любую фигуру. Но пока Саттер стоял всего лишь в пятом ряду. В качестве слона Сол контролировал диагональ, на которой на-

ходилась шестая клетка. Однако теперь появилась вероятность, что ему придется «съесть» Саттера. Какое бы презрение ни испытывал Сол к отвратительному лицемеру, в это мгновение он твердо решил, что никогда не позволит оберсту использовать себя таким образом. Если последует распоряжение убить Саттера, значит ему придется наброситься на немца, и наплевать, что при этом шансы на успех могут равняться нулю.

Сол закрыл глаза и чуть было не провалился в сон. Сжав левой рукой раненую ногу, он заставил, чтобы немыслимая боль вернула его в бодрствующее состояние. Теперь у него болела правая рука, пальцы еле реагировали, когда он пытался пошевелить ими.

Сол подумал о том, где сейчас Натали. Почему она не может заставить старуху действовать? Мисс Сьюэлл стояла далеко в третьем ряду на линии ферзевой ладьи, как брошенная статуэтка, устремив взгляд в тенистые своды зала.

— Слон на король-три, — скомандовал оберст.

Тяжело вздохнув, Сол вернулся на свою прежнюю позицию, заблокировав продвижение Саттера. Он не мог причинить тому никакого вреда, пока черная пешка оставалась на белой клетке. И Саттер не мог сделать Солу ничего плохого, пока они находились лицом друг к другу.

— Король на слон-три, — произнес Барент и отступил назад на одну клетку. Теперь Свенсон оказался слева от него.

— Белый король на конь-четыре, — объявил Вилли и передвинулся на шаг ближе к Саттеру и Солу.

— И черный король не отстает, — чуть ли не игриво откликнулся Барент. — Король на ка-четыре. — Он сделал шаг вперед по диагонали и остановился за Саттером. Фигуры сходились к бою.

С расстояния двух футов Сол смотрел в зеленые глаза преподобного Джимми Уэйна Саттера. В них не было страха, лишь недоумение, всепоглощающее желание понять, что происходит.

Сол догадался, что игра вступает в заключительную фазу.

— Король на конь-пять, — объявил Вилли, перемещаясь на черную клетку в ряду Барента.

Миллионер выдержал паузу, огляделся и отошел на клетку вправо, в сторону от оберста.

— Герр генерал, не хотите ли прерваться и освежиться? Сейчас почти три ночи. Мы могли бы перекусить и возобновить игру через полчаса.

— Нет! — упрямо сказал Вилли. — Кажется, пятидесятый ход? — Он сделал шаг по направлению к Баренту и перешел на бе-

лую клетку по диагонали от Саттера; священник не пошевелился. — Король на слон-пять, — громко сказал немец.

Барент отвел глаза в сторону.

— Пешка — ладья-четыре, пожалуйста, — откликнулся он. — Мисс Фуллер, вы не возражаете?

Дрожь пробежала по телу женщины, стоявшей на отдаленной линии ладьи, голова ее повернулась, как заржавевший флюгер.

— Да?

— Передвиньтесь, пожалуйста, вперед на одну клетку, — пояснил Барент. В голосе его прозвучала легкая нотка беспокойства.

— Конечно, сэр. — Мисс Сьюэлл уже собралась сделать шаг, но вдруг остановилась и спросила голосом Мелани Фуллер: — Мистер Барент, а это не ставит под угрозу мою юную леди?

— Конечно нет, мэм, — улыбнулся Барент.

Мисс Сьюэлл прошлепала своими босыми ногами и остановилась прямо перед Тони Хэродом.

— Благодарю вас, мисс Фуллер, — поклонился Барент.

Вилли ухмыльнулся:

— Слон на слон-два.

Сол перешел по диагонали вправо на клетку назад. Этого хода он не понял.

— Пешка на конь-четыре, — тут же среагировал Барент.

Свенсон бодро сделал два шага вперед. Это был его первый ход — единственный, когда пешка может ходить сразу через две клетки. Теперь он оказался на одной линии с оберстом.

Вилли расплылся в улыбке.

— Вы начинаете нервничать, герр Барент, — промолвил он и посмотрел на Свенсона.

Агент не двигался и не предпринимал попыток ни бежать, ни защищаться. Чье-то психологическое давление — оберста или Барента — не оставляло ему ни малейшей возможности действовать по собственной воле. Убийство, совершенное немцем, выглядело не столь патетичным. Свенсон мгновенно упал замертво на линию, разделявшую черные и белые клетки.

— Король берет пешку, — прокомментировал Вилли равнодушно.

Барент сделал шаг по направлению к Хэроду.

— Черный король на слон-пять, — пояснил он.

— Ну что ж. — Старик перешел на черную клетку, прилегавшую к квадрату Джимми Уэйна Саттера. — Белый король на слон-четыре.

Сол понял, что, пока Барент пытался решить судьбу Хэрода, оберст почему-то угрожал Саттеру.

— Король на конь-пять, — произнес хозяин особняка и переместился в квадрат рядом с Хэродом.

До Тони Хэрода дошло, что следующей жертвой Барента будет он. Лицо продюсера побледнело, он облизнул пересохшие губы и оглянулся, словно намереваясь бежать. Охранники Барента придвинулись ближе.

Сол повернулся к Джимми Уэйну Саттеру. Проповеднику оставалось жить несколько секунд. Совершенно очевидно, что следующим ходом Вилли захватит беспомощную пешку.

— Король бьет пешку, — подтвердил фон Борхерт, переходя в белый квадрат Саттера.

— Секундочку! — вскричал Саттер. — Одну секундочку. Мне надо кое-что сказать еврею!

Вилли брезгливо тряхнул головой, но вмешался Барент:

— Предоставьте ему секунду, герр генерал!

— Побыстрее, — бросил тот, ему явно не терпелось завершить партию.

Саттер полез в карман за носовым платком и, не найдя его, вытер пот с верхней губы тыльной стороной ладони. Он уставился прямо в глаза Солу и тихим твердым голосом, совсем непохожим на хорошо модулированный баритон, которым он читал свои телевизионные проповеди, произнес:

— Из Книги Премудрости царя Соломона. Глава третья: «А души праведников в руке Божьей, и мучение не коснется их. В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью, и отшествие от нас — уничтожением, но они пребывают в мире. Ибо, хотя они в глазах людей и наказываются, но надежда их полна бессмертия. И немного наказанные, они будут много облагодетельствованы, потому что Бог испытал их и нашел их достойными Его. Он испытал их как золото в горниле и принял их как жертву всесовершенную. Во время воздания им они воссияют как искры, бегущие по стеблю... Надеющиеся на Него познают истину, и верные в любви пребудут у Него; ибо благодать и милость со святыми Его и промышление об избранных Его...»

— Это все, брат Джеймс? — весело поинтересовался Вилли.

— Да, — ответил Саттер.

— Король бьет пешку, — повторил оберст. — Герр Барент, я устал. Пусть ваши люди позаботятся об этом.

По кивку Барента из тени вышел охранник, приставил «узи» к голове Саттера и выстрелил одиночным.

— Ваш ход, — напомнил немец, пока выносили тело преподобного.

Сол и оберст остались в одиночестве в правой части доски. Барент медлил, глядя на Тони Хэрода, затем повернулся к Вилли:

— Вы согласитесь на ничью? Я вступлю с вами в переговоры о возможности расширить состязания позднее.

— Нет. — Старик покачал головой. — Ходите.

К. Арнольд Барент сделал шаг и протянул руку к плечу Тони Хэрода.

— Подождите минуточку! — заорал Хэрод и отшатнулся от Барента, не покидая своей белой клетки.

Двое охранников обступили его с обеих сторон, чтобы иметь свободную траекторию огня.

— Поздно, Тони, — сказал Барент. — Ну, будь же хорошим мальчиком.

— До свидания, Тони, — добавил Вилли.

— Постойте! — закричал Хэрод. — Вы говорили, что я могу поменяться. Вы обещали! — Голос его сорвался на визг.

— О чем ты говоришь? — раздраженно прервал его Барент.

Хватая ртом воздух, Хэрод указал на Вилли:

— Ты обещал. Ты сказал, что я могу поменяться местами с ней... — Голова его дернулась по направлению к Марии Чэнь, а взгляд так и остался прикованным к протянутой руке Барента. — Мистер Барент слышал, что ты сказал. Он ведь согласился с тобой.

Раздражение на лице Вилли сменилось легким изумлением.

— Тони прав, герр Барент. Мы договорились, что у него будет возможность поменяться.

Барент вдруг побагровел от ярости:

— Чушь! Он хотел поменяться с девушкой, если ей будет что-то угрожать. Это же глупо!

— Вы обещали! — заныл Хэрод. Он молитвенно сложил руки и повернулся к немцу. — Вилли, скажи ему. Вы же оба обещали, что я смогу поменяться, если захочу. Скажи ему, Вилли, пожалуйста. Скажи ему.

Старик пожал плечами:

— Дело ваше, герр Барент.

Миллионер вздохнул и глянул на часы:

— Предоставим решать даме. Мисс Чэнь?

Мария Чэнь не мигая смотрела на Тони Хэрода. Сол не мог понять, что выражают ее темные глаза.

Хэрод заерзал, бросил косой взгляд в ее сторону и отвернулся.

— Мисс Чэнь? — повторил Барент.

— Да, — прошептала она.

— Что? Я не слышу вас.

— Да, — повторила девушка.

Тело Хэрода обмякло.

— Напрасно, — задумчиво произнес Вилли. — У вас безопасная позиция, фройляйн. Чем бы ни кончилась партия, вашу пешку не тронут. Не понимаю, зачем меняться местами с этим никому не нужным куском дерьма?

Мария Чэнь не ответила. Подняв голову и не глядя на Хэрода, она направилась к его черной клетке. Ее высокие каблуки гулко простучали по плиткам. Дойдя до места, Мария Чэнь повернулась, улыбнулась мисс Сьюэлл и посмотрела на Хэрода.

— Я готова, — сказала она.

Хэрод так и не поднял глаз.

К. Арнольд Барент нежно провел пальцами по ее черным волосам.

— Вы прекрасны, — промолвил он и шагнул на ее квадрат. — Итак, король бьет пешку.

Шея Марии Чэнь изогнулась, рот невероятно широко раскрылся. Она безуспешно попыталась сделать вдох, но из горла вырвались лишь какие-то жуткие скрежещущие звуки. Упав на спину, она начала раздирать острыми ногтями собственное лицо и шею. Это продолжалось почти целую минуту.

Пока уносили тело Марии Чэнь, Сол пытался понять, что же именно делали оберст и Барент. Он решил, что это не было проявлением какой-то новой грани их Способности, просто они использовали присущую им силу, захватывая контроль над соматической и автономной нервной системой человека и подавляя основы биологических функций организма. Совершенно очевидно, что от них это требовало определенных усилий, но процесс, вероятно, был тем же самым: внезапное появление тета-ритма у жертвы сменялось наступлением искусственно вызванной фазы быстрого сна и потерей самоконтроля. Сол не сомневался, что это именно так, и даже готов был держать пари на что угодно.

— Король на ферзь-пять, — тем временем объявил Вилли и двинулся в сторону Барента.

— Король на конь-пять, — ответил Барент и перешел на соседнюю черную клетку.

Сол попытался понять, каким образом Барент намеревается спасти положение. На его взгляд, выхода не было. Мисс Сьюэлл — черная пешка Барента на ладейном поле — могла быть продвинута вперед, но не имела возможности достичь конца доски, пока у оберста сохранялся слон. Пешку Хэрода заблокировал Том Рейнольдс, и толку от нее не было никакого.

Близоруко щурясь, Сол посмотрел на Хэрода, находившегося в двадцати футах от него. Тот стоял опустив голову и, судя по всему, напрочь забыл об игре, быстро приближавшейся к развязке.

Оберст активно использовал Сола — своего слона и в любой момент мог объявить шах белому королю. У Барента практически не осталось шансов.

— Король на ферзь-шесть.

Оберст перешел на черную клетку в том же ряду, что и Рейнольдс. Лишь одна черная клетка по диагонали отделяла его от Барента. Вилли явно играл с миллионером как кошка с мышкой.

Барент улыбнулся и поднял три пальца, делая вид, что отдает честь:

— Сдаюсь, герр генерал.

— Я — гроссмейстер, — жестко усмехнулся Вилли.

— Конечно, — согласился Барент. Он пересек разделявшие их шесть футов и пожал старику руку. — Уже поздно, — оглядев зал, заметил он. — Я утратил интерес к вечеринке. Свяжусь с вами завтра относительно деталей нашего будущего состязания.

— Я сегодня улетаю домой, — сказал немец.

— Хорошо. — Барент облегченно вздохнул.

— Не забывайте, что я оставил письменные распоряжения и инструкции у своих друзей в Европе относительно нашего будущего всемирного предприятия, — напомнил он. — Так сказать, гарантии моего безопасного возвращения в Мюнхен.

— Да-да, я не забыл, — кивнул Барент. — Ваш самолет готов к отлету, я свяжусь с вами по нашим обычным каналам.

— Очень хорошо.

Барент оглядел почти пустую «доску».

— Все произошло точно так, как вы предсказывали несколько месяцев назад, — улыбнулся он. — Весьма вдохновляющая игра.

Миллионер повернулся и быстрым шагом направился к панорамным дверям, его поступь отдавалась гулким эхом под сводами

зала. Одни охранники двинулись сразу на улицу, другие окружили его плотным кольцом.

— Не хотите, чтобы я позаботился о докторе Ласки? — осведомился Барент, остановившись в дверях.

Старик бросил взгляд на Сола, словно совсем позабыл о его существовании.

— Оставьте его, — сказал он.

— А как насчет нашего «героя дня»? — Барент указал на Хэрода, который опустился на пол и теперь сидел, обхватив голову руками.

— Я займусь Тони, — ответил Вилли.

— А женщина? — спросил Барент, кивая в сторону мисс Сьюэлл.

Немец откашлялся.

— Первый пункт нашей завтрашней беседы как раз и будет посвящен тому, что делать с моей дорогой подругой Мелани Фуллер. Нам следует проявить должное уважение. — Он потер уставшие глаза. — А эту уничтожьте.

Барент кивнул, и вышедший вперед охранник разрядил «узи» в грудь мисс Сьюэлл. Будто гигантской рукой ее снесло с «доски», она заскользила по гладким плиткам и замерла, широко раскинув ноги. Рубашка задралась, обнажив грязное тело.

— *Danke*, — поблагодарил немец.

— *Bitte sehr*, — улыбнулся Барент. — *Gute Nacht, Meister.*

Двери за хозяином и его свитой закрылись. Через минуту раздался шум двигателей, и вертолет, развернувшись, взял курс в открытый океан к дожидавшейся яхте.

В большом зале не осталось никого, кроме Рейнольдса, безвольной фигуры Тони Хэрода, тел убитых, Бордена и Сола.

— Итак, — сказал оберст, засовывая руки в карманы и чуть ли не с сожалением глядя на Сола, стоявшего футах в пятнадцати от него. — Настало время попрощаться, моя маленькая пешка.

Глава 72

МЕЛАНИ

Оказалось, что мистер Барент вовсе не джентльмен, как я подумала вначале.

Пока я занималась другими делами в Чарлстоне, он убил бедную мисс Сьюэлл. Для меня это явилось, мягко говоря, ударом.

Всегда неприятно, когда пули врезаются в тело, каким бы чужим оно ни было, а из-за того, что я временно отвлеклась от происходящего, ощущение, пережитое мною, оказалось вдвойне неприятным и шокирующим. Мисс Сьюэлл была довольно вульгарной простолюдинкой, перед тем как попала ко мне на службу, и ее манеры продолжали оставаться грубыми, но она стала лояльным и полезным членом моего нового «семейства» и заслуживала более достойной кончины.

Моя пешка прекратила функционировать через несколько секунд после того, как была застрелена человеком Барента — вынуждена с прискорбием отметить, по предложению Вилли, — но этих нескольких секунд мне хватило, чтобы переключить свое внимание на охранника, оставленного мною у административного помещения в подземном комплексе.

У охранника был при себе какой-то автомат сложной конструкции. Я не имела ни малейшего представления, как им пользоваться, зато это знал он. Поэтому я позволила ему руководствоваться собственными рефлексами при выполнении моих распоряжений.

Пятеро свободных от дежурства человек из службы безопасности сидели вокруг длинного стола и пили кофе. Мой охранник короткими очередями выбил троих из кресел и ранил четвертого, когда тот метнулся к своему оружию, лежавшему на соседней койке. Пятому удалось бежать. Затем он обошел стол, переступая через трупы, подошел к раненому, который тщетно пытался заползти в угол, и дважды выстрелил в него. Где-то вдали завыла сирена, заполняя переплетения коридоров пронзительными звуками.

Я заставила охранника идти к главному входу. Он свернул за угол и тут же был застрелен бородатым латиноамериканцем. Я перескочила в него и приказала броситься бегом вверх по пандусу. Снаружи затормозил джип, в котором находились трое, и офицер на заднем сиденье принялся задавать вопросы моему человеку. Я выстрелила офицеру в левый глаз, переметнулась к капралу за рулем и принялась смотреть его глазами, как джип, увеличивая скорость, несется на ограду, находившуюся под высоким напряжением. Двое охранников на переднем сиденье перелетели через капот и повисли на проводах, в то время как джип, дважды перевернувшись и подняв фонтан искр, привел в действие наземную мину на территории зоны безопасности.

Пока мой мексиканец торопливо пересекал по дорожке зону безопасности, я переключилась на молодого лейтенанта, который

бежал к месту происшествия со своими девятью подчиненными. Обе мои новые пешки рассмеялись, увидев выражения лиц охранников, осознавших, что оружие командира направлено на них.

С севера приближалась еще одна группа с остатками суррогатов, взятых в плен после бегства Дженсена Лугара. Я заставила мексиканца швырнуть им под ноги световую гранату. Вспышка высветила обнаженные фигуры, и те с криками бросились врассыпную. Выстрелы звучали уже отовсюду, обезумевшие охранники стреляли друг в друга. Два патрульных катера пристали к берегу выяснить, что происходит, и я заставила молодого лейтенанта броситься им навстречу.

Я бы с большим удовольствием наблюдала за событиями из особняка, но это можно было сделать только через мисс Сьюэлл. Нейтралы Барента оставались вне моей досягаемости, а единственным игроком в зале, которого я могла бы Использовать, был еврей, но я ощутила в нем что-то неладное. Он принадлежал Нине, а с ней в данный момент мне не хотелось иметь никаких дел.

Тогда я решила возобновить контакт, который не был связан с людьми на острове. Он находился гораздо ближе. Из-за последних оживленных событий в Чарлстоне я почти потеряла с ним связь и теперь смогла восстановить ее лишь благодаря долгой предварительной обработке на расстоянии.

Я действительно считала Нину сумасшедшей, когда ее негритянка день за днем таскала Джастина в этот парк у реки и верфей и заставляла его смотреть в идиотский бинокль, чтобы разглядеть этого человека. Мне потребовалось четыре сеанса, прежде чем я попробовала установить первый робкий контакт. Именно Нинина негритянка заставила меня сделать это с изысканной тонкостью... будто Нина могла учить меня изысканности!

Я испытывала невероятную гордость оттого, что поддерживала эту связь в течение нескольких недель, в то время как ни сам субъект, ни его коллеги ничего не замечали. Поразительно, какие технические подробности и жаргон можно узнать, просто пассивно присутствуя в другом человеке.

Пока мисс Сьюэлл продолжала действовать, я и не собиралась Использовать этот источник, несмотря на все Нинины угрозы и махинации. Теперь же все изменилось.

Я разбудила человека по имени Мэллори, подняла его с койки и отправила по короткому коридору в помещение, освещенное красными лампами.

— Сэр, — произнес некто по имени Лиланд.

Я вспомнила, что его называли Крестики-Нолики. И еще я вспомнила, как сама в детстве проводила долгие одинокие часы за этой игрой.

— Очень хорошо, мистер Лиланд, — похвалил Мэллори. — Оставайтесь на месте. Я буду в командном центре.

Я заставила Мэллори выйти и спуститься по лестнице, пока никто не заметил, как изменилось выражение его лица. К счастью, в освещенном красными лампами коридоре ему никто не встретился. Улыбка предвкушения так широко раздвинула его губы, что стали видны все зубы, вплоть до самых последних. Это могло бы показаться его коллегам странным и даже подозрительным.

Глава 73

Остров Долманн
Вторник, 16 июня 1981 г.

— Держитесь! — крикнул Микс. — Начинается развлекательная часть программы.

Нос «сессны» круто нырнул вниз и выровнялся всего в пяти футах над гребнями волн. Натали изо всех сил вцепилась в края своего сиденья, когда они помчались навстречу темному острову, видневшемуся в шести милях.

— Что это? — спросил Джексон, указывая на черное устройство на приборной доске, наконец прекратившее гудеть и попискивать.

— Антирадар, — ответил Микс. — За нами начал следить локатор. А сейчас мы или слишком низко поднырнули, или прикрылись островом.

— Но им известно, что мы приближаемся?

Натали с трудом сохраняла спокойствие, глядя на то, как вскипает странно фосфоресцирующая вода под несущимся со скоростью сто миль в час самолетом. Она знала: стоит Миксу ошибиться, и они врежутся в волны, от которых, казалось, их отделяло всего несколько дюймов. Натали еле сдерживала желание поднять повыше ноги.

— Должны знать, — ответил Микс. — Но я взял сильно на восток, так что им должно было показаться, будто мы пролетели милях

в пяти-шести к югу от острова. Мы вроде бы вышли из радиуса их обзора. А сейчас подлетаем с северо-востока: думаю, они более бдительно отслеживают западное направление.

— Смотрите! — воскликнула Натали. Впереди замаячили зеленые огни пирса, за которым явственно виднелись всполохи пожара; она повернулась к Джексону. — Может, это Мелани? Может, она все-таки начала действовать!

— Мне рассказывали, что они жгут огромные костры в амфитеатре, — откликнулся Микс. — Возможно, там идет какое-нибудь представление.

Натали посмотрела на часы:

— В три часа ночи?

Пилот пожал плечами.

— А мы можем пролететь над островом? — спросила она. — Я хочу взглянуть на особняк перед тем, как мы сядем.

— Слишком рискованно. — Микс покачал головой. — Я облечу с востока и вернусь обратно вдоль южного побережья, как в первый раз.

Натали кивнула. Всполохи огня исчезли, не стало видно и пирса, остров вообще казался необитаемым, когда они свернули к восточному побережью. Самолет удалился от него еще ярдов на сто в открытый океан и набрал высоту, когда впереди показались скалы юго-восточного мыса.

— Боже мой! — воскликнул Микс, и они приникли к левому стеклу кабины, чтобы лучше рассмотреть происходящее, пока «сессна» круто выворачивала вправо, уходя в относительную безопасность океана.

К югу океан озарился от гриба пламени, взметнувшегося чуть ли не до неба. Желтовато-зеленые периферийные всполохи огня долетали почти до «сессны». Когда самолет снизился до шести футов над полосой прибоя, Натали увидела две яркие вспышки, высветившие силуэт корабля на фоне бушевавшего пламени, которое разгоралось все ярче и ближе к ним. Первая из вспышек, рассыпавшись, упала в воду и погасла, вторая стремительно пронеслась мимо и врезалась в скалу ярдах в ста позади них. Взрыв подбросил «сессну» футов на шестьдесят, как хорошая волна подкидывает доску виндсерфинга, и самолет стал быстро приближаться к темной поверхности океана. Микс попытался справиться с управлением, потом вытравил до предела дроссель и резко отпустил его, издав нечто напоминающее индейский клич.

Натали, прижавшись щекой к стеклу, смотрела, как огненный шар разлетается на сотню маленьких. Вершина скалы обрушилась в воду. Натали повернула голову влево как раз в тот момент, когда еще три вспышки на корабле обозначили взлет новых ракет.

— Ну и ну! — выдохнул Джексон.

— Держитесь! — крикнул Микс и так круто свернул вправо, что Натали всего футах в двадцати от себя увидела верхушки пальм.

К. Арнольд Барент почувствовал облегчение, когда вышел из особняка и сел в вертолет. Двигатель загудел, лопасти начали набирать скорость, и его пилот Дональд поднял машину над деревьями и затопленной огнями лужайкой. Слева взлетал более старый «белловский» вертолет типа «ирокез» с девятью охранниками Барента на борту, а справа виднелось гладкое смертоносное тело единственной во всей стране «кобры», находящейся в частном владении. Тяжеловооруженная «кобра» обеспечивала прикрытие с воздуха и должна была дождаться, пока яхта «Антуанетта» не выйдет в открытый океан.

Барент откинулся на спинку кожаного кресла и попытался расслабиться. Представление с Вилли казалось довольно безопасным, учитывая многочисленную охрану и расставленных повсюду снайперов, и все же Барент испытывал явное облегчение теперь, когда все закончилось. Он поднял руку, чтобы поправить галстук, и с изумлением обнаружил, что она дрожит.

— Подлетаем, сэр, — сообщил Дональд.

Они сделали круг над «Антуанеттой» и начали мягко опускаться на корму. Барент с удовлетворением отметил, что шторм утихает, а трехфутовые волны не представляли сложности для стабилизаторов яхты. Он подумывал о том, чтобы не выпускать Вилли с острова, но обещанные стариком неприятности по линии европейских контактов могли оказаться слишком существенными. Теперь, когда предварительная игра закончилась и прежние препятствия устранены, стоит поразмышлять о более крупных масштабах состязания со старым нацистом, которые тот предложил несколькими месяцами раньше. Барент не сомневался, что сможет уговорить Вилли на вполне удовлетворяющий обоих, но не столь необъятный размах — возможно, на Ближнем Востоке или где-нибудь в Африке. Такие игры уже не впервые разыгрывались на международной арене.

Однако старуха в Чарлстоне была не тем лицом, с которым можно вести переговоры. Барент решил утром посоветоваться со

Свенсоном, как лучше ее ликвидировать, и тут же улыбнулся собственной забывчивости. Сказывалась усталость. Ну ладно, если не Свенсон, то его заместитель Де Прист или любой другой из бесконечного числа помощников.

— Садимся, сэр, — сообщил пилот.

— Спасибо, Дональд. Пожалуйста, свяжись по рации с капитаном Шаерсом и скажи, что я загляну на мостик, прежде чем идти к себе. Мы должны сняться с якоря, как только будет закреплен вертолет.

В сопровождении четырех охранников, доставленных первым вертолетом, Барент направился к мостику. Не считая его изготовленного на заказ самолета, «Антуанетта» была самым безопасным местом. Отборная команда состояла всего из двадцати трех идеально обработанных нейтралов плюс охрана. Быстрая, хорошо вооруженная, окруженная скоростными патрульными катерами и находящаяся, как сейчас, неподалеку от берега, яхта была даже надежнее острова.

Капитан и два офицера, стоявшие на мостике, вежливо кивнули при появлении Барента.

— Курс на Бермуды, сэр, — отрапортовал капитан. — Мы тронемся, как только сядет «кобра».

— Хорошо, — произнес Барент. — Охрана острова еще не сообщала об отбытии самолета мистера Бордена?

— Нет, сэр.

— Будьте добры, Джордан, дайте мне знать, как только это случится.

— Да, сэр.

Второй офицер откашлялся и обратился к капитану:

— Сэр, радары сообщают о появлении какого-то большого судна из-за юго-восточного мыса. Расстояние всего четыре мили и продолжает сокращаться.

— Сокращаться? — переспросил капитан Шаерс. — Что сообщает первый пикет?

— Первый пикет не отвечает, сэр. Стенли утверждает, что расстояние составляет три с половиной мили и судно делает двадцать пять узлов.

— Двадцать пять узлов? — снова удивленно переспросил капитан.

Он поднял большой бинокль с устройством ночного видения и присоединился к первому помощнику, стоявшему у правого борта.

— Срочно установите, что это за судно, — распорядился Барент.

— Уже, сэр, — откликнулся Шаерс. — Это «Эдвардс». — В голосе его послышалось облегчение.

«Ричард С. Эдвардс», эсминец класса «Шерман», охранявший остров Долманн во время летнего лагеря. Линдон Джонсон первым из президентов отрядил для этой цели «Эдвардс», и с тех пор традиция не нарушалась.

— А почему эсминец вернулся? — спросил Барент. В отличие от капитана, он продолжал нервничать. — Он должен был покинуть акваторию два дня назад. Сейчас же свяжитесь с его капитаном.

— Расстояние две и шесть десятых мили, — доложил второй офицер. — На связь никто не выходит, сэр. Включить сигнальный огонь?

Барент, как во сне, приблизился к стеклу. Снаружи была кромешная тьма.

— На расстоянии в две мили они сбавили скорость, — отрапортовал второй офицер. — Разворачиваются к нам бортом. По-прежнему никаких ответов на наши обращения.

— Может, капитан Мэллори решил, что у нас проблемы? — предположил Шаерс.

Барент вдруг очнулся.

— Немедленно уходим! — закричал он. — Пусть «кобра» атакует их. Нет, погодите! Скажите Дональду, пусть готовит вертолет. Я улетаю. Шевелитесь, черт бы вас побрал, Шаерс!

Пока трое офицеров удивленно пялились на него, Барент выскочил за дверь и, растолкав охранников, скатился по лестнице на главную палубу. По дороге он потерял лакированный ботинок, но возвращаться не стал. Подбежав к освещенной взлетной площадке, Барент споткнулся о свернутый канат и упал, испачкав костюм. Охранники бросились ему на помощь, но он уже вскочил и заорал:

— Дональд, черт побери!

Пилот и два члена экипажа уже отцепили только что закрепленные канаты и теперь возились с крепежом лопастей винта.

«Кобра», вооруженная авиапушками и двумя ракетами с тепловым наведением, прогрохотала в тридцати футах над «Антуанеттой» и заняла положение между яхтой и ее бывшим защитником. На волнах скакали отблески огней, тошнотворно напомнившие Баренту о светлячках его детства в Коннектикуте. Только теперь он разглядел в темноте контуры эсминца, но уже в следующее мгновение «кобра» взорвалась в воздухе. Одна из ее ракет прочертила

зигзаг в ночном небе, прежде чем с безобидным плеском упасть в океан.

Барент повернулся спиной к вертолету и, еле переставляя ноги, направился к правому борту. Он увидел вспышку пятидюймовой пушки за мгновение до того, как услышал грохот выстрела и свист приближающегося снаряда.

Первый снаряд упал в десяти ярдах от «Антуанетты», окатив палубу такой волной, что она сбила с ног Дональда и троих охранников на корме. Вода еще не успела схлынуть, как последовала новая вспышка.

Барент широко расставил ноги и вцепился в поручень, стальные тросы впились ему в ладони.

— Черт бы тебя побрал, Вилли! — прорычал он сквозь стиснутые от ярости зубы.

Следующий снаряд, скорректированный и управляемый радиолокатором, попал в корму «Антуанетты» футах в двадцати от того места, где стоял Барент. Он прошил обе палубы и взорвался в отделении, где располагались двигатель и обе главные цистерны с дизельным топливом.

Пожар сразу охватил половину яхты, взметнувшись на восемьсот футов вверх, а затем постепенно начал спадать, сворачивая огненные языки.

— Цель поражена, сэр, — донесся с мостика голос дежурного офицера Лиланда.

— Отлично, Крестики-Нолики, — ответил капитан «Ричарда С. Эдвардса». — Развернитесь, чтобы наши десятки были направлены на береговые цели.

Артиллеристы и противолодочная бригада в полном изумлении взирала на своего капитана. Мэллори сказал им, что это дело государственной важности, абсолютно секретное. Теперь им только оставалось смотреть на его бледное безжизненное лицо и гадать, не произошло ли чего-нибудь ужасного. Одно они знали наверняка: если эта ночная операция была ошибкой, карьере капитана пришел конец.

— Остановиться и заняться поисками уцелевших, сэр? — донесся голос Лиланда.

— Отставить, — распорядился Мэллори. — Мы будем атаковать цели В-три и В-четыре.

— Сэр! — вскричал офицер противовоздушной обороны, склонившись над своим радарным экраном. — Только что появился са-

молет. Расстояние две и семь десятых мили. Параллельное следование, сэр. Скорость восемь узлов.

— Оставайтесь у «терьеров», Скип, — распорядился Мэллори.

Обычно для противовоздушной обороны «Эдвардс» использовал лишь двадцатимиллиметровые пушки «фаланга», но перед выходом на патрулирование к острову Долманна эсминец снабдили четырьмя ракетами «земля — воздух» и громоздкими ракетными установками. Пять недель вся команда выражала недовольство, поскольку «терьеры» заняли единственное ровное свободное место, использовавшееся обычно для турниров по фрисби. Одну из ракет, правда, применили три минуты назад для уничтожения вертолета.

— Это гражданский самолет, сэр, — сообщил радарный офицер. — Одномоторный. Скорее всего, «сессна».

— Ракеты к запуску! — скомандовал капитан.

Офицеры, находившиеся в оперативно-тактическом центре, услышали, как были выпущены две ракеты, щелчок перезарядки и звук запуска еще одной ракеты.

— Черт! — выругался наводящий офицер. — Простите, капитан. Цель ушла за гребень скалы, и первая ракета ее потеряла. Вторая врезалась в скалу. Третья попала куда-то еще.

— Цель видна на экране? — осведомился Мэллори. Глаза у него стали как у слепого.

— Нет, сэр.

— Очень хорошо, — произнес капитан. — Артиллерия?

— Да, сэр?

— Открывайте огонь из обоих орудий, как только получите подтверждение цели на взлетном поле. После пяти залпов перевести огонь на особняк.

— Есть, сэр.

— Я буду в своей каюте, — сказал Мэллори.

Офицеры какое-то время стояли на месте, глядя на закрывшуюся дверь, пока наводящий офицер не доложил:

— Цель В-три взята.

И тогда члены команды отставили все вопросы и занялись каждый своим делом.

Через десять минут, когда дежурный офицер Лиланд собрался постучать в каюту капитана, оттуда донесся одиночный выстрел.

Натали еще никогда не приходилось летать между деревьями. Отсутствие луны не делало это занятие более приятным. Черная масса деревьев неслась им навстречу и исчезала внизу, когда Микс

дергал «сессну» вверх и снова нырял вниз, отыскивая какое-либо свободное пространство. Даже в темноте Натали различала бунгало, дорожки, бассейн и пустой амфитеатр, мелькавшие под самолетом.

Каким бы собственным радарным устройством ни руководствовался Микс, оно явно было совершеннее механических сенсоров, установленных в третьей выпущенной ракете. Она врезалась в дуб и взорвалась, подняв немыслимый фонтан из коры, ветвей и листьев.

Микс свернул вправо к пустующей полосе зоны безопасности. Внизу что-то горело, дымились по меньшей мере две машины, а в лесу то и дело мелькали вспышки выстрелов. В миле к югу на единственную взлетную полосу ложились снаряды.

— Ого! — воскликнул Джексон, когда рядом с ангаром взлетел на воздух топливный бак.

Они обогнули северный причал и вновь углубились в океан.

— Нам надо вернуться, — сказала Натали. Она держала руку в своей сумке, не спуская палец с предохранителя кольта.

— Приведите мне хотя бы один довод, — бросил Микс, поднимая самолет на пятнадцать футов над уровнем моря.

Натали вынула руку из сумки.

— Пожалуйста, — твердо сказала она.

Микс посмотрел на нее, затем поднял бровь и перевел взгляд на Джексона.

— А, какого черта! — прорычал он.

«Сессна» круто свернула вправо и изящно развернулась, пока прямо под ней не замигал зеленый огонь пирса.

Глава 74

Остров Долманн
Вторник, 16 июня 1981 г.

После того как вертолет Барента пропал из виду и наступила тишина, оберст еще некоторое время стоял на месте, засунув руки в карманы.

— Итак, — наконец повернулся он к Солу. — Настало время прощаться, моя маленькая пешка.

— Мне казалось, я уже стал слоном, — холодно возразил Сол.

Вилли рассмеялся и подошел к креслу с высокой спинкой, которое прежде занимал Барент.

— Пешка всегда остается пешкой, — сказал он, усаживаясь с достоинством короля на троне. Он бросил взгляд на Рейнольдса, тот подошел и встал рядом.

Сол не отрываясь смотрел на оберста, однако успел заметить краем глаза, как Тони Хэрод отполз в тень и, положив голову своей мертвой секретарши себе на колени, издал какое-то тошнотворное мяуканье.

— Продуктивный день, не так ли? — спросил старик.

Ласки промолчал.

— Герр Барент сказал, что ты сегодня убил по меньшей мере трех его людей, — улыбнулся Вилли. — И как тебе нравится быть убийцей, еврей?

Сол на глаз прикинул расстояние между ними. Шесть клеток и еще около шести футов. Двенадцать шагов.

— Это были невинные люди, — продолжил немец. — Оплачиваемая охрана. У них наверняка остались жены, дети. Тебя это не заботит, еврей?

— Нет. — Он покачал головой.

— Вот как? — удивился Вилли. — Значит, ты осознал необходимость уничтожать невинные жизни, когда это требуется? Очень хорошо. Я боялся, что ты сойдешь в могилу с той же дешевой сентиментальностью, которую я уловил в тебе при нашей первой встрече. Это прогресс. Как и вся ваша убогая нация, ты понял, что невинных нужно убивать, если от этого зависит твоя собственная жизнь. Представь, как тяготила меня эта необходимость, моя маленькая пешка. Людей, обладающих моей Способностью, немного — может, один на несколько сот миллионов, от силы десяток в каждом поколении. На протяжении всей истории таких, как я, боялись и преследовали. При первых же признаках проявления нашего превосходства нас клеймили, как ведьм и дьяволов, и безмозглая толпа уничтожала нас. Мы поломали зубы, пока научились скрывать свой исключительный дар. Если нам удавалось спастись от пугливых скотов, мы становились жертвами других, обладавших такими же способностями. Когда рождаешься акулой среди тунцовых косяков, при встрече с другими акулами не остается ничего другого, как бороться за сферу обитания. Мне, как и тебе, удалось выжить. У нас с тобой гораздо больше общего, чем мы готовы признать, не так ли, пешка?

— Нет, — ответил Сол.

— Что?

— Нет, — повторил Сол. — Я — цивилизованное человеческое существо, а ты — акула, безмозглая, безнравственная машина убийства, питающаяся отбросами. Ты — рудимент эволюции, способный лишь хватать и глотать.

— Ты пытаешься спровоцировать меня, — ухмыльнулся оберст. — Ты боишься, что я оттяну твой конец. Не бойся, пешка. Это будет быстро. И скоро.

Сол глубоко вздохнул, пытаясь справиться с физической слабостью. Только бы не упасть. Раны его все еще кровоточили, но болезненные участки тела онемели и потеряли чувствительность, что было в тысячу раз ужаснее. Он знал, что для решительных действий у него остаются считаные минуты.

Но старик еще не закончил своей тирады.

— Как и весь Израиль, ты твердишь о морали, а ведешь себя подобно гестаповцу. Любое насилие проистекает из одного и того же источника, пешка. Страсть к власти. Власть — вот единственная истинная мораль, еврей, единственный бессмертный бог, и страсть к насилию — это его заповедь.

— Нет, — сказал Сол. — Ты безнадежное жалкое создание, которое никогда не поймет основ человеческой морали и того, что заложено в слове «любовь». Но я хочу, чтобы ты знал, оберст. Как и весь Израиль, я понял, что существует и другая мораль, которая требует жертвоприношений и власти над людьми, и что мы никогда больше не преклоним головы перед такими, как ты, и теми, кто вам служит. К этому взывают сотни поколений невинных жертв. И выбора здесь нет.

Оберст печально покачал головой.

— Ты так ничему и не научился, — вздохнул он. — Ты так же сентиментально глуп, как и твои недоразвитые сородичи, которые послушно шли в печи, улыбаясь и дергая себя за пейсы, и уговаривали своих умственно отсталых детей следовать за собой. Вы — безнадежная нация, и единственное преступление фюрера в том, что он не достиг своей цели по полному вашему истреблению. И все же, когда я убью тебя, пешка, я сделаю это не из личных соображений. Ты хорошо послужил, но ты слишком непредсказуем. И эта непредсказуемость не согласуется с моими дальнейшими планами.

— Когда я убью тебя, — сказал Сол, — то сделаю это исключительно из личных соображений. — И он шагнул к немцу.

— Ты умрешь сейчас, — объявил оберст. — Прощай, еврей.

Сол ощутил сильнейший мозговой удар, пронзивший его до основания позвоночника. Столь мощный и непреодолимый, слов-

но тело его насадили на стальной прут. В то же мгновение его собственное сознание отделилось от него, и где-то в мозгу пробудился тета-ритм, запуская фазу быстрого сна, превращающую его в лунатика, в ходячий труп, неспособный контролировать собственные действия.

Но даже несмотря на то, что сознание его было отброшено на темные задворки мозга, Сол продолжал ощущать внутри присутствие оберста — столь же острое и болезненное, как первый раздирающий легкие вдох ядовитого газа. Прежде чем произошло разделение его сознания, он успел отметить изумление немца, ибо включение фазы быстрого сна запустило поток воспоминаний и впечатлений, гипнотически внедренных в подсознание Сола и теперь взрывавшихся, как мины на поле озимой пшеницы.

Проникнув в мозг Соломона Ласки, Вилли фон Борхерт внезапно столкнулся с другой личностью — хрупкой, искусственно созданной и облекающей тонкие нервные центры в жалкую оболочку из фольги, претендующую на звание истинных доспехов. Он в своей практике встречался с чем-то подобным лишь однажды, когда в 1941 году со своей айнзацгруппой ликвидировал несколько сотен пациентов литовской психиатрической клиники. От скуки, за несколько секунд до того, как пуля солдата СС лишила жизни безнадежного шизофреника, Вилли проскользнул в его мозг. Тогда его тоже удивила вторая личность, присутствующая в сознании, но справиться с ней оказалось не сложнее, чем с первой. Он был уверен, что и в данном случае не возникнет никаких проблем. Немец снисходительно улыбнулся этим жалким потугам еврея удивить его и, прежде чем уничтожить безнадежное творение Сола, несколько секунд помедлил, смакуя его.

Двадцатитрехлетняя Мала Каган несет в печь крематория в Аушвице свою четырехмесячную дочь Эдек, сжимая в правом кулаке лезвие бритвы, которое прятала все эти месяцы. Офицер СС врывается в толпу обнаженных, медленно передвигающихся женщин. «Что у тебя в руке, сука? Отдай мне». Сунув ребенка своей сестре, Мала поворачивается к эсэсовцу и открывает ладонь. «Получи!» — кричит она и взмахивает лезвием. Офицер вскрикивает и отскакивает назад, закрыв лицо руками, кровь сочится между пальцев. Дюжина эсэсовцев поднимают свои автоматы, когда Мала с бритвой в руке делает шаг им навстречу. «Жизнь!» — кричит она, и все двенадцать автоматчиков стреляют одновременно.

Сол уловил ухмылку оберста и непроизнесенный вопрос: «К чему запугивать меня призраками, пешка?» Тридцать часов потратил

он, чтобы с помощью самогипноза воспроизвести последнюю минуту жизни Малы Каган. Но оберст в одну секунду разрушил этот образ, смел его с такой легкостью, с какой сметают паутину в кладовке.

Сол сделал еще один шаг вперед.

Старик снова безжалостно вторгся в его сознание, достиг центров контроля и запустил желанный механизм фазы быстрого сна.

Шестидесятидвухлетний Шалом Кржацек ползет на четвереньках по варшавским канализационным трубам. Вокруг кромешная тьма, на головы безмолвной вереницы беглецов обрушиваются фекальные воды, когда наверху опорожняются арийские туалеты. Шалом ползет уже четырнадцать дней, с того момента, как они бежали после безнадежной шестидневной схватки с отборными нацистскими частями. Он взял с собой девятилетнего внука Леона. Из огромной семьи Шалома в живых остался только этот мальчик. Две недели ползет постоянно редеющая цепочка евреев сквозь вонючий мрак узких труб, в то время как немцы стреляют, поливают их из огнеметов и забрасывают канистры с ядовитым газом во все уборные гетто и канализационные люки. Шалом захватил с собой шесть кусков хлеба, и они делят их с Леоном. Четырнадцать дней они пытаются вырваться наружу, пьют воду из сочащихся по стенам ручейков, уповая на то, что она дождевая, пытаются выжить. Наконец над головой открывается крышка люка, и на них глядит грубое лицо борца польского Сопротивления. «Выходите! — говорит он. — Выходите! Здесь вы в безопасности». Собрав последние силы, ослепленный солнечным светом, Шалом выбирается наружу и долго лежит на уличной мостовой. За ним появляются еще четверо. Леона среди них нет. Слезы бегут по его лицу, он пытается вспомнить, когда в последний раз разговаривал в темноте с мальчиком. Час назад? Вчера? Слабо оттолкнув руки своих спасителей, Шалом спускается в темную дыру и ползет назад, туда, откуда пришел, выкрикивая имя внука.

Вилли фон Борхерт незамедлительно уничтожил плотную защитную мембрану, которой был Шалом Кржацек.

Сол сделал еще один шаг вперед.

Оберст поерзал в кресле, и будто тупой топор расколол сознание Сола.

Семнадцатилетний Питер Гайн сидит и рисует в Аушвице движущуюся мимо него очередь мальчиков, направляющихся к душевой. Последние два года в Терезине Питер и его друзья выпускали газету «Ведем», в которой он и другие юные дарования публиковали свою

поэзию и рисунки. Перед отправкой Питер отдал все восемьсот страниц Зденеку Тауссигу, чтобы тот спрятал их в старой кузнице за магдебургскими бараками. Питер не видел Зденека с момента приезда в Аушвиц. Теперь он тратит последний лист бумаги и кусок угля, чтобы зарисовать бесконечную очередь обнаженных мальчиков, проходящих перед ним морозным ноябрем. Уверенными, точными движениями руки Питер набрасывает выступающие сквозь кожу ребра и расширенные от ужаса глаза, трясущиеся худые ноги и руки, стыдливо прикрывающие сжавшиеся от холода гениталии. К нему подходит капо в теплой одежде и с деревянной дубинкой в руке. «Что это? — спрашивает он. — Вставай к остальным». Питер не поднимает головы от своего рисунка. «Сейчас, — отвечает он. — Я почти закончил». Разъяренный капо бьет юношу дубинкой по лицу и каблуком сапога наступает ему на руку, ломая три пальца. Он хватает его за волосы, поднимает на ноги и толкает в медленно движущуюся очередь. Прижимая к себе сломанную руку, Питер оглядывается через плечо и видит, как холодный осенний ветер подхватывает его рисунок, тот ненадолго застревает в верхнем ряду колючей проволоки и, кувыркаясь, летит дальше, к линии деревьев на западе.

Оберст смел и эту личность.

Сол сделал два шага вперед. Боль от непрекращающегося мозгового насилия стальными шипами впилась ему изнутри в глазницы.

Ночью, перед тем как отправиться в газовые камеры в Биркенау, поэт Ицхак Кацнельсон читает свое стихотворение двенадцатилетнему сыну и еще дюжине свернувшихся на полу людей. До войны Ицхак был известен в Польше своими юмористическими стихами и песнями для детей. Это были добрые, веселые стихи. Младших сыновей Ицхака, Бенджамина и Бенсиона, убили вместе с их матерью в Треблинке полтора года назад. Теперь он читает на иврите, языке, которого никто, кроме его сына, не понимает, затем переводит на польский:

Мне снился сон,
Ужасный сон,
Как будто мой народ исчез!

Когда проснулся я в слезах,
Он явью стал,
И вместе с ним
Не стало и меня.

В наступившей тишине сын Ицхака подползает к нему ближе, садится на холодную солому. «Когда я вырасту, я тоже буду писать стихи», — шепчет мальчик. Ицхак обнимает его за худенькие плечи. «Конечно», — отвечает он и начинает петь медленную и нежную польскую колыбельную. Ее подхватывают другие, и вскоре весь барак заполняется звуками песни.

Одним ударом своей железной воли оберст уничтожил Ицхака Кацнельсона.

Сол сделал еще один шаг вперед.

Тони Хэрод завороженно смотрел, как Сол приближается к Вилли. Психиатр походил на пловца, преодолевающего мощный прилив, или путешественника, двигающегося навстречу ураганному ветру. Схватка между ними была безмолвной и невидимой, но явственно ощутимой, как электромагнитная буря. По завершении каждого этапа противостояния еврей поднимал ногу, медленно наклонялся вперед и снова ставил ее, как парализованный, вновь учащийся ходить. Таким образом, израненный, окровавленный человек преодолел шесть клеток и уже достиг последнего ряда «шахматной доски», когда Вилли словно стряхнул с себя сонное оцепенение и бросил взгляд на Тома Рейнольдса. Вытянув свои длинные белые пальцы, убийца прыгнул вперед...

В трех милях от особняка раздался мощный взрыв, поднявший в воздух «Антуанетту». Сила его была столь велика, что вылетели несколько стекол из панорамных дверей. Ни Вилли, ни Ласки ничего не заметили. Хэрод смотрел, как трое мужчин сошлись, как Рейнольдс начал душить психиатра, и услышал новые взрывы со стороны аэропорта. Он осторожно опустил голову Марии Чэнь на холодную плитку, пригладил ее волосы и стал медленно обходить борющихся людей.

Восемь футов отделяло Сола от оберста, когда насилие над его сознанием прекратилось. Казалось, кто-то выключил невыносимый, заглушающий все на свете рев. Сол споткнулся и едва не упал. Он восстановил контроль над собственным телом с таким ощущением, которое испытывает человек, возвращаясь в дом раннего детства, робко и с грустью осознавая, какое расстояние отделяет его от когда-то близкой и родной обстановки.

В течение нескольких минут Сол и оберст являлись практически одним лицом. В процессе страшной схватки ментальных энергий Сол точно так же пребывал в сознании оберста, как тот — в его

собственном. Когда всеобъемлющая гордыня этого монстра начала сменяться неуверенностью, а неуверенность — страхом, он понял, что ему противостоят не просто несколько человек, но армии, легионы мертвых, поднимающихся из своих братских могил, чтобы в последний раз бросить ему свой вызов.

Да и самого Сола поразили и даже испугали тени, вставшие с ним рядом, чтобы защитить его, прежде чем уйти обратно во тьму. Некоторых из них он даже не мог вспомнить. Откуда они — с фотографий, из досье? Зато Сол хорошо помнил других — молодого венгерского кантора, последнего раввина Варшавы, девочку из Трансильвании, покончившую с собой в День искупления, дочь Теодора Герцля, умершую от голода в Терезиенштадте, шестилетнюю девочку, убитую женами эсэсовцев в Равенсбруке... Ужасный миг он метался в бесконечных коридорах собственного сознания, гадая, не попал ли он в какое-то невероятное хранилище национальной памяти, которое не имеет никакого отношения к сотням часов его тщательного самогипноза и месяцам заранее спланированных кошмаров.

Последней личностью, уничтоженной оберстом, был он сам, четырнадцатилетний Соломон Ласки, стоящий в Хелмно и беспомощно глядящий вслед отцу и брату Йозефу. Только на этот раз, за мгновение до того, как фон Борхерт рассеял этот образ, Сол вспомнил то, чего он не позволял себе раньше. Его отец вдруг обернулся, крепко прижимая к себе Йозефа, и воскликнул на иврите: «Услышь, о Израиль! Мой старший сын будет жить!» И Сол, сорок лет искавший покаяния в этом самом непростительном из грехов, наконец увидел его в лице единственного человека, который мог простить его, четырнадцатилетнего мальчика.

Он споткнулся, но, восстановив равновесие, бросился к оберсту.

Том Рейнольдс кинулся наперерез, протягивая свои длинные пальцы к его горлу.

Сол не обратил на него никакого внимания, оттолкнул в сторону, позаимствовав силу у своих мысленных союзников, и преодолел последние пять футов, отделявшие его от Вилли фон Борхерта.

На мгновение он увидел удивленное лицо немца, его расширенные от недоумения выцветшие глаза и вцепился в жилистую шею, опрокидывая кресло и увлекая за собой Рейнольдса. Все трое рухнули на пол.

Герр генерал Вильгельм фон Борхерт был старым человеком, но его руки все еще сохраняли силу, и он уперся ими в грудь Сола

в отчаянной попытке освободиться. Сол не обращал внимания на колени оберста, бившие его в живот, на сокрушительные кулаки Тома Рейнольдса, опускавшиеся ему на спину и голову. Используя свою многоликую силу, он сомкнул пальцы на горле немца и принялся душить его, понимая, что ослабит хватку лишь тогда, когда эта тварь перестанет дышать.

Вилли брыкался, извивался, царапал руки и лицо своего насильника, брызжа слюной во все стороны. Его румяное лицо сделалось сначала багрово-красным, потом посинело, он уже задыхался. Чем глубже впивались пальцы Сола в горло ненавистной твари, тем больший прилив сил он ощущал. Вилли молотил каблуками по ножке опрокинутого массивного кресла.

Сол не заметил, как следующей взрывной волной снесло панорамные двери и выбило все окна, осыпав их осколками стекла. Он не заметил, как второй снаряд попал в верхние этажи особняка, наполнив зал дымом, когда занялись старые кипарисовые стропила. Он не заметил, что Рейнольдс удвоил свои усилия, колотя и пиная Сола, словно обезумевшая заводная игрушка. Он не заметил, как, хрустя битым стеклом, к ним подошел Тони Хэрод с двумя бутылками «Дом Периньона» и одной из них ударил Рейнольдса по затылку. Пешка Вилли Бордена, потеряв сознание, отпустила Сола, но продолжала извиваться и вздрагивать от лихорадочных нервных импульсов, которые все еще посылал оберст. Хэрод сел на черную клетку, открыл бутылку и стал пить прямо из горлышка. Но Сол и этого не заметил. Он все крепче и крепче сжимал руки на горле немца, не обращая внимания на кровь, хлещущую из его собственного расцарапанного горла и капающую на темнеющее лицо и выпученные глаза старика.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Сол осознал, что оберст мертв. Пальцы его так глубоко ушли в горло немца, что, даже когда он заставил себя разжать их, на шее остались глубокие вмятины, словно отпечатки скульптора в мягкой глине. Голова фон Борхерта запрокинулась, вылезшие из орбит глаза неподвижно уставились в потолок, распухшее лицо почернело. Том Рейнольдс лежал без дыхания на соседней клетке, его застывшее лицо представляло собой искаженную карикатуру на маску смерти своего хозяина.

Сол почувствовал, что последние силы вытекают из него, как жидкость из разбитого сосуда. Он знал, что где-то здесь в зале находится Хэрод и с ним тоже надо разобраться, но не сейчас. А может, в этом и не возникнет необходимости.

С возвращением сознания вернулась и боль. Правое плечо Сола было сломано и кровоточило, ему казалось, что осколки костей трутся друг о друга. Грудь и шея оберста были залиты кровью Сола, вырисовывая бледные отпечатки его рук.

Тем временем особняк содрогнулся еще от двух взрывов. Дым окутал зал, и десятки тысяч витражей отразили языки бушующего на втором этаже пламени. Сол уже ощущал спиной жар, понимал, что должен встать и идти, но не мог.

Он упал щекой на грудь оберста и позволил силе тяжести придавить себя. Снаружи снова раздался грохот, но это не имело значения. Испытывая острейшую потребность хотя бы в минутном отдыхе, Сол закрыл глаза, и теплый мрак объял его со всех сторон.

Глава 75

Остров Долманн
Вторник, 16 июня 1981 г.

— Ну, вот и все, — сказал Микс.

Едва закончился обстрел, пилот направил «сессну» к посадочной полосе. После обстрела на ней остались лишь несколько глубоких воронок, которые при сопутствующей удаче и умелом управлении можно было миновать, однако южная часть была перекрыта стволами двух поваленных деревьев, а северная охвачена огнем — там взорвался резервуар с авиационным топливом. Рядом с горами пепла и балками, которые еще недавно были ангаром, виднелись дымящиеся остовы вертолетов и полыхал «лир-джет».

— Приплыли, — вздохнул Микс. — Видит бог, мы старались. Стрелка топлива показывает, что пора поворачивать обратно. Нам и так придется добираться на честном слове.

— У меня есть идея, — сказала Натали. — Давайте приземлимся в каком-нибудь другом месте.

— Нет. — Пилот покачал головой. — Ты видела северный пляж, над которым мы пролетали несколько минут назад? Прилив и шторм перемесили там все. Ни малейшего шанса.

— Он прав, Натали, — устало промолвил Джексон. — В этой ситуации мы вряд ли что-то сможем сделать.

— Эсминец... — начал Микс.

— Ты сам сказал, что сейчас он уже находится в пяти милях от юго-восточного мыса, — прервала его Натали.

— Но у него длинные руки, — возразил пилот.

Они уже в третий раз приближались к южной части взлетной полосы.

— Поворачивай налево, — скомандовала Натали. — Сейчас покажу.

— Ты, наверное, шутишь? — усмехнулся Микс, когда они ушли в сторону от скал.

— Мне не до шуток, — бросила девушка. — Давайте садиться, пока не вернулось это корыто.

— Эсминец, — автоматически поправил ее Микс. — Ты сумасшедшая!

На скале, где минут двадцать назад самоуничтожилась ракета, все еще горел кустарник. Западную часть неба освещали пожары, бушевавшие на взлетной полосе. В трех милях от берега на черном фоне воды догорали обломки роскошной «Антуанетты». Уничтожив взлетную полосу, эсминец вернулся вдоль восточного берега назад и уложил по меньшей мере с полдюжины снарядов туда, где стоял особняк. Крыша огромного строения полыхала, восточное крыло было полностью разрушено, дым клубами поднимался в свете еще горевших прожекторов, а один из снарядов, вероятно, попал в южную часть, выбив окна и стену, которая выходила на длинную лужайку, тянувшуюся до самых скал.

Однако сама лужайка выглядела неповрежденной, хотя частично тонула в темноте там, где были разбиты прожектора. Пожар, бушевавший на скалах, высвечивал кустарник и карликовые деревья. Освещенный участок лужайки, прилегавший к особняку, длиной ярдов в двадцать, казался довольно ровным, если не считать единственной воронки от снаряда и руин, оставшихся от дома.

— Это нам подходит, — заявила Натали.

— Сомневаюсь, — откликнулся Микс. — Угол наклона почти тридцать градусов.

— Для посадки годится, — упрямо повторила девушка. — Тебе будет вполне достаточно этой полосы. Ведь на британских авианосцах палубу специально делают наклонной, верно?

— Она дело говорит, — кивнул Джексон.

— Под тридцать градусов? — фыркнул Микс. — Кроме того, даже если нам удастся приземлиться и не врезаться в это горящее

здание, на темных кусках лужайки могут быть сучья, ямы, декоративные камни... Это безумие!

— Я голосую «за», — сказала Натали. — Мы должны попытаться найти Сола.

— Да, — поддержал ее Джексон.

— Какое, к черту, голосование? — возмутился Микс. — С каких это пор на самолетах демократия? — Он натянул на лоб кепку и бросил взгляд на эсминец, удалявшийся на восток. — Ну, признайтесь, — взмолился он, — это что, начало революции?

Натали подмигнула Джексону.

— Да, — кивнула она.

— Ну вот! — воскликнул Микс. — Я так и знал. Ладно, леди и джентльмены, ставлю вас в известность, что вы совершаете полет с единственным заслуженным социалистом Дорчестерского округа. — Он достал сигару из кармана рубашки и пожевал ее. — Ну что ж, — сказал он наконец, — все равно нам не хватит топлива на обратную дорогу.

С приглушенным двигателем самолет начал плавно снижаться к скале, белевшей внизу в свете звезд. Натали никогда еще не испытывала такого возбуждения. Затянув пристежной ремень так туго, что едва можно было дышать, она наклонилась вперед и вцепилась в приборную доску, когда вершины скал устремились к ним с захватывающей дух скоростью. Через сто футов ей показалось, что «сессна» неминуемо должна разбиться о скалы.

— Встречный ветер нам здорово поможет, — сказал Микс, осторожно выжимая ручку управления. Они миновали вершину скалы на высоте десять футов и погрузились во мрак, царивший между деревьями. — Мистер Джексон, сообщите мне, когда этот корабль повернет назад.

Джексон со своего места издал нечто нечленораздельное.

Микс посадил «сессну» в самом начале первой освещенной полосы. Посадка оказалась жестче, чем Натали могла себе представить. Она ощутила во рту привкус крови и поняла, что прикусила язык. Через секунду они уже неслись в темноте, чередующейся с полосами света. Натали подумала о стволах рухнувших деревьев и декоративных камнях.

— Пока неплохо, — заметил Микс.

Самолетик проскакал по очередному освещенному участку и вновь нырнул в темноту. Натали казалось, что они карабкаются

по вертикальной стене, выложенной булыжником. Правое шасси вдруг что-то зацепило, и «сессну» занесло вбок, так что она чуть не перевернулась на скорости пятьдесят миль в час. Микс дергал за дроссель, тормоза и педали управления, как обезумевший органист. Наконец самолет выровнялся и выкатился на последний освещенный участок. Южная стена горящего дома летела им навстречу с угрожающей скоростью.

Они описали ухабистую дугу так, что правое крыло прошло над краем воронки, в каких-то пятнадцати футах от патио. Порывом поднятого «сессной» ветра сорвало зонтик над столом, и он, кувыркаясь, полетел в сторону.

Самолет замер, глядя под уклон. Натали казалось, что даже горнолыжные трассы, на которых ей довелось кататься, были менее крутыми. Пилот вытащил изо рта сигару и недоуменно уставился на нее, словно только сейчас обнаружил, что она не зажжена.

— Санитарная остановка, — объявил он. — Кто не вернется через пять минут или при первом появлении противника, пойдет домой пешком. — Он извлек из лежавшей между сиденьями кобуры кольт с перламутровой рукоятью и отсалютовал им. — *Viva la revolution!*[1]

Натали никак не могла расстегнуть свой ремень и открыть дверь. В результате она просто выпала из кабины, увлекая за собой сумку и чуть не вывернув лодыжку. Она вытащила кольт, оставив все остальное на земле, и подождала Джексона. У него была с собой лишь черная медицинская сумка и фонарик, но он повязал на голову красный платок.

— Куда? — прокричал он, перекрывая рев все еще вращавшегося пропеллера. — Думаю, наше прибытие заметили. Так что лучше поторопиться.

Натали кивнула в направлении главного зала. Свет в этой части особняка не горел, но рыжие отблески пламени очерчивали смутные тени в дымном пространстве за развороченными стеклянными дверями. Джексон пробрался по разбитым плитам, ногой толкнул дверь и включил свой армейский фонарик.

Густой дым обволакивал огромный зал, пол которого был усеян бесчисленными осколками и обломками кирпичей. Натали с поднятым вверх кольтом двинулась вперед. Чтобы легче было дышать, она прижала к лицу носовой платок. Слева, в конце зала, виднелись два стола, заставленные едой, напитками и разбитыми

[1] Да здравствует революция! *(исп.)*

электронными приборами. На полу в разных местах лежали несколько тел. Джексон, освещая себе дорогу фонариком, осторожно подошел к первому из них. Это оказалась та красивая азиатка, которая была в машине с Тони Хэродом, когда три дня назад Сол встречался с ним в Саванне.

— Не свети ей в глаза, — донесся из темноты знакомый голос.

Натали присела и развернула ствол револьвера в направлении звука, а Джексон посветил туда же фонариком. У перевернутого кресла на полу, скрестив ноги, сидел Хэрод, а рядом с ним лежали еще чьи-то тела. На коленях он держал наполовину пустую бутылку вина.

Натали придвинулась к Джексону, передала ему кольт и взяла фонарик.

— Он Использует только женщин, — сказала она, указывая на Хэрода. — Если он шевельнется или я начну вести себя странно, убей его.

Хэрод мрачно покачал головой и сделал большой глоток из бутылки.

— С этим покончено, — произнес он. — Навсегда.

Натали посмотрела вверх. Сквозь разрушенную крышу виднелись звезды. Судя по звукам, где-то работала автоматическая противопожарная система, но на втором и третьем этаже продолжало бушевать пламя. Вдали слышался треск автоматных очередей.

— Смотри! — крикнул Джексон.

Луч фонарика осветил три тела рядом с массивным креслом.

— Сол! — Натали бросилась вперед. — О господи, Джексон! Он мертв?

Она оттащила Сола в сторону, с трудом отцепив его руки от тела лежавшего под ним мужчины. Натали сразу поняла, что это оберст, — Сол показывал ей газетные вырезки с фотографиями Уильяма Бордена из своего архива, — но теперь его искаженное почерневшее лицо с вылезшими из орбит глазами казалось нечеловеческим и абсолютно неузнаваемым.

Джексон опустился на колени рядом с Солом, нащупал его пульс, поднял веко и посветил фонариком. Натали же видела только сплошную кровь, покрывавшую лицо, руки и одежду Сола. Она не сомневалась, что он мертв.

— Он дышит, — сказал Джексон. — Пульс слабый, но прощупывается.

Они расстегнули комбинезон и осторожно перевернули Сола. Джексон при свете фонарика осмотрел его.

— О боже, — прошептал он. — У него два пулевых ранения. С ногой ничего страшного, но надо как-то остановить кровотечение в плече. И кто-то здорово потрудился над его рукой и горлом. — Он открыл свою сумку, приготовил шприц и ввел иглу в левую руку психиатра. Затем глянул на приближавшиеся языки пламени. — Надо выбираться отсюда, Натали. В самолете у меня есть плазма. Помоги мне.

Сол застонал, когда они начали поднимать его.

— Эй! — раздался из темноты голос Хэрода. — Можно я с вами?

Натали, едва не выронив фонарик, метнулась к кольту, оставленному Джексоном на полу.

— Он собирается меня Использовать, — прошептала она. — Застрели его.

— Нет. — Это был голос Сола. Ресницы его дрогнули, губы посинели и так опухли, что он едва мог говорить. — Он помог мне, — прохрипел Сол и дернул головой в сторону Хэрода. Один глаз у него не открывался от запекшейся вокруг крови, другой был устремлен на Натали. — Эй, — тихо произнес он, — что тебя задержало?

Попытка Сола улыбнуться вызвала у Натали слезы. Она хотела обнять его, но опустила руки, когда увидела, как он сморщился от боли.

— Пошли, — сказал Джексон. Треск автоматных очередей стал громче.

Натали кивнула и в последний раз обвела зал лучом фонарика. Пожар полыхал уже ближе, захватив прилегающие коридоры второго этажа. Усиливавшееся кроваво-красное сияние напоминало картину Страшного суда Иеронима Босха, а сверкавшие на полу осколки казались глазами бессчетного числа демонов. Натали еще раз взглянула на мертвое тело Вильгельма фон Борхерта и судорожно вздохнула.

— Пошли, — сказала она.

Все три горевших на склоне холма прожектора погасли. Натали с фонариком и кольтом шла впереди, а Джексон нес Сола. Еще до того, как они покинули особняк, психиатр вновь потерял сознание. «Сессна» стояла на месте, пропеллер по-прежнему вращался, но пилот исчез.

— О господи, — выдохнула Натали, обводя фонариком лужайку.

— Ты умеешь водить эту штуку? — спросил Джексон, затаскивая Сола в самолет. Он тут же принялся распаковывать стерильные бинты и готовить плазму.

— Нет. — Она покачала головой и посмотрела вниз.

То, что должно было служить им взлетным полем, погрузилось в кромешную тьму. Натали не могла даже различить, где начинается дубовая аллея.

Со стороны холмов вдруг послышались шаги и чье-то тяжелое дыхание. Натали направила туда луч фонарика и подняла кольт. Дэрил Микс бежал к самолету, заслоняясь рукой от света.

— Где ты был? — воскликнула Натали, опуская фонарик.

— Свет погас, — задыхаясь, ответил он.

— Мы знаем. Где...

— Залезай! — Он вытер кепкой мокрое от пота лицо.

Натали кивнула и побежала вокруг самолета к пассажирскому сиденью, чтобы не ползти через пульт управления, боясь задеть тормоза или еще что-нибудь. Под крылом с другой стороны стоял Тони Хэрод.

— Пожалуйста, — заныл он. — Вы должны взять меня с собой. Я действительно спас ему жизнь, честное слово. Пожалуйста.

Натали ощутила легкий намек на чужое присутствие в своем сознании, словно чья-то рука робко ощупывала темноту. Ждать она не стала. Едва Хэрод открыл рот, девушка подошла ближе и изо всех сил пнула его в пах, радуясь, что на ней не кроссовки, а жесткие туристские ботинки. Хэрод выронил бутылку, которую держал в руке, и упал на траву, корчась от боли.

Натали запрыгнула на подножку и открыла дверь кабины. Она не знала, какая концентрация внимания требуется мозговому вампиру, чтобы применить свою силу, но не сомневалась, что гораздо большая, чем та, на которую сейчас был способен Тони Хэрод.

— Быстрее! — крикнула она, хотя Микс тронул самолет с места прежде, чем она успела захлопнуть за собой дверь.

Натали попробовала нащупать пристежной ремень, не нашла его и удовлетворилась тем, что обеими руками вцепилась в приборную доску. Если их приземление было захватывающим, то взлет стал воплощением всех известных аттракционов одновременно. Натали сразу поняла, чем занимался Микс, пока они были в особняке. В конце длинного темного коридора на расстоянии тридцать футов друг от друга ярко полыхали два огня.

— Надо знать, где кончается земля и начинается откос! — прокричал пилот, перекрывая нарастающий грохот двигателя и дребезжание шасси. — Это неплохо срабатывало, когда мы с папой играли в «подковки» в темноте. На сигареты.

Продолжать беседу было уже невозможно. Тряска увеличилась, огни метнулись навстречу и вдруг остались позади, а на Натали нахлынуло опасение, подстерегающее всех любителей «американских горок»: что, если въедешь на вершину и рельсы кончатся, а кабина будет продолжать лететь дальше?

Скалы за особняком спускались к морю почти на двести футов. «Сессна» упала уже на половину этой высоты, и тут Микс совершил нечто неожиданное: он опустил нос самолета и, прибавив обороты, еще стремительнее ринулся навстречу белой полосе прибоя, которая целиком заполнила обзор в ветровом стекле. Позже Натали не могла вспомнить ни о собственном крике, ни о выпущенной из кольта пуле, но Джексон уверял ее, что вопль был впечатляющим, а пулевое отверстие в крыше кабины говорило само за себя. Микс дулся из-за этого почти всю обратную дорогу.

Едва они вышли из крутого виража, придавшего им необходимое ускорение, и стали набирать высоту, Натали переключила свое внимание на Сола.

— Как он? — спросила она, разворачиваясь в кресле.

— Без сознания. — Джексон стоял на коленях в тесном проходе, занимаясь правой рукой Сола.

— Он выживет?

— Если мне удастся стабилизировать его состояние. — В тусклом свете приборной доски были видны лишь глаза медика. — Про остальное: внутренние повреждения, переломы — сказать ничего не могу. Пулевое ранение плеча не так опасно, как я думал. Похоже, пуля была выпущена с большого расстояния или от чего-то отскочила. Я могу прощупать ее на глубине два дюйма, чуть выше кости. Видимо, Сол в тот момент наклонился. Если бы он стоял прямо, она бы вышла через правое легкое. Он потерял много крови, но я влил ему плазму. Натали, ты знаешь, что плазму изобрели чернокожие?

— Нет.

— Парень по имени Чарльз Дрю. Я читал где-то, что он умер от потери крови после автомобильной аварии в пятидесятые, потому что какой-то идиот в больнице Северной Каролины заявил, что у него в холодильнике нет негритянской крови, а «белую» кровь он отказался ему переливать.

— Какое это сейчас имеет значение? — удивилась Натали.

Джексон пожал плечами:

— Солу бы понравилось. У него с чувством юмора получше, чем у тебя. Вероятно, потому, что он психиатр.

Микс вынул изо рта сигару.

— Мне очень не хочется прерывать вашу романтическую беседу, — заметил он, — но, может, вашего друга стоит доставить в ближайшую больницу? До Саванны, к примеру, лететь на час меньше, чем до Чарлстона, Брунсуика или Меридиана. Да и с горючим это отчасти решит проблему.

Джексон бросил взгляд на Натали.

— Дайте мне десять минут, — сказал он. — Я волью ему еще немного крови, проверю реакции, и тогда посмотрим.

— Я бы предпочла вернуться в Чарлстон, если у нас есть возможность сделать это, не рискуя жизнью Сола, — ответила Натали. — Мне очень нужно туда попасть.

— Как хотите. — Микс пожал плечами. — Я могу лететь прямо, вместо того чтобы огибать побережье, но не уверен, что я правильно оцениваю ситуацию с горючим.

— Оценивай ее, пожалуйста, правильно, — попросила Натали.

— Постараюсь. У тебя, кстати, нет жвачки или чего-нибудь такого?

Она покачала головой.

— Тогда заткни пальцем дыру, которую ты мне проделала в крыше. Этот свист действует мне на нервы.

В конечном итоге именно Сол решил, что они полетят в Чарлстон. После трех пинт плазмы его состояние улучшилось, пульс выровнялся, и он, открыв здоровый глаз, спросил:

— Где мы?

— Летим домой. — Натали опустилась рядом с ним на колени.

Они с Джексоном поменялись местами после того, как медик проверил все жизненно важные функции организма Сола и объявил, что у него затекли ноги.

Миксу такое перемещение не очень понравилось, и он сказал, что люди, которые встают на ноги в движущихся на полной скорости аэропланах и каноэ, просто сумасшедшие.

— С тобой все будет в порядке. — Натали нежно погладила Сола по волосам.

— Немного странное ощущение, — тихо сказал он.

— Это морфий, — пояснил Джексон, нагнувшись, чтобы еще раз проверить пульс.

Сол снова начал куда-то проваливаться, но тут же открыл уже оба глаза и спросил тревожным голосом:

— Оберст... Он действительно мертв?

— Да, — ответила Натали. — Я его видела. Вернее, то, что от него осталось.

Сол сделал хриплый вдох:

— А Барент?

— Если он был на своей яхте, то тоже.

— Как мы и планировали?

— Вроде того, — улыбнулась Натали. — Все пошло не так, как было задумано, но в конце концов вмешалась Мелани. Я даже не знаю, что ее подтолкнуло к действию. Судя по ее последним словам, она отлично ладила с Борденом и Барентом.

Сол с трудом улыбнулся опухшими губами:

— Барент уничтожил мисс Сьюэлл... Это могло разозлить Мелани... А вообще, что вы оба здесь делаете? Мы же ни разу не обсуждали вероятность твоего появления на острове.

— Может, отвезти тебя обратно? — усмехнулась Натали.

Сол закрыл глаза и произнес что-то по-польски.

— Трудно сосредоточиться, — пояснил он. — Натали, может, мы отложим последнюю часть? Может, займемся ею позже? Она хуже их всех, она обладает гораздо большей силой. Думаю, даже Барент под конец стал ее опасаться. Нам вдвоем с ней не справиться. — Голос его становился все слабее, по мере того как он погружался в сон. — Все кончено, Натали... Мы победили.

Она взяла его руку и, поняв, что он уснул, тихо возразила:

— Нет, не кончено. Еще не совсем.

Они летели на северо-запад, к видневшемуся в предрассветной дымке берегу.

Глава 76

Чарлстон
Вторник, 16 июня 1981 г.

При сильном попутном ветре они приземлились на крохотной посадочной полосе Микса к северу от Чарлстона за сорок пять минут до рассвета. На протяжении последних десяти миль показатель топлива стоял на нуле.

Сол не проснулся, даже когда они переложили его на брезентовые носилки, хранившиеся у Микса в ангаре.

— Нам нужна еще одна машина, — сказала Натали, оглядевшись. — Эта продается? — Она указала на микроавтобус «фольксваген», стоявший рядом с трейлером Микса.

— Мой электропрохладительный кислотный экспресс?[1] — воскликнул Микс. — Наверное.

— Сколько? — спросила Натали.

Древняя машина была покрыта психоделическими узорами, которые просвечивали сквозь выцветшую зеленую краску, но Натали привлекло то, что на окнах имелись занавески, а на заднем сиденье, достаточно длинном и широком, вполне можно было разместить носилки.

— Пятьсот?..

— Годится, — кивнула девушка.

Пока мужчины устанавливали носилки позади водительского сиденья, она отправилась к своему пикапу и покопалась в чемоданах. Найдя деньги, спрятанные в одном из ботинков Сола, Натали перенесла все вещи, кроме тех, что могли ей понадобиться, в «фольксваген».

Джексон измерял Солу давление.

— А зачем тебе две машины? — спросил он, подняв глаза.

— Я хочу как можно скорее доставить его в больницу, — ответила она. — Как ты считаешь, везти его в Вашингтон не слишком рискованно?

— Почему в Вашингтон?

Натали вынула из сумки кожаную папку:

— Тут письмо от... родственника Сола. В нем содержится просьба оказать ему помощь в израильском посольстве. Мы приготовили его на всякий случай. Если отправить Сола в чарлстонскую больницу, пулевые ранения неизбежно привлекут внимание полиции. Зачем рисковать без надобности?

— Можно и в Вашингтон, — кивнул Джексон. — Если они смогут быстро обеспечить ему квалифицированную медицинскую помощь.

— В посольстве о нем позаботятся.

— Он нуждается в хирургическом вмешательстве, Натали.

— И у них есть прямо в посольстве операционная.

— Вот это да. — Джексон развел руками. — А почему бы тебе тоже туда не поехать?

---

[1] Аллюзия на автобус Кена Кизи и его «веселых проказников» из документального романа Тома Вулфа «Электропрохладительный кислотный тест» (1968)

— Я хочу забрать Зубатку, — ответила Натали.

— Мы можем заскочить за ним перед выездом из города, — предложил Джексон.

— К тому же мне надо избавиться от пластита и всякого электронного хлама, — добавила она. — Встретимся в посольстве сегодня вечером.

Джексон долго смотрел на нее, затем кивнул. Когда они вылезли из машины, к ним подошел Микс.

— По радио что-то не слышно никаких сообщений о революции, — заметил он. — Разве подобные вещи не начинаются везде одновременно?

— Продолжай слушать, — посоветовала Натали.

Микс кивнул и взял у нее пятьсот долларов:

— Если революция и дальше будет так продолжаться, глядишь, я разживусь на ней.

— Спасибо за прогулку, — улыбнулась Натали, и они пожали друг другу руки.

— А вам троим нужно сменить занятие, если хотите насладиться жизнью после революции, — заметил Микс. — Не нервничайте. — И, насвистывая какую-то мелодию, он направился обратно к своему трейлеру.

Натали подошла к «фольксвагену» и дотронулась до руки Джексона.

— Увидимся в Вашингтоне, — сказала она.

Он взял ее за плечи и крепко обнял:

— Будь осторожна, малышка. Мы все сделаем втроем, когда позаботимся о Соле.

Натали лишь кивнула, боясь, что проговорится. Быстро выехав из аэропорта, она отыскала главную дорогу в Чарлстон.

Продолжая вести машину на большой скорости, Натали разложила на соседнем сиденье пояс со взрывчаткой, детонатор с проводами, радиопередатчик, кольт с двумя дополнительными обоймами, духовой пистолет и коробку с ампулами. На заднем сиденье стояло дополнительное электронное оборудование и лежал купленный в последнюю пятницу топор, накрытый одеялом. Она задумалась о том, как к этому отнесется полицейский, если ее остановят за превышение скорости.

Мрак рассеивался, переходя в туманный рассвет, но плотные тучи на востоке не давали пробиться солнцу, и фонари продолжали гореть. Сбросив скорость, девушка въехала в Старый город, и

сердце ее бешено заколотилось. Она остановилась за полквартала от дома Фуллер, нажала кнопку передатчика и спросила: «Зубатка, ты здесь?» Ответа не последовало. Спустя несколько минут Натали проехала мимо дома, но в переулке напротив, где их должен был дожидаться Зубатка, тоже никого не было. Она убрала передатчик, уповая лишь на то, что парень где-нибудь заснул, или отправился разыскивать их, или, на худой конец, был арестован за бродяжничество.

Дом и двор Фуллер под высокими деревьями, с которых все еще стекали капли дождя, тонули в темноте. Лишь сквозь жалюзи верхнего окна продолжал литься зеленоватый свет.

Натали медленно объехала квартал. Сердце ее билось так, что она ощущала физическую боль. Ладони вспотели, а пальцы ослабли настолько, что она даже не могла сжать их в кулак. Голова кружилась от усталости и недосыпания.

Натали понимала, что продолжать действовать в одиночку глупо. Нужно дождаться, пока Солу не станет лучше, подключить Зубатку и Джексона, чтобы они помогли им. Разумнее всего сейчас развернуться и двинуться в Вашингтон, прочь от этого темного дома, маячившего в сотне ярдов впереди, с его зеленоватым свечением, напоминавшим какой-то фосфоресцирующий гриб в мрачных глубинах леса.

Натали заглушила мотор и попыталась выровнять дыхание. Опустив голову на холодный руль, она заставила свой уставший мозг думать.

Как же ей не хватало Роба Джентри! Он знал бы, что делать дальше.

По щекам ее катились слезы — явный признак усталости. Девушка тряхнула волосами, резко выпрямилась и ладонью вытерла лицо.

«Каждый, кто принимал участие в этом кошмаре, сделал все возможное и невозможное, — подумала она, — кроме меня. Роб выполнил свою задачу и расстался с жизнью. Сол отправился на остров один, зная, что там будут пятеро монстров. Джек Коэн погиб, пытаясь нам помочь. Даже Микс, Джексон и Зубатка взвалили на свои плечи львиную долю ответственности, а маленькая мисс Натали хочет, чтобы все сделали за нее».

Она так крепко вцепилась в руль, что у нее побелели костяшки пальцев, и попробовала разобраться в своих мыслях. Ее жажду отомстить за отца и Роба затмили время и безумные события последних семи месяцев. Она была уже не той девочкой, которая беспо-

мощно и одиноко стояла перед закрытым моргом, где лежало тело ее отца, и клялась отомстить неизвестному убийце. В отличие от Сола, ею больше не двигало стремление к возмездию и справедливости.

Натали взглянула на дом Фуллер. Нет, сейчас ею руководило нечто похожее на то, что подвигло ее стать учительницей. Оставить Мелани Фуллер в живых — все равно что бежать из школы, в которой среди ничего не подозревающих детей ползает смертельно ядовитая змея.

Руки Натали дрожали, когда она надевала пояс и вставляла в него тяжелые пакеты с пластитом. Энцефалограф требовал замены батареек, и она с ужасом вспомнила, что оставила дополнительное снаряжение в одной из сумок. Непослушными пальцами ей все же удалось открыть радиопередатчик и переставить батарейки.

Два контакта никак не приклеивались, и Натали оставила их болтаться, подсоединив пусковой механизм к детонаторам Си-4. Главный детонатор был электрическим, но присутствовал еще и механический таймер обратного отсчета, и катушка запала, которую они с Солом рассчитали на временной отрезок в тридцать секунд. Натали похлопала себя по карманам в поисках зажигалки, но та, вероятно, осталась на острове вместе с остальным содержимым ее сумки. В бардачке, среди дорожных карт, она обнаружила единственную упаковку спичек, которую они прихватили из ресторана, когда останавливались по пути, и сунула ее в карман.

Окинув взглядом вещи, разложенные на сиденье, Натали включила двигатель. Однажды, когда ей было семь лет, один приятель подбил ее прыгнуть с вышки в новом муниципальном бассейне. Это была вышка для взрослых, к тому же Натали едва умела плавать. Тем не менее она уверенно прошла мимо спасателя, оживленно болтавшего с девушкой и не обратившего внимания на малолетку, взобралась по лестнице, казавшейся бесконечной, подошла к краю узкой доски, самой высокой из шести, и прыгнула.

Тогда она понимала, точно так же как и теперь, что стоит задуматься — и все будет кончено. Единственный способ осуществить свое намерение — это не допускать ни единой мысли о последствиях. Натали тронула машину и поехала по тихой улице, зная, как и в бассейне, что обратного пути у нее нет.

После возвращения в Чарлстон старуха установила вокруг дома шестифутовый кирпичный забор, надстроенный четырьмя футами чугунного ограждения, однако первоначальные узорные ворота

с металлическими решетками сохранились. Хотя они были заперты, боковые крепления выглядели не слишком надежными. Натали резко свернула вправо, перескочила через бордюр и на полной скорости въехала в ворота.

Одна створка рухнула, превратив ветровое стекло в паутину трещин, правое крыло машины задело декоративный фонтан и оторвалось. Пикап пересек двор, подминая под себя кустарник и карликовые деревья, и врезался в фасад дома.

Натали забыла пристегнуть ремень. От удара ее швырнуло вперед, затем отбросило назад так, что на лбу тут же вздулась шишка, а перед глазами поплыли красные круги. Оружие, аккуратно разложенное на соседнем сиденье, грохнулось на пол.

«Отличное начало», — подумала она, наклонившись, чтобы поднять кольт и духовой пистолет. Коробка с ампулами вместе с дополнительными обоймами закатились куда-то под сиденье. Натали решила не возиться с ними — пока и то и другое оружие у нее было заряжено.

Выйдя из машины, она ступила в предрассветную мглу. До нее доносился лишь звук воды, вытекавшей из разбитого фонтана, но она не сомневалась, что своим бурным вторжением подняла на ноги полквартала. У нее оставалось очень мало времени сделать то, что она должна.

Натали намеревалась выбить входную дверь, обрушив на нее три тысячи фунтов автомобильного веса, но промахнулась. Она подергала ручку — вдруг Мелани решила облегчить ей задачу? — но дверь оказалась заперта. Натали вспомнила, что видела раньше целый набор затейливых замков и цепочек.

Положив духовой пистолет на крышу пикапа, она достала с заднего сиденья топор и принялась за работу с той стороны, где находились петли. После шести мощных ударов пот уже стекал с нее ручьем, заливая глаза. После восьмого удара дерево возле петель поддалось и стало расщепляться. После десятого удара дверь распахнулась, продолжая держаться с левой стороны на цепях и запорах.

Натали перевела дыхание, сдержала накатившую волну тошноты и отшвырнула топор в кусты. Ни воя сирен, ни каких-либо передвижений внутри дома по-прежнему слышно не было. Зеленое сияние со второго этажа проникало во двор, освещая траву болезненным светом.

Девушка вытащила кольт 32-го калибра и загнала пулю в патронник, вспомнив, что их осталось семь вместо восьми после слу-

чайного выстрела в «сессне». Взяв духовой пистолет, она помедлила, понимая, что выглядит глупо со стволом в каждой руке. Отец сказал бы, что она похожа сейчас на его любимого ковбоя Хута Гибсона. Натали никогда не видела фильма с Хутом Гибсоном, но тоже продолжала считать его своим любимым ковбоем.

Открыв пошире дверь, она вошла в темный затхлый коридор, не задумываясь о том, что будет дальше. Ее удивляло лишь, что сердце у человека может колотиться с такой силой, не разрывая при этом грудной клетки.

Футах в шести от двери на стуле сидел Зубатка. Его мертвые глаза смотрели на девушку, к отвисшей нижней челюсти был приколот лист бумаги с надписью, сделанной фломастером: «Убирайся!»

«Может, ее уже нет?» — подумала Натали, обходя Зубатку и направляясь к лестнице.

Справа из дверей кухни выскочил Марвин, а через долю секунды вход в гостиную перекрыл Калли.

Натали выстрелила Марвину в грудь ампулой с транквилизатором и бросила на пол теперь уже ненужный духовой пистолет. Левой рукой ей пришлось стремительно перехватить запястье Марвина, когда он занес мясницкий нож в смертоносном ударе. Ей удалось притормозить его движение, но острие все же на полдюйма вошло в ее левое плечо, пока она выворачивала ему руку, вращаясь словно в безумном танце. Калли бросился к ним и в обхват Марвина вцепился своими огромными лапами в горло Натали. Понимая, что великану потребуется несколько секунд на то, чтобы сломать ей шею, Натали просунула кольт под левой рукой Марвина, уперла ствол в мягкий живот Калли и дважды выстрелила. Звуки выстрелов были еле слышны.

На тупом лице Калли внезапно появилось выражение обиженного ребенка, пальцы его разжались, и он попятился, по дороге ухватившись за дверной косяк, словно пол вдруг принял вертикальное положение. Невероятным физическим усилием, от которого буграми вздулись мышцы на его руках, он преодолел невидимую силу, увлекавшую его назад, и принялся карабкаться по этой воображаемой стене.

Опершись на внезапно начавшее проседать плечо Марвина, Натали выстрелила еще дважды. Первая пуля прошла навылет через ладонь Калли и попала ему в живот, вторая срезала мочку левого уха так ровно, словно это был какой-то фокус.

Натали почувствовала, что ее душат рыдания, и закричала: «Падай же! Падай!» Но гигант не упал, он снова уцепился за дверной косяк и начал потихоньку оседать синхронно с Марвином, словно в замедленной съемке. Нож с грохотом упал на пол. Натали успела подхватить голову бывшего главаря банды прежде, чем он врезался лицом в полированное дерево. Уложив его у ног Зубатки, она развернулась и начала поводить стволом из стороны в сторону, прикрывая дверь в столовую и короткий коридорчик в кухню.

Больше никто не появился.

Все еще всхлипывая и хватая ртом воздух, Натали стала подниматься по длинной лестнице. По дороге она нажала на выключатель, но хрустальная люстра над площадкой верхнего этажа так и не зажглась.

Заставив себя собраться, она расстегнула пояс со взрывчаткой и перекинула его через левую руку так, чтобы механический таймер, установленный на тридцать секунд, был повернут кверху. Его можно будет привести в действие одним нажатием кнопки. Она выждала еще секунд двадцать, чтобы дать возможность старухе сделать ход, если та собиралась его делать.

На площадке второго этажа царила мертвая тишина. Слева от входа в спальню Мелани стоял одинокий плетеный стул — именно на нем мистер Торн проводил свои ночные бдения. Заглянуть за угол, в темный коридор, уходивший налево в глубину дома, Натали не могла.

Услышав вдруг шум, она обернулась, но увидела лишь три тела, распластанные на полу гостиной. Калли теперь лежал, уткнувшись лицом в пол. Она снова повернулась к двери, ожидая, что на нее набросится кто-нибудь из коридора. Нервы у нее были на пределе, и она чуть не выстрелила в темноту, но из коридора никто не появился. Он был пуст, выходящие в него двери — закрыты.

Натали подошла к дверям спальни. Какое-то едва уловимое движение воздуха, коснувшееся ее щеки, заставило ее посмотреть вверх, на утопавший во мраке потолок и еще более темный квадрат — маленький люк, ведущий на чердак. Люк был открыт, а в его проеме застыло напряженное, готовое к прыжку тело шестилетнего ребенка. Недетское лицо искажала безумная улыбка, пальцы со стальными ногтями изогнулись, как когти.

Натали попыталась отскочить в сторону и одновременно выстрелить, но Джастин уже летел вниз с громким шипением, так что пуля врезалась в дерево. Его стальные когти разодрали правую руку девушки и выбили у нее кольт.

Она попятилась, подняв левую руку со взрывчаткой, как щит. Когда Натали была маленькой, каждый Хеллоуин она отправлялась на дешевую распродажу и покупала себе «ведьмины когти», затем приклеивала их к пальцам и щеголяла с трехдюймовым маникюром. Однако накладные ногти Джастина были стальными и острыми, как скальпели. Непроизвольно в мозгу Натали возникла картинка: Калли или какой-нибудь другой суррогат Мелани Фуллер изготавливает стальные тигли, заливает их расплавленным оловом и смотрит, как ребенок опускает в них пальцы, ждет, пока олово не застынет и не затвердеет.

Джастин бросился на Натали. Она прижалась спиной к стене и инстинктивно подняла руку. Когти глубоко вонзились в пояс, прорвали брезент и пластиковую обертку взрывчатки. Когда по меньшей мере два из них разрезали ее руку, Натали стиснула зубы, чтобы не закричать от боли.

С победным шипением Джастин сорвал пояс с руки Натали и швырнул его через перила. Внизу послышался глухой удар, когда туда приземлились двенадцать фунтов инертной взрывчатки. Натали опустила глаза и увидела свой кольт, лежащий между двумя столбиками перил. Не успела она сделать и полшага, как к оружию подлетел Джастин и, поддев его своей синей кроссовкой, отправил вниз, вслед за взрывчаткой.

Натали попыталась обойти мальчишку справа, но он прыгнул, перекрывая ей дорогу. И тут она заметила массивное тело Калли, медленно ползущее по лестнице. Он уже преодолел треть пути, оставляя за собой кровавый след.

Девушка бросилась бегом в темный коридор и резко остановилась, понимая, что именно этого и хотела от нее старуха. Одному богу известно, что ожидало ее там.

Джастин двинулся к ней, рассекая воздух своими ужасными когтями. Тогда Натали быстро схватила правой окровавленной рукой плетеный стул и резко вскинула его. Одна из ножек попала Джастину в рот, но он продолжал приближаться, размахивая руками как одержимый. Когти его царапали стул, пока не вырвали плетеное сиденье. Изогнувшись, мальчишка атаковал, норовя попасть Натали в бедренную артерию. Не выпуская стул из рук, она попыталась сбить его с ног и пригвоздить к полу, но он делал ложный выпад то вправо, то влево, наносил удары, отскакивал и снова набрасывался. Подошвы его кроссовок мягко поскрипывали на гладком паркете.

Натали удавалось отражать атаки Джастина, но ее израненные руки уже начинали дрожать от усталости. Рваная рана на левой руке болела так, словно доходила до самой кости. С каждым разом она отступала все дальше, пока не оказалась прижатой спиной к дверям спальни Мелани Фуллер. Несмотря на то что у нее не было времени на размышления, Натали живо представила себе, как дверь распахивается и она падает прямо в поджидающие ее руки старухи...

Но дверь не открывалась.

Джастин, не обращая внимания на ножки стула, впившиеся ему в грудь и горло, пытался дотянуться до девушки. Ему это никак не удавалось, и тогда он, вцепившись когтями в деревянную основу сиденья, попробовал отнять у Натали ее единственное средство защиты или разломать его. Летели щепки, но стул продолжал держаться.

И тут откуда-то из глубины сознания до Натали донесся сухой, педантичный голос Сола: «Она использует тело ребенка, Натали, и его возможности. Преимущество Мелани — в ее страхе и ярости. Твое преимущество — в росте, весе, концентрации и способности сохранять равновесие. Воспользуйся этим».

Джастин зашипел, как переполненный чайник на плите, и, пригнувшись, снова прыгнул на Натали. Над краем площадки уже показалась лысая голова Калли.

Держа стул перед собой обеими руками, она нажала на него всем своим весом так, что мальчишка оказался между ободранными ножками. Он отлетел назад к перилам. Старое дерево затрещало, но не сломалось.

Ловкий и быстрый, как кот, Джастин вскочил на перила шириной в пять дюймов, мгновенно восстановил равновесие и приготовился напасть на Натали сверху. Не медля ни секунды, она шагнула вперед, перехватила стул, как бейсбольную биту, и, размахнувшись, нанесла такой удар, что Джастин полетел вниз, словно мячик.

Единый вопль вырвался из глоток Джастина, Калли и еще бесчисленного числа суррогатов за закрытой дверью Мелани Фуллер. Однако мальчишка успел зацепиться когтями за массивную люстру, свисавшую чуть ниже уровня площадки, и принялся карабкаться вверх, балансируя на высоте пятнадцать футов над полом.

Не веря своим глазам, Натали выронила стул. Калли уже добрался до последней ступеньки и продолжал подтягиваться. С чу-

довищной усмешкой на лице, Джастин стал раскачивать люстру взад-вперед, с каждым разом его вытянутая рука оказывалась все ближе к перилам.

В свое время, по меньшей мере век назад, эта люстра могла бы выдержать вес десяти таких, как Джастин. Железная цепь и болты были по-прежнему крепкими, но девятидюймовая деревянная балка, в которой крепилась арматура, уже более ста лет терпела влажность Южной Каролины, осаждавших ее насекомых и полное пренебрежение со стороны хозяйки. Когда балка не выдержала, Джастин полетел вниз, увлекая за собой люстру, кусок штукатурки длиной в пять футов, электрические провода, болты и сгнившее дерево. Звук удара был поистине впечатляющим, осколки разбитого хрусталя брызнули во все стороны. Натали подумала о взрывчатке и кольте, валявшихся внизу, но они уже наверняка были похоронены под обломками.

«А где же полиция? Соседи?» И тут она вспомнила, что и в предыдущие вечера большинство домов на этой улице стояли с темными окнами, — вероятно, их хозяева отсутствовали или были весьма преклонного возраста. Ее вторжение казалось ей достаточно громким и вызывающим, но вполне возможно, что никто не обратил внимания на чужую машину и шум. К тому же высокая ограда и густая тропическая растительность скрывали из виду двор и заглушали или искажали звуки выстрелов. А может, соседи просто решили ни во что не вмешиваться. Натали посмотрела на свои залитые кровью часы. Прошло почти три минуты с тех пор, как она вошла в дом.

Калли вылез на площадку и устремил на девушку свой безумный взгляд. Беззвучно всхлипнув, она подняла стул и трижды огрела великана по голове. Одна из ножек, переломившись, отлетела к стене, а Калли, пересчитывая ступеньки, съехал вниз.

Натали с ужасом смотрела, как его залитое кровью лицо снова приподнялось, руки и ноги дернулись и он, повинуясь приказу старухи, опять пополз вверх по лестнице.

Тогда она закричала и изо всех сил ударила стулом по тяжелой двери. После четвертого удара стул рассыпался в ее руках.

Дверь распахнулась. Она не была заперта. Серый утренний свет почти не проникал в спальню сквозь плотно закрытые шторы и жалюзи. Перед кроватью выстроились сестра Олдсмит, доктор Хартман и Нэнси Варден, мать Джастина. Все трое были в грязных белых

халатах и с одинаковым выражением обреченности и безразличия на бледных лицах. Такое выражение Натали видела только в документальных фильмах о концлагерных узниках, которые точно так же смотрели на армию освободителей через колючую проволоку.

За этой последней оборонительной линией стояла огромная кровать со своей обитательницей. Сквозь тонкую кружевную ткань Натали отчетливо различала сморщенное, перекошенное лицо с одним открытым глазом, лоб, покрытый старческими пятнами и оттененный редкими голубыми волосами, высохшую правую руку на одеяле. Старуха слабо ерзала на постели, как морское существо, с которого содрали кожу и выкинули из родной среды обитания.

Натали быстро огляделась. За дверью в коридоре никого не было, справа от нее находился туалетный столик с разложенными на пожелтевшей салфетке гребнями и щетками для волос. Слева стояла гора немытых подносов с чашками и грязными тарелками. В раскрытом шкафу валялись испачканное белье и одежда, здесь же лежали медицинские инструменты, а на двухколесных каталках высились четыре кислородных баллона. Краны на двух из них были отвинчены, и оттуда в пластиковую маску старухи поступал кислород. Запах в комнате стоял невыносимый, — видно, ее никогда не проветривали. Услышав слева какой-то шорох, Натали вздрогнула. Две огромные крысы шмыгали по тарелкам и грязному белью, не обращая внимания на людей, будто их здесь и не было. Натали подумала, что это не так уж далеко от истины.

Три амбулаторных трупа синхронно разлепили губы.

— Уходи, — произнесли они недовольными капризными голосами. — Я больше не хочу играть.

Искаженное лицо старухи задвигалось, когда беззубый рот начал издавать мокрые чавкающие звуки.

Три пешки одновременно подняли правую руку, и в зеленоватом сиянии экрана осциллографа блеснули короткие лезвия скальпелей. «Всего трое?» — подумала Натали. Она чувствовала, что их должно быть больше, но усталость, страх и боль мешали ей думать. Сейчас нужно сосредоточиться и сказать что-то важное, хотя она еще не знала, что именно. Может, попробовать объяснить этим зомби и лежащему за их спинами чудовищу, что ее отец был хорошим человеком, очень нужным людям и ей, Натали, и его нельзя было вот так запросто вычеркнуть из жизни, как эпизодический персонаж в плохом фильме? Любой человек, все люди заслуживают уважения. Что-то в этом духе.

Но тут пешка, бывшая когда-то хирургом, засеменила навстречу Натали, а за ним двинулись и обе женщины. Девушка метнулась влево, открыла кран кислородного баллона и изо всех сил швырнула его в доктора Хартмана. Однако промахнулась — баллон оказался невероятно тяжелым. Он с грохотом упал на пол, сбил с ног Нэнси Варден и покатился под кровать, распространяя по комнате запах кислорода.

Хартман резко замахнулся скальпелем, Натали отскочила, однако недостаточно быстро. Она толкнула тележку с пустым баллоном, так что тот оказался между ней и доктором, и с удивлением увидела, что тонкий разрез на ее блузке окрашивается кровью.

В комнату на локтях вполз Калли.

Натали почувствовала, что ее ярость достигла предела. Они с Солом зашли уже слишком далеко, чтобы останавливаться. Возможно, Сол и оценил бы парадоксальность всего происходящего, но Натали не любила парадоксов. Невероятным усилием она оторвала от пола семидесятифунтовый кислородный баллон и швырнула его прямо в лицо доктору Хартману. Когда баллон вместе с телом доктора рухнул на пол, пусковой клапан отскочил сам по себе.

Но к Натали уже ползла Нэнси Варден и бежала сестра Олдсмит с зажатым в поднятой руке скальпелем. Натали набросила желтую от мочи простыню на голову сестре и вильнула вправо. Та, потеряв ориентацию, врезалась в шкаф, однако уже через секунду лезвие скальпеля распороло тонкую ткань.

Натали схватила наволочку, но тут Нэнси Варден удалось поймать девушку за щиколотку. Тяжело рухнув на вытертый ковер, Натали попыталась свободной ногой отбиться от женщины. Та выронила скальпель, но продолжала крепко держать Натали, вероятно намереваясь затащить ее вместе с собой под кровать.

На расстоянии три фута от них полз Калли. От полученных ранений стенки брюшины у него просели, и кишки волочились следом. Сестра Олдсмит тем временем справилась с остатками простыни и развернулась, как ржавая марионетка.

— Прекрати! — изо всех сил закричала Натали, судорожным движением вытаскивая из кармана упаковку спичек.

Пока Нэнси Варден продолжала подтягивать ее к кровати, она попробовала поджечь наволочку. Но ткань гореть не хотела, спичка погасла. И тут Натали почувствовала, что дрожащие пальцы Калли вцепились ей в волосы. Она зажгла вторую спичку, дала

огню разгореться, прикрывая его ладонью, и поднесла к наволочке, обжигая руку.

Наволочка наконец загорелась. Натали локтем отшвырнула ее под кровать. Кружевные занавески, белье и деревянная основа кровати, пропитавшиеся кислородом снизу, вспыхнули, и пламя стало стремительно распространяться по комнате.

Пытаясь задержать дыхание, Натали освободилась от хватки женщины, на которой загорелась одежда, и вскочила на ноги. Но Калли уже стоял в дверном проеме, как полувыпотрошенный труп, поднявшийся с патологоанатомического стола в разгар вскрытия.

Натали оглянулась и увидела извивающееся и мечущееся в синих клубах пламени тело старухи. Оно будто состояло из одних суставов и ежесекундно меняло свою форму. И тут с кровати донесся истошный крик, который мгновенно был подхвачен сестрой Олдсмит, Нэнси Варден, Калли, доктором Хартманом и самой Натали.

Девушка бросилась к двери, невероятным усилием оттолкнула Калли и выскочила из комнаты в тот момент, когда взорвался второй баллон с кислородом. Через секунду весь дом заполнился запахом горелой плоти. Калли принял на себя главную силу взрыва и, вылетев из спальни, горящим комом перевалился через перила.

Натали лежала ничком на лестнице. Она ощущала спиной жар, идущий от потолочных перекрытий, видела отблески пламени, отражавшиеся в целой горе хрустальных осколков внизу, но не могла сдвинуться с места.

Она сделала все, что могла.

Когда чьи-то сильные руки подхватили ее, она пыталась сопротивляться, но попытки выглядели слабыми и беспомощными.

— Спокойно, Натали. Мне еще нужно захватить Марвина.

— Джексон!

Медик тащил ее, обхватив левой рукой, а правой волочил за ворот рубашки бывшего главаря банды. Помраченное сознание то рисовало Натали зеркальную комнату с выбитой стеной, то ей казалось, что ее несут через сад и по темному тоннелю гаража. «Фольксваген» дожидался их в переулке. Джексон осторожно положил Натали на заднее сиденье, а Марвина опустил на пол.

— О господи, ну и денек, — пробормотал он, присаживаясь рядом и вытирая влажной салфеткой кровь и сажу с лица девушки.

Натали облизнула потрескавшиеся губы.

— Дай мне посмотреть, — прошептала она.

Джексон взял ее под мышки и помог приподняться. Весь дом Фуллер был объят пламенем, огонь уже перекинулся на соседний дом Ходжесов. В просветах между домами Натали различила красные пожарные машины, перегородившие улицу. Мощные струи воды из двух брандспойтов безрезультатно поливали разбушевавшийся огонь, остальные были направлены на деревья и крыши соседних строений.

Натали повернула голову и увидела Сола. Он сидел и, близоруко щурясь, тоже глядел на огонь. Улыбнувшись ей, он слабо покачал головой и снова закрыл глаза.

Джексон укутал Натали одеялом, затем захлопнул дверцы и забрался на водительское место.

— Господа туристы, если вы не возражаете, то нам лучше убраться отсюда, пока полиция или пожарные не обнаружили нас в этом переулке, — сказал он, заводя мотор.

Навстречу им продолжали мчаться машины полиции и «скорой помощи», спешившие к месту пожара. Джексон выехал на пятьдесят второе шоссе, обогнул главный аэропорт и двинулся на северо-запад, прочь из города.

Натали поняла, что, едва она закрывает глаза, перед ее взором возникают картины, которые ей вовсе не хочется видеть.

— Как Сол? — спросила она дрожащим голосом.

— Отличный парень, — ответил Джексон, не отрывая взгляда от дороги. — Он проснулся как раз вовремя и сообщил мне, что ты собираешься натворить.

Она сменила тему разговора:

— А как Марвин?

— Дышит. Об остальном позаботимся позже.

— Зубатка мертв, — сказала Натали, с трудом контролируя свой голос.

— Знаю, — вздохнул Джексон. — Слушай, малышка, через несколько миль после Лэдсона будет стоянка. Не возражаешь, если мы заедем туда и я приведу тебя в порядок? Наложу повязки на колотые раны, смажу ожоги и порезы. Наконец, сделаю укол, чтобы ты поспала.

Натали согласно кивнула.

— Ты знаешь, что у тебя огромная шишка на лбу и полностью отсутствуют брови? — Он поглядел на нее в зеркальце заднего вида.

Она молча покачала головой.

— Хочешь рассказать мне, что там произошло? — мягко спросил Джексон.

— Нет! — воскликнула Натали, понимая, что сейчас разрыдается.

— Ну, хорошо. — Джексон начал что-то тихо насвистывать. — Черт, больше всего я хочу выбраться из этого поганого города и вернуться в Филадельфию, но что-то это превращается в бегство Наполеона из сожженной Москвы. Пусть только кто-нибудь попробует сунуться к нам, пока мы не добрались до израильского посольства, и он сильно пожалеет об этом. — Он помахал инкрустированным револьвером тридцать восьмого калибра и быстро засунул его обратно под сиденье.

— Где ты это взял? — спросила Натали, утирая слезы.

— Купил у Дэрила, — ответил Джексон. — Не только ты одна рвешься финансировать революцию, детка.

Натали устало закрыла глаза. Кошмарные видения мелькали как в калейдоскопе, но желания кричать больше не было. Она поняла, по крайней мере в этот момент, что не один Сол Ласки отказал себе в праве видеть те сны, которые ему снятся.

— А вот и указатель стоянки, — донесся уверенный, глубокий голос Джексона.

Глава 77

Беверли-Хиллз
Суббота, 20 июня 1981 г.

Тони Хэрод поздравлял себя с тем, что ему удалось выжить.

После ничем не спровоцированного нападения на него черной красотки на острове он решил, что, вероятно, удача изменила ему. У него ушло полчаса на то, чтобы разогнуться, а остаток этой безумной ночи он провел, бегая от охранников, которые уже палили из автоматов во все движущиеся объекты. Хэрод направился к взлетному полю, надеясь, что сможет улететь на самолете Саттера или Вилли, но ему хватило одного взгляда на полыхавший там огонь, чтобы поскорее убраться обратно в лес.

Несколько часов он прятался под кроватью в одном из бунгало летнего лагеря неподалеку от амфитеатра. Раз туда забрела группа пьяных охранников, они обшарили кухню и главные помещения в поисках спиртного и ценностей, разыграли три банка в покер и от-

правились обратно искать свое подразделение. Именно из их возбужденной болтовни Хэрод узнал, что Барент находился на борту «Антуанетты», когда яхта взлетела на воздух.

Перед рассветом Тони выбрался из бунгало и направился к пристани. У причала стояли четыре катера, и ему удалось без ключа завести один из них — быстроходный, длиной двенадцать футов, — пользуясь навыками, к которым он не прибегал со времен своей бурной юности в Чикаго. Пьяный охранник, спавший под деревом, дважды выстрелил в Хэрода, но тот уже на полмили углубился в океан. Других признаков преследования он не заметил.

Хэрод знал, что остров Долманн находится всего в двадцати милях от берега, и решил, что даже со своими ограниченными навигационными навыками не промахнется мимо берега Северной Америки, если будет держать курс на запад.

День был облачным, но водная гладь была спокойной, словно компенсируя ночную грозу и сопутствовавшее ей безумие. Найдя веревку, Хэрод закрепил руль, натянул над кормой брезент и заснул. Проснулся он в двух милях от берега и обнаружил, что кончилось горючее. Первые восемнадцать миль его путешествия заняли полтора часа, тогда как две последние — восемь, и, вероятно, ему никогда бы не удалось добраться до берега, если бы не заметившее его рыболовное судно, взявшее катер на буксир. Рыбаки из Джорджии дали Тони воды и еду, крем от загара и немного топлива. Он проследовал за ними между островами и заросшими лесом мысами, выглядевшими, вероятно, так же, как и три века назад, пока наконец не пристал к берегу в маленькой бухточке возле провинциального городка Санта-Мария.

Хэрод выдал себя за новичка в морском деле, который нанял катер возле мыса Хилтон и заблудился. Местные не понимали, как можно быть таким идиотом, но в случае Хэрода готовы были поверить. Он сделал все, что мог, для укрепления дружеских отношений, сводил своих спасителей, владельцев судна и еще пятерых зевак в ближайший бар — сомнительно выглядевшее заведение на повороте к Национальному парку Санта-Мария и истратил на них двести восемьдесят долларов.

Добрые веселые парни все еще пили за его здоровье, когда он убедил дочь владельца бара по имени Стар отвезти его в Джексонвилл. Они добрались до места в половине восьмого вечера, и, хотя оставался еще целый час летнего светового времени, Стар решила, что возвращаться в Санта-Марию слишком поздно. Она начала

влух размышлять, не снять ли номер в мотеле в Джексонвилл-Бич или Понтеведре. Стар было около сорока, и формы она имела самые невероятные. Тони вручил ей пятьдесят долларов, сказал, чтобы она заезжала, когда в следующий раз будет в Голливуде, и попросил высадить его у отеля.

У Хэрода в бумажнике оставалось почти четыре тысячи долларов — он не любил путешествовать без карманной наличности, и никто ему не сказал, что на острове будет нечего покупать, — но, заказывая билет первого класса до Лос-Анджелеса, он воспользовался одной из своих кредитных карточек.

Во время краткого стыковочного перелета до Атланты он дремал, зато в течение более длинного, до Лос-Анджелеса, Тони понял, что стюардессы, приносившие ему обед и напитки, явно сочли, что он забрел не в свой салон. Он осмотрел себя, принюхался и понял, почему они могли прийти к такому выводу.

На его светло-коричневый пиджак от Армани попало совсем немного пятен чьей-то крови, пролитой накануне ночью, но зато он пропах дымом, моторным маслом и рыбой. Его черная шелковая рубашка вся пропиталась потом, а летние хлопчатобумажные брюки от Джорджио и мокасины из крокодиловой кожи были погублены окончательно.

И все же Хэрод не мог смириться с тем, что какая-то стюардесса ведет себя с ним подобным образом. Он ведь оплатил обслуживание первого класса, а Тони привык всегда получать то, что оплачивал! Он бросил взгляд на туалетную комнату — она была пуста. Бóльшая часть пассажиров уже дремали или читали.

Хэрод поймал высокомерный взгляд белокурой стюардессы.

— Мисс? — обратился он к ней.

Когда она подошла ближе, он до мельчайших подробностей разглядел ее крашеные волосы, слой косметики на лице и слегка смазанную тушь. Ее белые зубы были испачканы розовой помадой.

— Да, сэр? — В ее голосе явно звучала снисходительность.

Хэрод посмотрел на нее еще несколько секунд.

— Нет, ничего, — сказал он наконец. — Все в порядке.

Он прибыл в Лос-Анджелес рано утром в среду, но ему потребовалось еще три дня, чтобы добраться до дому.

Став вдруг не в меру осторожным, он нанял машину и поехал на пляж Лагуна, где у Тари Истен имелся загородный дом. Тони несколько раз ночевал там в перерывах между ее любовниками. Он

знал, что Тари сейчас в Италии на съемках какого-то феминистского фильма, но ключ был по-прежнему на месте — в третьем горшке с рододендронами.

Воздух в доме был застоявшимся, и его пришлось как следует проветрить, зато в холодильнике имелся дорогой импортный эль, а кровать с водяным матрасом была застелена свежими шелковыми простынями. Бóльшую часть дня Хэрод проспал, вечером посмотрел старые кассеты Тари по видео и около полуночи отправился на побережье в китайский ресторан. В четверг он надел темные очки и огромную широкополую шляпу из банановой республики, принадлежавшую одному из дружков Тари, и поехал в город поглядеть на свой дом. Казалось, все было в порядке, и все же вечером он снова вернулся в Лагуну.

В четверг газеты на шестой полосе опубликовали небольшую заметку о внезапной смерти таинственного миллионера К. Арнольда Барента, скончавшегося от сердечного приступа в своем поместье в Палм-Спрингс. Тело было кремировано, и европейская ветвь его семейства заказала мемориальную службу. Четверо ныне здравствующих американских президентов выразили свои соболезнования по этому поводу. Далее в заметке бегло перечислялись заслуги Барента в его многолетней благотворительной деятельности и обсуждалось будущее его акционерной империи.

Хэрод покачал головой. Ни слова о яхте, об острове, о Джозефе Кеплере, о преподобном Джимми Уэйне Саттере... Он не сомневался, что их некрологи появятся в ближайшие дни. Кто-то явно пытался замести следы. Огорченные политиканы? Многолетние приспешники этого трио? Какой-нибудь европейский филиал Клуба Островитян? На самом деле Хэроду вовсе не хотелось ничего знать до тех пор, пока это не касалось лично его.

В пятницу он самым тщательным образом осмотрел собственный дом — настолько внимательно, насколько это можно было сделать, не прибегая к помощи полиции. Все вроде бы выглядело нормально, и Хэрод расслабился. Впервые за несколько лет он вдруг почувствовал, что может действовать, не опасаясь обрушить себе на голову массу проблем в случае неверного шага.

В субботу утром, в самом начале десятого, Тони подъехал к своему дому, кивнул сатиру, чмокнул в щечку испанскую горничную и сказал кухарке, что она может взять выходной сразу после того, как приготовит ему завтрак. Затем он позвонил домой директору студии и режиссеру Шу Уильямсу, выяснить, как идут дела с «Тор-

говцем рабынями». Фильм находился на последних стадиях монтажа, из него вырезали двенадцать минут, когда публика на предварительном просмотре начала откровенно скучать. Хэрод сделал еще семь-восемь звонков, поставив своих абонентов в известность, что он вернулся и работает, а после связался со своим адвокатом Томом Макгайром. Тони подтвердил, что намерен переехать в дом Вилли Бордена, сохранив прежнюю службу безопасности. Еще он поинтересовался, не знает ли Том хороших секретарей. Макгайр не мог поверить, что после стольких лет Хэрод решился уволить Марию Чэнь.

— Знаешь, даже сообразительные красотки становятся со временем слишком навязчивыми, — пояснил Хэрод. — Пришлось ее уволить, пока она не начала штопать мои носки и вышивать свои инициалы на моих трусах.

— И куда же она отправилась? — спросил Макгайр. — Обратно в Гонконг?

— Откуда мне знать, да и какое мне дело! — оборвал его Хэрод. — Сообщи, если услышишь о ком-нибудь с хорошими мозгами и навыками стенографии.

Он повесил трубку, несколько минут задумчиво посидел в полной тишине и отправился в джакузи.

Лежа под горячими струями воды, Хэрод чуть было не задремал. Ему казалось, что он слышит на изразцовых плитках шаги Марии Чэнь, идущей к нему с утренней почтой. Он сел, вынул сигарету из пачки, валявшейся рядом с высоким фужером с водкой, закурил и почувствовал приятную расслабленность. «Не так уж плохо, когда можно позволить себе думать о другом», — решил он про себя.

Хэрод снова почти уснул, сигарета догорала уже у самых пальцев, когда из холла вдруг донесся четкий стук каблуков.

Он резко открыл глаза, поднял руки и приготовился встать, если возникнет необходимость. Его оранжевый халат висел в шести футах от него.

В первое мгновение Тони не узнал привлекательную молодую девушку в простом белом платье, но, вглядевшись в глаза нимфетки на миссионерском личике, пухлую нижнюю губу и походку фотомодели, воскликнул:

— Шейла! Черт побери, как ты меня напугала!

— Я принесла вашу почту, — без всякого выражения сказала Шейла Баррингтон. — Не знала, что вы тоже выписываете «Нейшнл географик».

— Господи, малышка, а я как раз собирался позвонить тебе, — торопливо забормотал Хэрод. — Объясниться и попросить прощения за тот неприятный эпизод прошлой зимой.

Продолжая ощущать неловкость, Хэрод невольно подумал: не Использовать ли ее? Но это означало бы начать все заново. Нет, некоторое время ему придется обойтись без этого.

— Все в порядке, — ответила Шейла.

Ее голос всегда был тихим и мечтательным, но сейчас она говорила и вовсе как сомнамбула. Может, эта бедная мормонка открыла для себя наркотики в течение долгого периода вынужденной безработицы?

— Я больше не сержусь, — с отсутствующим видом добавила Шейла. — Господь помог мне это пережить.

— Ну и отлично. — Он стряхнул пепел со своей груди. — Ты была абсолютно права — «Торговец рабынями» не для тебя. Твой класс неизмеримо выше этого дерьма, но я разговаривал сегодня утром с Шу Уильямсом — он запускает проект для «Ориона», мы с тобой идеально подходим. Шу говорит, что Боб Редфорд и еще какой-то парень по имени Том Круз согласились переснять старый...

— Вот ваша почта, — перебила его Шейла, протягивая журнал и стопку писем.

Хэрод сунул в рот сигарету, поднял руку и замер. Серебристый пистолетик, вдруг появившийся в руке Шейлы, был таким крошечным, что показался ему игрушкой, и у пяти произведенных им выстрелов звук тоже был абсолютно игрушечным.

— Эй! — воскликнул он, глядя на пять маленьких отверстий в своей груди и пытаясь смыть их водой. Затем посмотрел на Шейлу Баррингтон, рот у него открылся, выпавшая сигарета завертелась в потоках воды. — О черт, — прошептал продюсер и стал медленно сползать вниз. Горячая вода поглотила сначала его тело, затем лицо.

Шейла Баррингтон с безучастным видом смотрела, как бурлящая поверхность окрасилась в розовый цвет, потом постепенно стала очищаться вследствие поступления свежих потоков и работы фильтров. Круто повернувшись на высоких каблуках, девушка неторопливой походкой прошла в холл, предварительно погасив везде свет. В закрытом шторами помещении стало темно, и лишь случайные солнечные блики, отражаясь от водной глади бассейна, отбрасывали на белую стену замысловатые тени. Будто фильм уже закончился, но проектор еще работал, высвечивая странные узоры на пустом экране.

Глава 78

Кесария, Израиль
Воскресенье, 13 декабря 1981 г.

Натали Престон ехала на своем «фиате» к северу по дороге на Хайфу, то и дело останавливаясь, чтобы насладиться прекрасными пейзажами и зимним солнцем. Она не знала, доведется ли ей еще когда-нибудь побывать здесь.

Прежде чем повернуть к кибуцу Мааган-Михаэль, ей пришлось задержаться из-за колонн с военной техникой, но когда она наконец добралась до подножия холма с разбросанными тут и там рожковыми деревьями, военных машин вокруг уже не было.

Как всегда, Сол ожидал ее у нижних ворот и открыл их, чтобы впустить «фиат». Натали выскочила из машины, крепко обняла его, затем отступила на шаг и принялась рассматривать.

— Ты замечательно выглядишь! — воскликнула она, и это почти соответствовало истине.

Солу так и не удалось набрать потерянного веса, левая рука и запястье по-прежнему были перебинтованы после недавних операций, но борода его отросла, хоть и стала совсем седой, как у пророка. Темный загар сменил долго державшуюся бледность, а волосы уже доставали до плеч.

Он улыбнулся и знакомым жестом поправил очки в роговой оправе. Натали знала — Сол всегда так делает, когда смущается.

— Ты тоже замечательно выглядишь, — ответил он и махнул рукой молодому сабре, который наблюдал за ними со своего поста. — Пойдем в дом. Обед почти готов.

Пока они ехали по подъездной дорожке к дому, Натали бросила взгляд на перебинтованную руку Сола:

— Как прошла операция?

— Что? — рассеянно переспросил он. — А, прекрасно. — Сол посмотрел на свои бинты так, будто видел их впервые. — Большой палец спасти не удалось, но, оказывается, без него можно прекрасно обойтись. — Он улыбнулся. — По крайней мере, пока другой на месте.

— Странно, — промолвила Натали.

— Что именно?

— Два пулевых ранения, пневмония, сотрясение мозга, три сломанных ребра, а порезов и ссадин столько, что хватило бы на целую футбольную команду...

— Еврея трудно убить.

— Нет, я имела в виду другое... — Натали припарковала «фиат» под навесом. — Столько серьезных ранений, а в могилу тебя чуть не свел укус женщины. Ведь из-за него ты едва не лишился руки.

— Укусы человека весьма опасны, это давно известно, — усмехнулся он, открывая для нее дверцу машины.

— Но эта мисс Сьюэлл... она не была человеком.

— Конечно, — согласился он, снова поправляя очки. — Думаю, к тому времени уже не была.

Сол приготовил восхитительную трапезу с бараниной и свежевыпеченным хлебом. За столом они болтали о самых разных вещах — курсах лекций Сола в университете в Хайфе, последнем договоре Натали с «Джерусалем пост» на фоторепортаж, о своих коллегах и погоде. После фруктового десерта и сыра Натали захотела еще раз побывать на акведуке, и Сол пошел наливать кофе в стальной термос, а она отправилась в свою комнату за толстым свитером. Декабрьские вечера на побережье были прохладными.

Они медленно спустились с холма и миновали апельсиновую рощу, беседуя о насыщенных красках вечернего света и стараясь не обращать внимания на двух молодых израильтян, которые следовали за ними на почтительном расстоянии с перекинутыми через плечо «узи».

— Я очень сожалею о смерти Давида, — грустно сказала Натали, когда они добрались до песчаных дюн; Средиземное море окрасилось в медные цвета.

Сол пожал плечами:

— Он прожил насыщенную жизнь.

— Я так хотела попасть на его похороны, — продолжала Натали. — Целый день пыталась вылететь из Афин, но все рейсы были отложены.

— Считай, что ты присутствовала на них... Я все время думал о тебе. — Он махнул рукой телохранителям, чтобы они оставались на месте, и первым ступил на акведук.

На покрытых извилистыми линиями дюнах их тени от горизонтально падавшего света казались просто гигантскими. Добравшись до середины пролета, они остановились, и Натали обхватила плечи руками, когда подул резкий ветер. На небе появились три звездочки и узкий серп молодого месяца.

— Ты все-таки улетаешь завтра? — тихо спросил он. — Возвращаешься обратно?

— Да. — Натали кивнула. — Рейс одиннадцать тридцать из «Бен-Гуриона».

— Я провожу тебя, — сказал Сол. — Оставлю машину у Шейлы и попрошу, чтобы она или кто-нибудь из ее ребят подвез меня обратно.

— Очень хорошо, — улыбнулась Натали.

Сол открыл термос и протянул ей пластиковую чашку, наполненную горячим ароматным кофе.

— Ты не боишься? — спросил он.

— Возвращения в Америку или того, что могут еще встретиться такие?

— Самого возвращения, — пояснил Сол.

— Боюсь, — честно призналась она.

По прибрежной дороге двигалось несколько машин, свет от их фар терялся в зареве заходящего солнца. К северу поблескивали руины города крестоносцев. Гора Кармель вдали была окутана дымкой такого насыщенного фиолетового цвета, что Натали сочла бы его ненастоящим, если бы увидела на фотографии.

— То есть я не знаю, — продолжила девушка. — Но все равно попробую. Ведь Америка моя родина... Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Да.

— А ты сам не думал о том, чтобы вернуться?

Сол опустился на большой камень, в расщелинах которого виднелась изморозь, — ее так и не растопило дневное солнце.

— Постоянно думаю об этом, — кивнул он. — Но здесь столько дел.

— Я до сих пор удивляюсь, как быстро Моссад... поверил всему, — сказала Натали.

Сол улыбнулся:

— У нашего народа длинная и сложная история, связанная с опасностями и предрассудками. Полагаю, мы прекрасно поспособствовали этому. — Он допил кофе и налил себе еще. — К тому же у них была масса разведывательных данных, с которыми они просто не знали, что делать. Теперь у них есть система... странная, конечно, но это все же лучше, чем ничего.

Натали указала рукой на темневшее на севере море:

— Как ты думаешь, они выяснят... когда-нибудь?

— Таинственные связи оберста? — спросил Сол. — Может быть. Я подозреваю, что им уже известны эти люди.

Глаза Натали подернулись печалью.

— Я все думаю об этом человеке... в доме Мелани. Его ведь там не было...

— О Говарде? Рыжеволосый, отец Джастина.

— Да. — Натали вздрогнула, когда солнце коснулось линии горизонта; ветер усилился.

— Зубатка же передал вам по радиосвязи, что он уложил Говарда отдохнуть. Если именно он преследовал тебя. Когда Мелани послала кого-то — скорее всего, великана — прикончить Зубатку, он, вероятно, забрал и Говарда. Возможно, тот все еще был без сознания, когда в доме начался пожар.

— Может быть. — Натали обхватила ладонями чашку, пытаясь таким образом согреть руки. — Или Мелани где-то его похоронила, решив, что он умер. Это объясняет несовпадение количества тел, названного в газетах. — Она подняла голову и взглянула на небо, где загорались, мерцая, все новые и новые звезды. — Ты знаешь, что сегодня годовщина? Год со дня...

— Со дня смерти твоего отца, — продолжил Сол, помогая Натали подняться. В сумерках они двинулись обратно. — Ты, кажется, говорила, что получила письмо от Джексона?

Лицо девушки просияло.

— И длинное к тому же. Он вернулся в Джермантаун, стал новым директором общинного дома, но от старой развалины избавился. Братство Кирпичного завода подыскало себе другой клуб, Джексон остался его членом и теперь открыл целую серию настоящих общинных заведений на Джермантаун-стрит. У него там бесплатная клиника и масса других вещей.

— А о Марвине он не упоминал?

— А как же! Он более или менее привел его в норму. Говорит, что есть явные признаки выздоровления. Теперь Марвин находится на уровне развития четырехлетнего ребенка... но талантливого ребенка, как пишет Джексон.

— Ты собираешься съездить к нему?

— Наверное.

Они осторожно спустились и посмотрели назад, туда, откуда пришли. Лишившись красок, дюны стали напоминать застывшие морские волны, омывающие римские развалины.

— Ты будешь подписывать какие-нибудь договоры перед возвращением в школу?

— Да. В «Джерусалем пост» заказали материал об упадке крупных американских синагог, и я думаю, что начну с Филадельфии.

Сол махнул рукой телохранителям, которые дожидались их под сводами колонн. Один из них закурил сигарету, и она загорелась красным глазом в сгущавшейся тьме.

— Фоторепортаж, который ты сделала о рабочих арабах в Тель-Авиве, был превосходен, — заметил Сол.

— Ну, надо же смотреть правде в лицо, — немного надменно ответила Натали. — С ними обращаются как с израильскими неграми.

Они остановились на дороге у подножия холма и несколько минут стояли молча. Несмотря на холод, им почему-то не хотелось возвращаться в освещенный дом, где их ожидали тепло, возможность вести непринужденную беседу и спокойный сон.

— О Сол! — вздохнула вдруг Натали и прижалась к его груди, чувствуя, как его борода щекочет ее щеку.

Он неуклюже похлопал ее по спине забинтованной рукой. Как бы он хотел, чтобы это мгновение длилось вечно, даже несмотря на то, что оно было окрашено печалью. Позади тихонько шуршал песок в своем постоянном стремлении засыпать все сотворенное человеком.

Натали слегка отстранилась, вытащила из кармана салфетку и вытерла нос.

— Черт побери, — пробормотала она сквозь слезы. — Прости, Сол. Думаю, я хотела сказать «шалом», но, похоже, у меня не получается.

Он поправил очки:

— Запомни, шалом не означает ни «до свидания», ни «здравствуй». Шалом — это мир.

— Шалом, — прошептала Натали и вновь укрылась в его объятиях от холодного ветра.

Эпилог

21 октября 1988 г.

Прошло много времени. Я здесь счастлива. Теперь я живу на юге Франции, между Каннами и Тулоном, но, к счастью, не слишком близко от Сен-Тропе.

Я почти полностью оправилась после болезни и могу уже передвигаться самостоятельно, но выхожу я редко. Необходимые покупки делают Анри и Клод. Иногда я позволяю им вывезти себя в Италию, к югу от Пескары, а иногда даже в Шотландию, чтобы посмотреть на него, но и эти поездки становятся все реже.

В холмах за моим домом раскинулось брошенное аббатство, до него рукой подать, и я часто прихожу туда посидеть среди развалин и диких цветов. Я думаю об одиночестве и воздержании, а также о том, насколько одно зависит от другого — самым роковым, жестоким образом.

Только теперь я начала ощущать свой возраст. Конечно, я понимаю, это вызвано моей долгой болезнью и приступами ревматизма, которые мучают меня вот такими же промозглыми октябрьскими вечерами, как нынешний, но чувствую, что на самом деле скучаю по знакомым улицам Чарлстона, по своему старому дому и тем последним дням, которые провела там. Увы, это бесплодные мечты. Туда я никогда больше не вернусь.

Когда в мае я посылала Калли похитить миссис Ходжес, я еще не знала, какое применение найду старухе. Временами мне казалось, что это лишняя трата сил — сохранять ей жизнь в подвале дома Ходжесов, пытаться перекрасить ее волосы в такой же, как у меня, цвет и экспериментировать с различными лекарствами, которые могли бы вызвать у нее симптомы, напоминающие мое заболевание. Но в конце концов усилия оправдали себя. Семейство Ходжесов хорошо послужило мне, и я поняла это, когда дожидалась Говарда во взятой напрокат машине «скорой помощи» в квар-

тале от собственного дома. Большего и желать было нельзя. Учитывая состояние здоровья старухи, может, ее и не стоило привязывать к кровати. Хотя сейчас я не сомневаюсь: не прими мы этих мер предосторожности, она бы спрыгнула со своего погребального костра, бросилась вон из горящего дома и расстроила бы весь тщательно подготовленный сценарий, ради которого я пожертвовала столь многим.

Бедный мой дом. Мое дорогое семейство. У меня до сих пор наворачиваются слезы, когда я вспоминаю о том дне.

Первое время Говард служил мне верой и правдой, но, когда я прочно обосновалась на новом месте и убедилась, что меня никто не преследует, я посчитала: будет гораздо лучше, если с ним произойдет несчастный случай где-нибудь подальше отсюда. Клод и Анри — уроженцы этой местности, происходят из семейства, которое хорошо служило мне много десятилетий.

Я сижу здесь и жду Нину. Уверена, что она захватила контроль над всеми низшими расами — неграми, евреями, азиатами и прочими, и уже одно это не позволит мне вернуться в Америку. О, как же прав был Вилли еще в первые месяцы нашего знакомства, когда мы сидели в венском кафе и вежливо слушали его разглагольствования о том, что Соединенные Штаты стали страной дворняжек, рассадником недочеловеков, которые только и ждут момента, чтобы уничтожить чистые расы.

Теперь над всеми ними властвует Нина.

В ту ночь на острове я довольно долго сохраняла контакт с одним из охранников и видела, что Нинины люди сделали с бедным Вилли. Даже мистер Барент оказался в ее власти!

Но я не собираюсь сидеть здесь сложа руки и ждать, когда Нина и ее дворняжки отыщут меня.

По иронии судьбы эту мысль подсказала мне именно Нина со своей негритянкой. Благополучная развязка истории с капитаном Мэллори напомнила мне о более раннем контакте, практически случайной встрече, происшедшей тем далеким декабрем... В тот самый субботний день, когда я решила, что Вилли убили лишь для того, чтобы натравить на меня Нину, я вспомнила о своем прощальном визите в форт Самтер.

Сначала я увидела скользящее в воде темное акулье тело подводной лодки, а потом у меня возник удивительный контакт с капитаном, стоявшим на серой башне (кажется, это называют рубкой) с биноклем на шее.

С тех пор я выслеживала его шесть раз и разделяла его ощущения. Наш контакт выглядит гораздо мягче, чем те случайные проникновения в мозг Мэллори, которыми мне приходилось довольствоваться в свое время. Рядом с моим домиком близ Абердина можно стоять в одиночестве на прибрежных скалах и наблюдать за тем, как подводная лодка скользит к порту. Они гордятся своими шифрами, ключами и прочими системами безопасности, но я-то знаю то, что давно известно моему капитану: обойти все это будет очень просто. Именно его ночные кошмары стали моим руководством к действию.

Но уж если браться, то это надо делать в ближайшее время. Ни капитан, ни его подводная лодка не становятся моложе. Старею и я. Возможно, вскоре его уже нельзя будет Использовать. Или я стану такой старой, что ничего не смогу.

Нет, я не всегда думаю о грозящей мне опасности со стороны Нины, не всегда строю планы грандиозной Подпитки для себя. Но теперь это случается все чаще и чаще.

Порой я просыпаюсь от звуков голосов, когда мимо моего дома на велосипедах проезжают девушки, направляющиеся на молочную ферму. Утро тогда кажется мне особенно теплым. Я поднимаюсь, завтракаю и иду к развалинам аббатства, сижу на лугу, вдыхаю аромат белых цветов, и больше мне ничего не нужно — лишь сидеть здесь и радоваться тишине и солнцу.

Но в другие дни — холодные и темные, как сегодня, когда с севера наплывают тучи, я вспоминаю безмолвное тело подводной лодки, рассекающей темные воды залива, и думаю: неужели мое добровольное воздержание было напрасным? В эти дни я представляю, как омолодит мой организм такая грандиозная последняя Подпитка. Как говаривал Вилли, предлагая свою очередную выходку: а что я, собственно, теряю?

Похоже, завтра будет теплее, и мое настроение улучшится. А сегодня меня что-то знобит, одолела меланхолия. Я совсем одна, мне не с кем поиграть.

Близится зима. И я очень, очень проголодалась...

Оглавление

Пролог 9

Книга первая. ГАМБИТЫ 15
Книга вторая. МИТТЕЛЬШПИЛЬ 249
Книга третья. ЭНДШПИЛЬ 529

Эпилог 924

Литературно-художественное издание

ДЭН СИММОНС

ТЕМНАЯ ИГРА СМЕРТИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Антиповой
Корректор Ирина Киселева

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05 02 2018 Формат издания 60 × 90 $^{1}/_{16}$
Печать офсетная Тираж 4000 экз Усл печ л 58 Заказ № 2312/18

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29 12 2010 г)

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г Москва, ул Павловская, д 7, эт 2, пом III, ком № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г Санкт-Петербург, Воскресенская наб , д 12, лит А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г Киев, Московский пр , д 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www pareto-print ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ

В Москве ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail sales@atticus-group ru, info@azbooka-m ru

В Санкт-Петербурге Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел (812) 327-04-55, факс (812) 327-01-60 E-mail trade@azbooka spb ru

В Киеве ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел /факс (044) 490-99-01 E-mail sale@machaon kiev ua

Информация о новинках и планах на сайтах www azbooka ru, www atticus-group ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу www azbooka ru/new_authors/

Y-ABB-17298-01-R

·thebigbook·

Если какой автор и вызывает у меня
восторженную оторопь, так это Дэн Симмонс.
Стивен Кинг

Дэн Симмонс возвышается над современными писателями
подобно гиганту.
Линкольн Чайлд

Важнейшее в современной литературе переосмысление
самой концепции вампиризма — того же масштаба
и радикальности, что «Я — легенда» Ричарда Матесона,
или «Вторжение похитителей тел» Джека Финнея,
или «Жребий Салема» Стивена Кинга.
Дэвид Моррелл

Эпического масштаба полотно — и притом
тревожное на самом глубоком, самом личном уровне.
Симмонс не просто переписывает историю,
он покушается на саму ткань реальности.
«Темная игра смерти» не оставит от вашего привычного
мировоззрения камня на камне; это современная
классика в полном смысле слова.
Гильермо дель Торо

©shutterstock.com/Carlos Caetano/Anastasios Kandris
©istockphoto.com/quavondo

ISBN 978-5-389-09279-2 01
9 785389 092792
www.azbooka.ru